

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

Лихий ДОН

ДИНАМИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ
РУКОПИСИ

МОСКВА 2011

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). №№ проектов 05-04-04265а, 11-04-16183д

Рецензенты:

кандидат филологических наук Е.В. Антонова
кандидат филологических наук Е.А. Роженева

Редакционная коллегия:

Г.Н. Воронцова (ответственный редактор), чл.-корр. РАН Н.В. Корниенко,
А.М. Ушаков

Подготовка текста:

О.Я. Алексеевой, О.В. Быстровой, Н.П. Великановой, Г.А. Грихановой,
И.П. Казаковой, Е.А. Тюриной.

**МИХАИЛ ШОЛОХОВ. «ТИХИЙ ДОН». ДИНАМИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ РУКОПИСИ**

М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 879 с.; иллюстр.

Значение автографа, как в филологическом, так и в историко-культурном планах переоценить невозможно. Особенно, если речь идет о рукописи произведения, причисленного к ряду художественных шедевров, овеянных легендами, тайнами, загадками, над решением которых бьется не одно поколение исследователей. К таковым, без сомнения, должна быть отнесена рукопись романа Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон», давно и прочно вступившего в Большое время мировой литературы. Данное научное издание ставит своей целью знакомство читателей и исследователей с автографами и авторизованными списками двух первых книг произведения. Оно предназначено для филологов и всех, кто интересуется творчеством Михаила Шолохова и историей русской литературы XX века.

ISBN 978-5-9208-0393-1

© ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2011

© М.А. Шолохов. Наследники.

Тексты М. Шолохова, 2011

© Коллектив исследователей. Составление,
подготовка текста, описание, статьи, 2011

ОТ РЕДАКТОРА

Значение автографа, как в филологическом, так и в историко-культурном планах переоценить невозможно. Особенно, если речь идет о рукописи произведения, причисленного к ряду художественных шедевров, овеянных легендами, тайнами, загадками, над решением которых бьется не одно поколение исследователей. К таковым, без сомнения, должна быть отнесена рукопись романа Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон», давно и прочно вступившего в Большое время мировой литературы.

Ныне автографы этого одного из самых проникновенных произведений отечественной литературы XX века находятся на хранении в крупнейших архивохранилищах страны: Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской Академии Наук, Российском государственном архиве литературы и искусства, Государственном литературном музее, Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии Наук, куда в 1999 г. поступила рукопись двух первых книг «Тихого Дона».

История обретения государственными архивами рукописного наследия М.А. Шолохова связана как с неожиданными находками, так и целенаправленными многолетними разысканиями, теперь в немалой своей части счастливо завершенными. «Поиск следов шолоховского архива, и в первую очередь — рукописей “Тихого Дона” давно стал одной из главных задач отечественного литературоведения. Ученые Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН вели этот поиск по всем возможным направлениям», — пишет в своей монографии «“Тихий Дон”: судьба и правда великого романа» (М., 2005) Ф.Ф. Кузнецов.

Ко времени окончания Великой Отечественной войны ценнейший архив писателя, хранившийся в Вёшенской, считался полностью утраченным. На протяжении первых военных лет донская станица не раз оказывалась в зоне боевых действий. Шолохов дважды эвакуировал с Дона семью, каждый раз решая не простой в тех условиях вопрос о судьбе собственной библиотеки, которую начал собирать еще отец, рукописей, обширной переписки, других документов. По свидетельству старшей дочери писателя, С.М. Шолоховой, все наиболее ценное при второй эвакуации было передано на хранение начальнику Вёшенского рай-

онного отдела НКВД Н.Н. Лудишеву. Другая часть архива, вместе с библиотекой, оставались в доме¹.

Ситуация, сложившаяся ко времени возвращения Шолохова в Вёшенскую в июне 1944 г., была неутешительна: все, переданное в районный отдел НКВД, пропало при невыясненных обстоятельствах; остававшиеся в доме часть архива и библиотека погибли. Тем не менее, на протяжении 1945–1947 гг. писателю были возвращены чудом уцелевшие 137 разрозненных листов черного автографа и авторизованной машинописи третьей и четвертой книг «Тихого Дона». В марте 1975 г. Шолохов принял решение о передаче их на постоянное хранение в Институт русской литературы (Пушкинский Дом), где они составили основу фонда писателя (№814), который позднее был пополнен еще тремя листами автографа романа.

Рукопись первой и второй книг «Тихого Дона», считавшаяся утраченной, на протяжении многих лет хранилась в семье погибшего во время Великой Отечественной войны писателя В.М. Кудашева², где и была обнаружена журналистом Л.Е. Колодным, многолетним исследователем «московской» темы в жизни и творчестве Шолохова. В 1999 г. шолоховские автографы и авторизованные списки двух первых книг «Тихого Дона» в количестве 445 листов были приобретены Российской Академией Наук у наследницы семьи Кудашевых, О.Ю. Колпаковой, и переданы на хранение в Институт мировой литературы имени А.М. Горького. Этот акт большого общекультурного и историко-литературного значения сделал возможной подготовку научного издания романа в составе первого научного собрания сочинений писателя, работа над которым вот уже в течение нескольких лет ведется в ИМЛИ РАН.

Рукопись впервые была описана в монографиях Л.Е. Колодного (Кто написал «Тихий Дон»: Хроника одного поиска. М., 1995) и Ф.Ф. Кузнецова («Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М., 2005). В 2006 г. вышло в свет ее факсимильное издание. На протяжении 2005–2007 гг. на средства, полученные от РГНФ³, коллективом сотрудников Института мировой литературы была осуществлена научная систематизация рукописи и подготовка ее к печати в виде динамической транскрипции. Данное издание базируется на результатах этой работы и ставит своей целью дальнейшее знакомство читателей и исследователей с автографами и авторизованными списками центрального в творчестве Шолохова произведения.

Поступившая в ИМЛИ РАН рукопись «Тихого Дона» (ОР ИМЛИ: Фонд №143, опись 9) содержит наряду с шолоховскими автографами, что подтвержде-

¹ См.: Запезалов В.Н. Рукописи «Тихого Дона» в Пушкинском Доме // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов. А. Платонов. Л. Леонов. СПб., 1995. С.6.

² О судьбе Кудашева и его отношениях с Шолоховым см.: Колодный Л. Е. Кто написал «Тихий Дон»: Хроника одного поиска. М., 1995; Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М., 2005.

³ Проект «Подготовка к печати рукописи первого и второго томов романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»»; № 05-04-04265а.

но графологической экспертизой документов¹, авторизованные списки частей произведения, выполненные женой писателя Марией Петровной Шолоховой, ее сестрой Анной Петровной Громославской (большинство переписанных ею страниц помечено вензелем, в котором отчетливо читаются заглавные буквы «А» и «Н») и братом Иваном Петровичем Громославским².

В процессе научной систематизации рукописи было выявлено и описано пять комплексов документов:

- автограф двух глав «Тихого Дона», датированный автором осенью 1925 г.;
- черновые и беловой автографы первой части первой книги романа;
- черновой автограф и авторизованный список второй части первой книги;
- черновые автографы, фрагменты беловых автографов и авторизованных списков третьей части первой книги;
- черновой автограф и фрагмент авторизованного списка четвертой части второй книги романа;
- авторизованный список пятой части второй книги (без конца).

При их создании были использованы отдельные листы бумаги размером 22х36 см, заполненные, как правило, с двух сторон, а также разных цветов чернила и тушь, простой и цветные карандаши.

В 2002–2005 гг. рукопись была отреставрирована в Лаборатории микрофильмирования и реставрации документов Федеральных архивов РГАНТД.

Как это следует из проставленных в автографах дат, рукопись двух первых книг «Тихого Дона» создавалась писателем в период с осени 1925 до весны 1928 г. Однако автограф 1925 г. и начало работы над черновиком первой части романа в ноябре 1926 г. разделены довольно большим временным промежутком. В этом случае далеко не риторическим выглядит вопрос о возможной полноте поступившего в ИМЛИ свода рукописных источников произведения. Тем более, что сохранился записанный К.И. Приймай рассказ жены писателя Марии Петровны о том, что Шолохов работал над «Тихим Доном» в 1926 г. уже с весны: «Весной двадцать шестого года <...> Михаил Александрович и говорит мне: “Знаешь, дорогая, рассказы — это лишь разбег, проба сил... А хочется мне написать большую вещь — роман <...> План уже продуман. Надо приступить к работе. Так что поедем домой, Маша... Там будет легче дышать и писать”. И мы вернулись в Каргинскую. Михаил Александрович побывал два-три раза в Базках у Ермакова, а затем мы переехали в станицу Букановскую... Сняли квартиру в доме кузнеца Долгова. За стеной ковали куют, а Миша сидит за столом, первые страницы “Тихого Дона” пишет... Осенью 1926 года мы переехали в Вешки, и там первые книги романа были завершены»³. Если это так, то известные нам черновые автографы, по крайней мере, первой и второй частей произведения могли быть созданы писателем на основе утраченных записей, носивших характер черновых набросков.

¹ Акт экспертизы №1077/010 от 28 июня 1999 г. Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте РФ.

² Сведения об участии А.П. Громославской и И.П. Громославского в создании списков частей произведения получены нами от старшей дочери писателя С.М. Шолоховой.

³ Прийма К.И. С веком наравне. Ростов н/Д., 1981. С. 168–169.

Дополнительный материал для датировки различных частей рукописи дают немногочисленные свидетельства самого Шолохова и его переписка с женой второй половины 1920-х гг. Как рассказывал писатель, работа над «Тихим Доном» началась осенью 1925 г.: «Начал я писать роман в 1925 г. Причем первоначально я не мыслил так широко его развернуть. Привлекала задача показать казачество в революции. Начал я с участия казачества в походе Корнилова на Петроград. Донские казаки были в этом походе в составе третьего конного корпуса... Начал с этого... Написал листов 5–6 печатных. Когда написал, почувствовал: что-то не то... Для читателя остается непонятым — почему казачество приняло участие в подавлении революции? Что это за казаки? Что это за Область Войска Донского? Не выглядит ли она для читателей некоей terra incognita?.. Потому я бросил начатую работу. Стал думать о более широком романе»¹.

4 апреля 1926 г. Михаил Шолохов, к тому времени автор рассказов, опубликованных в московских газетах и журналах и вышедших отдельной книгой², писал из Москвы на Дон жене: «Мне уже не хочется писать о литературных делах, слишком много нового и разных перетасовок <...> Скажу лишь пару слов о наиболее для тебя интересном. С приездом сейчас же сажусь за роман»³. Это первое из известных документальных упоминаний писателя о работе над «Тихим Доном», произведением, которое на долгие пятнадцать лет завладело сознанием автора. Уже тогда роман мыслился Шолоховым достаточно широко. Собирая материал о Вёшенском восстании, которому почти полностью посвящена третья книга «Тихого Дона», он обращался с письмом к Х.В. Ермакову, одному из прототипов главного героя произведения, Григория Мелехова: «Мне необходимо получить от Вас некоторые дополнительные сведения относительно эпохи 1919 г. Надеюсь, что вы не откажете мне в любезности сообщить эти сведения с приездом моим из Москвы. Полагаю быть у Вас в мае–июне с/г. Сведения эти касаются мелочей восстания В<ерхне>-Донского»⁴.

В августе 1926 г., в письме к жене Марии Петровне, Шолохов выражал твердую уверенность в завершении романа к весне следующего 1927 г.: «...к маю т/г я напишу его, это вне всякого сомнения»⁵. А 3 апреля 1927 г. сообщал одному из сотрудников издательства «Новая Москва», что «зывается» роман «“Тихий Дон”». Размер 40 (приблизительно) печ<атных> листов. Частей девять. Эпоха 1912–1922 гг.»⁶. На тот момент писателем вчерне были закончены первые две части произведения, которые он и обещал прислать на просмотр, продолжая работать над третьей, четвертой и пятой частями романа.

В конце сентября — начале октября 1927 г. Шолохов привез в Москву первую книгу «Тихого Дона». Об этом 13 октября писал В.Д. Ряховскому В.М. Кудашев: «У меня сейчас живет Шолохов. Он написал очень значительную вещь»⁷. В тот

¹ Известия. 1937. № 305. 31 декабря. С. 3.

² Шолохов М.А. Донские рассказы. М., 1926.

³ Шолохов М. М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 94.

⁴ М.А. Шолохов. Письма. М., 2005. С. 14.

⁵ Шолохов М. М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 105.

⁶ М.А. Шолохов. Письма. М., 2005. С. 19.

⁷ РГАЛИ. Ф. 422. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 13.

же день писатель сообщал жене: «Военное счастье мне пока сопутствует! Сейчас кончил править третью часть <...> О романе: сдал "Моск. раб." вчера 2 части, завтра отнесу 3-ью <...> Мой роман произвел в литературных кругах шумиху; шепчутся, просят читать, есть предложения печатать отрывки»¹.

Через неделю, 20 октября 1927 г., Шолохов написал Марии Петровне о предполагавшемся завершении работы над четвертой частью «Тихого Дона»: «Все эти дни бешено работал. Кончаю 4 часть. Спешу страшно, ведь с изд-ством договоренность такая: не медля представить 4 часть»². К весне 1928 г. была закончена пятая часть романа³.

Проставленные писателем в автографах даты не противоречат хронологии создания романа, о которой мы имеем представление по авторским свидетельствам и письмам Шолохова 1926–1927 гг. В составе рукописи, поступившей в ИМЛИ, есть датированный осенью 1925 г. и пронумерованный, как продолжение другого текста, автограф на 5 листах с вычеркнутым заголовком: «Тихий Дон//роман.//Часть первая». Крайними датами создания чернового автографа первой части произведения являются 6 ноября 1926 г. и 28 марта 1927 г. Завершение работы над беловым автографом первой части датируется 12 июня 1927 г., над черновым автографом второй части — 31 июля 1927 г. На 121 странице чернового автографа четвертой части, одной из последних, проставлена дата «28 февраля 1928 года».

Литературный автограф в его наиболее полном понимании является средством познания художественного произведения в его многоступенчатом развитии, от становления замысла до окончательного воплощения, что объединено понятием творческой истории.

Состав «имлийской» рукописи «Тихого Дона» не однороден, она представляет собой достаточно обширный свод автографов, отражающих разные стадии работы автора над романом. Отсюда и разный объем исправлений и разная степень соотнесенности последнего, «верхнего» слоя правки черновиков с опубликованным текстом. Так, «верхний» слой правки чернового автографа первой части и композиционно и стилистически еще далек от него, в отличие от белового автографа, совпадающего с опубликованным текстом почти полностью, что делает уместной и обоснованной гипотезу о промежуточном, не дошедшем до нас рукописном источнике, фрагментом которого может быть сохранившийся второй, хронологически более поздний черновик первых четырех глав произведения.

Наиболее научно значимы и информативны в плане генезиса черновые автографы «Тихого Дона», которыми представлены первая, вторая и третья части первой книги романа, четвертая часть второй книги. Порою густо правленные, запечатлевшие композиционное движение текста и кристаллизацию художест-

¹ Шолохов М. М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 114–115.

² Там же. С.118.

³ См. свидетельство самого Шолохова: «Первая книга была готова к сентябрю 1927 года <...> А вторая — к марту 1928 года» (Прийма К.И. С веком наравне. Ростов н/Д., 1981. С.169).

венных образов, с авторскими пометами на полях, которые носят характер то попутных замечаний о событиях и персонажах, то пояснений, то заданий писателя самому себе, только частью реализованных, — они содержат основной материал для творческой истории произведения.

Черновики романа наглядно иллюстрируют немногочисленные, но, как оказалось, точные авторские высказывания о том, как создавался «Тихий Дон»: «Бывало по-разному. Случалось, что легко вылившиеся страницы позже, при более строгом их критическом анализе, исправлялись и перерабатывались, а главы, которые писались медленно, трудно, оставались уже навсегда законченными... Бывали страницы, написанные на едином дыхании столь хорошо, что в них я мог сдвинуть или убрать-добавить лишь некоторые слова...»¹.

Ценность беловых автографов и авторизованных Шолоховым списков, максимально приближенных к опубликованной версии, определяется теми исправлениями, которые вносились автором в текст на самой последней, завершающей стадии работы над произведением, в процессе его тщательного прочтения. На основе этих источников мы можем судить о правке, внесенной потом в машинопись, верстку и т.п., а также опечатках, допущенных при публикации «Тихого Дона».

О движении авторского замысла, его генезисе мы впервые узнаем из чернового автографа первой части произведения, где содержатся ранние варианты и элементы организации художественного повествования, от которых писатель в силу тех или иных причин отказался. К их числу могут быть отнесены первоначальные имена и фамилии действующих лиц («Анисья» вместо всем привычного «Аксинья», «Иван Андреевич» и «Иван Семенович» Мелехов вместо «Пантелей Прокофьевич», «сотник Мануйлов» вместо «сотник Листницкий», «Федор Игнатьевич» и «Игнат Григорьевич» Коршунов вместо «Мирон Григорьевич»); сохранившееся указание на иную любовную интригу романа, более драматическую, где любовный треугольник, видимо, имел вид «Григорий — Дарья — Петро», а не «Григорий — Аксинья — Степан»; упоминание восьмилетнего сына Аксиньи, в окончательной редакции умершего в младенчестве; а также следы ранней композиции произведения, которое начиналось не с родословной семьи Мелеховых, камертона эпического звучания романа, а непосредственно с завязки действия, отношений между героями. Преодолевая не устроившее его композиционное воплощение текста, писатель перемещал отдельные фрагменты, дописывал текст, то укрупнял, то дробил главы. Все вместе это являет собой драгоценные свидетельства эволюции замысла «Тихого Дона», которая прежде сводилась лишь к замене плана создания произведения об участии казаков в Корниловском выступлении 1917 г. решением написать «казачью эпопею» времен революции и Гражданской войны в России.

Вся рукопись в целом обогащает и систематизирует наше знание о том, как складывалась архитектура «Тихого Дона», рождались образы и характеры, дает зримое представление о приемах работы писателя над художественным текстом, иными словами, приоткрывает дверь в творческую лабораторию Шолохова.

¹ Прийма К.И. С веком наравне. Статьи о творчестве М.А. Шолохова. Ростов н/Д., 1981. С.70.

Следить за тем, как пока еще не отделанная пером мастера фраза превращается в узнаваемый текст, наполненный неповторимыми ритмами шолоховской прозы, — пожалуй, самый увлекательный и научно значимый момент знакомства с черновыми автографами романа. Обращает на себя внимание, как трудно порой рождались шолоховские образы, проходя не одну ступень становления, обогащаясь эпитетами и сравнениями, отмеченными неповторимой индивидуальностью, но, в конечном итоге, гармонично вписанными в общую картину.

Шолоховская фраза, как правило, эволюционировала от простого к образно-усложненному. Малораспространенные конструкции насыщались различного рода оборотами, на смену общеупотребительной лексике приходили неожиданные сравнения, красочные диалектизмы, порой разрушавшие плавное эпическое течение повествования, но неминуемо привлекавшие потом внимание читателя.

К числу приемов работы над текстом романа, характерных для Шолохова, относятся авторские пометы, расположенные обычно на чистом левом поле листов автографов, с самыми разными формулировками заданий писателя самому себе. Особенно много их в черновом автографе первой части романа, которому еще предстояло эволюционировать в окончательный текст: «Показать Дарью», «Дать сборы», «Обосновать» и даже «Похерить сию главу: никчemuшная». В результате реализации подобных ремарок рождались хорошо известные сцены и эпизоды «Тихого Дона». Так, например, сцена свадьбы Григория Мелехова и Натальи Коршуновой, завершающая первую часть произведения, в своем начальном варианте ограничивалась одним абзацем, за которым следовали воспоминания Григория в ночь после свадьбы об «испорченной» им девушке. От этого эпизода Шолохов отказался, всю же сцену свадьбы переписал заново, наполнив новым содержанием и реализовав собственную помету: «Дать гульбу “баклановцев”. Параллель — молодежь и рассказ деда Гришаки». В результате была создана самостоятельная глава, хорошо известная по печатному тексту романа, вместившая в себя развернутое описание свадьбы, разговор деда Гришаки с «баклановцем» Максимом Богатыревым, дальним родственником Мелеховых, их «служивские» воспоминания.

Большое внимание в процессе работы уделял Шолохов не только лексическим заменам, введению эпитетов, наполнявших фразы особой выразительностью, отчетливым фольклорным или метафорическим звучанием, но и последовательности слов в предложениях, соотношению их отдельных частей, фрагментов текста. Об этом свидетельствует такой часто встречающийся в автографах вид правки, как перестановка отдельных слов, словосочетаний, предложений, абзацев, что имело немаловажное значение для формирования стиля повествования. Как правило, подобная правка была продиктована необходимостью освобождения от неоправданных, немотивированных инверсий, выделения значимых по смыслу частей фраз и т.п. причинами.

Накопившиеся в процессе изучения и описания рукописи наблюдения позволяют сделать вывод о том, что текст романа в своем окончательном варианте есть итог трудной, кропотливой, не всегда быстрой и легкой работы Шолохова над языком и стилем произведения, работы состоявшегося писателя, владеющего различными приемами литературного мастерства.

При воспроизведении рукописи в виде динамической транскрипции были сохранены ее авторские особенности (характерное для Шолохова устойчивое написание слов, пунктуация и т.п.) и использованы следующие условные обозначения:

Текст рукописи, не подвергавшийся правке, набран прямым простым шрифтом, который является основным для транскрипции.

Вычеркнутый текст набран светлым курсивом основной гарнитуры и заключен в квадратные скобки []. Для обозначения прежде вычеркнутых фрагментов в пределах более позднего вычеркивания применены курсивные скобки [/].

Вставленный текст первого слоя рукописной правки набран полужирным прямым шрифтом основной гарнитуры. Сюда относятся не только надписанные над строкой или подписанные слова и фразы, но и написанные на полях.

В случаях правки текста с заменой части слова для удобства ее воспроизведения и ясности понимания приведены начальный (светлым курсивом в квадратных скобках) и окончательный (полужирным прямым шрифтом) варианты без указания на способ правки (переправлено, подписано или надписано).

В случаях правки текста с перестановкой слов также приведены его начальный (в подстрочных примечаниях с аббревиатурой ППС (первоначальный порядок слов)) и окончательный (в тексте транскрипции) варианты без указания на технические пометы автора (указано стрелкой, перенумеровано и т.п.).

Вставленный текст второго слоя рукописной правки набран полужирным прямым шрифтом основной гарнитуры и заключен в фигурные скобки { }.

Вставленный текст третьего слоя рукописной правки (случаи единичны) набран полужирным прямым шрифтом основной гарнитуры и заключен в прямые скобки | |.

Вычеркнутый текст первого слоя рукописной правки набран полужирным курсивом основной гарнитуры и заключен в квадратные скобки [].

Вычеркнутый текст второго слоя рукописной правки набран полужирным курсивом основной гарнитуры и заключен в фигурные скобки { }.

Тексты вставок, выполненных на отдельных листах, а также вставок с других страниц и полей (согласно указанию автора), введены отдельными текстовыми блоками, заключенными в рамку.

Переход с одного листа на другой обозначен в тексте двумя вертикальными чертами ||.

Архивный номер листа указан в угловых скобках < > слева. Номер страницы в авторской пагинации — справа.

Фрагменты текста, утраченные в результате порчи листов рукописи и восстановленные авторами транскрипции, даются в угловых скобках < >.

Неразборчивые места в тексте обозначены условным сокращением < нрзб. >, если речь идет о нескольких буквах непрочитанного до конца слова или начальных буквах недописанного автором слова. Если непрочитанный текст составляет целое слово и более, в условное обозначение введено указание на их количество < 1 слово нрзб. >.

Помета <sic> применена в тех случаях, когда требуется подтвердить, что данное в транскрипции написание точно соответствует рукописному тексту. Это, как правило, слова, которые невозможно причислить ни к ряду устойчивых авторских написаний, ни к случаям использования старых грамматических форм.

Указания на маргиналии (пометы в виде записей на полях и др.), которые содержат информацию относительно внесения необходимых текстовых изменений, введения новых тем, героев и мотивов, и их расшифровка содержатся в подстрочных примечаниях.

Явные опiski автора и копиистов исправлены без дополнительных пояснений. Исключения представляют слова, неправильное написание которых стало следствием незавершенной авторской правки, что специально оговаривается в подстрочных примечаниях.

При воспроизведении авторизованных списков исправленные ошибки копиистов не учитываются.

Коллектив авторов транскрипции выражает благодарность заместителю директора Института мировой литературы РАН В.В. Полонскому, зав. Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН чл.-корр. Н.В. Корниенко, ведущему научному сотруднику ИМЛИ РАН А.М. Ушакову, сотрудникам Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН Е.Р. Матевосян и Г.Э. Прополянис, сотруднику Отдела рукописей ИМЛИ РАН М.А. Гулинской за помощь, оказанную в этой работе.

Г. Воронцова

Тихий Дон

РАННИЙ ВАРИАНТ

НАЧАЛА РОМАНА

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ. Фрагмент (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 1); 5 лл.; авторская нумерация страниц с 11 по 20. Главы I–II. Датируется осенью 1925 г. по авторской дате, проставленной на первой странице документа.

Самый ранний из сохранившихся автографов «Тихого Дона», представляет собой вариант начала произведения в рамках замысла, связанного с участием казаков в походе генерала Корнилова на Петроград в августе 1917 г. Один из персонажей — Абрам Ермаков — обнаруживает черты сходства с главным героем «Тихого Дона» Григорием Мелеховым. Среди действующих лиц — Федот Бодовсков и Меркулов, также потом герои романа. Упоминаются «рыжий длинноусый казак» Сердинов, прообраз Ивана Алексеевича Котлярова, и есаул Сенин, ставший прототипом Половцева в «Поднятой целине». Текст автографа впоследствии был использован Шолоховым при создании 8 (разговор вахмистра и Федота Бодовского) и 15 глав четвертой части второй книги романа.

<Л. 1>

11.

1925 год. Осень

[Тихий Дон.]

[роман.]

[Часть первая.]

I.

Просачиваясь сквозь изжелта-[зеленый] **зеленую** лохматую листву орешника солнечные лучи [золотистой] **серебряной** рябью пятнили землю. В лесу, [бы] [стояла] [в гущине] {густела} прохлада. Крепко и хмельно пахло надвигающейся осенью, листом-падалицей, и вянущим острым и тоскливым запахом мертвой травы. За топью, за зеленой непролазью ольшанника, возле шоссе, [убегающему] **убегающего** к местечку Изволочь, с перебоями работал немецкий пулемет. В промежутки раскатисто громыхали винтовочные залпы.

Абрам поглядел на коня, звякнувшего стремям, и снова припал к кусту. Земля под коленями упруго вгиналась, была **она** после недавнего дождя¹ мягка и послушна, ослизлые листья шиповника приятным холодком щекотали ладони рук, крепко вцепившихся в ветку. Косо изогнув левую бровь, ощерив зубы под висячими черными усиками, Абрам до тех пор глядел в кусты, на противоположной стороне поляны, пока на синих, по лошадиному выпуклых, белках его глаз не блеснули от напряжения слезы. Быстро и опасно глянул на коня, стоявшего в лоштинке, сажень в десяти от него, и снова [установился] **стремительно** шмыгнул глазами по направлению к кусту на той стороне поляны.

¹ ППС: «после недавнего дождя была она».

Куст разросся широко и буйно. От подножья опутал его дикий хмель, а [у] на [вершины] **вершине** причудливой башней громоздились пышные, молочно-белые гроздья девичьей кашки, [протянувшей] **уронившей** ветку от родимого ствола. Как ни старался Абрам, — ничего не мог разглядеть. На одно мгновение он даже подумал, что рука с красным кантом на обшлаге серого [мундира] **рукава**, протянувшаяся из за куста за фиолетовой ягодкой ежевики, ему привиделась, но куст вдруг явственно шевельнулся. Шевельнулся и стих. Будто ветер с разбегу качнул его плечом и стал в стороне любясь, как суетливо кивают **наверху** кисти «девичьей кашки».

Конь в ложине заржал залиvisto и звонко. Абрама пронизала дрожь... Куст, покрытый сверху «девичьей кашкой» дрогнул, как от удара, и с той стороны **его** пружинисто вскочил немецкий солдат. Изогнувшись, вобрав голову в плечи он пару секунд оглядывал лес, Абрам увидел его измазанные серые брюки, короткие голенища сапог, куртку незастегнутую сверху; увидел отвисшую челюсть, покрытую бледно-рыжей щетиной, [серые] **серую дрожь** [зубы] **губ**. Абрам слегка лишь повел стволом||

<Л. 1 об.>

12.

винтовки и в прорези, на фоне серого расстегнутого сверху мундира, остановилась чуть-чуть подрагивая мушка.

Пахнул ветер и перед глазом Абрама затрепетал багряный полуживой **еще не упавший на землю** листок... Немец медленно поворачивался, вытягивал шею с острым, **выпуклым треугольным** кадыком... Абраму показалось, что сначала упал **повернувшийся на каблуках** немец, потом толкнула в плечо отдача, а уже потом грохнул выстрел.

Горбатясь винтовку на перевес, бегом перебежал Абрам поляну. Боком, **как во время сна**, плотно прижав землистую щеку к земле лежал немец. Левая рука сжимала желтый ремень винтовки. Абрам присел на корточки, увидел на подбородке и углах губ убитого иссиня-фиолетовый засохший сок ежевики. Той ежевики, которую рвал протягивая руку из-за куста. Глянцевитая, с медным орлом, каска лежала около. Абрам вяло потянул ее за отстегнутый ремешок, взял в руки и зачем-то понюхал. Изнутри пахла она потом, мылом и еще чем-то, [свойственным человеку] **волнующе-острым, знакомым**. Абрам посмотрел на оскаленные, [желтые] **коричневые** от табака зубы, на иссиня-фиолетовый сок земляники чернившей углы губ и подбородок, и неожиданный приступ колючего сожаленья и тоски тошнотой подступил к горлу. Помотав головой Абрам полез в карман за кисетом, но вспомнил, что кисет и спички остались в шинели увязанной в тороках. Сунул руку в оттопыренный карман немца, конвульсивная дрожь ноги убитого передалась его пальцам, нащупал **четырёхугольный** предмет, красная, в сафьяновом переплете книжечка: письмо исписанное непонятными остроугольными буквами, измызганная фотография полной, немолодой уже женщины, с лобастым и безбровым ребенком на руках, три никелевых монетки... Качнувшись Абрам стал на ноги и пошел через мшистую поляну к коню. Поста-

вил ногу в стремя, привычно обнял ладонью **высокую** луку казацкого седла и едва [*поднял*] **вкинул** отяжелевшее тело в седло.

В версте от леса, возле развалин местечка стертого орудийным огнем июльских боев, догнал Абрам вахмистра с семьёю казаками. Вахмистр остановил своего белоногого коня, спросил помахивая плетью:

— Не напал на ихний разъезд?

— Нет. Не видал?

— А, штой-то ты, Ермаков, быдто с лица сошел? **Должно зоревал с бабой ноне сладко**¹?

Абрам сузив глаза поглядел **улыбающемуся** вахмистру в переносицу и, к удивлению остальных казаков, длинно и безобразно выругался.

— Но-но, ты!.. Гляди у меня!.. — наезжая конем завел **беспричинно** оскорбленный вахмистр, но Абрам **неспеша, как будто случайно** продел руку в темляк||

<Л. 2>

13.

шашки и натянул поводья. Глянув ему в глаза вахмистр поднял плечи так, что погоны выгнулись [*дугой*] **дугами**, и уже миролюбивей проговорил:

— Осатанел ты што-ли? Об пенёк ушибся, али как?

Абрам вытянул своего коня плетью, вздернул его на дыбы, и пустив бешеным намётом, придерживая левой рукой фуражку, полетел по проселку, изрезанному орудийными колесами, осыпав казаков и вахмистра ошлётками грязи.

— Чево он? — удивленно спросил вахмистр поворачиваясь к остальным казакам.

Известно чево... — ответил Федот Бодовсков и надёжно захоронил улыбку в курчавой цыганской бороде, — Известно, нудится казак. Тоскует... Иной раз пастух выгонит табун на зелёнку, покеда солнце росу подбирает скотинка ничево, кормится, а как станет солнце в дуб, заюжит овод, зачнет скотину сечь, вот тут... — Федот шельмовато стрельнул глазами в казаков и продолжал обернувшись к вахмистру, — Тут-то, господин вахмистр и нападает на скотину бзык. Ну, да ты сам знаешь, [*небось сам*] чево тебе расписывать... Обнаковенно, какая-нибудь корова задерет² хвост до безобразности, мыкнет, да как учешет! А за ней **весь** табун. Пастух бегёт: — ай-яй-яй! ая-яй-яй!.., — только иде-ж там... Метется табун лавой, нехуже как мы под Райбродами на 13 железный немецкий полк в атаку ходили лавой. Иде-ж там, рази удержишь?

— Ты к чему это загинаешь-то? — перебил вахмистр. Федот помолчал, плетью согнал с шеи [*своего*] коня присосавшегося слепня и [*почесал*] [*намотал*] **намотав** на палец завиток смолисто-черной бороды заговорил несразу:

— Четвертый год пошел, как нас в окопы загнали. Гибнет народ, а все без толку. За што и чево? Никто не разумеет... К тому и говорю, што [*в*] в скорости

¹ ППС: «сладко ноне с бабой».

² ППС: «задерет какая-нибудь корова».

какой-нибудь Ермаков бзыкнёт с фронта, а за ним весь полк, а за полком армия...
Будя!

— Вон ты куда... —

— Туда самое. Не слепой, вижу, — на волоске фронт держится, все на волоске держится! Тут только шумнуть: «брысь!» и полезет все под такую мать! На четвертом году и нам в дуб солнце стало!..

— Керенский надьсь в четвертую дивизию наезжал, речь казакам на митинге говорил... — начал вахмистр.

— Чево там Керенский! Ты-бы послушал, што солдаты толкуют: по справедливости рассуждают. Дён пять назад бегал я верхи в штаб с донесением, передал [бума] пакет дежурному офицеру и выхожу из халупы. Присватался ко мне солдатик, голова обвязана||

<Л. 2 об.>

14.

сам с виду благородный, очки на шнурке, как у нашего эсаула. Так ить он прямо режет: товарищ-казак, говорит, надо бросить фронт, потому что эта война бесправная. Это, говорит, пушай буржуазы воюют, а нам довольно совестно за ихние интересы подставлять [лоб] лбы, и оставлять жен вдовами и детей сиротами. Он мне такую картину расписал...

— Времена другие стали, — вздохнул вахмистр, — Всё эта революция наделала... Дисциплина никудышняя стала, нету в войсках уважения к начальству, да по правде сказать, и духу прежнему нет в [казацких] казакком [войсках] войске! Обмужичились казаки! Якшаются с солдатами-лапотниками, а это уж последнее дело... Не будет скоро казаков, переведутся. Дед мой бывалоча рассказывал, как в Турецкую войну сражались. То-ли дело!...

— Мы в 14 году тоже с песнями на фронт шли! В Новочеркасске на проводах генерал Шумилин с антомабиля с нашим полком прощался «Донцы-молодцы! Ляжьте костями на поле чести, а не посрамите Тихий Дон и казацкую славу! За веру, царя и отечество, ура!..» Это он с антомабиля голос подает и рукою в перчатке махает. А мы, — то-то дури[-то] много было! — «рады стараться», ревим, «умрем, а не выдадим!», а [какой] иной станишник осатанеет, коню на шею сляжет и прямо ревет по бугаинуму от такой великой радости... — Федот Бодовсков желчно усмехнулся и продолжал — Дунул оркестр, тронулся полк, бабы цветы под коней кидают... А на вокзале как зачали грузиться, вторая сотня [ло] грузится в вагоны, а у нас песельники ревут... В нашей сотне казачек был Раздорской станицы, так он с вокзала как пошел на присядках да до самого вагона, по подмостям в вагон ввалился всё на присядках... В вагоне[-то] и то бил с полчаса. ...А на позиции как только пригнали нас — на четвертый день и ему, сердяге, орудийным стаканом половину головы оторвало... Дома-то баба и [пятеро] трое детей остались, а братьям нужна она здорово?... А за што пострадал человек? За што воюем?

Вахмистр [вместо ответа] тронул коня [крупной] машистой рысью. Молчавшие всю дорогу казаки привстав на стременах затрусили следом. Федот Бодовсков поравнялся с вахмистром и схилившись с седла, опираясь рукой о пот-

ный круп вахмистрского коня спрашивал полыхая не [здоровым] **хорошим** румянцем.

— [Отвяжись!] Скажи за што воюем?

Вместо ответа вахмистр [указ] ткнул концом||

<Л. 3>

15.

плети в клочковатое облачко, прилипшее к синей эмали неба: под облаком хищно распластав изогнутые крылья, с неммым перекастистым клетотом кружил забирая высоту немецкий аэроплан.

II.

Абрам передал коня коноводу и по ступенькам спустился в землянку. В проходе, между **высок. стен, сложенных из [мешками] мешков** с землей пахло гнилью и земляной ржавчиной. В землянке на бревенчатых нарах, в полутьме резались в карты. Рыжий длинноусый казак Сердинов сидел с краю выпустив из ватных шаровар исподнюю клейменую рубаху, шевеля узловатыми пальцами **разутых** ног. На скрип хворостяных дверей, прикляченных ветками дуба, он повернул лохматую голову.

— Садись, Абрам, на моем место. Не везет мне ноне, греби ее мать! Две кенрки проиграл, да немецких марок восемь штук.

Тасуя сальную пухлую колоду Меркулов, недавно произведенный в урядники, скороговоркой проговорил:

— Он ноне и гимнастерку проиграл. Видишь, растелешенный сидит.

— Брешешь, господин урядник! Я ее ишо вчера просадил.

— С утра поднялась тревога, выбегли из землянок, а он в рубахе. Сотник мимо бежит, спрашивает «почему без рубахи?» [а он,] — сжег, — говорит, **цыгаркой** один ожерёлок остался.

Абрам с удивлением оглядел [захохотавших] **хохотавших** казаков и медленно снял с плеча винтовку. Понемногу, очутившись в [знакомой] обычной обстановке, приняхавшись к спертому, сырому, пропитанному табачным дымом воздуху землянки, он стал приходить в себя от того неопределенного тяжелого [гнетущего] как угар, чувства недоумения и **гнетущей тоски**, которое охватило его после убийства немецкого солдата. Ему казалось, что если он сейчас скажет об этом казакам, так беспечно **смеявшимся и игравшим** в карты, то чувство это пройдет. Он нехотя сел на нары и невидящими глазами глядя на карты, сказал:

— Зараз я германца пострелил...

Меркулов равнодушно взглянул на него и дал из под исподу карту.

— Прикупишь?

— Давай... Должно [отстал] **отбил**ся от своих. Еду по ложине, глядь, а за кустом каска поблёскивает. Я коня кинул в ложине, подполз [ближе] к кусту, дальше нельзя, голощечина сажен на двадцать. Трошки полежал — вижу руку из-за куста протянул и лапает в ежевишнике. Нащупал ягодку и опять||

<Л. 3 об.>

16.

жизни не подает. Тут конь заржал, он как прынет. Стрельнул в голову. Под козырьком, возле уха пуля прошла...

Меркулов перегнувшись заглянул Абраму в карты.

— Эге, станица, у тебя перебор! Двадцать три вышло.

— Подбег к нему, лежит на боку, губы в ежевике замазанные.

— При нем ничево не оказалось? — с любопытством спросил Сердинов.

— Ничево... — Абрам встал.

— Не будешь играть? — спросил Меркулов.

— Нет.

— Видать тебе придется доигрывать, Сердинов.

— Во што ватные шаровары оценишь? Почти новые, два года назад получил.

Носил лишь летом, а к зиме нам интендантство легкие выдавало.

— Домой их отошли. Бабы на бахче пугало обрядют.

— Гляди, урядник, посла жалеть будешь. Твой немец-то далеко лежит, Абрам? За труд не сочту, пойду растелешу его.

Абрам не отвечая шагнул за дверь. В проходе столкнулся с Федотом Бодовсковым. [Тот] Цепляясь шашкой об уступы мешков **махая руками**, Федот почти бежал¹. Абрам посторонился давая дорогу, но Федот ухватил его за пуговицу гимнастерки, зашептал ворочая [желто] нездорово-желтыми белками глаз.

— Два полка дикой дивизии идут в тыл. Казаки гутарили, што с ними генерал Корнилов... Вот оно, [начинается] **зачинается!**

— Куда идут?

— Чума их знает. Может фронт бросают?

[Зас] Абрам пристально поглядел на Федота: застывшая в недвижном потоке, словно вылитая из черного чугуна борода Федота была в чудовищном беспорядке, глаза глядели на Абрама с голодной **тоскливой** жадностью.

— Может фронт бросают? А? А мы тут сидим...

— Пойдем к четвертой сотне в землянки. Может узнаем.

Бодовсков повернулся и побежал **по проходу** спотыкаясь и [оскользаясь] **скользя** ногами по ослизлой притертой земле. Четвертая сотня помещалась в офицерских землянках **перед уходом** брошенных немцами укрепленных траншей. Возле одной из них густо толпились [каза] высыпавшие наружу казаки. От толпы отделился молоденький хорунжий.

— Ермаков, второй сотни?

— Так точно.||

<Л. 4>

17.

— Вернитесь. Созовите казаков. Передайте в третью сотню. От вашей сотни кто избран в полковой ревком?

— Я.

¹ ППС: «бежал почти».

— Тем лучше. Сделайте это поскорее и возвращайтесь.

— [В чем там дело] **Что там такое**, господин хорунжий? — выглядывая из-за плеча Абрама спросил Федот.

— Получено **какое-то** распоряжение. Кажется от генерала Корнилова и начальника нашей дивизии. [Офицер] **Хорунжий** поблескивая новенькой кожаной тужуркой вклинился в толпу выцветших зеленых гимнастеров. Абрам послал Федота созвать [казаков] **вторую сотню**¹, а сам подошел к группе казаков, разместившихся с кисетом над краями вырытой снарядом воронки. Сосредоточенно слюнявя цыгарку говорил председатель полкового комитета, — казак Вешенской станицы, — Чукарин.

— Нет и нет! Нам это дело не подходит. В Петрограде стоят казачьи части, и они отказываются [от] выступить против рабочих и Советов. Мы не можем согласиться на предложение генерала Корнилова.

— В чем дело, станишники? — спросил Ермаков.

— Бумага пришла... — нехотя ответил один.

— Какая бумага?

— Приказ от начальника дивизии.

— Што-ж ты, молчишь, мать твою...²? — зло выругался Абрам обращаясь к председателю ревкома.

— Чево [там] гутарить? Не видишь што-ли? Стравить [хотят] **хочут** казаков с рабочими, навреде как собак...

— Это им не 1905 год!

— Казаки трошки умнее стали.

— Не пойдем!

Ермаков оглядел пасмурные лица казаков и толкнул в плечо председателя ревкома.

— Расскажи.

Рассыпая на колени махорку, беспокойно ерзая по земле Чукарин [с] кратко сообщил о том, что в полк приехали [представители] **представители** дикой дивизии, которая идет с Корниловым громить революционный Петроград, что некоторые казачьи части тоже двигаются к железной дороге и что от начальника дивизии пришел приказ на имя полкового командира. Поступить **полку** в распоряжение генерала Корнилова.

— Понимаешь куда они нас пихают? За што мы будем воевать с рабочими? В окопах вместе кровь проливали, а теперь их-же должны сничтожать?||

<Л. 4 об.>

18.

— Молчи! — крикнул Ермаков, — Не будет ихнего дела! По домам ребята! Станицы по нас стосковались!

— Откуда-то из серого тумана [встали] **качаясь приплыл** к глазам образ немолодой уже, полной женщины с лобастым безбровым ребенком на руках. На

¹ ППС: «созвать [казаков] **вторую сотню** Федота».

² ППС: «мать твою... молчишь».

секунду Ермаков [даже] словно ощутил запах пота, мыла и еще чего-то, волнующе-острого, знакомого...

— Наши жены и дети останутся сиротами! Довольно. Мало их [царь понаделал] [война] {война} наделала по области Войска Донского? А по России?

— По домам надо... — устало махнул рукой председатель. Затушив цыгарки казаки толпой пошли к месту где собирался полк. Под вязом, с сломленной снарядом, засохшей, вершиной, за трехногим столиком на табурете сидел командир полка, рядом командиры сотен и члены полкового ревкома [разместились сзади]. [Ермаков с Чукариным прошли] [сзади] Позади, скрестив руки на суконной нарядной черкеске, поблескивая из-под рыжей кубанки косо прорезанными маслинками глазами стоял [мо] офицер-ингуш, представитель дикой дивизии, плечо к плечу к ним стоял пожилой, рыжий, черкес: придерживая левой рукой гнутую шашку он щупающими насмешливыми глазами оглядывал стекающихся казаков.

Глухой переливчатый шепот смолк, когда полковой командир встал с табурета и откидывая со лба седеющий казацкий чуб громко сказал:

— Станичники! Войсковой Круг отзывает наш полк с фронта. — сдержанный рокочущий рев и сразу, словно шашкой отрубили, тишина.

— Но перед уходом мы должны исполнить наш последний долг. Долг каждого гражданина и война. Полковой командир опустил глаза на бумагу, лежавшую перед ним на столе, и когда поднял глаза — увидел не казаков, сроднившихся с ним за войну, а большого многоголового, чутко настороженного и враждебного зверя.

— В Петрограде — нашей столице разнузданные рабочие и солдаты под влиянием большевистко-жидовской агитации угрожают спокойствию республики. Временное правительство в опасности. Власть, может перейти к большевикам и тогда казачеству и России придется нести [последствия] расплату за свои заблуждения... Нам во что-бы то ни стало надо присоединиться к отряду генерала Корнилова и восстановить порядок в Петрограде. Казаки должны, как всегда, быть блюстителями порядка и законности. Мы должны надеть узду на разнуздавшихся рабочих! — Полковой командир сжал смуглый жилистый кулак и видя в глазах казаков сухую насмешку, злобу и недоверие, звонко стукнул им по||

<Л. 5>

19.

крышке стола: — Донцы! Я водил вас четыре года в бои и схватки, я надеюсь на вас, как на родных сынов, и твердо знаю, что вы пойдете со мною восстановить поруганную честь России. Мы должны довести войну до славного конца, [союзники] а не поддаваться лживым нашептываниям тех, кто куплен германскими деньгами! Теперь — по сотням! Приготовьтесь к походу. На смену нам идет пехотный полк.

— Почему ревком молчит?.. — хрипло-злбный выкрик из толпы.

— Кто это сказал? — спросил командир полка глядя через головы передних.

От слитной густой массы казаков отделился Федот Бодовсков. Стал перед трехногим заваленным бумагами столиком, Черная борода струилась по завшившей рубашке недвижимым чугунным потоком.

— Казаки сомневаются...

— Почему ревком молчит?.. — грякнули голоса.

Чукарин председатель ревкома бледный не поднимал головы. Полковой командир шепнул что-то офицеру-ингушу, тот улыбнулся вытягивая в нитку сухие коричневые губы и поднял руку.

— Слово председателю дикой дивизии!

Ингуш мягко ступая сапогами без каблуков вышел из-за стола и [на] с минуту молчал быстро оглядывая казаков, поправляя узенький наборный ремешок.

— Товарищи, казаки! Надо прямой ответ. Идете вы с нами или не идете?

Абрам встал опираясь руками о зыбкие края столика. Проглоченная слюна оцарапала пересохшее горло.

— Полковой революционный комитет отказывается выступить с генералом Корниловым. Станишники, мы не хотим междоусобной войны. Нам с рабочими делить нечего!

Полк молчал. Люди жарко и тяжело дышали. Абрам глянул на офицера-ингуша, тот шептался с другим, пожилым и рыжим. Ингуш стоял к Абраму боком, на левом виске его лежала косая серая полоска пота.

— Чье это мнение? Всего ревкома, или единолично ваше?

Абрам **холодно** глянул на эсаула Сенина, задавшего вопрос.

— Всего ревкома?

— Председатель ревкома, почему вы молчите?

Чукарин улыбаясь кривой ненужной улыбкой встал.

— Мы промеж себя не решали этот вопрос...||

<Л. 5 об.>

20.

Командир полка опираясь о стол вывернутыми ладонями, перегинаясь к Ермакову крикнул.

— Как ты смеешь говорить от имени всего ревкома?! Кто тебя уполномочил?..

— Я говорю не только от ревкома, от всего полка.

У командира голубенький живчик дергает притухшее от бессонницы, землистое веко.

— Казаки! Верно это?..

Полк вздохнул, [*единодушным криком*] дрогнул пушечным ревом.

— Верно!..

Сквозь не разжатые зубы, металлическим, привыкшим к команде голосом командир:

— Полк ответит перед правительством. И в первую голову зачинщики. Я вынужден буду принять необходимые меры...

— Не грози! — сзади, протяжно.

Офицеры суетливо повстали с мест. Вполголоса горячо о чем-то переговариваясь пошли к землянкам. [*Ермаков проводил глазами старчески-сухую, но*

стройную командирскую спину,] Командир комкая в руке бумагу **быстро** шагал впереди. Смешно и страшно подергивая контуженным плечом. Горбатил старчески-сухую, но стройную спину. Ермаков проводил его глазами и смешался с ревущим шумливым потоком людей, направившихся по землянкам.

Офицер-ингуш задержался около стола. Его окружили человек десять казаков. Оглядываясь Абрам Ермаков видел как ингуш сузив глаза, [*скаля*] обнажая по волчьим белым зубам слова. Ингуш часто поднимал вверх руку, белая шелковая подкладка отвернутого **обшлага на [рукава] рукаве** снежно белела на **фоне грязно-зеленых казачьих гимнастерок**. Оглянувшись в последний раз, Ермаков увидел эту сверкающую ослепительно белую полосу шелка и перед глазами **почему-то** встала взлохмоченная ветром-суховеем грудь Дона, зеленые гривастые волны и косо накренившееся, чертящее концом верхушку волны белое крыло чайки-рыболова.||

Лихий Дот

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

~~Описание рукописи
27/11-27/11~~

Михай Доч

роман

Часть первая.

стр. 85.

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 2/1); 44 л.; авторская нумерация страниц с 1 по 85 (цифра «1» не проставлена, титульный лист не нумерован). Датируется 6 ноября 1926 г.—28 марта 1927 г. в соответствии с авторскими датами, проставленными на полях.

Открывается листом с текстом в центре синими чернилами: «Тихий Дон //роман//Часть первая.//стр.85». В левом верхнем углу синим карандашом написано: «Окончена переработка 28/III-27 г.», — что могло иметь место после завершения вчерне работы над второй частью произведения, так как на первой странице автографа, в правом верхнем углу также синим карандашом помечено: «Переработать по окончании I и II частей».

Большая часть страниц автографа имеет двойную и тройную нумерацию: страницы с 9 по 12 и с 55 по 85 — двойную; с 13 по 54 — тройную. Страница изначально 76 вторично автором не нумерована. Двойная и тройная нумерация страниц продиктованы композиционными изменениями текста, кроме того, 46 страниц чистых листов бумаги были, видимо, пронумерованы Шолоховым заранее.

Первый раз нумерация страниц была изменена в связи с новым зачином произведения. Изначально первая глава (со слов «Григорий пришел с игрищ [в полночь] после первых петухов») стала третьей. На чистых нумерованных листах (8 страниц) Шолохов написал две небольшие главы: «1» (со слов «Мелеховский двор на самом краю [станции] хутора») и «2 А» (со слов «Мелеховские бабы [как-то] мало родили казаков, все больше девок»). Впоследствии текст главы «2 А» был распределен автором между первой и второй главами.

Второй раз нумерация менялась при введении в текст т. н. «Вставной главы», где речь идет о посещении Григорием Мелеховым и Митькой Коршуновым дома купца Мохова, о знакомстве Митьки с дочерью Мохова Елизаветой. Для нее были использованы листы с заранее пронумерованными страницами с 41 по 44. Время создания «Вставной главы» может быть обозначено лишь гипотетически. То, что написана она на страницах с 41 по 44, свидетельствует о ее временной связи со сценой сватовства Григория к Наталье Коршуновой (листы с заранее пронумерованными страницами 39, 40, 45 и 46). Кроме того, учитывая художественно-сюжетную задачу главы — обозначить знакомство Митьки с Елизаветой Моховой, что стало особенно актуальным при работе над второй частью романа, где эта линия получила интенсивное развитие, — можно говорить о параллельной работе писателя над первой и второй частями первой книги.

Часть текста автографа датирована автором с 6 по 28 ноября 1926 г. (числа 15, 16, 26 и 27 отсутствуют). Самые ранние даты проставлены на странице 13 (исначально 1), а именно 6 и 8 ноября. Текст на странице 51 (сцена сватовства Григория Мелехова к Наталье Коршуновой) датирован 28 ноября. На странице 82 (сцена свадьбы Григория и Натальи) проставлена дата 28 марта 1927 г. (тем же числом датировано завершение переработки первой части).

Количество глав (всего 23), их нумерация (для ряда глав двойная), последовательность и содержание в черновике иные, чем в опубликованном¹ тексте первой части произведения:

¹ Под опубликованным текстом мы имеем ввиду, прежде всего, текст журнала «Октябрь», где на протяжении 1928 г. печатались первая и вторая книги «Тихого Дона» (№№ 1-10). Однако и в других изданиях романа распределение текста по главам не менялось.

Черновой автограф

Глава 1
Глава 2 А
Вставная глава
Глава 3 (первоначально 1 и 2)
Глава 10 (3)
Глава 5 (часть третьей главы)
Глава 6 (4)
Глава 9 (5)
Глава 10 (6)
Глава 11 (7)
Глава 13 (8)
Глава 7 (9)
Глава 8 (10)
Глава 12 (11)
Глава 15 (12)
Глава 16 (13)
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 22 (23)
Глава 25 (24)
Глава 24

Журнал «Октябрь»

Начало первой главы
Конец первой и начало второй главы
Часть второй главы
Глава 3
Начало восьмой главы
Глава 4
Глава 7
Часть восьмой главы
Глава 9
Глава 10
Глава 12
Глава 5
Глава 6
Главы 11 и 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Отсутствует
Глава 23

Автограф содержит большое количество вариантов, сцен и эпизодов, не вошедших в опубликованный текст «Тихого Дона». К их числу, например, относятся воспоминания Григория Мелехова в ночь после свадьбы об изнасилованной им девушке.

<Л. 2>

Вешенская.
15го ноября
1926 г.

Тихий Дон.

роман

Часть первая¹

I. [А]²

Мелеховский двор на самом краю [*станции*] хутора. Воротца со скотиньего база ведут к Дону. Крутой восьмисажженный спуск и вот вода: над берегом бледно голубые крашенные прозеленью глыбы мела, **затейливо** точенная галька, ракушки

¹ Вверху справа написано синим карандашом: «Переработать по окончанию I и II частей».

² У начала главы на левом поле проставлена дата: «15/XI».

и [текучая рябоватая] перекипающее под ветром вороненой рябью, [светлая] [светлое] [донская волна] стремя [на глубине] Дона. Это к северу¹, а на восток за гумном обнесенном красноталовыми плетнями, [дорога] Гетманский шлях легший через станицу, над [дорогой] шляхом пахучая полынная проседа, истоптанный конскими копытами бурый [nr] живущой продорожник, часовенка на развилке и задернутая текучим маревом степь².

В последнюю Турецкую кампанию [пришел] вернулся в стани<цу> тогда еще молодой казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он с собой жену, маленькую закутанную в шаль женщину. Она прятала в складках шали смуглое лицо, одичало высматривая оттуда. Пахла шелковая [строгая] шаль далекими неизвестными запахами, [голубые] узорчатые разводы на [шали] ней голубели как небо покинутой родины. Пленная турчанка плакала и не показывала никому лица. Старик Мелехов [не такую судьбину готовил сыну.] вскоре отделил сына и до смерти не ходил к нему в дом. Прокофий сам выстроил на краю станицы [выстроил] на отшибе себе дом, покрыл его [под корешок] камышем и увел туда маленькую сгорбленную иноземку-жену. Он перевез от отца выделенное ему имущество и в последний раз пришел за женой. По улице шел широко кида<я> шаги, хмуря белесые широкие брови держал за руку укутанную с головой, семенившую возле него [женщину] жену. Станица высыпала на улицу. Казаки сдержанно смеялись в бороды, баб<ы> голосисто перекликались, ребячья орда улюлюкала Прокофию в след. Но он распахнув чекмень так-же тяжело попирал дорогу кованными сапогами, так-же зажимал в необъятной черной ладони хрупкую кисть жены, так-же высоко нес чубатую голову, лишь под скулами на лице его пухли и катались жевлаки <sic>, да промеж [каменные] каменных в всегдашней неподвижности [брови] бровей проступил пот.

С тех пор он редко показывался в станице. Не [видали] встречали его и на станичном майдане. Ребятишки, те, что стерегли на прогоне телят чудное гутарили по станице: будто видали о<ни>||

<Л. 2 об.>

2.
как Прокофий по вечерам, когда вянет малиновая заря на руках носил свою турчанку ажик до самого Татарского кургана. А там сажал ее на [макушку] макушке кургана спиной к врытой в землю, ноздреватой каменной бабе, садился сам рядом и этак подолгу глядели они в степь глядели до тех пор, пока истухала заря, а потом Прокофий кутал свою [логаную] турчанку в шаль и на руках относил домой.

Много чудного и диковинного гутарили про Прокофия по станице. Бабы особенно. Одни говорили, что жена его красоты невиданной, говорили до тех пор, пока самая отчаянная из баб вдовая Мавра Шумилина не отважилась сбегать к Прокофию как будто-бы за свежей накваской. Прокофий сам лазил в погребок за

¹ Справа красным карандашом проставлен вопросительный знак.

² Против абзаца на левом поле написано синим и красным карандашами: «Сильнее. Подробнее хутор». Ниже вертикальная волнистая линия красным карандашом и два знака «V».

накваской, а за это время успела досужая Мавра разглядеть, что жена Прокофия **самая что ни на есть** никудышняя... Хотя от Прокофия Мавра и получила вместе с накваской увесистую взащеину, такую тяжелую, что половина накваски пролила споткнувшись; хотя Прокофий и попросил после этого забыть к нему [доро] стежку-дорожку, но Мавра разглядела все до тонкости и спустя время на проулке раскрасневшись рассказывала [толп] бабьей толпе¹.

— И што он, милушки, нашел в ней хорошева? Хуть-бы баба, а то так, тьфу! Ни ж..., ни пуза, одна страма. У нас девки глаже ее! [Поперек] — перервать можно, быдто оса. Глаза черные, а [здо] большины, ажник страшно. Глядит на тебе сатанюкой, прости меня господи... Виски на ней до пяток, истинный крест! — божилась [она] **Мавра** в подтверждение слов своих

— С лица вся желтая, должно на сносях ходит.

— На сносях?.. — удивлялись бабы.

— Кубыть не махонькая, могу разглядеть. — обижалась Мавра и продолжала рассказ.

— Должно сохнет тоской по своему краю, глаза-то у ней тусменные, выплакала. А ишо, бабоньки ходит-то она в... Прокофьевых шароварах.

— Да ну-у-у?.. — охали испуганно и дружно бабы.

— Сама видала в шароварах, только без лампасов, должно буднишные ево подцепила. Длинная на ней рубаха, а из-под ней шаровары в чулки вобратые... Я как увидала так и захолонуло во мне сердце...

Шепотом говорили в станице, что Прокофьева жена ведьмачить. Дуняшка **сноха** из двора Астаховых, [божилась бу] (жили Астаховы крайние к Прокофию) божилась будто на второй день троицы перед светом видала, как Прокофьева жена простоволосая и босая доила на ихнем базу старую корову. С тех пор вышло у||

<Л. 3>

3.

коровы вымя в детский кулачок, [перест] отбила от молока. и в скорости издохла.

В тот год случился небывалый падеж скота. Дошли на **базах** и на стойле возле Дона² зарываясь мордами в песок быки и коровы. Вся песчаная коса у Дона каждый день пятнилась трупами скота. [Не успевали зарывать.] Падеж перекинулся на лошадей. Таяли конские косяки гулявшие на станичном отводе. [Стоном захлебнулась станица] И вот тут-то прополз по проулкам и улицам черный слухок...

[Как-то] вечером [Прокофий поправлявший во дворе арбу] к Прокофьеву³ во [двору] двор [пришли] пришла с [станичного] хут. схода **ватага** [казаки] **казак**. Прокофий вышел на крыльцо, [низко поклонился миру] **кланаясь**.

¹ Против абзаца на левом поле красным карандашом проведена вертикальная волнистая черта и проставлен знак «V».

² ППС: «На стойле возле Дона дошли на **базах** и».

³ Незавершенная правка, надо «к Прокофию».

— Зачем **добрым** пожаловали, господа-старики?

— Волоки нам свою ведьму!.. — гаркнул [*чей-то*] подвыпивший [*немолодой шербатый*] казак. Прокофий кинулся в дом, но в сенцах его догнал рослый гвардейский батареец, по уличному прозвищу [*Сурсан*]¹, и обхватив поперек повалил на пол. Прокофию скрутили руки.

— Ты не пужайся, [*тебя*] **тибе** не тронем, а бабу твою в землю втолочим! Лучше ее [*сничтожить*] **уничтожить**, чем всей² [*станции*] хут. без скотины [*оставаться*] **погибать**.

— [*Братцы, [побойтесь бога] братцы!* — хватая [*стариков*] **казаков** за ноги [*молил*] **рыдал** Прокофий].

— Тяни ее **суку** на баз!.. — заревели у крыльца. [*Сурсан*] намотав на руку черное шелковое волос, [*бегом протащил*] другой зажимая рот бившейся в судоргах турчанке бегом протащил ее через сени и кинул под ноги толпе [*перекипаншей*] колыхавшейся возле крыльца.

— [*Аааа!..*]

Тонкий, по звериному дикий крик на секунду покрыл рев голосов. Прокофий [*рванулся*] раскидав шестерых казаков, прижавших его к стене и прыгнув в горницу рванул со стены шашку. Давя друг друга казаки шархнулись из сенцев на крыльцо. Развернув над головой визг [*мерцающую*] **мерцающей** стали³ Прокофий кинулся с крыльца. Толпа дрогнула и **гудя** рассыпалась по двору. У амбара Прокофий настиг тяжелого на бег Сурсана и разрубил его чуть не до пояса. **Казак**и Ломавшие из плетня колья сыпанули через гумно в степь⁴.

[_____]

Через полчаса осмелевшая толпа подступила к двору. Какие похрабрее пожимаясь вошли в сенцы. В кухне на полу подплывшая кровью неловко запрокинув голову лежала турчанка. Из <1 слово нрзб.> **мученически** оскаленных мелких зубов виднелся прикушенный язык. Она хрипло стонала.||

<Л. 3 об.>

4.

Прокофий с дрожащей нижней челюстью и остановившимся взглядом кутал в овчинную шубу [*розовый*] **смугло-слизистый кричащий** комочек, — преждевременно родившегося [*дитя*] ребенка.

Жена Прокофия умерла к вечеру этого-же дня. Недоношенного ребенка, сжалившись взяла **бабка** мать Прокофия. [*Его*] Его обложили пареными отрубями, кормили из рожка, и когда **через полмесяца** увидели, что смуглый турковатый мальчишка выживет — понесли в церковь, окрестили, назвали по деду — Панте-

¹ Справа синим карандашом проставлен вопросительный знак, на левом поле написано: «Изменить» и «Люшня».

² Незавершенная правка, надо «всему».

³ ППС: «[*мерцающую*] **мерцающей** визг стали».

⁴ Против абзаца на левом поле красным карандашом проведена вертикальная волнистая черта и проставлен знак «V».

леем. Прокофий похоронив жену продал оставшуюся от падежа скотину, заколол досками окна в доме и скрылся из станицы, как в воду канул.

О нем не слышали лет десять. Заявился он неожиданно перед санным покоем, уже пожилым, с проседью казаком. Подстриженная **[колышком]** рыжая борода и **[не казачья]** русская одежда делали его чужим и **[незнакомым]** **не похожим на казака**. Он взял сына и снова стал на хозяйство. Про то где был, где горе мыкал эти десять лет за всю жизнь никому словом не обмолвился. Пантелей рос **[черным]** смуглым до черноты, красивым парнишкой, схож был на мать, лицом и тонкой подбористой фигурой. Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа. С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей, отсюда и повелись в станице **горбоносые глазастые** Мелеховы, а по улишному — турки.

2. А.

*[Мелеховские бабы **[как-то]** мало родили казаков, все больше девок¹. Потому, как был **[на краю]** в **[станицы]** станице один двор Мелеховых, так и остался. Еще Пантелей прирезал к усадьбе **[д]** с полдесятины **станичной** земли, **[над]** а к нашему времени совсем изменил обличье Мелеховский двор: вместо обветшалых дедовских сараишков построил теперешний хозяин — Иван Мелехов **[осанистые]** новые, на старом фундаменте **[срубил]** поставил осанистый восьмистенный дом, покрыл железом, покрасил **медяной** срубил новые амбары; **[ливада и фруктовый сад [саженные]** **разрослись** возле дома буйно.] и по хозяйскому заказу кровельщик **[вырезав]** **вырезал**² из обрезков жести двух невиданной формы петухов **[и]** укрепил **их** на крышах амбаров. Это вовсе придало двору вид зажиточный и самодовольный. Точно таких вот самоуверенных жестяных петухов видал Иван **[Андреевич]** Семенович Мелехов проезжая со станции, **[по]** **мимо** какой-то помещицъей экономии.*

*Сам **[старик]** хозяин Иван **[Андреевич]** Семенович пошел в **[дедову родню]** Мелеховых: **[был он]** сухой в кости, складный вороной масти старик.] **[Видно от деда унаследовал]** хищный вислый по **[скоп-|]***

<Л. 4>

*чинный] **скопчиному** нос, острые **[углы]** бугры скул **[обтянутых шафранной с румянцем кожей]**, **[глаза]** в чуть косых прорезях **{глаза}**, черные наглые и дикие⁴ **[глаза]**. **[и]** Был он хром на левую ногу (в молодости ушиб жеребец), носил в левом ухе серебряную полумесяцем серьгу, в гневе доходил до беспамятства и*

¹ Против слов «Мелеховские бабы **[как-то]** мало родили казаков, все больше девок» на левом поле представлена дата: «16/XI».

² ППС: «**[вырезав]** **вырезал** кровельщик».

³ На левом поле снизу вверх написано: «**[На сорок]** **[в 48]** 12. — **[48]** **[19.]** **[На 48-м году женил Пант.]** **[Перевалило Пант. Прок. за]** **[Подступало П. Пр. под]** пятьдесят лет, когда женил старшего сына Петра За тридцать лет помимо косяка лошадей и трех пар быков женил П.Пр. двух сыновей и дочь. Старшего Петра женил, младший Григорий **[коха]** ходил в парнях, а Дуняшка встречала 12 весну».

⁴ Текст «вислый **по** **[скопчинный]** **скопчиному** нос ~ **{глаза}** черные наглые и дикие» заключен в квадратные скобки.

как видно этим [до] **раньше** поры [до] и времени состарил свою когда-то красивую, а теперь сплошь опутанную морщинами, горбатую и брюзглую жену. Старший женатый сын Петро походил на мать: русый, курчавый, маленького роста, другой Григорий **ходивший в парнях** был на три года его моложе, но ростом больше на полголовы, вылитый отец тот-же¹ дочь **Дуняшка** тринадцатилетний нескладный подросток, длиннорукая, большеглазая. Петрова жена — вот и вся семья Мелеховых².

Пепельное **белесое** небо [точило] [с восто] рассвет. На западе **за верхушками ливад** еще густо и сине чернела **уплывавшая** ночь, **дотлевали редкие звезды** а с восхода из-под тучи **уж** тянула ветряная зыбь, над Доном [дымом] **дыбом** встал туман, [и] колыхаясь распластался над откосом и серой клубящейся **безголовой** гадюкой пополз в яры. Левобережное Обдонье³: пески, енды, камышастая непролазь над озерами, лес дымились малиновым — предрассветным пожаром. Там, **за стертою туманом чертою** где томилось еще не показываясь солнце, небо и степь полыхали холодным пламенным заревом.

В Мелеховском дворе [первыи] **после кочетов** проснулся Иван [Андреевич] **Семенович**. На ходу застегивая ворот расшитой праздничной рубахи вышел на крыльцо. На порошках рассыпано серебро росы, перильца влажны. Выпустив с база на проулок скотину старик вошел в горницу⁴.

— Григорий, вставай што-ли.

— Чево там?

— Рыбалить поедешь? [Я ноне не пойду к обедне,] коли хошь — поедем посидим зорю.

Заспанный Григорий посапливая стянул с подвески буднишные шаровары, выбрал их в белые шерстяные чулки и долго надевал чирики. [Кашу-то] **Приваду-то** варила мать? — сипло спросил он выходя в сенцы.

— Иди к лодке. Я зараз приду.

Старик [высыпая] **высыпал** в кубышку распареное жито, [взял] **по хозяйски** смел на ладонь просыпанные зерна и захватив удочки, припадая на левую ногу пошел к спуску. Григорий ежась сидел в [лодке] **баркасе**.

— Куда править?

— К черному яру. Возле этой карши пристанем, где надьсы сидели.

Баркас царапнув кормою дно [скользнул] осел в воде и [вышел] **отошел** от берега. Стремя подхватило его, понесло покачивая, норovia повернуть боком. Григорий||

¹ «тот-же» заключено в квадратные скобки.

² Против абзаца на левом поле вертикальная волнистая линия красным карандашом и знак «V» синим карандашом.

³ ППС: «Обдонье левобережное».

⁴ Против абзаца на левом поле красным карандашом написано: «Показать Дарью».

<Л. 4 об.>

6.

не огребаясь правил веслом.

— Гребани, што-ж сидишь.

— А вот выйдем на середку.

Пересекая быстрину баркас [направился] двинулся к левому берегу. От [станции] хутора догоняли их гулкие на воде петушинные переклики. Чертя бортом твердый хрящеватый яр баркас причалил в котлине. Сажнях в пяти от берега виднелись из воды раскоряченные ветви затопшего вяза. Вокруг него коловерт гоняла бурые комья пены. Иван [Андреевич] Семенович нагнулся над кубышкой. Дрогнула и замельтешилась в ухе его серебряная [стертая] серьга.

— Разматывай, а я привадки кину. — шепнул он судорожно зевавшему Григорию. В воду брызнуло жито. Звук вышел четкий и ясный, словно кто в полголоса сказал, — Шик!

Григорий нехотя размотал удочки, нанизал на крючки разбухшее пахучее зерно.

— Кидай к стремю. — шепнул привставая отец.

Григорий выждал, пока леса упавшая на воду кругами, не натянулась в струну и снова ослабла дернувшись кверху, [крючек и] грузило достало дна, — потом придавил ногою конец удилища и стараясь не шелохнуться полез в карман за кisetом.

— Не будет дела... Месяц на ущербе.

— Серники захватил?

— Есть.

Старик помолчал и [поглядывал] поглядел на всходившее за каршей солнце.

— Сазан берет разно. И на ущербе берет.

— Чутно мелочь насадку секет...

— Погоди, подойдет и он.

Возле [самого] баркаса хлюпнула вода и словно слитый из красной меди, огромный, аршина в [полтора] два сазан с стоном прыгнул вверх, [и] изогнув лопушистый хвост, сдвоив, грохнул по воде. Брызги осыпали лодку, Иван Семенович рукавом вытер мокрую бороду.

— Теперя вот-вот жди...

Возле затонувшего вяза, в рукастых оголенных ветвях почти одновременно выпрыгнули два сазана. Над яром правой лодки ввинчиваясь в воздух, настойчиво раз за разом прыгал небольшой фунтов пяти сазаник.

Григорий нетерпеливо жевал губами размокший конец самокрутки. Прошло с полчаса. Бескров<но>желтое солнце стало в полдуба. Иван Семенович рассыпал всю приваду и сердито подобрав губы глядел на недвижный конец удилища. Григорий чертыхнувшись выплюнул остаток цыгарки. Во рту от выкуренного натошак табаку||

<Л. 5>

7.

воняло припаленой щетиной. Он хотел было пересесть поудобней, но в этот [миг] момент конец удилища, торчавший на поларшина над поверхностью воды, слабо

качнулся, как будто даже дернулся вверх и [*стремительно*] **медленно** пополз книзу.

— Засекай!.. — выдохнул отец.

Григорий плавно потянул удилище, но конец стремительно зарылся в воду, удилище согнулось обручем от руки. Страшная подрагивающая сила словно воротом гнула тугое красноталовое удилище.

— Держи! — стонал старик отпихивая баркас от берега. {Нахмуренный} Григорий [*хмурясь*] упиравшись ногой [*в*] о борт попробовал [*приподнять*] приподнять удилище, но леса пронзительно взвизнула метнувшись в сторону, удилище рвануло вниз с удесятеренной силой. Сухо чмокнув лопнула толстая леса, Григорий качнулся, но равновесие удержал¹.

— Ну, и буга-а-ай!.. — изумленно пришептывал Иван Семенович дрожащими пальцами насаживая насадку. Григорий посмеиваясь навязал новую лесу. Закинул. Едва-лишь грузило стукнуло о дно, — конец качнулся и пополз в воду.

— Вот он, дьявол!.. — злобно хмыкнул Григорий и с усилием оторвал от дна [*метнувшегося*] **метнувшуюся** к стремю [*сазана*] рыбу. Леса с пронзительным брунжаньем зачертила воду, над ней коротеньким полотном стояла вода. Иван Семенович сжимал в обрубковатых толстых пальцах держак черпала.

— Заверну его на воду! Держи, а то рубанет пилой...

— Небось!.. — кряхтел напрягая руку Григорий.

Большой изжелта красный сазан на секунду показался сверху **вспенив воду** и угнув тупую лобастую голову снова шарахнулся в глубину.

— Давит, ажник рука онемела!..

— Держи, Гришка!..

— Держу итак...

— Гляди под баркас не пушай!.. Гляди!..

Через минуту Григорий переводя дух подвел к баркасу лежавшего на боку сазана. Иван Семенович сунулся было с черпаком, но сазан напрягая последние силы вновь ушел в глубину.

— Голову ему подымай! Нехай глотнет ветру, он посмирнеет!.. — [*Голову подымай!..*]

— Перехватив треснувшее **пополам** удилище Григорий [*вновь*] **снова** подтянул измученного сазана к баркасу. Зевая широко раскрытым ртом от ткнулся носом в шершавый борт и стал пошевеливая **оранж.** плавниками².

— Отвоевался!.. — крякнул Иван Семенович ввалив его в черпало.||

<Л. 5 об.>

8.

Посидели еще с полчаса.

— Должно последнего³ поймали! — вздохнул старик.

— Давай, батя либо собираться?

¹ ППС: «удержал равновесие».

² Против абзца на левом поле снизу вверх написано: «Дурнило».

³ Справа красным карандашом проставлен вопросительный знак.

— Сматывай што-ли.

Григорий оттолкнулся от берега и взял весло. По лицу отца он заметил, что тот хочет ему что-то сказать. Проехали половину пути. Григорий молча глядел на разметанные под горой дворы станицы.

— Ты, Гришка, вот што... — нерешительно начал старик теребя завязки у мешка, лежащего под ногами, — Примечаю я, ты никак тово... за Анисьей Степановой...

Григорий багрово покраснел и отвернул лицо в сторону. Воротник рубахи врезаясь ему в черную прижженую солнцем шею выдавил белую полоску.

— Так ты у меня гляди, — уже строго и зло продолжал старик, — Степан нам сосед и я не дозволю, штоб ты охальничал с ево бабой! Тут дело может до греха дойти. И я тебя упреждаю наперед, штоб больше я ничево не слышал и не видал. Гляди у меня! Иван Семенович сучил пальцы в кулак и жмуря лошадино выпуклые глаза глядел [на отходив] как [на] с [лице] лица Григория [отходила] сходила прихлынувшая кровь.

— Наговоры! — глухо буркнул Григорий. Он оправил<ся> и прямо поглядел отцу в синеватую переносицу¹.

— Ты помалкивай! Знаю я.

— Мало што люди гутарют...

— Молчи, [Григорий] сукин сын!

Григорий замолчал и с силой налег на весло. Баркас пошел прыжками. [Сзади] Завитушками заплясала убегающая назад вода. До самой пристани молчали оба. Уже подъезжая к берегу отец напомнил.

— Гляди не забудь... А нет — так с нонешнево дня, штоб ни шагу, прикрыть все игрища и другие отлучки из дому.

Григорий смолчал. Примыкая баркас спросил:

— Рыбу бабам отдать, што-ли?

— Понеси купцам продай, — Помягчев сказал Иван Семенович, — Может на табачишку нужны деньги, аль ишо на што. Деньга она кажин раз сгодится.

Григорий положил ключ от баркаса в карман и покусывая губы медленно шагая пошел за отцом домой.

«Выкуси, батя! Хоть стреноженный, а на игрища ноне уйду.» думал он злобно обгрызая глазами затылок шагнувшего впереди отца.||

<Л. 6>

[41.] 9.

Вставная глава.

К медно-красной чешуе сазана присох песок. Григорий заботливо обмыл его и провздел сквозь жабры хворостинку. Он уже вышел за ворота — навстречу друг Митька Коршунов. Из узеньких щелок пьяно маслятся желтые с прозеленью кошачьи глаза. Зрачки узкие и поэтому взгляд Митьки текуч, неуловим. Сутуля спину, высокий и гибкий подошел к Григорию.

¹ ППС: «в синеватую переносицу поглядел отцу».

- Идей-то с рыбой?
- Нынешний улов. Несу купцам продать.
- Моховым што-ли?
- Ага.

Митька измерил глазами сазана, тронул носком сапога воткнувшийся в пыль лопушистый хвост.

- Фунтов четырнадцать?
- С четвертью. Прикинул на безмене.
- Возьми меня, торговаться буду.
- Пойдем.
- На табак приплотишься?
- Ладно уж.

Пошли рядом. От церкви от обедни тянулся народ. Посреди улицы рядышком вышагивали три брата Шумилины. Старший Алексей безрукий с изуродованной щекой, шел в середине. Тугой воротник мундира подпирал ему жилистую шею, редкая, кучерявым клинушком борода, задорно бочилась, левый глаз нервически помаргивал. С молодых лет на стрельбище разорвалась в руках у него винтовка, кусочек затвора пробил щеку чуть пониже глаза, с тех пор глаз к делу и не к делу подмигивает, голубой шрам тянется до уха зарываясь в жестких прямых волосах. Левую руку оторвало ему по локоть, но и одной правой крутил Алексей цыгарки искусно и скоро: прижмет кисет к [выпуклой] **выпуклому заслону** груди, зубами оторвет нужный клочек бумаги, согнет его лодочкой, всыпет табаку, крутнет пальцами и острым языком прислунявит конец. Не успеешь оглянуться, а Алексей помаргивая уже жует цыгарку редкими черными зубами и просит огоньку. Безрукий, но правая рука как гиря. Сила диковинная. На пахате как-то осерчал на быка, кнута под рукой не оказалось, стукнул кулаком по бычиному лбу, а бык лег на колени, изо рта слюна, из ушей кровь, насилу отлежался. Первый в станице кулачник — Алешка безрукий, остальные братья до мелочей схожи с Алешкой. Такие-же низкорослые, шириной в дуб, только рук у каждого по паре.

Григорий поздоровался с братьями. Митька прошел до отказа отвернув голову. На масленице на стенке не пожалел Алексей-безрукий молодых Митькиных зубов. Махнул наотмашь||

<Л. 6 об.>

[42.] **10.**

и остались два Митькиных зуба на сизом [льду] исцарапанном каблуками льду Дона. Как-же после этакого случая Митьке здороваться с братьями Шумилинами.

- Алексей поровнявшись подряд мигнул раз пять.
- Продай чурбака.
- Купи.
- Почем просишь?
- Пару быков да жену в придачу.
- Алексей **ощеряясь** замахал обрубком руки.

— А приплод возьмешь?

— [Тебе] Себе на завод, оставь. — зубоскалил Григорий.

На площади возле церковной ограды толпились казаки. В кругу махал руками высокий старик.

— Дед Гришака про турецкую войну брешет. — указал Митька глазами. —

Подойдем послушаем?

— Покель будем слушать сазан провоняется.

— Чудак, он распухнет — в весе прибавиться.

На площади за серым пожарным сараем, где с обломанными оглоблями стояли пожарные бочки зеленеет крыша Моховского дома. Григорий шагая мимо сарая сплюнул и зажал нос, из-за бочки застегивая шаровары, — пряжка в зубах, — вылезал старик.

— Приспичило? Ась? — съязвил Митька.

Старик управился с последней пуговицей и вынул изо рта [рем] пряжку.

— А тебе што?

— Носом навтыкать-бы надо! Бородой! Бородой! Штоб старуха за неделю не отбанила.

— Я тебе, стерва навтыкаю! — обиделся старик.

Митька остановился щуря глаза, как от солнца.

— Ишь ты какой об-ра-зо-ванный!..

— Сгинь, сукин сын! Што присучился? А то и ремнем!..

Григорий посмеиваясь подошел к крыльцу. Перила завиты густой колостью дикого винограда. Терасса в зеленой полутьме. Боязливо ступая по крашеным порожкам он подошел к двери.

— Во, Митрий, живут люди.

— Ручка и то золоченая. — Митька приоткрыл дверь на терассу и фыркнул:

— Деда-бы энтого сюда направить...

— Кто там? — окликнули их с терассы.

Григорий робея пошел первый. [По] [крашеным] крашенные [блестящим] блестящие [доскам] доски мел сазаний хвост.

— Вам кого?

В плетеной качалке девушка в белом. На блюдечке черная малина. И пахнет возле нея <sic> прянно и сладко черной малиной и неведомым острым запахом каких-то духов. Григорий молча||

<Л. 7>

[43.] 11.

глядел на розовое сердечко полных губ, [двигавшихся] зажавших ягодку малины. Девушка склонив голову ждала ответа. Ягодка малины терпеливо покоилась в теплых губах. Григорий молчал. На помощь ему выступил Митька.

— Рыбки не купите? — он кашлянул в кулак и пристально поглядел на склоненую головку девушки.

— [Рыбу?] Губы разжались пропуская в рот малину, чему-то улыгнулись быстро и чуть приметно.

— Рыбы? Я сейчас скажу.

Она качнула кресло вставая. Пошла шлепая вышитыми надетыми на босую ногу туфлями. [Григорий] Митька удивился белизне ее ног, лишь на **круглой** пятке кожа была молочно-желтая. Солнце просвечивало белое платье и Митька увидел смутные очертания [ее] **полных** ног и широкое волнующееся [шитое] кружево нижней юбки.

— Во, брат, юбка... — толкнул он вместо Григория сазана, — Наскрозь все видать... Как скло. Девушка вышла из дома и мягко повалилась в кресло.

— Пройдите на кухню.

Григорий ступая на носках пошел в дом. Митька стоял отставив ногу и жмурясь глядел на белую нитку пробора, разделявшего волосы на ее голове на два золотистых полукруга. Девушка положила на перило книжку. Озорными неспокойными глазами оглядела тонкую Митькину фигуру.

— Вы из станицы?

— Станишный.

— Чей-же это?

— Коршунов.

— А звать как?

— Митрий... Митькой [зовут.] кличут.

Она внимательно осмотрела свою руку, лежавшую на ручке кресла и быстрым движением подобрала ноги.

— Женат?

— А што вам?

— Так просто, интересно.

— Нет, не женатый.

Митька почему-то скраснелся, а она играя улыбкой и кистью осыпавшейся на пол малины спрашивала:

— Что-же, Митя, девушки вас любят?

— Какие любят, а какие и нет.

— Ска-жи-те... А почему-же это у вас глаза, как у ... кота?

— У кота? — потерялся в конец Митька.

— Да, да у кота!

— А это у матэри <sic> моей спросите.||

<Л. 7 об.>

[44.] 12.

— А вы любите красивых девушек?

— Увижу, ажник зубами скрегочу!.. — Митька оправился от минутного смущения и [изр] мерцая желтизною кошачьих своих глаз **нагло** глядел на нее¹.

— Это отчего-же?

— Дюже до них жадный.

Она расхохоталась затаённым и неискренним смехом.

— Ничего себе... Нагловат, но в меру.

— Што гутаришь?

¹ Против фразы на левом поле красным карандашом проставлен знак «V».

— Шустрый, вы, паренек, говорю.

— У нас вся порода такая.

Из кухни доносились голоса: робкий — Гришкин и певучий, [елейный] **масляный** [женс] кухаркин.

— Нравится вы мне, Митя. — просто сказала девушка и поиграла оголенной веточкой малины¹.

Митька перебирая тусклое серебро казачьего нарядного пояска [молчал] **молча** [и] улыбался.

— Это кто-же у вас рыбу ловит? — спросила [глядя] избегая Митькиных глаз.

— Григорий, [това] друзьяк мой.

— А вы рыбалите?

— Рыбалим и мы, коль охота набредет.

Девушка оживилась, задвигала под креслом [молочно-желтыми] молочно-желтым атласом босых ног.

— Вот, что, Митя. Возьмите меня как-нибудь поудить. А? Я страсть как люблю².

— Ну, што-ж, пойдем.

— Как-же это устроить-бы?

— Вставать [больно] **дюже** рано надо.

— Встану, только разбудите.

— А, отец?

— Что — отец?

Митька улыбнулся замаявшись.

— Как-бы он мне собаками не притровил.

— Глупости! Я сплю **одна** в угловой комнате, вот это окно, — указала она пальцем, — как придете — стукнете мне в окошко и я встану.

[— *Ладно. Как-нибудь подыму. Баркас свой есть.*]

С улицы по крыльцу зашаркали шаги. Девушка откинулась на спинку кресла и словно крапивой обожгла Митьку коротенькой улыбкой. На террасу вышел сам хозяин — Сергей Платонович. Мягко [ступая] шаркая шевровыми просторными ботинками, с достоинством пронес он мимо посторонившегося Митьки свое полнеющее тело.

— Ко мне? — спросил пройдя и не поворачивая головы.

— Это, папа, рыбу принес продовать.||

¹ Против фразы на левом поле красным карандашом проставлен знак «V».

² Против фразы на левом поле красным карандашом проставлен знак «V».

<Л. 8>

[1.] [2.] {13.}

[Вешенская
6го ноября 1926 г.]

[Тихий Дон]

[(роман)]

[Часть первая.]

[1.] 3¹.

Григорий пришел с игрищ [в полночь] после первых петухов. [Из сенцев пахнуло] Тихонько отворил дверь в сенцы. Пахнуло запахом перекисших хмелин и острым мертвячим душком вянущего чеборца. Чуть слышно поскрипывая сапогами, **закусив губу** и [ступая] на носках прошел в горницу. [Из кухни] Разделся [быстро], бережно вывернул на изнанку [суконные] **праздничные** синие шаровары с лампасами, повесил их на спинку кровати, перекрестился и лег. На полу желтый квадрат лунного света, в [окно видно] углу под расшитыми полотенцами тусклый глянец **посеребренных** икон, над кроватью на подвеске глухой мушиный стон. Задремал было, но в кухне заплакал ребенок. Певуче заскрипела люлька. [Дарьи] **Дарья** — [жены] [братниной] **братнина** [жены] **жена** [сонный] **сонным** [сердитый] [голос] **голосом** бормотнула²

— Цыц! Нет на тебя угону, все будет ворочаться, да реветь... Спи!

Поскрипывает на ремнях люлька, задыхаясь от кашля [кричит] **верещит** ребенок, Дарья в полголоса поет:

Колода-дуда...
Иде-ж ты была?
Коней стерегла.
Чево выстерегла?
Коня с седлом,
С золотым махром...

Григорий засыпает под мерный баюкающий напев, сквозь сон вспоминает, «А ведь завтра Петру в лагери идти. Останется Дашка с дитем... Ну, да месяц, какой, обойдемся и без него...»

[Лезет] **Зарывается** головой [под] в горячую [душную] подушку, но в уши назойливо ползет баюкающая песня.

«А иде-ж твой конь?
За воротами стоит.

¹ У начала главы на левом поле проставлена дата: «8/XI».

² ППС: «{Сонный} Сонным [сердитый] [голос] голосом [Дарьи] Дарья — [жены] [братниной] братнина [жены] жена бормотнула».

А иде-ж ворота?
Вода унесла.

Григорий засыпает совсем. Просыпается оттого, что на базу залиvisto ржет Петров строевой конь. Григорий встает, [*шарит*] **что-бы сводить к Дону напоить коня и вялыми [руками] бессильными пальцами** застегивая воротник рубашки, **качаясь, опять** засыпает [*под*] [*опять*] под тихую текучую песенку и скрип люльки.

«А иде-ж гуси?
В камыш ушли.
А иде-ж камыш?
Девки выжали.
А иде-ж девки?
Девки замуж ушли.
А иде-ж [му] казаки?
На войну пошли...¹ ||

<Л. 8 об.>

[2.] [10.] {14.}²

По Дону наискось [*изломанная волнистая лунная стежка*] **волнистый, никем неезженный лунный шлях**. Над Доном туман, а сверху [*рассыпанно золотое*] звездное просо³. Григорий ведет коня по проулку, лицо шекочет **налетевшая** паутина. Сон пропал. Конь идет [*осторожно*] **сторожно** переставляя ноги, к воде спуск крутой. На той стороне крикают дикие утки, возле берега в тине взвертывает [*хвостом*] **омахом** охотящийся на мелочь сом.

Возвращаясь домой Григорий смотрит [*через проулок*] на [*восток*] **восход**. [*За [станцией] хутором*], за увалом [*бугристой*] **бугра** [*хребтиной обдонских меловых гор чуть приметно сизеет небо, [меркнут] дотлевают под пепельным пологом рассвета*] **звезды и тянет легонький предрассветный ветерок**] **на пепельном пологе сизеющего неба доклеывает [рассвет] краснохвостый день звездное просо. Скоро свет.**

Возле конюшни сталкивается с матерью.

— Это ты, Гришка?

— А то кто-ж.

— Напоил коня?

— Напоил. — нехотя отвечает Григорий. Мать откинувшись назад несет в завеске на затоп кизеки, тяжело ступает старчески дряблыми босыми ногами.

— Иди буди [*Петра*] **Астаховых**. Не рано уж⁴.

Прохлада бодрит Григория тело в **колючках** [*мурашках*] **мурашек**, [*от бессонной ночи свежее голова.*] **Григорий перелазит через плетень к Астаховым и Через три ступеньки [беспричинно улыбаясь] [бежит] взбегает [но] на**

¹ Слева проставлен знак «V» красным карандашом.

² Против слов «Возле конюшни сталкивается с матерью» на левом поле проставлена дата: «9/ХI».

³ ППС: «просо звездное».

⁴ Против фразы на левом поле красным карандашом проставлен знак «V», ниже вдоль текста проведена вертикальная волнистая линия.

[крыльцу] **крыльцо** [и смело хлопает] [дверью] **дверь** [в сенцы] **на заложке**. В кухне на разостланной полсти [расбросав] **расбросавшись** [руки] спит [Петро] **Степан**, рядом [Дарья] **Аксинья** [рукой чуть покачивает люльку, сама *сморенная усталю* спит]. Рубаха сбилась комком выше колен, в потемках белеют бесстыдно раскинутые ноги. Григорий секунду смотрит на них и чувствует — кровь заливает щеки, сохнет во рту. Против воли бьет в голову мутная тяжесть, глаза вороватеют... [Нагнулся.]¹

— [Дарья, — вставай!] **Эй, люди добрые, вставайте!**

Аксинья Всхлипнула **со сна** и суетливо зашарила рукой натягивая на ноги **подол рубаху**². На подушке пятнышко **уроненой** слюны; крепок заревой **бабий сон**.

— [Это] {Ой,} **кто такое?**

[— Вставай, стряпать иди... Буди Петра, светает. Григорию стыдно, будто что-то украл. Выходит в сенцы. Сзади жаркий и хриплый шепот.]

— **Это я. Мать послала [взбу] побудить вас...**

— **Мы зараз... это мы от блох ушли на пол!**

— [Петюшка] **Степан**, вставай. Слышишь? Светает.

[Петро что-то глухо бурчит, зеваает, шелестит дерюжка, Дарья что-то испуганно шепчет³ и задыхаясь тихонько смеется].

По голосу Григорий догадывается, что ей неловко, [и ух] [уходит] {уходя} слышит.

[Григорий все утро томашился помогая собираться брату и все утро его не покидало чувство какой-то [неловкости] **тяжести**. Он виновато поглядывал на Петра, искоса рассматривал его лицо, по новому всматривался в каждую черточку и упираясь глазами в глаза смущенно отворачивался.]]

<Л. 9>

[3.] [11.] {15.}

Из [станции] **хут**. в майские лагеря шло человек тридцать казаков. [Местом] **Место** сбора [был назначен] **плац**. Часам к семи по улицам потянулись к плацу [накрытые пологам] повозки **с брезент. будками**, сзади шли и ехали верхами принаряженные в [чистые] **майские** парусинные рубахи казаки. Петро стоя на крыльце наспех прилаживал к уздечке какой-то ремешок. [Сам старик Иван Семенович] **Пант. Прок.** похаживал возле Петрова коня, [осматривал подковы,] подсыпал в корыто зерно, изредка покрикивал⁴:

— **Дуняшка, сухари зашила? Сало-то солью пересыпала**

Черноглазая, раздурманенная [беготней] Дуняшка птицей летала от стряпки к [дому] **куреню**, на окрики отца [махала рукой и [блестя] **поблескивая [синим синими [глянцем] белками глаз смеялась] смеясь отмахивалась.**

¹ У начала абзаца на левом поле красным карандашом написано: «Аксинья».

² Незавершенная правка, надо «рубахи».

³ ППС: «шепчет испуганно».

⁴ У начала абзаца на левом поле красным карандашом написано: «Дать сборы»; ниже проставлен знак «V».

— Вы, батя свое дело управляйте, а я братушке так уложу, што до Черкасско-ва [не будет перекладать] **не растрясетца!**..

— Не поел? — [спрашивал у отца] **осведомлялся** Петро слюнявя дратву и указывая глазами на коня.

— Жует. — степенно отвечал [Иван Семенович] **Пант. Прок.** и шершавой рукой [гладил] **разглаживал** потники.

— Доисть рыжий — [своди] [напои] **напите** его¹, [Гриша] **батя**.

— Гришка сводит. Эй, Григорий веди коня!

Высокий, поджарый, с белой на лбу звездочкой конь [играясь] **играючись** пошел со двора. Григорий вывел его за калитку, [слегка] **чуть** тронув левой рукою холку [вскинул свою] прыгнул на спину и с места тронул машистой рысью. На спуске [натянул поводья.] хотел сдержать, но конь [запросил [ходу] **поводья**, на секунду] сбился с ноги **зачастил** и [рванувшись] пошел под гору наметом². Откинувшись назад, [передергивая поводья] **почти лежа на спине коня** Григорий увидел спускавшуюся под гору женщину с ведрами. [Насилу] свернул со стежки и [[обдав] **обсыпав** шарахнувшуюся бабу тучей] **опередил** [взбаламученой] **взбаламученую** [пыли] **пыль** [круто осадил коня у самой воды] **врезался в [вод] воду**.

С горы покачиваясь спускалась [соседка] Аксинья. Еще издали голосисто [закричала] **крикнула**:

— Чертяка бешеный! Чудок конем не стоптал! Вот **погоди** я скажу отцу, как ты едешь!

— Но-но, Аксинья, не ругайся. Проводишь мужа в лагерь, небось и я ишо в хозяйстве пригожусь.

— Как-то ни чорт, нужен ты мне!

— [Гляди] начнется покос ишо попросишь, — Смеялся Григорий. Аксинья [стоя по к] **с подмостков** ловко зачерпнула на коромысле ведро воды и зажимая промеж ног надутую ветром юбку [прижмурясь оглядывала] **глянула на** Григория.

— Што-ж, твой Степан [идет в лагерь] **собралси?**

— А тебе чево [надо]?

— Какая ты... Спросить штоль нельзя?

— Ну, [идет] **собралси**, потом чево?

— Остаешься [стал] **стало-быть** жалмеркой?

— [Стал] **Стало-быть** так.

Конь оторвал от воды губы, со скрипом пожевал **стекавшую воду**,||

<Л. 9 об.>

[4.] [12.] {16.}

и насторожив уши, [глядя на ту сторону Дона] [на песчаный конец] ударил по воде передней ногой. Аксинья зачерпнула другое ведро, [перегнув] **нагнув** плечо

¹ ППС: «его [напои] **напите**».

² Против фразы на левом поле красным карандашом проставлен знак «V» и проведена вертикальная волнистая черта.

перекинула коромысло и покачиваясь, легко ступая, пошла на гору. Григорий тронул коня следом. Ветер трепал на Аксинье юбку и шевелил на смуглой шее [пушистые] **крупные** завитки волос. Розовая [ситцевая] [исподняя] рубаха **вобратая в юбку** плотно облегла крутую ее спину и полные плечи. Поднимаясь в гору она [слегка] [наклонялась] **клонила**сь вперед и Григорий ясно различал под рубахой продольную ложбинку на ее спине, видел полинявшие от пота круги подмышками¹. Глазами ловил он каждое ее движение и глядя на загорелые точечные икры ног невольно вспоминал ее такой, какой видел на заре. Ему хотелось снова заговорить с ней.

— Небось будешь скучать по мужу? А?

Аксинья на ходу повернула голову, улыбнулась.

— А то как-же. Ты вот женись, — она [устало и тяжело] переводя дух говорила прерывисто, — Женись, а тогда узнаешь, скучают, аль нет по дружечке.

Григорий толкнул коня и ровняясь с ней заглянул ей в глаза.

— А ить которые бабы ажник рады, как мужей на службу провожают. Наша Дарья, как проводит Петра, так, толстеть зачинает.

Аксинья [промолчала] **дышала раздувая ноздри**². [Полуоткрыв рот жадно хлебала воздух.] На ходу [поправив] **поправляя**³ волосы спросила:

— Тебя-то скоро женить будут?

— Не знаю, как батя. Должно посля службы.

— Молодой ишо, не женись.

— А што?

— Сухота одна.

Она исподлобья глянула на Григория, [и снова не разжимая зубы] **скупо не разжимая губ** улыбнулась. И тут в первый раз заметил Григорий, что губы у нее [розовые] [чересчур красные] **припухло-красные**, [бесстыжие] **бесстыдно** [и] жадные. Он помолчал и разбирая пальцами гриву сказал.

— Охоты нету жениться. Баб и так много.

Она остановилась, поправила на плечах коромысло [и] опалила равнодушным презрением⁴.

— **Много, да не про тебя!** Молоко на губах [не] -то обсохло? Ишь ты какой... Давно ли мать на баз водила? Туда-же о бабах гутарить. Какая дура [с тобой,] тебе **мигнет?** [ить ты] шенчишка ишо⁵!

— Да хучь-бы ты! — пыхнул Григорий.

— Ты со мной не заигрывай!

— А што? Ушибешь?

— Степану скажу словцо...

— Я твое Степана...

— Гляди, храбрый, слеза капнет.

— Не пужай!

¹ Против фразы на левом поле красным карандашом проставлен знак «V».

² ППС: «раздувая ноздри дышала».

³ ППС: «[поправив] поправляя на ходу».

⁴ ППС: «равнодушным презрением опалила».

⁵ ППС: «ишо шенчишка».

— Чево там пужать, твое дело с девками. Пушай тебе утирки вышивают, а на меня не заглядывайся!!

<Л. 10>

[5.] [13.] {17.}

— Нарошно буду глядеть!

— Ну, гляди коль охота есть. — Аксинья примиряюще улыбнулась и сошла со стежки нороя обойти коня. Григорий повернул его боком загородив дорогу.

— Пусти, Гришка.

— Не пушу!

— Не дури, мне некогда, надо Степу собирать.

Григорий улыбаясь горячил коня, тот переступая теснил Аксинью к яру.

— Пусти, дьявол, вон люди идут! Увидят, што подумают? — она метнула испуганным взглядом по сторонам и прошла хмурясь и не оглядываясь.

[2.] [4]

Петро попрощался с родными [и] вышел на крыльцо. Придерживая левой рукой шашку он торопливо сбежал по порожкам и отвязал от перила коня. Конь беспокойно переступал, [и] пенясь грыз мундштуки. Держась за луку [и] поймав ногой стремя [он *оглядываясь что-то говорил отцу*]. Петро [не садясь] подпрыгивал на одной ноге, [и] говорил отцу [*ходившему за ним следом*]¹.

— Лысых работой не нури, батя, заосеняет может² продадим. Гришке[-то надо ить³] коня справлять. Степную траву опять-же не продавай, в лугу ноне сам знаешь какие сена будут⁴...

[Иван Семенович молча покусывал кончик бороды и смотрел мимо Петра.]

— Ну, с богом! — проговорил Пант. Прокоф.

Петро привычным движением вкинул в седло свое костистое тело и поправляя сзади складки рубахи собранные поясом чмокнул губами. Конь пошел к воротам. Дарья с [дитем] ребенком на руках пошла следом, мать вытирая рукавом глаза стояла посреди двора. [Тринадцатилетняя] Дуняшка [взбрыкнула] козой [и кинулась опрOMETRY] скакнула к воротам.

— Братушка, пирожки!.. Пирожки забыл!.. Пирожки с картошкой!..

— Чево орешь-то дуреха! — прикрикнул на нее Григорий. Петро улыбаясь оглянувшись, [махнул рукой] и [легонько] шелкнув по сапогу плетью [тронув от ворот рысью.] зарысил к плацу.

— Остались пирожки[-то]⁵! — прислонясь к калитке стонала Дуняшка и на измазанные горячие щеки, а со щек на будничную кофтенку [надали] слезы. Да-

¹ ППС: «Держась за луку [и] поймав ногой стремя [он *оглядываясь что-то говорил отцу*]. Конь беспокойно переступал, [и] пенясь грыз мундштуки. Петро [не садясь] подпрыгивал на одной ноге, [и] говорил отцу [*ходившему за ним следом*].»

² ППС: «может заосеняет».

³ ППС: «ить надо».

⁴ Против двух последних абзацев на левом поле красным карандашом проведена вертикальная волнистая черта и проставлен знак «V».

⁵ ППС: «Пирожки[-то] остались!»

рья из-под ладони следила за белой мужниной рубахой, подрагивавшей над крупом коня, окутанной [кисейной] пылью, [отец] **Пант. Прок.** [поглядел вслед, потом перевел взгляд на ворота и] раскачивая подгнивший столб поглядел на Григория

— Ворота надо поправить, да на углу стоянок врыть, — подумав добавил, — уехал Петро!||

<Л. 10 об.>

[6.] [14.] {18.}¹

Через плетень Григорий видел, как собирался Степан. Принаряженная в зеленую шерстяную юбку Аксинья подвела ему коня. Степан улыбаясь что-то говорил ей. Он неспеша поцеловал жену и долго не снимал руку с ее плеча. Черная от загара и работы рука пятном выделялась на беленькой Аксиньиной кофте. Степан стоял к Григорию спиной, через плетень было видно его тугую красиво подбритую шею, широкие немного вислые плечи и [кончик рыжего] когда он наклонился к жене — кончик закрученного русого уса. Аксинья чему-то смеялась и отрицательно качала головой. Рослый вороной конь качнулся, когда Степан стал на стремя. Он шагом поехал из ворот, сидел [прямо] в седле прямо, не поворачивая головы, а Аксинья шла рядом держась за стремя, и снизу вверх, любовно и жадно, по собачьи заглядывала ему в глаза. Так миновали они Мелеховский двор и скрылись за поворотом².

Григорий хмуро проводил их взглядом и посапливая пошел в дом.

[3.] 10

За два дня до Троицы станичные растрясали луг. На дележ ходил Иван Семенович. Пришел оттуда [затемно] в обед, кряхтя скинул чирики и смачно почесывая натруженные ходьбой ноги сказал.

— Досталась нам делянка возле Красного Яра. Трава не особо шток дюже добрая... Верхний конец до лесу доходит, кой-где голощечины, пырейчик проскакивает.

— Когда-ж косить? — спросил Григорий.

— С праздников.

— Дарью возьмете штоль? — нахмурилась мать.

Старик махнул рукой.

— Куда там ее с дитем [сами] сами с Гришкой управимся. [Вечерять] Полудновать-то собирай, старая, чево стоишь раскрылилась?

Старуха загремела заслонкой и выволокла из печи пригретые щи. Сели за стол. Дуняшка сметая в ладонь хлебные крошки робко глянула на отца.

— Батяня, а копнить кто-же будет?

— А ты-то [чево] што будешь делать?

¹ Против слов «Через плетень Григорий видел» на левом поле проставлена дата: «10/XI».

² Против абзаца на левом поле написано: «Троица 20» и «Лагери с 1го мая по 31ого мая»; поверх написанного знак «V» и вопросительный знак красным карандашом.

— Одной неуправно.

— Аксютку Степанову кликнем, пособит. Степан **надысь** просил скосить ему. Надо уважить.

[Григорий нахмурился, но в душе обрадовался отцовым словам. Аксинья не выходила у него из ума. Весь день перебирал он в памяти утренний разговор с нею, перед глазами мельтешилась ее улыбка и тот любовно-собачий взгляд **снизу вверх**, каким она [снизу вверх] глядела <1 слово нрзб.> [проводжала] **проводжая** мужа. Зависть росла к Степану и непонятное чувство озлобления]¹.||

<Л. 11>

[7.] [15.] {19.}²

Гл. 5.

[На другой день] К вечеру собралась гроза. Над станицей наплыла бурая туча, [по Дону] **Дон** [залохматились] **залохматился** [гребнистые] **гребнистыми** [волны] **кудрями**, за ливадами палила небо **сухая** молния и редкими раскатами давил землю гром. Под тучей распластавшись колесил коршун, за ним с криком носились вороны. Туча шла вдоль по Дону с запада. За лесом грозно чернело небо, степь выжидающе молчала. [Дуняшка крестясь закрывала ставни] По [станнице] хлопали закрываемые ставни, [из и] от вечерни спешили крестясь старухи, на плацу покачиваясь кружился серый столбище пыли и на растрескавшуюся, отягощенную вешней жарою землю падали первые горошины дождя.

Дуняшка болтая [туго заплетенной] косичкой [рысью] прожгла по двору, захлопнула дверцы курятника и [широко] оглядывая нарастающую [громаду] облачную громаду **широко открытыми глазами**, [двигая] **раздувая** [ноздрыми] **ноздри** остановилась посреди двора. На улице взбрыкивали ребятишки. Восьмилетний [Степанов] **Аксиньин** Мишка вертелся приседая на одной ноге, на голове его **закрывая глаза** кружился непомерно большой отцовский с красным околышем картуз, и пронзительно голосил:

— Дождюк, дождюк [припусти] **припусти!**
Мы поедем во [кусты] **кушты**
Богу [молится] **молитца**
[Христу] **Хришту** [поклонится] **поклонитца.**

Дуняшка завистливо глядела на босые густо усыпанные ципками Мишкины ноги³, топтавшие ожесточенно землю. Ей тоже хотелось приплясывать под дождем и мочить голову, чтоб волос рос густой и курчавый, хотелось вот так-же, как Мишкиному товарищу [стать] **укрепиться** на придорожной пыли **стоя** вверх ногами, с риском повалиться в колючки, но в окно глядела мать и что-то сердито шлепала губами. Вздохнув Дуняшка побежала в дом. Дождь спустился ядерный

¹ Текст «За два дня до Троицы ~ Зависть росла к Степану и непонятное чувство озлобления» заключен в рамку. На левом поле синими карандашом написано: «Перенести этот отрывок к гл. 6/10».

² Против слов «По [станнице] хлопали закрываемые ставни» на левом поле проставлена дата: «11/XI».

³ ППС: «Мишкины ноги, густо усыпанные ципками».

и частый. Над самым домом треснул [громовой] гром [удар]. В сених красный вспотевший Гришка и отец тянули из бокоуши скатанный бредень.

— Неси суровые нитки и иглу-цыганку! [Быстро!] Шибче шевелись! — крикнул [он] Григорий на Дуняшку.

В кухне зажгли огонь. Бредень сели зашивать Дарья и Дуняшка. Старуха укачивая дитя бурчала:

— [И] ты, старый сроду на выдумки. Спать ложились-бы, гас ить он все дорожает, а ты жгешь? Какая таперича ловля? Куда вас чума понесет? Ишо перетопнете... Там ить на базу страсть божья, ишь как молонья-то полыхает. Господи Иусе Христе...

[Ахнул гром.] В кухне на секунду стало ослепительно сине, следом ахнул гром. Дуняшка [охнула] пискнула и ничком ткнулась в бредень, Дарья мелкими крестиками [чертила] крестила окна и двери, старуха||

<Л. 11 об.>

[8.] [16.] {20.}

страшными глазами глядела на ластившуюся [к ней] у ног ее кошку.

— Дунья, [гони] ах, гони ты ее прок... царица небесная прости меня грешницу... Дунья, кошку выкинь на баз! Брысь ты, нечистая сила! Штоб ты...

Григорий затрясся от беззвучного хохота и уронил камол бредня. Отец строго оглядел всех, [крикнул]

— Ну, чево вы вскагакались? Цыцьте! Бабы, живо зашивайте! Надьсь говорил, оглядите бредень. У вас сроду, как на охоту ехать, так собак кормить.

— И какая теперя рыба... — заикнулась было мать.

— Не разумеешь так молчи! — прикрикнул старик. — [Тепер] Самое стерлядей на косе [братъ] возьмем. Рыба зараз к берегу идет, боится бурю, Вода уж небось мутная пошла. Ну ка выбеги Дуняшка, послухай играет ерик?

Дуняшка нехотя, бочком пошла к дверям.

— Кто-ж бродить пойдет? Дарье нельзя, мовет груди застудить. — неунималась старуха

— Мы с Гришкой, а с другим бреднем Аксинью покличем и [ишо] ково-нибудь из [Дроздовых] баб.

Дуняшка вскочила [хлопнув дверью] запыхавшись. На волосах ее, на ресницах и на щеках перламутром блестели капельки дождя, от нее запахло дождем и размокшим черноземом.

— Ерик гудет, ажник страшно!

— Пойдешь бродить с нами?

— А ишо кто пойдет?

— Позовем баб.

— Пойду!

— Ну, накинь зипун и скачи к Аксинье. Скажи ей ежли пойдет — пуцай покличет с собой Малашку Фролову.

— Энта не замерзнет, — засмеялся Григорий, — на ней жиру, как на добром борове.

— Дарья, достань нам старые шаровары. — распорядился [*Иван Се*] старик сворачивая цыгарку.

— [*Вы*]**Ты**-бы сенца сухова [*взяли*] **взял**, **Гриша** — советовала мать, — под сердце [*подложили*] **подложил**-ба, а то [*застудите*] **застудишь** нутрё.

— Григорий, беги за сеном. Старуха верное слово сказала.

[*Минут*] Через полчаса Дуняшка привела баб. Аксинья в рватенькой **подпоясанной веревкой** кофтенке и в синей исподней юбке выглядела меньше ростом и худее. Она [*посмеиваясь*] **пересмеиваясь** с Дарьей сняла с головы платок, потуже закрутила в узел волосы и покрываясь **откинув голову** холодно оглядела Григория. Толстая [*Маланья*] **Малашка** завязывала у порога чулки, простуженно хрипела

— Мешки[-*то*] взяли? Истинный бог мы ноне шатанем рыбы! [*Павло и Алешка Дроздовы ребята только-што обое*¹ *прошли с женами к Дону*]. Теперь там народу сила темная!||

<Л. 12>

[9.] [17.] {21.}

[*Кучей*] вышли во двор. На размякшую землю густо лил дождь, [*пенил*] **пенились** лужи, [*потоками*] **потоки** сползал² [*по проулкам*] к Дону. Григорий шел передом. Ему было безпричинно весело.

— Гляди, батя, тут канава.

— Эка темень-то, в упор не вижу!

— Держись за меня, Аксютка! — хрипела Маланья.

У Дона стонущий рев. Ветер рвет на клочья косое полотнище дождя. Дуняшка подрагивая жметса к Григорию, цепляется за его руку.

— Глядите, бабы никак [*Астахова*] пристань? —

— Она и есть, Иван Семеныч.

— Отсель будем... зачинать... — [*сквозь*] **осиливая** хлобыстающий ветер шумит старик.

— Не слышно!.. — хрипит Маланья.

— Заброди с богом!.. Я от глуби... от глуби говорю, Малашка, дьявол глухой, куды тянешь? Я пойду от глуби!.. Григорий! Гришка! Слышишь? Аксинья пушай от берега. [*Ну, [пошел] трогай.*]

Григорий ощупывая ногами дно по пояс окунулся в воду. Липкий холод дополз до **груди и обручем стянул [сердца] сердце**. В лицо, в зажмуренные глаза, словно кнутом стегает волна.

— Погоди... не сразу... — стонет Аксинья.

Бредень надувается шаром и тянет в глубину. Обутые в шерстяные чулки ноги Григория скользят по песчаному дну, камол, как живой рвется из рук. Глубже, глубже... Уступ. Ноги не достают дна. Течение напористо тянет вниз, несет к середине. Григорий правой рукой с силой огребается к берегу. Опять земля. По ноге черкает какая-то большая рыба.

¹ ЛПС: «Дроздовы ребята только-што обое Павло и Алешка».

² Правка не завершена, надо «сползали».

— Обходи глубе!.. Тина!.. — откуда-то из пустой [черной] **черноты**¹ [темноты ревет] **голос** [отец] **отца**. [Пятисажженный] [Семисажженный] **Восьмисажженный** бредень накренившись **опять** ползет в глубину.

Григорий задирая голову плывет, фыркает.

— Аксинья, жива?

— Жива покедова! — и тихонький смешок.

— Перестает никак дождик?

— Маленький перестает, зараз большой тронется.

— Ты потихоньку... Отец услышит — ругаться будет.

— Испужался отца, а тоже...

— Молчи!..

— С минуту тянут молча. Вода, как липкое тесто вяжет каждое движение.

— Гриша, у берега кубыть карша... Надоть обвесть... —

Страшный толчек далеко отшвыривает Григория. Грохочущий всплеск, будто с яра рухнула в воду скотинья.

— Аааа!.. — визжит где-то у берега Аксинья.||

<Л. 12 об.>

[10.] [18.] {22.}

Перепуганный Григорий вынырнув плывет на крик.

— Аксинья!..

Ветер и текущий шум воды.

— Аксинья!.. — холодея от страха кричит Григорий.

— Эгей!.. Гри-го-ри[й]-и-ий!.. — издалека **приглушенный** отцов голос.

Гришка с судоржной быстротой кидает взмахи. [Земля и под ногами] что-то вязко путает ноги. Схватился рукой — бредень.

— Гриша, иде ты?.. — Аксинын плачущий голос.

— Што-ж ты не откликалась, сука?.. — на четвереньках выбираясь на берег сердито орет Григорий. Присев на корточки, дрожа разбирают спутанный комом бредень. Из разодранной пополам тучи вылупливается месяц. За станичным займищем коротко постукивает гром. Земля лоснится не впитанной влагой, небо выстиранное дождем строго и ясно. [Тучи в] Светло. Григорий распутывая бредень взглядывает на Аксинью. Лицо ее мелово бледно, но красные [слегка] **чуть** вывернутые губы уже смеются.

— Как оно меня шибанет на берег, — переводя дух рассказывает она, — от ума отошла. Спужалась до смерти! Я думала, Гриша ты утоп.

[Руки] **Рука** Григория сталкиваются² с ее руками. Аксинья на минутку задерживает ее и пробует просунуть **свою** руку в мокрый его рукав.

— Как у тебя тепло-то за рукавом, — жалобно говорит она, — а я замерзла. Колики по телу пошли.

— Вот он проклятуший сомяка где саданул!

Григорий раздвигает на середине бредня дыру аршина полтора в поперечнике.

¹ ППС: «из [черной] черноты пустой».

²Правка не завершена, надо «сталкивается».

— Как он не упер с бреднем!.. — хохочет Аксинья.

От косы бежит [*человек*]. Григорий вглядывается и угадывает Дуняшку. Еще издалека кричит ей.

— Нитки у тебя?

— Тут.

Дуняшка запыхавшись подбегает.

— Вы чево-ж сидите? Батянька прислал штоб скорейча шли к косе. Они там полмешка стерлядей наловили.

Аксинья лязгая зубами наскоро зашивает дыру на [*бредень*] бредне и рысью, что-бы согреться, все бегут на косу.

Иван Семенович рубчатыми от воды и пухлыми, как у утопленника пальцами крутит цыгарку, приплясывая хвалится.

— Раз забрели — восемь штук, а в другой, как вытянули ... — он делает передышку закуривает и молча показывает ногой на мешок. Аксинья с любопытством заглядывает. В мешке скрежет и треск: живая стерлядь бьется цепляясь одна об другую колючей чешуей. [*Белой рыбы*]]

<Л. 13>

[11.] [19.] {23.} ¹

[*почти нет*]

— А вы што-ж отстали?

— Сом бредень пробил.

— Зашили?

— Кое-как ячейки посцепляли².

— Ну, дойдем до колена и домой. Забрдайте, [*теперь светло*].

Одеревяневшими ногами Григорий переступает [*натягивая комол*].

Аксинья дрожит так, что дрожь ее ощущает Григорий через бредень.

— Не трясись!

— И рада-б, да дух не переведу.

— Давай вылазить будь она проклята [*и*] рыба эта.

Крупный сазан золотым штопором падает через бредень. Григорий учащая шаг загиная бредень [*к берегу*]. Аксинья согнувшись выбегает на берег. По песку шуршит [*хлынувшая*] схлынувшая назад вода и рыба.

— Через займище пойдем? — спросила Аксинья.

— Пойдем. Тут ближе. Эй вы, там, скоро?

— Идите, догоним. Тину выбираем из бредня, — буркнул [*перезябший*] лязгая зубами Иван Семенович.

¹ Против слов «Одеревяневшими ногами Григорий переступает» на левом поле проставлена дата: «12/Х1».

² ППС: «посцепляли ячейки».

Аксинья морщась выжала юбку, подхватила на плечо бредень и почти рысью пошла по косе. Григорий взвалив мешок с рыбой [*поспешил*] **потянул** следом. С полверсты шли молча.

— Моченьки моей нету! Ноги с пару сошлись.

— А вот прошлогодняя копна, может погреешься? — предложил останавливаясь Григорий.

— И то. Покель до станицы дойдешь — помереть можно.

Григорий свернул на бок верхушку копны и вырыл яму. Слежалое сено удрало [*дурманно-*]пьяным запахом подопревшей горячей от дождя травы.

— Лезь в середку. Тут как в печке.

Аксинья кинув бредень по шею зарылась в сено.

— А ты чево-ж? [*Ложись*] **Садись** рядком. То-то благодать!

Григорий подрагивая от холода и волнения прилег рядом. От мокрых Аксиньных волос тек нежный дурмящий запах. Она лежала запрокинув голову, полуоткрыв рот. Ноги ее касаясь ног Григория подрагивали.

— Волосы у тебя дурнопьяном пахивают, — шепнул наклоняясь Григорий. Она промолчала.

Туманен и далек был взгляд ее устремленный на ущербленный колосистый месяц¹.

Выпростав из кармана руку Григорий плотно прижал ее к себе. Выгинаясь она резко привстала

— Пусти!

— Помалкивай.

— Пусти, а то зашумлю!

Запрокинув ей голову он зубами сомкнул [*ей*] **ее** губы и повалил на спину. Аксинья застонав шархнула в сторону, вырвалась, крикнула||

<Л. 13 об.>

[12.] [20.] {24.}²

— Дядя Иван!..

— Ай заблудила? — совсем близко [*откликнулся*] **отозвался** Иван Семенович. Григорий скрипнув зубами прыгнул с копны и поднял мешок с рыбой.

— Ты чево шумишь? Ай заблудилась? — подходя к развороченной копне [*посмеиваясь*] переспросил Иван Семенович.

Аксинья стояла возле **копны** поправляя сбитый на затылок платок, улыбнувшись ответила.

— Мы думали вы там в лесу заблудились.

— С [*Маланьей*] **Меланьей** не страшно, она замерзнуть не дасть, [*посмеиваясь*] **посмеивался** в бороду старик.

¹ Текст вставки перенесен с левого поля; место вставки определено по беловому автографу.

² Против слов «Аксинью выдали за Степана 17 лет» на левом поле проставлена дата: «13/Х1».

[4.] 6.

Аксинью выдали за Степана 17 лет. Взяли ее с хутора Дубового, с той стороны Дона с песков.

За год до выдачи осенью пахала она с отцом в степи верст за 8 от хутора. Ночью отец её, пятидесятилетний старик, связал ей треногой руки и изнасиловал.

— Пикнешь матери — убью! А будешь помалкивать — справлю плюшевую кофту и калоши. Так и попомни, убью ежли што...

Ночью, в одной изорванной **окровяненной** исподнице прибежала Аксинья в хутор, давясь рыданиями валялась в ногах у матери, рассказала... Мать и старший брат, — атаманец, только что вернувшийся со службы, запрягли в [дроги] бричку лошадей, посадили с собой Аксинью и поехали туда к отцу. Брат за 8 верст чуть не запалил лошадей. Отца нашли возле стана. На разостланном зипуне спал он пьяный, возле валялась порожняя из-под водки бутылка. На глазах у Аксиньи брат отцепил от брички барок, ногами поднял спящего отца, что-то коротко спросил у него и ударил окованным железом барком старика в переносицу. Вдвоем с матерью били его часа полтора, всегда смиренная престарелая мать иступленно дергала на обезпамятевшем муже волосы, брат бил ногами. Аксинья лежала под бричкой укутав голову, молча тряслась...

Перед светом [уж] привезли старика домой. Он жалобно мычал и шарил по горнице глазами отыскивая спрятавшуюся Аксинью. Из оторванного уха капилась на подушку белесая кровь. К вечеру он помер. Людям сказали, что пьяный упал с арбы, убился¹. А через год²

Приехали на нарядной бричке сваты за Аксинью, [молодой] **высокий крутошей** и статный Степан невесте понравился, [в] на осенний мясоед назначили свадьбу, подошел такой [осенний] **предзимний** с морозцем и веселым ледозвонным день, [перевенчали] **обкрутили** молодых и с той поры Аксинья водворилась в Степановом доме молодой хозяйкой. Свекровь, — высокая, согнутая какой-то **жесточкой** бабьей болезнью старуха, — на другой-же день после свадьбы рано разбудила Аксинью, привела ее в кухню и [безтолково] **бесцельно** [двигаю] **переставляя** [рогачами] **рогачи** сказала:

— Вот што, милая моя сношенька, взяли мы тебя не кохаться, да не вылеживаться. [Становись-ка ты к печке] Иди-ка передои коров, а посля становись[-ка] к печке **стряпать**, да приучайся к хозяйству.

На другой-же день в амбаре Степан расчетливо и страшно избил молодую жену. Бил в живот, груди, спину. Бил с таким расчетом, что-бы не видно было людям. С той поры стал он [прихв] прихватывать на стороне, путался с гулящими жалмерками, года [два] **полтора** не прощал Аксинье³ обиду, по-

¹ ППС: «убился, упал с арбы».

² Текст вставки перенесен со страницы 25 согласно указанию автора.

³ ППС: «Аксинье года [два] **полтора** не прощал».

прекал за каждым словом пока не родился ребенок. После этого притих, но на ласку был скуп и по прежнему редко ночевал дома¹.

Большое многоскотинное хозяйство затащило Аксиныю работой. Степан работал с лендой, начесав чуб уходил к товарищам покурить, перекинуться в картишки, побрехать о станичных новостях, а скотину убирать приходилось Аксинье, управлять по хозяйству ей. Свекровь была плохая помощница. Посуетившись падала на кровать и вытянув в нитку блеклые желтые губы, глядя [одичавшими] дикими глазами в потолок [лежала стоная] [стоная] стонала и не [шевелилась] шевелилась. В такие минуты на на лице ее, испятанном черными уродливо-крупными родинками, выступал обильный вонючий пот, из неподвижных глаз часто, одна за одной текли слезы. Аксинья бросив работу забивалась где-нибудь в угол и с страхом и жалостью глядела на свекровьино лицо.

Через год старуха умерла. Утром у Аксиныи начались родовые схватки, а к полдню, за час до появления ребенка свекровь умерла на ходу, возле дверей старой конюшни. Повитуха выбежавшая на двор [помыть руки] предупредить пьяного Степана, что-бы он не ходил в хату увидала ее лежавшую с поджатыми к животу ногами, подплывшую кровью.||

<Л. 14>

[13.] [21.] {25.}

Аксиныя привязалась к мужу после рождения ребенка, [жизнь как будто наладилась,] но не было у нея <sic> к нему чувства, была горькая бабья жалость, да привычка. И когда [соседский парень] Мелехов Гришка заигрывая стал ей поперек пути, с ужасом увидала Аксиныя, что ее тянет к чернявому калмыковатому парню.||

<Л. 14 об.>

[14.] [22.] {26.}

Он упорно с бугайной настойчивостью ее обхаживал. И это-то упорство и было страшно Аксинье. Она видела что он не боялся Степана, нутром чуяла, что [Гришка] так он от нее не отступится; и разумом не желая этого, сопротивляясь всеми силами, в то же время замечала за собой, что стала она тщательней по праздникам наряжаться², обманывая самое себя норовила почаще попадаться ему на глаза... Ей было тепло и приятно, когда косо поставленные черные Гришкины глаза глядели на нее тяжело и исступленно. На заре просыпаясь доить коров она улыбалась и еще не осознавая [думала] отчего вспоминала: «Нынче что-то есть радостное. Что-же? Григорий!»

Она боялась [этого] это [нового] новое, [заполнявшего] заполнявшее всю ее, [чувства] чувство; [боялась оттого, что] [Впереди] И в мыслях шла осторожно, как по мартовскому ноздреватому льду³

¹ Текст вставки перенесен со страницы 25 согласно указанию автора.

² ППС: «наряжаться по праздникам».

³ Текст вставки перенесен с левого поля; место вставки определено по беловому автографу.

Проводив Степана в лагери решила с Гришкой видаться как можно реже. После ловли бреднем решение это укрепилось в ней еще больше¹.

[5. ? X] 9.²

[Одногодок Григория] Митька Коршунов [приехал] на первый день Троицы утром подъехал к мелеховскому двору на подседланном белоногом [жеребце] донце. Он перегнувшись открыл калитку и въехал во двор. Ильинишна с крыльца из под ладони оглядела [Митьку] его.

— Ну, ты, забурунный чево прибег? — спросила она с видимым неудовольствием. Она не долюбливала отчаянного и драчливого Митьку.

— И чево тебе, Ильинишна надоть? — привязывая к крыльцу жеребца <1 слово нрзб.> удивился Митька — Я к Гришке приехал, он иде?

— Под сараем спить. [Ты] Тибе што-ж, аль паралик [тебя] вдарил? Пешки не можешь ходить стал быть.

— Ты, тетинка всякой дыре гвозь. — обиделся Митька.

Пощелкивая по лакированному голенищу [ремен] нарядной плеткой, раскачиваясь пошел под сарай. Григорий спал в снятой с передка арбе. Митька жмуря левый глаз, словно целясь, вытянул Григория плетью.

— Вставай, мужик!

«Мужик» у Митьки было [словом] слово [ругательным] ругательное³. Заспанный Григорий вскинулся пружиной.

— Ты чево?

— Будя зоревать!

— [Пошел ты] Не дури, Митрий, покуда не осерчал [я] ...

— Вставай, дело есть.

— Ну?

Митька присел на арбу и обивая с сапога плетью пыль сказал.

— Обидно мне...

— Ну?

— Да как-же, м...е...т... он не он хорунжий, так и задается! — пыхнул багровея Митька||

<Л. 15>

[15.] [23.] {27.}⁴

В сердцах он быстро кидал слова не разжимая зубы дрожал ногами. Григорий [привстал] увидев [дрожь] как подрагивают лакированные сапоги привстал. — Как-же он, гад, мне гутарит... Мол обгонит мово **рыжево** жеребца?!.. А?

Митька схватил Григория за рукав рубахи и низко опуская зрачки вывернутых кровавистых глаз уже тише сказал:

¹ Против абзаца на левом поле красным карандашом написано: «Обосновать».

² Против начала главы на левом поле написано: «Похерить сию главу: никчемушня» (слово «никчемушня» заключено в рамку).

³ ЛПС: «[ругательным] ругательное [словом] слово».

⁴ Против слов «Григорий наспех оделся» на левом поле проставлена дата: «14/XI».

— Зараз седлай коня и побегем в займище. Я ему покажу, мать его в кровину, как мово жеребца можно обогнать!.. Я ему так и сказал: «Давай, ваше благородие, попробуем. «Веди говорит всех своих друзей-товарищев, я вас всех покрою, затем што мать моей кобылы в Черкасске [оф] на офицерских скачках призы сымала «Да по мне ево кобыла и с матерью, да будь они прокляты, а я жеребца не дам обогнать!..

Григорий наспех оделся, Митька ходил за ним следом, заикаясь от злобы рассказывал:

— Приехал на гости к Моховым купцам этот самый хорунжий. Погоди, чей он по фамилии? Кубыть Мануйлов. Такой из себе тушистый, сурьезный парень... Очки носит. Ну, да нехай! Даром, што он в очках, а жеребца не дамся обогнать!

Григорий посмеиваясь оседлал старую оставленную на племя матку и через гуменные ворота, что-бы не видал отец, выехали [на] в проулок. Под копытами лошадей зачавкала грязь. В займище, возле высохшего тополя их [ожидало] **ожидали** [человек восемь] [конных] **конные**: молоденький хорунжий Мануйлов на поджарой офицерской лошади и человек семь станичных ребят верхами.

— Откуда скакать? — поправляя пенсне спросил Мануйлов.

— От тополя до царева пруда. — буркнул Митька

— Где это — царев пруд? — близоруко сощурился хорунжий.

— А вон, ваше благородие, возля леса.

Лошадей выстроили в ряд.

— Как скажу три, — пускайте.

Хорунжий поднял над головою плетку. Новенький погон на его плече [поднялся] **вспух** бугром.

— Раз, два... три!..

С размаху опустив плетку на круп подобравшейся лошади хорунжий пригнулся к [седлу] **луке** и рванулся вперед придерживая левой рукой [на голове] фуражку. Он на секунду опередил остальных. Митька с отчаянно бледным лицом приник к вытянутой [в стрелку] шее [своего кровного донского] жеребца, [Григорий не отставая и] От тополя до царева пруда было версты две. На половине пути Митькин жеребец вытягиваясь в стрелку настиг гнедую кобылицу хорунжего. Григорий скакал||

<Л. 15 об.>

[16.] [24.] {28.} ¹

неохотно. Отстав с самого начала он ехал куцым наметом и с [интересом] **любопытством** наблюдал за **удалявшейся** цепкой скакавших. Возле царева пруда [был] наносный от вешней воды песчаный увал. Желтый горб его чахло порос остролистым змеиным луком. Григорий видел как на увал разом вскочили **и скрылись** хорунжий и Митька, [и скрылись] потом по одиночке скользили через него лошади остальных.

[Остановив] **Приостановив** лошадь Григорий поехал [шагом] **рысью**. [Доезжая] **Подъезжая** [до] к [пруда] **пруду** увидел поставленных в кучу потных

¹ Против слов «Григорий с Митькой отделились от остальных» на левом поле проставлена дата: «17/XI».

лошадей и ребят, [стоявших] окруживших хорунжего. Митька лоснился сдерживаемой радостью. Торжество сквозило в каждом его движении. Хорунжий, против ожидания, показался Григорию не мало не сконфуженным, он прислонясь к дереву спиной курил с коротким мундштуком папиросу, говорил указывая глазами на свою словно выкупанную кобылицу:

— Я на ней сделал пробег в полтораста верст. **Вчера только приехал со станции.** Будь она посвежей — никогда, Коршунов не обогнал-бы ты меня.

— Мовет быть... — великодушно соглашался Митька.

— Резвей ево жеребца нету в станице. — [сказал] с завистью сказал веснушчатый паренек, прискакавший последним.

— Добрячий конь. — Митька, дрожащей от пережитого волнения рукой, похлопал по шее жеребца и ненатурально улыбаясь глянул на Григория.

[_____]

Григорий с Митькой отделились от остальных и въехали в крайний проулок двое. Хорунжий попрощался с ними холодно: сунул два пальца по козырек и отвернулся. Уже подъезжая к двору Григорий издали угадал шагавшую [над пл] им навстречу Аксинью. Шла она **задумчиво** помахивая ошипаной хворостиной, увидала Гришку и отвернулась к плетню.

— Чево застыдилась, аль мы голые едем? — крикнул Митька и [вполголоса добавил] **подмигнул**: — Калинушка моя горьковатенькая

Григорий **глядя перед собой** почти проехал ее и вдруг [хлестнул] **огрел** мирно шагавшую кобылу плетью. Та присела на задние ноги и прыгнув вперед засыпала Аксинью грязью.

— И-и-и, дьявол ты дурной! — крикнула **бесзлбно** ему вслед.

Григорий круто повернул и наезжая **разгоряченной** лошадейю на махавшую руками Аксинью спросил:

— Чево не здороваешься?

— Не стоишь тово.

— За это вот и измазал. Не гордись.

— Пусти, што-ж ты меня конем топчешь.

— Это кобыла, а не конь.

— Все одно, пусти!

— За што сердчаешь, Аксютка? Неужли за надышные?.. Што в займище было?||

<Л. 16>

[17.] [25.] {29.}

Григорий заглянул ей в глаза. Аксинья хотела что-то сказать, но в уголке черного ее глаза внезапно нависла жалкенькая слезинка. Дрогнули губы. Она судоржно глотнув быстро шепнула

— Отстань от меня, Гриша. — и пошла.

Удивленный Григорий догнал Митьку возле ворот.

— Придешь ноне на игрища? — спросил тот не поворачивая головы.

— Нет.

— Што? Либо ночевать позвала?

Григорий потер ладонью лоб и не ответил.

6. — 10

От Троицы только и осталось по станичным дворам: сухой чеборец, рассыпанный на полах, **пыль мятых листьев** да [блеклая] **морщиненая** [ме] отжившая зелень срубленных дубовых и ясеневых веток, приткнутых возле ворот и крылец.

С Троицы начался луговой покос. С раннего утра займище зацвело праздничными белыми бабьими юбками, яркими расшитыми завесками и цветными платками. Выходили на покос всей станицей сразу. Косцы и гребельщицы одевались будто на годовой праздник.

Так водилось изстари.

От Дона до дальних ольховых зарослей шевелился и звенел под косами опустошаемый луг.

Мелеховы припозднились. Выехали на покос, когда уж [луг] на лугу была чуть не половина станицы.

— Долго зорюешь, Иван Семенов! — шумели [от делянок] **припотевшие** косяри.

— Не моя вина, бабья! — усмехался Иван Семенович и торопил быков плетеных из сырца кнутом.

— Доброе здоровье, односум! Припозднился, браток, припозднился... — Качал головой отбивая у **дороги** косу высокий в соломенной шляпе казак.

— Аль трава пересохнет?

— Рысью поедешь — успеешь, а то и пересохнет¹. Тебе иде досталось-то?

— Да под Красным Яром, аж.

— Ну, погоняй рябых, а то не доедешь ноне.

— Они у меня и рысью бегают.

Сзади на арбе сидела Аксинья, закутавшая **от солнца** платком все лицо. Из узкой, оставленной для [дыхания] **глаз** щели она смотрела на сидевшего против нее Григория равнодушно и строго. Дарья, тоже укутанная и принаряженная, свесив между ребер арбы ноги кормила длинной в прожилках грудью засыпавшего на руках ребенка. Дуняшка [сидела] **подпрыгивала** на грядушке, счастливыми глазами разглядывая луг и встречавшихся над дорогой людей. Лицо ее веселое, тронутое загаром и у переносицы веснушками, словно говорило||

<Л. 16 об.>

[18.] [26.] {30.}²

«Мне весело и хорошо, оттого, что день [подсинен] подсиненный безоблачным небом, тоже весел; оттого, что на душе вот такой-же синий покой и чистота. Мне [весело] **радостно** и больше я ничего не хочу.

¹ После слова «пересохнет» над строкой проставлен вопросительный знак.

² Против слов «Иван Семенович натягивая на ладонь рукав» на левом поле проставлена дата: «18/XI».

Иван Семенович натягивая на ладонь рукав грязной бязевой рубахи вытирал набежавший из-под козырька фуражки пот. Согнутая спина его, плотно облитая рубахой, темнела пятнами пота. Солнце насквозь [пронизывая] **пронизывало набежавшие** тучи, [и посевало землю,] **опускало на** далекие [меловые] **серебряные** обдонские горы, степь и займище и станицу веер дымчатых переломленных лучей. День истекал зноем. Редкие обдерганные ветром тучки ползли вяло, не обгоняя тянувшихся по дороге быков Ивана Семеновича. Он тяжело поднимал кнут, [и нер] помахивал им, словно в нерешительности: ударить по острым бычьим кострецам или нет. Быки, видно понимая это, не прибавляли шагу. Так-же медленно, словно ощупывая, переставляли клешнятые ноги, мотали хвостами. Пыльно-золотистый с оранжевым отливом слепень кружился над ними.

Луг **выкошенный** возле станичных гумен, светлел бледно-зелеными пятнами. Там, где еще не сняли траву, ветерок [рябил] **шершавил** зеленый с глянцевою чернью травяной шелк.

— Вон наша делянка! — махнул кнутом Иван Семенович.

— От лесу будем зачинать? — спросил Григорий.

— Можно и с этово краю. Тут я глаголь вырубил лопатой.

Григорий отпрег занудившихся быков. [и дол] Иван Семенович посверкивая серьгой пошел искать отметину, — вырубленный у края глаголь.

— Вот он. — вскоре крикнул он и махнул рукой.

Григорий пошел уминая траву. От арбы **по траве** потянулся за ним [по траве]¹ колыхающийся след. Иван Семенович перекрестился на беленький стрючек далекой колокольни и взял косу. Горбатый нос его блестел, как свежее лакированный, в впадинах черных щек томилась испарина. Он улыбнулся, разом обнажив в вороной цыганской бороде несчетное количество белых, смоченных слюной, частых зубов и занес [руки] [ко] косу поворачивая морщиненую шею вправо. Саженное полукружье смахнутой травы легло под его ногами. Григорий шел за ним следом. Полузакрыв глаза [он] стелил косой траву, впереди рассыпаной **по лугу** радугой цвели бабьи завески, но он искал глазами одну: [синюю с белым] белую с прошитой каймой; оглядывался назад, ловил Аксинью глазами и снова [мер]||

<Л. 17>

[19.] [27.] {31.}

приноравливаясь к отцову шагу махал косой. Аксинья неотступно была в его мыслях. [Он шел с косой, а сам] полузакрыв глаза мысленно целовал ее бесстыдно и нежно, говорил ей откуда-то набродившие на язык горячие и немые слова. [Он ставил себя на место Степана, [и] шурил затуманенные глаза: [в] [разнuzданном] **разнuzданное** [воображении] **воображение** рисовало² ему грязные картины. Потом он] **Потом** отбрасывал это, [шагая] **шагал** под счет — раз-два 3. раз-два 3 — [думал обрывками неясно] [всп] **память подсовывала отрезки воспоминаний**, «[Сидеть бы] **Сидели** с ней [в обнемку] под копной, [чтоб] в эндо-

¹ ППС: «за ним [по траве] потянулся».

² ППС: «рисовало [в] [разнuzданном] **разнuzданное** [воображении] **воображение**».

ве свиристела турчелка... [Чтоб] А месяц над займищем... [И целовать в шею... в колечки пуховые... А волосы как дурнопьян после дождя, пахнут... И сладко и тошно...] **И с куста в лужу редкие капли вот так-же: раз-два-три... Хорошо, ах хорошо...»**

[Сзади] [в] Возле стана засмеялись. Григорий оглянулся: Аксинья **наклоняясь** что-то говорила лежавшей под арбой Дарье, та замахала руками и снова обе засмеялись. Дуняшка сидела на вие, тоненьким [стенящим] голоском [тянула песню] **пела**. [Григорий] «Дойду вон до этого кустика [и надо] косу [отбить] **отбью**», подумал Григорий. [Он] торопясь махнул косой. [Что-то вязкое] Коса [прошлась] **черкнула** [но] [чем] **что** то [вязком] **вязкое** [и твердом]. [Гри] Нагнулся разглядывая; из под ноги с писком поковылял в траву маленький дикий утенок. Около ямки, где было гнездо, [валялось] **валялся** один перерезанный косой на двое, остальные с чулюканьем рассыпались по траве. Григорий положил на ладонь перерезанного утенка: [Был он] **Изжелто-коричневый**, на днях только вылупившийся из яйца, плоский раскрытый клювик; на нем розовенький пузырек кровицы [еще] хитро прижмуренный крохотный бисеринка-[глаз] **глазок** и мелкая дрожь горячих еще лапок.

Григорий с [неожиданным] **внезапным** чувством острой жалости глядел на мертвый, [но горячий] комочек, лежавший у него на ладони.

— Чево нашел, [Гришанька] **Гришунья?**..

[Григорий недовольно оглянулся.] По скошенным рядам подпрыгивая бежала Дуняшка. По плечам ее и по груди метались так-же подпрыгивая **мелко** заплетенные косички. Григорию [словно стыдно чего-то стало:] **поморщась** уронил [у ног] утенка [и с визгом] злобно махнул косой.

После обеда бабы начали гресть. **Скошенная** Трава вяла и сохла излучая тягучий дурманящий [душок] **аромат**. Обедали наскорях. Сало и казачья присяга — кислое **откидное** молоко¹ привезенная в **холстинной** сумке.

— Домой ехать не из чево. — сказал за обедом Иван Семенович, — Пушай быки попасутся в лесу, а завтра, как подберет солнце росу,||

<Л. 17 об.>

[20.] [28.] {32.}

докосим дяляну.

Смерклось, когда бросили косить. Аксинья догребла остатние ряды и пошла к **стану** варить кашу. Григорий погнал к пруду поить быков. Отец, наблюдал за ним и за Аксиньей. Он неприязненно поглядывая на Григория сказал.

— [Напоишь быков,] повечеряешь, а посля постереги быков. Гляди в траву не пушай. Зипун мой возьмешь.

Дарья уложила под арбой дитя и с Дуняшкой пошла в лес за хворостом. Над лугом по черному [и] недоступному небу избочившись шел ушербленный месяц. Над огнем метелицей вились бабочки. Возле костра на раскинутом ряднище собрали вечерять. В полевом задымленном котле перекипала каша, Дарья подолом исподней юбки вытерла ложки, кликнула Григория.

¹ ППС: «кислое откидное молоко — казачья присяга».

— Иди вечерять!

Григорий в накинутом на плечи зипуне вылез из темноты и подошел к огню. [Он искоса глянул [где] на [постелила] **постелившую** себе [Аксинья] **Аксинью**.]

— Ты чево такой ненастный? — улынулась Дарья.

— К дождю поясницу ломит, — попробовал Григорий отшутиться.

— Он быков не хочет стеречь! — Дуняшка улынулась подсаживаясь к брату, разговор не плелся. Иван Семенович истово хлебал кашу, хрустел на зубах недодваренным пшеном. Аксинья ела не поднимая глаз, на шутки Дарьи нехотя [смеялась] **улыбалась**. Испепеляя щеки сжигал ее беспокойный румянец.

Григорий встал первый, [пошел] **ушел** к быкам.

— Гляди чужую траву не потрави быками! — вслед ему крикнул Иван Семенович и поперхнулся кашей. Долго трескуче кашлял. Дуняшка [пыжилась] **пыжила щеки** надуваясь смехом. Догорал огонь. Тлеющий хворост обволакивал сидевших **медовым** запахом [меда] прижженной листвы.

В полночь Григорий тихо подошел к стану. [Стал шагах в десяти.] Иван Семенович сыпал на арбу переливчатый храп. Из Под [пеплом] **пепла** золотым **павлиньим** глазком высматривал незалитый свечера [огонек] **огонь**.

От арбы оторвалась серая укутанная фигура [и] зигзагами медленно двинулась навстречу Григорию. Не доходя два-три шага остановилась. **Она. Аксинья**. Гулко и дробно, сдваивая заколотилось у Григория сердце. Приседая шагнул вперед, откинув полу зипуна прижал к себе [гор] **послушную** полыхающую жаром. У нея <sic> подгибались [колени] **ноги**, дрожала вся сотрясаясь вызванивая зубами. [Дрожь перекинулась на Григория.] Грубым рывком кинул ее на руки, путаясь в полах распахнутого зипуна, задыхаясь [побежал] **понес**¹.

— Ой, Гри-ша, Гришенька... Отец!..||

<Л. 18>

[21.] [29.] {33.}²

— Молчи!..

Вырываясь, дыша в зипуне кислиной овечей шерсти Аксинья низким, стонущим голосом [почти кри] сказала давясь горечью [случившегося] раскаянья³

— Пусти меня... **Што-уж теперь...**⁴ [Я] сама пойду, — [шепнула] [выдохнула] {почти крикнула} плачущим голосом.

7. — 11.

Не лазоревым алым [цветком] **цветом**, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветет поздняя бабья любовь.

¹ Против абзаца на левом поле написано: «[Грудь] Сердце, как колотушка сторожа на сонной площадке» (без указания места вставки; в текст белого автографа не вошло).

² Против слов «Не лазоревым алым цветом, а собачьей бесилой» на левом поле проставлена дата: «19/XI».

³ Текст вставки перенесен с левого поля; место вставки определено по беловому автографу.

⁴ ППС: «Теперь што-уж».

С покоса лугового переродилась Аксинья. Будто кто отметину сделал на ее лице. Бабы, глядевшие на нее при встрече, ехидно улыбались, качали головами вслед, девки завидовали, а она гордо и [не низко] **высоко** несла свою счастливую, но срамную голову. Нет такого случая, что-бы можно было в станице утаить его от соседей. Скоро про Гришкину связь [узнала] **узнали** [станица] **все**. Сначала говорили **об этом** шепотом, верили и не верили, но после того, как станичный пастух Кузьма Курносый на заре [увидал] **увидел** их возле ветряка, лежавших **под месяцем** в невысоком жите, мутной приборной волной покатила молва.

Дошла и до ушей Ивана Семеновича. Как-то в воскресенье пошел он в лавку к Мохову [купу] подошел к прилавку, где отпускали мануфактуру. В лавке народу — недотолпишься. Вошел Иван Семенович, как будто раздались, **заулыбались** [посторонились]. Товар ему взялся отпускать сам хозяин, [Сергей] Платонович

— [Чего прикажешь, Иван Семенович?] Что-то тебя давненько не видать, Иван Семенович?

— Делишки все. Неуправка в хозяйстве.

— Что так? Сыны вон какие, а неуправка.

— Што-ж [сыну] **сыны**-то. Петра вон в лагери проводил, двое с Гришаткой и ворочаем.

— Сергей Платоныч на двое развалил крутую {гнедоватую} бороду [гнедоватую] и скосил на толпившихся вокруг казаков глаза.

— Да, [брат] **голубчик**, что-ж, ты, это примолчался-то?

— А што?

— Как что? Сына задумал женить, а сам ни гу-гу.

— Какова сына?

— Григорий у тебя ведь не женатый[-то].

— Покеда ишо не собирался женить.

— А я слышал будто в снохи берешь... Степана Астахова Аксинью...

— Я от [живого] **живова** мужа... Да ты, што-ж, Платоныч, навроде смеешься? А?

Иван Семенович [об] **оперся** о прилавок и поморщил брови.

— Без смеха, слыхал от людей.

Иван Семенович разгладил на прилавке штуку развернутой материи и круто повернувшись [вышел] захромал к выходу.||

<Л. 18 об.>

[22.] [30.] {34.}

Он направился прямо домой. Шел по бычиному угнув голову, сжимая [в кармане праздничного чекменя] связку жилистых пальцев в кулак, заметней припадал на хроющую ногу. [Минул] **Минуя** [Анисьин] **Астахов** двор глянул через плетень. Сама [Анисья] **Аксинья**, нарядная и будто помолодевшая покачиваясь в бедрах шла в хату с порожним ведром.

— Эй, погоди-ка!

Иван Семенович чертом попер в калитку. Анисья стала поджидая его. Вошли в хату. Чисто выметенный земляной пол присыпан красноватой супесью, на лав-

ке в переднем углу вынутые из печи пироги. [*Пахнет*] Из горницы пахнет слежалой одеждой и почему-то анисовыми яблоками. Под ноги Ивану Семеновичу подошел было поластиться рябой большеголовый кот. Он сгорбил спину и дружески толкнулся о сапог. Иван Семенович шваркнул его об лавку и глядя Аксинье в брови крикнул.

— [*Ты*] што-ж это? Не остыл мужьин след, а ты уж гуляешь? Гришке я кровь спущу за это самое, а Степану твоему пропишу[!] в Черкасский! Пушай он знает, — Ишь, ты курва. Мало тебя, суку, бил муж. Штоб с нонешнево дня и ноги твоей не было! Шашлы заводить с парнем, а Степан узнает, да мне-же...

Анисья сузив глаза слушала. И вдруг бесстыдно мотнула подолом **обдала Ивана Семеновича запахом бабьих юбок** и грудью пошла [*на петушившегося Ивана Семеновича.*] на него кривляясь и скаля зубы.

— Ты што мне — свекор? **А? Свекор?..** Ты што меня учишь? Иди свою толстую учи! На своем базу распоряжайся!.. Я тебя, дьявола [*хромоногова*] **хромого, [культяпого] культяпова** в упор не вижу!.. Иди, отсель, не пенься, как крех, не спужаешь!..

— Погоди, дура!

— Нечево годить, мне не родить! Ступай откель пришел! А Гришку, хоть с костями съем и отвечать не буду!.. Ну, люб мне Гришка! Ну? Вдаришь штоль? Мужу пропишешь? Пиши хучь наказному атаману, а Гришка мой! Владаю им и буду владать. Анисья напирала на оробевшего Ивана Семеновича упругой **птицей**, бившейся под узкой кофточкой грудью, жгла его полымем черных своих глаз, сыпала слова одно другого страшней и бесстыжей. Иван Семенович подергивая бровями, морщась отступал к дверям. Нащупал поставленный в углу костыль и махая рукою задом отворил дверь. Анисья теснила его к сенцам, задыхаясь выкрикивала.

— За всю жисть, за горькую отлюблю! А там хучь убейте! Мой Гришка! Мой!..||

<Л. 19>

[23.] [31.] {35.}¹

Иван Семенович что-то булькая себе в бороду хлопнул калиткой и зачикилял к дому. Гришку он нашел в горнице. Не говоря ни слова достал его концом костыля через плечо. Григорий изогнувшись **тяжело дыша** повис на отцовой руке.

— За што, батя? —

— За дело, су-у-укин сын!

— За што?

— Не пакости соседу! Не страми отца! Не таскайся, кобелина!.. — хрипел Иван Семенович тягая по горнице Григория и силясь вырвать костыль.

— Драться не дам! — глухо [*буркнул*] **сапнул** Григорий.

Брови в кучу, с затуманенными глазами он стиснул челюсти и рванул костыль. На колено его и хряп! Иван Семенович [*засучил рукава и раз не сильно ударил*] **тугим кулаком сына по нагнутой шее.**

¹ Против слов «Оставалось полторы недели до прихода казаков» на левом поле проставлена дата: «20/XI».

— На сходе запорю!.. Ах, ты, сукин сын!.. — [сучил он ногами] — На Марфушке-дурочке женю!.. Я тебя в грязь втолочу... Ишь ты!.. — сучил он ногами намереваясь еще раз ударить. На шум прибежала мать. Иван Семенович разошелся не на шутку: поднес раза подвернувшейся жене, опрокинул столик с швейной машиной и навоевавшись вдосталь захромал на баз. Григорий скинул рубаху с оторванным в драке воротником и полез в сундук за новой. Дверь хлястнула, на пороге тучей буревой укрепился Иван Семенович.

— Женить сукинова сына! — он стукнул об пол костылем и уперся взглядом в голую мускулистую спину одевавшегося Григория.

— Женю!.. Завтра-же поеду сватать! Дожил, што сыном в глаза смеются!

— Дай рубаху-то надеть, посла женишь.

— Женю! На дурочке женю! — хлопнул дверью, по крыльцу затарахтел [опираясь] стукая костылем.

8. — 13.

Оставалось полторы недели до прихода казаков из лагерей. Аксинья неистовствовала в поздней горькой своей любви. Григорий несмотря на угрозы отца таясь уходил к ней [чуть не с вечера] ночью и возвращался с зарею. [Спали они в летней кухонке на полу. За две недели вымотался Григорий как перегнатая лошадь¹] За две недели вымотался он, как лошадь, сделавшая непосильный пробег. От бессонных ночей коричневая кожа [его] скуластого его лица отливала синевою, устало из ввалившихся глазниц глядели [косо прорезанные,] черные сухие глаза. Анисья ходила не кутая платком [лицо] лица: [словно] [трауром] траурно чернели глубокие круги под глазами, припухшие, слегка вывернутые жадные губы ее беспокойно и вызывающе смеялись.||

<Л. 19 об.>

[24.] [32.] {36.}

Так необычна и явна была сумасшедшая их связь; [так не таясь] людей не совестясь и не таясь, так иступленно горели они одним бесстыдным полымем, худая и чернея в лицах на глазах у соседей, что [на них] теперь на них почему-то стыдились при [встрече] встречах глядеть.

Товарищи Григория, раньше подтрунивавшие над ним по поводу связи с Аксиньей теперь [неловко] молчали [при встречах] сойдясь и чувствовали себя в обществе Григория неловко, связано.

Бабы, в душе завидуя, судили Аксинью и злорадно ожидали прихода Степана. Чем-то все кончится?

Еслиб Григорий ходил к жалмерке-Аксинье делая вид что [скрываясь] скрывается от людей², еслиб жалмерка-Аксинья жила с Григорием и [в то-же время не] блюдя это в полнейшей тайне, в тоже время не отказывала-бы, и другим, то в этом не было-бы ничего необычного. [О Григорие не гово] [В станице]

¹ ППС: «лошадь перегнатая».

² ППС: «делая вид что [скрываясь] скрывается от людей ходил к жалмерке-Аксинье».

Станица поговорила-бы и перестала, но они [де] [игнорируя] [о] [любили] жили почти не таясь, вязало их что-то большое, и поэтому в станице решили что это преступно, бесстыдно и станица [притаилась] прижухла в злорадном выжидании — придет Степан, узелок развяжет¹.

В горнице над кроватью протянута нитка. На нитку нанизаны [белые] **белые и черные** порошки без ниток катушки. Висят для красоты. На них ночлежничают мухи, от них-же [шелковые] **шелковая** [нити] **пряжа** паутины. Григорий лежит на голой прохладной² Анисьиной руке и смотрит в потолок, на цепку катушек. Аксинья другой рукой — огрубелыми от работы пальцами, — перебирает [на голове] {на запрокинутой **Гришкиной голове**} жесткие, как конский волос, завитки. [Гришкиных волос] Аксиньины пальцы пахнут парным коровьим молоком, когда повернет голову Григорий **носом втыкаясь Аксинье в подмышку** хмелем бьет в ноздри острый [вяжущий] **сладковатый** бабий пот. В горнице, кроме деревянной крашеной кровати с точеными шишками по углам, стоит возле дверей кованный уемистый сундук с Анисьиным приданным и нарядом. Под передним углом стол, клеёнка с генералом Скобелевым, скачущим на склоненные пред ним **махровитые** знамена, два стула, вверху образа в [бумажном] **бумажных** [убогом] **ярко-убогих** ореолах. Сбоку на стене засиженные мухами фотографические карточки: Степан с товарищами, еще с действительной службы. На карточках гладкие чубатые [лица] головы, **оголенные** шашки [на голо], выпяченные груди.

На вешалке висит неприбранный Степанов мундир, месяц глазастеет в оконный глазок и недоверчиво щупает две белых **урядничьих** лычки на [уря] погоне мундира.||

<Л. 20>

[26.] [33.] {37.}

Анисья **со вздохом** целует Григория повыше переносицы, там, где [почти сходятся брови] **брови**, [как две черные дороги [в] **посеред** степи, почти сходятся вместе, и глянув в окно — переводит взгляд на мертвые очертания Степанова висящего мундира].

— Гришунья... Колосочек мой...

— Чево тебе?

— Осталось девять дён...

— Ишо нескоро.

— Што я буду делать, Гриша?

— А я почем знаю.

Анисья удерживает вздох и снова гладит и разбирает [непокорные] **спутанный** [Гришкины] **Гришкин** [кудри.] **чуб**.

— Убьет меня Степан. — не то спрашивает, не то утвердительно говорит она.

¹ Против абзаца на левом поле синим карандашом написано: «Четче».

² ППС: «прохладной голый».

Григорий молчит. Ему хочется спать. Он с трудом расдвигает [липнувшие] липкие веки: прямо над [собой видит] ним [мерцающую] мерцающая [загадочно] синевою чернь Анисьиных глаз.

— Придет муж — бросишь меня? Небошь побоишься?

— Мне што ево бояться... Ты жена, ты и боись.

— Зараз с тобой я не боюсь, а посередь дня раздумаюсь и оторопь найдеть...

Григорий зевает, перекатывая [по подушке] голову говорит:

— Степан придеть — это не штука. Отец вон, [как] меня женить [хочет.]

сбирается

Григорий улыбается, хочет еще что-то сказать, но чувствует: рука Аксиньи, под его головой, как-то дрябло мякнет, вдавливаясь в подушку и дрогнув **через секунду** снова твердеет, принимает первоначальное положение.

— Ково усватали? — приглушенно спрашивает Аксинья.

— Тольки собирается ехать. Мать говорит, кубыть, к Коршуновым, за Наталью ихнюю.

— Наталья... Наталья — девка красивая... дюже красивая... Што-ж, женись... Надысь видала ее в церкви... Нарядная была...

Анисья говорит быстро, но слова [как-то] расплзаются, **не доходят до слуху** неживые и бесцветные.

— Мне ее красоту в голенищу не класть... Я-бы на тебе женился.

Аксинья резко выдергивает свою руку. Она высохшими глазами смотрит в окно. По двору **разостлана** желтая ночная стынъ, **от сарая** **тяжелая тень** свиристыят кузнечики, на крыше сарая золотом отливает солома, у Дона гудят водяные быки. Угрюмые басовитые звуки ползут через одинарное оконце в горницу.

— Гриша!

— Надумала што?

Аксинья хватает неподатливые, [скупые] **черствые** на ласку Гришкины руки, жмет их к груди, к **холодным помертвевшим** щекам, [причитает] **кричит** стоющим голосом.

— На што ты, проклятый, привязался ко мне?..||

<Л. 20 об.>

[26.] [34.] {38.}¹

— Што я буду делать?.. Гри-и-ишка!.. Душу ты мою вынаешь!.. Сгубилась я!.. Придет Степан — какой ответ [буду] **стану** держать? Кто за меня вступится?..

Аксинья скорбно глядит на красивый хрящеватый нос Григория, на закрытые тенью глаза, на немые губы... [В ней вдруг взрывается] И вдруг рвет плотину сдержанности прихлынувший поток чувства: Аксинья бешенно целует лицо его, шею, руки, жесткую курчавую черную порось на груди. В промежутки [кидает] задыхаясь шепчет и дрожь ее передается Григорию.

— Гриша... дружечка моя... родимушка... давай уйдем! Милый мой!.. Кинем все ... уйдем! И мужа и хозяйство кину, лишь-бы ты был... На шахты уйдем, да-

¹ Против слов «Аксинья скорбно глядит на красивый хрящеватый нос Григория» на левом поле проставлена дата: «21/XI»; против слов «От станицы до хутора Сетракова — «22/XI».

леко... [Будем жить] Кохать тебя буду... Жалеть... На Парамоновских рудниках у mine дядя родной в стражниках служит... Он нам пособит... Гриша! Хучь слово урони.

Григорий углом переламывает левую бровь, думает; и неожиданно открывает горячие свои монгольские глаза. Они смеются. Слепят насмешкой.

— Дура, ты, Аксинья, дура! Гутаришь, а послушать нечево. Ну, куда я пойду от хозяйства? Опять-же на службу мне на энтог год. Не годится дело... От земли я никуда не пойду. Тут степь, дыхнуть есть чем, а там? Прошлую зиму ездил я с батеи на станцию, так было пропал. Паровозы ревут, дух там чижелый от [от] горелого угля. Как народ живет не знаю, может они привыкли к этому-самому угару... — Григорий сплевывает и еще раз говорит: — Никуда я с станицы не пойду.

За окном темнеет: на месяц [набежала] **набежало** [тучка] **облачко**. Меркнет желтая разлитая по двору стынь, [и] стираются тени и уже не разобрать что темнеет за плетнем; прошлогодний порубленный хворост-ли, или прислонившийся к плетню старюка бурьян. В горнице тоже темнеет, [меркнут] **блекнут Степановы** урядничьи лычки на висящем у окна казачьем мундире и в серой наступившей темноте Григорий не видит, как у Анисьи [мелко-мелко] **мелкою** дрожью трясутся плечи и на подушке **молча** подпрыгивает стиснутая ладонями голова.

9. — 7.

От станицы до хутора Сетракова, где [был] **назначался** лагерный сбор было верст 60. [В этот день] Петро Мелехов и Степан Астахов ехали в одной бричке. С ними [ехало] **было** еще трое станичников-казakov: Федот Бодовсков — молодой [казак] калмыковатый и рябой казак, шел он в лагери перед действительной службой, второй — второчередник атаманского полка Христан Токин, по прозвищу — Христоня; и третий||

<Л. 21>

[27.] [35.] {39.}

батареец, с того края станицы Томилин Иван. В бричку, после первой-же кормежки, запрягли двухвершкового Христининог коня и вороного Степана Астахова. Остальные 3 лошади подседланные шли сзади. [В простор] Правил [Хр] здоровенный и дурковатый Христоня: колесом согнув спину он сидел впереди, **заслонял в будку свет** пугал лошадей гулким басом, в обтянутой новеньким брезентом бричке лежали покуривая Петро Мелехов, Степан и батареец Томилин. Федот Бодовсков шел сзади. Видно не в тягость было ему¹ втыкать в пыльную дорогу кривые свои калмыцкие ноги. Христинина бричка шла головной, сзади тянулось еще шесть, или семь повозок с привязанными, оседланными и неоседланными лошадьми. Забился над дорогой хохот, крики, тягучая песня, лошадиный визг и всхрапыванье, перезвяк порожних стремян.

¹ ППС: «ему было».

У Петра в головах сухарный мешок. Лежит и крутит желтый [унылый к] длиннющий ус.

— Степан!

— А.

— ... на! Давай сыграем служивскую.

— Жарко дюже, сохлось все.

— Кабаков нету на ближних хуторах.

— Ну, заводи. Да ты ить не мастер. Эх, Гришка ваш дишканит! Потянет, [аж-ник] будто серебряная нитка дрожить. Мы, вон энто, как-то, с ним играли.

Степан откидывает голову и низким звучным голосом заводит:

— Эх, ты, зоренька-зорница.

Поздно на небе взошла.

[Петро] Томилин по бабьи прикладывает к щеке ладонь и чудовищно-тонким стелящим голосом [вторит] резко подхватывает. Петро заправив в рот усину смотрит как у грудастого батарейца от усилия синеют на висках узелки пухнувших жил.

Мо-ло-дая — вот она бабёнка

Поздно по воду пошла...

Степан лежит к Христоня [спиной] головой. Он опираясь на руку поворачивается, тугая красивая шея розовеет.

— Христоня, подмоги! —

— А мальчишка он догадался,

Стал коня своо седлать.

Петро вытягивает изо рта усину. Степан улыбаясь глядит на него выпученными глазами. Петро [присоединяет] вливает в песню голос, но всех покрывает Христоня; разинув непомерную, залохматевшую щетиной пасть рвет сотрясая брезентовую крышу брички:||

<Л. 21 об.>

[28.] [36.] {40.}

— Осе-е-едлал коня гне-до-о-ова.

Стал ба-бё-ё нку до-го-ня-я-ять.

Христоня кладет на ребро брички аршинную босую ступню ноги, ожидает пока Степан начнет вновь. Тот закрыв глаза, — [лицо] потное лицо в тени, — ласково ведет песню, то снижая до шепота, то вскидывая до металлического звона голос.

— Ты позволь-позволь бабёнка

Коня в речке напоить...

И снова колокольным [наб] сполошным гудом давит Христоня голоса. На соседних повозках песню подхватывают. Поцокивают брички на железных ходах, чихают от пыли лошади, тягучая и мощная, полрой водой, течет над дорогой пес-

ня. От высыхающей степной музги, из [горелого] горелой коричневой кучи взлетывает белокрылый чибис, он с криком летит в ложину и поворачивая голову смотрит изумрудным глазом на цепь повозок, обтянутых белым, на лошадей кудрявящих смачную пыль ногами, на казаков, в серых просмоленных пылью рубашках, шагающих сбочь дороги. Чибис падает в ложину черной грудью [падает] ударяет в подсыхающую [илистую грязь] примятую зверем траву и не видит, что творится на дороге. А по дороге так-же катятся брички на железных ходах, так-же нехотя переступают запотевшие под седлами лошади, лишь казаки в серых рубашках быстро перебегают от своих бричек к передней, грудятся вокруг нее, [серым] стонут в хохоте.

Степан во весь рост стоит на бричке, одной рукой держится за брезентовый верх, другой коротко [взмахнув] взмахивая сыпет [дробной] мельчайшей подмывающей скороговоркой.

— Не садися возле мёня,
 Не садися возле мёня
 Люди скажут
 Любишь мёня
 Любишь мёня
 Ходишь ко мне
 Любишь мёня
 Ходишь ко мне.
 А я роду не [простого] простова

Десятки грубых голос <sic> на лету хватая, ұхая сыпят на придорожную пыль:

— А я роду не простова
 Не простова
 Воровскова
 Не простова...
 Люблю князя князевскова...

Федот Бодовсков свищет, шарахаются лошади. Петро высунувшись из брички смеется и махает фуражкой, Степан сверкая ослепительной усмешкой озорно поводит плечами, а по дороге||

<Л. 22>

[29.] [37.] {41.} бугром движется пыль: Христоня в распоясаной длиннющей рубашке, патлатый, мокрый от пота ходит в присядку, кружится маховым колесом, хмурясь и стоная делает казачка и на пыли остаются чудовищные [разплывчатые] разлапистые следы босых его ног.

10. — 8.

Возле лобастого с желтой песчаной лысиной кургана остановились ночевать. В пруду попоили лошадей, стреножили и пустили пасться назначив в караул трех

человек. Остальные заварили кашу, подвесив котлы на дышла бричек, группами [*пособрались*] **собрались** у огня.

Христоня кашеварил. Помешивая ложкой **в котле** он рассказывал, сидевшим вокруг казакам.

—... Курган, стал-быть, високий. Навроде как этот. Я и говорю покойнику-бате, а што, атаман не забастует нас за то, што, без всякого, стал-быть, дозволенья зачем **курган** потрошить.

— Об чем он тут брешет? — спросил вернувшийся от лошадей Степан.

— Рассказываю, как мы с покойничком-батей, царство небесное старику, клад искали.

— Иде-ж вы ево искали?

— Это, браток, аж за фетисовой балкой. [*Зовется*] Кличут старые люди этот курган Меркуловым.

— Ну-ну... — Степан присел на корточки и положил на ладонь [*красный уголек*] **головешку**. Он плямкая губами долго прикуривал, катал по ладони уголек.

— Ну, вот, стал-быть, батя говорить — давай, Христан разроем Меркулов курган. От деда, стал-быть, слышал он, што в нем зарытый клад. А клад, стал-быть, не любому дается в руки. Батя сулил богу, отдашь мол клад — церкву на энти деньги построю... Вот мы **порешили** и поехали туда. Земля станишная, сумнение от атамана могло только быть. Приезжаем к ночи. Дождались покель смеркнется, кобылу, стал-быть, [*пустили*] **стреножили**, а сами с лопатами залезли на макушку. Зача́ли бузовать прямо, стал-быть, с темячка... Вырыли ямку аршина в два, земля чисто каменная, взмок я. Батя все молитвы шепчет, а у mine братцы, верите, до тово в животе бурчит. В летнюю пору, стал-быть, харч вам звестный, ну, вот... Поперек перехватит живот, смерть в глазах и всё. Батя-покойничек, царство небесное и говорит: «Фу, — говорит, — Христан и поганец ты! Я молитвы читаю, а ты не можешь пищу сдёрживать, дыхнуть, стал-быть, нечем. Иди, — говорить — слазь с кургана, а то я тебе голову лопатой срублю. Через тебе **поганца**, стал-быть, клад моgetь в землю уйтить!»|

<Л. 22 об.>

[30.] [38.] {42.}¹

Я лег под курганом и страдаю животом, а батя-покойничек, здоровый был старик, копает один. И дорылся он до каменной плиты. Кличет меня. Я, стал-быть, подовздел ломом, [*подняли*] **поднял** этую плиту. Верите, братцы, ночь мешная была, а под плитой так и блестит...

— Ну, и брешешь ты, Христоня! — не вытерпел улыбаясь и дергая ус Петро.

— Чево брешешь? — Христоня подсмкнул широченные шаровары и оглядел слушателей. — Нет, стал быть, не брешу, а истинный бог, правда!

— [*Ну*] К берегу-то прибивайся!

— ...Так братцы и блестит. Я глядь, а [*там*] это, стал быть, сожгонный уголь. Там ево было мер сорок. Батя и говорит: «Лезь, Христан, выгребай ево». Полез. Кидал, кидал лопатой. До самово света Утром, стал-быть, глядь, а он вот он...

¹ Против слов «За хутором Сетраковым в степи» на левом поле проставлена дата: «23/XI».

— Кто? — поинтересовался лежавший на попоне Томилин.

— Ды атаман, кто-же. Едет, братцы, в пралетке. «Кто дозволил, такие-сякие?» Молчим. Он нас, стал-быть, сгреб и в станицу... Позапрошлый год в Каменскую на суд вызывали, а батя померши уж был, отписали, стал-быть, в живых нету...

— Христоня снял котел с дымившейся кашей и пошел к повозке за ложками.

— Што-ж отец — **обещался церкву построить, да так [церкву]** и не построил? — спросил Степан глядя в сторону.

— Дурак, што-ж он за уголья строил-бы [?].

— Раз сулил — значица должен.

— Вшет угольев не было никакова уговору, а клад...

От хохота дрогнул огонь. Христоня поднял от котла простоватую голову и не разобрав в чем дело засмеялся покрывая голоса остальных густым гоготом.

11. — 12

За хутором Сетраковым в степи рядами стали обтянутые повозки. По улицам [снова] **засновали** казаки, [в] на площадке похаживал часовой. Военный пристав наблюдал по утрам за строевыми занятиями. Лагери зажили обычной для мая месяца ежегодной жизнью. По утрам, команда, караулившая в степи лошадей, пригоняла их к лагерям. Начиналась чистка, **седловка** перекличка, [построение] **построения**. За бугром сходились в атаках, хитро окружали и обходили противника. Казаки помоложе охотно состязались в рубке, постарше — отвливали от занятий, офицеры хрипли от [коньяка] **водки** и [команды] **жары**, нехотя занимались с казаками, поручая все дело урядникам и вахмистрам.

Над длинными шеренгами крытых повозок тек пахучий волнующий ветер, издалека свистели суслики, степь тянула, как омут, подальше от жилья и дыма выбеленных куреней.||

<Л. 23>

[31.] [39.] {43.}

За неделю до выхода из лагерей приехала к Ивану Томилину жена. Привезла домашних слобных бурсаков, всякого бабьего угощенья и ворох станичных новостей.

На другой день спозаранку уехала. Повезла от казаков домашним и близким поклонны, наказы, лишь [от] [Степана] **Степан** ничего не пересылал с ней. Накануне [был] **приболел** он и смертно [пьяный] **напился**; не видел не только жену Томилину, но и весь белый свет. На занятия [он] не поехал ссылаясь на нездоровье, по его просьбе фельдшер кинул ему кровь и на грудь поставил с полдюжины пиявок. Степан в одной исподней рубахе сидел под колесом своей брички, фуражка с белым чехлом мазалась обтирая колесную мазь. Он оттопырив нижнюю губу смотрел, как [черные] пиявки всосавшись в выпуклые полукружия его груди набухали черной кровью, росли в объеме. Возле стоял полковой фельдшер, курил процеживая сквозь редкие зубы табачный дым.

— Легчает?

— [Так] от грудей оттягивает... Для сердца просторней.

- Пьявки — первое средство.
 К ним подошел Томилин Иван, подмигнул Степану.
 — Степа, словцо-бы сказать...
 — Говори.
 — Отойдем [*вот сюды*] **отсель**.
 Степан кряхтя поднялся и подошел к Томилину.
 — Ну, выкладывай.
 — Баба **моя** приезжала... Ноне уехала в станицу.
 — [*Ааа.*] Но?
 — Про твою женёнку по станице толкуют...
 — Што толкуют?
 — С Гришкой Мелеховым спуталась. В открытую.

Степан бледнея рвал с груди пивок и давил их ногою. Последнюю раздавил, застегнул воротник рубахи, и словно испугавшись **чего-то** снова [*рас*] расстегнул. Белые, будто мелом измазанные, губы не находили покоя: подрагивая расплзались в нелепую улыбку, ежились собираясь в синеватый комок... Томилину казалось, что Степан жуёт что-то твердое, неподатливое на зубы. Постепенно [*на*] к [*лицо*] **лицу** вернулась краска, прихваченные изнутри зубами окаменели в неподвижности губы. Степан снял фуражку, рукавом размазал по белому чехлу пятно колесной мази, сказал звонко.

- Спасибо за вести. Знать буду.
 — Хотел предупредить... Так, мол, и так дома...

Томилин сожалеюще хлопнул Степана по плечу и пошел к нерасседланному коню. [*Лагери*] Лагери наполнились голосами приехавших с рубки казаков, замаячили белые парусиновые рубахи конных,||

<Л. 23 об.>

[32.] [40.] {44.}¹

разостлали над повозками пыль скачущие лошади. Степан с минуту стоял разглядывая на фуражке черное жирное пятно. На сапог ему карабкалась полураздавленная издыхающая пивка.

...С этого дня Степан с лица подурнел: висли на глаза брови, ложбинка глубокая и черствая косо прорезала лоб. Он мало говорил с товарищами, из-за пустяков вспыхивал [*начиная*] **начинал** ссору; ни с того, ни с сего поругался с урядником, на Петра Мелехова почти не глядел. [*Дружбу их прежнюю будто*] Лопнула вожжина дружбы раньше соединявшая их с Петром. [*Мелеховым.*] В тяжкой накипавшей злобе своей шел Степан под [*раскат*] **гору**, словно лошадь [*под гору.*] понесшая седока². Легла канавой неприязнь друг к другу и отчуждение.

¹ Текст со слов «...С этого дня Степан с лица подурнел» подчеркнут синим карандашом, на левом поле написано: «Отд. гл. Гл.14». На левом поле внизу также написано: «Глава тринадцатая М. Шолохов».

² ППС: «В тяжкой накипавшей злобе своей шел Степан под [*раскат*] **гору**, словно лошадь [*под гору*] понесшая седока. Лопнула вожжина дружбы раньше соединявшая их с Петром [*Мелеховым*].»

Домой возвращались они врагами. Надо-же было случиться такому событию, ускорившему развязку неопределенных и враждебных отношений, установившихся между Степаном и Петром со дня приезда в лагери Томилинской бабы; из лагерей поехали попрежнему пятеро. На утро после первой ночевки запрягли в бричку Степанова коня и Петрова. Христоня ехал на своем верхом, Томила трясла лихорадка, лежал он в будке [не вставая], приплясывая под шинелью. Федот Бодовсков ленился править, поэтому вожжи взял Петро. Степан шел возле брички плетью сбивая пунцовые головки придорожного татарника. Падал дождь. Густой чернозем смолою крутился на колесах. Небо по осеннему сизело запеленатое в тучи. [Ночью] Ночь [они заблудились]. Петро щедро сыпал лошадям кнута. И вот тут-то в темноте крикнул Степан дрогнувшим голосом¹.

— Ты што-же, мать твою... Свово коня [жалеешь] прижеливаешь, а с мово кнут не сходит?

— Гляди дюжей. Чей не везет — тово и погоняю.

— Как-бы тебя я не подпрег, [турок] они турки тягуши везть.

Петро бросил вожжи.

— Тебе чево надо?

— Сиди уж, не вставай.

— То-то помолчал-бы.

— Ты чево прискипался к нему? — загудел Христоня подъезжая к Степану.

Степан промолчал. В темноте не видно было его лица. С полчаса ехали молча. Шелестела накручиваясь на колеса грязь, дремотно [стал] вызванивал по брезентовой крыше брички сеяный на сито дождь. Петро бросив вожжи курил. Перебирал в уме все те обидные слова, какие он при новой стычке скажет Степану. Его подмывало зло. Хотелось хлестко выругать придиравшегося Степана, начать драку.

— Посторонись. Дай в будку пролезть.

Степан легонько толкнул Петра и [кряхтя] крях<нрзб.> [полез в] вскочил на бричку. Тут-то||

<Л. 24>

[33.] [39.] {45.}

неожиданно дернулась бричка, качнулась и стала. [Впереди] оскальзаясь по грязи [затопотала] затопотали [конские] лошади, [сверкнули] зацокали подковы выбивая желтый дождь искр, громыхнул натянутый барок.

— Тррр!.. — крикнул Петро, прыгая с брички.

— Што там такое?.. — всполошился Степан.

[В черной сырой тьме] подскакал Христоня.

— Обломались, черти?..

— Засвети огонь!..

— Серники у ково?

— Степан кинь серники!..

¹ На левом поле вдоль текста со слов «На утро после первой ночевки» красным карандашом проведена вертикальная волнистая линия и поставлен знак «V».

Впереди [хрипела] всхрапывая [и] билась лошадь: [Петро ощупью добрался до лошадей]. Кто-то [пахнул] чиркнул спичку. Оранжевый кружочек света и опять темь. Дрожащими руками [Петр] Петро скользил шупая спину упавшей на передние ноги лошади. Дернул под уздцы, лошадь вздохнув повалилась на бок, хряпнуло дышло. Подбежавший Степан зажег щепоть спичек. [Под] Конь его лежал вскидывая голову, передняя нога его [вывернувшись] по колено торчала в заваленной сурчине. Христоня суетясь отцепил постромки.

— Ногу ему выручай!

— Отпрягай Петрова коня.

— Стой, про-кля-тый! Тррр!..

— Поторонись, он брыкается, дьявол.

С трудом подняли Степанова коня на ноги. Измазанный Петро держал его под уздцы. Христоня ползал в грязи на коленях ощупывая безжизненно поднятую ногу.

— Переломил!... — Пробасил он.

Федот Крамсков шлепнул по дрожащей лошадиной спине ладонью.

— А ну, проведи, может пойдет.

Петро потянул на себя поводья. Конь прыгнул не наступая на левую переднюю и заржал. Томилин надевая в рукава шинель топтался [возле ставшей брочки].

— Врюхались, мать вашу!.. Сгубили коня, эх. Молчавший все время Степан словно этого и ждал: отпихнув Христоню кинулся на Петра. Целил в голову, но удар упал на плечо. Сцепились. Упали в грязь. Треснула на ком-то рубаха. Степан подмял Петра и [бил] придавив коленом голову [бил] гвоздил гиревыми кулачьями в Петрову грудь. Христоня растянул их ругаясь.

— За што?! — выхаркивая кровь кричал Петро.

— Правь, гадюка!.. Бездорожно не езд!..

Петро рвался из Христининых рук, [но тот]

— Но-но-но!.. Балуй у мене!.. — гудел тот одной рукой прижимая его к брочке.||

<Л. 24 об.>

[34.] [42.] {46.}

В пару к Петрову коню припрягли низкорослого но тягущего конишку Федота Крамскова.

— Садись на мово! — приказал Степану Христоня. Сам полез в будку к Петру. Уже в полночь приехали на хутор Гниловской. [В] Стали у [крайне.м] крайнего [дворе] двора. Христоня пошел проситься ночевать. Не обращая внимания на собаку хватавшую его за полы шинели, он [подошел] проплюхал к окну, открыл ставню, поскреб ногтем о стекло.

— Хозяин!

[[Шуришит] Шурианье] {Шорох} [дождь] дождя¹ и заливистый собачий брех.

¹ ППС: «[Дождь] Дождя [[шуришит] шурианье] {шорох}».

— Хозяин! Эй, добрые люди! Пустите, ради Христа перночевать.

Служивые, из лагерей. Сколько? Пятеро нас. Ага, ну, спаси Христос.

— Заезжай! — крикнул он поворачиваясь к воротам. Федот ввел во двор лошадей. [*Ругая*] Споткнулся через свиное корыто, [*лежавшее посеред двора*] и [*сплюнув*] выругался. Лошадей поставили под навес сарая. Томилин вызванивая зубами пополз в хату. В будке остался Петро и Христоня.

На заре собрались ехать. Вышел Степан¹ из хаты [*с*] древней горбатой старушенкой. Христоня, запрягавший коней, [*поглядел на*] пожалел [*семенившую*] семенила за [*Степаном старуху*]².

— Эх, бабуня, как тебе согнуло-то! Небось в церкви [*кланяться*] поклоны стукать способно, чудок пригнулся и вот он пол.

— Соколик ты мой, атаманец, на тебе собак вешать способно, мне поклоны класть... — старуха сурово улыбнулась, удивила Христоню [*плотным*] густым рядом несъеденных мелких зубов.

— Ишь ты... Какая зубастая. Хучь-бы мне на бедность подарила. Молодой вот, а жевать нечем.

— А я с чем остануся, хороший мой?

— Тебе, бабка, лошадиные вставим. Все одно помирать.

Старуха прошла с Степаном под сарай.

— Какой из них? [*— моргнула водянистым глазом*].

— Вороной. — вздохнул Степан.

Старуха положила на землю костыль свой и мужским уверенным **сильным** движением подняла коню сломанную ногу. Скрюченными тонкими пальцами долго шупала коленную чашечку. Конь прижимал уши, выворачивая глаз приседал от боли на задние ноги.

— Оставь, славный мой, оставь... Полечу.

— Толк-то будет, бабуня?

— Толк? А кто-ж ево знает... — Должно будет толк...

Степан [*вздохнул и*] махнул рукой и пошел к брличке.

— Оставишь, ай нет? — шурилась вслед старуха.

— Пушай остается.

— Она ево вылечит, оставил об трех ногах, возьмешь кругом без ног! Ветина с **горбом** нашел! — хохотал Христоня.||

<Л. 25>

[35] [43.] {47.}³

12. — 15.

—...Тоскую по нем, рódная бабúнюшка... На **своих** глазыньках сохну, [*гибну*] не успеваю юбку ушивать, што ни день, то шире становится... Пройдет мимо двора, а у мене сердце закипает... Упала-б на зёмь, следы-б ево целовала... Мо-

¹ ЛПС: «Степан вышел».

² Правка не завершена, в беловом автографе: «Вышел из хаты Степан, за ним семенила древняя горбатая старушенка. Христоня, запрягавший коней, пожалел ее».

³ Против слов «Тоскую по нем рódная бабúнюшка» на левом поле проставлена дата: «24/XI».

жет присушил чем? [Нет-ли] [Пособишь-ли] **Пособи** бабунюшка? [Он-то] Женить ево собираются [,берут с хутора Коршунову девку]... Пособи, родимая! Што стоит — отдам. Хучь последнюю рубаху сыму, только пособи!..

Светлыми, в кружеве морщин глазами глядит бабка Дроздиха на Аксинью. Качает **головой** под [рассказ] горькие слова рассказа.

— Чей-же паренек-то?

— Ивана Мелехова сын.

— Турка — што-ли?

— Ево самово...

Бабка жует ввалившимся ртом, медлит с ответом.

— Придешь, бабонька пораньше завтра. Чуть займется зорька — придешь. К воде пойдем, к Дону. Тоску отольем. Сольцы шепоть прихвати из дому... Так-то.

Аксинья кутает желтым полушалком лицо и сгорбившись выходит за [воротца] калитку. Темная ее фигура рассасывается в [темноте] **ночи**. Сухо черкают по сухой земле подошвы чириков. Смолкают и шаги. Где-то на краю станицы дерутся и режут песни.

С рассветом, [Аксинью] **Аксинья** не [спавшую] **спавшая** всю ночь¹ у Дроздиного окна.

— Бабушка!

— Кто там?

— Я, бабушка. Вставай.

— Зараз оденусь.

По проулку спускаются к Дону. У пристани, возле мостков мокнет в воде брошенный передок арбы. Песок у воды ледянисто колок. От [воды] **Дона** [пахнет] ползет сырая **студенистая** мгла. Дроздиха берет костистой рукой Аксиньину руку, тянет ее к воде.

— Соль взяла? Дай сюды. Крестись на восход.

Аксинья крестится. Злобно глядит на счастливую розовость востока.

— Зачерпни воды в пригоршню. Выпей. — командует Дроздиха. Аксинья измочив рукава кофты напилась. Бабка черным пауком [повисла] **раскорячилась** над ленивой волной, присела на корточки, зашептала.

— Студёны родники со дна текучие... плоть горячая... и зверем... и крестом... и узлом святым... раба божия Григория... — доносилось до слуха Аксиньи.

Дроздиха посыпала солью влажную меловую пыль под ногами, сыпнула в воду, остатки высыпала Аксинье за пазуху.

— Плесни через плечо водицей. Скорей!²||

¹ ППС: «не [спавшую] **спавшая** всю ночь [Аксинью] **Аксинья**».

² Против сцены приворота на левом поле красным карандашом написано: «**Выработать**», — и проставлен знак «V».

<Л. 25 об.>

[36.] [44.] {48.}

Анисья проделала. С тоскою и злобой оглядела вялые коричневые щеки Дроздихи.

— Всё, што-ли?

— Поди, милая, позоруй. Все.

Аксинья запыхавшись прибежала домой. На базу мычали коровы. Мелехова Дарья заспанная и румяная, поводя красивыми дугами бровей гнала в табун коров. Она улыбаясь [*поглядела*] **оглядела** [*на*] бежавшую мимо Аксинью.

— Здорово ночевала, Ксюша.

— Слава богу.

— Идей-то спозаранку моталась?

— Тут... По делу.

Зазвонили к утрене. Рассыпчато и [*сухо*] **ломко** падали медноголосые всплески. На проулке шелкал арапником подпасок. Аксинья **спеша** выгнала коров и понесла в сенцы цедить молоко. Вытерла о завеску [*чис*] смуглые [*с зас*] **до локтя** [*засученными*] **засученные** [*рукавами*] руки, думая о чем-то своем, плескала в запенившуюся цедилку молоко из цыбарки. На улице глухо зацокотали колеса, тягуче заржали кони. Анисья неспеша поставила на лавку цыбарку, вошла в хату поглядеть в окно. Придерживая **рукою** шашку к калитке¹ шел Степан. По дороге обгоняя друг друга скакали к площади казаки.

Анисья скомкала в пальцах завеску и села на лавку. По крыльцу шаги... Шаги в сенцах... Шаги у самой двери. Степан стал на пороге исхудавший и чужой.

— Ну...

Аксинья вихляясь всем своим крупным полным телом пошла навстречу.

— Бей... — протяжно сказала она и стала боком.

— Ну, Аксинья.

— Не таюсь... Грех на мне. Бей, Степан!..²

Она вобрав голову в плечи, сжавшись в комок, защищая руками **только** живот стояла к нему лицом, и с тупого, обезображенного страхом лица глядели черные в кругах глаза не мигая.

Степан качнулся и прошел мимо нее, [*пахнув*] **пахнуло** запахом мужского пота и полынной дорожной горечи от нестиранной [*белой*] рубахи. Он не скидая фуражку лег на кровать. Полежал, крикнул и приподнял плечо скидая ремень шашки. Всегда лихо закрученные русые усы квели свисали вниз. Аксинья не поворачивая головы, сбоку глядела на него. Редко вздрагивала.

Степан на [*не*] спинку кровати положил ноги. С сапог вязко тянулась закрутившая грязь Он смотрел в потолок перебирая пальцами ременный темляк шашки.||

¹ ППС: «К калитке придерживая **рукою** шашку».

² ППС: «Бей, Степан! Грех на мне».

<Л. 26>

[37.] [45.] {49.} ¹

— Ишо не стряпалась?

— Нет...

— Собери-ка што-нибудь пожарать.

Обсасывая усы похлебал из чашки молока, черствый хлеб жевал [долго] подолгу, на щеках катались обтянутые розовой кожей жевлаки <sic>. Аксинья стояла у печки. С жарким ужасом глядела на [большие] маленькие хрящеватые уши мужа ползавшие при еде вверх и вниз.

Степан вылез из-за стола, перекрестился.

— Расскажи, милаха. — коротко попросил он.

Аксинья нагнув голову собирала со стола. Молчала.

— Расскажи, как мужа ждала, мужнину честь берегла.

Бросила тряпку, которой стирала со стола, шагнула к мужу, на колени хотела пасть... Короткий страшный удар в голову вырвал из-под ног землю, кинул к порогу. Анисья [охнув] стукнулась о дверную притолку спиной глухо и протяжно охнула. Недаром Степан считался лучшим из молодых кулачником в станице. Не бабу квелую и пустомясую, а ядреных [кряжистых] каршеватых атаманцев умел валять с ног ловким ударом в голову. Страх-ли поднял Аксинью на ноги, или снесла бабья живущая натура, но Анисья отлежалась, отдышалась и стала на четвереньки, потом на ноги. Степан стоял посреди хаты и закуривал. Прозевал он, как [под] стала Анисья в дыбки. Кинул на стол кисет, а она уж дверью хлопнула. Погнался за ней по двору. Аксинья залитая кровью ветром неслась к плетню, отделявшему Мелеховский двор от ихнего. Степан настиг ее у самого плетня. Черная рука его, как ястреб упала на голову Аксиньи. Промеж сжатых пальцев настряли волосы. Рванул и повалил на землю, в золу; в ту золу, которую Анисья [день] изо дня в день, истопив печку, сыпала под плетень. Что из того, что муж заложив руки за спину охаживает собственную жену сапогами? Шел мимо косорукий Алешка Горбатов, поглядел и раздвинул кустастую свою бороденку улыбкой. Очень даже понятно за что жалует Степан свою бабу. Остановился-бы Алешка поглядеть до смерти убьет аль нет, но совесть не позволяет, не баба ведь.

Издали на Степана поглядеть — глину человек месит. Так и подумал Гришка, когда из окна своей горницы увидал, как Степан попрыгивает возле плетня, но доглядев в чем дело и выскочил из дома. К плетню бежал он на ципочках, плотно прижав к груди занемевшие кулаки, следом за ним выскочив из дома тяжело тупал сапогами бежавший Петр.

Гришка махнул через высокий плетень птицей. Он с разбегу [ударил] хлобытнул сзади занятого Степана. Тот качнулся на ногах и повернувшись пошел на||

<Л. 26 об.>

[38.] [46.] {50.}

Гришку медведем.

¹ Против слов «Ишо не стряпалась» на левом поле проставлена дата: «25/XI».

Братья Мелеховы: Гришка — за Аксинью, Петро за недавнюю обиду [клева] дрались отчаянно, как два скопца клевали задыхавшегося Степана. Гришка несколько раз катился на землю сбитый Степановой кулачной свинчаткой, жидковат был против заматеревшего Степана, но желтоусый низенький Петро гнулся под ударами, как камыш под ветром, но твердо стоял на ногах. [Степану] Степан сверкая одним глазом, другой заплыл [мали] опухолью цвета спелой сливы, отступал к крыльцу.

[Христоня] Разнял их Христоня, приходивший к Петру за уздечкой.

— Разойдись! — махал он клешнятыми руками, — Разойдись, а то к атаману!

Петро выплюнул на ладонь вместе с кровью околонную половинку зуба, сказал хрипло.

— Пойдем, Гришка. Мы ево ишо подкараулим.

— Нешто не попадешься ты мне! — грозил с крыльца подсиненый Степан — [кишки] [душой] душу вместе с потрохом¹ выпущу!..

— Ты в сурьез, али шутейно?

Степан быстро сошел с крыльца, Гришка рванулся к нему навстречу, но Христоня толкнул его в калитку, пообещал.

— Тольки свяжись — измотаю как цуцика!..

С этого дня в калмыцкий узелок завязалась между Мелеховыми и Степаном Астаховым злоба. Суждено было Гришке Мелехову развязывать этот узелок год спустя, да не дома, а в Восточной Пруссии, под городом [да] Столыпинном.

13. — 16²

— Скажи Петру штоб, [Запретай] запрет кобылу и [Петрова] свово коня.

Гришка вышел во двор. Петро выкатывал из-под сарая бричку.

— Батя велит запрягать кобылу и твоо коня.

— Без нево знаем, — направляя дышлом ответил Петр.

— [Ты чево-же не одеваешься? — мать выскочила на крыльцо и горестно всплеснула руками. Гришка не глядя на нее прошел в горницу, хмурясь перерыл все в сундуке и через пять минут вышел в кухню иным человеком: шаровары добротного синего сукна с полыхающими лампасами, на голове казачья с красным околышем ненадеванная фуражка, сатиновая синяя рубаха³, новые сапоги. Он казался выше в широких заправленных в сапоги шароварах, фуражка дурнила его и делала похожим на всамделишнего турка.] Иван Семенович торжественный, как титор у обедни, [хлебал] дохлебывал за столом щи, мочился горячим потом.]]

¹ ППС: «[кишки] вместе с потрохом [душой] душу».

² У начала главы на левом поле синим карандашом написано: «Дополнить о решении женить Петра» («Петра», видимо, ошибочно, надо «Григория»).

³ Против подчеркнутых слов на левом поле красным карандашом написано: «Сильнее»; ниже три даты: «1914», «1912», «1913».

<Л. 27>

[39.] [47.] {51.}¹

Дуняшка шустро пробежала по Григорию глазами, где-то в тенистом холодке выгнутых стрельчатых век припрятала девичий свой смешок-улыбку. [Мать Григория] Ильин., кургузая и важная [покрытая] в шалевой праздничной [шалью] шали², тая в опущенных углах губ [бабью] материнскую тревогу оглядела Григория и вздохнула обернувшись к старику.

— Будя тебе напихиваться, Семеныч. Чисто оголодал ты.

— Поисть не даст. То-то латоха!

В дверь просунул длинные пшенично-желтые усы Петро.

— Пжалте, фаитон подан.

Дуняшка прыснула смехом и закрылась рукавом. [кофты.] Прошла через кухню Дарья, поиграла тонкими ободьями бровей оглядывая жениха.

Свахой ехала двоюродная сестра Ильинишны — вдовая тетка Василиса, жох-баба [разбитная и] [Круглое ее] Она первая угнездилась в бричке и поводя круглой как арбуз головой посмеивалась, из-под оборки губ показывала черные кривые зубы. Говаривал про нее Пант Пр.³

Петро отворил ворота. Григорий разобрал пахучие ременные вожжи, [и] вскочил на козлы. Иван Семенович и тяжеловесная Ильинишна сели рядом в зад у брички, как молодые.

— Кнута им! — крикнул Петро выпуская из рук поводья.

— Играй, черт!... — Гришка куснул губу и шелкнул перепрыгающего ушами коня. Лошади звякнув барками натянули постромки и [плавно] резко [тронули] рванули бричку.

— Гляди!.. Зацепишься!.. — визгнула Дарья. Но бричка уж круто вильнула в сторону и подпрыгивая на придорожных кочках [скрылась за поворотом.] запылила по улице.

Григорий свешиваясь на бок горячил кнутом играющего в упряжке Петрова строевика. Иван Семенович ладонью держал бороду, будто боясь, что унесет ее свиставший ветер.

— Кобылу рубани!.. — ворочая по сторонам глазами сипел он наклоняясь к Гришкиной спине.

Ильинишна кружевным рукавом кофты вытирала надутую ветром слезинку и мигая глядела, как на спине Григория трепещет надуваясь от ветра горбом сатиновая синь рубахи.

Встречные казаки сторонились с дороги, подолгу глядели вслед [пылившей бричке]. Собаки выскакивая из дворов катились под [колеса] ноги лош., лая не было слышно за грохотом заново ошиненных колес. Григорий не жалел ни кнута, ни лошадей и через двадцать минут станица легла сзади, над дорогой зелено за-

¹ Против слов «Дуняшка шустро пробежала по Григорию глазами» на левом поле проставлена дата: «28/ХI».

² ППС: «в шалевой праздничной [шалью] шали, кургузая и важная».

³ Текст вставки перенесен с левого поля, место вставки определено по беловому автографу.

кружилась степь, [замаячили [вблизи] неподалеку выбеленные стены домов хутора Журавлева.

— В проулок. Третий курень налево.— указал Иван Семенович.] Григорий дернул вожжину и бричка ||

<Л. 27 об.>

[40.] [48.] {52.}

оборвав железный рассказ на полуслове стала у крашенных, в [ре] мелькой резьбе, досчатых воротах. [На крыльце, глянув мельком увидел Григорий, испуганную синь девичьих глаз, под черным коклюшевым шарфом. Глаза глянули на Гришку и [растаяли] [скрылись] **растаяли окутанные** [в] [черном] **черным** [облаке] **облаком** метнувшегося шарфа, в резвом перестуке проворных, убежавших в сени ног.]

Гришка остался [привязать к забору] у лошадей, а Иван Семенович похромал к крыльцу, за ним поплыла в шелесте юбок, [вся] [красная] **красномак** [как мак] Ильинишна. и [сваха] **Василиса**.

Иван Семенович спешил боясь утратить припасенную доро́гой смелость. Он споткнулся о высокий порожек, зашиб хромую ногу и морщась от боли буйно затупотал по вымытым [лоснящимся] порожкам. Вошли в хату с Ильинишной почти вместе. Ивану Семеновичу невыгодно было стоять рядом с женой, была она выше его на добрую четверть поэтому он ступил от порога шаг вперед, поджал ногу и скинув фуражку перекрестился на мутного письма черную икону.

— Здорово живете.

— Слава богу. — **хрипло** ответил привстав с лавки хозяин дома — низенький, конопатый казак.

— Примай гостей! Игнат Федорович.

— Гостям завсегда ради. Марья, дай людям на што присесть.

Пожилая плоскогрудая [баба] **хоз.** смахнула с табуреток завеской несуществующую пыль [и проворно] подвинула их гостям. Иван Семенович [косо глянул на блеклое лицо жены и] сел на краешек **табурета** обтирая утиркой взопревший потом смуглый лоб.

— А мы это к [тебе] **вам** по делу... — начал он. Ильинишна в этом месте **речи** подвернув юбку осторожно присела на другой табурет.

— Жалься, по какому делу. — улыбнулся хозяин

Вошел Григорий. Зиркнул [нелюдимо] по сторонам.

— Здорова ночевали.

— Слава богу, — ответила протяжно хозяйка

— Слава богу. — подтвердил хозяин и сквозь веснушки, устрикавшие его лицо, проступила коричневая краска; тут только догадался он за чем приехали гости.

— Скажи [Афоньке] штоб коней ихних на баз ввел. Нехай им сена в ясли кинет. — обратился он к жене. Та вышла на крыльцо.

— Дельце к вам по малости имеем... — продолжал Иван Семенович. Он ворошил кудреватую смолу бороды, [в ухе попрыгивала] **подергивая** [серьга] **серьгу**. ||

<Л. 28>

[45.] [49.] {53.}

— У вас девка — невеста, у нас жених... Не снюхаемся-ли случаем как? Узнать-бы, будете выдавать ее, нет-ли? А то может и породнимся.

— Кто-же ее знает... — почесал хозяин лысеющую круглую голову.

— Не думали в нынешний мясоед выдавать. Тут, признаться, делов много, а тут-таки и годков ей не дюже много. [Осемнадцатую] **Осемнадцатая** [весну] **весна** только перешла... — вступила хозяйка.

— Теперича самое светок лазоревый, што-же держать, аль мало перестарков в девках кулюкают.

— За нашу наезжали сваты **ишо** на провесне. Наша не засидится. Девка, — нечево бога-милостивца гневить, всем взяла: што на полях, што дома...

— Попадется добрый человек и выдать можно, — степенно [влез] протиснулся в бабий трескучий разговор Иван Семенович.

— Выдать — не вопрос, — чесался хозяин, — Выдать в любое время можно.

Иван Семенович подумал, что им отказывают, загорячился.

— Оно, само собой, дело хозяйское... Жених, он навроде старца, иде хошь просит. А уж раз вы, к примеру, ищите может купецкого звания **жениха**, аль **ишо** што, то уж **совсем наоборот** звиняйте.

Дело и сорвалось-бы. Иван Семенович пыхтел и наливался буряковым соком, невестина мать кудахтала, как насадка на тень коршуна, но в нужную минуту ввязалась в разговор сваха. Посыпала мелкой тишайшей скороговоркой, будто солью на обожженое тело, и связала разрыв.

— Што-уж там, роднимая кумушка, **раз** дело такое [подошло] **зошло**, сложилось, значица надо порешить ево порядком и дитю своему на счастье... Хучь-бы и Настя, ды, таких-то девок поискать, [да] по белу свету, работа — варом в руках перкипает, што рукодельница! што хозяйка! и собою, уж вы, люди добрые сами видите, — разводила она приятно руками обращаясь к Ивану Семеновичу и надутой Ильинишне, — он и женижок хучь куда казачек! Гляну, ажник сердце закипит, до чево-ж на мово покойново Донюшку схож... И семейство ихнее шибко работающее, Иван Семенович — кинь в округе — всему свету звесный человек и благодетель... По доброму слову, аль мы детям своим супротивники и лихо-деи?

Тек [Ивану Семеновичу] в уши журчащий переливами свашенькин голосок. Слушал он, выдергивая из ноздрины большим и указательным пальцами, пучки черных задичавших в вечных потемках волос и думал восхищаясь.||

<Л. 28 об.>

[46.] [50.] {54.}

«Эк чешет [сучкина мать] **дьявол языкастая!** Скажи, как чулок вяжет, [и]Петлюет успевай разуместь, што и к чему... Иная баба забьет и казака разными словами... Ишь ты [погань] **моль в юбке!**.. — любовался он свахой, пластавшейся в похвалах невесте и невестинной родне [кончая] начиная с пятого колена.

— Чево и гутарить! Зла мы дитю своему не желаем. Про то речь, што выдавать, кубыть, и рано. — миротворил хозяин сияя веснушками и улыбкой.

— Не рано, Игнат Федорыч! Истинный бог не рано!

Крутился Иван Семенович ввинчивая в пол табурет.

— Придется, рано-ль, поздно-ль, расставаться... — всхлипнула полупритворно, полуискренне хозяйка.

— Кличь дочерю, Игнат Федорыч, поглядим.

— Настя! — зыкнул хозяин и слизнул с усины пот.

В дверях несмело стала невеста. Смуглые руки суетливо перебирали оборку фартука.

— Пройди, пройди. Ишь засовестилась — подбодрила мать и улыбнулась сквозь слезную муть.

Гришка сидевший возле тяжелого в голубых слинявших цветах сундука глянул на нее. Под черной стоячей пылью шарфа серые смелые глаза. На упругой щеке дрожала от смущения и сдержанной улыбки неглубокая розовеющая ямка. Григорий перевел взгляд на руки: большие раздавленные работой. Под зеленой кофточкой, плотно обхватившей плотное, как сбитень тело, наивно и жалко высывались поднимаясь вверх и врозь небольшие каменные груди, **пуговичками торчали остренькие соски**. Цепкие Гришкины глаза в минуту обежали всю ее [до] с головы до высоких красивых ног. «Хороша девка!» — невольно подумал он и встретился с ее глазами направленными на него в упор. Безхитростный **чуть смущенный** правдивый взгляд будто [ск] говорил. «Вот я вся, какая есть. Как хотите, так судите меня».

«Славная. Нравишься мне». — ответил Григорий глазами и улыбкой.

— Ну, ступай! — махнул хозяин рукой. Настя повернулась и притворяя за бою дверь глянула на Гришку не скрывая улыбки и любопытства.

— Вот што, дорогие наши сваточки, — начал хозяин переглянувшись с женою, — посоветуйте вы, и мы посоветуем промеж себя, семейно. А потом уж и порешим дело, будем мы сватами, аль не будем.

Иван Семенович поднялся и стал прощаться. Ильинишна тронулась за ним следом.

— К предбудующему воскресенью надбегем. — сулил сходя с крыльца Иван Семенович. Хозяин провожал их до ворот и умышленно промолчал на слова Ивана Семеновича, будто ничего и не слышал.||

<Л. 29>

[51.] 55.

17.

Только после того, как узнал [Степан] от Томила Ивана про Анисью, понял Степан, вынашивая в душе тоску и ненависть, что несмотря на плохую жизнь и на ту обиду, что досталась ему Анисья не девкой, любил он ее тяжелой ненавидящей любовью.

После разговора с Томилиным до краев налил сердце злобой. По ночам лежал в повозке укрывшись шинелью, заломив над головой руки, думал о том, как вернется; [как] как встретит его жена, и чувствовал словно вместо сердца [копошился] **копошится** в груди мохнатый колючий паук... [С за] Обтянув глаза посине-

лыми веками лежал [*перебирая*] **готовя** в уме тысячи подробностей расправы, и было такое ощущение, будто на зубах зернистый и крупный песок.

Расплескал злобу в драке с Петром. Домой приехал вялый, поэтому-то легко отделалась Анисья. [С]

С того дня прижился в Астаховых куренях невидимый покойник. Анисья ходила на ципочках, говорила шопотом, но в глазах, [*присыпанный*] **присыпанных** пеплом стыда и страха чуть приметно тлел уголек, оставшийся от зажженного Гришкой пожара.

Степан вглядываясь в нее скорее чувствовал это, чем видел. Мучился. По ночам, когда в кухне [*засыпал*] над комелем засыпало мушиное стадо и Анисья дрожа губами стелила постель, бил ее Степан зажимая рот черной шершавой ладонью, выспрашивал бесстыдные подробности о связи с Гришкой. Анисья [*вначале*] металась по твердой с запахом овчины кровати, икая тяжело дышала. Степан приморившись [*бить*] **истязать** мягкое, как закрутившее тесто, тело, шарил по лицу ее рукою, слез искал, но щеки Аксиньи были **пламенно-сухи**, [*горячи*]; двигались под пальцами Степана сжимаясь и расжимаясь челюсти.

— Скажешь?!..

— Нет!

— Убью!..

— [*што-ли...*] **Убей!** Ради Христа, убей!¹ Отмучаюсь... Не житье... Степан стиснув зубы закручивал на жениной груди [*прохладной*] **прохладную** от пота² тонкую кожу. Аксинья вздрагивая стонала.

— Больно, штоль? — [*не разжимая зуб хрипел*] **веселел** Степан.

— Боль-но.

— А мне, думаешь не больно было?..

.....
Засыпал он к полночи. Во сне [*сжимались*] **сжимал** и [*двигались*] **двигал** [*черные*] **черными**, [*пухлые*] **пухлыми** в суставах [*пальцы*] **пальцами**. Аксинья приподнявшись на локте подолгу глядела на||

<Л. 29 об.>

[52.] **56.**

красивое измененное сном лицо мужа. Подолгу глядела и роняя голову на подушку что-то шептала.

[С] [*Гришкой*] **Гришку** Аксинья почти не видела. Раз как-то, у Дона повстречалась с ним. Григорий пригонял поить быков, поднимался по спуску помахивая [*ободранной*] красненькой хворостинкой, глядя под ноги. Аксинья шла ему навстречу, **увидала и неожид. почувств. как** [*холодело*] **похолодело** под руками коромысло и [*жарко*] **жаром** [*хлестнула*] **осыпала** кровь [*в*] виски. Притупляя сознание после, когда вспоминала Аксинья эту встречу ей стоило немалых усилий, что-бы уверить себя, что это было на яву.

¹ ППС: «Ради Христа, убей! [*што-ли*] **Убей!**»

² ППС: «на [*прохладной*] **прохладную** от пота жениной груди».

Григорий увидел ее тогда, когда она почти поровнялась с ним. На требовательный скрип ведер поднял голову, дрогнул бровями и глупо улыбнулся. Акси́нья шла глядя через Гришкину голову, на [зеленое] **зеленый** [дышащее] **дышащий** волнами Дон, еще дальше — на гребень песчаной косы, краска выжала из глаз ее слезы.

— Ксюша!..

Акси́нья прошла несколько шагов и стала нагнув голову, как под ударом. Григорий злобно хлестнул **хворостиной** отставшего муругого быка, сказал не поворачивая головы.

— Степан когда выедет жито косить?

— Зараз... Запрягает.

— Проводишь — иди в наши подсолнухи, в займище. И я приду.

Акси́нья поскрипывая ведрами сошла к Дону. У берега желтым пыльным кружевом, на зеленом подоле волны, змеилась изгинаясь пена. Белые чайки-рыболовы с криком носились над Доном, над поверхностью воды серебряным дождем высыпала мелочь-рыбешка. С той стороны, [Дона] за белью песчаной косы, величаво и строго высились седые под ветром головы старых тополей. Акси́нья черпая воду уронила ведро. Поднимая левой рукой юбку забрела по колено, вода защекотала натертые подвязками икры и Ани́сья в первый раз, после приезда Степана, засмеялась тихо и неуверенно. Оглянувшись на Гришку: так-же помахивая хворостиной, будто отгоняя оводов, [шел он] медленно взбирался он по спуску. Ани́сья ласкала мутным от прихлынувших слез взглядом сильные его ноги, уверенно попиравшие землю. Широкие Гришкины шаровары, вобратые в белые шерстяные чулки, атели лампасами. На спине его возле лопатки [там, где] [метался] **трепыхался** клочек [оторванной] **свежее-порванной белой грязной** рубахи [желтелся] **желтел** [смугло] **смуглый**¹ треугольник оголенного тела. Ани́сья [цурясь] целовала глазами этот крохотный||

<Л. 30>

[53.] 57.

когда-то ей принадлежавший кусочек любимого тела, слезы падали на улыбающиеся побледневшие губы. Она поставила на песок ведра и цепляя дужку зубцом коромысла увидела на песке след, оставленный остроносым Гришкиным чириком. Воровато огляделась — никого — лишь на дальней пристани купаются ребяташки, **быстро** присела на корточки и прикрыла ладонью след, потом положила на плечи коромысло и улыбаясь над собою заспешила домой.

Над хутором задернутое кисейной полумглой шло солнце. Где-то под курчавым табуном белых облачков сияла глубокая прохладная синь, а над хутором, над раскаленными железными крышами, над безлюдьем пыльных улиц, над дворами с [желтой] **желтым** [выжженной] **выжженным** сухменем травы висел мертвый зной. [Одни лишь Куры лежали в золе раскрыв ссохшиеся клювы,] Ани́сья плеская на растрескавшуюся землю из ведер воду, покачиваясь подошла к

¹ ППС: «[смугло] **смуглый** [желтелся] **желтел**».

крыльцу. Степан в широкополой соломенной шляпе запрягал в косилку лошадей. Поправляя шлею на дремавшей в хомуте кобыле глянул на Аксинью.

— Налей воды в баклагу.

Анисья вылила ведро, обожгла руки о железные склепанные обручи.

— Леду-бы надо. Степлится вода. — сказала глядя на мокрую от пота спину мужа.

— Поди возьми у Мелеховых. Не ходи!.. — крикнул Степан вспомнив.

Анисья пошла затворить брошеную настежь калитку. Степан ухватил кнут, опустив [гла] зрачки крикнул:

— Куда?!...

— Калитку прикрыть.

— Вернись, мать твою... Я тебя, подлюка! Сказано не ходи!..

Анисья торопливо подошла к крыльцу. Хотела повесить коромысло но дрогнувшие руки отказались служить — коромысло покотилось по порожкам.

Степан кинул на переднее сиденье брезентовый плащ, расправил усаживаясь вожжи.

— Ворота отвори.

Анисья распахнула ворота. Осмелилась спросить.

— Когда приедешь?

— К вечеру. Сложился косить с Аникушкой. Харчи ему отнеси, из кузни придет — поедет на поля.

Мелкие колеса косилки повизгивая, врезаясь в [серую] **серый** [плюшевую] **плюш** пыль¹, выбрались за ворота. Аксинья вбежала в дом, прижала руку к сердцу, что-то вызванивавшему и накинув платок побежала к Дону. «А, ну, как вернется? Что тогда?»||

<Л. 30 об.>

[54.] **58.**

опалила мысль. Стала. Ветер схватил концы платка, кинул за плечи. Поглядела назад и чуть не рысью побежала по над Доном к займишу.

Плетни. Огороды. Желтая марь засматривающих на солнце подсолнечников, [оранжевая] **зеленая** в бледном цвете картофель. На огороде Шумилиных бабы припоздав допалывают деляну картофеля. Согнутые в розовых рубахах спины. Короткие взлеты, падающих на серую пахоть, мотыг. Анисья, не переводя дух дошла до Мелеховского огорода, оглянулась и скинув [хворостяную] **хворостяной** [петлю] **кляч с устоя** открыла дверцы. По утопанной стежке дошла до зеленого частокола подсолнечных будыльев. Пригинаясь забралась в самую гущину, измазала лицо золотистой цветковой пылью и подбирая юбку присела на завитую розовой повитью землю. Прислушалась: тишина до звона в ушах, где-то вверху одиноко гудит пчела. Поле в щетинистом пушке будылья подсолнечника молча сосут землю.

¹ Незавершенная правка, надо «пыли».

С полчасу сидела терзаясь сомнением «Придет или нет?» Хотела уж итти, привстала поправляя под платком волосы, в это время тягуче заскрипела калитка. Шаги и:

- Аксютка!
- Сюда иди...
- Ага, пришла.

Шелестя листьями подошел и сел рядом. Помолчали

- В чем это у тебе щека?

Анисья рукавом размазала желтую пахучую пыль

- Должно с подсолнуха.
- Ишо вот тут, возля глаза...

Вытерла. Встретились глазами. И отвечая на Гришкин немой вопрос заплакала.

- Мóчи нету!.. Пропала я, Гриша...
- Чево-ж он?

Анисья злобно рванула ворот кофты: на **вывалившихся** розовых [девических] **девически-крепких** грудях вишнево-синие частые подтеки¹.

— Не знаешь чево?.. Бьет кажин день!.. Сосет, кровь, как ужака ... И ты тоже...хорош... Што спрашиваешь? **Испаскудил как кобель и в сторону...** [**Кобель проклятый...**]

Дрожащими пальцами застегивала кнопки и испуганно, — не обиделся-ли, — глядела на отвернувшегося в сторону Григория.

— Виноватова ищешь? — перекусывая травяную былку² [спросил] **протянул** Григорий. Спокойный голос его плеснул на [Аксинье] **Аксинью** [в уши] варом.

- А-то кто-же виноват? — крикнула запальчиво
- Сучка не схочет, так и кобель не вскочит.

Аксинья закрыла лицо ладонями. [**Крепко**] **Крепким** и [**рассчитанно**] **рассчитанным ударом** упала обида. Григорий морщась сбоку поглядел³||

<Л. 31>

[55.] **59.**

на нее. В ложбинке между указательным и средним пальцами просачивалась у нее слеза. Кривой, распыленный в зарослях подсолнечников, луч просвечивал прозрачную капельку и сушил оставленный ею на коже влажный след. Григорий не переносил слез. Он беспокойно заерзал по земле, ожесточенно стряхнул с штанины коричневого муровья и снова коротко взглянул на Анисью. Она сидела не изменив положения, только по тыловой стороне ладони вместо одной уже три [**скупых**] **слезных** дробинки катились вперегонку. [к]

— Чево кричишь? Обидел? Ксюша! Ну, погоди... Пстой, хочу што-то сказать:

Анисья оторвала от [лиц] мокрого лица руки,

¹ ППС: «подтеки частые».

² ППС: «былку травяную».

³ ППС: «поглядел сбоку».

— Я за советом пришла... За што?.. И так без тебя горько...

«Лежачего вдарил...» подумал Григорий [*и покраснел от стыда за себя*]¹.

— Сбрехнул словцо не обижайся.

— Я не [*навязываюсь*] **навязываться** пришла не боись...

В эту минуту Аक्सинья сама верила, что не затем она пришла, что-бы отговорить Гришку от женитьбы; но когда бежала над Доном в займище думала не отдавая себе отчета: «Отговорю! Нехай не женится. С кем-же свяжу жизнь?» Вспомнила тогда о Степане и норовисто мотнула головой, откинула некстати подвернувшуюся мысль. А теперь [*она*] хотела убедить Гришку **в том**, что не хочет навязываться.

— Значит кончилась наша любовь? — спросил Гришка и лег на [*землю*] **живот** облокотившись и выплевывая розовые исжеванные под разговор [*цветки*] **лепестки** повительного цветка.

— Как кончилась? — испугалась Аक्सинья. — Как-же это? переспросила она стараясь заглянуть ему в глаза. Гришка ворочал синими выпуклыми белками и [*хоронил*] **отводил** глаза в сторону.

Пахла выветренная истощенная земля прелью и солнцем. Ветер шуршал перелистывая зеленые страницы подсолнечных листьев. [*Жара*] На минуту затуманилось солнце заслоненное курчавой спиной облака и на [*землю*] **степь**, на хутор, на Анисьину понурую голову, на розовую чашечку цветка курчавой повители упала клубяся и уплывающая дымчатая тень.

Гришка вздохнул, — лошадиный с выхрипом вышел вздох, — и лег [*грея*] на спину грея лопатки горячей землею.

— Вот што, Аक्सинья, — заговорил он медленно расстонавливая слова, — муторно мне тебя... Сосет идей-то в грудях... Я надумал...

Над огородом поплыл, повизгивая скрип арбы.

— Цоб, лысый! Цобé! Цобé!.. — окрик показался [*им*] Аक्सинье настолько громким, что она ничком упала на землю. Григорий приподнял голову, шепнул:

— Платок сыми. Белеет. Как-бы не увидли.

Анисья сняла платок. Струившийся между подсолнухами||

<Л. 31 об.>

[56.] **60.**

горячий ветер затрепал на шее [*кольца*] **завитки** золотистого пуха. Утихая повизгивала **отъезжавшая** арба.

— Я вот што надумал; — начал Григорий и оживился, — [*вино*] што случилось, тово ить не вернешь, чево-ж тут виноватова искать? Надо как-то дальше проживать... Анисья насторожившись **слушала** ждала, ломала отнятую у муравья былку... Я надумал, давай с тобой прикончим...² Глянула Григорию в лицо, уловила сухой и тревожный блеск его глаз. [*Григорий замялся «Давай с то*

¹ ППС: «Григорий [*и покраснел от стыда за себя*] подумал».

² ППС: «Я надумал, давай с тобой прикончим... Анисья насторожившись **слушала** ждала, ломала отнятую у муравья былку...»

Анисья качнулась, скрюченными пальцами вцепилась в жилистую повитель¹. Она раздувая ноздри ждала конца фразы, огонь страха и нетерпения жадно лизал ей лицо, сушил во рту слюну, думала скажет Гришка «...прикончим Степана.», но Григорий досадливо облизал пересохшие губы, — тяжело ворочались они, — и сказал:

— ...прикончим эту историю. А?

Анисья встала и натыкаясь грудью на желтые болтающиеся головки подсолнечников пошла к дверцам.

— Анисья! — придушенно окликнул Григорий. Тягуче скрипнули дверцы. Григорий скинул фуражку, чтоб не увидел кто красный околыш и шурысь поглядел ей вслед. Как будто ухарской [легкой] в раскачку [походкой] поступью шла по над плетнем не Аксинья, а другая, чужая и незнакомая.

18.

За житом, не успели еще свозить на гумна, подошла и пшеница. На суглинистых местах, на пригорках начал желтеть и сворачиваться в трубку [подгорать] подгорающий лист, пересыхал стебель. В этом году урожай был добрый. Колос ядреный, зерно тяжелое пухлое. С весны прихватило хлеба восточным суховеем, оттого стебель низковат вышел ростом, тощ. Соломенка никудышняя.

Иван Семенович посоветовавшись с Ильинишной порешил, [в том случае] если сосватают у Коршуновых, отложить свадьбу до среднего Спаса. За ответом еще не ездили, тут подошел покос, а тут праздника ждали.

Косить выехали в пятницу. В косилку запрягли тройку лошадей, поехал Петро и Гришка. Иван Семенович подтесывал на арбе люшню, готовил хода к возке хлеба.

Гришка шел придерживаясь рукой за переднее стульце, на котором сидел Петро, [посмеиваясь рассказывал] хмурился. От нижней челюсти, наискось к скулам дрожали перекатываясь жевлаки <sic>. Петро знал, что это верный признак, того, что Гришка кипит и готов на любой безраздумный поступок, но посмеиваясь в пшеничные свои усы все-же продолжал дразнить брата:

— Ей-бо, [ра] рассказывала.

— Ну, и пушай! — мурчал Григорий прикусывая пушистый волосок усины.

— Иду, гуторить, с горóда, слышу в Мелеховских||

<Л. 32>

[57.] 61.

подсолнухах кубыть людские голоса.

— Петро, брось!

— Да, кубыть, голоса. Я это, гутарит, заглянула через плетень...

Гришка бледнея часто заморгал глазами.

— Перестанешь? Ай нет?..

— Вот чудак, дай досказать-то!..

¹ ППС: «повитель жилистую».

— Гляди, Петро, подеремся. — пригрозил Гришка отставая.

Петро [*шевелил*] **пошевелил** усами и пересеживаясь задом к шагавшим лошадям, лицом к сердитому Гришке, шагавшему позади косилки, продолжал:

— Заглянула, дескать, через плетень, а они любушки лежат в [*обнимку*] **обнёмку**. — Кто? — спрашиваю, а она: да Аксютка Астахова с твоим братом. Я говорю...

Гришка с потемневшим лицом ухватил **за держак** короткие вилы, лежавшие в задке косилки, и кинулся к Петру. Тот бросив вожжи прыгнул с сиденья, [*забежал*] **вилнул** лошадям наперед.

— Тю, проклятый, сбесился! Тю! Тю!.. Глянь на нево.

Гришка по волчьи оскалив зубы кинул вилами в [*Петра*] **брата**. Тот упал на руки и вилы **пролетев над ним** на вершок вошли в кремнисто сухую землю, задрожали позванивая. Бледный Петро держал под уздцы **взволнованных криками** лошадей и ругался.

— **Ить** Убить-бы мог, гад.

— И [*убью*] **убил-бы** [*если будешь*].

— Дурак ты, черт дурной! Бешеный! Вот уж в батю выродился, истовый чересюка.

Григорий [*стыдливо*] **стыдясь** отворачивался от брата. Широко шагая подошел к воткнутым в землю вилам, выдернул и пошел следом за тронувшейся косилкой. Петро поманил его пальцем.

— Поди [*сюда*] ко мне. Дай-ка вилы.

Григорий подал. Петро передал в левую руку вожжи и зажав в широком кулаке выбеленный зубец вил держакон дернул Григория вдоль спины.

— С потягом-бы надо! — хохотал Петро оглядывая отпрянувшего в сторону Гришку. Через минуту закуривая глянули друг-другу в глаза и захохотали. Ехавшая с возом Христонина жена видела, как Гришка запустил в брата вилами. Она привстала **на возу** на колыхавшемся под ногами [*утоптаной*] **утоптаном** [*пшени*] жите, но [*за*] не могла разобрать что происходило у Мелеховых, заслоняли взгляд косилка и лошади.

Не успела въехать в крайнюю улицу — шумнула соседке:

— Климовна! Надбьги скажи Пинтялею-турку, што ихние рябьты возля Татарскова Кургана вилами попаролись. Задрались за што-то, а Гришка, ить он-же взгальный, как саданёт Петра вилами в бок, а энтот тем часом ево... Там кровьи [*натекло*] **натякло** — страсть!!

<Л. 32 об.>

[58.] **62.**

*
* *

Петро уж охрип орать на нудившихся лошадей и залиvisto посвистывал. Гришка упираясь **черной** ногой в перекладину спихивал с косилки наметаемые крыльями валы. Лошади в кровь иссеченные мухами крутили хвостами и недружно натягивали постромки.

По степи до голубенькой каемки горизонта копошились люди. Стрекотали, чечёкали ножи косилок, пятнилась валами скошенного хлеба степь. Передразнивая погонычей свистели на курганах сурки.

— Ишо два загона и закурим! — сквозь свист крыльев и перестук ножей крикнул оборачиваясь Петро.

Гришка кивнул головой, обветренные порепавшиеся губы трудно было рожимать. Он перехватывал покороचे вилы, чтоб легче было спихивать пыльный тяжелый ворох¹ хлеба и тяжело дышал. Мокрая от пота грудь чесалась, из-под шляпы тек **горький** пот и попадая в глаза щипал, как мыло.

[Покурили] Напились и закурили, остановив лошадей.

— По шляху кто-то верхи беget. — глядя из-под ладони проговорил Петро.

Гришка всмотрелся и изумленно поднял брови.

— Никак батя.

— Очумел ты! На чем он поскачет? Кони в косилке ходют.

— Он.

— Обознался, Гришака!

— Ей-богу, он.

Через минуту ясно стало видно лошадь стлавшуюся в броском намёте и седока.

— [Отец] Батя... — в испуганном недоумении затоптался на месте Петро.

— Должно дома што-нибудь... — выговорил Гришка общую мысль.

Иван Семенович не доезжая сажен сто придержал лошадь и потрусил рысью.

— Перепорю, сукины сыны!... — завопил он еще издали и размотал над голову ременный арапник.

— Чево он?.. — окончательно изумился Петро засовывая **в рот** до половины пшеничный свой ус.

— Хоронись за косилку! Истинный бог, стебнет кнутом. Покель разберемься, а он выпорет... — посмеиваясь сказал Гришка и на всякий случай зашел на ту сторону косилки. Взмыленная лошадь шла по жнивью тряской рысцой. Иван Семенович болтая ногами (ехал он без седла, охлюпкой) зажимал в кулаке арапник.

— Што вы тут наделали, чертово семя?!..

— Косим... — развел руками Петро и опасно покосился на арапник

— Кто ково вилами спорол? За што дрались?..

Гришка стоял повернувшись к отцу спиной и шепотом считал разметанные ветром облака.||

<Л. 33>

[59.] 63.

— Ты што? Какими вилами? Кто дрался?.. — Петро моргая глядел на отца снизу вверх и переступал с ноги на ногу.

— Да как-же, мать ее курица, прибегла и орёт ребята ваши вилами попорольсь. А? Это как?

¹ ППС: «ворох тяжелый».

Иван Семенович испуганно затряс головой и бросив повод соскочил с задыхавшейся лошади.

— Я у [Аникушки] Семишина Федьки коня ухватил да в намет. А?

— Брешет она, батя! Спала проклятая на возу и привиделось ей такое. Да кто это говорил?

— Баба!.. — визгливо закричал Иван Семенович измываясь над собственной бородой, — Баба! Семишина курва!.. Ах, ты бож-ж-же мой, а?.. Запорою сучку!.. — затупател он ногами припадая на левую хроную. Гришка подрагивая от немого смеха лопатками глядел под ноги. Петро поглаживая потную голову глядел на отца.

Иван Семенович напрыгался и притих. Сел на косилку, проехал, скидывая, два загона и чертыхаясь влез на лошадь. Выехал на шлях, обогнал два воза, [тянувшихся в станицу] с хлебом, и запыхнул в станицу. На борозде остался позабытый мелко витой с нарядным махром арапник. Петро покрутил его в руках, покачал головой и к Гришке:

— Было-б нам с тобой, парень. Ить это рази арапник? Это, брат, увечье, голову отсечь можно.

19.

Коршуновы [жили] слыли первыми богачами в станице: четырнадцать пар быков, косяк лошадей, матки с Провальских заводов, восемь коров, пропасть гулевого скота, гурт в несколько сот овец. Да и так поглядеть есть на что: дом не уступит Моховскому, о шести комнатах, под железом, дворовая служба крыта черепицей нарядной и [цветной] новой, сад десятины полторы. Чего-же еще человеку надо?

Поэтому-то с робостью и затаенной неохотой [пое] ездил в первый раз Иван Семенович свататься. Коршуновы для своей дочери жениха не такого, как Гришка могли подыскать. Иван Семенович понимал это, боялся отказа, не хотел кланяться своенравному Коршуну; но Ильинишна точила его, как ржавь железо и под конец сломила упрямство старика, Иван Семенович согласился и поехал кляня в душе и Гришку, и Ильинишну и белый свет кстати.

Надо было ехать во второй раз за ответом, ждали воскресенья, а в это время под крашеной медяной крышей коршуновского дома шла глухая междоусобная война: после отъезда сватов невеста на материн вопрос ответила:|

<Л. 33 об.>

[60.] 64.

— Люб мне Гришка, а больше ни за ково не пойду!

— Нашла жениха, дурёха, — урезонивал отец, — [Чер] Тольки и добрава, што черный, как цыган, ды рази я тебе, моя ягодка, такова женишка сышу?

— Не нужны мне, батенка, другие... — краснела и роняла слезы Наталья, — Не пойду, пушай хучь не сватают. А то хучь в Усть-Медведицкий монастырь везите.

— Потаскун, бабник, [*пьяница,*] по жалмеркам бегаёт... — козырял старик последним доводом, — слава на всю станицу легла...

— Ну, и нехай.

— Тебе нехай¹, а мне и подавно. С моей руки — куль муки, кады такое дело.

Наталья — старшая дочь — была у отца любимицей, оттого не теснил он ее выбором. Еще в прошлый мясоед наезжали сваты издалека с речки Цуцкана, богатые невпроворот староверы-казаки, прибывались и с Хопра сваты, но женихи Наталье не нравились и пропадала даром сватовская хлеб-соль. В душе Гришка нравился Федору Игнатовичу за казацкую удаль, за любовь к хозяйству и работе. Он выделил его из толпы станичных парней еще тогда, когда на скачках Гришка за джигитовку снял первый приз, но ему казалось обидным отдать дочь за жениха небогатого и опороченного дурной славой бабника.

— Работящий паренек... И собой с лица красивенький... нашептывала по ночам жена поглаживая засеянную веснушками и рыжей щетиной руку мужа.

— А Наталья по нем чисто ссохлась вся... дюже к сердцу пришелся.

Федор Игнатьевич поворачивался спиной к жениной костлявой холодной груди сердито бурчал:

— Отвяжись, репей!.. Выдавай хучь за Пашу-дурачка мне-то што? То-то умом бог обидел, «с лица хорош», — косноязычил он жену, — Што ты с ево морды урожай будешь² сымать што ли?

— Так уж урожай...

— Ды понятно, на што тебе ево личность? Был-бы сам из сибе человек. Да мне, признаться, и зорно трошки выдавать свою дочку к туркам. Уж были-б люди, как люди, — гордился прыгал на кровати Федор Игнатьевич.

— Работящая семья и при достатке... — нашептывала жена и придвигаясь к плотной спине мужа успокаивающе [*поглаживала*] гладила его руку.

— Э, черт, отдвинься што-ли! Чисто тебе места окромя нету, а [*потом*] с Натальей как знаешь, выдавай хучь за стриженую девку!..

— Дитя свово жалеть надо. Бог с ним и с богатством... — шипела [*на*] в заросшее волосами ухо Федора Игнатьевича. Тот сучил ногами, влипал в|

<Л. 34>

[61.] 65.

стенку и всхрапывал, будто засыпая.

Приезд сватов застал их в расплох. После обедни подкатили они на тарантасе к воротам, Ильинишна наступив на подножку едва не опрокинула легонький тарантас, а Иван Семенович прыгнул с сиденья молодым петухом, хотя и осушил ноги, но вида не показал и молодецки зачикилял к дому.

— Вот они, как черт их принес! — охнул Федор Игнатьевич выглядывая в окно.

— Кормильцы, а как стряпалась, так и не скинула буднюю юбку!.. — вскудахталась хозяйка.

¹ ППС: «Нехай тебе».

² ППС: «будешь урожай».

— Хороша и так! Небось не за тебе сватают, кому нужна-то, лишай конский...

— Сроду безобразник, а под старость в конец свихнулся.

— Но-но! Ты у мене помалкавай!

— Рубаху-бы чистую надел, каборгу на спине *[видно]* **видать** и не совестно? И-и-и, нячистый дух! — ругалась жена оглядывая Федора Игнатъевича пока сваты шли по двору.

— Небось угадают и в этой. Рогожку надену и то не откажутся.

— Доброва здоровья! — спотыкаясь о порог кукарекнул Иван Семенович сконфузился за зычный свой голос, дело поправил тем, что с полфунта черной шерсти, выросшей на бороде, запихнул в рот и *[долго]* **лишний раз** *[крестился]* **перекрестился** на образа.

— Здравствуйте, здравствуйте. — приветствовал хозяин чортом оглядывая сватов.

— Вот и приехали, значаца, Федор Игнатъич... С тем прибыли, штоб узнать, как вы промеж себе надумали, и сойдемся-ли мы сватами, али не сойдемся...

— Проходите, пожалуста. Садитесь, пожалуста — приглашала хозяйка кланяясь и обдувая подолом длинной, по пятки, сборчатой шерстяной юбки, натертый толченым кирпичом пол.

— Не беспокойтесь, пожалуста — шелестела Ильинишна **поплином** *[подворачивая]* **подворачиваемой** *[юбку]* **юбки** и усаживаясь на пискнувший под ее **брюзглой** тяжестью табурет.

Федор Игнатъевич облокотился о стол, принаряженный новой клеенкой, *[на]* **с** *[клеенке]* **клеенки**, дурно пахнувшей **мокрой** резиной и еще чем-то, важно глядели покойники цари и царицы, а на середине *[семейно]* сидело августейшее семейство и обсиженный мухами государь-император Николай Александрович.

— Што-же,.. порешили мы девку отдать. Породнимся — коли сойдемся...

Ильинишна, в этом месте речи, откуда-то из неведомых глубин своей люстриновой с буффами на рукавах кофты; откуда-то, как-будто аж из-за спины торпливо выволокла наружу *[пышный]* высокий белый хлеб и жмякнула его на стол||

<Л. 34 об.>

[62.] **66.**

Иван Семенович хотел зачем-то перекреститься, но заскорузлые клешнятые его пальцы сложившись в крестное знамение и поднявшись до половины следующего пути изменили форму: *[боль]* **большой** черный ногтястый палец **против воли хозяина** *[скользнул]* **нечаянно просунулся** между указательным и средним *[пальцем]* и этот бесстыдный узелок пальцев воровато скользнул за оттопыренную полу синего чекменя, а оттуда извлек схваченную за горло красноголовую бутылку.

— Давайте теперя, дорогие вы мои сваточки помолимся богу и выпьем и поговорим про наших деточкав, и про уговор... — Иван Семенович растроганно моргая глядел на засеянное холодными конопушками лицо свата и ласково шлепал широкой, как лошадиное копыто, ладонью бутылку в зад.

Через час сваты сидели [как] так тесно, что [черная] смолянистые кольца [бороды Ивана] Мелеховской бороды шупали [жесткую] [прямую] прямые рыжие пряди Коршуновской бороды. Иван Семенович сладко дышал соленым огурцом и уговаривал:

— Дорогой мой, сват, — начинал он гудящим шепотом,

— Дорогой мой сваточек! — сразу повышал голос до крика, — Сват! — ревел он обнажая черные притупленные резцы зубов — Кладка ваша черезчур очень дюже непереносимая для mine!.. Ты вздумай, дорогой сват: — Иван Семенович разводил руками так широко, что на плечах швы его старого лейб-гвардейского атаманского мундира трещали и пучками поднималась пыль, — Вздумай, как ты mine желаешь обидеть: гетры с калошами — раз, шуба донская — два, две платья шерстяных — три, платок шолковый — четыре. Ить это — раз-зор-ренья!..

Федор Игнатьевич опутив голову глядел на клеенку, залитую водкой и огуречным рассолом. Прочитал На верху завитую затейливым и непонятым рисунком надпись «Трехсотлетие дома Романовых» Начал читать надпись под рисунком посредине: «Его Имераторское Величество Государь Имератор Николай...» дальше [лежала] не мог прочитать, легла поперек картофельная кожура. Перевел взгляд на рисунок: Государева лица не было видно, стояла на нем порожняя водочная бутылка, Федор Игнатьевич благоговейно всмотрелся в богатый под белым [ремнем] поясом мундир, но мундир был густо заплеван огуречными скользкими семечками; в кругу бесцветно одинаковых лиц дочерей [самодовольной] {самодовольно} [гусы] глядела из-под широкой шляпы императрица Александра Федоровна стало обидно до слез, подумал: «[Погоди,] Глядишь зараза дюже гордо, как гусыня из кошолки, а вот придется [дочерей] дочерю выдавать замуж тады по-гля-жу-уу... Небось тады запрядаешь!..»

Иван Семенович гудел над ухом большим черным шмелем. Федор Игнатьевич поднял на него в мутной||

<Л. 35>

[63.] 67.

слизи глаза, прислушался:

— Нам што-бы справить для твоей, а теперя оно все равно, и моей дочери... для твоей и моей дочери, такую кладку... Опять-же гетры с калошами и шуба донская... Нам надо скотиняку с база согнать и продать.

— Жалко?.. — стукнул Федор Игнатьевич кулаком по столу

— Не в том случает, што жалко...

— Жалко?!..

— Погоди, сват...

— А коли жалко — под такую мать!.. — Федор Игнатьевич провел растопыренной потной рюкой по столу и повалил на пол рюмки.

— Твоей-же дочери жить и наживать придется!..

— И пушай!.. А кладку клади иначе и не сваты мы!

— Скотиняку с база сгонять... — крутил Иван Семенович головой, серьга дрожала в ухе скупо поблескивая.

— Кладка должна быть!.. У ней своо наряду сундуки, а ты уважь ежели по сердцу она вам пришлась!.. **Такая — казацкая повадка в старину была, а нам к старине лепиться...**

— Уважу...

— А наживать пушай молодые наживают. Мы нажили, и живем не хуже людей, мать их черт, [пушай] нехай и они наживают...

Сваты переплелись бородами, Иван Семенович заел поцелуй бессочным вялым огурцом и заплакал от полноты чувств.

Свахи сидели на сундуке обнявшись, глушили одна другую треском голосов. Ильинишна полыхала вишневого цвета румянцем, сваха ее [желтела] **зеленела** от водки, как зашибленная морозом **лесная** груша-зимовка.

— ...Дитё, таких-та и на свете нету: Была-б тебе [посл] слухмённая да почти-тельница, уж эта из-под власти не выйдеть!.. Слово боится воперек сказать. Надьсь гутарили с ней...

— Иии, моя милушка, — перебивала ее Ильинишна левой рукою подпирая щеку, а правой поддерживая под локоть левую, — до скольких разов гутарила ему, сукиному сыну! В надьшнею воскресенью тах-то вечером собирается итить, табаку в кiset сыпеть, а я и говорю: «Ты кады-же ее бросишь, анчибел проклятый? До каких пор такую страму мне на старости лет принимать? Ить он, Степан вязы тебе свернеть в одночась!»

Из кухни в горницу через верхнюю дверную щель выглядывал Митька, внизу шушукались две младших Натальиных сестренки. Наталья сидела в дальней угловой комнате на лежанке, утирала слезы узким рукавом кофты. Пугала ее новая,||

<Л. 35 об.>

[64.] **68.**

стоявшая у порога жизнь, томила неизвестность.

В горнице доканчивали третью бутылку водки, сводить жениха с невестой порешили на первый Спас.

20.

В доме Коршуновых царила предсвадебная суета. Невесте наспех дошивали кое-что из белья, Наталья целые вечера просиживала вывязывая жениху традиционный шарф из козьего дымчатого пуха и пуховые перчатки. Лукинишна гнула до потемок над швейной машиной, помогала взятой на дом из станицы портнихе. Митька приезжая с отцом и работниками с поля входил в дом и не умываясь, не скидая с намозоленных ног тяжелых польских чириков подсаживался к Наталье. Ему доставляло большущее удовольствие изводить сестру.

— Вяжешь? — коротко спрашивал он и подмигивал на пушистые мохры шарфа.

— Ну, и вяжу. А тебе-то чево?

— Вяжи, вяжи, дура, а он замест благодарности морду тебе набьет.

— За што?

— За здорово живешь. Я ить небось знаю, Гришку, небось [тов] друзьяки с ним. Это такой кобель, укусить и не скажет за што.

— Не бреши уж, кубыть я ево не знаю.

— Я-то подюжей знаю. В школу вместе ходили.

Митька тяжело и притворно вздыхал и разглядывая исцарапанные вилами ладони низко гнул высокую стройную спину.

— Пропадешь ты за ним, Наташка. Сиди лучше в девках. Чево в нем доброва нашла? Страшен — конем не наедешь, дурковатый какой-то... Ты приглядишься — по-га-ный парень!

Наталья сердилась, потом глотала слезы и низко над шарфом склоняла жалкое лицо.

— А главное — сухота у нево есть... — **бесжалостно** ехидничал Митька, — Чево-ж ты кричишь? Глупая, ты, Наташка! Откажись, я зараз заседлаю коня и поеду, скажу, мол, не забивайтесь боле...

Выручал Наталью дед Гришака: выходил он в горенку шупая шишкастым костылем прочность пола и расглаживая желтую коноплю бороды, свалывшейся в одну кучу с длиннющими усами, спрашивал тыча [у] в [Митьки] Митьку¹ костылем.

— Ты чево, поганец, заявился суды? Ась?

— На провед зашел, дедуна. — оправдывался Митька.

— Проведать? Ась? Я тебе, поганец, велю уйтить отселя. Шагом арш!

Дед взмахивал костылем и подступал к Митьке нетвердо переставляя высокие в былку ноги.||

<Л. 36>

[65.] 69.

Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет. Участвовал в турецкой компании 1877 г., состоял ординарцем при генерале Гурко, попал в немилость и был отослан в полк. За боевые отличия под Плевной [им] и Рошичем имел два Георгия [чет] и Георгиевскую медаль. [Доживал у сына хорошо] Был односумом с Прокофием Мелеховым и [доживал] **доживая** у сына, пользуясь в станице всеобщим уважением за ясный, до старости, ум, [и] неподкупную честность и хлебосолюство, короткие остатки жизни тратил на воспоминания. С восхода до заката солнца сиживал на заваленке: чертил костылем черную землю, угнув голову [с закрытыми] думал неясными образами, отрывками мыслей, плывущими **сквозь мглу забвения тусклыми** отсветами воспоминаний... От потресковшегося козырька казачьей слинявшей фуражки падала на черные веки закрытых глаз черная тень; от тени морщины **щек** казались глубже, седая борода отливала сизью и [и] **по [пальцы] пальцам, [скрещенные] скрещенным** над костылем, [и] **по [кисти] кистям** рук по [пухлы] выпуклым черным жилам [текла] **шла** черная, как чернозем в логу, медленная в походе кровь. Год от года холодела кровь, жалился дед Гришака Наталье — любимой внучке:

¹ ППС: «[у] в [Митьки] Митьку тыча».

— Шерстяные чулки, а не греют мои ноженьки... Ты мне, чáдушка, свяжи крючковые

— [Ить] Што ты, дедуня, ить зараз лето! — смеялась Наталья и [брала] подсаживаясь на заваленку глядела на большое морщинистое и желтое ухо деда.

— Дык што-же, моя чадунюшка, хучь она и лето, а кровь, как земля в глуже, холодная...

Наталья смотрела на жилу, на дедовой руке, придавленную вялым пальцем и [представляла] вспоминала, как в детстве во дворе рыли колодезь, а она вычерпывая бадьей влажную глинистую землю делала [тяжелые] тяжелых [куклы] кукол и [рас] коров с рассыпчатыми рогами. Наталья живо [пр] восстанавливала в памяти ощущение испытываемое руками от прикосновения к мертвой ледянистой земле, [достатой] добытой с пятисаженной глубины, и уже со страхом смотрела на дедовы руки в коричневых глиняного цвета старческих веснушках. Ей казалось, что по рукам течет на веселая, алая кровь, а исчерно-синяя суглинистая земля.

— [Боишься] Бойсья помирать, дедуня? — со страхом любопытствовала она.

Дед Гришака крутил тонкой, в морщинах и сухожильях шей, словно выправлявая ее из стоячего воротника приношенного мундира, [и] шевелил зеленой сединой усов.

— Как дорогова гостя жду смертыньку. Пора уж... И пожил, и царю послужил, и водки попил на своем веку. — добавлял он улыбаясь белозубым ртом и дрожа морщинками глаз.||

<Л. 36 об.>

[66.] 70.

Наталья гладила дедовы руки и отходила, а он все так-же сгорбившись, и царапая землю вытертым у ручки костылем, сидел на заваленке в сереньком, заштопанном во многих местах мундире; и молодо и задорно [кр] смеялись красные веселые петлицы на тугом стоячем воротнике.

Известие о [сватов] том, что Наталью просватали принял он с внешним спокойствием, но в душе горевал и злобился: Наталья за обедом подсовывала ему лучший кусок, Наталья стирала его бельишко штопала, вязала чулки и чинила [оде] шаровары и рубахи; оттого дед Гришака [и злобился.] и глядел на Наталью слинявшей синью глаз с суровой строгостью.

— Мелеховы славные казаки. В одном полку служил с покойником Прокофьем. Молодецкий был казачек, [а] [а] А внуки как? Ась? — спрашивал он у сына ладонью оттопыривая желтую раковину уха.

— И внуки ничево. — уклончиво отвечал Игнат [Фед] Григорьевич.

— Гришка-то непочтительный, поганец: Надысь иду из церкви, а он [перед стариком] со мной встречается и [шапки] не поздраствовался... [Молодые] Старики ноне не дюже в почёте.

— Он ласкавый паренек, — вступилась Наталья мать за будущего зятя.

— Ась? Ласкавый, гутаришь? Ну, што-ж, давай Бог. Абы Наташке по душам был...

В сговоре дед Гришака участия почти не принимал. На минуту выполз из горенки, посидел за столом с трудом процедил сквозь суженое горло рюмку [горячей] водки и согревшись, — чувствуя, что пьянеет, — ушел.

Дня два молча поглядывал на встревоженно-счастливую Наталью и жевал ртом, двигал пучками белых с желтой прозеленью усов; потом, видно, смягчился.

— Наташка! — окликнул как-то. Наталья подошла.

— Ты чево-же, внучушка, рада небось? Ась?

— Я и сама не знаю, дедуня. — призналась Наталья.

— Ну-ну... Ну-ну... Ишь ты... Ну, Христос с тобой. Дай бог. — и с досадой добавил: — Не дождалась, поганка, покеда помру, тады-б и вышла. Без тебе горькая будет мне жизнь.

— Ты, дед, [ишо] может ишо сто годов проживешь, а она будет дожидаться. — сказал Митька подслушивавший из кухни разговор. Дед Гришака покраснел до черноты, застучал костылем и ногами.

— Цыц, сукин сын, поганец¹! Ах, ты, нечистый дух! Подслушал, вражина... [Ах, ты]||

<Л. 37>

[67.] 71.

Митька уходил во двор посмеиваясь, а дед Гришака долго возмущался, ругал Митьку и ноги его обутые в шерстяные короткие чулки дрожали в коленях. Две младших Наталиных сестренки: [одна] Маришка подросток лет двенадцати и Грива восмилетняя веснушчатая в отца пройдоха и баловница с нетерпением ожидали дня свадьбы. [Сдержанная] Сдержанную радость высказывали и работники, постоянно жившие у Коршуновых, [один из них] они [предугадывали] поджидали щедрое угощение от хозяина и надеялись на пару свободных, во время гульбы, дней. Один из них высокий, как колодезный журавль, богучарский хохол с диковинной фамилией — Геть-Баба, в полгода раз пил запоем. Пропивал все с себя и заработок. Давно уже подмывало его знакомое чувство сосущей тошноты и неудовлетворенности, но он сдерживался приурочивая начало запоя к свадьбе. Второй, москлявый и смиренный казачек станицы Мигулинской, по имени Михай, жил у Коршуновых недавно. Разоренный пожаром нанялся в работники и сдружившись с Гетьком (так сокращенно называли Геть-Бабу) начал время от времени попивать. Был Он страстным любителем лошадей, подвыпив плакал и размазывая слезы по остренькому бесбровому лицу приставал к Игнату Григорьевичу:

— Хозяин! Любушка ты моя!.. Будешь дочерю выдавать — Михайкю в поезжанье допусти! Уж я проеду, так видно будет!.. Скрозь полымя проскочу и [волос] волоска на конях не опалю. У мене у самова кони были... Эх!..

Гетько постоянно мрачный и нелюдимый [ноче] почему-то привязался к Михайю, изводил его одной и той-же шуткой:

— Михай! Чуешь? Ты якой станицы? — спрашивал он его потирая длинные, по коленные чашечки, руки; и сам-же меняя голос отвечал:

¹ ППС: «поганец, сукин сын».

— Мигулёвской. — А шо-ж це ты такой х...вский.

— Та у нас уся порода такая.

Он неизменно и хрипло хохотал **над постоянно повторяющейся шуткой** шлепал себя [р] ладонями по длинным, **сухим до звона** голеням, а Михей ненавидяще оглядывал выбритое Гетьково лицо с искривленным в сторону носом, кадык трепетавший на горле, и ему казалось, что смеется и хрипит не Гетько, а могильный сын.

Свадьбу назначили в первый мясоед. Оставалось три недели На Успенье приезжал проведать невесту Григорий. Посидел в горенке за круглым, покрытым клеенкой с царями, столом, полускал семечки с девками созванными невестой и уехал. Наталья пошла его провожать. Под наве-||

<Л. 37 об.>

[68.] 72.

сом сарая, где кормился у яслей Гришкин подседланный новёхоньким нарядным седлом конь, шмыгнула рукой за пазуху и краснея, глядя на Гришку немигающими, влюбленными глазами, сунула ему в руку мягкий, таящий тепло девичьих ее груди, матерчатый комочек¹. Григорий ослепил ее белизною волчьих своих зуб, спросил зажимая в кулаке теплый комочек.

— Што это?

— Там увидишь.

Григорий нерешительно притянул ее к себе, хотел поцеловать полураскрытые губы, но она с силой уперлась ему в грудь руками, **гибко** перегнулась назад и со страхом метнула глазами на окна дома.

— Увидят!..

— А нехай.

— Совестно...

— Это по первам. — пояснил Гришка и стиснув бархат запененой лошадиной губы просунул мундштуки. Она держала повод, Гришка хмурясь ловил ногою стремя игравшего коня. Скрипнув [седлом] **подпругами** внес плотное тело на **подушку** седла и [поехал] **заинноходил** со двора дробной рысью. Наталья отворила [ворота] калитку. Из-под ладони глянула вслед: Гришка сидел по калмыцки, слегка свесившись на левый бок, ухарски помахивая плетью. «Одинадцать дён осталось». Высчитала в уме Наталья и вздохнула и засмеялась.

21.

Всходит остролистая зеленая пшеница, растет, через полтора месяца грач хоронится в ней с головою — и не видно; [тянет] из земли соки, сосет, выколосится и набухнет зерно пахучим и сладким молоком; потом зацветет, золотая пыль кроет колос, выйдет хозяин² в степь — глядит не нарадуется. Откуда не возьмись [зашла] забрел в хлеба **табун** [скотина] **скотины**: [ископытила] **ископытили**,

¹ ППС: «сунула ему в руку мягкий, таящий тепло девичьих ее груди, матерчатый комочек, шмыгнула рукой за пазуху и краснея, глядя на Гришку немигающими, влюбленными глазами».

² ППС: «хозяин выйдет».

[ист] в пахоть [затолочила] **затолочили** грузные колосья, там где валялись [по хлебу —] круговины примятого хлеба... дико и горько глядеть. Так и с Аксиньей: на вызревшее в золотом цветеньи чувство наступил Гришка тяжелым сыромятным чириком [с запахом березового дегтя]; испепелил, испоганил и все. Пусто и одичало, как на забытом, [гумне] поросшем лебедою и бурьяном, гумне стало на душе у Анисьи после того, как пришла с Мелеховского огорода, из подсолнухов. Шла и жевала концы платка, а горло распирал||

<Л. 38>

[69.] 73.

крик [отчаяния]. Взошла в сенцы, упала на затоптанный пол и задохнулась в слезах, в муке, в черной пустоте хлынувшей в голову... А потом прошло, где-то на доньшке сердца сосало и томилось остренькое.

Встает-же хлеб потравленный скотиной. От росы, от солнца поднимается **втолоченный в землю** стебель, сначала гнется, как человек [поднявший] [надорвавший] **надорвавшийся** [живот] непосильной тяжестью, потом прямится, поднимает голову и так-же светит ему день и тот-же качает ветер... По ночам иступленно лаская мужа думала **Анисья** о том **о другом**, и плелась в душе ненависть [и] с великой любовью, [давил] **поперек горла становился** этот мохнатый горячий клубок, толкал бабу на новое бесчестье, на **прежний позор**... [точил] решила [приворожить] отнять Гришку¹ у счастливой, ни горя ни радости любовной не ведавшей Натальи Коршуновой. По ночам передумывала ворох мыслей. Лежала на спине, сухими глазами моргала в темь, щупала и откидывала в сторону набегавшие мысли. А на правой руке [лежала] **тяжелела во сне** голова Степана, красивая, с курчавым длинным чубом на сторону. Дышал он полуоткрыв рот, **черная** рука его, позабытая на жениной груди шевелила растрескавшимися от работы железными пальцами.

Думала, примеряла, передумывала... Одно лишь решила накрепко: Гришку отнять у всех, залить любовью, владеть, как раньше. И [острень] на доньшке сердца остренькое, как оставленное жало пчелы, томилось, [покалывало гнало мутную в жилы кровь] **точило сукровичную боль** ...

Это ночами, а днем топила Анисья думки в суете по хозяйству, в заботах [о муже и сыне]. Встречала где-либо Гришку и бледнея несла мимо красивое свое тело, бесстыдно и зазывно глядела в **черную дичь** [Гришкины] **Гришкиных** [выпуклые] [выпуклых] [бельмюки] **глаз**. И Гришка чувствовал после встреч с Аксиньей сосущую тоску. Без причины злобствовал, придирался то к Дуняшке, то к матери, а чаще всего брал шашку, уходил на задний баз и омываясь потом **двига жевлаками** <sic> **скул** рубил понатыканные в землю толстые хворостины. За неделю нарубил ворох [хвороста]. Пантелей Прокофьевич сверкая серьгой и желтыми белками глаз ругался²:

¹ ППС: «Гришку отнять».

² ППС: «ругался сверкая серьгой и желтыми белками глаз».

— Нарубил, дьявол паршивый, на два плетня хватило-б! Ишь [джигит] чжигит нашелся, мать твоя курица. Вон, в хворост поезжай и чжигитуй!.. Погоди, парень, пойдешь на службу там нарубишься! Там вашего брата скоро объездут!..||

<Л. 38 об.>

[70.] 74.

22

За невестой в поезжанье нарядили четыре пароконных подводы: две Мелеховских, две выпрошенных на свадьбу у соседей. Наряженные по праздничному люди толпились во дворе возле бричек [и в доме]. Дружко-Петро в черном сюртуке и голубых с лампасами шароварах сидел около Григория. Левый рукав его перевязан двумя белыми платками. Под пшеничными усами постоянная твердая усмешка.

— Ты не робей. Голову по кочетиному держи. Што ты насупонился-то? — приставал он к Гришке.

— Иде-же [сваха] подженишник делся? Пора-бы выезжать.

— Кум, ты на второй бричке поедешь. Слышишь, кум?

— Люльки поприцепили на бричках?

— Небось не рассыпешься и без люльки. Мягкая.

Дарья поводя подкрашенными дугами бровей, шуршала малиновой шерстяной юбкой, надетой поверх трех под исподом, толкала Петра в бок.

— Пора ехать, там, [нябось] небось, заждались.

Петро встал, пошептался с прихрамавшим к столу отцом и повернулся к толпившейся в дверях родне:

— Рассаживайся. На мою бричку [шестеро] пятеро с женихом. Аникей, ты за кучера.

С шумом [и песнями] разместились на бричках, Ильинишна багровая и торжественная отворила ворота и четыре брички захватили по улице [перегоня одна другую.] на перегонки.

Петро сидел рядом с Григорием, Дарья против них махала кружевным платочком¹ и [визгливо орала] резким грудным голосом, качаясь на ухабах, тянула подхваченную многими голосами песню. Красные околыши казачьих фуражек, синие и черные мундиры и сюртуки, рукава перевязанные [платками] белым, [цветастые] пестрые радуги бабьих шалевых платков, цветные юбки, пыль тянувшаяся кисейным шлейфом за каждой [цокочущей] бричкой...

Аникей сосед и троюродный брат [Петра и] Григория правил лошадьми. Сवेशиваясь, почти падая с козел он щелкал кнутом гикал и запотевшие лошади разом² рвали построжки вытягиваясь в струну.

— Сыпь им! Сыпь!.. — орал Петро [наклоняясь к подпрыгивающему кучеру]. Аникей безусый скопцеватый казак лет двадцати семи оборачивался к Петру,

¹ ППС: «платочком кружевным».

² ППС: «разом запотевшие лошади».

подмигивал Григорию и морща голое бабье лицо тонкой улыбкой взвизгивал и порол лошадей кнутом.

— То-ро-ни-иись!.. — прогремел обгоняя их [Платон] **Илья** Ожогин — дядя по материнной линии||

<Л. 39>

[71.] 75.

За его спиной разглядел Гришка счастливое с [дрожащими] **подпрыгивающими от езды** смуглыми щеками лицо Дуняшки.

— Нет, стой!.. — крикнул Аникей и вскочив на ноги пронзительно свистнул и веером развернул над головою кнут. Лошади захлестнулись в бешеной скачке.

— Упа-па-па-де-ешь!.. — визжала Дарья **подпрыгивая** и обнимая руками пыльные лакированные сапоги Аникея

— Держись!.. — где-то в стороне ухал дядя Платон и крик его сливался с сплошным стоном колес.

Остальные две брички до верху набитые цветными воющими кучами седоков скакали по дороге рядом. Лошади, — покрытые кумачными, голубыми и бледно розовыми попонками; в бумажных цветах, в лентах, заплетенных в гривы, в звоне и перекликах медных громышков, — [глухарей] привешенных к дышлам, — стлались над кочковатой дорогой роняя шмотья мыла и попонки над взмыленными мокрыми спинами хлопали, рябились ветром.

У Коршуновского двора поезжанье сторожила ватага ребятишек. Увидели столбы пыли за прогоном по шляху и сыпанули во двор.

— Едут!

— Скачють!..

— За прогоном завиднелись!.. — задыхаясь огарновали встреченного во дворе Гетька.

— Шо сгуртовались? Геть, вражьи горобци! Зачулюкали аж глушно!..

— Хохол мазница, давай с тобой дражница! Хохол! Хохол!.. Дегтярник!.. — заверещала детва прыгая вокруг мешочных **широких** шаровар стоявшего Гетька. А тот наклоняя голову, будто в колодезь засматривая, оглядывал бесновавшихся под ногами ребят и почесывая длинный тугой живот [чему] снисходительно улыбался.

Брички с гомоном вкатили во двор. Петро повел Григория на крыльцо, следом потекли приехавшие в поезжаньи. Из сеней в кухню дверь заперта. Петро стукнул в выскобленную дверь кулаком:

— Господи Иисусе Христе, помилуй нас.

— Аминь, — откликнулись за дверью.

Петро повторил стук и слова до трех раз.

Ему глухо откликались.

— Разрешите взойтить?

— Милости просим!

Двери распахнулись пропуская гостей. Сваха — крестная мать Натальи — высокая, в позднем цветении вдовая баба встретила Петра [с] поклоном и тонкой малиновой усмешкой.||

<Л. 39 об.>

[72.] 76.

— Примите, дружкó, за доброе здравие. — она протянула Петру тонконогую рюмку налитую мутным невыстоявшимся квасом. Петро разгладил усы, выпил и крякнул¹. — под общий сдерж. смех.

— Ну, свашенька [и] угостила... Погоди, ягодка моя ежевишная, я тебе не так угощу, ишо наплачешься!..

— Извиняйте, пожалуста. — кланялась свашка и дарила Петра тонкой лукавой улыбкой.

[Приех] Жениховой родне, согласно уговора, поднесли по три рюмки водки, сидевшие за столом родственники и близкие [Натальи] невесты встали очищая место². Наталью одетую в фату и подвенечное платье стерегли две сестренки: Маришка в вытянутой руке держала скало, Грипа брызгая из [черешен] черешенок-глаз вызывающий задор трясла посевкой.

Петро от водки запотевший и развязный³ с поклоном поднес им в рюмках по полтиннику. Сваха мигнула Маришке и та застучала по столу скалом:

— Мало! Не [дадим] продадим невесту!..

Петро поднес еще раз, на дне рюмок позвенивали шепоти серебряной мелочи.

— Не отдадим! — лютовали сестры толкая локтями потупленную Наталью.

— Чево уж там! И так плочено-переплочено!

— Уступите, девки. — попросил Федор Григорьевич.

Он улыбаясь протиснулся к столу, рыжая голова его, приглаженная топленным коровьим маслом пахла потом и навозной [горечью] горькой прелью. Петро сунул Григорию в руку конец платка, по петушинуму прыгнул на лавку и повел Григория по-за столом к невесте, сидевшей под образами. Другой конец платка взяла Наталья потной от смущения рукой.

За столом чавкали раздирая вареную курятину руками, вытирая руки о волосы. Аникей грыз куриную кабаргу и по голой бороде его тек на воротник желтый жир. Григорий с внутренним сожалением поглядывал на свою и Натальину ложки, связанные платочком, на дымившуюся в обливной чашке лапшу. Ему хотелось есть, неприятно и глухо бурчало в животе.

Дарья угощалась сидя рядом с Платоном Ильичем. Тот общипывал ядреными желтыми клыками баранье ребро и, наверное, шептал Дарье не-||

¹ ППС: «крякнул и выпил».

² Фраза «сидевшие за столом родственники и близкие [Натальи] невесты встали очищая место» заключена в квадратные скобки; на левом поле синим карандашом проставлен знак «V» и написано: «Сноска». Ниже текст до слов «Петро сунул Григорию в руку конец платка» выделен скобкой по левому полю.

³ ППС: «запотевший и развязный от водки».

<Л. 40>

[73.] 77.

пристойности; потому, что та суживая черные глаза, подрагивая бровями краснела и посмеивалась.

Ели основательно и долго. Запах здорового мужского по́та смешался с едким и пряным бабьим. От слежавшихся в сундуках юбок, сюртуков и шалек пахло нафталином, [*старушечьим*] и еще чем-то сладким и тонким, так пахнут старушечьи затасканные канунницы. Григорий искоса поглядывал на Наталью. И тут в первый раз заметил, что верхняя губа у Натальи пухловата, свисает над нижней козырьком. Заметил еще, что на **правой** щеке, пониже скулы, лепится коричневая родинка, а на родинке два золотистых волоска. И от этого почему-то стало муторно на душе, беспокойно. Ни с того, ни с сего вспомнил Анисьину точеную шею с курчавыми пушистыми завитками волос и почувствовал будто насыпали ему за ожерёлок рубахи на вспотевшую спину колючую сенную труху. Стало неприятно до тошноты. Поежился и с задавленной тоской оглядел чавкающих, хлюпающих, жравших людей.

Когда выходили из-за стола кто-то дыша зваром и **сытой** окисью пшеничного хлеба нагнул над ним и всыпал за голенище сапога горсть пшена. Всю обратную дорогу пшено терло ногу, тугой ожерёлок рубахи душил горло и Григорий с холодной [*ненавистью*] **отчаянной злобой** шептал про себя короткие и длинные ругательства.

[23.] 22.

Передохнувшие у Коршуновых во дворе лошади добирая до хутора **шли** из последних сил. Дышали [*они*] [*лошади*] с короткими хрипами, на ременных шлеях стекая клубилась пена¹. Подвыпившие кучера гнали бесжалостно. Солнце свернуло с полдня — прискакали в хутор. Пантелей Прокофьевич блистая черную выложенной серебром бороды держал икону божьей матери, Ильинишна стояла рядом и каменно застыли тонкие ее губы. Григорий с Натальей подошли под благословенье засыпанные винным хмелем и зернами пшеницы.

Пантелей Прокофьевич благословляя уронил слезу и засуетился, нахмурился, будто жалея, что люди были свидетелями такой его слабости.

Нареченные вошли в дом. Дарья красная от водки, солнцепека и езды выскочила во двор.||

<Л. 40 об.>

[74.] 78.²

- Иде Петро?.. — обрушилась она на бежавшую из стряпки Дуняшку.
- Не видала.
- К попу надо бечь, а он проклятый запропал!..

¹ ППС: «На ременных шлеях стекая клубилась пена, дышали [*они*] [*лошади*] с короткими хрипами».

² На левом поле снизу вверх красным карандашом написано: «Упомянуть про "стенки"».

Петро, через меру хлебнувший водки, лежал на передке из-под арбы и стонал. Дарья вцепилась в него ястребом.

— На-жррра-алси, идол!.. К попу надо бечь! Вставай!

— Пошла ты. Не признаю! Ты што за начальство? — резонно заметил он ша-ря по земле руками и сгребая в кучу сухой куриный помет и объедья соломы. Дарья плача просунула безнадежному Петру в рот два пальца, придавила болтавший что-то язык и помогла облегчиться. Ошалевшему от неожиданности Петру вылили на голову цыбарку колодезной воды, вытерли до суха сушившейся конской попоной и проводили к попу.

Через час Григорий стоял перед аналоем рядом с похорошевшей в свете свечей Натальей, давил в руке восковой стержень свечки и скользя по густой стене перешептывающегося народа невидящими глазами, повторял в уме одно назойливое и липкое слово: «Отгулялся Отгулялся...»

Сзади покашливал опухший Петро, где-то в толпе мельтешились Дуняшкины глаза, чьи-то как будто [и] знакомые и незнакомые лица; доносился разнобоистый хор голосов и тягучие возгласы дьякона Приятное безразличие сковало Григория. Он бессознательно ходил вокруг аналоя наступая [батушке] гундосому о. Виссариону на пятки стоптанных сапог. Останавливался, когда Петро незаметно дергал его за полу сюртука. Глядел на струйчатый язычок огня, мерцавший над свечкой и боролся с сонной, овладевавшей им одурью.

— Поменяйтесь кольцами. — сказал о. Виссарион тепловато глянув Григорию в глаза. Поменялись. «Скоро-ли кончится?» спросил Григорий глазами поймав сбоку Петров взгляд. И тот шевельнул углами губ, погасил улыбку: «Скоро».

Потом Григорий три раза поцеловал влажные бесвкусные губы жены, в церкви удушливо запахло чадом потушенных свечей; к выходу загоцали шаги выпиравшего наружу народа. Держа в своей руке шершавую крупную руку Натальи Григорий вышел на паперть. Кто-то нахлобучил ему на голову картуз, пахнуло в легкие полынным теплым ветерком с юга, из степи захладовавшей влагой шагавшей из-за||

<Л. 41>

[75.] 79.¹

Дона ночи. Где-то за бугром синё вилась молния, находил дождь, а за белой оградой сливаясь с гулом голосов зазывно и нежно [зремели] [позванивая] позванивали бубенцы на переступавших с ноги на ногу лошадях

[24] 25.

Гуляли четыре дня. Вызванивали стекла [Мелеховского] Мелеховских [дома] куреней от песенного зыка, пляса, рева. Дарья похудевшая и желтая прогуляв ночь чуть свет вскакивала к печке, стряпала, гоняла качавшуюся от недосыпанья Дуняшку. У крыльца валялись перья зарезанных кур и уток, неметенный двор

¹ На левом поле синим карандашом написано и зачеркнуто: [«Дать гульбу "баклановцев". Паралель — молодежь и рассказ деда Гришаки».]

зеленел раскиданными объедьями сена, наскоро выдоенные коровы уходили в табуны покачивая тугими вымями. Пахло в комнатах Мелеховских куреней перегорелой водкой, табаком, спертым человеческим духом.

Григорий в первую ночь проснулся на заре. В ставенную щель сукровицей сочился [розовый] окровавленный зарею свет. На подушке разметав косы спала Наталья. Руки [закинула] **закинуты** выше головы, под мышками [кол] **в впадинах** рыжие [наивные] курчавые волоски. Ноги **под одеялом** скрещены крепко накрепко, [как с вечера,] и изредка стонает.

Григорий вспомнил, как просила она не трогать ее, сыпала захлебываясь скороговоркой жалкие тусклые слова, плакала; и отчего-то искрой на ветру угасла радость. Не было прежнего самодовольства, как раньше, когда силком овладевал где-нибудь на гумне, **или** в ливаде, облюбленной и заманеной **туда** девкой. Вспоминалось: в прошлом году на молотье приглянулась ему **поденная** работница девка. Манил ехать в степь за хлебом:

- Поедем, [Фрося] Ньюрашка.
- Не поеду с тобой.
- А што?
- Безобразишь дюже...
- Не буду, ей-богу!
- Отвяжись, а то отцу докажу.

Подстерег, [но] когда спала в амбаре одна, пришел. Ньюрка вскочила, забилась в угол. Тронул рукой — завизжала хрипло и дико. Сбил с ног подножкой, побаловался и ушел. Испортил девку **почином**, с той поры стали ходить к ней хуторские ребята, друг-другу рассказывали, смеялись. Подговорил Гришка Митьку Коршунова, как-то вечером **увели** за [гумнами] **гумно** Ньюрку **избили**¹, и завязали над головой подол юбки. Ходила девка до зари, душилась в крике, каталась по земле и вновь вставала, шла, натыкалась на гуменные плетни² **падая в канавы**... Развязал ее ехавший с мельницы старик. Хуторные все глаза Ньюрке просмеяли. Пускай, мол, подождет³||

<Л. 41 об>

76.⁴

Ньюркина мать сватов. Смеялся Гришка над тогдашней своей проделкой, а теперь вспомнил [доверчивые] ласковые на выкате Ньюркины глаза и заворочался на кровати до боли хлестнутый стыдом.

¹ ППС: «избили Ньюрку».

² ППС: «на плетни гуменные».

³ Против текста со слов «Не было прежнего самодовольства» на левом поле красным карандашом написано: «Перенести?»

⁴ Страница вторично автором не пронумерована.

[*Часть вторая.*]

[Л.]||

<Л. 42>

[77.] 80.

[Вставная глава к гл. 24] Гл. 24.

Коршуновы прикатили на шегольской в узорах бричке уже после того, как молодых привезли [из] в церк[ви]овь. [Протрезвившийся Петро часто выбегал] **Пант. Пр. выходил** за ворота, вглядывался вдоль улицы, но серая [лен] дорога, промереженная игольчатыми зарослями колючек, [не стонала немым гудом под тяжестью лошадиных копыт и бричек на железных ходах. Улица была безлюдна. [и] скучна] **была наголо вылизана безлюдьем. Петро переводил взгляд за [Доном] Дон там** приметно желтел лес [и] вызревший махорчатый камыш устало гнулся над озерной осокой. Предосенняя тоскливая синяя дрёма, [особенно заметная в] сливаясь с сумерками обволакивала хутор, Дон, меловые отроги, задонские в лиловой дымке тающие леса, степь. [Четко] за [плетнем у] поворотом у перекрестка дорог четко рисовалась остроугольная верхушка часовни. [Мимо стоявшего у ворот Петра прошла Астахова Аксинья¹. Петро скользнул по ней случайным невнимательным взглядом и только после того, как прошла она, вспомнил что лицо ее необычно весело, словно пьяно. Глядя ей в [затылок] след, на подсиненый кружевной платок, накинутый на голову, [представил ее лицо] восстановил перед глазами выражение ее лица и подумал: «Скоро забыла про Гришку. Так оно и должно быть». Анисья [обогнула] завернула за угол плетня, огинавшего мелеховский двор [и пош] но за выбеленной стеной сарая стала спускаться к Дону. Петро заинтересовался почему она пошла к Дону не через свой двор, или **по [проулок] проулку, а степью. Он хотел [пройти] пойти следом, поглядеть, но где-то в хуторе брехнула одна собака, потом другая и до слуха его [донеслось] донесся** чуть слышный строчащий перестук колес. Петро облегченно вздохнул. Родилась и умерла в мозгах его отуманенных неперебродившим хмелем² куценькая мысль: «Шибко едут, [ишь] колеса стрекочат...»]

С площади на улицу вырвалась сначала одна бричка, потом другая и третья. На первой покачиваясь в люльке сидели рядом Мирон Григорьевич с женой, против них дед Гришака в свежем мундире, блестящем Георгиями и крупной медалью. Правил Митька, небрежно сидя на передке, не показывая озверевшим от скачки **сытым вороним** лошадям подоткнутого под сиденье кнута. На второй **Аникей**, перегнувшись, падая назад передергивал вожжами, силился перевести скакавших лошадей на рысь. Остренькое безбровое лицо багровело кроясь фиолетовым румянцем, из-под треснувшего пополам козырька [фуражки] обильно сыпался пот. Петро выдернул засов [из] и **распахнув** ворота вбежал в курени||

¹ ППС: «Аксинья Астахова».² ППС: «в отуманенных неперебродившим хмелем мозгах его».

<Л. 42 об.>

[78.] 81.

- Насилу, бог дал, дождались. Едут!
- Иди встречать. Прокофич, слышишь?
- Зараз, што латошишь-то, видишь, собираюсь.

Брички одна за одной [вскакали] [вкатились] въехали во двор. Петро кинулся отпрягать лошадей. С крыльца [похромал] заиногодил Пантелей Прокофьевич, Ильинишна [плыла] поплыла гусыней обметая подолом ошлепки навозной грязи занесенной на крыльцо.

— Милости просим, дорогие сваточки! Сделайте честь нашим бедным куреням...

Пантелей Прокофьевич широко раскинул руки и скосбочил черную голову.

— Покорнейше просим, сваточки. Проходите. — гнула дородный стан Ильинишна.

Мирон Григорьевич по хозяйски потер ладонью шаровары счищая пыль и бодро пошел к крыльцу.

Дед Гришака растрясенный небывалой ездой приотстал.

— Проходите, сваточек, проходите. — упрашивала его Ильинишна.

— Ничего, благодарствуем... Пройдем.

— Заждались вас, проходите. Дуняшка, дай веник почистить свату мундир.

Пыль ноне, ажник дыхнуть нечем.

— Так точно, засуха... Оттово и пыль... Не беспокойся сваха, я вот толечко...

— дед Гришака кланяясь недогадливой свахе задом подвигался к сараю и скрылся за крашеным боком веялки.

— [То-то ума у тебе господь отнял] Привязалась к старику, дурёха, — накинулся Пантелей Прокофьевич встречая Ильинишну у крыльца, — он по своей стариковской надобности [желает облегчиться], а она... фу, господи да и глупа!..

— Я-то почем знала... — смутилась Ильинишна

— Должна разуметь! Ну, нечево там, иди подноси сватам.

За накрытыми столами нетрезво гудели уже подвыпившие гости. Григорий с Натальей встретили приехавших поклонами, стоя у дверей. Пантелей Григорьевич [и Петро] усадили сватов за стол в горнице, Петро налил из четверти водки.

— Ну, сваточки, за наших детей. Штоб оно все по хорошему, как мы сходились... и штоб они в счастье свою жизнь проживали... — Пантелей Григорьевич плеская из рюмки синеватую влагу проговорил нескладную речь. Выпили. Подоспевшему деду Гришаке налили пузатую объемистую рюмку и вылили: половину в рот, залохматевший желтой бородой, половину за стоячий воротник мундира.||

<Л. 43>

[79.] 82.¹

Пили чокаясь, просто пили, выкрикивали несвязные слова. Сидевший на самом краю стола дальний родственник Мелеховых, доводившийся Григорию троюродным дядей, Никифор Коловейдин — старый атаманец поднимал растопыривая пальцы руку ревел: [безо]

— Горько!..

— Го-о-орь-ко-о!.. — подхватывали за столом

— Ох, горь-ко!.. — отзывались из набитой битком кухни. Григорий хмурясь целовал пресные губы жены, водил по сторонам волчьим взглядом. Красные горячие лица, мутные во хмелю похабные взгляды и улыбки, рты смачно жующие роняющие на расшитые скатерти пьяную слюну... Никифор Коловейдин поднимал руку и шерил шербатую пасть, на рукаве голубого атаманского мундира морщились три золотых загогулины нашитые за сверхсрочную службу.

— Горько!..

Григорий с ненавистью смотрит в шербатый рот. В порожнюю от зубов скважину при слове — горько трубочкой вылезает слизистый багровый язык.

— Целуйтесь! — шипит Петро шевели косичками намокших в водке усов.

В кухне подвыпившая Дарья завела песню.

Подхватили. Перекинулась в горницу.

«Вот и речка, вот и мост

Через речку перевоз — плелись голоса,

«А и кто-бы нам поднес

Мы-бы вы-пи-и-ли-аа... — обгоняя других, сотрясая стекла окон загрохотал Христоня²

А в спальне сплошной бабий визг:

Потерял растерял я свой голосочек.

И в помощь им хрип чей-то старческий дребезжащий, как обруч на бочке, мужской голосок:

«Потерял ух, растерял ух, я свой голосочек

Ой, по чужим садам летучи

Горькаю ягоду-малину клюючи».

— Гуляем, люди добрые!..

— Баранинки отпробуй.

— Прими руку... Муж вон он глядит.

— Горь-ка-ааа!..

— Дружко, брат, развязный... ишь со свахой как обходится.

— Не-е-ет, ты нас баранинкой не угощай...||

¹ На левом поле снизу вверх простым карандашом написано: «28 марта 1927 года».

² ППС: «обгоняя других, сотрясая стекла окон загрохотал Христоня "А и кто-бы нам поднес // Мы-бы вы-пи-и-ли-и-и...»

<Л. 43 об.>

[80.] 83.

— Я может стерлядь ем... И буду исть, она жир-ная...

В кухне закачался выгинаясь пол, затарахтели каблуки, упал стакан; звон его потонул в общем гуле.

Григорий глянул через головы сидевших за столом в кухню: под уханье и взвизги топтались в круговой бабы. Трясли полными [*и худыми*] задами, худых не было, на каждой — по шести-восьми юбок; махали кружевными утирками, сучили в плясе локтями...

Требовательно резнула слух трехрядка, гармонист с басовыми переливами заиграл казачка.

— Круг дайте! Круг!

— Потеснитесь, гостёчки. — упрасивал Петро толкая разопревшие от пляса бабы груди.

Григорий, любивший глядеть на [*плясуна*] брата в пляске, оживившись толкнул Наталью:

— Гляди, Петро казачка урежет.

— С кем это он? — наклонилась Наталья.

— С матерью твоей.

Анисимовна подперла руки в бока, в левой зажата утирка.

— Ходи, ну, а то я!..

Петро мелко перебирая ногами прошелся до нее, сделал чудеснейшее коленце и задом вернулся к месту. Анисимовна подхватила подол юбки, будто через лужу перебираясь, стукнула [*носком*] подошвой и пошла выбрасывая ноги по мужски. Гармонист пустил меленькой дробью и Петро закусив углом рта кончик уса, ухнув поплыл в присядку, шелкая ладонями о голенища сапог¹. Ноги его трепетали выделявая неуловимую частуху колен, на лбу, не успевая за ногами, метался мокрый от пота чуб. Григорию загородили взгляд спины столпившихся у распавших дверей. Из кухни [*плыл*] тек в горницу сыпучий треск кованных Петровых каблуков, будто сосновая доска горела, да повинчивающие крики пьяных гостей.

Под конец плясал Мирон Григорьевич с Ильинишной, плясал деловито и серьезно, как и все, что он делал. Пантелей Прокофьевич стоял на табурете, мотал хромой ногой, чмокал языком. Вместо ног у него плясали губы, не находившие себе покоя, да серьга. [е]

Пьяненький дед Гришака обнимал ширококостную спину соседа [*и*] брунжал ему в ухо по комариному².||

<Л. 44>

[81.] 84.

— Какого года присяги?

Сосед его [*разлапистый*] **каршеватый**, как перестарок-дуб, старик гудел отмахиваясь рукою:

¹ ППС: «ухнув поплыл в присядку, шелкая ладонями о голенища сапог, закусив углом рта кончик уса».

² ППС: «в ухо ему брунжал».

— Пятьдесят первова, сынок.

— Какова? Ась? — [*приставля*] оттопыривал дед Гришака сморщенную раковину уха.

— Пятьдесят первова, сказано тебе!..

— Чей-же будете? Из каких?

— Вахмистр баклановско[ва]го полка Максим Богатырев.

— Баклановскова?..

Старик потухшими глазами глядел на деда Гришаку, [*прожсевы*] катая по голым деснам непрожеванный кусок кивал головой.

— Значица в Кавказской компании [*службу*] пребывали?

— С самим покойничком Баклановым служил, сынок. Кавказ покоряли... В наш полк шел народ редкостный... Брала гвардейского росту; одначе сутулых... Какие длиннорукие и в плечах тоже, нынешний казак поперек уляжется... Вот, сынок какие народы были... Их превосходительство Покойник генерал в ауле Челенджийском в одночасье изволили мине плетью...

— А я в турецкой компании участие принимал, — перебивает дед Гришака и выпрямляя ссохшуюся грудь позванивает Георгиями.

— Заняли мы этот аул на рассвете, а в полдни играет трубач тревогу...

— Довелось и нам царю белому послужить. Под Плевной был бой и наш 12 казачий полк сразился с ихними янычирами.

— Играет эта трубач тревогу, — продолжает баклановец не слушая деда Гришаку.

— Янычиры ихние навроде атаманцев. Да-с! — горячится дед Гришака и сердясь машет рукою, — службу при своем царе несут и на головах у них белые мешки. Ась? Белые мешки на головах!

— Я и говорю своему полчанину: «Это, Тимоша отступать будем, тyani ковер со стены... [*Ковер*] Увяжем ево в торока...

— Два Егория имею!. Награжден за боевые геройства! [*Да-с!*] Турецкова майора живым в плен взял! Дед Гришака плачет и стучит сухим кулачком по гулкой медвежковатой спине деда-баклановца, но тот мочая кусок курятины вместо хрена в вишневый кисель, безжизненно глядит на залитую лапшею скатерть, шамшит [*голым*] ввалившимся ртом:

— Вот, сынок, в какой грех попутал нечистый... Глаза деда с мертвой настойчивостью глядят||

<Л. 44 об.>

[82.] 85.

на белые морщины скатерти, словно видит он не эту [*мор*] скатерть, залитую водкой и лапшей, а снеговые слепящие складки кавказских гор, — до этого сроду не брал чужова... Бывало зайдем аул ихний, в саклях имение какое, а я не завидую, а тут поди-ж ты... влез в глаза ковер этот... С махрами... Вот, думаю, по-пона будет коню мому...

— Мы этих разных-разностей повидали... Тоже бывали в заморских землях, — дед Гришака старается заглянуть соседу в глаза, но глубокие глазницы его заросли, как баерак бурьяном, седыми клочьями бровей и бороды. Не докопается дед

Гришака до глаз, кругом [один] одна [щетиный] щетинистая непролазь волос¹. Дед Гришака пускается на хитрость; он хочет привлечь внимание соседа ударным местом своего рассказа, а потому начинает прямо [с самого] без предварительной подготовки с середины:

— ... И камандует [есаул] эсаул Терсинцев: «По взводно стройся, [в атаку] намётом марш-марш!..»

Дед баклановец вскидывает голову, как строевой конь при звуке трубы, роняя на стол узловатый кулак шепчет:

— [Взводные урядники] Пики к бою, шашки вон, баклановцы... — тут голос его неожиданно крепчает², мерклые зрачки глаз блестят и загораются былым загашенным старостью, огнем. — Баклановцы-молодцы! — ревет он раскрывая пасть с желтыми [голыми] нагими деснами, — В атаку, арш-арш!..

И осмысленно и молодо глядит на деда Гришаку и не утирает замызганным рукавом чекменя щекочущие бороду слезы. Дед Гришака тоже оживляется:

— Подал он нам эту команду и махнул палашем. Поскакали мы, а янычиры построились вот тах-то, — дед Гришака начертил на скатерти пальцем неровный четырехугольник, — в нас палят. [Три] Два раза мы на них ходили, собьют и собьют... Откель не возьмись с флангу из лесочка ихняя конница. Наш командир полка генерал-майор фон-Драудин [скомандовал перестроиться] дает команду. Завернулись мы правым крылом перестроились и пошли на них. Вдарили, стоптали. Поскакали они [промч] к лесу, воют... [В] И тут вижу я скачет попереди меня ихний офицер на караковом коне. Молодецкий такой офицер, черные вусы книзу, оглядается всё на mine и пистолет из чехла вынимает. А чехло к седлу пристрочено. Стрельнул и не попал. Тут я его пристиг, хотел срубить, а посля раздумал; правой рукой³ обхватил поперек, так он, [братец ты мой] изволите видеть, так из седла и вылетел.

Дед Гришака торжествуя глянул на соседа: тот уронив на грудь огромную угловатую голову уснул под шум [пьяных гост]⁴ уютно всхрапывая⁵.||

¹ ППС: «[один] одна [щетиный] щетинистая непролазь волос кругом».

² ППС: «крепчает, неожиданно».

³ ППС: «рукой правой».

⁴ ППС: «под шум [пьяных гост] уснул».

⁵ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ. Фрагмент (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 2/2); 8 лл.; авторская нумерация страниц с 1 по 16 (цифра «1» не проставлена). Главы I–III, начало IV главы. Датируется 1927 г., до 12 июня, но не ранее 28 марта, на основании дат завершения работы над первым черновым и беловым (см. ниже) автографами первой части романа.

Второй черновой автограф, видимо, промежуточный между черновиком, выполненным в конце 1926 – начале 1927 гг., и беловым автографом, дошел до нас не в полном объеме. Главы I–III представлены полностью, IV — лишь своим началом. Содержание глав, их последовательность совпадают с беловым автографом и печатным текстом. Тексту автографа предпослан эпиграф (строфы старинных казачьих песен), хорошо известный по печатному варианту произведения.

<Л. 1>

Тихий Дон.

роман

«Не сохами-то славная землюшка наша распахана,
 Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
 А засеяна славная землюшка казацкими головами,
 Украшен-то наш Тихий Дон молодыми вдовами,
 Цветен наш батюшка Тихий Дон — сиротами,
 Наполнена волна в Тихом Дону отцовскими, ма-
 теринскими слезами...»

«Ой ты, наш батюшка, Тихой Дон!
 Ой, что-же, ты, Тихой Дон мутнехонек течешь?
 — Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!
 Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
 Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит».
 (старинные казачьи песни.)

Часть первая.

I.

Мелеховский двор на самом краю хутора. Воротца с скотиньего база ведут к Дону, крутой восьмисаженный спуск и — вода. Над берегом замшевшие в [*прозеленью*] **прозелени** глыбы мела, точеная галька, перламутровая россыпь¹ ракушек и перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона. На восток за гумном, — обнесенном красноталовыми плетнями, — Гетманский шлях, [*полын-ный*] **полынная проседь**, истоптанный конскими копытами бурый живущой по-

¹ ППС: «россыпь перламутровая».

дорожник, [облупленная] часовенка на развилке, за ней задёрнутая текучим маревом степь.

С юга меловая хребтина горы, на запад — улица [пронизывающая] **пронизывая** площадь втыкается в займище.

В последнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену, маленькую закутанную в шаль женщину. Она прятала лицо редко показывая тоскующие одичалые глаза. Пахла шелковая шаль далекими неведомыми запахами, узорные радужные разводы ее питали бабью зависть. Пленная турчанка плакала и не показывала лица домашним Прокофием. Старик Мелехов вскоре отделил сына и не ходил в его курень до смерти не забывая обиды.

Прокофий обстроился [сам] **скоро**: нанял плотников, срубить [дом] **курень**¹, сам пригородил базы для скотины и к осени увел [туда] на новое хозяйство сторбленную иноземку жену. Шел с ней **за арбой** по хутору — высыпали на улицу все от мала — до велика. Казаки сдержанно посмеивались в бороды, голосисто перекликались бабы, невытая орда казачат улюлюкала Прокофию вслед; но он распахнув чекмень, [с георгиевской лентой на борту, хмурия широкие белесые брови] шел медленно, как по пахатной борозде, сжимал в необъятной черной ладони хрупкую кисть [жены] **жениной** [закутанной с головой] **руки**.||

<Л. 1 об.>

2.

Непокорно нес **белесо-чубатую** голову, лишь под скулами у него пухли и катались жевлаки, да промеж каменных неподвижных бровей проступил пот.

С той поры редко [встречали] **видели** его в хуторе, не бывал он и на хуторском майдане. Жил в своем курене, на отшибе, у Дона, бирюком, однако чудное гутарили про него по хутору: ребятишки пасшие за прогоном телят рассказывали, будто видели они, как Прокофий [но] [вечерам] **вечерами**, когда вянут малиновые зори, на руках носил жену до Татарского, ажник, кургана. Сажал ее там на макушке кургана спиной к [каменному] источенному столетиями [идолу] ноздреватому камню, садился с ней рядом и так подолгу глядели они в степь. Глядели до тех пор, пока [меркла] **истухала** заря, а потом Прокофий кутал жену в зипун и на руках относил домой.

Хутор терялся в догадках подыскивая объяснение таким диковинным поступкам, [и остановился на одном:] бабам за разговорами поискаться [времени не] **некогда** было. Разно говорили и о жене Прокофия: одни утверждали, что красота она невиданной, другие — наоборот. Решилось все после того, как самая отчаянная из баб жалмерка Мавра сбегала к Прокофию будто-бы за свежей накваской. Прокофий полез за накваской в погреб, а за это время Мавра и разглядела, что турчанка попалась Прокофию **самая** некудышняя...

Спустя время раскрасневшаяся Мавра, с платком съехавшим на бок торочила на проулке бабьей толпе:

¹ ППС: «срубить [дом] курень, нанял плотников».

— И, што он, мілушки, нашел в ней хорошева? Хуть-бы баба была, а то так... Ни ж..., ни пуза, одна страма. У нас девки глаже ее выгуливаютца. [*Поперек*] **В стану** перервать можно, оса, истинный бог, оса! Глаза черные, а большины аж-ник страшно. Стригеть ими, как сатанюка, прости бог... Ну, за то уж виски до пяток. — божилась Мавра в подтверждение своих слов¹, — А на морду желтая, должно на сносях дохаживаеть

— На сносях?.. — удивлялись бабы.

— Кубыть не махонькая, [*у самой трое детей.*] **сама троих вынянчила.**

— Какая-ж она ишо?

— Она-та? Глаза тусменныи, [*должно*] [*знать*] {видать} выплакала. Небось не сладко на чужой-та сторонушке. А ишо, бабоньки, ходить-та она в ... Прокофьевых шароварах.

— Ну-у-у ?.. — ахали бабы испуганно и дружно.

— Сама видала, в шароварах только без лампасов. Должно буднишные ево подцепила. Длинная на ней рубаха, а из под рубахи шаровары в чулки вобраты. Я как разглядела, так и захолонуло во мне...

Шепотом говорили по хутору, что Прокофьева жена ведьмачит. Сноха Астаховых (жили Астаховы крайние от хутора к Прокофию), божилась будто на второй день Троицы перед светом видала, как Прокофьева жена простоволосая и босая доила на ихнем базу старую корову. С тех пор [*высохло*] **ссохлось** у коровы вымя в детский кулачек, отбила от молока и вскоре издохла.||

<Л. 2>

3.

В тот год случился небывалый падеж скота. На стойле возле Дона каждый день [*остав*] пятнилась песчаная коса трупами коров и молодняка. Падеж перекинулся на лошадей. Таяли конские косяки гулявшие на станичном отводе. И вот тут-то прополз по проулкам и улицам черный слушок...

С хуторского схода пришли казаки к Прокофию во двор. Хозяин вышел на крыльцо кланаясь.

— Зачем добрым пожаловали, господа-старики?

Толпа подступая к крыльцу **немо** молчала. **Один** Подвыпивший, [*в разорванной рубахе*] старик первый крикнул:

— Волоки нам свою ведьму!.. Суд наведем!

Прокофий кинулся в дом, но в сенцах его догнали [*и повалив скрутили руки*]. Рослый батареец, по улишному прозвищу Люшня, стукая Прокофия головой о стену уговаривал:

— Не шуми, не шуми, нечево тут... Тибе не тронем, а бабу твою в землю втолочим. Лучше ее унистожить, чем всему хутору без скотины гибнуть. А ты не шуми, а то головой стену развалю!..

— Тяни ее, суку, на баз!... — гахнули у крыльца.

¹ ППС: «слов своих».

Полчанин Прокофия намотав на руку волосы турчанки, другой рукой зажимая ее рот¹, распяленный в бесголосом крике, бегом протащил ее через сени и кинул под ноги толпе. Тонкий звенящий вскрик повис над ревом не падая. Прокофий раскидав шестерых казаков [*прыгнул*] в горницу, [*рванул*] сорвал со стены шашку. Давя друг друга казаки шарахнулись из сенцев. Распластав над головой [*гудящий визг*] взвизгивающий круг стали Прокофий [*прыгнул*] **сбежал** с крыльца, толпа дрогнула и рассыпалась по двору. У амбара Прокофий настиг тяжелого в беге батарейца Люшню и сзади, с левого плеча наискось, [*разрубил*] **развалил** его до пояса. Казаки, ломавшие из плетня колья, сыпанули через гумно в степь.

Через полчаса осмелевшая толпа подступила к двору. Двое разведчиков пожимаясь вошли в сенцы: на пороге кухни подплывшая кровью, неловко запрокинув голову лежала [*мертвая*] Прокофьева жена; [*из*] в прорези мученически оскаленных мелких зубов [*чернел*] **ворочался** [*прикушенный*] **искусанный** язык. Прокофий, с трясущейся головой и остановившимся взглядом, [*прислонясь к печке,*] кутал в овчинную шубу смугло-слизистый попискивающий комочек — преждевременно родившегося ребенка.

Жена Прокофия умерла вечером этого-же дня. Недоношенного ребенка сжалившись взяла бабка — мать Прокофия. Его обложили пареными отрубями, поили кобыльим молоком и через месяц, убедившись в том, что смуглый турковатый мальченок выживет, понесли в церковь, окрестили. Назвали по деду Пантелею.

Прокофий вернулся с каторги через двенадцать лет.||

<Л. 2 об.>

4.

Подстриженная, рыжая с проседью борода и русская одежда делали его чужим, непохожим на казака. Он взял сына и стал на хозяйство. Пантелей рос смуглым исчерна-оливковым² парнишкой, схож был на мать лицом и подбористой фигурой. Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа. С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей, отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато красивые казаки Мелеховы, а по улишному — турки.

Похоронив отца въелся Пантелей³ в хозяйство: заново покрыл дом, прирезал к усадьбе с полдесятины гулевой земли, выстроил новые сарай и амбар **под жестью**. Кровельщик по хозяйскому заказу вырезал из обрезков [*лечь*] пару жестяных петухов, укрепил их на крыше амбара. Веселили они мелеховский баз беспечным своим видом, придавая и ему [*вид*] самодовольный и зажиточный⁴.

[*К старости*] Под уклон сползавших годков закряхистел Пантелей Прокофьевич: [*потолстел*] раздался впоперек, но [*в движениях*] **собой** старик был складный⁵, в кости сухой, хромой [*на левую ногу*] (в молодости, на императорском

¹ ППС: «рот ее».

² ППС: «исчерна-оливковым, смуглым».

³ ППС: «Пантелей въелся».

⁴ ППС: «зажиточный и самодовольный».

⁵ ППС: «был складный старик».

смотрю на скачках сломал левую ногу), носил [*серьгу*] в левом ухе серебряную с полумесяцем серьгу, до старости [*сохранил*] **не слиняла на нем** [*вороную*] **воронной** [*масть*] **масти** [*бороды*] **борода** и волосы, в гневе доходил до беспамятства и, как видно, этим раньше [*поры и*] времени состарил свою, когда-то красивую, а теперь сплошь опутанную морщинами, дородную, сгорбленную жену.

Старший, уже женатый, сын его Петро выродился в мать: небольшой, курносый, в буйной повители пшеничного цвета волос, кареглазый; а младший [*его на три года*] Григорий в отца попер: на полголовы выше Петра, на три года младше, такой-же, как у бати вислый коршунячий нос, в чуть косых прорезях [*ж*] [*синеватые*] подсиненные белки горячих глаз, острые углы обтянутых коричневой кожей скул. Так-же сутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое. Дуняшка — отцова слабость, — [*двенадцатилетний*] длиннорукый большеглазый подросток, да Петрова жена Дарья вот и вся мелеховская семья¹.

II.

Редкие в пепельном рассветном небе зыбились звезды. Из-под тучи тянул ветер. Над Доном [*ды*] на дыбах ходил туман и пластаясь по откосу меловой горы, сползал в яры серой безголовой гадюкой.

Левобережное Обдонье, пески, енды, камышастая непролазь, [*над озерами*] лес в росе полыхал иступленным холодным заревом. За чертой не всходя томилось солнце.

В мелеховском курене первый оторвался от сна Пантелей. Застегивая на ходу ворот расшитой крестиками рубахи вышел на крыльцо. Затравевший двор выложен росным||

<Л. 3>

5.

серебром. Выпустил на проулок скотину. Дарья пробежала в исподней юбке доить коров, на икры белых босых ее ног **молозевом** брызгала роса, по траве через баз лег [*серый*] **дымчатый** примятый ногами ее след. [*Старик*] Пантелей Прокофьевич поглядел, как прямится примятая Дарьиными ногами трава² [*вновь*] и пошел в горницу. На подоконнике распахнутого окна **мертво** розовели лепестки отцветавшей в палисаднике вишни. Григорий спал ничком кинув наотмашь руку.

— Гришка, рыбалить поедешь?

— Чево, ты? — шепотом спросил [*он*] **тот** и свесил ноги.

— Поедем, посидим зóрю.

Григорий посапливая стянул с подвески буднишные шаровары, подобрал их в белые шерстяные чулки и долго надевал чирик выправляя подвернувшийся задник.

— Приваду варила мать? — сипло спросил он выходя за отцом в сенцы.

¹ Текст «Старший, уже женатый, сын его Петро ~ вот и вся мелеховская семья» выделен скобкой на левом поле.

² ППС: «примятая Дарьиными ногами трава прямится».

— Варила. Иди к баркасу. Я зараз.

Старик ссыпал в кубышку распареное жито, по хозяйски смел на ладонь просыпанные зерна и припадая на левую ногу похромал к спуску. Григорий нахохлясь сидел в баркасе.

— Куды править?

— К Черному Яру. Спробуем возля этой карши, иде надьсь сидели.

Баркас, скобленув кормою [дно] землю, осел в воде, [отошел] мягко отоврался от берега. Стремя понесло его покачивая, норовя повернуть боком. Григорий не огребаясь правил веслом.

— Гребани, што-ли.

— А вот на середку вылупимси.

Пересекая быстрину баркас двинулся к левому берегу. От хутора догоняли их гулкие на воде петушинные переклики. Чертя бортом черный хрящеватый яр, лежавший над водой урубом, баркас причалил в котлине. Сажнях в пяти от берега виднелись из воды раскоряченные ветви затонувшего вяза, вокруг него коловерт гоняла бурые комья пены.

— Разматывай, а я заприважу. — шепнул Григорию отец, [и] сунул ладонь в парное зевло кубышки. Жито четко [стукнуло] брызнуло по воде, словно кто вполголоса шепнул: — «Шик!» Григорий нанизал на крючек взбухшие зерна.

— К стремя кидай.

[Григорий выждал, пока] леса упавшая на воду кругами, вытянулась струной и снова ослабла, Григорий придавил ногою конец удилица, [и] полез, стараясь не шелохнуться, за кисетом.

— Не будеть, батя, дела... Месяц — на ущербе.

— Серники захватил?

— Ага.

— Дай огню.

[Отец] Старик закурил и поглядел на солнце застрявшее по ту сторону карши.

— Сазан он разно берётъ. И на ущербе [берётъ] иной раз возьметься.||

<Л. 3 об.>

6.

— Чутно — мелочь насадку обсекает. — вздохнул Григорий.

Возле баркаса хлюпая схлынула вода и [огромный] двухаршинный словно слитый из красной меди сазан с стоном прыгнул вверх сдвоив по воде изогнутым лопушистым хвостом. Зернистые брызги осеяли баркас.

— Теперя жди. — вытер Пантелей Прокофьевич рукавом мокрую бороду¹. Сбочь затонувшего вяза, в рукастых оголенных ветвях одновременно выпрыгнули два сазана. Над яром ввинчиваясь в воздух настойчиво, раз за разом бился небольшой сазаник, [на глаз фунтов пяти].

¹ ППС: «мокрую бороду рукавом».

Григорий нетерпеливо жевал [зубами] размокший конец самокрутки. Неяркое солнце стало в полдуба. Пантелей Прокофич израсходовал всю приваду и недовольно подобрав губы **тупо** глядел на недвижный конец удилища.

Григорий выплюнул остаток цыгарки, злобно проследил за стремительным его полетом. В душе он¹ клал отцу чертей за то, что разбудил, [не дал доглядеть] **спозоранку**, [не] не дал выспаться. Во рту от выкуренного натошак табаку воняло припаленой щетиной, нагнулся зачерпнуть в пригоршню воды, [но] в это время конец удилища, торчавший на поларшина от воды, слабо качнулся и медленно пополз книзу.

— Засекай! — выдохнул старик.

Григорий встрепенувшись потянул удилище, но конец стремительно зарылся в воду, удилище согнулось от руки обручем. Словно [ворот] **воротом** [с] [огромной] **огромная** [силой] **сила** [подрагивая] **давила книзу** [затопляя] **затопляя** тугое, красноталовое удилище.

— Держи!.. — стонал старик отпихивая баркас от берега.

Григорий [у] силился поднять удилище, [леса чертила в воде с глухим визгом] его рвало с удесyтеренной силой. Сухо чмокнув лопнула под корешок толстая леса. Григорий качнулся теряя равновесие.

— Ну, и бугай! — пришептывал Пантелей Прокофьевич не попадая жалом крючка в насадку. Григорий [нервно] взволнованно посмеиваясь навязал новую лесу, закинул едва лишь грузило коснулось дна — конец погнуло.

— Вот он, дьявол!.. — хмыкнул Григорий и с трудом [поднял] оторвал от дна метнувшуюся к стремю рыбу. Леса пронзительно брунжа зачертила воду, за ней косым **зеленоватым** полотном вставала [зе] вода. Пантелей Прокофьевич перебирал обрубковатыми пальцами [но] [держаку] **держак** черпала.

— Заверни ево на воду! Держи, а то пилой рубанеть!..

— Небось!

Большой исжелта-красный сазан поднялся на поверхность, вспенил воду и угнуп тупую лобастую голову опять шархнул в глубину.

— Давит, ажник рука онемела... Нет погоди!

— Держи, Гришка!

— Держу-у-у...

— Гляди под баркас не пушай!.. Гляди!

Переводя дух подвел Григорий к баркасу лежавшего на боку сазана. Старик сунулся было с черпалом, но||

<Л. 4>

7.

сазан напрягая последние силы вновь ушел в глубину.

— Голову ему подымай! Нехай глотнет ветру, он посмирнеет.

Выводив Григорий снова подтянул к баркасу измученного сазана, зевая широко раскрытым ртом он ткнулся носом в шершавый борт и стал [пошевеливая] **переливая** оранжевое золото плавников.

¹ ППС: «Он в душе».

— Отвоевался! — крикнул Пантелей Прокофьевич вваливая его в черпало. Посидели еще с полчаса. Стихал сазаний бой.

— Сматывай, Гришка. Должно последнево запрягли, [боль] ишо не дождемся.

Собрались. Григорий оттолкнулся от берега. Проехали половину пути. По лицу отца Григорий видел, что хочет он что-то ему сказать, но старик молча поглядывал на разметанные под горой двory хутора.

— Ты, Григорий, вот што... — нерешительно начал старик теребя завязки мешка, лежавшего под ногами, — примечаю я, ты, никак с Аксиньей Астаховой...

Григорий густо покраснел, отвернулся. Воротник рубахи врезаясь в мускулистую прижженую солнцегревом шею выдавил белую полоску.

— Ты гляди, парень, — уже [строго] жестко и зло продолжал старик, — Я с тобой не так загуарю. Степан нам сосед и с ево бабой не дозволю баловать. Тут дело взыграет до греха, а я наперед упреждаю: примечу — засеку!..

Пантелей Прокофьевич ссучил пальцы в узловатый кулак жмуря выпуклые глаза глядел, как с лица сына сливала кровь.

— Наговоры. — глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу.

— Ты помалкивай!

— Мало што люди гутарють...

— Цыц, сукин сын!

Григорий слег над веслом. Баркас [ноше] заходил скачками. Завитушками заплясала люлюкающая за кормой вода. До пристани молчали оба. Уже подъезжая к берегу отец напомнил [Григорию]:

— Гляди не забудь, а нет — с нонешнего дня прикрыть все игришша. Штоб [из] с базу ни шагу, так-то!

Григорий смолчал. Примыкая баркас спросил:

— Рыбу бабам отдать?

— Понеси купцам продай, — помягчел старик, — на табак разживешься.

Покусывая губы [пошел] шел Григорий сзади отца [домой]. «Выкуси, батя. Хоть стреноженный уйду ноне на игришша», — думал он злобно обгрызая крутой отцовский затылок.||

<Л. 4 об.>

8.

Дома Григорий заботливо обмыл с сазаньей чешуи присохший песок и провздел сквозь жабры хворостинку. У ворот напоролся на давнишнего друга — Митьку Коршунова. Идет Митька, играет концом [наборным] наборного в серебре пояска. Из узеньких [выщелок] щелок желто масляться [нагло] круглые с наглинкой глаза. Зрачки — кошачье длинные, оттого взгляд Митькин — текуч, неуловим.

— Куда с рыбой?

— Нонешняя добычь. Купцам несу.

— Моховым, што-ли?

— Им.

Митька на глазок взвесил сазана.

— Фунтов восемнадцать?

— С четвертью. На безмене прикинул.

— Возьми с собой, торговатца буду.

— Пойдем.

— А могоарыч?

— Сладимся, нечево в пустую брехать.

От обедни рассыпался по улицам народ. Посреди улицы рядышком вышагивали три брата по кличке Шамили. Старший, безрукий Алексей, шел в середине. Тугой ожерёлок мундира прямил ему жилистую шею, редкая курчавым клинушком бороденка задорно бочилась, левый глаз нервически подмаргивал. Давно на стрельбище разорвало в руках у него винтовку, кусок затвора изуродовал щеку, с той поры глаз к делу и не к делу подмигивает, глубокий шрам перепахивая щеку зарывается в кудели волос. Левую руку оторвало по локоть, но и одной крутил Алексей цыгарки искусно и без промаха: прижмет кисет к выпуклому заслону груди, зубами оторвет нужный клочек бумаги, согнет его желобком, нагребет табаку и неуловимо поведет пальцами скручивая. Не успеет человек оглянуться, а Алексей помаргивая уже жуёт готовую цыгарку и просит огоньку.

Безрукий, а первый в хуторе кулачник. И кулак не особенно, чтоб особенный, так, с травянку величиной, [однако] [но быка с ног валяет]. На пахате осерчал как-то на быка, кнута под рукой не было, [пришлось] кулаком [стукнуть] стукнул. Лег бык на борозде, из ушей кровь, насилу отлежался. Остальные братья Мартын и Прохор до мелочей схожи с Алексеем: такие-же низкорослые, шириной в дуб, только рук у каждого по паре.

Григорий поздоровался с братьями Шамилями, Митька прошел до хруста отвернув голову. На масленице в кулачной стенке не пожалел [безрукий] Алешка Шамиль молодых Митькиных зубов, махнул наотмашь и выплюнул Митька на сизый, изодранный кованными каблуками лед два кутних зуба.

Алексей ровнясь мигнул раз пять подряд:

— Продай чурбака.

— Купи.||

<Л. 5>

9.

— Почем просишь?

— Пару быков, да жену в придачу.

Алексей щерясь замахал обрубком руки.

— Чудак, ах чудак! Ох-ххо-ха, жену... А приплод возьмешь?

— Себе на завод оставь, а то Шамили переведутца. — зубоскалил Григорий.

— На площади у церковной ограды кучился народ.

Внутри круга титор поднимая кверху стреноженного гуся выкрикивал:

— Полтинник. Отдали. Кто — больше?

Гусь вертел шеей и презрительно жмурил бирюзинку глаза. В толпе рядом махал руками седенький с крестами на мундире старичек.

— Наш дед Гришака про Турецкую войну брешет. — указал Митька глазами,
— Пойдем послушаем?

— Покель будем слушать — сазан провоняетца, распухнет.

— Распухнет — весом прибавит, нам выгодней.

На площади за пожарным сараем, где с обломанными оглоблями рассыхались пожарные бочки, зеленеет крыша моховского дома. Григорий, шагая мимо сарая, сплюнул и зажал нос: из-за бочки застегивая шаровары — пряжка в зубах — вылезал старик.

— Приспичило? — съязвил Митька.

Старик управился с последней пуговицей и вынул изо рта пряжку.

— А тебе што?

— Носом навтыкать-бы надо! Бородой! Бородой! Штоб старуха за неделю не отбанила.

— Я тебе, стерва, навтыкаю! — обиделся старик.

Митька стал шуря кошачьи глаза, как от солнца.

— Ишь, ты, благородный какой.

— Сгинь, сукин сын! Што присучилси? А то и ремнем!

Григорий посмеиваясь подошел к крыльцу моховского дома. Перила в густой резьбе дикого винограда. На крыльце пятнистая колышется тень.

— Во, Митрий, живут люди...

— Ручка и то золоченая, — Митька приоткрыл дверь и фыркнул, — Деда-бы энтова сюда приправить...

— Кто там? — окликнули их с терассы.

Робяя Григорий пошел первый. Крашенные половицы мел сазаний хвост.

— Вам кого?

В плетеной качалке девушка. В руке у нее блюдечко с черной малиной. Григорий молча глядел на розовое сердечко полных губ, обнимавших ягодку малины. Склонив голову девушка оглядывала их. Ягодка терпеливо покоилась в теплых губах. На помощь Григорию выступил Митька. Он кашлянул. [в кулак.]

— Рыбки не купите?

Губы ее пропустив [малину] ягодку успели улыбнуться быстро, чуть приметно.||

<Л. 5 об.>

10.

— Рыбы? Я сейчас скажу.

Она качнула кресло вставая, зашлепала вышитыми одетыми на босые ноги туфлями. Солнце просвечивало белое ее платье и Митька видел смутные очертания полных ног и широкое волнующее кружево нижней юбки. Он дивился белизне ее [ног] икр, лишь на круглых пятках кожа молочно желтела.

— Гля, Григорий, ну, и юбка... как скло, наскрозь все видать. — толкнул Митька вместо Григория сазана.

Девушка вышла из кухни, мягко повалилась в кресло.

— Пройдите на кухню.

Григорий ступая на носках пошел в дом. Митька отставив ногу жмурился на белую нитку пробора, разделявшую волосы на ее голове на два золотистых полукруга. Озорными беспокойными глазами оглядела девушка Митьку.

- Вы — здешний?
- Тутошний.
- Чей-же это?
- Коршунов.
- А звать как ?
- Митрием кличут.

Она внимательно осмотрела розовую чешую ногтей, быстрым движением подбрала ноги.

- Женат?
- А што?
- Так просто, интересно.
- Нет, холостой.

Митька внезапно покраснел, а она играя улыбкой и кистью осыпавшейся на пол малины спрашивала:

- Что-же, Митя, девушки вас любят?
- Какие любят, а какие и нет.
- Скажите... А отчего у вас глаза, как у кота?
- У кота?.. — потерялся в конец Митька.
- Вот именно, кошачьи.
- Я тут не при чем... Это от матери, должно.
- А почему-же, Митя, вас не женят?

Митька оправился от минутного смущения и чувствуя **неуловимую** насмешку замерцал желтизною глаз.

- Женилка не выросла.

Она **изумленно вздернула брови** и расхохоталась затаенным неискренним смехом.

- Наглый, вы, удивительно. — и встала.

В кухне дробились голоса: робкий — Григория и густой, мазутный — кухарки.

Митька перебирая тусклое серебро казачьего пояска молчал¹.

- Кто из вас рыбу ловит? — спросила **помолчав**, [избегая Митькиных глаз].
- Григорий, друзьяк мой.
- А вы рыбалите?
- Рыбалю и я, коль охота набредет.||

<Л. 6>

11.

- Удочками?
- И удочками рыбалим, по нашему — притугами.
- Мне-бы хотелось порыбалить. — сказала она собираясь уйти и не уходя.

¹ Текст «— Женат? ~ перебирая тусклое серебро казачьего пояска молчал» слева выделен скобкой.

- Поедем, коль охота есть.
- Как-бы это устроить?
- Вставать надо дюже рано.
- Я встану, только разбудить меня надо.
- Разбудить можно... А отец?
- Что — отец?

Митька замялся.

- Как-бы собаками не притравил.
- Глупости! Я сплю одна в угловой комнате, вот это окно, — указала она пальцем, — Если придете за мной постучите мне в окошко и я встану.

С улицы по крыльцу шаги. [*Девушка жиганула*] Ее коротенькая улыбка жиганула Митьку крапивой. Сам хозяин, Сергей Платонович, мягко шаркая шевровыми просторными ботинками, с достоинством пронес мимо посторонившегося Митьки свое полнеющее тело.

- Ко мне? — спросил пройдя и не поворачивая головы.
- Это, папа, рыбу принесли.

Вышел с порожними руками Григорий.

III.

Григорий пришел с игрищ после первых кочетов. Из сенцев пахло на него запахом перекисших хмелин и сушеной богородицыной травки. На носках прошел в горницу, разделся, бережно повесил праздничные с лампасами шаровары, перекрестился и лег. На полу, перерезанная оконным переплетом, золотая дрема лунного света. В углу под расшитыми полотенцами тусклый глянец [*серебряных*] **посеребрёных** икон, над кроватью на подвеске тянкий гуд потревоженных мух.

Задремал было, но в кухне заплакал братнин ребенок. Немазанной арбой закрипела люлька, Дарья сонным голосом бормотнула:

— Цыц, ты, поганое дите! Ни сну тебе, ни покою. — запела [*воплоголоса*] тихонько:

«Колода-дуда,
Иде-ж, ты, была?
Коней стерегла.
Чево выстерегла?
Коня с седлом,
С золотым махром.

Григорий засыпая под мерный баюкающий скрип вспомнил: «А ведь завтра Петру в лагери выходить. Останется Дашка с дитем... Косить должно без нево будем». — зарылся головой в горячую подушку, в уши назойливо сочится:

«А иде-ж твой конь?
За воротами стоит.
А иде-ж ворота?
Вода унесла.||

<Л. 6 об.>

12.

Григория встряхнуло заливиное ржанье, по голосу угадал Петрова строевого коня. Обессилившими со сна пальцами долго застегивал рубаху, опять почти уснул под текучую зыбь песни.

«А иде-ж гуси?
В камыш ушли.
А иде-же камыш?
Девки выжали.
А иде-ж девки?
Девки замуж ушли...

По Дону наискось волнистый, никем неезженный, лунный шлях. Над Доном туман, а вверху звездное просо.

Григорий повел коня по проулку, щекотнула лицо налетевшая паутина и неожиданно пропал сон. Конь сзади сторожко переставлял ноги, к воде спуск [крутой] дурной. На той стороне утиный крик, возле берега в тине взвернул и бухнул по воде омахом охотившийся на мелочь сом.

[Возвращая] Григорий долго стоял у воды. Прелью сырой и пресной дышал берег, с конских губ ронялась дробная капель. [Возвращаясь поглядел на восход.] На сердце у Григория легкая сладостная пустота. Хорошо и бездумно. Возвращаясь глянул на восход — [скоро день] там уж рассосалась синяя полутьма. На пельном пологе сизеющего неба доклёвывал краснохвостный рассветный день остатки звездного проса.

Возле конюшни столкнулся с матерью.

— Это, ты, Гришка?

— А то кто-ж.

— Коня поил?

— Поил. — нехотя отвечает Григорий.

Откинувшись назад несет мать в завеске на затоп кизеки, трюпает старчески дряблыми босыми ногами.

— Сходи Астаховых побуди. Степан с нашим сбиралси.

Прохлада вкладывает в Григория тугую дрожащую пружину. Тело в комочках мурашек. Через три порожка взбегает к Астаховым на гулкое крыльцо, дверь незаперта. В кухне на разостланной полсти спит Степан, под мышкой у него голова жены. В поредевшей темноте Григорий видит сбитую выше колен Аксиньину рубаху, березово-белые бесстыдно раскинутые ноги. Он секунду смотрит чувствуя, как сохнет во рту и в [чугунным] чугунном [звоном] звоне пухнет голова. Воровато повел глазами [необычным каким-то] и зачужавшим голосом, хрипло:

— Эй, кто тут есть? Вставайте.

Аксинья всхлипнула со сна, [и] суетливо зашарила, забила [на] в ногах голая ее рука натягивая рубаху. Осталось на подушке пятнышко уроненной во сне слюны; крепко за ревой бабий сон.

— Ой, кто-такое? Ктой-та?

— Это я. Мать послала побудить вас...

— Мы зарáz ... [Это] Тут у нас не влезешь... от блох на полу спим... Степан, вставай слышишь?||

<Л. 7>

13.

По голосу Григорий догадывается, что ей неловко, [и он потоптавшись уходит.] и спешит уйти.

Из хутора в майские лагеря уходило человек 30 казаков. Место сбора — плац. Часам к семи к плацу [подводы] повозки с брезентовыми будками, сзади пешие и верховые казаки в майских парусинных рубахах, в снаряжении.

Петро на крыльце наспех [пришивал] сшивал треснувший чумбур. Пантелей Прокофьевич похаживал возле [кон] Петрова коня, подсыпал в корыто овес, изредка покрикивал:

— Дуняшка, сухари зашила? А сало пересыпала солью?

В румяном цвету Дуняшка ласточкой чертила двор от стряпки к куреню, на окрики отца, смеясь отмахивалась.

— Вы, батя, свое дело управляйте, а я братушке так уложу, што до Черкасско-ва не [ворохнетца] ворохнется.

— Не поел? — осведомлялся Петро слюнявя дратву и указывая глазами на коня.

— Жуеть. — степеню отвечал отец, шершавой ладонью проверяя потники: крошка прилипнет к потнику и за один переход в кровь потрет спину.

— Доисть [ры] гнедой — напоите ево, батя.

— Гришка к Дону сводит. Эй, Григорий, веди коня.

Высокий поджарый донец, с белой на лбу вызвездью играючи пошел со двора. Григорий вывел его за калитку, чуть тронув левой рукой холку прыгнул коню на спину и с места машистой рысью. У спуска хотел придержать, но конь сбился с ноги, зачистил и пошел под гору наёмом. Откинувшись назад, почти лежа на спине коня Григорий увидел спускавшуюся под гору женщину с ведрами. Свернул со стежки и обгоняя взбаламученную пыль вклинился в воду.

С горы покачиваясь спускалась Аксинья, еще издали голосисто крикнула:

— Чертяка бешеный! Чудок — конем не стоптал! Вот погоди, я скажу отцу, как ты ездешь[!].

— Но-но, соседка, не ругайси. Проводишь мужа в лагеря, может и я в хозяйстве сгожусь.

— Как-то ни черт, нужен ты мне!

— Зачнетца покос ишо попросишь. — смеялся Григорий.

Аксинья с подмостей ловко зачерпнула на коромысле ведро воды и зажимая промеж колен надутую ветром юбку глянула на Григория.

— Што-ж Степан твой собралси?

— А тебе чево?

— Какая ты... Спросить, штоль, нельзя?

— Ну, собралси, потом чево?

— Остаешься, стал-быть, жалмеркой?

— Стал-быть так.

Конь оторвал от воды губы, со скрипом пожевал стекавшую воду и глядя на ту сторону Дона стукнул по воде передней ногой. Акси́нья зачерпнула другое ведро, перекинув через плечо коромысло [и] легкой раскачкой||

<Л. 7 об.>

14.

пошла на гору. Григорий тронул коня следом. Ветер трепал на Акси́нье юбку, перебирал на смуглой шее мелкие завитки волос. На затылке **на [тяжелый] тяжело** [узел] узле волос¹ [прикрывала] **пламенела** расшитая цветным шелком шлычка, розовая рубаха, вобратая в юбку, не морщиясь охватывала крутую ее спину и налитые плечи. Поднимаясь в гору она клонилась вперед, [и] ясно вылегала под рубахой продольная ложбинка на спине. Григорий провожал глазами каждое ее движение, ему хотелось снова заговорить с ней.

— Небось будешь скучать по мужу? А?

Акси́нья на ходу повернула голову, улыбнулась.

— А то как-же. Ты женись, — переводя дух она говорила прерывисто, — женись, а посла узнаешь скучают ай нет по дружечке.

Григорий толкнул коня, ровняясь с ней заглянул ей в глаза.

— А ить иные бабы, ажник рады, как мужей проводят. Наша Дарья без Петра толстеть zaczynaет.

Акси́нья двигая ноздрями резко дышала, поправляя волосы сказала:

— Муж и не уж, а тянет кровя. Тебя-то скоро обженим?

— Не знаю, как батя. Должно посла службы.

— Молодой ишо, не женись.

— А што?

— Сухота одна. — она глянула исподлобья², [на Гр] не разжимая губ скупой улыбнулась. И тут в первый раз заметил Григорий, что губы у нее бесстыдно-жадные, пухловатые. Он разбирая гриву на прядки сказал:

— Охоты нету жениться, [баб и так много.] **какая-нибудь и так полюбит.**

— [Много] Аль приметил?

— Чево мне примечать, ты вот проводишь Степана...

— Ты со мной не заигрывай!

— Ушибешь?

— Степану скажу словцо...

— Я твое Степана...

— Гляди, храбрый, слеза капнет.

— Не пужай, Акси́нья.

— Я не пужаю. Твое дело с девками, пушай утирки тебе вышивают, а на меня нечево глядеть.

— Нарошно буду глядеть.

— Ну, гляди, коль охота есть. — Акси́нья примиряюще улыбнулась и сошла со стежки норовя обойти коня.

¹ ППС: «На [Тяжелый] тяжело [узел] узле волос на затылке».

² ППС: «исподлобья глянула».

Григорий повернул его боком загородив дорогу.

— Пусти, Гришка.

— Не пушу.

— Не дури, мне надо мужа собирать.

Григорий улыбаясь горячил коня, тот переступая теснил Аксинью к яру.

— Пусти, дьявол, вон люди идут! [Увидят] Увидют, што подумают. — она метнула по сторонам испуганным взглядом и прошла хмурясь и не оглядываясь.

Григорий заседлал коня. На крыльце Петро прощался¹ с родными. Придерживая левой рукой шашку он торопливо||

<Л. 8>

15.

сбежал по порожкам, взял из рук Григория поводья. Конь чуя дорогу беспокойно переступал, пенил гоняя во рту мундштуки. Поймав ногой стремя, держась за луку Петро говорил отцу:

— Лысых работой не нури, батя. Заосеняет, может продадим. Григорию коня ить справлять. А степную траву, гляди, не продавай, в лугу ноне, сам знаешь, какие сена будут.

— Ну, с богом. — проговорил старик крестьян.

Петро привычным движением вкинул в седло сбитое тело, поправил сзади складки рубахи стянутые поясом. Конь пошел к воротам. На солнце тускло блеснула головка шашки подрагивавшая в такт шагам.

Дарья с ребенком на руках пошла следом, мать [стояла] вытирая рукавом глаза и покрасневший нос стояла посреди база.

— Братушка, пирожки! Пирожки — забыл!.. Пирожки с картошкой!.. — Дуняшка козой скакнула к воротам.

— Чево орешь, дуреха! — прикрикнул на нее Григорий.

Петро улыбаясь оглянулся, щелкнув по сапогу плетью привстал на стременах.

— Остались пирожки! — прислонясь к калитке стонала Дуняшка и на измазанные горячие щеки, а со щек на буднишнюю кофтенку, — слезы. Дарья из-под ладони следила за белой рубахой мужа [удалявшейся в круче пыли] скрывавшейся за пыльной завесой.

Пантелей Прокофьевич качая подгнивший столб у ворот [но] глянул на Григория.

— Ворота [надо] **возьмись** [поправить] **поправь**, Григорий, да стоянок на углу врой, — подумав добавил: — Уехал Петро.

Через плетень Григорий видел, как собирался Степан. Принаряженная в зеленую шерстяную [кофточку] юбку Аксинья подвела ему коня. Степан улыбаясь что-то говорил ей. Он неспеша поцеловал жену и долго не снимал руку с ее плеча. Сожженная загаром и работой рука чернела на белой Аксиньиной кофточке. Степан стоял к Григорию спиной, через плетень было видно его тугую красиво подбритую шею, широкие немного вислые плечи и, — когда наклонялся к жене, — закрученный кончик русого уса. Аксинья чему-то смеялась и отрицательно

¹ ППС: «Петро прощался на крыльце».

качала головой. Рослый вороной конь качнулся подняв на стреме [*Степана*] **седока**. Степан поехал из ворот шагом, сидел в седле, как врытый, а Аксинья шла рядом держась за стремя и снизу вверх, любовно и жадно по собачьи заглядывала ему в глаза. Так миновали они соседний двор и скрылись за поворотом.

Григорий провожал их долгим неморгающим взглядом.

IV.

К вечеру собралась гроза.

Над хутором стала бурая туча. Дон взлохмаченный ветром кидал на берега гребнистые частые волны.||

<Л. 8 об.>

16.

За ливадами палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром. Под тучей раскрылатившись колесил коршун, [*за ним*] **его** с криком [*носились*] **преследовали** вороны. Туча дыша холодком шла вдоль по Дону с запада. За [*лесом*] займищем грозно чернело небо, степь выжидающе молчала.

По хутору хлопали закрываемые ставни, от вечерни спешили крестясь старухи, на плацу [*покачива*] колыхался серый столбище пыли и на отягощенную вешней жарою землю падали первые горошины дождя.

Дуняшка болтая косичками прожгла по двору, захлопнула дверцу курятника и стала посреди двора раздувая ноздри, как лошадь перед препятствием. На улице взбрыкивали ребятишки. Соседский восьмилеток Мишка вертелся приседая на одной ноге, на голове у него закрывая глаза кружился непомерно большой отцовский картуз, и пронзительно верещал:

«Дождюк, дождюк, припусти,
Мы поедем во кусты,
Богу молитца,
Христу поклонитца.

Дуняшка завистливо глядела на босые, густо усыпанные ципками, Мишкины ноги ожесточенно топтавшие землю. Ей тоже хотелось приплясывать под дождем и мочить голову, чтоб волос рос густой и курчавый; хотелось вот так-же, как [*Мишкиному*] **Мишкин** [*товарищу*] **товарищ**, укрепиться на придорожной пыли вверх ногами, с риском свалиться в колючки, но в окно глядела мать сердито шлепая¹ губами. Вздохнув Дуняшка побежала в курень. Дождь спустился ядреный и частый. Над [*самым*] **самой** [*домом*] **крышей** лопнул гром, осколки покатались над Доном.

В сенях отец и потный Гришка тянули из бокоуши скатанный бредень.

— Ниток суровых и иглу-цыганку, шибко! — крикнул Дуняшке Григорий.

В кухне зажгли огонь. Бредень зашивать села Дарья. Старуха укачивая дитя бурчала:

¹ ППС: «шлепая сердито».

— Ты, старый, сроду на выдумки. Спать ложились-ба, гас все дорожает, а ты палишь. Какая таперича ловля? Куды вас чума понесет? Ишо перетопнете. Там ить на базу — страсть божья. Ишь, ишь, как молонья-то полыхает. Господи-Исусе Христе... Матушка-царица небес...

В кухне на секунду стало ослепительно синё и тихо, слышно было, как ставни царапал дождь, следом ахнул гром. Дуняшка пискнула и ничком ткнулась в бредень. Дарья мелкими крестиками обмахивала окна и двери, старуха страшными глазами глядела на ластившуюся у ног ее кошку.

Дунья! Ах, гони, ты, ее прок... царица небесная, прости меня грешницу... Дунья, кошку выкинь на баз! Брысь ты, нечистая сила! Штоб ты... Григорий уронив камол тряся в беззвучном хохоте||

БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ (Ф.143. Оп.9. Ед. хр. 2/3); 48 лл.; авторская нумерация страниц с 1 по 93 (цифра «1» не проставлена, лист с эпиграфом к произведению не нумерован). Датируется апрелем — началом июня 1927 г. Авторская дата завершения работы над автографом на первой странице в верхнем левом углу: «12 июня 1927 г. ст. Вешенская». Главы I-XXIII (деление на главы то же, что и в опубликованном тексте первой части романа).

<Л. 1>

Тихий Дон.

«Не сохами-то славная землюшка наша распахана.
Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная землюшка казацкими головами,
Украшен-то наш Тихий Дон молодыми вдовами,
Цветен наш батюшка Тихий Дон — сиротами,
Наполнена волна в Тихом Дону отцовскими, материнскими
слезами...»

«Ой ты, наш батюшка Тихой Дон!
Ой, что-же, ты, Тихой Дон мутнехонек течешь?
— Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит».
(Старинные казачьи песни)

<Л. 2>

12 июня 1927 г.
ст. Вешенская

Тихий Дон.

Часть первая.

I

Мелеховский двор — на самом краю хутора.

Воротца с скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисаженный спуск, между замшелых в прозелени меловых глыб и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, сырая изломистая кайма нацелованной волнами гальки и дальше, перекипающее под ветром вороненой рябью, стремя Дона. На восток —

за красноталом гуменных плетней — Гетманский шлях, полынная проседа, истоптанный конскими копытами бурый живущий придорожник, часовенка на развилке; за ней, задернутая текучим маревом, степь. С юга — меловая хребтина горы. На запад — улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу.

В последнюю турецкую компанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из туретчины привел он жену — маленькую закутанную в шаль женщину. Она прятала лицо редко показывая тоскующие одичалые глаза. Пахла шелковая шаль далекими неведомыми запахами, радужные узоры ее питали бабью зависть. Пленная турчанка сторонилась родных Прокофия и старик Мелехов вскоре отделил сына. В курень его не ходил до смерти не забывая обиды.

Прокофий обстроился скоро: плотники срубили курень, сам пригородил базы для скотины и к осени увел на новое хозяйство сгорбленную иноземку-жену.

Шел с ней за арбой с именем по хутору — высыпали на улицу все от мала — до велика. Казаки сдержанно посмеивались в бороды, голосисто перекликались бабы, орда немых казачат улюлюкала Прокофию вслед; но он распахнув чекмень шел медленно, как по пахатной борозде, сжимал в необъятной черной ладони хрупкую кисть жениной руки, непокорно нес белесочубатую голову, лишь под скулами у него пухли и катались жевлаки, да промеж каменных по всегдашней неподвижности бровей проступил пот.

С той поры редко видели его в хуторе, не бывал он и на майдане. Жил в своем курене, на отшибе, у Дона, бирюком. Гутарили про него по хутору чудное. Ребятишки, пасшие за прогоном телят, рассказывали будто видели они, как Прокофий вечерами, когда вянут зори, на руках носил жену до Татарского, ажник, кургана. Сжал ее там на макушке кургана, спиной к источенному столетиями ноздреватому камню, садился с ней||

<Л. 2 об.>

2.

рядом и так подолгу глядели они в степь. Глядели до тех пор, пока истухала заря, а потом Прокофий кутал жену в зипун и на руках относил домой.

Хутор терялся в догадках подыскивая объяснение таким диковинным поступкам, бабам за разговорами поискаться некогда было. Разно гутарили и о жене Прокофия: одни утверждали, что красоты она досель невиданной, другие — наоборот. Решилось все после того, как самая отчаянная из баб, жалмерка Мавра, сбегала к Прокофию будто-бы за свежей накваской. Прокофий полез за накваской в погреб, а за это время Мавра и разглядела, что турчанка попалась Прокофию последняя из никудышных...

Спустя время раскрасневшаяся Мавра, с платком съехавшим на бок, торочила на проулке бабьей толпе:

— И што, он, мілушки нашел в ней хорошева? Хуть-бы баба была, а то так... Ни ж..., ни пуза, одна страма. У нас девки глаже ее [выгуливаюцца] **выгуливаются**. В стану — перервать можно, как оса; глазюки — черные, здоровющие, стригеть ими, как сатана, прости бог. Должно на сносях дохаживает, ей-бо.

— На сносях? — дивились бабы.

— Кубыть не махонькая, сама трех вынянчила.

— А с лица как?

— С лица-та? Желтая. Глаза тусменные, небось не сладко на чужой сторо-нушке. А ишо, бабоньки, ходит-та она в ... Прокофьевых шароварах.

— Ну-у-у ?? — ахали бабы испуганно и дружно.

— Сама видала, в шароварах только без лампасин. Должно буднишные ево подцепила. Длинная на ней рубаха, а из под рубахи шаровары в чулки вобратые. Я как разглядела, так и захолонуло во мне...

Шепотом гутарили по хутору, что Прокофьева жена ведьмачит. Сноха Астаховых (жили Астаховы от хутора крайние к Прокофию), божилась будто на вто-рой день троицы перед светом видала, как Прокофьева жена, простоволосая и босая, доила на ихнем базу корову. С тех пор ссохлось у коровы вымя с детский кулачек, отбила от молока и вскоре издохла.

В тот год случился небывалый падеж скота. На стойле возле Дона каждый день пятнилась песчаная коса трупам коров и молодняка. Падеж перекинулся на лошадей. Таяли конские косяки гулявшие на станичном отводе. И вот тут-то прополз по проулкам и улицам черный слушок...

С хуторского схода пришли казаки к Прокофию.

Хозяин вышел на крыльцо кланаясь.

— Зачем добрым пожаловали, господа-старики?||

<Л. 3>

3.

Толпа подступая к крыльцу немо молчала. Один подвыпивший старик первый крикнул:

— Волоки нам свою ведьму! Суд наведем!..

Прокофий кинулся в дом, но в сенцах его догнали. Рослый батареец по улиш-ному прозвищу — Люшня, стукая Прокофия головой о стену уговаривал:

— Не шуми, не шуми нечево тут... Тебя не тронем, а бабу твою в землю вто-лочим. Лучше ее унистожить, чем всему хутору без скотины гибнуть. А ты не шуми, а то головой стену развалю!

— Тяни ее, суку, на баз!.. — гахнули у крыльца.

Полчанин Прокофия намотав на руку волосы турчанки, другой рукой зажимая рот ее распяленный в крике, бегом протащил ее через сени и кинул под ноги тол-пе. Тонкий вскрик просверлил рев голосов.

Прокофий раскидал шестерых казаков и вломившись в горницу сорвал со сте-ны шашку. Давя друг-друга казаки шарахнулись из сенцев. Пластая над головой мерцающий визг шашки Прокофий сбежал с крыльца. Толпа дрогнула и рассы-палась по двору.

У амбара Прокофий настиг тяжелого в беге батареяца Люшню и сзади, с ле-вого плеча наискось, развалил его до пояса. Казаки, ломавшие из плетня колья, сыпанули через гумно в степь.

Через полчаса осмелевшая толпа подступила к двору. Двое разведчиков по-жимаясь вошли в сенцы. На пороге кухни подплывшая кровью неловко запроки-нув голову лежала Прокофьева жена; в прорези мученически оскаленных зубов ворочался искусанный язык. Прокофий, с трясущейся головой и остановившимся

взглядом, кутал в овчинную шубу красно-слизистый попискивающий комочек — преждевременно родившегося ребенка.

Жена Прокофия умерла вечером этого-же дня. Недоношенного ребенка сжалившись взяла бабка, Прокофьева мать. Его обложили пареными отрубями, поили кобыльим молоком и через месяц, убедившись в том, что смуглый турковатый мальченок выживет, понесли в церковь, окрестили. Назвали по деду Пантелеем. Прокофий вернулся с каторги через двенадцать лет. Подстриженная рыжая с проседью борода и русская одежда делали его чужим, непохожим на казака. Он взял сына и стал на хозяйство.

Пантелей рос исчерна-смуглым, бедовым. Схож был на мать лицом и подбористой фигурой.

Женил его Прокофий на казачке — дочери соседа.

С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые||

<Л. 3 об.>

4.

диковато красивые казаки Мелеховы, а по улишному — турки.

Похоронив отца въелся Пантелей в хозяйство: заново покрыл дом, прирезал к усадьбе с полдесятины гулевой земли, выстроил новые сараи и амбар под жестью. Кровельщик по хозяйскому заказу вырезал из обрезков пару жестяных петухов, укрепил их на крыше амбара. Веселили они мелеховский баз беспечным своим видом придавая и ему вид самодовольный и зажиточный.

Под уклон сползавших годков закряхистел Пантелей Прокофьевич: раздался в ширину, чуть ссутулился, но все-же выглядел стариком складным. Был сух в кости, хром (в молодости на императорском смотре на скачках сломал левую ногу), носил в левом ухе серебряную полумесяцем серьгу, до старости не слиняла на нем вороной масти борода и волосы на голове, в гневе доходил до беспмятства и, как видно, этим раньше времени состарил свою когда-то красивую, а теперь сплошь опутанную паутиной морщин дородную жену.

Старший уже женатый сын его Петро напоминал мать: небольшой, курносый, в буйной повители пшеничного цвета волос, кареглазый; а младший Григорий в отца попер: на полголовы выше Петра, на [три года] шесть лет младше, такой-же, как у бати вислый коршунячий нос, в чуть косых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянутых коричневой румянеющей кожей. Так-же ссутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое.

Дуняшка — отцова слабость — длиннорукий большеглазый подросток, да Петрова жена Дарья с малым дитем, вот и вся мелеховская семья.

II.

Редкие в пепельном рассветном небе зыбились звезды. Из под тучи тянул ветер. Над Доном на дыбах ходил туман и пластаясь по откосу меловой горы сползал в яры серой бесголовой гадюкой.

Левобережное Обдонье, пески, енды, камышастая непролазь, лес в росе полыхали испуленным холодным заревом. За чертой не всходя томилось солнце. В мелеховском курене первый оторвался от сна Пантелей Прокофьевич. Застегивая на ходу ворот расшитой крестиками рубахи вышел на крыльцо. Затравевший двор выложен росным серебром.

Выпустил на проулок скотину. Дарья в исподнице пробежала доить коров. На икры белых босых ее ног||

<Л. 4>

молозивом брызгала роса, по траве через баз лег дымчатый примятый [*ее ногами*] след. Пантелей Прокофьевич поглядел, как прямится примятая Дарьиными ногами трава, пошел в горницу.

На подоконнике распахнутого окна мертвенно розовели лепестки отцветавшей в палисаднике вишни.

Григорий спал ничком кинув наотмашь руку.

— Гришка, рыбалить поедешь?

— Чево, ты? — шелотом спросил тот и свесил с кровати ноги.

— Поедем, посидим зорю.

Григорий посапливая стянул с подвески буднишные шаровары, вобрал их в белые шерстяные чулки и долго надевал чирик выправляя подвернувшийся задник.

— А приваду маманя варила? — сипло спросил он выходя за отцом в сенцы.

— Варила. Иди к баркасу, я зараз.

Старик ссыпал в кубышку распаренное пахучее жито, по хозяйски смел на ладонь упавшие зерна и припадая на левую ногу похромал к спуску. Григорий нахохлясь сидел в баркасе.

— Куда править?

— К Черному яру. Спробуем возля энтой карши, [*иде*] где надьсь сидели.

Баркас черканув кормою землю осел в воде, оторвался от берега. Стремя понесло его покачивая, норовя повернуть боком. Григорий не огребаясь правил веслом.

— Гребани, што-ль.

— А вот на середку вылупимся.

Пересекая быстрину баркас двинулся к левому берегу. От хутора догоняли их гулки на воде петушины переключки. Чертя бортом черный хрящеватый яр, лежавший над водой урубом, баркас причалил в котловине. Сажнях в пяти от берега виднелись из воды раскоряченные ветви затонувшего вяза. Вокруг него коловерть гоняла бурые комья пены.

— Разматывай, а я заприважу. — шепнул Григорию отец и сунул ладонь в парное зевло кубышки. Жито четко брызнуло по воде, словно кто вполголоса шепнул — «шик!»

Григорий нанизал на крючек взбухшие зерна, улыбнулся.

— Ловись, ловись рыбка большая и малая.

Леса, упавшая на воду кругами, вытянулась струной и снова ослабла. Григорий ногой придавил конец удилища, полез стараясь не шелохнуться за кисетом.

— Не будет, батя, дела... Месяц на ущербе.

— Серники захватил?

— Ага.

— Дай огню.

Старик закурил и поглядел на солнце, застрывшее||

<Л. 4 об.>

6.

по ту сторону карши.

— Сазан он разно берет. И на ущербе иной раз возьмется.

— Чутно мелочь насадку обсекает. — вздохнул Григорий.

Возле баркаса хлюпнув схлынула вода и двухаршинный, словно слитый из красной меди сазан с стоном прыгнул вверх сдвоив по воде изогнутым лопушистым хвостом. Зернистые брызги засеяли баркас.

— Теперя жди. — вытер Пантелей Прокофьевич рукавом мокрую бороду.

Сбочь затонувшего вяза, в рукастых оголенных ветвях одновременно выпрыгнули два сазана, третий, поменьше, ввинчиваясь в воздух, настойчиво, раз за разом бился над яром.

Григорий нетерпеливо жевал размокший конец самокрутки. Неяркое солнце стало в полдуба. Пантелей Прокофьевич израсходовал всю приваду и недовольно подобрав губы тупо глядел на недвижный конец удилища.

Григорий выплюнул остаток цыгарки, злобно проследил за стремительным его полетом. В душе он клал отцу чертей за то, что разбудил спозаранку, не дал выспаться. Во рту от выкуренного натошак табаку воняло припаленой щетиной. Нагнулся было зачерпнуть в пригоршню воды — в это время конец удилища, торчавший на поларшина от воды, слабо качнулся и медленно пополз книзу.

— Засекай! — выдохнул старик.

Григорий вострепнувшись потянул удилище, но конец стремительно зарылся в воду, удилище согнулось от руки обручем. Словно воротом огромная сила давила вниз тугое красноталовое удилище.

— Держи! — стонал старик отпихивая баркас от берега.

Григорий силился поднять удилище, его рвало с удесятеренной силой. Сухо чмокнув лопнула под корешок толстая леса. Григорий качнулся теряя равновесие.

— Ну, и бугай! — пришептывал Пантелей Прокофьевич не попадая жалом крючка в насадку. Взволнованно посмеиваясь Григорий навязал новую лесу, закинул.

Едва лишь грузило коснулось дна — конец погнуло.

— Вот он, дьявол!.. — хмыкнул Григорий, с трудом отрывая от дна метнувшуюся к стремю рыбу. Леса пронзительно брунжа зачертила воду, за ней косым зеленоватым полотном вставала вода. Пантелей Прокофьевич перебирал обрубковатыми пальцами держак черпала.

— Заверни его на воду! Держи, а то пилой рубанет!

— Небось!

Большой исжелта-красный сазан поднялся на поверхность, вспенил воду и утонул тупую лобастую голову опять шархнул в глубину.

— Давит аж рука занемела... Нет погоди!||

<Л. 5>

7.

— Держи, Гришка!

— Держу-у-у.

— Гляди под баркас не пушай!.. Гляди!

Переводя дух подвел Григорий к баркасу лежавшего на боку сазана. Старик сунулся было с черпалом, но сазан напрягая последние силы вновь ушел в глубину.

— Голову ему подымай! Нехай глотнет ветру, он посмирнеет.

Выводив Григорий снова подтянул к баркасу измученного сазана. Зевая широко раскрытым ртом он ткнулся носом в шершавый борт и стал переливая шевелящееся оранжевое золото плавников.

— Отвоевался! — крикнул Пантелей Прокофьевич вваливая его в черпало.

Посидели еще с полчаса. Стихал сазаний бой.

— Сматывай, Гришка. Должно последнего запрягли, ишо не дождемся.

Собрались. Григорий оттолкнулся от берега. Проехали половину пути. По лицу отца Григорий видел, что хочет он что-то сказать, но старик молча поглядывал на разметанные под горой дворы хутора.

— Ты, Григорий, вот што... — нерешительно начал он теребя завязки лежавшего под ногами мешка, — Примечаю, ты, никак, с Аксиньей Астаховой...

Григорий густо покраснел, отвернулся. Воротник рубахи врезаясь в мускулистую прижатую солнцегревом шею выдавил белую полоску.

— Ты, гляди, парень, — уже жестко и зло продолжал старик, — Я с тобой не так загутарю. Степан нам сосед и с его бабой не дозволю баловать. Тут дело может до греха выиграть, а я наперед упреждаю: примечу — запорю!

Пантелей Прокофьевич ссучил пальцы в узловатый кулак, жмуря выпуклые глаза глядел, как с лица сына сливала кровь.

— Наговоры. — глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу.

— Ты, помалкивай.

— Мало, што, люди гутарют...

— Цыц, сукин сын!

Григорий слег над веслом. Баркас заходил скачками. Завитушками заплясала люлюкающая за кормой вода.

До пристани молчали оба. Уже подъезжая к берегу отец напомнил:

— Гляди не забудь, а нет — с нонешнева дня прикрыть все игрища. Штоб с базу ни шагу. Так-то.

Смолчал Григорий. Примыкая баркас спросил

— Рыбу бабам отдать?

— Понеси купцам продай, — помягчел старик, — На табак разживешься.

Покусывая губы шел Григорий сзади отца. «Выкуси, батя, хоть стреноженный уйду ноне на игрища» — думал||

<Л. 5 об.>

8.

злобно обгрызая глазами крутой отцовский затылок.

Дома Григорий заботливо обмыл с сазаньей чешуи присохший песок и провдел сквозь жабры хворостинку.

У ворот напоролся на давнишнего друга-одногодка Митьку Коршунова. Идет Митька, играет концом наборного в серебре пояска. Из узеньких щелок желто масляты круглые с наглинкой глаза. Зрачки — кошачье длинные, оттого взгляд Митькин — текуч, неуловим.

— Куда с рыбой?

— Нонешняя добычь. Купцам несу.

— Моховым, што-ли?

— Им.

Митька наглазок взвесил сазана.

— Фунтов пятнадцать?

— С половиной. На безмене прикинул.

— Возьми с собой, [торговатца] торговаться буду.

— Пойдем.

— А магарыч?

— Сладимся, нечево в пустую брехать.

От обедни рассыпался по улицам народ. По дороге рядышком вышагивали три брата, по кличке Шамили. Старший, безрукий Алексей, шел в середине. Тугой ожерёлок мундира прямил ему жилистую шею, редкая курчавым клинышком бороденка задорно бочилась, левый глаз нервически подмаргивал. Давно, на стрельбище разорвало в руках у Алексея [в руках] винтовку, кусок затвора изуродовал щеку, с той поры глаз к делу и не к делу подмигивает, голубой шрам перепаживая щеку зарывается в кудели волос. Левую руку оторвало по локоть, но и одной крутит Алексей цыгарки искусно и без промаха: прижмет кисет к выпуклому заслону груди, зубами оторвет нужный клочек бумаги, согнет его желобком, нагребет табаку и неуловимо поведет пальцами скручивая. Не успеет человек оглянуться, а Алексей помаргивая уже жует готовую цыгарку и просит огоньку.

Хоть и безрукий, а первый в хуторе кулачник. И кулак не особенно, чтоб особенный, так с травянку величиной; а случилось как-то на пахате на быка осерчать, кнут затерялся, стукнул кулаком; лег бык на борозде, из ушей — кровь, на силу отлежался. Остальные братья — Мартын и Прохор — до мелочей схожи с Алексеем. Такие-же низкорослые, шириной в дуб, только рук у каждого по паре.

Григорий поздоровался с Шамилями, Митька прошел до хруста отвернув голову. На масленице в кулачной стенке не пожалел Алешка молодых митькиных зубов, махнул наотмашь и выплюнул Митька на сизый, изодранный коваными каблуками лед два коренных зуба.

Ровняясь с ними Алексей мигнул раз пять подряд.||

<Л. 6>

9.

— Продай чурбака.

— Купи.

— Почем просишь?

— Пару быков, да жену в придачу.

Алексей щерясь замахал обрубком руки.

— Чудак, ах, чудак!.. Ох-хо-ха, жену... А приплод возьмешь?

— Себе на завод оставь, а то Шамили [*переведутца*] **переведутся**. — зубо-скалил Григорий.

На площади у церковной ограды кучился народ. В толпе титор поднимая над головой стреноженного гуся выкрикивал:

— Полтинник. От-да-ли. Кто больше?

Гусь вертел шеей и презрительно жмурил бирюзинку глаза. В кругу рядом махал руками седенький, с крестами и медалями, завесившими грудь, старичек.

— Наш дед Гришака про турецкую войну брешет. — указал Митька глазами, — Пойдем послушаем?

— Покель будем слухать — сазан [*провоняетца*] **провоняется**, распухнет.

— Распухнет — весом прибавит, нам выгода.

На площади, за пожарным сараем, где с обломанными оглоблями [*рассыхались*] **рассыхаются** пожарные бочки, зеленеет крыша моховского дома. Шагая мимо сарая Григорий сплюнул и зажал нос. Из-за бочки застегивая шаровары — пряжка в зубах — вылезал старик.

— Приспичило? — съязвил Митька.

Старик управился с последней пуговицей и вынул изо рта пряжку.

— А тебе што?

— Носом навтыкать-бы надо! Бородой! Бородой! Штоб старуха за неделю не отбанила.

— Я тебе, стерва, навтыкаю! — обиделся старик.

Митька стал щуря кошачьи глаза, как от солнца.

— Ишь, ты, благородный какой.

— Сгинь, сукин сын! Што присучился? А то и ремнем!

Посмеиваясь Григорий подошел к крыльцу моховского дома. Перила в густой резьбе дикого винограда. На крыльце пятнистая ленивая тень.

— Во, Митрий, живут люди...

— Ручка и то золоченая, — Митька приоткрыл дверь на террасу и фыркнул, — Деда-бы энтова направить сюда...

— Кто там? — окликнули их с террасы.

Робяя Григорий пошел первый. Крашенные половицы мел сазаний хвост.

— Вам кого?

В плетеной качалке — девушка. В руке блюдо с [черешней] клубникой. Григорий молча глядел на розовое сердечко полных губ, обнимавших ягодку. Склонив голову девушка оглядывала их. Терпеливо покоилась в теплых губах ягодка.

На помощь Григорию выступил Митька. Он кашлянул.

— Рыбки не купите?||

<Л. 6 об.>

10.

Губы ее пропустив ягодку успели улыбнуться быстро, чуть приметно.

— Рыбы? Я сейчас скажу.

Она качнула кресло вставая, зашлепала вышитыми, одетыми на босые ноги, туфлями. Солнце просвечивало белое [ее] платье и Митька видел смутные очертания полных ног и широкое волнующееся кружево нижней юбки. Он дивился атласной белизне ее оголенных икр, лишь на круглых пятках кожа молочно желтела.

— Гля, Гришка, ну, и юбка... Как стекло, наскрозь все видать, — толкнул Митька вместо Григория сазана.

Девушка вышла из коридорных дверей, мягко присела на кресло.

— Пройдите на кухню.

Ступая на носках Григорий прошел в дом. Митька отставив ногу жмурился на белую нитку пробора, разделявшую волосы на ее голове на два золотистых полукруга. Она оглядела [Митьку] его озорными беспокойными глазами.

— Вы — здешний?

— Тутошний.

— Чей-же это?

— Коршунов.

— А звать вас как?

— Митрием.

Она внимательно осмотрела розовую чешую ногтей, быстрым движением подобрала ноги.

— Женат¹ [ты] вы? — спросила тепля затаенную улыбку.

— А што?

— Так просто, интересно.

— Нет холостой.

Митька внезапно покраснел, а она играя улыбкой и веточкой осыпавшейся на пол, тепличной [черешни] клубники спрашивала:

— Что-же, Митя, девушки вас любят?

— Какие любят, а какие и нет.

— Ска-жи-те... А отчего это у вас глаза, как у кота?

— У... кота? — в конец терялся Митька.

— Вот именно, кошачьи.

¹ Провка не завершена, надо «Женаты».

— Это от матери, должно... Я тут не при чем.

— А почему-же, Митя, вас не женят?

Митька оправился от минутного смущения и чувствуя в словах ее неуправляемую насмешку замерцал желтизной глаз.

— Женилка не выросла.

Она изумленно взметнула брови, вспыхнула и [*расхохоталась затаенным неискренним смехом*] **встала**.

[— *Наглец какой. — и встала.*]¹

В кухне дробились голоса: робкий — Григория, и густой, мазутный — кухарки.

Митька перебирая тусклое серебро казачьего пояска молчал².||

<Л. 7>

11.

— Кто из вас рыбу ловит? [— *спросила помолчав, избегая митькиных глаз*].

— Григорий, друзьяк мой.

— [*А, ты...*] [*а*]А, вы, рыбалите?

— Рыбалю и я, коль охота набредет.

— Удочками?

— И удочками рыбалим, по нашему — притугами.

— Мне-бы **тоже** хотелось порыбалить. — сказала она. [*собираясь уйти и не уходя.*] **помолчав**.

— Што-ж, поедем коль охота есть.

— Как-бы это устроить? Нет, серьезно?

— Вставать надо дюже рано.

— Я встану, только разбудить меня надо.

— Разбудить можно... А отец?

— Что — отец?

Митька замялся.

— Как-бы за вора не почел... Собаками ишо притравит.

— Глупости! Я сплю одна в угловой комнате, вот это окно, — указала она пальцем, — если придете за мной — постучите мне в окошко и я встану³.

С улицы по крыльцу шаги.

Ее коротенькая [*прощающая*] **таящая смех** улыбка жиганула Митьку крапивою.

¹ Текст «— Женат [*ты*] **вы**? — спросила тепля затаенную улыбку. ~ Она изумленно взметнула брови, вспыхнула и [*расхохоталась затаенным неискренним смехом*] **встала**. [— *Наглец какой. — и встала.*]» выделен по левому полю скобкой, возле которой синим карандашом проставлено: «№ 3».

² Текст «В кухне дробились голоса: робкий — Григория, и густой, мазутный — кухарки. Митька перебирая тусклое серебро казачьего пояска молчал» выделен по левому полю скобкой, возле которой синим карандашом проставлено: «№ 2».

³ Текст «Кто из вас рыбу ловит ~ Глупости! Я сплю одна в угловой комнате, вот это окно, — указала она пальцем, — если придете за мной — постучите мне в окошко и я встану» выделен по левому полю скобкой, возле которой проставлено: «№1». Обозначенная последовательность фрагментов реализована в печатном тексте произведения.

Сам хозяин, Сергей Платонович Мохов, мягко шаркая шевровыми просторными ботинками, с достоинством пронес мимо посторонившегося Митьки свое полнеющее тело.

— Ко мне? — спросил пройдя и не поворачивая головы.

— Это, папа, рыбу принесли.

Вышел с порожними руками Григорий.

III.

Григорий пришел с игрищ после первых кочетов. Из сенцев пахнуло на него запахом перекисших хмелин и прянной сухменью богородицыной травки.

На ципочках прошел в горницу, разделся, бережно повесил праздничные с лампасами шаровары, перекрестился и лег. На полу, перерезанная крестом оконного переплета, золотая дрема лунного света. В углу под расшитыми полотенцами тусклый глянец посеребренных икон, над кроватью на подвеске тягучий гуд потревоженных мух.

Задремал было, но в кухне заплакал братнин ребенок. Немазанной арбой закрипела люлька. Дарья сонным голосом бормотнула:

— Цыц, ты, поганое дите! Ни сну тебе, ни покою. — Запела тихонько:

«Колода-дуда,
Иде-ж, ты была?
Коней стерегла.
Чево выстерегла?
Коня с седлом,
С золотым махром...»||

<Л. 7 об.>

12.

Григорий, засыпая под мерный баюкающий скрип, вспомнил: «А ведь завтра Петру в лагери выходить. Останется Дашка с дитём... Косить, должно, без него будем». — зарылся головой в горячую подушку, в уши назойливо сочится:

«А иде-ж твой конь?
За ворóтами стоит.
А иде-ж ворота?
Вода унесла.»

Встряхнуло Григория залиvistое конское ржанье. По голосу угадал Петрова строевого коня.

Обессилевшими со сна пальцами долго застегивал рубаху, опять почти уснул под текучую зыбь песни.

«А иде-ж гуси?
В камыш ушли.
А иде-ж камыш?
Девки выжали.
А иде-ж девки?»

Девки замуж ушли.
А иде-ж казаки?
На войну пошли...»

Разбитый сном добрался Григорий до конюшни и вывел коня на проулок. Щекотнула лицо налетевшая паутинка и неожиданно пропал сон.

По Дону наискось волнистый, никем неезженный, лунный шлях. Над Доном туман, а вверху звездное просо.

Конь сзади сторожко [*переставлял*] **переставляет** ноги. К воде спуск дурной. На той стороне утиный крик, возле берега в тине взвернул и бухнул по воде омахом [*охотившийся*] **охотящийся** на мелочь сом.

Григорий долго стоял у воды. Прелью сырой и пресной дышал берег. С конских губ ронялась дробная капель. На сердце у Григория легкая сладостная пустота. Хорошо и бездумно.

Возвращаясь глянул на восход, там уж рассосалась синяя полутьма. На сизом пологе неба доклевывал краснохвостый рассвет звездное просо.

Возле конюшни столкнулся с матерью.

— Это, ты, Гришка?

— А то кто-ж.

— Коня поил?

— Поил. — нехотя отвечает Григорий.

Откинувшись назад несет мать в завеске на затоп кизеки, трюпает старчески дряблыми босыми ногами.

— Сходил-ба Астаховых побудил. Степан с нашим сбирался.

Прохлада вкладывает в Григория тугую дрожашую пружину. Тело в колючках мурашек. Через три порожка взбегаёт к Астаховым на гулкое крыльцо. Дверь не заперта. В кухне на разостланной полсти спит||

<Л. 8>

13.

Степан, под мышкой у него голова жены.

В поредевшей темноте Григорий видит сбитую выше колен Аксиньину рубаху, березово белые, бесстыдно раскинутые ноги. Он секунду смотрит чувствуя, как сохнет во рту и в чугунном звоне пухнет голова.

Воровато повел глазами. Зачужавшим голосом хрипло:

— Эй, кто тут есть? Вставайте.

Аксинья всхлипнула со сна.

— Ой, кто-такое? Ктой-та?.. — суетливо зашарила, забила в ногах голая ее рука натягивая рубаху. Осталось на подушке пятнышко уроненой во сне слюны; крепок заревой бабий сон.

— Это я. Мать послала побудить вас...

— Мы зараз... Тут у нас не влезешь... От блох на полу спим. Степан, вставай, слышишь?

По голосу Григорий догадывается, что ей неловко и спешит уйти.

От хутора в майские лагеря уходили человек 30 казаков. Место сбора — плац. Часам к семи к плацу потянулись повозки с брезентовыми будками, пешие и конные казаки в майских парусиных рубахах, в снаряжении.

Петро на крыльце наспех сшивал треснувший чумбур. Пантелей Прокофьевич похаживал возле Петрова коня, подсыпал в корыто овес, изредка покрикивал:

— Дуняшка, сухари зашила? А сало пересыпала солью?

Вся [В] в румянном цвету Дуняшка ласточкой чертила баз от стряпки к куреню, на окрики отца смеясь отмахивалась:

— Вы, батя, свое дело управляйте, а я братушке так уложу, што до Черкасско-ва не [ворохнетца] **ворохнется**.

— Не поел? — осведомился Петро слюнявя дратву и кивая на коня.

— Жует. — степенно отвечал отец, шершавой ладонью проверяя потники. Малое дело — крошка или былка прилипнет к потнику, а за один переход в кровь потрет спину коню.

— Доисть гнедой — напоите ево, батя.

— Гришка к Дону сводит. Эй, Григорий, веди коня.

Высокий поджарый донец с белой на лбу вывездью пошел играючись [ношел]. Григорий вывел его за калитку, чуть тронув левой рукой холку вскочил на него и с места машистой рысью. У спуска хотел придержать, но конь сбился с ноги, зачистил и пошел под гору наметом. Откинувшись назад, почти лежа на спине коня, Григорий увидел спускавшуюся под гору женщину с ведрами. Свернул со стежки и обгоняя взбаламученную пыль врзался в воду.

С горы покачиваясь сходила Аксинья, еще издали голосисто крикнула: ||

<Л. 8 об.>

14.

— Чертяка бешенный! Чудок конем не стоптал! Вот погоди, я скажу отцу, как ты ездись.

— Но-но, соседка, не ругайся. Проводишь мужа в лагеря, может и я в хозяйстве сгожусь.

— Как-то ни черт, нужён, ты, мне!

— [Зачнетца] **Зачнется** покос ишо попросишь. — смеялся Григорий.

Аксинья с подмостей ловко зачерпнула на коромысле ведро воды и зажимая промеж колен надутую ветром юбку глянула на Григория.

— Што-ж, Степан твой собрался?

— А тебе чево?

— Какая, ты... Спросить што-ль нельзя?

— Ну, собрался, потом чево?

— Остаешься, стал-быть, жалмеркой?

— Стал-быть так.

Конь оторвал от воды губы, со скрипом пожевал стекавшую воду и глядя на ту сторону Дона стукнул по воде передней ногой. Аксинья зачерпнула другое ведро, перекинув через плечо коромысло легкой раскачкой пошла на гору. Григорий тронул коня следом. Ветер трепал на Аксинье юбку, перебирал на смуглой шее мелкие пушистые завитки [волос]. На затылке, на тяжелом узле волос пла-

менела расшитая цветным шелком шлычка, розовая рубаха, вобратая в юбку не морщинясь охватывала крутую ее спину и налитые плечи. Поднимаясь в гору она клонилась вперед, ясно вылегала под рубахой продольная ложбинка на спине. Григорий видел бурые круги, слинявшей под мышками от пота рубахи, провожал глазами каждое ее движение. Ему хотелось снова заговорить с ней.

— Небось будешь скучать по мужу? А?

Аксинья на ходу повернула голову, улыбнулась.

— А то как-же. Ты, вот, женись, — переводя дух она говорила прерывисто, — женись, а посла узнаешь, скучают ай нет по дружечке.

Толкнув коня, ровняясь с ней Григорий заглянул ей в глаза.

— А ить иные бабы ажник рады, как мужей проводят.

Наша Дарья без Петра толстеть зачинает.

Аксинья двигая ноздрями резко дышала, поправляя волосы сказала:

— Муж он не уж, а тянет кровя. Тебя-то скоро обженим?

— Не знаю, как батя. Должно посла службы.

— Молодой ишо, не женись.

— А што?

— Сухота одна. — глянула она исподлобья, не разжимая губ скупно улыбнулась. И тут в первый раз заметил Григорий, что губы у нее бесстыдно-жадные, пухловатые. Он разбирая гриву на прядки сказал:

— Охоты нету [*женитца*] **жениться**. Какая-нибудь и так полюбит.

— Ай приметил?

— Чево мне примечать... Ты вот проводишь Степана...||

<Л. 9>

15.

— Ты со мной не заигрывай!

— Ушибешь?

— Степану скажу словцо...

— Я твое Степана...

— Гляди, храбрый, слеза капнет.

— Не пужай, Аксинья!

— Я не пужаю. Твое дело с девками. Пушай утирки тебе вышивают, а на меня не заглядывайся.

— Нарошно буду глядеть.

— Ну, и гляди. — Аксинья примиряюще улыбнулась и сошла со стежки норовя обойти коня. Григорий повернул его боком загородив дорогу.

— Пусти, Гришка!

— Не пушу.

— Не дури, мне надо мужа собирать.

Григорий улыбаясь горячил коня, тот переступая теснил Аксинью к яру.

— Пусти, дьявол, вон люди. Увидют, што подумают? — она метнула по стононам испуганным взглядом и прошла хмурясь и не оглядываясь.

На крыльце Петро прощался с родными. Григорий заседлал коня. Придерживая шашку Петро торопливо сбежал по порожкам, взял из рук Григория поводья.

Конь, чуя дорогу, беспокойно переступал, пенил гоня во рту мундштуки. Поймав ногой стремя, держась за луку Петро говорил отцу:

— Лысых работой не нури, батя. Заосеняет — продадим. Григорию коня ить справлять. А степную траву гляди не продавай, в лугу ноне, сам знаешь, какие сена будут.

— Ну, с богом. Час добрый. — проговорил старик крестясь.

Петро привычным движением вкинул в седло свое сбитое тело, поправил сзади складки рубахи стянутые поясом. Конь пошел к воротам. На солнце тускло блеснула головка шашки, подрагивавшая в такт шагам.

Дарья с ребенком на руках пошла следом. Мать, вытирая рукавом глаза и углом завески покрасневший нос, стояла посреди база.

— Братушка, пирожки! Пирожки забыл!.. Пирожки с картошкой!.. — Дуняшка козой скакнула к воротам.

— Чево орешь, дура! — досадливо крикнул на нее Григорий.

— Остались пирожки-и-и. — прислонясь к калитке стонала Дуняшка и на измазанные горячие щеки, а со щек на буднишнюю кофтенку — слезы.

Дарья из-под ладони следила за белой, занавешенной пылью рубахой мужа. Пантелей Прокофьевич, качая подгнивший столб у ворот, глянул на Григория.

— Ворота возьми поправь, да стоянок на углу врой, — подумав добавил, как новость сообщил: — Уехал Петро.

Через плетень Григорий видел, как собирался Степан. Принаряженная в зеленую шерстяную||

<Л. 9 об.>

16.

юбку Аксинья подвела ему коня. Степан улыбаясь что-то говорил ей. Он не спеша, по хозяйски поцеловал жену и долго не снимал руку с ее плеча. Сожженная загаром и работой рука угольно чернела на белой аксиньиной кофточке. Степан стоял к Григорию спиной, через плетень было видно его тугую красиво подбритую шею, широкие, немного вислые плечи и — когда наклонялся к жене — закрученный кончик русого уса. Аксинья чему-то смеялась и отрицательно качала головой.

Рослый вороной конь качнулся подняв на стремя седока. Степан поехал из ворот торопким шагом, сидел в седле, как врытый, а Аксинья шла рядом, держась за стремя и снизу вверх, любовно и жадно, по собачьи заглядывала ему в глаза.

Так миновали они соседний курень и скрылись за поворотом.

Григорий провожал их долгим неморгающим взглядом.

IV.

К вечеру собралась гроза.

Над хутором стала бурая туча. Дон взлохмаченный ветром кидал на берега гребнистые частые волны. За ливадами палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром. Под тучей раскрылатившись колесил коршун, его с

криком преследовали вороны. Туча дыша холодком шла вдоль по Дону, с запада. За займищем грозно чернело небо, степь выжидающе молчала.

По хутору хлопали закрываемые ставни, от вечерни спешили крестясь старухи, на плацу колыхался серый столбище пыли и [на] отягощенную вешней жарю землю [падали] уже засевали первые [горошины] зерна дождя.

Дуняшка болтая косичками прожгла по базу, захлопнула дверцу курятника и стала посреди база раздувая ноздри, как лошадь перед препятствием. На улице взбрыкивали ребятишки. Соседский восьмилеток Мишка вертелся приседая на одной ноге, — на голове у него закрывая глаза кружился непомерно просторный отцовский картуз, — и пронзительно верещал:

«Дождюк, дождюк припусти.
Мы поедем во кусты.
Богу молитца
Христу поклонитца».

Дуняшка завистливо глядела на босые, густо усыпанные ципками, мишкины ноги, ожесточенно топтавшие землю. Ей тоже хотелось приплясывать под дождем и мочить голову, чтоб волос рос густой и курчавый; хотелось вот так-же, как мишкиному товарищу укрепиться на придорожной пыли вверх ногами, с риском||

<Л. 10>

свалиться в колючки, но в окно глядела мать сердито шлепая губами. Вздохнув Дуняшка побежала в курень. Дождь спустился ядреный и частый. Над самой крышей лопнул гром, осколки покатались за Дон.

В сенях отец и потный Гришка тянули из бокоуши скатанный бредень.

— Ниток суровых и иглу-цыганку, шибко! — крикнул Дуняшке Григорий.

В кухне зажгли огонь. Зашивать бредень села Дарья.

Старуха, укачивая дитя бурчала:

— Ты, старый, сроду на выдумки. Спать ложились-ба, гас все дорожает, а ты жгешь. Какая теперича ловля? Куды вас чума понесет? Ишо перетопнете, там ить на базу — страсть господня. Ишь, ишь, как полыхает. Господи Иисусе Христе, царица небес...

В кухне на секунду стало ослепительно синё и тихо, слышно было, как ставни царапал дождь, следом ахнул гром. Дуняшка пискнула и ничком ткнулась в бредень. Дарья мелкими крестиками обмахивала окна и двери.

Старуха страшными глазами глядела на ластившуюся у ног ее кошку.

— Дунья! Го-о-ни, ты, ее прок... царица небесная, прости меня грешницу... Дунья, кошку выкинь на баз! Брысь, ты, нечистая сила! Штоб, ты...

Григорий уронив камол бредня трясся в беззвучном хохоте.

— Ну, чево, вы, вскагакались? Цыцте! — прикрикнул Пантелей Прокофьевич, — Бабы, живо зашивайте! Надьсь ишо говорил, оглядите бредень.

— И какая теперя рыба. — заикнулась было старуха.

17.

— Не разумеешь — молчи! Самое стерлядей на косе возьмем. Рыба к берегу зараз идет, боится бурю. Вода небось уж мутная пошла. Ну, ка выбеги, Дуняшка, послухай играет ерик?

Дуняшка нехотя, бочком подвинулась к дверям.

— Кто-ж бродить пойдет? Дарье нельзи, может груди застудить. — не унималась старуха.

— Мы с Гришкой, а с другим бреднем — Аксинью покличем, ково-нибуде ишо из баб.

Запахавшись вбежала Дуняшка. На ресницах ее [*перламутром*] подрагивая висели дождевые капельки. Пахнуло от нее отсыревшим черноземом.

— Ерик гудет ажник страшно!

— Пойдешь с нами бродить?

— А ишо кто пойдет?

— Баб покличем.

— Пойду!

Ну, накинь зипун и скачи к Аксинье. Ежли пойдет пушай покличет Малашку Фролову.

— Энта не замерзнет, — улыбнулся Григорий, — на ней жиру, как на добром борове.||

<Л. 10 об.>

18.

— Ты-ба сенца сухова взял, Гришунька, — советовала мать, — под сердце положишь, а то нутре застудишь.

— Григорий, мотай за сеном. Старуха верное слово сказала.

Вскоре привела Дуняшка баб. Аксинья в рватой, подпоясанной веревкой кофтенке и в синей исподней юбке выглядела меньше ростом, худее. Она пересмеиваясь с Дарьей сняла с головы платок, потуже закрутила в узел волосы и покрываясь, откинув голову холодно оглядела Григория. Толстая Малашка подвязывала у порога чулки, хрипела простужено:

— Мешки взяли? Истинный бог, мы ноне шатанем рыбы!

Вышли на баз. На размякшую землю густо лил дождь, пенил лужи, потоками сползал к Дону.

Григорий шел передом. Подмывало его беспричинное веселье.

— Гляди, батя, тут канава.

— Эка темень-то!

— Держись, Аксютка, при мне, вместе будем в тюрьме. — хрипло хохочет Малашка.

— Гляди, Григорий, никак майданиковых пристань?

— Она и есть.

— Отсель... зачинать... — осиливая хлобыстающий ветер шумит Пантелей Прокофьевич.

— Не слышно, дяденка. — хрипит Малашка.

— Забродí, с богом... Я от глúби. От глúби, говорю... Малашка, дьявол, глухой, куда тянешь? Я пойду от глúби... Григорий! Гришка!.. Акси́нья пушай от берега. У Дона стонущий рев. Ветер на ключья рвет косое полотнище дождя.

Ошупывая ногами дно Григорий по пояс окунулся в воду. Липкий холод дополз до груди, обручем стянул сердце. В лицо, в накрепко зажмуренные глаза словно кнутом стегает волна. Бредень надувается шаром, тянет в глúбь. Обутые в шерстяные чулки ноги Григория скользят по песчаному дну. Камол рвется из рук. Глубже, глубже... Уступ. Срываются ноги. Течение напористо несет к середине, всасывает. Григорий правой рукой с силой огребается к берегу. Черная, колышущаяся глубина пугает его, как никогда. Нога радостно наступает на зыбкое дно. В колено стучается какая-то рыба.

— Обходи глúбе! Тина! — откуда-то из вязкой черни голос отца.

Бредень накренившись опять ползет в глубину, опять течение рвет из-под ног землю и Григорий задирая голову плывет, отплеывается.

— Акси́нья, жива?

— Жива покедова.

— Никак перестает дождик?

— Маленький перестает, зараз большой [*тронетца*] тронется.||

<Л. 11>

19.

— Ты, потихоньку. Отец услышит — [*ругатца*] ругаться будет.

— Испужался отца, а тоже...

С минуту тянут молча. Вода, как липкое тесто, вяжет каждое движение.

— Гриша, у берега, кубыть, карша. Надоть обвествь.

Страшный толчек далеко отшвыривает Григория. Грохочущий всплеск, будто с яра рухнула в воду глыбища породы.

— Аааа! — где-то у берега визжит Акси́нья.

Перепуганный Григорий вынырнув плывет на крик.

— Акси́нья!

Ветер и текучий шум воды.

— Акси́нья! — холодея от страха кричит Григорий.

— Э-гей!.. Гри-го-ри-и-ий!.. — издалека, приглушенный отцов голос.

Григорий кидает взмахи. Что-то вязкое под ногами, схватил рукой — бредень.

— Гриша, ты, [*иде*] где?.. — плачущий акси́нын голос.

— Чево-ж не откликалась-та? — сердито орет Григорий, на четвереньках выбираясь на берег.

Присев на корточки, дрожа разбирают спутанный комом бредень. Из прорехи разорванной тучи вылупливается месяц. За займищем сдержанно поговаривает гром. Лоснится земля непитанной влагой. Небо, выстиранное дождем, строго и ясно.

Распутывая бредень Григорий всматривается в Акси́нью. Лицо ее мелово бледно, но красные, чуть вывернутые губы уже смеются.

— Как оно меня шибанет на берег, — переводя дух рассказывает она, — от ума отошла. Спужалась до смерти. Я думала ты утоп.

Руки их сталкиваются. Аксинья пробует просунуть свою руку в рукав его рубахи.

— Как у тебя тепло-та [*за рукавом*] **в рукаве**, — жалобно говорит она, — а я замерзла. Колики по телу пошли.

— Вот он, проклятуший сомяка, [*иде*] где саданул!

Григорий раздвигает на середине бредня дыру аршина полтора в поперечнике.

От косы кто-то бежит. Григорий угадывает Дуняшку. Еще издали кричит ей.

— Нитки у тебя?

— Туточка.

— Дуняшка запыхавшись подбегает.

— Вы чево-ж тут сидите? Батянька прислал, штоб скорей шли к косе. Мы там мешок стерлядей наловили. — в голосе Дуняшки нескрываемое торжество.

Аксинья лязгая зубами зашивает дыру в бредне. Рысью, что-бы согреться, бегут на косу.

Пантелей Прокофьевич крутит цыгарку рубчатыми от воды и пухлыми, как у утопленника пальцами; приплясывая хвалится:|

<Л. 11 об.>

20.

— Раз забрели — восемь штук, а в другой раз... — он делает передышку, закуривает и молча показывает ногой на мешок. Аксинья с любопытством заглядывает. В мешке скрежещущий треск: трется живая еще стерлядь.

— А вы чево-ж отбились?

— Сом бредень просадила.

— Зашили?

— Кое-как ячейки посцепляли...

— Ну, дойдем до колена и домой. Забретай, Гришка, чево-ж взноровился?

Григорий переступает одеревеневшими ногами. Аксинья дрожит так, что дрожь ее ощущает Григорий через бредень.

— Не трясись!

— И рада-б, да дух не переведу.

— Давай вот што... Давай вылазить. Будь она проклята рыба эта.

Крупный сазан бьет через бредень золоченым штопором. Учащая шаг Григорий загинает бредень, Аксинья согнувшись выбегает на берег. По песку шуршит схлынувшая назад вода, трепещет рыба.

— Через займище пойдем?

— Лесом ближе. Эй, вы, там скоро?

— Идите, догоним. Бредень вот полоскаем.

Аксинья морщась выжала юбку, подхватила на плечо мешок с уловом и почти рысью пошла по косе. Григорий нес бредень. Прошли сажень сто. Аксинья заохала.

— Моченьки моей нету! Ноги с пару сошлись.

— Вот прошлогодняя копна, может погреешься?

— И то. Покеда до дому дотянешь — помереть можно.

Григорий свернул на бок шапку копны, вырыл яму. Слежалое сено ударило горячим запахом прели.

— Лезь в середку. Тут, как на печке.

Аксинья кинув бредень, по шею зарылась в сено.

— То-то благодать!

Подрагивая от холода Григорий прилег рядом. От мокрых аксиньиных волос тек нежный волнующий запах. Она лежала запрокинув голову, мерно дыша полуоткрытым ртом.

— Волосы у тебя дурнопахнущим пахнут. Знаешь, этак цветком белым... — шепнул наклоняясь Григорий.

Она промолчала. Туманен и далек был взгляд ее устремленный на ущерб лосистого месяца.

Григорий выпростав из кармана руку внезапно притянул ее голову к себе. Она резко рванулась, привстала.

— Пусти!

— Помалкивай.

— Пусти, а то зашумлю!..

— Погоди... Аксинья...

— Дядя Пантелей!..||

<Л. 12>

21.

— Ай заблудилась? — совсем близко, из зарослей боярышника отозвался Пантелей Прокофьевич. Григорий сомкнув зубы прыгнул с копны.

— Ты, чево шумишь. Ай заблудились? — подходя переспросил старик. Аксинья стояла возле копны поправляя сбитый на затылок платок, над нею дымился пар,

— [*Заблудитца*] Заблудится-то нет, а вот было-к замерзнула.

— Тю, баба, а вот, гля, копна. Посогрейся.

Аксинья улыбнулась нагнувшись за бреднем.

V.

До хутора Сетракова — места лагерного сбора — 60 верст. Петро Мелехов и Астахов Степан ехали на одной бричке. С ними еще трое казаков-хуторян: Федот Бодовсков молодой, калмыковатый и рябой казак, [*шел он в лагери перед*] второчередник лейб-гвардии Атаманского полка Христан Токин, по прозвищу Христоня, и батареец Томилин Иван.

В бричку после первой-же кормёжки запрягли двухвершкового христининоного коня и вороного Степана Астахова. Остальные три лошади оседланные шли сзади. Правил здоровенный и дурковатый, как все атаманцы, Христоня. Колесом согнув спину сидел он впереди, заслонял в будку свет, пугал лошадей гулким октавистым басом. В бричке, обтянутой новеньким брезентом, лежали покуривая Петро Мелехов, Степан и батарец Томилин, Федот Бодовсков шел сзади; видно не в тягость было ему втыкать в пыльную дорогу кривые свои калмыцкие ноги.

Христонина бричка шла головной. Сзади тянулись еще семь или восемь запряжек с привязанными оседланными и неоседланными лошадьми.

[*Вихрился*] **Вихрились** над дорогой хохот, крики, тягучие песни, конское порсканье, перезвяк порожних стремян.

У Петра в головах сухарный мешок. Лежит Петро и крутит желтый длинный ус.

— Степан.

— А?

— ...на! Давай служивскую заиграем.

— Жарко дюже. Сохлось все.

— Кабаков нету на ближних хуторах, не жди.

— Ну, заводи. Да, ты, ить не мастак. Эх, Гришка ваш дишканит! Потянет, чисто — нитка серебряная, а не голос. Мы с ним на игришшах драли.

Степан откидывает голову, прокашлявшись заводит низким звучным голосом:

«— Эх, ты, зоренька-зарница,
Рано на небе взшла...||

<Л. 12 об.>

22.

Томилин по бабьи прикладывает к щеке ладонь, подхватывает тонким, стенивающим [*голоском*] подголоском. Улыбаясь, заправив в рот усину смотрит Петро, как у грудастого батарейца синеют от усилия узелки жил на висках.

«— Молодая — вот она — бабёнка
Поздно поводу пошла...»

Степан лежит к Христоне головой[,], [*Л*]поворачивается опираясь на руку, тугая красивая шея розовеет.

— Христоня, подмоги!

«— А мальчишка он догадался,
Стал коня свово седлать...»

Степан переводит на Петра улыбающийся взгляд выпученных глаз и Петро вытянув изо рта усину присоединяет голос. Христоня разинув непомерную, задохматевшую щетиной пасть ревет сотрясая брезентовую крышу будки:

«— Оседлал коня гнедова,
Стал бабенку догонять...»

Христоня кладет на ребро брички аршинную босую ступню ноги, ожидает пока Степан начнет вновь. Тот закрыв глаза, — потное лицо в тени, — ласково ведет песню, то снижая голос до шепота, то вскидывая до металлического звона.

«— Ты позвол-позволь бабенка
Коня в речке напонть...»

И снова колокольным набатным гудом давит Христоня голоса.

Вливаются в песню голоса и с соседних бричек. Поцокивают колеса на железных ходах, чихают от пыли кони, тягучая и сильная, полой водой, течет над дорогой песня. От высыхающей степной музги, из горелой коричневой куги взлетывает белокрылый чибис. Он с криком летит в лощину и поворачивая голову смотрит изумрудным глазком на цепь повозок, обтянутых белым, на лошадей, кудрявящих смачную пыль копытами; на людей, в белых просмоленных пылью рубахах, шагающих сбочь дороги. Чибис падает в лощине, черной грудью ударяет в подсыхающую, примятую зверем траву, и не видит, что творится на дороге. А по дороге так-же громыхают брички, так-же нехотя переступают запотевшие под седлами кони, лишь казаки в серых рубахах быстро перебегают от своих бричек к передней, грудятся вокруг нее, стонут в хохоте. Степан во весь рост стоит на бричке, одной рукой держится за брезентовый верх будки,||

<Л. 13>

23.

другой коротко взмахивает, сыпет мельчайшей, подмывающей скороговоркой:

«— Не садися возле меня,
Не садися возле меня.
Люди скажут,
Любишь меня,
Любишь меня,
Ходишь ко мне,
Любишь меня,
Ходишь ко мне.
А я роду не простова...»

Десятки грубых голосов хватают на лету, ухают, стелят на придорожную пыль:

«— А я роду не простова.
Не простова, —
Воровскова.
Воровскова —
Не простова.
Люблю сына князевскова...

Федот Бодовсков свищет, приседая рвутся из постромок кони, Петро высовываясь из будки смеется и махает фуражкой, Степан сверкая ослепительной усмешкой озорно поводит плечами; а по дороге бугром движется пыль: Христоня в распясаной длиннущей рубахе, патлатый, мокрый от пота ходит в присядку, кружится маховым колесом, хмурясь и стоная делает казачка и на сером шелковье пыли остаются чудовищные разлапистые следы босых его ног.

VI.

Возле лобастого, с желтой песчаной лысиной, кургана остановились ночевать. С запада шла туча. С черного ее крыла сочился редкий дождь. Поили коней в пруду. Над плотиной горбатились под ветром унылые вербы. В воде, покрытой

застойной зеленью и чешуей убогих волн, отражаясь коверкалась молния. Ветер скупно крошил дождевые капли, будто милостыню сыпал на черные ладони земли.

Стреноженных лошадей пустили на попас назначив в караул трех человек. Остальные разводили огни, вешали котлы на дышла бричек.

Христоня кашеварил. Помешивая ложкой в котле рассказывал сидевшим вокруг казакам:

— ...Курган, стал-быть, високий, навроде этова. Я и говорю покойничку-бате: «А, што, атаман не забастует нас за то, што без всякова, стал-быть, дозволенья зачнем курган потрошить?»

— Об чем он тут брешет? — спросил вернувшийся от лошадей Степан.||

<Л. 13 об.>

24.

— Рассказываю, как мы с покойничком-батей, царство небесное старику, клад искали.

— [Иде] Где-ж, вы ево искали?

— Это, браток, аж за фетисовой балкой. Да, ты, знаешь, Меркулов курган.

— Ну-ну. — Степан присел на корточки, положил на ладонь головешку. Плямя губами долго прикуривал, катал по ладони уголек.

— Ну, вот. Стал-быть батя говорит: «Давай, Христан, раскопаем Меркулов курган». От деда слышал он, што в нем зарытый клад. А клад, стал-быть, не каждому в руки [даецца] дается. Батя сулил богу, отдашь, мол, клад — церкву прекрасную выстрою. Вот мы порешили и поехали туда. Земля станишная, сумнение от атамана могло только быть. Приезжаем к ночи. Дождались покель [смеркнетца] смеркнется, кобылу, стал-быть, стреножили, а сами с лопатами залезли на макушку. Зачали бузовать прямо с темячка. Вырыли яму аршина в два, земля — чисто каменная, захрясла от давности. Взмок я. Батя все молитвы шепчет, а у меня, братцы, верите, до тово в животе бурчит... В летнюю пору, стал-быть, харч вам звестный, кислое молоко ды квас... Перехватит поперек живот, смерть в глазах и все! Батя-покойничек, царство ему небесное и говорит: «Фу, — говорит — Христан, и поганец, ты! Я молитвы прочитываю, а ты не могешь пищу сдёрживать, дыхнуть, стал-быть, нечем. Иди, — говорит, — слазь с кургана под такую мать, а то я тебе голову лопатой срублю. Через тебя, поганца, клад может в землю уйтить!» Я лег под курганом и страдаю животом, взяло на колотье, а батя-покойничек, — здоровый был чертяка! — копает один. И дорылся он до каменной плиты. Кличет меня. Я, стал-быть, подовздел ломом, поднял этуя плиту... Верите, братцы, ночь месяшная была, а под плитой так и блестит...

— Ну, и брешешь, ты, Христоня! — не вытерпел Петро улыбаясь и дергая ус.

— Чево брешешь? Пошел ты к тетери-ятери, к ядерной матери! — Христоня подсмыкнул широченные шаровары и оглядел слушателей. — Нет, стал-быть, не брешу! Истинный бог — правда!

— К берегу-то прибивайся!

— Так, братцы, и блеснит. Я — глядь, а это, стал-быть, сожгонный уголь. Там ево было мер сорок. Батя и говорит: «Лезь, Христан, выгребай ево». Полез. Кидал, кидал этую страму, до самово света хватило.||

<Л. 14>

25.

Утром, стал быть, глядь, а он — вот он.

— Кто? — поинтересовался лежавший на попоне Томилин.

— Да атаман, кто-же. Едет в пролетке. «Кто дозволил, такие-сякие?» Молчим. Он нас, стал-быть, сгрел и в станицу. Позапрошлый год в Каменскую на суд вызывали, а батя догадался, успел помереть. Отписали бумагой, што в живых ево нету.

Христоня снял котел с дымившейся кашей, пошел к повозке за ложками.

— Што-ж отец-то? Сулил церкву построить, да так и не построил? — спросил Степан дождавшись пока Христоня вернулся с ложками.

— Дурак, ты, Степа, што-ж он за уголья, стал-быть, строил-ба?

— Раз сулил — значица должён.

— Вщет угольев не было никакова уговору, а клад...

От хохота дрогнул огонь. Христоня поднял от котла простоватую голову и не разобрав в чем дело покрыл голоса остальных густым гоготом.

VII.

Аксинью выдали за Степана семнадцати лет. Взяли ее с хутора Дубровки, с той стороны Дона, с песков.

За год до выдачи осенью пахала она с отцом в степи, верст за восемь от хутора. Ночью отец ее, пятидесятилетний старик, связал ей треногой руки и изнасилывал.

— Убью ежели пикнешь слово, а будешь помалкивать — справлю плюшевую кофту и гетры с калошами. Так и попомни: убью ежели што... — пообещал он ей.

Ночью в одной изорванной исподнице прибежала Аксинья в хутор. Валялась в ногах у матери, давясь рыданиями рассказывала... Мать и старший брат, атаманец только что вернувшийся со службы, запрягли в бричку лошадей, посадили с собой Аксинью и поехали туда, к отцу. За восемь верст брат чуть не запалил лошадей. Отца нашли возле стана. Пьяный спал он на разостланном зипуне, около валялась порожняя из-под водки бутылка. На глазах у Аксиньи брат отцепил от брички барок, ногами поднял спящего отца, что-то коротко спросил у него и ударил окованным барком старика в переносицу. Вдвоем с матерью били его часа полтора. Всегда смиренная, престарелая мать иступленно дергала на обезпамятвшем муже волосы, брат старался ногами. Аксинья лежала под бричкой укутав голову, молча тряслась...||

<Л. 14 об.>

26.

Перед светом привезли старика домой. Он жалобно мычал, шарил по горнице глазами отыскивая спрятавшуюся Аксинью. Из оторванного уха его катилась на подушку кровь и белесь. К вечеру он помер. Людям сказали, что пьяный упал с арбы, убился.

А через год приехали на нарядной бричке сваты за Аксинью. Высокий, крутошей и статный Степан невесте понравился, на осенний мясоед назначили свадьбу. Подошел такой предзимний с морозцем и веселым ледозвоном день, обкрутили молодых, с той поры и водворилась Аксинья в астаховском доме молодой хозяйкой. Свекровь, высокая, согнутая какой-то жестокой бабьей болезнью старуха, на другой-же день после гульбы рано разбудила Аксинью, привела ее на кухню и, бесцельно переставляя рогачи, сказала:

— Вот, што, милая моя сношенька, взяли мы тебя не кохаться, да не вылеживаться. Иди-ка передои коров, а послая становись к печке стряпать. Я — старая, немочь одолевает, а хозяйство ты к рукам бери, за тобой оно ляжет.

В этот-же день в амбаре Степан обдуманно и страшно избил молодую жену. Бил в живот, в груди, в спину; бил с таким расчетом, чтоб не видно было людям. С той поры стал он прихватывать на стороне, путался с гулящими жалмерками, уходил чуть не каждую ночь замкнув Аксинью в амбаре или горенке. Года полтора не прощал ей обиду, пока не родился ребенок. После этого притих, но на ласку был скуп и по прежнему редко ночевал дома.

Большое многоскотинное хозяйство затянуло Аксинью работой. Степан работал с ленцей: начесав чуб уходил к товарищам покурить, перекинуться в картишки, побрехать о хуторских новостях, а скотину убирать приходилось Аксинье, ворочать хозяйством ей. Свекровь была плохая помощница. Посуетившись падала на кровать и вытянув в нитку блеклую желтень губ, глядя в потолок звереющими от боли глазами стонала, сжималась в комок. В такие минуты на лице ее, испятнанном черными уродливо-крупными родинками, выступал обильный вонючий пот; в глазах накоплялись и часто, одна за одной, стекали слезы. Аксинья бросив работу забивалась где-нибудь в угол и со страхом и жалостью глядела на свекровьино лицо.

Через полтора года старуха умерла. Утром у||

<Л. 15>

27.

Аксиньи начались предродовые схватки, а к полдню за час до появления ребенка свекровь умерла на ходу, возле дверей старой конюшни. Повитуха, выбежавшая из куреня предупредить пьяного Степана, что-бы не входил к родильнице, увидела [ее] лежавшую с поджатыми ногами аксиньину свекровь.

Аксинья привязалась к мужу после рождения ребенка, но не было у нея к нему чувства, была горькая бабья жалость, да привычка. Ребенок умер не дожив до года. Старая развернулась жизнь. И когда Мелехов Гришка заигрывая стал [ей] Аксинье поперек пути — с ужасом увидела она, что ее тянет к черному ласковому парню. Он упорно с бугайной настойчивостью ее обхаживал. И это-то упор-

ство и было страшно Аксинье. Она видела, что он не боялся Степана, нутром чуяла, что так он от нее не отступится; и разумом не желая этого, сопротивляясь всеми силами замечала за собой, что по праздникам и в будни стала тщательней наряжаться, обманывая себя норовила почаще попадаться ему на глаза. Тепло и приятно ей было, когда черные гришкины глаза ласкали ее тяжело и иступленно. На заре просыпаясь доить коров она улыбалась и еще не сознавая от чего вспоминала: «Нынче что-то есть радостное. Что-же? Григорий. Гриша». Пугало это новое, заполнявшее всю ее, чувство; и в мыслях шла ошупью, осторожно, как через Дон по мартовскому ноздреватому льду.

Проводив Степана в лагери решила с Гришкой видаться, как можно реже. После ловли бреднем решение это укрепилось в ней еще прочнее.

VIII.

За два дня до Троицы хуторские растрясали луг. На дележ ходил Пантелей Прокофьевич. Пришел оттуда в обед, кряхтя скинул чирики и смачно почесывая натруженные ходьбой ноги сказал:

— Досталась нам деляна возле Красного Яра. Трава не особо, штоб дюже добрая. Верхний конец до лесу доходит, кой-где — голощечины. Пырейчик проскакивает.

— Когда-ж косить? — спросил Григорий.

— С праздников.

— Дарью возьмете, што-ль? — нахмурилась старуха.

Пантелей Прокофьевич махнул рукой, «отвяжись», мол.

— Понадобится — возьмем. Полудновать-то собирай, чево стоишь раскрылилась.||

<Л. 15 об.>

28.

Старуха загремела заслонкой, выволокла из печи пригретые щи. За столом Пантелей Прокофьевич долго рассказывал о растряске и жульковатом атамане, чуть-было не обмошенничавшем весь сход.

— Он и энтог год смухлевал, — вступилась Дарья, — отбивали улешу, так он подговаривал все Малашку Фролову канаться.

— Стерьва давнишняя. — жевал Пантелей Прокофьевич.

— Батяня, а копнить, гресть кто будет? — робко спросила Дуняшка.

— А, ты, чево будешь делать?

— Одной, батяня, неуправно.

— Мы Аксютку Астахову покличем. Степан надьсь просил скосить ему. Надо уважить.

На другой день утром к мелеховскому базу подъехал верхом на подседланном белоногом жеребце Митька Коршунов. Побрызгивал дождь. Хмарь висела над хутором. Митька перегнувшись в седле открыл калитку и въехал на баз. Его с крыльца окликнула старуха.

— Ты, забурунный, чево прибег? — спросила она с видимым неудовольствием. Не долюбливала старая отчаянного и драчливого Митьку.

— И чево тебе, Ильинишна, надоть? — привязывая к перилам крыльца жеребца удивился Митька, — Я к Гришке приехал. Он где?

— Под сараем спит. Тебя, што-ж, аль паралик вдарил? Пешки, стал-быть, не можешь ходить?

— Ты, тетинка, каждой дыре гвоздь. — обиделся Митька. Раскачиваясь, помахивая и щелкая нарядной плеткой по голенищам лакированных сапог, пошел он под сарай. Григорий спал в снятой с передка арбе. Митька жмуря левый глаз, словно целясь, вытянул Григория плетью.

— Вставай, мужик!

«Мужик» у Митьки было словом самым ругательным. Григорий вскинулся пружиной.

— Ты чево?

— Будя заревать!

— Не дури, Митрий, покеда не осерчал...

— Вставай, дело есть.

— Ну?

— Митька присел на грядущку арбы и обивая с сапога плетью присохшее грязцо сказал.

— Мне, Гриша, обидно...

— Ну?

— Да как-же, — Митька длинно ругнулся, — Он не он — сотник, так и задается!||

<Л. 16>

29.

В сердцах он не разжимая зуб быстро кидал слова, дрожал ногами. Григорий привстал.

— Какой сотник?

Хватая его за рукав рубахи Митька уже тише сказал:

— Зараз седлай коня и побегём в займище. Я ему покажу! Я ему так и сказал: «Давай ваше благородие, спробуем». — «Веди, — грить, — всех дружьев-товарищев, я вас всех покрою затем, што мать моей кобылы в Петербурге на офицерских скачках призы сымала». Да по мне ево кобыла и с матерью, — да будь они прокляты! — а я жеребца не дам обскакать!

Григорий наспех [одевался] оделся, Митька ходил за ним по пятам, заикаясь от злости рассказывал:

— Приехал на гости к Мохову купцу этот самый сотник. Погоди, чей он прозвищем? Кубыть, — Листницкий. Такой из себя тушистый, сурьезный. Очки носит. Ну, да нехай! Даром, што он в очках, а жеребца не дамся обогнать!

Посмеиваясь Григорий оседлал старую, оставленную на племя матку и через гуменные ворота, чтоб не видел отец, выехали в степь. Ехали к займищу [над горой. На половине пути все учащаясь грянул дождь.

— *Назад!* — крикнул Григорий поворачивая кобылу в первый проулок. Их обо-
гнал на поджарой кровной кобылице офицер.

— *Дождь!* — улыбнулся он кругло махнув плетью, и придерживая рукой фу-
ражку — погон на плече его кителя сгорбился бугром — приник к вытянутой в
стрелку шее кобылицы.

— *Эту не обгонишь, Митрий.*

— *Хороша.]*

над горой. Копыта лошадей чавкая жевали грязь. В займище возле высохшего
тополя их ожидали конные: сотник Листницкий на поджарой красавице-
кобылице и человек семь [ста] хуторских ребят верхами.

— Откуда скакать? — обратился к Митьке сотник поправляя пенсне и любю-
ясь могучими грудными мускулами митькиного жеребца.

— От тополя до царева пруда.

— Где это царев пруд? — близоруко сощурился сотник.

— А вон, ваше благородие, возля леса.

Лошадей построили. Сотник поднял над головою плетку. Погон на его плече
вспух бугром.

— Как скажу «три» — пускать. Ну? Раз, два... три!!!

<Л. 16 об.>

30.

Первый рванулся сотник припадая к луке, придерживая рукой фуражку. Он на
секунду опередил остальных. Митька с отчаянно бледным лицом привстал на
стременах, казалось Григорию — томительно долго опускал на круп жеребца
поднятую над головой плеть.

От тополя до царева пруда — версты три. На полпути Митькин жеребец вытя-
гиваясь в стрелку настиг кобылицу сотника. Григорий скакал нехотя. Отстав с
самого начала он ехал куцым наметом, с любопытством наблюдал за удалявшей-
ся, разбитой на звенья цепкой скакавших.

Возле царева пруда наносный от вешней воды [увал] песчаный увал. Желтый
верблюжий горб его чахло порос остролистым змеиным луком. Григорий видел,
как на увал разом вскочили и стекли на ту сторону сотник и Митька, за ними по
одиночке скользили остальные. Когда подъехал он к пруду потные лошади уже
стояли кучей, спешившиеся ребята окружали сотника. Митька лоснился сдержи-
ваемой радостью. Торжество сквозило в каждом его движении. Сотник, против
ожидания, показался Григорию немало не сконфуженным, он прислонясь к дере-
ву спиной докуривал папиросу, говорил указывая мизинцем на свою словно вы-
купанную кобылицу.

— Я на ней сделал пробег в полтораста верст. Вчера только приехал со стан-
ции. Будь она посвежей — никогда, Коршунов, не обогнал-бы, ты меня.

— Могёт быть. — великодушничал Митька.

— Резвей ево жеребца по всей округе нету. — завидуя сказал веснушчатый
паренек, прискакавший последним.

— Конь добрячий. — Митька дрожащей от пережитого волнения рукой по-
хлопал по шее жеребца и деревянно улыбаясь глянул на Григория.

Они вдвоем отделились от остальных и поехали над горою, а не улицей. Сотник попрощался с ними холодно, сунул два пальца под козырек и отвернулся.

Уже подъезжая по проулку к двору Григорий увидел шагавшую им навстречу Аксинью. Шла она ошипывая хворостинку, увидала Гришку и ниже нагнула голову.

— Чево застыдилась, аль мы телешами едем? — крикнул Митька и подмигнул, — Калинушка моя, эх,||

<Л. 17>

31.

горьковатенькая!

Григорий глядя перед собой почти проехал ее и вдруг огрел мирно шагавшую кобылу плетью. Та присела на задние ноги, взягнув засыпала Аксинью грязью.

— И-и-и, дьявол дурной!

Круто повернув, наезжая на Аксинью разгоряченной лошадейю Григорий спросил:

— Чево не здороваешься?

— Не стоишь тово!

— За это вот и обляпал. Не гордись.

— Пусти, — крикнула Аксинья махая руками перед мордой лошади, — Што-ж, ты, меня конем топчешь?

— Это кобыла, а не конь.

— Все одно, пусти!

— За што серчаешь, Аксютка? Неужли за надышнее, што в займище?..

Григорий заглянул ей в глаза. Аксинья хотела что-то сказать, но в уголке черного ее глаза внезапно нависла слезинка, жалко дрогнули губы. Она судоржно глотнув шепнула.

— Отвяжись, Григорий... Я не серчаю... Я... — и пошла.

Удивленный Григорий догнал Митьку у ворот.

— Придешь ноне на игрища? — спросил тот.

— Нет.

— Што так? Либо ночевать покликала?

Григорий потер ладонью лоб и не ответил.

IX.

От Троицы только и осталось по хуторским дворам: сухой чеборец рассыпанный на полах, пыль мятых листьев, да морщиненая отжившая зелень срубленных дубовых и ясеневых веток, приткнутых возле ворот и крылец.

С Троицы начался луговой покос. С раннего утра зацвело займище праздничными бабьими юбками, ярким шитвом завесок, красками платков. Выходили на покос всем хутором сразу. Косцы и гребельщицы одевались будто на годовой праздник. Так повелось исстари.

От Дона до дальних ольховых зарослей шевелился и вздыхал под косами опустошаемый луг.

Мелеховы припозднились. Выехали на покос, когда уж на лугу была чуть не половина хутора.

— Долго зорюешь, Пантелей Прокофич! — шумели припотевшие косари.||

<Л. 17 об.>

32.

— Не моя вина, бабья! — усмехался старик и торопил быков плетеным из сырца кнутом.

— Доброе здоровье, односум! Припозднился, браток, припозднился... — качал головой отбивая у дороги косу высокий в соломенной шляпе казак.

— Аль трава пересохнет?

— Рысью поедешь — успеешь, а то и пересохнет. Твой улешь в каком месте?

— Аж под Красным Яром.

— Ну, погоняй рябых, а то не доедешь ноне.

— Они у меня и рысью бегают.

Сзади на арбе сидела Аксинья закутавшая от солнца платком все лицо. Из узкой оставленной для глаз щели она смотрела на сидевшего против нее Григория равнодушно и строго. Дарья, тоже укутанная и принаряженная, свесив между ребер арбы ноги кормила длинной в прожилках грудью засыпавшего на руках ребенка. Дуняшка подпрыгивала на грядушке счастливыми глазами разглядывая луг и встречавшихся над дорогой людей. Лицо ее веселое, тронутое загаром и у переносицы веснушками, словно говорило: «Мне весело и хорошо оттого, что день подсиненый безоблачным небом тоже весел и хорош; оттого, что на душе вот такой же синий покой и чистота. Мне радостно и больше я ничего не хочу». Пантелей Прокофьевич натягивая на ладонь рукав [зр] бязевой рубахи вытирал набегавший из-под козырька пот. Согнутая спина его, плотно облитая рубахой, темнела мокрыми пятнами. Солнце насквозь пронизывало седой каракуль редких туч, опускало на далекие, серебряные обдонские горы, степь и займище и хутор веер дымчатых переломленных лучей. День перекипал в зное. Обдерганные ветром тучки ползли вяло, не обгоняя тянувшихся по дороге быков Пантелея Прокофьевича. Сам он тяжело поднимал кнут, помахивал им словно в нерешительности: ударить по острым бычиным кострецам, или нет. Быки, видно понимая это, не прибавляли шагу, так-же медленно, ошупью переставляли клешнятые ноги, мотали хвостами. Пыльно-золотистый с оранжевым отливом слепень кружился над ними.

Луг скошенный возле хуторских гумен светлел||

<Л. 18>

33.

бледно-зелеными пятнами, там, где еще не сняли траву, ветерок шершавил зеленый с глянцевою чернью травяной шелк.

— Вон наша делянка. — махнул кнутом Пантелей Прокофьевич.

— От лесу будем зачинать? — спросил Григорий.

— Можно и с этого краю Тут я глаголь вырубил лопатой.

Григорий отпрег занудившихся быков. Старик посверкивая серьгой пошел искать отметину — вырубленный у края глаголь.

— Бери косы. — вскоре крикнул он махая рукой.

Григорий пошел уминая траву. От арбы по траве потек за ним колыхающийся след. Пантелей Прокофьевич перекрестился на беленький стрючек далекой колокольни и взял косу. Горбатый нос его блестел, как свежее лакированный, в впадинах черных щек томилась испарина. Он улыбнулся разом обнажив в вороной бороде несчетное количество белых, смоченных слюною, частых зубов и занес косу поворачивая морщиненую шею вправо. Саженное полукружье смахнутой травы легло под его ногами.

Григорий шел за ним следом, полузакрыв глаза стелил косой травье. Впереди рассыпанной радугой цвели бабьи завески, но он искал глазами одну, белую с прошитой каймой; оглядывался на Аксинью и снова приноравливаясь к отцову шагу махал косой.

Аксинья неотступно была в его мыслях, полузакрыв глаза мысленно целовал ее бесстыдно и нежно, говорил ей откуда-то набродившие на язык горячие и немые слова, потом отбрасывал это, шагал под счет — раз, два, три — раз, два, три. — Память подсовывала отрезки воспоминаний: «Сидели под мокрой копной... В ендове свиристела турчелка... Месяц над займищем... и с куста в лужину редкие капли, вот так-же — раз, два, три... Хорошо, ах хорошо-то...»

Возле стана засмеялись. Григорий оглянулся: Аксинья наклоняясь что-то говорила лежавшей под арбой Дарье, та замахала руками и снова обе засмеялись. Дуняшка сидела на вие, тонюсеньким голоском пела.

«Дойду вон до этого кустика, косу отобью» — подумал Григорий, и почувствовал, как коса прошла через что-то вязкое. Нагнулся посмотреть, из||

<Л. 18 об.>

34.

под ног с писком поковылял в траву маленький дикий утенок. Около ямки, где было гнездо, валялся другой перерезанный косой на двое, остальные с чулюканьем рассыпались по траве. Григорий положил на ладонь перерезанного утенка. Изжелта коричневый, на днях только вылупившийся из яйца он еще таил в пушке живое тепло. На плоском раскрытом клювике розовенький пузырек кровицы, бисеринка глаза хитро прижмурена, мелкая дрожь горячих еще лапок. Григорий с внезапным чувством острой жалости глядел на мертвый комочек лежавший у него на ладони.

— Чево нашел, Гришунька?..

По скошенным рядам подпрыгивая бежала Дуняшка. На груди ее метались мелко заплетенные косички. Морщась Григорий уронил утенка, злобно махнул косой.

После обеда бабы начали гресть. Скошенная трава вяла и сохла излучая тягучий дурмящий аромат. Обедали наскорях. Сало и казачья присяга — откидное кислое молоко привезенное из дому в сумке.

— Домой ехать не из чево, — сказал за обедом Пантелей Прокофьевич, — пушай быки попасутся в лесу, а завтра, как подберет солнце росу, докосим. Смерклось, когда бросили косить. Аксинья догрехала оставшие ряды, пошла к стану варить кашу. Весь день она зло высмеивала Григория, глядела на него ненавидящими глазами, словно мстила за большую незабываемую обиду.

Григорий хмурый и какой-то полинявший угнал к Дону поить быков. Отец наблюдал за ним и за Аксиньей все время. Неприязненно поглядывая на Григория сказал:

— Повечеряешь, а посла постереги быков. Гляди в траву не пушай. Зипун мой возьмешь.

Дарья уложила под арбой дитя и с Дуняшкой пошла в лес за хворостом.

Над займищем по черному недоступному небу избочившись шел ущербленный месяц. Над огнем метелицей порошили бабочки. Возле костра на раскинутом ряднище собрали вечерять. В полевом задымленном котле перекипала каша. Дарья подолом исподней юбки вытерла ложки, кликнула Григория.

— Иди вечерять!||

<Л. 19>

35.

Григорий в накинутом на плечи зипуне вылез из темноты и подошел к огню.

— Ты чево это такой ненастный? — улыбнулась Дарья.

— К дождю видно поясницу ломит, — попробовал Григорий отшутиться.

— Он быков стеречь не хочет, ей-богу! — Дуняшка улыбнулась подсаживаясь к брату, заговорила с ним, но разговор как-то не плелся. Пантелей Прокофьевич истово хлебал кашу, хрустел на зубах недоваренным пшеном. Аксинья ела не поднимая глаз, на шутки Дарьи нехотя улыбалась. Испепеляя щеки сжигал ее беспокойный румянец.

Григорий встал первый, ушел к быкам.

— Гляди траву чужую быками не потрави! — вслед ему крикнул отец и поперхнулся кашей, долго трескуче кашлял. Дуняшка пыжила щеки надуваясь смехом. Догорал огонь. Тлеющий хворост обволакивал сидевших медовым запахом прижженной листвы.

В полночь Григорий крадучись подошел к стану, стал шагах в десяти. Пантелей Прокофьевич сыпал на арбу переливчатый храп. Из-под пепла золотым павлиньим глазком высматривал незалитый свечера огонь.

От арбы оторвалась серая укутанная фигура и зигзагами медленно двинулась к Григорию. Не доходя два-три шага остановилась. Аксинья. Она. Гулко и дробно сдвоило у Григория сердце, приседая шагнул вперед, откинув полу зипуна прижал к себе послушную, полыхающую жаром. У нее подгибались в коленях ноги, дрожала вся сотрясаясь, вызванивая зубами. Рывком кинул ее Григорий на руки — так кидает волк себе на хребтину зарезанную овцу — путаясь в полах распахнутого зипуна, задыхаясь побежал.

— Ой, Гри-и-иша... Гри-шень-ка... Отец!..

— Молчи!..

Вырываясь, дыша в зипуне кислиной овечьей шерсти, давясь горечью раскаяния Аксинья почти крикнула низким стонущим голосом:

— Пусти, чево уж теперя... Сама пойду...

Х.

Не лазоревым алым цветком, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветет поздняя бабья любовь.||

<Л. 19 об.>

36.

С лугового покоса переродилась Аксинья. Будто кто отметину сделал на ее лице, тавро выжег. Бабы при встрече с ней ехидно ощерялись, качали головами вслед, девки завидовали, а она гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову.

Скоро про Гришкину связь узнали все. Сначала говорили об этом шепотом, верили и не верили, но после того, как хуторской пастух Кузька Курносый на заре увидел их возле ветряка, лежавших под месяцем в невысоком жите, мутной прибойной волной покати́лась молва.

Дошла и до ушей Пантелея Прокофьевича. Как-то в воскресенье пошел он к Мохову в лавку. Народу не дотолпишься. Вошел будто раздались, заулыбались. Протиснулся к прилавку, где отпускали мануфактуру. Товар ему взялся отпускать сам хозяин Сергей Платонович.

— Что-то тебя давненько не видать, Прокофич?

— Делишки все. Неуправка в хозяйстве.

— Что так? Сыны вон какие, а неуправка.

— Што-ж сыны-то, Петра вон в лагери проводил, двое с Гришаткой и ворочаем.

Сергей Платонович на двое развалил крутую гнедоватую бороду, многозначительно скосил глаза на толпившихся казаков.

— Да, голубчик, ты, что-же это примолчался-то?

— А што?

— Как что? Сына задумал женить, а сам ни гу-гу.

— Какова сына?

— Григорий у тебя ведь не женатый.

— Покеда ишо не сбирался женить.

— А я слышал будто в снохи берешь... Степана Астахову Аксинью...

— Я от живова мужа... Да, ты, што-ж, Платоныч, навроде смеешься? А?

— Какой смех, слышал от людей.

Пантелей Прокофьевич разгладил на прилавке развернутую штуку материи и круто повернувшись захромал к выходу. Он направился прямо домой. Шел по бычиному угнув голову, сжимая связку жилистых пальцев в кулак, заметней припадал на хромую ногу. Минув астахов двор глянул через плетень: Аксинья нарядная, помолодевшая покачиваясь в бедрах шла в курень с порожним ведром.||

<Л. 20>

37.

— Эй, погоди-ка!..

Пантелей Прокофьевич чортом попер в калитку. Аксинья стала поджидая его. Вошли в курень. Чисто выметенный земляной пол присыпан красноватой супе-сью, в переднем углу на лавке вынутые из печи пироги. Из горницы пахнет сле-жалой одеждой и, почему-то, анисовыми яблоками.

Под ноги Пантелею Прокофьевичу подошел было поластиться рябой больше-головый кот. Он сгорбил спину и дружески толкнулся о сапог. Пантелей Про-кофьевич шваркнул его о лавку и глядя Аксинье в брови крикнул:

— Ты што-же это?.. А? Не остыл мужьин след, а ты уж хвост на бок?.. Гришке я кровь спущу за это самое, а Степану твоему пропишу!.. Я ему пропишу! Пушай знает!.. Ишь ты, курва, мать твою суку, мало тебя били!.. Штоб с нонешнева дня и ноги твоей на моем базу не ступало! Шашлы заводить с парнем, а Степан при-дет, да мне-же... Аксинья сузив глаза слушала. И вдруг бесстыдно мотнула по-долом, обдала Пантелея Прокофьевича запахом бабьих юбок и грудью пошла на него кривляясь и скаля зубы.

— Ты што — мне, свекор? А? Свекор?.. Ты што меня учишь? Иди свою тол-стозадуу учи! На своем базу распоряжайся!.. Я тебя, дьявола хромова, культяпо-ва в упор не вижу!.. Иди отсель, не пенься, как крех, не спужаешь!..

— Погоди, дура!

— Нечево годить тебе не родить!.. Ступай откель пришел! А Гришку твою хучь с костями съем и ответа держать не буду!.. Вот на! Выкуси! Ну, люб мне Гришка, ну? Вдаришь, штоль?.. Мужу пропишешь?.. Пиши хучь наказному ата-ману, а Гришка мой! Мой! Мой! Владаю им и буду владать!..

Аксинья напирала на оробевшего Пантелея Прокофьевича грудью, ([бывшей-ся] билась она под узкой кофточкой [птицею] как стрепет в осилке [связа-нный]), жгла его полымем черных [своих] глаз, сыпала слова одно другого страш-ней и бесстыжей. Пантелей Прокофьевич подергивая бровями отступал к [дверям] выходу, нащупал поставленный в углу костыль и махая рукой задом отворил дверь. Аксинья вытесняла его из сенцев, задыхаясь выкрикивала, бесно-валась:}}

<Л. 20 об.>

38.

— За всю жисть за горькую отлюблю!... А там хучь убейте!.. Мой Гришка! Мой!

Пантелей Прокофьевич, что-то булькая себе в бороду, хлопнул калиткой и за-чилял к дому

Гришку он нашел [дома] в горнице. Не говоря ни слова достал его костылем вдоль спины. Григорий изогнувшись повис на отцовой руке.

— За што, батя?

— За дело, су-у-укин сын!..

— За што?

— Не пакости соседу! Не страми отца! Не таскайся, кобелина! — хрипел Пантелей Прокофьевич тягая по горнице Григория, силясь вырвать костыль.

— Драться не дам! — глухо сапнул Григорий и стиснув челюсти вырвал костыль. На колено его и хряп! Пантелей Прокофьевич сына по шее тугим кулаком.

— На сходе запорю!.. Ах, ты, чортово семя, прокля-я-а-атый сын!.. — сучил он ногами намереваясь еще раз ударить, — На Марфушке-дурочке женю!.. Я те выхолошу!.. Ишь ты!..

На шум прибежала мать.

— Прокофич, Прокофич!.. Охолонь трошки!.. Погоди!

Но старик разошелся не на шутку: поднес раза жене, опрокинул столик с швейной машиной и навоевавшись вылетел на баз. Не успел Григорий скинуть рубаху с разорванным в драке рукавом, как дверь крепко хлястнула и на пороге вновь тучей буревой укрепился Пантелей Прокофьевич.

— Женить сукинова сына!.. — он по лошадиному стукнул ногой и уперся взглядом в голую мускулистую спину Григория.

— Женю!.. Завтра-же поеду сватать! Дожил, што сыном в глаза смеются!

— Дай рубаху-то надеть, посла женишь.

— Женю!.. На дурочке женю! — хлопнул дверью, по крыльцу протарахтели шаги и стихли.

XI.

За хутором Сетраковым в степи рядами вытянулись [*обтянутые*] повозки с брезентовыми будками. Невиданно быстро вырос городок белокрыший и аккуратный, с прямыми улочками и небольшой площадкой в центре, по которой похаживал часовой.

Лагери зажили обычной для мая месяца ежегодной однообразной жизнью. По утрам команда казаков,||

<Л. 21>

39.

караулившая на попасе лошадей, пригоняла их к лагерям. Начинались чистка, седловка, переключка, построения. Зычно покрикивал заведующий лагерями штаб-офицер шумоватый войсковой старшина Попов, суетился военный пристав, горланили муштруя молодых казаков обучавшие их урядники. За бугром сходились в атаках, хитро окружали и обходили «противника», стреляли по мишени из дробовниц. Казаки помоложе охотно состязались в рубке, постарше — отвливали от занятий.

Люди хрипли от жары и водки, а над длинными шеренгами крытых повозок тек пахучий волнующий ветер, издалека свистели суслики, степь тянула подальше от жилья и дыма выбеленных куреней.

За неделю до выхода из лагерей к Ивану Томилину приехала жена. Привезла домашних, сдобных бурсаков, всякого угощенья и ворох хуторских новостей.

На другой день спозоранку уехала. Повезла от казаков домашним и близким поклоны, наказы, лишь [*от*] [*Степана*] **Степан** [*Астахова*] **Астахов** ничего не

пересылал с ней. Накануне заболел он, лечился водкой и не видел не только жену Томилина, а и весь белый свет. На ученье не поехал, по его просьбе фельдшер кинул ему кровь, поставил на грудь дюжину пиявок.

Степан в одной исподней рубахе сидел под колесом своей брички, фуражка с белым чехлом мазалась вытирая колесную мазь, оттопырив губу смотрел, как пиявки всосавшись в выпуклые полушария его груди набухали черной кровью, росли в объеме. Возле стоял полковой фельдшер, курил процеживая сквозь редкие зубы табачный дым.

— Легчает?

— От грудей тянет. Сердцу, кубыть, просторней...

— Пиявки — Первое средство.

К ним подошел Томилин. Мигнул.

— Степан, словцо-бы сказать хотел.

— Говори.

— Поди на час.

Степан кряхнув поднялся, отошел с Томилиным.

— Ну, выкладывай.

— Баба моя приезжала... Ноне уехала.

— А.

— Про твою жененку по хутору толкуют...||

<Л. 21 об.>

40.

— Што?

— Гутарют недобро.

— Ну?

— С Гришкой Мелеховым спуталась. В открытую.

Степан бледнея рвал с груди пиявок, давил их ногою. Последнюю раздавил, застегнул воротник рубахи и, словно испугавшись чего-то, снова расстегнул. Белые, — как мел ел, — губы не находили покоя: подрагивая расплзались в нелепую улыбку, ежились собираясь в синеватый комок...

Томилину казалось, что Степан жует что-то твердое, неподатливое на зубы. Постепенно к лицу вернулась краска, прихваченные изнутри зубами окаменели в неподвижности губы. Степан снял фуражку, рукавом размазал по белому чехлу пятно колесной мази, сказал звонко:

— Спасибо за вести.

— Хотел предупредить... Ты извиняй... Так, мол, и так дома...

Томилин сожалеюще хлопнул себя по штанине и ушел к нерасседланному коню.

Лагери в гуле голосов. Приехали с рубки казаки. Степан с минуту стоял, разглядывая сосредоточенно и строго черное пятно на фуражке. На сапог ему карабкалась полураздавленная издыхающая пиявка.

XII.

Оставалось полторы недели до прихода казаков из лагерей.

Аксинья неистовствовала в поздней горькой своей любви. Несмотря на угрозы отца Григорий таясь уходил к ней с ночи и возвращался зарей.

За две недели вымотался он, как лошадь, сделавшая непосильный пробег. От бессонных ночей коричневая кожа скуластого его лица отливала синевою, из ввалившихся глазниц устало глядели черные сухие глаза. Аксинья ходила не кутая лица платком, траурно чернели глубокие ямы под глазами, припухшие, слегка вывернутые, жадные губы ее беспокойно и вызывающе смеялись.

Так необычна и явна была сумасшедшая их связь; так иступленно горели они одним||

<Л. 22>

41.

бесстыдным полымем людей не совестясь и не таясь, худея и чернея в лицах на глазах у соседей, что теперь на них при встречах почему-то стыдились люди смотреть¹.

Товарищи Григория раньше трунившие над ним по поводу связи с Аксиньей, теперь молчали сойдясь и чувствовали себя в обществе Григория неловко, связано. Бабы в душе завидуя судили Аксинью, злорадствовали в ожидании прихода Степана, изнывали снедаемые звериным любопытством. На развязке плелись их предположения.

Еслиб Григорий ходил к жалмерке Аксинье делая вид, что скрывается от людей, еслиб жалмерка Аксинья жила с Григорием блюдя это в относительной тайне и в то же время не отказывала-бы и другим, то в этом не было-бы ничего необычного, хлещущего по глазам. Хутор поговорил-бы и перестал. Но они жили почти не таясь, вязало их что-то большое, непохожее на короткую связь и поэтому в хуторе решили, что это — преступно, безнравственно и хутор прижух в [ноганеньком] выжиданьице: придет Степан — узелок развяжет.

В горнице над кроватью протянута веревочка. На веревочку нанизаны белые и черные порожние, без ниток катушки. Висят для красоты. На них ночлежничают мухи, от них-же к потолку пряжа паутины.

Григорий лежит на голой прохладной Аксиньиной руке и смотрит в потолок на цепку катушек. Аксинья другой рукой — огрубелыми от работы пальцами — перебирает на запрокинутой голове Григория жесткие, как конский волос, завитки. Аксиньины пальцы пахнут парным коровьим молоком, когда поворачивает Григорий голову носом втыкаясь Аксинье в подмышку — хмелем невыбродившимся бьет в ноздри острый, сладковатый бабий пот.

В горнице кроме [кровати] деревянной крашеной кровати с точенными шишками по углам стоит возле дверей окованный уемистый сундук с Аксиньиным приданым и нарядом. Под передним углом стол, клеенка с генералом Скобелевым,||

¹ ППС: «почему-то стыдились люди при встречах смотреть».

<Л. 22 об.>

42.

скачущим на склоненные перед ним махровитые знамена, два стула,верху образа в бумажных ярко-убогих ореолах. Сбоку на стене засиженные мухами фотографии: [Степан с товарищами еще с действительной службы.] группа казаков, — чубатые головы, выпяченные груди с часовыми цепками, оголенные клинки палашей, — Степан с товарищами, еще с действительной службы.

На вешалке висит неприбранный Степанов мундир. Месяц глазастеет в оконную прорезь, недоверчиво щупает две былых урядничьих лычки на погоне мундира.

Аксинья со вздохом целует Григория повыше переносицы, на развилке бровей.

— Гриша, — колосочек мой...

— Чево тебе?

— Осталось девять дён...

— Ишо не скоро.

— Што я, Гриша, буду делать?

— А я почем знаю.

Аксинья удерживает вздох и снова гладит и разбирает спутанный Гришкин чуб.

— Убьет меня Степан. — не то спрашивает, не то утвердительно говорит она. Григорий молчит. Ему хочется спать. Он с трудом расдирает липнувшие веки, прямо над ним мерцающая синевою чернь аксиньиных глаз.

— Придет муж, небось, бросишь меня? Побоишься?

— Мне што ево бояться, ты — жена, ты и боись.

— Зараз с тобой я не боюсь, а посередь дня раздумаюсь и оторопь возьмет...

Григорий зевает, перекатывая голову говорит:

— Степан придет это не штука. Батя, вон, меня женить собирается.

Григорий улыбается, хочет еще что-то сказать, но чувствует, — рука Аксиньи, под его головой, как-то вдруг дрябло мякнет, вдавливаясь в подушку и дрогнув через секунду снова твердеет, принимает первоначальное положение.

— Ково усватили? — приглушенно спрашивает Аксинья.

— Только собирается ехать. Мать гутарила, кубыть к Коршуновым, за ихнюю Наталью.||

<Л. 23>

43.

— Наталья... Наталья девка красивая... дюже красивая... Што-ж, женись... Надьсь видала ее в церкви... Нарядная была...

Аксинья говорит быстро, но слова расползаются, не доходят до слуха неживые и бесцветные слова.

— Мне ее красоту [за] в голенищу не класть... Я-бы на тебе женился.

Аксинья резко выдергивает из-под головы Григория свою руку, сухими глазами смотрит в окно. По двору желтая ночная стынь. От сарая тяжелая тень.

Свиристыят кузнечики. У Дона гудят водяные быки, угрюмые басовитые звуки ползут через одинарное оконце в горницу.

- Гриша
- Надумала што?

Аксинья хватает неподатливые, черствые на ласку Гришкины руки, жмет их к груди, к холодным помертвевшим щекам, кричит стонущим голосом:

— На што, ты, проклятый, привязался ко мне? Што я буду делать?.. Гри-и-ишка!.. Душу ты мою вынаешь!.. Сгубилась я!.. Придет Степан — какой ответ держать стану?.. Кто за меня вступится?..

Григорий молчит. Аксинья скорбно глядит на его красивый хрящеватый [его] нос, на покрытые тенью глаза, на немые губы... И вдруг рвет плотину сдержанности прихлынувший поток чувства: Аксинья бешенно целует лицо его, шею, руки, жесткую курчавую черную поросль на груди. В промежутки задыхаясь шепчет, и дрожь ее ощущает Григорий.

— Гриша, дружечка моя... родимушка... давай уйдем! Милый мой! Кинем все, уйдем! И мужа и все кину, лишь-бы ты был... На шахты уйдем, далеко... Кохать тебя буду, жалеть... На Парамоновских рудниках у меня дядя родный в стражниках служит, он нам пособит... Гриша! Хучь словцо урони.

Григорий углом переламывает левую бровь, думает, и неожиданно открывает горячие свои, нерусские глаза. Они смеются. Спят насмешкой.

— Дура ты, Аксинья, дура! Гутаришь, а послушать нечево. Ну, куда я пойду от хозяйства? Опять-же на службу мне на энтог год. Не годится дело... От земли я никуда не тронусь. Тут степь,||

<Л. 23 об.>

44.

дыхнуть есть чем, а там? Прошлую зиму ездил я с батей на станцию, так было-к пропал. Паровозы ревут, дух там чижелый от горелого угля. Как [там] народ живет — не знаю, может они привыкли к этому самому угару..., — Григорий сплевывает и еще раз говорит. — Никуда я с хутора не пойду!

За окном темнеет, на месяц напоролось облачко. Меркнет желтая разлитая по двору стынь, стираются выутюженные тени и уже не разобрать что темнеет за плетнем: прошлогодний порубленный хворост-ли, или прислонившийся к плетню старюка бурьян.

В горнице тоже густеет темень, блекнут Степановы урядницкие лычки, на висящем у окна казацьем мундире, и в серой застойной непрогляди Григорий не видит, как у Аксиньи мелкой дрожью трясутся плечи и на подушке молча подпрыгивает стиснутая ладонями голова.

ХIII.

С того дня, как приехала баба Томилина, подурнел Степан с лица. Висли на глаза брови, ложбинка глубокая и черствая косо прорезала лоб. Он мало говорил с товарищами, из-за пустяков вспыхивал и начинал ссору, ни с того ни с сего поругался с вахмистром Плешаковым, на Петра Мелехова почти не глядел. Лопну-

ла вожжина дружбы раньше соединявшая их. В тяжелой накопившей злобе своей шел Степан под гору, как лошадь понесшая седока. Домой возвращались они врагами.

Надо же было случиться такому случаю, ускорившему развязку неопределенных и враждебных отношений, установившихся [за но] между ними за последнее время.

Из лагерей поехали попрежнему пятеро. [На утро после первой] В бричку запрягли Петрова коня и Степанова. Христоня на своем ехал верхом, Томила трясла лихорадка, лежал он в будке под шинелью, Федот Бодовсков ленился править, поэтому кучеровал Петро. Степан шел возле брички плетью сбивая пунцовые головки придорожного татарника. Падал дождь. Густой чернозем смолоу крутился на колесах. Небо по осеннему||

<Л. 24>

45.

сизело запеленатое в тучи. Спустилась ночь. Огней хутора — сколько ни приглядывались — не было видно. Петро щедро сыпал лошадям кнута. И вот тут-то в темноте крикнул Степан:

— Ты, што-же, мать твою... Свою коня прижеливаешь, а с мово кнут не сходит?

— Гляди дюжей. Чей не тянет того и погоняю.

— Как бы я тебя не подпрег. Турки они тягуши...

Петро бросил вожжи.

— Тебе чево надо?

— Сиди уж, не вставай.

— То-то, помолчал-бы!

— Ты чево к нему прискипался? — загудел Христоня, подъезжая к Степану.

Тот промолчал. В темноте не видно было его лица. С полчаса ехали молча. Шелестела под колесами грязь. Дремотно вызванивал по брезентовой крыше будки сеяный на сито дождь. Петро бросив вожжи курил. Перебирал в уме все те обидные слова, какие он при новой стычке скажет Степану. Его подмывало зло. Хотелось хлестко выругать этого подлеца Степана, осмеять.

— Поторонись. Дай в будку пролезть. — Степан легонько толкнул Петра и вскочил на подножку.

Тут-то неожиданно дернулась бричка и стала. Оскользясь по грязи затопотали лошади, из-под подков брызнули искры. Гроыхнул натянутый барок.

— Тррр!.. — крикнул Петро прыгая с брички.

— Што там такое? — всполошился Степан.

Подскакал Христоня.

— Обломались, черти?..

— Засвети огонь!

— Серники у ково?

— Степан, кинь серники!

Впереди всхрапывая билась лошадь. Кто-то чиркнул спичкой. Оранжевое колечко света и опять темь. Дрожащими руками Петро шупал спину упавшей лошади. Дернул под уздцы.

— Но!..

Лошадь вздохнув повалилась на бок, хряпнуло дышло. Подбежавший Степан зажег щепоть спичек. Конь его лежал, вскидывая голову. Передняя нога по колесу торчала в заваленной сурчине.

Христоня суетясь отцепил постромки.

— Ногу ему выручай!

— Отпрягай Петрова коня, ну, живо!!!

<Л. 24 об.>

46.

— Стой, про-кля-тый! Тррр!..

— Он брыкается, дьявол. Торонись!

С трудом подняли Степанова коня на ноги. Измазанный Петро держал его под уздцы, Христоня ползал в грязи на коленях ощупывая безжизненно поднятую ногу.

— Должно переломил... — пробасил он.

Федот Крамсков шлепнул по дрожащей лошадиной спине ладонью.

— А, ну проведи, может пойдет?

Петро потянул на себя поводья. Конь прыгнул не наступая на левую переднюю и заржал. Томилин надевая шинель в рукава горестно топтался около.

— Врюхались, мать вашу... Сгубили коня, эх!

Молчавший все время Степан словно этого и ждал: отпихнув Христоню кинулся на Петра. Целил в голову, но промахнулся, в плечо попал. Сцепились. Упали в грязь. Треснула на ком-то рубаха. Степан подмял Петра и придавив коленом голову гвоздил кулачьями. Христоня растянул их матерьясь.

— За што?!.. — выхаркивая кровь кричал Петро.

— Правь, гадюка! Бездорожно не ездил!..

Петро рвался из Христининых рук.

— Но-но-но! Балуй у меня! — гудел тот одной рукой прижимая его к бричке.

В пару к Петрову коню припрягли низкорослого но тягущего конишку Федота [Крамскова] Бодовскова.

— Садись на мово! — приказал Степану Христоня.

Сам полез в будку к Петру.

Уже в полночь приехали на хутор Гниловской. Стали у крайнего куренька. Христоня пошел проситься на ночевку. Не обращая внимания на кобеля, хватавшего его за полы шинели, он проплюхал к окну, открыл ставню, поскреб ногтем о стекло.

— Хозяин!

Шорох дождя и залиvistый собачий брех.

— Хозяин! Эй, добрые люди! Пустите ради Христа заночевать. А? Служивые, из лагерей. Скольки? Пятеро нас. Ага, ну, спаси Христос. Заезжай! — крикнул он поворачиваясь к воротам.

Федот ввел во двор лошадей. Споткнулся через свиное корыто брошенное посреде двора и выругался. Лошадей поставили под навес сарая. Томилин вызвавшая зубами пополз в хату. В будке остались Петро и Христоня.||

<Л. 25>

47.

На заре собрались ехать. Вышел из хаты Степан, за ним семенила древняя горбатая старушонка. Христоня, запрягавший коней, пожалел ее.

— Эх, бабуня, как тебя согнуло-то! Небось в церкви поклоны класть способно, чудок нагнулась и вот он, пол.

— Соколик мой, атаманец, мне поклоны способно класть, на тебе собак вешать способно... Всякому свое. — старуха сурово улыбнулась удивив Христоню густым рядом несъеденных мелких зубов.

— Ишь, ты, какая зубастая, чисто шука. Хучь-бы мне на бедность подарила с десяток. Молодой вот, а жевать нечем.

— А я с чем остануся, хороший мой?

— Тебе, бабка лошадиные вставим. Все одно помирать, а на том свете на зубы не глядят, угодники они ить не из цыганев.

— Мели Емеля. — улыбнулся влезая на бричку Томилин.

Старуха прошла с Степаном под сарай.

— Какой из них?

— Вороной. — вздохнул Степан.

Старуха положила на землю свой костыль и мужским уверенно-сильным движением подняла коню порченую ногу. Скрюченными тонкими пальцами долго щупала коленную чашечку. Конь прижимал уши, ощеря коричневый навис зубов приседал от боли на задние ноги.

— Нет полому, казачек, нету. Оставь, полечу.

— Толк-то будет, бабуня?

— Толк? А кто-ж ево знает, славный мой... Должно будет толк.

Степан махнул рукой и пошел к бричке.

— Оставишь, ай нет? — шурилась вслед старуха.

— Пушай остается.

— Она ево вылечит, оставил об трех ногах, возьмешь кругом без ног. Ветинара с горбом нашел! — хохотал Христоня.

XIV.

— ...Тоскую по нем, родная бабунюшка. На своих глазыньках сохну, не успеваю юбку ушивать, што ни день, то шире становится... Пройдет мимо база, а у меня сердце закипает... Упала-б на земь, следы-б его целовала... Может присушил чем? Пособи, бабунюшка! Женить ево собираются... Пособи, родимая!||

<Л. 25 об.>

48.

Што стоит — отдам. Хучь последнюю рубаху сыму, только пособи!

Светлыми, в кружеве морщин глазами глядит бабка Дроздиха на Аксинью, качает головой под горькие слова рассказа.

— Чей-же паренек-то?

— Пантелея Мелехова.

— Турка, што-ли?

— Ево.

Бабка жует ввалившимся ртом, медлит с ответом.

— Придешь, бабонька пораньше завтра. Чуть займется зорька придешь. К Дону пойдем, к воде. Тоску отольем. Сольцы шепоть прихвати из дому. Так-то.

Аксинья кутает желтым полушалком лицо и сгорбившись выходит за ворота.

Темная фигура ее рассасывается в ночи. Сухо черкают подошвы чириков. Смолкают и шаги. Где-то на краю хутора дерутся и ревут песни.

С рассветом Аксинья, не спавшая всю ночь, у Дроздихиною окна.

— Бабушка!

— Кто там?

— Я, бабушка. Вставай.

— Зараз оденусь.

По проулку спускаются к Дону. У пристани возле мостков мокнет в воде брошенный передок арбы. Песок у воды ледянисто колок. От Дона течет сырая студенистая мгла.

Дроздиха берет костистой рукой Аксиньину руку, тянет ее к воде.

— Соль взяла? Дай сюды. [Кр] Кстись на восход.

Аксинья крестится. Злобно глядит на счастливую розовость востока.

— Зачерпни воды в пригоршню. Испей. — командует Дроздиха. Аксинья измочив рукава кофты напилась. Бабка черным пауком раскорячилась над ленивой волной, присела на корточки, зашептала:

— Студены ключи со дна текучие... Плоть горячая... ...Зверем в сердце... Тоска-лихоманица... и крестом святым... пречистая, пресвятая... Раба божия Григория... — доносилось до слуха Аксиньи.

Дроздиха посыпала солью влажную песчаную россыпь под ногами, сыпнула в воду, остатки Аксинье за пазуху.||

<Л. 26>

49.

— Плесни через плечо водицей. Скорей!

Аксинья проделала. С тоской и злобой оглядела коричневые щеки Дроздихи.

— Все, што-ли?

— Поди, милая позорюй. Все.

Запахавшись прибежала Аксинья домой. На базу мычали коровы. Мелехова Дарья, заспаная и румяная, поводя красивыми дугами бровей гнала в табун своих коров. Она улыбаясь оглядела бежавшую мимо Аксинью.

— Здорово ночевала, сосёдка.

— Слава богу.

— Идей-то спозаранку моталась?

— Тут в одно место, по делу.

Зазвонили к утрене. Рассыпчато и ломко падали медноголосые всплески. На проулке шелкал арапником подпасок.

Аксинья спеша выгнала коров и понесла в сенцы цедить молоко. Вытерла о завеску руки с [засученные] засученными по локти рукавами, думая о чем-то своем плескала в запенившуюся цедилку молоко.

По улице резко зацокотали колеса. Заржали кони. Аксинья поставила цыбарку, пошла глянуть в окно.

К калитке придерживая рукою шашку шел Степан. Обгоняя друг друга скакали к площади казаки. Аксинья скомкала в пальцах завеску и села на лавку. По крыльцу шаги. Шаги в сенцах... Шаги у самой двери...

Степан стал на пороге исхудавший и чужой.

— Ну...

Аксинья вихляясь всем своим крупным полным телом пошла навстречу.

— Бей! — протяжно сказала она и стала боком.

— Ну, Аксинья...

— Не таюсь — грех на мне. Бей, Степан!

Она вобрав голову в плечи, сжавшись в комок, защищая руками только живот стояла к нему лицом. С тупого обезображенного страхом лица глядели глаза в черных кругах не мигая.

Степан качнулся и прошел мимо. Пахнуло запахом мужского пота и полынной дорожной горечью от нестиранной рубахи.

Он не скинув фуражку лег на кровать. Полежал, повел плечом скидая [ремень] португею. Всегда лихо закрученные русые усы его квели свисали вниз. Аксинья не поворачивая головы, сбоку глядела на него.||

<Л. 26 об.>

50.

Редко вздрагивала.

Степан положил ноги на спинку кровати. С сапог вязко тянулась закрутившая грязь. Он смотрел в потолок перебирая пальцами ременный темляк шашки.

— Ишо не стряпалась?

— Нет...

— Собери-кась што-нибудь пожрать.

Хлебал из чашки молоко обсасывая усы. Хлеб жевал подолгу, на щеках катались обтянутые розовой кожей жевлаки. Аксинья стояла у печки. С жарким ужасом глядела на маленькие хрящеватые уши мужа, ползавшие при еде вверх и вниз.

Степан вылез из-за стола, перекрестился.

— Расскажи, милаха.— коротко попросил он.

Нагнув голову Аксинья собирала со стола. Молчала.

— Расскажи, как мужа ждала, мужнину честь берегла? Ну?

Страшный удар в голову вырвал из-под ног Аксиньи землю, кинул к порогу. Она стукнулась о дверную притолку спиной, глухо ахнула.

Не только бабу квелую и пустомясую, а и ядреных каршеватых атаманцев умел Степан валять с ног ловким ударом в голову. Страх-ли поднял Аксинью,

или снесла бабья живущая натура, но она отлежалась, отдышалась и стала на четвереньки.

Закуривал Степан посреди хаты и прозевал, как [стала] поднялась она в дыбки. Кинул на стол кисет, а Аксинья уж дверью хлопнула. Погнался.

Аксинья, залитая кровью ветром неслась к плетню, отделявшему ихний двор от мелеховского. У плетня Степан настиг ее. Черная рука его ястребом упала ей на голову [Аксиньи]. Промеж сжатых пальцев настряли волосы. Рванул и повалил на землю, в золу; в ту золу, которую Аксинья истопив печь изо дня в день сыпала у плетня.

Что из того, что муж заложив руки за спину охаживает собственную жену сапогами.

Шел мимо безрукий Алешка Шамиль, поглядел, поморгал и раздвинул кустастую бороденку улыбкой: очень даже понятно за что жалует Степан свою законную.

Остановился-бы Шамиль поглядеть (на кого не доведись все-ж таки любопытно ведь), до смерти убьет, или нет, но совесть не позволяет. Не баба как-никак.||

<Л. 27>

51.

Издали на Степана глядеть — казачка человек вытанцовывает. Так и подумал Гришка увидев из окна горницы, как попрыгивает Степан. А доглядел — и выскочил из куреня. К плетню бежал на ципочках, плотно прижав к груди занемевшие кулаки, за ним следом тяжело тупал сапогами Петро.

Через высокий плетень Григорий махнул птицей. С разбегу сзади хлобыстнул занятого Степана. Тот качнулся и обернувшись пошел на Гришку медведем.

Братья Мелеховы дрались отчаянно. Клевали Степана, как стервятники падаль. Несколько раз Гришка катился на землю сбитый Степановой кулачной свинчаткой. Жидковат был против заматеревшего Степана, но низенький вьюн Петро гнулся под ударами, как камыш под ветром, а на ногах стоял твердо.

Степан сверкая одним глазом, другой затек опухолью цвета недоспелой сливы, отступал к крыльцу.

Разнял их Христоня, приходивший к Петру за уздечкой.

— Разойдись! — Махал он клешнятыми руками, — разойдись, а то к атаману!

Петро бережно выплюнул на ладонь кровь и половинку зуба, сказал хрипло:

— Пойдем, Гришка. Мы ево в однорядь подсадим...

— Нешто не попадешься, ты мне! — грозил с крыльца подсиненный во многих местах Степан.

— Ладно, ладно.

— И без ладнова душу с потрохами выну!

— Ты в сурьез, или шутейно?

Степан быстро сошел с крыльца. Гришка рванулся к нему навстречу, но Христоня толкая его в калитку пообещал.

— Только свяжись — измотаю как цуцика!

С этого дня в калмыцкий узелок завязалась между Мелеховыми и Степаном Астаховым злоба.

Суждено было Григорию Мелехову развязывать этот узелок два года спустя в Восточной Пруссии, под городом Столыпинам.||

<Л. 27 об.>

52.

XV.

— Петру скажи, штоб запрягал кобылу и свово коня.

Григорий вышел на баз. Петро выкатывал из-под сарая бричку.

— Батя велит запрягать кобылу и твово.

— Без нево знаем. Пушай заткнется. — направляя дышлом отозвался Петро.

Пантелей Прокофьевич торжественный, как титор у обедни, дохлебывал щи, мочился горячим по́том.

Дуняшка шустро пробежала по Григорию глазами, где-то в тенистом холодке выгнутых век припрятала девичий свой смешок-улыбку. Ильинишна, кургузая и важная в шалевой праздничной шали, тая в углах губ материнскую тревогу оглядела Григория и к старику:

— Будя тебе, Прокофич, напихиваться. Чисто оголодал ты!

— Поисть не даст. То-то латоха!

В дверь просунул длинные пшенично-желтые усы Петро.

— Пжалте, файтон подан.

Дуняшка прыснула смехом и закрылась рукавом.

Прошла через кухню Дарья, поиграла тонкими ободьями бровей оглядывая жениха.

Свахой ехала двоюродная сестра Ильинишны жох-баба, вдовая тетка Василиса. Она первая угнездилась в бричке, вертя круглой, как речной гольш головой посмеивалась, из-под оборки губ показывала кривые черные зубы.

— Ты, Васёнка там-то не скалься, — предупредил ее Пантелей Прокофьевич, — можешь все дело испакостить через свою пасть. Зубы-то у тебя пьяные посажены в роте; один туда кривится, другой совсем наоборот даже...

— Эх, куманек, не за меня сватают-то. Не я женихом.

— Так-то так, а всеж-таки не смеись. Дюже уж зубы-то не тово... Чернота одна, погано глядеть даже.

Василиса обижалась, а тем часом Петро расхлебенил ворота. Григорий разобрал пахучие ременные вожжи, вскочил на козлы. Пантелей Прокофьевич с Ильинишной в заду брички рядом, не дать — не взять — молодые.||

<Л. 28>

53.

— Кнута им ввали! — крикнул Петро выпуская из рук поводья.

— Играй, черт! — Гришка куснул губу и кнутом коня перебиравшего ушами.

Лошади натянули постромки и резво взяли с места.

— Гляди! Зацепишься!.. — визгнула Дарья, но бричка круто вильнула и подпрыгивая по придорожным кочкам затарахтела вдоль по улице.

Свешиваясь набок Григорий горячил кнутом играющего в упряжке Петрова строевика. Пантелей Прокофьевич ладонью держал бороду, будто опасаясь, что подхватит и унесет ее ветер.

— Кобылу рубани! — ворочая по сторонам глазами сипел он наклоняясь к Григорьевой спине.

Ильинична кружевным рукавом кофты вытирала [*наб*] выжатую ветром слезинку, мигая глядела, как на спине Григория трепещет надуваясь от ветра горбом сатиновая синяя рубаха.

Встречные казаки сторонились, подолгу глядели вслед. Собаки выскакивая из дворов катились под ноги лошадам. Лая не было слышно за гудом заново ошине-ных колес.

Григорий не жалел ни кнута, ни лошадей и через десять минут хутор лег сзади, над дорогой зелено закружились сады последних дворов. Коршуновский просторный курень. Досчатый забор. Григорий дернул вожжи и бричка оборвав железный рассказ на полуслове стала у крашенных, в мелкой резьбе, ворот.

Григорий остался у лошадей, а Пантелей Прокофьевич похромал к крыльцу. За ним в шелесте юбок поплыли красномаковая Ильинишна и Василиса неумолимо твердо спаявшая губы. Старик спешил боясь утратить припасенную дорогой смелость. Он споткнулся о высокий порожек, зашиб хроющую ногу и морщась от боли буйно затупотал по вымытым порожкам.

Вошел он в курень почти вместе с Ильинишной. Ему невыгодно было стоять рядом с женой, была она выше его на добрую четверть, поэтому он ступил от порога шаг вперед, поджал по кочетиному ногу и скинув фуражку перекрестился на черную, мутного письма икону.

— Здорово живете.||

<Л. 28 об.>

54.

— Слава богу. — ответил привстав с лавки хозяин, невысокий, конопатый, престарелый казак.

— Прймай гостей, Мирон Григорич!

— Гостям завсегда ради. Марья, дай людям на што присесть.

Пожилая плоскогрудая хозяйка смахнула с табуретов пыль, которой не было, подвинула их гостям. Пантелей Прокофьевич сел на краюшек вытирая утиркой взопревший потом смуглый лоб.

— А мы это к вам по делу. — Начал он без обиняков.

В этом месте речи Ильинишна и Василиса подвернув юбки тоже присели.

— Жалься по какому такому делу. — улыбнулся хозяин.

Вошел Григорий. Зиркнул по сторонам.

— Здорово ночевали.

— Слава богу. — протяжно ответила хозяйка.

— Слава богу. — подтвердил и хозяин и сквозь веснушки устрикавшие его лицо проступила коричневая краска: тут только догадался он зачем приехали гости.

— Скажи, штоб коней ихних ввели на баз. Нехай им сена кинут. — обратился он к жене.

Та вышла.

— Дельце к вам по малости имеем... — продолжал Пантелей Прокофьевич. Он ворошил кудреватую смолу бороды, подергивал в волнении серьгу.

— У вас — девка, невеста, у нас жених... Не снюхаемся-ли каким случаем? Узнать бы гребтилось будете вы ее выдавать зараз, нет-ли? А то может и породнились-бы?

— Кто-ж ее знает... — почесал хозяин лысеющую голову, — Не думали, признаться, в нынешний мясоед выдавать. Тут делов [много] пропастишша, а тут таки и годков ей не дюже, штоб много. Осьмнадцатая весна только перешла. Так ить, Марья?

— Так и будет.

— Теперича самое светок лазоревый, што-ж держать, аль мало перестарков в девках кулюкают? — выступила Василиса **ерзая по табурету (ее колол украденый в сенцах и сунутый под кофту веник)^{х)}**.

— За нашу наезжали сваты ишо на провесне. Наша не засидится. Девка — нечево бога милостивца гневовать, — всем взяла: што на полях, што дома...

^{х)} По приметам, сваты, укравшие у невесты веник, не получают отказа||

<Л. 29>

55.

— Попадется добрый человек и выдать можно. — протиснулся Пантелей Прокофьевич в бабий трескучий разговор.

— Выдать — не вопрос, — чесался хозяин, — Выдать в любое время можно.

Пантелей Прокофьевич подумал, что им отказывают, загорячился.

— Оно само собой, дело хозяйское... Жених он навроде старца, иде хошь просит. А уж раз вы, к примеру, ищите, может, купецкова звания жениха, аль ишо што, то уж совсем наоборот, звиняйте!

Дело и сорвалось-бы: Пантелей Прокофьевич пыхтел и наливался буряковым соком, невестина мать кудахтала, как наседка на тень коршуна, но в нужную минуту ввязалась сваха Василиса. Посыпала мелкой тишайшей скороговорочкой, будто солью на обожженное место, и связала разрыв.

— Што уж там, родимые мои, раз дело такое зашло, значица надо порешить ево порядком и дитю своему на счастье... Хучь бы и Наталья, да таких-то девок по белу свету поискать! Работа варом в руках; што — рукодельница! Што — хозяйка. И собою, уж вы, люди добрые, сами видите, — разводила она с приятной округлостью руками обращаясь к Пантелею Прокофьевичу и надутый Ильинишне. — Он и женишок хучь куда. Гляню, ажник сердце в тоску вдарится, до чево-ж на мово покойнова Донюшку схож... И семейство ихнее шибко работящее. Проко-

фич-то — кинь по округе — всему свету звестный человек и благодетель... По доброму слову, аль мы детям своим супротивники и лиходеи?

Тек Пантелею Прокофьевичу в уши пáтокой свашенькин журливый голосок. Слушал он, выдергивая из ноздрины большим и указательным пальцами пучки черных, задичавших в вечных потемках волос, и думал восхищаясь: «Эк чешет дьявол языкастая! Скажи, как чулок вяжет. Петлюет успевай разуместь, што и к чему. Иная баба забьет и казака разными словами... Ишь ты моль в юбке!» — любовался||

<Л. 29 об.>

56.

он свахой, пластавшейся в похвалах невесте и невестиной родне, начиная с пятого колена.

— Чево и гутарить, зла мы дитю своему не желаем. Про то речь, што выдавать, кубыть и рано. — миротворил хозяин лоснясь улыбкой и веснушками.

— Не рано! Истинный бог не рано! — уговаривал его Пантелей Прокофьевич.

— Придется, рано-ль, поздно-ль, расставаться... — всхлинула хозяйка полу-притворно, полуискренне.

— Кличь дочерю, Мирон Григорич, поглядим.

— Наталья!

В дверях несмело стала невеста. Смуглыми пальцами суетливо перебирала оборку фартука.

— Пройди, пройди! Ишь засовестилась, — подбодрила мать и улыбнулась сквозь слезную муть.

Григорий, сидевший возле тяжелого, в голубых слинявших цветах сундука, глянул на нее.

Под черной стоячей пылью коклюшевого шарфа смелые серые глаза. На упругой щеке дрожала от смущения и сдержанной улыбки неглубокая розовеющая ямка. Григорий перевел взгляд на руки: — большие, раздавленные работой. Под зеленой кофточкой, охватившей [плотно] плотный сбитень тела, наивно и жалко высывывались поднимаясь вверх и врозь небольшие девичье-каменные груди, пуговками торчали остренькие соски.

Григорьевы глаза в минуту обежали всю ее с головы до высоких красивых ног. Осмотрел, как барышник оглядывает матку-кобылицу перед покупкой, подумал: «Хороша», и встретился с ее глазами направленными на него в упор. Бесхитростный, чуть смущенный, правдивый взгляд словно говорил: «Вот я вся, какая есть. Как хочешь, так суди меня». — «Славная». — ответил Григорий глазами и улыбкой.

— Ну, ступай. — махнул хозяин рукой.

Наталья, прикрывая за собой дверь глянула на Григория не скрывая улыбки и любопытства.

— Вот што, Пантелей Прокофич, — начал хозяин переглянувшись с женой, — посоветуйте вы и мы посоветуем промеж себя, семейно. А потом уж и порешим дело, будем мы сватами, аль не будем.

Сходя с крыльца Пантелей Прокофьевич сулил:||

<Л. 30.>

57.

— К предбудущему воскресенью набегем.

Хозяин, провожавший их до ворот умышленно промолчал, как будто ничего и не слышал.

XVI.

Только после того, как узнал от Томилина про Аксинью, понял Степан вынашивая в душе тоску и ненависть, что несмотря на плохую жизнь с ней, на ту давнишнюю обиду, любил он ее тяжелой ненавидящей любовью.

По ночам лежал в повозке укрывшись шинелью, заломив над головою руки думал о том, как вернется домой, как встретит его жена, и чувствовал словно вместо сердца копошится в груди мохнатый тарантул... Обтянув глаза посинелыми веками лежал готовя в уме тысячи подробностей расправы и было такое ощущение, будто на зубах зернистый и крупный песок. Расплескал злобу в драке с Петром. Домой приехал вялый, поэтому-то легко отделалась Аксинья.

С того дня прижился в Астаховом курене невидимый покойник. Аксинья ходила на ципочках, говорила шопотом, но в глазах, присыпанный пеплом страха, чуть приметно тлел уголек, оставшийся от зажженного Гришкой пожара.

Вглядываясь в нее Степан скорее чувствовал это, чем видел. Мучился. По ночам, когда в кухне над комелем засыпало мушиное стадо и Аксинья дрожа губами стелила постель, бил ее Степан зажимая рот черной шершавой ладонью. Выспрашивал бесстыдные подробности о связи с Гришкой. Аксинья металась по твердой, с запахом овчины кровати, трудно дышала. Степан приморившись истязать мягкое, как закрутившее тесто, тело, шарил по лицу ее рукою, слез искал. Но щеки Аксиньи были пламенно сухи, двигались под пальцами Степана сжимаясь и разжимаясь челюсти.

— Скажешь?

— Нет!

— Убью!..

— Убей! Убей, ради Христа... Отмучаюсь... Не житье...

Стиснув зубы Степан закручивал на жениной||

<Л. 30 об.>

58.

груди прохладную от пота тонкую кожу.

Аксинья вздрагивая стонала.

— Больно, што-ль? — веселел Степан.

— Больно.

— А мне, думаешь, не больно было?..

Засыпал он поздно. Во сне сжимал и двигал черными, пухлыми в суставах пальцами. Аксинья приподнявшись на локте подолгу глядела на красивое измененное сном лицо мужа. Роняя на подушку голову что-то шептала.

Гришку она почти не видела. Раз как-то у Дона повстречалась с ним. Григорий пригонял поить быков, поднимался по спуску помахивая красненькой хворостинкой, глядя под ноги. Аксинья шла ему навстречу. Увидела и почувствовала, как похолодело под руками коромысло и жаром осыпала кровь виски.

После вспоминая эту встречу ей стоило немалых усилий, что-бы уверить себя, что это было на яву. Григорий увидел ее когда она почти поровнялась с ним. На требовательный скрип ведер приподнял голову, дрогнув бровями и глупо улыбнулся.

Аксинья шла глядя через его голову на зеленый дышащий волнами Дон, еще дальше — на гребень песчаной косы. Краска выжала из глаз ее слезы.

— Ксюша!..

Аксинья прошла несколько шагов и стала нагнув голову, как под ударом. Григорий злобно хлестнул хворостиной отставшего муругого быка, сказал не поврачивая головы.

— Степан когда выедет жито косить?

— Зараз... Запрягает.

— Проводишь — иди в наши подсолнухи, в займище и я приду.

Поскрипывая ведрами Аксинья сошла к Дону. У берега, желтым пыльным кружевом на зеленом подоле волны, змеилась пена. Белые чайки-рыболовы с криком носились над Доном. Серебряным дождем сыпала над поверхностью воды мелочь-рыбешка. С той стороны, за белью песчаной косы величаво и строго высились седые||

<Л. 31>

59.

под ветром головы старых тополей. Аксинья черпая воду уронила ведро. Поднимая левой рукой юбку забрела по колено. Вода защекотала натертые подвязками икры и Аксинья в первый раз после приезда Степана засмеялась тихо и неуверенно. Оглянулась на Гришку: так-же помахивая хворостинкой, будто отгоняя оводов, медленно взбирался он по спуску.

Аксинья ласкала мутным от прихлынувших слез взглядом его сильные ноги, уверенно попиравшие землю. Широкие Гришкины шаровары, вобратые в белые шерстяные чулки, алели лампасами. На спине его возле лопатки трепыхался клочок свежее [оторванной] порванной грязной рубахи, желтел смуглый треугольник оголенного тела. Аксинья целовала глазами этот крохотный, когда-то ей принадлежавший кусочек любимого тела; слезы падали на улыбавшиеся побледневшие губы.

Она поставила на песок ведра и цепляя дужку зубцом коромысла увидела на песке след оставленный остроносый Гришкиным чириком. Воровато огляделась: никого, лишь на дальней пристани купаются ребяташки. Присела на корточках и прикрыла ладонью след, потом вскинула на плечи коромысло и улыбаясь над собой заспешила домой.

Над хутором задернутое кисейной полумглой шло солнце. Где-то под курчавым табуном белых облачков сияла глубокая, прохладная, пастбищная синь, а

над хутором; над раскаленными железными крышами, над безлюдьем пыльных улиц, над дворами с желтым выжженным сухменем травы висел мертвый зной.

Аксинья, плеская из ведер воду на растрескавшуюся землю, покачиваясь подошла к крыльцу. Степан в широкополой соломенной шляпе запрягал в косилку лошадей. Поправляя шлею на дремавшей в хомуте кобыле глянул на Аксинью.

— Налей воды в баклагу.

Аксинья вылила в баклагу ведро, обожгла руки о железные склепанные обручи.||

<Л. 31 об.>

60.

— Леду бы надо. Степлится вода. — сказала глядя на мокрую от пота спину мужа.

— Поди возьми у Мелеховых. Не ходи!.. — крикнул Степан вспомнив.

Аксинья пошла затворить брошеную настежь калитку. Степан опустив зрачки ухватил кнут.

— Куда?!..

— Калитку прикрыть.

— Вернись, падлюка!.. Сказано не ходи!

Она торопливо подошла к крыльцу, хотела повесить коромысло, но дрогнувшие руки отказались служить, — коромысло покатилося по порожкам.

Степан кинул на переднее сиденье брезентовый плащ, усаживаясь расправил вожжи.

— Ворота отвори.

Распахнув ворота Аксинья осмелилась спросить

— Когда приедешь?

— К вечеру. Сложился косить с Аникушкой. Харчи ему отнеси. Из кузни придет — поедет на поля.

Мелкие колеса косилки повизгивая, врезаясь в серый плюш пыли выбрались за ворота. Аксинья вошла в дом, постояла прижимая ладони к сердцу и накинув платок побежала к Дону.

«А, ну, как вернется? Что тогда?» — опалила мысль. Стала, словно под ногами увидела глубокий яр, поглядела назад и чуть не рысью по над Доном к займищу.

Плетни. Огороды. Желтая марь засматривающих солнцу в глаза подсолнухов. Зеленая в бледной цветени картофель. Вот шамилевские бабы припоздав допалывают картофельную деляну: согнутые, в розовых рубахах спины, короткие взлеты падающих на серую пахоть мотыг. Аксинья не переводя [дух] духа дошла до мелеховского огорода. Оглянувшись и скинув хворостяный кляч с устоя открыла дверцы. По утопанной стежке дошла до зеленого частокола подсолнечных будыльев. Пригинаясь забралась в самую гущину, измазала лицо золотистой цветковой пылью и подбирая юбку присела на расшитую повителью землю.

Прислушалась: тишина до звона в ушах.||

<Л. 32>

61.

Где-то вверху одиноко гудит шмель. Полые, в щетинистом пушке будылья подсолнечников молча сосут землю.

С полчаса сидела терзаясь сомнением, — придет или нет, — хотела уж итти, привстала поправляя под платком волосы, в это время тягуче закрипели дверцы.

Шаги и:

- Аксютка!
- Сюда иди...
- Ага, пришла.

Шелестя листьями подошел Григорий и сел рядом. Помолчали.

— В чем это у тебя щека?

Аксинья рукавом размазала желтую пахучую пыль.

- Должно с подсолнуха.
- Ишо вот тут, возля глаза...

Вытерла. Встретилась глазами. И отвечая на Гришкин немой вопрос заплакала.

- Мóчи нету!.. Пропала я, Гриша...
- Чево-ж он?

Аксинья злобно рванула ворот кофты. На вывалившихся розоватых, девически-крепких грудях вишнево-синие частые подтеки.

— Не знаешь чево?.. Бьет кажин день!.. Кровь высасывает!.. И, ты тоже хорош... Напаскудил, как кобель и в сторону... Все вы... — дрожащими пальцами застегивала кнопки и испуганно, — не обиделся-ли, — глядела на отвернувшегося Григория.

— Виноватова ищешь? — перекусывая травяную былку протянул он. Спокойный голос его плеснулся на Аксинью варом.

- Аль, ты не виноват? — крикнула запальчиво.
- Сучка не схочет, так и кобель не вскочит.

Аксинья закрыла лицо ладонями. Крепким рассчитанным ударом упала обида.

Морщась Григорий сбоку поглядел на нее. В ложбинке между указательным и средним пальцами просачивалась у нее слеза.

Кривой, распыленный в зарослях подсолнухов луч просвечивал прозрачную капельку и сушил оставленный ею на коже влажный след.||

<Л. 32 об.>

62.

Григорий не переносил слез. Он беспокойно заерзал по земле, ожесточенно стряхнул с штанины коричневого муравья и снова коротко взглянул на Аксинью. Она сидела не изменив положения, только на тыловой стороне ладони вместо одной уже три слезных дробинки катились вперегонку.

— Чево кричишь? Обидел? Ксюша! Ну, погоди... Постой, хочу што-то сказать.

Аксинья оторвала от мокрого лица руки.

— Я за советом пришла... За што-ж, ты?.. И так горько...

«[Лежачево] Лежачего вдарил...» — побагровел Григорий.

— Ксюша... сбрыхнул словцо, ну, не обижайся...

— Я не навязываться пришла... Не бойсь!

В эту минуту она сама верила, что не за тем пришла, что-бы навязываться Григорию; но когда бежала над Доном в займище думала не отдавая себе ясного отчета: «Отговорю! Нехай не женится. С кем-же жизнь свяжу?..» Вспомнила тогда о Степане и норовисто мотнула головой отгоняя некстати подвернувшуюся мысль.

— Значица кончилась наша любовь? — спросил Григорий и лег на живот облокотившись и выплевывая розовые исжеванные под разговор лепестки повительного цветка.

— Как кончилась? — испугалась Аксинья, — Как же это?.. — переспросила она стараясь заглянуть ему в глаза.

Григорий ворочал синими выпуклыми белками, отводил глаза в сторону.

Пахла выветренная истощенная земля прелью и солнцем. Ветер шуршал перелистывая зеленые страницы подсолнечных листьев.

На минуту затуманилось солнце заслоненное курчавой спиной облака и на степь, на хутор, на аксиньину понурую голову, на розовую чашечку цветка курчеватой повители упала клубясь и уплывая дымчатая тень.

Григорий вздохнул, — лошадиный с выхрипом вышел вздох, — и лег на спину грея лопатки горячей землею.||

<Л. 33>

63.

— Вот што, Аксинья, — заговорил он медленно расстонавливая слова, — Мурно так-то... сосет идей-то в грудях... Я надумал...

Над огородом повизгивая поплыл скрип арбы.

— Цоб, лысый! Цобэ! Цобэ!

Окрик показался Аксинье настолько громким, что она ничком упала на землю. Григорий приподнимая голову шепнул:

— Платок сыми. Белеет. Как-бы не увидали.

Аксинья сняла платок. Струившийся между подсолнухами горячий ветер затрепал на шее завитки золотистого пуха. Утихая повизгивала отъезжавшая арба.

— Я вот што надумал, — начал Григорий и оживился, — што случилось тово ить не вернешь, чево-ж тут виноватова искать? Надо как-то дальше проживать...

Аксинья насторожившись слушала, ждала, ломала отнятую у муравья былку. Глянула Григорию в лицо — уловила сухой и тревожный блеск его глаз.

— ... Надумал я, давай с тобой прикончим...

Качнулась Аксинья. Скрюченными пальцами вцепилась в жилистую повитель. Раздувая ноздри ждала конца фразы. Огонь страха и нетерпения жадно лизал ей лицо, сушил во рту слюну. Думала, скажет Григорий: «... прикончим Степана», но он досадливо облизал пересохшие губы (тяжело ворочались они), и сказал:

— ... прикончим эту историю. А?

Аксинья встала и натываясь грудью на желтые болтающиеся головки подсолнечников пошла к дверцам.

— Аксинья! — придушенно окликнул Григорий.

Тягуче заскрипели дверцы.

Григорий скинул фуражку, чтоб не виднелся красный околыш, шурясь поглядел Аксинье вслед. Не она шла иной, будто ухарской, в раскачку поступью, а другая, чужая и незнакомая.||

<Л. 33 об.>

64.

XVII.

За житом, не успели еще свозить на гумна, подошла и пшеница. На суглинистых местах, на пригорках желтел и сворачивался в трубку подгорающий лист, пересыхал отживший свое стебель. Урожай, — хвалились люди, — добрый. Колос ядреный, зерно тяжеловесное, пухлое.

С весны прихватило хлеба восточным суховеем, оттого стебель низкоросл вышел, тощ. Соломенка — никудышняя.

Пантелей Прокофьевич посоветовавшись с Ильинишной порешил, если со сватают у Коршуновых — отложить свадьбу до крайнего Спаса. За ответом еще не ездили, тут покос подошел, а тут праздника ждали.

Косить выехали в пятницу. В косилке шла тройка лошадей. Пантелей Прокофьевич подтесывал на арбе люшню, готовил хода к возке хлеба. На покос выехали Петро и Григорий.

Григорий шел придерживаясь за переднее стульце, на котором сидел Петро, хмурился. От нижней челюсти наискосок к скулам дрожа перекачивались жевалки. Петро знал, что это — верный признак того, что Григорий кипит и готов на любой безрассудный поступок, но посмеиваясь в пшеничные свои усы продолжал дразнить брата:

— Ей-бо, рассказывала!

— Ну, и пушай. — мурчал Григорий прикусывая пушистый волосок усины.

— Иду, — гутарит, — с горóда, слышу в мелеховских подсолнухах, кубыть, людские голоса.

— Петро, брось!

— Да-а-а... голоса. Я это, дескать заглянула через плетень...

Григорий часто заморгал глазами, посерел в лице.

— Перестанешь? Нет?..

— Вот чудак, дай досказать-то!

— Гляди, Петро, подеремся. — пригрозил Григорий отставая.

Петро пошевелил бровями и пересел задом к лошадям, лицом к Григорию, шагавшему сзади||

<Л. 34>

65.

— Заглянула, мол, через плетень, а они, любушки, лежат в обнемку. «Кто?» — спрашиваю, а она: да Аксютка Астахова с твоим братом. Я говорю...

Григорий ухватил за держак короткие вилы, лежавшие в задке косилки, и кинулся к Петру. Тот бросив вожжи прыгнул с сиденья, вильнул лошадям на перед.

— Тю, проклятый!.. Сбесился!.. Тю! Тю! Глянь на нево...

Оскалив по волчьим зубам Григорий метнул вилы. Петро упал на руки и вилы, пролетев над ним, на вершок вошли в кремнисто сухую землю, задрожали, вызванивая.

Потемневший Петро держал под уздцы взволнованных криком лошадей и ругался.

— Убить-бы мог, сволочь!

— И убил-ба!

— Дурак, ты! Чорт бешеный! Вот в батину породу выродился, истованный черкесюка!

Григорий выдернул вилы и пошел следом за тронувшейся косилкой. Петро поманил его пальцем.

— Поди ко мне. Дай-ка вилы.

Он передал в левую руку вожжи и взял вилы за выбеленный зубец. Дернул ничего не ожидавшего Григория держакон вдоль спины.

— С потягом-бы надо! — пожалел оглядывая отпрыгнувшего в сторону Григория.

Через минуту закуривая глянули друг-другу в глаза и захохотали.

Христинина жена, ехавшая с возом по другой дороге, видела, как Гришка запустил вилами в брата. Она привстала на возу, на колыхавшемся под ногами жите, но не могла разглядеть, что происходило у Мелеховых, заслоняли взгляд косилка и лошади. Не успела въехать в проулок, — шумнула соседке:

— Климовна! Надбьги, скажи Пантелею-турку, што ихние ребята возля Татарскова кургана вилами попоролись. Задрались, а Гришка, — ить он же взгальный! — как саданёть [*Петра*] *Пятра* вилами в бок, а энтот, тем часом ево... Там кровишши натякло — страсть!..||

<Л. 34 об.>

66.

* * *

Петро уж охрип орать на нудившихся лошадей и залиvisto посвистывал. Григорий упираясь черной от пыли ногой в перекладину спихивал с косилки наметаемые крыльями валы. Лошади в кровь иссеченные мухами крутили хвостами и недружно натягивали постромки.

По степи до голубенькой каемки горизонта копошились люди. Стрекотали, чечёкали ножи косилок, пятнилась валами скошенного хлеба степь. Передразнивая погоничей, свистели на кургашках сурки.

— Ишо два загона и закурим. — сквозь свист крыльев и перестук ножей крикнул [оборачиваясь] **поворачиваясь** Петро. Григорий кивнул головой. Обветренные порепавшиеся губы трудно было расжимать. Он короче перехватывал вилы, чтоб легче было спихивать тяжелые вороха хлеба, [и] порывисто дышал. Мокрая от пота грудь чесалась. Из-под шляпы тек горький пот, попадая в глаза щипал, как мыло. Остановив лошадей напились и закурили.

— [Напились] По шляху кто-то верхи бегет. — Глядя из-под ладони проговорил Петро.

Григорий всмотрелся и изумленно поднял брови.

— Батя, никак.

— Очумел, ты! На чем он поскачет, кони в косилке ходют.

— Он.

— Обознался, Гришка.

— Ей-богу, он!

Через минуту ясно стало видно лошадь, стлавшуюся в броском намете и седока.

— Батя... — в испуганном недоумении затоптался на месте Петро.

— Должно дома што-нибудь... — высказал Григорий общую мысль.

Пантелей Прокофьевич не доезжая сажен сто придержал лошадь и потрусил рысью.

— Пе-ре-по-рю-юуу, сукины сыны!.. — завопил он еще издали и размотал над головой ременный арапник.

— Чево он?.. — окончательно изумился Петро засовывая в рот до половины свой пшеничный ус¹.

— Хоронись за косилку! Истинный бог, стебанет кнутом. Покель разберемся, а он выпорет... — посме-||

<Л. 35>

67.

иваясь сказал Григорий и на всякий случай зашел на ту сторону косилки. Взмыленная лошадь шла по жнивью тряской рысцей. Пантелей Прокофьевич болтая ногами (ехал он без седла, охлюпкой), потрясал арапником.

— Што, вы тут наделали, чортово семя?!..

— Косим... — развел руками Петро и опасно покосился на арапник.

— Кто ково вилами спорол? За што дрались?..

Повернувшись к отцу спиной Григорий шепотом считал разметанные ветром облака.

— Ты, што? Какими вилами? Кто дрался?.. — Петро моргая глядел на отца снизу вверх и переступал с ноги на ногу.

— Да как-же, мать ее курица, прибегла и орёт: «Ребята ваши вилами попоролись. А? Это как?..»

Пантелей Прокофьевич исступленно затряс головой и бросив повод соскочил с задыхавшейся лошади.

¹ ППС: «пшеничный свой ус».

— Я у Семишина Федьки коня ухватил, да в намёт. А?..

— Да кто это говорил?

— Баба!..

— Брешет она, батя! Спала проклятая на возу и привиделось ей такое.

— Баба! — визгливо закричал Пантелей Прокофьевич измываясь над собственной бородой, — Климовна-курва! Ах, ты, Бож-ж-же мой!.. А? Запорю сучку!.. — затупотел он ногами, припадая на левую хроющую.

Подрагивая от немого смеха лопатками Григорий глядел под ноги. Петро глаз не спуская с отца поглаживал потную голову.

Пантелей Прокофьевич напрыгался и притих. Сел на косилку, проехал, скидывая, два загона и чертыхаясь влез на лошадь. Выехал на шлях, обогнал два воза с хлебом и запылил в хутор. На борозде остался позабытый, мелко витой с нарядным махром арапник. Петро покрутил его в руках, головой покачал и к Гришке:

— Было-б нам с тобой, парнишша. Ить это рази арапник? Это, — брат, — увечье, голову отсечь можно.||

<Л. 35 об.>

68.

XVIII.

Коршуновы слыли первыми богачами в хуторе Татарском. Четырнадцать пар быков, косяк лошадей, матки с Провальских заводов, полтора десятка коров, пропасть гулевого скота, гурт в несколько сот овец. Да и так поглядеть есть на что: дом не хуже моховского, о шести комнатах — под железом, ошалеван пластинами; дворовая служба крыта черепицей нарядной и новой; сад десятины полторы с ливадой. Чего-же еще человеку надо?

Поэтому-то с робостью и затаенной неохотой ездил в первый раз Пантелей Прокофьевич свататься. Коршуновы для своей дочери жениха не такого, как Григорий могли подыскать. Пантелей Прокофьевич понимал это, боялся отказа, не хотел кланяться своенравному Коршуну; но Ильинишна точила его, как ржавь железо и под конец сломила упрямство старика. Пантелей Прокофьевич согласился и поехал кляня в душе и Гришку, и Ильинишну и белый свет кстати.

Надо было ехать во второй раз за ответом, ждали воскресенья, а в это время под крашеной медянкой крышей коршуновского дома горела глухая междоусобица.

После отъезда сватов невеста на материн вопрос ответила:

— Люб мне Гришка, а больше ни за кого не пойду!

— Нашла жениха, дурёха, — урезонивал отец, — Только и доброва, што черный, как цыган. Да рази я тебе, моя ягодка, такова женишка сыщу?

— Не нужны мне, батенка, другие... — краснела и роняла слезы Наталья, — Не пойду пушай хучь не сватают. А то хучь в Усть-Медведицкий монастырь везите...

— Потаскун, бабник, по жалмеркам бегаёт. — козырял отец последним доводом, — Слава на весь хутор легла.

— Ну и нехай!

— Тебе нехай, а мне и подавно. С моей руки куль муки, когда такое дело.

Наталья — старшая дочь была у отца любимицей, оттого не теснил он ее выбором. Еще в прошлый мясоед наезжали||

<Л. 36>

69.

сваты издалека, с речки Цуцкана, богатые невпроворот старoverы-казаки; прибывались и с Хопра сваты и с Чира, но женихи Наталье не нравились и пропадала даром сватовская хлеб-соль.

Миرونу Григорьевичу в душе Гришка нравился за казацкую удаль, за любовь к хозяйству и работе. Он выделил его из толпы станичных парней еще тогда, когда на скачках Гришка за джигитовку снял первый приз, но ему казалось обидным отдать дочь за жениха небогатого и опороченного дурной славой.

— Работящий паренек и собой с лица красивенький... — нашептывала по ночам ему жена поглаживая его засеянную веснушками и рыжей щетиной руку, — А Наталья, Григорич, по нем чисто ссохлась вся... дуже к сердцу пришелся. Мирон Григорьевич поворачивался спиной к жениной костлявой холодной груди, сердито бурчал:

— Отвяжись, репей! Выдавай хучь за Пашу-дурачка мне-то што? То-то умом бог обнес! «С лица красивенький...» — косноязычил он жену,

— Што, ты с ево морды урожай будешь сымать што-ли?

— Так уж урожай...

— Да понятно, на што тебе ево личность? Был-бы сам из себя человек. Да мне, признаться, и зазорно трошки выдавать свою дочерю к туркам. Уж были-б люди, как люди... — гордился Мирон Григорьевич подпрыгивая на кровати.

— Работящая семья и при достатке... — нашептывала жена и придвигаясь к плотной спине мужа успокаивающе гладила ево руку.

— Э, чорт, отдвинься што-ли! Чисто тебе места окромя нету. Што-ты меня гладишь-то, как стельную корову? А с Натальей — как знаешь. Выдавай хучь за стриженую девку!..

— Дитя свово жалеть надо. Бог с ним и с богатством... — шипела в заросшее волосами ухо Мирона Григорьевича. Тот сучил ногами, влипал в стенку и всхрапывал, будто засыпая.||

<Л. 36 об.>

70.

Приезд сватов застал их врасплох.

После обедни подкатили они на тарантасе к воротам. Ильинишна наступив на подножку едва не опрокинула тарантас, а Пантелей Прокофьевич прыгнул с сиденья молодым петухом, хотя и осушил ноги, но вида не подал и молодецки зачилял к куреню.

— Вот они! Как чорт их принес! — охнул Мирон Григорьевич выглядывая в окно.

— Светики-кормильцы, я-то как стряпалась, так и не скинула буднюю юбку! — вскудаhtалась хозяйка.

— Хороша и так! Небось не за тебя сватаются, кому нужна-то, лишай конский...

— Сроду безобразник, а под старость дюжей свихнулся.

— Но-но, ты у меня помалкивай!

— Рубаху-ба чистую надел, кабаржину вон на спине видать, и не совестно? Ишь, нячистый дух! — ругалась жена оглядывая Мирона Григорьевича пока сваты шли по базу.

— Небось гляди угадают и в этой. Рогожку надену и то не откажутся.

— Доброва здоровья! — спотыкаясь о порог кукарекнул Пантелей Прокофьевич и сконфузился за зычный свой голос; дело поправил тем, что с полфунта черной шерсти, выросшей на бороде, запихнул себе в рот и лишний раз перекрестился на образа.

— Здравствуйте. — приветствовал хозяин чортом оглядывая сватов.

— Погодку дает бог.

— Слава богу, держится.

— Народ хучь трошки подуправится.

— Уж это так.

— Та-а-ак...

— Агм.

— Вот мы и приехали, значица, Мирон Григорич... С тем, штоб узнать, как вы промеж себя надумали, и сойдемся-ли мы сватами, али не сойдемся...

— Проходите пожалуста. Садитесь пожалуста, — приглашала хозяйка кланяясь и обдувая подолом длинной сборчатой юбки натертый кирпичем||

<Л. 37>

71.

пол.

— Не беспокойтеся пожалуста. — Ильинишна уселась шелестя поплином [*подворачиваемой*] **подворачиваемого** [юбки] платья. Мирон Григорьевич облокотился о стол принаряженный новой клеенкой, помолчал. От клеенки дурно пахло мокрой резиной и еще чем-то; важно глядели покойники цари и царицы с каемчатых углов, а на середине красовались августейшие девицы в белых шляпах и обсиженный мухами Государь Николай Александрович.

Мирон Григорьевич порвал молчание:

— Што-ж... порешили мы девку отдать. Породнимся коли сойдемся...

В этом месте речи Ильинишна откуда-то из неведомых глубин своей люстриновой, с буфами на рукавах, кофты; откуда-то, как будто, аж из-за спины выволокла наружу высокий белый хлеб и жмякнула его на стол.

Пантелей Прокофьевич хотел зачем-то перекреститься, но заскорузлые клешнятые [*его*] пальцы сложившись в крестное знамение и поднявшись до половины следуемого пути, изменили форму: большой черный и ногтястый палец против воли хозяина нечаянно просунулся между указательным и средним и этот бес-

стыдный узелок пальцев воровато скользнул за оттопыренную полу синего чекмена, а оттуда извлек схваченную за горло красноголовую бутылку.

— Давайте теперя, дорогие вы мои сваточки, помолимся богу и выпьем и поговорим про наших деточков и про уговор...

Пантелей Прокофьевич растроганно моргая, глядел на засеянное холодными конапушками лицо свата и ласково шлепал широкой, как лошадиное копыто ладонью бутылку в зад.

Через час сваты сидели так тесно, что смолянистые кольца мелеховской бороды шупали прямые рыжие пряди коршуновской бороды. Пантелей Прокофьевич сладко дышал соленным [у] огурцом и уговаривал:

— Дорогой мой сват, — начинал он гудящим шепотом, — дорогой мой сваточек! — сразу повышал голос до крика, — Сват! — ревел он обнажая||

<Л. 37 об.>

72.

черные притупленные резцы, — Кладка ваша черезчур очень дюже непереносимая для меня! Ты вздумай, дорогой сват, вздумай, как ты меня желаешь обидеть: гетры с калошами — раз, шуба донская — два, две платки шерстяных — три, платок шелковый — четыре. Ить это — раз-зор-ренья!..

Пантелей Прокофьевич широко разводил руками, [скл] швы на плечах его лейб-казачьего мундира трещали и пучками поднималась пыль.

Мирон Григорьевич снизив голову глядел на [клеенку] залитую водкой и огуречным рассолом клеенку. Прочитал [на] вверху завитую затейливым рисунком надпись «Самодержцы российские». Повел глазами пониже: «Его Императорское Величество Государь Император Николай...» — дальше легла картофельная кожура. Всмотрелся в рисунок: лицо государя не видно, стоит на нем опорожненная водочная бутылка. Мирон Григорьевич благоговейно моргая пытался разглядеть форму богатого, под белым поясом мундира, но мундир был густо заплеван огуречными скользкими семечками. Из круга бесцветно-одинаковых дочерей самодовольно глядела императрица в широкополой шляпе. Стало Мирону Григорьевичу обидно до слез. Подумал: «Глядишь зараз дюже гордо, как гусыня из кошолки, а вот придется дочерю выдавать замуж — тогда я по-гля-жу-у-у... Небось тогда запрядаешь!»

Под ухом его большим черным шмелем гудел Пантелей Прокофьевич. Поднял на него в мутной слизи глаза, прислушался:

— Нам штоб справить для твоей, а теперя оно все одно и моей, дочери... для моей и твоей дочери такую кладку... Опять-же гетры с калошами и шуба донская... Нам надо скотиняку с базу согнать и продать.

— Жалко?.. — стукнул Мирон Григорьевич кулаком.

— Не в том случае, што жалко...

— Жалко?!..

— Погоди, сват...

— А коли жалко — под такую мать!

Мирон Григорьевич повел растопыренной потной рукой по столу, сгреб на пол рюмки.||

<Л. 38>

73.

— Твоей-же дочери жить придется и наживать!

— И пу-щай! А кладку клади, иначе и не сваты!..

— Скотиняку с базу сгонять... — крутил Пантелей Прокофьевич головой. Сergyа дрожала в ухе скупко поблескивая.

— Кладка должна быть!.. У ней свово наряду сундуки, а ты мне-е-е уважь, ежели по сердцу она вам пришлась!.. Такая наша казацкая повадка, в старину было, а нам к старине лепиться...

— Уважу!..

— Уважь.

— Уважу!..

— А наживать пушай молодые наживают. Мы нажили и живем не хуже людей, мать их чорт, нехай и они наживут себе!..

Сваты сплели бороды разномастным плетнем. Пантелей Прокофьевич заел поцелуй бессочным вялым огурцом и заплакал от многих, слившихся воедино чувств.

Свахи обнявшись сидели на сундуке, глушили одна другую треском голосов. Ильинишна полыхала вишневым румянцем, сваха ее зеленела от водки, как зашибленная морозом лесная груша-зимовка.

— ...дítě, таких-то и на свете нету! Была-б тебе слухмёная да почтительная, уж эта из-под власти не выйдет. Слово, милая свашенька, вспоперек боится сказать.

— Иии, моя милушка, — перебила ее Ильинишна левой рукой подпирая щеку, а правой поддерживая под локоть левую, — до скольких разов гутарила ему, сукиному сыну! В надышнюю воскресенью так-то вечером собирается итить, табаку в кисет сыпет, а я и говорю: «Ты когда-ж ее бросишь, анчибел проклятый? До каких пор мне такую страму на старости лет примать? Ить он, Степан вязы тебе в одночась свернет!..»

Из кухни в горницу через верхнюю дверную щель выглядывал Митька, внизу шушукались две младших Натальиных сестренки.

Наталья сидела в дальней угловой комнате на лежанке, сушила слезы узким рукавом кофточки.||

<Л. 38 об.>

74.

(Пугала ее новая, стоявшая у порога жизнь; томила неизвестность.

В горнице доканчивали третью бутылку водки, сводить жениха с невестой порешили на первый спас).

XIX.

В коршуновском курене — предсвадебная суета.

Невесте наспех дошивали кое-что из белья. Наталья вечера просиживала вызывая жениху традиционный шарф из козьего дымчатого пуха и пуховые пер-

чатки; мать ее Лукинишна гнулась до потемок над швейной машиной, помогала портнихе взятой из станицы.

Митька приезжал с отцом и работниками с поля, не умываясь и не скидая с намозоленных ног тяжелых полевых чириков проходил к Наталье в горенку, подсаживался. Изводить сестру — было для него большущим удовольствием.

— Вяжешь? — коротко спрашивал он и подмигивал на пушистые мохры шарфа.

— Вяжу. А тебе чево?

— Вяжи, вяжи, дура, а он замест благодарности морду тебе набьет.

— За што?

— За здорово живешь. Я Гришку знаю, друзьяки с ним. Это такой кобель — укусит и не скажет за что.

— Не бреши уж! Кубыть я ево не знаю.

— Я-то подюжей знаю. В школу вместе ходили.

Митька тяжело и притворно вздыхал и разглядывая исцарапанные вилами ладони низко гнул высокую спину.

— Пропадешь ты за ним, Наташка. Сиди лучше в девках. Чево в нем доброва нашла? Ну? Страшён — конем не наедешь, дурковатый какой-то... Ты приглядишь: по-га-ный парень!..

Наталья сердилась, глотала слезы и клонила над шарфом жалкое лицо.

— А главное — сухота у него есть... — безжалостно ехидничал Митька, — Чево-ж, ты, кричишь? Глупая, ты, Наташка! Откажись. Я зараз заседлаю коня и поеду, скажу, мол, не забивайтесь боле...||

<Л. 39>

75.

Выручал Наталью дед Гришака: входил он в горенку шупая шишкастым костылем прочность пола и разглаживая желтую коноплю свалывшейся бороды спрашивал тыча в Митьку костылем:

— Ты чево, поганец, заявился сюда? Ась?

— На провед зашел, дедуня. — оправдывался Митька.

— Проведать? Ась? Я тебе, поганец, велю уйтить отселя. Шагом арш!

Дед взмахивал костылем и подступал к Митьке нетвердо переставляя высокие в былку ноги.

Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет. Участвовал в турецкой компании 1877 г., состоял ординарцем при генерале Гурко, попал в немилость и был отослан в полк. За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два Георгия и георгиевскую медаль. Был односумом с Прокофием Мелеховым и доживая у сына, пользуясь в хуторе всеобщим уважением за ясный, до старости ум, неподкупную честность и хлебосольство, короткие остатки жизни тратил на воспоминания.

Летом с восхода до заката солнца сиживал на заваленке, чертил костылем землю, угнув голову думал неясными образами, отрывками мыслей, плывущими сквозь мглу забвения тусклыми отсветами воспоминаний...

От потрескавшегося козырька казачьей слинявшей фуражки падала на черные веки закрытых глаз черная тень; от тени морщины щек казались глубже, седая борода отливала сизью. По пальцам, скрещенным над костылем, по кистям рук, по выпуклым черным венам шла черная, как чернозем в логу, медленная в походе кровь.

Год от года холодела кровь. Жалился дед Гришака Наталье — любимой внучке.

— Шерстяные чулки, а не греют мои ноженьки. Ты мне, чадушка свяжи крючковые.

— Што ты, дедуня, ить зараз лето! — смеялась Наталья и подсаживаясь на заваленку глядела на большое морщиненое и желтое ухо деда.

— Ды-к што-ж, моя чадунюшка, хучь она и лето||

<Л. 39 об.>

76.

а кровь, как земля в глуже, холодная.

Наталья смотрела на сетчатку жил на дедовой руке, вспоминала: во дворе рыли колодезь и она, — тогда еще девченка, — вычерпывая бадьей влажную глину делала тяжелых кукол и коров с рассыпчатыми рогами. Она живо восстанавливала в памяти ощущение, испытываемое руками от [от] прикосновения к мертвой, ледянистой земле, добытой с пятасаженной глубины, и уже со страхом смотрела на дедовы руки в коричневых, глиняного цвета старческих веснушках. Казалось ей, что по дедовым рукам течет не веселая алая кровь, а буро-синяя суглинистая земля.

— Боишься помирать, дедуня? — спрашивала она.

Дед Гришака крутил тонкой, в морщинах и сухожильях шей, словно выпрастывая ее из стоячего воротника приношенного мундира, шевелил зеленой сединой усов.

— Жду смертыньку, как дорогова гостя. Пора уж... И пожил, и царям послужил, и водки попил на своем веку. — добавлял он улыбаясь белозубым ртом и дрожа морщинками глаз.

Наталья гладила дедовы руки и отходила, а он все так-же сгорбившись, царапая землю вытертым у ручки костылем, сидел на заваленке в сереньком заштопанном во многих местах мундире; и молодо и задорно смеялись красные веселые петлицы на тугом стоячем воротнике.

Известие о том, что Наталью сватают принял он с внешним спокойствием, но в душе горевал и злобился: Наталья за столом подсовывала ему лучший кусок, Наталья стирала его бельешко, штопала, вязала чулки и чинила шаровары и рубахи. Оттого-то дед Гришака, узнав и глядел дня два на нее с суровой строгостью.

— Мелеховы — славные казаки. В одном полку служил с покойником Прокофьем. Молодецкай был казачек. А внуки как? Ась?

— И внуки ничево. — уклончиво отвечал Мирон Григорьевич.

— Гришка-то непочтительный поганец. Надьсь иду из церкви, встретлся со мной и не поздравствовался.||

<Л. 40>

77.

Старики ноне не дюже в почете...

— Он ласка́вый паренек. — вступалась Лукинишна за будущего зятя.

— Ась? Ласкавый, гутаришь? Ну, што-ж, давай бог. Абы Наташке по душам был...

В сговоре дед Гришака участия почти не принимал. На минуту выполз из горенки, посидел за столом, с трудом процедил сквозь суженное горло рюмку водки и согревшись, — чувствуя, что пьянеет, — ушел.

Дня два молча поглядывал на встревоженно-счастливую Наталью, жевал ртом, двигал пучками белых с прозеленью усов; потом, видно, смягчился.

— Наташка. — окликнул как-то.

Наталья подошла.

— Ты чево-же, внучушка, рада небось? Ась?

— Я и сама не знаю, дедуня. — призналась Наталья.

— Ну-ну... Ну-ну... Ишь ты... Ну, Христос с тобой. Дай бог. — и с досадой и горечью упрекнул:

— Не дождалась, поганка покеда помру, тогда-б и вышла... Без тебя горькая мне будет жизнь...

Митька подслушавший из кухни их разговор сказал:

— Ты, дед, может ишо сто годов проживешь, а она будет дожидаться. Штукарь, ты, добрый!

Дед Гришака покраснел до черноты и удушья. Застучал костылем, ногами.

— Цы-ы -ыц, поганец, сукин сын!.. Пошел!.. Пошел! Ах, ты, нечистый дух!.. Подслушал, вражина!..

Митька сбежал на баз посмеиваясь, а дед Гришака долго возмущался, ругал Митьку и ноги его, обутые в шерстяные короткие чулки, дрожали в коленях.

Две младших Натальиных сестренки: Маришка — подросток лет 12 и Грипа — восьмилетняя пройдоха и баловница, с нетерпением ожидали дня свадьбы.

Сдержанную радость выказывали и работники, постоянно жившие у Коршуновых. Они ждали щедрого от хозяина угощенья и надеялись на пару свободных, во время гульбы, дней. Один из них высокий с колодезный||

<Л. 40 об.>

78.

журавль, богачарский хохол с диковинной фамилией Геть-Баба, в полгода раз пил запоем. Пропивал все с себя и заработок. Давно уже подмывало его знакомое чувство сосущей тошноты, но он сдерживался, приурочивая начало запоя к свадьбе.

Второй, москлявый и смиренный казачек станицы Мигулинской, по имени Михай, жил у Коршуновых недавно. Разоренный пожаром нанялся в работники и сдружившись с Гетьком (так сокращенно звали Геть-Бабу), начал время от времени попивать. Был он страстным любителем лошадей, подвыпив, плакал и размазывая слезы по остренькому бесбровому лицу, приставал к Мирону Григорьевичу:

— Хозяин! Любушка ты моя! Будешь дочерю выдавать — Михейку в поезжанье допусти! Уж я проеду так видно будет! Сквозь полымя проскачу и волоска на конях не опалю. У меня у самова кони были... Эх!..

Постоянно мрачный и нелюдимый Гетько почему-то привязался к Михею, изводил его одной и той-же шуткой:

— Михей, чуешь? Ты какой станицы? — спрашивал он его потирая длинные, по коленные чашечки руки; и сам-же отвечал меняя голос:

— «Мигулевский. — А шо-ж це ты такой х...ский? — Та у нас уся порода такая».

Он неизменно и хрипло хохотал над постоянно повторявшейся шуткой, шлепал себя ладонями по длинным, сухим до звона голеням, а Михей ненавидяще оглядывал выбритое Гетьково лицо, кадык трепетавший на горле и ругал его «сычем» и «коростой».

Свадьбу назначили в первый мясоед. Оставалось три недели.

На Успенье приезжал Григорий проведать невесту. Посидел в горенке за круглым столом, полушил семячки и орехи с девками — подругами невесты и уехал. Наталья его провожала. Под навесом сарая, где кормился у яслей Гришкин конь подседланный новехоньким нарядным седлом, шмыгнула рукой за пазуху и краснея, глядя на Григория влюбленными глазами сунула ему в руку мягкий, тящий тепло девичьих ее грудей, матерчатый комочек.||

<Л. 41>

79.

Принимая подарок Григорий ослепил ее белизною своих волчьих зубов¹, спросил:

— Это што?

— Там увидишь... Кисет расшила.

Григорий нерешительно притянул ее к себе, хотел поцеловать, но она с силой уперлась руками ему в грудь, гибко перегнулась назад и со страхом метнула глазами на окна.

— Увидют!..

— А нехай.

— Совестно...

— Это по первам. — пояснил Григорий.

Она держала повод, Григорий жмурясь ловил ногой зазубренное стремя. Он уселся поудобней на подушке седла и поехал с база. Наталья отворила ворота, изпод ладони глядела вслед: Григорий сидел по калмыцки, слегка свесившись на левый бок, ухарски помахивая плетью.

«Одинадцать дён осталось». — высчитывала в уме Наталья и вздохнула и засмеялась.

¹ ППС: «волчьих своих зубов».

XX.

Всходит остролистая зеленая пшеница, растет, через полтора месяца грач хоронится в ней с головой — и не видно; сосет из земли соки, выколосится, набухнет¹ зерно пахучим и сладким молоком; потом зацветет, золотая пыль кроет колос. Выйдет хозяин в степь — глядит не нарадуется. Откуда не возьмись забрел в хлеба табун скота: ископытили, в пахоть затолочили грузные колосья, там где валялись — круговины примятого хлеба... дико и горько глядеть.

Так и с Аксиньей: на вызревшее в золотом цветеньи чувство наступил Гришка тяжелым сырмятным чириком. Испепелил, испоганил и все. Пусто и одичало, как на забытом затравевшем лебедою и бурьяном гумне стало на душе у Аксиньи после того, как пришла с мелеховского огорода из подсолнухов.

Шла и жевала концы платка, а горло распирает крик. Вошла в сенцы, упала на пол, задохнулась в слезах, в муче, в черной пустоте хлынувшей||

<Л. 41 об.>

80.

в голову... А потом прошло. Где-то на донышке сердца сосало и томилось остренькое.

Встает-же хлеб потравленный скотом. От росы, от солнца поднимается влоченый в землю стебель; сначала гнется, как человек, надорвавшийся непосильной тяжестью, потом прямится, поднимает голову и так-же светит ему день и тот-же качает ветер...

По ночам иступленно лаская мужа думала Аксинья о том, о другом. И плелась в душе ненависть с великой любовью. В мыслях шла баба на новое бесчестье, на прежний позор: решила отнять Гришку у счастливой, ни горя, ни радости любовной не ведавшей Натальи Коршуновой. По ночам передумывала вороха мыслей, моргала сухими глазами в темь. А на правой руке тяжелела во сне голова Степана, красивая, с курчавым длинным чубом на сторону. Дышал он полуоткрытым ртом, черная рука его, позабытая на жениной груди, шевелила растрескавшимися от работы железными пальцами. Думала. Примеряла. Передумывала. Одно лишь решила накрепко: Гришку отнять у всех, залить любовью, владеть как раньше.

И на донышке сердца остренькое, похожее на оставленное жало пчелы, точно сукровичную боль.

Это ночами, а днем топила Аксинья думки в заботах, в суете по хозяйству. Встречала где-либо Гришку и бледнея несла мимо красивое, стосковавшееся по нем тело, бесстыдно зазывно глядела в черную дичь его глаз.

Чувствовал Гришка после встреч с ней сосущую тоску. Без причины злобствовал, рвал зло на Дуняшке, на матери, а чаще всего брал шашку, уходил на задний баз и омываясь потом, двигая жевлаками скул рубил понатыканные в землю толстые хворостины. За неделю нарубил ворох. Пантелей Прокофьевич ругался сверкая серьгой и желтыми белками глаз:

¹ В черновом автографе «набухнет».

— Нарубил, дьявол паршивый, на два плетня хватило-ба. Ишь чжигит нашелся, мать твоя курица! Вон в хворост поезжай и чжигитуй!.. Погоди, парень, пой-дешь на службу там нарубишься!.. Там вашего брата||

<Л. 42>

81.

скоро объездут!..

XXI.

За невестой в поезжанье нарядили четыре пароконных подводы. По праздничному нарядные люди толпились на мелеховском базу возле бричек.

Дружко — Петро в черном сюртуке и голубых с лампасами шароварах, левый рукав его перевязан двумя белыми платками, под пшеничными усами постоянная твердая усмешка. Он — возле жениха.

— Ты, Гришка, не робей! Голову по кочетиному держи, што насупонился-то? Возле бричек бестолковщина, шумок.

— Где-же подженишник делся? Пора-бы выезжать.

— Кум!

— А?

— Кум, ты на второй бричке поедешь. Слышишь, кум?

— Люльки поприцепили на бричках?

— Небось не рассыпешься и без люлек. Мягкая.

Дарья, в малиновой шерстяной юбке гибкая и тонкая, как красноталовая хвостинка, поводя подкрашенными дугами бровей толкала Петра.

— Пора ехать, говори бате. Там заждались теперича.

Пошептавшись с прихрамавшим откуда-то отцом Петро распорядился.

— Рассаживайся! На мою бричку пятеро с женихом. Аникей, ты за кучера.

Разместились. Багровая и торжественная Ильинишна отворила ворота. Четыре брички захватили по улице наперегонки.

Петро сидел рядом с Григорием. Против них махала кружевной утиркой Дарья. Ухабы и кочки рвали голоса затянувшие песню.

Красные околыши казачьих фуражек, синие и черные мундиры и сюртуки, рукава в белых перевязях, рассыпанная радуга бабьих шалевых платков, цветные юбки, кисейные шлейфы пыли за каждой бричкой.

Поезжанье.

Аникей — сосед Мелеховых, доводившийся Григорию троюродным братом, правил лошадьми. Свешиваясь почти падая с козел||

<Л. 42 об.>

82.

он щелкал кнутом, взгикивал, и запотевшие лошади рвали постромки вытягиваясь в струну.

— Сыпь им! Сыпь!.. — орал Петро.

Безусый скопцеватый Аникей подмигивал Григорию и морща голое бабье лицо тонкой улыбкой, взвизгивал и порол лошадей кнутом.

— То-ро-ни-и-сь!.. — прогремел, обгоняя их Илья Ожогин — дядя жениха по материной линии.

За его спиной разглядел Григорий счастливое с подпрыгивающими смуглыми щеками лицо Дуняшки.

— Нет погоди!.. — крикнул Аникей вскочив на ноги, и пронзительно свиснул.

Лошади захлестнулись в бешеной скачке.

— Упа-па-па-де-ешь!.. — визжала Дарья подпрыгиваясь и обнимая руками лакированные сапоги Аникея.

— Держись!.. — ухал в стороне дядя Илья. Голос его тонул в сплошном стоне колес.

Остальные две брички, до верху набитые цветными воющими кучами людей, скакали по дороге рядом. Лошади в кумачных, голубых, бледно-розовых попонках; в бумажных цветах, в лентах заплетенных в гривы и чолки, в перезвяке громышков, — стлались над кочковатой дорогой роняя шмотья мыла, и попонки над взмысленными мокрыми спинами хлопали, рябились, полоскаемые ветром.

У коршуновских ворот поезжанье сторожила ватага ребятишек. Увидели пыль по дороге и сыпанули во двор.

— Едут!

— Скачют!..

— За-видне-лись! — огорновали встреченного Гетька.

— Шо сгуртовались? Геть, вражьи горобци! Зачулюкали аж глушно!

— Хохол-мазница, давай с тобой дражница! Хохол! Хохол!.. Дегтярник!.. — завершала [*детва*] **детвора**, прыгая вокруг мешочных широких шаровар Гетька. Тот наклоняя голову, будто в колодезь засматривая, оглядывал бесновавшихся ребят и чесал длинный тугой живот снисходительно улыбаясь.

Брички с гомоном вкатили во двор. Петро повел Григория на крыльцо, следом потекли приехавшие в поезжаньи.

Из сеней в кухню дверь заперта. Петро||

<Л. 43>

83.

постучался.

— Господи Иусе Христе, помилуй нас.

— Аминь. — откликнулись из-за двери.

Петро повторил стук [*до*] и слова до трех раз. Ему глухо откликались.

— Разрешите взойтить?

— Милости просим!

Дверь распахнулась. Свашка — крестная мать Натальи — вдовая красивая баба встретила Петра поклоном и тонкой малиновой усмешкой.

— Прими, дружко на доброе здравие.

Она протянула Петру стакан с мутным невыстоявшимся квасом. Петро разглядел усы, выпил и крякнул под общий сдержанный смех.

— Ну, свашенька и угостила... Погоди, ягодка моя ежевишная, я тебя не так угощу, ишо наплачешься!..

— Извиняйте пожалуйста. — кланялась свашка даря Петра отточенной, с лукавцем улыбкой.

Пока дружка с свашкой состязались в острословиях, жениховой родне, согласно уговора, поднесли по три рюмки водки. Наталью, уже одетую в подвенечное платье и фату, стерегли за столом: Маришка в вытянутой руке держала скало, Грипа брызгая из черешенок-глаз вызывающий задор трясла посевкой.

Запотевший, хмельной от водки Петро с поклоном поднес им в рюмке по полтиннику. Сваха мигнула Маришке, та по столу скалом:

— Мало! Не продадим невесту!..

Еще раз поднес Петро позвенивавшую в рюмке [се] шепот серебряной мелочи.

— Не отдадим! — лютовали сестры толкая локтями потупленную Наталью.

— Чево уж там! Итак плочено-переплочено!

— Уступайте, девки. — приказал Мирон Григорьевич и улыбаясь протиснулся к столу. Рыжая голова его, приглаженная топленным коровьим маслом пахла потом и навозной прелью.

Сидевшие за столом родственники и близкие невесты встали очищая место.

Петро сунул Григорию в руку конец платка, вспрыгнул на лавку и повел его по-за столом к невесте, сидевшей под образами. Другой конец взяла||

<Л. 43 об.>

84.

Наталья потной от смущения рукой.

За столом чавкали раздирая вареную курятину руками, вытирая руки о волосы. Аникей грыз куриную кабаргу, [и] по голой бороде стекал на воротник желтый жир.

Григорий с внутренним сожалением поглядывал на свою и Натальину ложки, связанные платочком, на дымившуюся в обливной чашке лапшу. Ему хотелось есть, неприятно и глухо бурчало в животе.

Дарья угощалась сидя рядом с дядей Ильей.

Тот общипывал ядреными клыками баранье ребро и, наверное, шептал Дарье непристойности; потому, что та суживая глаза, подрагивая бровями краснела и посмеивалась.

Ели основательно и долго. Запах смолистого мужского пота мешался с едким и пряным бабьим. От слежавшихся в сундуке юбок, сюртуков и шалек пахло нафталином и еще чем-то сладко-тяжелым, так пахнут старушечьи затасканные канунницы.

Григорий искоса поглядывал на Наталью. И тут в первый раз заметил, что верхняя губа у нее пухловата, свисает над нижней козырьком. Заметил еще, что на правой щеке пониже скулы лепится коричневая родинка, а на родинке два золотистых волоска. И от этого, почему-то, стало мўторно. Вспомнил Аксиньину точеную шею с курчавыми пушистыми завитками волос и явилось такое ощущение будто насыпали ему за ожерелок рубахи на потную спину колючую сенную

труху. Поежился и с задавленной тоской оглядел чавкающих, хлюпающих, жрущих людей.

Когда выходили из-за стола кто-то дыша взваром и сытой окисью пшеничного хлеба нагнулся над ним, всыпал за голенище сапога горсть пшена; для того, чтобы с дурного глаза не сделалось с женихом чего дурного. Всю обратную дорогу пшено терло ногу, тугой ожерелок рубахи душил горло и Григорий в холодной отчаянной злобе шептал про себя ругательства.||

<Л. 44>

85.

XXII.

[Передох] Отдохнувшие у Коршуновых лошади шли добирая до мелеховского база из последних сил. На ременных шлеях стекая клубилась пена.

Подвыпившие кучера гнали бесжалостно.

Поезжанье встретили старики. Пантелей Прокофьевич, блистая чернью выложенной сединным серебром бороды, держал икону, Ильинишна стояла рядом, и каменно застыли её тонкие [ee] губы.

Григорий с Натальей подошли под благословенье засыпанные винным хмелем и зернами пшеницы. Благословляя уронил Пантелей Прокофьевич слезу и засуе-тился, нахмурился жалея, что люди были свидетелями такой его слабости.

Нареченные вошли в дом. Красная от водки, езды и солнцепека, Дарья выско-чила на крыльцо, обрушилась на бежавшую из стряпки Дуняшку.

— Где Петро?..

— Не видала.

— К попу надо бечь, а он треклятый запрóпал!

Петро через меру хлебнувший водки лежал на арбе снятой с передка и стонал. Дарья вцепилась в него коршуном.

— Нажра-а-ался, идолюка! К попу надо бечь!.. Вставай!

— Пышла, ты. Не признаю! Ты што — за начальство? — резонно заметил тот шаря по земле руками, сгребая в кучу куриный помет и объедья соломы.

Дарья плача просунула ему в рот два пальца, придавила болтавший несураз-ное язык и помогла облегчиться. Ошалевшему от неожиданности Петру вылили на голову цыбарку колодезной воды, вытерли до суха сушившейся попоной, [и] проводили к попу.

Через час Григорий стоял в церкви рядом с похорошевшей в свете свечей На-тальей, давил в руке восковой стержень свечки, скользя по густой стене шепчу-щегося народа невидящими глазами повторял в уме одно назойливое слово: «От-гулялся. Отгулялся».

Сзади покашливал опухший Петро, где-то в толпе мельтешились Дуняшкины||

<Л. 44 об.>

86.

глаза, чьи-то как будто знакомые и незнакомые лица; доносился разнобоистый хор голосов и тягучие возгласы дьякона.

Безразличие оковало Григория. Он ходил вокруг аналоя наступая гундосому о. Виссариону на пятки стоптанных сапог; останавливался, когда Петро непрямо дергал его за полу сюртука; глядел на струйчатые косички огней и боролся с сонной, овладевавшей им одурью.

— Поменяйтесь кольцами. — сказал о. Виссарион теплово глянув Григорию в глаза.

Поменялись. «Скоро кончится?» — спросил Григорий глазами поймав сбоку Петров взгляд.

И тот шевельнул углами губ, гася улыбку — «Скоро».

Потом Григорий три раза целовал влажные безвкусные губы жены, в церкви угарно завоняло чадом потушенных свечей, к выходу загоцали выпиравшие в притвор люди.

Держа в своей руке шершавую крупную руку Натальи Григорий вышел на паперть. Кто-то нахлобучил ему на голову фуражку. Пахнуло полынным теплым ветерком с юга.

Из степи тянуло ночной прохладцей. Где-то за Доном сине вилась молния, находил дождь, а за белой оградой сливаясь с гулом голосов зазывно и нежно позванивали бубенцы на переступавших с ноги на ногу лошадях.

XXIII.

Коршуновы приехали уже после того, как жениха с невестой увезли в церковь.

Пантелей Прокофьевич до этого выходил за ворота, вглядывался вдоль улицы, но серая дорога, промереженная зарослями игольчатой колючки, была наголо вылизана безлюдьем. Он переводил взгляд за Дон. Там заметно желтел лес, взревший махорчатый камыш устало гнул над задонским озерцом, над осокой.

Предосенняя, тоскливая, синяя дрёма, сливаясь с сумерками обволакивала хутор, Дон, меловые отроги, задонские, в лиловой дымке тающие леса, степь. За поворотом на шляху у||

<Л. 45>

87.

перекрестка тонко вырисовывалась остроугольная верхушка часовни.

До слуха Пантелея Прокофьевича доплыл чуть слышный строчащий перестук колес и собачий брех. С площади на улицу вырвались две брички. На передней покачиваясь в люльке сидели рядом Мирон Григорьевич с Лукинишной, против них — дед Гришака в свежем мундире с Георгиями и медалями. Правил Митька, небрежно сидя на козлах, не показывая озверевшим от скачки, сытым, вороним лошадям подоткнутого под сиденье кнута. На второй Михей падая назад передергивал вожжами, силился перевести скакавших лошадей на рысь. Остренькое безбровое лицо Михея крылось фиолетовым румянцем, из-под треснувшего пополам козырька обильно сыпался пот.

Пантелей Прокофьевич распахнул ворота и брички одна за одной въехали на баз. С крыльца гусыней поплыла Ильинишна обметая подолом ошлепки навозной грязи, занесенной на порожки.

— Милости просим, дорогие сваточки! Сделайте честь нашему бедному куреню. — гнула она дородный стан.

Пантелей Прокофьевич кособоча голову широко разводил руками:

— Покорнейше просим, сваточки. Проходите.

Он крикнул, что-б помогли отпречь лошадей и подошел к свату. Мирон Григорьевич тер ладонью шаровары, счищая пыль. Поздоровавшись пошли к крыльцу. Дед Гришака растрясенный небывалой ездой приотстал.

— Проходите, сваточек, проходите. — упрашивала Ильинишна.

— Ничево, благодарствуем... пройдем.

— Заждалися вас, проходите. Дуняшка, дай веник свату почистить мундир. Пыль ноне, ажник дыхнуть нечем.

— Так точно, сушь... Отгово и пыль... Не беспокойся сваха, я вот толечко...

— дед Гришака кланяясь недогадливой свахе, задом подвигался к сараю и скрылся за крашеным боком веялки.

— Привязалась к старику, дуреха! — накинулся Пантелей Прокофьевич встречая Ильинишну у||

<Л. 45 об.>

88.

крыльца, — Он по своей стариковской надобности, а она... Тьфу, господи, да и глупая!..

— Я-то почему знала. — смутилась Ильинишна.

— Должна разуместь. Ну, нечево там. Иди проводи сваху.

За накрытыми столами нетрезвый гуд подвыпивших гостей. Сватов усадили в горнице за стол. Вскоре приехали из церкви молодые. Пантелей Прокофьевич наливая из четверти прослезился.

— Ну, сваточки, за наших детей! Штоб оно все по хорошему, как мы сходились... И штоб они в счастье и здравии свою жизнь проживали...

Деду Гришаке налили пузатую рюмку и вылили половину в рот, залохматевший прозеленью бороды, половину за стоячий воротник мундира.

Пили чокаясь. Просто пили. Гомон ярморочный. Сидевший на самом краю стола дальний родственник Коршуновых, старый атаманец Никифор Коловейдин, поднимал раскляченную руку, ревел:

— Горька!

— Го-о-орь-ко-о!.. — подхватывали за столом.

— Ох, горько!.. — отзывалась битком набитая кухня. Хмурясь Григорий целовал пресные губы жены, водил по сторонам затравленным взглядом.

Красная горячка лиц. Мутные во хмелю похабные взгляды и улыбки. Рты смачно жующие, роняющие на расшитые скатерти пьяную слюну. Гульба, одним словом.

Никифор Коловейдин щерил щербатую пасть и поднимал руку.

— Горько!.. — на рукаве его голубого атаманского мундира морщились три золотых загогулины — нашивки за сверхсрочную службу.

— Го-о-орь-ко!..

Григорий с ненавистью вглядывался в шербатый рот Коловейдина. У того в порожнюю меж зубами скважину при слове «горько» трубочкой вылезал слизистый багровый язык.

— Целуйтесь, тетери-ятери!.. — шипел Петро, шевеля косичками намокших в водке усов.

В кухне Дарья, подвыпившая и румяная, завела песню. Подхватили. Перекинули в горницу.||

<Л. 46>

89.

«— Вот и речка, вот и мост.
Через речку перевоз...

Плелись голоса, и обгоняя других, сотрясая стекла окон грохотал Христоня:

«— А и кто-бы нам поднес.
Мы-ба вы-пи-и-ли.

А в спаленке сплошной бабий визг

«— Потерял-растерял я свой голосочек

И в помощь чей-то старческий, дребезжащий, как обруч на бочке, мужской голосок:

« — Потерял, ух! Растерял, ух!
Я свой голосочек.
Ой, по чужим садам лётучи
Горькую ягоду-малину клюючи.

- Гуляем, люди добрые!
- Баранинки спробуй.
- Прими лапу-то... Муж вон он глядит.
- Горь-ка-а-а!
- Дружко развязный, ишь со свахой, как обходится.
- Ну, не-е-ет! Ты нас баранинкой не угошай... Я, может, стерлядь ем?! И буду исть, она жир-на-я.
- Кум, Прошка, давай стремяную чекалдыкнем!
- Так по зебрам и пошел огонь...
- Семен Гордевич!
- А.
- Семен Гордевич!
- А.
- Да, пошел, ты под рас... Вымя сучье!

В кухне закачался выгинаясь пол, затарахтели каблуки, упал стакан; звон его потонул в общем гуле.

Григорий глянул через головы сидевших за столом в кухню: под уханье и взвизги топтались в круговой бабы. Трясли полными задами (худых не было, на каждой по пять-семь юбок), махали кружевными утирками, сучили в плясе локтями.

Требовательно резнула слух трехрядка. Гармонист заиграл казачка с басовыми переливами.

— Круг дайте! Круг!

Потеснитесь, гостечки. — упрашивал Петро толка<я> в разопревшие от пляса бабьи животы. ||

<Л. 46 об.>

90.

Григорий оживившись мигнул Наталье.

— Петро зараз казачка урежет, гляди.

— С кем это он?

— Не видишь? С матерью твоей.

Лукинишна уперла руки в бока, в левой утирка.

— Ходи, ну, а то я!..

Петро мелко перебирая ногами прошел до нее, сделал чудеснейшее коленце и задом вернулся к месту. Лукинишна подобрала подол, будто собираясь через лужу шагать, выбила дробь носком и пошла под гул одобрения выбрасывая ноги по мужски.

Гармонист пустил на нижних ладах мельчайшей дробью, смыла эта дробь Петра с места и ухнув ударился он вприсядку, шелкая ладонями о голенища сапог, закусив углом рта кончик уса. Ноги его трепетали выделявая неуловимую частуху колен, на лбу не успевая за ногами метался мокрый от пота чуб.

Григорию загородили взгляд спины столпившихся у дверей. Он слышал лишь текущий треск кованных каблуков, словно сосновая доска горела, да взвинчивающие крики пьяных гостей.

Под конец плясал Мирон Григорьевич с Ильинишной, плясал деловито и серьезно, как и все, что он делал.

Пантелей Прокофьевич стоял на табурете, мотал хромой ногой, чмокал языком. Вместо ног у него плясали губы, не находившие себе покоя, да серьга.

Бились в казачке и завзятые плясуны и те, которые не умели ног согнуть по настоящему. Всем кричали:

— Не подгадь!

— Режь мельче! Ух ты!..

— Ноги легкие, а зад мешается...

— Сыпь, сыпь!

— Наш край побивает.

— Дай звару, а то я!..

— Запалился, стерва! Пляши, а то бутылкой!

Пьяненький дед Гришака обнимал ширококостную спину соседа по лавке, брунжал по комариному ему в ухо:

— Какова года присяги?||

<Л. 47>

91.

Сосед его каршеватый, вроде дуба-перестарка, старик гудел отмахиваясь рукой.

- Тридцать девятова, сынок.
- Какова? Ась? — оттопыривал дед Гришака морщиненую раковину уха.
- Тридцать девятова, сказано тебе!
- Чей-же будете? Из каких?
- Вахмистр Баклановскова полка Максим Богатырев. Сам рожак с хутора... с хутора Красный Яр.
- Родствие Мелеховым?
- Как?
- Родствие, говорю?
- Ага. Дедом довожусь.
- Полка-то баклановскова?

Старик потухшими глазами глядел на деда Гришаку, катая по голым деснам непрожеванный кусок кивал головой.

- Значица в Кавказской компании пребывали?
- С самим покойничком Баклановым, царство небесное, служил. Кавказ поряли... В наш полк шел казак редкостный... Брали гвардейскова росту, иначе сутулых... Какие длиннорукие и в плечах тоже. Нонешний казак поперек уляжется... Вот, сынок какие народы были... Их превосходительство покойник генерал в ауле Челенджийском в одночась изволили меня плетью...

— А я в турецкой компании побывал... Ась? Побывал, да. — дед Гришака прямил ссохшуюся грудь, вызванивая георгиями.

- Заняли мы этот аул на рассвете, а в полдни играет трубач тревогу...
- Довелось и нам царю белому послужить. Под Рошичем был бой и наш полк, 12^{мй} донской казачий, сразился с ихними янычирами.

— Играет это трубач тревогу... — продолжает баклановец не слушая деда Гришаку.

— Янычиры ихние навроде атаманцев. Да-с! — дед Гришака горячится, сердясь машет рукой, — Службу при своем царе несут и на головах у них белые мешки. Ась? Белые мешки на головах!

— Я и говорю своему полчанину: «Это, Тимоша отступать будем, тяни ковер со стены, мы ево в торока...»||

<Л. 47 об.>

92.

— Два егория имею! Награжден за боевые геройства!.. Турецкова майора живьем заплонил!..

Дед Гришака плачет и стучит сухим кулачком по гулкой медвежковатой спине деда-баклановца, но тот, мочая кусок курятины, — вместо хрена, — в вишневый кисель, безжизненно глядит на скатерть, залитую лапшей, шамшит провалившимся ртом:

— ... Вот, сынок на какой грех попутал нечистый.

Глаза деда с мертвенной настойчивостью глядят на белые морщины скатерти, словно видит он не скатерть залитую водкой и лапшей, а снеговые слепящие складки Кавказских гор.

— До этого сроду не брал чужова... Бывало зайдем черкесский аул, в саклях имение, а я не завидую... Чужое сиречь от нечистова... а тут поди-ж ты... Влез в глаза ковер... с мохрами... Вот, думаю, попона коню будет...

— Мы этих разных разностей повидали. Тоже бывали в заморских [странах] землях, — дед Гришака пытается заглянуть соседу в глаза, но глубокие глазницы заросли, — как баерак бурьяном, — седыми ключьями бровей и бороды; не докопается дед Гришака до глаз, кругом одна щетинистая непролазь волос. Он пускается на хитрость; он хочет привлечь внимание соседа ударным местом своего рассказа, а поэтому начинает без предварительной подготовки прямо с середины:

— И командует есаул Терсинцев: «Взводными колоннами наметом арш-арш!..»

Дед баклановец вскидывает голову, как строевой конь при звуке трубы, роняя на стол узловатый кулак шепчет:

— Пики к бою, шашки вон, баклановцы... — тут голос его внезапно крепчает, мерклые зрачки глаз блестят и загораются былым, загашенным старостью огнем, — Баклановцы-молодцы!.. — ревет он раскрывая пасть с желтыми нагими деснами, — в атаку... марш- марш!..

И осмысленно и молодо глядит на деда Гришаку и не утирает замызганным рукавом чекменя||

<Л. 48>

93.

щекочущие бороду слезы.

Дед Гришака тоже оживает:

— Подал он нам эту команду и махнул палашем. Поскакали мы, а янычиры построились вот так-то, — он чертит на скатерти пальцем неровный четырехугольник, — в нас палят. Два раза мы на них ходили — собьют и собьют! Откель не возмись с флангу из лесочка ихняя конница. Наш командир сотни дает команду. Завернули мы правым крылом, перестроились и на них. Вдарили. Стоптали. Какая конница супротив казаков устоит? То-то и оно! Поскакали они к лесу, воют... Вижу я скачет попереди меня ихний офицер на караковом коне. Молодецкий такой офицер, черные усы книзу, оглядается все на меня и пистолет из чехла вынает. А чехло к седлу приторочено... Стрельнул и не попал. Тут придавил я коня, догоняю ево. Хотел срубить, а посля раздумал: человек ить... Правой рукой обхватил ево поперек, так он, изволите видеть, так из седла и вылетел! Руку мне искусал, а всеж-таки взял я ево!..

Дед Гришака торжествуя глянул на соседа: тот уронив на грудь огромную узловатую голову уснул под шум уютно всхрапывая.||

Лихий Дед

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Окопана перекопана
31/VII - 27/8.

Михай Дон
роман

Часть вторая.

стр. 93

Сара,
Афанасий
Ваня (сын)
Мухомор (сын)
В конюшней (в конюшней)
Антонина (на конюшней)
Иван (сын)
Михай

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 3/1); 48 лл.; авторская нумерация страниц с 1 по 93 (титульный лист не нумерован). Вставки к черновому автографу на 2 лл. без нумерации. Датируется концом 1926 — первой половиной 1927 г. Авторская дата завершения работы над автографом синим карандашом на титуле и странице с номером «1»: «Окончена переработка 31/VII-1927 г.».

Открывается листом с текстом синими чернилами в центре: «Тихий Дон//роман//Часть вторая.//стр.93». В нижней части простым карандашом рукой Шолохова написано: «Саша, в конце первой части обрати внимание на начало главы (она не вошла в роман). Привет. МШ». Обращенная, видимо, к А.А. Фадееву, запись могла быть сделана в начале 1929 г., когда после публикации двух первых книг романа в журнале «Октябрь» набирала обороты история о «плагиате». Ни на чем не основанные слухи о том, что «Тихий Дон» написан не Шолоховым, быстро распространялись в литературной среде. Сын писателя, М.М. Шолохов, со слов отца, рассказал: «В одной из работ об отце мне довелось прочитать, что в 1929 г. по инициативе руководства РАПП была создана специальная комиссия, проводя расследование, должна была дать заключение по поводу обвинений Шолохова в плагиате. Насколько мне известно из рассказов отца, это не соответствует действительности в той части, что руководство РАПП всячески игнорировало настоятельные просьбы отца о создании такой комиссии. Все члены правления РАПП, разумеется, прямо не отказывали, но и ничего не делали <...> Не найдя никакой поддержки среди тех "братьев-писателей", кто имел литературный авторитет и вес, достаточные для того, чтобы расставить все точки над і, отец вынужден был обратиться в "Правду", и только тогда под председательством Марии Ильиничны Ульяновой, бывшей членом редколлегии и ответственным секретарем газеты, была создана комиссия в составе Серафимовича, Фадеева, Авербаха, Ставского, Киришона, которая и выступила впоследствии с опровержением клеветы <...> "Целый чемодан рукописей в Москву возил, — рассказывал отец. — Здоровенный такой, фанерный чемоданище специально для этой надобности пришлось тогда покупать"» (Шолохов М.М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 40).

О знакомстве А.А. Фадеева и других членов РАППа с рукописью романа Шолохов писал жене 23 марта 1929 г.: «Меня организованно и здорово травят. Я взвинчен до отказа, а в результате — полная моральная дезорганизация, отсутствие работоспособности, сна, аппетита. Но душой я бодр! <...> Все это уже рассеивается. В печать пойдет в воскресенье опровержение РАППа (Серафимович, Фадеев и др. изучали мои черновики и записи)...» (Там же. С. 21).

Таким образом, хранившиеся у Кудашевых автографы и авторизованные списки первой и второй книг «Тихого Дона» могли быть частью привезенной в 1929 г. в Москву рукописи романа. Ныне они умещаются в двух среднего размера папках.

Автограф насчитывает 20 глав, авторская нумерация (для ряда глав двойная и тройная) с 1 по 22 (номера 3 и 5 пропущены). Деление на главы в черновом автографе иное, чем в опубликованном тексте второй части романа:

Черновой автограф

Глава 1 (первоначально 1 и 2); часть главы создавалась как 14 и 15 главы чернового автографа первой части романа (страницы первоначально 47–52, в окончательной нумерации с 1 по 6); приступив к работе над 15 главой, Шолохов, видимо, принял решение о переносе текста в начало второй части произведения

Глава 2 (3 и 4)

Глава 4 (5)

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 11

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Журнал «Октябрь»

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Часть пятой главы

Конец пятой и шестая главы

Глава 9

Глава 7

Глава 8

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Страницы, озаглавленные «Вставки», кроме текста вставок, содержат многочисленные варианты шолоховской подписи и надписи «проба пера». В левом верхнем углу страницы 3 написаны имена сестер Громославских: «Мария», «Лидия», Анна», «Пелагия».

<Л. 2>

Вторая часть.

[14] 1.

[47.] 1.¹

Сергей Платонович **Мохов** издалека ведет свою родословную... В [семнадцатом веке при] **царствование [Петре] Петра [Первом] Первого** шла **однаж-**

¹ В верхнем левом углу синим карандашом написано: «Окончена обработка 31/VII-27г.»

ды в Азов по Дону государева баржа с сухарями и огнестрельным зельем. Казаки воровского городка [Чигонаки] **Чигонаков**, угнездившегося в верховьях Дона неподалеку от [впадения] устья Хопра, ночью напали на ту баржу, стражу сонную перерезали, сухари и зелье разграбили, а баржу затопили.

По цареву приказу из Воронежа пришли войска, воровской тот городок Чигонаки сожгли, [а] казаков, причастных к разбойному на баржу нападению, нещадно в бою разбили¹, [и] а взятого в плен есаула Якирку и с ним сорок казаков перевешали на пловучих виселицах и для устрашения низовых волновавшихся станиц были пущены качели те вниз по Дону.

Лет десять спустя, на том месте, где раньше дымились курени Чигонацкой станицы, поселились пришлые казаки и те, что уцелели от разгрома. Вновь выросла и опоясалась **боевыми** валами станица. [Но] С той-то поры и пришел в нее из Воронежского указа царев досмотрщик и глаз — мужик Мохов Микишка. Торговал он с рук разной необходимой в казачьем обиходе рухлядишкой: черенками для ножей, табаком, кремнями; скупал и продавал краденое [и *грабленное*] и раза два в год [ходил] ездил в Воронеж **будто за товаром, а на самом деле** доносил, что в станице пока **де** все спокойно и казаки нового злодейства не умышляют.

От этого-то Мохова Микишки и повелся купеческий род Моховых. Крепко поселили они на казачьей земле. Пообсеменились и вросли в станицу, как бурьян копытник — рви не вырвешь. Свято блюли полуистлевшую **прапрадедовскую** грамоту, какой жаловал его [царь] **воронеж. Воевода [посылая]** посылая в бунтовскую станицу. Может сохранилась бы она [и] до [этого] **наших [времени] времен [Сергея Платоновича]**, да в большом пожаре, еще при деде **Сергея Платоновича**, сгорела [с] **вместе с** деревянной шкатулкой, хранившейся на божнице. [Прадед] Дед [Сергея Платоновича] **разорился**, промотал все состояние играя в карты, [дед] **снова** поднялся было² на ноги, но пожар слизал все и Сергею Платоновичу пришлось начинать сызнова. Похоронив **параличного** отца он с щербатого рубля повел дело. Начал скупать по хуторам щетину и пух. Лет пять бедствовал, жулил и прижимал казаков окрестных хуторов на каждой копейке, а потом как-то сразу вырос из Сережки-шибая в Сергея Платоновича, открыл в станице галантерейную лавчушку, женился на дочери [сумасшедшего сифилитика] **полусумасшедшего** — **попа**, взял немалое **за ней** приданое и открыл мануфактурный магазин.||

<Л. 2 об.>

[48.] 2.

Во время начал Сергей Платонович мануфактурное дело.

Из левобережных станиц, где бесплодна и жестка песчаная с каменным суглинком земля на правую сторону Дона **по распоряжению Войскового правительства** стали переселяться казаки³ целыми хуторами. Выросла и обросла по-

¹ ППС: «разбили в бою».

² ППС: «было поднялся».

³ ППС: «стали переселяться казаки по распоряжению Войскового правительства».

стройками молодая Краснокутская станица, на рубеже с бывшими помещичьими землями по реке Чиру, Черной Фроловке; над степными балками и логами, граница с хохлячьими Слободами, повылупились новые хутора. За товаром ездили верст за пятьдесят и больше. А тут вот она, — лавка с свежими сосновыми полками, туго набитыми пахучим красным товаром. Широко, как трехрядную гармонь, развернул Сергей Платонович дело. Помимо красного товара торговал [он] всем, что надобно в сельском немудром хозяйстве: [и] кожаные [таганрогские] товары, [и бахмутская] соль, [и] керосин [и] галантерея. Последнее время даже сельско-хозяйственными машинами [торговал] снабжал. С Аксайского завода косилки, сеялки-рядовки, плуги, [сортиро] веялки, сортировки чинным порядком стояли возле зеленостворчатой, прохладной в летнюю пору лавки.

В чужом гоманце [труденько] трудно деньгу считать, но видно немалую прибыль давала торговля смекалистому Сергею Платоновичу. Через три года открыл он хлебную сыпку [прогорел [с нею] {на ней}], а на другой год после смерти первой жены взялся за постройку паровой мельницы.

В смуглый кулачек покрытый редкими [глянцевитыми] глянцевито-черными волосами¹ крепко зажал [станицу] он хутор Татарский и окрестные хутора. Что ни двор — то вексель у Сергея Платоновича, — зелененькая с оранжевым позументом бумажка, за косилку, за набратую [дочернину] дочери справу (подошло время девку замуж выдавать, а на Парамоновской сыпке прижимают с ценой на пшеницу, — «дай в долг, Платонович!»), мало-ли за что еще...

На мельнице девять человек рабочих, в магазине семеро, да дворовой челяди четверо, вот их 20 ртов, что жуют по купеческой милости [Сергея Платоновича].

От первой жены осталось у него двое детей: девочка Лиза и на два года моложе ее² мальчик вялый золотушный Владимир. Вторая жена сухая узкокостная Анна Ивановна [была] оказалась бездетной. [Всю] Вся [свою] ее [запоздалую] запоздалая [материнскую] невылитая материнская любовь и скопившаяся желчь (вышла она за Сергея Платоновича на закате тридцать четвертого года), как из ушата вылилась на оставшихся детишек. [Избаловала их донельзя потому, что сам] Неровный характер мачехи влиял не по-хорошему на воспитание детей, а отец уделял [им] внимания [им] [детям] {им}³ не больше чем конюху Никите, или кухарке. Дела и поездки съедали весь досуг⁴.||

<Л. 3>

[49.] 3.

То в Москву, то в Нижний; то в Урюпинскую, то по [станицам] станичным [но] ярмаркам.

Без глаза росли дети. Нечуткая Анна Ивановна не пыталась проникать в тайники детских душ, не до этого было за большим хозяйством; оттого и вы-

¹ ППС: «покрытый редкими [глянцевитыми] глянцевито-черными волосами кулачек».

² ППС: «моложе ее на два года».

³ ППС: «внимания [им] [детям] {им} уделял [им]».

⁴ Против абзаца на левом поле красным карандашом написано: «Про Лизу воспитание детей и образов. Серг. Пл.».

росли [*дети*] [*они*] брат с сестрой [*не*] чужие друг другу, разные по характерам, не похожие на родных. Владимир рос замкнутым, [*и*] вялым, с исподлобным взглядом и недетской серьезностью. Лиза, вращавшаяся в обществе горничной и кухарки — распутной, [*бабенки*] виды выдавшей бабы, рано глянула на изнанку жизни. Женщины будили в [*девочке*] *ней* нездоровое любопытство и она, — тогда еще угловатый застенчивый подросток, — предоставленная самой себе росла, как [*дикое*] в лесу куст [*волчьей*] *дикой волчьей* ягоды.

Стекали неторопливые года. Старое, — как водится, — старилось; молодое росло зелеными¹.

[*Когда*] **И вот как-то** за вечерним чаем [*как-то*] [*когда*] [*до испарины*] **несказанно** удивился Сергей Платонович² глянув на дочь (Елизавета к тому времени кончившая гимназию успела [*уж*] [*выровнялась*] **выровняться** в видную и [*красивую*] **недурную** девушку); глянул на нее **отец** и блюдец с янтарным чаем запрыгало в руках: «На мать-покойницу похожа. Господи, вот сходство! Лизка, а ну, повернись!..»

Проглядел, что [*дочка*] **дочь** с раннего детства разительно напоминала мать.

Владимир Мохов, — гимназист пятого класса; узкий, болезненно желтый, [*невысокий*] паренек шел по мельничному двору. [*Они с сестрой*] **Он с сестрой** недавно приехали на летние каникулы и [*он*] **Владимир**, как всегда, с приездом пошел на мельницу посмотреть, потолкаться в толпе **осыпанных** мучнистой [*пыльных*] **пылью** людей, послушать равномерный гул вальцев, шестерн, шелест скользящих ремней. Ему льстил почтительный шепот завозчиков-казаков:

— Хозяйский наследник...

[*Владимир*] осторожно обходя кучи бычачьего помета и подводы, рассыпанные по двору, **Владимир** дошел до калитки и вспомнил, что [*он*] не был в машинном отделении. [*Подумал и*] [*в*] **Вернулся**.

Возле красной нефтяной цистерны, стоявшей около входа в машинное, вальцовщик Тимофей, весовщик по прозвищу Валет и помощник вальцовщика молодой белозубый парень Давыдка, засучив по колено штаны месили большой круг глины.

— Ааа, хозяин! — с насмешливым приветом обратился к нему Валет.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Владимир Сергеевич.

— Что это вы ...

— А вот, глину месим. — с трудом выпрастывая [*ноги*] {ноги} из вязкой, пахнущей навозом гущи, злобно усмехнулся Давыдка, — Папаша твой жалеет [*но*] целковый баб нанять, на нас ездит... Жила у тебя отец! — добавил он с чавканьем переставляя ноги.

¹ Текст вставки перенесен с листа 49 лиц. согласно указанию автора.

² ППС: «[*До испарины*] **несказанно** удивился Сергей Платонович [*когда*] **и вот как-то** за вечерним чаем [*как-то*] [*когда*].»

Владимир покраснел. Он чувствовал к вечно улыбавшемуся Давыдке, к его пренебрежительному тону, даже к белым всегда смоченным слюною зубам, непреодолимую неприязнь.

— Как, жила?

— Так. Скупой страшно. Из-под себя ест, — Просто пояснил Давыдка и улыбнулся.

Валет и Тимофей, одобрительно посмеивались. Владимир почувствовал [себя обиженным] укол обиды. Он холодно оглядел Давыдку.||

<Л. 3 об.>

[50.] 4.

— Ты что-же ... значит недоволен?

— Залезь-ка, помесись, а тогда узнаешь. Какой же дурак будет доволен? [Папашу] Папашку твоего сюда бы заправить, [у него] [животок] Живот-то стрясло-бы. Раскачиваясь Давыдка [месил глину]¹ тяжело ходил по кругу, высоко задирал ноги и теперь уж беззлобно и весело улыбался. [Чувствуя] Предвкушая приятное удовлетворение Владимир [обиделся и за отца].² он [подготавливал в уме ответ поязвительнее] тасовал мысли. [Слова собрались в нужную фразу.] Нужный ответ нашелся.

— Хорошо.— с расстановкой сказал он, — Я передам папе, что ты недоволен службой.

Он искоса глянул на лицо Давыдки и поразился произведенным впечатлением: губы Давыдки жалко и принужденно улыбались, лица других нахмурились. С минуту все трое молча месили крутевшую глину. Давыдка наконец оторвал от своих грязных³ ног опущенные глаза и заискивающе и злобно сказал:

— Я ить пошутил, Володя...Ну, шутейно сказал...

— Я передам папе, [што] что ты говорил!..

Чувствуя на глазах слёзы обиды и за себя, и за отца, и за Давыдкину жалкую улыбку Владимир⁴ пошел мимо цистерны.

— Володя!.. Владимир Сергеевич!.. — испуганно крикнул Давыдка и вылез из глины опуская штаны прямо на измазанные по колено ноги.

Владимир остановился. Давыдка подбегал к нему тяжело дыша.

— Не говорите папаше. Нарошно сказано было... Уж простите меня дурака... Ей-богу без умысла... Нарошно.

— Ладно!.. Не скажу!..— морщась выкрикнул Владимир и пошел к калитке. Жалость к Давыдке взяла верх. С чувством облегчения он [шел] шаггал над час-токоловым белым забором. Из кузни, примостившейся в углу мельничного двора, слышался игривый перестук молотка: раз по железу — глухой и мягкий, два раза с подскоком по звенящей наковальне.

¹ ППС: «Давыдка [месил глину] раскачиваясь».

² ППС: «Владимир [обиделся и за отца]. [Чувствуя] Предвкушая приятное удовлетворение».

³ ППС: «от грязных своих».

⁴ ППС: «Владимир чувствуя на глазах слезы обиды и за себя, и за отца, и за Давыдкину жалкую улыбку».

— На што трогал? — донесся до слуха уходившего Владимира приглушенный бас Валета, — ... Не тронь, а оно вонять не будет.

«Ишь сволочь, — озлобясь подумал Владимир, — выражается... Сказать, или не сказать?» Оглянувшись увидел прежнюю белозубую Давыдкину улыбку и твердо решил «Скажу!»

На площади возле магазина стояла привязанная к столбу запряженная в арбу лошадь[.]. [с]С крыши пожарного сарая ребятишки гоняли||

<Л. 4>

[51.] 5.

серую свиристящую тучу воробьев. С террасы гремел [сиповатый голос] **звучный баритон** студента Боярышкина и [еще чей-то звучный мужской незнакомый голос] **еще чей-то голос надтреснутый, сиповатый** [голос учителя *Баланды*].

Владимир вошел на крыльцо. [под] **Над ним заколыхалась** [зеленую] [зеленая] [колыхающуюся тень] [листвы] **листва** дикого винограда буйно [заплетавшего] **заплетавшая** крыльцо и террасу, [и] [висевшего] **висевшая** с голубой резьбы карниза зелеными пенистыми шапками.

Боярышкин махал обритой фиолетовой головой, [махал руками], [грохотал] **говорил** обращаясь к сидевшему против него молодому, [но забородатевшему псаломщику] **но бородатому учителю Баланде**.

— Читаю его и, несмотря на то, что я сын [бедного] казака-хлебороба¹ и ко всем привилегированным классам [чувствую] **питаю** вполне [естественное] **естественную** [отвращение и ненависть] **злобу**, тут я представьте², до чертиков жалею это отмирающее сословие! Я сам чуть не становлюсь дворянином и помещиком, с восторгом всматриваюсь в идеал [ихней] **их** женщины, болею за [ихние] **их** интересы, словом черт знает что! Вот, дорогой, что значит гений. Можно и веру переменить.

[Псаломщик] **Баланда** мял кисть шелкового пояска и иронически улыбаясь рассматривал на подоле [собственной] **своей** рубахи красные вышитые гарусом узоры.

Лиза валялась в кресле. Разговор ее, видимо, не мало не интересовал. Она всегдашними, что-то потерявшими и чего-то ищущими глазами скучливо глядела на фиолетовую в царапинах голову Боярышкина. [на]

Поклонившись Владимир³ прошел мимо и постучался к отцу в кабинет.

[— Войдите.]

Сергей Платонович [лежа] на прохладной кожаной кушетке перелистывал [майскую] **июньскую** книжку «Русского Богатства». На полу валялся пожелтевший костяной нож.

— Тебе [чего] **что?**

Владимир вобрал голову в плечи, [и] **нервно** оправил на себе рубашку.

¹ ППС: «хлебороба-казака».

² ППС: «представьте, тут я».

³ ППС: «Владимир поклонившись».

— Я шел с мельницы..., — начал он нерешительно, но вспомнил слепящую Давыдкину усмешку и глядя на круглый отцовский живот, обтянутый чесунчевой жилеткой, уже решительней продолжал:

— И слышал, как Давыдка говорил...¹

Сергей Платонович выслушал **внимательно**², сказал:

— Уволим. Иди. — и кряхтя нагнул за ножом.

[Любил [Сергей Платонович] он почитать перед сном. До всего доходил он собственным цепким, как повитель, умом. Считался человеком начитанным]³

[15.][2.]

По вечерам у Сергея Платоновича⁴ собиралась [вся] хуторская интеллигенция: [приходит] Боярышкин — студент Московского политехникума, [исаломщик Константин Руфович,] [человек] тощий, снедаемый огромным самолюбием и туберкулезом учитель [по фамилии] Баланда⁵||

<Л. 4 об.>

[52.] 6⁶:

его сожительница [учительница] учительница Марфа [Корнеевна] Герасимовна — девушка [учительница] нестареющая и круглая с постоянно [и] неприлично выглядывающей нижней юбкой; [приходит] почтмейстер — чудаковатый, заплесневелый с запахом сургуча и дешевых духов, холостяк. Изредка наезжал из своего имения, гостивший у отца-помещика и дворянина, молодой сотник Евгений Листницкий. По вечерам пили на террасе чай, тянули никчемные разговоры и когда обрывались вялые [разговора] разговорные нити⁷ кто-либо из гостей заводил дорогой в инкрустации [хозяйский] граммофон [Сергея Платоновича].

Изредка в большие праздники любил Сергей Платонович пустить пыль в глаза. Созывал гостей и угощал дорогими винами, свежей осетровой икрой, ради этого случая выписанной из Батайска, лучшими закусками. В остальное время жил [скупо, во многом] узко. Единственное в чем не отказывал себе, это в книгах. Любил Сергей Платонович читать и до всего доходить собственным цепким, как повитель умом⁸.

[Боярышкин пробовал начинать умные разговоры, но вскоре заметил, что Лиза слушает его невнимательно, и сам перешел на обычную тему.]

¹ Против слов Владимира на левом поле синим карандашом написано и зачеркнуто: «[О гостях Серг. Пл. и икре]».

² ППС: «внимательно выслушал».

³ Текст вставки перенесен с листа 49 лиц. согласно указанию автора.

⁴ ППС: «У Сергея Платоновича по вечерам».

⁵ ППС: «учитель [по фамилии] Баланда — [человек] тощий, снедаемый огромным самолюбием и туберкулезом».

⁶ В левом верхнем углу синим карандашом написано и зачеркнуто: «[Описать станицу (или хутор). Местооположение]».

⁷ ППС: «нити [разговора] разговорные».

⁸ Текст вставки перенесен с листа 49 об. согласно указанию автора.

Компаньон [*Сергея Платоновича*] его белокурый с острой бородкой и потанными щелками глаз [*Виктор*] **Емельян Константинович** Атепин заходил редко. Был он женат на бывшей Усть-Медведицкой монашке, наплодил с нею за [*шесть*] **пятнадцать** лет супружеской жизни восьмерых детей, и большую часть времени проводил дома. Из полковых писарей вылез [*Виктор*] **Емельян Константинович** в люди, оттуда-же принес **в семью** [*и*] затхлый душок [*подчиненности*] **подхалимства** [*и*], заискиванья. Дети в его присутствии ходили на ципочках, говорили шепотом. Каждое утро, умывшись, [*пели*] в столовой, [*где висели*] под черным висячим гробом громадных стенных часов, **выстраивались в ряд**¹ мать стояла сзади и едва лишь из спальни долетало сухое покашливанье отца — начинали разноголосо и фальшиво: «Спаси, Господи люди твоя...», потом «Отче наш», [*Виктор*] **Емельян Константинович** успевал одеться к концу молитвы. Выходил шуря шелки капустных глаз, [*и совал*] по архиерейски вытягивая мясистую голую руку. Дети подходили по очереди и целовали. [*Виктор*] **Емельян Константинович** целовал жену в щеку, говорил нетвердо выговаривая букву «ч».

— Полицка, заварила цаёк?

— Заварила, [*Виктор*] **Емельян [Константинович] Костентинович**.

— Налей покрепце.

Магазинную бухгалтерию вел он. Пятнил страницы под жирными заголовками «дебет» — «кредит» писарским в кудряшках почерком. [*Любил*] Читал [*Русское слово*] «Биржевые ведомости» без нужды ущемляя шишкастый нос в золотое пенснэ. Со служащими обращался вежливо:

— Иван Петровиц, отпустите целовеку таврицанского ситцику.

Жена [*звали*] звала его [*Виктором*] **Емельяном [Констенитиновичем] Костентиновичем**, [*а*] дети папоцкой, а приказчики магазина Цацой².||

<Л. 5>

7.

Два священника о. Виссарион и благочинный о. Панкратий дружбы с Сергеем Платоновичем не вели, были у них давнишние счеты. Между собой и то жили [*отцы*] неладно. [*Строптивного*] **Строптивный [характера] кляузник [был]** о. Панкратий [*умел*] **умело [изводить] гадил [ближних] ближним**, а **вдовый, живший с хохл.-эконом.** о. Виссарион **от сифилиса гундосый, от природы приветливый**, сторонился и не любил благочинного за непомерную гордыню и [*неугодливый*] **кляузный** характер.

На площади красовался ошалеванный пластинами, крашенный в [*голубое*] **синее** домище Мохова, против него на самой пуповине площади раскорячился магазин с сквозными дверями и слинявшей вывеской «[*Мохов С.П.*] Торговый дом Мохов С.П. и Атепин В.К.» К магазину примыкал **низкорослый** длинный с подвалом сарай, [*крытый жестью*], саженья в двадцати от него — [*кольцо*] **кир-**

¹ ППС: «выстраивались в ряд в столовой, [*где висели*] под черным висячим гробом громадных стенных часов».

² ППС: «[*Звали*] Звала его а приказчики магазина Цацой, жена [*Виктором*] **Емельяном [Констенитиновичем] Костентиновичем**, [*а*] дети папоцкой».

пичный перстень церковной ограды и церковь с куполом, похожим на вызревшую зеленую луковицу. По ту сторону церкви выбеленные **казенно-строгие** стены школы и два нарядных дома: голубой с таким же палисадником о. Панкратия и коричневый — (что-бы не похож был) с резным забором и широким балконом, — о. Виссариона. [К югу] С угла на угол двухэтажный несуразно тонкий домик Атепина, [а] за ним почта, соломенные и железные крыши казачьих **куреней** покатая [крыша] спина мельницы, с [жестяные] **жестяными** [скрипящие] [скрипящими] [крыльями] **ржавыми** [петухи] петухами на крыше¹. [За ними — меловая прозелень горы и левее Дон.]

Все кроме учителя Баланды имели в хуторе собственные дома.

Жили закрывшись от всего синего мира наружными и внутренними, на болтах, ставнями. С вечера, если не шли в гости [зачековывались] **зачековывали** болты, [спускались] **спускали** с привязей [цепные] **цепных** [собаки] **собак** и по **немому** хутору тарахтела лишь² [деревянная] **деревянным языком** стукатушка ночного сторожа [Давыдки [Беспалого] **Курносого**]³.

[3.] 2⁴

В конце августа, Митька Коршунов⁵ случайно встретился возле Дона с дочерью Сергея Платоновича Елизаветой. Он только, что приехал из-за Дона и примыкая к карше баркас увидел крашеную легонькую лодку, легко бороздившую течение. Лодка шла из под горы направляясь к пристани. На бабайках сидел Боярышкин. Голая [блистающая] голова его блестела потом, на лбу и висках [надулись] **вздулись** веточки жил.

Митька не сразу угадал Елизавету. На глаза ее падала от соломенной шляпы [смуглая] **сизая** тень⁶.||

¹ ППС: «на крыше с [жестяные] **жестяными** [скрипящими крыльями] **ржавыми** петухами».

² ППС: «лишь тарахтела».

³ ППС: «Все кроме учителя Баланды имели в хуторе собственные дома».

Жили закрывшись от всего синего мира наружными и внутренними, на болтах, ставнями. С вечера, если не шли в гости, [зачековывались] **зачековывали** болты, [спускались] **спускали** с привязей [цепные] **цепных** [собаки] **собак** и по **немому** хутору тарахтела лишь [деревянная] **деревянным языком** стукатушка ночного сторожа [Давыдки [Беспалого] **Курносого**].

На площади красовался ошалеванный пластинами, крашенный в [голубое] **синее** домище Мохова, против него на самой пуповине площади раскорячился магазин с сквозными дверями и слинявшей вывеской «[Мохов С.П.] Торговый дом Мохов С.П. и Атепин В.К.» К магазину примыкал **низкорослый** длинный с подвалом сарай, [крытый жестью], сажень в двадцати от него — [кольцо] **кирпичный перстень** церковной ограды и церковь с куполом, похожим на вызревшую зеленую луковицу. По ту сторону церкви выбеленные **казенно-строгие** стены школы и два нарядных дома: голубой с таким же палисадником о. Панкратия и коричневый — (что-бы не похож был) с резным забором и широким балконом, — о. Виссариона. [К югу] С угла на угол двухэтажный несуразно тонкий домик Атепина [а] за ним почта, соломенные и железные крыши казачьих **куреней** покатая [крыша] спина мельницы, с [жестяные] **жестяными** [скрипящие] [скрипящими крыльями] **ржавыми** [петухи] петухами на крыше. [За ними — меловая прозелень горы и левее Дон.]

⁴ Против номера главы на левом поле синим карандашом написано: «Гл. 3. Перенести».

⁵ ППС: «Митька Коршунов, в конце августа».

⁶ ППС: «[смуглая] **сизая** тень от соломенной шляпы».

<Л. 5 об.>

8.

Загорелыми руками она прижимала к груди ворох желтых водяных кувшинок.

— Коршунов! — [помахала] **закивала** она головой увидев Митьку, — Обманул меня?

— Как так обманул?

— А помнишь обещался ехать со мной рыбалить?

Боярышкин бросил бабайки и разогнул спину. Лодка с разлета вылезла носом на землю с **хрустом** дробя прибрежный мел.

— Помнишь? — смеялась [Е] Лиза [под] выскакивая из лодки.

— Некогда было. Работа. — оправдывался Митька и с перехваченным дыханием следил за подходившей к нему девушкой.

— Нет! Это невозможно!.. Я, Елизавета Сергеевна, отказываюсь. Вот вам хомут и дуга, и я вам больше не слуга. Подумайте сколько мы исколесили по этой проклятой воде[.]. [у]У меня кровавые мозоли от бабаек. То-ли дело материк! Боярышкин твердо ступил на колючую крошку мела [длинною] **длинной** [босою] **босой** ступней и вытер пот со лба **верхом** измятой студенческой [фуражкой] **фуражки**. Не отвечая ему Лиза¹ подошла к Митьке. Тот неумело пожал протянутую ему руку.

— Когда же поедem рыбалить? — спросила запрокидывая голову, [и] шуря глаза.

— Хучь завтра. Обмолотились, теперича можно.

— Обманешь?

— [Сроду] Ну нет!

— Рано зайдешь?

— До света.

— Буду ждать.

— Приду. Ей-богу приду[.].!

— Не забыл в какое окно стучать?

— Найду. — улыбнулся Митька.

— Я, наверное, скоро уеду, [поэтому] [хочется] **хотелось-бы** порыбалить.

Митька молча вертел в руке заржавленный ключ от баркаса и смотрел ей в губы.

— Скоро? — спросил Боярышкин рассматривая на ладони узорную ракушку.

— Сейчас поедem.

Она помолчала и чему-то улыбаясь [сказала] **спросила**:

— [А я думала, что ты женился.] Ведь у вас какая-то свадьба была?

— Сестру выдавали.

— [А тебя скоро женим?] **За кого-же это?** — и не дожидаясь ответа улыбнулась непонятно и коротко. — Приходи-же.||

¹ ППС: «Лиза не отвечая ему».

<Л. 6>

9.

И снова, как тогда, в первый раз, на террасе Моховского дома, [*почувств*] улыбка жиганула Митьку крапивным укусом. Он проводил ее глазами до [*лодки*] [*баркаса*] {*лодки*}. Боярышкин раскорячившись сталкивал [*лодку*] [*баркас*] {*лодку*}, она с улыбкой смотрела через его голову на Митьку, игравшего ключем, кивала ему головой.

Отъехав сажень пять Боярышкин спросил тихо:

— Что это за молодчик?

— Знакомый.

— Друг сердца?

Митька, слышавший их разговор за скрипом уключин не расслышал ответа¹. Он видел, как Боярышкин налегая на весла, откидываясь засмеялся, но ее лица² не видел. Она сидела к нему спиной. Сиреневая лента [*надала*] стекала с шляпы на [*оголенное*] оголенный покат [*плечо*] плеча, дрожала от бессильного ветра, таяла, дразнила Митькин затуманенный взгляд...

Митька редко ходивший рыбалить удочками³ никогда не собирался с таким рвением, как в этот вечер. Он наколол кизеков и сварил в огороде пшеничную кашу, наскоро перевязал обопревшие завязки крючков. Михей глядя на его приготовления попросил:

— Возьми [*мине*] меня Митрий. Одному не способно.

— Управлюсь и один.

Михей вздохнул.

— Давно мы с тобой не ездили. Теперя подержал-бы сазаника, этак в полпуда-бы.

Митька морщась от пара, бившего из чугуна с кашей [*широким*] горячим столбом, промолчал. Окончив сборы пошел в горенку. [*к деду*]

Дед Гришака сидел у окна, сквозь круглые в медной оправе очки мусолил глазами евангелие.

— Дедушка! — окликнул Митька подпирая плечом притолку.

Дед Гришака лупнул глазами поверх очков.

— Ась?

— [*Ты бы*] Разбуди [*мине*] меня посля первых кочетов.

— Куды в такую спозоранку?

— Рыбалить.

Дед, любивший рыбу, для видимости запротивился.

— Отец говорил конопи молотить завтра⁴. Нечево баглайничать! Ишь, рыбалка!

Митька оттолкнулся от притолки, схитрил:

— Мне все одно. Хотел было рыбкой покормить [тебя] деда, а раз конопи — [*значица*] значит не пойду.

¹ ППС: «не расслышал ответа за скрипом уключин».

² ППС: «лица ее».

³ ППС: «Редко ходивший рыбалить удочками Митька».

⁴ ППС: «Конопи молотить завтра отец говорил».

— Погоди, [куда] куда-ж ты? — испугался дед Гришака стаскивая очки, — Я погутарю с Мироном, пойдя уж што-ля... рыбки [пожевать] посолонцевать не плохо. Завтра, вокат, середя. Разбужу, иди, иди, дурак[.]! [— Раз] Чему скалишь-ся-то?||

<Л. 6 об.>

10.

В полночь дед Гришака, придерживая одной рукой холстинные портки, другой, державшей костыль, шупая дорогу [спускался] спустился по порожкам. Прошаркал по двору до амбара белой трясучей тенью¹ и концом костыля ткнул [спавшего] сопевшего на полсти Митьку.

В амбаре пахло свежеемолоченным хлебом, мышинным пометом и кислым застоявшимся паутинным запахом нежилого помещения. Митька спал у закрома на полсти. Раскачался не скоро. Дед Гришака сначала легонько толкал его костылем, шептал:

— Митюша! Митька! Эка, поганец. Митька!

Митрий густо сопел и поджимал ноги. Ожесточившись дед воткнул тупой конец костыля Митьке в живот, начал сверлить, как буравом. Охнув Митька² схватил костыль и проснулся.

— Сон дурачий! Ить это беда, как спишь! — ругался дед.

— Молчи, молчи, не гуди. — пришептывал Митька спросонок, шаря по полу чирики.

Он дошел до площади. По хутору заголосили вторые петухи. [В к] Шел по улице мимо дома попа Виссариона³ слышал, как в курятнике хлопая крыльями [и] протодьяконским басом [ревел] взревел петух и испуганным шепотком [квохтали] заквохтали куры.

На нижней ступеньке магазина дремал сторож, воткнувшись носом в овчинное тепло воротника.

Митька подошел к моховскому забору, сложил около удочки и кашолку с припасом, легонько ступая, чтоб не услышали собаки взошел на крыльцо. Потянул дверную холодную ручку — заперто. Перелез через перила и подошел к [знакомому] [указанному] окну. Створки полуприкрыты. Из черной трещины сладко пахнет девичьим [телом] теплым во сне телом и [неведомым] неведомо-сладким запахом духов:

— Лизавета Сергевна!

Митьке показалось, что он сказал слишком громко. Выждал. Тишина. «А, ну, как ошибся окном? Што ежли тут сам спит?? Вот врепаюсь. Полоханет из ружья». — думал Митька зажимая в горсть оконную ручку.

— Лизавета Сергевна, вставай рыбалить.

— «Ежли ошибся окном — вот рыбальствие будет»

¹ ППС: «белой трясучей тенью до амбара».

² ППС: «Митька охнув».

³ ППС: «попа Виссариона дома».

— [Спишь] Вставай што-ли! — раздосадованно сказал Митька и просунул голову в комнату.

— А? Кто? — испуганно и тихо откликнулась из [темноты] черноты.

— Рыбалить пойдешь? Это я, Коршунов.

— Ааа, сейчас.

В комнате зашуршало. Сонный теплый голос ее, казалось, пахнул мятой. Митька видел что-то белое, шелестящее, двигавшееся по комнате. «Эх, сладкобы с ней позоревать... А то рыбалить... Сиди там, клечатей...» Неясно думал он вдыхая||

<Л. 7>

11.

[теплый] запах спальни.

В окне показалось ее смеющееся лицо, повязанное белой косынкой.

— Я через окно. Дай мне руку.

— Лезь. — помог Митька.

Опираясь на его руку она близко взглянула ему в глаза.

— Скоро я?

— Ничево. Успеем.

Пошли к Дону. Она терла [бело] розовой ладонью слегка припухшие глаза, говорила:

— Сладко я спала. Надо-бы еще поспаться. Рано уж очень идем.

— Как раз будет.

Спустились к Дону по первому от площади переулку. За ночь откуда-то прибыла вода и баркас, примкнутый к лежавшей вчера на сухом карше, [оказался] качался окруженный водой.

— Разуваться надо. — вздохнула Лиза меряя глазами расстояние до баркаса.

— Давай перенесу[.]? — предложил Митька.

— Неудобно... Я лучше разуюсь.

— Удобней будет.

— Не надо. — замялась в смущении.

Митька левой рукой повыше колен обнял ее ноги и легко приподняв [ее] шлепал по воде к баркасу. Она невольно охватила смуглый [твердый] {твердый} столб его шеи и засмеялась воркующе и тихо.

Еслиб не споткнулся Митька о камень, на [каком] котором хуторские бабы шлепали вальками белье, не было-бы и нечаянного короткого поцелуя. Ахнув она прижалась к растрескавшимся Митькиным губам и Митька стал в двух шагах от серой стенки баркаса. Вода заливалась ему в чирики, холодила ноги... [Но он не чувствовал...]

Отмокнув баркас он с силой толкнул его от карши, [и] вскочил на ходу. Огребался коротким веслом, стоя. За кормой [хлюпая] люлюкая журчилась плакала вода[.]. [б]Баркас приподнятым носом мягко резал стремя, направляясь к противоположному берегу[.]. [д]Дребезжали подпрыгивая удилища.

— Куда ты правишь? — спросила оглядываясь назад.

— [К] На [энтому] энтот бок.

У песчаного обрыва баркас пристал. Не спрашиваясь, Митька¹ поднял ее на руки и [стиснув зубы] понес [завявшее] [завявшую] [безвольное] [безвольную] [тело] в кусты прибрежного боярышника.

Она кусала ему лицо, царапалась, раза два придушенно вскрикнула и чувствуя, что обессиливает заплакала злыми слезами².

Возвращались часов в девять. Небо кутала желторудая мгла[.]. [и]Плясал по Дону ветер, гриватил волны[.]. [и]Плясал перелезая через **поперечные** волны баркас и пенистые [холодные] **студеные** брызги [поднятые] **поднятой** с глубин воды³ обдавали [бледное] выпитое **бледностью** лицо Елизаветы, [и] [капельками] [слезинками] стекали и висли на ресницах и прядях, выбившихся [из]||

<Л. 7 об.>

12.

из под косинки волос.

Она [вяло] {устало} шурила [заплаканные] **опустошенные** глаза, [и] ломала в пальцах стебелек [сорванного] занесенного в баркас цветка. Митька греб не глядя на нее, под ногами его валялся небольшой сазан и чебак, с застывшим в смертной судорге ртом и вылупленным в оранжевом ободке глазом. На лице Митьки блудила виноватость, [и радость и] **довольство скрещивалось** с [тревога] **тревогой**...

— Я подвезу тебя к Семкиной пристани, оттель тебе ближе. — сказал он поворачивая баркас по течению.

— Хорошо. — шепотом согласилась она.

На берегу было безлюдно. Припудренные меловой пылью огородные плетни над Доном изнывали опаленные горячим ветром, [насыщали] **поили** воздух [медвяным] **прижженным** запахом [цветущего] хвороста. Тяжелые, [тони] обклеванные воробьями шляпки подсолнухов вызрев до предела никли к земле, [роняя] **роняли** опущенные семячки. Займище [изумрудно] **изумрудилось** [блестело] нарощенной молодой атавой. Вдали взбрыкивали жеребята и тягучий смех привешенных балабонов нес к Дону [восточный] **южный** горячий ветер.

Митька поднял рыбу и протянул выходившей из баркаса Елизавете.

— Возьми улов-то... На!

Она испуганно [глянула на него] **взмахнула ресницами**, взяла.

— Ну, я пойду...

— [Прощай.] Што-ж...

Пошла держа в откинутой руке нанизанную на таловую хворостинку рыбу; жалкая, растерявшая в **боярышнике** недавнюю самоуверенность и веселость.

— Лизавета! — позвал Митька вполголоса.

Она повернулась, тая в изломе бровей [и] досаду и недоумение⁴.

— [Поди ко мне.] Вернись-ка на час.

¹ ППС: «Митька не спрашиваясь».

² Текст вставки перенесен с листа 49 об. согласно указанию автора.

³ Первоначальный порядок слов: «[поднятые] **поднятой** с глубин брызги воды».

⁴ ППС: «и недоумение [и] досаду».

И когда подошла поближе сказал [бодря улыбкой] [с] [досадой] {досадуя} на своё смущение:

— Не доглядели мы с тобой... Эх... Юбка-то сзади... Пятнышко... Махонькое оно...

Она вспыхнула и залилась краской до ключиц. Митька помолчал посоветовал:

— Иди задáми...

— Всё равно... Через площадь ведь итти... Хотела ведь черную юбку надеть!.. — прошептала с тоской и неожиданной ненавистью озирая Митькино лицо.

— Дай листком обзеленю? — просто предложил Митька и удивился выступившим на глазах ее слезам.

[4.] [5.]

Ветровым шелестом-перешопотом поползла по хутору новость:

«Митька Коршунов Сергея Платоныча дочку обгулял!» гутарили бабы на прогоне зарей, когда прогоняли в табун коров¹; под узенькой, плавающей в серой пыли тенью колодезного журавля [гутарили они] проливая из ведер воду; у Дона на плитнях самородного||

<Л. 8>

13.

камня, выколачивая постиранные лохунишки.

— То-то оно без рódной мамúнюшки.

— Самому-то дыхнуть некогда, а мачеха, скрозь пальцев поглядывает...

— Надьсь сторож Давыдка Беспалый рассказывал: «Гляжу, а в полночь в крайнюю окно гребется человек. Ну, думаю, вор К Платонычу подбегаю, стал-быть, — Кто такой есть? Полицевской, суды!.. — А это, стал-быть, он и есть Митька».

— Девки ноне, фитины им в дыхало, пошли...

— [Митькя] Митька мому Никишке расписывал, дескать [женится] сватать буду.

— Нехай хучь трошки сопли утрет!

— Приневолил ее, гутарили надьсь, ссильничал...

— Иии, кума, [сучкя] сучка не схочет, так и кобель не вскочит...

Текли по улицам и проулкам слухи, слушки, слушенятки. Мазали прежнее чистое [Елизаветино] имя девушки, как свежие ворота густым дегтем...

Пала молва на лысеющую голову Сергея Платоновича, [как] балка [на] с постройки на идущего мимо человека, и придавила пониже к земле. Двое суток не выходил ни в магазин, ни на мельницу. [Голубые] ставни дома наглухо [прикрыты] [стиснуты] {стиснули} [в зале и столовой] голубые челюсти. Прислуга,

¹ ППС: «На прогоне зарей, когда прогоняли в табун коров, гутарили бабы».

жившая на низах, появлялась только перед обедом. [и никто не знал, что делается за голубоватую] **голубую спесью резных ставень**].

На третий день заложили Сергею Платоновичу [в беговые дрожки] **рессорную <1 слово нрзб.>**] {в беговые дрожки} серого в яблоках рысака, [кучер Емельян поыхивая трубкой вытянул в крутых руках шелковые вожжи,] укатил [хозяин] в станицу, важно и недоступно [притр] кивая бородой встречавшимся казакам.

А следом за ним [выехала] **прошуршала из двора** блестящая лаком венская [новехонькая] коляска. Кучер Емельян, [с] **слюнявя [прикипевшей] прикипевшую** к седеющей бородачке [гнутой] **гнутую [трубченку] трубочку**, [круто подобрал] **разобрал** синее шелковое вожжей и пара вороных [играючись] [заиграли] **играючись зашелкали** по улице.

За кручей Емельяновой¹ спины виднелась [со] бледная Елизавета. [Легонькую] **Легонький** чемоданчик держала в руках и невесело улыбалась[.]; махала перчаткой, стоявшим у ворот Владимиру и мачехе.

[Проходивши] Хромавший [мимо] **из [степи] {лавки}** Пантелей Прокофьевич поинтересовался обращаясь к дворовому Никите:

— Куды-[же] **ж [повез]** отправилась наследница-то?

И тот снисходя к человеческой слабости, ответил:

— В Москву. На ученье, курсы проходить.||

<Л. 8 об.>

14.

[В этот же] **На другой** день случилось событие, рассказ о котором долго [после] [повторяли] пережевывали и у Дона, и под тенью колодезных журавлей и на прогоне...

Перед сумерками, [прогнали] {из степи пропылил} **уже табун** (нарочно припозднился — [чтоб] **чтобы** люди не [видали] **видели**²) пришел к Сергею Платоновичу Митька. [Не просто абы с чем пришел, а] **Не просто так-таки пришел, а сватать [Сергея Платоновича дочь] дочь его Елизавету.**

До этого виделся он с ней раза четыре не больше[.]. [а] [в] **В [последний] последнюю [раз] встречу** происходил между ними такой разговор.

— Выходи за [мине] **меня** замуж, Лизавета. А?

— Глупость[.]!

— Жалеть буду, кохать буду... [работу] **работать** у нас есть кому; будешь у окна сидеть книжки читать.

— Дурак ты!

Митька обиделся и замолчал. Ушел в этот вечер домой рано, а утром [сказ] заявил изумленному Миرونу Григорьевичу.

— Батя, жени.

— Окстись!

— На самом деле, не шутейно говорю.

¹ ППС: «За Емельяновой кручей».

² ППС: «[чтоб] чтобы люди не [видали] видели — нарочно припозднился».

- Приспичило?
- Чево уж там...
- Какая-ж прищемила? Не Марфушка?
- Засылай сватов к Сергею Платонычу.

Мирон Григорьевич аккуратно разложил на лавке чеботарный инструмент (чинил он шлеи) [и] хахакнул:

— Ты, сынок, ноне веселый, гляжу.

Митька уперся в свое, как бугай в стену, отец вспылил:

— Дурак! У Сергей Платоныча капиталу боле ста тысячеч, купец а ты... Иди-ка отсель, не придуривайся, а то вот шлеей потяну жениха этова.

— У нас двенадцать пар быков, именье вон какое опять-же он мужик, а мы казаки...

— Ступай! — коротко приказал Мирон Григорьевич, не любивший долгих разговоров.

Митька встретил сочувствие лишь у деда Гришаки. Тот приплюхался к сыну цокая костылем по полу.

— Ми-рон[.]!

— Ну?

— Што супротивничаешь? Раз парню [нрави] пришлось как раз...

— Батя, вы чисто дитё, истинный бог! Уж||

<Л. 9>

15.

Митрий глупой, а вы на диковину...

— Цыц! — [стукнул] пристукнул дед Гришака, — Аль мы им не ровня? Он за честь должён [почесть] принять, што за ево дочерю сын [казак] казака сватается!.. [Отдасть] Отдаст с руками и с потрохами. Мы люди по всему округу звесные!.. Не голутва, а хозява!.. Да-с!.. [Мирон Григор] Поезжай, Мирошка[,] нечево там! [в]В приданое мельницу [нехай дает] нехай дает, проси.

Мирон Григорьевич запыхтел и ушел на баз. А Митька порешил дожждаться вечера и итти самому. [сватать.] Знал, что отцово упрямство что вяз на корню: гнуться — гнется, а сломить и не пробуйся.

Дошел до парадного посвистывая, а тут оробел. Потоптался и пошел через двор. На крыльце спросил у [горницкой] горничной гремевшей накрахмаленным фартуком:

— Сам дома?

— Чай пьют. Подожди.

Сел, подождал. Выкурил цыгарку и послунявя пальцы затушил. Окурок густо размазал по полу. Сергей Платонович вышел обметая с жилета крошки сухаря. [Увидал] Увидел и сплюснул брови.

— Пройдите.

Митька первый вошел в прохладный пахнувший книгами и табаком кабинет. Почувствовал, что той смелости, которой зарядился [выходя] из дома хватило как раз до порога кабинета.

Сергей Платонович подошел к столу и крутнулся на пискнувших каблуках.

— Ну? — [Ладони] Пальцы его **сзади спины** царапали исподнюю доску письменного стола.

— Пришел узнать ... — Митька нырнул в холодную слизь буравивших его глаз и зябко передернул плечами, — Можеть отдадите [за мене] ... Лизавету...

Отчаяние, [и] злоба, [и] трусость выдавили на растерянном Митькином лице пот скупой, как росная сырость в засуху. У Сергея Платоновича дрожала левая бровь и щерилась выворачивая [синюю] **бордовую** изнанку верхняя губа. **Вытягивая шею** он весь клонился вперед¹

— [Ах, ты, мерзавец... Как... да как ты смеешь!.. Пошел, [прочь] мерзавец!..] **Что?!... Что-о-о?!.. Мер-за- вец!.. По-шел!..** [Я] к атаману тебя!² Ух, ты, ссукин сын!.. Пас- ку- да!..

Митька [нагледя] **осмелев** от [обиды] **чужого крика** следил, [как] за приливом сизой крови, напившей на щеки Сергея Платоновича.||

<Л. 9 об.>

16.

— Не примите в обиду... Думал вину свою покрыть...

Сергей Платонович закатил набухшие от крови и слез глаза и жмякнул под ноги Митьке чугунную массивную пепельницу. Она рикошетом ударила Митьку в чашечку левой ноги, но он **стойко** выдержал боль и распахнув дверь выкрикивал **скалясь** нагледя от обиды и боли:

— Воля ваша, Сергей Платонович[,]! [к]Как хотите, а я от души...Кому она такая-то нужна? Вот и думалось славу прикрыть... А то ить [в] накушенный кусок кому нужен? Собака и то не исть.

Сергей Платонович прикладывая к губам скомканный платок шел за Митькой по пятам. Он загородил дорогу через парадный ход и Митька сбежал во двор. Тут-то Сергей Платонович только глазом мигнул **торчавшему во дворе Емельяну-кучеру**, пока Митька возился с тугим засовом у калитки вырвались из-за угла сарая [три] четыре выпущенных собаки и завидя Митьку расстелились по чисто [метенному] **выметенному** двору...³

Из Нижнего с ярмарки привез Сергей Платонович в 1910 году пару черных курчавых щенят, суку и кобелька. Были они черны, курчавы, зевлороты. [А] [ч]Через год [выросли] **вымахали** с [годовалых] **годовалого** [телят] **телка** ростом, **сначала** рвали на бабах, ходивших мимо Моховского двора юбки, потом научились валять баб на землю и кусать им ляжки и только тогда, когда загрызли **до смерти** о. Панкратия телка, да пару Атепинских кабанков-зимнухов, Сергей Платонович **приказал** посадить их⁴ на цепь. Спускали [только] **собак** по ночам, да раз в год, весной, на случку.

Митька не успел повернуться лицом, [как] и **передний по кличке Баян** [положил] **кинул** ему лапы на плечи и сомкнул пасть увязив [на] зубы [фуражку.] в

¹ ППС: «Он весь **вытягивая шею** клонился вперед».

² ППС: «тебя к атаману!..»

³ ППС: «расстелились по чисто [метенному] **выметенному** двору завидя Митьку...»

⁴ ППС: «**приказал** посадить их Сергей Платонович».

ватном сюртуке. Рвали, тянули, клубились черным комом. Митька отбивался руками стараясь не упасть. Мельком видел, как Емельян развеивая безобидные из трубки искры промелся к низам и хлопнул крашеной дверью. На углу [крыльце] **крыльца**, прислонясь спиной¹ к водосточной трубе, стоял Сергей Платонович, сучил беленькие кулачки, поросшие глянцевитым жестким волосом. Качаясь выдернул Митька засов² и на **окровяненных** ногах выволок за собой [ворох рычащий жарко воняющий псиной.] **рычащий жарко воняющий псиной собачий клубище**. [Баяна] Баяну он [задушил] **изломал горло, задушил** а от остальных с **трудом** отбили его проходившие мимо казаки.||

<Л. 10>

17.

[5.] 4.

Наталья пригласила Мелеховым ко двору.

Миرون Григорьевич детей [своих] школил не глядя на **свое** богатство [своё], и на то, что помимо них были работники; [и] заставлял работать, приучал к делу. **Работящая** Наталья влезла [к] свекрам в душу. Ильинишна, скрытно недолюбливавшая старшую сноху — нарядницу Дарью³, привязалась к Наталье с первых дней.

— Поспись, поспись, моя чадунюшка, чево вскочила? — ласково бубнила она переставляя по кухне дородные ноги, — Иди позоруй, без [тебе] **тебя** [управимси] **управимся**.

Наталья встававшая с зарей⁴, что-бы помочь в стряпне, уходила в горенку досыпать.

Строгий на дому Пантелей Прокофьевич⁵ и то говаривал жене:

— Слышь, баба, Наташку не буди. Она и так днем [мотает] [ворочается] {мотает}. [Собираются] **Сбираются** с Гришкой пахать. Дарью, Дарью стегай. С ленцом баба, спорченная... [румянитца] **румянится** да брови чернит, мать ее суку...

— Нехай хучь первый годок покахається. — вздыхала Ильинишна вспоминая свою горбатую в работе жизнь.

Григорий малость привык в новом своем женатом положении, пообтерхался и недели через три с страхом и озлоблением [осознал] **сознался в душе**, что [хол] не в конец порвано с Аксиньей. Осталось **что-то**, как от выкрошившегося гнилого зуба корешки. Крепко приросло то, на что [Григорий] **он в жениховском** озорстве играючись рукой помахивал⁶, — дескать загоится, забудется... А оно вот и не забылось и кровоточит при воспоминаниях.

Еще перед женитьбой на току, как-то во время молотьбы спросил Петро:

¹ ППС: «спиной прислонясь».

² ППС: «Митька качаясь выдернул засов».

³ ППС: «нарядницу Дарью — старшую сноху».

⁴ ППС: «с зарей встававшая».

⁵ ППС: «Пантелей Прокофьевич на дому строгий».

⁶ ППС: «играючись в жениховском озорстве рукой помахивал».

- Гришка, а как-же с Аксюткой?
- А што?
- Небось, жалко кидать?
- Я кину — кто-нибудь подымет, — [оскалился] смеялся тогда Гришка.
- Ну, гляди, — жевал Петро изжеванный ус, — а то женишься, да не в пору...
- Тело заплывчиво, а дело забывчиво. — отшутился Гришка.

А оно не так сложилось. И по ночам по обязанности лаская жену, горяча ее молодой своей любовной ретивостью, встречал Гришка с ее стороны холодок, смущенную покорность. Была Наталья до мужниных [потех] утех неохоча, при рождении наделила ее мать¹ равнодушной медлительной кровью, и Григорий вспоминая иступленную в любви Аксинью вздыхал:

— Тебя, Наталья, отец, должно на [льду] крыге зачинал ... Дуже ледянистая ты ...

А Аксинья при встречах омутно улыбалась, темнея зрачками роняла [вязкие] вязкую [тинистые] тину [слова] слов:

— Здорово, Гришенька[.].! Как живешь-любишься с молодой||

<Л. 10 об.>

18.

женушкой?

— Живем, — отделявался Григорий неопределенным ответом и норовил поскорей уйти от ласкового [Анисьиного] Аксиньиного взгляда.

Степан, как видно, примирился с женой. Реже стал бывать у кабака² и на гумне, однажды вечером, вея хлеб, [в промежутке отдыха,] в первый раз за время разлада [попросил] предложил:

— Давай, Ксюшка, заиграем песню [.].?

Присели прислонясь к вороху обмолоченной пыльной пшеницы, Степан [заводил] завел служивскую — Анисья грудным полным голосом дишканила. Складно играли, как в первые года замужней жизни. Тогда бывало едут с поля, прикрытые малиновой полою вечерней зари и Степан покачиваясь на возу [заведет] тянет старинную песню, [тягучую] тягуче-тоскливую, как одичавший в белюдьи, заросший подорожником степной шлях³. [Анисья] Аксинья [сляжет] уложит [головой] голову на выпуклые полукружья мужниной груди — [дишканил] вторит. Кони тянут скрипучую жогару, качают дышло. [А] хуторские старики [прислушиваясь] [следя [к] за [песне] песней довольно улыбались] издалека [<1 слово нрзб.>] {следили}{песню} {за песней}.

— Голосистая жена Степану попала⁴. [Ишь]

— Ишь ведут... Складно.

— У Степки-ж и голосина, чисто колокол[.].!

¹ ППС: «наделила ее мать при рождении».

² ППС: «У кабака стал бывать реже».

³ ППС: «заросший подорожником степной шлях, одичавший в безлюдьи».

⁴ ППС: «Попала Степану жена голосистая».

И деды, провожавшие с заваленок пыльный багрянец заката, переговаривались через улицы:

- Низовскую [играють] играют ...
- Этую, полчок^{х)} в Грузии сложили.
- То-то ее покойник Кирюшка любил!..

Григорий по вечерам слышал, как Астаховы зачинали песни. На молотьбе (ток ихний соседил с Степановым током), видел [Анисью] **Аксинью** попрежнему уверенную, [и,] [как-]будто счастливую. Так, это крайней мере, казалось ему.

Степан с [Гришкой] **Мелеховыми** не здоровался[.]. [п]Похаживал по гумну с вилами, шевелил в работе широкими вислыми плечами, изредка кидал жене шутовское словцо и Аксинья смеялась играя из-под платка черными глазами. Зеленая юбка ее [рябила] **зыбилась дождем** перед закрытыми глазами Григория[.]. [и]Шею его крутила неведомая сила поворачивая голову в сторону Степанова гумна. Он не [видел] замечал, как Наталья, помогая **Пант. Прокоф.** насаживать посад, перехватывала каждый его невольный взгляд своим тоскующим ревнивым взглядом; не видел и того, как Петро, [погонявший] **гонявший** по кругу лошадей, взглядывая на него курносил лицо неприметной, про себя, ухмылкой.

Под глухой **перегуд** стон [утрамбованной] **распятой под** каменными катками земли думал Гришка неясные думки, пытался и не мог поймать [ускользавшие] **увиливавшие** от сознания скользкие шмоточки [воспоминаний и образов] **мыслей.**

[А] [с]С ближних и дальних гумен [несли] ползли и таяли в займище звуки молотьбы, крики погоньчей, высвист

^{х)} Полчок — однополчанин, служивший в одном полку.||

<Л. 11>

19.

кнотов, [и] [татакающий] **татаканье** [стук] веялочных барабанов. Хутор, заживший от урожая, [грелся] **млел** под сентябрьским прохладным [солнцем] **сугревом**, протянувшись над Доном, как бисерная змея поперек дороги. В каждом дворе, обнесенном плетнями, под каждой крышей **каждого куреня** коловертью кружилась своя обособленная **от остальных**, полнокровная, горько-сладкая жизнь: дед Гришака простыв страдал зубами; Сергей Платонович, перетирая в ладонях расдвоенную бороду, наедине с собой плакал и скрипел зубами, раздавленный позором; Степан вынынчивал в душе ненависть к Гришке и **по [ночью] ночам во сне** скреб железными пальцами лоскутное одеяло, Наталья убегая в сарай падала на кизеки, [и] тряслась сжимаясь в комок, [оплакивала] **оплакивая** заплеванное свое счастье; [Христоня] **Христоню**, [пропивший] **пропившего** на ярмарке телушку, [мучился] **мучила** совесть, томимый ненастным предчувствием и вернувшейся болью вздыхал Гришка¹; Аксинья лаская мужа [горела] [плакала] **слезами [заливая] заливала** негаснущую к нему ненависть, уволенный с мельницы Давыдка-вальцовщик целые ночи просиживал [с] у [Валетом] **Валета** в

¹ ЛПС: «Гришка вздыхал томимый ненастным предчувствием и вернувшейся болью».

саманной заводишкой и тот, [сверкая] **посверкивая** злыми [хоричьми] [как у хорька] {хорьковыми} [глазами] **глазками** говорил:

— Нееет, ша-ли-шь! Им скоро жилы подрежут. На них одной революции мало[.]. [б]Будет им [ишо] **еще** [ня] девятсот пятый год!.. Тогда поквитаемся. Покви-та-емя!.. — грозил он рубцеватым пальцем и **плечами** поправлял накинутый в напашку пиджак.

А над хутором шли дни [сплетенные] **сплетаясь** с ночами, текли недели, ползли месяцы; дул ветер, на погоду гудела гора и застекленный осенней [прозрачной] **прозрачно-зеленой**¹ лазурью равнодушно шел к морю Дон.

6.

В конце октября в воскресенье поехал Федот [Крамсков] **Бодовсков** в станицу. В кашолке отвез на базар четыре пары кормленных уток, продал. В лавке купил жене [своей на утеху] ситцу в цветочных загогулинах и совсем собрался уезжать (упираясь в ободь ногой затягивал супонь), в этот момент подошел к нему человек, чужой, не станичный.

— Здравствуйте. — приветствовал он Федота [приподнимая] **касясь** [белыми нерабочими] **смуглыми** пальцами полей черной шляпы.

— Здравствуй. — **выжидательно** прищурил Федот калмыцкие глаза.

— Вы откуда?

— С хутора, не тутошний.

— А с какого будете хутора?

— С Татарскова.

Чужой человек достал из бокового кармана серебряный с лодочкой на крышке портсигар, [и] угощая Федота папироской продолжал расспросы:

— Большой ваш хутор?

— Спасибочка, [не курящий] **покурил**. Хутор-то наш? Здоровый||

<Л. 11 об.>

20.

хутор. Никак дворов триста.

— Церковь есть?

— А как-же, есть.

— Кузнецы есть?

— Ковали то-есть? Есть и ковали.

— А при мельнице слесарная имеется?

Федот взвожжал занудившегося коня и неприязненно оглядел черную шляпу и морщины, на крупном белом лице, втыкавшиеся в короткую черную бороду. [Нез-]

— Вам [соб] чево надо-то?

— А я в ваш хутор переезжаю жить. Сейчас вот был у станичного атамана. Вы порожняком едете?

¹ ППС: «зеленой-[прозрачной] прозрачно».

— Порожнем.

— Заберете меня? Только я не один, жена со мной да два сундука пудов на восемь.

— Забрать можно.

Сладились за два целковых. Федот заехал к Фроське-бублешнице, у которой стоял на квартире подрядивший его, [забрали жену его] **усади**л шупленькую [белобрысенькую] **белобрысую** женщину, [установили] **поставил** в [задке] **задок** повозки окованные сундуки. [и] [в] **Выехали** из станицы. [в степь.] Федот причмокивая помахивал на своего маштака **волосяными** вожжами, [и] вертел плоско-^{<1 слово нрзб.>} **затылой**, угловатой, [большой] головой; его почесывало любопытство. Пассажиры его скромненько сидели сзади, [и] молчали. Федот сначала попросил закурить, а потом уж спросил:

— Вы откель-же прибываете в наш хутор?

— [Я] Из Ростова.

— Тамошний рожак?

— Как вы говорите?

— Спрашиваю, родом откеда?

— А, да, да, тамошний, ростовский.

Федот поднимая бронзовые скулы вгляделся в далекие заросли степного бурьяна: [дорога шла] **Гетманский шлях гребся** на изволок и на гребне в коричневом бурьянном сухостое, в полверсте от дороги калмыцкий **наметанно-зоркий** глаз Федота различил чуть заметно двигавшиеся головки дудаков.

— Ружишка нету, а то-б заехали на дудаков. Вон они ходют... — **вздыхнул** [указал] **указывая** [он] пальцем.

— Не вижу. — сознался пассажир подслепо моргая.

Федот проводил глазами спускавшихся в балку дудаков и повернулся лицом к седокам. Пассажир был среднего роста, **худощав** близко поставленные [глаза,] **к мясистой переносице** [серые] глаза светлели хитрецей. Разговаривая он¹ часто улыбался и козырьком вытягивал верхнюю пухлую губу. Жена его закутавшись в вязаный платок дремала, [и] лица ее Федот не разглядел.

— По какой-же надобности едете к нам в хутор на жительство?

— Я слесарь, хочу мастерскую открыть. Столярничаю.||

<Л. 12>

21.

Федот недоверчиво оглядел **его** белые крупные руки и пассажир уловив взгляд добавил.

— К тому-же я являюсь агентом от [швейной] компании Зингер[.], [Л]по распространению швейных машин.

[С полверсты проехали молча]

— Чей-же вы будете по прозвищу? — поинтересовался Федот.

— Моя фамилия Штокман.

— Не русский, стало-быть?

¹ ПЛС: «Он разговаривая».

— Нет, русский. Дед из немцев происходил.

За корот. время Федот узнал, что слесарь Штокман Иосиф Давыдович работал раньше на заводе «Аксай», потом на Кубани где-то, потом в юго-восточных железнодорожных мастерских[.]. [л]Помимо этого еще кучу подробностей чужой жизни выпытал любознательный Федот. Пока доехали до казенного леса иссяк разговор. В придорожном родниковом колодезе напоил Федот припотевшего маштака и, осовелый от тряски и езды, начал подремывать. До хутора оставалось верст [восемь] пять. Федот примотал вожжи и свесив ноги прилег удобней[.]. [но] [в]Вздремнуть ему не удалось.

— Как у вас житье? — спросил Штокман подпрыгивая и вихляясь на своем [сундуке.] **сиденье.**

— Живем — хлеб жуем.

— А казаки что-же, вообще, довольны жизнью?

— Кто доволен, а кто и нет. На всякова не угодишь.

— Так, так... — соглашался слесарь, и помолчав продолжал задавать кривые, что-то таившие за собой вопросы:

— Сыто живут, говоришь?

— Живут справно.

— Служба, [небось] **наверное**, обременяет? А?

— Служба-то? Привычные мы, только и поживешь, как на действительной.

— Плохо вот то, что [справлять] **справляют все сами** казакам¹ [все приходится].

— Да как-же, туды их мать[.]! — оживился Федот и опасно глянул на отвернувшуюся в сторону женщину.

— [Ды] [с]С этим начальством [...] **беда.** Выхожу на службу, продал быков — коня справил, а ево взяли и забраковали.

— Забраковали? — притворно удивился слесарь.

— Как есть в чистую[.]! Порченный, говорят, на ноги.

Я так, я сак: «Войдите, — говорю, — в положение, што у нево ноги, как у призовава жеребца, но ходит он петушиной рысью... [Ходка у] **Проходка** у нево петушина». Нет, не признали! Ить это раз-зор!..

Разговор оживился. Федот в увлечении соскочил с повозки, [и] охотно стал рассказывать о хуторянах, [о] **ругая** [хуторском] **хуторского** атамана за неправильную растряску||

<Л. 12 об.>

22.

[паев] **луга**, [хвалил] **расхваливая** порядки в Польше, где полк его стоял во время отбывания им действительной службы. Слесарь остреньким взглядом сведенных в кучу глаз — бегал по Федоту, шагавшему рядом с повозкой, курил легкий табак из костяного с колечками мундштука и часто улыбался; но косая поперечная морщина, рубцевавшая белый [его] [высокий] **покатый** лоб, двигалась мед-

¹ Провка не завершена, надо «казаки».

ленно и тяжело, словно изнутри толкаемая ходом каких-то скрытых [от людей] [от Федота] мыслей.

Доехали до хутора перед вечером. Штокман, по совету [Григори] Федота, сходил к вдовой бабе Лукешке Поповой и снял у нее две комнаты под квартиру.

— Ково привез из станицы? — спрашивали у Федота [бабы] соседки [повстречав] **выждав** его у ворот.

— Агента.

— Какова-такова агела?

— Дуры, эх, дуры! Агента, сказано вам. Машинами торгует. Красивым так [отдает] **раздает**, а дурным, таким вот как ты, тетка Марья, за деньги.

— Ты-то, дьявол, клешнятый хорош[.]! [о]Образина твоя калмыцкая!.. На [тибе] **тебя** конем не наедешь, спужается!

— Калмык да татарин первые люди в степе, ты, тетушка не шути!.. — **уходя отбивался Федот.**

Поселился слесарь Штокман [Иосиф Давыдович] у косой и длинноязыкой Лукешки, ночь не успел заночевать, а по хутору бабы уж вывалили¹ языки:

— Слыхала, кума?

— А што?

— Федотка-калмык немца привез.

— Нууу?..

— И вот тебе [мать] **матр** божья! В шляпе, а по прозвищу Штопал, чи Штокал...

— Никак из полицейских?

— Акцизный, любушка.

— Иии, бабоньки, [бредуть] **бредут** люди[.]! [о]Он, гутарют, булгахтир, все одно, как попа Панкратия сынок.

— Пашка, сбегай, [сынок] **голубь**, к Лукешке, спроси у ней [потихоньку] **потихоньку**, мол «тета, ково к [тибе] тебе привезли?» Шибчей беги, чадушка!

На другой день приезжий явился к [хуторному] **хуторскому** атаману. Федор Маныцков, [ходивший с] **носивший** [атаманской] **атаманскую** насеку третий год, долго вертел в руках черный клеенчатый паспорт, потом вертел и разглядывал писарь Егор Жарков. Переглянулись и атаман, по старой вахмистрской привычке, властно [махнул] **повел** рукой.

— Живи.

Приезжий откланялся и ушел. Неделю из дома носа не показывал, жил как сурок в [норе] **сурчине**[.]. [n]Постукивал топором, мастерскую устраивал в летней||

<Л. 13>

23.

завалюхе-стряпке. Охладел к нему бабий ненасытный интерес, лишь ребятишки **дни напролет неотступно** торчали над плетнями разглядывая чужого человека [возившегося у дверей стряпки.] с **звериным беззастенчивым любопытством.**

¹ ППС: «уж вывалили бабы».

7.

Григорий с женой выехали пахать за три дня до Покрова. Пантелей Прокофьевич прихворал и опираясь на костыль, повизгивая от боли, ломавшей поясницу, вышел проводить пахарей¹.

— Энти два улешá вспаши Гришка, што за толóкой у [Краснова] Красного лога.

— Ну-но. А, што под Таловым яром деляна, с энтой как? — шопотом [хрипел] спрашивал перевязавший горло, охрипший на рыбальстве Григорий.

— После Покрова!. Зараз и тут хватит. Полтора круга^{х)} под Красным, не жадуй!

— Петро не приедет [подсобить] пособить?

— Они с Дашкой на мельницу поедут. Надо ноне смолоть, а то завозно.

Ильинишна совала Наталье в кофту мягких бурсаков, шептала:

— А вы недолго, не припазднивайтесь.

— Не, маманя, мы рано возвернемся.

— Может Дуняшку-бы взяли погонять быков?

— Управимся и двое.

— Ну, гляди, ягодка. Христос с тобой.

Изгибая тонкий стан под тяжестью вороха мокрой одежды, Дуняшка² [шла] прошла через двор к Дону полоскать.

— Наташа, милушка! Там в Красном логу воробыново щавлю силá, нарви.

— Нарву, нарву.

— Цыц, стрекотуха! — махал Пантелей Прокофьевич костылем.

Три пары быков [тянули] потянули по дороге перевернутый запашник чертя затвердевшую от осеннего сухостоя и бездождья черствую землю. Григорий по-минутно поправляя жавший шею платок шел сбочь дороги, [и] кашлял. Наталья [шла] шагала рядом с ним, [и] на спине ее колотился мешок с харчами.

В степи за хутором стыла прозрачная тишина. За толóкой, за сугулым бугром расчесывали землю плугами, свистали погоньичи, а тут, — над шляхом, — голубая проседь низкорослой полыни, ощипанный овечьими губами придорожный донник, горюнок угнутый в богомольном поклоне, да звонкая стеклянная стынь холодеющего неба, перерезанная летающими нитями самоцветной паутины.

^{х)} Круг — четыре казенных десятины.||

<Л. 13 об.>

24.³

Петро с Дарьей проводив пахарей [засобирались] [собирались] {собрались} на мельницу. Подвесив в амбаре грохот Петро⁴ подвевал пшеницу, Дарья насыпала в мешки и сносила на бричку.

¹ ППС: «пахарей проводить».

² ППС: «Дуняшка изгибая тонкий стан под тяжестью вороха мокрой одежды».

³ На левом поле снизу вверх синим карандашом написано: «Коротко о нац. розни: казаки — хохлы».

⁴ ППС: «Петро подвесив в амбаре грохот».

Пантелей Прокофьевич запрет лошадей, заботливо оправил упряжь.

— Скоро што-ль?

— Зараз. — откликнулся из амбара Петро.

На мельнице было завозно. Двор густо уставлен подводами. Около весовой давка. Петро кинул Дарье вожжи и соскочил с брочки.

— На мой ярлык скоро? — спросил у стоявшего за весами Валета.

— Успеешь.

— Какой номер смалывают?

— Тридцать восьмой.

Петро вышел сносить мешки. В это время в весовой заругались. Чей-то охриплый злой голос тьявкал:

— Ты проспал, а теперя лезешь! Отойди хохол, а то клюну[.]!

Петро по голосу угадал Якова Подкову. Прислушался. В весовой пух выпирая из дверей крик. Четко лязгнул удар и из дверей с [*сбитой*] **сбитым** на затылок черным картузом вывалился немолодой бородатый тавричанин.

— За шо?! — крикнул он хватаясь за щеку.

— Я тебе зоб вырву, мать твою распротак!..

— Нет погоди!

— Микихфор суда!..

Яков Подкова (на службе ковал коня, **взыграв** стукнул тот копытом по лицу Якова и проломив нос разрезав губы вылегла на лице подкова[.]. **Овальный** [*Ш*]шрам зарос, посинел, пятнышками чернели следы острых шипов, от этого и прозвище — Подкова) **бравый** [*крепко*] **плотно** сбитый **батареец**¹ выбежав из дверей подсучивал рукава[.]. [*с*]Сзади его крепко хлобыстнул высокий в розовой рубахе тавричанин. Подкова хитнулся, но на ногах устоял.

— Братцы, казаков [*бьют*] **бьют**!!..

Из дверей мельницы на двор, застановленный возами, как из рукава, вперемжку посыпались казаки и тавричане, приехавшие целым участком. Свалка завязалась у главного входа, хряснули двери под напором нахлынувших тел. Петро кинул [*на землю*] мешок и **крякнув** мелкими шажками потрусил к [*побоищу*] **мельнице**. Привстав на возу Дарья² видела, как Петро втесался в средину валяя подручных; охнула, когда Петра на кулаках донесли до стены и уронили топча ногами. Из-за угла от машинной размахивая железным болтом бежал [*клонясь вп*] в прискокку Митька Коршунов. Тот самый тавричанин, который сзади ударил Подкову, вырвался из кучи, [*<1 слово нрзб.> сзади*] за спиной его||

<Л. 14>

25.

подбитым птичьим крылом трепыхался оторванный розовый рукав[.]. [*н*]Низко пригинаясь, чертя руками землю он добежал до первой повозки и легко вывернул оглоблю. Над мельничным двором тягуче и хрипло плыло

— Ааааа...

¹ ППС: «батареец бравый [*крепко*] **плотно** сбитый».

² ППС: «Дарья привстав на возу».

— Гууу...

— [Бей!...] Ая-яя-ааа.

Хряск[.], [т]Туп[.], [с]Стон[.], [э]Гуд...

Трое братьев Шумилиных прибежали из дома[.]. [б]{Б}езрукий Алексей упал в калитке, запутавшись ногами в брошенных кем-то вожжах, вскочил, запрыгал через сомкнутые дышла повозок, прижимая к животу холостой [порожний] рукав оторванной левой руки. У [Брат] Брата его Мартына вылезла из белого чулка вобратая штанина, нагнулся хотел вобрать, но у мельницы [кто-то крикнул] [высоко] всплеснулся вой. Чей-то крик взлетел высоко над покатою крышей мельницы, как взвихренная нитка паутины. Мартын выпрямился и кинулся догонять Алексея.

Дарья смотрела с воза задыхаясь ломая пальцы¹, кругом взвизгивали и выли бабы, беспокойно стригли ушами лошади, взмыкивали прижимаясь к возам быки... Мимо проковылял плямкая губами бледный Сергей Платонович, под жилеткой круглым яйцом катался живот...

Дарья видела, как Митьку Коршунова подкосил оглоблей тавричанин в расшатованной розовой рубахе и сейчас-же упал навзничь выронив расщепленную оглоблю, а на него ступил безрукий Алексей прислонивший к тавричанскому затылку свой кулак-свинчатку. Перед глазами Дарьи разноцветными лоскутьями мелькали разрозненные сценки побоища: она видела и не удивилась тому, как Митька Коршунов стоя на коленях резнул железным болтом бежавшего мимо Сергея Платоновича; тот [перестал махать] вскинул размахавшимися руками² и пополз раком в весовую, его топтали ногами, валили навзничь... Дарья [сумасшедше смеялась] истерически хохотала и ломались в смех черные дуги подкрашенных ее бровей. Оборвала сумасшедший смех наткнувшись глазами на Петра: качаясь выбрался он из колыхавшейся гудевшей [толпы] гущи и лег под возом харкая кровью. Дарья метнулась к нему с криком.

А из хутора бежали казаки с кольями, один махал пешней. Побоище принимало чудовищные размеры. Дрались не так, как под пьянку у кабака, или в стенках на масленицу; у дверей весовой лежал с проломленной головой молодой тавричанин, разводя ногами окунал голову в черную спекшуюся кровь, кровяные сосульки волос падали на лицо, как видно отходил свое по голубой веселой земле...

Тавричан, сгрудившихся овечьим гуртом, оттеснили к [сарая] завозчицкой. Худым-бы окончилось дело, еслиб смекалистый старик-тавричанин не догадался: вскочив в [завоцицкую] завозчицкую он выдернул из печи искрящуюся||

<Л. 14 об.>

26.

головню и выбежал из дверей. [Подбежал] Бежал к сараю, где хранился отمول — [пятьсот] тысяча с лишком пудов хлеба, и из-за плечей его кисеею вился дым, выпорхивали тусклые в дневном свете искры.

¹ ППС: «задыхаясь ломая пальцы смотрела с воза».

² ППС: «руками размахавшимися».

— Запа-лю-ю-юуу!.. — дико взревел поднося к камышевой крыше трескучую головню.

Казаки дрогнули и стали. Сухой [и] порывистый ветер¹ дул с востока, относил дым от крыши к завозчицкой, к куче сгрудившихся тавричан... Одну добротную искру в сухой **слежалый** камыш крыши и дымком схватится хутор...

Гул глухой и короткий тронул ряды казаков. Кое-кто задом отходил к мельнице, а тавричанин махая головней, сея огненные капли из сизого дыма кричал:

— Спалю, туды растуды!.. Спа-лю- юууу! Уходи с двора!..

Синий, во многих местах изуродованного своего лица, Яков Подкова — зачинщик драки первый покинул мельничный двор[.]. [з]За ним стекли поспешно и скоро. Тавричане побросав мешки запрягли в брички лошадей и стоя, махая узлами ременных [вожжами] **вожжей**², полосая лошадей кнутами вырвались из двора и захохотали [из ху] по улице за хутор.

Безрукий Алексей — посередь двора, мечется по поджарому животу холостой завязанный в конце рукав рубахи, всегдашней судоргой дергается глаз и щека.

— На конь, казаки!..

— Догнать!..

— Дале гребня не ускачуть!..

Митька Коршунов кособочась кинулся было из двора. Заметная суматоха вновь {рябью} тронула [рябью] собравшихся у мельницы казаков, но в момент этот от машинной скорыми шагами подошел **никем** непримеченный раньше, незнакомый в черной шляпе человек; строгая толпу лезвиями сведенных в кучу остреньких глаз поднял руку.

— Стойте!..

— Ты кто такой? — сдвинул [прыгающие] **танцующие** брови Подкова.

— [Я? Я слесарь] Откель сорвался?

— Узы ево!.. [Га!..]

— Га!..

— Тю-ю-ю!..

— Постойте, станичники...³

— Куцый кобель тебе станишник!

— Мужик!..

— Лапоть дровяной!..

— Дай ему, Яшь[.]!

— По гляделкам ему!.. По гляделкам!..

Человек улыбнулся смущенно и без боязни. Снял||

<Л. 15>

шляпу **жестом беспримерной простоты вытирая лоб**. Улыбкой обезоружил[.]¹
вконец.

¹ ППС: «Ветер сухой [и] порывистый».

² ППС: «[вожжами] **вожжей** узлами ременных».

³ ППС: «Станичники, постойте».

— [За что кровь лили] **В чем дело?** — [и] махнул он сложенной в двое шляпой указывая на черную впитанную землей кровь у дверей весовой.

— [За очередь] хохлов били. — мирно ответил безрукий Алексей и подморгнул щекой и глазом.

— За что били?

— За очередь! Не залазь наперед. — пояснил Подкова выступая вперед и широко [жестом] **взмахом** вытирая **красную соплю** под носом.

— Вложили им память!..

— Эх, догнать-[бы] ба... В степе не зажгешь.

— Сробели, а небось не посмел-бы?

— Человек в отчаянности, зажег-бы, как пить дать.

— Хохлы они огромядно сердитые. — усмехнулся Афонька Озеров.

Человек махнул [черной] шляпой в его сторону [щербатого Афоньки Озерова].

— А ты кто?

Тот презрительно цвиркнул через **скважину** [щербатину] **щербатого** рта и проследив за полетом слюнной [нитки] **петли**, отставил ногу.

— Я-то — казак, а ты не из цыганев?

— [Русский я,² и ты из русских.] **Мы с тобой обое русские.**

— Брешешь! — отдельно выговорил Афонька.

— Казаки от русских произошли. **Знаешь про это?**

— **А я тебе говорю**, Казаки от казаков ведутся[.]!

— В старину от помещиков бежали крепостные, селились на Дону, их-то и прозвали казаками.

— Иди-ка ты, милый человек, своим путем! — сжимая запухшие пальцы в кулак, сдержанно-злобно посоветовал Алексей безрукий и заморгал [часто] **чаще**³.

— Сволочь, [ишо] поселилась... Ишь поганка, в мужиков захотел переделывать[.]!

— Кто это такой? Слышь, Афанасий?

— Приехал тут какой-та. У Лукешки Косой квартирует.

Момент для **погони** был упущен

[— Догоним?

— Не надо уж...]

Казаки расходились оживленно обсуждая происшедшую стычку⁴.

8.

[А ночью] **Ночью** [З]за восемь верст от хутора, в степи, кутаясь в колючий плотный зипун Григорий тоскливо говорил Наталье:

— Чужая ты какая-то... Ты, как **этот** месяц: не холодишь и не греешь. Не

¹ ППС: «Обезоружил улыбкой».

² ППС: «Я русский».

³ ППС: «[часто] чаще заморгал».

⁴ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

люблю я тебя, Наташка, ты не гневайся. Не хотел [*говорить*] гутарить про это, да нет, видно, так не прожить... И жалко тебя, кубыть за эти деньки и сроднились, а нету на сердце ничево... пусто. Вот, как зараз в степе [*пусто*]...

Наталя глядела вверх на недоступное звездное займище, на тенистое [*и*] прозрачное покрывало¹ плывущей над ними тучки, молчала. Оттуда с черно-голубой [*вышины*] вышней² пустоши² серебряными колокольцами кликали за собой припозднившиеся в полете журавли. Тоскливо мертвенно пахли отжившие травы. Где-то на бугре [*тлеет*] мерцала кумачная крапинка разложенного пахарями костра...

Перед светом Григорий проснулся. На зипуне на два вершка лежал снег. В мерцающей девственной голубизне свежего снега томилась степь и четкие [*виднелись*] синели³ возле стана следы плутовавшего по первопутку зайца³.

Через [*три дня*] две недели после драки на мельнице в хутор приехал становой пристав и следователь. Штокмана вызвали на допрос первого. Следователь, молодой из казачьих дворян чиновник, роясь в портфеле спросил.

— Вы где жили до приезда сюда?

— В Ростове.

— В [*1905*] 1907⁴ за что отбывали тюремное наказание?

Штокман сверкнул хориными глазами по портфелю и косому в перхоти пробору на склоненной голове следователя.

— За беспорядки.

— Угу-м... Где вы работали в то время?

— В железно-дорожных мастерских.

— Профессия?

— Слесарь.

— Вы не из жидов? Не выкрест?||

<Л. 15. Об.>

28.

— Нет[.]. [господин следователь. —] Я думаю...

— [*Кажется...*] Мне не интересно знать, что вы думаете. [в]В ссылке были?

— Да. Был.

Следователь поднял голову от портфеля и пожевал выбритыми в пупырышках губами.

— Я вам посоветую уехать отсюда, — и [*словно*] про себя: — [А] [в]Впрочем я сам постараюсь об этом.

— Почему, господин следователь?

[*Не отвечая*] на вопрос [*спросил*] вопросом:

— О чем вы имели беседу с местными казаками в день драки на мельнице?

¹ ППС: «на покрывало тенистое [*и*] прозрачное».

² ППС: «с [*вышины*] вышней черно-голубой пустоши».

³ Текст вставки перенесен со страницы 28 согласно указанию автора.

⁴ Против даты слева поставлен вопросительный знак.

— Собственно...

— А, ну, можете быть свободны.

Штокман вышел на [крыльцо] **терассу** моховского дома, (у Сергея Платоновича всегда становилось начальство, минуя взъезжую) и улыбаясь — (а [поперек] **наискось** лба лежала скользящая морщина), — оглянулся на створчатые крашенные двери.

Гл. 11¹

Вечерами у косой Лукешки в половине Штокмана собирался разный люд: приходил Христоня; с мельницы Валет, в накинутом на плечи замасленном пиджаке, [наведывался] скалозуб Давыдка, бивший [два] **три** месяца баклуши; [приходил] и машинист [<1 слово нрзб.>] **Котляров** Иван Алексеевич, изредка навещался Филька [<1 слово нрзб.>] **чеботарь**; и постоянным гостем был у Штокмана Мишка Кошевой — [молодой] ещё не ходивший||

<Л. 16>

29.

на действительную молодой казак. [За свежее обструганной [доской] покрывкой стола]

Резались [по первоначально] **вначале** в подкидного дурака, потом, как-то незаметно, подсунил Штокман книженку Некрасова. Стали читать вслух, [стихи перечитали] **понравилось**. Перешли на Никитина, а около рождества предложил Штокман почитать затрепанную гнусного вида безпереплетную тетрадку. Кошевой, окончивший когда-то церковную школу, читавший вслух, пренебрежительно оглядел промасленную тетрадь.

— Из неё лапши нарезать. **Дюже жирная.**

Христоня гулко захохотал, ослепительно блеснул улыбкой Давыдка, но Штокман переждав общий смех, [предложил] **сказал**:

— Почитай, Миша. Это про казаков. Интересная.

Кошевой свесив над столом золотистый чуб раздельно прочел:

— Краткая история донского казачества. — и оглядел всех [прищурясь в ожидании] **выжидающе шурясь**.

— Читай. — приказал Иван Алексеев.

Мусолили три вечера. Про [Стеньк] Пугачева, про вольное житье, про Стеньку Разина и Василия Булавина. Добрались до крайних времен[.]. [d]Доступно и зло безвестный автор высмеивал скудную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самим казачеством, нанявшимся к монархам в опричники. Заволновались. Заспорили. Загудел Христоня подпирая головой потолочную матку. Штокман сидел у дверей, курил из костяного с колечками мундштука, смеялся **одними** глазами [Кошевой, наваливаясь на стол]

— Правильна! Справедлива! — бухал Христоня.

¹ Против номера главы на левом поле красным карандашом написано: «Гл. 8».

— Не сами виноваты, довели до такой страмы казаков. — недоуменно разводил руками Кошевой и морщил красивое темноглазое лицо. Был он коренаст, одинаково широк в плечах и в [боках] **бедрах**¹, оттого казался квадратным; на чугунно крепком устое сидела плотная в кирпичном румянце шея и странно выглядела на этой шее красивая в посадке небольшая голова с женским очертанием матовых щек, [и] маленьким упрямым ртом, и темными глазами под золотистой глыбой курчавых волос. Машинист Иван Алексеевич высокий маслоковатый казак спорил ожесточенно. Всосались и проросли сквозь каждую клетку его костистого тела казачьи традиции. Он вступался за казаков, обрушиваясь на Христоню сверкал [зелеными] **выпуклыми** круглыми глазами.

— Ты обмужжился, Христан[.]! Не спорь, што там... В тебе казацкой крови на ведро — поганая капля. [Муж] Мать твоя с воронежским яишником тебя прижила.

— Дурак ты... Э, дурак братец! — басил Христоня, — Я [за] правду отстаиваю.

— Я в атаманском полку не служил, — ехидничал Иван Алексеевич, — Это в атаманском, што ни дядя² — то дурак!..||

<Л. 16 об.>

30.³

— И в армейских попадают такие, што в непроворот.

— Молчи уж, мужик!

— А мужики, аль нэ люди?

— Так они и есть мужики, из лыка деланные, хворостом скляченные.

— Я, брат, как в Петербурге служил — разных видал. Был, **стал быть**, такой случай, — говорил Христоня, в последнем слове делая ударение на «а». — несли мы охрану царскова дворца, В покоях часы отбивали и снаружи. Снаружи над стеной вёрхи ездили: двоё туда, **стал быть** двое сюда. Встренутся, спрашивают: [один] «Все спокойно? Нету никаких бунтов? — Нету ничево» и разъезжаются, а штоб пристать, поговорить и не моги! Тоже и личности подбирали, становятся, [к примеру] **стал-быть**, в дверях двоих, так подгоняют, штоб похожи один на одново были. Черные так черные стоят, а белявые, так белявые. Не то што волосы, а штоб и обличьем были схожи. [Меня] Мне, [брат] **стал-быть**, раз цырульник бороду красил из-за этих-самых глупостей. Припало в паре стоять с Никифором Мещеряковым, — был такой казачек в нашей сотне Тепикинской станицы, — а он, дьявол, какой-то гнедой **масти**⁴. Чума ево знает, што за виски, кубыть аж полымем схваченые. Искать-поискать, **стал-быть**, нету такой масти в сотнях, мне сотник Баркин, **стал-быть**, и говорит: «Иди в цырульню, штоб в [два] миг подрисовали бороду и усы». [Штоб] Прихожу ну и выкрасили... Я как глянул в

¹ ППС: «одинаково широк в плечах и в [боках] **бедрах**, коренаст».

² Слово подчеркнуто, на левом поле проставлен вопросительный знак.

³ На левом поле внизу написано и зачеркнуто: «[Анекдот про атаманца и его дружбу с царем]».

⁴ ППС: «**масти** гнедой какой-то».

зеркалу, ажник сердце захолонуло¹: горю[.]: Чисто горю и все! Возьму бороду в [горсть] жменю, кубыть аж пальцам горячо. Во.

— [Ты] Ну, Емеля, понес без колес! Об чем начал гутарить? — перебил Иван Алексеевич.

— Об народе, вот об чем.

— Ну, и рассказывай. А то об бороде своей, на кой она кляп нам спонадобилась.

— Вот я и говорю: припало раз вёрхи несть караул. Едем [с одним] так-то с товарищем, а с угла студенты вывернулись. И видимо и невидимо. Увидали нас, как [рвкнутъ] рвкнут — Га-аа-а! Ды ишо раз — Га-а-аа... [Глазом ми] Не [поспели] успели стал-быть мы вспапашиться — окружили [нас]. «Вы чево, казаки, разъезжаете?» Я и говорю «Несем караул, а ты, поводья-то брось, не хватай!» — и за шашку. А он и говорит: «Ты, станишник не сумневайся, я сам Каменской станицы рожак, а тут учење прохожу в нивирси... нивирситуте, али как там, тут мы трогаем дале, а один носатый из партманета вынает десятку и говорит «Выпейте, казачки, за здоровье мово покойнова папаши²». Дал нам десятку и [показывает и] достал из сумки патрет. Вот, гутарит, [ихняя] папашина личность, возьмите на добрую память». Ну, мы взяли, совестно не взять. А студенты Отошли и опять: — Га-а-а!..³ С тем стал-быть и направились к Невскому [проспекту] проспекту».||

<Л. 17>

31.⁴

[А] [и]Из дворцовых задних ворот [уж] сотник с взводом [выскочил] стрелять к нам. Подскочил: «Што такое?» — Я стал-быть говорю — студенты отхватили и разговор начали, а мы по уставу хотели их в шашки, а потом, как они ослобонили нас, мы отъехали, [дескать] стал-быть». Сменили нас, мы вахмистру и говорим: «Вот, Лукич, стал-быть заработали мы десять целковых и должны их пропить за упокой души вот этова деда. — и показываем патрет. Вахмистр [взял ево и говорит, мо] вечером принес водки и гуляли мы двое суток, а посля и объявился подвох: студент этот, [курва] стерва носатая, замест папаши и дал нам патрет заглавнова смутьяна немецкова роду⁵. Я-то взял на совесть, над кроватью для памяти повесил вижу — борода седая на патрете и собою подходи-мый человек, навроде из [купец] купцов, а сотник стал-быть доглядел и спрашивает: «откель взял этот патрет, такой-сякой?» Так и так, говорю. — Он и зачал костерить, и по скуле, ды ишо стал-быть раз... «Знаешь, — ореть, — што это атаман [студе] ихний Карла ... — вот запамятовал прозвищу...Э, да как ево, дай бог памяти...

— Карл Маркс? — подсказал Штокман ежась в улыбке.

¹ ППС: «захолонуло сердце».

² ППС: «папаши покойнова».

³ ППС: А студенты Отошли и опять: — Га-а-а!.. Ну, мы взяли, совестно не взять.

⁴ На левом поле вверху синим карандашом написано: «Следователь забыл про Штокмана. Дырка на подбородке у Ив. Алекс.»

⁵ ППС: «немецкова роду заглавнова смутьяна».

— Во-во!.. Он самый, — Карла Марс!.. — обрадовался Христоня.

— Ить, [как] подвел под монастырь, мать ево об пенек!

К нам в караульную и цесаревич Алексей прибегал с своими наставленниками. Ить могли, доглядеть, штоб было?..

— А ты все мужиков хвалишь. Ишь, как тебя подковали-то посмеивался Иван Алексев.

— За то десятку пропили. Хучь за Карлу за бородатова пили, а пили.

— За него следует выпить. — улыбнулся Штокман и поиграл колечками костяного обкуренного [своего] мундштука.

— [Это] Што-ж он навершил доброва? — спросил Кошейвой.

— В другой раз расскажу, а сегодня поздно, — [от] хлопнул Штокман [выб] ладонью выколачивая из мундштука **потухший** окурок¹.

В завалухе Лукешки косой после долгого отсева и отбора [образовался] **образовалось** [кружок] **ядро** человек в десять казаков. Штокман был [головкой] **сердцевинной**. [Доступно] Упрямо [шел] **двигался** [Штокман] **он** к одному ему известной цели. Точил, как червь древесину, нехитрые [мысли] [прежние] понятия и навыки, внушал к [порядкам и царским законам] **существующему строю** отвращение и ненависть. Вначале натыкался на холодную сталь недоверия, но не отходил, а прогрызал... Положил личинку недовольства и кто-бы знал про то, что через четыре года выпростается из одряхлевших стенок личинки этой крепкой и живущей зародыш?²||

<Л. 17 об.>

32.

9.

[На Майдане] Зима легла не сразу. [На Михайлов день] После Покрова стоял выпавший снег и табуны снова выгнали на подножный. С неделю тянул южный ветер, теплело, отходила земля и ярко доцветала **в степи** поздняя мшистая зеленка. Ростепель держалась до Михайлова дня, потом [ахнул] **давнул** мороз, вывалил снег; день ото дня [морозы] **холод** [крепчали] **крепчал**³, подпало еще на четверть снегу и на кинутых обдонских огородах, через занесенные по маковки плетни, **девичьей прошивной мережкой** легли петлястые [дорожки] **стежки** заячьих следов[.].

Улицы обезлюдели⁴. Пластался над хутором кизечный дым, [над россытью] **возле** [кучками] **кучек** рассыпаной сбочь дороги золы закагакали налетевшие к жилью грачи. Сизой выцветшей лентой закружилась по [стананице] **хутору** санная ровень дороги-зимнұхи.

На майдане собрался [как-то] **однажды** сход. Подходил дележ и порубка хвороста. Толпились у крыльца правления в тулупах и шубах, поскрипывали валенками. Холод загнал в правление. За столом по бокам от атамана и писаря рас-

¹ ППС: «потухший окурок из мундштука».

² Против абзаца на левом поле проставлен знак «V» красным карандашом.

³ ППС: «[крепчали] **крепчал** [морозы] **холод**».

⁴ ППС: «Обезлюдели улицы».

селись почетные, — в серебряной седине бород, — старики, помоложе с разномастными бородами и безбородые казаки жались в кураготы, брнужали из овчинной теплыни воротников.

Писарь крыл бумагу убористыми строками, атаман засматривал ему через плечо, а по [нр] нахолодавшей комнате правления приглушенным гулом:

— Сенá ноне...

— Во-во. Луговое — корм, а со́ степи гольный донник.

— Бывалоча в старину до рожества в попасе.

— Калмыкам добро.

— Эххе-м,

— У атамана-то волчий ожерёлок, ишь голову не [повернуть] повернет.

— Калкан нажрал, боров-дьявол.

— Тю, сват, аль зиму пужаешь[.]? [н]Тулупишше-то...

— Цыган таперича шубу продал...

— На святках ночуют эта [они] цыгане в степе, а укрываться нечем, бреднем оделся. Забрало до тонкой кишки — проснулся цыган, палец-та в ичейку просунул и матери: «Ху, маманя, — гитарит, — то-то на [дворе] базу и холодишша...»

— Упаси бог — сколизь зачнется.

— Быков ковать, неиначе.

— Надысь рубил я белотал у Чертовой Ендовы, хорош.

— Захар, мотню застегни... Отморозишь — баба с [двора] база сгонит.||

<Л. 18>

33.

— Гля, Авдеич, ты, што-ль, общественнова бугая правдаешь?

— Отказалси. [Паранькя] Паранька Мрыхина взялась. Я, дескать, вдова, все веселей... Владай, говорю, в случай приплод...

— [Господа-с] — Эхха-ха-ха.

— Гы- гы- гыгы...

— Господа-старики! Как в шет хвороста... Тишше!..

— ... В случай, говорю, приплод объявится... Кумом, стал-быть....

— Тише! Покорнеше просим!

Сход начался. Атаман поглаживая запотевшую насеку, выкрикивал фамилии раздатчиков, дымился паром, обдирал мизинцем сосульки с бороды. Сзади, у хлопающей двери, пар, давка, звучные хлопки сморканий¹.

— В четверг нельзи назначить порубку! — [стараясь] старался перекричать атамана Иван Томилин, и тер пунцовые уши, кособоча голову в синей артиллерийской фуражке.

— Как так?

— Ёхи оторвешь, пушкарь!

— Мы ему бычинеые пришьем.

— В четверг половина хутора, за сеном на отвод собираются. Эк, рассудили!..

— С воскресенья поедешь.

¹ ППС: «хлопки звучные сморканий».

— Господа-старики!..

— Чево там!

— В добрый час!..

Гууууу.

Гогогого.

Гааааа.

Старик Матвей Кашулин, перегинаясь через шаткий стол запальчиво взвизгивал¹, тыкал в сторону Томилина ясеневым гладким костылем.

— Погодишь с сеном!.. Небось! Как обчество. Ты сроду поперек становишься. Молодой дурак, братец ты мой!.. Вот. Ишь ты... Вот.

— Ты[-то, до] сам до старости ума в соседях занимаешь!.. — [зудел] выпячивая [из толпы] голову в красноверхом облезлом треухе **частил** из задних рядов [Христоня,] [вра] [вы] [и] **безрукий Алексей**² [моргал] примаргивая глазом, судорожно [дергал] **дергая**³ дырявой щекой.

Он [издавна] **шесть лет** враждовал с стариком Кашулиным из-за клочка перепаханной земли. Бил его [каждой] **каждую** весну, а земли захватил у него Матвей Кашулин с воробьиною четверть: зажмурившись переплюнуть можно.

— Замолчь, судорга!

— Жалкую, што далеко, отсель не достану, а то||

<Л. 18 об.>

34.

Я-ба [тибе] **тебя** тюкнул, аж красную соплю-б уронил!

— Ишь ты, мать твою, моргун косорукий!..

— Цыцте вы, связались!..

— Вон, на баз, там и склещитесь. Право!

— Брось, Алексей, вишь [Матвей] **старик** наежился, ажник [шап] папах на голове шевелится.

— А он што-ж...

— Завтра в úху ему насы, а зараз помалкивай.

— В тигулевку их, какие скандальничают!..

Атаман вплюснул кулак в пискнувший стол, [рвякнул]:

— Зараз сидельцев позову! Молчать!..

— Смолкая гул прошелся до задних рядов и заглох.

— В четверг, как рассветется, выезжать на порубку. Как **вы** господа-старики?

— В добрый час!

— Давай бог!

— Ноне стариков не дюже слушают...

— Небось будут слушать. Аль управу не сыщем? Мой Алексашка, как отделял ево, было-к в драку кинулси, за грудки хватался. Я ево до разу секанул: [В ли]

¹ ППС: «взвизгивал запальчиво».

² ППС: «из задних рядов [Христоня,] [вра] [вы] [и] **безрукий Алексей** выпячивая [из толпы] голову в красноверхом облезлом треухе».

³ ППС: «дергая судорожно».

Зараз-же [об] заявлю атаману и [выно] старикам, [и] выпорем!.. Посмирнел, слег, как травина под по́лой водой.

— А ишо, господа-старики, получена от станишнова атамана распоряженья. — атаман перевел голос и покрутил головой: стоячий воротник мундира задирая подбородок врезался ему в шею. — В эту субботу в станицу молодым на присягу. Штоб к вечеру были у станишнова правления.

У крайнего к двери окна Пантелей Прокофьевич по журавлиному поджимая хромую ногу [блясничал] стоял рядом с сватушкой. Мирон Григорьевич в распахнутом тулупе сидел на подоконнике, улыбался, морщина глаза, в гнедую бороду. [На лице его:] на коротких белесых ресницах его пушился иней, коричневые крупные конопины налились от холода [серой] кровью, посерели. Около них перемигиваясь, улыбаясь толпились казаки помоложе, а в середине сдвинув на плоский лысеющий затылок синеверхую атаманскую с серебряным перекрестом папаху покачивался на носках одногодок Пантелея Прокофьевича, не стареющий вечно [залитой] налитой как яблоко-антоновка румянцем Авдеич, по кличке Брех.

Служил Авдеич когда-то в лейб-гвардии атаманском полку. На службу пошел Синилиным, а вернулся... Брехом.||

<Л. 19>

35.

Он первый из хутора¹ попал в атаманский полк и диковинное поделалось с казакком: рос парнем, как и все; водилась за ним с малых лет малая придурь, а с службы пришел и пошло колесом под гору. С первого-же дня, как только вернулся, начал рассказывать диковинные истории про службу свою при царском дворце и про свои необыкновеннейшие в Петербурге приключения. Ошалелые слушатели сначала верили, разинув рты принимали на совесть², а потом и открылось, что враль Авдеич, каких хутор с основания своего не видывал. Над ним смеялись в открытую, но он не краснел уличенный в чудовищных своих измышлениях, (а может и краснел, да за всегдашним румянцем не разобрать) но враль не переставал. Под старость вовсе свихнулся. Припрут к стене — обидится, в драку лезет, а молчат, посмеиваются — горит в небывальщине, насмешек не замечает.

Был в хозяйстве дельный и работающий казак, делал все с рассудком, кой-где и с хитринкой, а когда касался разговор атаманской его службы... тут уж всяк прост руками разводил приседая на землю от хохота, выворачивавшего нутро.

Авдеич стоял в середине, качался на растоптанных в круглышок валенках, оглядывая топтавшихся казаков говорил веско и басовито.

— Ноне [народ] казак совсем отменитый. Мелкий [народ] казак и никудышный. Возгрёй любова на двое першибешь. Так, словом, — и презрительно улыбаясь придавил валенком плевков. — Мне довелось в станице Вешенской поглядеть на мертвые костяки, вон, было казачество — это да!..

¹ ППС: «Из хутора первый он попал».

² ППС: «принимали на совесть разинув рты».

— Иде-же раскопал их, Авдеич? — спросил голощекий Аникушка и толкнул локтем соседа — Пантелея Прокофьевича.

— Ты, односум, уж не бреши ради близкова праздника. — сморщил Пантелей Прокофьевич горбатый нос и дернул в ухе серьгу. Он не любил пустобреха.

— Я, брат, сроду не брешу. — внушительно сказал Авдеич и с удивлением оглядел Аникушку, дрожавшего как в лихорадке. — А видал мертвячьи кости, как дом строили мому шурина. Зачали фундамент класть и отрыли могилу. Стал быть в старину тут у Дона возля церкви и кладбишша была.

— Што-ж костяки-то? — недовольно спросил Пантелей Прокофьевич собираясь уходить.||

<Л. 19 об.>

36.

— Ручина — во. — развел Авдеич граблястые руки, — голова, ей богу не брешу, с польско́й котел.

— Ты, Авдеич, лучше рассказал-бы молодым, как ты в Санкт-Петербурге разбойника споймал. — предложил Мирон Григорьевич и встал с подоконника запахивая тулуп.

— Што[-ж] там рассказывать-то. — заскромничал Авдеич.

— Расскажи.

— Просим!

— Сделай честь, Авдеич!

— Оно видишь, как случилось[:], — откашлялся Авдеич и достал из шаровар кисет. Высыпал на скрюченную ладонь щепоть табаку, кинул в кисет вывалившиеся оттуда два медяка и обвел слушателей счастливыми глазами: — Из крепости убег зарестованный злодей[.]. [т]Туды-сюды искать — нету. Вся власть с ног сбилась. Пропал во взят и шабаш! Ночью призывает меня караульный офицер, прихожу... Да-а... «Иди — говорит, — в покои ихнева инператорскова величества, тебя сам государь-инператор требует». Я, конечно, оробел, [иду] вхожу. Стал во фронт, а он [царь] милостивец ручкой меня по плечу похлопал и говорит: «Вот што — **говорит**, — Иван Авдеич, убег первый для нашей инперии злодей. В землю заройся, а сыщи, иначе и на глаза не являйся!» Слушаюсь, ваше инператорское величество, — говорю. Да-а-а, братцы мои, была мне закрутка... Взял я из из царской конюшни тройку первеющих ко́ней и [ходу] марш-марш! — Авдеич закуривая оглядел потупленные головы слушателей и одушевляясь загремел из висячего облака дыма, закутавшего его лицо: — День скачу, ночь скачу. Аж на третьи сутки под Мόсквой, догнал¹. В карету ево — любушку — и тем следом обратно. Приезжаю в полночь, весь в грязе́ и прямо иду к самому. Меня это разные-подобные князья с графьями не пускать, а я иду. Да. Стучусь. «Дозвольте, ваше императорское величество войтить?» А это кто таков? — спрашивает. — Это — я, — говорю — Иван Авдеич Синилин. Поднялась там сметенья, слышу сам кричит: «Марья Федоровна! Марья Федоровна! Вставай **скорей**, ставь самовар, Иван Авдеич приехал!...»

¹ ППС: «догнал, под Москвой».

Гроном лопнул в задних рядах смех. [Атаман] Писарь, читавший объявление о пропавшем и приблудившемся скоте споткнулся на [слове] фразе «Левая нога [в чулке, у] по шиколку, в чулке». Атаман гусаком вытянул шею рассматривая колыхавшуюся в хохоте толпу.

Авдеич сдернул папаху, хмурясь растерянно перебегал глазами с одного на другого.||

<Л. 20>

37.

— Погодите!

— Окха-ха-ха-ха-ха.

— Ох, сме-е-ертынь-ка!

— Гык-гык-гы-ы-ык.¹

— Авдеич, кобель лысый, ох! Ох!..

— Ставь само-о-овар, Авдеич приехал! Ну и ну!..

Сход начал расходиться. Тягуче беспрерывно стонали досчатые промерзшие порожки крыльца. На затоптанном у правления снегу топтались согреваясь в борьбе Степан Астахов и высокий голеньстый казак — хозяин ветряка-голландки.

— Через голову мирошника! — советовали окружившие их казаки. — Вытряси из него отрубя, Степка.

— Ты под силы-та не перехватывай. Догадлив дюже. **Ишь.** — горячился подскакивая по воробьиному² старик Кошулин и в увлечении не замечал ядерной светлой капли [спол] застенчиво повиснувшей на пипке его сизого носа.

10.

Пантелей Прокофьевич вернулся с схода и прямо прошел в боковушу, комнату, которую он занимал с старухой. Ильинишна эти дни прихварывала. На водянисто пухлом лице ее виднелась усталость и боль. Она лежала на высоко взбитой перине привалясь спиной к подушке поставленной сторчмя. На туп знакомых ей шагов повернула голову, с давнишней прижившейся на ее лице суровостью глянула на [отт] мужа, остановила взгляд на мокрых от [пара] дыхания завитках бороды, теснивших рот Прокофьевича, на слежалые влитые в бороду влажные усы. Двинула ноздрями, но от старика несло морозом, кислым душком овчины. «Тверезый ноне». Подумала и довольная положила на пухлый свой живот чулок с иглами и недовязеной пяткой.

— [Ка] Што-ж порубка?

— В четверг порешили. — разгладил усы Прокофьевич, — В четверг с утра, — повторил он присаживаясь рядом с кроватью на сундук.

— Ну, как? Не легшает все?

На лицо Ильинишны тенью легла замкнутость.

¹ ППС: «— Гык-гык-гы-ы-ык. — Ох, сме-е-ертынь-ка!»

² ППС: «по воробьиному подскакивая».

— Так-же. Стреляет в суставы, ломит.

— Говорил дуре, не лезь в воду осеньёй! Раз знаешь за собой беду — не рыпайся, — вскипел Прокофьевич чертя по полу костылем широкие круги, — Аль мало баб? Будь они трижды прокляты твои конопі! Помочила, а теперя... Божжа мой, то-то... Эх!

— Конопям тоже не пропадать. Баб не было, Гришка с своей пахал, Петро с Дарьей иде-то ездили.

[Прокофьевич] Старик дыша на сложенные ладони рук нагнулся к кровати:

— Наташка как?||

<Л. 20 об.>

38.¹

Ильинишна оживилась, заговорила с заметной тревогой.

— [Што мы] Што [с ними] делать не знаю... Надясь опять кричала. Вышла я на баз, гляжу дверь[-та в] амбарную расхлебенел кто-та. Сем-ка пойду притворю, думаю. [вошла] Взшла, а она у просянова закрома стоит. Я к ней, «Чево, ты, чево, касатка?», — а она «Голова што-то болит, маманя». Правды ить не добьешься.

— Может... [чево] хворая?

— Ды-к нет, пытала... [Так] [Долж] Либо порчу напустили, либо с Гришкой чево...

— Он к этой... случаем не прибивается опять?

— Што ты, дед! Што ты! — испуганно всплеснулась Ильинишна, — А Степан, аль глупой? Не примечала, нет.

Старик посидел немного и вышел.

Григорий в своей горнице подтачивал напилком крючки на нарезных снастях. Наталья смазывала их свиным растопленным жиром и аккуратно заворачивала каждый в отдельную тряпочку. Пантелей Прокофьевич [хромая] похрамывая [через] мимо пытливо глянул на Наталью. На [сухих] пожелтевших щеках ее, как на осеннем листке, чах неяркий румянец. Она заметно исхудала за этот месяц и в глазах появилось что-то новое, жалкое. Старик остановился в дверях. «Эк выхлил бабу». Подумал еще раз взглянув на склоненую над лавкой гладко причесанную голову Натальи.

[Гришка] Григорий сидел над окном, дергал напилком и на лбу его черной спутанной чолкой прыгали волосы.

— Брось к чортовой матери!.. [А] Баглай, сукин сын! Нашел [врем] час крючья точить!.. — багровея от приступившего бешенства шумнул старик и сжал [в руке] костыль, удерживая руку. Григорий [недоумевая] вздрогнул, недоумевая поднял на отца глаза.

— Хотел вот два конца сточить, батяня.

— Брось, тебе велят! **На порубку собирайся!..**²

¹ На левом поле снизу вверх синим карандашом написано: «О тавричанах и казаках. Наука о хлебопашестве и работе».

² ППС: «Брось, тебе велят! **На порубку собирайся!..** — Хотел вот два конца сточить, батяня».

— [На порубку собирайси.]

— Я зараз.

Притык в саях ни одной нету, а он — крючья, — уже [спокойно] спокойнее проговорил старик и потоптавшись около дверей (как видно еще что-то хотел сказать), вышел. Остаток злобы сорвал на Петре. Григорий [со] одевая полушубок слышал, как отец кричал во дворе:

— Скотина до се не поеная, чево-ж ты глядишь, такой-сякой?... А это кто прикладок, што возле плетня, расчал? [Гово] Кому гутарил, штоб не трогали крайнева прикладка?.. Потравите, проклятые самое доброе сено, а к весне в пахату чем быков будешь правдать?..

В четверг часа за два до рассвета Ильинишна разбудила Дарью.

— Вставай. Пора затоплять.

Дарья в одной рубахе [мо] кинулась к печке. В конурке||

<Л. 21>

39.

нашарила серники, зажгла огонь.

— Ты поскорей стряпайся. — торопил жену взлохмаченный Петро закуривая и кашляя.

— Наташку-то жалеют будить, дрыхнет бессовестная. Што-ж я на двое [разорвусь] **разорваться**¹ должна [што-ль]. — бурчала заспанная **сердитая спроснок** Дарья.

— Поди разбуди. — [кашлял] [посоветовал] {советовал} Петро [в подушку].

Наталья встала сама. Накинув [юбку] **кофту** [пошла] **вышла** в катух за кизеками.

— Поджожек принеси! — командовала старшая сноха.

— Дуняшку [пош] пошли за водой, слышь, Дашка? — с трудом передвигая по кухне ноги хрипела Ильинишна.

В кухне пахло свежими хмелинами, ременной сбруей, теплом [человечьих] **человеческих** тел. Дарья, [высокая и прямая легко носилась по кухне] **бегала** [шаркала] {шаркая} **валенками**, грохотала чугунами [засученные по локоть рукава розовой рубахи] и под **розовой** рубахой, с засученными по локоть рукавами, трепыхались маленькие [девичьи] груди. [Замужество] **Замужняя** жизнь не изжелтила, не высушила [Дарью] её: [была она] высокая, тонкая, гибкая в стану, как красноталовая хворостина, была она похожа на девушку. [Ходила плывущей ровной походкой] **Вилась в походке, перебирая плечами**, на окрики мужа посмеивалась и под тонкой каймою злых губ плотно просвечивали мелкие частые зубы².

— С вечеру надо было кизеков[-то] наложить. Они-б в пече подсохли. — недовольно бурчала Ильинишна.

— Забыли, мамаша. Наша беда. — за всех отвечала Дарья.

¹ ППС: «[разорвусь] **разорваться** на двое».

² На левом поле против абзаца синим карандашом написано: «Гл. I Часть I?»

Пока отстрепались — рассвело. Пантелей Прокофьевич обжигаясь жидкой кашей спешил дозавтракать. Хмурый Григорий¹ жевал медленно² гоня по над скулами комки жевлаков. Петро потешался незаметно для отца передразнивая Дуняшку³, завязавшую от зубной боли щеку.

По хутору [к] скрипели [полозьями] полозья саней. В [сером] серой рассветной мари двигались к Дону бычьи подводы. Григорий с Петром вышли запрягать. На ходу заматывая [посеченный] мягкий шарф, — невестин жениху подарок — Григорий глотал морозный и сухой воздух. [Отчетливо] Горловой и [полнозвучно] полнозвучный [крикнул] крик уронил пролетая над двором ворон. Отчетливо в морозной стыни слышен шелест медленных в взмахх крыльев. Петро проследил за полетом [его], сказал:

— К теплу. На юг правится.

За розовеющим, веселым, как девичья улыбка, [краюшком] [облачка] облачком, маячил в небе тоненький-тоненький краюшек месяца. Из трубы дыбом вставал дым и безрукий тянулся к недоступно далекому, золотому, отточенному, лезвию молодого месяца.||

<Л. 21 об.>

40.

Против Мелеховского двора Дон не [стал] замерз. По краям зеленоватый в снежных переносах креп лед, под ним ластилась, пузырилась не захваченная стремем вода, а подалеже середины, к левому берегу, где из черной били ключи, грозная и манящая чернела полынья в белых снежных заедях и по ней черными конапушками переныривали оставшиеся на зимовку дикие утки.

Переезд шел от [середины] площади. Пантелей Прокофьевич не дождавшись сыновей первый поехал на старых быках, Петро с Григорием поотстав выехали следом. У спуска догнали Аникушку. Воткнув в ручицу топор с новехоньким топорщиком Аникушка подпоясанный зеленым кушаком шел рядом с быками. Жена его, мелкорослая хворая бабенка, правила быков.

Петро еще издали крикнул:

— Сосед, ты никак бабу волокешь с собой?

Смешливый Аникушка приплясывая подошел к саням.

— Везу, везу. Для сугреву.

— Тепла от ней мало, суха дюже.

— Овсом кормлю, а вот не поправляется.

— Нам в одной деляне хворост? — спросил Григорий соскочив с своих саней.

— В одной, ежли закурить дашь.

— Ты, Аникей, сроду на чужбинку.

— [Ворованные] Ворованное, да [выпрашенные] выпрашенное всево слаже. — подхакавал Аникушка морщина голое бабье лицо улыбкой.

¹ ППС: «Григорий хмурый».

² ППС: «медленно жевал».

³ ППС: «передразнивая Дуняшку незаметно для отца».

Поехали вместе. [Уже] В лесу, [догнали подводу] завешенном [кисейным] кружевным инеем, [строго] **строгая** [и] [бело] **бель**. Аникушка ехал передом шелкая кнутом по нависшим над дорогой веткам. Снег игольчатый и рыхлый падал гроздьями осыпая закутанную Аникушкину жену.

— Не дури, чорт! — кричала она отряхаясь.

— Ты ее в сугробину носом! — кричал Петро норовя попасть кнутом быку под пузо, для пушего хода.

На повороте к Бабьим Ендовам наткнулись на Степана Астахова. Он гнал распряженных в ярме быков к хутору, размашисто шел поскрипывая подшитыми валенками. Курчавый **объиневший** чуб его висел из-под надетой на бекрень папахи белой виноградной кистью.

— Эй, Стёпа, заблудил! — крикнул ровняясь Аникушка.

— Заблудил, мать ево чорт... На пенек вдарило сани под раскат — полоз попалам. Пришлось вернуться. — Степан добавил похабное словцо и прошел мимо Петра нагло шуря из-под длинных ресниц светлые [отчая] разбойные глаза.

— Сани бросил? — оборачиваясь крикнул Аникушка.

Степан махнул рукой, щелкнул кнутом [поворачивая] **заворачивая** направившихся по целине быков и проводил шагнувшего за санями Гришку долгим взглядом.||

<Л. 22>

41.

[Около] **Неподалеку** от первой ендовы Григорий увидел брошенные середь дороги сани, около саней стояла Аксинья. Левой рукой придерживая полу донской шубы она глядела на дорогу, навстречу двигавшимся подводам.

— Отойди, а то стопчу! Ух ты, жена не моя!... — **заржал Аникушка**.

Аксинья улыбаясь посторонилась, присела на скособоченные без полоза сани.

— Вон и твоя с тобой сидит.

— Влепилась, как репей в свинячий хвост, а то-бы я [тибе] **тебя** подвез. [на по]

— Спасибочка.

Петро ровняясь с ней мельком оглянулся на Григория, ехавшего последним. Тот шел [тревожно] **неспокойно** улыбаясь, тревога и ожидание сквозили в каждом его движении.

— Здорово живешь, соседка. — поздоровался Петро касаясь рукавицей шапки.

— Слава богу,

— Обломались, никак?

— Обломались. — протяжно ответила Аксинья не глядя на Петра и встала¹, поворачиваясь лицом к подходившему Григорию.

— Григорь Пантелевич, сказать-бы вам нужно...

Григорий [чудными гл] свернул к ней, сказал негромко отъезжавшему Петру.

— Надглядай за моими быками.

¹ ППС: «и встала не глядя на Петра».

— Ну-но. — грязно усмехнулся¹ Петро, [*кри*] запроваля в рот горький от табачного дыма ус.

Они стояли друг против друга, [*молчали*] молчком. [*Анисья*] Аксинья [*беспокойно вертела головой*] тревожно глядела по сторонам и переводила влажные черные глаза на Григория. Стыд и радость выжигали ей щеки, сушили губы. Она [*редко*] [*часто*] дышала короткими частыми вздохами.

Сани Аникушки и Петра скрылись за коричневой порослью дубняка. Григорий в упор поглядел Аксинье в глаза и увидел как вспыхнули они балованным отчаянным огоньком.

— Ну, Гриша, как хошь, [*а*] жить без тебя моченьки нету! — твердо выговорила она и накрепко сжала губы ожидая ответа. Григорий молчал. Тишина обручем сковала лес. Звенело в ушах от стеклянной пустоты. Притертый полозьями глянec дороги, серая [*пустота*] **ветошь** далекого неба, лес немой смертносонный... Внезапный клекочущий и близкий крик ворона словно разбудил Григория от недолгой дремы. Он поднял голову и увидел: вороненая [*черная*] в черной [*синевой*] **синеве** [*крылось*] **оперенья** птица поджав ноги в бесзвучном полете прощально махает крыльями². Неожиданно для самого себя Григорий сказал.

— Тепло будет. В теплую сторону летит... — и встрепенувшись хрипло засмеялся, — Ну... — он воровски повел [*глазами*] низко опущенными зрачками опьяневших глаз и рывком притянул к себе Аксинью.||

<Л. 22 об.>

42.

11.

На пологом песчаном левобережьи над Доном лежит станица Вешенская. [*Старая*] **Старейшая** из верховых донских станиц, [*пост*] перенесенная с места разоренной при Петре Первом Чигонацкой станицы; переименованная в Вешенскую. Вехой была когда-то³ по большому водному пути — Воронеж-Азов.

Против станицы выгинается Дон кабаржиной татарского сагайдака, круто заворачивает вправо и над хутором Базки вновь величаво прямится⁴, несет [*зеленоватую*] **зеленоватые** [*просвечивающую*] **просвечивающие** голубизной воды над меловыми отрогами правобережных гор, мимо сплошных с правой стороны хуторов, мимо редких с левой стороны станиц до моря, до синего Азовского.

Против Усть-Хоперской роднится с Хопром, против Усть-Медведицкой с Медведицей, и ниже стекает многоводный, в буйном цвету заселенных хуторов и станиц.

Вешенская **вся** в засыпи желтопесков. Невеселая плешивая без садов станица. На площади старый посеревший от времени собор, шесть улиц разложенных вдоль по течению Дона. Там, где Дон выгинаясь уходит от станицы к Базкам,

¹ ППС: «усмехнулся грязно».

² ППС: «прощально махает крыльями в бесзвучном полете».

³ ППС: «Была когда-то вехой».

⁴ ППС: «прямится величаво».

рукавом, в заросли тополей, отходит озеро, шириной с Дон в мелководье. В конце озера кончается и станица. На мленькой площади¹ заросшей иглисто-золотой колючкою вторая церковь, зеленые купола, зеленая крыша; под цвет зеленам разросшихся по ту сторону озера тополей.

А на север за станицей шафранный разлив песков, чахлая посадка сосняка, ендывы налитые [красной] розовой, от красноглинной почвы, водой. И в песчаном половодье в [ро] далекой россыпи зернистых песков редкие острова хуторов, ливад, рыжеющая щетина талов.

На площади, против старой церкви, в декабрьское воскресенье [старший урядник] черная полутысячная толпа молодых казаков со всей станицы. В церкви отходила обедня, зазвонили к «достойно». Старший урядник — бравый престарелый казак с нашивками за сверхсрочную службу — скомандовал строиться. Гомонившая толпа растеклась и выстроилась в две длинные неровные шеренги. Над рядами забегали урядники выравнивая волнисто изломанные² шеренги.

— Ряды-ы-ы, — затянул урядник и [сделал] сделав рукой неопределенный жест кинул — Вздвой!..

[К] В [церкви] ограду прошел атаман одетый по форме и в новенькой офицерской шинели, в перезвоне шпор следом за ним военный пристав.

Григорий Мелехов стоял рядом с Коршуновым Митькой, переговаривались вполголоса.

— Сапог ногу [жметь] жмет, терпенья нету.

— Терпи, атаманом будешь.

— Зараз поведут³.||

<Л. 23>

43.

Словно в подтверждение старший урядник пятясь назад, крутнулся на каблуках.

— На прэ-э-[э]-во!

Гук- Гук, четко сделали пятьсот пар обутих ног.

— Левое плечо вперед, ша-гом арш!⁴

Колона врзалась в распахнутую калитку церковной ограды, замелькали сдернутые с голов папахи. До самого купола налилась просторная церковь стучком шагов.

Григорий стоял не вслушиваясь в слова присяги, которую читал священник. Он вглядывался в лицо Митьки. Тот морщился от боли и переставлял скованную сапогом ногу. Поднятая кверху рука Гришки затекала, в уме в разброд шла угарная возня мыслей. Подходил под крест и целуя [обслуживленную] обслуживленное многими ртами влажное серебро думал о Аксинье, о [На] жене, как вспышка зигзагистой молнии перерезало мысли короткое воспоминанье: лес, [в тяжелом

¹ ППС: «На площади мленькой».

² ППС: «изломанные волнисто».

³ ППС: «— Сапог ногу [жметь] жмет, терпенья нету. — Терпи, атаманом будешь. — Зараз поведут».

⁴ ППС: «Ша-гом арш! Левое плечо вперед».

сне] бурые стволы деревьев в белом [уб] пышном уборе, как в нарядной серебряной шлее; влажный горячий блеск черных из под пухового платка Аксиньных глаз...¹

Вышли на площадь. Вновь построились. Урядник высморкавшись и незаметно вытирая пальцы о подкладку мундира [сказал] начал речь.

— [Теперь] **Теперя** вы уж не ребята, а казаки. Присягнули и должны знать за собой, што и к чему. Теперича вы произросли в казаков и должны вы честь свою соблюдать, отцов-матерей слушать и все такое прочее. Были ребятами — дурковали, **небось на дороге чурбаки тягали** а после этого должны подумать о дальнейшей службе. Вот через год итить вам в дивствительную, [и] тут урядник сморкнулся опять, стряхнул с ладони содержимое и натягивая на руку пышную из трусового пуха перчатку закончил: — И должен ваш отец-мать подумавывать [шт] об справе. Штоб коня строевого приобрести, ну, и воопче... А теперича с богом, молодцы, по домам.

Григорий с Митькой дождались у моста хуторных ребят и вместе тронулись в дорогу. Шли над Доном. Над хутором Базки [подтаивал] таял трубный дым, тонко отзванивал колокол. Митька хромал сзади всех опираясь на суковатый выломанный [костыль] кол.

— Разулся. — посоветовал один из ребят.

— Ногу обморожу. — приотставая заколебался Митька.

— В чулке пойдешь.

Митька сел на [дорогу] **снег** и с усилием стянул с ноги сапог. Пошел припадая на разутую ногу. На [не придавленном] **хрушком** снегу дороги ясно печатался след вязеного крючком толстого чулка.||

<Л. 23 об.>

44.

— Какой дорогой пойдём? — спросил низенький чурбаковатый Алексей Бешняк.

— Над Доном. — за всех ответил Григорий.

Шли переговариваясь, толкая [друга] один одного[,] [Митьку] с дороги. [и] По уговору валяли в сугроб каждого и давили наваливаясь кучей. Между [Баз] Базками и Громковским хутором Митька первый увидел перебиравшегося через Дон волка.

— Ребята, бирюк вон он!.. Тю!

— А лю-лю-лю-лю-лю!..

— Ух!..

Волк ленивой перевалкой пробежал несколько сажен и стал **бок**ом неподалеку от того берега.

— Узы ево!..

— Га!..

— Тю, проклятый!..

— Митрий, [эта] это он на [тибе] **тебя** дивуется, што ты в чулке идешь.

¹ ППС: «глаз Аксиньных».

— Ишь стоит боком, ожерёлок не позволяет.

— Он вязы не скрутит.

— Гля, гля, пошел!..

Серый, как выточенный из самородного камня, стоял [волк] **зверь** палкой вытянув хвост. Потом торопко скакнул в сторону и потрусил к талам окаймлявшим берег.

Смеркалось, когда [дошли] **добрались** до хутора. Григорий по льду дошел до своего проулка и поднялся к воротцам. Во дворе стояли брошенные сани, в куче хвороста, наваленного возле плетня, [чуликали] **чулюкали** воробьи. Тянуло жильем, пригоревшей сажей, парным запахом скотиньего база. Поднимаясь по крыльцу Григорий взглянул в окно. Тускло желтила кухню висячая лампа, в просвете стоял Петро спиной к окну. Григорий обмел сапоги веником, вошел в облаке пара в кухню.

— Вот и я. Ну, здорово живете.

— Скоро ты. Небось призяб? — отозвался суетливо и поспешно Петро.

Пантелей Прокофьевич сидел облокотившись на колени, опустив голову, Дарья гоняла ногой жужжащее колесо прялки, Наталья стояла у стола к Григорию спиной, не поворачиваясь. Кинув по кухне беглый взгляд Григорий остановил глаза на Петре. По лицу его, беспокойно выжидающему, понял, что, что-то случилось.

— Присягнул?

— Ага.

Григорий раздевался медленно, выигрывая время, быстро перебирая в уме возможные случайности виною которых эта тишина и холодноватая встреча. Из горницы вышла Ильинишна. И на ее лице лежала печать некоторого смятения.

«Наталья» подумал Григорий садясь на лавку рядом с отцом.

— Собери ему повечерять. — обращаясь к Дарье указала мать||

<Л. 24>

45.

глазами на Григория.

Дарья оборвала прялочную песню и пошла к печке неуловимо поводя плечами, всем своим тонким не бабьим станом. В кухне пригlohла тишина. Возле под-земки^{х)} посапливая [грелся] **грелась** [черный недавно] недавно окотившаяся коза с козленком.

Григорий хлебая щи изредка взглядывал на Наталью, но лица ее не видел, она сидела к нему боком, низко опустив над вязальными иглами голову. Пантелей Прокофьевич первый не выдержал общего молчания. Кашлянув скрипуче и деланно, сказал.

— Наталья вот собирается уходить.

Григорий собирал хлебным катышком крошки, молчал.

— Это [как] **через чево?** — спросил отец заметно подрагивая нижней губой, (первый признак недалекой вспышки бешенства).

— Не знаю, через чево. — прижмурил Григорий глаза и отодвинув чашку встал крестясь.

— А я знаю!.. — повисил голос отец.

— Не шуми, не шуми! — вступилась Ильинишна.

— А я знаю, через чево!..

— Ну, тут шуму заводить нечево, — Петро подвинулся от окна на середину комнаты, — Тут дело полюбовное, хочет — живет, а не хочет — ступай с богом.

— Я ее не сужу! Хучь и страмно и перед богом грех, а я не сужу, не за ней вина, а вот за этим сукиным сыном!.. — указал Пантелей Прокофьевич на присловившегося к печке Григория.

— [Чем] Кому я виноватый?..

— Ты не знаешь за собой?.. Не знаешь, чертяка?..

— Не знаю.

Пантелей Прокофьевич вскочил повалив лавку и подошел к Григорию вплотную. Наталья выронила чулок, тренькнула выскочившая иголка¹. На звук прыгнул с печи котенок и **избочив голову** согнутой лапкой толкнул клубок и покатил его к сундуку.

— Я тебе вот што скажу, — начал старик [сдерживаясь,] **сдержанно** и раздельно, — не будешь с Наташкой жить — иди с базу куда глаза твои глядят. Вот мой сказ. Иди куда глаза глядят[.]! — повторил он обычным спокойным голосом и отошел, поднял лавку.

Дуняшка сидела на кровати, зиркала круглыми напуганными глазами.

— Я вам, батя, не во гнев скажу, — голос Григория был дребезжаще глух², — не я женился, а вы [мине] **меня** женили. А за Натальей я не тянусь... хочет, нехай идет к отцу.

— Иди и ты отсель!

— И уйду!

— И уходи к чертовой матери!..

— Уйду, уйду, не спеши, — тянул Григорий за рукав **брошенный на кровати**³ полушубок, [и] раздувая ноздри, дрожа в такой же

^{х)} Подземка — низенькая грубочка. Обыкновенно [с] [кладут] делают под кроватью, с дымоходом под полом.||

<Л. 24 об.>

46.

кипящей злобе, как и отец. Одна, сдобренная турецкой примесью, текла в них кровь; и до чудного были они схожи в этот момент.

— Куды ты пой-де-е-ешь! — застонала Ильинишна хватая Григория за руку, но он с силой отпихнул мать и [схватил] на лету подхватил упавшую с кровати папаху.

¹ ППС: «Выскочившая иголка тренькнула».

² ППС: «был глух дребезжаще».

³ ППС: «брошенный на кровати за рукав».

— Нехай идет, кобелина поблудный! Нехай, будь он проклят! Иди, иди, ступай!.. — гремел старик, настезь распахивая дверь. Григорий выскочил в сенцы и последнее, что он слышал, Натальин *[крик]* плач в голос¹.

[Теплая] Морозная крыла хутор ночь. С черного неба падала иглистая порошок, на Дону раскатисто пушечными выстрелами лопался лед. Григорий выбежал за ворота задыхаясь. На том краю хутора разноголосо брехали собаки, прорешетенная желтыми *[све]* огоньками дымилась тьма.

Бесцельно зашагал Григорий по улице, в окнах Степанова дома алмазно *[отсвечивал]* **отсвечивала** *[месяц]* чернота.

— Гри-ша. — кинулся от ворот тоскующий Натальин вскрик.

«Пропади ты, разнелюбая». *[злобно шепнул]* скрипнул зубами Григорий усоряя шаги.

— Гриша, вернись!

В первый переулочек направил Григорий пьяные свои шаги, в последний раз услышал придавленный расстоянием горький оклик.

— Гришенька, родимый!..

[Ночевал он у товарища Мишки Кошевого.] Быстро *[дошел до]* пересек площадь, на развилке дорог остановился *[лихорадочно]* перебирая в уме имена знакомых ребят, у кого можно было-бы переночевать. Остановился на Михайле Кошевом. Жил тот *[на краю]* на отшибе у самой горы. Мать, сам Михаил, да сестра — девка — вся семья. Вошел в двор, постучался в крохотное окошко саманной хаты.

— Кто такой?

— Михаил дома?

— Дома. А это кто?

— Это я, Григорий Мелехов.

Через минуту *[заспан]* оторванный от первого сладкого сна Михаил открыл дверь.

— Ты, Гришка?

— Я.

— Чево ты по ночам?

— Пусти в хату-то, там погутарим.

— *[Зажгли]* В сенях Григорий схватил Михаила за локоть, злобясь на себя за то, что не хватало нужных слов, прошептал:

— Я у *[тибе]* тебя заночую... С своими поругался... У *[тибе]* тебя, как, тесно?.. Ну, да я *[иде]* где-нибудь.

— Место найдется, проходи. За што это вы сцепились?

— Э, брат... потом... *[Иде]* Где тут дверь у вас? Не вижу.||

<Л. 25>

47.

Григорию постелили на лавке. Лег с головой кутаясь полушубком, что-бы не слышать шопота Михайловой матери, спавшей на одной кровати с дочерью. «Как теперь дома? *[Отец, небось, сопит]* Уйдет Наташка, нет-ли? Ну, *[теперь]* по новому

¹ ППС: «*[крик]* плач в голос Натальин».

стелется жизнь. Куда прислониться? — и быстро подсказывала догадка — «Покличу завтра Аксинью¹, уйдем с ней на Кубань подальше отсель... далеко, далеко... —

[шли] Уплывали перед закрытыми глазами Григория степные гребни, хутора, станицы, никогда раньше не виданные, чужие сердцу. А за валами гребней, за серой дорогой — сказкой голубая приветливая страна и Аксиньи́на в позднем мятежном цвету любовь на придачу.

Уснул встревоженный надвигавшимся невидимым. Перед сном тщетно старался припомнить, что-то гнетущее, в мыслях не словленное. Шли в полусне думы гладко и ровно, как баркас [под] по [течение] течению, и вдруг [на] натыкались на что-то, будто на мель; муторно становилось, не по себе; ворочался, вился в догадках «Что-же? Что такое поперек дороги?»

А утром проснулся и вспомнил: «Служба! Куда-же мы уйдем с Аксюткой? Весной в лагери, а осенью на службу... Вот она зацепа[.!]»

Позавтракал и вызвал Михаила в сенцы.

— Сходи, Миша к Астаховым. Перкажи Аксинье, штоб, как завечеряет — вышла к ветряку.

— А Степан? — замылся было Михаил [в нерешительности].

— Придумай, как будто за делом.

— Схожу.

— Иди. Мол, непременно пушай выдет.

— Ладно уж.

Вечером [лежал] сидел Григорий под ветряком курил в [руках] рукав. За ветряком в сухих [кукурузе] кукурузных будыльях [шелестел] [шептался] спотыкаясь сипел ветер. На [запричаленных] причаленных крыльях хлопало оборванное полотно. Казалось Григорию, будто над ним кружит хлопя крыльями и не может улететь большая птица, от этого было неприятно и страшновато. Аксинья не шла. На западе в лиловой тусклой позолоте лежал закат, с востока крепчая быстрился ветер, шла, перегоняя застрявшую в вербах луну, темень. [Рудая] Рудое, в синих подтеках, трупно [черная] черное над ветряком небо, над хутором последыши суетного дневного гомона.

Григорий выкурил подряд три цыгарки, воткнул в примятый снег последний окурок, огляделся в злобной тоске. Притаявшие проследки от ветряка к хутору [пусто] дегтярно чернели[.]. [о]От хутора никого не видно. Григорий встал, хрустнув плечами потянулся и пошел на огонь, зазывно мигавший в оконце Михайловой хаты. Подходил к двору насвистывая сквозь зубы и почти в упор столкнулся с Аксиньей. Бежала||

<Л. 25 об.>

48.²

как видно, или торопко шла, запыхалась и пахло от свежего нахолодавшего рта то-ли ветром, то-ли далеким еле уловимым запахом свежего степного сена.

¹ ППС: «Аксинью завтра».

² На левом поле снизу вверх синим карандашом написано и зачеркнуто: «[Дать Анисью и разговор с бабой]».

— Заждался, думал не придешь.
 — Степана насилушки выпроводила...
 — Ты [*мине*] **меня** заморозила, окаянная баба!
 — Я горячая, погрею. — распахнула опушенные полы донской шубы, [*прижась*] обвилась вокруг Григория как хмель вокруг дуба.
 — Чево кликал?
 — Погоди, прими руки... Тут люди ходют.
 — [*Наталья*] С своими, никак, поругался?
 — Ушел. Сутки вот у Мишки... Живу как [*приблудный*] **приблудная** собака.
 — Как-же ты [*таперича*] **теперича**? — Аксинья разжала обнимавшие Григория руки и зябко запахнула полы шубы.
 — Давай, Гриша, к плетню отойдем. Што-же так-то посередь дороги.
 Отошли. Григорий **разметав сугроб** прислонился к промерзшему трескучему плетню спиной.

— Не знаешь, ушла к своим Наталья?
 — Не знаю... Уйдет должно. А то будет [*туда*] **тут** жить?
 Григорий просунул исзябшую руку Аксиньи себе в рукав. Сжимая пальцами узкую ее кисть спросил.

— Как-же будем?
 — Я, миленький не знаю. Как ты, так и я.
 — Бросишь Степана?
 — И не охну. Хучь зараз!
 — [*Иде*] Где-нибудь наймемся обое, будем жить.
 — Хучь под скотину, я с тобой, Гриша... Лишь-бы с тобой!..

Постояли греясь общим теплом. Григорий не хотел [*уходить*] итти, стоял повернув голову на ветер, вздрагивая ноздрями, не поднимая смеженных век. Аксинья уткнувшись лицом ему под мышку дышала таким родным пьянящим запахом его пота и на губах ее порочно жадных¹ скрытая от глаз Григория дрожала радостная, налитая сбывшимся счастьем улыбка.

— Завтра дойду до Мохова. Может у него наймусь. — проговорил Григорий перехватывая **повыше** [*в запот*] запотевшую в пальцах кисть Аксиньиной руки.

Аксинья промолчала, не подняла головы. **Недавнюю** Улыбку с губ ее, как ветер слизал: в расширенных глазах загнанным зверьком томилась тоска и испуг. «Сказать или не сказать?» думала она вспомнив про свою беременность. «Надо сказать». — решила было, но сейчас-же дрогнув от испуга отогнала страшную мысль. Женским своим чутьем угадала, что не время об этом говорить, поняла, что можно на век потерять Григория; и сомневаясь в том, от кого из двух зачала ворохнувшегося под сердцем ребенка, слукавила душой, не сказала.||

<Л. 26>

49.

— Чево дрогнула? Озябла? — спросил Григорий кутая ее полрой полушубка.

¹ ППС: «на губах ее жадных порочно».

— Озябла трошки... Итить надо, Гриша. Придет Степан, кинется, а [мине] меня нету...

— Он [иде] где пошел?

— Насилушки спровадила к Аникею в карты играть.

Разошлись. На губах Григория остался волнующий запах ее губ, пахнувших то-ли зимним ветром, то-ли далеким неуловимым запахом степного вспрыснутого майским дождем сена.

[А] Аксинья завернула в проулок, пригинаясь почти побежала. Против чьего-то колодезя, там где скотина взмеси́ла осеннюю грязь, неловко оступилась скользнув ногой по обмерзшей кочке, и почувствовав **резнувшую** боль **в животе** схватилась за колья плетня. Боль утихла, а в боку [к] что-то живое переворачиваясь стукнуло гневно и сильно¹ несколько раз подряд.

12.

На утро Григорий отправился к Мохову в дом. Сергей Платонович пришел из магазина к чаю. Сидел с Атепиным в столовой, оклеенной дорогами под дуб обоями, цедил крепкий бардовый чай. Григорий в передней положил шапку, вошел в столовую.

— Я к вам, Сергей Платонович.

— А, Пантелея Мелехова сынок, кажется?

— Ево.

— Тебе [чево] чего?

— Хотел просить, не наймете-ли в работники?

Григорий повернул голову на скрип двери. Из зала вышел с сложенной вчетверо газетой молодой офицер в зеленом кителе с погонами сотника².

Григорий угадал в нем того офицера, которого обогнал в прошлом году на скачках Митька Коршунов³.

Подвигая офицеру стул Сергей Платонович спросил.

Что, аль обеднял отец, что сына нанимает?

— Я с ним не живу.

— Отделился?

— Да.

— С радостью взял-бы, знаю вашу семью, работающий народ, но места у меня нет. [Тут служит,]

— В чем дело? — спросил сотник подсаживаясь к столу и поглядывая на Григория.

— В работники парень нанимается.

— За лошадьми можешь ухаживать? Правишь хорошо дышловой запряжкой?

— спросил сотник мешая ложечкой в стакане.

— Могу. Своих лошадей шесть штук держали.

¹ ППС: «гневно и сильно, стукнуло переворачиваясь».

² ППС: «Григорий повернул голову на скрип двери. Из зала вышел с сложенной вчетверо газетой молодой офицер в зеленом кителе с погонами сотника. — Хотел просить, не наймете-ли в работники?»

³ Текст вставки перенесен с листа 50 согласно указанию автора.

Мне нужен кучер. Условия твои?

— Я не дорого прошу...

В таком случае приходи завтра к отцу в имение. Знаешь, где имение Листницкого Бориса Павловича?

— Так точно, знаю.

— Отсюда верст двенадцать. Приходи завтра с утра, договоришься там.||

<Л. 26 об.>

50.

Григорий потоптался на месте и уже держась за дверную ручку сказал:

— Мне-бы на часок, ваше благородие, сказать вам...

Сотник вышел следом за Григорием в полутемный коридор. Сквозь матовые венские стекла с террасы скупно [*точился*] сочился розоватый свет.

— В чем дело?

— Я не один... — Григорий густо покраснел, — Со мной баба, может и ей место какое выйдет?

— Жена? — спросил сотник улыбаясь и поднимая розовые от света брови.

— Чужая жена...

— Ах, вон как. Ну, что-ж, Устроим и ее черной стряпухой. А муж ее где?

— Тут, хуторной.

— Ты что-же похитил у мужа жену?

— Сама приبلудилась.

— Романическая история[.]. [*н*]Ну, хорошо, приходи завтра. [*До сви*] Можешь быть свободен, братец.

Григорий пришел в [*Ягоднинское*] Ягодное — имение Листницких¹ часов в [*десять*] восемь утра.

На широкой балке мостился большой двор, обнесенный кирпичной облупленной огорожей[.]. [*н*]По двору нескладно раскидались дворовые постройки: флигель под черепичной крышей с черепичной цифрой посреди — 1910 год, людская баня, конюшня, птичник и коровник, длинный амбар, каретник. Дом большой, старый огороженный со стороны двора палисадником, ютился в саду. За домом серую стеною стояли оголенные тополя и вербы ливады в коричневых шапках покинутых грачиных гнезд.

Григория [*встретили*] встретила за двором ватага крымских черных борзых. Старая хромая сука с [*мирным*] слезящимся старушечьим взглядом первая обнюхала Григория и пошла следом понутив сухую голову. В людской [*кухарка*] кухарка ругалась с молоденькой веснушчатой горничной. В табачном дыму, как в мешке, сидел у порога старый губатый челевчина. Григория горничная провела в дом. В передней [*пах*] воняло псиной и не подсохшими звериными шкурками². На стуле валялся чехол от двухстволки и ягдташ с истрепанными зелеными шелковыми махрами.

— Молодой барин зовет к себе. — выглянула из боковых дверей горничная.

¹ ППС: «пришел в имение Листницких — [*Ягоднинское*] Ягодное».

² ППС: «шкурками звериными».

Григорий опасливо оглядел свои [мокрые] грязные сапоги и шагнул в дверь. На кровати стоявшей над окном лежал [вчерашний] сотник, на одеяле коробки с гильзами и табак. Начинив папиросу сотник застегнул воротник белой сорочки, сказал.

— Рано ты. Подожди сейчас отец придет.

Григорий стал у двери. Через минуту по скрипучему полу передней зашаркали чьи-то шаги. Густой низкий бас спросил в дверную щель:||

<Л. 27>

51.

— [Сн] Не спишь, Евгений?

— Входите.

Вошел старик в черных кавказских бурках¹. Григорий глянул на него сбоку² и первое, что кинулось ему в глаза это тонкий покривленный нос и [седые] белые, под носом желтые от курева, широкие [вислые] полудуги [усы] усов. Старик был саженого роста, плечист и худ. На нем дрябло [сидел] свисал длинный верблюжьего сукна сюртук, воротник его [подпирал] петлей охватывал коричневую в морщинах шею. Ближе к переносице сидели [узкие цвета капустного листа, глазки] острые глаза.

— Вот, папа, кучер, которого я вам рекомендую. Парень из хорошей семьи.

— Чей это? — [спросил] бахнул старик раскатом гудящего голоса.

— [Мелехова] Мелехов.

— Которого Мелехова?

— Пантелея Мелехова сын.

— Прокофия знаю, сослуживец, Пантелея знаю. Хромой такой из черкесов?

— Так точно, хромой. — тянулся Григорий струною.

Он помнил рассказы отца о отставном генерале Листницком — герое русско-турецкой войны.

— Почему нанимаешься? — грохотало сверху.

— Не живу с отцом, ваше превосходительство.

— Какой-же из тебя будет казак, ежли ты [по] наймитом таскаешься?

Отец отделяя тебя, разве, ничего не дал?

— [Ничего] Так точно, ваше превосходительство, не дал.

— Тогда — другое дело. Ты с женой нанимаешься?

Сотник резко скрипнул кроватью. Григорий повел глазами, [и] увидел — сотник моргает [обоим глазами] дергает головой.

— Так точно, [с жен] ваше превосходительство.

— Безо всяких превосходительств. Не люблю. Цена восемь рублей в месяц. Это обоим. Жена будет стряпать на дворовых и сезонных рабочих. Согласен?

— Так точно.

¹ ППС: «В черных кавказских бурках вошел старик».

² ППС: «сбоку глянул на него».

— Что-б завтра-же¹ был в имени. Займешь в людской ту половину, в [какой] которой жил прежний кучер.

— Как ваша вчерашняя охота? — спросил сын у старика и опустил на коврик узкие волосатые ступни ног.

— Выгнали из Гремячего Лога лисовина, гнали до леса, старый попался, обманул собак.

— Казбек всё хромает?

— У него, как оказалось, вывих. Ты поскорей, Евгений, завтрак стынет. — старик повернулся к Григорию и шелкнул сухими костяками пальцев.

— Шагом марш! Завтра к восьми часам, чтобы был здесь.

Григорий вышел за ворота. У заднего фасада амбара борзые грелись на подсохшей от снега земле. Старая сука с старушечьим взглядом потрусилась к Григорию, обнюхала его сзади и провожала [его] до первой балки понуро опустив голову, ступая шаг в шаг.

Потом вернулась.||

<Л. 27 об.>

52.

13.

Аксинья отстряпалась рано, загребла жар, закутала трубу и перемыв посуду выглянула в оконце, глядевшее [во двор] на баз. Степан стоял возле слег, сложенных костром над плетнем к мелеховскому [двору] базу. В уголке твердых губ его висела потухшая цыгарка, он выбирал [глаз] из костра подходящую соху. Левый угол сарая завалился надо было поставить две прочных сохи и прикрыть [его] оставшимся камышем².

С утра на [щеках] верхушках Аксиньиных скул румянец, в молодом блеске глаза[.]. [кинулась] Ринулась перемена Степану в глаза: завтракая спросил:

— Ты чево?

— А чево я? — вспыхнула Аксинья.

— Блестишь будто постным маслом намазаная.

— От печи жарко... в голову кинулось. — и отвернулась, глазами воровато шмыгнула в окно, не идет-ли случаем Мишки Кошевого сестра?

Та пришла только перед сумерками. Вымученная ожиданием Аксинья [встрепехнулась] встрепенулась.

— Ты ко мне, Машутка?

— Выдь на час.

Степан перед осколком зеркала, вмazanного в [печь] выбеленную грудину печи, зачесывал чуб, гладил куцой, костяной, из бычьего рога расческой каштановые усы. Аксинья опасливо глянула в сторону мужа.

— Ты никак куды-то собираешься?

¹ ППС: «Завтра-же, что-б».

² ППС: «прикрыть [его] оставшимся камышем и поставить две прочных сохи».

Степан ответил не сразу, положил расческу в карман шаровар, взял из печурки колоду карт и кiset.

— К Аникушке пойду, посижу трошки.

— И когда ты [*находишьси*] **находишься**? Искоренили карты, што ни [*день*] **ночь**, то им игра, до кочетов просиживают.

— Ну, будя, слыхали.

— Опять в очко будешь играть?

— Отвяжись, Аксютка. Вон человек ждет, иди.

Аксинья боком вышла в сенцы. У выхода [*ждала*] **встретила** её **улыбкой** румяная в засеве веснушек Машутка.

— Пришел, **ить** Гришка.

— Ну?

— Переказывал, што-б, как затемняет, шла к нам.

Аксинья хватая Машуткины руки теснила её к двери.

— Тише, тише, любушка. Што-ж он, Маша? Может ишо чево велел сказать?

— Гутарит, штоб забрала свое, што унесешь.

Аксинья **вся** в огне и дрожи вертела головой, поглядывая на двери, переступая с ноги на ногу, как обкормленная ячменём лошадь.

— Господи, как-же я?.. А?.. Так-то скорочка... Ну, што я? Погоди, скажи ему, што я скоро... А иде-ж он [*мине*] **меня** перевстренет?

— Заходи в хату.

— Ох, нет!..

— Ну ничего, я скажу ему, он выйдет.||

<Л. 28>

53.

Степан надел сюртук и тянулся к висячей лампе прикуривая.

— Чево она прибежала? — спросил между **двумя** затяжками.

— Кто?

— [*Ды*] **Да** Машка Кошевых.

— А это она, по своему делу... Юбку просила скроить.

Сдувая с цыгарки черные хлопья пепла Степан¹ пошел к двери.

— Ты [*не залажи*] ложись, не жди.

— Ну-но.

[*Анисья*] **Аксинья** припала к замороженному окну, опустилась перед лавкой на колени. По стежке, протоптанной к калитке, заскрипели шаги уходящего Степана. Ветром схватило искорку с цыгарки и донесло до окна. В оттаявший кружок стекла Аксинья на минуту увидела, при свете [*раздутой*] **пламенеющей** цыгарки, полукруг папахы, придавившей хрящеватое ухо [*мужа*], клочок белого лица.

В большой шалевый платок лихорадочно кидала из сундука юбки, кофточки, полущалки — девичье свое приданное, задыхаясь, растерянными глазами в последний раз прошлась по кухне и загасив огонь выбежала на крыльцо. Из меле-

¹ ППС: «Степан сдувая с цыгарки черные хлопья пепла».

ховского дома **кто-то** вышел на баз [*Пант*] проведать скотину. Акси́нья дождалась пока заглохли шаги, накинула на дверной пробой цепку и прижимая узел побежала к Дону. Из-под пухового платка выбились пряди волос, щекотали щеки. Дошла задами до двора Кошевых — обессилела, с трудом переставляла [*налитые*] зачугуневшие ноги. Григорий ждал ее у ворот. Принял узел и молча, передом пошел в степь. За гумном [*Анисья*] **Акси́нья** замедляя шаги тронула Григория за рукав.

— Погоди чудок.

— Чево годить? Месяц теперича не скоро, надо поспешать.

— Погоди, Гриша. — Акси́нья сгорбившись стала.

— Ты чево? — наклонился к ней Григорий.

— Так... Живот штой-то... Чижелое нады подняла.

Облизывая спекшиеся губы, жмурясь от боли до огненных брызг в глазах Акси́нья¹, схватилась за живот. Постояла немного согнутая и жалкая и заправляя **под платок** пряди волос [*шепнула*] тронулась.

— Ну, все. Пойдем.

— Ты и не спросишь, [*куды*] куда я [*тибе*] тебя веду. Может до первова яра, а там спихну? — улыбнулся в темноту Григорий.

— Все одно уж мне. Доигралась. — голос Акси́ньи звякнул невеселым смехом.

Степан в эту ночь вернулся, как всегда, в полночь. Зашел в конюшню, кинул в ясли наметанное конем под ноги сено, снял с него недоуздок и взошел на крыльцо. [*На*] «Должно ушла на посиделки» подумал [*откидая*] **скидая** с пробоя цепку. Вошел в кухню, плотно притворил дверь и зажег спичку. Был он в выиграше, (играли на спички) оттого мирен и сонлив. Засветил огонь. [*и*]**И** не догадываясь о причине оглядел в беспорядке разбросанные по кухне²||

<28 об.>

54.

[*разные*] вещи. Слегка удивленный³ прошел в горницу. Темной пастью чернел раскрытый сундук, на полу лежала старенькая, забытая в попыхах, жена кофтенка. Степан рванул с себя полушубок и кинулся в кухню за огнем. Оглядел горницу — понял. Швырком кинул лампу, [*сам не*] **не отдавая ясною отчета** рванул со стены шашку, сжал эфес до черных отеков в пальцах и подняв на носке шашки голубенькую в полевых цветочках позабытую Акси́ньину кофтенку подкинул ее кверху и на лету коротким взмахом разрубил пополам.

Посеревший, дикий в волчьей своей тоске, подкидывал к потолку голубенькие искромсанные шмоточки, повизгивающая отточенная сталь разрубала их на лету...

¹ ППС: «Акси́нья облизывая спекшиеся губы, жмурясь от боли до огненных брызг в глазах».

² ППС: «разбросанные по кухне в беспорядке».

³ ППС: «Удивленный слегка».

Потом оборвав темляк кинул шашку в угол, ушел в кухню и сел за стол. Избочив голову долго [с] гладил дрожащими железными пальцами невымытую крышку стола.

14.¹

Беда в одиночку сроду не ходит: утром по недогляду Гетька племенной бугай Мирона Григорьевича распорол рогом лучшей кобылице-матке² шею. Гетько прибежал в курень белый, растерянный, била его трясушка.

— Беда, хозяин! Бугай, шоб вин выздох проклятый, бугай.

— Чево бугай? Ну? — встревожился Мирон Григорьевич.

— Кобылу спортил... Пырнул рогом... Я кажу...

Мирон Григорьевич раздетый выскочил на баз[.]. [о]Около колодезя Митька утюжил колом, красного [четы] пятилетка-бугая. Тот пригиная к земле морщинистый подгрудок, волоча его по снегу крутил низко опущенной головой, далеко назад кидал ногою снег, рассевая вокруг змеившегося хвоста серебряную пыль. Он не бежал от побоев, лишь глухо взмыкивал, перебирал задними ногами, как перед прыжком. В горле его ширился, рос клокочущий рев. Митька бил его по морде, по бокам, в [хрипе.т] хрипе безобразной [ругательства] ругани не обращающей внимания на Михея, который тянул его сзади за ремень, [к]

— Отступись, Митрий!.. Христом-богом прошу!.. Забрухает он [тибе] тебя!.. Гри-го-рич, да чево-ж ты глядишь?!..

Мирон Григорьевич бежал к колодезю. У плетня понуро свесив голову стояла кобылица. Запотевшие у кострецов впадины, черные и глубокие, ходили в [дыханнии] дыханьи, с шеи на снег и на круглые шишки грудных мускулов текла кровь. Мелкая дрожь волнила [кожу] светло-гнедую шерсть на спине и боках, сотрясала пахи. Мирон Григорьевич [подбежал] забежал к ней на перед. На шее разваленная пополам дымилась в розовом рана. Глубокий, [шириной в два пальца] хоть ладонь суй, длинный порез, [и] обнаженное белое коленчатое горло в судорге дыханья.||

<Л. 29>

55.

Мирон Григорьевич сжал в кулаке чолку, потянул вверх опущенную голову кобылицы. Прямо в глаза хозяину направила она мерцающий глубиной зрачок, будто спросила «Что-же дальше?» и на немой вопрос крикнул Мирон Григорьевич.

— Митька! [Дубовой] Дубовую [коры] кору вели обдать! А, ну, торопись! Гетько сотрясая в беге треугольный на [длин] грязной шее кадык побежал драть с дуба кору. Митька подошел к отцу оглядываясь на кружившего по двору бугая. Красный на [талом] талой белени снежища колесил тот по двору изрыгая проправшийся безостановочный рев.

¹ Рядом синим карандашом написано: «Гл. 11».

² ППС: «матке-кобылице».

— Держи за чуб, — приказал Митьке отец, — [Тит.] **Михей!** [неси] беги за бичевкой! Скорей, морду побью!..

Бархатную в редком волосе верхнюю губу кобылицы закрутили [бичевк] веревкой на закрутке[.]. [и] Подошел дед Гришака. Принесли в расписной чашке желудевого цвета отвар.

— Остуди, горяч, небось. Слышишь, ай нет, Мирон?

— Батя, идите в курени, с богом. Остынете тута.

— А я велю остудить. Загубить хошь матку?

Рану промыли. Мирон Григорьевич зяблыми пальцами провздевал в иглу-цыганку [суровину] **суровинку**. Зашивал сам. Искусный [сковал] **лег** на рану шов.

Не успели отойти от колодезя — из куреня прибежала Лукинишна. [На] [по-рожных] **порожние** [сумках] **сумки** блеклых щек смяла тревога. Она отозвала мужа в сторону.

— Наталья пришла, Григорич... Ах, бож-же ты мой...

— Чево ишо?.. — взъерошился Мирон Григорьевич бледнея конопинами белесого лица.

— С Григорием... Ушел зятек из дому[.].! — Лукинишна раскрылилась, как [ворона] грач перед взлетом, и хлопнув руками по подолу прорвалась на визг, — страмы на весь хутор!.. Кормилец-господи, што на напастина <sic>[...].!.. Ах, ох...

Наталья в платке и куцой зимней кофтенке стояла посреди кухни. [растерянность, горе и стыд выжали две слезинки.] **Две** [С]слезинки копилась над переносицей не падая. На щеках ее кирпичными плитами лежал румянец.

— Ты чево заявила? — напустился отец влезая в кухню, — Муж побил? Не заладили?..

— Ушел он... — глотая сухмень рыдания икнула Наталья и **легко качнувшись** упала перед отцом на колени. — Батянюшка, пропала моя жизнь!.. Возми мне оттель. Ушел Гришка с своей присухой... [Ох] Одна я... Батянюшка, я как колесом перееханая... — часто залопотала Наталья не договаривая концы слов, снизу [сухими] моляще вглядываясь в рыжую подпалину отцовской бороды. [глазами запаленными сухим полымем]

— Пстой, а ну, погоди.

— [Я] Не из чево там жить. Заберите меня!

Постукивая коленными чашечками Наталья¹ быстро переползла к сундуку и на [рукаве] ладони рук кинула [трясуц] дрогнувшую в плаче голову.

Платок **ее** сбился||

<Л. 29 об.>

56.

на спину, гладко причесанные черные прямые волосы [Натальи] свисали на бледные уши... Плач в тяжкую минуту — что дождь в майскую засуху: мать прижала к впалому животу Натальину голову причитая нескладное, бабье, глупое, а Мирон Григорьевич распаяясь — на крыльцо.

¹ ППС: «Наталья постукивая коленными чашечками».

— Запрягай в двое саней!.. В дышловые!..

Петух, [*миролюбиво долбивший*] деловито топтавший у крыльца куриную свою жену, испуганный громким зыком прыгнул с курицы [*<1 слово нрзб.>*] и в раскачку [*кинулся*] заковылял подальше от крыльца к амбарам, квохча и негодуя.

— Запрягай!.. — Мирон Григорьевич крушил сапогами резные балясины крыльца, и только тогда ушел в курень оставив безобразно выщербленные перила, когда Гетько на [*рысью*] рысях вывел из конюшни пару вороных на ходу [*накинув*] накидывая хомуты.

За Натальиным именем поехал Митька с Гетьком. Хохол в рассеянности сшиб санями поросенка, не успевшего убраться с дороги, думая про своё: «Мабуть за цим дилом [*забудеть*] забудет хозяин об кобыли?» — и радовался ослабляя вожжи.

Такий вредный чертяка, як раз забудэ...» — настигала мысль и Гетько хмуясь кривил губы.

— Пригай, чортобіс!.. Ось я тобі! — и сосредоточенно норовил щелкнуть кнутом вороного под то самое место, где ёкала селезенка.

15.¹

Сотник Евгений Листницкий служил в лейб-гвардии Атаманском полку. На [*императорских*] офицерских скачках [*упал*] разбился, [*с лошадью*] [*и*] переломил в предплечьи левую руку. После лазарета взял отпуск и приехал в Ягодное к отцу на полтора месяца.

Старый давно овдовевший генерал жил в Ягодном одиноко². Жену [*его убили в пред*] он потерял в предместьях Варшавы в семидесятых годах. Стреляли в казачьего генерала — попали в [*генералову*] генеральскую жену и [*в*] кучера, прорешетили во многих местах коляску но сам [*остался цел,*] уцелел. [*о*] От жены [*же*] остался двухлетний тогда, Евгений. Вскоре после этого генерал подал в отставку перебрался в Ягодное (*четыре ты*) земля его 4 т. десятиин нарезанная еще прадеду за участие в [*отечественную*] отечественной 1812 г. [*войну*] войне, находилась в Саратовской губернии) и зажил чернотелой суровой жизнью.

Подростшего Евгения отдал в кадетский корпус, сам занялся хозяйством: развел племенной скот, с императорского Орловского завода купил на племя рысистых производителей и скрещивая их с лучшими матками с Донского Провальского завода добился своей породы. Держал на своей казачьей паевой и купленной земле табуны, сеял чужими руками хлеб, [*убирал*]; зимой и осенью охотился с борзыми, изредка запираясь в белой зале [*глушил без меры [дорогой]*] коньяк, до старости остался человеком сдержанным в половом отношении и жил все-бы хорошо, но одна беда: страдал [*пил неделями*]. Точила его [*желудочной*] желудочная [*болезнью*] болезнь и по строжайшему запрету врачей не мог глотать||

¹ Против текста главы на левом поле снизу вверх синим карандашом написано и зачеркнуто: «[*Подробней о жистье и работе Григория*]».

² ППС: «В Ягодном жил старый давно овдовевший генерал одиноко».

<Л. 30>

57.

пережеванную пищу, жевал, вытягивая соки, а жевки деликатно выплевывал на серебряную тарелочку, которую сбоку на вытянутых руках держал молодой из мужиков лакей Вениамин. Был этот Вениамин придурковат, смугл, на **круглой** голове не волосы, а черный плюш, густые, без ворса. [*Попал*] Служил у пана Листницкого шесть лет. В начале, когда припало стоять над генералом с серебряной тарелочкой, не мог без тошноты глядеть, как старик выплевывал серые измочаленные зубами жевки, потом привык. А через год [*пригляделся*] **как-то** глядя, как пан выжевывая котлетки из белого мяса индейки, выплевывает их, [*и порешил*] [*думал*] {*подумал*}: «Пропадает добро, [*он стерьва*] **сам** не глотает, а у меня судорги в животе. Одним словом, лежит, как кобель на скирду¹. [*А, ну*] попробую доедать за него, не сорвет?» Попробовал. Не сорвало. С тех пор после обеда уносил серебряную тарелочку в переднюю и там торопливо глотал то, что пану доктора запретили² глотать. От этого-ли, или от другого чего но разъелся заблестел салом, набрал на шее частые складки. [*и*] [*б*] **Были** волосы на голове Вениамина, как черный плюш.

В имении из дворни кроме Вениамина жили: кухарка **Лукерья**, [*(горничная)*] одряхлевший **Сашка-конюх**³ [*старик садовод*] **пастух Тихон** и вновь поступивший на должность кучера Григорий с Аксиньей. [*Кухарка.*] [*громоздкая*] **рыхлая рябая** толстозадая [*баба Лукерья от*] **Лукерья** с первого-же дня отшила [*Анисью*] **Аксинью** от печи:

— Стряпать будешь [*как*] **когда** рабочих на лето наймет пан, а сейчас я, конечно, сама управлюсь.

На обязанности [*Анисьи*] **Аксиньи** лежало три раза в неделю мыть в доме полы, кормить **гурты** [*птицу*] **птицы** и содержать двор птичий в чистоте. Она ретиво взялась за службу, всем стараясь угодить не исключая и Лукерья, похожей на **желтый** ком невсхожего **сдобного** теста. Григорий большую часть времени проводил в просторной рубленой конюшне вместе с конюхом Сашкой. До сплошных седин дожил [*Сашк*] старик, но Сашкой так и остался, никто не баловал его отчеством, а фамилию, наверно, не знал и сам старый Листницкий, у которого жил Сашка больше двадцати лет. В [*начале*] **молодости** Сашка кучеровал, но под [*ст*] исход жизни **теряя силу и зрение** перешел в конюхи. Низенький, весь в зеленой седине, (на руках и то рос седой волос) с носом расплющенным еще в детстве ударом чекмаря⁴, вечно улыбался он голубой детской улыбкой, [*часто мор*] **оглядывая** **мигая** на окружающее [*простодушным*] **простодушными** [*взглядом голубеньких*] в красных складках [*глаз*] **глазами**. [*Портило*] **Портил** его апостольское лицо нос курносый с веселинкой, да изуродованная стекающим книзу шрамом нижняя губа. **Под пьянку** в солдатчину⁴ (родом Сашка был из

¹ ППС: «Лежит, как кобель на скирду, одним словом.»

² ППС: «запретили доктора.»

³ ППС: «Сашка-конюх одряхлевший.»

⁴ ППС: «В солдатчину под пьянку.»

богучарских москалей) вместо **царской** водки хватил из косухи острой водки; [она] огненная струйка и пришила

^{х)} Чекмарь — палка с утолщенным книзу концом.||

<Л. 30 об.>

58.

ему нижнюю губу к подбородку. Там где пролилась эта струйка остался не растояющий волосом розовый и веселый косой [след] **шрам**; будто неведомый зверек лизнул Сашку в бороду **положив след** [тонюсеньким] **тонюсенького** [напильчатым] **напильчатого** [языком] **языка**.

Сашка часто баловался водкой, в такие минуты бродил по двору имения сам хозяин, паклюя ногами становился против окон панской спальни и хитро крутил **пальцем** перед веселым своим носом [пальцем].

— [Тихон] **Миколай** Лексевич, а, [Тихон] **Миколай** Лексевич! — звал он громко и строго.

Старый пан, если был в [энту] эту минуту в спальне, подходил к окну.

— Наелся, пустяковая твоя душа? — гремел он из окна.

Сашка подсмывивал спадавшие портки и **подмигивая** шельмовато улыбался. Улыбка вытанцовывалась у него наискось всего лица: от прижмуренного левого глаза, до розового шрама, стекавшего из правого угла рта[.]. [п]Поперечная была улыбка, но приятная.

— [Тихон] **Миколай** Лексевич, ваше преподобие, я тебя зна-а-аю!.. — и Сашка приплясывая грозил сторчмя поднятым грязным и тонким пальцем.

— [Много п] Поди проспись, — примиряюще улыбался из окна пан, [и] всей **обкуренной** пятерней закручивая нависшие усы.

— Чорт Сашку не ом-манет! — смеялся Сашка подходя к палисаднику, — [Тихон] **Миколай** Лексевич, ты... — как и я. Мы с тобой, как рыба с водой: рыба на дно, а мы... на гумно. Мы с тобой богатые, во... — Сашка [раскорячиваясь] **корячась** широко [разводил] **расплескивал**¹ [руками] **руки**, — Нас все знают, по всей донской области. **Мы...** — голос Сашки становился печален и вкрадчив, — Мы с тобой, ваше превосходительство, всем [хорошие] **хороши**, токо вот носы у нас ... говенные.

— Это чем-же? — любопытствовал пан сизезя от смеха и шевеля усами и подьусниками.

— Через водку! — [быстро] отчеканивал Сашка часто моргая и слизывая языком слюну сползавшую по каналцу розового шрама. — Ты, [Тихон] **Миколай** Лексевич не пей! А то **во** **взят** пропадем **мы с тобой**, проживем все до тла!..

— Поди, вот, похмелись.

Пан кидал в окно двугривенный, Сашка ловил на лету и прибирал за подкладку картуза.

— Ну, прощай, генерал. — вздыхал он уходя.

— А лошадей-то поил? — заранее улыбаясь спрашивал пан

¹ ППС: «расплескивал широко».

— [Убирайся ты под такую мать! —] Чорт паршивый, ать с-сукин сын, — багровел Сашка сострясясь в гневе, — Сашка, штоб лошадей забыл напоить¹. А? Умру и то приползу по цыбарке [воды] **кринишной** дать, а он ать [сукин] придумал!.. Тоже...

Сашка уходил облитый незаслуженной обидой, [ругаясь] тысячу и грозя руками. Сходило ему все: и пьянка и панибратское обращение с [самим] паном. Оттого сходило, что был Сашка² незаменимый конюх. [Он] зиму и лето спал он в конюшне, в порожнем станке, никто||

<Л. 31>

59.

лучше его не умел обращаться с [лошадьми] **лошадьми**; был он и конюх и коновал: веснами, в майском цветеньи **рвал травы**, копал в степи в суходолах и мокрых балках [целебных] **целебные** корни³. [трав.] **Высоко** На стенках конюшни висели сушеные пучки разнолистной травы: яровник — от запала, змеиное око — от укуса гадюки, чернолист — от порчи ног, неприметная белая травка, растущая в ливадах у корней верб — от надрыва; и много других [без именных] **неведомых** трав от разных лошадиных [хворостей и порч.] **недугов и хворей**.

В конюшне, в станке, где спал Сашка, зиму и лето [парился] паутиной занавесью висел тонкий липнувший к горлу аромат. [Над] **На** досчатой [кроватью] **кровати** [ле] лежало прикрытое попоной **сбитое камнем** сено и весь и весь провонявшийся конским **пóтом** Сашкин зипун. Пожитков кроме зипуна и дубленого полшубка у Сашки не было.

Тихон губатый здоровенный и **дурковатый** казак жил с Лукерьей и втихомолку беспричинно ревновал ее к Сашке. В месяц раз [он] брал он Сашку за пуговицу просаленной рубахи и уводил на зады.

— Дед, ты на мою бабу не заглядывайся[.]!

— Это, как сказать... — многозначительно мигал Сашка.

— Отступись, дед. — просил Тихон.

— Я, дружок, рябых люблю. Мне шкалик не подноси, а рябую вынь, да положь. Што ни дюжей ряба — дюжей нашего брата, **шельма** любит.

— В твои года, дед, совестно и грех... Эх, ты, а ишо лекарь, лошадей пользуешь, святое слово **знаешь...**

— Я, на все руки лекарь. — упорствовал Сашка.

— Отступись, дед. Нельзя так-то!

— Я, брат, эту Лукерью [приберу к рукам] **пристигну**. Прощайся с ней с шельмой, отобью. **Она как пирог с изюмом. Только изюм-то по-выковаренный, оттого, будто, ряба малость. Люблю таких.**

— **На** Вот... А под ноги не попадайся, а то убью! — говорил Тихон вздыхая и вытягивая из кисета медаки.

¹ ППС: «багровея Сашка сотрясясь в гневе, — чорт паршивый, ать с-сукин сын, Сашка штоб лошадей забыл напоить».

² ППС: «Сашка был».

³ ППС: «корни [целебных] целебные».

Так каждый месяц.

В сонной одуре плесневела в Ягодном жизнь. Глухое, вдали от проезжих шляхов, лежало по суходолу имение. С осени [до весны дремотная] глохла связь с станицей и с хуторами. Зимой на бугор, [подходивший] **упиравшийся** [к] в [ливаде] **ливаду** выпуклым песчаным мысом, ночами [подходили] **выходили** волчьи выводки, [из] зимовавшие в Черном лесу, выли пугая лошадей. Тихон шел в ливаду стрелять из панской двухстволки, а Лукерья кутая [одеялом] **дерюжкой** толстый — что печной заслон — зад замирала ожидая выстрела, широко зевая в темноту заплывшими в жирных рябых щеках глазками. В это время [казался] **представлялся** ей дурной [и] плешивый Тихон красивым и [мужественным] отчаянно храбрым молодцом, и когда хлопала дверь в людской впуская дымящийся пар и Тихона, она теснилась на кровати, давила спиной на стене клопов и [замирая] **воркуя** сладко обнимала назябшие **Тихоновы** костяки.||

<Л. 31 об.>

60.

Летом Ягодное до поздна гудело голосами рабочих.

Сеял пан десятин сорок разного хлеба, рабочих нанимал убирать. Изедка **летом** наезжал в имение Евгений [сын]. Ходил по саду и ливаде, скучал. Утрами посиживал возле пруда с удочками. Был он [ростом в отца: высокий, прямой, узкогрудый] [полногрудый] **узкогрудый** **невысок, полногруд**. Носил чуб по казачьи зачесывая на правую сторону. Ловко обтягивал его офицерский сюртук.

Григорий в первые дни, как только [пришел] [**вернулся**] {**поселился**} в имении с Аксиньей, часто бывал у молодого хозяина. В людскую приходил Вениамин, склоняя плюшевую голову улыбался.

— Иди, Григорий, к молодому пану велел позвать.

Григорий входил, становился у притолки. Евгений Николаевич щеря редкие широкие зубы указывал рукой на стул.

— Садись.

Григорий садился на краюшек.

— Как тебе нравятся наши лошади?

— Добры кони. Серый дюже хорош.

— Ты его почаще проезжай. Смотри наметом не гони.

— Мне дед Сашка толковал.

— А Крепыш как?

— Это гнедой-то? Цены не уставляю. Копыто вот зашербил, перековывать надо.

Молодой пан шуря пронзительные светлые глаза спрашивал.

— Тебе ведь в лагери в мае итти?

— Так точно.

— Я поговорю с атаманом, отстанешь.

— Покорнеше благодарим.

Молчали. Сотник [*почесывал*] расстегнув воротник мундира почесывал женски-белую¹ [*узкую*] грудь.

— Что-же ты не боишься, что Аксиньин муж отнимет ее[?] у тебя?

— Он от нее отказался, не отнимет.

— Кто тебе говорил?

— Ездил в станицу [*с стар*] за ухналями, видал хуторного [*Аникея — соседа нашева*] одного. Гуторит зóпил Степан в темную. «Мне, [*— гуторит Степан, тоись*] мол, — Аксютка и за грош не нужна. Пушай, [*— мол,*] — я сабе похлеще сыщу».

— Аксинья — красивая баба. — говорил сотник **зadумчиво** глядя повыше Григорьевых глаз, блудя улыбкой.

— Баба ничево. — соглашался Григорий и хмурился.

Евгению [*подходил*] **кончался** срок отпуска. Он мог уже свободно без перевязи носить руку, поднимать не сгибая в локте.

Последние дни он часто просиживал у Григория в его половине людской. Аксинья чисто выбелила замшевшую в грязи комнату, отмыла наличники окон, [*гряз*] выскребла битым кирпичом полы. Бабьим уютом² пахло в пустой веселой комнатке. Из подземки||

<Л. 32>

61.

дышало жаром. Сотник накинув синего сукна романовский полушубок шел в людскую. Выбирал такое время, когда Григорий был занят с лошадьми. Приходил сначала на кухню, шутил с Лукерьей, и повернувшись шел в другую половину. Садился у подземки на табурет, остро сутулил спину, глядел на Аксинью бесстыдным улыбчивым взглядом. Аксинья терялась в его присутствии, дрожали в пальцах иглы, набиравшие петли чулка.

— Как живешь, Аксиньюшка? — спрашивал сотник наводняя комнатку синим папиросным дымом.

— Благодарствую. — Аксинья поднимала глаза и встречаясь [*с*] с прозрачных³ взглядом сотника, молчаливо говорившим о его желании, вспыхивала румянцем. Ей было досадно и неприятно глядеть в оголенные светлые глаза Евгения Николаевича. Она невпопад отвечала на разные пустяковые вопросы, норовила поскорей уйти.

— [*Мне*] **Пойду**. надо [*бы*] уткам зерна всыпать.

— Посиди. Успеешь. — улыбался сотник и [*качал*] **дрожал ногами в плотно [обтянутыми] обтянутых [рейтузами] рейтузах.**

Он [*р*] подолгу распрашивал Аксинью про её прежнее житье, играл низкими нотками, такого-же, как и у отца голоса, похабничал светлыми как родниковая вода глазами.

¹ ППС: «белую-женски грудь».

² ППС: «Уютом бабьим».

³ Правка не завершена, надо «с прозрачным».

Управившись Григорий¹ приходил в людскую. Сотник погасив в глазах недавние огни угощал его папиросой и уходил².

— Чево он сидел? — глухо, не глядя на Аксинью спрашивал Григорий³.

— А я почем знаю? — [Анисья] Аксинья вспоминая [его глаза] взгляд сотника деланно смеялась, — Пришел, сел вот туточка. Гляка, [Гришенька] Гришенька, вот тах-то, — [Анисья] она показывала как [сел] сидел сотник похоже горбятя спину, — и [сидить] сидит, и [сидить] сидит, ажник тошно. А коленка острая — превострая. [вот худоба та]

— Примолвила што-ль ево? — зло шурился Григорий.

— Нужен он мне!

— То-то гляди... [Хучь он и длинный, а] А то я ево в одночась спихну с крыльца.

[Анисья] Аксинья улыбаясь глядела на Григория и не могла понять серьезно он говорит, или шутит.

16.

На четвертой неделе поста сдала зима. На Дону бахромой легли окраинцы, ноздревато припух, посерел подтаявший сверху лед⁴. Вечером глухо гудела гора, по стариковским приметам — к морозу, а на самом деле вплотную подходила оттепель[.]. [и]По утрам легкие ледозвонили [заморозками] заморозки а к полудню земля отходила⁵ и пахло мартом, примороженной корой вишневых деревьев. прелой соломой.

Мирон Григорьевич исподволь готовился к пахате, [день] полневшими днями возился под сараем, тесал зубья к боронам, вместе с Гетьком делал два новых стана для колесной поездки. Дед Гришака говел на четвертой неделе. Приходил из церкви почерневший от холода,||

<Л. 32 об.>

62.

жалился снохе:

— Заморозил поп. Никудышний служака, да-с, служит, как яишник с возом едет. Это — беда!

— Вы-бы, батя, на страстной говели. Все потеплеет к тому времю.

— Ты мне Наташку покличь. Пушай она чулки потолше свяжет, а в таких-та голопятых и серый бирюк с пару сойдется.

Наталья жила у отца, как хохол на отживе: ей все казалось, что Григорий вернется к ней, сердцем ждала⁶ не вслушиваясь в трезвый нашепот рассудка. Исходила ночами в жгучей тоске, крушилась растоптанная нежданной незаслуженной

¹ ППС: «Григорий управившись».

² ППС: «Сотник угощал его папиросой и погасив в глазах недавние огни уходил».

³ ППС: «Спрашивал Григорий глухо, не глядя на Аксинью».

⁴ ППС: «подтаявший сверху лед, посерел».

⁵ ППС: «отходила земля».

⁶ ППС: «ждала сердцем».

обидой. А к этому прибавилось другое, и Наталья с холодным страхом шла к концу, ночами металась в своей девичьей горенке, как подстреленный чибис по [болотной] **ендовой** куге. С первых дней по иному стал поглядывать на нее Митька, а однажды перехватив Наталью в сенцах прямо спросил:

- Скучаешь по Гришке?
- А што тебе?
- Тоску твою хочу разогнать...

Наталья взглянула ему в глаза и ужаснулась, [ахнула] в душе своей догадке. Играл Митька зелеными кошачьими глазами, масляно блестел в темноте сеней продольными разрезами зрачков. Наталья хлопнув дверью вскочила в боковушу к деду Гришаке, долго стояла прислушиваясь к несчетному трепету сердца. Митька на другой день после этого подошел к ней на базу. Он метал скотине сено и на прямых его волосах, на папахе шпанского меха висели зеленые травяные былки. Наталья [стояла] отгоняла от свиного корыта увивавшихся собак.

- Ты не мордуйся, Наташка...
- Я бате зашумлю!.. — крикнула Наталья закрываясь от него руками.
- Тю, сдурела[.]!
- Уйди, проклятый!
- Ну, чево шумишь?
- Уйди, Митрий! Зараз пойду и расскажу бате... Какими ты глазами на [мине] **меня** глядишь? И-и-и, бессовестный!.. Как [тибе] **тебя** земля держит!..
- А вот держит и не гнется. — Митька в подтверждение притопнул сапогами и подпер бока.

- [Ты] не лезь ко мне, Митрий!
- Зараз я и не лезу, а ночью приду. Ей-богу приду[.]!

Наталья ушла с база содрагаясь. Вечером постелила себе на сундуке и положила с собой младшую сестренку. Ночь проворочалась горячечными глазами вклиниваясь в темноту. Шороха ждала, что-бы крикнуть на весь дом, но тишина нарушалась только сипом спящего рядом, за стенкой, деда Гришаки, да редкими всхрапами разметавшейся под боком сестры.||

<Л. 33>

63.

Оправленная бабьим неусыпным горем разматывалась пряжа дней.

Митька, не изживший давний свой позор с сватовством, ходил хмурый, злой. По вечерам уходил на игрища и редко приходил домой рано, все больше заря выкидывала. Путался с гулящими жалмерками, [вместе с] **ходил к [Степаном] Степану [играл] играть** в очко. Мирон Григорьевич до поры-до времени молчал, приглядывался.

Как-то перед Пасхой Наталья¹ встретила [на улице] около моховского магазина Пантелея Прокофьевича. Он окликнул ее первый.

- Погоди-ка на час.

¹ ППС: «Наталья как-то перед Пасхой».

Наталья остановилась. Затосковала глянув на горбаносое, **смутно** [*похо*] напоминавшее Григория, лицо свекора.

— Ты чево-же к старикам не заглянешь?.. — смущенно обегая **ее** глазами заговорил старик, словно сам был виноват перед Натальей, — Баба там по тебе соскучилась... Затекалась баба, што, да чево там ты... Ну, как живешь-можешь?

Наталья [*оправившись*] **оправились** от безотчетного смущения.

— Спасибочка... — и запнулась, хотела назвать батей, смутившись [*попр*] докончила, — ... Пантелей Прокофич.

— Што-**[же]** **ж** не [*приде*] наведаешься к нам?

— По хозяйству... работаю.

— Гришка наш, эх... — старик горько закрутил головой — Подковал он нас стерьвец! [*То б*] Как ладно зажили было-к...

— Што-ж, батя... — высоким рвущимся голосом зазвенела Наталья, — не судьба, видать.

— Пантелей Прокофьевич [*приметив залившие*] **растерянно** засуетился¹ глянув [*на*] в глаза Натальи налитые слезами. Губы [*Натальи*] **ее** [*поводило*] **сводило**, [*слово и*] усилие держало слезы.

— Прощай, милушка... Ты не горюй по нем, по сукину сыну. Он ногтя твоего не стоит. Он, может, ишо вернется. Гребтится мне повидать ево... Уж я доберусь.

Наталья пошла вобрав голову в плечи, как побитая. Пантелей Прокофьевич долго топтался на одном месте, будто сразу хотел перейти на рысь. Наталья заворачивая за угол оглянулась: свекор хромал по площади с силой налегая на костыль.

17.

У Штокмана стали собираться реже². Подходила весна, хуторцы готовились к весенней работе, лишь с мельницы приходили Валет с Давыдкой и машинист Иван Алексеевич. [*Перед Пасхой*] [*на*] в страстной четверг перед вечером собрались в мастерской. Штокман сидел на верстаке подчищая напилком сделанное из серебряного полтинника кольцо. В окно [*протискивался*] **ложились вязанка** [*луч*] **лучей** закатного солнца, розовый с желтизной лежал на полу пыльный [*квадратный*] **квадрат**³. Иван Алексеевич крутил в пальцах клещи-кусачки, [*говорил*]:

— Надысь был у хозяина, ходил [*потолковать*] **толковать** о поршне.||

<Л. 33. об.>

64.

Надо в Миллерово везть, там [*дадут*] **дадут** ему рахунку, а мы што-же можем поделать? Трещина образовалась вот **какая**, — неизвестно кому показал Иван Алексеевич⁴ на мизинце размер трещины.

¹ ППС: «засуетился [*приметив залившие*] **растерянно**».

² ППС: «реже стали собираться».

³ ППС: «[*квадратный*] **квадрат** пыльный».

⁴ ППС: «Иван Алексеевич неизвестно кому показал».

— Там ведь завод кажется есть? — спросил Штокман двигая напилком, сея вокруг пальца тончайшую серебряную пыль.

— Мартеновский. Мне припало в прошлом году побывать

— [Много] Много рабочих?

— До чорта. Сотни четыре.

— Ну, как они? — Штокман работая [рукой] встряхивал головой и слова падали раздельно, как у зайки.

— Им-то житье. Это тебе не пролетарьи, а так... Навоз.

— [К] Почему-ж это? — поинтересовался Валет сидя рядом с Штокманом, скрестив под коленями куценькие обрубковатые пальцы.

— Давыдка-вальцовщик седой от мучной пыли, набившейся в волосы, ходил по мастерской [шурша] разбрызгивая чириками шуршашую пену стружек, с улыбкой прислушиваясь к сухому пахучему шелесту. Казалось ему что идет он по баераку занесенному багряным листопадом и листья мягко поддаваясь ноге [пахнут] наливают легкие сосновым смолистым духом.

— А потому это, што все они зажиточные. [к]Каждый имеет¹ свой [домок] домик, свою бабу со всяким удовольствием. А тут к тому [еще] ишо половина из-них² [баптистов] баптисты. Сам хозяин — проповедник у них, ну и рука руку моет, а на обоих грязи мотыкой не соскребешь.

— Иван Алексев, какие это баптисты? — остановился Давыдка уловив незнакомое слово.

— Баптисты-то? По своему в бога веруют. [Каждый ить дурак] **Навроде полипонов**

— Каждый дурак по своему с ума сходит. — добавил Валет.

— Ну, так вот прихожу я к Сергею Платонычу, — продолжал Иван Алексеевич начатый рассказ, — у нево Атепин-цаца сидит. Погоди, — говорят, — в прихожей. Сел, дожидаясь. **Скрозь дверей** Слышу разговор ихний. Сам расписывает Атепину, мол очень скоро должна пройзайтить война с немцами, вычитал из [газ] книжки, и цаца, знаешь как он гутарит? «Конечно — гутарит, — я с вами не согласный насчет войны». — Иван Алексеев так похоже передразнил Атепина, что Давыдка округлив рот пустил [длинный] короткий смешок, но глянув на язвительную мину Валета смолк.

— [Но] [е]Война с Россией не может быть, потому [што] цто Германия [пользуется] правдается нашим хлебом. — продолжал Иван Алексеевич пересказ [слов] слышанного разговора.

— Тут вступается ишо один, по голосу не спознал, а посля оказалось — пана Листницкова сын, офицер. «Война — дескать, будет промеж Германии и Франции за виноградные поля, а мы тут не при чем». Ты, Осип Давыдыч как думаешь? — обратился Иван [Алексеев] **Алексеевич** к Штокману.

— Я предсказывать не умею, — уклончиво ответил тот на вытянутой руке сосредоточенно рассматривая отделанное кольцо.||

¹ ППС: «Имеет [к]Каждый».

² ППС: «из них половина».

<Л. 34>

65.

— Задерутся они — быть и нам там. Хошь не хошь, а придется. За волосы притянут. — рассуждал Валет.

— Тут, ребятки вот какое дело, — заговорил Штокман мягко освобождая ку-сачки из пальцев Ивана Алексеева.

Говорил он серьезно, как видно собираясь основательно растолковать. Валет удобнее подхватил сползавшие с верстака ноги, на лице Давыдки округлились губы не прикрывая влажную кипень плотных зубов.

Штокман с присущей ему ясностью сжато [об] в твердых словно заученных фразах обрисовал борьбу капиталистических государств за рынки и колонии. В конце его возмущенно перебил Иван Алексеев.

— Погоди! А мы-то тут при чем?..

— У тебя и у других таких-же головы будут болеть с чужого похмелья. — улыбнулся Штокман.

— Ты не будь дитем, — язвил Валет, — старая поговорка: паны дерутся, а у холопов чубы трясутся.

— Угу-м — [насупонился] **насупился** Иван Алексеев разжевывая какую-то громоздкую неподатливую глыбу мыслей.

— Листницкий этот чево прибивается к [хозяину] **Моховым**? Не за дочьерью ево топчет? — спросил Давыдка.

— Там уж коршуновский потомок топтался... — злословил Валет.

— Слышишь, Иван Алексеев? Офицер чего [там] там нюхает? Иван Алексеев встрепенулся, как кнутом его кто под коленки жиганул.

— А? Кто гуторишь?

— Задремал, дядя!.. Про Листницкова разговор.

— На станцию едет. Да, ишо новостишка: оттель выхожу — на крыльце кто-бы вы думали? Гришка Мелехов. Стоит с кнутиком. Спрашиваю, «ты чево тут, Григорий?» — «Листницкого пана везу на Миллеровскую».

— Он у них в кучерах. — вступился Давыдка.

— С панского стола объедки схватывает.

— Ты, Валет, как [добрый] цепной кобель¹, любого обрешешь.

Разговор на минуту смолк. Иван Алексеев поднялся итти.

— Ты не к стоянию спешишь? — съехидничал напоследок² Валет.

— Мне кажин день стояние.

Штокман проводил [из] всегдашних гостей и замкнув мастерскую пошел в дом.

В ночь под Пасху небо затянуло темногрудыми тучами³ накрапывал дождь. Отсыревшая темнота придавила хутор. На Дону [тронулся лед] уже в сумерках с протяжным перекастистым стоном хряпнул лед и первая с **шорохом** вылезла из воды, сжатая [массивной] **массивом поломанного** льда крыга. Лед разом взло-

¹ ППС: «кобель цепной».

² ППС: «напоследок съехидничал».

³ ППС: «тучами темногрудыми».

мало на протяжении четырех верст, до первого от хутора колена. Пошел стор, [и]Под мерные удары церковного колокола, отбивавшего «двенадцать евангелий», на Дону сотрясая берега||

<Л. 34 об.>

66.

крушились сталкиваясь ледяные поля. У колена, там где Дон горбятясь заворачивает влево образовался затор. Гул и **скрежет** налезавших крыг доносило до хутора. В церковной ограде, испещренной блестками талых лужиц, [топтались] **гуртовались** парни. Из церкви через распахнутые двери на паперть с паперти в ограду сползали гулкие звуки чтения, [сквозь] в [решетчатые] **решетчатых** [окна] **окнах** праздничный и отрадный переливался свет, а в ограде, парни щупали тихонько повизгивавших девок, целовались и вполголоса рассказывали похабные истории.

В церковной караулке толпились казаки приехавшие к светлому богослужению [из] с ближних и дальних хуторов. Сморенные усталю и духотой, висевшей в караулке, люди спали на лавках и под подоконниками на полу.

На поломанных порожках курили, переговаривались о погоде и озимых.

— Ваши хуторные [кады] как на [поле] поля выедут?

— На хоминой тронутся, должно.

— То-то добришша, у вас ить тат песчаная степь.

— Супесь, по энту сторону лóга — солончаки.

— Теперича земля напигает.

— Прошлый год мы пахали, земля как хрящ, до без конца-краю клёкая.

— Дуньк[я]а, ты иде? — тоненьким голоском пищало пищало внизу у крыльца караулки.

А [от] у церковной калитки чей-то сиплый грубый голосина бубнил:

— Нашли иде целоваться, ах вы... брысь отседа, пакостники! Приспичило вам, ядрена мать.

— Тебе пары нету? Иди нашу сучку целуй. — резонил из темноты молодой ломкий голос.

— Су-у-учку? А вот я¹ [тибе] тебе...

— Вязкий топот перебирающих в [темноте] беге ног, порсканье и шелест девчых юбок.

— С крыши стеклянная звень падающей капли и снова тот-же медленный, тянкий как черноземная грязь, голос.

— Запашник нады торговал у Прохора, давал ему двенадцать цалковых — угинается. Энтот не [продешевить] **продешевит**...

На Дону плавный шелест, шорох, хруст. Будто вниз **над хутором** идет принаряженная, **мощная** ростом с тополь баба, [ше] шелестя невиданно большим подолом.

В полночь, когда закрутела кисельная чернота к ограде верхом на незаседланном коне подъехал Митька Коршунов. Слез, [закинул к] привязал к гриве

¹ ППС: «я вот».

повод уздечки и хлопнул горячившуюся лошадь ладонью. Постоял прислушиваясь к чваканью копыт и оправляя пояс пошел в ограду. На паперти снял папаху, согнул в поклоне [*неровный*] **неровной** [*круж*] скобкой подбриту ю [*шею*] **голову** и расталкивая баб протискался к алтарю. По левую сторону черным табуном густились казаки, по правую цвела лазоревая смесь бабьих нарядов. Митька разыскал глазами стоявшего в первом ряду||

<Л. 35>

67.

отца и подошел к нему. Перехватил у локтя руку Мирона Григорьевича, поднимавшуюся в крестном знамении, шепнул в заволосатевшее ухо.

— Батя, выдь на час.

Пробираясь сквозь сплошную завесу различных запахов Митька дрожал ноздрями: валял с ног [*зап*] чад горящего воска, смрад разопревших в поте бабьих тел, [*вонь*] **могильная вонь** слежалых нарядов, тех, которые вынимаются из под испода сундуков только на Рождество да на Пасху. Разило мокрой обувной кожей, нафталином, выделениями говельщицких изголодавшихся желудков.

На паперти Митька грудью прижимаясь к отцову плечу сказал:

— Наталья помирает.

18.¹

Григорий вернулся со станции, куда отвозил Евгения, на вербное воскресенье. Оттепель съела снег, дорога испортилась в каких-нибудь два дня.

В Ольховом-рогу — хохлачьей слободе в 25 верстах от станции — переправляясь через речку едва не утопил лошадей. В слободу приехал перед вечером, за прошедшую ночь лед поломало, пронесло и речка, пополняемая коричневыми потоками талой воды, пухла, пенилась подступая к улочкам. Постоялый двор, где останавливались кормить лошадей по дороге на станцию, был на той стороне За ночь могло еще больше прибыть воды и Григорий решил переправиться².

Подъехали к тому месту, где сутки назад переезжали по льду. [*Коричневая*] [*Выступавшая*] **Вывалившаяся** из берегов речка гнала по раздвинувшемуся руслу грязные воды, легко кружила на середине отрезок плетня и половинку колесного обода. На оголенном от снега песке виднелись протертые санными полозьями свежие следы. Григорий остановил потных, с шмотьями мыла между ног лошадей и соскочил с саней рассмотреть следы. Свежий след подреза прорезали [*тонкую*] **тонкие** полоски. У воды след слегка заворачивал влево и тонул в воде. Григорий смерял расстояние взглядом: двадцать сажней самое [*большое*] **большее**. Подошел к лошадям проверить запряжку, в это время из крайнего двора вышел [*к*] направляясь к нему пожилой в лисьем треухе хохол.

— Ездют тут? — спросил Григорий махая вожжами на коричневый перекипающий поток.

— Та ездют. Ноне утром пройхалы.

¹ На левом поле против начала главы простым карандашом написано: «Тоскующий след».

² ППС: «и Григорий решил переправиться. За ночь могло еще больше прибыть воды».

— Глубоко?

— Ни. В сани мабуть зальється.

Григорий подобрал вожжи и готовя кнут толкнул лошадей коротким повелительным — Но!..

Лошади храпя и нюхая воду [пошли] вошли нехотя.

— Но! — свистнул Григорий кнутом, привставая на козлах.

Гнедой широкозадый конь, левый в запряжке мотнул||

<Л. 35 об.>

68.

головой — была не была! — и рывком натянул постромки. Григорий искоса глянул под ноги — вода клехтала у грядущки саней, [з] лошадям **сначала** по колено, потом сразу **по пузо, Григорий хотел поверн. обратно [будто] но лошади сорвались** и всхрапнув поплыли. [Григорий] с цокающим сердцем [почувствовал] **Григорий увидел**, как задок саней занесло поворачивая лошадей головами на течение. Вода переливала через лошадиные спины. Сани колыхало[,] и стремительно тянуло назад¹.

— Аяй... Ааай, правь!.. — горланил бегая по берегу хохол и зачем-то махал сдернутым с головы лисьим треухом.

Григорий в диком остервенении не переставая улюлюкал, понукая лошадей. [Сани по] Вода курчавилась за **оседавшими** санями мелкими воронками, [нео] [качнувшись Григорий неожиданно] сани резко стукнуло о торчавшую из воды сваю (след унесенного моста) и перевернуло с легкостью диковинной. Охнув Григорий окунулся с головой, [и вы] но вожжи не выпустил. Его тянуло за полы полущубка, за ноги, влекло с мягкой настойчивостью, **пестая**, переворачивая около колыхавшихся саней. Он успел левой рукой ухватиться за полоз и бросив вожжи, задыхаясь, не переводя дух стал перехватывать руками добираясь до барка. Он уже вварил пальцы в окованный конец барка, в этот момент **сопротивлявшийся течению** гнедой с силой резнул его задней ногой в колено. Захлебываясь Григорий перекинулся руками цепляясь за постромку. [Он] [Ему] **Его** [поднимало] рвало от лошадей, разжимало пальцы. Весь в огненных колючках холода он дотянулся до головы гнедого и прямо в расширенные его зрачки вонзила лошадь сумашедший, налитый смертельным ужасом взгляд кровавистых глаз.

[nr] Раза два упускал Григорий² ослизлые ремни поводов, заплывал наперед, хватал, но поводья скользили из пальцев. Как-то схватил и внезапно чиркнул ногами землю.

— Нооо!.. — вытягиваясь [жёлкой весь] метнулся вперед и упал [сбитый] на **пенистой** мели сбитый с ног лошадиной грудью. Лошади подмяв его вихрем вырвали из воды сани и обессиленные, в дымящейся дрожи мокрых спин стали в нескольких шагах.

¹ ППС: «Сани и стремительно тянуло назад, колыхало».

² ППС: «Григорий [nr] раза два упускал».

Не чувствуя боли Григорий¹ вскочил на ноги. Холод **словно** облепил его нестерпимо горячим тестом. Он дрожал больше чем лошади, он чувствовал что на ногах сейчас он так-же слаб, как грудной ребенок.

Опамятовался и [*постави*] перевернув сани на [*полоза*] **полозья** [*и*] согревая лошадей, пустил **их** наметом². В улицу влетел он как в атаке и в первые-же раскрытые ворота [*пустил*] **направил** лошадей не замедляя бега.

Хохол попался радушный. Послал к лошадям сына а сам помог Григорию раздеться и тоном [*не*] абсолютно не допускавшим никаких возражений сказал жене:||

<Л. 36>

69.

— Затопляй пичь!

Григорий отлежался на печи в хозяйских штанах, пока высушилась его одежда, и повечеряв постными щами лег спать.

Выехал он [*в путь*] — ни свет, ни заря. [*Лежала*] **Лежал** впереди путь в сто тридцать верст и дорога́ была каждая минута. Грозила степная дорога: в каждом ярке и балке шумные потоки снеговой воды, черная оголенная дорога резала лошадей. По заморозку-утреннику дотянул до тавричанского участка, лежавшего в четырех верстах от дороги и стал на развилке. Дымились потные лошади, сзади лежал сверкающий на земле след полозьев. Григорий бросил в участке сани, подвязал лошадям хвосты и поехал верхом ведя в поводу вторую лошадь. Утром в вербное воскресенье добрался до Ягодного. Старый пан выслушал подробный рассказ о дороге и пошел глянуть на лошадей.

Сашка [*проважива*] водил их [*воз*] по двору, сердито поглядывал на **их** глубоко ввалившиеся бока [*истомленных лошадей*].

— Как лошади?

— Само собой понятно, — буркнул Сашка не останавливаясь, [*сотрясаясь*] **сотрясая** седую прозелень круглой бороды.

— Не перегнал?

— Нету. [*Гнедому*] **Гнедой** грудь потер хомутом. Пустяковинка.

— Отдыхай. — повел пан рукою в сторону дождавшегося Григория.

Тот пошел в людскую, но отдохнуть пришлось только ночь. На следующий день утром пришел Вениамин в новой сатиновой рубаше, в жирке всегдашней улыбки.

Григорий, к пану. Сейчас-же.

Старик шлепал по залу в валеных туфлях. Григорий раз кашлянул переминаясь с ноги на ногу у дверей зала, в другой; пан поднял голову.

— Тебе чего?

— Веньямин покликнул.

— Ах, да. Иди седлай Жеребца и Крепыша. Скажи, чтоб Лукерья не выносила собакам. На охоту.

¹ ППС: «Григорий не чувствуя боли».

² ППС: «наметом, пустил их согревая лошадей».

Григорий повернулся итти. Пан вернул его окриком.

— Слышишь? Поедешь со мной.

Аксинья сунула в карман Григорьева полушубка пресную пышку, шипя:

— Поисть на дасть, вражина! [*Мордуютъ*] **Мордуют** ево черти... Ты-бы хоть шарф повязал.

— Григорий подвел к палисаднику заседанных лошадей свистом созвал собак. Пан вышел в поддевке синего сукна, подпоясанной наборным ремнем. За плечом висела никелевая с пробковыми стенками фляга, [с] свисая с руки гадюкой волочился сзади витой арапник.

Держа поводья Григорий¹ наблюдал за стариком и удивился легкости, с какой [*старик*] он положил на седло **свое** старое [*свое*] костистое тело.

— За мной держи. — коротко приказал [*старик*] **генерал**, рукой в||

<Л. 36 об.>

70.

перчатке ласково разбирая поводья.

Под Григорием взыграл и пошел боком, по кочетиному неся голову, четырехлеток жеребец. Он был некован на задние и попадая на хрушкий ледок оскользался, приседая надавал на все ноги. Надежно но сутуловато баюкался на широкой спине Крепыша старый пан.

— Мы куда? — ровняясь спросил Григорий.

— К Ольшанскому баераку. — густым басом отозвался пан.

Лошади шли дружно. Жеребец просил поводья и по лебединому изгиная короткую шею косил выпуклым глазом на седока, норовил укусить за колено.

Поднялись на изволок и пан пустил машистой рысью. Собаки бежали раскинувшись сзади Григория короткой цепкой. Черная старая сука бежала касаясь [*горбатым*] **горбатой** мордой кончика лошадиного хвоста. Жеребец приседал горячася хотел щелкнуть задком назойливую суку, но та приотставала и тоскующим **старушечьим** взглядом ловила взгляд [*об*] оглядовавшегося Григория.

До Ольшанского баерака добежали в полчаса. Пан поехал по баерачной хребтине, лохматой от коричневой старюки-бурьяна, Григорий спустился на низ сторожко вглядываясь в промытое водой изъязвленное провалами днище баерака. Он изредка поглядывал на пана. Сквозь [*серую*] **стальную** сизь голого и **редкого** ольшанника видно было четкую как нарисованную, фигуру старика. [*Он*] припадая к луке он привставал на стремянах и на спине синё морщинулась перетянутая казачьим поясом поддевка. Собаки шли по холмистой изволоке, держались кучей. Переезжая крутую промоину Григорий свесился с седла. «Закурить-бы. Ну, зараз пушу повод и достану кiset» — [*думал*] **подумал** он **скинув перчатки** шуруша в кармане бумагой.

— Трави!.. — ружейным выстрелом гукнул за баерачной хребтиной [*бас*] крик.

Григорий вздернул голову: на острогорбый гребень выскочил пан и высоко подняв арапник пустил Крепыша в карьер.

¹ ППС: «Григорий держа поводья».

— Трави!..

Пересекая хлюпкое заросшее кугой и камышаткой днище баерака, скользя и пригинаясь к земле быстро бежал грязно-*[бура]* **бурый**¹ **клочковатый в пахах** невылинявший волк. Перепрыгнув ложок он стал и повернувшись увидел собак. Они шли на него лавой охватывая *[его]* подковой, отрезая от леса, начинавшегося в конце баерака.

Волк *[м]* пружинисто покачиваясь выскочил на кургашек — давнишнюю сурчину и шибко пошел к лесу. Почти навстречу ему **скупыми** бросками двигалась старая сука, сзади доспевал седой высокий кобель, один из лучших и самый злой в гоньбе.

Волк на минуту замялся, словно в нерешительности. Григорий поднимаясь из баерака, кругообразно поводя поводьями, на минуту потерял его из вида, а когда выскочил на бугор — волк мельтешился далеко, **далеко** по *[черному]* **черной** ряднине степи. Сливаясь с землей||

<Л. 37>

71.

плыли в бурьянах черные собаки, а далеко, сбоку, полосуюя Крепыша рукоятью арапника, обскакивал Крутой Яр старый пан.

Волк перебивал к соседнему баераку, близко наседали **охватывали** собаки, и почти над клочьями волчьих пахов висел, отсюда казавшийся Григорию белесым лоскутком, седой кобель Ястреб.

— Тра-а-авиии!.. — доплеснуло до Григория крик.

Он выпустил жеребца во весь мах, тщетно стараясь разглядеть, что происходило впереди, глаза застили слезы, уши забивал режущий свист рассеаемого воздуха. Охота захватила Григория. Припадая к шее жеребца остро взвонявшейся потом, он вихрился в буйной скачке.

Пока доскакал до баерака ни волка ни собак не было. Через минуту его догнал пан. Осадив Крепыша на всем скаку, *[ви]* крикнул:

— Куда пошел?..

— В баерак, должно.

— Обскакивай слева!.. Гони!..

Пан всадил каблуки в бока пляшущей на дыбах лошади и поскакал *[на]* направо. Григорий спускаясь в ложбину натянул поводья², *[и]* гикнув вылетел на ту сторону. Версты полторы торопил взопревшего жеребца плетью и криком. Вязкая не просохшая земля налипала на копыта и ошметками осыпала лицо. Длинный баерак излучисто *[в]* вившийся по бугру повернул вправо, разветвился на три отножины. Григорий пересек поперечную отножину и помчался по покатоному склону³ завидев вдали черную цепку собак гнавших волка по степи. Его как видно отбили от сердцевины баерака, особенно густо заросшей дубом и ольхами.

¹ ППС: «бурый-грязно».

² ППС: «натянул поводья спускаясь в ложбину».

³ ППС: «по покатоному склону помчался».

Там где сердцевина кололась на три отнoжинy и баерак покато стекал¹ тремя исчерна сизыми² рукавами волк вышел на чистое и выгадав с сотню сажень шел машисто под гору, в суходол сплошь залохматевший давнишней одичалой зарослью бурьяна и сухого татарника. Григорий привставая на стременах следил за ним, рукавом вытирал слезы мочившие нахлестанные ветром веки [глаз]. Мельком взглянув влево он угадал свою землю. Жирным косым квадратом лежала деляна та, что осенью пахал он с Натальей. Григорий направил жеребца нарочно через пахату и за те несколько минут, в которые жеребец спотыкаясь и качаясь [пересек] **пересекал** пахату в сердце Григория стыл **пепелился** охвативший его охотничий пыл. Он уже равнодушно понукал тяжело скакавшего Жеребца и проследив за паном, — не оглядываются-ли? — перешел на куцый намет.

Вдали у Красного Лога виднелся **пустой** стан пахарей. В стороне на свежей отливавшей [бархате] **бархатом**³ пахате ползли три пары быков, тянувших плуг. «Наши хуторные. Чья это земля? Да никак Аникушкина» [ду] скользил Григорий||

<Л. 37 об.>

72.

[гла] прищуренными глазами угадывая быков и ходившего за плугом человека.

— Взья-а-а-ать!..

Григорий увидел, как двое **казаков** бросив плуг бежали наперерез волку, норовившему прорваться к логу. Один рослый, в казачьей краснооколой фуражке с спущенным под подбородок ремешком, махал железной выдернутой из ярма занозой. И тут-то волк сел, опустив зад в глубокую борозду. Седой кобель Ястреб с разлета перелетел через него и упал подогнув передние ноги; старая сука пытаясь остановиться чертила задом бугристую пахату и не удержавшись напоролась на волка. Тот резко мотнул головой, сука пластом зарикошетила в сторону. Черный громадный клуб насевших на волка собак качаясь проплыл по пахате [ша] сажня два и покатился шаром. Григорий подскакал на полминуты вперед пана. Прыгнул с седла[,] [как на ученьи осушил затекшие ноги и подбежав ногами попробовал отогнать [рычащий, воющий катающийся клуб] собак.] и [У]упал на колени, относя за спину руку с охотничьим ножом.

— Вот он... Исподний!.. В глотку!.. — знакомым запыхавшимся голосом крикнул подбежавший казак с занозой. Он **сопя** прилег рядом с Григорием и [пятернёй] на четверть оттягивая [шер] кожу на шее взгрызавшегося в [вольчьо] **волчье** [глотку] брюхо кобеля **пятернёй** стреножил волку передние ноги. Григорий [коро] [нащупав] **нащупал** твердую трубку горла под вздыбленной двигающейся под рукой **жесткою** шерстью и коротко дернул ножом.

— Собак!.. Со-о-обак... Гони... — хрипел паралично посиневший пан падая с седла на мякоть пахаты.

Григорий с трудом отогнал собак и оглянулся на пана.

¹ ППС: «стекал покато».

² ППС: «сизыми исчерна».

³ ППС: «[бархата] бархатом отливавшей свежей».

Поодаль от него в сторонке стоял Степан Астахов в фуражке с приспущенным на подбородок лакированным ремешком. Он вертел в руках железную занозу, дрожал **посеревшей** нижней челюстью и бровями.

— Ты откуда, молодец? — обратился к Степану пан, — с какого хутора?

— С Татарскова. — переждав время отозвался Степан и сделал шаг в сторону Григория.

— Чей?

— Астахов.

— Вот что, любезный, ты когда едешь домой?

— Ноне на ночь.

— Привези нам эту тушку¹, — указал пан ногою на волка в агонии поднимавшего кверху выпрямленную заднюю ногу с бурым свалывшимся клоком шерсти на лодыжке.

— Можно.

— [*Трюшницу зарабатываешь.*] **Что стоит заплачу.**

Пан вытирая шарфом пот с багрового лица отошел в сторону и скособочился снимая с плеча узкий ремешок прикрепленный к фляге. Григорий подошел к||

<Л. 38>

73.

Жеребцу, ставя ногу в стремя оглянулся: Степан шел к нему плотно прижав к груди [*крупные*] **тяжелые** руки².

19.

У соседки Коршуновых Пелагеи [*Майданниковой*] в [*четверг*] [*пятницу*] [*четверг*] **пятницу** собрались бабы на посиделки. Гаврила Майданников — муж Пелагеи писал из Лодзи, сулился прийти в отпуск к Пасхе. Пелагея [*но*] выбелила стены и прибрала в хате еще в понедельник, а с четверга [*то*] ждала, выглядывала за ворота, подолгу стояла простоволосая и худая с **лицом покрытым плитами матежин**, прикрыв глаза ладонью всматривалась не едет-ли случаем? Ходила она на сносях, но законно, в прошлом году осенью приезжал Гаврила из полка, привез жене польского ситцу, прогостил недолго: четыре ночи переночевал с [*же*] [*Пелагеей*] **женой**, на пятые сутки напился, ругался по польски и плача распевал давнишнюю казачью песню о Польше, сложенную еще в 1831 году. [*Сидел*] [*з*]За столом [*с*] **сидели** [*приятелями*] **приятели** и [*братами*] **братья**, [*пришедшими*] **пришедшие** проводить **служивого**, глотали водку, до [*обедали*] **обеда** пели:

Говорили про Польшу, што богатая,
А мы разузнали — голь проклятая!
У этой у Польши — корчемка стоит,
Корчма польская, королевская.
У этой корчемки три их молодца пьют,

¹ ППС: «тушку эту».

² ППС: «руки [*крупные*] **тяжелые**».

Пруссак да поляк, да млад донской казак.
 Пруссак водку пьет — монеты кладет,
 Поляк водку пьет — червонцы кладет,
 Казак водку пьет — ничево не кладет;
 Он по корчме ходит, шпорами гремит,
 Шпорами гремит — шинкарку манит:
 «— Шинкарочка-душечка, поедем со мной,
 Поедем со мной к нам на Тихий Дон,
 У нас на Дону, да не по вашему живут[.]:
 Не ткнут, не прядут, не сеют, не жнут,
 Не сеют не жнут, да чисто ходют!»

А с [обеду] **обеда** распрошлся **Гаврила** с семьей и уехал. С того [времени] **дня** и стала Пелагея на подол рубахи заглядывать. Наталье Коршуновой так она объясняла причину беременности:

— Перед тем, как притить Гаврюше видела я, мѝлушка, сон: кубыть иду я по займищу, а по перѝди [мине] **меня** наша старая корова, какую мы летось на Спас продали. [Идет] **Идет** она, а из [сосков] **сисков** молоко [вилюжить] **вилюжит** дорогу... Господи, — думаю, — как-же эта я [ие] **ее** так доила?» [расс] После этого приходит ко мне бабка Дроздыха за накваской, [я ей] загутарили, я ей и расскажи сон. А она, — «отнеси, — грить, — на коровий баз кусочек воску, отломи от свечки, скатай в шарик и отнеси, в коровий свежий помет закопай, а то беда под окном [дожидаеть] [**караулить**] {**караулит**}». Кинулась я, а свечки-то нету **была одна** — ребята покатали [весь], тарантулов из норь выманували [штоль] **штоли**. Тут пришел Гаврюша — вот она и беда — до этого [шесть лет] **три года** рубахи сымала, а теперича ишь, тыкала Пелагея **пальцем** в вздувшийся живот...¹

[Пелагея] дожидаясь мужа **она** горюнилась, скучала без людей, поэтому в [четверг] **пятницу** созвала баб-соседок, время разделить.||

<Л. 38 об.>

74.

Пришла и Наталья с недовязанным крючковым чулком. (Заходила весна — сильней зяб дед Гришака). Она была оживлена, чаще чем нужно смеялась чужим шуткам, просто ей не хотелось показать бабам, что ее берет тоска по мужу, бросившему ее.

Пелагея свесив с печки босые в фиолетовых прожилках ноги подтрунивала над молодой занозистой бабенкой Фросей.

— Ты как-же, Фроска, [мужа] свою казака избила?

— Не знаешь как? По спине, по голове, по чем пришлось.

— Я не про то, как у вас завелось[!]?

— Так и завелось. — нехотя отвечала та.

— Ты-б свою прихватила с чужой, аль смолчала-б? — Медленно расставляя слова спросила длинная жердястая **баба** сноха Кашулина Матвея.

¹ ППС: «тыкала Пелагея **пальцем** в вздувшийся живот, — до этого [шесть лет] **три года** рубахи сымала, а теперича ишь...»

- Расскажи, Фросинья.
- Нечево уж... Нашла о чем гутарить.
- Не кобенься, туточки свои.

Фрося выплевывая в руку подсолнечную лузгу улыбнулась.

— [М] Я давно за ним примечала, а тут переказывают мне, мол твой на мельнице с задонской какой-то мирошничает. Я туды, они возля просорушки...

— Што-ж, Наталя про мужа не слыхать? — перебила [Фросю] Кашулинская сноха.

— Нет.

— Думаешь жить с ним, нет-ли?

— Она может и думала-б, ды он об ней не понимает — вмешалась хозяйка.

Наталя чувствовала, что кровь горячая до слез плещет ей в лицо¹. Она склонила голову над чулком, исподлобья быстро глянула на баб и видя, что на нее смотрят, сознавая что краски стыда не скрыть от них **намеренно, но** неловко, [ур] так что это заметили все², уронила с колен клубок и нагнулась шаря пальцами по холодному полу.

— Наплюй на нево, [бабонья] **бабонья!** Была-бы шея, а ярмо будет. Деланное оживление³ Натальи потухло искрой на ветру. Бабы перекинулись в разговоре на последние сплетни, на пересуды, Наталя не вмешивалась в разговор. Она с трудом высидела до конца и ушла тая в душе неоформленное решение. Этот стыд за свое неопределенное положение, (она все не верила, что Григорий ушел навсегда и прощая ему все, ждала [чего-то]) толкнул ее [на] к следующему поступку: решила послать потихоньку от отца в Ягодное к Григорию [Пелагею]; что-бы узнать [наво все] **совсем** ушел [Григорий] **он** и не одумался-ли.

Пришла она от Пелагеи поздно. Дед Гришака сидел в горенке, читал [затрепанную] **затрепанное** [в] [закапанном] **закапанное** воском [пере] в кожаном переплете евангелие. Мирон Григорьевич в кухне довязывал к вентеру крыло, слушал рассказ Михея о каком-то давнишнем убийстве. Мать Натальи уложив детей спала на печке протянув к дверям черные подошвы ног. Наталя разделась и бесцельно прошлась по комнатам. В зале в угле отгороженном доскою [леж] ворох [ссыпанного] **оставленного** на посев коноплянного семени⁴ и мышинный писк.||

<Л. 39>

75.

Наталя на минуту задержалась в дедовой горнице. Постояла у угольника ту-по глядя на стопку **церковных** книг, сложенных под образами.

- Дедуня, у [тибе] **тебя** бумага есть?
- Какая бумага? — собрал дед на лбу связку морщин.
- На какой [пишуть] **пишут**.

¹ ППС: «плещет ей в лицо до слез горячая».

² ППС: «все заметили».

³ ППС: «Оживление деланное».

⁴ ППС: «коноплянного **оставленного** на посев семени».

Дед Гришака порылся в псалтире и вынул смятый листок, провонявший канунным медом и ладаном.

— А карандаш?

— У отца спроси. Иди, касатка, не [*мешайси*] **мешайся**.

Наталья добыла у отца карандашный огрызок. Села за стол мучительно пере-думывая давно продуманное нацарапанное сердце. Утром она снарядила [*с письмом*] Гетька {*с письмом*} в Ягодное¹ посулив ему водки, [*с письмом*].

«Григорий Пантелевич, пропиши мне, как мне жить и навовсе или нет потерянная моя жизнь? Ты ушел из дому и не сказал мне ни одново словца. Я тебе ни чем не оскобила и я ждала, што ты мне развяжешь руки и скажешь, што ты ушел навовсе, а ты [*не говоришь и*] отроился от хутора. [*Я живу у своих*] Думала, [*што ты*] с горяча ушел и ждала што вернешься. Но я разлучать вас не хочу. Пушай лучше одна я в землю затоптанная, чем двое. Пожалей напоследок и пропиши. Узнаю, буду одно думать, [*и устраивать свою жизнью*] а то я стою посередь до-роги. Ты, Гриша не серчай на mine, ради Христа.

Наталья».

Гетько хмурый в предчувствии близкого запоя увел на гумно лошадь и украдкой от Мирона Григорьевича обратав ее поехал охлюпкой. Сидел он² на лошади той присущей не казакам неловкой посадкой, болтал на рыси рватыми [*на*] лок-тями и провожаемый назойливыми криками игравшихся на проулке казачат, ехал шибкой трюпкой.

— Хохол! Хохол!

— Хохол-мазница!

— Упадешь! — кричали вслед ему ребятишки.

Вернулся с ответом он после обеда. Привез синий клочек оберточной сахар-ной бумаги и вынимая его из-за пазухи подмигнул Наталье.

— Дорога невозможна! [*т*]Така тряска, шо уси печенки поотбыв.

На бумажке [*три*] **четыре** расплывчатых слова: «Живи одна. Мелехов Григо-рий».

Наталья прочла и посерела; в четыре приема вошло в сердце зубчато-острое, раздиравшее какую-то ткань. Ровно оборвалось что. Она [*слег*] торопясь, словно не надеясь на [*себ*] [*свои*] [*силы*] **силу ног**, ушла со двора и легла на кровать. Лу-кинишна на ночь затопляла печь, что-бы пораньше отстряпаться и выпечь пасхи.

— Наташка, иди пособи. — звала из кухни.

— [*За*] Голова болит, маманя. Я чудок полежу.

Лукинишна высунула в дверь раскрытую голову.

— Ты-ба рассолу. А? Дó разу очунеешься.

Наталья сухим языком коснулась холодных губ, промолчала.||

<Л. 39 об.>

76.

¹ ППС: «в Ягодное [*с письмом*] Гетька {*с письмом*}».

² ППС: «Он сидел».

До вечера она лежала с головой укрывшись теплым пуховым платком. Легкий озноб сотрясал ее согнутое калачиком тело. Мирон Григорьевич с дедом Гришкой уже собрались итти в церковь, когда она встала и вышла в кухню. На висках ее гладко причесанных черных волос глянцеви тел пот, масляной нездоровой поволокой задернулись глаза. Мирон Григорьевич, застегая на **ширинке** широких [шароварах] **шаровар** длинный ряд пуговиц, скоился на дочь.

— Приспичило тебе, дочушка хворать. Пойдем [в церкву] к светлой заутренни.

— Идите я посля приду.

— К шапошному разбору?

— Нет. Я оденусь... Мне вот одеться и я пойду.

Казаки ушли, в доме осталась Лукинишна и Наталья. **Вялая** Она [до] [вяло] переходила от сундука к кровати, невидящими глазами оглядывала взвороченный в сундуке ворох нарядов. Мучительно что-то [обдумывая] **обдумывала**, шепча губами. Лукинишна подумала, что Наталья колеблется в выборе наряда и с материнским великодушием предложила.

— Надевай, милая мою синюю юбку. Она тебе теперича как раз будет.

Наталье не сшили к Пасхе обнову и мать вспомнив, как она еще в девках любила по праздникам надевать ее синюю узкую в подоле юбку, [нр] сама навязалась с своим [добрым] **добром** думая, что Наталья загоревалась над выбором.

— Наденешь, што-ль? Я достану.

— Нет. Я в этой пойду, — бережно вытащила **Наталья** из вороха зеленую свою юбку и вдруг вспомнила, что в этой юбке была она, когда Григорий женихом приезжал¹ её проведать; под прохладным навесом сарая в первый раз пристыдил ее летучим поцелуем, и затряслась в подступившем рыдании, грудью [падая] наваливаясь на поднятую ребром крышку сундука.

— Ты чево? — удивленно всплеснула руками мать.

Наталья задушила просившийся наружу крик и осилив себя засмеялась скрипучим деревянным смехом.

— Штой-то нашло ноне на мене.

— Ох, Наташка, примечаю я...

— И чево вы, маманя примечаете? — с неожиданной злобой крикнула Наталья комкая в пальцах зеленую юбку.

— Не сдобруешь ты, гляжу... Замуж надо.

— Будя! Побыла[.]!

Наталья [вышла] **вошла** в свою горницу одеваться и через короткий промежуток времени снова пришла в кухню уже одетая, тонкая по девичьи, иссиня бледная в прозрачной синеве невеселого румянца.

— Иди одна, я ишо не управилась. — сказала мать.

Наталья сунув за обшлаг рукава утирку вышла на крыльцо.

От Дона наносил ветер шорох плывущего льда и пресный живительный запах талой сырости.

¹ ППС: «приезжал женихом».

Наталья левой рукой придерживая подол юбки, обходя перламутровую синь раскинутых по улице лужиц дошла до церкви. Дорогой пыталась вернуть себе прежнее уравновешенное||

<Л. 40>

77.

состояние духа, думала о празднике, обо всем отрывочно и туманно, но мысль упрямо возвращалась к синему клочку оберточной бумаги спрятанному на груди, к Григорию и к той, счастливой, [какая] которая над ней теперь снисходительно смеется и быть-может даже жалеет...

Она вошла в ограду. [На] Ей [загородила] загородили дорогу [кучка] [парней] парни. Обходя их Наталья услышала:

— Чья это. Ты угадал?

— [Ды] Да это Наташка Коршунова.

— [Семка] У ней, гитарють, кила. От этого ее и муж бросил.

— Брешешь, она с свекром с Пантелеем хромым¹ спуталась.

— Вон што-о-о. Стал-быть Гришка-турок через это и ушел из дому?

— А то через чево-ж, она и зараз...

Наталья спотыкаясь о неровную стилку камней дошла до паперти. Вслед ей вопологося камнем пустили грязное позорное слово. Под хихиканье стоявших на паперти девок, Наталья² прошла в другую калитку и пьяно раскачиваясь побежала домой.

Перевела дух у [калитки] ворот своего двора, вошла путаясь ногами в подоле, кусая распухшие искусанные в кровь губы. В сиреневой кочующей над двором темноте³ чернела приоткрытая дверь сарая. Наталья в одно усилие [собирая] собирала оставшийся комочек сил, добежала до дверей и торопясь шагнула через порог. Сухая прохлада. Запах ременной упряжи и слежалой соломы. [Наталья] Ощупью добралась она⁴ до угла; без мысли, без чувства, в черном хаосе заполнившем душу и мозг, взяла в руки держак косы, сняла с него косу и запрокинув голову с силой [дернула] резнула острием по горлу. От дикой горячей боли Упала, как от удара и чувствуя, смутно понимая, что не доделала начатое — встала на четвереньки, потом на колени; [и] торопясь, (ее пугала заливавшая грудь кровь) обрывая дрожащими пальцами кнопки, зачем-то расстегнула кофточку. Одной рукой отвела каменно тугую неподатливую грудь, другой направила острие косы. На коленях доползла до стены, уперла в нее тупой конец тот, который надевается на держак и заломив над запрокинутой головой руки грудью твердо подалась вперед, вперед... Ясно слышала ощущала капустный хруст разрезаемого тела, внезапный порыв острой боли [электрической волной] полымем [прошел] прошелся от груди до горла и звенящими иглами воткнулся⁵ в [ушах] уши.

¹ ППС: «с Пантелеем хромым свекром».

² ППС: «Наталья, под хихиканье стоявших на паперти девок».

³ ППС: «темноте кочующей над двором».

⁴ ППС: «Она ощупью добралась».

⁵ ППС: «воткнулся иглами звенящими».

В [доме с] курене скрипнула дверь. Лукинишна шупая ногой порожек сходила с крыльца. [В] С [церкви] колокольни размеренные рассыпались удары. На Дону с скрежетом ходили на дыбах саженные крыги. **Радостный, полноводный, освобожденный Дон нес к Азовскому морю ледяную свою неволю.**

20.

Степан подошел к Григорию и ухватясь за стремя, **плотно** прижался [боком] к потному боку жеребца.

— Ну, здорово, Григорий.||

<Л. 40 об.>

78.

— Слава богу.

— Што-ж ты думаешь? А?

— Чево мне думать-то?

— [Украл] **Сманил** чужую жену и пользуешься?

— Пусти стремя.

— Ты не бойсь... Я бить не буду.

— Я не боюсь, ты брось это[.]! — румянея в скулах повысил Григорий голос.

— Нынче я драться с тобой **не буду** не хочу... **Но** Ты, Гришка попомни мое слово, рано аль поздно — убью!

— Слепой сказал — посмотрим.

— Ты крепко попомни это. Обидел ты [мине] **меня**... Выхолостил мою жизнь, как боровка... Видишь вон,.. — Степан протянул руки черными ладонями вверх, — пашу, а сам не знаю на што. Аль мне одному много надо? Я-бы похода и так прозимовал... А [тольки] **только** скука [мине] **меня** убивает... Крепко ты [мине] **меня** обидел, Григорий.

— Ты мне не жалься, не пойму. Сытый голодна не разумеет.

— Это-то так, — согласился Степан, снизу верх глядя Григорию в лицо, и вдруг улыбнулся простой ребячьей улыбкой, расщепляя углы глаз на множество тонких морщин,

— Жалкую я об одном, парень. Дюже жалкую... Помнишь в позапрошлом годе на маслену дрались мы в стенках?

— Это [кады?] **когда?**

— [Ды] **Да** в энтот раз, как постовала убили. Холостые с женатыми дрались, помнишь? Помнишь, как я за тобой гнал? Жидковат ты был, [кугу] **куга** зеленая супротив [мине] **меня**. Я пожалел [тибе] **тебя**, а ежели-б вдарил на бегу — на двое пересек-бы. Ты бег шибко, [напружинилси] **напружинился** весь, ежели б вдарить с потягом по боку, [ты б] не жил-бы ты на свете¹.

— Не горюй, ишо цокнемся как-нибудь.

Степан потер лоб рукой, что-то вспоминая. Пан ведя Крепыша в поводу крикнул Григорию.

¹ ППС: «на свете не жил-бы ты».

— [Домой] Трогай[.]!

Все так-же держась левой рукой за стремя Степан¹ [шел] пошел рядом с Жеребцом. Григорий сторожил каждое его движение. Он сверху видел [каш] русые обвисшие книзу усы Степана, густую щетину давно небритой бороды. На подбородке Степана висел лакированный, во многих местах потрескавшийся ремешок фуражки, лицо его серое от грязи, с косыми полосами — следами стекавшего пота было [строго] смутно и незнакомо. Глядя на него Григорий словно с горы на далекую задернутую дождевой марью, степь глядел. Серая усталая пустота испепеляла Степаново [усталое] лицо. Он не прощаясь отстал. Григорий ехал шагом.

— Погоди-ка ! А как-же... Аксютка, как?

Григорий плетью сбивая с подошвы сапога приставший комочек грязи ответил, приостанавливая лошадь:

— Ничево.

Он оглянулся. Степан стоял широко расставив ноги, перекусывая оскаленными зубами бурьянную былку. Григорию стало его безотчетно жалко, но чувство ревности оттеснило||

<Л. 41>

79.

жалость; поворачиваясь на скрипящей подушке седла крикнул:

— Она об тебе не сохнет, не горюй[.]!

— Привезу вашу добычу, погляжу.

Григорий хлестнул Жеребца плетью между ушей и поскакал не отвечая.

21.

На шестом месяце, когда скрывать беременность было уже нельзя Аксинья призналась Григорию. Она скрывала боясь, что Григорий не поверит в то, что его ребенка носит она под сердцем; желтела от подступавшей временами тоски и боязни, чего-то выжидала. В первые месяцы ее рвало от мясного, но Григорий не замечал этого, а если и замечал, то не зная причины, не придавал особого значения.

Разговор происходил вечером. Аксинья волнуясь сказала и жадно искала в лице Григория перемены, но он отвернув голову к окну досадливо покашливал.

— Што-ж, ты, молчала раньше?

— Я робела, Гриша... Думала, што ты бросишь...

Барабана пальцами по спинке кровати Григорий спросил².

— Скоро?

— На Спасы, думается...

— Степанов?

— Твой.

¹ ППС: «Степан все так-же держась левой рукой за стремя».

² ППС: «Григорий барабана пальцами по спинке кровати спросил».

— Ой-ли?

— Подчитай сам... С порубки это...

— Ты не брешь, Ксюшка. Хучь-бы и от Степана куда-ж теперь денешься? Я по совести спрашиваю.

Аксинья роняя злые слезы сидела на лавке, [шентала] давилась горячим шопотом.

— С ним [чет] сколько годов жила и ничево... Сам подумай... Я не хвораю баба была... Стал-быть от [тибе] тебя понесла, а ты...

Григорий больше об этом не заговаривал. В его отношении к Аксинье [прибавилась] вплелась новая прядка настороженной отчужденности и легкой насмешливой жалости. Аксинья замкнулась в себе не напрашиваясь на ласку. Она за лето подурнела, но [статная] статную [фигура] фигуру ее почти не [испортила] портила беременность: общая полнота [ее] скрадывала округлившийся живот, а исхудавшее лицо красили по новому тепло похорошевшие глаза. Она легко управлялась с работой черной кухарки. В этот год рабочих было меньше, меньше было и стряпни. Дед Сашка [привязался] присох к ней капризной стариковской привязанностью [полюбил и] за то, что с дочериной заботливостью относилась к нему [ухаживала] перестирывала его бельишко, латала рубахи и за столом подсовывала кусок помягче, послаще.

Управившись с лошадьми приносил на кухню воды, [толок] мял картошку [сваре] варившуюся для свиней, услуживал всячески и приплясывая, разводя руками оголял голые десны рта.

— [Ты,] Ты меня пожалела, а я в долгу не останусь. Я||

<Л. 41 об.>

80.

тебе, Аксинья **хоть** из души скляночку выну. Ить я без бабьево догляду пропал. Вша съела[.]! Ты, што понадобится — гукни.

Григорий избавившись от лагерного сбора, по ходатайству Евгения Николаевича, работал на покосе, изредка возил старого пана в станицу, а остальное время ходил с ним на охоту, или ездили за дудаками. Легкая жизнь его [обленила] портила. Он обленился, растолстел и казался старше своих лет. Одно беспокоило его: [предстоявшая] **предстоящая** служба. Не было ни коня, ни справки, а на отца плоха была надежда. Получая за себя и Аксинью жалованье Григорий¹ скупился, отказывал себе даже в табаке, надеясь на сколоченные деньги, не кланяясь отцу, купить коня. Обещался и пан помочь.

Его предположения, что отец ничего не даст вскоре подтвердились. Приехал в конце июня Петро проведать брата, в разговоре сказал, что отец гневается на Григория по-прежнему и как-то заявил, что не будет справлять строевого коня; пусть, дескать, идет в местную команду.

— Ну, это он пушай не балуется. Пойду на службу на своем коне.

— Откель возьмешь? Выпляшешь? — пожеывая ус улыбался Петро.

— Не выпляшу — так выпрошу, а то и украду.

¹ ППС: «Григорий получая за себя и Аксинью жалованье».

— [Воров] [Ты, братуха, не] [Молодца.] **Молодец!**

— На жалованье куплю, — уже серьезно пояснил Григорий.

Петро посидел, расспросил о работе, харчах, жалованье; на все придакивал, жевал обгрызанный окамёлок усины и выведав сказал Григорию на прощанье.

— Думаешь с своей жить?

— С какой своей?

— С этой.

— Покеда думаю, а што?

— Так, с интересу попытал.

Григорий вышел его проводить. Спросил напоследок.

— Как там, дома?

— Петро отвязывая от перила крыльца [повод] лошадь, усмехнулся.

— У [тебе] тебя домов, как у зайца теремов. Ничего, жавем помаленечку. Мать об тебе скучает. А сенов ноне наскребли, три прикладка свершили.

Григорий волнуясь разглядывал старую рыжую кобылицу на которой приехал Петро.

— Не жеребилась?

— Не, брат, яловая оказалась. Гнедая, энта какую у Христони выменяли, оже-ребилась.

— Што привела?

— Жеребца, брат. Там жеребец — цены нету! Высокий на ногах, бабки правильные и в грудях... Хо-рош конь будет.

Григорий вздохнул.

— Скучаю по хутору, Петро. По Дону скучился, тут||

<Л. 42>

81.

воды текучей не увидишь, тошное [земля] место.

— Приезжай проведать. — отрывисто говорил Петро животом наваливаясь на острую хребтину лошади и занося левую ногу.

— Как-нибудь.

— Ну, прощай.

— Путь добрый.

Петро уже выехал со двора и вспомнив закричал стоявшему на крыльце Григорию.

— Наталья-то... беда какая... — Ветер коршуном круживший над двором не донес до Григория конца фразы. Петра с лошастью спеленала шелковая пыль и Григорий не расслышав махнул рукой и пошел к конюшне.

[То, что ж] Сухостойное [ст] было лето. Редко падали дожди и хлеб вызрел рано. Только, что управились с житом — подошел ячмень. Желтел кулигами, ник чупрынистыми колосьями. Четверо пришлых рабочих, нанявшихся поденно, и Григорий выехали косить. Аксинья отстряпалась и [упросилась] **упросила** Григория взять ее с собой.

— Сидела-б дома, нужда што-ль несет? — отговаривал Григорий, но Аксинья стояла на своем и наскоро покрывшись выбежала за ворота догоняя повозку с рабочими.

— То, что ждала Аксинья с тоской и радостным нетерпением; то чего смутно побаивался Григорий случилось на покосе: Аксинья гребла и почувствовав некоторые признаки бросила грабли и легла под нескопненными валами. Схватки начались вскоре. Закусив почерневший язык Аксинья лежала плашмя. Мимо нее объезжая круг покрикивали с косилки на лошадей рабочие. Один молодой еще, с подгнившим носом и частыми желтыми зубами на желтом лице, проезжая кидал Аксинье.

— [Барыня.] Эй, ты, аль припекло [вам] в неподходящее место? Вставай, а то растаешь, подмокнешь[.]!

Григорий только, что сменившийся с косилки подошел к ней.

— Ты чево?

Аксинья кривя одервеневшие губы хрипло сказала.

— Схватывает.

— Говорил не езд, чортова сволочь[.]! Ну, што теперя делать?

— Не ругай-си, Гриша. Ох...Ох... Гриша, запряги. Домой-бы, ну, как я тут?.. Тут ить, казаки... Аааа!.. Застонала Аксинья перехваченная железным обручем боли.

Григорий побежал за пасшейся в логу лошадью. Пока запрет и подъехал Аксинья стояла на четвереньках воткнув голову в ворох пыльного ячменя, выплевывая изо рта исжеванные от муки колючие колосья. Она распухшими чужими глазами непонимающе уставилась в подбежавшего Григория и оскаленными зубами въелась в скомканную завеску, что-бы не слышали рабочие безобразного животного крика.

Григорий ввалил ее в повозку и погнал лошадь к||

<Л. 42 об.>

82.

имению.

— Ой, не гони!.. Ой, смерть!.. Тря-а-аско!.. — кричала Аксинья огрубевшим голосом, катая по днищу повозки всклокоченную голову. Молча стегал Григорий¹ лошадь кнутом, кружил над головой вожжи не оглядываясь назад, откуда валом полз охрипший рвущийся вой. Аксинья сдавив ладонями щеки, дико поводя широко раскрытыми сумасшедшими глазами подпрыгивала на повозке, [которая] [металась] **метавшейся** от края к краю **по** кочковатой ненаезжаной [дороги] **дороге**. Лошадь шла наметом, перед глазами Григория плавно вскидывалась дуга концом прикрывая повисшее в синем небе желтое пушистое облако.

Аксинья на минуту оборвала сплошной поднявшийся до визга вой. [То] Тархтели колеса, глухо колотилась безвольная Аксиньина голова. Григорий [тупо] не сразу воспринял наставшую тишину, опомнившись глянул назад: Аксинья с

¹ ППС: «Григорий молча стегал».

искаженным обезображенным лицом лежала плотно прижав щеку к боковине повозки, зевала ртом, как рыба выброшенная на берег. Со лба ее в запавшие глазницы ручьями тек пот. Григорий приподнял ей голову, подложил свою смятую фуражку.

Скосив глаза Аксинья¹ твердо сказала:

— Я, Гриша, помираю. Ну, все...

Григорий дрогнул. [*потрясенный*] Внезапный холодок дошел до пальцев на потных ногах. Он, — потрясенный, — искал нужное слово и не нашел. С губ, сведенных черствой судорогой сорвалось:

— Брешешь, дура!.. [*Аксютка — ой*] Мотнул головой и перегинаясь сжал неловко подвернувшуюся Аксиньину ногу,

— Аксютка, горлинка...

[*Аксинья*] Боль **потуг** на минуту отпустившая Аксинью вернулась удесятеренно сильная. **Чувствуя как в опустившемся книзу животе что-то рвется**, Аксинья выгинаясь дугой² пронизывала Григория [*короткими*] **сплошным нарастающими**³ [*криками*] **криком**. Григорий безумея от режущего звериного крика гнал лошадей⁴.

— Ыыык.... Гы-ы-ы-ык... — хрипя в потугах мычала Аксинья.

Григорий за грохотом колес едва услышал **тягуче-тонкое**:

— Гри-и-ша.

Он натянул вожжи, повернул голову. Аксинья, вся подплывшая кровью, лежала раскидав руки, между ног ее под заголенной юбкой ворочалось в **красно-белом живое**, писнувшее... Ошалевший Григорий прыгнул с повозки и путанно шагнул к задку. Нагнулся над пышущим жаром ртом Аксиньи и скорее догадался, чем разобрал:

— [*Пуповину пере*] Пу-по-ви-ну [*не-ре-гры-зи*] **пер-гры-зи**... За-вя-жи ниткой от ру-ба-хи.

Григорий прыгающими пальцами выдернул из [*подола*] **рукава** своей бязевой рубахи пучек ниток, зажмурясь перегрыз пуповину и надежно завязал кровоточащий отросток нитками.||

<Л. 43>

83.

22.

Прилипшее к просторному суходолу наростом торчало имя Листницкого Ягодное. [*По*] Меняясь дул ветер то с юга, то севера, [*одинаково*] болтался в [*бе*] [*синеватом*] **синеватой** [*белке*] **белеси** неба солнечный желток; наступая на подол лету листопадом шуршала⁵ осень, зима настигала осень наваливаясь морозами и снегами; а Ягодное **так-же** корежилось в одубелой скуке, и дни проходили

¹ ППС: «Аксинья скосив глаза».

² ППС: «Выгинаясь дугой Аксинья».

³ Правка не завершена, надо «нарастающим».

⁴ ППС: «гнал лошадей от режущего звериного крика».

⁵ ППС: «шуршала листопадом».

перелезая через высокие плетни, отгородившие имение от остального мира, по-хожие, как близнецы.

По двору так-же ходили черные утки-шептуны в красных очкастых ободках¹ вокруг глаз, бисерным дождем рассыпались цесарки, на крыше конюшни утробным кошачьим голосом мяукали крикливо оперенные павлины. Любил старый пан всяческую птицу, даже журавля держал, подстреленного в крыло, и в ноябре дергал он струны [человеческих] **человечьих** сердец медноголосым тоскующим криком, заслыша подоблачный призыв вольных в отлете журавлей. Но лететь не мог. [мертвое] **Мертво** висело перебитое в сгибе крыло², а пан глядя из окошка³, как журавль нагнув голову, **смешно** подпрыгивая, рвется в недоступную синь — смеялся расзевая длинный, под седым навесом усов, рот и басовитый смех табачным облаком плавал, колыхался в пустой белой зале.

Вениамин **так-же высоко** носил [по дому] плюшевую голову, дрожал студенистыми ляжками и целыми днями до одури играл **в передней на сундуке** в подкидного, сам с собой. Так-же ревновал Тихон рябую свою любовницу к Сашке, рабочим, Григорию, [к сам] [даже] к пану, даже к журавлю, которому уделяла Лукерья избыток переливавшейся через края [сильной] нежности; так-же напивался дед Сашка и шел под окна выпрашивать двугривенные.

За все время только и случилось два события, встряхнувшие заплесневелую в сонной одури жизнь: Аксиныны роды, да пропажа племенного гусака. К девочке, которую родила Аксинья, скоро привыкли, а от гусака нашли перья за ливадой в ярке, видно лиса пошкодила, и успокоились.

По утрам пан **просыпаясь** звал Вениамина.

— Видел сны?

— А как-же, такой чудесный сон.

— Рассказывай. — коротко приказывал пан вертя папиросу.

И Вениамин рассказывал. Если сон был неинтересный, или страшный — пан сердился.

— Э, дурак-скотина. Дураку и сны дурацкие снятся[.]!

Приловчился Вениамин придумывать сны веселые и занимательные. Одно мучило его, надо было изобретать. [и] [з]За [день, за два] **несколько дней начал** Вениамин [придумывал] **придумывать**⁴ веселые сны, сидя на сундуке и [та-сую] шлепая по коврику||

<Л. 43 об.>

84.

картами пухлыми и сальными, как щеки игрока. Тупо влипал глазами в одну точку, придумывал, и до того дошел, что **в действительности** совсем перестал сны видеть. Просыпался, [натуживался] **тужился** припоминая, но сзади была чернота; гладко и черно, не то что сна — лица ни одного⁵ не видел.

¹ ППС: «в красных ободках — очкастых вокруг глаз».

² ППС: «крыло перебитое в сгибе висело [мертвое] **Мертво**».

³ ППС: «из окошка глядя».

⁴ ППС: «[придумывал] **придумывать** Вениамин».

⁵ ППС: «ни одного лица».

Выдыхался Вениамин в нехитрых своих выдумках, а пан сердился изловив рассказчика в повторах.

— Ты мне, [ме] пакость, в четверг этот сон про лошадь рассказывал,

— [Чт] Обратно видал, Николай Алексевич. Истинный Христос, в другой раз вижу[.]! — не теряясь врал Вениамин¹.

В декабре Григория с сидельцем вызвали в Вешенскую в станичное правление. Получил сто рублей на коня и извещение, что-бы на второй день рождества выезжать в слободу Меньково на сборный участок.

Григорий вернулся из станицы растерянный; подходило Рождество, а у него [нич] ничего не было готово. На деньги выданные казной и на свои сбережения купил на хуторе Обрывском коня за сто сорок рублей. Ходил покупать с дедом Сашкой, сторговали коня подходящего²: шестилеток, гнедой масти, вислозадый. Был у него один потаённый изъян и дед Сашка кудолча бороду сказал:

— Дешевше не найдешь, а начальство не доглядит. [В] Хисту у них не хватит.

[Купили] Оттуда Григорий ехал на купленном коне верхом, пробовал шаг и рысь.

А за неделю до рождества приехал в Ягодное сам Пантелей Прокофьевич. [Лошадь] Кобылу, запряженную в кошевки, не въезжая во двор привязал к плетню и похромал к людской обдирая сосульки с бороды, лежавшей на воротнике тулупа черным брусом [.] [сосульки]

Григорий растерялся угадав в окно отца. Аксинья зачем-то кинулась к люльке кутая ребенка. Пантелей Прокофьевич влез в комнату напустив холоду, снял трюх и перекрестился на образа обводя стены медленным взглядом.

— Здорóво живете.

— Здравствуй, батя. — вставая с лавки отозвался на приветствие Григорий и шагнув стал среди комнаты.

Пантелей Прокофьевич сунул Григорию мерзлую руку и сел на [краю] край лавки запахивая полы тулупа, обходя взглядом Аксинью, приставшую у люльки.

— [Сбираешься] Сбираешься на службу?

— А то как-же.

Пантелей Прокофьевич замолчал оглядывая Григория испытующе и долго.

— Раздевайсь, батя, назяб ить небось?

— Ничево. Терпится.

— Самовар постановим.

— Спасибочка. — соскабливая ногтем с тулупа давнишнее пятнышко грязи сказал: — Там привез тебе справу. Два шинеля, седло, шаровары... Все там. Поди возьми.||

<Л. 44>

85.

Григорий без шапки вышел и взял с саней два мешка.

¹ ППС: «врал Вениамин не теряясь».

² ППС: «подходящего коня».

— Када [*выезжать*] **выступать**? — любопытствовал Пантелей Прокофьевич вставая.

— На другой день рожества. Што-ж, батя, едешь?

— Поспешаю пораньше вернуться.

Он простился с Григорием и так-же обходя взглядом Аксинью пошел к двери. Уже держась за [*ри*] шеколду **стрельнув глазами в люльку** сказал:

— Мать поклон велела передать, хворает ногами, — и помолчав, натужно, словно тяжелое поднимая, — Поеду [*тибе*] **тебя** провожу до Меньковой. Ты [*готовси*] **готовся**.

Вышел окуная руки в тепло вязеных рукавиц. Бледная от пережитого унижения, Аксинья молчала¹, Григорий ходил **поглядывая на неё** норовя наступать на одну половицу, [*поглядывал на Аксинью*.]

На первый день рождества [*пан*] Григорий возил Листницкого в Вешенскую. Пан отстоял обедню, позавтракал у своей двоюродной сестры-помещицы и велел запрягать. Григорий, не успевший дохлебать миску жирных с свиной шей, встал и пошел в конюшню. [*Приехали*] В легких городских санках ходил серый яблоками орловский рысак Шибай. Григорий повиснув на поводе вывел его из конюшни и торопясь запрег.

— Скажи, што подано. — крикнул выбежавшей на крыльцо дворовой девке.

Пан вышел [*куная*] **окуная** усы в воротник енотовой шубы. Григорий укутал ему ноги и пристегнул волчью обшитую бархатом полсть.

— Погрей его[.]! — **указал пан глазами на рысака**.

Запрокидываясь с козел, в натянутых руках удерживая [*играющие*] **тугую дрожь** [*вожжи*] **вожжей**, Григорий [*Григорий*] опасливо косился на раскаты, помнил, как по первопутку пан за неловкий толчок сунул ему в затылок крепкий не по стариковски кулак. Спустились к мосту и тут, по Дону, Григорий ослабил вожжи, растирая перчаткой охваченные ветровым огнем щеки.

До Ягодного [*добрались*] долетели в два часа. Пан всю дорогу молчал, изредка [*приказывал*] стучал согнутым пальцем Григорию в спину: — Останови. — и делал папиросу поворачиваясь к ветру спиной. Уже спускаясь с горы в имение сказал:

— Рано завтра?

Григорий [*сел*] повернулся боком, **с трудом** [*раздирая*] **разодрал** иззябшие губы [*сказал*]

— Рано. — получилось у него вместо «рано». Затвердевший от холода язык, как-будто распух и цепляясь за **подковку** зубов выговаривал нетвердо².

— Деньги все получил?

— Так точно.

— За жену не беспокойся, будет [*служить*] **жить**. Служи исправно. Дед твой был молодецкий казак. Чтoб и ты... — голос пана зазвучал глуше, он спрятал от ветра лицо в воротник, — Чтoб и ты держал себя достойно своего||

¹ ППС: «Аксинья, бледная от пережитого унижения, молчала».

² ППС: «нетвердо выговаривал»

<Л. 44 об.>

86.

деда и отца. [В] **Ведь это** Отец [это] получил на императорском смотре первый приз за джигитовку?

— Так точно, отец.

— Ну, то-то. — строго, словно грозя кончил пан и навовсе спрятал в шубу лицо.

Григорий с рук на руки передал рысака деду Сашке и пошел в людскую.

— Отец твой приехал. — крикнул тот ему вслед надевая на рысака попону.

Пантелей Прокофьевич сидел за столом доедая стюдень. [Он бы] «Под хмельком» — определил Григорий окидывая [гл] взглядом размякшее [лицо] отцово лицо.

— Приехал?

— Замерз весь, — хлопая руками ответил Григорий и к Аксинье: — развяжи башлык, руки не владают.

— Тебе попало, ветер-то в пику. — двигая в еде ушами и бородой мурчал отец.

На этот раз был он гораздо ласковее, Аксинье коротко по хозяйски приказал: «[Влей щей] Отрежь ишо хлебца, не скупись». Встав из-за стола и отправляясь к двери курить будто невзначай раза два качнул люльку и просунув под положок бороду осведомился:

— Казак?

— Девка. — за Григория отозвалась Аксинья и уловив недовольство, проплывшее по лицу и застрявшее в бороде старика торопясь добавила: — Такая уж писаная, вся в Гришу.

Пантелей Прокофьевич деловито оглядел чернявую головку, торчавшую из-под вороха тряпья и не без гордости удостоверил.

— Наших кровей... Эгм... Ишь ты...

— Ты на чем, батя, приехал?

— В дышлах, на кобыленке¹, [ды] да на Петровом.

— Ехал-бы на одной. Мово-б припрягли.

— Не к чему, пушай порожнем [идеть] идет. А конь справный.

— Видал?

— Чудок поглядел.

Говорили о разных нестоющих вещах волнуемые одним общим. Аксинья не вмешивалась в разговор, сидела на кровати, как в воду опущенная. Каменно набухшие груди распирали ей створки кофты. Она заметно потолстела после родов, обрела новую уверенно счастливую осанку. Легли спать поздно. Прижимаясь к Григорию Аксинья² мочила ему рубаху [соль] рассолом слез и молоком, стекавшим из невысосанных грудей.

— ...Помру с тоски... Как я одна буду?

— Небось. — таким-же шепотом отзывался Григорий.

¹ ППС: «На кобыленке, в дышлах».

² ППС: «Аксинья прижимаясь к Григорию».

— Ночи длинные... дите не [спить] спит... Иссохну об тебе... Вздумай, Гриша — четыре года!

— В старину 25 лет служили, [гутарють] гутарюют.

— **На** Што мне старина...

— Ну, будя[.]!

— Будь она проклята служба твоя, разлучница!

— Приду в отпуск.

— В отпуск, — Эхом стонала Аксинья всхлипывая и||

<Л. 45>

87.

сморкаясь в рубаху, — покуда придешь — в Дону воды много [стекеть] стекет ...

— Не скули... Как дождь осенью, так и ты, одно да добро.

— [Тибе] Тебя б в мою шкуру...

Уснул Григорий перед светом. Аксинья покормила дитя и облокотившись не мигая вглядывалась в мутно черневшие линии Григорьева лица, **прощалась**. Вспомнилась ей та ночь, когда она уговаривала **его** в своей горнице итти на Кубань; так-же, только месяц был, да двор за окном белел затопленный [лу] [светом] **лунным половодьем**¹. Так-же было, а Григорий сейчас и тот, и не тот. Легла за плечи длинная протоптанная днями стежка...

Григорий повернулся на бок, сказал внятно:

На хуторе Ольшанском... — и смолк.

Аксинья пробовала уснуть, но мысли размётывали сон, как [при] ветер копну сена. Она **до света** [думала] **продумала** о этой бессвязной фразе подыскивая к ней отгадку. Пантелей Прокофьевич проснулся **лишь** чуть запенился на обвинвших окнах свет.

— Григорий, вставай, [светает] **светает**[.]!

Аксинья привстав на колени надела юбку и **вдыхая** долго искала спички.

Пока позавтракали и уложились рассвело. Синими переливами играл утренний свет. Четко, **как [врезался] врезанный** в снег **зубчатился** плетень и прикрывая нежную сиреневую дымку неба темнела крыша конюшни.

Пантелей Прокофьевич пошел запрягать[.]. [а] Григорий оторвал от себя испугленно целовавшую его Аксинью и пошел проститься с дедом Сашкой и остальными.

Закутав ребенка Аксинья² вышла его провожать. Григорий коснулся губами влажного лобика дочери и подошел к коню.

— Садись в сани. — крикнул отец трогая лошадей.

— Не, верхом я.

Григорий с рассчитанной медленностью затягивал подпруги, садился на коня и разбирал поводья. Аксинья касаясь пальцами его ноги часто повторяла:

— Гриша, погоди ... Што-то хотела сказать... — и морщилась вспоминая, растерянная, [и] дрожащая.

¹ ППС: «белел затопленный [лу] [светом] лунным половодьем двор за окном».

² ППС: «Аксинья закутав ребенка».

— Ну, прощай. Дитя гляди... Поеду, а то батя вон [*иде*] где уж...

— Погоди, родимый... — левой рукой хватала Аксинья **холодное** стремя правой прижимая завернутого в полу ребенка.

И глядела ненасытно и не было свободной руки, что-бы утереть слезы, падавшие из широко открытых немигающих глаз.

На крыльцо вышел Вениамин.

— Григорий, пан зовет.

Григорий **выругался** взмахнул плетью и поскакал с двора. Аксинья бежала за ним следом застревая в сугробах засыпавших двор, неловко вскидывая обутыми в валенки ногами.

На гребне Григорий догнал отца¹. Крепясь оглянулся: Аксинья стояла у ворот прижимая к груди **закутанного в полу** ребенка. И ветер трепал, **кружил** на [*голове*] плечах ее концы красного шалевого платка.||

<Л. 45 об.>

88.

Григорий поровнялся с санями. Поехали шагом. Пантелей Прокофьевич **повернулся** спиной к лошадям, спросил:

— Значица, [*ты*] не думаешь с женой жить?

— Давнишний [*разгов*] **сказ...** отгутарили...

— Не думаешь, стал-быть?

— Стал-быть так.

— Ты слышал, што она руки на [*собе*] **себя** накладывала?

— Слышал.

— От ково?

— В станицу пана возил, хуторных припало повидать.

— А бог?

— Што-ж, батя, на самом-то деле... Што с возу упало, то пропало.

— Ты мне чертовую не расписывай! Я с тобой по добру гутарю, — озлобясь зачистил Пантелей Прокофьевич.

— У [*мине*] **меня** вон дите, **об чем гутарить?** теперича уж не прилепишься.

— **Ты гляди... не чужова** вскармываешь?²

Григорий побледнел: тронул отец не [*заговившуюся*] **зарубцованную** болячку. За все время, после рождения ребенка, Григорий мучительно вынашивал в себе, таясь перед Аксиньей, перед самим собой, подозрение. По ночам, когда спала Аксинья, он³ часто подходил к люльке, всматривался [*ища*] выискивая в [*розовом*] **розово-смуглом** лице ребенка свое[.], И отходил такой-же неуверенный, как и раньше. [*Черный*] **Темно-русый** был [*и*] Степан, как узнать [*чья*] **чью** кровь гоняет сердце по **голубеющей сетке** [*жилам*] жил [*ребенка*] [*просвечивающим*] **просвечивающей** [*голубой сетью*] под кожей [*ребенка*] {*ребенка*}. Временами ему казалось, что дочь похожа на него, иногда [*каз*] до боли напоминала она

¹ ППС: «Григорий догнал отца на гребне».

² ППС: «Чужова вскармываешь? Ты гляди... не».

³ ППС: «Он по ночам, когда спала Аксинья».

Степана. К ней ничего не чувствовал Григорий, разве только неприязнь за те минуты, которые пережил когда вез **корчившуюся в родах** Аксинью со степи. Раз как-то, (Аксинья стряпала на кухне) вынул [*дитя*] {дочь} из люльки и сменяя мокрую пеленку почувствовал [*щиплющую*] **щиплющее** острое волнение. [*На*] Воровато нагнулся и пожал зубами красный оттопыренный палец на ногу.

Отец безжалостно кольнул в больное и Григорий сложив на луке ладони глухо ответил:

— Чей-бы ни был, а дитя не брошу.

Пантелей Прокофьевич не поворачиваясь махнул на лошадей кнутом.

— Наталья спортилась с тово разу... Голову криво [*держит*] **держит**, будто параликом зашиблена. Жилу нужную перерезала, вот шею-то и кособочит.

Он помолчал. Скрипели полозья кромсая снег, щелкал подковами, засекаясь, Григорьев конь.

— Што-ж она, как? — спросил Григорий с особенным вниманием выковыривая из конской гривы обопревший репей.

— Очунелась никак. Семь месяцев лежала. На троицу во взят доходила. Поп Панкратий соборовал... А послая отошла. С тем поднялась, поднялась и пошла. Косу-то пырнула под сердце, а рука дрогнула, мимо взяла, а то-б садўски[.!]||

<Л. 46>

89.

— Трогай под горку. — махнул Григорий плетью и опережая [*сани*] **отца**, брызгая в **сани** снежными из под копыт ошлепками зарысил привстав на стременах.

— Наталью мы возьмем. — кричал догоняя его Пантелей Прокофьевич, — Не хочет баба у своих жить. [*Нады*] **Надысь** видал ее, кликал, штоб шла к нам.

Григорий не отвечал. До первого хутора [*рысили*] бежали молча и больше Пантелей Прокофьевич разговора об этом не заводил.

За день сделали верст 60. На другие сутки, [*когда*] (в [*слободе*] **домах** уж зажгли огни), приехали в слободу Меньково.

— А в каком квартале Вешенские квартируют? — спросил Пантелей Прокофьевич у первого встречного.

— Держи по большой улице.

На квартире, в которую попали, стояло пять призывников с отцами.

— С каких хуторов? — осведомился Пантелей Прокофьевич [*въез*] заводя лошадей под сарай.

— С Чиру. — густо ответили из темноты.

— А с хутора?

— С Каргина есть, с Наполова, с Лиховидовскова, а вы откель?

— С Кукуя. — засмеялся Григорий расседывая и щупая [*вспотевишую*] **вспотевший** под седлом участок **конской** спины.

На утро станичный атаман Вешенской станицы Дударев привел вешенцев на врачебную комиссию. Григорий увидел хуторных ребят-одногодков. Митька Коршунов на высоком светло-гнедом коне, подседланном новеньким шегольским седлом с богатым нагрудником [*и*] и наборной уздечкой еще утром проска-

кал к колодезю и завидев Григория, стоявшего у ворот, прожег мимо **не здороваясь**, придерживая левой рукой фуражку.

В холодной комнате волостного правления раздевались по очереди. Мимо сновали военные писари и помощник пристава. В коротких **лаковых** сапожках частил мимо адъютант окружного атамана. [и] перстень **его** с красным [камушкой] **камешком** и розовые припухшие белки **красивых** глаз сильнее оттеняли белизну эксельбантов <sic>. Из комнаты просачивался разговор врачей, отрывистые замечания.

— Шестьдесят девять сантиметров.

— Иван Палыч, дайте чернильный карандаш. — близко у двери хрипел похмельный голос.

— Объем груди...

— Да, да. Явно [выраженная] **выраженный** [наследственность] **наследственный**...

— Сифилис, запишите.

— Что ты рукой-то закрываешься? Не девка.

— Сложен-то, как!

— Мда-а-а..!

Григорий раздевался рядом с высоким белесым парнем с хутора Чукаринского.||

<Л. 46 об.>

90.

— Ну, [твой] **наш** черед.

Писарь [выглядывая] **выходя** из дверей морщина [лев] за спиной гимнастерку четко сказал¹

— Панфилов Севастьян, Мелехов Григорий.

— Скорей! — испуганно шепнул сосед Григория краснея и выворачивая чулок.

Григорий вошел неся на спине сыпкие мурашки. Смуглое тело его потемнело и отливало **цветом** [томленным] **томленого** [дубовым] **дуба** [настояем]. Он конфузился глядя на свои ноги поросшие черным густым волосом. В углу на весах стоял голый угловатый парень. Кто-то передвигавший мерку крикнул:

— Четыре-десять. Слезай.

Унизительная процедура осмотра волновала Григория. Седой, в белом, доктор слушал трубкой, другой помоложе отдирали веки глаз и смотрел на язык, третий **в розовых очках**, крутился сзади потирая засученные по локоть руки.

— На весы.

Григорий ступил на рубчатую холодную платформу

— Пять, [пудов] шесть с половиной. — щелкая металлической навеской определил весовщик.

— Что за чорт, не особенно высокий... — замурлыкал седой доктор за руку поворачивая Григория кругом.

¹ ППС: «морщина [лев] за спиной гимнастерку четко сказал [выглядывая] **выходя** из дверей».

— Уди-ви-тель-но. — заикаясь поперхнулся другой помоложе.

— Сколько? — изумленно спросил один, сидевший за столом.

— Пять пудов, шесть с половиной [*фун*] фунтов — ответил седой доктор не опуская вздернутых бровей¹.

— В гвардию? — спросил окружной пристав [*поворачиваясь*] **наклоняясь** черной прилизанной головой к соседу за столом.

— Рожа бандитская... очень дик.

— Послушай, повернись! Что это у тебя на спине? крикнул один из сидевших по ту сторону стола.

Седой доктор мотнул непонятное, а Григорий поворачиваясь к столу спиной ответил с трудом удерживая дрожь рябью покрывавшую все тело:

— С весны простыл. Чиряки это.

— В [*12ый полк*] [*эрмию*] **армию**. — кинули из-за стола [*произнося «а» как «э»*] **налегая на «а»**.

Григория отпустили [*и*] [*н*] **Направляясь к двери он услышал брюзгливый шепот**².

— Нель-зя-ааа. Вообразите увидит государь такую рожу, что тогда? У него одни глаза...

— Переродок. С востока, наверное.

— Притом тело нечисто, чирьи...

— Куда?³

— Ну как?⁴

— Сколько заважил?⁵ — Григория огарновали хуторные дожидавшиеся очереди⁶. [*В 12 полк*]

— В 12 полк, — [*вызывая*] **звякнул** Григорий зубами и чикиля на одной ноге долго не мог просунуть ногу в штанину.

— Коршунов Дмитрий, Каргин Иван. — высунул писарь голову.||

<Л. 47>

91.⁷

Застегивая полушубок Григорий⁸ сбежал с крыльца. На площадь ехали и вели в поводу лошадей.

Ростепель дышала теплым ветром, парилась оголенная местами дорога. [*По*] Через улицу перебегали клохчущие куры, в лужине покрытой косой плывущей рябью шлепали [*краснолапые*] гуси. Лапы их розовели в воде оранжево-красные, похожие на **осенние** листья.

¹ Текст вставки перенесен с листа 50 согласно указанию автора.

² ППС: «шепот брюзгливый».

³ Перед строкой слева проставлена цифра «1».

⁴ Перед строкой слева проставлена цифра «2».

⁵ Перед строкой слева проставлена цифра «3».

⁶ ППС: «огарновали Григория хуторные дожидавшиеся очереди».

⁷ На левом поле снизу вверх синим карандашом написано и зачеркнуто: «[*Порез бритвой у офицера на щеке*]».

⁸ ППС: «Григорий застегивая полушубок».

Через день Начался смотр лошадей. По площади засновали офицеры, [к весам] развевая полами шинели прошел шишконосый ветеринарный врач¹. Над оградой длинно выстроились разномастные лошади. К столику, [где ты] поставленному посреди площади, где писарь записывал результаты осмотра и обмера, оскользаясь пробежал от **весов** вешенский станичный атаман Дударев, прошел военный пристав — что-то объясняя молодому сотнику и сердито дрыгая [шагающими] ногами.

Григорий по счету сто восьмой, подвел лошадь к весам. [Тут случилось непредвиденное] **Не успел еще конь сойти с платформы** Ветеринарный врач с привычной властностью взял его за верхнюю губу, осмотрел рот, сильно надавливая ощупал **грудные** мышцы и, как паук перебирая цепкими пальцами, перекинулся к ногам. Он сжимал настороженному коню коленные суставы, стучал по связке сухожилий, жал кость над щеткой. Он долго выслушивал и выщупывал коня и отошел подсучивая рукава, развевая полами белого халата, разило от него терпким запахом карболовой кислоты.

Коня забраковали. Не оправдалась надежда конюха Сашки и у **проклятого** шишконосова врача хватило «хисту» найти тот потаенный изъян, о котором знал дед Сашка.

[На Гри] Взволнованный Григорий посоветовался с отцом и через полчаса, [пропустив] между очередью ввел на весы Петрова коня. Врач пропустил его почти не осматривая².

Григорий выбрал место посуше и расстелив попону **выложил на нее снаряжение**. Пантелей Прокофьевич [дер] держал сзади коня, переговаривался с [таким-же] другим стариком, державшим в поводу сына коня.

Мимо Григория в бледно-серой шинели и [серой] **серебристой** каракулевой папахе с **белой кокардой** прошел высокий седой генерал. Он слегка заносил вперед **левую ногу**, [и] помахивал рукой затянутой в белую перчатку.

— Вон окружной атаман. — шепнул сзади Пантелей Прокофьевич толкая Григория.

— [Он] Генерал, видно?

— Генерал-майор Макеев. Строгий, дуром!

Сзади атамана толпой шли приехавшие из полков и батарей офицеры. Один **подъесаул** низкий, широкий в плечах и бедрах, в артиллерийской [форме] **фуражке** громко говорил товарищу — высокому красавцу офицеру в [атаман] форме лейб-гвардии атаманского полка.

— Что за черт, эстонская деревушка, народ все [белокурый] **белесый** и таким резким контрастом эта девушка да **ведь не одна**, мы строим различные предположения, и вот узнаем, что 20 лет назад, — офицеры шли мимо удаляясь от места, где Григорий разлаживал на попоне свою казацкую справу, и он **за ветром** с трудом расслышал **покрытые смехом офицеров** последние слова артиллериста-подъесаула: ...Оказывается [атаман] стояла в этой деревушке сотня **вашего** атаманского полка.

¹ ППС: «ветеринарный врач шишконосый».

² Текст вставки перенесен с листа 50 согласно указанию автора.

Писарь пробежал застегивая [на выбритой шее] дрожащими, [и] измазанными в химические чернила пальцами пуговицы сюртука¹, вслед ему [окружной] помощник окружного пристава распаяясь кричал:

— В трех экземплярах, сказано тебе! Закатаю!

Григорий с любопытством всматривался в незнакомые лица офицеров и чиновников. На нем остановил скучающие влажные глаза шагнувший мимо адъютант и отвернулся повстречавшись с [тяжелыми глазами] **веселым взглядом**; догоняя его, почти рысью шел старый сотник, чем-то взволнованный, кусающий желтыми зубами верхнюю губу. Григорий заметил как над рыжей бровью сотника трепетал трогая веко, живчик.||

<Л. 47 об.>

92.

Под ногами Григория лежала ненадёванная попонка, на попоне порядком разложены были: седло, с окованным, крашеным в зеленое ленчиком, с саквами^{x)} и задними сумами, две шинели, [две] **двое [пары]** шаровар, мундир, две пары сапог, белье, фунт и 54 золотника сухарей, банка консервов, крупа и прочая в полагаемом для всадника количестве снесь. В раскрытых сумках виднелся круг, — на четыре ноги, — подков, ухнали завернутые в промасленную тряпку; шитвянка с парой иголок и нитками, полотенце.

Григорий в последний раз оглядел свои пожитки, присел на корточки и вытер рукавом измазанные края вьючных пряжек. От конца площади медленно тянулась над рядом выстроившихся [над] около попон казаков комиссия. Офицеры и атаман внимательно рассматривали казачье снаряжение, приседали подбирая полы светлых шинелей копались в сумках, разглядывали шитвянки, на руку **прикидывали** вес сумок с сухарями.

— Гля, ребята, вон энтот [высо] длинный, — говорил парень, стоявший рядом с Григорием, указывая пальцем на окружного военного пристава, — копают, кык кобель хориную нору.

— Ишь, ишь, чертило, суму [выворачивает] **выворачивает!**

— Должно непорядок, а то-б не стал требушить.

— Што-то он, никак, ухнали считаешь?

— Во, кобель!..

Разговоры смолкли, комиссия подходила ближе, до Григория оставалось несколько человек. Окружной атаман в левой руке нес перчатку, правой помахивал не сгиная в локте. Григорий подтянулся, сзади покашливал отец. Ветер перебивал запах конской мочи и подтаявшего сена. Группа офицеров задержалась около казака, стоявшего рядом с Григорием и [пере] по одному подошли к нему.

— Фамилия, имя?

— Мелехов Григорий.

Пристав за хлястик приподнял шинель, понюхал подкладку, бегло пересчитал застёжки, другой офицер с погонями хорунжего мял в пальцах добротное сукно шаровар; третий нагинаясь так, что [шинель] **ветер на спину ему** запрокинул

¹ ППС: «пуговицы сюртука пальцами дрожащими, [и] измазанными в химические чернила».

полы шинели шарил по сумам. Пристав между мизинцем и большим пальцем осторожно, точно к горячему, прикоснулся к тряпке с ухналями, [и] шлепая губами считал.

— Почему 23 ухналя? Это что такое? — сердито дернул он угол тряпки.

— Никак нет, ваше высоко-благородие, 24.

— Что я — слепой?

Григорий суетливо отвернул заломившийся угол, прикрывший двадцать четвертый ухналь, пальцы его шероховатые и черные слегка прикоснулись к белым сахарным пальцам пристава. Тот дернул руку, как||

<Л. 48>

93.

наколосся, потер ее брезгливо морщась о боковину серой шинели и надел перчатку. Григорий заметил это и выпрямившись зло [и *неприметно*] улыбнулся углами глаз. Взгляды их [*встретились*] **столкнулись** и пристав краснея верхушками щек поднял голос.

— Кэк смэтришь? Кэк смэтришь, казак? — щека **его** с присохшим у **скулы** бритвенным порезом [у *скулы его*] зарумянена сверху дóнизу. — Почему вьючные пряжки не в порядке? Почему трензеля такие? Это еще что такое?.. Где отец?

Пантелей Прокофьевич дернул коня за повод и выступил шаг вперед шелкнув хромой ногой.

— Службу не знаешь? — насыпался на него пристав, злой с утра по случаю проигрыша в [*неудачном*] [*преферансе*] **преферанс**. Подошел окружной атаман и пристав потишел. Окружной ткнул носком сапога в подушку седла и икнув перешел к следующему. Эшелонный офицер, того полка, в который попал Григорий, вежливенько перерыл все до содержимого шитвянки и отошел последним пятясь спиной, закуривая на ветру.

Через день поезд вышедший со станции Чертково пер **состав** [*красные*] **красных** вагонов, груженных казаками, лошадьми и фуражем на Лиски — Воронеж. В одном из-них привалившись к досчатой кормушке стоял Григорий. Мимо [*расдвинутых*] **распахнутых** дверок вагона скользила **чужая** земля, вдали каруселила голубая и нежная прядка леса. Лошади хрустели сеном, переступали чужь зыбкую опору под ногами. Пахло в вагоне степным сеном, конским потом, вешней ростепелью и далекая на горизонте маячила прядка леса, голубая **задумчивая** и недоступная, как вечерняя неяркая звезда.

Конец второй части.||

Михи́й До́л.

роман

Часть вторая

стр.

АВТОРИЗОВАННЫЙ СПИСОК и БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 3/2); 57 лл.; нумерация страниц с 1 по 110 (цифра «1» не проставлена, титульный лист не нумерован). Главы 1–20. В опубликованном тексте второй части романа часть главы девятнадцатой со слов «На шестом месяце, когда скрывать беременность было уже нельзя, Аксинья призналась Григорию» выделена в самостоятельную двадцатую главу (как это было в черновом автографе); глава двадцатая стала двадцать первой. Датируется августом-сентябром 1927 г. на основании даты завершения работы над черновым автографом (31 июля 1927 г.) и письма М.А. Шолохова жене от 13 октября 1927 г. о сдаче в издательство «Московский рабочий» двух первых частей «Тихого Дона» (Шолохов М.М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 114–115).

Лл. 2–32 (до слов «Около колодезя Митька утюжил колом пятилетка-бугая»), 34 (со слов «Чорт Сашку не ом-манет!»)–40 (до слов «Лошадям сначала по колено, потом по грудь») — авторизованный список рукой А.П. Громославской.

Лл. 32 (со слов «Около колодезя Митька утюжил колом пятилетка-бугая»)–34 (до слов «Чорт Сашку не ом-манет!»), 52–54 (до слов «Трогай под горку!») — авторизованный список рукой М.П. Шолоховой.

Лл. 40 (со слов «Лошадям сначала по колено, потом по грудь»)–51, 54 (со слов «Трогай под горку!») и до конца — беловой автограф.

<Л. 2>

1.

Вторая часть.

1.

Сергей Платонович Мохов издалека ведет свою родословную.

В года [царствование] царствования Петра первого шла однажды в Азов по Дону государева баржа с сухарями и огнестрельным зельем. Казаки воровского городка Чигонаки, угнездившиеся в верховьях Дона, неподалеку от устья Хопра, ночью напали на ту баржу, стражу сонную перерезали, сухари и зелье заграбили а баржу затопили.

По цареву приказу из Воронежа пришли войска, воровской тот городок Чигонаки сожгли, казаков, причастных к разбойному на баржу нападению, нещадно в бою разбили, а взятого в плен есаула Якирку и с ним сорок казаков перевешали на пловучих виселицах и для устрашения низовых волновавшихся станиц были пущены качели те вниз по Дону.

Лет десять спустя, на том месте, где раньше дымились курени Чигонацкой станицы, поселились пришлые казаки и те, что уцелели от разгрома. Вновь выросла и опоясалась боевыми валами станица. С той-то поры и пришел в нее из Воронежского указа царев досмотрщик и глаз — мужик Мохов Микишка. Торговал он с рук разной необходимой в казачьем обиходе рухлядишкой: черенками для ножей, табаком, кремнями; скупал и продавал краденое и раза два в год ез-

дил в Воронеж будто за товаром, а на самом деле доносил, что в станице пока-де спокойно и казаки нового злодейства не умышляют.

От этого-то Мохова Микишки и повелся купеческий род Моховых. Крепко поселили они на казачьей земле. Пообсеменились и вросли в станицу, как бурьян копытник — рви не вырвешь. Свято блюли полуистлевшую грамоту, какой жаловал [его] прадеда воронежский воевода посылая в бунтовскую станицу. Может сохранилась-бы она и до наших времен, да в большом пожаре, еще при деде Сергея Платоновича, сгорела вместе с деревянной шкатулкой, хранившейся на божнице. Дед разорился, промотал все состояние играя в карты, снова поднялся было на ноги, но пожар слизал все и Сергею Платоновичу пришлось начинать сызнова. Похоронив параличного отца он с щербатого рубля повел дело. Начал скупать по хуторам щетину и пух. Лет пять бедствовал, жулил и прижимал казаков окрестных||

<Л. 2 об.>

2.

хуторов на каждой копейке, а потом как-то сразу вырос из Серезжки-шибая в Сергея Платоновича, открыл в станице галантерейную лавчушку, женился на дочери полусумашедшего — попа, взял немалое за ней приданое и открыл мануфактурный магазин. Во время начал Сергей Платонович мануфактурное дело.

Из левобережных станиц, где бесплодна и жёстка песчаная с каменным суглинком земля, на правую сторону Дона, по распоряжению Войскового правительства стали переселяться казаки целыми хуторами. Выросла и обросла постройками молодая Краснокутская станица, на рубеже с бывшими помещичьими землями, по реке Чиру, черной Фроловке, над степными балками и логами, гранича с хохолачьими слободами, повылупились новые хутора. За товаром ездили верст за пятьдесят и больше. А тут, — вот она, — лавка с свежими сосновыми полками туго набитыми пахучим красным товаром. Широко, как трехрядную гармонь, развернул Сергей Платонович дело: помимо красного товара торговал всем, что надобно в сельском немудром хозяйстве: кожаные товары, соль, керосин, галантерея. Последнее время даже сельско-хозяйственными машинами снабжал. С Аксайского завода косилки, сеялки-рядовки, плуги, веялки, сортировки чинным порядком стояли возле зеленостворчатой, прохладной в летнюю пору лавки. В чужом гоманце трудно деньгу считать, но видно немалую прибыль давала торговля смекалистому Сергею Платоновичу. Через три года открыл он хлебную ссыпку, а на другой год после смерти первой жены взялся за постройку паровой мельницы.

В смуглый кулачек, покрытый редким и глянцевиито-черным волосом, крепко зажал он хутор Татарский и окрестные хутора. Что ни двор, то вексель у Сергея Платоновича, — зелененькая с оранжевым позументом бумажка, — за косилку, за набратую дочери справу (пошло время девку замуж выдавать, а на Парамоновской ссыпке прижимают с ценой на пшеницу, — «дай в долг, Платонович»), мало-ли за что еще...

На мельнице девять человек рабочих, в магазине семеро, да дворовой челяди четверо, вот их 20 ртов, что жуют по купеческой милости. От первой жены оста-

лось у него двое детей: девочка Лиза и мальчик на два года моложе ее — вялый золотушный Владимир. Вторая жена сухая узкокостная Анна Ивановна оказалась бездетной. Вся запоздалая невылитая материнская любовь и скопившаяся||

<Л. 3>

3.

желчь (вышла она за Сергея Платоновича на закате тридцать четвертого года), как из ушата вылилась на оставшихся детишек. Неровный характер мачехи влиял не по хорошему на воспитание детей, а отец уделял им внимания не больше чем конюху Никите, или кухарке. Дела и поездки съедали весь досуг. То в Москву, то в Нижний; то в Урюпинскую, то по станичным ярмаркам.

Без глаза росли дети. Нечуткая Анна Ивановна не пыталась проникать в тайники детских душ, не до этого было за большим хозяйством; оттого и выросли брат с сестрой чужие друг другу, разные по характерам, непохожие на родных. Владимир рос замкнутым, вялым, с исподлобным взглядом и недетской серьезностью. Лиза, вращавшаяся в обществе горничной и кухарки, распутной, виды выдавшей бабы, рано глянула на изнанку жизни. Женщины будили в ней нездоровое любопытство и она, — тогда еще угловатый затенчивый подросток, — предоставленная самой себе росла, как в лесу куст дикой волчьей ягоды.

Стекали неторопливые годы. Старое, — как водится, — старилось; молодое росло зелеными.

И вот как-то за вечерним чаем несказанно удивился Сергей Платонович, глянув на дочь (Елизавета к тому времени кончившая гимназию успела выровняться в видную и недурную девушку); глянул и блюдце с янтарным чаем запрыгало в руках: — «На мать-покойницу похожа! Господи, вот сходство! Лизка, а ну, повернись!

Проглядел, что дочь с раннего детства разительно напоминала мать.

Владимир Мохов, — гимназист пятого класса, — узкий, болезненно желтый паренек шел по мельничному двору. Он с сестрой недавно приехали на летние каникулы и Владимир, как всегда, с приездом пошел на мельницу посмотреть, потолкаться в толпе осыпанных мучнистой пылью людей, послушать равномерный гул вальцев, шестерн, шелест скользящих ремней. Ему льстил почтительный шепот завозчиков-казаков:

— Хозяйский наследник...||

<Л. 3 об.>

4.

Осторожно обходя кучи бычачьего помета и подводы, рассыпанные по двору, Владимир дошел до калитки и вспомнил, что не был в машинном отделении. Вернулся.

Возле красной нефтяной цистерны, стоявшей около входа в машинное, вальцовщик Тимофей, весовщик по прозвищу Валет и помощник вальцовщика моло-

дой белозубый парень Давыдка, засучив по колено штаны месили большой круг глины.

— Ааа, хозяин! — с насмешливым приветом обратился к нему Валет.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Владимир Сергеевич.

— Что это вы...

— А вот, глину месим. — С трудом выпростывая ноги из вязкой, пахнущей навозом гущи, злобно усмехнулся Давыдка, — папаша твой жалеет целковый баб нанять, на нас ездит... Жила у тебя отец! — добавил он с чавканьем переставляя ноги.

Владимир покраснел. Он чувствовал к вечно улыбавшемуся Давыдке, к его пренебрежительному тону, даже к белым, всегда смоченным слюною зубам, непреодолимую неприязнь.

— Как, жила?

— Так. Скупой страшно. Из-под себя ест — просто пояснил Давыдка и улыбнулся.

Валет и Тимофей, одобрительно посмеивались. Владимир почувствовал укол обиды. Он холодно оглядел Давыдку.

— Ты что-же... значит недоволен?

— Залезь-ка, помеси, а тогда узнаешь. Какой же дурак будет доволен? Папашку твоего сюда бы заправить, живот-то стрясло-бы.

Раскачиваясь Давыдка тяжело ходил по кругу, высоко задирали ноги и теперь уж беззлобно и весело улыбался. Предвкушая приятное удовлетворение Владимир тасовал мысли. Нужный ответ нашелся.

— Хорошо, — с расстановкой сказал он, — я передам папе, что ты недоволен службой.

Он искоса глянул на лицо Давыдки и поразился произведенным впечатлением:||

<Л. 4>

5.
губы Давыдки жалко и принужденно улыбались, лица других нахмурились. С минуту все трое молча месили крутевшую глину. Давыдка наконец оторвал от своих грязных ног опущенные глаза и заискивающе и злобно сказал:

— Я ить пошутил, Володя... Ну, шутейно сказал...

— Я передам папе, что ты говорил!

Чувствуя на глазах слезы обиды и за себя, и за отца, и за Давидкину жалкую улыбку Владимир пошел мимо цистерны.

— Володя!.. Владимир Сергеевич!.. — испуганно крикнул Давыдка и вылез из глины опуская штаны прямо на измазанные по колена ноги. Владимир остановился. Давыдка подбежал к нему тяжело дыша.

— Не говорите папаше. Нарошно сказано было... Уж простите меня дурака... Ей-богу без умысла... Нарошно.

— Ладно! Не скажу!.. — морщась выкликнул Владимир и пошел к калитке. Жалость к Давыдке взяла верх. С чувством облегчения он шагнул над частоколо-

вым белым забором. Из кузни, примостившейся в углу мельничного двора, слышался игривый перестук молотка: раз по железу — глухой и мягкий, два раза с подскоком по звенящей наковальне.

— На што трогал? — донесся до слуха уходящего Владимира приглушенный бас Валета, — ... не тронь, а оно вонять не будет.

«Ишь сволочь, — озлобяясь подумал Владимир, выражается... сказать или не сказать?»

Оглянувшись увидел прежнюю белозубую Давыдкину улыбку и твердо решил «скажу!»

На площади возле магазина стояла привязанная к столбу запряженная в арбу лошадь. С крыши пожарного сарая ребятишки гоняли серую свиристящую тучу воробьев. С террасы гремел звучный баритон студента Боярышкина и еще чей-то голос надтреснутый, сиповатый.

Владимир вошел на крыльцо, над ним заколыхалась листва дикого винограда буйно заплетавшая крыльцо и террасу, висевшая с голубой резьбы карниза зелеными пенистыми шапками.

Боярышкин махал обритой фиолетовой головой, говорил обращаясь к сидевшему против него молодому, но бородатому учителю Баланде.||

<Л. 4 об.>

6.

— Читаю его и несмотря на то, что я сын казака-хлебороба и ко всем привилегированным классам питаю вполне естественную злобу, тут, представьте, я до чертиков жалею это отмирающее сословие! Я сам чуть не становлюсь дворянином и помещиком, с восторгом всматриваюсь в идеал их женщины, болею за их интересы, словом черт знает что! Вот, дорогой, что значит гений. Можно и веру переменить.

Баланда мял кисть шелкового пояса и иронически улыбаясь рассматривал на подоле своей рубахи красные вышитые гарусом узоры.

Лиза валялась в кресле. Разговор ее, видимо, не мало не интересовал. Она всегдашними, что-то потерявшими и чего-то ищущими глазами скучливо глядела на фиолетовую в царапинах голову Боярышкина.

Поклонившись Владимир прошел мимо и постучался к отцу в кабинет.

Сергей Платонович на прохладной кожаной кушетке перелистывал июньскую книжку «Русского Богатства». На полу валялся пожелтевший костяной нож.

— Тебе что?

Владимир вобрал голову в плечи, нервно оправил на себе рубашку.

— Я шел с мельницы..., — начал он нерешительно, но вспомнил слепящую Давыдкину усмешку и глядя на круглый отцовский живот, обтянутый чесунчевой жилеткой, уже решительней продолжал.

— И слышал, как Давыдка говорил...

Сергей Платонович выслушал внимательно, сказал:

— Уволим. Иди. — и кряхтя нагнулся за ножом.

По вечерам у Сергея Платоновича собиралась хуторская интеллигенция: Боярышкин — студент Московского политехникума, тощий, снедаемый огромным

самолюбием и туберкулезом учитель Баланда его сожительница учительница Марфа Герасимовна — девушка нестареющая и круглая с постоянно неприлично выглядывающей нижней юбкой; почтмейстер — чудаковатый, заплесневелый, с запахом сургуча и дешевых духов, холостяк. Изредка наезжал из своего имения, гостивший||

<Л. 5>

7.

у отца — помещика и дворянина, молодой сотник Евгений Листницкий. По вечерам пили на террасе чай, тянули никчемные разговоры и когда обрывались вялые разговорные нити кто-либо и гостей заводил дорогой в инкрустации хозяйский грамофон.

Изредка в большие праздники любил Сергей Платонович пустить пыль в глаза. Созывал гостей и угощал дорогими винами, свежей осетровой икрой, ради этого случая выписанной из Батайска, лучшими закусками. В остальное время жил узко. Единственное в чем не отказывал себе, это в книгах. Любил Сергей Платонович читать и до всего доходить собственным цепким, как повитель, умом.

Компанион его белокурый с острой бородкой и потаенными щелками глаз Емельян Константинович Атепин заходил редко. Был он женат на бывшей Устьмедведицкой монашке, наплодил с нею за пятнадцать лет супружеской жизни восьмерых детей, и большую часть времени проводил дома. Из полковых писарей вылез Емельян Константинович в люди, оттуда-же принес в семью затхлый душек подхалимства, заискиванья. Дети в его присутствии ходили на ципочках, говорили шепотом. Каждое утро умывшись, выстраивались в столовой в ряд, под черным висячим гробом громадных стенных часов, мать стояла сзади и едва лишь из спальни долетало сухое покашливанье отца — начинали разноголосно и фальшиво: «Спаси господи люди твоя...», потом «Отче наш».

Емельян Константинович успевал одеться к концу молитвы. Выходил шуруя щелки капустных глаз, по архиерейски вытягивал мясистую голую руку. Дети подходили по очереди и целовали. Емельян Константинович целовал жену в щеку, говорил нетвердо выговаривая букву «ч»

— Полицка, заворила цаёк?

— Заворила, Емельян Костентинович.

— Налей покрепце.

Магазинную бухгалтерию вел он. Пятнил страницы над жирными заголовками ««дебет» ->||

<Л. 5 об.>

8.

«кредит» писарским в кудряшках почерком. Читал «Биржевые Ведомости» без нужды ущемляя шишкастый нос в золотое пенснэ. Со служащими обращался вежливо:

— Иван Петровиц, отпустите целовеку товарищанского ситцику.

Жена звала его Емельяном Костентиновичем, дети папоцкой а приказчики магазина — цапой.

Два священника о. Виссарион и благочинный о. Панкратий дружбы с Сергеем Платоновичем не вели, были у них давнишние счёты. Между собой и то жили неладно. Строптивный кляузник о. Панкратий умело гадил ближним, а вдовый, живший с хохлушкой-экономкой, о. Виссарион, от сифилиса гундосый, от природы приветливый, сторонился и не любил благочинного за непомерную гордыню и кляузный характер.

Все кроме учителя Баланды, имели в хуторе собственные дома. На площади красовался ошалеванный пластинами, крашенный в синее домище Мохова, против него на самой пуповине площади раскорячился магазин с сквозными дверями и слинявшей вывеской «Торговый дом Мохов С.П. и Атепин В.К.» К магазину примыкал низкорослый длинный с подвалом сарай, сажнях в двадцати от него — кирпичный перстень церковной ограды и церковь с куполом, похожим на взрешшую зеленую луковицу. По ту сторону церкви выбеленные казенно-строгие стены школы и два нарядных дома: голубой с таким же палисадником о. Панкратия и коричневый — (чтобы не похож был) с резным забором и широким балконом, — о. Виссариона. С угла на угол двухэтажный несуразно-тонкий домик Атепина, за ним почта, соломенные и железные крыши казачьих куреней, покатая спина мельницы, с жестяными ржавыми петухами, на крыше.

Жили закрывшись от всего синего мира наружными и внутренними, на болтах, ставнями, с вечера, если не шли в гости, зачеховывались болты, спускали с привязей цепных собак и по нему хутору тарахтела лишь деревянным языком стукотушка ночного сторожа.||

<Л. 6>

9.

2.

В конце августа Митька Коршунов случайно встретился возле Дона с дочерью Сергея Платоновича Елизаветой. Он только, что приехал из-за Дона и примыкая к карше баркас увидел крашеную легонькую лодку, легко бороздившую течение. Лодка шла из под горы направляясь к пристани. На бабайках сидел Боярышкин. Голая голова его блестела потом, на лбу и висках вздулись веточки жил.

Митька не сразу угадал Елизавету. На глаза ее падала [сизая] от соломенной шляпы сизая тень. Загорелыми руками она прижимала к груди ворох желтых водяных кувшинок.

— Коршунов! — закивала она головой увидев Митьку, — Обманул меня?

— Как так обманул?

— А помнишь обещался ехать со мной рыбалить? — Боярышкин бросил бабайки и разогнул спину. Лодка с разлета вылезла носом на землю, с хрустом дробя прибрежный мел.

— Помнишь? — смеялась Лиза выскакивая из лодки.

— Некогда было. Работа. — оправдывался Митька и с перехваченным дыханием следил за подходившей, к нему девушкой.

— Нет! Это невозможно!.. Я, Елизавета Сергеевна, отказываюсь! Вот вам хомут и дуга, а я вам больше не слуга. Подумайте сколько мы исколесили по этой проклятой воде! У меня кровавые мозоли от бабаек. То-ли дело материк! — Боярышкин твердо ступил на колючую крошку мела длинной босой ступней и вытер пот со лба верхом измятой студенческой фуражки. Не отвечая ему Лиза подошла к Митьке. Тот неумело пожал протянутую ему руку.

— Когда-же поедem рыбалить? — спросила запрокидывая голову, щуря глаза.

— Хучь завтра. Обмолотились, теперича можно.

— Обманешь?

— Ну, нет!

— Рано зайдешь?

— До света.

— Буду ждать.

— Приду. Ей-богу приду!

— Не забыл в какое окно стучать?

— Найду. — улыбнулся Митька.

— Я, наверное, скоро уеду. Хотелось-бы порыбалить.||

<Л. 6 об.>

10.

Митька молча вертел в руке заржавленный ключ от баркаса и смотрел ей в губы.

— Скоро? — спросил Боярышкин рассматривая на ладони узорную ракушку.

— Сейчас поедem.

Она помолчала и чему-то улыбаясь спросила:

— Ведь у вас какая-то свадьба была?

— Сестру выдавали.

— За кого-же это? — и не дожидаясь ответа улыбнулась непонятно и коротко.

— Приходи же! — и снова, как тогда, в первый раз на террасе моховского дома, улыбка жиганула Митьку крапивным укусом. Он проводил ее глазами до лодки. Боярышкин раскорячившись сталкивал лодку, она с улыбкой смотрела через его голову на Митьку, игравшего ключем, кивала ему головой.

Отъехав сажен пять Боярышкин спросил тихо:

— Что это за молодчик?

— Знакомый.

— Друг сердца?

Митька, слышавший их разговор за скрипом уключин не расслышал ответа. Он видел, как Боярышкин налегая на весла, откидываясь засмеялся, но ее лица не видел. Она сидела к нему спиной. Сиреневая лента стекала с шляпы на оголенный покат плеча, дрожала от бессильного ветра, таяла, дразнила Митькин затуманенный взгляд.

Митька редко ходивший рыбалить удочками никогда не собирался с таким рвением, как в этот вечер. Он наколол кизеков и сварил в огороде пшеничную кашу, наскоро перевязал обопревшие завязки крючков. Михей глядя на его приготовления попросил:

— Возьми меня Митрий. Одному не способно.

— Управлюсь и один.

Михей вздохнул.

— Давно мы с тобой не ездили. Теперя подержал-бы сазаника, этак в полпуда-бы.

Митька морщась от пара, бившего из чугуна с кашей горячим столбом, промолчал. Окончив сборы пошел в горенку.

Дед Гришака сидел у окна, сквозь круглые в медной оправе очки мусолил глазами евангелие.

— Дедушка! — окликнул Митька подпирая плечом притолку.

Дед Гришака лупнул глазами поверх очков.

— Ась?

— Разбуди меня посля первых кочетов.||

<Л. 7>

11.

— Куды в такую спозоранку?

— Рыбалить.

Дед, любивший рыбу, для видимости запротивился.

— Отец говорил конопи молотить завтра. Нечево баглайничать! Ишь, рыбалка!

Митька оттолкнулся от притолки, схитрил:

— Мне все одно. Хотелось было рыбкой покормить деда, а раз конопи — значит не пойду.

— Погоди, куда-ж ты? — Испугался дед Гришака стаскивая очки, — я погугарю с Мироном, пойдн уж што-ля... Рыбки посолонцевать не плохо. Завтра, вокат, середа. Разбуду, иди, иди, дурак! Чему скалишься-то?

В полночь дед Гришака, придерживая одной рукой холостинные портки, другой, державшей костыль, щупая дорогу, спустился по порожкам. Прошаркал по двору до амбара белой трясуцей тенью и концом костыля ткнул сопевшего на полсти Митьку.

В амбаре пахло свежемолоченным хлебом, мышинным пометом и кислым застоявшимся паутинным запахом нежилого помещения. Митька спал у закрома на полсти. Раскачался не скоро. Дед Гришака сначала легонько толкал его костылем, шептал:

— Митюша! Митька! Эка, поганец. Митька! — Митрий густо сопел и поджимал ноги. Ожесточившись дед воткнул тупой конец костыля Митьке в живот, начал сверлить, как буравом. Охнув Митька схватил костыль и проснулся.

— Сон дурачит! Ить это беда, как спишь! — ругался дед.

— Молчи, молчи, не гуди. — пришептывал Митька спросонок, шаря по полу чирики.

Он дошел до площади. По хутору заголосили вторые петухи. Шел по улице мимо дома попа Виссариона слышал, как в курятнике хлопая крыльями прото-дьяконским басом взревел петух и испуганным шепотком заклохтали куры.

На нижней ступеньке магазина дремал сторож, воткнувшись носом в овчинное тепло воротника. Митька подошел к моховскому забору, сложил около удочки и кошелку с припасом, легонько ступая, чтоб не услышали собаки, взошел на крыльцо. Потянул дверную холодную ручку — заперто. Перелез через перила и подошел к окну. Створки полуприкрыты. Из черной трещины сладко пахнет девичьим теплым во сне телом и не-||

<Л. 7 об.>

12.

ведомым сладким запахом духов.

— Лизавета Сергевна!

Митьке показалось, что он сказал очень громко. Выждал. Тишина. «А, ну, как ошибся окном? Што ежели сам спит? Вот врепаюсь, полохнет из ружья», думал Митька зажимая в горсть оконную ручку.

— Лизавета Сергевна, вставай рыбалить! — «Ежели ошибся окном — вот рыбальствие будет».

— Вставай што-ли! — раздосадованно сказал Митька и просунул голову в комнату.

— А? Кто? — испуганно и тихо откликнулась из черноты.

— Рыбалить пойдешь? Это я, Коршунов.

— Ааа, сейчас.

В комнате зашуршало. Сонный теплый голос ее, казалось, пахнул мятой. Митька видел что-то белое, шелестящее, двигавшееся по комнате.

«Эх, сладко-бы с ней позоревать... А то рыбалить... Сиди там, клетчатей»...

Неясно думал он вдыхая запах спальни.

В окно показалось ее смеющееся лицо повязанное белой косынкой.

— Я через окно. Дай мне руку.

— Лезь. — помог Митька.

Опираясь на его руку она близко взглянула ему в глаза.

— Скоро я?

— Ничево. Успеем.

Пошли к Дону. Она терла розовой ладонью слегка припухшие глаза, говорила:

— Сладко я спала. Надо-бы еще поспаться. Рано уж очень идем.

— Как раз будет.

Спустились к Дону по первому от площади переулку. За ночь откуда-то прибыла вода в баркас, примкнутый к лежавшей вчера на сухом карше, качался окруженный водой.

— Разуваться надо. — вздохнула Лиза меряя глазами расстояние до баркаса.

— Давай перенесу? — предложил Митька.

— Неудобно... я лучше разуюсь.

— Удобней будет.

— Не надо. — замялась в смущении.

Митька левой рукой повыше колен обнял ее ноги и легко приподняв пошлепал по воде к баркасу. Она невольно охватила смуглый твердый столб его шеи и засмеялась воркующе и||

<Л. 8>

13.

тихо.

Если б не споткнулся Митька о камень, на котором хуторские бабы шлепали вальками белье, не было-бы и нечаянного короткого поцелуя. Ахнув она прижалась к растрескавшимся Митькиным губам и Митька стал в двух шагах от серой стенки баркаса. Вода заливалась ему в чирики, холодила ноги...

Отмокнув баркас он с силой толкнул его от карши, вскочил на ходу. Огребался коротким веслом, стоя. За кормой люлюкая журчилась, плакала вода. Баркас приподнятым носом мягко резал стремя направляясь к противоположному берегу. Дребезжали подпрыгивая удилища.

— Куда ты правишь? — спросила оглядываясь назад.

— На энтот бок.

У песчаного обрыва баркас пристал. Не спрашиваясь Митька поднял ее на руки и понес в кусты прибрежного боярышника.

Она кусала ему лицо, царапалась, раза два придушенно вскрикнула и чувствуя, что обессиливает заплакала зло без слез.

.....
Возвращались часов в девять. Небо кутала желторудая мгла. Плясал по Дону ветер, гриватил волны. Плясал перелезая через поперечные волны баркас и пенистые студёные брызги, поднятой с глубины воды, обдавали выпитое бледностью лицо Елизаветы, стекали и висли на ресницах и прядях, выбившихся из под косинки волос.

Она устало шурила опустошенные глаза, ломала в пальцах стебелек занесенного в баркас цветка. Митька греб не глядя на нее, под ногами его валялся небольшой сазан и чебак, с застывшим в смертной судорге ртом и вылупленным в оранжевом ободке глазом. На лице Митьки блудила виноватость, довольство скрещивалось с тревогой...

— Я подвезу тебя к Семкиной пристани, оттель тебе ближе. — сказал он поворачивая баркас по течению.

— Хорошо — шепотом согласилась она.

На берегу [было] безлюдно. Припудренные меловой пылью огородные плетни над Доном изнывали опаленные горячим ветром, поили воздух прижженным запахом хвороста.||

<Л. 8. об.>

14.

Тяжелые, обклеванные воробьями шляпки подсолнухов вызрев до предела никли к земле, роняли опушенные семечки. Займище изумрудилось нарошенной молодой атавой. Вдали взбрыкивали жеребята и тягучий смех привешенных бабобонов нес к Дону южный горячий ветер.

Митька поднял рыбу и протянул выходящей из баркаса Елизавете.

— Возьми улов-то... На!

Она испуганно взмахнула ресницами, взяла.

— Ну, я пойду...

— Што-ж...

Пошла держа в откинутой руке нанизанную на таловую хворостинку рыбу; жалкая, растерявшая в боярышнике недавнюю самоуверенность и веселость.

— Лизавета! — позвал Митька вполголоса.

Она повернулась, тая в изломе бровей досаду и недоумение.

— Вернись-ка на час.

И когда подошла ближе сказал досадуя на свое смущение:

— Не доглядели мы с тобой... Эх! Юбка-то сзади... пятнышко... махонькое, оно...

Она вспыхнула и залилась краской до ключиц. Митька помолчав посоветовал:

— Иди задáми...

— Все равно... Через площадь ведь итти... Хотела ведь черную юбку надеть!... — прошептала с тоской и неожиданной ненавистью озирая Митькино лицо.

— Дай листком обзеленю? — просто предложил Митька и удивился выступившим на глазах ее слезам.

Ветровым шелестом-перешепотом поползла по хутору новость: «Митька Коршунов Сергея Платоновича дочку обгулял!» Гутарили бабы на прогоне зарей, когда прогоняли в табун коров, под узенькой, плавающей в серой пыли тенью колодезного журавля проливая из ведер воду; у Дона на плитняках самородного камня, выколачивая простиранные лохунишки.

— То-то оно без рódной мамúнюшки!

— Самому-то дыхнуть некогда, а мачеха, сквозь пальцев поглядывает...

— Надысь сторож Давыдка Беспалый рассказывал:]]

<Л. 9>

15.

«Гляжу, в полночь, а в крайнюю окно гребется человек. Ну, думаю, вор к Платонычу» — подбегаю, стал-быть, — «Кто такой есть? Полицевской суды!.. — а это, стал-быть, он и есть Митька».

— Девки ноне, — фитины им в дыхало, — пошли...

— Митька моему Никишке расписывал, дескать сватать буду.

— Нехай хучь трошки сопли утрет!

— Приневолит ее гутарили надысь, ссильничал...

— Иии, кума, сучка не схочет, так и кобель не вскочит!..

Текли по улицам и проулкам слухи, слушки, слушенятки. Мазали прежде чистое имя девушки, как свежие ворота густым дегтем... Пала молва на лысеющую голову Сергея Платоновича, как балка с постройки на идущего мимо человека, и придавила пониже к земле. Двое суток не выходил ни в магазин ни на мельницу. Ставни дома наглухо стиснули голубые челюсти. Прислуга, жившая на низах, появлялась только перед обедом.

На третий день заложили Сергею Платоновичу в беговые дрожки серого в яблоках рысака, укатил в станицу, важно и недоступно кивая бородой встречавшимся казакам.

А следом за ним прошуршала из двора блестящая лаком венская коляска. Кучер Емельян, слюнявя прикипевшую к седеющей бороденке гнутую трубочку, разобрал синее шелковое вожжей и пара вороных играючись зашелкали по улице. За кручей Емельяновой спины виднелась бледная Елизавета. Легонький чемоданчик держала в руках и невесело улыбалась; махала перчаткой, стоявшим у ворот Владимиру и мачехе.

Хромавший из лавки Пантелей Прокофьевич поинтересовался обращаясь к дворовому Никите:

Куды-ж отправилась наследница-то?

И тот, снисходя к **простой** человеческой слабости, ответил

— В Москву. На ученье, курсы проходить.

На другой день случилось событие, рассказ о котором долго пережевывали и у Дона, и под тенью колодезных журавлей и на прогоне...

Перед сумерками, (из степи пропылил уже табун), пришел к Сергею Платоновичу Митька (нарочно припозднился,||

<Л. 9 об.>

16.

чтобы не видели люди). Не просто так-таки пришел, а сватать дочь его Елизавету.

До этого виделся он с ней раза четыре не больше. В последнюю встречу происходил между ними такой разговор.

— Выходи за меня замуж, Лизавета. А?

— Глупость!

— Жалеть буду, кохать буду... работать у нас есть кому, будешь у окна сидеть, книжки читать.

— Дурак ты!

Митька обиделся и замолчал. Ушел в этот вечер домой рано, а утром заявил изумленному Миرونу Григорьевичу.

— Батя, жени.

— Окстись!

— На самом деле, не шутейно говорю.

— Приспичило?

— Чего уж там...

— Какая-ж прищемила? Не Марфушка?

— Засылай сватов к Сергею Платоновичу.

Мирон Григорьевич аккуратно разложил на лавке чеботарный инструмент (чинил он шлеи) хахакнул:

— Ты, сынок, ноне веселый, гляжу.

Митька, уперся в свое, как бугай в стену, отец вспылил:

— Дурак! У Сергея Платоныча капиталу боле ста тысячев, купец, а ты... Иди-ка отсель, не придуривайся, а то вот шлеей потяну жениха этого!

— У нас двенадцать пар быков, именье вон какое, опять-же он мужик, а мы казаки...

— Ступай! — коротко приказал Мирон Григорьевич, не любивший долгих разговоров.

Митька встретил сочувствие лишь у деда Гришаки. Тот приплюхался к сыну цокая костылем по полу.

— Ми-рон!

— Ну?

— Што супротивничаешь? Раз парню пришлось как раз...

— Батя вы чисто дитё, истинный бог! Уж Митрий глупой, а вы на диковину...

— Цыц! — пристукнул дед Гришака, — аль мы им не ровня? Он за честь должён принять, што за ево дочерю сын казака сватается! Отдаст с руками и с потрохами. Мы люди по всему округу звестные! Не голутва, а хозяе-||

<Л. 10>

17.

ва! Да-с!.. Поезжай Мирошка нечево там! В приданое мельницу нехай дает, Проти.

Мирон Григорьевич запыхтел и ушел на баз. А Митька порешил дожждаться вечера и итти самому. Знал, что отцово упрямство, что вяз на корню: гнутья гнется, а сломить и не пробуйся.

Дошел до парадного посвистывая, а тут оробел. Потоптался и пошел через двор. На крыльце спросил у горничной гремевшей накрахмаленным фартуком.

— Сам дома?

— Чай пьют. Подожди.

Сел, подождал. Выкурил цыгарку и послонявя пальцы затушил. Окурок густо размазал по полу. Сергей Платонович вышел обметая с жилета крошки сухаря. Увидел и сплуснул брови.

— Пройдите.

Митька первый вошел в прохладный пахнувший книгами и табаком кабинет. Почувствовал, что той смелости, которой зарядился из дома хватило как раз до порога кабинета.

Сергей Платонович подошел к столу и крутнулся на пискнувших каблуках.

— Ну? — пальцы его сзади спины царапали исподнюю доску письменного стола.

— Пришел узнать... — Митька нырнул в холодную слизь буравивших его глаз и зябко передернул плечами, — может отдадите Лизавету?..

Отчаяние, злоба, трусость выдавили на растерянном Митькином лице пот скупой, как росная сырость в засуху. У Сергея Платоновича дрожала левая бровь и щерилась выворачивая бордовую изнанку верхняя губа. Вытягивая шею он весь клонился вперед.

— Что?! Что-о-о?!.. Мер-за-вещ!.. Пошел!.. К атаману тебя! Ух, ты ссукин сын! Паску-да!..

Митька осмелев от чужого крика следил за приливом сизой крови, напирившей на щеки Сергея Платоновича.

— Не примите в обиду... Думал вину свою покрыть.

Сергей Платонович закатил набухшие от крови и слез глаза и жмякнул под ноги Митьке чугунную массивную пепельницу. Она рикошетом ударила Митьку в чашечку||

<Л. 10 об.>

18.

левой ноги, но он стойко выдержал боль и **рывком** распахнув дверь **выкрикивал** скалясь, наглея от обиды и боли:

— Воля ваша, Сергей Платонович! Как хотите, а я от души. Кому она такая-то нужна? Вот и думалось славу прикрыть...А то ить накушенный кусок кому нужен? Собака и то не исть!

Сергей Платонович прикладывая к губам скомканный платок шел за Митькой по пятам. Он загородил дорогу через парадный ход и Митька сбежал во двор. Тут-то Сергей Платонович только глазом мигнул, торчавшему во дворе Емельяну-кучеру. Пока Митька возился с тугим засовом у калитки, — вырвались из-за угла сарая четыре выпущенных собаки и завидя Митьку расстелились по чисто-выметенному двору.

Из Нижнего с ярмарки привез Сергей Платонович в 1910 году пару черных курчавых щенят, суку и кобелька. Были они черны, курчавы, зевлороты. Через год вымахали с годовалого телка ростом, сначала рвали на бабах, ходивших мимо моховского двора, юбки, потом научились валять баб на землю и кусать им ляжки и только тогда, когда загрызли до смерти о. Панкратия телка, да пару Атепинских кабанков-зимнухов, Сергей Платонович приказал посадить их на цепь. Спускали собак по ночам, да раз в год весною на случку.

Митька не успел повернуться лицом и передний по кличке Баян кинул ему лапы на плечи и сомкнул пасть увязив зубы в ватном сюртуке. Рвали, тянули, клубились черным комом. Митька отбивался руками стараясь не упасть. Мельком видел, как Емельян развеивая безобидные из трубки искры промелся к низам и хлопнул крашенной дверью.

На углу крыльца, прислонясь спиной к водосточной трубе, стоял Сергей Платонович, сучил беленькие кулачки, поросшие глянцевитым жестким волосом. Качаясь выдернул Митька засов и на окровавленных ногах выволоч за собой||

<Л. 11>

19.

рычащий, жарко-воняющий псиной, собачий клубище. Баяну он изломал горло, задушил, а от остальных с трудом отбили его проходившие мимо казаки.

3.

Наталия пришлась Мелеховым ко двору. Мирон Григорьевич детей школил не глядя на свое богатство и на то, что помимо них были работники; заставлял работать, приучал к делу. Работящая Наталия влезла свекрам в душу. Ильиниш-

на, скрытно недолюбливавшая старшую сноху — нарядницу Дарью, привязалась к Наталье с первых дней.

— Поспись, поспись, моя чадунюшка, чево вскочила? — ласково бубнила она переставляя по кухне дородные ноги, — Иди позоруй, без тебя управимся.

Наталья встававшая с зарей, чтобы помочь в стряпке, уходила в горницу до-сыпать.

Строгий на дому Пантелей Прокофьевич и то говаривал жене:

— Слышь, баба, Наташку не буди. Она итак днем мотает. Собираются с Гришкой пахать. Дарью, Дарью стегай! С ленцом баба, спорченная... румянится да брови чернить, мать ее суку!..

— Нехай хучь первый годок покахаεται. — вздыхала Ильинишна вспоминая свою горбатую в работе жизнь.

Григорий малость [привык] пообык в новом своем женатом положении, пообтрехался и недели через три с страхом и озлоблением осознал в душе, что не в конец порвано с Аксиньей. Осталось что-то, как от выкрошившегося гнилого зуба корешки. Крепко приросло то, на что он в жениховском озорстве играючись рукой помахивал, — дескать загоится, забудется... А оно вот и не забылось и кровоточит при воспоминаниях. Еще перед женитьбой на току, как-то во время молотьбы спросил Петро:

— Гришка, а как-же с Аксюткой?

— А што?

— Небось, жалко кидать?

— Я кину — кто-нибудь подымет, — смеялся тогда Гришка.||

<Л. 11 об.>

20.

— Ну гляди, — жевал Петро изжеванный ус, — а то женишься, да не в пору...

— Тело заплывчиво, а дело забывчиво — отшутился Гришка.

А оно не так сложилось. И по ночам по обязанности лаская жену, горяча ее молодой своей любовной ретивостью, встречал Гришка с ее стороны холодок, смущенную покорность. Была Наталья до мужниных утех неохоча, при рождении наделила ее мать равнодушной медлительной кровью, и Григорий вспоминая иступленную в любви Аксинью вздыхал:

— Тебя, Наталья, отец должно, на крыге зачинал... Дюже ледянистая ты...

А Аксинья при встречах омутно улыбалась, темнея зрачками роняла вязкую тину слов:

— Здорово Гришенька! Как живешь-любишься с молодой женушкой?

— Живем... — отделявался Григорий неопределенным ответом и норовил поскорей уйти от ласкового Аксиньиного взгляда.

Степан, как видно примирился с женой. Реже стал бывать у кабака, и на гумне однажды вечером вея хлеб, в первый раз за время разлада предложил:

— Давай, Ксюша, заиграем песню?

Присели прислонясь к вороху обмолоченной пыльной пшеницы, Степан завел служивскую Аксинья грудным полным голосом дишканила. Складно играли, как в первые года замужней жизни. Тогда бывало едут с поля, прикрытые малиновой

полою вечерней зари и Степан покачиваясь на возу тянет старинную песню, тягуче-тоскливую, как одичавший в безлюдьи, заросший подорожником степной шлях. Аксинья уложив голову на выпуклые полукружья мужниной груди — вторит. Кони тянут скрипучую жогау, качают дышло. Хуторские старики издалека следят за песней.

— Голосистая жена Степану попала.

— Ишь ведут... Складно!

— У Степки-ж и голосина, чисто колокол!

И деды, провожавшие с заваленок пыльный багрянец заката, переговаривались через улицы:

— Низовскую играют...

Этую, полчек^{х)}, в Грузии сложили.

— То-то ее покойник Кирюшка любил!..

^{х)} Полчек — однополчанин, служивший в одном полку.||

<Л. 12>

21.

Григорий по вечерам слышал, как Астаховы зачинали песни. На молотьебе (ток ихний соседил с Степановым током), видел Аксинью попрежнему уверенную, будто счастливую. Так, по крайней мере, казалось ему.

Степан с Мелеховыми не здоровался. Похаживал по гумну с вилами, шевелил в работе широкими вислыми плечами, изредка кидал жене шутивное словцо и Аксинья смеялась играя из-под платка черными глазами. Зеленая юбка ее зыбилась дождем перед закрытыми глазами Григория. Шею его крутила неведомая сила поворачивая голову в сторону Степанова гумна. Он не замечал, как Наталья, помогая Пантелею Прокофьевичу насаживать посад, перехватывала каждый его невольный взгляд своим тоскующим ревнивым взглядом; не видел и того, как Петро, гонявший по кругу лошадей, взглядывая на него курносил лицо неприметной, про себя, ухмылкой.

Под глухой перегуд-стон распятой под каменными катками земли думал Гришка неясные думки, пытался и не мог поймать увиливавшие от сознания скользкие шмоточки мыслей.

С ближних и дальних гумен ползли и таяли в займище звуки молотьебы, крики погоньчей, высвист кнутов, татаканье вялочных барабанов. Хутор за жиревший от урожая, млея под сентябрьским прохладным сугревом, протянувшись над Доном, как бисерная змея поперек дороги. В каждом дворе, обнесенном плетнями, под каждой крышей каждого куреня коловертью кружилась своя обособленная от остальных полнокровная, горько-сладкая жизнь: дед Гришака простыв страдал зубами, Сергей Платонович, перетирая в ладонях расдвоенную бороду, наедине с собой плакал и скрипел зубами, раздавленный позором; Степан вынынчивал в душе ненависть к Гришке и по ночам во сне скреб железными пальцами лоскутное одеяло, Наталья убегающая в сарай падала на кизеки, тряслась сжимаясь в комок, оплакивая заплеванное свое счастье; Христоню, пропившего на ярмарке телушку, мучила совесть; томимый ненастным предчувствием и вернувшейся болью

вздыхал Гришка; Акси́нья лаская мужа слезами заливала негаснущую к нему ненависть||

<Л. 12 об.>

22.

уволенный с мельницы Давыдка-вальцовщик целые ночи просиживал у Валета в саманной завозчицкой и тот, посверкивая злыми [*хорьковыми*] глазками говорил:
— Нееет ша-ли-ишь! Им скоро жилы подрежут. На них одной революции мало. Будет им еще девятсот пятый год! Тогда поквитаемся. По-кви-та-емся! — грозил он рубцеватым пальцем и плечами поправлял накиннутый в напашку пиджак.

А над хутором шли дни сплетаясь с ночами, текли недели, ползли месяцы; дул ветер, на погоду гудела гора и застекленный осенней прозрачно-зеленой лазурью равнодушно шел к морю Дон.

4.

В конце октября в воскресенье поехал Федот Бодовсков в станицу. В кашолке отвез на базар четыре пары кормленных уток, продал. В лавке купил жене ситцу в цветочных загогулинах и совсем собрался уезжать (упираясь в ободь ногой затягивал супонь), в этот момент подошел к нему человек, чужой, не станичный.

— Здравствуйте. — Приветствовал он Федота касаясь смуглыми пальцами полей черной шляпы.

— Здравствуй, — выжидательно прищурил Федот калмыцкие глаза.

— Вы откуда?

— С хутора, не тутошний.

— А с какого будете хутора?

— С Татарскова.

Чужой человек достал из бокового кармана серебряный с лодочкой на крышке портсигар, угощая Федота папирской продолжал расспросы:

— Большой ваш хутор?

— Спасибочка, покурил. Хутор-то наш? Здоровый хутор. Никак дворов триста.

— Церковь есть?

— А как-же, есть.

— Кузнецы есть?

— Ковали тоесть? Есть и ковали.||

<Л. 13>

23.

— А при мельнице слесарная имеется?

Федот взвожжал занудившегося коня и неприязненно оглядел черную шляпу и морщины, на крупном белом лице, втыкавшиеся в короткую черную бороду.

— Вам чево надо-то?

— А я в ваш хутор переезжаю жить. Сейчас вот был у станичного атамана. Вы порожняком едете?

— Порожнем.

— Заберете меня? Только я не один, жена со мной да два сундука пудов на восемь.

— Забрать можно.

Сладились за два целковых. Федот заехал к Фроське-бублишнице, у которой стоял на квартире, подрядивший его, усадил шупленькую белобрысую женщину, поставил в задок повозки окованные сундуки. Выехали из станицы. Федот причмокивая помахивал на своего маштака волосянными вожжами, вертел плоско затылой угловатой головой; его почесывало любопытство. Пассажиры его скромненько сидели сзади, молчали. Федот сначала попросил закурить, а потом уж спросил:

— Вы откель-же прибываете в наш хутор?

— Из Ростова.

— Тамошний рожак?

— Как вы говорите?

— Спрашиваю, родом откеда?

— А, да, да, тамошний, ростовский.

Федот поднимая бронзовые скулы вгляделся в далекие заросли степного бурьяна: Гетманский шлях гребся на изволок и на гребне в коричневом бурьянном сухостое, в полверсте от дороги калмыцкий наметанно-зоркий глаз Федота различил чуть приметно двигавшиеся головки дудаков.

— Ружьишка нету, а то-б заехали на дудаков. Вон они ходют... — вздохнул — указывая пальцем.

— Не вижу. — сознался пассажир подслепом моргая.

Федот проводил глазами спускавшихся в балку дудаков и повернулся лицом к седокам. Пассажир был среднего роста, худошав, близко поставленные к мясистой переносице глаза светлели хитрецей. Разговаривая он часто улыбался и козырьком вытягивал верхнюю пухлую губу. Жена его закутавшись в вязаный платок дре-||

<Л. 13 об.>

24.

мала, лица ее Федот не разглядел.

— По какой-же надобности едете к нам в хутор на жительство.

— Я слесарь, хочу мастерскую открыть. Столярничать.

Федот недоверчиво оглядел его [белые] крупные руки и пассажир уловив взгляд добавил.

— К тому-же я являюсь агентом от компании Зингера, по распространению швейных машин.

— Чей-же вы будете по прозищу? — поинтересовался Федот.

— Моя фамилия Штокман.

— Не русский стало-быть?

— Нет, русский. Дед из немцев происходил.

За короткое время Федот узнал, что слесарь Штокман Иосиф Давыдович работал раньше на заводе «Аксай», потом на Кубани где-то, потом в юго-восточных железнодорожных мастерских. Помимо этого еще кучу подробностей чужой жизни выпытал любознательный Федот.

Пока доехали до казенного леса иссяк разговор. В придорожном родниковом колодезе напоил Федот припотевшего маштака и, осовелый от тряски и езды, начал подремывать. До хутора осталось верст пять. Федот примотал вожжи и свесив ноги прилег поудобней. Вздремнуть ему не удалось.

— Как у вас житье? — спросил Штокман подпрыгивая и вихляясь на своем сиденье.

— Живем — хлеб жуем.

— А казаки что-же, вообще, довольны жизнью?

— Кто доволен, а кто и нет. — на всякова не угодишь.

— Так, так. — соглашался слесарь, и помолчав продолжал задавать кривые, что-то таившие за собой вопросы:

— Сытно живут, говоришь?

— Живут справно.

— Служба, наверное, обременяет? А?

— Служба-то? Привычные мы, только и поживешь, как на действительной.

— Плохо вот то, что справляют все сами казаки.

— Да как же, туды их мать! — оживился Федот и опасливо глянул на отвернувшуюся в сторону женщину.||

<Л. 14>

25.

— С этим начальством беда!.. Выхожу на службу, продал быков — коня справил, а его взяли и забраковали.

— Забраковали? Притворно удивился слесарь.

— Как есть в чистую! Порченный говорят, на ноги. Я так, я сяк «Войдите, — говорю, — в положение, што у него ноги, как у призового жеребца, но ходит он петушиной рысью... проходка у него петушиная». Нет, не признали! Ить это раззор!..

Разговор оживился. Федот в увлечении соскочил с повозки, охотно стал рассказывать о хуторянах, ругать хуторского атамана за неправильную растряску луга, расхваливая порядки в Польше, где полк его стоял во время отбывания им действительной службы.

Слесарь остреньким взглядом сведеных в кучу глаз бегал по Федоту, шагавшему рядом с повозкой, курил легкий табак из костяного с колечками мундштука и часто улыбался; но косая поперечная морщина, рубцевавшая белый покатый лоб, двигалась медленно и тяжело, словно изнутри толкаемая ходом каких-то скрытых мыслей.

Доехали до хутора перед вечером. Штокман, по совету Федота, сходил к вдовой бабе Лукешке Поповой и снял у нее две комнаты под квартиру.

— Ково привез из станицы? — спрашивали у Федота соседки выждав его у ворот.

— Агента.

— Какова-такова агела?

— Дуры, эх, дуры! Агента, сказано вам. Машинами торгует. Красивым так раздает, а дурным, таким вот как ты, тетка Марья, за деньги.

— Ты-то, дьявол клешнятый хорош! Образина твоя калмыцкая!.. На тебя ко-нем не наедешь испужается!

— Калмык да татарин первые люди в степе, ты, тетушка не шути!... — уходя отбивался Федот.

Поселился слесарь Штокман у косой и длинноязыкой Лукешки[.]. [н]Ночь не успел заночевать, а по хутору уж бабы языки вывалили¹:

— Слыхала, кума?

— А што?

— Федотка-калмык немца привез.

— Ну ну?

— И вот тебе мать божья! В шляпе, а по прозвищу Штопал, чи Штокал...

— Никак из полицейских?

— Акцизный, любушка.

— Иии, бабонька, брешут люди! Он, гутарют, булгахтир, все одно, как попа Панкратия сынок.

— Пашка, сбегай, голубь, к Лукешке, спроси у ней потихоньку, мол «тета, ко-во к тебе привезли?..||

<Л. 14 об.>

26.

— Шибчей беги, чадушка!

На другой день приезжий явился к хуторскому атаману. Федор Маныцков, носивший атаманскую насеку третий год, долго вертел в руках черный клеенчатый паспорт, потом вертел и разглядывал писарь Егор Жарков. Переглянулись и атаман, по старой вахмистровской привычке, властно повел рукой:

— Живи.

Приезжий откланялся и ушел. Неделю из дома носа не показывал, жил как сурок в сурчине. Постукивал топором, мастерскую устраивал В летней завалюхе-стряпке. Охладел к нему бабий ненасытный интерес, лишь ребятишки дни напролет неотступно торчали над плетнями разглядывая чужого человека с звериным беззастенчивым любопытством.

5.

Григорий с женой выехали пахать за три дня до Покрова. Пантелей Прокофьевич прихворал и опираясь на костыль, повизгивая от боли, ломавшей поясницу, вышел проводить пахарей.

— Энти два улеша вспаши Гришка, што за толóкой у Краснова лога.

¹ ППС: «бабы языки уж вывалили».

— Ну-но. А, што под Таловым яром дяляна, с энтой как? — шопотом спрашивал перевязавший горло, охрипший на рыболовстве Григорий.

— После Покрова! Зараз и тут хватит. Полтора круга^{х)} под Красным, не жадуи!

— Петро не приедет пособить?

— Они с Дашкой на мельницу поедут. Надо ноне смолотить, а то завозно.

Ильинишна совала Наталье в кофту мягких бурсаков, шептала:

— А вы недолго, не припазднивайтесь.

— Не, маманя, мы рано возвернемся.

— Может Дуняшку-бы взяла погонять быков?

— Управимся и двое.

— Ну, гляди, ягодка. Христос с тобой.

Изгибая тонкий стан под тяжестью вороха мокрой одежды Дуняшка прошла через двор к Дону полоскать.

— Наташа, милушка! Там в Красном логу воробьиново шавлю сила, нарви.

— Нарву, нарву.

— Цыц, стрекотуха! — махал Пантелей Прокофьевич костьюлем.

Три пары быков потянули по дороге перевернутый запашник чертя затвердевшую от осеннего сухостоя и бездождья черствую землю. Григорий поминутно поправ-

^{х)} Круг — четыре казенных десятины.||

<Л. 15>

27.

ляя жавший шею платок, шел сбочь дороги, кашлял. Наталья шагала рядом с ним, на спине ее колотился мешок с харчами.

В степи за хутором стыла прозрачная тишина. За толокой за сутулым бугром расчесывали землю плугами, свистали погонычи, а тут, — над шляхом — голубая проседь низкорослой полыни, ощипанный овечьими губами придорожный донник, горюнок, угнутый в богомольном поклоне, да звонкая стеклянная стынь холодеющего неба, перерезанная летающими нитями самоцветной паутины.

Петро с Дарьей проводив пахарей собрались на мельницу. Подвесив в амбаре грохот Петро подвеивал пшеницу, Дарья насыпала в мешки и сносила на бричку.

Пантелей Прокофьевич запрет лошадей, заботливо оправил упряжь.

— Скоро што-ль?

— Зараз! — откликнулся из амбара Петро.

На мельнице [было] завозно. Двор густо уставлен подводами. Около весовой давка. Петро кинул Дарье вожжи и соскочил с брички.

— На мой ярлык скоро? — спросил у стоявшего за весами Валета.

— Успеешь.

— Какой номер смалывают?

— Тридцать восьмой.

Петро вышел сносить мешки. В это время в весовой заругались. Чей-то охриплый злой голос тьявал:

— Ты проспал, а теперь лезешь! Отойди хохол, а то клюну!

Петро по голосу угадал Якова Подкову. Прислушался. В весовой пух выпирая из дверей крик.

Четко лязгнул удар и из дверей с сбитым на затылок черным картузом вывалился немолодой бородатый тавричанин.

— За шо?!.. — крикнул он хватаясь за щеку.

— Я тебе зоб вырву, мать твою распротак!..

— Нет погоди!

— Микихфор, суда!

Яков Подкова (на службе ковал коня, взывав стукнул тот копытом по лицу Якова и проломив нос разрезав губы вылегла на лице подкова. Овальная шрам зарос, посинел, пятнышками чернели следы острых шипов, от этого и прозвище — Подкова) бравый плотно сбитый батарец, выбежав из дверей подсучивал рукава. Сзади его крепко хлобыстнул высокий в розовой рубахе тавричанин. Подкова хитнулся, но на ногах устоял.

— Братцы, казаков бьют!!..

Из дверей мельницы на двор, заставленный возами, как из рукава, попеременно посыпались казаки и||

<Л. 15 об.>

28.

тавричане, приехавшие целым участком. Свалка завязалась у главного входа, хряснули двери под напором нахлынувших тел. Петро кинул мешок и крикнув мелкими шажками потрусил к мельнице. Привстав на возу Дарья видела, как Петро втесался в середину валяя подручных, охнула, когда Петра на кулаках донесли до стены и уронили топчя ногами. Из-за угла от машинной размахивая железным болтом бежал в прискокку Митька Коршунов.

Тот самый тавричанин, который сзади ударил Подкову, вырвался из кучи, за спиной его подбитым птичьим крылом трепыхался оторванный розовый рукав. Низко пригинаясь, чертя руками землю он добежал до первой повозки и легко вывернул оглоблю. Над мельничным двором тягуче и хрипло плыло

— Ааааа...

— Гууу...

— Ая-яа-ааа.

Хряск. Туп. Стон. Гуд...

Трое братьев Шумилиных прибежали из дома. Безрукий Алексей упал в литке, запутавшись ногами в брошенных кем-то вожжах, вскочил, запрыгал через сомкнутые дышла повозок, прижимая к животу холостой рукав оторванной левой руки. У брата его Мартына вылезла из белого чулка вобратая штанина, нагнулся хотел вобрат, но у мельницы всплеснулся вой. Чей-то крик взлетел высоко, над покатою крышей мельницы, как взвихренная нитка паутины. Мартын выпрямился и кинулся догонять Алексея.

Дарья смотрела с воза, задыхаясь, ломая пальцы, кругом взвизгивали и выли бабы, беспокойно стригли ушами лошади, взмыкивались прижимаясь к возам быки... Мимо проковылял плямкая губами бледный Сергей Платонович, под жилеткой круглым яйцом катался живот.

Дарья видела, как Митьку Коршунова подкосил оглоблей тавричанин в расшматованной розовой рубахе и сейчас-же упал навзничь выронив расщепленную оглоблю, а на него ступил безрукий Алексей прислонивший к тавричанскому затылку свой кулак-свинчатку. Перед глазами Дарьи разноцветными лоскутьями мелькали разрозненные сценки побоища: она видела и не удивилась тому, как Митька Коршунов стоя на коленях резнул железным болтом бежавшего мимо Сергея Платоновича; тот вскинул размахавшимися руками и пополз раком в весовую, его топтали ногами, валили навзничь... Дарья истерически хохотала и ломались в смехе||

<Л. 16>

29.

черные дуги ее подкрашенных [ee] бровей. Оборвала сумасшедший смех наткнувшись глазами на Петра: качаясь, выбрался он из колыхавшейся гудевшей гущи и лег под возом харкая кровью. Дарья метнулась к нему с криком.

А из хутора бежали казаки с колями, один махал пешней. Побоище принимало чудовищные размеры. Дрались не так, как под пьянку у кабака, или в стенках на масленицу. [y]У дверей весовой лежал с проломленной головой молодой тавричанин, разводя ногами окунал голову в черную спекшуюся кровь, кровяные сосульки волос падали на лицо; как видно отходил свое по голубой веселой земле...

Тавричан, сгрудившихся овечьим гуртом, оттеснили к завозчицкой. Худымбы окончилось дело, если б старик-тавричанин не догадался: вскочив в завозчицкую он выдернул из печи искрящуюся головню и выбежал из дверей. Бежал к сараю где хранился отمول, тысяча с лишком пудов хлеба, и из-за плеча его кисею вился дым, выпархивали тусклые в дневном свете искры.

— Запа-лю-ю-юуу!.. — дико взревел поднося к камышевой крыше трескучую головню.

Казаки дрогнули и стали. Сухой порывистый ветер дул с востока, относил дым от крыши к завозчицкой, к куче сгрудившихся тавричан...Одну добротную искру в сухой слежалый камыш крыши и дымком схватится хутор...

Гул, глухой и короткий тронул ряды казаков. Кое-кто задом отходил к мельнице, а тавричанин махая головней, сея огненные капли из сизого дыма кричал:

— Спалю, туды растуды!.. Спа-лю-юуу! Ухоть с двора!..

Синий, во многих местах изуродованного своего лица, Яков Подкова — зачинщик драки первый покинул мельничный двор. За ним стекли поспешно и скоро.

Тавричане побросав мешки запрягли в брички лошадей и стоя, махая узлами ременных вожжей, полосая лошадей кнутами вырвались из двора и загрохотали по улице за хутор.

Безрукий Алексей — посередь двора, мечется по поджарому животу холостой завязанный в конце рукав рубахи, всегдашней судоргой дергается глаз и щека.

— На конь, казаки!..

— Догнать!..

— Дале гребня не ускачут!..||

<Л. 16 об.>

30.

Митька Коршунов кособочась, кинулся было из двора. Заметная суматоха вновь рябью тронула собравшихся у мельницы казаков, но в момент этот от машинной скорыми шагами подошел никем непримеченный раньше, незнакомый в черной шляпе человек; строгая толпа лезвиями сведенных в кучу остреньких глаз поднял руку.

— Стойте!

— Ты кто такой? — сдвинул танцующие брови Подкова.

— Откель сорвался?

— Узы ево!..

— Га!..

— Тю-ю-ю!..

— Пойдите, станичники...

— Куцый кобель тебе станишник!

— Мужик!..

— Лапоть дровяной!..

— Дай ему, Яшь!

— По гляделкам ему!.. По гляделкам!..

Человек улыбнулся смущенно и без боязни снял шляпу, жестом беспримерной простоты вытирая лоб. Улыбкой обезоружил вконец.

— В чем дело? — махнул он сложенной в двое шляпой указывая на черную питанную землей кровь у двери весовой.

— Хохлов били. — мирно ответил безрукий Алексей и подморгнул щекой и глазом.

— За что били?

— За очередь! Не залазь наперед — пояснил Подкова выступая вперед и широким взмахом вытирая красную соплю под носом.

— Вложили им память!..

— Эх, догнать-ба... В степе не зажгешь.

— Сробели, а небось не посмел-бы?

— Человек в отчаянности, зажег-бы, как пить дать.

— Хохлы они огромдно сердитые — усмехнулся Афонька Озеров.

Человек махнул шляпой в его сторону.

— А ты кто?

Тот презрительно цвиркнул через скважину щербатого рта и проследив за полетом слюнной петли, оставил ногу.

— Я-то — казак, а ты не из цыганев?

— Мы с тобой обое русские.

— Брешешь! — отдельно выговорил Афонька.

— Казаки от русских произошли. Знаешь про это?

— А я тебе говорю, — казаки от казаков ведутся!

— В старину от помещиков бежали крепостные, селились на Дону, их-то и прозвали казаками.||

<Л. 17>

31.

— Иди-ка ты, милый человек, своим путем! — сжимая запухшие пальцы в кулак, сдержанно-злобно посоветовал Алексей безрукий и заморгал чаще.

— Сволочь, поселилась... Ишь поганка, в мужиков захотел переделать!

— Кто это такой? Слышь, Афанасий?

— Приехал тут какой-та. У Лукешки косой квартирует.

Момент для погони был упущен.

Казаки расходились оживленно обсуждая происшедшую стычку.

Ночью, за восемь верст от хутора, в степи, кутаясь в колючий плотный зипун, Григорий тоскливо говорил Наталье:

— Чужая ты какая-то... Ты, как этот месяц: не холодишь и не греешь. Не люблю я тебя, Наташка, ты не гневайся. Не хотел гутарить про это, да нет, видно, так не прожить!.. И жалко тебя, кубыть за эти деньки и сроднились, а нету на сердце ничево... Пусто. Вот, как зараз в степе...

Наталья глядела вверх на недоступное звездное займище, на тенистое прозрачное покрывало плывущей над ними тучки, молчала. Оттуда с черно-голубой вышней пустоши серебряными колокольцами кликали за собой припозднившиеся в полете журавли.

Тоскливо мертвенно пахли отжившие травы. Где-то на бугре мерцала кумачная крапинка разложенного пахарями костра...

Перед светом Григорий проснулся. На зипуне на два вершка лежал снег. В мерцающей девственной голубизне свежего снега томилаась степь и четкие синели возле стана следы плутовавшего по первопутку зайца.

6.||

<Л. 18>

32.

6.

С давних пор велось так: если по дороге на Миллерово ехал казак один, без товарищей, то стоило ему при встрече с хохлами (хохлачьи слободы начинались от хутора Нижне-Яблоновского и тянулись вплоть до Миллерова на 75 верст) не уступить дорогу и хохлы избивали его. Оттого ездили на станцию по несколько подвод вместе и тогда уж встречаясь с хохлами в степи не боялись вступать в перебранку:

— Эй, хохол! Дорогу давай! На казачьей земле живешь, сволочуга да ишо до рогу уступать не хочешь!

Не сладко бывало и хохлам, привозившим к Дону на Парамоновскую ссыпку пшеницу. Тут драки начинались без всякой причины, просто потому, что — хохол, а раз хохол — надо бить.

Не одно столетье назад заботливая рука посеяла на казачьей земле семена национальной розни, растила и холила их и семена гнали богатые всходы: в драках

лилась на землю Донскую голубая казачья кровь хозяев и алая — воронежских пришельцев — москалей и хохлов.

Через две недели, после драки на мельнице, в хутор приехал становой пристав и следователь. Штокмана вызвали на допрос первого.

Следователь, молодой из казачьих дворян чиновник, роясь в портфеле спросил.

— Вы где жили до приезда сюда?

— В Ростове.

— В 1907 году за что отбывали тюремное наказание?

Штокман сверкнул хориными глазами по портфелю и косому в перхоти пробору на склоненной голове следователя.

— За беспорядки.

— Угу-м... Где вы работали в то время?

— В железно-дорожных мастерских.

— Профессия.

— Слесарь.

— Вы не из жидов? Не выкрест?

— Нет. Я думаю...

— Мне не интересно знать, что вы думаете. В ссылке были?

— Да. Был.

Следователь поднял голову от портфеля и пожевал выбритыми в пупырышках губами.

— Я вам посоветую уехать отсюда, про себя: — впрочем я сам постараюсь об этом.

— Почему, господин следователь?

На вопрос вопросом:||

<Л. 18 об.>

33.

— О чем вы имели беседу с местными казаками в день драки на мельнице?

— Собственно...

— А, ну, можете быть свободны.

Штокман вышел на террасу моховского дома, (у Сергея Платоновича всегда становилось начальство, минуя взъезжую) и улыбаясь, (а наискось лба лежала скользкая морщина), — оглянулся на створчатые крашенные двери.

7.

Зима легла не сразу. После Покрова стоял выпавший снег и табуны снова выгнали на подножный. С неделю тянул южный ветер, тепло, отходила земля и ярко доцветала в степи поздняя мшистая зеленка. Ростепель держалась до Михайлова дня, потом давил мороз, вывалил снег; день ото дня холод крепчал, подпало еще на четверть снегу и на кинутых обдонских огородах. Через занесенные по маковки плетни, девичьей прошивной мережкой легли петлястые стежки заячьих следов.

Улицы обезлюдели.

Пластался над хутором кизечный дым, возле кучек рассыпанной сбочь дороги золы закагакали налетевшие к жилью грачи. Сизой выцветшей лентой закривилась по хутору санная ровень дороги-зимнұхи.

На майдане собрался однажды сход. Подходил дележ и порубка хвороста. Толпились у крыльца правления в тулупах и шубах, поскрипывали валенками. Холод загнал в правление. За столом по бокам от атамана и писаря расселись почетные, — в серебряной седине бород, — старики, помоложе с разномастными бородами и безбородные казаки жались в кураготы брунжали из овчинной теплыни воротников. Писарь крыл бумагу убористыми строками, атаман засматривал ему через плечо, а по нахолодавшей комнате правления приглушенным гулом:

- Сенá ноне...
- Во-во. Луговое — корм, а со степи гольный донник
- Бывалоча в старину до рожества в попасе.
- Калмыкам добро.
- Экхе-м,
- У атамана-то волчий ожерёлок, ишь голову||

<Л. 19>

34.

не повернет.

- Калкан нажрал, боров-дьявол.
- Тю, сват, аль зиму пужаешь? Тулупишше-то...
- Цыган таперича шубу продал.
- На святках ночуют эта цыгане в степе, а укрываться нечем, бреднем оделся, забрало до тонкой кишки — проснулся цыган, палец-та в ичейку просунул и матери: «Ху, маманя, — гутарит, — то-то на базу и холодишша ...»
- Упаси бог — сколизь зачнется.
- Быков ковать, не иначе.
- Надьсь рубил я белотал у Чертовой Ендовы, хорош.
- Захар, мотню застегни... Отморозишь — баба с база сгонит.
- Гля, Авдеич, ты, што-ль, обчественнова бугая правдаешь?
- Отказалси. Паранька Мрыхина взялась. Я, дескать, вдова, все веселей...

Владай, говорю, в случай приплод...

- Эхха-ха-ха.
- Гы-гы-гыы...
- Господа-старики! Как в щет хвороста... Тишше!..
- В случай, говорю, приплод объявится... кумом, стал-быть...
- Тише! Покорнеше просим!

Сход начался. Атаман поглаживая запотевшую насеку, выкрикивал фамилии раздатчиков, дымился паром, обдирая мизинцем сосульки с бороды. Сзади, у хлопающей двери, пар, давка звучные хлопки сморканий.

— В четверг нельзи назначать порубку! — старался перекричать атамана Иван Томилин, и тер пунцовые уши, кособоча голову в синей артиллерийской фуражке.

— Как так?

— Ухи оторвешь, пушкарь!

— Мы ему бычьиные пришьем.

— В четверг половина хутора, за сеном на отвод собираются. Эх, рассудили!..

— С воскресенья поедешь.

— Господа-старики!..

— Чево там!

— В добрый час!..

— Гууууу.

— Гогогоооо.

— Гааааа.

Старик Матвей Кашулин перегинаясь через шаткий стол запальчиво взвизгивал, тыкал в сторону Томилина яseneвым гладким костылем.

— Погодишь с сеном!... Небось! Как обчество. Ты сроду, поперек становишься. Молодой дурак, братец ты мой!.. Вот. Ишь ты... Вот.||

<Л. 19 об.>

35.

— Ты сам до старости ума в соседях занимаешь!

Выпячивая голову в красноверхом облезлом треухе из задних рядов безрукий Алексей частил примаргивая глазом, судорожно дергая дырявой щекой.

Он шесть лет враждовал с стариком Кашулиным из-за клочка перепаханной земли. Бил его каждую весну, а земли захватил у него Матвей Кашулин с воробынью четверть зажмурившись переплюнуть можно.

— Замолчь, судорга!

— Жалкую, што далеко, отсель не достану, а то я-бы тебя тюкнул, аж красную соплю-б уронил!

— Ишь ты, мать твою, моргун косорукий!..

— Цыцте вы, связались!..

— Вон, на баз, там и склешитесь. Право!

— Брось, Алексей, вишь старик наежился, ажник папах на голове шевелится.

— А он што-ж...

— Завтра в úху ему насы, а зараз помалкивай.

— В тигулевку их, какие скандальничают!..

Атаман вплюснул кулак в пискнувший стол.

— Зараз сидельцев позову! Молчать!..

Смолкая гул прошелся до задних рядов и заглох.

— В четверг, как рассветнется, выезжать на порубку. Как вы господа-старики?

— В добрый час!

— Давай бог!

— Ноне стариков не дюже слушают...

— Небось будут слушать. Аль управу не сыщем? Мой Алексашка, как отделил ево, было-к в драку кинулси, за грудки хватался. Я ево до разу секанул: зараз-же заявлю атаману и старикам, выпорем!.. Посмирнел, слег, как травина под полой водой.

— А ишо, господа-старики, получена от станишнова атамана распоряженья. — атаман перевел голос и покрутил головой: стоячий воротник мундира задирая подбородок. врзался ему в шею. — В эту субботу в станицу молодым на присягу. Штоб к вечеру были у станишнова правления.

У крайнего к двери окна Пантелей Прокофьевич по журавлиному под-||

<Л. 20>

36.

жимая хроную ногу стоял рядом с сватушкой. Мирон Григорьевич в распахнутом тулупе сидел на подоконнике, улыбался, морщина глаза, в гнедую бороду. На коротких белесых ресницах его пушился иней, коричневые крупные конопилы налились от холода кровью, посерели. Около них перемигиваясь, улыбаясь толпились казаки помоложе, а в середине сдвинув на плоский лысеющий затылок синеверхую атаманскую с серебрянным перекрестом папаху покачивался на носках одногодок Пантелея Прокофьевича, не стареющий вечно налитой как яблоко-антоновка румянцем Авдеич, по кличке брех.

Служил Авдеич когда-то в лейб-гвардии атаманском полку. На службу пошел Синилиным, а вернулся... Брехом.

Он первый из хутора попал в атаманский полк и диковинное поделалось с казак: рос парнем, как и все; водилась за ним с малых лет малая придурь, а с службы пришел и пошло колесом под гору.

С первого-же дня, как только вернулся, начал рассказывать диковинные истории про службу свою при царском дворце и про свои необыкновеннейшие в Петербурге приключения. Ошалелые слушатели сначала верили, разинув рты принимали на совесть, а потом и открылось, что враль Авдеич, каких хутор с основания своего не видывал: над ним смеялись в открытую, но он <не> краснел уличенный в чудовищных своих измышлениях, (а может и краснел, да за всегдашним румянцем не разобрать) но врать не переставал. Под старость вовсе свихнулся. Припрут к стене — обидится, в драку лезет, а молчат, посмеиваются — горит в небывальщине, насмешек не замечает.

Был в хозяйстве дельный и работающий казак, делал все с рассудком, кой-где и с хитринкой, а когда касался разговор атаманской его службы... тут уж всяк прост руками разводил приседа на землю от хохота, выворачившего нутро.

Авдеич стоял в середине, качался на растоптанных в круглышок валенках, оглядывая толпившихся казаков говорил веско и басовито.

— Ноне казак совсем отменитый. Мелкий казак и никудышный. Возгрёй любова на двое першибежь. Так, словом, — и презрительно улыбаясь придавил валенком плевков. — Мне довелось в станице Вешенской поглядеть на мертвые костяки, вон, было казачество — это да!..||

<Л. 20 об.>

37.

— Иде-же раскопал их, Авдеич? — спросил голощекий Аникушка и толкнул локтем соседа — Пантелея Прокофьевича.

— Ты, односум, уж не бреши ради близкого праздника. — Сморщил Пантелей Прокофьевич горбатый нос и дернул в ухе серьгу. Он не любил пустобреха.

— Я, брат, сроду не брешу. — внушительно сказал Авдеич и с удивлением оглядел Аникушку, дрожавшего как в лихорадке. — А видал мертвячьи кости, как дом строили мому шурину. Зачали фундамент класть и отрыли могилу. Стал быть в старину тут у Дона возля церкви и кладбишша была.

— Што ж костяки-то? — недовольно спросил Пантелей Прокофьевич собираясь уходить.

— Ручина — во. — развел Авдеич граблястые руки, — голова, ей-богу не брешу, с польской котел.

— Ты, Авдеич, лучше рассказал-бы молодым, как ты в Санкт-Петербурге разбойника поймал. — предложил Мирон Григорьевич и встал с подоконника запахивая тулуп.

— Што там рассказывать-то. — заскромничал Авдеич.

— Расскажи.

— Просим!

— Сделай честь, Авдеич!

— Оно видишь, как случилось, — откашлялся Авдеич и достал из шаровар кисет. Высыпал на скрюченную ладонь щепоть табаку, кинул в кисет вывалившиеся оттуда два медяка и обвел слушателей счастливыми глазами: — Из крепости убег зарестованный злодей. Туды-сюды искать — нету. Вся власть с ног сбилась. Пропал во взят и шабаш! Ночью призывает меня караульный офицер, прихожу... Да-а... «Иди — говорит, — в покои ихнева инператорскова величества, тебя... сам государь-инператор требует». Я, конечно, оробел, вхожу. Стал во фронт, а он милостивец ручкой меня по плечу похлопал и говорит: «Вот што — говорит — Иван Авдеич, убег первый для нашей инперии злодей. В землю заройся, а сыщи, иначе на глаза не являйся!» Слушаюсь, ваше инператорское величество, — говорю. Да-а-а, братцы мои, была мне закрутка... Взял я из царской конюшни тройку первеющих коней и марш-марш! — Авдеич закуривая оглядел потупленные головы слушателей и одушевляясь загремел из всячего облака дыма, заку-||

<Л. 21>

38.

тавшего его лицо: — День скачу, ночь скачу. Аж на третьи сутки под Москвой догнал. В карету ево — любушку — и тем следом обратно. Приезжаю в полночь, весь в грязи и прямо иду к самому. Меня это разные-подобные князья с графьями не пускать, а я иду. Да. Стучусь. «Дозвольте, ваше императорское величество войтить?» «А это кто таков? — спрашивает. — это я, — говорю — Иван Авдеич Синилин. Поднялась там смятенья, слышу сам кричит: «Мария Федоровна! Мария Федоровна! Вставай скорей, ставь самовар, Иван Авдеич приехал!..»

Гроном лопнул в задних рядах смех. Писарь, читавший объявление о пропавшем и приблудившемся скоте споткнулся на фразе «левая нога по щиколку в чулке». Атаман гусаком вытянул шею, рассматривая колыхавшуюся в хохоте толпу.

Авдеич сдернул папаху, хмурясь растерянно перебежал глазами с одного на другого.

— Погодите!

— Охо-ха-ха-ха!

— Ох, сме-е-ертынь-ка!

— Гык-гык-гы-ы-ык!

— Авдеич, кобель лысый, ох! ох!..

— Ставь само-о-вар! Авдеич приехал! Ну и ну!..

Сход начал расходиться. Тягуче непрерывно стонали досчатые промерзшие порожки крыльца. На затоптанном у правления снегу топтались согреваясь в борьбе Степан Астахов и высокий голенастый казак-хозяин ветряка-голландки:

— Через голову мирошкина! — советовали окружившие их казаки. — Вытряси из него отрубя, Степка.

— Ты под силы-та не перехватывай! Догадлив дюже, ишь. Горячился подскакивая по воробьиному старик Кашулин и в увлечении не замечал ядреной светлой капли, застенчиво повиснувшей на пипке его сизого носа.

8.

Пантелей Прокофьевич вернулся с схода и прямо прошел в боковушу, комнату, которую он занимал с старухой. Ильинишна эти дни прихварывала. На водянисто пухлом лице ее виднелась усталость и боль. Она лежала||

<Л. 21 об.>

39.

на высоко сбитой перине привалясь спиной к подушке поставленной сторчмя. На туп знакомых ей шагов повернула голову, с давнишней прижившейся на ее лице суровостью, глянула на мужа, остановила взгляд на мокрых от дыханья завитках бороды, теснивших рот Прокофьевича, на слезалые влитые в бороду влажные усы. Двинула ноздрями, но от старика нанесло морозом, кислым душком овчины. «Тверезый ноне». подумала и довольная положила на пухлый свой живот чулок с иглами и недовязанной пяткой.

— Што-ж порубка?

— В четверг порешили. — разгладил усы Прокофьевич, — В четверг с утра, — повторил он присаживаясь рядом с кроватью на сундук.

— Ну, как? Не легшает все?

На лицо Ильинишны тенью легла замкнутость.

— Так же. Стреляет в суставы, ломит.

— Говорил дуре, не лезь в воду осеней! раз знаешь за собой беду — не рыпайся, — вскипел Прокофьевич чертя по полу костылем широкие круги, — Аль

мало баб? Будь они трижды прокляты твои конопи! Помочила, а теперя... Боже-жка мой, то-то... Эх!

— Конопям тоже не пропадать. Баб не было, Гришка с своей пахал, Петро с Дарьей иде-то ездили.

Старик дыша на сложенные ладони рук нагнулся к кровати:

— Наташка как?

Ильинишна оживилась, заговорила с заметной тревогой.

— Што делать, не знаю... Надьсы опять кричала. Вышла я на баз, гляжу дверь амбарную расхлебенил кто-та. Сем-ка пойду притворю думаю. Взошла а она у просянова закрома стоит. Я к ней, «чево, ты, чево касатка?», — а она «голова што-то болит, маманя». Правды ить не добьешься.

— Может... хворая?

— Ды-к нет пытала... Либо порчу напустили, либо с Гришкой чево...

— Он к этой... случаем не прибивается опять?

— Што-ты, дед! Што-ты! — Испуганно всплеснулась Ильинишна, — А Степан, аль глупой? Не||

<Л. 22>

40.

примечала, нет.

Старик посидел немного и вышел.

Григорий в своей горнице подтачивал напилком крючки на нарезных снастях. Наталья смазывала их свиным растопленным жиром и аккуратнo заворачивала каждый в отдельную тряпочку. Пантелей Прокофьевич похрамывая мимо пытли-во глянул на Наталью. На пожелтевших щеках ее, как на осеннем листке, чах неяркий румянец. Она заметно исхудала за этот месяц и в глазах появилось что-то новое, жалкое. Старик остановился в дверях. «Эх выхолил бабу». Подумал еще раз взглянув на склоненую над лавкой гладко причесанную голову Натальи. Григорий сидел над окном, дергая напилком и на лбу его черной спутанной чолкой прыгали волосы.

— Брось к чортовой матери!.. Баглай, сукин сын! Нашел час крючья точить!.. — багровея от приступившего бешенства шумнул старик и сжал костыль, удерживая руку. Григорий вздрогнул, недоумеая поднял на отца глаза.

— Хотел вот два конца сточить, батяня.

— Брось тебе велят! На порубку собирайся!..

— Я зараз.

— Притык в саях ни одной нету, а он — крючья — уже спокойно проговорил старик и потоптавшись около дверей, (как видно еще что-то хотел сказать), вышел. Остаток злобы сорвал на Петре. Григорий одевая полушубок слышал, как отец кричал во дворе:

— Скотина до се не поеная, чево ж ты глядишь, такой-сякой?.. А это кто прикладок, што возле плетня, расчал? Кому гутарил, штоб не трогали крайнева прикладка?.. Потравите, проклятые самое доброе сено, а к весне в пахату чем быков будешь правдать?..

В четверг часа за два до рассвета Ильинишна разбудила Дарью.

— Вставай. Пора затоплять.

Дарья в одной рубашке кинулась к печке. В конурке нашарила серники, зажгла огонь.

— Ты поскорей стряпайся. — торопил жену взлохмаченный Петро закуривая и кашляя.

— Наташку-то жалеют будить, дрыхнет бессовестная. Што-ж я на двое должна разорваться. — бурчала заспанная сердитая спросонок Дарья.

— Поди разбуди. — советовал Петро.

Наталья встала сама. Накинув кофту вышла в катух за кизеками.||

<Л. 22 об.>

41.

— Поджожек принеси! командовала старшая сноха.

— Дуняшку пошли за водой, слышь, Дашка? — с трудом передвигая по кухне ноги хрипела Ильинишна.

В кухне пахло свежими хмелинами, ременной сбруей, теплом человеческих тел. Дарья бегала шаркая валенками, грохотала чугунами и под розовой рубашкой, с засученными по локоть рукавами, трепыхались маленькие груди. Замужняя жизнь не изжелтила, не высушила ее: высокая, тонкая, гибкая в стану, как красноталовая хворостина, была она похожа на девушку. Вилась в походке, перебирая плечами, на окрик мужа посмеивалась и под тонкой каймою злых губ плотно просвечивали мелкие частые зубы.

— С вечеру надо было кизеков наложить. Они-б в пече подсохли. — недовольно бурчала Ильинишна.

— Забыли, мамаша. Наша беда. — за всех отвечала Дарья.

Пока отстряпались — рассвело. Пантелей Прокофьевич обжигаясь жидкой кашей спешил дозавтракать. Хмурый Григорий жевал медленно гоня под над скулами комки жевлаков. Петро потешался незаметно для отца, передразнивая Дуняшку, завязавшую от зубной боли щеку.

По хутору скрипели полозья саней. В серой рассветной мари двигались к Дону бычьи подводы. Григорий с Петром вышли запрягать. На ходу заматывая мягкий шарф, — невестин жениху подарок, — Григорий глотал морозный и сухой воздух. Горловой полнозвучный крик уронил пролетая над двором ворон. Отчетливо в морозной стыни слышен шелест медленных в взмахх крыльев, Петро проследил за полетом, сказал:

— К теплу. На юг правится.

За розовеющим, веселым, как девичья улыбка, облачком, маячил в небе тоненький-тоненький краюшек месяца. Из трубы дыбом вставал дым и безрукий тянулся к недоступно далекому, золотому, отточенному, лезвию молодого месяца.

Против Мелеховского двора Дон не замерз. По краям зеленоватый в снежных переносах креп лед, под ним ластилась, пузырилась не захваченная стремем вода, а подальше||

<Л. 23>

42.

середины, к левому берегу, где из чернойря били ключи, грозная и манящая чернела полынья в белых снежных заедях и по ней черными конапушками перенрывали оставшиеся на зимовку дикие утки.

Переезд шел от площади. Пантелей Прокофьевич не дождавшись сыновей, первый поехал на старых быках, Петро с Григорием поотстав выехали следом. У спуска догнали Аникушку. Воткнув в ручице топор с новехоньким топорщиком Аникушка подпоясанный зеленым кушаком шел рядом с быками. Жена его, мелкорослая хвора бабенка, правила быков. Петро еще издали крикнул:

— Сосед, ты никак бабу волокешь с собой?

Смешливый Аникушка, приплясывая, подошел к саням.

— Везу, везу. Для сугреву.

— Тепла от ней мало, суха дюже.

— Овсом кормлю, а вот не поправляется.

— Нам в одной дяляне хворост? — спросил Григорий соскочив с своих саней.

— В одной, ежли закурить дашь.

— Ты, Аникей, сроду на чужбинку.

— Ворованное, да выпрошенное всего слаже. — подхакивал Аникушка морщина голое бабье лицо улыбкой.

Поехали вместе. В лесу, завешенном кружевным инеем, строгая бель. Аникушка ехал передом шелкая кнутом по нависшим над дорогой веткам. Снег игольчатый и рыхлый падал гроздьями осыпая закутанную Аникушкину жену

— Не дури, чорт! — кричала она отряхаясь.

— Ты ее в сугробину носом! — кричал Петро норовя попасть быку под пузо, для пушего хода.

На повороте к Бабьим Ендовам наткнулись на Степана Астахова. Он гнал распряженных в ярме быков к хутору, размашисто шел поскрипывая подшитыми валенками. Курчавый обьяневший чуб его висел из-под надетой набекрень папахи белой виноградной кистью.

— Эй, Степа, заблудил! — крикнул равняясь Аникушка.

— Заблудил, мать ево чорт... На пенек вдарило сани под раскат — полоз пополам. Пришлось вернуться. — Степан добавил походное¹ словцо и прошел мимо Петра нагло шуря из-под длинных ресниц светлые разбойные глаза.

— Сани бросил? — оборачиваясь крикнул Аникушка.

Степан махнул рукой, шелкнул кнутом заворачивая направившихся по целине быков и проводил||

<Л. 23 об.>

43.

шагавшего за санями Гришку долгим взглядом. Неподалеку от первой ендовы Григорий увидел брошенные середь дороги сани, около саней стояла Аксинья.

¹ В черновом автографе «похабное».

Левой рукой придерживая полу донской шубы она глядела на дорогу, навстречу двигавшимся подводам

— Отойди, а то стопчу! Ух ты, жена не моя!.. — заржал Аникушка. Аксинья улыбаясь посторонилась, присела на скособоченные без полоза сани.

— Вон и твоя с тобой сидит.

— Влепилась, как репей в свинячий хвост, а то-бы я тебя подвез.

— Спасибочка.

Петро равняясь с ней мельком оглянулся на Григория, ехавшего последним. Тот шел беспокойно улыбаясь, тревога и ожидание сквозили в каждом его движении.

— Здорово живешь, соседка. — поздоровкался Петро касаясь рукавицей шапки.

— Слава богу.

— Обломались, никак?

— Обломались. — протяжно ответила Аксинья, не глядя на Петра и встала поворачиваясь лицом к подходившему Григорию.

— Григорь Пантелевич, сказать-бы вам нужно...

Григорий свернул к ней, сказал негромко отъезжавшему Петру.

— Надглядай за моими быками.

— Ну-но. — грязно усмехнулся Петро, заправляя в рот горький от табачного дыма ус.

Они стояли друг против друга, молчком. Аксинья тревожно глядела по сторонам и переводила влажные черные глаза на Григория. Стыд и радость выжигали ей щеки, сушили губы. Она дышала короткими частыми вздохами.

Сани Аникушки и Петра скрылись за коричневой порослью дубняка. Григорий в упор поглядел Аксинье в глаза и увидел как вспыхнули они балованным отчаянным огоньком.

— Ну, Гриша, как хошь, жить без тебя моченьки нету! — твердо выговорила она и накрепко сжала губы ожидая ответа. Григорий молчал. Тишина обручем сковала лес. Звенело в ушах от стеклянной пустоты. Притертый полозьями глянец дороги, серая ветошь далекого неба, лес немой смертно||

<Л. 24>

44.

сонный... Внезапный клекочущий и близкий крик ворона словно разбудил Григория от недолгой дремоты. Он поднял голову и увидел: вороненая с черной синевой оперенья птица поджав ноги в беззвучном полете, прощально махает крыльями. Неожиданно для самого себя Григорий сказал:

— Тепло будет. В теплую сторону летит... — и встрепенувшись хрипло засмеялся, — Ну... — он воровски повел низко опущенными зрачками опьяневших глаз и рывком притянул к себе Аксинью.

9.

Вечером у косой Лукешки в половине Штокмана собирался разный люд: приходил Христоня, с мельницы Валет, в накинутом на плечи замазленным пиджаке, скалозуб Давыдка бивший три месяца баклуши; и машинист Котляров Иван Алексеевич, изредка наведывался Филька Чеботарь; и постоянным гостем был Мишка Кошевой — еще не ходивший на действительную молодой казак.

Резались сначала в подкидного дурака, потом, как-то незаметно, подсунул Штокман книженку Некрасова. Стали читать в слух, понравилось. Перешли на Никитина, а около Рождества предложил Штокман почитать затрепанную гнусного вида безпереплетную тетрадку. Кошевой, окончивший когда-то церковную школу, читавший вслух, пренебрежительно оглядел промасленную тетрадь.

— Из нее лапши нарезать. Дюже жирная. Христоня гулко захохотал, ослепительно блеснул улыбкой Давыдка, но Штокман, переждав общий смех сказал:

— Почитай, Миша. Это про казаков. Интересная. Кошевой свесив над столом золотистый чуб раздельно прочел:

— Краткая история донского казачества. — и оглядел всех ожидающе шурясь.

— Читай. — приказал Иван Алексеев.

Мусолили три вечера. Про Пугачева, про вольное житье, про Стеньку Разина и Василия Булавина.

Добрались до крайних времен. Доступно и зло безвестный автор высмеивал скудную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самим казачеством, нанявшимся к монархам в опричники. Заволновались. Заспорили. Загудел Христоня||

<Л. 24. об.>

45.

подпирая головой потолочную матку. Штокман сидел у дверей, курил из костяного с колечками мундштука, смеялся одними глазами.

— Правильна! Справедлива! — бухал Христоня.

— Не сами виноваты, довели до такой страмы казаков. — недоуменно разводил руками Кошевой и морщил красивое темноглазое лицо. Был он коренаст одинаково широк в плечах и в бедрах, оттого казался квадратным; на чугунок крепком устое сидела плотная в кирпичном румянце шея и странно выглядела на этой шее красивая в посадке небольшая голова с женским очертанием матовых щек, маленьким упрямым ртом, и темными глазами под золотистой глыбой курчавых волос. Машинист Иван Алексеевич высокий маслоковатый казак спорил ожесточенно. Всосались и проросли сквозь каждую клетку его костистого тела казачьи традиции. Он вступался за казаков, обрушиваясь на Христоню сверкал выпуклыми круглыми глазами.

— Ты обмужжился, Христон! Не спорь, што там... В тебе казацкой крови на ведро — поганая капля. Мать твоя с воронежским яишником прижила.

— Дурак ты... Э, дурак братец! — басил Христоня, — я правду отстаиваю.

— Я в атаманском полку не служил, — ехидничал Иван Алексеевич, — это в атаманском, што ни дядя — то дурак!..

— И в армейских попадают такие, што в непроворот.

— Молчи уж, мужик!

— А мужики, аль нэ люди?

— Так они и есть мужики, из лыка деланные, хворостом скляченные.

— Я, брат, как в Петербурге служил — разных видал. Был, стал-быть, такой случай: — говорил Христоня, в последнем слове деля ударение на «а» — несли мы охрану царскова дворца, в покоях часы отбывали и снаружи. Снаружи над стеной вёрхи ездили: двое туда, стал-быть, двое сюда. Встренутся, справшивают: «Все спокойно? Нету никаких бунтов? — нету ничево» и разъезжаются, а штоб пристать, поговорить и не моги! тоже и личности подбирали, становют, стал-быть,||

<Л. 25>

46.

в дверях двоих, так подгоняют, штоб похожи один на одново были. Черные так черные стоят, а белявые, так белявые. Не то што волосы, а штоб и обличьем были схожи. Мне, стал-быть, раз цырульник бороду красил из-за этих-самых глупостей. Припало в паре стоять с Никифором Мещеряковым, — был такой казачек в нашей сотне Тепикинской станицы, — а он, дьявол, какой-то гнедой масти. Чума ево знает, што за виски кубыть аж полымем схваченные искать-поискать, стал-быть нету такой масти в сотнях, мне сотник Баркин, стал-быть, и говорит: «Иди в цырульню, штоб в миг подрисовали бороду и вусы». Прихожу ну и выкрасили... Я как глянул в зеркалу, ажник сердце захолонуло: горю! Чисто горю и все! Возьму бороду в жменю, кубыть аж пальцам горячо. Во.

— Ну, Емеля, понес без колес! Об чем начал гутарить? — перебил Иван Алексеевич.

— Об народе, вот об чем.

— Ну, и рассказывай. А то об бороде своей, на кой она кляп нам спонадобилась.

— Вот я и говорю: припало раз вёрхи несть караул. Едем так-то с товарищем, а с угла студенты вывернулись. И видимо и невидимо. Увидали нас, как рывкнут — Га-аа-а! Ды ишо раз Га-а-а-а... Не успели, стал-быть, мы вспахится — окружили «Вы чево, казаки, разъезжаете?» Я и говорю несем караул, а ты, поводья-то брось, не хватай! — и за шашку. А он и говорит: «Ты, станишник не сумневайся, я сам Каменской станицы рожак, а тут ученье прохожу в нивирси... Нивирситуте али как там, тут мы трогаем дале, а один носатый из партманета вынает десятку и говорит: «Выпейте, казачки за здоровье мово покойнова папаши». Дал нам десятку и достал из сумки патрет: Вот, гутарит, папашина личность, возьмите на добрую память». Ну мы взяли, совестно не взять. А студенты отошли и опять: — Га-а-а!.. С тем, стал-быть, направились к Невскому проспекту.

Из дворцовых задних ворот сотник с взводом стремять к нам. Подскочил: «Што такое?» — Я стал-быть говорю студенты отхватили и разговор начали, а мы по уставу хотели их в шашки, а потом, как они ослобонили нас, мы отъехали, стал-быть». Сменили нас, мы вахмистру и говорим: «Вот, Лукич стал-быть, заработали мы десять целковых||

<Л. 25 об.>

47.

и должны их пропить за упокой души вот этого деда» — и показываем патрет. Вахмистр вечерком принес водки и гуляли мы двое суток, а посла и объявился подвох: студент этот, стерва носатая, замест папаши и дал нам патрет заглавнова, смутьяна немецкова роду. Я-то взял на совесть, над кроватью для памяти повесил, вижу — борода седая на потрете и собою подходимый человек, навроде из купцов, а сотник стал-быть доглядел и спрашивает: «откель взял этот патрет, такой-сякой?» Так и так говорю. — Он и зачал кастерить, и по скуле, да ишо стал-быть, раз... «Знаешь, — ореть, — што это атаман ихний Карла... вот запомятовал прозвищу... Э, да как ево, дай бог памяти...

— Карл Маркс? — подсказал Штокман ежась в улыбке.

— Во-во!.. Он самый, — Карла Марс!.. — обрадовался Христоня.

— Ить, подвел под монастырь, мать ево об пенек! К нам в караульную и цесаревич Алексей прибегал с своими наставленниками. Ить могли, доглядеть, што было?..

— А ты все мужиков хвалишь. Ишь, как тебя подковали-то посмеивался Иван Алексеев.

— За то десятку пропили. Хучь за Карлу за бородатова пили, а пили.

— За него следует выпить. — улыбнулся Штокман и поиграл колечками костяного обкуренного мундштука.

— Што-ж он навершил доброва? — спросил Кошевой.

— В другой раз расскажу, а сегодня поздно. — хлопнул Штокман ладонью выколачивая из мундштука потухший окурочок.

В завалюхе Лукешки косою после долгого отсева и отбора образовалось ядро человек в десять казаков. Штокман был сердцевиной упрямо двигался он к одному ему известной цели. Точил, как червь древесину, нехитрые понятия и навыки, внушал к существующему строю отвращение и ненависть. Вначале натыкался на холодную сталь недоверия, но не отходил, а прогрызал... Положил личинку недовольства. И кто-бы знал про то, что через четыре года выпростается из одряхлевших стенок личинки этой крепкий и живущий зародыш?||

<Л. 26>

48.

10

На пологом песчаном левобережьи над Доном лежит станица Вешенская. Старейшая из верховых донских станиц, перенесенная с места разоренной при Петре первом Чигонацкой станицы, переименованная в Вешенскую. Вехой была когда-то по большому водному пути — Воронеж-Азов.

Против станицы выгинается Дон кабаржиной татарского сагайдака, круто заворачивает вправо и над хутором Базки вновь величаво прямится, несет зеленоватые просвечивающие голубизной воды над меловыми отрогами правобережных гор, мимо сплошных с правой стороны хуторов, мимо редких с левой стороны станиц до моря, до синего Азовского.

Против Усть-Хоперской роднится с Хопром, против Усть-Медведицкой с Медведицей, а ниже стекает многоводный, в буйном цвету заселенных хуторов и станиц.

Вешенская вся взасыпи желтопесков. Невеселая плешивая без садов станица. На площади старый посеревший от времени собор, шесть улиц разложенных вдоль по течению Дона. Там, где Дон выгинаясь уходит от станицы к Базкам, рукавом в заросли тополей, отходит озеро, шириной с Дон в мелководье. В конце озера кончается и станица. На маленькой площади заросшей иглисто-золотой колючкою вторая церковь, зеленые купола, зеленая крыша; под цвет зеленам разросшихся по ту сторону озера тополей.

А на север за станицей шафранный разлив песков, чахлая посадка сосняка, ендывы налитые розовой, от красноглинной почвы, водой. И в песчаном половодье в далекой россыпи зернистых песков редкие острова хуторов, ливад, рыжеющая щетина талов.

На площади, против старой церкви, в декабрьское воскресенье черная полутысячная толпа молодых казаков со всей станицы. В церкви отходила обедня, зазвонили к «Достойно». Старейший урядник — бравый престарелый казак с нашивками за сверхсрочную службу — скомандовал строиться. Гомонившая толпа растеклась и выстроилась в две длинные неровные шеренги. Над рядами забегали урядники выравнивая волнисто изломанные шеренги.

— Ряды-ы-ы, — затянул урядник и сделав рукой неопределенный жест кинул — Вздвой!..

В ограду прошел атаман одетый по форме и в новенькой офицерской шинели в перезвоне шпор, следом за ним военный пристав.

Григорий Мелехов стоял рядом с Коршуновым Митькой, переговаривались в полголоса.

— Сапог ногу жмет, терпенья нету.

— Терпи, атаманом будешь.

— Зараз поведут.

Словно в подтверждение старший урядник пятясь назад, крутнулся на каблучках.

— На прэ-э-во!

Гук-гук, — четко сделали пятьсот пар обутых ног.||

<Л. 26 об.>

49.

— Левое плечо вперед, ша-гом арш!

Колонна врзалась в распахнутую калитку церковной ограды, замелькали сдернутые с голов папахи. До самого купола налилась просторная церковь стуком шагов.

Григорий стоял не вслушиваясь в слова присяги, которую читал священник. Он взглядывался в лицо Митьки, тот морщился от боли и переставлял скованную сапогом ногу. Поднятая кверху рука Гришки затекала, в уме в разброд шла угарная возня мыслей. Подходил под крест и целуя обшлюявленное многими ртами влажное серебро думал о Аксинье, о жене, как вспышка зигзагистой молнии

перерезало мысли короткое воспоминанье: лес, бурые стволы деревьев в белом пышном уборе, как в нарядной серебряной шлее; влажный горячий блеск черных, из под пухового платка Аксининых глаз...

Вышли на площадь. Вновь построились. Урядник высморкавшись и незаметно вытирая пальцы о подкладку мундира начал речь.

— Теперя вы уж не ребята, а казаки. Присягнули и должны знать за собой, што и к чему. Теперича вы произросли в казаков и должны вы честь свою соблюдать, отцов-матерей слушать и все такое прочее. Были ребятами — дурковали, небось на дорогу чурбаки тягали, а посля этого должны подумать о дальнейшей службе. Вот через год итить вам в дивствительную, тут урядник сморканулся опять, стряхнул с ладони содержимое и натягивая на руку пышную из трусового пуха перчатку закончил: — И должен ваш отец-мать подумакивать, об справе. Штоб коня строевого приобрести, ну, и воопче... А теперича с богом, молодцы, по домам.

Григорий с Митькой дождались у моста хуторных ребят и вместе тронулись в дорогу. Шли над Доном. Над хутором Базки. Таял трубный дым, тонко отзванивал колокол. Митька хромал. Сзади всех опираясь на суковатый выломанный кол.

— Разулся — посоветовал один из ребят.

— Ногу обморожу. — приотставая заколебался Митька.

— В чулке пойдешь.

Митька сел на снег и с усилием стянул с ноги сапог. Пошел припадая на разую ногу. На хрушком снегу дороги ясно печатался след вязеного крючком толстого чулка.

— Какой дорогой пойдём? — спросил низенький чурбаковатый Алексей Бешняк.

— Над Доном. — за всех ответил Григорий.

Шли переговариваясь, толкая один одного с дороги. По уговору валяли в сугроб каждого и давили наваливаясь кучей. Между Базками и Громковским хутором Митька первый увидел перебиравшегося||

<Л. 27>

50.

через Дон волка.

— Ребята, бирюк вон он!.. Тю!

— А лю-лю-лю-лю!..

— Ух!..

Волк ленивой перевалкой пробежал несколько сажень и стал боком неподалеку от того берега.

— Узы ево!..

— Га!..

— Тю, проклятый!..

— Митрий, это он на тебя дивуется, што ты в чулке идешь.

— Ишь стоит боком, ожерёлок не дозволяет.

— Он вязы не скрутит.

— Гля, гля, пошел!..

Серый, как выточенный из самородного камня, стоял зверь палкой вытянув хвост. Потом торопко скакнул в сторону и потрусил к талам окаймлявшим берег.

Смеркалось, когда добрались до хутора. Григорий по льду дошел до своего проулка и поднялся к воротцам. Во дворе стояли брошенные сани, в куче хвороста, наваленного возле плетня, чулюкали воробьи. Тянуло жильем, пригоревшей сажей, парным запахом скотиньего база. Поднимаясь по крыльцу Григорий взглянул в окно. Тускло желтила кухню висячая лампа, в просвете стоял Петро спиной к окну. Григорий обмел сапоги веником, вошел в облаке пара в кухню.

— Вот и я. Ну, здорово живете.

— Скоро ты. Небось призяб? — отозвался суетливо и поспешно Петро.

Пантелей Прокофьевич сидел облокотившись на колени, опустив голову, Дарья гоняла ногой жужжащее колесо прялки, Наталья стояла у стола к Григорию спиной, не поворачиваясь. Кинув по кухне беглый взгляд Григорий остановил глаза на Петре. По лицу его, беспокойно выжидающему, понял, что, что-то случилось.

— Присягнул?

— Ага.

Григорий раздевался медленно, выигрывая время, быстро перебирая в уме возможные случайности виною которых эта тишина и холодноватая встреча.

Из горницы вышла Ильинишна. И на ее лице лежала печать некоторого смятения.

«Наталья» подумал Григорий сядясь на лавку рядом с отцом.

— Собери ему повечерить. — обращаясь к Дарье указала мать глазами на Григория.

Дарья оборвала прялочную песню и пошла к печке неуловимо поводя плечами, всем своим тонким не бабьим станом. В кухне пригlohла тишина. Возле подзетки^{х)} посапливая грелась недавно око-

^{х)} Подзетка — низенькая грубочка. Обыкновенно делают под кроватью, с дымоводом под полом.||

<Л. 27 об.>

51.

тившаяся коза с козленком.

Григорий хлебая щи изредка взглядывал на Наталью, но лица ее не видел, она сидела к нему боком, низко опустив над вязальными иглами голову. Пантелей Прокофьевич первый не выдержал общего молчанья. Кашлянув скрипуче и деланно сказал.

— Наталья вот собирается уходить.

Григорий собирал хлебным катышком крошки, молчал.

— Это через чево? — спросил отец заметно подрагивая нижней губой, (первый признак недалекой вспышки бешенства).

— Не знаю, через чево. — прижмурил Григорий глаза и отодвинув чашку встал крестясь.

— А я знаю!.. — повысил голос отец.

— Не шуми, не шуми! — вступилась Ильинишна.

— А я знаю, через чево!..

— Ну, тут шуму заводить нечево, — Петро подвинулся от окна на середину комнаты, — Тут дело поллюбовное, хочет — живет, а не хочет — ступай с богом.

— Я ее не сужу! Хучь и страмно и перед богом грех, а я не сужу, не за ней вина, а вот за этим сукиным сыном!.. — указал Пантелей Прокофьевич на присловившегося к печке Григория.

— Кому я виноват?..

— Ты не знаешь за собой?.. Не знаешь, чертяка?..

— Не знаю.

Пантелей Прокофьевич вскочил повалив лавку и подошел к Григорию вплотную. Наталья выронила чулок, тренькнула выскочившая иголка. На звук прыгнул с печи котенок и избочив голову согнутой лапкой толкнул клубок и покатил его к сундуку.

— А тебе вот што скажу, — начал старик сдержанно и отдельно, — не будешь с Наташкой жить — иди с базу куда глаза твои глядят. Вот мой сказ. Иди куда глаза глядят! — повторил он обычным спокойным голосом и отошел, поднял лавку.

Дуняшка сидела на кровати, зиркала круглыми напуганными глазами.

— Я вам батя, не во гнев скажу, — голос Григория был дребезжаще глух, — не я женился, а вы меня женили. А за Натальей я не тянусь... хочет, нехай идет к отцу.

— Иди и ты отсель!

— И уйду!

— И уходи к чертовой матери!..

— Уйду, уйду, не спеши, — тянул Григорий за рукав|

<Л. 28>

52.

брошенный на кровати полушубок, раздувая ноздри, дрожа в такой-же кипящей злобе, как и отец. Одна, сдобренная турецкой примесью, текла в них кровь; и до чудного были они схожи в этот момент.

— Куды ты пой-де-е-ешь! — застонала Ильинишна хватая Григория за руку, но он с силой отпихнул мать и на лету подхватил упавшую с кровати папаху.

— Нехай идет, кобелина поблудный! Нехай, будь он проклят! Иди, иди, ступай!.. Гремел старик настезь распахивая дверь. Григорий выскочил в сенцы и последнее, что он слышал Натальин плач в голос.

Морозная крыла хутор ночь. С черного неба падала иглистая порошок, на Дону раскатисто пушечными выстрелами лопался лед. Григорий выбежал за ворота задыхаясь. На том краю хутора разноголосо брехали собаки, прорешетенная желтыми огоньками дымилась тьма.

Бесцельно зашагал Григорий по улице, в окнах Степанова дома алмазно отсвечивала чернота.

— Гри-ша. — кинулся от ворот тоскующий Натальин вскрик.

«Пропади ты, разнелюбая». Скрипнул зубами Григорий ускоряя шаги.

— Гриша, вернись!

В первый переулочек направил Григорий пьяные свои шаги, в последний раз услышал придавленный расстоянием горький оклик.

— Гришенька, родимый!..

Быстро пересек площадь, на развилке дорог остановился перебирая в уме имена знакомых ребят, у кого можно было-бы переночевать. Остановился на Михаиле Кошевом. Жил тот на отшибе у самой горы. Мать, сам Михаил, да сестра — девка — вся семья. Вошел в двор, постучался в крохотное окошко саманной хаты.

— Кто такой?

— Михаил дома?

— Дома. А это кто?

— Это я, Григорий Мелехов.

Через минуту оторванный от первого сладкого сна Михаил открыл дверь.

— Ты, Гришка?

— Я.

— Чево ты по ночам?

— Пусти в хату-то, там погутарим.

В сенях Григорий схватил Михаила за локоть, злобясь на себя за то, что не хватало нужных слов, прошептал:

— Я у тебя заночую... С своими поругался... У тебя, как, тесно?.. Ну, да я где-нибудь.

— Место найдется, проходи. За што это вы сцепились?

— Э, брат... потом... Где тут дверь у вас? Не вижу.

Григорию постелили на лавке. Лег с головой кутаясь полушубком, что-бы не слышать||

<Л. 28 об.>

53.

шопота Михайловой матери, спавшей на одной кровати с дочерью.

«Как теперь дома? Уйдет Наташка, нет-ли? Ну, по новому стелется жизнь. Куда прислониться? — и быстро подсказывала догадка — «покликну завтра Аксинью, уйдем с ней на Кубань подальше отсель... далеко, далеко...»

Уплывали перед закрытыми глазами Григория степные гребни, хутора, станицы, никогда раньше не виданные, чужие сердцу. А за валами гребней, за серой дорогой-сказкой голубая приветливая страна и Аксиньины в позднем мятежном цвету любовь на придачу.

Уснул встревоженный надвигавшимся неведомым. Перед сном тщетно старался припомнить, что-то гнетущее, в мыслях. Не словленное. Шли в полусне думы гладко и ровно, как баркас по течению, и вдруг натыкались на что-то, будто на мель; муторно становилось не по себе; ворочался, вился в догадках «Что-же? Что такое поперек дороги?»

А утром проснулся и вспомнил: «Служба! Куда-же мы уйдем с Аксюткой? Весной в лагери, а осенью на службу... Вот она зацепа!»

Позавтракал и вызвал Михаила в сенцы.

— Сходи Миша к Астаховым. Перкажи Аксинье, штоб, как завечеряет — вышла к ветряку.

— А Степан? — замялся было Михаил.

— Придумай, как будто за делом.

— Схожу.

— Иди. Мол непременно пушай выйдет.

— Ладно уж.

Вечером сидел под ветряком курил в рукав. За ветряком в сухих кукурузных будыльях, спотыкаясь сипел ветер. На причаленных крыльях хлопало оборванное полотно. Казалось Григорию, будто над ним кружит хлопя крыльями и не может улететь большая птица, от этого было неприятно и страшновато. Аксинья не шла. На западе в лиловой тусклой позолоте лежал закат, с востока крепчая быстрился ветер, шла, перегоня застрявшую в вербах луну темень. Рудое, в синих подтеках, трупно черное над ветряком небо, над хутором последыши суетного дневного гомона.

Григорий выкурил подряд три цыгарки, воткнул в примятый снег последний окурок, огляделся в злобной тоске. Притаявшие проследки от ветряка к хутору дегтярно чернели. От хутора никого не видно.

Григорий встал, хрустнув плечами потянулся и пошел на огонь, зазывно мигавший в оконце Ми-||

<Л. 29>

54.

хайловой хаты. Подходил к двору насвистывая сквозь зубы и почти в упор столкнулся с Аксиньей. Бежала как видно, или торопко шла, запыхалась и пахло от свежего нахолодавшего рта то-ли ветром, то-ли далеким еле уловимым запахом свежего степного сена.

— Заждался, думал не придешь.

— Степана насилушки выпроводила...

— Ты меня заморозила, окаянная баба!

— Я горячая, погрею. — распахнула опущенные полы донской шубы, обвилась вокруг Григория как хмель вокруг дуба.

— Чево кликал?

— Погоди, прими руки... тут люди ходят.

— С своими, никак, поругался?

— Ушел. Сутки вот у Мишки... Живу как прибудная собака.

— Как-же ты теперича? — Аксинья разжала обнимавшие Григория руки и зябко запахнула полы шубы.

— Давай, Гриша, к плетню отойдем. Што-же так-то посередь дороги...

Отошли. Григорий разметав сугроб прислонился к промерзшему трескучему плетню спиной.

— Не знаешь, ушла к своим Наталья?

— Не знаю... Уйдет должно. А то будет тут жить?

Григорий просунул изящную руку Аксиньи себе в рукав сжимая пальцами узкую ее кисть спросил:

- Как-же будем?
- Я, миленький не знаю. Как ты, так и я.
- Бросишь Степана?
- И не охну. Хучь зараз!
- Где-нибудь наймемся обое, будем жить.
- Хучь под скотину, я с тобой, Гриша... Лишь-бы с тобой!..

Постояли греясь общим теплом. Григорий не хотел итти, стоял повернул голову на ветер, вздрагивая ноздрями, не поднимая смеженных век. Аксинья уткнувшись лицом ему под мышку дышала таким родным пьянящим запахом его пота и на губах ее порочно жадных скрытая от глаз Григория дрожала радостная, налитая сбывшимся счастьем улыбка.

— Завтра дойду до Мохова. Может у него наймусь. — проговорил Григорий перехватывая повыше запотевшую в пальцах кисть Аксиньиной руки.

Аксинья промолчала. Не подняла головы. Недавнюю улыбку с губ ее, как ветер слизал: в расширенных глазах загнанным зверьком томилась тоска и испуг. «Сказать или не сказать?» думала она вспомнив про свою беременность. «Надо сказать». — решила было, но сейчас-же дрогнув от испуга отогнала страшную мысль. Женским своим чутьем угадала, что не время об этом говорить, поняла, что можно навек потерять Григория; и сомне-||

<Л. 29 об.>

55.

ваясь в том, от кого из двух зачала ворохнувшегося под сердцем ребенка, слышавила душой не сказала.

— Чево дрогнула? Озябла? Спросил Григорий кутая ее полой полушубка.

— Озябла трошки... Итить надо, Гриша. Придет Степан кинется, а меня нету...

— Он где пошел?

— Насилушки спровадила к Аникею в карты играть.

Разошлись. На губах Григория остался волнующий запах ее губ, пахнувших то-ли зимним ветром, то-ли далеким неуловимым запахом степного вспырынутого майским дождем сена.

Аксинья завернула в проулок, пригинаясь почти побежала. Против чьего-то колодезя, там где скотина взмесила осеннюю грязь, неловко оступилась скользя ногой по обмерзшей кочке, и почувствовав резнувшую боль в животе схватилась за колья плетня. Боль утихла, а в боку что-то живое переворачиваясь стукнуло гневно и сильно, несколько раз под ряд.

11.

На утро Григорий отправился к Мохову в дом. Сергей Платонович пришел из магазина к чаю. Сидел с Атепиным в столовой, оклеенной дорогами под дуб

обоями, цедил крепкий бардовый чай. Григорий в передней положил шапку, вошел в столовую.

- Я к вам, Сергей Платонович.
- А, Пантелея Мелехова сынок, кажется?
- Ево.
- Тебе чего?
- Хотел просить, не наймете-ли в работники?

Григорий повернул голову на скрип двери. Из зала вышел с сложенной вчетверо газетой молодой офицер в зеленом кителе с погонами сотника.

Григорий угадал в нем того офицера, которого обогнал в прошлом году на скачках Митька Коршунов¹.

Подвигая офицеру стул Сергей Платонович спросил.

- Что, аль обеднял отец, что сына нанимает?
 - Я с ним не живу.
 - Отделился?
 - Да.
- С радостью взял-бы, знаю вашу семью, работающий народ, но места у меня нет.
- В чем дело? — спросил сотник подсаживаясь к столу и поглядывая на Григория.
- В работники парень нанимается.
 - За лошадьми можешь ухаживать? Правишь хорошо дышловой запряжкой?
- спросил сотник мешая ложкой в стакане.||

<Л. 30>

56.

- Могу. Своих лошадей шесть штук держали.
 - Мне нужен кучер. Условия твои?
 - Я не дорого прошу...
 - В таком случае приходи завтра к отцу в имение. Знаешь, где имение Листницкого Бориса Павловича?
 - Так точно знаю.
 - Отсюда верст двенадцать. Приходи завтра с утра, договоришься там.
- Григорий потоптался на месте и уже держась за дверную ручку сказал:
- Мне бы на часок, ваше благородие, сказать вам...
- Сотник вышел следом за Григорием в полутемный коридор. Сквозь матовые венские стекла с террасы скупно сочился розоватый свет.
- В чем дело?
 - Я не один... — Григорий густо покраснел, — Со мной баба, может и ей место какое выйдет?
 - Жена? — спросил сотник улыбаясь и поднимая розовые от света брови.
 - Чужая жена...
 - Ах, вон как. Ну, что-ж, устроим и ее черной стряпухой. А муж ее где?

¹ Текст пропущен копиистом при копировании; написан Шолоховым на левом поле с указанием места вставки.

- Тут, хуторной.
- Ты что-же похитил у мужа жену?
- Сама приبلудилась.
- Романическая история. Ну, хорошо, приходи завтра. Можешь быть свободен, братец.

Григорий пришел в Ягодное имение Листницких часов в восемь утра.

На широкой балке мостился большой двор, обнесенный кирпичной облупленной огороджей. По двору нескладно раскидались дворовые постройки: флигель под черепичной крышей с черепичной цифрой посреди — 1910 год; людская баня, конюшня, птичник и коровник, длинный амбар, каретник. Дом большой, старый огороженный со стороны двора палисадником, ютился в саду. За домом серую стеною стояли оголенные тополя и вербы ливады в коричневых шапках покинутых грачиных гнезд.

Григория встретила за двором ватага крымских черных борзых. Старая хромая сука с слезящимся старушечьим взглядом первая обнюхала Григория и пошла следом понутив сухую голову. В людской кухарки ругались с молоденькой веснушчатой горничной. В табачном дыму, как мешке, сидел у порога старый губатый человечина. Григория горничная провела в дом. В передней воняло псиной и не подсохшими звериными шкурками. На стуле валялся чехол от двухстволки и ягдташ с истрепанными зелеными шелковыми махрами.||

<Л. 30 об.>

57.

— Молодой барин зовет к себе. — выглянула из боковых дверей горничная.

Григорий опасливо оглядел свои грязные сапоги и шагнул в дверь. На кровати стоявшей под окном лежал сотник, на одеяле коробка с гильзами и табак. Начинив папиросу сотник застегнул воротник белой сорочки, сказал.

— Рано ты. Подожди сейчас отец придет.

Григорий стал у двери. Через минуту по скрипучему полу передней зашаркали чьи-то шаги. Густой низкий бас спросил в дверную щель:

— Не спишь, Евгений?

— Входите.

Вошел старик в черных кавказских бурках. Григорий глянул на него сбоку и первое, что кинулось ему в глаза это тонкий покривленный нос и белые под носом желтые от курева, широкие полудуги усов. Старик был саженого роста, плечист и худ. На нем дрябло обвисал длинный верблюжьего сукна сюртук, воротник его петлей охватывал коричневую в морщинах шею. Близко к переносице сидели острые глаза.

— Вот, папа, кучер, которого я вам рекомендую. Парень из хорошей семьи.

— Чей это? — бахнул старик раскатом гудящего голоса.

— Мелехов.

— Которого Мелехова?

— Пантелея Мелехова сын.

— Прокофия знаю, сослуживец, Пантелея знаю. Хромой такой из черкесов?

— Так точно, хромой. — тянулся Григорий струною.

Он помнил рассказы отца о отставном генерале Листницком — герое русско-турецкой войны.

— Почему нимаешься? Грохотало сверху.

— Не живу с отцом, ваше превосходительство.

— Какой-же из тебя будет казак, ежели ты наймитом таскаешься? Отец отделия тебя разве, ничего не дал?

— Так точно, ваше превосходительство, не дал.

— Тогда — другое дело. Ты с женой нимаешься?

Сотник резко скрипнул кроватью. Григорий повел глазами, увидел — сотник моргает дергает головой.

— Так точно, ваше превосходительство.

— Безо всяких превосходительств. Не люблю. Цена восемь рублей в месяц. Это обоим. Жена будет стряпать на дворовых и сезонных рабочих. Согласен?||

<Л. 31>

58.

— Так точно.

— Что-б был в имении завтра-же. Займешь в людской ту половину, в которой жил прежний кучер.

— Как ваша вчерашняя охота? — спросил сын у старика и опустил на коврик узкие волосатые ступни ног.

— Выгнали из Гремячего лога лесовина, гнали до леса, старый попался обманул собак.

— Казбек все хромает?

— У него, как оказалось, вывих. Ты поскорей, Евгений завтрак стынет. — старик повернулся к Григорию и щелкнул сухими костяками пальцев.

— Шагом марш! Завтра к восьми часам, чтобы был здесь.

Григорий вышел за ворота. У заднего фасада амбара борзые грелись на подсохшей от сена земле. Старая сука с старушечьим взглядом потрусилась к Григорию, обнюхала его сзади и провожала до первой балки понуро опустив голову, ступая шаг в шаг.

Потом вернулась.

12.

Аксинья отстряпалась рано, загребла жар, закутала трубу и перемыв посуду выглянула в оконце, глядевшее на баз. Степан стоял возле слег, сложенных костром над плетнем к мелеховскому базу. В уголке твердых губ его висела потухшая цыгарка, он выбирал из костра подходящую соху. Левый угол сарая завалился надо было поставить две прочных сохи и прикрыть оставшимся камышем.

С утра на верхушках Аксиньиных скул румянец, в молодом блеске глаза. Кинулась перемена Степану в глаза: завтракая спросил:

— Ты чево?

— А чево я? — вспыхнула Аксинья.

— Блестишь будто посным маслом намазаная.

— От печи жарко... в голову кинулось. — и отвернулась, глазами воровато шмыгнула в окно, не идет-ли случаем Мишки Кошевого сестра?

Та пришла только перед сумерками. Вымученная ожиданием Аксинья встрепнулась.

— Ты ко мне Машутка.

— Выдь на час.

Степан перед осколком зеркала, вмазанного в выбеленную грудину печи, зачесывал чуб, гладил кудой, костяной, из бычьего рога расческой каштановые усы.

Аксинья опасливо глянула в сторону мужа.

— Ты никак куды-то собираешься?

Степан ответил не сразу, положил расческу в карман||

<Л. 31 об.>

59.

шаровар, взял из печурки колоду карт и кисет.

— К Аникушке пойду, посижу трошки.

— И когда ты находишься? Искоренили карты, што ни ночь, то им игра. До кочетов просиживают.

— Ну, будя, слышали.

— Опять в очко будешь играть?

— Отвяжись, Аксютка. Вон человек ждет, иди.

Аксинья боком вышла в сенцы. У выхода встретила улыбкой ее румяная в за-сее веснушек Машутка.

— Пришел ить Гришка.

— Ну?

— Переказывал, штоб, как затемняет, шла к нам.

Аксинья хватая Машуткины руки теснила ее к двери.

— Тише, тише, любушка. Што-ж он, Маша? Может ишо чево велел сказать.

— Гутарит, штоб забрала свое, што унесешь.

Аксинья вся в огне и дрожи вертела головой, поглядывая на двери, переступая с ноги на ногу, как обкормленная ячменем лошадь.

— Господи, как-же я?.. А?.. Так-то скорочка... Ну, што я? Погоди, скажи ему, што я скоро... А иде-ж он меня перевстренет?

— Заходи в хату.

— Ну, ничево, я скажу ему, он выйдет.

Степан надел сюртук и тянулся к висячей лампе прикуривая.

— Чево она прибежала? — спросил между двумя затяжками.

— Кто?

— Да Машка Кошевых.

— А это она по своему делу... Юбку просила скроить.

Сдувая с цыгарки черные хлопья пепла Степан пошел к двери.

— Ты ложись, не жди.

— Ну-но.

Аксинья припала к замороженному окну, опустилась перед лавкой на колени. По стезжке, протоптанной к калитке, закрипели шаги уходявшего Степана. Ветром схватило искорку с цыгарки и донесло до окна. В оттаявший кружок стекла Аксинья на минуту увидела, при свете пламенеющей цыгарки, полукруг папахи, придавившей хрящеватое ухо, клочок белого лица.

В большой шалевый платок лихорадочно кидала из сундука юбки, кофточки, полушалки — девичье свое приданное, задыхаясь, растерянными глазами в последний раз прошлась по кухне и загасив огонь выбежала на крыльцо. Из Мелеховского дома кто-то вышел на баз проведать скотину. Аксинья дождалась пока заглохли шаги,||

<Л. 32>

60.

накинула на дверной пробой цепку и прижимая узел побежала к Дону. Из-под пухового платка выбились пряди волос, щекотали щеки. Дошла задами до двора Кошевых — обессилила, с трудом переставляла зачугуневшие ноги. Григорий ждал ее у ворот. Принял узел и молча, передом пошел в степь.

За гумном Аксинья замедляя шаги тронула Григория за рукав.

— Погоди чудок.

— Чево годить? Месяц теперича не скоро, надо поспешать.

— Погоди, Гриша. — Аксинья сгорбившись стала.

— Ты чево? — наклонился к ней Григорий.

— Так... Живот штой-то. Чижелое нады подняла.

Облизывая спекшиеся губы, жмурясь от боли до огненных брызг в глазах, Аксинья схватилась за живот. Постояла немного согнутая и жалкая и заправляя под платок пряди волос тронулась.

— Ну, все. Пойдем.

— Ты и не спросишь, куда я тебя веду. Может до первова яра, а там спихну? — улыбнулся в темноту Григорий.

— Все одно уж мне. Доигралась. — голос Аксиньи звякнул невеселым смехом.

Степан в эту ночь вернулся, как всегда, в полночь. Зашел в конюшню, кинул в ясли наметанное конем под ноги сено, снял с него недоуздок и взошел на крыльцо. «Должно ушла на посиделки» подумал скидая с пробоя цепку. Вошел в кухню, плотно притворил дверь и зажег спичку. Был он в выигрыше; (играли на спички) оттого мирен и сонлив. Засветил огонь. И не догадываясь о причине оглядел в беспорядке разбросанные по кухне вещи. Слегка удивленный прошел в горницу. Темной пастью чернел раскрытый сундук, на полу лежала старенькая, забытая в попыхах, жена кофтенка. Степан рванул с себя полушубок и кинулся в кухню за огнем. Оглядел горницу — понял. Швырком кинул лампу, не отдавая ясного отчета, рванул со стены шашку, сжал эфес до черных отеков в пальцах и подняв на носке шашки голубенькую в полевых цветочках позабытую Аксиньину кофтенку подкинул ее кверху и на лету коротким взмахом разрубил пополам. Посеревший, дикий в волчьей своей тоске, подкидывал к потолку голубенькие

искромсанные шмоточки, повизгивающая отточенная сталь разрубала их на лету...

Потом оборвав темляк кинул шашку в угол, ушел в кухню и сел за стол. Избочив голову долго гладил дрожащими железными пальцами невымытую крышку стола.||

<Л. 32 об.>

61.

[12]. 13.

Беда в одиночку сроду не ходит: утром по недогляду Гетька племенной бугай Мирона Григорьевича распорол рогом лучшей кобылицы-матки шею. Гетько прибежал в курень белый, растерянный, била его трясушка.

— Беда, хозяин! Бугай шоб вин выздох проклятий, бугай.

— Чево бугай? Ну? — встревожился Мирон Григорьевич.

— Кобылу спортил... Пырнул рогом... Я кажу...

Мирон Григорьевич раздетый выскочил на баз. Около колодезя Митька утюжил колом красного пятилетка-бугая. Тот, пригиная к земле морщинистый подгрудок, волоча его по снегу крутил низко опущенной головой, далеко назад кидал ногою снег, рассевая вокруг змеившегося хвоста серебряную пыль. Он не бежал от побоев, лишь глухо взмывивал, перебирал задними ногами, как перед прыжком. В горле его ширился, рос клокочущий рев. Митька бил его по морде, по бокам в хрипе безобразной ругани, не обращая внимания на Михея, который тянул его сзади за ремень.

— Отступись, Митрий!.. Христом-богом прошу!.. Забрухает он тебя!.. Григорич, да чево-ж ты глядишь?!..

Мирон Григорьевич бежал к колодезю. У плетня понуро повесив голову стояла кобылица. Запотевшие у кострецов впадины, черные и глубокие, ходили в дыханьи, с шеи на снег и на круглые шишки грудных мускулов текла кровь. Мелкая дрожь волнила светло-гнедую шерсть на спине и боках, сотрясала пахи. Мирон Григорьевич забежал к ней наперед. На шее разваленая пополам дымилась в розовом рана. Глубокий, хоть ладонь суй, длинный порез обнаженное белое коленчатое горло в судороге дыханья. Мирон Григорьевич сжал в кулаке чолку, потянул вверх опущенную голову кобылицы. Прямо в глаза хозяину направила она мерцающий глубиной зрачок, будто спросила «Что-же дальше?» и на немой вопрос крикнул Мирон Григорьевич.

— Митька! Дубовую кору вели обдать! А, ну, торопись! Гетько сотрясая в беге треугольный||

<Л. 33>

62.

на грязной шее кадык, побежал драть с дуба кору. Митька подошел к отцу оглядываясь на кружившего по двору бугая. Красный на талой белени снежища колесил тот по двору изрыгая прорвавшийся безостановочный рев.

— Держи за чуб! — приказал Митьке отец, — Михей! Беги за бичевкой! Скорей, морду побью!..

Бархатную в редком волосе, верхнюю губу кобылицы закрутили веревкой на закрутке. Подошел дед Гришака. Принесли в расписной чашке желудевого цвета отвар.

— Остуди, горяч, небось. Слышишь, ай нет, Мирон?

— Батя, идите в курени, с богом. Остынете тута.

— А я велю остудить. Загубить хошь матку?

Рану промыли. Мирон Григорьевич зяблыми пальцами провздывал в иглу-цыганку суровинку. Зашивал сам. Искусный лег на рану шов. Не успели отойти от колодезя — из куреня прибежала Лукинишна. Порожние сумки ее блеклых щек смяла тревога. Она отозвала мужа в сторону.

— Наталья пришла, Григорий!.. Ах, бож-же ты мой!..

— Чево ишо? — взершился Мирон Григорьевич бледнея конопинами беле-сого лица.

— С Григорием... Ушел зятек из дому! — Лукинишна раскрылилась, как грач перед взлетом и хлопнув руками по подолу прорвалась на визг,

— Страмы на весь хутор!.. Кормилец-господи, што на напастина!..Ах, ох!..

Наталья в платке и куцой зимней кофтенке стояла посреди кухни. Две слезинки копилась над переносицей не падая. На щеках ее кирпичными плитами лежал румянец.

— Ты чево заявила? — напустился отец, влезая в кухню, — Муж побил? Не заладили?..

— Ушел он... — глотая сухмень рыдания икнула Наталья и мягко качнувшись упала перед отцом на колени. — Батянюшка, пропала моя жизнь!.. Возми [мине] меня оттель. Ушел Гришка с своей присухой... Одна я... Батянюшка, я как колесом перееханная... — часто залопотала Наталья не договаривая концы слов, снизу моляще вглядываясь в рыжую подпалину отцовской бороды.

— Пстой, а ну, погоди...

— Не из чево там жить. Заберите меня!.. — постукивая коленными чашечками, Наталья быстро переползла к сундуку и на ладони рук кинула дрогнувшую в плаче голову. Платок ее сбился на спину, гладко||

<Л. 33 об.>

63.

причесанные черные прямые волосы свисали на бледные уши... Плач в тяжкую минуту — что дождь в майскую засуху: мать прижала к впалому животу Натальину голову причитая нескладное, бабье, глупое, а Мирон Григорьевич распался — на крыльцо.

— Запрягай, в двое саней!.. В дышловые!..

Петух, деловито топтавший у крыльца куриную свою жену, испуганный громким зыком прыгнул с курицы и враскачку заковылял подальше от крыльца к амбарам, квочча и негодуя.

— Запрягай!.. — Мирон Григорьевич крушил сапогами резные балясины крыльца и только тогда ушел в курень оставив безобразно выщербленные пери-

ла, когда Гетько на рысях вывел из конюшни пару вороных, на ходу накидывая хомуты.

За Натальиным именем поехал Митька с Гетьком.

Хохол в рассеянности сшиб санями поросенка, не успевшего убраться с дороги, думая про свое: «Мабуть за цим дилом забудет хозяин об кобыли?» — и радовался ослаблял вожжи.

«Такий вредный чертяка, як раз забудэ...» — настигала мысль и Гетько хмурьсь кривил губы:

— Пригай, чортобїс!.. Ось я тобі! — и сосредоточенно норовил щелкануть кнутом вороного под то самое место, где ёкала селезенка.

[13] 14.

Сотник Евгений Листницкий служил в лейб-гвардии Атаманском полку. На офицерских скачках разбился, переломил в предплечьи левую руку. После лазарета взял отпуск и приехал в Ягодное к отцу на полтора месяца.

Старый, давно овдовевший генерал, жил в Ягодном одиноко. Жену он потерял в предместьях Варшавы в семидесятых годах **прошлого столетия**. Стреляли в казачьего генерала — попали в генеральскую жену и кучера, прорешетили во многих местах коляску, но [сам] **генерал** уцелел. От жены остался двухлетний тогда Евгений. Вскоре после этого генерал подал в отставку, перебрался в Ягодное (земля его 4 тысячи десятин нарезанная еще прадеду за участие в отечественной 1812 г. войне, находилась в Саратовской губернии) и зажил чернотелой суровой жизнью.||

<Л. 34>

64.

Подростшего Евгения отдал в кадетский корпус, сам занялся хозяйством: развел племенной скот, с императорского [Орловского] завода купил на племя рысистых производителей и, скрещивая их с лучшими матками из Англии и с Донского Провальского завода, добился своей породы. Держал на своей казачьей паевой и купленной земле табуны, сеял, — чужими руками, — хлеб, зимой и осенью охотился с борзыми; изредка запираясь в белой зале, пил неделями. Точила его **злая** желудочная болезнь и по строжайшему запрету врачей не мог он глотать пережеванную пищу; жёвал, вытягивал соки, и жевки [деликатно] выплевывал на серебряную тарелочку, которую сбоку, на вытянутых руках, держал молодой из мужиков лакей Вениамин.

Был [этот] Вениамин придурковат, смугл, на круглой голове не волосы, а черный плюш, густые, без ворса. Служил у пана Листницкого шесть лет. Вначале, когда припало стоять над генералом с серебряной тарелочкой, не мог без тошноты глядеть, как старик выплевывал серые измочаленные зубами жевки, потом привык. А через год, как-то глядя, как пан выжевывая котлетки из белого мяса индейки, выплевывает их, подумал: «Пропадает добро! Сам не [глотаёт] жрет, а у меня судорги в животе. Одним словом, лежит, как кобель на скирду. Попробую доедать за него, не сорвет? Попробовал. Не сорвало. С тех пор после

обеда уносил серебряную тарелочку в переднюю и там торопливо глотал то, что пану доктора запретили глотать. От этого-ли, или от другого чего, но разъелся, заблестел салом, набрал на шею частые складки. Были волосы на голове Вениамина, как черный плюш.

В имении из дворни кроме Вениамина жили: кухарка Лукерья, одряхлевший конюх Сашка, пастух Тихон и вновь поступивший на должность кучера Григорий с Аксиньей. Рыхлая, рябая, толстозадая Лукерья, **похожая на желтый ком невсхожего сдобного теста**, с первого же дня отшила Аксинью от печи:

— Стряпать будешь, когда рабочих на лето наймет пан, а сейчас я, конечно, сама управлюсь.

На обязанности Аксиньи лежало три раза в неделю мыть в доме полы, кормить гурты птицы и содержать двор птичий в чистоте. Она ретиво взялась за службу, всем стараясь угодит, не исключая и Лукерью.||

<Л. 34 об.>

65.

[*похожей на желтый ком невсхожего желтого теста*]. Григорий большую часть времени проводил в просторной рубленой конюшне вместе с конюхом Сашкой. До сплошных седин дожил старик, но Сашкой так и остался, никто не баловал его отчеством, а фамилию, наверно, не знал и сам старый Листницкий, у которого жил Сашка больше двадцати лет. В молодости Сашка кучеровал, но под исход жизни, теряя силу и зрение, перешел в конюхи. Низенький, весь в зеленой седине, (на руках и то рос седой волос) с носом, расплющенным еще в детстве ударом чекмаря^{х)}, вечно улыбался он голубой детской улыбкой, мигая на окружающее простодушными в красных складках глазами. Портил его апостольское лицо нос курносый с веселинкой, да изуродованная, стекающим книзу шрамом нижняя губа. Под пьянку в солдатчину (родом Сашка был из богучарских москалей) вместо царской водки хватил он из косухи острой водки, огненная струйка и пришила ему нижнюю губу к подбородку. Там, где пролилась эта струйка, остался не заростающий волосом розовый и веселый косою шрам, будто неведомый зверек лизнул Сашку в бороду, положив след тонюсенького напильчатого языка.

Сашка часто баловался водкой, в такие минуты бродил по двору имения сам хозяин, паклюя ногами становился против окон панской спальни и хитро крутил пальцем перед веселым своим носом.

— Миколай Лексевич! А, Миколай Лексевич! — звал он громко и строго.

Старый пан, если был в эту минуту в спальне, подходил к окну.

— Наелся, пустяковая твоя душа? — гремел он из окна.

Сашка подсмывивал спадавшие портки и, подмигивая, шельмовато улыбался. Улыбка вытанцовывалась у него наискось всего лица: от прижмуренного левого глаза, до розового шрама, стекавшего из правого угла рта. Поперечная была улыбка, но приятная.

— Миколай Лексевич, ваше преподобие, я тебя

^{х)} Чекмарь — палка с утолщенным книзу концом.||

<Л. 35>

66.

зна-а-аю!.. — и Сашка, приплясывая грозил сторчмя поднятым грязным и тонким пальцем.

— Поди проспись, — примиряюще улыбался из окна пан, всей обкуренной пятерней закручивая нависшие усы.

— Чорт Сашку не ом-манет! — смеялся Сашка подходя к палисаднику, — Николай Лексевич, ты... как и я. Мы с тобой, как рыба с водой: рыба на дно, а мы... на гумно. Мы с тобой богатые, во!.. — Сашка корячась широко расплескивал руки. — Нас все знают, по всей донской области! Мы... — голос Сашки становился печален и вкрадчив, — мы с тобой, ваше превосходительство, всем хороши, токо вот носы у нас... говенные.

Это чем-же? — любопытствовал пан сизея от смеха и шевеля усами и подусниками.

— Через водку! — отчеканивал Сашка часто моргая и слизывая языком слюну сползавшую по каналцу розового шрама. — Ты, Николай Ликсеевич не пей! А то во взят пропадем, мы с тобой. Проживем все до тла!..

— Поди, вот, похмелись.

Пан кидал в окно двугривенный, Сашка ловил на лету и прибирал за подкладку картуза.

— Ну, прощай, генерал. — вздыхал он уходя.

— А лошадей-то поил? — заранее улыбаясь спрашивал пан.

— Чорт паршивый[.]! [а]Ать с-сукин сын[.]! — [багровел] **багровея орал Сашка ломким голосом [сострясаясь в гневе], гнев трепал его лихорадкой, Сашка штоб лошадей забыл напоить?! А?! Умру и то приползу по цыбарке кринишной дать, а он ать при-ду-мал!.. Тоже...**

Сашка уходил облитый не заслуженной обидой тысячуя и грозя руками. Сходило ему все: и пьянка и панибратское обращение с паном оттого сходило, что был Сашка незаменимый конюх. Зиму и лето спал он в конюшне, в порожном станке, никто лучше его не умел обращаться с лошадьми, был он и конюх и коновал: веснами, в майском цветеньи рвал травы, копал в степи в суходолах и мокрых балках целебные корни. Высоко на стенках конюшни висели сушеные пучки разнолистной травы: яровник — от запала, змеиное око — от укуса гадюки, чернолист — от порчи ног, неприметная белая травка, растущая в ливадах у корней верб — от надрыва; и много других неведомых трав от разных лошадиных недугов и хворей.

В конюшне, в станке, где спал Сашка, зиму и лето паутинной занавесью висел тонкий липнувший к горлу аромат. На досчатой кровати лежало прикрытое попоной сбитое камнем сено и, весь провонявшийся конским потом, Сашкин зипун. Пожитков кроме зипуна и дубленого полушубка у Сашки не было.

Тихон губатый здоровенный и дурковатый казак жил с Лукерьей и втихомолку беспричинно ревновал ее к Сашке. В месяц раз брал он Сашку за пуговицу просаленной рубахи и уводил на зады.

— Дед, ты на мою бабу не заглядывайся!!

<Л. 35 об.>

67.

— Это как сказать... — многозначительно мигал Сашка.

— Отступись, дед! — просил Тихон.

— Я, дружок, рябых люблю. Мне шкалик не подноси, а рябую вынь, да положь. Што ни дюжей ряба — дюжей нашего брата, шельма любит.

— В твои года, дед, совестно и грех... Эх, ты, а ишо лекарь, лошадей пользуешь, святое слово знаешь!..

— Я, на все руки лекарь. — упорствовал Сашка.

— Отступись, дед. Нельзя так-то!

— Я, брат, этуя Лукерью пристигну. Прощайся с ней с шельмой, отобью. Она как пирог с изюмом. Только изюм-то повывоквыренный, оттого, будто, ряба малость. Люблю таких!

— На вот... А под ноги не попадайся, а то убью! — говорил Тихон вздыхая и вытягивая из кисета медажки.

Так каждый месяц.

В сонной одури плесневела в Ягодном жизнь. Глухое, вдали от проезжих шляхов, лежало по суходолу имение. С осени глохла связь с станицей и с хуторами. Зимой на бугор, упирившийся в ливаду выпуклым песчаным мысом, ночами выходили волчьи выводки, зимовавшие в черном лесу, выли пугая лошадей. Тихон шел в ливаду стрелять из панской двухстволки, а Лукерья, кутая дерюжкой толстый — что печной заслон — зад, замирала ожидая выстрела, широко зевая в темноту заплывавшими в жирных рябых щеках глазками. В это время представлялся ей дурной плешивый Тихон красивым и отчаянно храбрым молодцом, и когда хлопала дверь в людской впуская дымящийся пар и Тихона, она теснилась на кровати, давила спиной на стене клопов и воркуя сладко обнимала назябшие Тихоновы костяки.

Летом Ягодное до поздна гудело голосами рабочих. Сеял пан десятин сорок разного хлеба, рабочих нанимал убирать. Изредка летом наезжал в имение Евгений, ходил по саду и ливаде, скучал. Утрами просиживал возле пруда с удочками. Был он невысок, полногруд. Носил чуб по казачьи зачесывая на правую сторону. Ловко обтягивал его офицерский сюртук.

Григорий, в первые дни, как только поселился в имении с Аксиньей, часто бывал у молодого хозяина. В людскую приходил Вениамин, склоняя плюшевую голову улыбался.

— Иди, Григорий, к молодому пану, велел позвать.||

<Л. 36>

68.

Григорий входил, становился у притолки. Евгений Николаевич щеря редкие широкие зубы указывал рукой на стул.

— Садись.

— Григорий садился на краюшек.

— Как тебе нравятся наши лошади?

— Добры кони. Серый дюже хорош.

— Ты его почаще проезжай. Смотри, наметом не гони.

— Мне дед Сашка толковал.

— А Крепыш как?

— Это гнедой-то? Цены не уставлю. Копыто, вот, защербил, перековывать надо.

Молодой пан шуря пронзительные серые глаза спрашивал.

— Тебе ведь в лагери в мае итти?

— Так точно.

— Я поговорю с атаманом, отстанешь.

— Покорнеше благодарим.

Молчали. Сотник расстегнув воротник мундира почесывал женски-белую грудь.

— Что-же ты не боишься, что Аксиньин муж отнимет ее у тебя?

— Он от нее отказался, не отнимет.

— Кто тебе говорил?

— Ездил в станицу за ухналями, видал хуторного одного. Гутарит зóпил Степан в темную. «Мне, мол, Аксютка и за грош не нужна. Пушай, — я себе похлеще сыщу».

— Аксинья — красивая баба. — говорил сотник задумчиво глядя повыше Григорьевых глаз, блудя улыбкой.

— Баба ничево. — соглашался Григорий и хмурился.

Евгению кончался срок отпуска. Он мог уже свободно без перевязи носить руку, поднимать не сгибая в локте.

Последние дни он часто просиживал у Григория в его половине людской. Аксинья чисто выбелила замшевшую в грязи комнату, отмыла наличники окон, выскребла битым кирпичем полы. Бабьим уютом пахло в пустой веселой комнате. Из подземки дышало жаром. Сотник накинув синего сукна романовский полушубок шел в людскую. Выбирал такое время, когда Григорий был занят с лошадьми. Приходил сначала на кухню, шутил с Лукерьей и повернувшись шел в другую половину. Садился у подземки на табурет, остро сутулил спину, глядел на Аксинью бесстыдным улыбчивым взглядом. Аксинья терялась в его присутствии, дрожали в пальцах иглы, набиравшие петли чулка.

— Как живешь, Аксиньюшка? — спрашивал сотник наводняя||

<Л. 36 об.>

69.

комнатушку синим папиросным дымом.

— Благодарствую. — Аксинья поднимала глаза и встречаясь с прозрачным взглядом сотника, молчаливо говорившим о его желании, вспыхивала румянцем. Ей было досадно и неприятно глядеть в оголенные светлые глаза Евгения Николаевича. Она невпопад отвечала на разные пустяковые вопросы, норовила поскорее уйти.

— Пойду. Надо уткам зерна всыпать.

— Посиди. Успеешь. — улыбался сотник и дрожал ногами в плотно обтянутых рейтузах.

Он подолгу расспрашивал Аксинью про ее прежнее житье, играл низкими нотками, такого-же, как и у отца голоса, похабничал светлыми, как родниковая вода глазами.

Управившись Григорий приходил в людскую. Сотник гасил в глазах недавние огни, угощал его папиросой и уходил.

— Чево он сидел? — глухо, не глядя на Аксинью, спрашивал Григорий.

— А я почем знаю? — Аксинья вспоминая взгляд сотника деланно смеялась, — Пришел, сел вот туточка гляка, Гришенька, вот так-то, — она показывала, как сидел сотник похоже горбата спину, — и сидит, и сидит, ажник тошно! А коленка острая-преострая.

— Примолвила штоль ево? — зло шурился Григорий.

— Нужен он мне!

— То-то гляди... А то, я ево в одночась спихну с крыльца.

Аксинья улыбаясь глядела на Григория и не могла понять серьезно он говорит, или шутит.

[14.] 15

На четвертой неделе поста сдала зима. На Дону бахромой легли окраинцы, ноздревато припух, посерел подтаявший сверху лед. Вечерами глухо гудела гора, по стариковским приметам — к морозу, а на самом деле — вплотную подходила оттепель. По утрам легкие ледозвонили заморозки, а к полудню земля отходила и пахло мартом, примороженной корой вишневых деревьев, прелой соломой.

Миرون Григорьевич исподволь готовился к пахате, пополневшими днями возился под сараем, тесал зубья к боронам, вместе с Гетьком делал два новых стана для колесной поездки. Дед Гришака говел на четвертой неделе. Приходил из церкви почерневший от холода, жалился снохе:|

<Л. 37>

70.

— Заморозил поп. Никудышний служака, да-с; служит, как яишник с возом едет. Это беда!

— Вы-бы, батя, на страстной говели. Все потеплеет к тому времю.

— Ты мне Наташку покличь. Пушай она чулки потолще свяжет, а в таких-та голопятых и серый бирюк с пару сойдется.

Наталья жила у отца, как хохол на отживе: ей все казалось, что Григорий вернется к ней, сердцем ждала не вслушиваясь в трезвый нашепот рассудка. Исходила ночами в жгучей тоске, крушилась, растоптанная нежданной незаслуженной обидой. А к этому прибавилось другое, и Наталья с холодным страхом шла к концу, ночами металась в своей девичьей горенке, как подстреленный чибис по ендовной куге. С первых дней по иному стал поглядывать на нее Митька, а однажды перехватив Наталью в сенцах прямо спросил:

— Скучаешь по Гришке?

— А што тебе?

— Тоску твою хочу разогнать...

Наталья взглянула ему в глаза и ужаснулась в душе своей догадке. Играл Митька зелеными кошачьими глазами, масляно блестел в темноте сеней продолжными разрезами зрачков. Наталья, хлопнув дверью, вскочила в боковушу к деду Гришаке, долго стояла прислушиваясь к несчетному трепету сердца. На другой день после этого Митька¹ подошел к ней на базу. Он метал скотине сено и на прямых его волосах, на папахе шпанского меха висели зеленые травяные былки. Наталья отгоняла от свиного корыта увивавшихся собак.

— Ты не мордуйся, Наташка...

— Я бате зашумлю!.. — крикнула Наталья закрываясь от него руками.

— Тю, сдурела!

— Уйди, проклятый!

— Ну, чево шумишь?

— Уйди, Митрий! Зараз пойду и расскажу бате... Какими ты глазами на меня глядишь? И-и-и, бессовестный!.. Как тебя земля держит!..

— А вот держит и не гнется. — Митька в подтверждение притопнул сапогами и подпер бока.

— Не лезь ко мне, Митрий!

— Зараз я и не лезу, а ночью приду. Ей-богу, приду!

Наталья ушла с база содрагаясь. Вечером постелила себе на сундуке и положила с собой младшую сестренку. Ночь проворочилась горячечными глазами вклиниваясь в темноту. Шороха ждала, что-бы||

<Л. 37 об.>

71.

крикнуть на весь дом, но тишина нарушалась только сапом спящего рядом, за стенкой, деда Гришаки, да редкими всхрапами разметавшейся под боком сестры. Оправленная бабьим неусыпным горем разматывалась пряжа дней.

Митька, не изживший давний свой позор с сватовством, ходил хмурый, злой. По вечерам уходил на игрища и редко приходил домой рано, все больше заря выкидывала. Путался с гулящими жалмерками, ходил к Степану играть в очко. Мирон Григорьевич до поры-до времени молчал, приглядывался.

Как-то перед Пасхой Наталья встретила около Моховского магазина Пантелея Прокофьевича. Он окликнул ее первый.

— Погоди-ка на час.

Наталья остановилась. Затосковала глянув на горбоносое, смутно напоминавшее Григория, лицо свекора.

— Ты чево-же к старикам не заглянешь?.. — смущенно обегая ее глазами заговорил старик, словно сам был виноват перед Натальей — Баба там по тебе соскучилась... затекалась баба, што, да чево там ты... Ну, как живешь-можешь?

Наталья оправилась от безотчетного смущенья.

— Спасибочка... — и запнулась, хотела назвать батей, смутившись dokonчила — ... Пантелей Прокофич.

— Што-ж не наведаешься к нам?

¹ ППС: «Митька на другой день после этого».

— По хозяйству... работаю.

— Гришка наш, эх... — старик горько закрутил головой — подковал он нас стервец! Как ладно зажили было-к...

— Што-ж, батя... — высоким рвущимся голосом зазвенела Наталья, — не судьба видать.

Пантелей Прокофьевич растерянно засуетился глянув в глаза Натальи, налитые слезами. Губы ее сводило, усилие держало слезы.

— Прощай, милушка... Ты не горюй по нем, по сукину сыну. Он ногтя твоего не стоит. Он может ишо вернется. Гребтится мне повидать ево... уж я доберусь!

Наталья пошла вобрав голову в плечи, как побитая. Пантелей Прокофьевич долго топтался на одном месте, будто сразу хотел перейти на рысь. Наталья заворачивая за угол оглянулась: свекор хромал по площади с силой налегая на костыль.||

<Л. 38>

72.

[15.] 16

У Штокмана стали собираться реже. Подходила весна, хуторцы готовились к весенней работе, лишь с мельницы приходили Валет с Давыдкой и машинист Иван Алексеевич. В страстной четверг перед вечером собрались в мастерской. Штокман сидел на верстаке подчищая напилком сделанное из серебряного полтинника кольцо. В окно ложилась вязанка лучей закатного солнца, розовый с желтизной лежал на полу пыльный квадрат. Иван Алексеевич крутил в пальцах клещи-кусачки,

— Надьсь был у хозяина, ходил толковать о поршне. Надо в Миллерово везть, там дадут ему рахунку, а мы што-же можем поделатъ? Трещина образовалась вот какая — неизвестно кому показал Иван Алексеевич на мизинце размер трещины.

— Там ведь завод кажется есть? — спросил Штокман двигая напилком, сея вокруг пальца тончайшую серебряную пыль.

— Мартеновский. Мне припало в прошлом году побывать.

— Много рабочих?

— До чорта. Сотни четыре.

— Ну, как они? — Штокман работая встряхивал головой и слова падали раздельно, как у зайки.

— Им-то житье. Это тебе не пролетарьи, а так... навоз.

— Почему-ж это? — поинтересовался Валет сидя рядом с Штокманом, скрестив под коленями куценькие обрубковатые пальцы.

Давыдка-вальцовщик, седой от мучной пыли, набившейся в волосы, ходил по мастерской разбрызгивая чириками шуршащую пену стружек, с улыбкой прислушиваясь к сухому пахучему шелесту. Казалось ему, что идет он по баераку, занесенному багряным листопадом, и листья мягко поддаваясь ноге наливают легкие сосновым смолистым духом.

— А потому это, што все они зажиточные. Каждый имеет свой домик, свою бабу со всяким удовольствием. А тут к тому ишо половина из них баптисты. Сам хозяин — проповедник у них, ну и рука руку моет, а на обоих грязи мотыкой не соскребешь.

— Иван Алексев, какие это баптисты? — остановился Давыдка уловив незнакомое слово.

— Баптисты-то? По своему в бога веруют. Навроде полипонов.

— Каждый дурак по своему с ума сходит. — добавил Валет.

— Ну, так вот прихожу я к Сергею Платоновичу, — продолжал Иван Алексеевич начатый рассказ, — у него||

<Л. 38 об.>

73.

Атепин-цаца — сидит. «Погоди, — говорят, — в прихожей». Сел, дожидаясь. Сквозь дверей слышу разговор ихний. Сам расписывает Атепину, мол очень скоро должна произойти война с немцами, вычитал из книжки, а цаца, знаешь как он гутарит? «Конечно — гутарит, я с вами не согласный насчет войны». — Иван Алексеев так похоже передразнил Атепина, что Давыдка округлив рот пустил короткий смешок, но глянув на язвительную мину Валета смолк.

— «Война с Россией не может быть, потому что Германия правдается нашим хлебом». — Продолжал Иван Алексеевич пересказ слышанного разговора. — Тут вступается ишо один, по голосу не спознал, а посла оказалось — пана Листницкого сын, офицер. «Война, — дескать, будет промеж Германии и Франции за виноградные поля, а мы тут не причем». Ты, Осип Давыдыч, как думаешь? — обратился Иван Алексеевич к Штокману.

— Я предсказывать не умею, — уклончиво ответил тот, на вытянутой руке сосредоточенно рассматривая отделанное кольцо.

— Задерутся они — быть и нам там. Хошь не хошь, а придется, за волосы притянут. — рассуждал Валет.

— Тут, ребятки вот какое дело, — заговорил Штокман мягко освобождая кулачки из пальцев Ивана Алексеевича.

Говорил он серьезно, как видно, собираясь основательно растолковать. Валет удобнее подхватил сползавшие с верстака ноги, на лице Давыдки округлились губы не прикрывая влажную кипень плотных зубов. Штокман с присущей ему ясностью сжато, в твердых, словно заученных, фразах обрисовал борьбу капиталистических государств за рынки и колонии. В конце его возмущенно перебил Иван Алексеев.

— Погоди! А мы-то тут при чем?..

— У тебя и у других таких-же головы будут болеть с чужого похмелья. — улыбнулся Штокман.

— Ты не будь дитем, — язвил Валет, — старая поговорка: паны дерутся, а у холопов чубы трясутся.

— Угу-м. — надулся Иван Алексеев, [разжевывая] дробя какую-то громоздкую неподатливую глыбу мыслей.

- Листницкий этот чево прибивается к Моховым? Не за дочьрю ево топчет?
 — спросил Давыдка.
 — Там уж Коршуновский потомок топтался... — злословил Валет.
 — Слышишь, Иван Алексеевич? Офицер чево там нюхается?
 Иван Алексеев встрепенулся, [как] словно кнутом его [кто]||

<Л. 39>

74.

под коленки жиганули.

- А? Кто, гутаришь?
 — Задремал, дядя!.. Про Листницкова разговор.
 — На станцию едет. Да, ишо новостишка: оттель выхожу — на крыльце кто-бы вы думали? Гришка Мелехов. Стоит с кнутиком. Спрашиваю, «Ты чево тут, Григорий?» — «Листницкого пана везу на Миллере<во>»
 — Он у них в кучерах. — вступился Давыдка.
 — С панского стола объедки схватывает.
 — Ты, Валет, как цепной кобель, любого обрешешь.
 Разговор на минуту смолк. Иван Алексеев поднялся итти.
 — Ты не к стоянию спешишь? — съехидничал напоследок Валет.
 — Мне кажин день стояние.

Штокман проводил всегдашних гостей и замкнув мастерскую пошел в дом.

В ночь под Пасху небо затянуло темногрудыми тучами, накрапывал дождь. Отсыревшая темнота придавила хутор. На Дону, уже в сумерках, с протяжным перекастистым стоном хряпнул лед и первая с шорохом вылезла из воды, сжатая массивом поломанного льда, крыга. Лед разом взломало на протяжении четырех верст, до первого от хутора колена. Пошел стор. Под мерные удары церковного колокола, отбивавшего «двенадцать евангелий», на Дону сострясая берега крушились сталкиваясь ледяные поля. У колена, там где Дон горбатясь заворачивает влево, образовался затор. Гул и скрежет налезавших крыг доносило до хутора. В церковной ограде, испещренной блестками талых лужиц гуртовались парни. Из церкви через распахнутые двери на паперть, с паперти в ограду сползали гулкие звуки чтения, в решетчатых окнах праздничный и отрадный переливался свет, а в ограде, парни щупали тихонько повизгивавших девок, целовались и вполголоса рассказывали похабные истории. В церковной караулке толпились казаки, приехавшие к светлому богослужению с ближних и дальних хуторов. Сморенные усталью и духотой, висевшей в караулке, люди спали на лавках и [под] у [подоконниками] **подоконников** на полу.

На поломанных порожках курили, переговаривались о погоде и озимых.

- Ваши хуторные как на поля выедут?||

<Л. 39 об.>

75.

- На фоминой тронутся, должно.
 — То-то добришша, у вас ить там песчаная степь.
 — Супесь, по энту сторону лóга — солончаки.

— Теперича земля напичает.

— Прошлый год мы пахали, земля как хрящ, до без конца-краю клёкая.

— Дунька, ты иде? — тоненьким голоском пищало внизу у крыльца караулки.

А у церковной калитки чей-то сиплый грубый голосина бубнил:

— Нашли иде целоваться, ах вы... Брысь отседа, пакостники! Приспичило вам, ядрена мать!

— Тебе пары нету? Иди нашу сучку целуй. — резонил из темноты молодой ломкий голос.

— Су-у-учку? А вот я тебе...

Вязкий топот перебирающих в беге ног, порсканье и шелест девичьих юбок.

С крыши стеклянная звень падающей капли и снова тот-же медленный, тянкий как черноземная грязь, голос.

— Запашник нады торговал у Прохора, давал ему двенадцать цалковых — угинается. Энтот не продешевит...

На Дону плавный шелест, шорох, хруст. Будто вниз над хутором идет принареннная, мощная, ростом с тополь баба, шелестя невиданно большим подолом.

В полночь, когда закрутела кисельная чернота, к ограде верхом на незаседланном коне подъехал Митька Коршунов. Слез, привязал к гриве повод уздечки и хлопнул горячившуюся лошадь ладонью. Постоял, прислушиваясь к чваканью копыт, и оправляя пояс пошел в ограду. На паперти снял папаху, согнул в поклоне неровной скобкой подбритую голову и расталкивая баб протискался к алтарю. По левую сторону черным табуном густились казаки, по правую цвела лазоревая смесь бабьих нарядов. Митька разыскал глазами стоявшего в первом ряду отца и подошел к нему. Перехватил у локтя руку Мирона Григорьевича, поднимавшуюся в крестном знамении, шепнул в заволосатевшее ухо.

— Батя, выдь на час.

Пробираясь сквозь сплошную завесу различных запахов Митька дрожал ноздрями: валял с ног чад горящего воска, смрад разопревших в поте бабьих||

<Л. 40>

76.

тел, могильная вонь слежалых нарядов (тех, которые вынимаются из под испода сундуков только на Рождество да на Пасху), разило мокрой обувной кожей, нафталином, выделениями говельщицких изголодавшихся желудков.

На паперти Митька, грудью прижимаясь к отцову плечу сказал:

— Наталья помирает.

[16.] 17.

Григорий вернулся со станции, куда отвозил Евгения, на вербное воскресенье. Оттепель съела снег, дорога испортилась в каких-нибудь, два дня.

В Ольховом рогу, — хохлачей слободе, — в 25 верстах от станции, переправляясь через речку едва не утопил лошадей. В слободу приехал перед вечером. За прошедшую ночь лед поломало, пронесло и речка, пополняемая коричневыми потоками талой воды, пухла, пенилась подступая к улочкам. Постоялый двор, где

останавливались кормить лошадей по дороге на станцию, был на той стороне. За ночь могло еще больше прибыть воды и Григорий решил переправиться.

Подъехал к тому месту, где сутки назад переезжали по льду. Вывалившаяся из берегов речка гнала по раздвинувшемуся руслу грязные воды, легко кружила на середине отрезок плетня и половинку колесного обода. На оголенном от снега песке виднелись протертые санными полозьями свежие следы. Григорий остановил потных, с шмотьями мыла между ног, лошадей и соскочил с саней рассмотреть следы. [След свежий¹] Подреза прорезали тонкие полоски. У воды след слегка заворачивал влево и тонул в воде. Григорий смерял расстояние взглядом: двадцать саженой самое большее. Подошел к лошадям проверить запряжку, в это время из крайнего двора вышел, направляясь к нему пожилой в лисьем треухе хохол.

— Ездют тут? — спросил Григорий махая вожжами на коричневый перекипающий поток.

— Та ездют. Ноне утром проихалы.

— Глубоко?

— Ни. В сани мабуть зальеться.

Григорий подобрал вожжи и готовя кнут толкнул лошадей коротким повелительным — Но!..

Лошади храпя и нюхая воду вошли нехотя.

— Но! — свистнул Григорий кнутом, привставая на козлах.

Гнедой широкозадый конь, левый в запряжке мотнул головой, — была не была! — и||

<Л. 40 об.>

77.

рывком натянул постромки. Григорий искоса глянул под ноги: вода клехтала у грядущки саней. Лошадям сначала по колено, потом сразу по грудь. Григорий хотел повернуть обратно, но лошади сорвались и всхрапнув поплыли. Задок саней занесло, поворачивая лошадей головами на течение. Через спины их перекатами шла вода. Сани колыхало и стремительно тянуло назад.

— Аяяй!.. Ааай, правь!.. — горланил бегая по берегу хохол и зачем-то махал сдернутым с головы лисьим треухом.

Григорий в диком остервенении не переставая улюлюкал, понукал лошадей. Вода курчавилась за оседавшими санями мелкими воронками.

Сани резко стукнуло о торчавшую из воды сваю (след унесенного моста), и перевернуло с диковинной легкостью. Охнув Григорий окунулся с головой, но вожжи не выпустил. Его тянуло за полы полушубка, за ноги, влекло с мягкой настойчивостью, пестая, переворачивая возле колыхавшихся саней. Он успел ухватиться левой рукой за полоз и бросив вожжи, задыхаясь стал перехватывать руками добираясь до барка. Он уже вварил было пальцы в окованный конец барка, в этот миг гнедой, сопротивлявшийся течению, с силой резнул его задней ногой в колено. Захлебываясь Григорий перекинулся руками и уцепился за постромку.

¹ ППС: «Свежий след».

Его рвало от лошадей, разжимало пальцы с удвоенной силой. Весь в огненных колючках холода он дотянулся до головы гнедого и прямо в [его] расширенные зрачки Григория вонзила лошадь бешеный, налитый смертельным ужасом взгляд своих кровавистых глаз.

Несколько раз упустил Григорий ослизлые ремни поводов; заплывал, хватал, но поводья скользили из пальцев. Как-то схватил и внезапно черкнул ногами землю.

— Нооо!!... — вытягиваясь до предела метнулся вперед и упал на пенистой отмени, сбитый с ног лошадиной грудью.

Лошади, подмяв его, вихрем вырвали из воды сани, обессиленные, в дымящейся дрожи мокрых спин стали в нескольких шагах.

Не чувствуя боли Григорий вскочил на ноги холод облепил его, будто, нестер-
||

<Л. 41>

78.

пимо горячим тестом. Он дрожал больше чем лошади, он чувствовал, что на ногах он так-же слаб сейчас, как грудной ребенок. Опаматовался и, перевернув сани на полозья, согревая лошадей пустил их наметом. В улицу влетел, как в атаке, и в первые-же раскрытые ворота направил лошадей не замедляя бега.

Хохол-хозяин попался радушный. К лошадям послал сына, а сам помог Григорию раздеться и тоном не допускавшим никаких возражений, сказал жене:

— Затопляй пичь.

Григорий отлежался на печи в хозяйских штанах, пока высохлась его одежда, и повечеряв постными шами лег спать.

Выехал он — ни свет — ни заря. Лежал впереди путь в сто тридцать верст и дорога была каждая минута. Грозил степная весенняя дорога: в каждом ярке и балке — шумные потоки снеговой воды.

Черная оголенная дорога резала лошадей. По заморозку-утреннику дотянул до тавричанского участка, лежавшего в четырех верстах от дороги, и стал на развилке. Дымились потные лошади, сзади лежал сверкающий на земле след полозьев. Григорий бросил в участке сани, подвязал лошадям хвосты и поехал верхом ведя вторую лошадь в поводу. Утром на вербное воскресенье добрался до Ягодного.

Старый пан выслушал подробный рассказ о дороге и пошел глянуть на лошадей. Сашка водил их по двору сердито поглядывая на их глубоко ввалившиеся бока.

— Как лошади? — спросил пан подходя.

— Само собой понятно. — буркнул Сашка не останавливаясь, сотрясая седую прозелень круглой бороды.

— Не перегнал?

— Нету. Гнедой грудь потер хомутом. Пустяковина.

— Отдыхай. — повел пан рукой в сторону дожидавшегося Григория.

Тот пошел в людскую, но отдохнуть пришлось только ночь. На следующий день утром пришел Вениамин в новой сатиновой голубой рубаше, в жирке всегдашней улыбки.

— Григорий к пану. Сейчас-же!

Генерал шлепал по залу в валеных||

<Л. 41 об.>

79.

туфлях. Григорий раз кашлянул, переминаясь с ноги на ногу у дверей зала, в другой, пан поднял голову.

— Тебе чего?

— Веньямин покликнул.

— Ах, да. Иди седлай жеребца и Крепыша. Скажи, чтоб Лукерья не выносила собакам. На охоту.

Григорий повернулся итти. Пан вернул его окриком.

— Слышишь? Поедешь со мной.

Аксинья сунула в карман Григорьева полушубка пресную пышку, шипя.

— Поисть не даст вражина! Мордуют ево черти... Ты-б, Гриша, хучь шарф повязал.

Григорий подвел к палисаднику оседланных лошадей, свистом созвал собак. Пан вышел в поддевке синего сукна, подпоясанной наборным ремнем. За плечем висела никелевая с пробковыми стенками фляга, свисая с руки гадюкой волочился сзади витой арапник.

Держа поводья Григорий наблюдал за стариком и удивился легкости, с которой он метнул на седло свое костистое старое тело.

— За мной держи. — коротко приказал генерал, рукой в перчатке ласково разбирая поводья.

Под Григорием взыграл и пошел боком, по кочетиному неся голову, четырехлеток-жеребец. Он был некован на задние и попадая на хрушкий ледок оскользался, приседая наддавал на все ноги. В сутуловатой, но надежной посадке баюкался на широкой спине Крепыша старый пан.

— Мы куда? — ровняясь спросил Григорий.

— К Ольшанскому баераку. — густым басом отозвался пан.

Лошади шли дружно. Жеребец просил поводья и по лебединому изгиная короткую шею косил выпуклым глазом на седока, норовил укусить за колено. Поднялись на изволок и пан пустил Крепыша машистой рысью. Собаки бежали сзади Григория, раскинувшись короткой цепкой. Черная старая сука бежала касаясь горбатой мордой кончика лошадиного хвоста. Жеребец приседал, горячася хотел шелкнуть задком назойливую суку, но та приотставала и тоскующим старушечьим взглядом ловила взгляд оглядывавшегося Григория.

До Ольшанского баерака добежали в полчаса. Пан поехал по баерачной хребтине,||

<Л. 42>

80.

лохматой от коричневого старюки-бурьяна, Григорий спустился на низ сторожоко вглядываясь в промытое, изъязвленное провалами днище баерака. Он изредка поглядывал на пана. Сквозь стальную сизь голого и редкого ольшанника видна была четкая, как нарисованная фигура старика. Припадая к луке он привставал на стременах и на спине его синё морщинилась перетянутая казачьим поясом поддевка. Собаки шли по холмистой изволоке, держались кучей. Переезжая крутую промоину Григорий свесился с седла. «Закурить-бы. Зараз пушу повод и достану кисет». — подумал он скидая перчатки, шурша в кармане бумагой.

— Трави!... — ружейным выстрелом гукнул за баерачной хребтиной крик.

Григорий вздернул голову: на острогорбый гребень выскочил пан и высоко подняв арапник пустил Крепыша карьером.

— Трави!..

Пересекая хлюпкое, заросшее кугой и камышаткой днище баерака, скользя и пригинаясь к земле быстро бежал грязно-бурый, клочковатый в пахах, невылинявший волк. Перепрыгнув ложок он стал и живо повернувшись боком увидел собак. Они шли на него лавой, охватывая подковой, отрезая от леса, начинавшегося в конце баерака.

Пружинисто покачиваясь волк выскочил на кургашек — давнишнюю сурчину и шибко пошел к лесу. Почти навстречу ему скупыми бросками двигалась старая сука, сзади доспевал седой высокий кобель Ястреб, один из лучших и самый злой в гоньбе.

Волк на минуту замялся, словно в нерешительности. Григорий поднимаясь из баерака, кругообразно поводя поводьями, на минуту потерял его из вида, а когда выскочил на бугор — волк мельтешил далеко, далеко по черной ряднине степи. Сливаясь с землей плыли в бурьянах черные собаки, а далеко, сбоку, полосая Крепыша рукоятью арапника, обскакивал Крутой Яр старый пан.

Волк перебивал к соседнему баераку, близко наседали, охватывали собаки и почти под ключьями волчьих пахов висел, отсюда казавшийся Григорию белесым лоскутом, седой кобель Ястреб.

— Тра-а-авии!.. — доплеснуло до Григория крик.

Он выпустил жеребца во весь мах, тщетно||

<Л. 42 об.>

81.

стараясь разглядеть, что происходило впереди; глаза застили слезы, уши забивал режущий свист рассекаемого ветра. Охота захватила Григория. Припадая к шее жеребца, остро звонящейся потом, он вихрился в буйной скачке.

Пока доскакал до баерака ни волка, ни собак не было. Через минуту его догнал пан. Осадив Крепыша на всем скаку крикнул:

— Куда пошел?..

— В баерак, должно.

— Обскакивай слева!.. Гони!..

Пан всадил каблуки в бока пляшущей на дыбах лошади и поскакал направо. Григорий спускаясь в ложбину натянул поводья, гикнув вылетел на ту сторону. Версты полторы торопил взопревшего жеребца плетью и криком. Вязкая, непросохшая земля налипала на копыта и ошметками осыпала лицо. Длинный баерак, излучисто вившийся по бугру, повернул вправо, разветвился на три отножины. Григорий пересек поперечную отножину и помчался по пологому склону завидев вдали черную цепку собак, гнавших волка по степи. Его, как видно, отбили от сердцевины баерака, особенно густо заросшей дубом и ольхами. Там, где сердцевина кололась на три отножины, и баерак покато стекал тремя исчерна-сизыми рукавами, волк вышел на чистое и, выгадав с сотню сажень, машисто шел под гору, в суходол сплошь залохматевший одичалой давнишней зарослью бурьяна и сухого татарника.

Привставая на стременах Григорий следил за ним, вытирал рукавом слезы, мочившие нахлестанные ветром глаза. Мельком взглянув влево он угадал свою землю. Жирным косым квадратом лежала деляна, та, что осенью пахал он с Натальей. Григорий нарочно направил жеребца через пахату и за те небольшие минуты, в которые Жеребец спотыкаясь и качаясь пересекал пахату, в сердце Григория стыл, пепелился охвативший его охотничий пыл. Уже равнодушно он понукал тяжело сопевшего жеребца и проследив за паном, — не оглядывается ли? — перешел на куцый намет.

Вдали у Красного лога виднелся пустой стан пахарей. В стороне, на свежей, отливавшей бархатом пахате, ползли три пары быков, влачивших плуг. «Наши хуторные. Чья это земля? Да, никак, Аникушкина». — скользил Григорий прищуренными глазами угадывая быков и ходившего за плугом человека.||

<Л. 43>

82.

— Взя-а-а-ать!..

Григорий увидел, как двое казаков бросив плуг бежали наперерез волку, норовившему прорваться к логу. Один рослый, в казачьей [краснооколовой] краснооколой фуражке, с спущенным под подбородок ремешком, махал выдернутой из ярма железной занозой. И тут-то неожиданно волк сел, опустив зад в глубокую борозду. Седой кобель Ястреб с разлета перемахнул через него и упал поджимая передние ноги; старая сука, пытаясь остановиться, чертила задом бугристую пахату, не удержавшись напоролась на волка. Тот резко мотнул головой, сука пластом зарикошетила в сторону. Черный громадный клуб, насевших на волка собак, качаясь проплыл по пахате несколько сажень и покатился шаром. Григорий подскакал на полминуты вперед пана, прыгнул с седла и упал на колени относя за спину руку с охотничьим ножом.

— Вот он... Исподний!.. В глотку!.. — знакомым запыхавшимся голосом крикнул подбежавший казак с занозой.

Он сопя прилег рядом с Григорием, и на четверть оттягивая кожу на шее вгрызавшегося в волчье брюхо кобеля, пятерней стреножил волку передние ноги. Под вздыбленной, двигающейся под рукой жесткой шерстью Григорий нашупал твердую трубку горла и коротко дернул ножом.

— Собак!.. Со-о-обак... Гони!.. — паралично хрипел посиневший пан падая с седла на мякоть пахаты.

Григорий с трудом отогнал собак, оглянулся на пана.

Поодаль от него, в сторонке стоял Степан Астахов в фуражке с приспущенным на подбородок лакированным ремешком. Он вертел в руках железную занозу, дрожал посеревшей нижней челюстью и бровями.

— Ты откуда, молодец? — обратился к Степану пан, — с какого хутора?

— С Татарскова. — переждав время отозвался Степан и сделал шаг в сторону Григория.

— Чей?

— Астахов.

— Вот что, любезный, ты когда едешь домой?

— Ноне к ночи.

— Привези нам эту тушку. — указал пан ногою на волка, в агонии редко клацавшего зубами, поднимавшего кверху выпрямленную заднюю ногу с бурым свалывшимся клоком шерсти на лодыжке.||

<Л. 43 об.>

83.

— Что стоит заплачу... — посулил пан и вытирая шарфом пот с багрового лица отошел в сторону, скосбочился снимая с плеча узкий прикрепленный к фляге ремешок.

Григорий пошел к жеребцу. Ставя ногу в стремя оглянулся: Степан объятый неуёмной дрожью шел к нему поводя шеей, плотно прижав к груди тяжелые крупные руки.

[17.]18.

У соседки Коршуновых Пелагеи в эту ночь под субботу на Страстной неделе собрались бабы на посиделки. Гаврила Майданников — муж Пелагеи писал из Лодзи, сулился прийти в отпуск к Пасхе. Пелагея выбелила стены и прибрала в хате еще в понедельник, а с четверга ждала, выглядывала за ворота, подолгу стояла у плетня простоволосая и худая, с лицом покрытым плитами матежин; прикрыв глаза ладонью всматривалась не едет-ли, случаем? Ходила она на сносях, но законно, в прошлом году летом приезжал Гаврила из полка, привез жене польского ситцу, прогостил недолго: четыре ночи переспал с женой, на пятые сутки напился, ругался по польски и по немецки и плача распевал давнишнюю казачью песню о Польше, сложенную еще в 1831 году. С ним за столом сидели приятели и братья, пришедшие проводить служивого, глотали водку, до обеда подпевали:

Говорили про Польшу, што богатая,
А мы разузнали — голь проклятая!
У этой у Польши — корчемка стоит,
Корчма польская, королевская.
У этой корчемки три их молодца пьют,
Пруссак, да поляк, да млад донской казак.
Пруссак водку пьет — монеты кладет,

Поляк водку пьет — червонцы кладет,
 Казак водку пьет — ничего не кладет;
 Он по корчме ходит — шпорами гремит,
 Шпорами гремит — шинкарку манит:
 «Шинарочка-душечка, поедем со мной,
 Поедем со мной к нам на Тихий Дон.
 У нас на Дону, да не по вашему живут,
 Не ткут, не прядут, не сеют, не жнут,
 Не сеют, не жнут, да чисто ходют!»

А с обеда распрощался Гаврила с семьей и уехал. С того дня и стала Пелагея на подол рубахи заглядывать.

Наталье Коршуновой так объясняла она причину беременности:

— Перед тем, как прийти Гаврюше, видала я, милушка, сон. Кубыть иду я по||

<Л. 44>

84.

займищу, а по переди меня наша старая корова, какую мы летось на Спас продали, идет она, а из сиськов молоко дорогу вилюжит... «Господи, — думаю, — как же это я ее так доила?» После этого приходит ко мне бабка Дроздыха за хмелинами, я ей и расскажи сон, а она: «отнеси, — грить, — на коровий баз кусочек воску, отломи от свечки, скатай в шарик и отнеси, в коровий свежий помет закопай, а то беда под окном караулит». Кинулась я, а свечки-то нету, была одна — ребята покатали, тарантулов из норь выманували, што-ли. Тут пришел Гаврюша — вот она и беда. До этого три года рубахи сымала, а теперича ишь... — сокрушалась Пелагея тыча пальцем в свой вздувшийся живот.

Ожидая мужа Пелагея горюнилась, скучала без людей, поэтому в пятницу созвала баб-соседок время разделить. Пришла и Наталья с недовязанным крючковым чулком (заходила весна, — сильнее зяб дед Гришака). Она была оживленна, чаще чем нужно смеялась чужим шуткам, просто ей не хотелось, [показать] **чтоб видели [бабам] бабы**, что борет ее тоска по мужу.

Пелагея, свесив с печки босые в фиолетовых подтригунках ноги, подтрунивала над молодой занозистой бабенкой Фросей.

— Как-же ты, Фроська, казака свово избил?

— Не знаешь как? По спине, по голове, по чем пришлось.

— Я не про то, как у вас завелось-то?

— Так и завелось. — нехотя отвечала та.

— Ты-б свово прихватила с чужой, аль смолчала-бы? — медленно расставляя слова, спросила длинная жердястая баба — сноха Кашулина Матвея.

— Расскажи, Фросинья!

— Нечево уж... Нашли о чем гутарить.

— Не кобенясь, тут все свои.

Фрося выплевывая в руку подсолнечную лузгу улыбнулась.

— Я давно за ним примечала, а тут переказывают мне, мол твой на мельнице с задонской жалмеркой мирошничает. Я туда, они возля просорушки...

— Што-ж, Наталья, про мужа не слышать? — перебила Кашулинская сноха обращаясь к Наталье.

— В Ягодном он... — тихо ответила та.

— Думаешь жить с ним, нет-ли?

— Она, может, и думала-б, да он об ней не понимает. — вмешалась хозяйка.||

<Л. 44 об.>

85.

Наталья почувствовала, как горячая до слез кровь плеснулась ей в лицо. Она склонилась над чулком голову, исподлобья глянула на баб и видя, что на нее смотрят, сознавая, что краски стыда не скрыть от них, намеренно, но неловко, так, что это заметили все, уронила с колен клубок и нагнулась шаря пальцами по холодному полу.

— Наплюй на нево, бабонька! Была-б шея, а ярмо будет. — с нескрываемым сожалением посоветовала одна.

Деланное оживление Натальи потухло искрой на ветру. Бабы перекинулись в разговоре на последние сплетни, на пересуды. Наталья вязала молча. С трудом высидев до конца она ушла унося в душе неоформленное решение. Стыд за свое неопределенное положение (она все не верила, что Григорий ушел навсегда и прощая все ждала его), толкнул ее на следующий поступок: решила послать тайком от домашних в Ягодное к Григорию, что-бы узнать совсем ушел он и не одумался-ли?

Пришла она от Пелагеи поздно. В горенке сидел дед Гришака, читал затрепанное, закапанное воском, в кожаном переплете евангелие. Мирон Григорьевич в кухне довязывал крыло к вентеру, слушал рассказ Михея о каком-то давнишнем убийстве. Мать Натальи уложив детей спала на печке, оставив в дверь черные подошвы ног. Наталья разделась и бесцельно прошлась по комнатам. В зале, в угле, — отгороженном доскою, — ворох оставленного на посев коноплянного семени и мышинный писк.

Она на минуту задержалась в дедовой горнице. Постояла у угольника тупо глядя на стопку церковных книг, сложенных под образами.

— Дедуня, у тебя бумага есть?

— Какая бумага? — поверх очков собрал дед густую связку морщин.

— На какой пишут.

Дед Гришака порылся в псалтире и вынул смятый листок, провонявший затхлым канунным медом и ладаном.

— А карандаш?

— У отца спроси. Иди, касатка, не мешайся.

Карандашный огрызок добыла Наталья у отца. Села за стол мучительно передумывая давно продуманное, вызывавшее на сердце тупую ноющую боль.

Утром она посулив Гетьку водки снарядила его в Ягодное с письмом.||

<Л. 45>

86.

«Григорий Пантелевич!

Пропиши мне, как мне жить и навовсе, или нет, потеряная моя жизнь? Ты ушел из дому и не сказал мне ни одново словца. Я тебя ни чем не оскорбила и я ждала, што ты мне развяжешь руки и скажешь, што ты ушел навовсе, а ты отроился от хутора и молчишь, как мертвый.

Думала, сгоряча ты ушел и ждала, што возвернешься. Но я разлучать вас не хочу. Пушай лучше одна я в землю затоптанная, чем двое. Пожалей напоследок и пропиши. Узнаю, буду одно думать, а то я стою посередь дороги.

Ты, Гриша, не сердчай на меня, ради Христа.

Наталья».

Хмурый, в предчувствии близкого запоя, Гетько увел на гумно лошадь и укладкой от Мирона Григорьевича обратав ее поскакал охлюпкой. Сидел он на лошади той присущей не казакам неловкой посадкой, болтал на рыси рватыми локтями и, провожаемый назойливыми криками игравшихся на проулке казачат, ехал шибкой трюпкой.

— Хохол!.. Хохол!..

— Хохол-мазница!

— Упадешь!..

— Кобель на плетне!.. — вслед ему кричали ребятишки.

Вернулся с ответом он к вечеру. Привез синий клочек оберточной сахарной бумаги и вынимая его из-за пазухи подмигнул Наталье.

— Дорога невозможна, [моя] мия донюшка! Така тряска, шо Гетько уси пэчонки поотбывав!

Наталья прочла и посерела. В четыре приема вошло в сердце зубчато-острое, разодравшее какую-то ткань.

Четыре расплывчатых слова на бумажке: «Живи одна. Мелехов Григорий».

Торопясь, словно не надеясь на свои силы Наталья ушла со двора и легла на кровать. Лукинишна на ночь затопляла печь, чтоб пораньше отстряпаться и ко времени выпечь пасхи.

— Наташка, иди пособи мне. — звала она дочь.

— Голова болит, маманя. Я чудок полежу.

Распокрытая Лукинишна высунулась в дверь.

— Ты-ба рассольцу. А? Дó разу очунеешься.||

<Л. 45 об.>

87.

Наталья сухим языком коснулась холодных губ, промолчала.

До вечера лежала она с головой укрывшись теплым пуховым платком. Легкий озноб сотрясал ее согнутое калачиком тело. Мирон Григорьевич с дедом Гришаккой уже собрались итти в церковь, когда она встала и вышла на кухню. Ни висках ее гладко причесанных черных волос глянцевител пот, масляной нездоровой поволокой задернулись глаза.

Мирон Григорьевич, застегивая на ширинке широких шаровар длинный ряд пуговиц, скосился на дочь.

— Приспичило тебе, дочушка хворать. Пойдем к светлой заутрени.

— Идите, я послая приду.

— К шапошному разбору?

— Нет. Я вот оденусь... Мне одеться и я пойду.

Казачи ушли. В курене остались Лукинишна и Наталья. Вялая она переходила от сундука к кровати, невидящими глазами оглядывала взвороченный в сундуке ворох нарядов; мучительно что-то обдумывая, шепча губами. Лукинишна подумала, что Наталья колеблется в выборе наряда и с материнским великодушием предложила.

— Надевай, милая, мою синюю юбку. Она тебе теперича как раз будет.

К Пасхе Наталье не сшили обнову и мать вспомнив, как она, еще в девках, любила по праздникам надевать ее синюю узкую в подоле юбку, сама навязалась с своим добром думая, что Наталья загоревалась над выбором.

— Наденешь, што-ль? Я достану.

— Нет. Я в этой пойду. — бережно вытащила Наталья свою зеленую юбку и вдруг вспомнила, что в этой юбке была она, когда Григорий женихом приезжал ее проведать, под прохладным навесом сарая в первый раз пристыдил ее летучим поцелуем, и затряслась в подступившем рыдании, грудью наваливаясь на поднятую ребром крышку сундука

— Наталья! Ты чево?!.. — всплеснула руками мать.

Наталья задушила просившийся наружу крик и осилив себя засмеялась скрипучим деревянным смехом.

— Штой-то нашло на меня... ноне.||

<Л. 46>

88.

— Ох, Наташка, примечаю я...

— И чево вы, маманя, примечаете? — с неожиданной злобой крикнула Наталья, комкая в пальцах зеленую юбку.

— Не сдобруешь, ты, гляжу... Замуж надо.

— Будя! Побыла!..

Наталья пошла в свою горницу одеваться и вскоре снова пришла на кухню уже одетая, тонкая по девичьи, иссиня-бледная в прозрачной синеве невеселого румянца.

— Иди одна, я ишо не управилась. — сказала мать.

Сунув за обшлаг рукава утирку Наталья вышла на крыльцо. От Дона нес ветер шорох плывущего льда и пресный живительный запах талой сырости. Придерживая левой рукой подол юбки, обходя перламутровую синь раскинутых по улице лужиц Наталья дошла до церкви. Дорогой пыталась она вернуть себе прежнее уравновешенное состояние духа, думала о празднике, обо всем отрывочно и туманно, но мысль упрямо возвращалась к синему клочку оберточной бумаги, спрятанному на груди, к Григорию и к той, счастливой, которая над ней теперь снисходительно смеется и, быть-может, даже жалеет...

Она вошла в ограду. Ей загородили дорогу парни. Обходя их Наталья услышала:

— Чья это? Ты угадал?

— Да это Наташка Коршунова.

- У ней, гутарют, кила. От этого ее и муж бросил.
- Брешешь. Она с свекром, с Пантелеем хрымым спуталась.
- Вон што-о-о. Стал-быть Гришка через это и убег из дому?
- А то через чево-ж. Она и зараз...

Наталья спотыкаясь о неровную стилку камней дошла до паперти. Вслед ей vollголоса камнем пустили грязное позорное слово. Под хихиканье стоявших на паперти девок Наталья прошла в другую калитку и пьяно раскачиваясь побежала домой. Перевела дух у ворот своего база, вошла путаясь ногами в подоле, кусая распухшие искусанные в кровь губы. В сиреновой, кочующей над двором темноте чернела приоткрытая дверь сарая. В одно злое усилие собрала Наталья оставшийся комочек сил, добежала до дверей и торопясь шагнула через порог.

В сарае сухая прохлада, запах ременной упряжи и слежалой соломы.

Она ощупью [*добралась до угла*], без мысли, без чувства, в черной тоске, когтившей||

<Л. 46 об.>

89.

ее заполоненную позором и отчаянием душу, добралась до угла. Взяла в руки держак косы, сняла с него косу (движения ее были медлительно-уверенны, точны) и запрокинув голову с силой и опалившей ее радостной решимостью резнула острием по горлу. От дикой горячей боли упала, как от удара, и, чувствуя, смутно понимая, что не доделала начатое — встала на четвереньки, потом на колени; торопясь (ее испугала заливавшая грудь кровь), обрывая дрожащими пальцами кнопки зачем-то расстегнула кофточку. Одной рукой отвела каменно-тугую неподатливую грудь, другой направила острие косы. На коленях доползла до стены, уперла в неё тупой конец, тот, который надевается на держак, и заломив над запрокинутой головой руки грудью твердо подалась вперед, вперед... Ясно слышала, ощущала противный капустный хруст разрезаемого тела, нарастающая волна острой боли полымем прошла от груди до горла и звянящими иглами воткнулась в уши...

В курене скрипнула дверь. Лукинишна щупая ногой порожек сходилла с крыльца. С колокольни размеренные [*рассыпались*] сыпались удары. На Дону с неумолчным скрежетом ходили на дыбах саженные крыги.

Радостный, полноводный, освобожденный Дон нес к Азовскому морю ледяную свою неволю.

19.¹

Степан подошел к Григорию и ухватясь за стремя плотно прижался к потному боку жеребца.

- Ну, здорово, Григорий!
- Слава богу.
- Што-ж ты думаешь? А?
- Чево мне думать-то?

¹ Против номера главы на левом поле синим карандашом проставлен знак «+».

— Сманил чужую жену и... пользуешься?
 — Пусти стремя.
 — Ты не бойсь... Я бить не буду.
 — Я не боюсь, ты брось это! — румянея в скулах повысил Григорий голос.
 — Нынче я драться с тобой не буду, не хочу... Но ты, Гришка, помни мое слово: рано аль поздно — убью!
 — Слепой сказал — посмотрим.
 — Ты крепко помни это. Обидел ты меня... Выхолостил мою жизнь, как боровка... Видишь вон, — Степан протянул руки черными ладонями вверх, — пашу, а сам не знаю на што. Аль мне одному много надо? Я-бы походя и так прозимовал. А только скука меня убивает... Крепко ты меня обидел, Григорий!..||

<Л. 47>

90.

— Ты мне не жалься, не пойму. Сытый голодна не разумеет.
 — Это-то так. — согласился Степан, снизу вверх глядя Григорию в лицо, и вдруг улыбнулся простой ребячьей улыбкой, расщепляя углы глаз на множество тонких морщинок, — Жалкую я об одном, парень... дюже жалкую... Помнишь в позапрошлом годе на маслену дрались мы в стенках?

— Это когда?

— Да в энтог раз, как постовала убили. Холостые с женатами дрались, помнишь? Помнишь, как я за тобой гнал? Жидковат ты был, куга зеленая супротив меня. Я пожалел тебя, а ежли-б вдарил на бегу — на двое пересек-бы! Ты бег шибко, напружинился весь, ежлиб вдарить с потягом по боку — не жил-бы ты на свете.

— Не горюй, ишо как-нибудь цокнемся.

Степан потер лоб рукой, что-то вспоминая. Пан, ведя Крепыша в поводу, крикнул Григорию

— Трогай!

Все так-же держась левой рукой за стремя Степан пошел рядом с Жеребцом. Григорий сторожил каждое его движение. Он сверху видел русые обвисшие усы Степана, густую щетину давно небритой бороды. На подбородке Степана висел лакированный, во многих местах потрескавшийся ремешок фуражки. Лицо его серое от грязи, с косыми полосами — следами стекавшего пота было смутно и незнакомо. Глядя на него Григорий словно с горы на далекую, задернутую дождевой марью, степь глядел. Серая усталь, пустота испепеляли Степаново лицо. Он не прощаясь отстал. Григорий ехал шагом.

— Погоди-ка! А как-же ... Аксютка как?

Григорий, плетью сбивая с подошвы сапога приставший комочек грязи, ответил.

— Ничево.

Он приостановив жеребца оглянулся: Степан стоял широко расставив ноги, перекусывая оскаленными зубами бурьянную былку. Григорию стало его безотчетно жалко, но чувство ревности оттеснило жалость; поворачиваясь на скрипящей подушке седла он крикнул:

- Она об тебе не сохнет, не горюй!
— На самом деле?||

<Л. 47 об.>

91.

Григорий хлестнул жеребца плетью между ушей и поскакал не отвечая.

На шестом месяце, когда скрывать беременность было уже нельзя, Акси́нья призналась Григорию. Она скрывала боясь, что Григорий не поверит в то, что его ребенка носит она под сердцем, желтела от подступавшей временами тоски и боязни, чего-то выжидала. В первые месяцы ее рвало от мясного, но Григорий не замечал, а если и замечал то, не догадываясь о причине, не придавал особого значения.

Разговор происходил вечером. Волнуясь Акси́нья сказала и жадно искала в лице Григория перемены, но он отвернувшись к окну досадливо покашливал.

— Што-ж, ты, молчала раньше?

— Я робела, Гриша... думала, што ты бросишь.

Барабня пальцами по спинке кровати Григорий спросил:

— Скоро?

— На Спасы́, думается...

— Степанов?

— Твой.

— Ой-ли?

— Подчитай сам... С порубки это...

— Ты не бреш, Ксюшка! Хучь-бы и от Степана, куда-ж теперь денешься? Я по совести спрашиваю.

Роняя злые слезы Акси́нья сидела на лавке, давилась горячим шепотом:

— С ним сколько годов жила и ничево... Сам подумай... Я не хвóрая баба была... Стал-быть от тебя понесла, а ты...

Григорий об этом больше не заговаривал. В его отношение к Акси́нье вплелась новая прядка настороженной отчужденности и легкой насмешливой жалости. Акси́нья замкнулась в себе, не напрашиваясь на ласку. Она подурнела за лето, но статную фигуру ее почти не портила беременность: общая полнота скрадывала округлившийся живот, а исхудавшее лицо по новому красили тепло похорошевшие глаза. Она легко управлялась с работой черной кухарки. В этот год рабочих было меньше, меньше было и стряпни.

Капризной стариковской привязанностью присох к Акси́нье дед Сашка. Она относилась к нему с дочеринской заботливостью¹: перестирывала его бельишко, латала рубахи, баловала за столом куском помягче, послаже и дед Сашка||

¹ ППС: «с дочеринской заботливостью относилась к нему».

<Л. 48>

92.

управившись с лошадьми, приносил на кухню воды, млял картошку, варившуюся для свиней, услуживал всячески и приплясывая, разводя руками оголял голые десны рта.

— Ты меня пожалела, а я в долгу не останусь. Я тебе, Аксиньюшка, хоть из души скляночку выну. Ить я без бабьево догляду пропадал. Вша источила! Ты, што понадобится, — говори.

Григорий избавившись от лагерного сбора, по ходатайству Евгения Николаевича, работал на покосе, изредка возил старого пана в станицу, остальное время ходил с ним на охоту за стрепетами, или ездили с подгоном на дудаков. Легкая сытая жизнь его портила. Он обленился, растолстел и выглядел старше своих лет. Одно беспокоило его — предстоящая служба. Не было ни коня, ни справки, а на отца плоха была надежда. Получая за себя и за Аксинью жалованье Григорий скупился, отказывал себе даже в табаке, надеясь на сколоченные деньги, не кланясь отцу, купить коня. Обещался и пан помочь.

Его предположения, что отец ничего не даст, вскоре подтвердились. В конце июня приехал Петро проведать брата, в разговоре упомянул, что отец гневается на Григория по прежнему и как-то заявил, что не будет справлять строевого коня; пусть, дескать, идет в местную команду.

— Ну, это он пушай не балуется. Пойду на службу на своем (Григорий подчеркнул это слово), коне.

— Откель возьмешь? Выпляшешь? — пожеывая ус улыбнулся Петро.

— Не выпляшу, так выпрошу, а то и украду.

— Молодец!

— На жалованье куплю. — уже серьезно пояснил Григорий.

Петро посидел на крыльчке, расспросил о работе, харчах, жалованье, на все придакивал, жевал обгрызанный окамельок усины и выведав сказал Григорию на прощанье:

— Шел-бы ты домой жить, хвост-то ломать нечево. Думаешь угоняешься за длинным рублем?

— Я за ним не гоняюсь.

— Думаешь с своей жить? — свернул||

<Л. 48 об.>

93.

Петро разговор.

— С какой своей?

— С этой.

— Покеда думаю, а што?

— Так, с интересу попытал.

Григорий пошел его проводить. Спросил напоследок:

— Как там дома?

Петро отвязывая от перила крыльца лошадь усмехнулся.

— У тебя домов, как у зайца теремов. Ничего, живем помаленечку. Мать она об тебе скучает. А сенов ноне наскребли, три прикладка свершили.

Волнуясь Григорий разглядывал карнаухую кобылицу, на которой приехал Петро.

— Не жеребилась?

— Нет, брат, яловая оказалась. Гнедая энта, какую у Христони выменяли, ожеребилась.

— Што привела?

— Жеребца, брат. Там жеребец — цены нету! Высокий на ногах, бабки правильные и в грудях хорош. Добрячий конь будет.

Григорий вздохнул.

— Скучаю по хутору, Петро; по Дону скучился, тут воды текучей не увидишь, тошное место.

— Приезжай проведать. — кряхтел Петро наваливаясь животом на острую хребтину лошади и занося левую ногу.

— Как-нибудь.

— Ну, прощай!

— Путь добрый!

Петро уже выехал со двора и вспомнив закричал стоявшему на крыльце Григорию.

— Наталья-то... Забыл... беда какая... Ветер, коршуном. [*кружившийся*] **круживший** над двором, не донес до Григория конца фразы; Петра с лошастью спеленала шелковая пыль и Григорий, не расслышав, махнул рукой и пошел к конюшне.

Сухостойное было лето. Редко падали дожди и хлеб вызрел рано. Только что управились с житом — подошел ячмень, желтел кулигами, ник чупрынистыми [*головами*] колосьями. Четверо пришлых рабочих, нанявшихся поденно, и Григорий выехали косить. Аксинья отстряпалась рано и упросила Григория||

<Л. 49>

94.

взять ее с собой.

— Сидела-бы дома, нужда, што-ль, несет? — отговаривал Григорий, но Аксинья стояла на своем и наскоро покрывшись выбежала за ворота, догоняя повозку с рабочими.

То, что ждала Аксинья с тоской и радостным нетерпением; то, чего смутно побаивался Григорий — случилось на покосе. Аксинья гребла и почувствовав некоторые признаки бросила грабли и легла под копной. Схватки начались вскорее. Закусив почерневший язык Аксинья лежала плашмя. Мимо нее объезжая круг покрикивали с косилки на лошадей рабочие. Один молодой с подгнившим носом и частыми складками на желтом, как из дерева выструганном лице, проезжая кидал Аксинье:

— Эй, ты, аль припекло в неподходящее место? Вставай, а то растаешь!

Сменившись с косилки Григорий подошел к ней.

— Ты чево?..

Аксинья, кривя непослушные губы, хрипло сказала:

— Схватывает.

— Говорил не езд, чортова сволочь! Ну, што теперя делать?

— Не ру-гай-ся, Гриша... Ох! Ох!.. Гриша, за-пря-ги! Домой-бы... Ну, как я тут? Тут ить казаки... — застонала Аксинья, перехваченная железным обручем боли.

Григорий побежал за пасшейся в логу лошадью. Пока запрет и подъехал — Аксинья отползла в сторону, [стояла] стала на [четвереньках] четвереньки, воткнув голову в ворох пыльного ячменя¹ выплевывая изжеванные от мўки колючие колосья. Она распухшими [глазами] чужими глазами непонимающе уставилась в подбежавшего Григория и застонав въелась [оскаленными] зубами в скомканную завеску, что-бы рабочие не слышали² ее безобразного животного крика.

Григорий ввалил ее на повозку и погнал лошадь к имению.

— Ой, не гони!... Ой, смерть!.. Гря-а-аско!.. — кричала Аксинья огрубевшим голосом, катая по днищу повозки всклокоченную голову.

Молча Григорий [хлестал] порол лошадь кнутом, кружил над головой вожжи не оглядываясь назад, откуда валом полз охрипший рвущийся вой.

Аксинья, стиснув ладонями щеки, дико поводя широко раскрытыми сумасшедшими||

<Л. 49 об.>

95.

глазами подпрыгивала на повозке, метавшейся от края к краю по кочковатой ненаезженной дороге. Лошадь шла намётом, перед глазами Григория плавно взмывалась дуга прикрыва<я> концом повисшее в небе ослепительно белое, граненое, как кристалл, облако.

Аксинья на минуту оборвала сплошной поднявшийся до визга вой. Тарахтели колеса, в задке повозки глухо колотилась о доски безвольная Аксиньина голова. Григорий не сразу воспринял наставшую тишину, опомнившись глянул назад: Аксинья, с искаженным обезображенным лицом, лежала плотно прижав щеку к боковине повозки, зевая ртом, как рыба, выброшенная на берег. Со лба ее в запавшие глазницы ручьями тек пот. Григорий приподнял ей голову, подложил свою смятую фуражку.

Скосив глаза Аксинья твердо сказала:

— Я, Гриша, помираю. Ну... вот и все...

Григорий дрогнул. Внезапный холодок дошел до пальцев на потных ногах. Он, — потрясенный, — искал слово бодрости, ласки, и не нашел; с губ, сведенных черствой судорогой, сорвалось:

— Бреешь, дура!.. — мотнул головой и нагинаясь, переламываясь на двое сжал неловко подвернувшуюся Аксиньину [ногу] ногу. — Аксютка, горлинка моя... Боль потуг, на минуту отпустившая Аксинью, вернулась удесятственно

¹ ППС: «воткнув голову в ворох пыльного ячменя [стояла] стала на [четвереньках] четвереньки».

² ППС: «не слышали рабочие».

сильная. Чувствуя, как в опустившемся книзу животе, что-то рвется, выгинаясь дугой Аксинья пронизывала Григория невыразимо страшным нарастающим криком. Безумец Григорий гнал лошадь.

— Аааыы... Гы-ы-ы-ык... — хрипя в потугах мычала Аксинья.

За горохотом колес Григорий едва услышал тягуче-тонкое:

— Гри-и-ша.

Он натянул вожжи, повернул голову: подплывшая кровью Аксинья лежала раскидав руки, между ног ее под заголенной юбкой [*ворочалось*] в красно-белом месиве ворохнулось живое, пискнувшее... Ошалевший Григорий прыгнул с повозки и путанно, как стреноженный, шагнул к задку. Вглядываясь в пышущий жаром рот Аксиньи скорее догадался, чем разобрал.

— Пу-по-вину пер-гры-зи... За-вя-жи ниткой... от ру-ба-хи...

Григорий прыгающими пальцами выдернул из рукава своей бязевой рубахи пучек||

<Л. 50>

96.

ниток, зажмурясь до боли в глазах, перегрыз пуповину и надежно завязал кровоточащий отросток нитками.

20.¹

К просторному суходолу наростом прилипло имение Листницкого Ягодное.

Меняясь дул ветер, то с юга, то с севера, болтался в синеватой белеси неба солнечный желток; наступая на подол лету, листопадом шуршала осень, зима наваливалась морозами, снегами, а Ягодное так-же корёжилась в одубелой скуке, и дни проходили перелезая через высокие плетни, отгородившие имение от остального мира, похожие, как близнецы.

По двору так-же ходили черные утки-шептуны в красных очкастых ободках вокруг глаз, бисерным дождем рассыпались цесарки, на крыше конюшни утробным кошачьим голосом мяукали крикливо оперенные павлины. Любил старый генерал всяческую птицу, даже подстреленного журавля держал и в ноябре держал он струны человеческих сердец медноголосым тускующим криком, слыша невнятный призыв вольных в отлете журавлей. Но лететь не мог, мертво висело перебитое в сгибе крыло, а генерал глядя из окошка, как журавль нагнув голову подпрыгивает, рвется от земли, смеялся расзевая длинный, под седым навесом усов, рот и басовитый смех табачным облаком плавал, колыхался в пустом белом зале.

Вениамин так-же высоко носил плюшевую голову, дрожал студенистыми ляжками и целыми днями в передней на сундуке до одури играл² в дурака сам с собою. Так-же ревновал Тихон рябую свою любовницу к Сашке, рабочим, Григорию, к пану и даже к журавлю, которому уделяла Лукерья избыток переливав-

¹ Слева от номера главы синим крандашом проставлен знак «х».

² ППС: «до одури играл в передней на сундуке».

шейся через края вдовьей нежности. Дед Сашка, время от времени, напивался и шел под окна выпрашивать у пана двугривенные...

За все время случилось лишь два события, встряхнувших заплесневелую в [одури] сонной одури жизнь: Аксиньины роды, да пропажа племенного гусака. К девочке, которую родила Аксинья, скоро привыкли, а от гусака нашли за ливадой [перья] в ярке перья (видно лиса поškodила), и успокоились.||

<Л. 50 об.>

97.

Просыпаясь по утрам пан звал Вениамина.

— Видел, что-нибудь во сне?

— А как-же, такой чудесный сон.

— Рассказывай. — коротко приказывал пан, вертя папиросу.

И Вениамин рассказывал. Если сон был неинтересный, или страшный, — пан сердился.

— Э, дурак, скотина! Дураку и сны дурацкие снятся!

Приловчился Вениамин придумывать сны веселые и занимательные. Одно тяготило его: надо было изобретать, и вот за несколько дней начинал он придумывать веселые сны, сидя на сундуке и шлепая по коврику картами пухлыми и сальными, как щеки игрока. Тупо влипал глазами в одну точку, [придумыва] измышлял и до того дошел, что в действительности совсем перестал сны видеть. Просыпался, тужился припоминая, но сзади была чернота, гладко, как стесано и черно, не то, что сна — лица ни одного не видел! Выдыхался Вениамин в нехитрых своих выдумках, а пан сердился, изловив рассказчика в повторах.

— Ты мне, пакость этакая, и в четверг [сон] этот сон про лошадь рассказывал. Что-же, ты, чорт тебя побери?..

— Обратно видал, Николай Алексевич! Истинный Христос, в другой раз вижу! — не теряясь врал Вениамин.

В декабре Григория с сидельцем вызвали в Вешенскую, в станичное правление. Получил сто рублей на коня и извещение, что-бы на второй день рождества выезжать в слободу Меньково, на сборный участок.

Григорий вернулся из станицы растерянный; подходило Рождество, а у него ничего не было готово. На деньги, выданные казной, и на свои сбережения купил на хуторе Обрывском коня за сто сорок рублей. Покупать ходил с дедом Сашкой, сторговали коня подходящего: шестилеток, масти гнедой, вислозадый; был у него один потаённый изьян и дед Сашка, кудолча бороду, сказал:

— Дешевше не найдешь, а начальство не доглядит. Хисту у них не хватит.

Оттуда Григорий ехал на купленном коне верхом, пробовал шаг и рысь.

А за неделю до рождества приехал в Ягодное сам Пантелей Прокофьевич. Кобылу, запряженную в кошевки, не въезжая||

<Л. 51>

98.

во двор привязал к плетню и похромал к людской обдирая сосульки с бороды, лежавшей на воротнике тулупа черным бруском. Григорий растерялся угадав в окно отца.

— Вот так, ну... Отец!

Аксинья зачем-то кинулась к люльке, кутая ребенка.

Пантелей Прокофьевич влез в комнату напустив холоду, снял треух и перекрестился на образ, обводя стены медлительным взглядом.

— Здорово живете!

— Здравствуй, батя! — вставая с лавки отозвался на приветствие Григорий и шагнул стал среди комнаты.

Пантелей Прокофьевич сунул Григорию мерзлую руку и сел на край лавки запахивая полы тулупа, обходя взглядом Аксинью, пристывшую у люльки.

— Сбираешься на службу?

— А то, как-же.

Пантелей Прокофьевич замолчал, оглядывая Григория испытующе и долго.

— Раздевайся, батя, назяб ить небось?

— Ничево. Терпится.

— Самовар постановим.

— Спасибочка. — соскабливая ногтем с тулупа давнишнее пятнышко грязи сказал: — Там привез тебе справу: два шинеля, седло, шаровары... Все там. Поди возьми.

Григорий без шапки вышел и взял с саней два мешка.

— Когда выступать? — полюбопытствовал Пантелей Прокофьевич вставая.

— На другой день рождества. Што-ж, батя, едешь?

— Поспешаю пораньше вернуться.

Он простился с Григорием и так-же обводя взглядом Аксинью, пошел к двери. Уже держась за щеколду стрельнул глазами в люльку, сказал:

— Мать поклон велела передать, хворает ногами. — и помолчав, натужно, словно тяжелое поднимая: — Поеду тебя провожу до Меньковой. Ты готовься. Вышел окуная руки в тепло вязеных рукавиц. Бледная от пережитого унижения Аксинья молчала. Григорий ходил поглядывая изредка на нее, норовя наступать на одну скрипучую половицу.

На первый день рождества Григорий возил Листницкого в Вешенскую.||

<Л. 51 об.>

99.

Пан отстоял обедню, позавтракал у своей двоюродной сестры-помещицы и велел запрягать. Григорий, не успевший дохлебать миску жирных, с свиной шей, встал и пошел в конюшню. В легких городских санках ходил серый, яблоками, орловский рысак Шибай. Повиснув на поводе Григорий вывел его из конюшни и торопясь запрег.

Ветер переивал хрушкой, колючий снег, по двору текла шипя серебристая поземка. За палисадником на деревьях тяжелый бахромчатый иней. Ветер стря-

хивал его и, падая, рассыпаясь отливал он на солнце радужными, сказочно богатыми сочетаниями красок. На крыше дома, около задымленной трубы, из которой косо стремился дым, зябкие чечекали галки. Они слетели, вспугнутые скрипом шагов, покружились над домом сизыми хлопьями и полетели на запад, к церкви, четко синяя на фиолетовом утреннем небе.

— Скажи, што подано! — крикнул Григорий выбежавшей на крыльцо дворовой девке.

Вышел пан, окуная усы в воротник енотовой шубы. Григорий укутал ему ноги и пристегнул волчью, обшитую бархатом полсть.

— Погрей его! — указал пан глазами на рысака.

Запрокидываясь с козел, удерживая в натянутых руках тугую дрожь вожжей Григорий опасливо косился на раскаты, помнил, как по первопутку пан за неловкий толчек сунул ему в затылок крепкий не по стариковски кулак. Спустились к мосту и тут, по Дону, Григорий ослабил вожжи, растирая перчаткой охваченные ветровым огнем щеки.

До Ягодного долетели в два часа. Пан всю дорогу молчал, изредка стучал согнутым пальцем Григорию в спину: — Останови. — и делал папироску, поворачиваясь к ветру спиной. Уже спускаясь с горы в имение [сказал] спросил:

— Рано завтра?

Григорий повернулся боком, с трудом разодрал исзябшие губы.

— Рлано. — получилось у него вместо «рано».

Затвердевший от холода язык, будто, распух и цепляясь за подковку зубов выговаривал нетвердо.

— Деньги все получил?

— Так точно.

— За жену не беспокойся, будет жить. Служи исправно. Дед твой молодецкий был казак, чтоб и ты, — голос пана зазвучал глуше, (он спрятал от ветра лицо в воротник), — чтоб и ты держал себя||

<Л. 52>

100.

достойно своего деда и отца. Ведь это отец получил на императорском смотре в 1883 году первый приз за джигитовку?

— Так точно, отец.

— Ну, то-то. — строго, как грозя, кончил пан и навовсе спрятал в шубу лицо.

Григорий с рук на руки передал рысака деду Сашке и пошел в людскую.

— Отец твой приехал. — крикнул тот ему всле<д> накидывая на рысака пону.

Пантелей Прокофьевич сидел за столом, доеда<л> стюдень. «Под хмельком.» определил Григорий ок<и>дывая взглядом размякшее отцово лицо.

— Приехал, служивый?

— Замерз весь! — хлопая руками ответил Григорий и к Аксинье: — развяжи башлык, руки не владают.

— Тебе попало, ветер-то в пику. — двигая при еде ушами и бородой мурчал отец.

На этот раз был он гораздо ласковее, Аксинье коротко, по хозяйски приказал:
— Отрежь ишо хлеба, не скупись.

Встав из-за стола и отправляясь к двери курить, будто невзначай, раза два качнул люльку и просунув под положок бороду осведомился:

— Казак?

— Девка. — за Григория отозвалась Аксинья и уловив недовольство, проплывшее по лицу и застрявшее в бороде старика, торопясь добавила: — Такая уж писаная, вся в Гришу.

Пантелей Прокофьевич деловито оглядел чернявую головку, торчавшую из-под вороха тряпья, и не без гордости удостоверил:

— наших кровей... Эк-гм... Ишь ты...

— Ты на чем приехал, батя? — спросил Григорий.

— В дышлах, на кобыленке, да на Петровом.

— Ехал-бы на одной, мово-б припрягли.

— Не к чему, пушай порожнем идет. А конь справный.

— Видал?

— Чудок поглядел.

Говорили о разных нестоющих вещах волнуемые одним общим. Аксинья не вмешивалась в разговор, сидела на кровати, как в воду опущенная. Каменно-набухшие груди распирали ей створки кофты. Она заметно потолстела после родов, обрела новую, уверенно-счастливую осанку.

Легли спать поздно. Прижимаясь к Григорию Аксинья мочила ему рубаху рассолом слез и молоком, стекавшим из невысосанных грудей.||

<Л. 52 об.>

101.

— Помру с тоски... Как я одна буду?

— Небось. — таким-же шепотом отзывался Григорий.

— Ночи длинные ... дитё не спит... Иссохну об тебе... Вздумай, Гриша, — четыре года!

— В старину 25 лет служили гуторют.

— На што мне старина...

— Ну, будя!

— Будь она проклята служба твоя, разлучница!

— Приду в отпуск.

— В отпуск, — эхом стонала Аксинья всхлипывая и сморкаясь в рубаху, — покуда придешь — в Дону воды много стекет...

— Не скули!.. Как дождь осенью, так и ты, одно да добро.

— Тебя-б в мою шкуру!..

Уснул Григорий перед светом. Аксинья покормила дитя и облокотившись, не мигая, взглядывалась в мутно черневшие линии Григорьева лица, прощалась. Вспоминалась ей та ночь, когда она уговаривала его в своей горнице итти на Кубань; так-же, только месяц был, да двор за окном белел затопленный лунным половодьем. Так-же было, а Григорий сейчас и тот, и не тот. Легла за плечи длинная, протоптанная днями стежка...

Григорий повернулся на бок, сказал внятно:

— На хуторе Ольшанском... — и смолк.

Аксинья пробовала уснуть, но мысли разметывали сон, как ветер копну сена. Она до света продумала о этой бессвязной фразе, подыскивая к ней отгадку. Пантелей Прокофьевич проснулся лишь-чуть запенился на обвинивших окнах свет.

— Григорий, вставай, светает!

Аксинья привстав на колени надела юбку и, вздыхая, долго искала спички.

Пока позавтракали и уложились, — рассвело. Синими переливами играл утренний свет. Четко, как врезанный в снег, зубчатился плетень и, прикрывая нежную сиреневую дымку неба, темнела крыша конюшни.

Пантелей Прокофьевич пошел запрягать. Григорий оторвал от себя испуганно целовавшую его||

<Л. 53>

102.

Аксинью и пошел проститься с дедом Сашкой и остальными.

Закутав ребенка Аксинья вышла его провожать. Григорий коснулся губами влажного лобика дочери и подошел к коню.

— Садись в сани. — крикнул отец трогая лошадь.

— Не, верхом я.

Григорий с рассчитанной медленностью затягивал подпруги, садился на коня и разбирал поводья. Аксинья касаясь пальцами его ноги часто повторяла:

— Гриша, погоди... Што-то хотела сказать... — и морщилась вспоминая, растеряная, дрожащая.

— Ну, прощай. Дитя гляди... поеду, а то батя вон где уж...

— Погоди, родимый... — левой рукой хватала Аксинья холодное стремя правой — прижимая завернутого в полу ребенка, и глядела ненасытно и не было свободной руки, чтобы утереть слезы, падавшие из широко открытых немигающих глаз.

На крыльцо вышел Вениамин.

— Григорий, пан зовет.

Григорий выругался взмахнул плетью и поскакал с двора. Аксинья бежала за ним следом застревая в сугробах засыпавших двор, неловко вскидывая обутыми в валенки ногами.

На гребне Григорий догнал отца. Крепясь оглянулся: Аксинья стояла у ворот прижимая к груди закутанного в полу ребенка, и ветер трепал, кружил на плечах ее концы красного шалевого платка.

Григорий поровнялся с санями. Поехали шагом. Пантелей Прокофьевич повернулся спиной к лошадям, спросил:

— Значица, не думаешь с женой жить?

— Давнишний сказ... отгугарили...

— Не думаешь, стал-быть?

— Стал-быть так.

— Не слышал, што она руки на себя накладывала?

— Слышал.

- От кого?
- В станицу пана возил, хуторных припало повидать.
- А бог?||

<Л. 54>

103.

- Што-ж, батя, на самом-то деле... што с возу упало, то пропало.
- Ты мне чертовую не расписывай! Я с тобой по добру гутарю, — озлобясь зачистил Пантелей Прокофьевич.
- У меня вон дите, об чем гутарить? Теперича уж не прилепишься.
- Ты гляди... не чужого вскармываешь?

Григорий побледнел: тронул отец незарубцованную болячку. За все время после рождения ребенка, Григорий мучительно вынашивал в себе таясь перед Аксиньей, перед самим собой, подозрение. По ночам, когда спала Аксинья, он часто подходил к люльке, всматривался, выискивая в розово-смуглом лице ребенка свое, и отходил такой-же неуверенный, как и раньше. Темно-русый, почти черный был и Степан, как узнать чью кровь гоняет сердце по голубеющей сетке жил просвечивающей под кожей ребенка? Временами ему казалось, что дочь похожа на него, иногда до боли напоминала она Степана. К ней ничего не чувствовал Григорий, разве только неприязнь за те минуты, которые пережил, когда вез корчившуюся в родах Аксинью со степи. Раз как-то, (Аксинья стряпала на кухне) вынул дочь из люльки и сменяя мокрую пеленку почувствовал острое щиплющее волнение. Воровато нагнулся и пожал зубами красный оттопыренный палец на ноге.

Отец бесжалостно кольнул в больное и Григорий сложив на луке ладони глухо ответил:

- Чей-бы ни был, а дитя не брошу.

Пантелей Прокофьевич не поворачиваясь махнул на лошадей кнутом.

— Наталья спортилась с тово разу... Голову криво держит, будто параликом зашибленная. Жилу нужную перерезала, вот шею-то и кособочит.

Он помолчал. Скрипели полозья кромсая снег шелкал подковами, засекаясь, Григорьев конь.

— Што-ж она, как? — спросил Григорий с особенным вниманием выковыривая из конской гривы обопревший репей.

— Очунелась никак. Семь месяцев лежала. На Троицу во взят доходила. Поп Панкратий соборовал...||

<Л. 54 об.>

104.

А посля отошла. С тем поднялась, поднялась и пошла. Косу-то пырнула под сердце, а рука дрогнула, мимо взяла, а то-б садуски.

— Трогай под горку! — махнул Григорий плетью и опережая отца, брызгая в сани снежными, из-под к<о>пыт, ошлепками зарысил, привстав на стременах.

— Наталью мы возьмем. — кричал догоняя его Пантелей Прокофьевич, — Не хочет баба у своих жит<ь>. Надысь видал ее, кликал, штоб шла к нам.

Григорий не отвечал. До первого хутора бежали молча, и больше разговора об этом Пантелей Прокофьевич не заводил.

За день сделали верст 70. На другие сутки (в домах уж зажгли огни), приехали в слободу Меньково.

— А в каком квартале вешенские? — спросил Пантелей Прокофьевич у первого встречного.

— Держи по большой улице.

На квартире, в которую попали, стояло пять призывников с провожающими их отцами.

— С каких хуторов? — осведомился Пантелей Прокофьевич заводя лошадей под навес сарая.

— С Чиру. — густо ответили из темноты.

— А с хутора?

— С Каргина есть, с Наполова, с Лиховидовскова, а вы откель?

— С Кукуя. — засмеялся Григорий расседывая коня и щупая вспотевший под седлом участок конской спины.

На утро станичный атаман Вешенской станицы Дударев привел вешенцев на врачебную комиссию. Григорий увидел хуторных ребят-одногодков; Митька Коршунов на высоком светло-гнедом коне, подседланном новехоньким щегольским седлом с богатым нагрудником и наборной уздечкой, еще утром проскакал к колодезю и завидев Григория, стоявшего у ворот своей квартиры, прожег мимо не здороваясь, придерживая левой рукой надетую набекрень фуражку.

В холодной комнате волостного правления раздевались по очереди. Мимо сновали военные писари и помощник пристава; в коротких лакированных сапожках частил мимо адъютант окружного атамана, перстень его с черным камнем и розовые, припухшие белки красивых черных глаз сильнее оттеняли белизну кожи и эксельбантов. Из комнаты просачивался разговор врачей, отрывистые замечания:

— Шестьдесят девять.

— Павел Иванович, дайте чернильный карандаш! — близко, у двери хрипел похмельный голос.

— Объем груди...

— Да, да, явно выраженная наследственность...||

<Л. 55>

105.

— Сифилис, запишите.

— Что ты рукой-то закрываешься? Не девка.

— Сложен-то как!..

— ...хуторе рассадник этой болезни. Необходимы особые меры. Я уже рапортовал его превосходительству.

— Павел Иванович, посмотрите на сего субъекта. Сложен-то какво?

— Мда-а-а.

Григорий раздевался рядом с высоким рыжеватым парнем с хутора Чукаринского. Из дверей вышел писарь, морщина на спине гимнастерку, четко сказал:

— Панфилов Севастьян, Мелехов Григорий.

— Скорей! — испуганно шепнул сосед Григория краснея и выворачивая чулок.

Григорий вошел неся на спине сыпкие мурашки. Его смуглое тело потемнело и отливало цветом томлёного дуба. Он конфузился глядя на свои ноги густо поросшие черным волосом. В углу на весах стоял голый угловатый парень. Какой-то, по виду фельдшер, передвинув мерку крикнул:

— Четыре, — десять. Слезай!

Унизительная процедура осмотра волновала Григория. Седой, в белом, доктор ослушал его трубкой, другой помоложе отдираал веки глаз и смотрел на язык, третий, в роговых очках, вертелся сзади потирая руки с засученными по локоть рукавами.

— На весы.

Григорий ступил на рубчатую холодную платформу.

— Пять, — шесть с половиной. — щелкнув металлической навеской определил весовщик.

— Что за чорт, не особенно высокий... — замурлыкал седой доктор, за руку поворачивая Григория кругом.

— Уди-ви-тельно! — заикаясь поперхнулся другой, помоложе.

— Сколько? — изумленно спросил один из сидевших за столом.

— Пять пудов, шесть с половиной фунтов. — не опуская вздернутых бровей ответил седой доктор.

— В гвардию? — спросил окружной военный пристав наклоняясь черной прилизанной головой к соседу за столом.

— Рожа бандитская... Очень дик.

— Послушай, повернись! Что это у тебя на спине? — крикнул офицер с погонами полковника, нетерпеливо стуча пальцем по столу.

Седой доктор бормотнул непонятное, а Григорий, поворачиваясь к столу спиной, ответил, с трудом удерживая дрожь,||

<Л. 55 об.>

106.

рябью покрывавшую все тело.

— С весны простыл. Чирьяки это.

К концу обмера [когда] за столом чины посоветовшись решили:

— В армию.

— В 12 полк, Мелехов. Слышишь?

Григория отпустили. Направляясь к двери, услышал брюзгливый шепот:

— Нель-зя-а-а. Вообразите увидит госуд<арь> такую рожу, что тогда? У него одни гл<а>за...

— Переродок, с востока, наверное

— Притом тело нечисто, чирьи...

Хуторные, ожидавшие очереди огарновали Григория.

— Ну, как, Гришка?

— Куда?

- В Атаманский, небось?
- Сколько заважил на весах?

Чикиля на одной ноге Григорий просунул ногу в штанину, ответил сквозь зубы:

- Отвяжитесь, какого чорта надо? Куда? В 12 полк.
- Коршунов Дмитрий, Каргин Иван. — высунул писарь голову.

На ходу застегивая полушубок Григорий сбежал с крыльца. На площадь ехали и вели в поводу лошадей.

Ростепель дышала теплым ветром, парилась оголенная местами дорога. Через улицу перебегали клохчущие куры, в лужине, покрытой косой плывущей рябью, шлепали гуси. Лапы их розовели в воде оранжево-красные, похожие на зажженные морозом осенние листья.

Через день начался смотр лошадей. По площади засновали офицеры, Ра-з-вевая полами шинели прошел ветеринарный врач и фельдшер с кономером. Над оградой длинно выстроились разномаст-ные лошади. К столику, поставленному среди площади, где писарь записывал результаты осмотра и обмера, оскользаясь пробежал от весов вешенский станичный атаман Дударев, прошел военный пристав, что-то объясняя молодому сотнику, сердито дрыгая ногами.

Григорий, по счету 108ой, подвел [лошадь] коня к весам. Обмеряли все участки на конском теле, взвесили и не успел конь сойти с платформы, — ветеринарный врач снова, с привычной властью взял его за верхнюю губу, осмотрел рот, сильно надавливая ощупал грудны-е мышцы и, как паук перебирая цепки-ми пальцами, перекинулся к ногам.||

<Л. 56>

<107.>

Он сжимал коленные суставы, стучал п-о связ-кам сухожилий, жал кость над щетка-ми. Долго выслушивал и выщупывал он н-асто-рожившегося коня и отошел развева-я по-лами белого халата, сея вокруг те-рпкий- запах карболовой кислоты.

Коня забраковали. Не опровдалась на-дежда- деда Сашки, и у дошлого врача хв-атило- «хисту» найти тот потаенный <изъ-ян, о котором говорил дед Сашка. Взволнованный Григорий посоветовался <с> отцом и через полчаса, между оче-редью- ввел на весы Петрова коня. Врач <про>пустил его, почти не осматрива-я-.

Тут-же неподалеку выбрал Гр-игорий- место посуше и расстелив попону <вы>ложил на нее свое снаряжение. <Пан>телей Прокофьевич держал сзади кон-я- [*<не>реговариваясь*] <не>реговаривая с другим стариком, тоже п-ро-вожавшим сына.

Мимо них в бледно-серой шинели и ребристой каракулевой папахе прош-ел- высокий седой генерал. Он слегка за-но-сил вперед левую ногу, помахивал рукой, затянутой в белую перчатку.

— Вон окружной атаман. — шепнул Пантелей Прокофьевич, толкая сзади Григория.

- Генерал, видно?

— Генерал-майор Макеев. Строгий дурум!

Сзади атамана толпой шли приехавшие из полков и батарей офицеры. Один подъесаул, широкий в плечах и бедрах, в артиллерийской форме громко говорил товарищу, высокому красавцу-офицеру из лейб-гвардии Атаманского полка:

— ...Что за чорт, эстонская деревушка, народ, преимущественно, белесый и таким резким контрастом эта девушка, да ведь не одна! Мы строим различные предположения и вот узнаем, что лет 20 назад, — офицеры шли мимо, удаляясь от места, где Григорий разлаживал на попоне свою казацкую справу, и он, за ветром, с трудом расслышал покрытые смехом офицеров последние слова артиллерииста-подъесаула: — ...оказывается стояла в этой деревушке сотня вашего Атаманского полка.

Писарь пробежал, застегивая дрожащими, измазанными в химические чернила пальцами пуговицы сюртука, вслед ему помощник окружного пристава распалась кричал:

— В трех экземплярах, сказано тебе. Закатаю!

Григорий с любопытством всматривался||

<Л. 56 об.>

108.

в незнакомые лица офицеров и чиновников. На нем остановил скучающие влажные глаза шагавший мимо адъютант и отвернулся, повстречавшись с внимательным взглядом; догоняя его, почти рысью шел старый сотник чем-то взволнованный, кусающий желтыми зубами верхнюю губу. Григорий заметил, как над рыжей бровью сотника трепетал, трогая веко, живчик.

Под ногами Григория лежала ненадеванная попонка, на ней порядком разложены: седло, с окованным, крашеным в зеленое ленчиком, с саквами^{х)} и задними сумами, две шинели, двое шаровар, мундир, две пары сапог, бельё, фунт и 54 золотника сухарей, банка консервов, крупа и прочая, в полагаемом для всадника количестве, снесь. В раскрытых сумках виднелся круг, — на четыре ноги, — подков, ухнали, завернутые в промасленную тряпку, шитвянка с парой иголок и нитками, полотенце.

В последний раз оглядел Григорий свои пожитки, присел на корточки и вытер рукавом измазанные края вьючных пряжек. От конца площади медленно тянулась, над рядом выстроившихся около попон казаков, комиссия. Офицеры и атаман внимательно рассматривали казачье снаряжение, приседали, подбирая полы светлых шинелей, рылись в сумках, разглядывали шитвянки, на руку прикидывали вес сумок с сухарями.

— Гля, ребята, вон энтот длинный, — говорил парень, стоявший рядом с Григорием, указывая пальцем на окружного военного пристава, — копает, как кобель хориную норю!

— Ишь, ишь, чертило! Суму выворачивает!

— Должно, непорядок, а то-б не стал требушить.

— Штой-то он, никак ухнали считает?..

— Во, кобель!

Разговоры постепенно смолкли, комиссия подходила ближе, до Григория оставалось несколько человек. Окружной атаман в левой руке нес перчатку, правой помахивал не сгиная ее в локте. Григорий подтянулся, сзади покашливал отец. Ветер нес по площади запах конской мочи и подтаявшего снега. Невеселое, как с похмелья, посматривало солнце. Группа офицеров задержалась около казака, стоявшего рядом с Григорием, и по одному перешли к нему.

— Фамилия, имя?

— Мелехов Григорий.

Пристав за хлястик приподнял шинель,||

<Л. 57>

109.

понюхал подкладку, бегло пересчитал застежки; другой офицер, с погонами хорунжего, мял в пальцах добротное сукно шаровар; трет<ий> нагинаясь так, что ветер на спину е<му>запрокидывал полы шинели, шарил по с<у>мам. Пристав, между мизинцем и больш<им> пальцем, осторожно, точно к горячему, п<ри>коснулся к тряпке с ухналями, шлепая губами считал.

— Почему 23 ухналя? Это, что такое? — се<р>дито дернул он угол тряпки.

— Никак нет, ваше высокоблагородие, 24.

— Что я, — слепой?

Григорий суетливо отвернул заломивший<ся> угол, прикрывший двадцать четвертый ухна<ль> пальцы его шероховатые и черные слегк<а> прикоснулись к белым сахарным пальцам пристава. Тот дернул руку, [как] словно накололся, потер ее [брезгливо] о боковину серой шинели брезгливо морщась и надел перчатку. Григорий заметил это и выпрямившись зло улыбнулся. Взгляды их столкнулись, и пристав, краснея верхушками щек, поднял голос:

— Кэж смотришь? Кэж смэтришь, казак?.. — щека его, с присохшим у скулы бритвенным порезом, зарумянена сверху донизу. — Почему вьючные пряжки не в порядке? Почему трензеля такие? Это еще что такое? Казак ты, или мужичкий лапоть?.. Где отец?

Пантелей Прокофьевич дернул коня за повод и выступил шаг вперед, щелкнув хромой ногой.

— Службу не знаешь?.. — насыпался на него пристав, злой с утра по случаю проигрыша в преферанс.

Подошел окружной атаман и пристав потишел. Окружной ткнул носком сапога в подушку седла и икнув перешел к следующему. Эшелонный офицер, того полка, в который попал Григорий, вежливоенько перерыл все, до содержимого шитвянки, и отошел последним, пятясь спиной, закуривая на ветру.

Через день поезд вышедший со станции Чертково пер состав красных вагонов, груженных казаками, лошадьми и фуражем на Лиски — Воронеж.

В одном из них, привалившись к досчатой кормушке, стоял Григорий. Мимо раздвинутых дверок вагона скользила чужая равнинная земля, вдали каруселила голубая и нежная прядка леса.||

<Л. 57 об.>

110.

Лошади хрустели сеном, переступали, чуя зыбкую опору под ногами. Пахло в вагоне [*степным*] **степной** [*сеном*] **полянью**, конским потом, вешней ростепелью и далекая маячила на горизонте прядка леса, голубая, задумчивая и недоступная, как вечерняя неяркая звезда.

Конец второй части. ||

Лихий Дот

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Мушинъ Дон.
р. 1848
Часть третья.

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ (Ед. хр. 4/1). 66 лл. (в общий листаж входят три вклейки на страницах 94 (л. 48 а), 95 (л. 49 а) и 115 (л. 59 а) с вариантами текста и вставкой); авторская нумерация страниц с 1 по 124 (цифра «1» не проставлена, титульный лист не нумерован). Датируется 1927 г., до середины октября, на основании письма М.А. Шолохова жене от 13 октября 1927 г. о сдаче в издательство «Московский рабочий» третьей части «Тихого Дона» (Шолохов М.М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 114–115). Количество глав — 22, пронумерованы автором с 1 по 24 (номера 6 и 11 пропущены). Количество глав (всего 23), их нумерация и последовательность в черновике иные, чем в опубликованном тексте произведения:

Черновой автограф	Журнал «Октябрь»
Глава 1	Глава 1
Глава 2 (нумерована автором трижды, как вторая, третья, затем снова вторая; вероятно, на раннем этапе работы Шолохов предполагал разбить первую главу на две, но отказался от этого замысла)	Глава 2
Глава 3 (нумерована автором трижды, как третья, четвертая, затем снова третья)	Глава 3
Глава 4 (нумерована автором трижды, как четвертая, пятая, затем снова четвертая)	Глава 4
Глава 5 (нумерована автором трижды, как пятая, шестая, затем снова пятая)	Глава 5
Глава 7	Первая часть седьмой главы
Глава 8	Вторая часть седьмой главы
Глава 9	Главы 8 и 9
Глава 9 (первоначально 10)	Глава 6
Глава 10	Глава 10
Глава 14 (12)	Глава 14
Глава 15 (13)	Глава 15
Глава 16 (14)	Глава 16
Глава 17	Глава 17
Глава 18	Глава 18
Глава 19 (15)	Глава 19
Глава 12 (16)	Глава 12
Глава 13 (17)	Глава 13
Глава 20 (19)	Глава 20
Глава 21 (20)	Глава 21
Глава 22 (21)	Глава 22
Глава 23 (22)	Глава 23
Глава 24 (23)	Глава 24

<Л. 2>

Часть третья.

1.

1.

В марте 1914 года в ростепельный веселый день пришла Наталья к свекру. Пантелей Прокофьевич заплетал пушистым сизым хворостом разломанный бугаем плетень. С крыш капало, серебрились сосульки, дегтярными полосами [*чернела*] **чернели** на карнизе следы стекавшей когда-то воды. Ласковым телком при-тулялось к оттаявшему бугру рыжее потеплевшее солнце и земля набухала, на меловых мысах, залысинами стекавших с обдонского бугра. Малахитом зеленела ранняя трава. Наталья, изменившаяся и худая, [*с изуродованной*] подошла сзади к свекру и [*ско*] наклонила изуродованную покрывленную шею.

— Здорово живете, батя.

— Натальюшка? Здорово, милая, здорово! Эх, ты... — засуетился Пантелей Прокофьевич. Хворостина выпавшая из рук его свилась и выпрямилась.

— Ты чево это глаз не кажешь? Ну, пойдем в курени, погоди, мать-то тебе взрадуется.

— Я, батя пришла... — Наталья неопределенно повела рукой и отвернулась, — коль не прогоните останусь наовсе у вас...

— Што-ты, што-ты, любушка! Аль ты нам чужая? Григорий вон прописал в письме... Он, девка, об тебе наказывал справиться.

Пошли в курени. Пантелей Прокофьевич хромал суетливо и обрадованно. Ильинишна обнимая Наталью уронила чистую цепку слез, шепнула сморкаясь в завеску.

— Дитя-б надоть [*тобе*] тебе... Оно-б ево присушило. Ну, садись. Сем-ка я блинчиков достану?

— Спаси Христос, маманя. Я вот... пришла...

[*Дарья румяная,*] Дуняшка **вся** в зареве румянца вскочила с надворья в кухню и с разбегу обхватила Натальины колени.

— Бестыжая! Забыла про нас!..

— Сбесилась, кобыла! — крикнул притворно-строго на нее отец.

— Большая-то ты какая... роняла Наталья расжимая Дуняшкины руки и заглядывая ей в лицо.

[*Петро*] Заговорили разом все, перебивая друг-друга и замолкая. Ильинишна подпирая щеку ладонью горюнилась с болью вглядываясь в непохожую на прежнюю Наталью.

— Совсем к нам? — [*выск*] допытывалась Дуняшка теребя Натальины руки.

— Кто ево знает...

— Чево уж там, родная жена; да [*идей-та*] **гдей-то** будет жить. Оставайся! — решила Ильинишна и гостила сноху двигая по столу глиняную чашку, набитую||

<Л. 2 об.>

2.¹

блинцами.

Пришла Наталья к свекрам после долгих колебаний. Отец ее не пускал, покрикивал и стыдил разубеждая, но ей [тошно] неловко было после выздоровления глядеть на [Митьку] своих и чувствовать себя в родной когда-то семье почти чужой. Попытка на самоубийство отдалила ее от родных². Пантелей Прокофьевич сманивал ее все время после того, как проводил Григория на службу. Он твердо решил взять ее в дом и примирить с Григорием. С того дня Наталья осталась[.] у Мелеховых. Дарья внешне ни чем не проявляла своего недовольства, Петро был приветлив и родственен, а косые редкие взгляды Дарьи искупались горячей Дуняшкиной привязанностью к Наталье и [отеческим] отчески-любовным отношением стариков.

На другой-же день, как только Наталья перебралась к свекрам, Пантелей Прокофьевич под [свою] свой [диктовку] указ заставил Дуняшку писать Григорию письмо.

«Здравствуй, дорогой сын наш Григорий [Пантелеевич] Пантелевич! Шлем мы тебе нижайший поклон и от всего родительского сердца с матерью твоей Василисой Ильинишной родительское благословение. [Еще] кланяется тебе брат Петро Пантелевич с супругой Дарьей Матвевной и желает тебе здравия и благополучия, еще кланяется тебе сестра Евдокея и все домашние. Письмо твое пушенное от февраля пятого числа мы получили и сердечно благодарим за него. А если, ты прописал, конь засекается, то заливай ему свиным нутряным салом, ты знаешь, и на задок не подковывай, коли [колости] нету склизости или, сказать, гололедицы [нету]. Жена твоя Наталья Мионовна проживает у нас и находится в здравии и благополучии. Сушеной вишни мать тебе посылает и пару шерстяных чулков, а еще сала и разного гостинцу. Мы все живы и здоровы[.] а дите у Дарьи померло, о чем сообщаем. Надесь крыли с Петром сараи, и он тебе велит коня блюсть и сохранять. Коровы потелились [и] старая кобыла починает, отбила вымя и видно, как жеребенок у ней в пузе стучает. Покрыл ее с станишной конюшни жеребец по кличке «Донец». На [четв] пятой неделе ждем. Мы рады об твоей службе и что начальство одобряет тебя. Ты служи, как и полагается. За царем служба не пропадет. А Наталья теперича будет у нас проживать и ты об этом подумай. А ишо беда, на Масленую зарезал зверь трех овец. [Крышу на] Ну, бывай здоров и богом хранимый. Про жену не забывай, мой тебе приказ, она ласкавая баба и в законе с тобой. Ты борозду не ломай и отца слухай.

Твой родитель старший урядник Пантелей Мелехов».||

¹ На левом поле снизу вверх синим карандашом написано и зачеркнуто: «[Атарщики. Стан. Жеребцы]».

² На левом поле помета красным карандашом: «Самоуб. отдалило ее», — перечеркнутая, видимо, после реализации.

<Л. 3>

3.

Полк Григория стоял **в четырех верстах** [на] от русско-австрийской [границе] **границы** в местечке Радзивилово. Григорий писал домой изредка¹. На сообщение о том, что Наталья пришла к отцу, ответил сдержанно и просил передать [жене] {ей} поклон. **Содержание** [Письма] **писем** его [были] **было** [уклончивы] **уклончиво** и [мутны] **мутно**. Пантелей Прокофьевич заставлял Дуняшку, или Петра перечитывать их по несколько раз, вдумываясь в затаенную [мы] меж строк неведомую Григорьеву мысль. Перед Пасхой он в письме прямо поставил вопрос о том, будет-ли Григорий по [при] возвращению со службы жить с женой, или попрежнему с Аксиньей. Григорий ответ задержал, после Троицы получили от него короткое письмо. Дуняшка читала быстро глотая концы слов, [перепрыгивая] и Пантелей Прокофьевич с трудом поспешал улавливать смысл, откидывая бесчисленные поклоны и расспросы. В конце письма Григорий касался вопроса о Наталье: «...Вы просили, чтоб я прописал [про] буду я, аль нет, жить с Натальей, но я вам, батя, скажу, што отрезаную краюху не прилепишь. И чем я Наталью тепер примолвлю, как у меня, сами знаете, дите? [А там] Сулить я ничего не могу и мне об этом муторно гутарить. [А ишо об этом] Нады поймали на границе жида с контрабандой и нам довелось его повидать, [гутарит] **объясняет**, што в скорости будет с астрийцами война и царь ихний, будто, приезжал к границе, осматривал откель зачинать войну и какие земли себе захапать. Как зачнется война, можеть и я живой не буду, загодя нечево решать».

Наталья работала у свекра и жила, взрачивая [и отираясь] бессознательную надежду **на возвращение мужа**, опираясь на нее надломленным духом. Она ничего не писала Григорию, но не было в семье человека, кто-бы с такой тоской и болью ожидал от него письма.

Обычным нерушимым порядком шла в хуторе жизнь: возвратились отслужившие сроки казаки, по будням серенькая работа **неприметно** сжирала время, по воскресеньям с утра валили в церковь семейными табунами, шли казаки в мундирах и праздничных шароварах, длинными [шуршащими] **шуршащими** подолами разноцветных [ярких] юбок мели пыль бабы², туго затянутые в расписные кофточки³ с буфами на морщиненых рукавах, подопревших и **слинявших** [из] под [исподом] **мышками** [от [острым] **острого** [приторным] **приторного**] **от остро-сладкого, ширяющего в нос как горчица** [бабым] **бабьего** [потом] **пота**. [Гусаками]

А на [площади] квадратном фесе площади дыбились задратые оглобли повозок, визжали лошади, сновал разный народ; около пожарного сарая болгары-плантаторы торговали овощной снедью, разложенной на длинных рядах, сзади них кучились оравами ребятишки разглядывая распряженных верблюдов, надменно оглядывавших базарную площадь и толпы народа, перекипавшие [краснооколывыми] **краснооколыми** фуражками и цветастой россыпью [в брызги раду-

¹ ППС: «изредка писал домой».

² ППС: «мели пыль бабы длинными [шуршащими] шуршащими подолами разноцветных [ярких] юбок».

³ ППС: «кофточки расписные».

гой] бабьих платков. Верблюды [дремотно] **пенно** перетирали **бурьянную** жвачку, отдыхая от постоянной работы на чигире^{х)} и в зеленоватой [дремотной] **сонной** полуде застывали их глаза [привы]

^{х)} Чигирь — поливалка.||

<Л. 3 об.>

4.

По вечерам [на улицах] в топотном звоне стонали улицы, игрища всплескивались в песнях, в [казачке] **пляске** под гармошку. [А] **И лишь** поздней ночью догорали в теплой сухмени последние на окраинах песни¹.

Наталья на игрища не ходила, [с теплой] с радостью [вслушивалась] **выслушивала** [в] бесхитростные Дуняшкины рассказы. Невидя выровнялась Дуняшка в статную и по своему красивую девку. Рано вызрела, как яблоко-скороспелка [и]. В [этот] **этом** [год] **году** [в первый раз], отрешая от ушедшего [де] отрочества, приняли ее старшие подруги в девичий свой круг². Ростом [выдалась] **вышла** Дуняшка в отца, приземистая, **собой** [черная и] смуглая. Пятнадцатая весна [ей] минула [и была] не выровняв тонкую угловатую ее фигуру. Была в ней смесь, жалкая и наивная, детства и [расцветавшей] **расцветающей** юности: крепи и заметно выпирали под кофтенкой небольшие с кулак груди, раздавалась в плечах, а в [длинные] **длинных** **чуть косых** [разрезы] **разрезах** глаз застенчивые и озорные искрились черные в агатовой синеве, миндалины глаз. Приходя с игрищ она Наталье одной рассказывала³ немудрые свои секреты.

— Наташа, светочка, што-то хочу рассказать...

— Ну, расскажи.

— Мишка Кошевой вчера целый вечер со мной просидел на дубах [у] возля [о] гамáзинов^{х)}.

— Чево-же ты скраснелась?

— И ничуть!

— Глянь в [зеркалу] **зеркало**, чисто полымя.

— Ну, погоди! Ты-[же] **ж** пристыдила...

— Рассказывай, я не буду.

Дуняшка смуглыми ладонями растирала полыхавшие щеки и прижимая пальцы к вискам [смеялась] **вызванивала** молодым беспричинным смехом.

— Ты, — гутарит, — как цветок лазоревый.

— Ну-ну? — подбадривала Наталья, радуясь чужой радости и забывая о своей, растоптанной и минувшей.

— А я ему: «не бреши, Мишка!», — а он бо-жит-ца.

Дуняшка [трепала в смехе] [раскалывала **смешок рассыпая**] {**рассыпала**} [его] {**смех**} **по горнице бубенцами** мотала головой и черные туго заплетенные [косы] **косички** ящерицами скользили по плечам ее и спине.

— Чево-ж он **ишо** плел?

¹ ППС: «в теплой сухмени догорали последние на окраинах песни».

² ППС: «приняли ее старшие подруги в девичий свой круг, отрешая от ушедшего [де] отрочества».

³ ППС: «Она Наталья одной рассказывала приходя с игрищ».

— Утирку, мол, дай на память.

— Дала?

— Нет, — говорю, — не дам. Поди у своей крали попроси. Он ить с Ерофеевой снохой... Она жалмерка, гуляет.

— Ты подальше от нево.

— Я и так далеко. — Дуняшка [*тая [просив] трепещущий на губах смех*] **осиливая пробивающуюся улыбку** рассказывала: — С игрищ идем домой, трое нас девок [*и не*], догоняет нас пьяный дед Михей. «Поцелуйте, — [*зреть*] **шумит** — хороши мои, по семаку отвалю». Как кинется на нас, а Нюрка ево хворостиной **через лоб**. Насилу убегли.

...Сухое тлело лето. Против хутора мелел Дон и там, где раньше быстрилось шальное стремя, образовался брод, [*через*] на тот берег переходили быки не замочив спины.

^{х)} Гамазин — длинный [общественный] амбар, для ссыпки общественного хлеба.||

<Л. 4>

5.

[*По ночам*] [*Ночью*] **Ночами** [*пышели*] [*дышали*] [*душным*] [*горели*] в хутор сползала с гребня густая текучая духота, ветер насыщал воздух пряным [*тяжким*] запахом [*горелых*] **прижженных** трав. На отводе [*горела*] **горели** [*сухостойная*] **сухостойные** [*трава*] бурьяны и сладкая марь невидимым пологом висла над Обдоньем¹. [*На*] Ночами густели за Доном тучи, [*погромыхивал*] лопались сухо и раскатисто громовые [*раскаты*] **удары**, но не [*было*] [*спадал*] **падал** на землю, пышущую [*жаром*] горячечным жаром, дождь, в холостую палила молния, ломала небо **на** [*остроугольными*] **остроугольные** [*зигзагами*] **голубые краяхи**.

По ночам на колокольне ревел сыч. Зыбкие и страшные висели над хутором крики, а сыч с колокольни перелетал на кладбище, ископытенное телятами, сто-нал над бурыми затравевшими могилами.

— [*Худое*] **Худому** быть. — пророчили старики заслушав с кладбища сычи-ные выголоски².

— Война [*будет*] пристигнет.

— Перед Турецкой кампанией накликал так вот.

— Может опять холера?

— Добра не жди, с церкви [*на*] к мертвецам слетает.

— Ох, милостивец, Микола-угодник...

Шумилин Мартын, брат безрукого Алексея, две ночи караулил проклятую птицу под кладбищенской оградой, но сыч невидимый и таинственный бесшумно пролетал над ним, садился на кресте в другом конце кладбища, сея над сонным хутором тревожные клики. Мартын непристойно ругался, стрелял в черное

¹ ППС: «висла над Обдоньем невидимым пологом».

² ППС: «сычиные выголоски с кладбища».

[чрево] обвислое [чрево] пузо [неба] проплывавшей тучи и уходил [с кладбища]. Жил он тут-же под боком, Жена его пугливая хворая баба, плодовитая, как кроличиха, рожавшая каждый год встречала мужа упреками:

— Дурак, истованный дурак! Што он тебе, вражина, мешает, што-ли? А как бог накажет? **Хожу вот на последях, а ну, как, не разрожусь через [тибе] {тебя}, чертяку?**

— Цыц, ты! **Небось, разродишься!** Расходилась, как бондарский конь. А чево он тут, проклятый, в тоску вгоняет? Беду, дьявол, кличет, случись война, заберут, а ты их вон сколько нащенила. — махал Мартын в угол, где на полсти плелись мышинные пiski и храп спавших вповалку детей.

Мелехов Пантелей беседуя на майдане со стариками веско доказывал:

— [Пишет] **Пишет** Григорий наш, што астрицкий царь наезжал на границу и отдал приказ, штоб всю **свою** войску [к] согнать в одну месту и итить на Москву и Петербург.

Старики вспоминали минувшие войны, делились предположениями:

— Не бывать войне, по урожаю видать.

— Урожай тут не при чем.

— Студенты мутять, небось.

— Мы об этом последние узнаем.

— Как в японскую войну.

— А коня сыну-то справил?||

<Л. 4 об.>

6.

— Чево там загодя...

— Брехни это!

— А с кем война-[та] то?

— С турками, из-за моря. Морю никак не [разделить] **разделяют.**

— И чево там [такова] **мудренова?** Разбили на улеши, вот как мы траву, [делим] и [поделили] дели.

Разговор [делался шутовым] **замазывался шуткой** и старики расходились.

Караулил людей луговой скоротечный покос, доцветало за Доном травье, не вровень степному, квелое и без духа. Одна земля а соки разные высасывают травы: за бугром в степи клеклый чернозем, что хрящ, табун прометется — копытного следа не увидишь тверда земля и **растет по ней трава сильная, духовитая, лошади по пузо**, а над Доном и за Доном мочливая рыхлая почва [взращивала] [знала] **гонит** травы безрадостные и [квелье] никудышные, [брезговает] **брезгует** ей и скотина в иной год.

Отбивали косы по хутору, выстругивали грабельники, бабы квасы томили косарям на утеху, а тут приспел случай колыхнувший хутор от края до другого: приехал становой пристав с следователем и с чернозубым москлявеньким офицером в форме досель невиданной; вытребовали атамана, согнали понятых и прямиком направились к Лукешке-косой.

Следователь нес в руке парусинную фуражку с форменным значком. Шли над плетнями, левой стороной улицы, по стежке лежали [желтые] солнечные пятна¹ и следователь наступая на них запыленными ботинками расспрашивал атамана, по петушиному забежавшего наперед.

- Приезжий [этот] Штокман дома?
- Так точно, ваше благородие.
- Чем он занимается?
- Извесно, мастеровщина... Стругает себе.
- Ничего не замечал за ним?
- Никак нет.

Пристав на ходу давил пальцами угнездившийся меж бровей прыщ, [и] отдувался, испревая в суконном мундире. Чернозубый офицерик ковырял в зубах соломинкой и морщил обмяклые, в красноте складки глаз.

— Кто у него [бывают] бывает²? — допытывался следователь, отводя рукой забежавшего на перед атамана.

- Бывают, так точно. Иной раз в карты поигрывают.
- Кто-же?
- С мельницы больше, рабочие.
- А кто именно?
- Машинист, весовщик, [и] вальцовщик Давыдка и кое-кто из наших казаков учащает.

Следователь остановился, поджидая отставшего офицера, [и] фуражкой вытер пот³ [стекавший мимо переносицы на щеки] на переносице. Он что-то сказал офицеру, вертя в пальцах пуговицу его мундира, и помахал атаману пальцем. Тот подбежал на носках, удерживая дыхание, на шее его вздулись и дрожали перепутанные жилы.||

<Л. 5>

— Возьми двух сидельцев и пойди их арестуй. [Собери всех] Гони [их] в правлении⁴, а мы сейчас придем. Понятно?

Атаман вытянулся свисая верхней частью туловища так, что на стоячий воротник мундира синим шнуром [нависла] упала самая крупная жила, и мыкнув зашагал обратно.

Штокман в [одной] исподней рубахе расстегнутой у ворота сидел спиной к двери, выпиливая ручной пилкой на фанерке кривой узор. Он глянул на следователя и входивших за ним чинов, [и] придавливая ладонью пилу закусил нижнюю губу вобратую внутрь.

- Потрудитесь встать. Вы арестованы.
- В чем дело?

¹ ППС: «пятна солнечные».

² ППС: «Бывает у него кто».

³ ППС: «вытер фуражкой пот».

⁴ Пуска не завершена, надо «в правление».

— Вы две комнаты занимаете?

— Да.

— Мы у вас произведем обыск.

Офицер зацепившись шпорой о коврик у порога прошел к столу и шурясь взял первую книгу.

— Позвольте ключи от этого сундука.

— Чем я обязан, господин следователь...

— Мы успеем с вами поговорить. Понятой, ну-ка!

Из второй комнаты выглянула жена Штокмана [и] оставив дверь неприкрытой. Следователь, за ним писарь, прошли туда.

— Это что такое? — тихо спросил офицер держа на отлете книгу в желтом переплете.

— Книга. — пожал плечами Штокман [и о]

— Остроты [*приберегите*] **прибереги** для более подходящего случая! Я тебя [*прошу*] **попрошу** отвечать на вопросы иным порядком.

Штокман прислонился к грубке давя кривую улыбку.

Пристав заглянул офицеру через плечо и перевел глаза на Штокмана.

— Изучаете?

— Интересуюсь. — сухо ответил Штокман, [и] маленькой расческой [*разделил*] **разделяя** черную бороду на две равных половины.

— Та-а-ак-с.

Офицер [*перелистывал*] **перелистал** страницы и бросил книгу на стол. Он бегло проглядел вторую отложив ее в сторону и прочитав обложку третьей повернулся к Штокману лицом.

— Где у тебя еще хранится подобная литература?

Штокман прищурил левый глаз словно целясь.

— Все, что имеется, тут.

— Врешь! — четко кинул офицер помахивая книгой.

— Я [*попрошу*] требую...

— Ищите!

[*Становой*] Пристав придерживая рукой шашку подошел к сундуку, где рылся в белье и одежде рябоватый, как видно напуганный [*происходящим*] **происходившим** казак-сиделец.

— Я [*попрошу*] требую вежливого обращения! — договорил Штокман целясь прищуренным глазом офицеру в переносицу.

— [*Молчать!..*] Помолчите, любезный!||

<Л. 5 об.>

8.

В половине, которую занимал Штокман с женой, перекопали все, что можно было перекопать. [*Оглядели все*] **Обыск произвели и** в мастерской. Усердствовавший пристав даже стены остукал согнутым пальцем.

Штокмана повели в правление. Шел он впереди сидельца посреди улицы, заложив руку за борт старенького сюртука, другой помахивал, словно отряхая прилипшую к пальцам грязь; остальные шли над плетнями по стежке испещренной

солнечными [пятнами] крапинами [падавшими] [протекавшими через отверстия плетней]. Следователь, так-же наступал на них ботинками обзеленными лебедой¹, только [картуз] фуражку не в руке нес², а надежно нахлобучил на бледные хрящи ушей.

Допрашивали [его отдельно] Штокмана последним. В передней жались охраняемые сидельцем [арестованные] уже допрошенные Иван Алексеевич не успевший вымыть измазанные мазутом руки, виновато улыбающийся Давыдка, Валет, в накинута на плечи пиджаке, и Кошевой Михаил.

Следователь роясь в розовой папке спросил у Штокмана стоявшего по ту сторону стола.

— Почему вы скрыли, когда я вас допрашивал по поводу убийства на мельнице, что вы член РСДРП?

Штокман молча смотрел выше следовательской головы.

— Это установлено. Вы за свою работу понесете должное, — [и] взвинченный молчанием кидал следователь.

— Прошу вас начинать допрос. — скучающе уронил Штокман и косясь на свободный табурет, попросил разрешения сесть. Следователь промолчал шелестя бумагой, глянул исподлобья на спокойно усаживавшегося Штокмана.

— Когда вы сюда прибыли?

— В прошлом году.

— По заданию своей организации?

— Без всяких заданий.

— С какого времени вы состоите членом вашей партии?

— О чем речь?

— Я спрашиваю, — Следователь подчеркнул я, — с какого времени вы состоите членом РСДРП?

— Я думаю, что...

— Мне абсолютно не интересно знать, что вы думаете. Отвечайте на вопрос. Запирательств бесполезно, даже вредно, — следователь отделил одну бумажку и придавил ее к столу указательным пальцем, — Вот справка из Ростова, подтверждающая вашу принадлежность к означенной партии.

Штокман сведенными в кучу глазами шмыгнул по беленькому клочку бумаги, на минуту задержал на нем [внимание] взгляд и поглаживая руками колено твердо ответил.

— С 1907 года.

— Так. Вы отрицаете то, что вы посланы сюда вашей партией.

— Да.||

<Л. 6>

— В таком случае зачем вы сюда приехали?

— Здесь ощущалась нужда в слесарной работе.

¹ ППС: «обзеленными лебедой ботинками».

² ППС: «нес не в руке».

- Почему вы избрали именно этот район?
- По этой-же причине.
- Имеете вы, или имели, за это время связь с вашей организацией?
- Нет.
- Знают они, что вы поехали сюда?
- Наверное.

Следователь чинил перламутровым перочинным ножичком карандаш, [и] топыря губы не смотрел на Штокмана.

- Имели вы с кем-либо из своих переписку?
- Нет.

— А то письмо, которое было обнаружено при обыске?

— Это письмо товарища, не имеющего, пожалуй, никакого отношения ни к какой революционной организации.

- Получали-ли вы какие-либо директивы из Ростова?
- Нет.

— [Вели] С какой целью собирались у вас рабочие мельницы?

Штокман передернул плечами словно удивляясь нелепости вопроса.

— Просто собирались зимними вечерами... Просто время коротали. Играли в карты...

— Читали запрещенные законом книги, — подсказал следователь.

— Нет. Все они малограмотные.

— Однако машинист мельницы и все остальные этого факта не отрицают.

— Это — неправда.

— Мне кажется, вы просто не имеете элементарного понятия... — Штокман в этом месте улыбнулся и следователь роня разговорную нить¹ dokonчил с сдержанной злобой, — просто не имеете здравого рассудка. Вы запираетесь в ущерб самому себе. Вполне понятно, что вы посланы сюда вашей [паршивой] партией, что-бы вести разлагающую работу среди казаков, что-бы вырвать их из рук правительства. Я не понимаю, к чему тут игра в темную? Все равно это не может умалить вашей вины...

— Это — ваши догадки. Разрешите закурить? Благодарю вас. Это догадки, [которые] притом ни на чем не основанные.

— Позвольте, читали вы рабочим, посещавшим вас, вот эту книжонку? — Следователь положил ладонь на небольшую книгу прикрывая заглавие, [ли] вверху [м] черная на белом углилась надпись — «Плеханов [Г.]».

— Мы читали стихи. — вздохнул Штокман¹ и затянулся папироской [ка] [крепко] **накрепко** сжимая промеж пальцев костяной с колечками мундштук.

На другой день [и] хилым и пасмурным утром² [выехала] **выехал** [от] из хутора запряженный парой почтовый тарантас. В задке, кутая бороду в засаленный куцый воротник пальто, сидел подремывая Штокман. По бокам его жались вооруженные шашками сидельцы. Один из них,||

¹ ППС: «нить разговорную».

¹ ППС: «Штокман вздохнул».

² ППС: «Утром и пасмурным [и] хилым на другой день».

<Л. 6 об.>

10.

рябой и курчавый, крепко сжимал локоть Штокмана узловатыми грязными пальцами [*косясь на него*] **косясь на него** испуганными белесыми глазами, левой рукой [*придерживал*] **придерживая** облезлые ножны шашки .

Тарантас бойко пылил по улице. За двором Мелехова Пантелея прислонясь к гуменному плетню ждала их [*с заплаканным серым*] укутанная в платок маленькая женщина. [*Серые*] **Серое** [*черты*] лицо ее **вытерлось от** [*слезы*] **слез** [*вытерли*], будто [*давнишнюю*] **давнишняя хожалая** [*монету*] **монета** [*руки*] и желтело оно, мутное и жалкое в колдобинах пустых налитых слезами глаз.

Тарантас пропылил мимо и женщина сжимая на груди руки кинулась следом.

— Ося!.. Осип Давыдыч!.. Ох, как-же?!..

Штокман хотел [*махнуть*] **помахать ей** рукой, но рябой сиделец подпрыгнув склешил на его руке грязные пальцы и дичалым хриплым голосом крикнул:

— Сиди! Зарублю!..

В первый раз за свою простую жизнь видел он [*такого*] человека, который против самого царя шел.

[2] [3] {2.}

Где-то назади в сером слизистом тумане осталась длинная путина от Маньково-Калитвенской слободы до местечка Радзивилово. Пытался Григорий вспомнить проеханный путь, но ничего связного не выходило: красные станционные постройки, татакающие под шатким полом колеса вагонов, запах конских испражнений и сена, бесконечные нити рельсов, стекавшие из-под паровоза, дым, мимоходом заглядывавший в дверки вагонов, усатая рожа жандарма на перроне ни то в Воронежже, ни то в Киеве.

На полустанке, где сгружались, толпились офицеры и какие-то в **серых** свитках **бритые** люди, разговаривавшие на чужом непонятном языке. Лошадей долго выводили из вагонов по подмостям¹, помощник эшелонного скомандовал седловку и повел триста с лишним казаков к ветеринарному лазарету. Длинная процедура с осмотром лошадей. Разбивка по сотням. Снующие вахмистра и урядники. В первую сотню отобрали светло-гнедых лошадей, во вторую — серых и буланых, [*Григория отбили*] в [*третью*] **третью** [*где подобрались*] — темно-**[гнедые]** **гнедых** [*лошади*], [*Григория отбили*] в четвертую [*где подбирались лошади*] — золотистой масти и [*просто*] **гнедой**, в пятую — светло-**[рыжие]** **рыжей** и в шестую — **[воронье]** **вороной**.

Вахмистра [*разобрали*] **разбили** казаков по взводно и [*сотни разъехались и*] и **повели** [*казаков*] к сотням, разбросанным по имениям и местечкам.

Бравый лупоглазый вахмистр **Каргин** с нашивками за сверхсрочную службу, проезжая мимо Григория спросил:

— Какой станицы?

— Вешенской?

¹ ППС: «по подмостям из вагонов».

— Куцый? [*значица?*]^{х)}

Григорий под сдержанный смехок казаков иностаничников молча проглотил оскорбление¹.

Дорога вывела на шоссе.

^{х)} Станицы имеют **каждая** [*свои*] **свое** [*прозвища*] **прозвище**; Вешенских — кобелями.||

<Л. 7>

11.

Донские кони, в первый раз увидевшие шоссе, ступили на нее постригивая ушами и храпя, [*словно*] **как** на речку затянутую льдом, потом освоились и пошли сухо выщелкивая свежими непритертыми подковами. Искромсанная лезвиями чахлах лесков лежала чужая польская земля. Парился хмурый теплый день и солнце, тоже как-будто не донское, бродило где-то за кисельной занавесью сплошных туч.

Имение Радзивилово находилось в четырех верстах от полустанка. Казаков на полпути обогнал **шибко** прорысивший эшелонный с ординарцем. До имения доехали в полчаса.

— Это што за хутор? — спросил у вахмистра казачек Митякинской станицы, указывая на купу оголенных макушек сада.

— Хутор? Ты про хутора забывай, стригун митякинский. Это тебе не Область войска донскова

— А што это, [*дяденька*] **дяденка**?

— Какой я тебе, дяденка? Ашь, нашелся племяш! Это, братец, ты мой, — имение княгини Урусовой. Тут самое наша [*третья*] **четвертая** сотня помещается.

Тоскуя и выглаживая конскую шею Григорий² давил ногами стремена, глядел на аккуратный двухэтажный дом, на деревянную огорожу, на чудного вида дворовые постройки внутри дома. Ехали мимо сада и нагие деревья одинаковым языком шептались с ветром, так же, как и там в покинутой далекой Донщине.

Нудная, одуряющая вывернула свою изнанку жизнь. Молодые казаки, оторванные от работы, томились первое время, отводя душу в разговорах, перепадавших в свободное время. Сотня селлась в больших, крытых черепицей флигелях, спали на нарах раскинутых над окнами. Григорию [*припало*] **выпало** [*лежать*] **место** [*как раз*] над крайним окном. По ночам далеким пастушечьим рожком брунжала отставшая от рамы заклеивавшая щель бумага³, и Григорий прислушиваясь в многоголосом храпе **к ее звону** чувствовал, как исходит весь каменной [*горячей*] **горючей** тоской. Тонкое вибрирующее брунжанье щипцами хватало где-то под сердцем, [*и*] в такие минуты беспредельно хотелось ему встать, [*пройти*] **пойти** в конюшню, заседлать гнедого и гнать его, роняя пенное мыло на глухую землю, до самого дома.

¹ ППС: «молча проглотил оскорбление под сдержанный смехок казаков иностаничников».

² ППС: «Григорий тоскуя и выглаживая конскую шею».

³ ППС: «бумага, заклеивающая щель».

В пять часов побудка на уборку лошадей. Чистка. За куценькие полчаса, пока [выкармливали] **выкармывали** лошадей на [коновязи] **коновязях** овсом, перекидывались короткими фразами

— Погано тут, ребята!

— Мόчи нету!

— А вахмистр вот сука-то! Копыты коню промывать заставляет.

— Теперя дома блины [трескають] **трескают**... Масленая.

— Девку-бы зараз пошшупал, эх!

— Жеребцуешь? Вот погоди [погоняет] урядник [и на голую...] **сгонит жир**

— Жена [таперича] **теперича** [скажет] **скажет**: «Што-то мой Миколушка делает?

— Ого-го-го! Она, брат, небось, с свекром в голопузика [играеть] **играет!**

— Я, братушки, ноне во сне видал, будто косим мы с батей сено в лугу а миру кругом высыпало, как ромашки за гумнами. — говорил сияя ласковыми телячьими глазами смиренный Прохор Зыков, — Косим мы эта, трава так и полегает... Ажник дух во мне [радуется] [играеть] {играет}!..¹ ||

<Л. 7 об.>

12.

— Ну, уж-ты...

— Да ни в жисть не [стерпить] **стерпит** любая баба, штоб без мужа на стороне не хлебнуть.

— Об чем вы горюете? [Што] Кубыть корчажка с молоком, придем со службы и нам достанется.

На всю сотню весельчак и [песенник] **похабник** бессовестный и [развращенный] **нагловатый** Егорка Жарков встречал в разговор подмигивая и грязно улыбаясь.

— Дело известное, твой батя снохе не спустит. Кобелина добрый. Так-же вот было раз, — играл он глазами оглядывая слушателей, — повадился один такой-та хрен к снохе, покою не [дает] **дает**, а муж [мешаетца] **мешается**. Он ить-же придумал? Ночью [так же] вышел на баз и растворил нарошно ворота, скотина вся и [ходить] **ходит** по базу. Он и [говорить] **говорит** сыну: «Ты, такой-сякой, чево-ж так[-то] дверцы прикрывал? Гля, скотина вся вышла, поди загни!» Он-то думал, дескать, сын выйдет, а он тем часом к снохе [прилабунитца] **прилабунится**. А сын [заленилси] **заленился**, «поди, — говорит жене — [Дунька] загни». Энта и пошла. Вот он [лежить] **лежит**, [слушает] **слушает**, а отец сполоз с пригрубка и на коленях к кровати гребется. Сын-то не будь дурак, скалу взял с лавки и [ждет] **ждет**. Вот эта отец подполоз к кровати и [толька] **только** рукой лапнул, а сын ево скалом кы-ы-ык потянет через лысину, «Тпрусь, — [шумить] **шумит**, — проклятый, [повадилси] **повадился** дерюжку жевать?» А у них телок в куренях ночевал и все подойдет, да и жует одежку; сын-то навроде, как на телка, а сам батяню резанул и [лежить] **лежит** [помалкивает] **помалкивает**... Старик-то дополоз до пригрубка, лежить шишку обминает, а она взыграла с гусиное

¹ Текст вставки перенесен со страницы 12 согласно указанию автора.

яйцо. Вот лежал-лежал и говорить: «— Иван, а Иван?» «— Чево, батя?» «— Ты ково-ж эта вдарил? — «Да телка», — [*говорить*] **говорит**. А старик ему со слезьми: «— Какой-же, — грить, — из тебя, в гребёни матери, хозяин [*будеть*] **будет**, ежли то так скотину бьешь?»

— А здоров ты брехать!

— На цепь [*тибе*] **тебя**, рябова.

— Што за базар? Разойдись! — орал вахмистр подходя и казаки расходились к лошадям посмеиваясь, [*и*] перебрасываясь шуткам.

После чая выходили на строевые занятия. Урядники выколачивали домашнюю закваску.

— Пузо-то подбери, эй, ты, трепуха свинья!

— Равнение на пра-во, ша-а-гом...

— Взвод, стой!

— [*Арш*]...**арш**

— Эй, левофланговый, как стоишь, мать твою..?

Господа-офицеры стояли в сторонке и наблюдая, как||

<Л. 8>

13.

гоняют по широкому задворью казаков, курили, иногда вмешивались в распоряжения урядников.

Глядя на вылощенных подтянутых офицеров, в нарядных бледно-серых шинелях и красиво подогнанных мундирах Григорий¹ чувствовал между собой и ими неперелазную невидимую стену: там аккуратно пульсировала своя не по казачьи нарядная, [*как внешний офицерский вид.*] иная жизнь; без грязи, без вшей, без страха перед вахмистрами, частенько [*приказывавшими*] **употреблявшими** [*зубобоем*] **зубобой** [*и кулаками*].

На Григория, да и на всех молодых казаков, тяжкое впечатление произвел случай, происшедший на третий день после приезда в имение. Учились в конном строю, лошадь Прохора Зыкова, парня с телячье-ласковыми глазами, которому часто снились сны о далекой манившей его станице, норовистая и взгальная при поездке лягнула [*лошадь*] вахмистрского коня. Удар был не силен и слегка лишь просек кожу на **стегне** [*левом*] **левой** ноги. Вахмистр наотмашь хлестнул Прохора плетью по лицу и наезжая на него конем крикнул:

— Ты чево, в жилу твою мать, глядишь?.. Чево глядишь? Я [*тибе*] **тебя**, сссу-киному сыну! Ты у [*мине*] **меня** продневалишь суток трое!..

Сотенный командир, что-то приказывавший взводному офицеру, видел эту сценку и отвернулся теребя темляк шашки, скучающе и длинно зевая.

Прохор рукавом шинели вытер с вздувшейся щеки полосу проступившей крови, [*и*] задрожал губами. Выравнивая **в строю** лошадь Григорий² глядел на офицеров, но те разговаривали словно ничего не случилось.

¹ ППС: «Григорий глядя на вылощенных подтянутых офицеров, в нарядных бледно-серых шинелях и красиво подогнанных мундирах».

² ППС: «Григорий выравнивая **в строю** лошадь».

Суток пять спустя [*на водопое*] Григорий на водопое уронил в колодезь цыбарку, вахмистр налетел на него скопцом [*и*] занес руку.

— Не трожь!.. — глухо кинул Григорий, глядя в рябившую под срубом воду.

— Што? Лезь, гад, вынимай! Морду искровяню!..

— Выну, а ты не трожь. — не поднимая головы медленно [*говорил*] **растягивал слова** Григорий.

Еслиб у колодезя были казаки — по иному обошлось-бы дело, вахмистр несомненно избил-бы Григория, но коноводы были у огорожи и не **могли** [*слышали*] **слышать** [*разговора*] **разговор**. Вахмистр подступая к Григорию оглядывался на них, хрипел выкатывая хищные, [*бесмысленные*] **обесмысленные гневом** глаза.

— Ты мне што? Ты, как гуторишь с начальством?

— Ты, [*Егор*] Семен Егоров, не [*насыпайси*] **насыпайся**...

— Грозишь?.. Да я [*тибе*] **тебя** в мокрое...

— Вот што, — Григорий оторвал от сруба голову, — ежли ты когда вдарить [*мине*] **меня** — все одно убью. Понял?

Вахмистр **изумленно** зевал квадратным сазаньим ртом и не находил ответа. Момент для расправы был упущен, Посеревшее, известкового цвета лицо Григория не сулило ничего доброго и вахмистр растерялся, он отошел||

<Л. 8 об.>

14.

от колодезя оскользаясь по грязи [*расболтанной*] **взмешенной** над желобом по [*какому*] **которому** сливали воду в долбленные корыта, и уже отойдя [*шага два*] сказал обернувшись, размахивая кулаком, как кувалдой:

— Сотенному доложу! — Вот я сотенному отрапортую!

Но сотенному почему-то так и не сказал¹, а на Григория недели две гнал гонку, придирался к каждой пустяковине, вне очереди посылал на караулы и избегал встречаться глазами.

Нудный однообразный распорядок дня выматывал живое. До [*вечерней*] **вечера**, [*зори*] пока трубач не проиграет зорю, мотались на занятиях в пешем и конном строю, убирали, чистили и выкармывали на коновязях лошадей, зубрили бестолковщину словесности и лишь в 10 часов после проверки и **назначения на караулы** становились на молитву и вахмистр круглыми [*деревяшками*] **оловяшками** глаз обводя [*ст*] построенную шеренгу заводил отроду сиповатым голосом — «Отче наш».

С утра начиналась таже волынка и [*шли дни*] [*через*] **попирая** **имение** **ночами**] **шли дни** разные и **в то-же время** похожие, как близнецы.

На все имение, [*исключая*] **кроме** старой жены управляющего, была одна женщина, — на которую засматривалась вся сотня не исключая и офицеров, — молоденькая, смазливая горничная управляющего полька Франя. Она часто бежала из дома в кухню, где властвовал старый безбровый повар [*и*]. Сотня разбитая на [*в*] **марширующие** взводы со вздохами и подмигиваньем следила за шелестом

¹ ППС: «так и не сказал почему-то».

серой франиной юбки. Чувствуя на себе постоянные взгляды казаков и офицеров, она¹ словно обмаслилась в потоках похоти, излучаемых тремястами глазами, и вызываясь подрагивая бедрами рысила из дома к кухне из кухни в дом, улыбаясь взводам поочередно, господам офицерам в отдельности. Ее внимания добивались все, но по слухам преуспевал лишь сотник, курчавый и густо-волосатый с ног до головы.

Уже перед весной [в] случилось это. В этот день Григорий дневалил на конюшне. Он чаще был в одном конце конюшни, где неладили офицерские кони, попавшие в общество [близкое] кобылы. Был обеденный перерыв. Григорий только что отходил плетью белоногого есаульского коня, [возвращаясь] и отойдя заглянул в станок к своему гнедому. Конь мокро хрустел сеном, косил на хозяина розовый глаз, поджимая заднюю ушибленную на рубке ногу. Поправляя на нем недоуздок **Григорий** услышал топот и [сдержанный] приглушенный крик в темном угле конюшни. [Григорий] Он пошел над станками слегка изумленный необычным шумом. Глаза ему залепила вязкая темнота неожиданно хлынувшая в проход. Хлопнула дверь конюшни и чей-то сдержанный голос шопотом крикнул:

— Скорей, ребята!

Григорий прибавил шаг.

— Кто такой?

На него наткнулся ошупью пробиравшийся к дверям||

<Л. 9>

15.

урядник Попов.

— Ты, Григорий? — шепнул он лапая плечи Григория.

— погоди! Што тут такое?..

Урядник [засмеялся сдер] **подрезжал** виноватым смешком, [и] [ухватил] схватил Григория за рукав.

— Тут... Постой, куда ты?..

Григорий вырвав руку распахнул дверь. На обезлюдевшем дворе ходила пестрая с подрезанным хвостом курица и не зная того, что на завтра помышляет повар приготовить из нее суп пану-управляющему, походя копала навоз и клохтала в раздумьи, где-бы положить подпиравшее к выходу яйцо.

Свет, плеснувшийся Григорию в глаза, на секунду ослепил его, он заслонил глаза ладонью и [отвернулся] **повернулся**, слышав усилившийся шум в темном угле конюшни. Касаясь рукой стенки пошел туда, на станке и на яслях против дверей выплясывал солнечный зайчик. Григорий шел жмурясь от света обжегшего [глаза] **зрачки**, ему навстречу попался Жарков—балагур. Он шел на ходу застегивая ширинку спадавших шаровар, [и] [мотая] **мотал** головой.

— Ты чево?.. Што вы тут?..

— Иди скорей, — шепнул Жарков дыша в лицо Григорию свонявшимся запахом грязного рта, — Там... там, чудо... Франю там затянули ребята... расстелили... — Жарков хахакнул и откинутый Григорием обрезав смех глухо стукнулся

¹ ППС: «Она чувствуя на себе постоянные взгляды казаков и офицеров».

спиной о рубленую стену конюшни¹. Григорий бежал на шум возни, [и] в расширенных, освоившихся с темнотой глазах его белел страх. В углу, там, где лежали попоны [на полу] густо [толпилось] толпились [человек двадцать] [казаков] казаки весь первый взвод [с половиной второго]. Григорий молча раскидывая казаков протискался вперед: на полу, бессовестно и страшно раскидав белевшие в темноте ноги не шевелясь лежала Франя с головой [укутаной] укутаная попоными, [с] в разорванной и сбитой, выше груди, [юбкой] юбке². С нее только что встал придерживая шаровары казак и не глядя на товарищей, криво улыбаясь отошел к стене уступая место очередному. Григорий [подой] рванулся назад и побежал к дверям.

— Ва-а-ахмистр!..

Его догнали у самых дверей, [и] [з] валяя назад зажали ладонью рот. Григорий от ворота до края разорвал на одном гимнастерку, успел ударить другого ногой в живот, но его подмяли, так-же, как Фране замотали голову попоной связали руки и молча, чтоб не угадал по голосу, понесли и кинули в порожние ясли.

Давясь вонючей шерстью попоны Григорий пробовал кричать, бил ногами в перегородку; он слышал перешепоты там, в углу, скрип дверей, пропускавших входивших и уходивших казаков.

Минут через двадцать его развязали. На [дороге] выходе [к дверям] стоял вахмистр и двое казаков из другого взвода.

— Ты помалкивай. — сказал вахмистр часто мигая, [и] глядя в [сторону] бок.||

<Л. 9 об.>

16.

— Дуру не трепи, а то... ушиотрежем. — улыбнулся [каз] Дубок казак чужого взвода.

Григорий видел, как двое подняли серый сверток — Франю — (у нее выпираясь под юбкой [в коленях] острыми углами недвижно висели [колени] ноги), и взбравшись на ясли выкинули в пролом стены, где отдиралась плохо прибитая пластина. Стена выходила в сад. Над каждым станком копилось вверх грязное, крохотное окошко. Казаки застучали взбираясь на перегородки, что-бы посмотреть, что будет делать упавшая у [ст] пролома Франя; некоторые спеша выходили из конюшни. Звериное любопытство толкнуло и Григория. [Он] уцепившись за перекладину он подтянулся на руках к окошку и найдя ногами опору заглянул вниз. Десятки глаз глядели из прокопченных окошек на лежавшую под стеной. Она лежала на спине ножницами сводя и разводя ноги, скребла пальцами талый у стены снежок. Лица ее Григорий не видел, но слышал затаенный сап [многих] казаков, торчавших у окошек, и хруст, приятный и мягкий, сена.

Она лежала долго, потом встала на четвереньки, у нее дрожали подламываясь руки, Григорий ясно видел это. Качаясь поднялась на ноги и растрепанная, чужая

¹ ППС: «обрезав смех глухо стукнулся спиной о рубленую стену конюшни, откинутый Григорием».

² ППС: «[с] в [юбкой] юбке разорванной и сбитой, выше груди».

и незнакомая обвела окошки долгим, долгим взглядом. И пошла цепляясь одной рукой за кустики жимолости, другой опираясь и отталкиваясь от стены...

Григорий прыгнул с перегородки растирая ладонью [грудь] горло, он задыхался. У дверей ему кто-то, он даже не помнил кто, деловито и ясно сказал:

— Звякнешь кому — истинный Христос, убьем. Ну?

На занятиях взводный офицер увидев оторванную пуговицу на шинели Григория спросил:

— Кто тебя тягал? Это еще что за мода?

Григорий глянул на кружок вдавленный в сукне оторванной пуговицей и [вспомнив] пронизанный воспоминанием в первый раз за длинный [кусок] отрезок времени чуть-чуть не взвыл плачем.

[3.] [4] {3.}

Над степью желтый солнечный зной. Желтой пылью дымятся [скошен] нескошенные вызревшие заливы пшеницы. [По с] К частям косилки не притронуться рукой [.], Вверх не поднять головы — [синяя] иссиня-желтая наволока неба [пышет] накалена жаром. Там, где кончается пшеница — шафранная [марь] цветень донника.

[По степи] Хутор скочевал в степь. Косили жито. Рвали в косилках лошадиные силы [тужились] задыхались в духоте, в прянной пыли, в хрипе в [желтом] жаре... Ветер, наплывавший от Дона редкими волнами, подбирал полы [пыль] пыли, [м] [желтой] [желтой] марью, как чадрой кутал колючее солнце¹.

Петро, метавший с косилки, выпил с утра [целую] половину двухведерной баклаги. Пил [сте] теплую противную воду и через минуту ссыхалось во рту, мокла рубаха и портки, текло с лица, шкварился в ушах трельчатый||

<Л. 10>

17.
звон, орепьем застревало в горле слово. Дарья [красная] [свекловично красная] укутав платком лицо, [в] [растегнутой] [растегнутую] {растегнув} [прорехе] прореху рубашки копнила² [в]В ложбинке между [виднелись] [побуревшие] побуревших [грудь] грудей катился серый зернистый пот³. Лошадей, запряженных в косилку гоняла Наталья⁴. У нее [свекловичной] свекловицей [краской] рдели опаленные щеки, слезились глаза.

Пантелей Прокофьевич ходил по рядам, как искупанный. Мокрая не просыхающая рубаха жгла тело. Казалось, что не борода стекает у него с лица на грудь, а [черные] черная, растаявшая колесная мазь.

— Взмылился, Прокофич? — крикнул с воза проезжая мимо Христоня.

¹ ППС: «кутал колючее солнце [м] [желтой] [желтой] марью, как чадрой».

² ППС: «копнила, [в] [растегнутой] [растегнутую] {растегнув} [прорехе] прореху рубашки».

³ ППС: «[виднелись] [побуревшие] побуревших [грудь] грудей [в]В ложбинке между катился серый зернистый пот».

⁴ ППС: «Наталья гоняла лошадей, запряженных в косилку».

— Мокрбó. — махнул Прокофьевич рукой и похромал растирая подолом рубахи скопившуюся на животе влагу.

— Петро! — крикнула Дарья, — ох, кончай!

— Погоди, загон проедем.

— Пергодим жару. Я брошу!

[Петро остано] Наталья остановила лошадей задыхаясь, [словно] будто [а] она тянула косилку, а не лошади¹. [Дарья шла] К ним шла Дарья медленно переставляя по жнивью черные потертые чириками ноги.

— Пётюшка, тут ить пруд недалеко.

— Ну, уж недалеко, версты три.

— [Искупатца] Искупатья [ба] бы.

— Покель дойдешь оттель... — вздохнула Наталья.

— И чорт-же чево итить. Коней выпрягем и верхи.

Петро **опасливо** поглядел на отца, вершившего копну, [и] махнул рукой.

— Выпрягайте, бабы!

Дарья отцепила постромки и **лихо** вскочила на кобылу, [как] Наталья ежа в улыбке растрескавшиеся губы, подвела коня к косилке, [и] примасивалась сесть с косилочного стула.

— Давай ногу. — услужил Петро подсаживая ее.

Поехали. [Шагом] Дарья с оголенными коленями [уска] и сбитым на затылок платком, поскакала вперед. Она [твердо] по казацки сидела на лошади², и Петро не утерпел, чтоб не крикнуть ей вслед.

— Эй, гляди, потрешь...

— Небось! — [Мах] Отмахнулась Дарья.

Пересекая [летний] **летник** [шлях] Петро глянул влево, далеко по серой спине шляха от хутора быстро двигался меняющий очертания пыльный комок.

— Вёрхи какой-та [бегётъ] бегёт. — сощурился [Петро] он.

— Шибко. Ты, гля, как пылить! — удивилась Наталья.

— Штоб такое? Дашка, [по] крикнул Петро [ускакавшей] рысившей впереди жене, — Погоди, вон коннова поглядим!

[Верхов] Комочек упал в лощину и выбрался оттуда увеличенный [в] до [размере] **размеров муравья**. Сквозь пыль просвечивала фигура верхового. Минут через пять стало видно [его] отчетливей. Петро всматривался, положив на поля||

<Л. 10 об.>

18.

соломенной рабочей шляпы грязную ладонь.

[— Ну, и гонит]

— **Так недолго и лошадь запалить**, наметом идет³. — [удивился]

Петро [и] нахмурившись снял с полей шляпы руку. Некое смятение [серой] коснулось его лица и застыло **на развилке** [приподнятые] **приподнятых** [брови]

¹ ППС: «а не лошади, [а] она тянула косилку».

² ППС: «сидела на лошади, по казацки».

³ ППС: «Наметом идет, так недолго и лошадь запалить».

бровей. Теперь уже ясно [видно] **виден** [было] **был** верховой. Он шел [к] броским наметом, [левую] **левой** рукой придерживал фуражку, [и над] в [руке] **правой** вяло вился запыленный красный флажок.

Он проскакал мимо [и] съехавшего со шляха Петра, [на] так близко, что [слышно] **слышен** был [тяжкий] **гулкий** хрип **коня** вдыхавшего в легкие [го] раскаленный воздух, [он] крикнул, оскалив квадратный серо-каменный рот:

— [Мобилизация!...] [В] Сполах!

На след, оставленный в пыли подковой его коня, упал кусок желтоватого пенного мыла. Петро [тупо глянул вслед] **проводил глазами** [конному] **конного**. Одно осталось у него в памяти: тяжкий хрип полузагнанного коня и, когда глянул вслед ему, круп, мокрый, [отливающийся глянцем] **неумолимо сверкающий стальным лезвием**.

Не осознав еще окончательно [свалившегося] **подступавшего** [нес] [внезапно] несчастья Петро¹ тупо оглядел **трепещущий в пыли кусок мыла, сползшую к хутору волнистым скатом** степь. Со всех концов, по желтым скошенным кулигам хлеба скакали к хутору [конные] **казаки**. По степи, до самого желтеющего [края] в дымчатой непрогляди бугра, вздували комочки пыли [скакавшие конные] **всадники**, а там, где [выбрались] **выбравшись** [они] на шлях **скакали** [они] **толпою**, тянулся к хутору серый [подол] **хвостыще** пыли. Казаки, [в] числившиеся на военной службе, бросали [в степи] работу, выпрягали из косилок лошадей, [знали] **мчались** в хутор. Петро видел, как Христоня выпряг из арбы своего гвардейца-коня и [но] ударился наметом, [но] раскорячивая длинные ноги, оглядываясь на Петра.

— Чево-ж это? — охнула Наталья испуганно плясь на Петра, и взгляд ее, взгляд зайца под прицелом, встряхнул Петра. Он подскакал к стану, прыгнув на ходу с лошади напялил скинутые в разгаре работы шаровары и махнув отцу рукой растаял в таком-же [комке] **облачке** пыли, как и те, что серыми [кострами] **текучими веснушками** расцветили истлевавшую в зное степь.

[4.] [5] {4.}

На площади серая [густая] **густела** толпа. В рядах — лошади, казачья справа, мундиры с разными номерами [на] погон. [Как] [Гусаками в толпе мелкорослой] На голову выше армейцев-казаков, как голландские гуси² среди мелкорослой домашней птицы, похаживали в голубых фуражках атаманцы³.

Кабак закрыт. Военный пристав хмур и озабочен. Над плетнями по улицам празднично одетые бабы. Одно слово в разноликой толпе: «Мобилизация». Пьяные разгоряченные лица. Тревога передается||

¹ ППС: «Петро не осознав еще окончательно [свалившегося] подступавшего [нес] [внезапно] несчастья».

² ППС: «гуси голландские».

³ ППС: «похаживали в голубых фуражках атаманцы, как гуси голландские среди мелкорослой домашней птицы».

<Л. 11>

19.

лошадям, визг и драка, гневное ржанье. Над площадью [пыль] низко повисшая пыль, по площади порожние бутылки казенки, бумажки дешевых конфет.

Петро в поводу вел заседланного коня. Около ограды, здоровенный черный атаманец, застегивая необъятные синие шаровары, шерит в белозубой улыбке¹ рот, возле него [баба низенькая] серенькой перепелкой чечекает низкорослая казачка, жена-ли, любушка-ли.

— Я [тибе] тебе за эту курву чертей всыплю! — **обещает** казачка. Она пьяна, в распотлаченных космах подсолнуховая [ше] лузга, развязаны концы расписного полушалка. Атаманец [затягивает] **затягивая** пояс, [приседая] **приседает** [на ногах], [улыбаясь] **улыбается**; под морщиненым морем шаровар годовалый телок пройдет не зацепится.

— [Ты гляди, Машка] Не наскакивай, Машка!

— Кобель проклятый! Бабник!

— Ну дык штож?

— Их гляделки твои бесстыжие!

А рядом вахмистр в рыжей оправе бороды **спорит** с [казаком] **батареицем**.

— Ничего не будет. Постоим сутки и во свояси.

— А, ну, как война?

— Тю, мил-друг! Супротив нас какая держава на ногах устоит?

[— Астрицк] Рядом **в кураготе** бессвязный скачущий разговор. Немолодой красивый казак горячится.

— Нам до них дела нету! Они пушай воюют, а у нас хлеба не убратые!

— Это бяда-а-а! Гля миру согнали, а ить ноне день год кормит.

— Потравят копны скотиной.

— У нас уж ячмень зачали косить.

— Астрицково царя, стал-быть, стукнули?

— Наследника.

— Станишник, какова полка?

— Эй, односум, забогател мать твою черт!

— Га, Стешка, ты откель?

— Атаман гутарил, дескать, на всякий случай согнали.

— Ну, казачество, дяржися!

— Ишо-б годок погодить им, вышел-ба я из третьей очереди.

— А ты, дед, зачем? Аль не [отб] отломал службу?

— Как зачнуть народ крошить и до дедов [доберутца] **доберутся**.

— Монопольку закрыли, греби их разгреби.

— Эх, ты, свистюля! У Марфутки хучь боченок можно купить.

Комиссия [нем] начала осмотр. В правление трое казаков провели пьяного окривяного казака. Откидываясь назад он рвал на себе рубаху, [и] закатывая калмыцкие глаза хрипел:

— Я их мужиков так их перетак в кррровь! Знай донскова казачка!!

¹ ППС: «в белозубой улыбке шерит».

<Л. 11 об.>

20.

Кругом сторонясь одобрительно посмеивались, **сочувствовали**.

— Крой их!

— За што ево сбатовали?

— Мужика какова-то изватлал.

— Их следоват.

— Мы им ишо врежем!

— Я, браток, в 905 годе [в] **на** усмирении был. То-то смеху!

— Война будет — нас опять на усмиренья будут гонять.

— Будя! Пушай вольных нанимают. Полиция пушай, а нам, кубыть, и совестно.

На прилавке моховского магазина давка, толкотня. [Виктора Конст] К хозяевам пристал подвыпивший Томилин Иван. Его увещевал разводя руками сам Сергей Платонович, [Цаца] компаньон его Виктор Константинович Цаца пятился к дверям.

— Ну, [что] **что** это такое... Цестное слово, Это бесцинство! Мальчик, сбегай к атаману!

Томилин вытирая о шаровары потные ладони **грудью** пер на нахмуренного Сергея Платоновича.

— [Да] Прижал с векселем, гад, а теперя робеешь? То-то! И морду побью, ищи с [мине] **меня**. Загребил наши казацкие права. Эх, ты, сучье вымя! Гад!

Хуторской атаман лил масло радостных слов толпившимся вокруг него казакам:

— Война? Нет, не будет. Их благородие военный пристав говорили, што это для наглядности. Могете быть спокойными.

— Добришша! Как возвернусь домой — зараз-же на́ поля.

— Ды ить дело стоит!

— Скажи на милость, што начальство думает? У [мине] **меня** ить боле ста десятин посеvu.

— Тимошка, перкажи [с *своими*] **нашим**, мол, завтра [вернемси] **вернемся**.

— Никак афишку читают? Айда туда.

Площадь гомонила до поздна.

Через четыре дня красные составы увозили казаков **с полками и батареями** к русско-австрийской границе.

Война.

В приклетях у кормушек конский сап и смачный [хруст сена] **запах навоза**. [В вагон] В вагонах те-же разговоры, [В] [Не] [Перекипающее] [песни] песни, чаще всего:

«Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв монарха он».

На станциях любопытствующее-благоговейные||

<Л. 12>

21.

взгляды, шупающие казачьи лампасы на шароварах, лица, еще не смывшие рабочий густой загар.

Война. [Война]

[Газетный] Газеты [захлебывающийся] захлебывающиеся [вой] воем.

На станциях [казакам] казачьим эшелонам женщины махали платочками, улыбались, бросали папиросы и сладости. Лишь за не доезжая Воронежа в вагон, где парился с остальными [тр] [соро] тридцатью казаками Петро Мелехов, взглянул пьяненький старичок-железнодорожник, спросил повода тоненьким носиком:

— Едете?

— Садись с нами, дед. — за всех ответил один.

— Милая ты моя... говядинка. — и долго укоризненно качал головой.

[5.] [6] {5.}

В последних числах июня полк выступил на маневры. По распоряжению штаба дивизии полк походным порядком прошел до города Ровно, в окрестностях его развертывались две [пехотных] пехотные дивизии и части конной. Четвертая сотня стала постоем в деревне Владиславке.

Недели через две, когда сотня измученная длительным маневрированием расположилась в местечке Заборонь, из штаба полка прискакал сотенный командир подъесаул Полковников. Григорий с казаками своего взвода отлеживался в палатке. Он видел, как по [узкой] узкому руслу [улице] улицы на взмыленном коне проскакал подъесаул.

Во дворе зашевелились казаки.

— Либо опять выступать? — высказал предположение Прохор Зыков и выжидающе прислушался.

Взводный урядник воткнул в подкладку [на] фуражки иглу (он зашивал прохудившиеся шаровары).

— Неиначе выступать.

— Не дадут и отдохнуть, черти!

— Вахмистр гутарил, што бригадный командир наедет.

— Та-та-та-три-три-та-ти-та!.. — кинул Трубач тревогу. Казаки повскакивали.

— Куда кисет запропастил! — заметался Прохор.

— Се-е-едлать!

— Пропади он твой кисет! — на бегу крикнул Григорий.

Во двор вбежал вахмистр. [Он] Придерживая рукой шашку протрусил к коновязи. Лошадей оседлали в положенный по уставу срок. Григорий рвал приколы палатки, ему успел [шепнул] шепнуть урядник.

— Война, парень!

— Брешешь?

— И вот [*тебе*] тебе бог, вахмистр соопчил!

Сорвали палатки. На улице строилась сотня. Командир **сотни** на разгоряченном коне вертелся перед строем.

— Взводными колоннами... — повис над рядами его||

<Л. 12 об.>

22.

зычный голос.

Закокотали копыта лошадей. Сотня на рысях вышла из местечка на тракт.

От деревни Куستنъ [*быстрым*] переменным аллюром шли к полустанку первая и пятая сотни.

День спустя полк¹ выгрузился на станции Вербы в 35 верстах от границы. За станционными березками занималась заря. Погожее обещалось быть утро. На путях погромыхивал паровоз. Блестели отлакированные росой рельсы. По подмостям храпя сходили из вагонов лошади. За водокачкой переключка голосов, басовитая команда.

Казаки четвертой сотни в поводу выводили лошадей [*за станцию*] за **переезд**. В сиреновой рыхлой темноте вязкие плавали голоса. Мутно синели лица, контуры лошадей рассасывались в невиди.

— Какая сотня?

— А ты чей такой прибудился?

— Я тебе дам, подлец! Как с офицером раз-го-ва-рившь <sic>?

— Виноват, ваше благородие... Обознался.

— Проезжай, проезжай!

— Чево разлопушился-то? Паровоз вон идет, двигай!

— Вахмистр, где у тебя третий взвод?

— Со-о-отняаа, подтянись!

А в [*рядах*] {**колонне**} тихо, вполголоса: — Подтянись, едрена Матрена, две ночи не спамши.

— Семка, дай потянуть, с вечеру не курил.

— Жеребца потяни...

— Чумбур перегрыз, дьяволюка.

— А мой на передок расковался...

Четвертой сотне перегородила дорогу [*растянувшаяся*] свернувшая в сторону другая сотня. В синеватой белеси неба четко вырезались, как нарисованные тушью, силуэты [ко] всадников. Шли по [*шесть*] **четыре** в ряд. Колыхались пики, похожие на оголенные подсолнечные будылья. Изредка звякнет стремя, скрипнет седло.

— Эй, братушки, вы куда-ж эта?

— К куме на крестины.

— Га-га-га-га.

— Молчать! Что за разговоры?

¹ ППС: «Полк день спустя».

Прохор Зыков обнимая ладонью окованную луку седла всматривался в лицо [Мелехова] Григория, говорил шепотом:

— Ты, Мелехов, не робеешь?

— А чево робеть-то?

— Как же... Ныне может в бой пойдем.

— [Ты думал] [И] И пушай.

— А я вот робею, — сознавался Прохор и нервно перебирал пальцами скользкие от росы поводья, — Всею ночь в вагоне не спал... Нету сну, хучь убей.

Голова сотни качнулась и поползла, движение передалось третьему взводу, мерно [за] пошли лошади||

<Л. 13>

23.

колыхнулись и поплыли притороченные к ногам пики. Пустив поводья Григорий¹ дремал. Ему казалось: не конь упруго переступает передними ногами, покачивая его в седле, а он сам идет куда-то по теплой черной дороге и итти необычно легко, подмывающе радостно. Прохор что-то говорил под ухом, [и] голос его мешался с хрустом седла, копытным стуком, не нарушая обволакивающей бездумной дремы.

Шли по проселку. Баюкающая звенела в ушах тишина. [Обросенные] Над дорогой дымились в росе вызревшие овсы. Кони тянулись к низким колосьям вырывая из рук казаков поводья. Ласковый свет заползал Григорию под [веки] набухшие от бессонницы веки глаз, он поднимал голову и слышал все тот же однообразный, как скрип арбы, голос Прохора.

Пробудил его внезапно приплывший из-за далекого овсяного поля густой, перекатистый гул.

— Стреляют! — почти крикнул Прохор.

Страх налил **мутью** его [теляче] **телячи** [-ласк] [добрые] глаза. Григорий поднял голову: перед ним двигалась в такт с конской спиной серая шинель взводного урядника, сбоку млело поле с нескошенными делянами жита, с жаворонком, плясавшим на уровне телеграфного столба. Сотня оживилась, густой орудийный стон прошел по ней электрическим током. Подъесаул Полковников, подхлестнутый стрельбой, повел сотню рысью. [На] За узлом проселочных дорог, сходявшихся у брошенной корчмы, стали попадаться подводы беженцев. Мимо сотни промчался эскадрон нарядных драгун. Ротмистр с русыми баками, на рыжем кровном коне, иронически оглядел казаков и дал коню шпоры. В ложбинке болотистой и топкой застряла гаубичная батарея. Ездовые мордовали лошадей, около суетилась прислуга. Рослый рябой батареец нес от корчмы охапку досок, оторванных, наверное, от забора.

Сотня обогнала пехотный полк. Солдаты со скатанными шинелями шли быстро, солнце отсвечивало в их. [начищенные] **начищенных** [котелки] **котелках** и **стекало** с [жало] **жал** штыков. Ефрейтор последней роты, маленький, но бедовый, кинул в Григория комком грязи.

¹ ППС: «Григорий пустив поводья».

— Лови, в австрийцев кинешь!

— Не дури, кобылка! — [махнул] на лету **рассек** Григорий плетью комок грязи.

— Казачки, везите им от нас поклоны!

— Сами свидитесь.

В головной колонне наяривали похабную песню и толстозадый похожий на бабу солдат шел [к] [сбоку] **сбочь** колонны задом, щелкая ладонями по куцым голенищам. Офицеры посмеивались. Острый душок недалекой опасности сближал их с солдатами, делал [уступчивей] снисходительней.

От корчмы до деревни Горовишук гусеницами ползли пехотные части, обозы, батареи, лазареты.||

<Л. 13 об.>

24.

Чувствовалось смертное дыханье близких боев. Не доходя деревни Берестечко четвертую сотню обогнал командир полка полковник Каледин. С ним рядом ехал [адъютант] **войсковой старшина** [чужог]. Григорий провожая глазами статную фигуру полковника слышал, как [адъютант] **войсковой старшина** волнуясь, говорил ему.

— На трехверстке, Василий Максимович, не обозначена эта деревушка... Мы можем попасть в неловкое положение.

Ответа полковника Григорий не слышал. Догоняя их проскакал адъютант.

Конь его улегал на левую заднюю. Григорий машинально определил добротность адъютантского коня, [мысленно выругался].

В дали под покатым склоном поля, показались халупы деревушки. [Сотня шла] Полк шел переменным аллюром и лошади заметно припотели. Григорий ладонью шупал потемневшую шею своего гнедого, посматривал по сторонам. За деревушкой **зелеными острями** вонзаясь в синеющий купол неба виднелись вершины леса. За лесом [пыхнул] **пых** орудийный гул, теперь он потрясал слух всадников, заставляя настораживаться лошадей, в промежутки чистили ружейные залпы. Далекие таяли за лесом дымки шрапнельных разрывов, ружейные залпы отплывали куда-то правее леса, замирая и усиливаясь.

Григорий остро воспринимал каждый звук, на колки чувств туго навинчивались нервы. Прохор Зыков ерзал в седле, болтал неумолкая.

— Григорий, стреляют похоже, как ребята палкой по частоколу. Верно ить?

— Молчи, ты, балабон!

Сотня подтянулась к деревушке. В дворах кишат солдаты, в хатах суетня {хозяева} **собираются** [выезжают] **выезжать** [хозяева] [жители]. [Всюду лежала печать на] Всюду на лицах жителей лежала печать смятения и растерянности. В одном дворе, Григорий проезжая видел, как солдаты развели огонь под крышей сарая, а хозяин, — высокий седой белорус, — раздавленный гнетом внезапного несчастья, ходил мимо не обращая внимания¹. Григорий видел, как семья его бросала на телегу подушки в красных наволочках, разную рухлядь, а хозяин за-

¹ ППС: «ходил мимо не обращая внимания, раздавленный гнетом внезапного несчастья».

ботливо нес сломанный обод колеса, никому ненужный, пролежавший на погребце, быть-может, десяток лет.

Григорий дивился бестолковости [*людей*] **баб**, тащивших в телеги цветочные горшки, **иконы** и оставлявших в хатах вещи необходимые и ценные. По улице метелицей стлался выпущенный кем-то из перины пух. Воняло пригорелой сажой и погребным затхлым душком. На выезде попался им бежавший навстречу еврей. [*Тонкий*] **Тонкая** словно [*разрезанный*] **разрезаная** шашкой щель его рта разсыплена криком:

— Господин **кóзак!** Господин **кóзак!** Ах, бож-ж-же-ж мой[,]! [*ведь это моя вещь!..*]

Маленький круглоголовый казак ехал рыском, помахивая плетью, не обращая на крик внимания.||

<Л. 14>

25.

— Стой! — крикнул казаку [*офицер*] подъесаул из второй сотни.

Казак пригнулся к луке и нырнул в проулок.

— Стой, мерзавец! Какого полка?

Круглая голова казака припала к конской шее. Он, как на скачках, повел коня бешеным наметом, у высокого забора поднял его на дыбы и ловко перемахнул на ту сторону.

— Тут девятый полк, ваше благородие. Не иначе с ихнево полка. — рапортовал подъесаулу вахмистр.

— Чорт с ним, — поморщился подъесаул и обращаясь к еврею, припавшему к стремю: — Что он у тебя взял?

— Господин офицер... Часы, господин офицер!.. — еврей поворачивал к подъехавшим офицерам красивое рыжеватое лицо, часто моргал глазами.

Есаул отводя ногой стремя тронулся вперед.

— Немцы придут, все равно заберут. — улыбаясь в усы, **отъезжая** проговорил он [*и*].

Еврей растерянно стоял посреди улицы, [*на*] **по** [*лице*] **лицу** его блудила судорога.

— Дорогу, пане-жидове! — строго крикнул командир сотни и замахнулся плетью. Четвертая сотня прошла мимо него в [*дробном*] **дробной** стукотени копыт, в скрипе седел. Казаки насмешливо косились на растерянного еврея, переговаривались.

— Наш брат жив не будет, штоб не слямзить.

— К казаку всяка вещь прилипает.

— Пушай плохо не кладет.

— А ловкач энтот...

— Ишь махнул через забор, как борзой кобель¹.

[*Урядник*] Вахмистр Каргин приотстал от сотни и под смех, [*казаков*] [*тронувший*] прокатившийся по рядам казаков, опустил пику.

¹ ППС: «кобель борзой».

— Беги, жидюга, заколю!..

Еврей испуганно зевнул ртом и побежал. Вахмистр [*сзади*] догнал его, [*и*] сзади рубанул плетью. Григорий видел, как еврей споткнулся и закрывая лицо ладонями повернулся лицом к вахмистру. Сквозь тонкие пальцы его цевкой брызнула кровь.

— За что?.. — рыдающим голосом крикнул он.

Вахмистр масля в улыбке круглые, как казенные пуговицы, коршунячьи глаза ответил отъезжая.

— Не ходи босой, дурак!

За деревней в лощине, поросшей желтыми кувшинками и [*чаканом*] осокой саперы доканчивали просторный мосток. [*Около автомобиля, [ст] глухо суетился*] **Неподалеку стоял гудя и сотрясаясь автомобиль. Около него суетился шофер.** В сиденье откинувшись полулежал толстый седой генерал, с бородкой-эспаньолкой [*и серыми*] и вислыми сумками щек. [*Около него*] **Возле, [него]** держа под козырек, стоял командир 12го полка полковник Каледин и командир саперного батальона. Генерал турсуча рукой ремень полевой сумки гневно выкрикивал адресуясь к саперному офицеру.

— Вам, приказано еще вчера закончить работу! Молчать!||

<Л. 14 об.>

26.

О подвозе **строительного [материалов] материала** вы должны были озаботиться раньше. Молчать! — гремел генерал несмотря на то, что офицер [*не по*] замкнув рот только дрожал губами.

— А теперь как мне проехать на ту сторону?.. Я вас спрашиваю, капитан, как-ак мне проехать?..

Сидевший по левую сторону от генерала молодой черноусый генерал **жег спички** закуривая сигару, [*и молчал*] **улыбаясь.** Саперный капитан, изгинаясь, что-то указывал в сторону моста. Сотня прошла мимо, спустилась над мостом в лощину. Буро-черная грязь¹ выше колен забирала ноги лошадей, сверху с моста сыпались на казаков белые перья сосновых щепок.

В полдень проехали границу. Кони прыгали через поваленный полосатый² пограничный столб. Орудийный гул погромыхивал справа. Вдали краснели черепичные крыши фольварка. Солнце разило землю отвесно падающими лучами. Оседала [*сладкая*] **горькая** тучная пыль. Командир [*сотни*] **полка [отдал распоряжение]** **отдал приказ** выслать головной дозор. Из четвертой сотни выехал третий взвод с взводным офицером сотником Семеновым. Назад в сером мареве пыли остался расчлененный на сотни полк. Отряд в двадцать с лишним казаков поскакал минуя фольварк по изморщенной зачерствелыми колеями дороге.

Сотник отвел разъезд версты на три и остановился, сверяясь с картой. Казаки съехались кучей покурить. Григорий слез было ослабить подпруги, но вахмистр блеснул на него [*круглыми*] глазами:

¹ ППС: «Грязь буро-черная».

² ППС: «полосатый поваленный».

— Я тебе чертей всыплю! На конь!

Сотник закурил, долго протирал вынутый из чехла бинокль. Перед ними [*на равнине*] [*тронутой*] **тронутая** полуденным зноем лежала равнина. Вправо зубчатилась [*каемка*] **каемка** леса, в нее вонзалось отточенное к тому концу жало дороги. Версты полторы от них виднелась деревушка, над ней изрезанный глинистый крутояр речки и стеклянная прохлада воды. Сотник долго смотрел в бинокль, щупал глазами омертвевшие в безлюдьи улицы, но там было пусто, как на кладбище. Манила зазывно голубеющая стёжка воды.

— Надо полагать — Королевка? — указал сотник на деревушку глазами.

Вахмистр подъехал к нему молча. Выражение его лица без слов говорило: «Вам лучше знать. Наше дело маленькое».

— Проедем туда. — нерешительно сказал сотник пряча бинокль и морщась, как от зубной боли.

— Не напоремся на них, ваше благородие?

— Мы осторожно. Ну, трогаем.

Проход Зыков держался поближе к Григорию. Лошади их шли рядом. В опустелую улицу въехали с опаской. Каждое окно сулило расправу, каждая распахнутая дверь сарая вызывала, при взгляде на нее, чувство дикого одиночества и противную дрожь вдоль спинного||

<Л. 15>

27.

хребта. Магнитом притягивало взгляды к заборам и канавам. Въехали хищниками, так в голубую [*мор*] зимнюю ночь появляются около жилья волки, но улицы пустовали. Одурающая гудела тишина. [*В*] **Из** [*раскрытое*] **раскрытого** [*окно*] **окна** [*одно*] **одного дома** послышался наивный бой стенных часов, звук их лопнул выстрелами и Григорий заметил, как сотник, ехавший передом, дрогнул, [*и*] рукой судорожно лапнул кобуру револьвера.

В деревне не было ни одной души. Разъезд вброд переехал речушку, вода подходила [*лошадям*] **лошадям** по пузо, они охотно шли в воду и пили **на ходу** взнуданные, понукаемые всадниками. Григорий жадно всматривался в взмученную воду; **близкая и недоступная** она тянула к себе непреодолимо. Еслиб можно было **он** соскочил-бы с седла, [*и*] лег[-*бы*] не раздеваясь под дремотный перешепот струй, так, чтоб холодом и ознобом ошиновало спину и мокрую от пота грудь.

За деревней с холма виден был город: квадраты кварталов, кирпичные здания, плесы садов, шпиль костелов. Сотник въехал на впалую вершину холма и приставил к глазам бинокль.

— Вон они! — крикнул шевеля пальцами [*правой*] **левой** руки.

Вахмистр, за ним по одному казаки въезжали на выжженную солнцем вершину, всматривались [*в*]. По улицам, крохотные отсюда, сновали люди, прудили переулки обозы, мельтешились конные. Григорий шуря глаза глядел из-под ладони, он различал даже серую чуждую окраску мундиров. Над городом бурели свежее вырытые логова окопов, над ними кишели люди.

— [*Скольки*] **Сколько** их ... — изумленно протянул Проход.

Остальные молчали зажатые в кулаке одного чувства. Григорий прислушивался к учащенному бою сердца (будто кто-то маленький, но тяжелый, там в левой стороне груди делал бег на месте), и сознавал, что владеет им совсем иное чувство, при взгляде на этих чужих людей, [*врагов, не сделавших ему ничего плохого,*] чем то, которое испытывал он на маневрах вида «противника».

Сотник в полевой книжке делал какие-то отметки карандашом. Вахмистр сигнал [*высыпавших*] с холма [*с*] казаков, спешил их и поднялся к сотнику. Он поманил Григория пальцем.

— Мелехов!

— Я.

Григорий взошел на холм разминая затекшие ноги. Сотник подал ему сложенную вчетверо бумажку.

— У тебя лошадь добрей остальных. К командиру полка, наметом.

Григорий спрятал в грудной карман бумагу, [*и*] сошел к лошади, спуская на подбородок ремень фуражки. Сотник глядел ему вслед, выжидал, пока Григорий сел на коня, и кинул взгляд на решетку ручных часов.||

<Л. 15 об.>

28.

Полк подтягивался к Королевке, когда Григорий прискакал с донесением. [*Полковник Каледин*] Полковник Каледин отдал распоряжение адъютанту и тот запылил к первой сотне.

Четвертая сотня текла по Королевке и быстро, как на ученье, развернулась за околицей. От холма с казаками третьего взвода подскочил сотник Семенов. Сотня выравнивала подкову построения. Кони мотали головами, жалил слепень, [*позвякивала*] **позвякивали** [*сбруя*] уздечки. В полуденной тиши немо гудел топот первой сотни, проходившей последние дворы деревни.

Подъесаул Полковников на переплясывающем статном коне выскакал перед строй, туго подбирая поводья провздел руку в темляк. Григорий задерживая дыхание ждал команды. На левом фланге мягко грохотала первая сотня [*строю*] разворачиваясь, готовясь.

Подъесаул вырвал из ножен шашку, клинок блекло сверкнул голубизной. [*Шашка*] **Шашка накренилась вправо,-влево и упала вперед, задержавшись в воздухе повыше сторчмя поднятых ушей коня... «рассыпаться лавой и вперед»** — в уме перевел Григорий немую команду [*шашкой*].

— Со-о-от-ня-а-а-а, [*— застыл тягучий твердый брус команды* —] пики к бою, шашки вон, в атаку марш-марш!.. — обрезал подъесаул команду и [*от*] выпустил коня.

Глухо охнула земля, распятая под множеством копыт. Григорий едва успел опустить пику (он попал в первый ряд), как конь захваченный хлынувшим потоком лошадей рванулся и понес, забирая во всю. Впереди рябил на сером фоне поля подъесаул Полковников. Неудержно [*летела*] **летел** навстречу [*черная*] **черный** клин пахаты. Первая сотня взвыла [*в*] [*трясучем*] **трясучим** колеблющимся криком, крик перенесло к четвертой сотне. Лошади в комок сжимали ноги [*отхватывая*] и пластались кидая назад сажни. Сквозь режущий свист в ушах

Григорий услышал хлопки далеких еще выстрелов. Первая цвинькнула где-то высоко пуля. Тягучий свист их забороздил [ясную] [стеклянистую] **стеклянную** хмарь неба. До боли [жал] прижимал Григорий¹ к боку горячее древко пики. Ладонь потела словно смазанная слизистой жидкостью². Свист перелетавших пуль заставлял его клонить голову к мокрой шее коня, [он чувствовал] **в ноздри ему бил острый запах конского пота** [и не [чувствовал] **слышал собственного биения сердца**]. Как [сквозь] **сквозь** запотевшие стекла бинокля видел бурую гряду окопов, серых людей, бежавших к городу. Пулемет без передышки стлал над головами казаков веером расбегающийся визг пуль. Они рвали впереди и под ногами лошадей ватные хлопья пыли.

Там, в середине грудной клетки Григория, словно одубело то, что до атаки суетливо гоняло кровь, [учащало звон сердца]. [Григорий] **Он** не чувствовал ничего кроме звона в ушах и боли в пальцах левой ноги. Выхолощенная страхом мысль путала в голове тяжелый, застывающий клубок.

Первый упал с коня хорунжий Ляховский. На него||

<Л. 16>

29.

наскакал Прохор. [Гри] Оглянувшись Григорий запечатлел в памяти кусочек виденного: конь Прохора прыгнув через распластанного на земле [Ляхов] хорунжего ощерил губы, [ясн] [врезал] и упал подогнув шею. Прохор слетел с него выбитый из седла толчком. Резцом, как алмазом на стекле, [врезала] **вырезала** память Григория и удержала надолго [бледно] розовые десны Прохорова коня с ощеренными плитами зубов, Прохор упавший [лицом] плашмя, растоптанный копытами скакавшего сзади казака. Он не слышал крика, но понял по лицу Прохора, прижатому к земле, с перекошенным ртом и вылезшими из орбит телячьими глазами, что, крикнул он нечеловечески-[страшно] дико. Падали еще. Казаки падали и кони. Сквозь пленку слез надутых ветром Григорий³ глядел перед собой на серую киповень бежавших от окопов австрийцев.

Сотня, рванувшаяся от деревни стройной лавой, рассыпалась дробясь и ломаясь. Передние, в том числе Григорий, подсказывали к окопам, остальные топотали где-то сзади.

Высокий белобровый австриец с надвинутым на глаза кепи хмурясь, почти в упор выстрелил в Григория с колена⁴. Огонь свинца [опалил] **опалил** Григорию щеку. Он повел пикой натягивая изо всей силы⁵ поводья. Удар настолько был силен, что **пика**, пронизав вскочившего на ноги австрийца, до половины древка вошла в него. Григорий не успел, нанеся удар, [пику] выдернуть [ee] {ee}, и под тяжестью оседавшего тела [австрийца] ронял [пику] [ee], чувствуя на ней трепет и судорги, [пронзенного тела,] видя, как австриец весь переломившись назад (виднелся **лишь** острый небритый клин подбородка), перебирает, **царапает**

¹ ППС: «Григорий до боли прижимал».

² ППС: «словно смазанная слизистой жидкостью, потела».

³ ППС: «Григорий сквозь пленку слез надутых ветром».

⁴ ППС: «выстрелил в Григория с колена, почти в упор».

⁵ ППС: «изо всей силы натягивая».

скрюченными пальцами древко [пики]. [Он] [Григорий] [разжал] разжав пальцы Григорий [вкител] въелся занемевшей рукой¹ в эфес шашки.

Австрийцы бежали [из] в улицы предместья. Над серыми сгустками их мундиров дыбились [конные казаки] **казацьи кони**. [Без] [В диком хрипе, топтались кони, падали люди. Визжала мотая разбитой челюстью лошадь, потерявшая седока.]

В первую минуту после того, как выронил пику, Григорий² сам не зная для чего повернул коня. Ему на глаза попался [кружившийся на коне взноровленном] скакавший мимо него оскаленный вахмистр³. Григорий шашкой плашмя ударил коня. Тот, заломив шею, понес вдоль улицы.

Над железной решеткой сада качаясь, обезпамятев бежал австриец без винтовки, с кепи, зажатым в кулаке. Григорий видел [его плос] нависший сзади затылок **австрийца**, мокрую у шеи строчку воротника. Он догнал его. Распаленный безумием, творившимся||

<Л. 16 об.>

30.

кругом, занес шашку. Австриец бежал над решеткой, Григорию неловко было рубить его с левой руки, но он перевесившись с седла, косо держа шашку, опустил ее на [висок] [темя] **висок** австрийца. Тот без крика прижал {к ране} ладони [к] [вискам] [виску] и разом [стал] **повернулся** к решетке спиной. Не удержав коня Григорий⁴ проскакал, [и] повернув ехал рысью. Квадратное, удлиненное страхом лицо австрийца чугунно чернело. Он по швам держал руки, часто шевелил пепельными губами. С виска его, упавшая на осклизь шашка стесала кожу, [кожа] **она** висела над щекой красным лоскутом. На мундир **кривым** ручьем падала кровь. Григорий встретился с [ним] **австрийцем** [глазами] **взглядом**... На него мертво глядели залитые смертным ужасом глаза. Австриец медленно сгинул колени, в горле у него гудел булькающий хрип. Жмурясь Григорий махнул шашкой. Удар с длинным потягом развалил череп на двое. Австриец упал, топыря руки, словно поскользнувшись, глухо стукнули о камень мостовой половинки черепной коробки. Конь прыгнул, **всхрапнув** [и] отнес Григория на середину улицы.

По улицам перестукивали редующие выстрелы. Мимо Григория вспененая лошадь пронесла мертвого казака. Нога его застряла в стремях, и [конь] **лошадь** несла [его] мотая избитое **оголенное** тело по камням. Григорий [отл] видел только [по] красную [полосу] **струю** лампы, да изорванную зеленую гимнастерку, сбившуюся комом выше головы.

Муть свинцом налила [темя] [голову] {темя}. [Григорий] [Он] {Григорий} слез с коня и замотал головой. Мимо него скакали казаки подоспевшей третьей

¹ ППС: «занемевшей рукой въелся».

² ППС: «Григорий в первую минуту после того, как выронил пику».

³ ППС: «оскаленный вахмистр, скакавший мимо него».

⁴ ППС: «Григорий не удержав коня».

сотни, пронесли на шинели раненого¹, на рысях прогнали² толпу пленных австрийцев. Они бежали скученным серым стадом и безрадостно дик звучал стук их кованных ботинок. Лица их слились в глазах Григория в студенистое глиняного цвета пятно. Он бросил поводья и, сам не зная для чего, подошел к зарубленному им австрийскому солдату. Тот лежал там-же над **игривой** тесьмой решетчатой огорожи, вытянув **грязную** коричневую ладонь, как за подаванием. Григорий глянул ему в лицо. Оно показалось ему маленьким, чуть-ли не детским, несмотря на вислые усы и измученный, — страданием-ли, прежним-ли безрадостным житьем, — покривленный суровый рот.

— Эй, ты! — крикнул проезжая посреди улицы незнакомый казачий офицер. Григорий глянул ему на белую забрызганную пылью кокарду и спотыкаясь пошел к коню. Путанно тяжек [**и горек**] был шаг [**Григория**] его, ровно нес за плечами непосильную тяжесть. Гнусь и недоумение комкали душу. [**Григорий**] Он взял в руки зазубренное стремя и долго не мог поднять [**к стремя**] затяжелевшую ногу.||

<Л. 17>

31.

7

Обычно из верховых станиц Донецкого округа **Еланской, Вешен., Мигул. и Казан.** брали казаков в 11 и 12 армейские **казачьи** полки и в лейб-гвардии атаманск. В 1914 г. часть **призванных на военную службу** казаков Вешенской станицы почему-то [**направили**] **влили** в 3ий донской казачий имени Ермака Тимофеева полк, состоявший сплошь из казаков Усть-Медведицкого округа. В числе остальных попал в **3 полк** и Митька Коршунов. [**Из Меньково-Калитвы эшелонный повел молодых казаков на стан**] Полк [**стоял**] вместе с [**остальными**] **некоторыми** частями 3 кавалерийской дивизии стоял в г. Вильно.

В июне полк выступил из города на лунки^х. Стоял тепло-пасмурный летний день. Текучие облака табунились на небе, застили солнце. Полк **шел** походным порядком [**шел**] [**прошел верст 20**]. Ревел оркестр. Господа-офицеры в летних защитных фуражках и легких кителях ехали толпой. Над ними голубел папиросный дымок. Слышался смех. [**К**] [**Крестьяне**] По сторонам от дороги мужики [**в войлочных шляпах**] и нарядные бабы косили траву. Смотрели из-под ладоней на колонны казаков. Лошади заметно потели. В промежностях копилась желтоватая пена и легкий ветерок, тянувший с юго-востока [**из**] не сушил пота, а еще больше усугублял парную духоту. На полпути [**около**] неподалеку от какой-то деревушки к шестой сотне прибудился жеребенок-стригун. Он вылетел из-за околицы, увидел плотную массу лошадей и игогокнув поскакал наперерез. Хвост его, еще не утратившей ребяческой пушистости, относил на сторону, из-под точеных раковин копыт вспрядывала серыми пузырями пыль и оседала на притолченной зелен-

¹ ППС: «раненого на шинели».

² ППС: «прогнали на рысях».

ке. Он подскакал к головному взводу и дурашливо ткнулся в пах вахмистрову коню. Конь подкинул задок, но ударить не решился, пожалел видно.

— Брысь, дурак! — замахнулся вахмистр плетью.

Казаки засмеялись обрадованные домашним милым видом жеребенка. Тут случилось непредвиденное: жеребенок нахально протиснулся между взводными рядами и взвод раскололся, утратил до этого стройную компактную форму. Лошади, понукаемые казаками, топтались в нерешительности. Жеребенок теснимый ими шел боком и норовил укусить ближнего к нему коня.

х) Лунки — выкормка лошадей на подкожном корму.||

<Л. 17 об.>

32.

— Это что тут такое? — подлетел командир сотни.

В том месте, где затесался несуразный стригун бочились и всхрапывали кони, казаки улыбаясь хлестали его плетями, кишмя кишел расстроенный взвод, а сзади напирала сотня и сбочь дороги скакал от хвоста сотни разъяренный взводный офицер.

— Что такое? — громыхнул командир сотни направляя коня в середину гушины.

— Жеребенок вот...

— Влез промеж нас.

— Не выгонишь дьяволенка.

— Да ты ево плетью! Чево жалеешь?

Казаки виновато улыбались, натягивали поводья, удерживая горячившихся лошадей.

— Вахмистр! Господин сотник, что это за черт? Приведите свой взвод в порядок!.. Еще этого не доставало!..

Командир сотни отскакал в сторону, лошадь его оступилась и сорвалась задними ногами в придорожную канаву. Он дал ей шпоры и выскочил на ту сторону канавы, на вал заросший лебедой и **желтопенной** ромашкой. Вдали остановилась группа офицеров. Войсковой старшина запрокинув голову тянул из фляжки и рука его отечески-ласково лежала на нарядной окованной луке.

Вахмистр разбил взвод и сквернословя выгнал жеребенка [на] за дорогу. Взвод сомкнулся. Полтора ста пар глаз глядели, как вахмистр привстав на стременах скакал за жеребенком, а тот останавливаясь то прислонялся грязным от присохшей коры помета боком к вахмистрову трехвершковому коню; то снова улепетывал настобурчив хвост и вахмистр никак не мог его достать плетью по спине, а все попадал по метелке хвоста; хвост опускался сбитый плетью и через секунду опять его лихо относил ветром.

Смеялась вся сотня. Смеялись офицеры. Даже на угрюмом лице [командира] есаула [Лопо] появилось **кривое** подобие улыбки.

В третьем ряду головного взвода ехал Митька Коршунов с Иванковым Михайлом казаком с хутора Каргина Вешенской станицы и усть-хоперцем Козьмой Крючковым. Мордатый широкий в плечах Иванков молчал; Крючков, по прозвищу||

<Л. 18>

33.

верблюду, чуть рябоватый сутулый казак, придирался к Митьке. Крючков был «старым» казаком, т.е. [отслу] дослуживавшим последний год [действительную] **действительной**, и по неписанным законам полка имел право, как и всякий «старый» казак, гонять молодых, вымуштровывать. За всякую провинность и пустяковину мог ввалить молодому казаку пряжек. Было установлено так: провинившемуся казаку призыва 13го года — 13 пряжек; 14го года — 14. Молодые держались в трепете и послушании. Вахмистры, даже офицеры поощряли такой порядок считая, что этим внедряется в казака понятие о почитании старших не только по чину, но и по возрасту.

[Крючков] Крючков недавно получивший нашивку приказного сидел в седле сутулясь, по птичьим горбатым вислым плечам. Он шурился на серое грудастое облако, спрашивал у Митьки подражая голосом ломовитому командиру сотни есаулу Попову:

— Э скэжи мне, Кэршунов, кэк звэть нэшего [эсэула] кэмэндиря сотни?

Митька, не раз пробовавший пряжек за свою строптивость и непокрный характер натянул на лицо почтительное выражение.

— Есаул Попов, господин старый казак.

— Кэк?

— Есаул Попов, господин старый казак.

— Я не прэ это спрэшиваю. Ты мне скэжи кэк его кличут прэмеж нэс кээзков?

Иванков опасно подмигнул Митьке, вывернул в улыбке трегубый рот. Митька обернулся и увидел подъезжавшего сзади есаула Попова.

— Ну? Этвечай! — шурился Крючков.

— Есаул Попов. Звать их, господин старый казак.

— [Т] Четырнадцэть прэжек. Гэвэри, гад!

— Не знаю, господин старый казак.

— А вот приедем на лунки, — заговорил Крючков подлинным голосом, — я тебе всыплю, гребут твою мать! Отвечай — когда спрашивают.

— Не знаю.

— Што-ж, ты, сволочуга, не знаешь, как ево дражниют?

Митька слышал сзади осторожный **воровской** шаг есаульского коня. Молчал.

— Ну? — зло сощурился Крючков. Сзади в рядах сдержанно захохотали.||

<Л. 18 об.>

34.

Крючков не понимая над чем смеются, относя этот смех на свой счет вспыхнул.

— Коршунов, ей-[богу] **бога** — ну придем — полсотни пряжек вварю!

Митька повел плечами, решил.

— Черногуз.

— Ну — то и оно.

Крю-ю-учко-ов! — окликнули сзади.

Господин старый казак подпрянул на седле и вытянулся в [струну] жилу.

1925 год.

~~Шиний Дом~~

Осень.

~~роман~~
~~Часть первая~~

I.

Просылаясь слезы изнекта-Зеленое ^{серебряной} похотную мест-
 ву орешника Солнечная ^{лучи} ^{золотистая} рывого ^{пест-}
 ниль земля. В лесу, ^{от} ^{устья} прохлада. Крепко и
 хмельно пахло надвигающейся осенью, Листом - падающим,
 и вливающим острым и тошнивым запахом мертвой травы.
 За тойто, за Зеленой непролазно Альбанника, возле
 шоссе, убегавшей к местечку Извалог, с переводом
 работал немужский кулачет. В промежутки редкостно
 грабачили винтовочные залпы.

Абрам поглядел на коня звякнувшего стрелами и снова
 присел к Куету. Земля под кознями упрело вилкалась,
 после недавнего дождя била ^{онем} ^{железа} и похлуща, озми-
 лые ^{мелотья} ^{шпильники} приятном Холодном цекатам
 ладоны рук, крепко вцепившихся в ветку. Косо изог-
 нув левую дрове, оцурив зубы по висящим серпим
 усиками, Абрам до тех пор ^{глядя} в Куету, на
 противоположной стороне поляны, пока на сенях,
 по ^{шагающему} ^{воткнуток} ^{блках} его Глаз не блеснул
 от напряжения слезы. Бстрри и опавше ^{взнул} на
 коня, ^{оставшего} в ложишке, саченях в девяти от
 него, и снова ^{царившей} ^{страшило} ^{это} ^{многую} Глазми по кан-
 равляно к Куету на той стороне поляны.

Кует разросся широко и буйно. От подножия опутал
 его дикий Хмель, а ^{на} ^{вершине} ^{примудливой} ^{двухней}
^{члнкоздиной} ^{попикае}, ^{много} ^{делле} ^{сроздас} ^{девяней}
 кашки, ^{протяннутой} ^{ветку} от родителю ствола. Как
 ни старался Абрам, - ничего не мог разглядеть. На
 одню ^{неговезиве} он ^{даже} ^{подумал} ^{что} ^{рука} с ^{крас-}
^{ной} ^{капитон} на ^{обилале} ^{серого} ^{муддиря}, ^{протянну-}
^{тасая} ^{виз} ^{за} ^{Куета} ^{за} ^{Фисолитовой} ^{Эподхой} ^{сметыки}
^{блну} ^{привиделась}, но Кует ^{варил} ^{явственно} ^{шербель-}
^{мудель}. Шербельнул и ^{стали}. Будто ветер а ^{раздвину}
^{капну} его ^{плеча} и ^{стал} в ^{стороне} ^{Любдес}, как
^{сутьливо} ^{кивает} ^{на} ^{руку} ^{Куети} ^{девяней} ^{кашки}.

Конь в ложишке заржал забиваето и звонко. Абрама
 пронизала дрожь... Кует, ^{покротит} ^{сверху} ^{двухней}
^{кашикой} ^{протнул}, как от удара, и с ^{той} ^{стороне} ^{пру-}
^{жинист} ^{вскочил} ^{немужский} ^{солдат}. Изогнувшись, вод-
 рав ^{голову} в ^{плети} он ^{пару} ^{секунд} ^{отглядывал} ^{лес},
 Абрам ^{увидел} его ^{измазанное} ^{серое} ^{брюхо}, ^{короткие}
^{голенница} ^{сапог}, ^{Куетку} ^{незастеленную} ^{сверху},
^{увидел} ^{отвисшую} ^{шею} ^{покротит} ^{Медно} ^{двухней}
^{цветалкой}, ^{серый} ^{путь}. Абрам ^{слезка} ^{лиць} ^{повел} ^{стволо}

Черновой автограф раннего варианта начала романа

Тихий Дон.
роман.

"Не сохрани-то слабая заморшка наша распахана
распахана наша заморшка Пошадиномли Копотами,
А засеяна слабая Ямлошка Казауками Волбали,
Украшен-то наш Тихий Дон Пододолми Бобали,
Цветен наш баттышка Тихий Дон - сиротали,
Наполнена Волга в Тихом Дону отувекими, ма-
териженими слезали..."

"Ой то, как баттышка, Тихий Дон!
Ой, что-то, то, Тихий Дон мушкежик тежаш?
- Ах, как мне, тиму Дону, не мутилу теги!
Со дна тенья, тиска Волга, студено Котом Бзот,
посеред тенья, тиска Волга, была радница мутилу."
(старинная казальса песни.)

Чаеть публ.

1.

Мелеховский двор на самом краю хутора. Ворота с скотине-
его база ведут к Дону, крутой восьмисаженный спуск
и - вода. Над берегом заливившие в прозеленых горах леса,
топкая галка, россыпь перламутровой ракушек и
перекатывае под ветром борозенной рябью струей Дона.
На восток за чирком обнесенной ^{проезжей} крепостной оловали плет-
нями, - лет наискон шлея, положая, истоптанной колесами
Копотами бурьян шевушо подорожник, ~~обширными~~ са-
совинка на развилке, за ней задрнутая текущая
наревом степь.

С юга меловая гребтина горы, на запад-улицца проли-
забава ~~за~~ площадь вталкиется в залививше.

В последнюю турецкую кампанию вернувшись в хутор
казак Мелехов прокодил. Из турецкого привел от тенья,
маленькую закутанную в шаль менушину. Она ^{проданная}
мало редко показавая тоскующие одичавшие глаза.
Натяла шаловая шаль далекими Кебедами Завока-
ли, узорные радужные разводы ее питали бабью
зависеть. Плетная турбанка ^{проданная} и не показыва-
ла лица домашней Прокодия. Старик Мелехов вскоре
отдался сына и не ходил в его курень до смерти не
забавая себя.

Прокодий обстроня ^{скоро} ^{2.} ^{курень} ^{1.} срубил ^{плотников}
сам припродил базис ^{скотина} и к осени увел туда на
новое хозяйство слободенную икозатку тенья. Шел с ней
по ^{аллею} хутору - восточном на улицу все от тала - до велика.
Казани сдвигатто появлялись в бородах, голосистые пере-
кликались бабо, Ныютая ода, казаят утратокала
прокодилу велед; но от распянуо ^{скотина}, с ^{георгиевской}
~~детной~~ на берегу, ~~вмудра~~ широтне ~~вслезе~~ ~~проез~~ шель
медленно, как по накатной бороде, сжиная в небытном
тепной ладоши хрупкую кисть тенья, ^{уши} закутанной ^{одеждой}

- 8.
- от соломенной шляпы, Загоревши руками она
 прижимала к груди горьких шальных водных кувши
 шок.
- Коршунов! — ^{закивала} ~~показала~~ она головой увидев Митю,
 — Обманул меня?
- Как так обманул?
- А потышишь пообедаешь съешь со мной раба-литы?
 боярский спросил бабаки и разогнул спину.
 Похра с разлета влезла носом на затылок ^и ~~спину~~
 прибрежиста мед.
- Потышишь? — смеялась Катя под высканивая 43
 подка.
- Невольно было работа. — оправдывался Митюка
 и с переваженном дыханием вступил за подготовле-
 шен к нему девушкой.
- Нет! Это невольничко!.. Я, невольница Сергеевна,
 отквашивалась. Вот вам холмун и дула, и я вам
 больше не смела. Подумайте сколько ма цско-
 леели по этой прохлметой воде. У меня крово-
 вое мозоли от бабаек. то-м дело латерик!
 боярский твердо ступил на колотую крышку
 пера. ^{брызнула} ~~брызнула~~ босом ступил и вотчер пот со
 лба. ^{брызнула} ~~брызнула~~ студенческой дурашник. Миза
 не отбегала ему, подошла к Митюке. Тот кну-
 тило пожал протянул ему руку.
- Когда же поедат раба-литы. — спросила заборки-
 двоява голову, и цуур глаза.
- Кучь завтра. Обмолотились; теперича молчно.
- А парешь?!
- Сроду нет.
- Рабо забдешь?
- до света.
- буду и даясь.
- Приду. в-догу приду.
- Не забол в какое окно стукать?
- Кабду. — умолилась Митюка
- Я, наверное, скоро уеду, поэтому ~~когда-то~~ ^{когда-то} ~~в~~
 ба-литы.
- Митюка молча вертел в руке заржавленную
 клячу от баркаса и смотрел ст в небо.
- Скоро? — спросил боярский распахнувшись на
 ладони узору ракушину.
- Сейчас поедат. Она помотала и келу-то
 чабалась ~~скачала~~. ~~А я думала, что ты~~
- Непадет. Везде у вас какая-то свадьба бала?
- Сестру выдадут. не но?
- А ~~тебя~~ ^{но?} ~~скоро жених~~? — и не дожидаясь отбети
 умолилась непоточно и коротко. — Приходи же.

20.11.

Небольшая, в сафьяновом, убета под дуб, презент за-
писка Книсица. Угла потерта и заломлена, долго
носила хозяин в Кармане. ~~Первая листок~~ ~~была~~ ~~вырвана~~,
на ~~второй~~ ~~листе~~ ~~Книсица~~ ~~Кармане~~ ~~Книсица~~ ~~в~~ ~~дубе~~.
и Москва. ~~Книсица~~, ~~долгий~~ ~~перуны~~. ~~Дом~~ ~~N=20~~
и ~~ниже~~: ~~Листок~~ ~~исписан~~ ~~узавантом~~ ~~Косов~~ ~~погорком~~.

С некоторого времени являлся вот эта потребность
общения с бумагой. Хочу вести подобие истинного
"дневника": прежде всего о ней: в декабре, исполнилось
какого числа, ~~меня~~ ~~познакомили~~ ~~с~~ ~~ней~~ ~~ее~~ ~~земляк~~
Студент ~~Владимир~~ ~~Михайлович~~ ~~Михайлович~~, ~~Болгаркин~~.
Я ~~столкнулся~~ ~~с~~ ~~ней~~ ~~у~~ ~~входа~~ ~~в~~ ~~Киевский~~ ~~университет~~
~~Михайлович~~ ~~Болгаркин~~ ~~знаком~~ ~~как~~ ~~говорил~~: "Эта
сталинка, ~~Беленская~~. ~~та~~, ~~Милова~~, ~~Тоби~~ ~~ее~~ ~~и~~
~~Малый~~. ~~Миза~~ - ~~от~~ ~~мужика~~ ~~девушка~~". ~~Понял~~ ~~я~~, ~~что-то~~
изрек ~~келье~~ ~~раздалное~~ ~~и~~ ~~подержал~~ ~~в~~ ~~руке~~ ~~ее~~ ~~мягкую~~
~~потную~~ ~~ладонь~~, ~~так~~ ~~качался~~ ~~мое~~ ~~звонком~~ ~~и~~
~~Михайлович~~ ~~Беленской~~. ~~То~~ ~~ока~~ ~~испорченая~~ ~~девушка~~, ~~и~~
~~поял~~ ~~с~~ ~~первого~~ ~~взгляда~~, ~~у~~ ~~таких~~ ~~Меню~~ ~~глаза~~ ~~говорит~~
~~Большая~~ ~~там~~ ~~следует~~. ~~Она~~ ~~на~~ ~~меня~~ ~~привела~~, ~~приняла~~,
~~сам~~ ~~себя~~, ~~каждое~~ ~~впечатление~~: ~~Прежде~~ ~~всего~~ ~~эта~~
~~тепла~~, ~~потная~~ ~~ладонь~~, ~~я~~ ~~никогда~~ ~~не~~ ~~встретил~~ ~~ничего~~
~~и~~ ~~Моей~~ ~~потной~~ ~~так~~ ~~руки~~; ~~потом~~ - ~~глаза~~, ~~блестя~~ ~~фа-~~
~~сывые~~ ~~глаза~~ ~~стали~~ ~~офевом~~ ~~оптением~~, ~~но~~ ~~в~~ ~~то-то~~
~~время~~, ~~потом~~ ~~ее~~ ~~взгляд~~, ~~вначале~~, ~~являясь~~ ~~и~~ ~~меня~~
~~непреодолимое~~ ~~шестик~~ ~~сжатие~~ ~~с~~ ~~сердцем~~; ~~но~~
~~казалось~~, ~~что~~ ~~остановил~~ ~~на~~ ~~лице~~ ~~посты~~ ~~лица~~ ~~от~~
~~дошная~~ ~~ее~~ ~~офевом~~ ~~глазами~~.

Явил Вася, ~~я~~ ~~сознательно~~ ~~решено~~ ~~слово~~, ~~предлежу~~
~~даже~~ ~~к~~ ~~офевом~~, ~~с~~ ~~тем~~, ~~что-то~~ ~~в~~ ~~свое~~ ~~время~~, ~~ко-~~
~~гда~~ ~~сей~~ ~~"дневник"~~ ~~попадет~~ ~~к~~ ~~тебе~~ ~~в~~ ~~Семин~~ ~~ла-~~
~~тинек~~. (Есть такая мысль, но ~~офевом~~ ~~любви~~
~~интриги~~, ~~которую~~ ~~завел~~ ~~я~~ ~~с~~ ~~Беленской~~ ~~Михайлович~~, ~~не-~~
~~слать~~ ~~тебе~~ ~~его~~. ~~Потому~~, ~~что~~ ~~также~~ ~~этого~~ ~~докумен-~~
~~та~~ ~~достовит~~ ~~тебе~~ ~~не~~ ~~такое~~ ~~удовольствие~~), ~~то~~ ~~и~~ ~~и~~
~~да~~ ~~точное~~ ~~представление~~ ~~о~~ ~~происходящем~~. ~~Буду~~ ~~от-~~
~~савать~~ ~~в~~ ~~Кфологическом~~ ~~порядке~~. ~~Так~~ ~~вот~~, ~~ко~~ ~~ко-~~
~~комил~~ ~~я~~ ~~и~~ ~~ней~~ ~~и~~ ~~втроем~~ ~~пойти~~ ~~на~~ ~~е~~ ~~е~~ ~~е~~
~~какую-то~~ ~~сенти~~ ~~ментальную~~ ~~кисе-цию~~.
~~Болгаркин~~ ~~Михайлович~~ (у него ~~было~~ ~~"кутний"~~ ~~как~~ ~~от~~
~~важней~~ ~~зуб~~), ~~а~~ ~~я~~ ~~от~~ ~~его~~ ~~было~~ ~~в~~ ~~разговор~~. ~~Мы~~
~~оказались~~ ~~в~~ ~~земляками~~, ~~т.е.~~ ~~соседями~~ ~~по~~ ~~ста-~~
~~ницам~~, ~~и~~ ~~перо~~ ~~об~~ ~~общем~~ ~~воспоминании~~ ~~о~~ ~~красоте~~
~~этот~~ ~~пел~~ ~~не~~ ~~и~~ ~~пр.~~ ~~и~~ ~~пр.~~ ~~умолчим~~. ~~Я~~, ~~если~~
~~точно~~ ~~так~~ ~~выразился~~, ~~Кефилу~~ ~~делю~~ ~~Михайлович~~,
~~ока~~ ~~не~~ ~~испытывала~~ ~~ни~~ ~~малейшей~~ ~~псевдобоя~~ ~~от~~
~~того~~, ~~что~~ ~~исселяли~~ ~~мы~~ ~~разговор~~.
~~Я~~ ~~узнал~~ ~~от~~ ~~нее~~, ~~что~~ ~~ока~~ ~~Медика~~ ~~второго~~ ~~курса~~,
~~но~~ ~~происхождение~~ ~~купчиха~~ ~~и~~ ~~от~~ ~~его~~ ~~любви~~ ~~Крепкий~~
~~чай~~ ~~и~~ ~~апполовский~~ ~~табак~~. ~~Как~~ ~~видишь~~, ~~это~~ ~~убо~~ ~~е~~
~~сведения~~ ~~для~~ ~~позна~~ ~~ние~~ ~~для~~ ~~с~~ ~~офевом~~ ~~не~~ ~~важны~~.

Черновой автограф третьей части романа. Фрагмент

— Ты, чтэ-ж это, мерзвец здесь выдумываешь? — заговорил есаул Попов ровняя свою лошадь с лошадыю Крючкова. — Ты чему-ж это учишь молодого казака? А?..

Крючков моргал прижмуренными глазами. Щеки его заливал¹ [густо] **гуща** [бордовый] **бордового** [румянец] **румянца**. Сзади похохатывали.

— Я кэго в прэшлом гэду учил? Об чью мэрдэ этот нэготь слэмал? — есаул протянул к носу Крючкова длинный заостренный ноготь мизинца и пошевелил усами.

— Чтэб я больше этого не слэшал. Пэнимаешь, брэтец, ты мой?

— Так точно. Понимаю², ваше благородие.

Есаул отъехал и придержал коня. [Сотня шла] **пропуская сотню**. Четвертая и пятая сотни двинулись рысью.

— Сэтня, рысь возьми!

Крючков поправляя погонный ремень оглянулся на отставшего есаула и выравнивая пику [балмошно] **взбалмошно** махнул головой.

— Вот растуды ево с черногузом. Откель он взялся?

Иванков весь потный от смеха отдуваясь рассказывал.

— Он давишь едет позади [тебя] нас. Он все слыхал. Как учуял про што разговор.

— Ты-б хоть мигнул, дура!

— А мне-то нужно.

— Не нужно? Ага Четырнадцать пряжек по голой!

8.

Сотни разбились по окрестным помещичьим [ул] усадьбам. Днем косили помещикам клевер и луговую траву, ночью на отведенных участках пасли стреноженных лошадей, при [дымном] **дымке** [свете] костров поигрывали в карты, рассказывали сказки, [пели старинные и новые песни] **дурили**. Шестая сотня батрачила у крупного польского помещика Шнейдера. Офицеры жили во флигеле, играли в карты, пьянствовали и **скопом** пытались ухаживать за дочкой помещика. Казаки||

<Л. 19>

35.

основались в поле, в трех верстах от усадьбы. По уграм к ним приезжал на беговых дрожках пан-управляющий. Толстый почтенный шляхтич вставал с **дрожек** разминая затекшие жирные ноги и неизменно приветствовал «козаков» помахиваньем белого с лакированным козырьком картуза.

— Иди с нами косить, пан!

— Жир иди растряси трошки.

¹ Провка не завершена, надо «заливала».

² ППС: «Понимаю. Так точно».

— На косу, а то паралик захлестнет! — кричали из [белых] белорубашных шеренг казаков.

Пан очень хладнокровно улыбался, вытирал каемчатым платком закатную ровность лысины и шел с вахмистром отводить новые участки покоса. В полдень приезжала кухня. Казаки умывались, шли за хлебом. Ели молча за то уж в полубеденный полчасовой отдых наверстывались разговоры.

— Трава туту говенная. Супротив нашей степовой не выйдет.

— Наши [небось] может уж откосились теперя...

— Можилось-можилось и завоняло.

— Пырею почти нету тута.

— Скоро прикончим. Вчерась рождение месяца, дождь обмывать будет.

— Скупой поляк. Хучь-бы за труды по бутылке на гаврика пожаловал.

— Ого-го! Он за копейку в алтаре...

— Во, братушки, штоб это обозначало: чем богаче — тем скупее?

— Это у царя спроси.

— А дочерю помещикову кто видал?

— А што?

— Мя-а-систая девка.

— Баранинка?

— Во-во...

— С сырцом ба ее хрумкнул...

— Правда ай нет гутарют, што за нее из царскова [рода] роду сваталси?

— Простому такой шмоток рази достанется.

— Ребя, надьсь слышал брехню, [быдто] быдту [высочайший] высочайшая [смотр] **смотрим** нам будет.

— Коту делать нечево, так он...

— Ну, ты, брось, Тарас!

— Дай дымнуть. А?

— С длинной рукой под церкву.

— Ну, ладно, попросишь и у меня.

— Ты сам сроду чужбиник.||

<Л. 19 об.>

36.

— Угости, кум огоньком, ох-хо-ха.

— Плям хорош, а куру нету.

— [Там] Одна пепла осталась.

— Што ты, братушка! Там огню, как у доброй бабы.

Лежали на животах. Курили. Жгли до краснины оголенные спины. В сторонке [ст] человек пять старых казаков допытывались у одного из молодых.

— Ты какой станицы?

— Еланской.

— Из козлов, значица?

— Так точно.

— А на чем у вас там соль возют?

Неподалеку **на попонке** лежал Крючков Козьма, наматывал на палец жидковатую поросль усов.

— На лошадях.

— А ишо на чем?

— На быках.

— Ну, вот а тарань с Крыму везут на чем? Знаешь, такие быки есть с кочками на спине, колючки жрут... Как их звать-то?

Молодой казак стоял перед служивыми **в исподней рубахе** руки по швам, косил в сторону Крючкова опасливым взглядом.

— С кочками на спине, ну как звать-то?

— Верблюды.

— Огхо-ха-ха-ха!..

Крючков лениво подымался, шел к проштрафившемуся по верблюжьей сутульсь, вытягивая кадыкастую шею. Снимал ременной пояс.

— Ложись!

А вечерами в опаловой июльской темени в поле у [огней] **огня**¹:

«Поехал казак на чужбину далеку
На добром коне он своем вороном.
Свою он краину навеки покинул

убивается серебряный тенорок и басы стелят бархатную густую печаль:

Ему не вернуться в отеческий дом.

Тенор берет **ступенчатую** высоту, [как по порожкам] хватает за самое [сокровенное] оголенное:

Напрасно казачка ево молодая,
Все утро и вечер на север смотрит.

И многие голоса хлопочут над песней. Оттого и густа она², и хмельна, как полесская брага.||

<Л. 20>

37.

Все ждет она поджидает с далекого края
Когда-ж ее милый казак-душа прилетит.
А там за горами, где вьются метели
Зимою морозы лютые трещат,
Где сдвинулись грозные сосны и ели —
Казачьи кости под снегом лежат.

Рассказывают голоса нехитрую повесть казачьей жизни. И тенор-подголосок трепещет жаворонком над апрельской талой землею³.

¹ ППС: «у [огней] **огня** в поле».

² ППС: «она густа».

³ ППС: «жаворонком, над апрельской талой землею, трепещет».

Казак умирая просил и молил
Насыпать курган ему большой в головах.

Вместе с ним тоскуют басы:

Пушай на том на кургане калина родная,
Растет и красуется в ярких цветах.

У другого огня реже народу и песня иная:

«Ах, с моря буйнова, да с Азовского,
Корабли на Дон плывут.
Возвращается домой атаман молодой...

У третьего поодаль огня покашливая от дыма [*рассказывает казак*] **вяжутся нехитрые петли** [*сказку*] **сказки**. Слушают с неослабным вниманием, изредка лишь, когда герой рассказа особенно ловко выворачивается из каверз, подстроенных ему москалями и нечистой силой, в полосе огня мелькнет **чья-нибудь белая ладонь**, [*ст*] шлепнет по голенищу сапога, [*густой*] продымленный перхающий голос воскликнет восхищенно:

— Ах, язви—разъязви, вот здорово!

И снова текущий бесперебойный голос рассказчика.

Через неделю после того, как полк пришел на лунки, есаул Попов позвал сотенного коваля и вахмистра.

— Кэж кони? — к вахмистру.

— Ничево, ваше благородие, очень приятно даже. Желобки на спинах посровняли. Поправляются.

Есаул в стрелку закрутил черный ус (отсюда и прозвище — черногуз), сказал:

— Прикэз от кэмэндира пэлка пэлудить стремена и удила. Будет высэчаэший смэтр пэлку [*перед мэневрами*]. Чтэ-бы все было с блеском; что седлецо, чтэ все эстэльное... Чтэ-б на кэзэков было любо-мילו-дэрэго глянуть. Кэгда будет гэтэ-во?

Вахмистр глянул на коваля. Коваль глянул на вахмистра. Оба глянули на есаула.||

<Л. 20 об.>

38.

Вахмистр сказал:

— Либо-што [*е*] к воскресенью, ваше благородие?

— Смэтри у меня.

С тем и ушли вахмистр и коваль. С этого дня начались приготовления к высочайшему смотру. Иванков Михаил — сын Каргиновского коваля¹, — и сам коваль, знающий по этому делу, помогал лудить стремена и удила; остальные сверх нормы скребли [*вычищали*] коней, чистили уздечки, терли битым кирпичем трензеля и металлические части конского убора.

¹ ППС: «коваля Каргиновского».

Через неделю полк блестел свеженьким двугривенным. Лоснилось глянецом все, что могло лосниться. Даже морды у лошадей и лица у казаков лоснились. В субботу командир полка полковник Греков смотрел полк и благодарил господ-офицеров и казаков за ретивую подготовку и бравый вид.

Неделя шла в коловертных разговорах, гоньбе, подготовке. Разматывалась голубая пряжа июльских дней. Добрели от сытого корма казачьи кони, все лошинки и ямки на крупах заровняли. А казаки сумяжутся. [Догадочки] Червоточат догадки...

— Ваше благородие, к чему-ба [эта] это? — изнывали казаки выпытывая истину у взводных офицеров.

Офицеры плечиками вздергивали. Сами за правду алтын-бы заплатили.

— Не знаю.

— Маневры в присутствии государя будут.

— Неизвестно пока...

Вот офицерские ответы казакам на усладу. Бревном по голове приказ **выступить в Вильно. К вечеру были там. По сотням — второй приказ: [убрать]** убирать в цейхауз сундуки с казачьим добром и приготовиться к возможному выступлению¹.

[В один день] **13 июля** вестовой полкового командира **перед** вечером успел шепнуть дневалившему на конюшне **приятелю** казаку шестой сотни Рвачеву.

— Война, [нар] дядя!

— Бре-шешь?

— Цыц!

На утро полк выстроили дивизионным порядком. Окна казарм тускло поблескивали [немыт] [пыльной] **пыльным** росбрызгом стекол. [Лошади] **Полк в [Конный] конном [строй] строю [казаков]**² ждал [полкового] командира. Перед шестой||

<Л. 21>

39.

сотней на белоногом подбористом коне есаул Попов. Левой рукой в **белой перчатке** натягивает поводья. Конь бочит голову, изогнув колесистую шею чешет морду о связку грудных мускулов.

Полковник [на горячей полукровке] **вывернулся** из-за угла казарменного корпуса, **бок**ом поставил лошадь перед строй. Адьютант [на] достал платок, но вы-

¹ ППС: «Бревном по голове приказ **выступить в Вильно. К вечеру были там. По сотням — второй приказ: [убрать]** убирать в цейхауз сундуки с казачьим добром и приготовиться к возможному выступлению.

— Ваше благородие, к чему-ба [эта] это? — изнывали казаки выпытывая истину у взводных офицеров.

Офицеры плечиками вздергивали. Сами за правду алтын-бы заплатили.

— Не знаю.

— Маневры в присутствии государя будут.

— Неизвестно пока...

Вот офицерские ответы казакам на усладу.

Разматывалась голубая пряжа июльских дней. Добрели от сытого корма казачьи кони, все лошинки и ямки на крупах заровняли. А казаки сумяжутся. [Догадочки] Червоточат догадки...»

² ППС: «[Конный] **Конном [строй] строю** полк в».

сморкаться не успел, полковник в беззвучно-[*дребезжащей*] **дребезжащую** [*тишине*] **тишину** кинул:

— Казаки!

И властно загреб к себе общее внимание. «Вот оно», подумал каждый. Пружинилось [*нетерпение*] **нетерпеливое волнение**. Митька Коршунов досадливо толкнул каблуком своего коня, переступавшего с ноги на ногу. Рядом с ним в строю в крепкой посадке [*за*] обмер Иванков, слушал зевласто раскрыв трегубый рот с исчернью [*неровной*] **неровных** зубов¹. За ним жмурился **горбатясь** Крючков, еще дальше **по лошадиному** [*двигал*] **стриг** хрящами ушей Лапин, за ним виднелся рубчато выбритый кадык Щеголькова.

— **Германия**... Нам объявила войну.

По выровненным рядам шелест; [*то ли вздох*] «хохшиш», как по полю [*ячменевому*] **ячменя** [*усатому*] **вызревшего чернобылого** прошлась ветровая волна. Вскриком резнуло слух конское ржанье. Округленные глаза и [*квадратные*] **квадратная** чернота раскрытых пастей в сторону первой сотни; там заржал на левом фланге конь.

Полковник говорил еще, расстановливая в необходимом порядке слова, пытался подпалить чувство национальной гордости. Но [*в умах*] **перед духовными очами** тысячи с лишним казаков не [*шуршащие*] **шуршащий шелк чужих** [*знамена*] **знамен** клонился к ногам, а свое буднее, [*родное, с*] **сырцевато-[кровью] кровное** [*оторванное от каждого вставало*] звало: [*семьи*] **жены, дети, любушки**, неубранные хлеба, осиротелые хутора, станицы...

— ... Через два часа [*грузиться*] **погрузка** на поезд.

Единственное, что [*осталось*] ворвалось в память каждому.

Толпившиеся неподалеку жены офицеров плакали в платочки. К казарме ватагами разъезжались казаки. Сотник Хопров почти на руках нес свою белокурую беременную польку-жену.

К вокзалу полк шел с песнями. Заглушили оркестр и на полпути он конфузливо умолк. Офицерские жены ехали||

<Л. 21 об.>

40.

на извозчиках, по тротуарам [*наплывала*] **пенилась** толпа. Щебнистую пыль сеяли конские копыта и насмехаясь над чужим и своим горем, дергая левым плечом так, что лихорадочно ежился синий погон кидал песенник охальные слова похабной казачьей.

«Девница красная шуку я поймала

Сотня, нарочито сливая слова под акомпониент свежекочанных лошадиных копыт несла к вокзалу, к красным вагонным куреням лишенько свое — песню.

Шуку я, шуку я, шуку я поймала.

¹ ППС: «[*неровной*] **неровных** исчернью зубов».

[*Песенник*] Запевало на отлет занося бросал поводья цинично подмигивал [*по*] в густые **на тротуарах** толпы провожавших казаков женщин, и по смуглой шафрани его щек к черным усикам стекал горький полынный настой, а не пот.

Девушка красная уху я варила.
Уху я, уху я, уху я варила.
Уху я, уху я, уху я варила.
Девушка красная эх, сваху я кормила
Сваху я, да сваху я, сваху я кормила.

На путях предостерегающе трезво ревел набирая пары паровоз.

.....
По артериям железных дорог солдатские эшелоны¹. Эшелоны. Эшелоны.
К западной границе гонит **взбаламученная** Россия **серошинельную** кровь.

9.

В местечке Торжок полк разбили по сотням. Шестая сотня на основании [*расп*] [*распоряжения*] **приказа** [*штаба*] **начальн.** дивизии была отослана в распоряжение 3 армейского пехотного корпуса и пройдя походным порядком до местечка Пеликалие, выставила посты. Граница еще охранялась нашими пограничными частями. Подтягивались пехотные части и артиллерия. К вечеру 24 июля в местечко пришел [*арт*] батальон 108 глебовского полка и батарея. В фольварке Александровском находился пост [*под нача*] из девяти казаков под начальством взводного урядника. Вечер 26го есаул Попов [*назначил*] [*п*] вызвал к себе [*Астахова и вахмистра*]²||

<Л. 22>

41.

Тот вернулся [*в*] к взводу уже затемно. Митька Коршунов только что привел [*от*] с водопоя коня. Астахов споткнувшись у ворот выругался.

- Ты, Астахов?
- Я, а Крючков с ребятами где?
- Там в халупе.

Астахов большой грузноватый и черный казак подслепо жмурясь вошел в халупу. За столом у лампы коптюшки³ Щегольков сшивал дратвой порванный чумбур. Крючков заложив руки за спину стоял у печи, подмигивал Иванкову указывая на оплывшего в водянке хозяина-поляка, лежавшего на кровати. Они только, что [*на чем-то*] пересмеялись и у Иванкова еще дергал [*зубы*] розовые щеки смешок.

- Завтра, ребята, чуть свет выезжать на пост.
- Куда? — спросил Щегольков и заглядевшись уронил не всученую в дратву щетинку.

¹ ППС: «эшелоны солдатские».

² ПП: «Правка не завершена; «Астахова и вахмистра» подчеркнуто волнистой чертой».

³ ППС: «у коптюшки лампы за столом».

— В местечку Любовь.

— Кто поедет? — спросил Митька Коршунов, входя и ставя у порога цыбарку.

— Поедут со мной Щегольков, Крючков¹, Рвачев, Попов и ты, Иванков.

— А я, Павлыч?

— Ты, Митрий останешься.

— Ну, и черт с вами!

Крючков оторвался от печки, с хрустом потягиваясь² спросил у хозяина:

— Сколько до Любви до этой верст кладут?

— Четыре мили.

— Тут близко. — сказал Астахов и присаживаясь на лавку снял сапог, — А где-б тут протянку высушить?

Выехали на заре. У колодезя на выезде [*молодая*] босая [*белоногая*] девка черпала бадьей воду. Крючков приостановил коня.

— Дай напиться любушка?

Девка придерживая рукой холстинную юбку прошлепала по луже розовыми ногами³ и улыбаясь серыми в густой опушке ресниц глазами подала бадью. Крючков пил и рука его, державшая на весу тяжелую бадью, [*замет*] дрожала от напряжения. На [*сапог*] красную лампасину шлепали **дробься и стекая** капли.

— Спаси Христос, сероглазая!

— Богу Исусу.

Она приняла бадью и отошла оглядываясь, улыбаясь.||

<Л. 22 об.>

42.

— Ты чево скалишься, поедем со мной! — Крючков посунулся на седле словно место давал.

— Трогай! — крикнул отъезжая Астахов.

— Загляделся. — насмешливо скосился на Крючкова Рвачев⁴.

— У ней ноги красные, как у гулюшки. — засмеялся Крючков и все, как по команде, оглянулись. Девка [*черпала*] нагнулась над срубом выставив туго обтянутый раздвоенный зад, раскорячив краснокрытые полные ноги.

— Жениться-ба... — вздохнул Попов.

— Дай я те плеткой оженю разок. — предложил Астахов.

— Плеткой што...

— Жеребцуешь?

— Выложить ево придется.

— Мы ему перекрут, как бугаю сделаем.

Пересмеиваясь казаки пошли рысью. С ближнего холма завиднелось раскинутое в ложбинке и по изволоку местечко Любовь. За спинами розовым бабьим за-

¹ ППС: «Крючков, Щегольков».

² ППС: «потягиваясь с хрустом».

³ ППС: «розовыми ногами по луже».

⁴ ППС: «Рвачев на Крючкова».

дом перлось из-за холмья солнце. В стороне над чашечкой телеграфного столба надсаживался жаворонок.

Астахов, как только что окончивший учебную команду, был назначен начальником поста. Он выбрал место стоянки в последнем дворе, стоявшем на отшибе, в сторону границы. Хозяин, — бритый кривоногий поляк в белой войлочной шляпе, отвел казаков в стодол, указал где поставить лошадей. За стодолом, за реденьким пряслом зеленела деляна клевера. Взгорье горбилось до ближнего леса, дальше белесились хлеба перерезанные дорогой и опять зеленые глянцевого ломти клевера. За [просторным прох] стодолом у канавки дежурили поочередно с биноклем¹. [до вечер] Остальные лежали в прохладном стодоле. Пахло там слежавшимся хлебом, пылью мякины, мышинным помётом и сладким плесневелым душком земляной ржавчины.

[Перед вечером] Иванков примостившись в темном углу у плуга спал до вечера. Его разбудили на закате солнца. Крючков в шепот захватив кожу у него на шею оттягивал ее приговаривая:

— Разъелся на казенных харчах, нажрал калкан, ишь! Вставай, ляда, иди немцев карауль!||

<Л. 23>

43.

— Не дури, Козьма!

— Вставай!

— Ну, брось! Ну, не дури... я зараз встану.

Он поднялся опухший, красный. Покрутил котельчатой короткошейей головой, надежно приделанной² к широким плечам, чмыкая носом (простыл лежа на сырой земле), перевязал патронташ и волоком потянул за собой к выходу винтовку. Он сменил Щеголькова и приладив бинокль долго глядел на северо-запад к лесу. Там бугрился под ветром белесый размет хлебов, на зеленый мысок ольхового леса низвергался рудой поток закатного солнца.

[За м] [В] За местечком в речушке (лежала она голубой нарядной дугой), блеяли купающиеся ребятишки. Женский контрольный голос [кричал:] звал:

— [Юзек!] Стасю! Ста-а-асю, пидь до мене!

Щегольков свернул покурить, сказал уходя:

— Закат вон как погорел. К ветру.

— К ветру. — согласился Иванков.

Ночью [ло] кони стояли расседланные. В местечке гасли огни и шумок.

На следующий день утром Крючков [позвал] вызвал Иванкова из стодола.

— Пойдем в местечко.

— Чево?

— Пожрем чево-нибудь, выпьем.

— Навряд. — усумнился Иванков.

¹ ППС: «поочередно дежурили с биноклем».

² ППС: «приделанной надежно».

— Я тебе говорю. Я спрашивал у хозяина. [*Говорит*] Вон в этой халупке, видишь вон сарай черепичный? — указал Крючков черным ногтястым пальцем, — [*За ним*] Там у жида пиво есть, пойдем?

Пошли. Их окликнул выглянувший из дверей стодола Астахов.

— Вы куда?

Крючков чином старше Астахова отмахнулся.

— Зараз придем.

— Вернитесь, ребята!

— Не гавкай!

Старый пейсатый с **вывернутым веком** еврей встретил казаков поклонами.

— Пиво есть?

— Уже нет, господин козак.

— Мы за деньги.||

<Л. 23 об.>

44.

— Иезус Мария, да разве я... ах, господин козак, верьте честному [*человеку*] еврею, нет уже пива.

— Бреешь ты, жид!

— Ах, пан козак! Я уже говорю.

— Ты, вот чево... — досадливо перебил Крючков и [*достал*] **полез** в карман шароваров за потертым [*портмоном*] **портмонетом**.

— Ты дай нам, а то ругаться зачну.

Еврей мизинцем [*придавил*] **прижал** к ладони монету, опустил [*вывернутую*] **вывернутое** трубочкой веко и пошел в сени. [*Он и*] Спустя минуту принес влажную, с [*ячменными*] **ячменной** шелухой на стенках, бутылку водки.

— А говорил нету. Эх, ты, папаша!

— Я говорил пиво нету.

— Закусить-то дай чево-нибудь.

Крючков шлепком высадил пробку и налил [*вы*] чашку вровень с выщербленными краями.

Вышли полупьяные. Крючков приплясывал и грозил кулаком в окна, зиявшие [*белыми*] **черными** провалами глаз.

В стоделе зевал Астахов. За стенкой **мокро** хрустели сеном кони.

Вечером уехал с донесением Попов. День [*проше*] [*растеряли*] разменяли в бездельи. Вечер. Ночь. Над местечком в [*син*] выси рубленой раной [*золотой*] **желтый** развал молодого месяца. [*Шелковый шелест тишины.*] Изредка в саду за домом упадет с яблони вызревший плод. [*Слышно*] **Слышен** мокрый шлепок. Около полночи Иванков услышал конский топот по улице местечка. Вылез из канавы глядяваясь, но на месяц бинтом легло облако: ничего не видно за серым ряднищем непрогляди. Он растолкал спавшего у входа в стодел Крюčkова.

— Козьма, конные идут. Встань-ка!

— Откуда?

— По местечку.

Вышли. По улице сажень в [ст] пятидесяти [че] хрушко чечекал копытный говор.

— Побегем в сад. Оттель слышно.

Мимо дома рысью в садок. Залегли под плетнем. Глухой говор. Звяк стремян. Скрип седел. Ближе. Видны смутные очертания всадников. Едут по четыре в ряд.

— Кто едет?||

<Л. 24>

45.

— А тебе кого надо? — откликнулся тенорок из передних рядов.

— Кто едет, стрелять буду! — Крючков клацнул затвором.

— Тррр. — остановил лошадь один и подъехал к плетню.

— Это пограничный отряд. Пост что ли?

— Пост.

— Какого полка?

— [12] 3 [казачий] **казачьево**.

— С кем это, ты, там, Тришин? — спросили из темноты. Подъехавший отозвался.

— Это казачий пост, ваше благородие.

К плетню подъехал еще один.

— Здорово казаки.

— Здравствуйте. — несразу откликнулся Иванков.

— Давно вы тут?

— Со вчерашнево дня.

Второй подъехавший зажег спичку закуривая и Крючков увидел офицера в форме пограничника.

— [Мы] **Наш пограничный полк [снялись] сняли** с границы, — Заговорил офицер пыхая папироской, — Имейте ввиду что вы теперь лобовые. [С] [противником] **противник** завтра, **пожалуй** продвинется сюда.

— [А] вы куда-[ж] **же**¹ едете, ваше благородие? — спросил Крючков не снимая пальца со спуска.

— Мы должны в двух верстах отсюда присоединиться к нашему эскадрону. Ну, трогай ребята. Всего [доброго] **хорошего**, казачки!

— Час добрый!

Ветер **бесжалостно** сорвал с месяца хлопчатый бинт тучи и на [отряд] **местечко**, на купы садов, на шишкастую верхушку стодола, на отряд, выезжавший на взгорье желтой гнойной сукровицей потек мертвенный свет².

Утром с донесением уехал в сотню³ Рвачев. Астахов переговорил с хозяином и тот за небольшую плату разрешил скосить лошадям клевера. С ночи лошади стояли оседланные. Казаков пугало то, что они остались лицом к лицу с противником. Раньше, когда знали, что впереди их пограничная стража, не было этого

¹ ППС: «куда-[ж] же вы».

² Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

³ ППС: «уехал в сотню с донесением».

чувства оторванности и одиночества; тем сильнее сказалось оно после известия о том, что граница обнажена.

Хозяйская пашня была неподалеку от стодола. Астахов назначил косить Иванкова и Щеголькова. Хозяин, под белым лопухом войлочной шляпы, повел их к своей деляне. Щегольков косил¹, Иванков греб влажную тяжелую траву и увязывал ее||

<Л. 24 об.>

46.

в фуражирки.

В это время Астахов, наблюдавший в бинокль за дорогой манившей к границе, увидел бежавшего по полю с юго-западной стороны мальчишку. Он бурым неслинявшим зайцем катился с пригорка и еще издали что-то кричал махая длинными рукавами сюртучишка. Он подбежал и глотая воздух, поводя округленными глазами крикнул.

— Козак, **козак**, пшишел герман! Герман пшишел, от-то! Он протянул хоботок длинного рукава и Астахов припавший к биноклю увидел в окружье стекловидную густую группу конных. Не отдирая от глаз бинокля зыкнул:

— Крючков!

Тот выскочил из косых дверей стодола оглядываясь.

— Беги ребят кличь! Немцы! Немецкий разъезд!

Он слышал топот [у] бежавшего Крючкова и теперь уже ясно видел в бинокль плывущую [за зеленой рыжей] за **рыжеватой** полосой травы кучку всадников. Он различил даже гнедую масть их лошадей и темно синюю окраску мундиров. Их было больше двадцати человек. Ехали они тесно скучившись, в беспорядке; ехали с юго-западной стороны в то время, как наблюдатель ждал их с северо-запада. Они пересекли дорогу и пошли **наискось** по гребню над котловиной, в которой разметалось местечко Любовь.

Высунув из морщиненых губ [кончик] кутец прикушенного языка, сопя от напряжения — Иванков² затягивал в фуражирку ворох травья. Рядом с ним посаывая трубочку стоял колченогий хозяин-поляк. Он [держал] **сунул** руки за пояс и из-под полей шляпы насупонясь оглядывал косившего Щеголькова.

— Рази это коса? — ругался тот злобно взмахивая игрушечно-маленькой косой, — Косишь ей?

— Косу. — ответил поляк заплетая языком за **обгрызанный** мундштук³ и [вытащил] **выпростал** один палец из-за пояса.

— Этой твоей косой у бабы на причинном месте косить!

— Угум. — согласился поляк [и] Иванков пыркнул.||

¹ ППС: «Косил Щегольков».

² ППС: «Иванков высунув из морщиненых губ [кончик] кутец прикушенного языка, сопя от напряжения».

³ ППС: «заплетая за **обгрызанный** мундштук языком ответил поляк».

<Л. 25>

47.

Мордатое лицо его вспухло [кровью] **краской** — тронь ногтем и тугой цевкой свистнет кровь. Он хотел что-то сказать и оглянувшись увидел бежавшего по пашне Крючкова. Тот бежал [прижим] приподняв рукой шашку, [вихляясь] **вихляя** [обутыми] ногами по кочковатой пахоти.

— Бросайте!

— Чево ишо? — спросил Щегольков втыкая косу острием в землю.

— Немцы!

Иванков выронил фуражирку. Хозяин пригинаясь, почти цепляя руками землю, словно над ним взыкали пули, побежал к дому.

Только что добрались до стодола и запыхавшись [сели] **вскочили** на коней — увидели [и] роту **русских** солдат втекавшую со стороны Пелакалие в местечко. [Астахов] Казаки [съехали в местечко] **поскакали навстречу**. Астахов [нос] [сообщил] **доложил** командиру роты, что по бугру огиная местечко идет немецкий разъезд. Капитан строго оглядел носки своих сапог присыпанные пыльным инеем, спросил

— Сколько их?

— Больше 20 человек.

— Езжайте им наперез, а мы **отсюда** их обстреляем.

Он повернулся к роте, скомандовал построение и [на] быстрым маршем повел солдат.

Когда казаки выскочили на бугор немцы уже опередив их шли рысью пересекая дорогу на Пеликалие. Впереди выделялся офицер на светло-рыжем куцехвостом коне.

— Вдгон! Мы их нагоним на второй пост! — скомандовал Астахов. Приставший к ним в местечке конный пограничник отстал.

— Ты чево-же? Отломил, брат? — оборачиваясь крикнул Астахов. Пограничник махнул рукой и шагом стал съезжать в местечко. Казаки шли шибкой рысью. Даже ясно стало видно¹ невооруженным глазом [группу] [ко] [немцев] [разъезд] синюю форму [немец] немецких [всадников] **драгун**. Они ехали куцой рысью **по направлению на второй пост, стоявший в фольварке верстах в трех от местечка** и оглядывались на казаков. Расстояние разделявшее их заметно сокращалось.

— Обстреляем! — хрипнул Астахов прыгая с седла.

Стоя, намотав на [руку] **руки** [повод] **поводья** дали залп. Лошадь Иванкова стала в дыбки, повалила хозяина. Падая он видел, как один из немцев валился с лошади. Он лениво клонился набок и вдруг кинув руками упал. Немцы не останавливаясь, не вынимая из чехлов карабинов поскакали переходя в намет.||

¹ ППС: «ясно стало видно даже».

<Л. 25 об.>

48.

Рассыпались реже. Ветер крутил [значки] **матерчатые флюгерки** на их пиках. Астахов первый вскочил на коня. Налегли на плети. Немецкий разезд¹ под острым углом повернул [налево] **влево** и казаки преследуя их [проехали] **проскакали** в сорока сажнях от упавшего немца.

Дальше шла холмистая местность, изрезанная неглубокими [ложбинками] **ложбинами**, изморщиненая зубчатыми ярками. Как только немцы [выезжали] **поднимались** из ложбины на ту сторону² — казаки спешивались и выпускали им вслед по обойме. Против второго поста свалили еще одного.

— Упал! — крикнул Крючков занося ногу в стремя.

— Из фольварка зараз наши... Тут второй пост... — бормотнул Астахов **загоная обкуренным желтым пальцем** в магазинную коробку новую обойму.

Немцы перешли на ровную рысь. **Проезжая** Поглядывали на [пустынный двор] [фольварка] **фольварк**, но двор был пустынен, [но] черепичные крыши построек **ненасытно** лизало солнце. Астахов выстрелил с коня. [Ка] Чуть приотставший задний немец³ мотнул головой и дал лошади шпоры.

Уже после выяснилось, что [вто] казаки ушли со второго поста этой ночью⁴, узнав, что телеграфные провода в полверсте от фольварка перерезаны.

— На [вт] первый пост погоним! — крикнул поворачиваясь к остальным Астахов. И тут только Иванков заметил, что у Астахова шелушится нос, [и] тонкая шкурка висит на ноздрине.

— Чево они не обороняются? — тоскливо спросил он поправляя за спиной винтовку.

— Погоди ишо... — кинул Щегольков дыша, как сапная лошадь.

Немцы спустились в первую ложбину не оглядываясь. По ту сторону чернела пахата, с этой стороны кустился бурьянок и редкий кустарник. Астахов остановил коня, сдвинув фуражку вытер тыльной стороной ладони зернистый пот⁵. Он оглядел остальных, сплюнув сухой комок слюны сказал:

— Иванков, езжай к котлине, глянь [ку] [иде] где они?

Иванков кирпично-красный, с мокрой от пота спиной жадно облизал [черствые] **зачерствелые** [от сухоты] губы и поехал.

— Курнуть-ба, — [засител А] Шепотом сказал Крючков отгоняя плетью овода, [прилитшего к конской]

Иванков ехал шагом приподнимаясь на стремянах, заглядывая вниз котлины. Сначала он увидел колышущиеся кончики пик, [он слег над седлом и] **потом** внезапно||

¹ ППС: «разезд немецкий».

² ППС: «на ту сторону из ложбины».

³ ППС: «немец задний чуть приотставший».

⁴ ППС: «этой ночью со второго поста».

⁵ ППС: «тыльной стороной ладони вытер сдвинув фуражку зернистый пот».

<Л. 26>

49.

показались немцы, повернувшие лошадей, [скакавшие] шедшие из-под склона котлины в атаку. Впереди картинно подняв палаш скакал офицер. За момент, когда поворачивал коня, Иванков запечатлел в памяти безусое нахмуреное лицо офицера, статную его посадку. Градом по сердцу топот немецких коней: спиной до боли ощутил Иванков щиплющий холодок смерти. Он крутнул коня и молча поскакал назад. Астахов не успел сложить кiset, сунул его мимо кармана. Крючков увидев за спиной Иванкова немцев поскакал первый. Правофланговые немцы шли Иванкову наперерез. [расстояние] Настигали его с диковинной быстротой. Он хлестал коня плетью, [и] оглядывался. Кривые судороги сводили ему посеревшее лицо, выдавливали из орбит глаза. Впереди припав к луке скакал Астахов. За Крючковым и Щегольковым вихрилась бурая пыль.

«Вот. Вот. Догонит» стыла мысль и Иванков не думал о обороне; сжимал в комок свое большое полное тело, головой касался холки коня.

Его догнал рослый рыжеватый немец. Он пикой ширнул его в спину. Острие пронизав ременный пояс наискось [прошло] на полвершка вошло в тело¹.

— Братцы, вертайтесь!! — обезумев крикнул Иванков и выдернул из ножен шашку.

Он отвел второй удар направленный ему в бок и [наискось] [палаш] привстав рубнул по спине скакавшего с левой стороны немца. [Шашка взяла на осклизь] Его окружили. Чей-то конь грудью ударился в бок его коню, чуть не сшиб и близко в упор увидел [он] Иванков [желтую] страшную муть чужого лица. Астахов подскакал первый. Его оттерли в сторону и он отмахивался шашкой, вьюном вертелся в седле, оскаленный, изменившийся в лице, как мертвец. Иванкова концом палаша зацепили по шее. Над ним с левой стороны вырос драгун и блекло в глазах метнулся разящий на взлете палаш, [поразивший его в шею]. Он подставил шашку: сталь о сталь брызнула визгом. Сзади пикой подовздели ему [под] погонный ремень, настойчиво перли срывали его с плеча. В стороне человек восемь немецких драгун огарновали Крючкова. Тот выдернул у ближнего пику, ее щепили палашами.||

<Л. 26 об.>

50.

Топот. Бряк скрешивающихся палашей. [Немая] Немо без крика и слова. Озверев от страха кололи рубили² почем попало: по лошадям по [людям] спинам. по рукам, по [никам] {оружию} Каша [из] колыхающаяся из стороны в сторону. Обезпамятевшие от смертного ужаса лошади и люди. Иванков несколько раз пытался поразить наседавшего немца по голове, но шашка падала на железные боковые пластинки драгунской [каска] каски, соскальзывала. Астахов прорвал кольцо и выскочил, истекающий кровью, за ним погнался немецкий офицер. Почти в упор убил его Астахов выстрелом, сорвав с плеча винтовку. Это послу-

¹ ППС: «вошло в тело на полвершка».

² ППС: «рубил кололи».

жило переломным моментом в схватке и немцы, **все** израненные нелепыми ударами, рассыпались. Потеряв офицера [*пош*] отошли. Их не преследовали, **по ним** не стреляли вслед. Казаки поскакали напрямки к местечку Пеликалие к сотне; немцы подняв упавшего с седла товарища уходили к границе.

Отскакав с полверсты Иванков зашатался. [*Я*]

— Я все... Я падаю... — он остановил [*с*] коня, но Астахов дернул поводья.

— [*Пошли!*] Ходу!

Крючков размазывал по лицу кровь [*и*] щупал грудь. [*Сквозь*] **На** [*гимнастерку*] **гимнастерке** рдяно [*сочилась*] **мокрела** кровь. От фольварка, где находился второй пост, они разбились надвое.

— Направо ехать. — сказал Астахов указывая на [*тянувшееся*] **сказочно зеленевшее** за двором болото в ольшаннике.

— Нет, налево. — заупрямился Крючков.

Разъехались. Астахов с Иванковым приехали в местечко после. У околицы их ждали казаки своей сотни.

Иванков кинул поводья, [*стал*] прыгнул с седла и закачавшись упал. Из [*руки*] закаменевшей руки его с трудом вынули шашку.

.....
Из этого после сделали подвиг. Крючков, любимец командира сотни, **по его реляции** получил Георгия. [*О его*] Товарищи его остались в тени. [*Героя*] **Героя** отослали в штаб дивизии, где он слонялся до конца войны получив остальные три креста за то, что из Петербурга и Москвы на него приезжали **смотреть**¹ влиятельные дамы и господа-офицеры. Дамы||

<Л. 27>

51.

[ахали, дамы угощали донского казака дорогими папиросами и сладостями, а он вначале порол их тысячным матом², а после, под благотворным влиянием штабных подхалимов в офицерских погонах, сделал из этого доходную профессию: рассказывал о подвиге сгущая краски до черноты, врал без зазрения совести и дамы [ахали, охали] восторгались, с восхищением смотрели на рябоватое разбойническое лицо казака-героя³. [*И*] Всем было хорошо и приятно.

Приехал в ставку царь и Крючкова возили ему напоказ. Рыжеватый сонный император осмотрел Крючкова как лошадь, поморгал кислыми сумчатыми веками [*и*] [*потрепав*] **потрепал** его по плечу, [*сказал*]

— Молодец, казак! — и повернувшись к свите: — Дайте мне сельтерской воды.

Чубатая голова Крючкова не сходила со страниц газет и журналов. Были папиросы с Крючковым. Нижегородское купечество поднесло ему золотое оружие.

[А было так:] Мундир снятый с германского офицера, убитого Астаховым, прикрепили к фанерной широкой доске и генерал фон-Рененкампф посадив в ав-

¹ ППС: «на него приезжали смотреть из Петербурга и Москвы».

² ППС: «матом тысячным».

³ ППС: «героя-казака».

томобиль [Иванкова] [Крючкова] Иванкова и адъютанта с этой доской, ездил перед строем уходивших на передовые позиции войск, [и] произносил зажига-тельно-казенные речи.

А было так: столкнулись на поле смерти [враги] люди, еще не успевшие наломать руку на уничтожении себе подобных в обуявшем их животном¹ [слепом] ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей; и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались нравственно [раздавленные,] искалеченные.

Это назвали подвигом.²

[10.] 9.

Казаки второочередники с хутора Татарского и окрестных хуторов на второй день после выступления из дома ночевали, на хуторе Ея. Казаки с нижнего конца хутора держались от верховцев особняком. Поэтому Петро Мелехов, Аникушка, Христоня, Степан Астахов, Томилин Иван и остальные стали на одной квар-||

<Л. 27 об.>

52.

тире. Хозяин высокий дряхлый дед, [участвовавший] участник [в] турецкой [войне] войны, завел с ними разговор. Казаки уже легли спать, расстелив в кухне и горнице полсти, курили остатний перед сном раз.

— На войну, [стало] стал-быть, служивые?

— На войну, дедушка.

— Должно [теп] не похожая на турецкую выйдет война? Теперь ить вон какая оружия пошла.

— Однаково. Один черт, как в турецкую народ переводили, так и в эту придется. — озлобляясь неизвестно на кого буркнул Томилин.

— Ты, милоч сепетишь-то бестолку. Другая война будет.

— Оно, конешно. — лениво, с зевотцей, подтвердил Христоня об ноготь гася цыгарку.

— Повоюем. — зевнул Петро Мелехов и перекрестив рот накрылся шинелью.

— Я вас, сынки, вот об чем прошу. Дюже прошу и вы слово мое попомните. — заговорил дед.

[Присажив] [Приса] Петро отвернул с головы полу шинели, прислушался.

Помните одно: хочешь живым быть, хочешь [без] из смёртного бою целым выйтить — надо [одну] **человечью** правду блюсть.

— Какую? — спросил Степан Астахов лежавший скраю. Он улыбнулся недоверчиво. Он стал улыбаться с той поры, когда услышал про войну. Она его манила и общее смятение, чужая боль утишали его собственную.

— А вот какую: чужова на войне не бери — раз. Женщин упаси бог [тронуть] **трогать**, и ишо молитву такую надо знать.

¹ ППС: «животном обуявшем их».

² Текст зачеркнут, на левом поле снизу вверх синим карандашом написано «Не печатать».

Казаки заворочались, заговорили все сразу.

Тут хучь-бы свое не уронить, а то чужое.

— А баб, как [нельзя] **нельзя** трогать? [Прост] Дуриком, — это я понимаю,
— [нельзя] **невозможно**, а по доброму слову?

— Рази-ж утерпишь?

— То-то и оно.

— А молитва какая она?

Дед сурово насталил глаза, ответил всем сразу.

— [Баб] Женщинов никак нельзя трогать. Вовсе никак! Не утерпишь — голову потеряешь, али рану получишь, посля вспоашишься да поздно. Молитву скажу. Всю турецкую войну пробыл, смерть за плечьями, как переметная сума висела и жив остался через эту молитву.||

<Л. 28>

53.

Он пошел в горницу, порылся под божницей и принес клеклый, побуревший от старости лист бумаги.

— Вот. Вставляйте, поспишите. Завтра, небось, до кочетов ить тронетесь?

Дед ладонью разгладил на столе хрушкой лист и отошел. Первым поднялся Аникушка. На [Голое] **голом** бабьем лице его трепетали неровные тени от огня колеблемого ветром, проникавшим в оконную щель. Сидели и списывали все, кроме Степана. Аникушка, списавший ранее остальных, скомкал вырванный из тетради листок, привязал его на гайтан, повыше креста. Степан качая ногой трунил над ним.

— Вшам [помещение] [курень] **приют** устроил. В гайтане им неспособно водиться, так ты им бумажный курень [сработал] приспособил. Во!

— Ты, молодец, не веруешь так молчи. — строго перебил его дед. — Ты людям не препятствуй и над верой не надсмехайся. Совестно так-то и грех!

Степан замолчал улыбаясь; [а] {сглаживая неловкость} Аникушка [сглаживая неловкость] [распрашивал] **спросил** у деда:

— Там в молитве про рогатину есть и про стрелу. Это к чему?

— Молитва при набеге, это ишо не в наши времена [сложилась] **сложеная**. Деду моему покойнику от **ево** деда досталась. А там может ишо раньше была она. В старину-то с [рогатинной] **рогатинами** [воевали] **воевать** да с сагайдаками, [стрелы пуцали].

[Увезли казаки под нательными рубахами списанные молитвы. Крепили их к гайтанам, к [материнскому] **материнским** [благословению] **благословениям**, к узелкам со щепотью родимой земли. [Гибли казаки] **Но смерть пятнила и с молитвами. Ложжились трупами** на полях Галиции и Восточной Пруссии, в [горах] [Карпатских] **Карпатах** и в Румынии [в Трансвальских]. [Хоронили станичники полчанина.]]

Списывали молитвы на выбор, кому какая приглянулась:

[Молитва.

На море на океане, на острове Буяне стоит стол — Христов престол. На том Христовом престоле препочивает матушка пресвятая богородица со всеми

ангелами и со всеми архангелами и херувимами, и со всею силою небесною. Матушка пресвятая богородица, закрой и защити меня раба божьего от копыя булатна, от стали железной||

<Л. 28 об.>

54.

от дротика каленого и некаленого, и от пуль летающих, от сабель острых. Замок замыкаюсь, ключем запираюсь. Кидаю я раб божий ключ и замок в океан-море. Кто может достать со дна океан-моря ключ и замок, тот может победить меня раба божья. Аминь.]

Молитва от ружья.

Господи благослови. Лежит камень бел на горе, что конь. В камень нейдет вода, так-бы и в меня раба божия и в товарищей моих и коня моего не шла стрела и пулька. Как молот отпрядывает от ковадла, так и от меня пулька отпрядывала-бы; как жернова вертятся, так не приходила-бы ко мне стрела, вертелась-бы. [как] Солнце и месяц светлы бывают, так и я раб божий ими укреплен. За горой замок, замкну тот замок, ключи в море брошу над бел-горюч камень Алтор, невидный ни колдуну, ни колдуннице, ни чернецу, ни чернице. Из океан-моря вода не бежит, и желтый песок не пересчитать, так и меня раба божья ничем не взять. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

Молитва от боя.

Есть море-океан, на том море-океане есть белый камень Алтор, на том камне Алторе есть муж каменный тридевять колен. Раба божьего и товарищей моих каменной одеждой одень от востока и до запада, от земли и до небес; от вострой сабли и меча, от копыя булатна и рогатины, от дротика каленого и некаленого от ножа, топора и пушечного боя; от свинцовых пулек и от метких орудий; от всех стрел [от] переных пером орловым и лебединым, и гусиным, и журавлиным, и дергуновым, и вороновым; от турецких боев, от крымских и австрийских, нагонского супостата татарского и литовского, немецкого и шилынского и калмыцкого. Святые отцы и небесные силы, соблюдайте меня раба божьего. Аминь.

Молитва при набеге.

Пречистая владычица святая богородица и господь наш Иисус Христос. Благослови господи набеги идучи раба божьего и товарищей моих кои со мною есть. Облаком обволоки, небесным, святым, каменным твоим градом огради.||

<Л. 29>

55.

Святой Дмитрий Сослуцкий, ущити меня раба божьего и товарищей моих на все четыре стороны; лихим людям не стрелять, ни рогаткою колоть и ни бердышом сечи не колоти, ни обухом прибити, ни топором рубити ни саблями сечи не колоти; ни ножом не колоти и не резати; не старому и не малому и не смуглому и не черному; ни еретику ни колдуну и не всякому чародею. Все теперь предо мною рабом божьим посироченным и судимым. На море на океане на острове Буяне стоит столб железный. На том столбе — муж железный подпершился посохом железным и заколеват он железу, булату и синему олову, свинцу и всякому

стрельцу: «Пойди, ты, железо, во свою мать-землю от р. б. и товарищей моих и коня моего мимо. Стрела древоколкова в лес, а перо во свою мать-птицу, а клей в рыбу. Защити меня раба божья золотым щитом от сечи и от пули, от пушечного боя, ядер и рогатины и ножа. Будет тело мое крепче панцыря. Аминь.

Увели казаки под нателными рубахами списанные молитвы. Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родимой земли, но смерть пятнила и тех, кто возил с собою молитвы. Трусами ложились на полях Галиции и Восточной Пруссии, в Карпатах и Румынии, — всюду, где [поыхала] поыхали [война] зарева войны и ложился копытный след казачьих коней¹.

10.

[Еще не было] [фронта] фронт [ме] еще не улегся многоверстной неподатливой гадюкой. На границе [шли] вспыхивали кавалерийские стычки и бои. В первые дни после объяв. войны² Германское командование выпустило разведывательные шупальцы — сильные кавалерийские разъезды, которые тревожили наши части скользя над постами, выведывая расположение [русских] и численность войсковых частей противника. Перед фронтом 8ой армии Брусилова шла 12 кавалерийская дивизия под командой генерала Каледина³. Левее [на] перевалив [австрийской] австрийскую [границе] границу продвигалась 11ая кавалерийская дивизия. Части ее [12 донской казачий полк и драгунский] с боем забрав [Люшнов] Лешнюв и Броды топтались на месте, — к австрийцам подвалило подкрепление и венгерская кавалерия с наскоку шла на нашу конницу тревожа ее и тесня к Бродам.

Григорий Мелехов после боя под городом [Люшновым] Лешнювым тяжело перемалывал в себе нудную нутрянную боль. Он заметно исхудал, сдал в весе, [ст] [явилась откуда-то рассеянность — гость случайный] Часто [по ночам] на седле в походах и на отдыхе, во сне и в дреме блазился ему недавний знакомец — австриец, тот, которого срубил у решетки. Необычно часто [видел] переживал он во сне ту первую схватку, и даже во сне,||

<Л. 29 об.>

56.⁴

отягощенный воспоминаниями, [он] ощущал он судорожную конвульсию своей правой руки, зажавшей древко пики; просыпался и очнувшись гнал от себя сон, [и] заслонял ладонью до боли [прижмуренные] зажмуренные глаза.

Вызревшие хлеба топтала конница, на полях легли следы острошпрых подков, будто град пробарабанил по всей Галиции. Тяжелые солдатские сапоги трамбовали дороги, щепнили шоссе, взмешивали [хируую] августовскую [грязную]

¹ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

² ППС: «Германское командование выпустило в первые дни после объяв. войны».

³ Слева красным карандашом проставлен и зачеркнут вопросительный знак; написано и зачеркнуто: «[11-12 Каледин]».

⁴ На левом поле написано и синим карандашом зачеркнуто: «[Арестовывают борщ]».

грязь [землю] — там где шли бои — [по] [хмурому] **хмурое** [лицу] **лицо** земли оспой взрыли снаряды¹, ржавели в ней **тоскуя по человеческой крови** осколки чугуна и стали. По ночам [тянулось] за горизонтом [тянулось] **тянулись** к небу рукастые алые зарева, зарницами [сгорали] **полыхали** деревни, местечки, городки. В августе, — когда вызревает плод и [созревает] **доспевают** хлеба, — небо выстиранное ветром, [казалось] [неулыбчивым] **неулыбчиво** [серым] **серело**², редкие погожие дни томили парной жарой. К исходу клонился август. В садах жирно желтел лист, от черенка наливался предсмертным багрянцем и издали похоже было, что деревья в рваных ранах и кровоточат рудой древесной кровью.

Григорий с интересом наблюдал за **изменениями, происходившими** с товарищами по сотне. Прохор Зыков, только что вернувшийся из лазарета, [со] с **рубцеватым** следом кованного копыта на щеке, еще таил в [гла] углах [рта] **губ** боль и недоумение, чаще моргал ласковыми телячьими глазами; Егорка Жарков при всяком случае ругался тяжкими непристойными ругательствами, похабничал больше чем ранее и клял все на свете; хуторянин Григория Емельян Грошев серьезный и деловитый казак весь как-то обуглится, почернел [и чаще] нелепо похахакивал, [и] смех его был [делан] **непроизволен**, [и] угрюм. Перемены вершились на каждом лице, каждый по своему вынашивал в себе и растил железные семена посеянные войной и все вместе молодые, только что [оторванные] **вырванные** из станиц и хуторов, казаки, в обстановке творившегося кругом смертного ужаса напоминали стебли скошенной, вянущей и меняющей свои очертания травы.

Полк выведенный из линии боев стоял [верст] [стоял] на трехдневном отдыхе, пополняемый прибывшим с Дона подкреплением.||

<Л. 30>

57.

Сотня только что собралась идти на купанье в [большой] помещичий пруд, когда [от] со станции, расположенной в [4] 3 верстах от имения выехал крупный отряд конницы.

[Григорий с] Пока казаки третьей сотни дошли до плотины отряд, выехавший со станции, спустился под изволок и теперь ясно стало видно, что конница — казаки.

Прохор Зыков выгинаясь снимал на плотине гимнастерку, выпростав голову взгляделся.

— Наши, донские.

Григорий жмурясь глядел на колонну сползавшую в имение.

— Маршевые пошли.

— К нам, небось, пополнение.

— Должно вторую очередь подбирают.

— Гля-кось, ребята!. Да ить это Степан Астахов! Вон в третьем ряду! — воскликнул Грошев и коротко, скрипуче хахакнул.

¹ ППС: «снаряды взрыли оспой».

² ППС: «[казалось] [неулыбчивым] **неулыбчиво** [серым] **серело**, выстиранное ветром».

- Подбирают и ихнево брата.
- А вон, Аникушка!
- Гришка! Мелехов! Брат вон он! Угадал?
- Угадал.
- Могарыч с тебя, шатун, я первый угадал.

Собрав на скулах [*сетчатку*] **рытвинки** морщин Григорий вглядывался угадывая под Петром коня. «Нового купили». Подумал и перевел взгляд на лицо брата, странно измененное давностью встречи, загорелое, с подрезанными усами пшеничного цвета и [*с*] обожженными солнцем серебристыми бровями. Крупными шагами он пошел ему навстречу, сняв фуражку¹, помахивая рукой как на ученьи. За ним с плотины хлынули полураздетые казаки, обмякая ломкую поросль пустостволового купыря² и застарелый лопушатник.

Маршевая сотня шла [*над*] огиная сад в имение, где расположился полк. Вел ее есаул пожилой и плотный с свежее выбритой головой, с деревянно твердыми загибами властного бритога рта.

«Хрипатый, должно и злой». — подумал Григорий улыбаясь брату и оглядывая мельком крепко подогнанную фигуру есаула, горбоносого коня под ним, калмыцкой, видно, породы.

— Сотня! — звякнул есаул чистым насталенным голосом, — Взводными колоннами, левое плечо вперед марш!

— Здорово, братуха! — крикнул Григорий||

<Л. 30 об.>

58.

улыбаясь Петру и **радостно** волнуясь.

- Слава Богу! К вам вот! Ну, как?
- Ничево.
- Живой?
- Покедова.
- Поклон от наших!
- [*Ну*] Как там они?
- Здравствуют.

Петро опираясь ладонью о круп плотного бледно-рыжей масти коня, всем корпусом поворачивался назад, [*скользя*] **скользил** улыбчивыми глазами по Григорию, отъезжал дальше, [*и*] его заслоняли **пропыленные** спины других, знакомых и незнакомых.

— Здорово, Мелехов! Поклон от хутора!

— И ты к нам? — скалился Григорий узнав Мишку Кошевого по золотой глыбе чуба.

- К вам. Мы как куры на просо.
- Наклюешься, скорей тебе наклюют.
- Но-но!

¹ ППС: «Он пошел ему навстречу, сняв фуражку, крупными шагами».

² ППС: «купыря пустостволового».

От плотины в одной рубахе чикилял на одной ноге Егорка Жарков. Он кособочился [и] [*растопыривал*] **растопыривая** рогатил шаровары, [*норовя*] **норовил** попасть ногой в болтающуюся калошину.

— Здоров, станишники!

— Тю-ю-у! [Ды] Да ить это Жарков Егорка!

— Эй, ты, жеребец, аль стреножили?

— Как мать там?

— Живая.

— Поклон шлет, а гостинцу не взяли, и так чижало.

Егорка с необычно серьезным лицом выслушал ответ и сел голым задом на траву¹ скрывая расстроенное лицо, не попадая **дрожашей** ногой в штанину.

[В] За [*реше*] крашеной в голубое огорожей стояли полураздетые казаки, с той стороны по дороге засаженной каштанами [*втекала*] **стекала** во двор сотня, пополнение с Дона.

— Станица, здорово!

— [О] Да никак ты, сват Александр?

— Он самый.

— Андреян! Андреян! Чертило, вислоухий, не угадаешь?

— Поклон от жены, эй, служба!

— Спаси Христос.

— А иде тут Борис Белов?

— В какой сотне был?

— В четвертой никак.

— А откель он сам?

— С Затона Вешенской станицы.||

<Л. 31>

59.

— На што он тебе сдался? — ввязывается в летучий разговор третий.

— Стал-быть нужен. Письмо везу.

— Ево, брат, надясь под Райбродами убили.

— Да, ну?..

— Ей-бо. На моих глазах. Под левую сиську пуля вдарила.

— Кто тут из вас с Черной речки?

— Нету, проезжай.

[— Иван, Ванька! Давно и]

Сотня вобрала хвост² и строем стала посреди двора. [На] [*плотине*] **плотина** загустела вернувшимися к купанью казаками.

Немного погода подошли только что приехавшие из маршевой сотни. Григорий [*сидел*] **присел** рядом с братом. Отсыревшая хрушкая глина на плотине [*пах-ла*] тяжело пахла мертвечиной, сырью. Над краями зеленой травой зацвела гус-

¹ ППС: «сел на траву голым задом».

² ППС: «Хвост сотня вобрала».

тая вода. Григорий бил в рубцах и складках рубахи обескровленных, вялых вшей, [говори] рассказывал:

— Я, Петро уморился душой. Я зараз будто недобитый какой... Будто под мельничными жерновами побывал, перемяли они меня и выплюнули. — Голос у него жалующийся, [ребя] надтреснутый, и борозда (ее только что, с чувством внутреннего страха, заметил Петро), темнела [и ложилась] стекая наискось лба, незнакомая, пугающая какой-то [переменной] **переменной, отчужденностью**.

— Как оно? — спросил Петро стягивая рубаху обнажая белое тело с ровно [отрубленной] **надрезанной** полосой загара от шеи.

— А вот видишь как, — заторопился, Григорий и голос окреп в злобе, — [чело] людей стравили и не попадайся. Хуже бирюков стал народ. Злоба кругом. Мне зараз думается ежели человека мне укусить — он бешеный делается.

— Тебе-то приходилось... убивать?

— Приходилось! — почти крикнул Григорий и скомкал и кинул под ноги рубаху. Потом долго мял пальцами горло, словно пропихивал застрявшее слово, смотрел в сторону.

— Говори. — приказал Петро избегая и боясь встретиться [взглядом] с братом **глазами**.

— Меня совесть убивает. Я под Лешнювым заколол [одного] **одново** пикой. Сгоряча... Иначе нельзя было... А зачем я [энтото] **энтото** срубил?

— Ну?

— Вот и ну, срубил зря человека и хвораю через [него] **нево**, гада, душой. По ночам||

<Л. 31 об.>

60.

снится, сволочь. Аль я виноват? Ты не обмялся ишо. Погоди оно войдет в чёку.

[— Ты в маршевой сотне]

— Ваша сотня маршевая? — спросил Григорий.

— Зачем? Нет, мы в 29-м полку, [а это молодых казаков к вам]

— А я думал нам подмога.

— Нашу сотню к какой-то пехотной дивизии пристегивают, это мы ее [ищем] догоняем.

— [Ну, давай искупаемся], а с нами маршевая шла, молодых к вам пригнали.

— Так. Ну, давай искупаемся¹.

Григорий торопясь снял шаровары и отошел на гребень плотины, коричневый, сутуло-стройный, на взгляд Петра постаревший за время разлуки. Вытягивая руки он головой вниз кинулся в воду, тяжелая зелень волны сомкнулась над ним и разошлась плесом. Он плыл к группе гоготавших на середине казаков ласково шлепая ладонями по воде, [поводя] **лениво двигая** плечами.

¹ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

Петро долго снимал нательный крест и молитву зашитую в материнское благословенье. Гайтан сунул под рубаху, [и] вошел в воду с опасливой брезгливостью, помочил грудь, плечи, охнув нырнул и поплыл, догоняя Григория.

Отделившись они [поплыли] плыли вместе к тому [боку] берегу, песчано-пологому, заросшему кустарником¹. Движение холодило, успокаивало и Григорий кидая взмахи говорил сдержанно, без недавней страсти:

— Вша меня заела. С тоски. Я-бы дома теперя побывал, так и полетел-бы, ка-бы крылья были, хучь одним глазком глянул-бы. Ну, как там?

— Наталья у нас.

— А.

— Живет.

— Отец, мать как?

— Ничево. А Наталья все тебя ждет. Она думку держит, что ты к ней [вернешься] **возвернешься**

Григорий фыркал и молча сплевывал попавшую в рот воду. Поворачивая голову Петро норовил глянуть ему в глаза.

— Ты в письмах хучь поклоны ей посылай. Тобой баба и дышит.

— Што-ж она... разорванное хочет связать?

— Да ить как сказать... Человек своей надежей живет. Славная бабочка. Строгая. Себя дюже блюдет. Штоб баловство какое, аль ишо чево — нету за ней это-ва.

— Замуж-ба выходила.

— Чудное ты гутаришь.

— Ничево не чудное. Так оно должно быть.

— Дело ваше. Я в нево не вступаюсь.

— А Дуняшка?

— Невеста, брат! Там за [эти] **этот [года] год** так вымахала, што не спознаешь.

— Ну? — повеселев удивился Григорий.

— Истинный бог. Выдадут замуж, а нам и усы в водку обмакнуть не придется. Убьют ишо туды их мать!

— Чево [хитрого] **хитрова**.||

<Л. 32>

61.

Они вылезли на песок и легли рядом, облокотившись, греясь под суровеющим солнцем. Мимо плыл, до половины высовываясь из воды Мишка Кошевой.

— Лезь, Гришка в воду!

— Полежу, погоди.

Зарывая в сыпкий песок жучка Григорий спросил.

— Про Аксинью што слыхать?

— Надясь, перед тем как объявили войну, видал ее в хуторе.

— Чаво она туда забилась?

¹ ППС: «заросшему кустарником, песчано-пологому».

- Приезжала к мужу имение забирать.
 Григорий кашлянул и похоронил жучка, надвинув ребром ладони ворох песку.
- Не гутарил с ней?
 — Поздравствовался только. Она гладкая из себя, веселая. Видать легко живет на панских харчах.
 — Што-ж Степан?
 — Отдал ее огарки. Ничего обошелся. Но ты ево берегись. Остерегайся. Мне переказывали казаки, дескать, пьяный Степан грозился, как первый бой даст тебе пулю.
 — Ага.
 — Он тебе не простит.
 — Знаю.
 — Коня себе справил. — перевел Петро разговор.
 — Продали быков?
 — Лысых. За сто восемьдесят. Купил за полтораста. Конь куда тебе. На Цуцкане купили.
 — Хлеба как?
 — Добрые. Не довелось вот убрать. Захватили.
 Разговор перекинулся на хозяйство, утрачивая напряженность. Григорий жадно впитывал в себя домашние новости. Жил эту минуту ими, похожий на прежнего норовистого и простого парня.
 — Ну, давай охолонемся и одеваться. — предложил Петро обметая с влажного живота песок, подрагивая. Кожа на спине его и руках поднялась пупырушками.
- Шли от пруда толпой. У [калитки [сое] прорезанной в] [заборе] забора, отделявшего сад от двора имения, догнал их Астахов Степан. Он на ходу расчесывал костяной расческой свалявшийся чуб и заправляя его под козырек поровнялся с Григорием.
- Здорово, приятель!
 — Здравствуй. — приотстал Григорий, встречая его чуть смущенным с виноватцей взглядом.||

<Л. 32 об.>

62.

- Не забыл обо мне?
 — Почти што.
 — А я вот тебя помню. — насмешливо улыбнулся Степан и прошел не оставиваясь, обнял за плечо шагавшего впереди казака в урядничьих погонах.
 Затемно из штаба дивизии [прискакал ординарец] получили телефонограмму с приказанием выступать на позицию. Полк смотался в каких-нибудь четверть часа и пополненный людьми, с песнями пошел заслонять прорыв продырявленный мадыарской кавалерией.

При прощаньи Петро сунул в руки брату сложенный вчетверо листок бума-

ги.

— Што это? — спросил Григорий.

— Молитву тебе списал. Ты возьми...

— Помогает?

— Не смеись, Григорий.

— Я не смеюсь. Прощай, брат. Бывай здоров.

— Берегись там! — кричал Петро — Ты не вылетывай вперед других, а то горячих-то смерть метит.

— А молитва?

Петро махнул рукой¹.

До одиннадцати шли не блюда никакой предосторожности. Потом вахмистра разнесли по сотням приказ: итти с возможной тишиной, курево прекратить. Над дальней грядкой леса взметывались окрашенные лиловым дымом ракеты.

[12.] [14] {14.}

В первых числах сентября сотник Евгений Листницкий решил перевестись из лейб-гвардии Атаманского полка в какой-либо казачий армейский полк. Он подал рапорт и через три недели выхлопотал себе назначение в один из полков, находившихся в действующей армии. Оформив назначение он перед отъездом из Петербурга известил отца о принятом решении коротким письмом:

«Папа, я хлопотал о переводе меня [ѐ] из Атаманского полка в армию. Сегодня я получил назначение и уезжаю в распоряжение начальника II корпуса. Вас, по всей вероятности, удивит принятое мною решение, но я объясняю его следующим образом: [просто] меня [тяготит] тяготила та обстановка, в которой приходилось вращаться. Парады, встречи, караулы, вся эта дворцовая служба набила мне оскомину. Приелось все это до тошноты, хочется [ино] живого дела и..., если хотите, подвига. Надо полагать, что во мне сказывается славная кровь Листницких, тех, которые начиная с отечественной войны вплетали лавры в венки русского оружия. Еду на фронт. Прошу вашего благословения.

На той неделе я видел императора перед отъездом в ставку. Я обожествляю этого человека. Я стоял [ѐ] во внутр. карауле [перед] во дворце. Он шел с Родзянко и проходя мимо меня улыбнулся, указывая на меня глазами сказал по-английски [Родзянко]: «Вот моя славная гвардия. Ею в свое время я побью карту Вильгельма». Я обожаю его, как институтка. Мне||

<Л. 33>

63.

не стыдно признаваться Вам в этом, даже несмотря на то, что [сейчас] мне перевалило за 28. Меня глубоко волнуют те дворцовые сплетни, которые паутиной путают светлое имя Монарха. Я им не верю и не могу верить. На днях я едва не застрелил есаула Громова за то, что он в моем присутствии осмелился непочтительно отозваться о ея императорском величестве. Это гнусно, и я ему сказал,

¹ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

что только люди, в жилах которых течет холопская кровь, могут унизиться до грязной сплетни. [В присут] Этот инцидент произошел в присутствии нескольких офицеров. Меня охватил пароксизм бешенства, я вытащил револьвер и хотел истратить одну пулю на хама, но меня обезоружили товарищи. С каждым днем мне все тяжелее было пребывать в этой клоаке. В гвардейских полках, в офицерстве **в частности** нет того подлинного патриотизма, страшно сказать — нет даже любви к династии. Это не дворянство, а сброд. Этим в сущности объясняется мой разрыв с полком. Я не могу общаться с людьми, [которые] **которых** не уважаю. Ну, кажется, все. Прости за некоторую несвязанность, [письма] спешу, надо увязать чемодан и ехать к коменданту. Будь здоров папа. Из армии пришлю подробное письмо. Твой Евгений».

Поезд на Варшаву отходил в 8 вечера. Листницкий на извозчике доехал до вокзала. Сзади в [сизоватой] **сизовато-**голубом мерцании огней лег Петербург. На вокзале тесно и шумно. Преобладают военные. [В одном вагоне] Носильщик уложил чемодан Листницкого и получив мелочь пожелал их благородию счастливым пути. Листницкий снял португепю и шинель и развязав ремни постелил на скамье цветастошелковое кавказское одеяло. Внизу у окна разложив на столике домашнюю снедь закусывал худой, с лицом аскета, священник. Отряхая с волокнистой бороды хлебные крошки он угощал сидевшую против него смуглую москлявенькую девушку в форме учащейся.

— Отпробуйте-ко. А?

— Благодарю вас.

— Полноте [конфузиться] **стесняться**, вам, при [вашем] **вашей** [здоровье] **комплекции**, надо больше кушать.

— Спасибо.

— Ну, вот [с капусткой] ватрушечки испробуйте. Может-быть вы, господин—офицер, отведаете?

Листницкий свесил голову.

— Вы мне?

— Да-да. — буравил его священник угрюмыми цвета камня-самородка, глазами и улы-||

<Л. 33 об.>

64.

бался одними тонкими губами под невеселой порослью волокнистых в проталинках усов.

— Спасибо. Не хочу.

— Напрасно. Входящее в уста не оскверняет. Вы не в армию?

— Да.

— Помогай вам бог!

Листницкий сквозь пленку дремы ощущал будто издалека добравшийся до слуха густой голос священника и мнилось уже, что это не священник говорит [густым] жалующимся [голосом] **басом**, а есаул Громов.

— ... Семья, знаете-ли, бедный приход. Вот и еду в полковые духовники. Русский народ не может без веры. И год от года, знаете-ли, вера крепнет. Есть, конеч-

но, такие, что отходят, но это из интеллигенции, а мужик за бога крепко держится. Да... Вот так-то... — вздохнул бас и опять поток слов уже не проникающих в сознание. Листницкий засыпал, [и] последнее, что **тупо** ощутил на яву — запах свежей краски от досчатого в мелкую полоску потолка и окрик за окном:

— Багажная принимала, а мне дела нет!

«Что багажная принимала?» ворохнулось сознание и ниточка незаметно оборвалась. Освежающий после двух бессонных ночей **навалился** сон. Проснулся он [тогда] когда поезд оторвал **уж** от Петербурга [уже] верст сорок пространства. Ритмично татакали колеса, вагон качался волнуемый рывками паровоза, где-то в соседнем купе вполголоса пели; [и] лиловые **косые** тени бросал фонарь.

Полк, в который получил назначение сотник Листницкий, [понесший] **понес** крупный урон в последних боях, был выведен из сферы боев и спешно ремонтировался конским составом, пополнялся людьми.

Штаб полка находился в большой **торговой** деревне Березняги. Листницкий вышел из вагона на каком-то безымянном полустанке, там-же выгрузился походный лазарет. [Справившись] **Справившись** у доктора куда направляется лазарет Листницкий узнал, что лазарет перебрасывается с юга-западного фронта на этот участок и сейчас-же тронется по маршруту Березняги — Ивановка — Крышовинское. Большой багровый доктор очень нелюбезно отзывался о своем непосредственном начальстве, громил штабных из дивизии и лохматя бороду, поблескивая из-под золотого пенсне злыми глазками [советовал] изливал желчную свою горечь перед случайным собеседником.

— Вы меня можете подвезти до Березнягов? —||

<Л. 34>

65.

перебил его на полуслове Листницкий.

— Садитесь, сотник, на двуколку. Поезжайте. — Согласился доктор [и ушел сокрушенно мотая гривастой головою] и [лок] фамильярно покручивая пуговицу на шинели сотника, ища сочувствия грохотал сдержанным басом¹.

— Ведь вы подумайте, сотник, протряслись двести верст в скотских вагонах для того, чтоб-бы [сп] [передвигаться] **слоняться тут** без дела, в то время как [там] на том участке, откуда [наш] мой лазарет перебросили, два дня шли кровопролитнейшие бои, [и] **осталась** масса раненых, [срочно] которым срочно нужна была наша помощь. (Доктор с злым сладострастием [произносил] повторил «кровопролитнейшие бои» налегая на «р», прирывкая).

— Чем-же объяснить эту несуряцицу? — из вежливости поинтересовался сотник.

— Чем? — доктор иронически вспялил по верх пенсне брови, рыкнул: — безалаберщиной! бестолковщиной! глупостью начальствующего состава, вот чем! Сидят там меррррзавцы и [вот] путают! Нет распорядительности, [нет] просто нет здравого ума! Помните Вересаева «Записки врача»? Вот-с. Повторяем [их] в квадрате-с!

¹ ППС: «грохотал сдержанным басом ища сочувствия».

Листницкий откозыряв направился к транспорту, вслед ему, состраяся в баговопрожилых сумки щек, каркал сердитый доктор:

— Проиграем войну, сотник! Японцам проиграли и не поумнели. Шапками закидаем так что уж там. — и пошел по путям перешагивая лужицы задернутые радужными нефтяными блестками¹, сокрушенно моя [*гривастой*] **копнастой** головой.

Смеркалось когда лазарет подъехал к Березнягам. [*По*] Желтую [*щеткину*] [*щепоть*] {*щетину*} жнивья быстрил ветер. На западе корячились громоздзясь тучи, вверху фиолетово чернели, [*книзу*] **чуть ниже** утрачивали чудовищную свою окраску и меняя тона лили на тусклую ряднину неба нежно сиреневый дымчатый отсвет, в середине вся эта бесформенная громада, набитая, как [*льдина*] крыги в ледоход на заторе, рассачивалась и в [*отверстие*] **пролом** неослабно [*оранжевым потоком вонзался*] [*вылился*] {*струился*} апельсинового цвета [*столбище*] **поток закатных лучей** [*закатного солнца*]. Он расходился брызжущим веером, преломляясь и пылясь [*надал*] **вонзался** отвесно, а ниже пролома неопиcуемо сплетался в вакханальный спектр красок.

У придорожной канавы лежала пристреленная рыжая лошадь. Задняя нога ее дико задратая кверху блестела полустертой подковой. Листницкий подпрыгивая на||

<Л. 34 об.>

66.

[*двухколке*] **двуколке** [*холодно*] разглядывал лошадиный труп. Ехавший с ним санитар пояснил сплевывая на вздувшийся бугор живота.

— Зерна [*объе*] обожралась, объелась, — Поправился он взглянув на сотника, хотел **еще раз** сплунуть, но слюну проглотил из вежливости, вытер губы рукавом гимнастерки, — издохла, а убрать не надо, вот ведь **русский** народ каков у германцев тех не по нашему.

— А ты почему знаешь? — беспричинно злобно спросил Листницкий и в этот момент так-же беспричинно и остро возненавидел равнодушное, с оттенком превосходства и презрения, лицо санитаря. Оно было [*сероватое*] **серовато**, [*скучное*] **скучно** как сентябрьское поле в жнивье, ничем не отличалось от [*тысячи*] **тысяч** других [*мужицких*] **мужицко**-солдатских лиц тех, которые [*т*] встречал и догонял сотник на пути от Петербурга к фронту. Все они [*были стерты скукой-ли, безрадостным житьем-ли*] **казались какими-то вылинявшими**, тупое застыло в серых, голубых, зеленоватых [*желтых и черных*] **и иных** глазах и крепко [*были они похожи на голенища приношенных сапог*] **напоминали хожалые, давнишнего чекана медные монеты**.

— Я в Германии три года до войны прожил. — неспеша ответил санитар, [*и*] в оттенке его голоса прозвучало тоже превосходство и презрение, которые уловил сотник во взгляде.

— Я в Кенисберге на сигарной фабрике работал. — скучаяще ронял санитар погоняя маштака узлом ременной вожжи.

¹ ППС: «нефтяными блестками радужными».

— Помолчи-ка! — строго сказал Листницкий и повернулся, оглядывая голову лошади с [опущенной] упавшей на глаза чолкой и обнаженным обветрившим на солнце оскалом зубов.

Нога ее задратая кверху была [чуть] согнута в коленном сгибе, [рыжая] копыто чуть растрескалось от ухналей, но раковина [была] плотно светлела сизым глянецом и сотник по ноге по тонко точеной бабке определил, что лошадь была молодая и хорошей породы.

Двухколка подпрыгивая по кочковатому проселку отъезжала дальше. Меркли краски на западной концевине неба, рассасывал ветер тучи. Нога мертвой лошади чернела сзади бесголовой часовой. Листницкий все смотрел на нее и вдруг на лошадь круговиной упал снопик лучей и нога, [и] с плотно прилегшей рыжей шерстью, неотразимо зацвела, как некая чудесная **безлиственная ветвь, окрашенная** апельсинно-[оранжевого] **оранжевым [цвета] цветом.**

Уже на въезде в Березняги лазарет встретился с транспортом раненых. Пожилой||

<Л. 35>

67.

бритый белорусс, — хозяин первой подводы, — шел около лошади, намотав на руку веревочные вожжи. На повозке облокотившись лежал казак без фуражки, с забинтованной головой. Он устало закрыв глаза жевал хлеб и выплевывал черную пережеванную кашу. С ним рядом лежал плашмя¹ солдат. [Покры] На ягодицах у него топорщились безобразно изорванные, покоробленные от спекшейся крови штаны. Солдат не поднимая головы, дико ругался [и] Листницкий ужаснулся вслушиваясь в [интонацию] **интонации** голоса — так молятся крепко верующие. На второй [подв] **повозке** в накат лежало человек шесть солдат. Один из них лихорадочно веселый рассказывал шуря воспаленные горячечные глаза:

— ... будто приезжал посол от ихова императора и делал предлог заключать мир. Главное, верный человек, в надежде я, он не сбросит.

— Наверяд. — сомневался второй, качая круглой головой со следами давнишней золотухи.

— Подожди, Филипп, может быть, что и правда, приезжал. — мягким волжским говорком отзывался третий, сидевший к встречным спиной.

На пятой подводе краснелись околыши казачьих фуражек. Трое удобно разместились на широком возу, молча глядели на Листницкого и на их запыленных суровых лицах не было и тени той почтительности, которую видишь в строю.

— [Како] Здорово станичники. — приветствовал их сотник.

— Здравия желаем. — **вяло** ответил крайний к подводчику красивый, серебряноусый и бровястый казак.

— Какого полка? — спросил Листницкий пытаясь разглядеть N на синем погоне казака.

— Двенадцатого.

— Где сейчас ваш полк?

¹ ППС: «плашмя лежал».

- Не можем знать.
- Ну, где вас ранили?
- Под деревней тут... недалеко.

Казачи о чем-то пошептались и один из них, придерживая здоровой рукой раненую, завязанную холстинные лоскутом, соскочил [*на дорогу*] с **повозки**.

— Ваше благородие, погодите чудок.

Он бережно нес простреленную, тронутую воспалением руку, шел по дороге||

<Л. 35 об.>

68.

улыбаясь Листницкому и увалисто переставляя босые ноги.

— Вы не Вешенской станицы? Не Листницкий?

— Да-да.

— То-то мы угадали, Ваш благородие, не будет-ли закурить? Угостите Христа ради, помираем без табаку.

Он держался за крашенный бок двуколки, [*и*] шел рядом. Листницкий достал [*пачку*] портсигар.

— Вы-б нам уважили с десяточек. Нас ить трое. — просительно улыбнулся казак.

Листницкий высыпал ему на коричневую объемистую ладонь весь запас папирос, спросил:

— Много в полку раненых?

— Десятка два.

— Потери большие?

— Много побито. Зажгите, ваш благородие, огоньку. Благодарствуйте! — казак прикуривая отстал, крикнул вдогон: — С Татарскова хутора, што возля вашево имения, троих ноне убило. **Попятнили казаков**.

Он махнул рукой и пошел догонять свою подводу. Ветер [*трепал*] **ворошил** на нем не подпоясаную защитную гимнастерку.

Командир полка, в который получил назначение сотник Листницкий, стоял в Березнягах на квартире у священника. Сотник распрощался на площади с врачом, гостеприимно предоставившим ему место на санитарной двуколке, **и пошел** на ходу отряхая мундир от пыли [*и пошел*] расспрашивая у встречных о местопребывании штаба полка. Навстречу ему **пламенно-рыжий бородач** фельдфебель¹ вел солдат в караул. Он козырнул сотнику, [*и*] не теряя ноги ответил на вопрос и указал дом. В помещении штаба было затишно, как и во всяком штабе находящемся подалеку от передовых позиций. [*Писаря*] **Писари** никли над большим столом, у трубки полевого телефона пересмеивался с невидимым собеседником престарелый есаул. На окнах просторной хаты брунжали мухи и по комариному ныли далекие телефонные звонки. Вестовой провел сотника к командиру полка на квартиру. В передней **недружелюбно** встретил его высокий с **треугольным** шрамом на подбородке, чем-то расстроенный полковник.

¹ ППС: «фельдфебель **пламенно-рыжий бородач**».

— Я командир полка. — ответил он на вопрос и [молча] выслушав о том, что сотник честь имеет явиться в его распоряжение, молча, движением руки пригласил его в комнату. Уже закрывая дверь за собой||

<Л. 36>

69.

он поправил волосы жестом беспредельной усталости, сказал мягким монотонным голосом:

— Мне вчера передали о этом из штаба бригады. Прошу садиться.

Он расспрашивал у Листницкого о **прежней** службе, о столичных новостях, о дороге и за все время короткого их разговора ни разу не поднял на собеседника отягощенных какой-то большой усталостью глаз. [*«Надо»*]

«Надо полагать, что задалось ему на фронте. Вид у него смертельно усталый». — соболезнующе подумал сотник, разглядывая высокий умный лоб полковника. Но тот словно разубеждая его эфесом шашки почесал переносье, сказал.

— Подите, сотник, познакомьтесь с офицерами, я, знаете-ли, не спал три ночи. В этой глухомани нам кроме пьянства нечего делать.

Листницкий козыряя тайл в усмешке жестокое презрение. Он ушел неприязненно вспоминая [*их разговор с полковником*] **встречу**, иронизируя над тем уважением, которое невольно внушил ему усталый вид и шрам на **широком** подбородке полковника.

[13.] 15.

Дивизия получила задание форсировать реку Стырь и около [*Станиславчика*] **Ловишчей** выйти противнику в тыл.

Листницкий за [*эти четыре дня*] **несколько дней** сжился с офицерским составом полка, его быстро втянула боевая обстановка [*отравляя своими случайными горестями и горькими успе*] **вытравляя** прижившийся в душе уют и мирную дрему.

Операция по форсированию реки была выполнена дивизией блестяще¹. [*У австрий*] Она [*и*] ударила с левого фланга значительной группе войск противника и вышла в тыл². Под [*Станиславчиком*] **Ловишчами** австрийцы при содействии мадыарской кавалерии пытались перейти в контрнаступление³, но казацьи батареи [*остановили*] **смяли их [огнем] шрапнелью**. [*Развернутый*] **Развернутые [мадыарский] мадыарские [полк] эскадроны** отступали в беспорядке, уничтожаемые фланговым пулеметным [*дождем*] **огнем**, преследуемый⁴ казаками.

[*Полк, в котором*] Листницкий с полком ходил в контр-атаку, дивизион их наседад на отступающего неприятеля.||

¹ ППС: «блестяще выполнена дивизией».

² ППС: «и вышла в тыл [и] ударила с левого фланга значительной группе войск противника».

³ ППС: «пытались перейти в контрнаступление при содействии мадыарской кавалерии».

⁴ Правка не завершена, надо «преследуемые».

<Л. 36 об.>

70.

Третий взвод, которым командовал Листницкий, потерял одного казака убитым и четырех ранеными. С внешним спокойствием сотник [*прошел*] проехал мимо Лощенова, он старался не слушать его хриплого низкого голоса. Лощенов горбоносый молодой казак **ст. Краснокутской** лежал придавленный [*навалившейся*] **навалившимся** на него [*убитой*] **убитым** [*лош*] конем. Он [*сам*] был ранен в предплечье [*и*] лежал тихо скалясь, просил проезжавших мимо казаков.

— Братушки, не покиньте! Ослобоните братушки!..

Низкий иссеченный мукой голос¹ [*был*] **звучал** тускло, но не было в мятущихся [*душах*] **сердцах** проезжавших казаков сострадания, а если и было, то воля [*зажала его*] **не давая ему просачиваться мяля** и давила неослабно. Взвод пять минут ехал шагом, давая [*отдохнуть*] **передышку** хрипевшим от скачки лошадям. [*Вда*] В полверсте расстояния от них уходили расстроенные эскадроны мадьяр. Между [*мадьярами*] **их красивыми в опушке куртками** [*кавал*] [*мадьяр*] **мережились** сине-серые мундиры пехотинцев. По гребню сползал [*обоз*] австрийский обоз, [*и*] над ним прощально взмахивали молочные дымки шрапнелей. Откуда-то, слева по обозу беглым огнем садила батарея². [*и*] Гулкие раскаты стлались по полю, находя в ближнем лесу многоголосые отклики.

Войсковой старшина Сафронов, [*пр*] ведший дивизион, scomандовал — рысью и три сотни рассыпаясь, вытягиваясь, пошли тяжкой [*рысью*] **трусцой**. [*и*] Лошади под всадниками качались, [*и*] желто-розовыми [*шмотьями*] **цветами** падала с них пена.

Эту ночь ночевали в маленькой деревушке. Двенадцать человек офицеров полка [*вынуждены были сесть*] **теснились** в [*одну*] **одной** [*халупу*] **халупе**. Разбитые усталю, голодные легли спать, [*но*] около полночи приехала полевая кухня. Хорунжий Чубов принес котелок [*жирных*] шей, жирный их аромат разбудил офицеров и через четверть часа опухшие со сна офицеры [*м*] ели жадно, без разговоров, наверстывали за два потерянных в боях дня. После позднего обеда исчез сон. Офицеры отягощенные едой лежали на бурках, [*часть*] на соломе, курили.

[*Внимание Листницкого привлекал*] Подъесаул Калмыков, маленький круглый офицер,||

<Л. 37>

71

носивший не только в имени, но и на лице признаки монгольской расы, [*рассказывал кругло*] **говорил резко** жестикулируя руками.

— Эта война не для меня. Я [*по всей вероятности*] опоздал родиться столетия на четыре. Знаешь, Петр, — (говорил он обращаясь к сотнику Терсинцеву, прозвоня [*Петр*] слово Петр с подчеркнутым «е» вместо «ё») Я не доживу до конца этой войны.

¹ ППС: «Голос низкий иссеченный мукой».

² ППС: «садила батарея беглым огнем».

— Брось хиромантию! — басовито [хрипнул] хрипнул тот из-под бурки [из темного угла].

— Никакой хиромантии. Это конец predetermined. У меня атавизм, и я... ей-богу, тут лишний! Когда мы сегодня шли под огнем я дрожал от бешенства [я] не выношу когда [но] не вижу противника. Это гадкое чувство равносильно страху. Тебя разят на расстоянии нескольких верст, а ты едешь на коне, как дудак по степи под охотничьим прицелом.

— Я смотрел в Купалке австрийскую гаубицу, кто из вас видел, господа? — спросил есаул Атаманчуков слизывая с рыжих, подстриженных по-английски усов крошки мясных консервов.

— Замечательно! Прицельная камера, весь механизм [это здорово сделано] **верх совершенства**. — восторженно заметил хорунжий Чубов успевший опознать второй котелок щей.

— Я видел, но о своих впечатлениях¹ умалчиваю. Профан в артиллерии. По моему пушка, как пушка, — зевластая.

— Завидую тем, которые в свое время воевали первобытным способом, — продолжал Калмыков теперь уже обращаясь к Листницкому, — Врубиться в [карге] **противника** и шашкой разделить человека на две [половинки] **четвертых** — вот это я понимаю, а то чорт знает что.

— В будущих войнах роль кавалерии сведется к нулю.

— Вернее ее самой не будет существовать.

— Ну, это-то положим.

— Вне всякого сомнения!

— Слушай, Терсинцев нельзя-же человека заменить машиной. Это крайность.

— Я не про человека говорю, а про лошадь. Мотоцикл или автомобиль ее заменят.

— Воображаю, автомобильный эскадрон.

— Глупость! — загорячился Калмыков, — конь еще послужит армиям. Абсурдная фантазия, что будет через 200–300 лет, мы не знаем, а сейчас, во всяком случае, конница...

— Что ты будешь делать, Дмитрий Донской, когда траншеи опояшут [фронта] **фронт**? А? Ну-ка, отвечай?||

<Л. 37 об.>

72.

— Прорыв, налет, рейд в глубокий тыл противника, вот [дело] **работа** кавалерии.

— Ерунда!

— Ну, там посмотрим, господа.

— Давайте спать.

— **Слушайте**, Оставьте споры, пора и честь знать, ведь остальные спать хотят.

¹ ППС: «впечатлениях своих».

Возгоревшийся спор угасал. Кто-то под буркой храпел и высвистывал. Листницкий, не принимавший участия в разговоре, лежал на спине вдыхая прянный запах постеленной ржаной соломы. Калмыков крестясь лег с ним рядом.

— Вы *[вот]* поговорите, сотник, с вольноопределяющимся Бунчуком. Он в вашем взводе. Интересный парень.

— Чем? — спросил Листницкий *[и повернулся к]* **поворачиваясь к** Калмыкову спиной.

— Обрусевший казак. Жил в Москве простой рабочий, но натасканный по этим разным вопросам. Бедовый человек и превосходный пулеметчик.

— Давайте спать. — предложил Листницкий.

— Пожалуй. — думая о чем-то **своем** согласился Калмыков и *[вдохнул]* **шевелив пальцами ног** виновато поморщился:

— Вы, сотник, извините, это у меня *[так]* от ног такой запах... Знаете ли, третью неделю не разуваюсь, коврики истлели от пота... Такая мерзость, знаете. Надо у казаков портянки добыть.

— Пожалуйста. — *[засыпая]* окунаясь в сон, промямлил Листницкий.

Листницкий забыл о разговоре с Калмыковым, но на другой день случай столкнул его с вольноопределяющимся **Бунчуком**. На рассвете *[Листницкого позвал]* командир сотни приказал ему выехать *[с взводом]* в рекогносцировку и, — если представится возможным — связаться с пехотным полком, продолжавшим наступление на левом фланге. Листницкий в рассветной полутьме блуждая по двору, усыпанному спавшими казаками, разыскал взводного урядника.

— Наряди со мною пять человек казаков в разъезд. Скажи чтоб приготовил мне коня. Побыстрой.

Через пять минут к порогу халупы подошел невысокий казак.

— Ваше благородие, — обратился он к сотнику насыпавшему в портсигар папиросы, — урядник не назначает меня в разъезд, потому что не моя очередь. Разрешите||

<Л. 38>

73.

вы мне поехать?

— Выслуживаешься? Чем проштрафился? — спросил сотник, слясь разглядеть в серенькой темноте¹ лицо казака.

— Я ни чем не проштрафился. *[Мне хочется поехать]*

— Что-ж, поезжай. — решил Листницкий и встал.

— *[Слушай]* Эй, ты! — крикнул он вслед уходившему казаку, — вернись!

Тот подошел.

— Скажи уряднику...

— Моя фамилия Бунчук. — перебил его казак.

— Вольноопределяющийся?

— Так точно.

¹ ППС: «в серенькой темноте слясь разглядеть».

— Скажите уряднику, — овладевая **минутным** смущением поправился Листницкий, — что-бы он... Ну, да ладно, идите, я сам скажу.

Темнота поредела. Разъезд выехал за деревушку и минув посты и сторожевое охранение взял направление на отмеченную на карте деревню. [*Лобищи*] Отъехав с полверсты сотник перевел лошадь на шаг, окликнул:

— Вольноопределяющийся Бунчук!

— Я.

— Потрудитесь подъехать.

Бунчук поровнял своего незавидного коня с чистокровным донцом сотника.

— Вы какой станицы? — спросил Листницкий разглядывая **в профиль** лицо вольноопределяющегося.

— Новочеркасской.

— [*Что*] Можно узнать причину, понудившую вас итти вольноопределяющимся?

— Пожалуйста. — протяжно и чуть насмешливо ответил Бунчук и поглядел на сотника жесткими зеленоватыми глазами. **Неморгающий** Взгляд их [*под встречн. взглядом*] был тверд, [*и прям бывают такие глаза которые не ломаются под встречным взглядом*] **неломок**. — Меня интересует военное искусство! Хочу постигнуть.

— Для этого есть военные школы.

— Да есть.

— В чем-же дело?

— Сначала хочу на практике пробовать. Теория приложится.

— Ваша профессия до войны?

— Рабочий.

— Где вы работали?

— В Петербурге, в **Ростове-на-Дону** в Туле на оружейном. Я хочу просить о переводе меня в пулеметную команду.

— Вы знакомы с пулеметом?

— [*Русские системы знаю*] **Знаю системы Шоша, Бертье, Браунинга, Мадсена, Максима, Гочкиса, Бергмана, Виккерса, Льюиса, Шварцлозе.**

— **Ого.** Я поговорю с командиром полка.

— Пожалуйста.||

<Л. 38 об.>

74.

Сотник еще раз оглядел невысокую плотную фигуру Бунчука. Напоминал он обдонское дерево караич: ничего [*яркого*] **особенного**, бросающегося в глаза в нем не было, ни одна черта не отличалась яркостью, все было обычно, серо, **буднично** лишь твердо загнутые салазки подбородка, да глаза, ломающие встречный взгляд, выделяли его из гуши остальных лиц. Улыбался он редко, излучинами губ, но глаза от улыбки не смягчили неприступно сохраняя неяркий свой блеск. И весь он был скуп на краски, холодно-сдержан — караич **крутое железной твер-**

дости **дерево** [*выросший*] **выросшее** на серой супеси неприветливой обдонской земли¹.

Некоторое время они ехали молча, [*рядом.*] [*Короткие*] Широкие [*в*] ладони [*руки*] Бунчука лежали на облупленной зеленой луке седла. Листницкий достал папиросу и прикуривая от спички Бунчука почувствовал [*что*] от [*руки*] **рук** его [*пропахли*] [*сладким*] **сладкий смолистый** [*конским*] **конский**² [*потом*] запах пота. Коричневые волосы на тыловой стороне ладоней [*росли г*] лежали густо, как лошадиная шерсть, [*так*] Листницкому невольно хотелось погладить их.

Глотая терпкий дым он проговорил.

— От этого леса вы и еще один казак поедете по тому проселку влево. Видите?

— Да.

— Если на расстоянии полверсты [*вам*] не нападете на нашу пехоту вернетесь.

— Слушаю-с.

Они поехали рысью. Подруженьки-березки³ стояли на отшибе у леска тесной кучей [*шептались о девичьих своих секретах*]. За ними томила глаз нерадостная прожелтень низкорослой сосны, курчавилось редкое мелколесье, [*и*] кустарник помятый скакавшими через него австрийскими обозами. Справа **издалека** давил землю артиллерийский гром. Здесь же, у березок, было **несказанно** тихо. Земля питала богатую росу, розовели травы все яркоцветные наливные, в предосеннем, [*вдовьем своем*] **кричащем о скорой смерти** [*цветеньи*] **цвету**. Листницкий остановился возле березок рассматривая в бинокль взгорье, сугорбившееся за лесом. К нему на медную головку шашки села пчела, расправляя крылышки.

— Глупая. — сожалеюще и тихо сказал Бунчук осуждая [*пчелиную*] **пчелиный** промах.

— Что? — оторвался от бинокля Листницкий.

Бунчук **глазами** указал ему на пчелу [*глазами*] и Листницкий улыбнулся.

— Горек будет ее мед, как вы думаете? [*Бунчук?*]]||

<Л. 39>

75.

Ответил ему не Бунчук. Откуда-то из-за дальней купы сосен [*полновесно за*] пулемет взлохматил тишину пронзительным сорочиным чечеканьем. Розбрызг воющих пуль пронизал [*березовые*] **березки**, [*и*] на гриву сотникова коня кружась и колеблясь упала ссеченная пулей ветка.

Они скакали к деревушке понукая лошадей криками и плетью. Вслед им без единой передышки кончал **австрийский** пулемет ленту.

После Листницкому неоднократно приходилось встречаться с вольноопределяющимся Бунчуком и всегда он поражался той непреклонной воле, которая

¹ ППС: «И весь он был скуп на краски, холодно-сдержан — каранч **крутое железной твердости дерево** [*выросший*] **выросшее** на серой супеси неприветливой обдонской земли. Улыбался он редко, излучинами губ, но глаза от улыбки не мягчели, неприступно сохраняя неяркий свой блеск».

² ППС: «[*конским*] **конский** [*сладким*] **сладкий смолистый**».

³ ППС: «Березки-подруженьки».

светлела в жестких его глазах дивился и не мог разгадать, что хранилось за неуловимую скрытностью, [сквозившею] висевшей тучевой тенью [вокруг] на лице такого простого с виду, неприглядного человека. Бунчук и говорил как-то недосказанно, с улыбкой, зажатой в твердом угле губ, будто шел обходя правду одному ему известную по кривой извилистой стежке. Его перевели в пулеметную команду [при полку]. Недели через полторы, (полк стал на суточный отдых) Листницкий по дороге к командиру сотни [встретился с] догнал [Бунчуком] Бунчука. Он шел над стеной сожженного сарая, игриво помахивая кистью левой руки.

— А-а, вольноопределяющийся!

Бунчук [поднял] повернул голову и козыряя посторонился.

— Куда вы идете? — спросил Листницкий.

— К начальнику команды.

— Нам по пути, кажется?

— Кажется да.

Они шли по улице разрушенной деревни [молча] некоторое время молча. В дворах, около редких уцелевших стодолов суетились люди, проезжали верховые, прямо посреди улицы дымилась полевая кухня с длинным хвостом дожидавшихся в очереди казаков; сверху точилась проморзглая мелкая сырость.

— Ну, как, изучаете войну? — косо глянув на шагавшего чуть сзади Бунчука спросил Листницкий.

— Да... пожалуй, изучаю.

— Что вы думаете делать после войны? — почему-то спросил Листницкий глядя на руки вольноопределяющегося, покрытые черной лошадиной шерстью.

— Кто-то Посеяное будет собирать, а я... погляжу... — сощурил Бунчук глаза.

— Как вас понять?

— Знаете, сотник, — еще пронзительней сощурился тот, — поговорку: «сеюший ветер пожнет бурю»? Так вот...

— [Выскажитесь яснее] А вы бы без аллегорий, яснее.

— И так ясно. Прощайте, сотник, мне налево!!

<Л. 39 об.>

76.

Бунчук приложил волосатые пальцы к козырьку казачьей фуражки и свернул влево. Пожимая плечами Листницкий долго¹ провожал его взглядом. «Что он оригинальничает или просто человек с чужинкой?» раздраженно думал он шагая в обратную землянку [к] [командиру] командира сотни.

[14.] 16.

Вместе [За] Со второй очередью [вскоре] ушла и третья. Станицы, хутора на Дону обезлюдили, будто на покос, на страду вышла вся Донщина. [И на самом

¹ ППС: «Листницкий долго пожимая плечами».

деле] [Жаркая и] **На границах** горькая разгоралась в тот год [на западной и южной границах] страда¹, [убывали понемногу работники] **лапала смерть работников** и не одна уж простоволосая казачка **отпрощалась** отголосила по мертвому... «И родимый, ты, мо-о-ой!.. И на ково-ж ты меня покидаешь?..».

Ложились родимые головами на все четыре стороны, лили рудую казачью кровь и **мертвоглазые беспробудные** истлевали под артиллерийскую панихиду в Австрии, в Польше, в Пруссии... Знать не доносил **восточный** ветер до них плача жен и матерей.

[В погожий сентябрьский день]

Цвет казачий [ушел из] покинул курени и гиб там в смерти, во вшах, в ужасе.

В погожий сентябрьский день [получил] летала над хутором Татарским молочно-радужная паутина, тонкая такая хлопчатая. По вдовьему [горюнилось на небе] **усмехалось** обескровленное солнце, [и] строгая девственная синева неба была отталкивающе чиста, горделива. За Доном, тронутый желтизной, горюнился лес, блекло отсвечивал тополь, дуб ронял **редкие** [узорчатые] **узорчаторезные** [листья] листья, лишь ольха крикливо зеленела, радовала живучестью своей стремительный сорочий глаз.

В этот день Пантелей Прокофьевич Мелехов получил письмо из действующей армии. Письмо принесла с почты Дуняшка. Почтмейстер вручая его ей кланялся, тряс плечиной, униженно разводил руками:

— Вы, ради бога, простите меня, письмо-то я распечатал. Так и скажите папаше, мол Фирс Сидорович письмо, так и так, мол, вскрыл. Очень, мол, ему было интересно про войну узнать, как там и что... Уж вы простите и папаше Пантелею Прокофьевичу так и доложите.

Против обыкновения он был растерян и вышел проводить Дуняшку не замечая||

<Л. 40>

77.

того, что нос **его** до половины [был] измазан чернилами.

— Уж вы там [того] **тово**... Не взыщите, упаси бог... Я ведь по знакомству...

[Он] еще что-то нескладное молол² **он** вслед Дуняшке, кланялся [ей] и в этом почуяла она [что-то] предостерегающее, как толчек. [Она] **Домой** вернулась взволнованная, долго не могла достать из-пазухи письмо.

— Скорей, ты!.. — прикрикнул Пантелей Прокофьевич глядя дрожащую бороду.

Дуняшка доставая конверт торопливо говорила:

— Почтмейстер сказал, што прочитал письмо из антиресу и штоб вы, батя, на нево не обижались.

— Чорт с ним! От Гришки? — напряженно спросил старик, дыша с сапом в лицо Дуняшке, — От Григория, никак? От Петра што ли?

— Батяня, нет... рука чужая на письме.

¹ ППС: «страда [на западных и южных границах]».

² ППС: «молол нескладное».

— Читай ты, не томи! — закричала Ильинишна тяжело подкатываясь к лавке (у нее пухли ноги и ходила она редко их переставляя, ровно на колесиках катилась). Запыхавшись прибежала с надворья Наталья, [и] стала у печи сдавив локтями грудь, скособочив изуродованную шрамом шею. На губах ее трепетно **солнечным зайчиком** дрожала улыбка, она ждала поклон от Гриши и хоть легкое, хоть вскользь напоминание о ней, в награду за ее собачью привязанность, [и] за верность.

— Дарья-то, где? — шепнула старуха.

— Цыцте! — зыкнул Пантелей Прокофьевич (**бешенство [округлив] округлило его** глаза), и к Дуняшке, — читай!

«Уведомляю Вас, — начала Дуняшка и сползая с лавки, дрожа, крикнула дурным голосом:

— Батя! Батюнюшка!.. Ой, ма-а-ама!.. Гриша наш... **Ох! Ох!** Гришу убили!..

Путаясь в листьях чахлой герани билась на окне полосатая оса, жужжала. На дворе мирно квохтала курица, через распахнутую дверь слышался [чей-то] далекий, [ском] детский, бубенчиковый смех. На лице Натальи комкалась судорга, а углы губ **еще** не успели стереть недавней трепетной улыбки.

Поднимаясь, **паралитчно дергая головой** с исступленным недоумением, смотрел Пантелей Прокофьевич на ползавшую в корчах Дуняшку¹.||

<Л. 40 об.>

78.

«Уведомляю Вас, что сын ваш, казак **12 дон. каз. пол. [11 див.]** Григорий Пантелеевич Мелехов в ночь на 22 августа с/г. убит в бою под городом Каменка-Струмилово. Сын Ваш пал смертью храбрых, пусть это послужит Вам утешением в невознаградивой потере. Оставшееся имущество будет передано родному брату его Петру Мелехову. Конь остался при полке.

Командир четвертой сотни подьесаул Полковников.

Действующая армия

24 сентября 1914 г.»

После получения известия о смерти Григория Пантелей Прокофьевич опустился как-то сразу. Он старел день ото дня, на глазах у ближних. Тяжелая развязка его настигала [неудержимо] **неотвратимо**. Слабла память и мутился рассудок. Он ходил по куреню сутулый, [и чер] **чугунно-почерневший**, горячечный масляный блеск глаз выдавал его душевную сумятицу. Письмо от командира сотни сам он положил под божницу и несколько раз за день выходил в сенцы, манил Дуняшку пальцем:

— Выдь-ка ко мне.

Та выходила.

— Принеси письмо об Григорию. Читай! — приказывал он, опасливо поглядывая на [двери] **дверь** горницы, за которой томилась **исходила** в неумолчной тоске Ильинишна, — Ты потише читай, вроде, как про себя — хитро подмигивал он весь корежась, указывая глазами на дверь, — потише читай, а то мать... беда...

¹ ППС: «ползавшую в корчах Дуняшку Пантелей Прокофьевич».

Дуняшка глотая слезы прочитывала первую фразу и Пантелей Прокофьевич, обычно сидевший на корточках, поднимал сторчмя широкую, что лошадиное копыто, черную ладонь:

— Стой! Дальше — знаю... Отнеси, положи под божничку... Ты потише а то мать наша... — и опять он **отвратительно** подмигивал и весь кривился, как древесная кора сжираемая огнем.

Седел он круговинами, быстро, ослепительно белая седина испятнила голову и [ра] нитями разметалась в бороде. Он стал прожорлив, ел много и неряшливо. На девятый день после панихиды пригласили попа Виссариона и родных на поминки по убиенном воине Григорие.||

<Л. 41>

79.

Пантелей Прокофьевич ел быстро и жадно, на бороде его звеньями лежала лапша. Ильинишна, с страхом приглядывавшаяся к нему в эти последние дни, заплакала.

— Отец! Штой-то ты...

— А? Чево? — засуетился старик поднимая от обливной чашки мутные глаза.

Ильинишна махнула рукой и отвернулась комкая у глаз [расшитое] **расшитый** [полотенце] утиральник.

— Едите вы, батенка, будто три дня не евши! — со злобой сказала Дарья и блеснула глазами.

— Ем? А, ну так... так-так... Я не буду... — смутился Пантелей Прокофьевич.

Он растерянно оглядел сидевших за столом и пожевав губами замолк, на вопросы не отвечал, хмурился.

— Мужайся, Прокофич. Чтой-то ты так уж отчаялся. — после поминок бодрил его поп Виссарион, [и]

[— Я и то, батюшка... Я мужаюсь] — Смерть его святая, не гневи бога старик. Сын за царя и отечество терновый венец принял, а ты... грех, Пантелей Прокофич, грех тебе... Бог не простит.

— Я и то, батюшка... Я и то мужаюсь. Смертью храбрых убитый, командир-то пишет...

[И] Поцеловав руку священнику старик припал к дверному косяку и в первый раз за все время, после известия о смерти [Григория] сына заплакал бурно содрогаясь.

С этого дня переломил себя и от удара [нравственно] духовно оправился.

Каждый по-своему зализывал рану. Наталья услышав от Дуняшки о смерти Григория выбежала на баз. «Руки наложу! Все теперь мне! Скорей!» Гнала ее огнем хлестала мысль. Она билась в руках у Дарьи и с радостным облегчением принимала тяжкое безпамятство, лишь-бы отдалить тот момент, когда вернется сознание и властно напомнит о [этом] случившемся. [Она] Неделю провела [она] в [каком-то] дурном забытье и [очнувшись] [вернувшись] вернулась в мир реального иная, притихшая, [выпитая] исглоданная [незримой] {черной} немощью...

Незримый покойник ютился в мелеховском курене и живые пили его васильковый [разлагающийся] трупный запах.

Гл. 17

Мелеховы На двенадцатый день после известия о смерти Григория получили от Петра два письма сразу. Дуняшка еще на почте прочитала их и то [бежала] неслась к дому, как белка, захваченная вихрем,||

<Л. 41 об.>

80.

то качаясь прислонялась к плетням. Немалого переполоху наделала она по хутору и неопишное волнение [взбаломутила] внесла в дом.

— Живой Гриша!.. Живой наш родненький!.. — рыдающим голосом вопила она еще издали. — Петро пишет!.. Раненый Гриша, а не убитый!.. Живой!.. живой!..

«Здравствуйте, дорогие родители! — писал Петро в письме помеченном датой от 27 сентября, — [уведомляю] сообщаю вам, что наш Гришка чудок не отдал богу душу, а сейчас, слава богу, находится живой и здоровый, чего и вам мы желаем от господ бога, здравия и благополучия. Под городом Каменка-Струмиловым был ихний полк в бою, и в атаке видали казаки из его взвода, что срубил его палашем венгерский гусар и Григорий упал с коня, а дальше ничего не было нам известно, и, как я не пытал у них ничего не могли они рассказать. После уж узнал я от Мишки Кошевого, [что] приезжал Мишка в [шта] наш полк для связи, что пролежал Григорий до ночи, а ночью очухался и пополз. И полоз он, по звездам дорогу означая и напал на раненого нашего [офицера] офицера. Был этот офицер раненый, подполковник драгунского полка снарядом в живот и в ноги. Григорий взял его и тянул волоком на себе шесть верст. А за это вышла ему награда, Георгиевский крест и в младшие урядники произвели Гришку. Вот как! Ранение у Григория пустяковое, скобленул его неприятель палашем в голову, кожу стесал, а упал он с коня и оморомом его вдарило. Зараз он в строю, говорил Мишка, и веселый. Вы извиняйте, что так написано. Пишу на седле и дюже качает».

В следующем письме просил Петро прислать ему сушеной вишни с «родимых донских своих садов» и просил не забывать, писать чаще, там-же ругал он Григория за то, что по словам казаков, плохо Гришка присматривает за конем, а ему, Петру, обидно, так, как конь гнедой его, Петра, собственный и кровный; просил [на] отца от себя написать Григорию.

«Я ему доводил до ума через казаков, что если он не будет ухаживать за конем, как за своим добрым, то встретнемся и я ему морду в кровь побую, хотя он и [егорьевский] крестовый кавалер теперь...» — Писал Петро.

Затем следовали бесчисленные поклоны [и] сквозь мятые, подмоченные дождем строки письма, ощутило дышала горькая грусть. Не сладко, видно, и Петру вливалась служба.

Жалко было глядеть на Пантелея Прокофьевича, ошпаренного радостью, он, сграбастав оба письма ходил с ними по хутору, ловил грамотных и заставлял читать, нет, не для себя, а радостью поздней хвастал старик перед||

<Л. 42>

81.

всем хутором.

— Ага! Вишь, как Гришка-то мой? А? — поднимал он сторчмя копытистую ладонь, когда читающий, спотыкаясь, по складам¹ доходил до того места, где Петро описывал подвиг Григория, на себе [*протянувшего*] **проташившего** шесть верст раненого [*полковника*] **подполковника**.

— Первый крест изо всево хутора имеет! — гордился старик и ревниво отбiera письма хоронил [*его*] **их** в подкладку мятой фуражки, шел дальше в поисках другого грамотного.

Сам Сергей Платонович увидя его из окошка лавки вышел снимая картуз.

— Зайди-ка, Прокофьевич!

Он жал старику руку своей мясистой² белой рукой, говорил:

— Ну, поздравляю, поздравляю... Кхм... Таким сыном гордиться надо, а вы его отпоминали. Читал про его подвиг³ в газетах.

— **И В** газетах прописано? — давился Пантелей Прокофьевич сухой спазмой.

— Есть сообщение, читал, читал.

Сергей Платонович сам достал с полки три четверки лучшего турецкого табаку, не вешая насыпал в кулек дорогих конфет и передавая все это Пантелею Прокофьевичу, сказал:

— Будешь Григорию Пантелеевичу посылать посылку, перешли от меня поклон и вот это.

— Бож-ж-же мой, Честь-то Гришке какая... весь хутор об нем гутарит... дожил я... — шептал старик, сходя со ступенек моховского магазина.

Он высморкался, рукавом чекменька [*ветер*] раздавил щекотавшую щеку слезу, подумал: «Старею, видно. Слабый на [*слезы*] слезу стал... Эх, Пантелей, Пантелей, куда жизнь размытарил-то Кремнем раньше был, с баржи мешки по восьми пудов таскал, а теперя? Подкосил меня Гришка трошки...»

Он хромал по улице прижимая к груди кулек с конфетами и опять мысль его, **как чибис над болотом**, вилась вокруг Григория, набродили на память слова из Петрова письма. Тут-то и повстречался ему сват Коршунов. Он первый [*о*] окликнул Пантелея Прокофьевича.

— Эй, сват, постой-ка!

Они не виделись со дня объявления войны. С тех пор, как ушел Григорий из дома, установились меж ними отношения не то что враждебные, а [*холодноватые*] **холодно-натянутые**⁴. Мирон Григорович злился на Наталью за то, что уни-

¹ ППС: «по складам, спотыкаясь».

² ППС: «мясистой своей».

³ ППС: «Про его подвиг читал».

⁴ ППС: «натянутые, [*холодноватые*] -холодно».

жается перед Григорием, ждет от него милостыни и его, Мирона Григорьевича, заставляет переживать подобное-же унижение.

«Сука поблудная! — в семейном кругу ругал он Наталью, — жила бы дома у отца, а то, [нет] ишь, пошла к свекрам, слаже ей хлеб там. Через нее, дуру, и отцу приходится страму||

<Л. 42 об.>

82.

принимать, перед людьми глазами моргать».

Мирон Григорьевич подошел к свату вплотную и сунул конопатую руку, согнутую лодочкой.

— Здорово живешь, сваток!

— Слава богу, сват.

— Ты, никак, с покупкой?

Пантелей Прокофьевич топыря [левую] правую свободную руку [ответил] отрицательно махнул головой.

— Это, сват, гирою нашему подарки. Сергей Платоныч благодетель про ево геройство вычитал в газетах и дарит ему конфетов и легкова табаку. «Пошли, — кричь, — своему гирою от меня поклон и подарки, пушай он и в будущие времена так-же отличается». Ажник слеза его прошибла, понимаешь сват? — безудержно хвастался Пантелей Прокофьевич и пристально глядел в лицо свата, стараясь угадать [о] произведенное впечатление.

Под белесыми веками свата копились световые тени, они-то и делали его опущенный взгляд насмешливо улыбающимся.

— Та-а-ак! — крикнул Коршунов и [пошел] направился через улицу к плетню.

Пантелей Прокофьевич поспешал за ним разворачивая кулек пальцами объятими злобной дрожью.

— Вот скушай конфетку, [сладкая] медовая... — ехидно потчевал он свата, — кушай пожалуйста, от зятя угощаю... Жизнь твоя несладкая, может заешь а сынт-то ни то заслужит такую честь, ни то нет...

— Ты мою жизнь не трожь. Я сам об ней знаю.

— Отпробуй, сделай честь! — с преувеличенной радушностью кланялся Пантелей Прокофьевич забегая вперед свата. Скрюченные пальцы его свежевали конфекту, обдирая серебристую тонкую обертку.

— Мы к сладкому не привычные, — отводил Мирон Григорьевич руку свата, — не привычные мы, зубы у нас от чужих гостинцев крошутся. А тебе сват не пристало милостыню на сына собирать ходить. Нужда есть — ко мне пришел-бы. Зятю-то уж я дал-бы... Наташка-то ваш ить хлеб исть... Можно-б дать на бедность твою.

— Милостыню в нашем роду ишо никто не собирал, не бреши, сват, дубовым языком! [А] Хвальбы у тебя много, сват... дюже много!.. Может через то, што богато живешь и дочь к нам ушла?

— Погоди! — властно кинул Мирон Григорьевич. — Я не ругаться пришел, усмирись, сват! Пойдем потолкуем, дело есть.

— Не об чем нам толковать.

— Значит есть об чем. Пойдем!||

<Л. 43>

83.

Мирон Григорьевич [ух] схватил свата за рукав чекменя и свернул в проулок. Минуя дворы, они вышли в степь.

— Об чем дело? — спросил Пантелей Прокофьевич трезвея от схлынувшей злобы.

Он косо поглядел на белесое веснушчатое лицо Коршунова. Тот подвернул полы длинного сюртука сел на насыпь канавы, достал старенький с бахромчатыми краями кисет.

— Вот видишь, Прокофич, ты нивесть с чего наскочил на меня, как драчливый кочет, а так по свойски-то нехорошо. Нехорошо, как будто, а? Я хочу узнать, — начал он уже иным, твердым, грубоватым тоном, — долго, аль нет твой сын будет измываться над Натальей? Ты мне скажи!

— Об этом у нево пытай.

— Мне нечево у нево пытать, ты свому куреню голова, — с тобой я и разговор имею.

Пантелей Прокофьевич давил в [руке] **горсти** очищенную конфету. [Жидкая] Шоколадная вязкая жижа ползла у него меж пальцев. Он вытер ладонь о коричневую крошкую глину насыпи и молча стал закуривать. Свернул [цыга] бумажку, всыпал из четверки щепоть турецкого табаку и протянул пачку свату. Мирон Григорьевич не колеблясь взял, [и] тоже свернул цыгарку за счет щедротного моховского подарка. Закурили. Над ними [белопенное] **белопенной**, [пышное] **пышной грудью** висело облако и к нему, в немыслимую высоту стремилась от земли [нежнейшее] **нежнейшая**, волнуемая ветром нитка паутины.

День стекал к исходу. Мирная, неописуемо сладкая [висела] баюкалась сентябрьская тишь. Небо, уже утратившее свой летний полновесный блеск, тускло голубело. Над канавой сорили пышный багрянец, бог весть откуда занесенные, листья яблони. За волнистой хребтиной горы скрывалась разветвленная дорога; тщетно манила она людей шагать туда, за [изумрудно] **изумрудную** [золотую] неясную, как сон, нитку горизонта, в неизведанные пространства, — люди, прикованные к жилью, к будням своим, изнывали в работе, рвали на молотье силы, и дорога — [безлюдная] **безлюдный** [пустая] **тоскующий след** — текла перерезая горизонт в невидь. По ней, пороша ее пылью, с **бестолковой изящностью** [от] топтался ветер.

— Слабый табак, как трава. — выпуская нетающее облачко дыма сказал Мирон Григорьевич.

— Слабоват, а... приятный. — согласился Пантелей Прокофьевич.

— Отвечай мне, сват. — расслабленным голосом попросил Коршунов и затушил цыгарку.

— Григорий об этом ничево не пишет. Он зараз раненый.

— Слышал я...

— Што дальше будет — не знаю. Мовет быть и||

<Л. 43 об.>

84.

взаправду убьют. Это как?

— Как же так, сват,.. — растерянно и жалко заморгал Мирон Григорьевич, — живет она ни девка, ни баба, ни честная вдова, ить это страмно так-то! Знатье-б, што оно такое случится — я-б вас, сватов этих, и на порог не пустил, а то как-же так?.. Эх, сват, сват... Каждному своо дитя жалко... Кровь-то она позывает...

— Чем я пособлю?.. — с сдержанным бешенством начал наступление Пантелей Прокофьевич, — Ты мне скажи толком. Я-то аль рад тому, што сын с базу ушел? Мне-то, аль от этого прибыло? Ить вот какие народы!

— Ты ему напиши. — глухо [ронял] диктовал Мирон Григорьевич и в такт его словам шуршала глина, стекая из-под ладони в канаву коричневыми игрушечными ручейками, — пушай он раз и навсегда скажет.

— Дите у нево от энтой...

— И от этой будет дите! — крикнул багровея Коршунов, — Рази можно так над живым человеком? А?.. раз смерти себя придавала и теперь калека... и ее топтать в могилу? А?.. Сердце-то, сердце-то... — зашипел Мирон Григорьевич, **одной рукой** царапая себе грудь, **другой** притягивая [но] свата за полу, — аль у нево [волчье] **волчиное?**

Пантелей Прокофьевич сопел и отворачивался в сторону.

— ... Баба высохла по нем, и иной окромя нету ей жизни. Живет-же у тебя в холопках?

— Она нам лучше родной! Замолчи ты! — крикнул Пантелей Прокофьевич и встал.

Разошлись они в разные стороны, не прощаясь.

Гл. 18

Выметываясь из русла [жизнь] [разбивалась] **разбивается жизнь** [человека] на множество рукавов, трудно предопределить по какому [устремится] **устремит** она, [лукавая и] **свой** [вероломная] **вероломный** и [ехидная] **лукавый ход**. Там, где нынче идет она полноводная, богатая [завтра уж] **завтра** [мелькает] **мельчает** [жизнь], — как речка на перекате, [мелькает] **мельчает** настолько, что видно буднюю поганенькую ее россыпь...¹

Как-то внезапно созрело у Натальи решение сходить в Ягодное к Аксинье, вымолить, упросить ее² **вернуть** Григория. Ей почему-то казалось, что от Аксиньи зависит все и упроси она ее — снова вернется [вместе с мужем] **Григорий** и былое счастье. Она не задумывалась над тем, осуществимо-ли это, и как примет Аксинья ее странную просьбу³ [и] толкаемая [внутренним] [вну] подсознатель-

¹ ППС: «Там, где нынче **завтра** [мелькает] **мельчает** [жизнь], — как речка на перекате [мелькает] **мельчает** настолько, что видно буднюю поганенькую ее россыпь [завтра уж] идет она полноводная, богатая...»

² ППС: «упросить ее, вымолить».

³ ППС: «и как примет Аксинья ее странную просьбу, осуществимо-ли это».

ным чувством она стремилась скорей претворить внезапное свое решение в жизнь.

На исходе месяца Мелеховы получили от||

<Л. 44>

85.

Григория письмо. После поклонов отцу и матери он слал поклон и низжайшее почтение Наталье Мироновне. [*Что*] **Какая неизвестная причина** побудило¹ его на это, но для Натальи это было толчком: в первое-же воскресенье она собралась итти в Ягодное.

— Куда ты, Наташа? — спросила Дуняшка, глядя, как Наталья перед осколком зеркала внимательно и строго рассматривает свое лицо.

— Своих пойду проведу. — солгала та и покраснела, впервые поняв, что идет на великое унижение, на большую нравственную пытку.

— Ты, Наталья, хоть сроду-б раз со мной на игрища [*сходила*] **пошла** — охорашиваясь попросила Дарья. — Пойдешь, што-ли, вечером?

— Не знаю. Навряд.

— Эх, ты, черничка, только и нашево, пока мужьев нету! — озорничала подмигивая Дарья и, гибкая, переламываясь на двое, [*рассматривая*] **рассматривала** перед зеркалом **расшивной** подол новой бледно-голубой юбки.

Дарья [*ощутимо*] изменилась со времени отъезда Петра. **Заметно** отзывалось на ней отсутствие мужа² [*Ощутимое*] [*Он*] Некое горячее беспокойство сквозило в ее глазах, [*в*] движениях, походке. Она тщательней наряжалась по воскресеньям, с игрищ приходила поздно, **злая** темнея зрачками жаловалась Наталье.

— Беда, ей-богу... Забрали казаков подходящих, остались в хуторе одни ребята, да старики.

— Тебе-то чево?

— Как так, чево? — удивилась та, — На игрищах не с кем и побаловаться... Хучь-бы на мельницу одной припало ехать, а то с свекром дюже не разойдешь-ся...

Она с циничной откровенностью расспрашивала Наталью:

— Как-же ты, милушка без [*муж*] казака [*столько времени*] так долго терпишь?

— Будет тебе, бессовестная! — [*зажигалась*] обливалась Наталья густым румянцем.

— И не хочется тебе?

— А тебе, видно, хочется?

— Хочется, бабонька, — хохотала Дарья розовея и дрожа крутыми дугами бровей, — Чево уж греха таить... Я-б сейчас и старика какова-нибудь раскачала, ей-богу! Ты вздумай, ить два месяца, как Петра нету.

— Ты, Дарья, беды наживешь...

¹ Правка не завершена, надо «побудила».

² ППС: «Отсутствие мужа **заметно** отзывалось на ней».

— Будя тебе, почетная старушка! Знаем мы таких тихонюшек... Ты, небось, не признаешься.

— Мне и признаваться не в чем.

Дарья смешливо косилась на нее и кусая губы мелкими злыми зубами рассказывала:

— Надясь на игрищах подсел ко мне Тимошка Маныцков, атаманов сынок, сидит потный весь. Вижу, боится [*значит*], начинать...||

<Л. 44 об.>

86.

Потом руку мне потихоньку подмышку провздел, а рука дрожит. Я притерпелась, молчу, а самую злость берет, хучь-бы парень-то был, а то так... сопля! [*одним словом*] Ему годов [*шеснаццать*] **шеснаццать**, не больше, [*а ить*] видишь каких забирает... Молчу сижу, он лапал, лапал и шепчет: «Пойдем к нам на гумно...» Эх, как я ево...

Дарья весело хохотала, на лице ее трепетали брови, [*брызжущее*] **брызжущий** [*веселье*] **смех** лучили прищуренные глаза. — Уж я ево и выбанила! Как вскочу: «Ах, ты, такой-сякой! Щенчишка желторотый! Да ты можешь мне такое вякать? Ты давно перестал по ночам под себя мочиться?!. Уж я ему, узду ево мать, и прочитала!

С Натальей у них установились отношения простые и дружественные, та неприязнь, которую **вначале** питала Дарья к младшей снохе, стерлась, и бабы, разные по характерам, во всем непохожие одна на другую, сошлись, жили ладно.

Наталья оделась и пошла [*в*] из [*с*] горницы. В сенцах ее догнала Дарья.

— Ты мне отопрешь нынче дверь?

— Я дома у **своих**, должно, заночую.

Дарья раздумывая почесала **гребешком** переносицу и трянула головой.

— Ну, иди. Не хотела Дуняшку об этом просить, видно придется.

Наталья сказала [*све*] Ильинишне о том, что идет к своим, и вышла на улицу. От площади ехали подводы с базара, шли из церкви люди. Наталья прошла два переулка и свернула влево. На гору поднималась спеша. На перевале оглянулась назад: под ней лежал залитый солнечным половодьем хутор, белели выбеленные домики, на покатой крыше мельницы, отражаясь [*ломались*] **искрились** солнечные лучи, [*и*] расплавленной рудой блестела жесь¹.

[15.] **19.**

Война и из Ягодного повыдергала людей [*забра*] [*ушел*] **ушли** Вениамин и Тихон, после них стало еще глуше, тише, скучнее. Вместо Вениамина прислуживала старому генералу Аксинья, толстозадая, нехудеющая Лукерья приняла на себя работу черной кухарки и птичницы, дед Сашка совмещал обязанности конюха с охраной сада, лишь кучер был новый, степенный, престарелый казак Никитич.

¹ ППС: «жесь блестела расплавленной рудой».

В этом году пан [распродал [ча] лошадей] [свел на нет посев] {уменьшил посев} поставил на ремонт около двадцати лошадей, остались лишь рысистой породы да тройка донских, обслуживавших нужды хозяйства; [свел на нет посев и] Время коротал пан на охоте, с Никитичем заезжали на дудаков и изредка баломутили округу||

<Л. 45>

87.

охотой с [гончими] борзыми.

От Григория Аксинья нечасто получала коротенькие письма, извещавшие о том, что он пока-де жив-здоров, [войну] службу ломает. Крепился-ли он, или не хотел в письмах выказывать своей слабости, но ни разу не обронил он слово о том, что тяжело ему, [и скучно страшно] скучно. Письма дышали холодком, [казалось] будто писал он их по принуждению, лишь в последнем письме, [уже после ранения,] обмолвился он фразой: «...[теперь я опять] все время в строю и уж как будто и надоело воевать, возить за собой в переметных сумах смерть». В каждом письме он справлялся о дочери, просил писать о ней: «...пиши, как моя [дочь] Танюша растет и какая она собой стала? Недавно видал ее во сне большой и в красном платье...».

Аксинья с виду стойко переносила разлуку. [все] вся любовь ее к Гришке перекинулась на дочь и особенно после того, как убедилась в том, что подлинно от [Гришкина] Гришки [дочь] понесла она ребенка. Доказательства являла жизнь неопровержимые: темно-русые волосы девочки вывалились, новые росли черные и курчавые, меняли цвет и глаза, чернея, удлиняясь в разрезе. С каждым днем [она] девочка все разительнее [похо] запохаживалась на отца, даже улыбка отсвечивала мелеховским, Гришкиным, звероватым. Теперь без сомнения угадывала она в ребенка отца и от этого [привязывалась] прикипала к нему [крепко] жгучим чувством, не было уж [такого] так [случая], как раньше, когда подходила она к люльке и отшатывалась, найдя в сонном личике девочки [какое] какой-нибудь намек, беглое сходство с ненавистными линиями Степанова лица.

Цедились дни и после каждого оседала [горечь] в душе Аксиньи терпкая горечь. Тревога за жизнь любимого остреньким буравчиком сверлила мозг, [тревога эта] не покидала ее днями, навевалась и ночью. И тогда то, что копилось в душе взнуданное до времени волей, рвало плотины [и] ночь, всю дотла, билась Аксинья в немом крике, в слезах, кусая [подушку и] руки, чтобы не разбудить ребенка, утишить крик и нравственную боль убить физической. В пеленки выплакивала лишки слез, думая в детской своей наивности: «Гришкино дитё, он сердцем должен почуять, как тоскую об нем...»

После таких ночей вставала она, как избитая, ломило все тело, настойчиво, неутомимо стучали в висках серебряные молоточки, в опущенных когда-то отрочески пухлых углах рта ложилась мужалая горесть... Старили Аксинью горячие ночи¹.

¹ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

В воскресенье как-то, [Аксинья только что подала] подала она пану завтрак и вышла на крыльцо К воротам [шла] подошла женщина. Бились под белым платком такие страшно знакомые глаза... Женщина пожалала щеколду и вошла во двор. Аксинья побледнела, угадав Наталью, медленно [пошла] двинулась навстречу.||

<Л. 45 об.>

88.

Они сошлись на середине двора. На чириках Натальи лежала густая слоенка дорожной пыли. Она [стояла] остановилась безжизненно уронив большие рабочие руки, сапно дыша, пыталась и не могла выпрямить изуродованную шею, [от этого] оттого казалось, что смотрит она куда-то в сторону.

— Я к тебе, Аксинья... — сказала она, [поводя] облизывая обветрившие губы сухим языком.

Аксинья быстро оглядела окна дома и молча пошла в людскую, в свою половину. Наталья шла сзади. Слух ее болезненно царапал шорох Аксиньиного платья.

«От жары, должно-быть, в ушах больно», [подумала она] выцарапалась из вороха мыслей одна¹.

Дверь [за собой] пропустив Наталью, притворила [нап] Аксинья. [Она] Притворив, стала среди комнаты, [сунув] сунула руки за белый передник. Игру вела она.

— Ты чево пришла? — вкрадчиво, почти шепотом спросила она.

— Мне бы выпить... — попросила Наталья и обвела комнату тяжелым, негнущимся взглядом.

Аксинья ждала. Наталья заговорила трудно поднимая голос:

— Ты отбила у меня мужа... Отдай мне Григория! Ты... мне жизнь сломила... Видишь, я какая...

— Мужа тебе?.. — Аксинья стиснула зубы и слова, [точились скупю] — дождевая [капель] капля на камень — точились скупю. — Мужа тебе? У ково ты просишь? Зачем ты пришла?.. Поздно ты надумала выпрашивать... Поздно!

Качнувшись всем телом Аксинья подошла вплотную [и], едко засмеялась. Она глумилась, вглядываясь в лицо врага. Вот она, законная, брошенная жена, стоит перед ней приниженная, раздавленная горем, [она, кот] та по милости которой, исходила [она] Аксинья слезами расставаясь с Григорием, [неся] несла в [душе] сердце кровяную боль, как жесткий [камень] самородок-камень. И в то время, когда [тол] она, Аксинья, томилась в смертной тоске вот эта ласкала Григория и, наверное, смеялась над нею, неудачливой брошенной любовницей.

— И ты пришла просить, чтоб я ево бросила? — задыхалась Аксинья, — Ах, ты, гадюка подколодная!.. Ты первая отняла у меня Гришку! Ты, а не я! Ты знала, што он жил со мной, зачем замуж шла? Я вернула свое, он мой. У меня дите от нево, а ты... — она с [бурным] бурной [гневом] ненавистью глядела в глаза [Наталье] Натальи и беспорядочно взмахивая руками сыпала [накипевшие] перекипевший шлак [слова] слов: — [Дура ты! Шалава!] Мой Гришка, и ни кому

¹ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

не отдам!.. Ступай, сука бессовестная, ты ему не жена! Ты у дитя отца хочешь взять? Ого! Чево-ж ты раньше не шла? Ну, чево не шла?

Наталья боком подошла к лавке и села, роня голову на руки, ладонями закрывая лицо.

— Ты свою мужа бросила... [Ну] Не шуми так...||

<Л. 46>

89.

[Ты меня убила-бы... Ну, убей!]

— Кроме Гришки нету у меня мужа! Никого нету во всем свете!

Аксинья **чувствуя как** [металась] **мечется** [в] в ней безисходная злоба глядела на прядь прямых черных волос, упавшую из-под платка на руку Натальи¹.

— Ты-то нужна ему? [Косошея] [К т] Глянь, [шея] **шею**-то у тебя покривило. И ты думаешь он позавидует на тебя? Здоровую бросил, а на калеку позавидует? Не видать тебе Гришки! Вот мой сказ. Ступай!

Аксинья лютовала защищая свое гнездо, за все прежнее разила [сейчас] **теперь**. Она видела, что Наталья несмотря на [шрам на ш] слегка покривленную шею так-же хороша, как и раньше, щеки ее [свежи] и рот свежи, не измяты временем, а у нее, Аксиньи, не по вине-ли этой Натальи раньше времени [легли] **расплелась** над глазами паутинка морщин?

— Ты думаешь я надеялась, што [ты согласишься] выпрошу? — подняла Наталья пьяные **от мути** глаза.

— Зачем-же ты шла? — дыхом спросила Аксинья.

— Тоска меня пихнула.

Разбуженная голосами проснулась на кровати и заплакала приподнимаясь Аксинья дочь. Мать [подняла] **взяла** ребенка на руки, села **отвернувшись** к окну. Вся содрогаясь Наталья глядела на ребенка, сухая спазма захлестнула ей горло: на нее с **осмысленным** любопытством глядели с **лица ребенка** глаза Григория.

Она вышла на крыльцо рыдая и качаясь. Провожать ее Аксинья не пошла. Спустя минуту вошел дед Сашка.

— Што это за баба была? — спросил он, видимо, догадываясь.

— Так... хуторная одна.

Наталья отошла от [вор] имения версты три, [села] **прилегла** под кустом дикого терна. Лежала ни о чем не думая, **раздавленная неизъяснимой тоской** перед глазами ее **неотступно** маячили, на лице ребенка, угрюмоватые черные глаза Григория.

[16.] 12².

[[15] 11ая кавалерийская дивизия после занятия Лешнюва [шла] с боем прошла через Станиславчик, Радзивилов, Броды и 15 августа развернулась возле города Каменка-Струмилово. Сзади [развертывалась] **шла** армия, сосредоточивались

¹ ППС: «глядела на прядь прямых черных волос, упавшую из-под платка на руку Натальи, [в] в ней безисходная [металась] **мечется** злоба».

² Слева от номера главы помета синим карандашом: «Ст. 3[5]1».

на важных стратегических участках пехотные части, копилась на узлах штабы и обозы. От Балтики смертельным жгутом растягивался фронт. В штабах [создавались] **разрабатывались** планы широкого наступления, над картами корпели генералы, мчались развоза боевые приказы ординарцы, [и] сотни тысяч солдат шли на смерть... [фронт — огромная [язва] **рана** на [теле] [теле страны] и [из нее] [в] **через** нее [из организма] сочится по артериям железных дорог людская серая кровь. [Фронт — огромная рана. Через нее из организма страны сочится по артериям железных дорог людская кровь.]||

<Л. 46 об.>

90.

Разведки доносили, что к городу стягиваются крупные кавалерийские силы противника. В перелесках, возле дорог вспыхивали стычки, [входили] казаuchy разьезды входили в соприкосновение с неприятельскими разведками.

Мелехов Григорий все дни похода после того, как расстался с братом, пытался и не мог найти в душе точку опоры, что-бы остановиться в **болезненных** раздумьях и вернуть себе прежнее ровное [состояние духа] **настроение**. [Обстановка способствовала]

С последней маршевой сотней влили в полк третьеочередников. Один из них¹ казак станицы Казанской² Алексей Урюпин попал в один взвод с Григорием. [ре] Был [он] **Урюпин** высок, сутуловат, с выдающейся нижней челюстью и калмыцкими [жгутиками] [**<1 слово нрзб.>**] **косицами** усов; веселые бесстрашные глаза его вечно смеялись; несмотря на возраст [был он] **светил он** лысиной, лишь по бокам оголенного **шишкасто-выпуклого** черепа кустились редкие русые волосы. С первого же дня дали казаки ему³ прозвище «Чубатый». Под Бродами после боя полк отдыхал сутки. Григорий стоял с Чубатым в одной халупе. [и тот завел] Они разговорились.

— Ты, Мелехов, какой-то лентяый. [гляжу]

— Как лентяый? — нахмурился Григорий.

— Квельый, [как словом,] вроде, [как] хворый [што ли]. — пояснил Чубатый [(говорил слова обрезал он отрывисто⁴)].

Они кормили на коновязи лошадей, курили прислонясь к обомшелому ветхому заборчику.

По улице **по четыре в ряд** шли гусары, над [до] заборами валялись неубранные трупы (вытесняя австрийцев дрались на улицах предместья), чадный дымок сочился из-под развалин сожженной синагоги. Великое разрушение и мерзостную пустоту являл город в этот предвечерний [**<нрзб.>**] пышно [расцветенный] расшитый красками час.

— Здоровый я. — не глядя на Чубатого сплюнул Григорий.

— Бреешь. Вижу.

¹ ППС: «Из них один».

² ППС: «Казанской станицы».

³ ППС: «ему казаки».

⁴ ППС: «он отрывисто обрезал слова».

— *Чево видишь?*

— *Робеешь [ты?] сонатый! Смерти боишься.*

— *Глупый ты!* — презрительно сказал Григорий и [внимательно] *щурясь* осмотрел ногти.

— *Скажу: убил то [чело] человека?* — [качнулся] *чеканил* испытующе глядясь в лицо Григория Чубатый.

— *Ааа... Убил. Ну?*

— *Стенить душа?*

— *Сте-нить?* — усмехнулся Григорий.

Чубатый выдернул из ножен шашку. [Глаза его смеял]

— *Хочешь голову срублю?*

— *Потом?*

— *Убью и не вздохну. Нет во мне жалости.* — Глаза Чубатого смеялись, но Григорий по голосу, по хищному трепету ноздрей понял, что говорит он серьезно.

— *Дикой ты и чудака.* — сказал Григ., внимательно осматривая лицо Чубатого.]]

<Л. 47>

91.

— У тебя сердце жидкое. А баклановский удар знаешь? Гляди.

Чубатый выбрал [глазами] росшую в палисаднике престарелую березку и пошел прямо на нее, сутулясь, [не поднимая] целясь глазами. Его длинные, жилистые, непомерно широкие в кисти руки висели неподвижно.

— Гляди.

Он медленно [вкось] заносил шашку и [вдруг] приседая вдруг с страшной силой кинул вниз *косой* взмах, березка, срезанная на два аршина от корня, падала цепляя ветвями голые рамы окон, царапая стену дома.

— Видал? Учись. Бакланов *атаман* был, слышал? Шашка у него была, на стоке ртуть залитая, поднимать тяжело ее, а рубанет коня [и] пополам. Вот.

Григорий долго не мог усвоить [сложного] *сложной* [удара] техники удара.

— Сильный ты, а рубить дурак. Вот как надо. — учил Чубатый и шашка его в *косом* полете разила *цель* с чудовищной силой.

— Человека [убить] руби смело. Мягкий он человек *как тесто*, — поучал Чубатый, смеясь глазами. — Ты не думай, как и што. Ты — казак, твое дело рубить [врага] не спрашивая. В бою убить врага [не грех, а] святое дело. За каждого убитова скашивает тебе бог один грех, тоже, как и за змею. Животную без потребности нельзя губить, телка скажем, или ишо што, а человека уничтожай. Поганый он человек... Нечисть, смердит, живет на земле вроде [к] гриба-поганки...¹

На возражения Григория [Чубатый] он [морщился] *поморщился*² и упрямо [умолкал] *умолк*.

¹ ППС: «живет на земле, смердит вроде [к] гриба-поганки».

² ППС: «Он поморщился на возражения Григория».

Григорий с удивлением [заметил] замечал, что [Чубатого] Чубатого беспричинно боятся все лошади. Когда подходил он к коновязи, — кони пряли ушами, сбивались в одну кучу, будто зверь шел к ним, а не человек. Под Станиславчиком сотня наступая по лесистой и топкой местности вынуждена была спешиться. Коноводы брали лошадей и отъезжали в [лесистую] лоштинку, под прикрыtie. Чубатому досталось коноводить, но он отказался наотрез¹.

— Урюпин, Ты чево, сучье вымя выкалаваешься? Почему не берешь коней? — налетел на него взводный урядник.

— Они меня боятся. Ей-богу! — [смея] уверял тот, [с] тая [постоянным] постоянный [смешком] смешок в глазах.

Он никогда не был коноводом, с своим конем обращался ласково, холил его заботой, но всегда замечал Григорий, [как] только хозяин подходил к нему [прямо держа выт] по привычке не шевеля прижатыми к бедрам руками, — по [спину] спине коня||

<Л. 47 об.>

92.

волною шла дрожь, конь беспокоился.

— Ты скажи, урядник, чево от тебя кони полагаются? — спросил как-то Григорий.

— Кто из знает, — пожал Чубатый плечами, — Я их жалею.

— Пьяных по духу [чуют] угадывают, боятся, а ты тверезый.

— [Они во мне] Во мне сердце твердое, они чуют.

— Волчиное в тебе сердце, а может и никакова нету, камушек [замест] за [сердца] нево заложенный.

— Моget быть. — охотно соглашался Чубатый.

Под городом Каменка-Струмилово [12^{ми} полк] [Григорий] 3^{ми} взвод целиком с взводным офицером выехал в рекогносцировку. Накануне чех-перебежчик сообщил командованию о дислокации австрийских частей и предполагаемом контрнаступлении по линии Гороши-Ставинцкий, требовалось постоянное наблюдение за дорогой, по которой предполагалось передвижение частей противника, с этой целью взводный офицер оставил на опушке леса четырех казаков с [уря] взводным урядником, а с остальными поехал к видневшимся за взгорьем черепичным крышам какого-то выселка.

На опушке, возле старой остроконечной часовни с ржавым распятием, остались Григорий Мелехов, урядник, казак из молодых Силантьев, Чубатый и [еще двое] Мишка Кошевой.

— Спешивайся, ребята. — приказал урядник, — Кошевой, отведи коней вон за энти сосны. Ну, да, вон за энти, какие погуще.

Казаки лежали под поломанной засохшей сосной, курили, [взво] урядник глаз не отрывал от бинокля. [Перед] Шагах в десяти от них волнилось неубранное, растерявшее зерно жито. Выхолощенные ветром колосья горбились [и тихо] скупо шуршали. Полчаса пролежали [они] казаки перебрасываясь ленивыми

¹ ППС: «наотрез отказался».

фразами. Где-то [левее] правее города неумолчно колыхался орудийный гул. Григорий подполз к хлебам и выбирая полные колосья обминал их, жевал черствое перестоявшееся зерно.

— Никак австрийцы! — вполголоса [сказал] воскликнул урядник.

— Где? — встрепенулся Силантьев.

— Вон из леса. Правей гляди!

Кучка всадников выехала из-за дальнего перелеска. Остановившись они разглядывали поле с далеко выпяченными мысами леса, потом тронулись по направлению на казаков.

— Мелехов! — позвал урядник.

Григорий ползком добрался до сосны.

— Подпустим ближе и вдарим залпом. Готовь винтовки, ребята. — лихорадочно шептал урядник.

Всадники забирая вправо [подвигались] двигались [вперед] шагом¹. Четверо лежали под сосной молча, тая дыхание.||

<Л. 48>

93.

— [Аутт] Ахт, капраль! — донесло ветром молодой звучный голос.

Григорий приподнял голову: шесть венгерских гусар в красивых расшитых шнурами куртках ехали кучкой. Передний на вороном крупном коне держал на луке карабин и негромко, басовисто смеялся.

— Крой! — шепнул урядник.

— Гу-гу-гак! — гукнул залп.

— Ака—ка—ка—как—ак! — залаяло сзади эхо.

— Чево вы? — испуганно крикнул из-за сосен Кошевой, [и] и по лошады: Тпрр проклятый, взбесился!... Тю, чорт.

Голос его [отрезвляюще громко] прозвучал отрезвляюще громко. По хлебам скакали разбившись цепкой гусары. Один из них, тот, который ехал передним, на сытом вороном коне, стрелял вверх, последний, [оставший,] припадая к шее лошади [все] оглядывался, держал левой рукой кепи.

Чубатый вскочил первый и побежал, путаясь ногами в житах, держа на перевес винтовку. Саженьях в ста взбрыкивала и сучила ногами упавшая лошадь, около нее без шапки стоял венгерский гусар, [и] потирал ушибленное при паденьи колено. Он что-то крикнул еще издали и поднял вверх руки оглядываясь на скакавших вдаль товарищей.

Все это произошло так быстро, что Григорий опомнился только тогда, когда Чубатый подвел пленника к сосне.

— Сымай, вояка! — крикнул он, грубо [срывая] [рванув] [с плеча португею] {рванув} к себе палаш.

Пленник растерянно улыбнулся, засуетился. Он с готовностью стал снимать ремень, но руки его заметно дрожали, ему никак не удавалось отстегнуть пряжку. Григорий осторожно помог ему и гусар — молодой рослый, пухлощекий парень,

¹ ППС: «Шагом [подвигались] двигались [вперед] забирая вправо».

с крохотной бородавкой прилепившейся на уголке бритой верхней губы, — благодарно ему улыбнулся, закивал головой. Он словно обрадовался, что его избавили от оружия, пошарил в карманах оглядывая казаков, достал кожаный кисет и залопотал что-то, жестаи предлагая покурить.

— Угощает. — улыбнулся урядник, а сам уж шупал в кармане бумажку.

— Закуривай на чужбях! — хохотнул Силантьев.

Казаки свернули цыгарки, закурили. Черный трубочный табак крепко ударил в голову.

— Винтовка ево где? — [между зат] с жадностью затягиваясь¹ спросил урядник.

— Вот она. — показал Чубатый из-за спины простроченный желтый ремень.

— Надо ево в сотню. В штабе, небось, нуждаются в языке. Кто погонит, ребята? — спросил урядник, перхая и обводя казаков посоловелыми глазами.

— Я провожу [ево] [што ли] — вызвался Чубатый.

— Ну, гони.||

<Л. 48 об.>

94.

Пленный, видимо, понял, заулыбался кривой жалкой улыбкой, пересиливая себя он суетился, вывернул карманы и совал казакам помятый влажный шоколад.

— Русин их... русин... нейх австриц! — он коверкал слова, смешно жестикулировал и все совал казакам пахучий мятый шоколад.

— Оружие есть окромя? — спросил его урядник, — Да ты не лопочи, не пойдем все одно. Ливорверт есть? Бах, бах, есть (урядник пожал пальцем мнимый спуск).

Пленный яростно замотал головой.

— Не есть! Не есть!

Он охотно дал себя обыскать, пухлые щеки его дрожали [нижня губа с крохот. <1 слово нрзб.>] Из разорванных на колене рейтуз стекала кровь, [морщась он прикладывал] виднелась на розовом теле ссадина. Он прикладывал к ней носовой платок, морщился, чмокал губами, безмолчно говорил... Кэпи его осталось возле убитой лошади. Он просил позволения сходить взять одеяло, кэпи и записную книжку, в ней ведь фотография его родных. Урядник тщетно силился его понять и безнадежно махнул рукой.

— Гони.

Чубатый взял у Кошевого своего коня, сел и поправляя винтовочный ремень, указал рукой.

[— Иди, служивый. Тоже вояка, едрена матрена! Поощренный его улыбкой пленный улыбнулся и шагая рядом с лошадью даже [дружески] с заискивающей фамильярностью по сухой голени Чубатого. Тот сурово откинул его руку и натянул поводья пропуская его вперед.]

— Иди служивый. Тоже вояка, едрена матрена!

Поощренный его улыбкой пленный улыбнулся и, шагая рядом с лошадью,

¹ ППС: «затягиваясь с жадностью».

даже с заискивающей фамильярностью хлопнул ладонью по сухой голени Чубатого. Тот сурово откинул его руку и натянул поводья пропуская его вперед¹.

— Иди, чорт! Шутки шутишь?..

Пленный **виновато** заторопился, [и] пошел уже **серьезный** часто оглядываясь на оставшихся казаков. [Григорий долго] Белесые его вихры задорно торчали на макушке. Таким он и остался в памяти Григория: накинута в напашку расшитая гусарская куртка, белесые [вихры] **сторчмя поднятые вихры** и уверенная, бравая походка.

— Мелехов, поди ево коня расседлай. — приказал урядник и с сожалением плюнул на остаток цыгарки уже припекавшей пальцы.

Григорий снял с убитой лошади седло, зачем-то поднял лежавшую неподалеку шапку. Он понюхал подкладку, **ошутил прянный** запах дешевого мыла и пота. Нес седло и бережно держал в левой руке гусарское кэпи.

Казаки, [лежа] сидя на корточках у сосны, копались в сумах, рассматривали невиданной формы седло.

— Табачек хорош у нево, надо-б ишо на цыгарку попросить. — пожалел Силантьев.

— Да, што верно, то верно, хорош табак. Будто ажник сладкий, как маслом по глотке и идет...

Урядник вздохнул при воспоминании и проглотил слюну.||

<Л. 49>

95.

Спустя несколько минут из-за сосен показалась голова лошади, Чубатый ехал обратно.

— Ну?.. — испуганно вскочил урядник, — Упустил?

Помахивая плетью Чубатый подъехал, спешил, потянулся разминая плечи.

— Куды дел австрийца? — допытывался подступая урядник.

— Чево лезешь? — огрызнулся Чубатый, — Побег он... думал убечь...

— Упустил?

— Выехали на просеку, он и ахнул... Срубил я ево.

— Брешь ты! — крикнул Григорий, — Зря убил!

— Ты чево шумишь? Тебе какое дело?

Чубатый поднял на Григория ледяные глаза.

[[Кровь хлынула Григорию в голову, он медленно [поднимая] винтовку, целясь Чубатому между глаз.] шептал горячечно: — Я тебе... Убил ни за што... Получай, мать твою в гроб...» «— Ка-а-ак? — привставая Григорий [поднимал] вскинул винтовку»; «— Какое тебе дело? — повторил Чубатый сквозь зубы.]

— Ка-а-ак? — Григорий медленно привставал, шарил вокруг себя подпрыгивающими руками.

— Не лезь, куда не надо! Понял, а? Не лезь? — строго повторил Чубатый.

¹ Текст вставки выполнен на отдельном листке (48 а), который представляет собой вклейку в автограф.

Рванув за ремень винтовку Григорий стремительно вскинул ее к плечу. Палец его прыгал не попадая на спуск, странно косилось побуревшее лицо¹.

[твою в гроб]

— Но-но! — угрожающе вскрикнул урядник подбегая к Григорию.

Толчек опередил выстрел и пуля обивая хвою с сосен, запела тягуче нудно.

— Што-ж это!? — ахнул Кошевой.

Силантьев, как сидел с раскрытым ртом, так и остался, урядник пихая Григория в грудь вырывал у него винтовку, лишь Чубатый не изменил положения: он все так же стоял **вольно** отставив ногу, держался левой рукой за пояс.

— Стреляй ишо.

— [Уйди], убью!.. — рванулся к нему Григорий.

— Да вы што?.. Как это?.. Под суд, под расстрел хотите? Клади оружие!.. — заорал урядник и отпихнув Григория стал между ними распятем расклячив руки.

— Брешешь не убьешь. — **сдержанно** смеялся Чубатый подрыгивая отставленной ногой.

На обратном пути, уже [перед вечером] в сумерках Григорий первый заметил на просеке труп зарубленного [пленника]. Он подскакал [первый] удерживая всхрапывающего коня опережая остальных² всмотрелся: на [зеленом] курчеватом мхе [ничком лежал пере] далеко откинув вывернутую руку [ничком] **плашмя зарывшись лицом в мох** лежал зарубленный на траве. Тускло, **осенним листом** желтела ладонь. [Григорий содрогаясь, чувствуя, как мокнет весь в липкой испарине,] Ужасающий удар [Чубатого³], нанесенный по всей вероятности, сзади расклинил [пленного] **австрийца** на двое, от плеча **наискось** до пояса.

— Полоханул он ево... — глухо проговорил урядник проезжая, [и] испуганно косясь на белесые вихры убитого, никло торчавшие на покривленной голове.

Казаки ехали молча до места стоянки сотни. Сгущались сумерки. [Черная] **Черную** [зубитель-] **пенис-||**

<Л. 49 об.>

96.

тую тучу гнал с запада ветерок. Откуда-то с болота подползал **пресный** запах мочажинника, ржавой сырости, гнилья; [з] гукала выпь. Дремная тишина прерывалась звяком конской сбруи, **случайным** стуком шашки о стремя; хрустом хвоя под копытами лошадей. Над просекой меркли на стволах сосен [темногрудая] **темногрудые** [краска] **краски отсвета** следы ушедшего солнца.

Чубатый часто курил. Глеющий [цыгар] огонек освещал его толстые с выпуклыми черными ногтями пальцы, твердо [державшие] **когтившие** цыгарку. [Неслышно [шагая по лесу крылатилась] **обминая хвою заваливалась** ночь.]

¹ Текст вставки выполнен на отдельном листке (49 а), который представляет собой вклейку в автограф.

² ЛПС: «Опережая остальных он подскакал [первый] удерживая всхрапывающего коня».

³ Надо, видимо, «Чубатого».

Туча надплывала над лесом подчеркивая, сгущая кинутые на землю линиялы непередаваемо-грустные краски вечера¹.

[17.] 13.

Операция по захвату города началась с раннего утра. Пехотные части [по диспозиции], имея на флангах и в резерве кавалерию, должны были [начать] повести наступление от леса с рассветом² [подкрепляемые огнем батарей]. Где-то произошла путаница: два полка пехоты не пришли во время, 211 стрелковый полк получил распоряжение перебраться на левый фланг, во время обходного движения, предпринятого другим полком, его обстреляла своя же батарея, творилось несуразное; губительная путаница коверкала планы, и наступление грозило окончиться если не разгромом наступающих, то, во всяком случае, неудачей. Пока перетасовывалась пехота и матюкаясь выручали артиллеристы упряжки и орудия, по чьему-то распоряжению запроваленные ночью в болото, одиннадцатая дивизия [не дожидаясь кавал] пошла в наступление.

Лесистая и болотистая местность не позволяла атаковать противника широким фронтом, на некоторых участках [частям] эскадронам нашей кавалерии приходилось идти в атаку повзводно.

4 и 5 сотня 12 полка были отведены в резерв, остальные уже втянулись в волну наступления и до оставшихся через четверть часа донесло [тягучий] гул и трясучий рвущийся [крик] вой:

— Рррааа-а-а-раааа-рррааа...

— Тронулись наши!

— Пошли.

— Пулемет-то частит.

— Наших должно³ выкашивает...

— Замолчали, а?

— Добираются, значит!

— [Боже мой!] Зараз и мы любовинку потянем. — [отрывочно] {отрывочно} переговаривались казаки.

Сотни стояли на лесной поляне. Крутые сосны жали глаз. Мимо, чуть ли не на рысях, прошла рота солдат. Молодецкий затянутый фельдфебель приотстал пропуская последние ряды, крикнул хрипато:

— Не мни ряды!

Рота протопотала звякая манерками и скрылась за ольховой зарослью.||

<Л. 50>

97.

[Совсем издалека, из-за лесистого увала [еще] удаляясь опять приплыл ослабевший перекастистый крик: — рааа-урр-рррааа!.. Аааа!. — и сразу, как обрванный, крик смолк. Густая нудная нависла тишина.

¹ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

² ППС: «должны были [начать] повести наступление от леса с рассветом, имея на флангах и в резерве кавалерию».

³ ППС: «Должно наших».

— Вот когда добрались!

— [Сеча пошла] Ломают один-одного... Секутся...

Все напряженно вслушивались, но тишина стояла непроницаемая. На правом фланге громады наступающих австрийская артиллерия и частой строчкой прошивали слух пулеметы.

Мелехов Григорий оглядывал взвод. Казаки нервничали, кони беспокоились, будто овод жалил [ночью]. Чубатый, повесив на луку фуражку вытирал сизую потную лысину, рядом с Григорием жадно напивался махорочным дымом Мишка Кошевой. Все [было отчетливо] предметы вокруг были отчетливы и преувеличенно реальны, так бывает, когда не спишь всю ночь.

[Полк] Сотни простояли в резерве часа три. Стрельба утихала и нарастала с новой силой. Над ними прострекотал и дал несколько кругов чей-то аэроплан. Он кружил на недоступной высоте и полетел на восток, забирая все выше, над [рвались дымки] **ним в голубом плесе** [вспыхивали] [**начали вспыхивать**] {**вспыхнули**} молочные дымки шрапнельных разрывов, били из зенитки.

Резерв ввели в дело к полдню. Уже искурен был весь запас махорки, и люди изныли в ожиданьи, когда прискакал ординарец-гусар. Сейчас-же командир четвертой сотни вывел сотню на просеку и повел куда-то в сторону (Григорию казалось, что едут они назад). Минут двадцать [блуждали они] **ехали по чаще** [ра] смяв построение [и порядок], [во] [к ним] **к ним** все ближе подползали звуки боя; где-то неподалеку **сзади** [кашляли] беглым огнем садил батарея, над ними с клетотом и скрежетом, одолевая сопротивление воздуха, проносились снаряды. Сотня, расчлененная блужданием по лесу, в беспорядке высыпала на чистое. В полверсте от них на опушке венгерские гусары рубили прислугу русской батареи.

— [Первый взвод, наметом в атаку марш-марш!...] **Сотня стройся!** [Построились в несколь] Еще не успели [выровнять] разомкнуть строй.

— Сотня, шашки вон, в атаку марш-э-марш!

Голубой ливень клинков. Сотня увеличивая рысь перешла в намет. Возле [крайнего орудия] запряжки крайнего орудия суетилось человек шесть венгерских гусар. Один из них тянул под уздцы взноровившихся лошадей (на [левой] одной [из них] обняв руками [шею] **конскую шею** сидел зарубленный ездовой), второй **бил их** палашом; остальные [спешившиеся] **спешенные** [пытались] [помогали] **пытались стронуть орудие** [вцепившись] **вцепившись** в спицы колес. В стороне гарцовал на [караковом коне] **куцехвостой шоколадной масти** [кобыле] **кобылице** офицер. Он отдавал приказания. Венгерцы увидели казаков и бросив орудие поскакали.||

<Л. 50 об.>

98.

«Вот так, вот так, вот так!» [отсчи] мысленно отсчитывал Григорий конские броски. Нога его на секунду потеряла стремя и он, чувствуя свое неустойчивое положение на седле, ловил [его] **стремя** с внутренним страхом, свесившись поймал, провздел носок и подняв [голову] **глаза** увидел орудийную запряжку шестерней, на передней зарубленного ездового в заплывенной кровью и мозгами

рубахе, обнявшего руками конскую шею, [свесившего мертвую голову]. Копыта [его] коня опустились на хрустнувшее под ними тело убитого номерного. Возле опрокинутого **зарядного** ящика лежало еще двое, [наводчик] **третий** навзничь опрокинулся на лафете. Опредив Григория скакал Силантьев. Его почти в упор застрелил венгерский офицер на [караковом коне] **куцехвостой кобылице**. [и] Подпрыгнув на седле Силантьев¹ падал, ловил, **обнимал** руками [воздух] голубую даль... Григорий дернул поводья — норовя зайти с правой подручной стороны, **чтоб удобней было рубить**, офицер [оглянулся и] **заметив его маневр** выстрелил из-под руки! Он расстрелял в Григория револьверную обойму и выхватил палаш. Три сокрушительных удара он **как видно искусный фехтовальщик** отразил играючи. Григорий кривя рот **настиг его в четвертый раз**, привстал на стремянах (лошади их скакали почти рядом и Григорий видел пепельно серую, тугую [щеку] бритую щеку венгерца и номерную нашивку на воротнике мундира) [об] он обманул бдительность венгерца ложным взмахом и изменив направление удара **ширнул концом палаша меж лопаток**, второй удар нанес [от] в шею, где кончается позвоночный столб. Венгерец роняя руку с палашом и поводья выпрямился, выгнув грудь, как от укуса, [и] слез на луку седла. Чувствуя чудовищное облегчение, Григорий рубнул его по голове. Он видел, как [сток ш] шашка по стоки **въелась в кость выше уха**.

Страшный удар в голову, сзади, вырвал у Григория сознание. Он ощутил во рту горячий рассол крови и понял, что падает, — откуда-то сбоку кружась стремительно неслась на него одетая жнивьем земля...

Жесткий Толчек при падении на секунду вернул его к действительности. Он открыл глаза, **омывая их**² залила кровь. Топот у уха и тяжкий дых лошади: «Хап, хап, хап». В последний раз открыл он глаза, [и] увидел раздутые **розовые** ноздри лошади и чей-то пронизавший стремя сапог. «Все.» — [змейкой] скользнула **прилипла** **облегчающая**³ мысль. Гул и черная пустота.]

[19.] 20.

Ярко до слепящей боли вспомнилась Григорию та ночь. Он очнулся перед рассветом, повел руками натываясь на колючее жнивье и застонал от [боли] садной боли заполонившей голову. С усилием приподнял руку, дотянул ее до лба, шупая черствый, свалывшийся [с] в [загустевшей] **загустелой** [кровью] **крови** чуб. Тронул **мякотную** рану пальцем —||

<Л. 51>

99.

будто горячий уголь прислонил, заскрипел протяжно зубами и лег на спину. Над ним [унылые] **на дереве** стеклянным звоном **тоскливо** шелестели опаленные морозом листья. [какого-то дерева] Черные контуры [его] **ветвей** отчетливо рисо-

¹ ППС: «Силантьев подпрыгнув на седле».

² ППС: «их омывая».

³ ППС: «облегчающая [змейкой] скользнула прилипла».

вались на густо-синем фоне неба, сквозь [листья] **них** светлели звезды. Григорий смотрел не мигая широко открытыми глазами¹, [ему] казалось, что не звезды [это], а полные голубовато-желтые, неведомые плоды висят на черенках листьев.

Осознав случившееся с ним, чувствуя неотвратимо подступающий ужас, он полез на четвереньках скрипя **обнаженными** зубами. Боль играла с ним, валяла его навзничь...² [Один раз] ему казалось, что ползет он неизмеримо долго, насилуя себя [он] оглянулся — шагах в пятидесяти чернело дерево, под которым холодел он в беспамятстве. Один раз он перелез через труп убитого опираясь локтями о ввалившийся [твердый] **жесткий** его живот. От потери крови мутила тошнота и он плакал, как ребенок, [и] грыз пресную в росе траву, чтобы не потерять сознание.

Возле опрокинутого зарядного ящика [он] встал, **долго** стоял раскачиваясь, потом пошел. [Силы] К нему [прибывали] **прибыли** силы, [он] шагал тверже и уже в состоянии был угадывать направление на восток: ему [путеводили] **путеводила** [звезды] Большая Медведица.

[О] У опушки леса его остановило глухое предупреждение:

— Не подходи, застрелю!

Щелкнул револьверный барабан, Григорий вгляделся по направлению звука: у сосны полулежал человек.

— Ты... кто такой? — **спросил** Григорий [не узнавая собственного] **прислушиваясь к собственному** [голоса] **голосу**, как к чужому.

— Русский? Бог мой... Иди сюда!

Человек у сосны сполз на землю. Григорий подошел.

— Нагнись.

— Не могу.

— Почему?

— Упаду и не встану, в голову меня скобленуло...

— [Слушай,] ты какой части?

— 12 [казачьево] **донскова** полка.

— [Казак], помоги мне... [подняться], казак...

— Упаду я, ваше [благородия] **благородие** — (Григорий разглядел на шинели офицерские погоны).

— Руку хоть дай!

Григорий [приподнял] помог офицеру подняться. Они пошли, но с каждым шагом все тяжелее обвисал на руке Григория раненый офицер. Поднимаясь из [лощины] **лощинки** он цепко ухватил Григория за рукав гимнастерки, сказал [глухо] редко клацая зубами.||

<Л. 51 об.>

100.

— Брось меня, казак, У меня ведь... сквозная рана... в живот.

¹ ППС: «широко открытыми глазами не мигая».

² ППС: «валяла его навзничь, играла с ним».

Под пенснэ его [тускло] тусклее блестели глаза и хрипло всасывал воздух раскрытый давно небритый рот. Он потерял сознание. [и] Григорий тащил его на себе [помнил [Гр] он эту сонную явь.] падая, поднимаясь, вновь падая. Два раза бросал свою ношу и оба раза возвращался, поднимал и брел, как в сонной яви.

В одиннадцать часов утра их подобрала¹ команда связи и доставила на перевязочный пункт.

Выписка из приказа.

Через день Григорий тайком ушел с перевязочного пункта [в этот же день]. Дорогой сорвал с головы повязку, [шел] шагал облегченно помахивая бинтом с бархатно-рдяными пятнами.

— Откуда ты?² — несказанно удивился сотенный командир.

— [Останусь] Вернулся в [строю] строй, ваше благородие.

[Первым вопросом] Выйдя от сотенного [Григория] Григорий, [когда] увидел взводного урядника:

— Конь мой? Гнедой где?

— Он, братуха, целый. Мы поймали его там-же, как только проводили австрийцев. Ты-то как? Мы ить тебя царством небесным поминали.

— [А вот видишь] Пospешили. — усмехнулся Григорий.

«За спасение жизни командира 9го драгунского полка подполковника Густава Грозберга [был произведен] казак 12 донского казачьего полка Мелехов Григорий производится в приказные и [награждается] представляется к [Георгиевским] Георгиевскому [крестом] кресту четвертой степени, [о чем объявить в приказе]». — [гласила выписка из приказа по полку]³

Сотня простояв в городе Каменка-Струмилово [пять суток] двое суток в ночь собиралась к выступлению. Григорий розыскал квартиру казаков своего взвода, [и] пошел проведать коня. В сумках не оказалось пары белья, [и] полотенца.

— На глазах украли, Григорий. — виновато признавался Кошевой Мишка, на попечении которого находился конь. — Пехоты нагнали в этот двор видимо-невидимо, пехота украла.

¹ ППС: «подбрала их».

² ППС: «Ты откуда».

³ ППС:

Выписка из приказа.

«За спасение жизни командира 9го драгунского полка подполковника Густава Грозберга [был произведен] казак 12 донского казачьего полка Мелехов Григорий производится в приказные и [награждается] представляется к [Георгиевским] Георгиевскому [крестом] кресту четвертой степени, [о чем объявить в приказе]». — [гласила выписка из приказа по полку]

Через день Григорий тайком ушел с перевязочного пункта [в этот же день]. Дорогой сорвал с головы повязку, [шел] шагал облегченно помахивая бинтом с бархатно-рдяными пятнами.

— Откуда ты? — несказанно удивился сотенный командир.

— [Останусь] Вернулся в [строю] строй, ваше благородие.

[Первым вопросом] Выйдя от сотенного [Григория] Григорий, [когда] увидел взводного урядника:

— Конь мой? Гнедой где?

— Он, братуха, целый. Мы поймали его там-же, как только проводили австрийцев. Ты-то как? Мы ить тебя царством небесным поминали.

— [А вот видишь] Пospешили. — усмехнулся Григорий.

— Чорт с ними, пушай пользуются. Мне-бы вот голову перевязать, бинт промок.

— Возьми мое полотенце.

В сарай, где происходил этот разговор взошел Чубатый. Он протянул Григорию руку, словно между ними ничего и не было.

— А, Мелехов! Ты живой, стуцорь?

— На половинку.

— Лоб-то в крове, утрись.

— Утрись, успею.

— Дай гляну, как тебя [*секанули*] примолвили.

Чубатый силком нагнул голову Григория, [*и*] хмыкнул носом.

— Нашто давался волосья простригать? Ишь съуродовали как... Доктора тебя выпользуют, до чорта, дай-ка я залечу.

Не спрашивая согласия он достал из патронташа патрон, вывернул пулю и на||

<Л. 52>

101.

черную ладонь высыпал черный порох.

— Добудь, Михайло паутины.

Кошевой концом шашки достал с сруба хлопчатый ком паутины, подал. Острием **этой-же** шашки Чубатый [*коп*] вырыл комочек земли и смешав его с паутиной и порохом долго жевал. [*Густую*] **Густой** тянкой массой он плотно замазал кровоточащую рану на голове Григория и улыбнулся.

— Через трое суток сымет, как рукой. Вишь за тобой уход несу, а ты... было-к застрелил.

— За уход спасибо, а убил-бы тебя — одним грехом на душе меньше стало.

— Какой ты простой, парень.

— Какой уж есть. Што там на голове у меня?

— В четверть зарубка. Это тебе на память.

— Не забуду.

— И хотел бы [*забыть*], да не забудешь, [*и*] палаши австрийцы не точут, тупым тебя секанул, теперь на всю жисть пухлый рубец будет.

— Счастье твое, Григорий, на осклизь взяло, а то-б зарыли [*тебя под этим городом*] **в чужой земле**. — улыбнулся Кошевой.

— Куда-ж я фуражку дену?

Григорий растерянно вертел в руках [*раз*] фуражку с разрубленным окровавленным верхом.

— Кинь ее, собаки съедят.

— Ребята! Хлебово принесли, налетай! — крикнули из дверей дома.

Казаки вышли из сарая, вслед Григорию [*выворачивая*] кося вывернутым глазом заржал гнедой.

— Он об тебе сучал, Григорий. — Кошевой кивнул на коня. — Я диву дался, корм не жрет и так это потихоньку игогокает...

— Я как лез, оттуда ево все кликал, — отворачиваясь глухо говорил Григорий, — [*кличу*] думал он не уйдет от меня, [*а*] а поймать ево трудно. [*Может мне так казалось, им*] **Не дается он чужим.**

— **Верно**, Мы его насилу взяли. Арканом накинули.

— Конь добрый, братьев конь, Петра. — Григорий отворачивался, прятал рас-
троганные глаза.

Они вошли в дом. В передней комнате на полу, на снятом с кровати пружинном матрасе храпел Егор Жарков. Неописуемый беспорядок молчаливо говорил о том, что хозяева бросили дом спешно. Осколки битой посуды, изорванные бумаги, книги залитые медом, клочки суконной материи, детские игрушки, старая обувь, рассыпанная мука все это в [*стра*] ужасающем беспорядке валялось на полу, вопило о разгроме.||

<Л. 52 об.>

102.

Расчистив место здесь же обедали Грошев Емельян и Прохор Зыков. У Зыкова при виде Григория выкатились телячьи ласковые глаза.

— Гри-и-ишка! Откель ты взялся?

— С тово света.

— Ты ему сбегай принеси шей. Чево глаза на лоб вылупил? — крикнул Чубатый.

— Зараз! Кухня тут вот, в проулке.

Прохор прожевывая кусок мотнул во двор. На его место устало присел Григорий.

— Я уж непомню, когда ел. — улыбнулся он виновато.

По городу двигались части 3 корпуса. Узкие улицы забивались пехотой, прудились бесчисленными обозами, кавалерийскими частями **на перекрестках спирались заторы**, гул движения [*доносился до слуха сидевших в дому*] **проникал сквозь закрытые двери**. Вскоре явился Прохор¹ с котелком шей и торбой гречневой каши.

— Кашу куда выпорожнить?

— А вот каструля с ручкой. — [*по неразумению своему*] подвинул Грошев от окна ночную посудину, **не зная ее назначения**.

— Она... ссаками воняет, каструля твоя. — **сморщился Прохор.**

— Ничево. **Вали кулем, — посля разберем.**

Прохор вывернул над посудиной торбу, [*и*] густая добротная каша упала комом, по бокам ее **янтарной каймой** выступило масло. Ели с разговорцем. Слюнявя [*пят*] сальное пятно на своем линялом лампасе Прохор рассказывал:

— Тут рядом с нашим двором стоит [*конно-горного дивизиона*] батарея {**конно-горного дивизиона**}, маштаков выкармывают. [*Фотокр*] **Ферверкер** ихний [*гутарит, мол*] в газете читал, што союзники немцев, што называется, вдрызг.

¹ ППС: «Прохор вскоре явился».

— Не захватил ты, Мелехов, утром [и] мы ить благодарность получали. — мурчал Чубатый двигая [*забитым*] **набитым** кашей ртом.

— От ково?

— Начальник дивизии генерал-лейтенант фон-Дивид смотр нам делал и благодарность превозносил за то, што венгерских гусар сбили и выручили свою батарею. **Ить** Они пушки за малым¹ не укатили. «Молодцы — казаки, — говорит, — царь и отечество про вас не забудут».

— Вон как.

На улице сухо чмокнул выстрел, другой, [и] раскатисто брызнула пулеметная дробь.

— Вы-хо-диии! — гаркнули у ворот.

Побросав ложки казаки выскочили на двор. Над ними низко и плавно кружил аэроплан. Мощный рокот его звучал угрожающе.

— Падай под плетни! [*Бомбу*] **Бомбы зараз** зачнет ссланивать, рядом ить батарея. — крикнул Чубатый.

— Егорку разбудите, убьет его на мягком матрасе!||

<Л. 53>

103.

— Винтовки давай!

Чубатый [*жмуря глаз*] **тщательно целясь** стрелял прямо с крыльца. По улице бежали зачем-то пригинаясь [*протопали*] солдаты. В соседнем дворе слышался лошадиный визг и резкая команда. Расстреляв обойму Григорий глянул [*через*] [*туда*] через забор, там суетились номера закатывая орудия под навес сарая. Жмурясь от колючей синевы неба Григорий глянул на рокочущую снижающуюся птицу, оттуда в этот миг [*сорвалось*] **стремительно сорвалось** что-то, [и] резко [*сверкнув*] **сверкнуло** в полосе солнечного луча. [*Скрыло*] Потрясающий грохот встряхнул домик и припавших к крыльцу казаков. [*На соседнем дворе*] На соседнем дворе предсмертным визгом захлебнулась лошадь, острый серный запах **гари** принесло [*через*] **из-за** [*забор*] **забора**.

— Хоронись! — крикнул Чубатый сбегая с крыльца.

Григорий прыгнул за ним следом, упал под [*плетнем*] **забором**. Крыло аэроплана сверкнуло какой-то алюминиевой частью, он поворачивался **снижаясь** занося хвост. С улицы стреляли пачками, грохали залпами, [*сеялась*] **сеяли** [*беспорядочная*] **беспорядочной** [*частуха*] **частухой** выстрелов. Григорий только что вложил обойму, как еще более потрясающий [*грохот*] взрыв швырнул его на сажень от [*плетня*] **забора**. Глыба земли жмякнула его в голову, запорошив глаза придавила тяжестью...

Его поднял на ноги Чубатый. Острая боль в левом глазу не давала ему возможности глядеть, с трудом раскрыв правый увидел: половина дома разрушена, красным **уродливым** месивом лежали кирпичи, над ними курилась розовая пыль. Из под **исковерканного** крыльца на руках полз Егор Жарков. Все лицо его —

¹ ППС: «За малым они пушки».

[*сплошная*] **сплошной** крик, по щекам из вывалившихся глаз кровавые слезы. Он полз вобрав голову в плечи, кричал не расжимая трупно-почерневших зуб.

— Аиии! Аиии! Аиии!

За ним на тоненьком лоскутке кожи, на опаленной штанине {**поперек**} волочилась [*поперек*] оторванная у **бедра** нога, второй не было [*и еще что-*]. Он полз медленно переставляя руки, тонкий, почти детский стонящий крик сверлился изо рта, [*нога за ним*]

[*Он*] [*Жарков*] {**Он**} оборвал крик и лег боком, плотно прижимая лицо к неласковой, сырой, загаженной конским пометом и осколками кирпича земле. К нему никто не подходил.

— Берите-же ево! — крикнул Григорий не отрывая ладони от левого глаза.

Во двор набежали пехотинцы, возле ворот остановилась двуколка телефонов

— Езжай, что стали? Эка, звери, хамьё!.. — крикнул на них скакавший мимо офицер¹||

<Л. 53 об.>

104.

Откуда-то пришлепал старик в черном длиннополом сюртуке и две женщины. Толпа окружила Жаркова. Протиснувшись Григорий увидел, что он еще дышит, всхлипывая и крупно дрожа. На [*лбу его*] мертвенно-пожелтевшем лбу его выступил **ядренный** зернистый пот.

— Берите! Што-ж вы,.. вашу мать, люди вы, аль черти?

— Чего лаешься? — огрызнулся высокий пехотинец, — Куда брать-то? Видишь, доходит.

— Обое ноги оторвало!

— Кровишши-то...

— Санитары где?

— Какие уж тут санитары...

— А он ишо в памяти.

Чубатый сзади тронул плечо Григория², тот оглянулся.

— Не вороши ево. — сказал он шепотом, — Зайди с этой стороны, глянь.

Он [*за рукав пере*] перешел на другую сторону не выпуская из пальцев рукава Григорьевой гимнастерки растолкал ближних. Григорий глянул и **сгорбившись** пошел в ворота... Под животом Жаркова дымились, отливали нежно-розовым и голубым [*оттенком*] выпущенные кишки. [*Он*] Конец этого перевитого клуба был вывален в песке и помете, шевелился увеличиваясь в объеме. **Рука умирающего лежала боком, будто сгребая...**

— Накройте ему лицо — предложил кто-то.

Жарков вдруг [*за*] оперся на руки и закинув голову так, что затылок бился меж **скрюченных** лопаток, крикнул хрипатым, нечеловеческим голосом

¹ ППС: «на них крикнул скакавший мимо офицер — Езжай, что стали? Эка, звери, хамьё!..»

² ППС: «Григория плечо».

— Братцы, предайте смерти! Братцы!.. Братцы!.. Што-ж вы гля-ди-те-е-е?!.. Аха-ха-хааа... Братцы, предайте смерти!..

[20.] 21.

Вагон мягко покачивает, [говор] перестук колес убаюкивающе сонлив, от фонаря до половины лавки желтая вязь света. Так хорошо вытянуться во весь рост и лежать разутым, дав волю ногам, две недели [нескидывавших] парившимся в сапогах, не чувствовать за собой никаких обязанностей, знать, что жизни твоей не грозит [смерть] опасность и смерть так далека. Особенно приятно вслушиваться в разнобоистый говор колес, ведь с каждым [перестуком их] их оборотом, с каждым рывком паровоза — все дальше фронт. И Григорий лежал вслушиваясь, шевеля пальцами босых ног, всем телом радуясь свежему, только нынче надетому белью. Он испытывал такое ощущение, будто скинул с себя грязную оболочку и входил в иную жизнь **незапятнанно-чистым**.

[Об] Тихую умиротворенную радость нарушала боль, звеневшая в левом глазу. Она временами [прекращалась] затихала и внезапно возвращалась, жгла глаз огнем, [Григорий чувствовал] **выжимала** под||

<Л. 54>

105.

повязкой [текли] невольные слезы.

В Каменке-Струмилове [на перевязочном пункте] в госпитале молоденький врач еврей осмотрел Григорию глаз, [и] что-то написал на клочке бумаги.

— [Вам] **Вас** придется отправить в тыл. [У вас] с глазом серьезная неприятность.

— Косой буду?

— Ну, что вы, — ласково улыбнулся доктор, уловив в вопросе неприкрытый испуг, — Необходимо лечение, быть-может придется сделать операцию. Мы вас отправим в глубокий тыл, в Петербург, например, или в Москву.

— [Вы не] Спасибочка.

— Вы не трусьте, глаз будет цел. — доктор похлопал Григория по плечу и **сунув в руки клочок бумаги** легонько вытолкнул его в коридор, он засучивал рукава готовясь к операции.

После [долгих] [суточных] {долгих} мытарств Григорий попал в санитарный поезд. Сутки [он] лежал [под шинелью] наслаждаясь покоем. Старенький мелко-рослый паровозишка напрягаясь из последних сил тянул многовагонный состав, близилась Москва.

Приехали ночью. Тяжело раненых выносили на носилках, те, кто мог ходить без посторонней помощи, вышли после записи на перрон. Врач, сопровождавший поезд, вызвав по списку Григория и указывая сестре милосердия на него сказал:

— Глазная лечебница доктора Снегирева. Колпачный переулочок.

- Ваши пожитки с вами? — спросила сестра.
- Какие у казака пожитки? Сумка вот, да шинель.
- Пойдемте.

Она пошла, поправляя под [косынкой] **наколкой** прическу, шурша платьем. Неуверенно шагая за ней направился Григорий. Поехали на извозчике. Гул большого засыпающего города звонки трамваев, голубой переливчатый блеск электричества подействовали на Григория подавляюще. Он сидел откинувшись на спинку пролетки, жадно осматривая многолюдные несмотря на ночь улицы и так странно [и волнуяще] было ему испытывать рядом с собой **волнующее** тепло женского тела. В Москве ощутимо чувствовалась осень: [в парк] на деревьях бульваров **при свете фонарей блеклой** желтизной отсвечивали листья, ночь дышала [густой] **знобкой** [прох] [предосенней] прохладой, мокро лоснились плиты тротуаров и звезды на погожем небосклоне были ярки и **холодны** по-осеннему. Из центра выехали в безлюдный проулок, цокали по камням лошадиные копыта, качался на высоких козлах **извозчик**, принаряженный в синий, на подобие поповского, армяк [извозчик], махал на вислоухую клячу концами вожжей. Где-то на окраинах||

<Л. 54 об.>

106.

трубили паровозы. «Может какой в Донщину зараз пойдет?» — подумал Григорий и поник под частыми уколами тоски.

- Вы не дремлете? — спросила сестра.
- Нет.
- Скоро приедем.
- [Зд] Что [прикажете] **изволите?** — повернулся извозчик.
- Погоняй.

За железной тесьмой огорожки масляно блеснула вода пруда и перильчатые мостки с привязаной к ним лодкой. Повеяло сыростью, «Воду и то в неволю взяли, за железной решеткой, а Дон...» — неясно думал Григорий. Под [копыта] резиновыми шинами пролетки зашуршали листья. Около трехэтажного дома **извозчик** остановился. Поправляя шинель Григорий соскочил.

- Дайте мне руку! — нагнулась сестра.

Григорий забрал в ладонь ее мягкую маленькую ручку, помог сойти.

— Потом солдатским от вас разит. — тихонько засмеялась прифранченная сестра и подойдя к подъезду позвонила.

— Вам-бы, сестрица там побывать, от вас может и ишо чем-нибудь завоняло. — с тихой злобой сказал Григорий.

Дверь отворил швейцар. [На второ] По нарядной с золочеными перилами лестнице поднялись¹ на второй этаж, сестра позвонила еще раз. Их впустила женщина в белом халате. Григорий присел у круглого столика, сестра что-то вполголоса говорила женщине в белом, та записывала. Из **дверей** палат,

¹ ППС: «Поднялись по нарядной с золочеными перилами лестнице».

расположенных [по] по обе стороны [длинному] длинного, [неширокому] неширокого коридору¹, выглядывали головы в разноцветных очках.

— Снимайте шинель. — предложила женщина в халате.

Служитель, тоже в белом, принял из рук Григория шинель, [и] повел его в ванную.

— Снимайте все с себя.

— Зачем?

— [Ванну] Вымыться надо.

[Григорий] Пока Григорий раздевался и пораженный рассматривал помещение и матовые стекла окон, служитель наполнил ванну водой, смерял температуру, [и] предложил садиться.

— Корыто-то не по мне... — конфузился Григорий занося смугло-черную волосатую ногу.

Прислуживающий помог ему тщательно вымыться, [и] подал простыню, белье, **ночные туфли** и серый с пояском халат.

— А моя одежда? — удивился Григорий.

— Будете ходить в этом. Вашу одежду вернут вам [после то] тогда, когда будете выписываться из больницы.||

<Л. 55>

107.

В передней проходя мимо большого настенного зеркала Григорий не угадал себя: высокий, чернолицый, остроскулый с плитами жаркого румянца на щеках, в халате с повязкой въедавшейся в шапку черных волос он отдаленно лишь походил на того **прежнего** Григория. У него отросли усы, [и] курчавилась пушистая борода. «Помолодел я за это время» — криво усмехнулся Григорий.

— Шестая палата, [шест] третья дверь направо. — указал служитель.

Священник в халате и синих очках при входе Григория в большую белую комнату привстал.

— Новый сосед? Очень приятно, не так скучно будет. Я из Зарайска. — **общительно** заявил он придвигая Григорию стул.

Спустя несколько минут вошла [полная] {полная} фельдшерница с большим некрасивым лицом.

— Мелехов, пойдемте посмотрим ваш глаз. — сказала она низким грудным голосом и посторонилась пропуская в коридор Григория.

[21.] 22.

На юго-западном фронте в районе Щевелья командование армии решило грандиозной кавалерийской атакой прорвать фронт противника и кинуть в тыл ему большой кавалерийский отряд, [на обязанности которого] **которому** надлежало совершить рейд над фронтом, [взрывая] **разрушая** по пути следования [лучше сообщения, уничтожая склады, взрывая мосты] **коммуникационные ли-**

¹Правка не завершена, надо «коридора».

нии, дезорганизуя **части** противника внезапными налетами. [*На*] [*В случае*] **На успешное [осуществления] осуществление** этого плана командование возлагало [*на успех*] большие надежды. [*Небывалые*] **Небывалое** количество конницы было стянуто к указанному району, в числе остальных кавалерийских [*дивизий*] **полков** [*была*] **был** переброшена¹ на этот участок и [*казацья*] **казацкий** [*дивизия*] **полк**, в [*одном из полков*] [*которой*] **котором** служил сотник Листницкий.

Атака должна была произойти 28 августа, но по случаю дождя ее отложили на 29 С утра на огромном плацдарме выстроилась дивизия готовясь к атаке.

[*На правом*] Верстах в восьми на правом фланге пехота вела демонстративное наступление, привлекая на себя огонь противника в ложном направлении **передвигались** [*конные*] **части** одной кавалерийской дивизии².

Впереди на сколько обнимал глаз не было видно [*против*] неприятеля. В версте расстояния от [*полка*] своей сотни Листницкий видел черные **брошенные** логова окопов, за ними бугрились жита и сизел предрассветный взбитый ветерком туман.

Случилось так, что неприятельское командование или узнало о готовящейся атаке или предугадало ее, но [*к этому времени*] **в ночь на 29** неприятельские войска покинули окопы и отошли верст на шесть, оставив заставы с пулеметами, которые и тревожили на всем участке противостоявшую им нашу пехоту.||

<Л. 55 об.>

108.

Где-то вверху за кучевыми облаками светило **восходящее** солнце, а долину всю³ заливал [*молочный*] **желто-сливочный** туман⁴. [*а*] Была подана команда к атаке, [*и части*] **полки** пошли. Многие тысячи конских копыт стлали глухой, напоминающий подземный гул. Листницкий удерживал своего кровного коня, не давал ему сорваться на галоп. Расстояние версты в полторы⁵ [*в*] легло сзади. К ровному строю атакующих приближалась полоса хлебов. Высокое, выше пояса жито, все перевитое цепкой повитью и травой, до крайности затрудняло бег лошадей. Впереди [*вся*] все так-же зыбилась [*светло-*]русая [*стень*] **холка** жита, сзади лежало оно поваленное, исковерканное копытами. На четвертой версте лошади стали спотыкаться, заметно потеть, противника все не было. Листницкий оглянулся на сотенного командира: на лице есаула — глухое отчаяние...

Шесть верст [*с*] **немыслимо** трудной скачки⁶ вырвали из лошадей силы, **некоторые** падали под всадниками⁷ [*кони*], самые выносливые качались, добирая из последних сил. Здесь-то секанули австрийские пулеметы, размеренно захкакали залпы... Убийственный огонь [*смел*] **выкосил** передние ряды. [*Скакали*] Пер-

¹ ППС: «переброшена [*была*] **был**». Правка не завершена, надо «переброшен».

² Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

³ ППС: «всю долину».

⁴ ППС: «а всю долину заливал [*молочный*] **желто-сливочный** туман. Где-то вверху за кучевыми облаками светило **восходящее** солнце».

⁵ ППС: «в полторы версты».

⁶ ППС: «скачки **немыслимо** трудной».

⁷ ППС: «под всадниками **некоторые** падали».

вые дрогнули [улань] и повернули обратно уланы, смялась¹ [казачья] казачий [дивизия] полк; [скакали в паническом] их, захлестнувшись в паническом бегстве, поливали пулеметным дождем как из пульверизаторов, расстреливали из орудий. Небывалая по размерам атака благодаря преступной небрежности высшего командования, окончилась полным разгромом. Некоторые полки потеряли половину людского и конского состава², из полка Листницкого выбыло около четырехсот убитыми и ранеными рядовых и [четырнадцать] шестнадцать офицеров. [Листницкого раненого в ногу] Под Листницким убили коня, сам он получил две раны: в голову и ногу. [Спас его] вахмистр Чеботарев соскочив с коня взвалил на седло, ускакал вместе с ним.

Из [Варшавы] Варшавского госпиталя [куда попал на излечение] Листницкий сообщил отцу о том, что по излечению приедет к нему в Ягодное использовать отпуск. Старик получив письмо заперся в своем кабинете, [и] вышел оттуда на следующий день туча-тучей. Он велел Никитичу [запрячь] заложить рысака в дрожки, позавтракал и укатил в Вешенскую. Сыну перевел телеграфом [пять] четыреста рублей денег, послал короткое письмо.

«Мне остается радоваться, что, ты, мой милый мальчик, [ушел из Атаманского полка] окрестился огнем. Благородный удел быть там, а не при дворце. Ты слишком честен и не глуп для того, что-бы мог с спокойной совестью [лизать пятки] пресмыкаться. Этой черты не было ни у кого из нашей фамилии. За это еще твой дед попал в опалу и доживал в Ягодном не надеясь и не ожидая [ни] милости Венценосца. Будь здоров, Женя, [береги себя] выздоравливай. Ты у меня один на этом свете, помни. Тетя кланяется тебе.||

<Л. 56>

109.

Она здравствует, а [об] о себе мне нечего писать, ты знаешь, как я живу. [Описанное тобою сражение] Что-же это творится там на фронте? Неужто нет людей с рассудком? Не верю я газетной информации, лжива она насквозь, знаю по примеру прошлых лет. Неужто, Евгений, проиграем компанию? [Пиши, ради бога, больше.] С великим нетерпением жду тебя домой».

Подлинно нечего было писать старому Листницкому о своей жизни, волочилась она [нудная и] [все было] по старому [однообразная] однообразно-неизменная³, лишь рабочие руки поднялись в цене, да ощущался недостаток в спиртном. Пан пил чаще, [становился] стал [придирчивее] [раздражительнее] раздражительней, [и] [придирчивее] придирчивей. [Он] как-то вызвал в неурочный час Аксинью, сказал.

— [Замечаю, что] ты неисправно несешь службу. Почему вчера завтрак был подан [был] холодным? Почему стакан с кофе не чисто вымыт? Если это будет повторяться, то я тебя, слышишь ты? То я тебя уволю. Не терплю нерях! — резко махнул пам рукой. — Слышишь? Не терплю!

¹ Правка не завершена, надо «смялся».

² ППС: «состава людского и конского».

³ ППС: «волочилась она [нудная и] [однообразная] однообразно-неизменная [все было] по старому».

Аксинья крепко сжимала губы и вдруг заплакала

— Николай Алексеевич! Девочка у меня хворает. Вы ослобоните меня, пока...

От нее отойти нельзя!

— Что с ней?

— Глотошная ее душит...

— Скарлатина? Почему не сказала, дура? Эка, чорт тебя задери, шалаву! Бежи, скажи Никитичу, чтоб [съездил] **запрягал и ехал** в станицу за фельдшером! Живо!

Аксинья выбежала рысью, вслед бомбардировал ее старик [гулким] **гулками** [басовым] **басовыми** [криком] **раскатами**:

— Дура — баба! Дура — баба! Дура!

Утром Никитич привез фельдшера. Тот осмотрел обеспамятевшую, объятую жаром девочку, [и] не отвечая на вопросы Аксиньи пошел в дом к пану. Тот принял его в передней, стоя, [и] не подавая руки.

— Что с [девочкой] **девченкой**? — спросил [он] отвечая на приветствие небрежным кивком.

— Скарлатина, ваше превосходительство.

— Выздоровеет? Можно надеяться?

— Едва-ли. Умрет девочка... Возраст, поимейте в виду...

— Ду-рак! — [багровея, зарокотал пан] **побагровел пан**. — Чему тебя учили? Лечи!

Хлопнув дверью перед носом **напуганного** фельдшера зашагал по залу. Постучавшись вошла Аксинья.

— Фельдшер просит лошадей ему до станицы.

Старик с живостью повернулся на каблуках.

— Скажи ему, [и] что он болван! Скажи ему, что он не уедет отсюда до тех пор, пока не вылечит мне девченку. Во флигеле отведи ему комнату, корррри его! — закричал старик потрясая костистым кулаком.

— Пои его, корми, как на убой¹, а у-е-хать... не уедет! — оборвав подошел к окну, поба-||

<Л. 56 об.>

110.

рабанил пальцами и подойдя к [портрету] **увеличенной фотографии сына** [—Евгения], снятого **ребенком** на руках у няни, отступил два шага и долго смотрел шурясь, словно не угадывая.

[Ак] В первый-же день, как только [жар] болезнь свалила девочку с ног, [Аксинья] **Аксинье** вспомнилась горькая Натальина фраза: «Отольются тебе мои слезы...» **и она** решила, что это бог ее наказывает² за то, что **тогда** глумилась над Натальей³. Подавленная страхом за жизнь ребенка она теряла рассудок, бес-

¹ ППС: «Корми, как на убой, пои его».

² ППС: «наказывает ее бог».

³ ППС: «и она решила, что это наказывает ее бог за то, что тогда глумилась над Натальей. [Ей] вспомнилась горькая Натальина фраза: "Отольются тебе мои слезы..."».

толково металась, [в ожидании молитва не шла ей на ум] работа валилась у нее из рук. «Неужли отнимет?» — [думала] билась неуступно горячечная мысль, и не веря, всей силой не желая верить, [она в такую] она неистово молилась, просила у бога последнюю милость, сохранить жизнь ребенка.

«Господи, прости!.. Не отнимай! Пожалей, Господи!¹ Смилуйся!»

Болезнь душила маленькую жизнь. Девочка лежала пластом, из припухшего [горла] горлышка [ползли] полз [тя] трудный прерывистый хрип. Станичный фельдшер, поместившись во флигеле, приходил раза [тр] четыре в день, [и] вечерами подолгу стоял на крыльце людской, покуривая, глядя на холодную россыпь осенних звезд.

Ночи напролет простаивала Аксинья на коленях у кровати, [уронив голову на руки, м]. Булькающий хрип [рвал] полосовал ее сердце.

— Ма-а-ма... — шелестели маленькие спекшиеся губы.

— [Зоренька] Зернышко [моя] моё, дочушка! — приглушенно звенела мать, — цветочек мой, не уходи от меня Танюшка, глян, моя [горлинка] красотушка, открой глазки. [Милая!] Опомнись-же! Гулюшка моя черноглазая, за што-же, господи?..

Девочка изредка [открывала агатовый воспаленный глаз, с] трудно поднимала воспаленные веки [и агатовые] налитые кровью дурной² глазенки устремляли [немой] текущий неуловимый взгляд. Жадно ловила мать этот взгляд, он [утек мимо нее, казалось, что] уходил казалось внутрь себя, тоскующий, примиренный. [Так и] умерла она на руках у матери³. В последний раз [ротик у] всхлипывая [хлебнул] зевнул посиневший ротик [воздуха] и тельце [вытянулось] вытянула [удлиняясь] судорога, запрокидываясь катилась с Аксиньиной руки потная [чернокудрая] головка, прижмуренный с мерклым зрачком смотрел удивленно угрюмоватый, мелеховский глазок.

Возле пруда под старым разлапистым тополем⁴ вырыл дед Сашка [малень] крохотную могилку, подмышкой отнес туда гробик, с [небывалой] несвойственной ему торопливостью [зарыл] зарыл его землей и долго, терпеливо [слушал] ждал, пока поднимется Аксинья [лежа на] с [суглинистом] суглинистого [холмике] холмика. Не дождался, высморкался, как арапником хлопнул, [и] пошел в конюшню. С сеновала достал флакон одеколону, неполный пузырек денатурированного спирта, смешал в бутылке и болтая, любуясь на цвет, сказал:

— Помянем. Царство небесное дитю. Душа ангельская преставилась.||

<Л. 57>

111.

Он выпил, ошалело [замахал] затряс головой, [и плача] закусывая раздавленным помидором [сказал] и растроганно глядя на бутылку сказал:

— Не забудь ты меня, дорогая, а я тебя не забуду! — и заплакал.

¹ ППС: «Господи, пожалей».

² ППС: «кровью дурной налитые».

³ ППС: «на руках у матери она [и] умерла».

⁴ ППС: «под старым разлапистым тополем возле пруда».

Через три недели Евгений Листницкий прислал телеграмму, **извещая о том** что получил отпуск и выехал домой. На станцию выслали за ним тройку лошадей, [пан] [всю] **вся** [дворню] **дворня** [поставил] **стала** на ноги: резали индеек, гусей, дед Сашка свежевал [барашка] **барана**, приготовления делались словно перед большим съездом гостей. [Молодой хозяин приехал] Накануне в слободу Каменку выслана была подстава. Молодой хозяин приехал ночью. Моросил изморозный дождь, фонари кидали на лужи мерклые дорожки света, у крыльца позванивая бубенчиками [остановилась] **остановились** [крытая коляска] **лошади**¹. Из **крытой** коляски вылез взволнованный, улыбающийся Евгений. Кинув на руки [подбежавшему] деду Сашке теплый плащ он, заметно прихрамывая, поднялся по крыльцу. Из зала роняя мебель торопливо шаркал старый пан.

Аксинья подала ужин в столовую и пошла звать к столу, заглянув в замочную скважину увидела: старик, припав к сыну целует его в плечо, шея его в старчески дряблых складках, мелко трясется. Подождав несколько минут Аксинья заглянула вновь: Евгений, в распахнутом защитном мундире стоял на коленях перед большой, раскинутой на полу картой, старый пан выдувая из трубки лохматые кольца дыма стучал костяками пальцев по ручке кресла, гудел возмущенно:

— [Брусиллов?] Алексеев? Не может быть! Я не поверю!

Евгений что-то тихо говорил, убеждал, **водил по карте пальцем** в ответ ему **старик** сдержанно басил:

— Верховный в данном случае неправ. Узкая ограниченность. Да помилуй, Евгений, вот тебе аналогичный пример из русско-японской компании... Позволь, позволь!

Аксинья постучала.

— [Куш] Что [под] уже подано? Сейчас.

Старик вышел оживленный, **веселый** совсем по молодому блистали его глаза². Вдвоем с **сыном** они выпили бутылку вина, вчера только вырытую **в выходе** из земли. На позеленевшей обомшелой [бутылке] **наклейке** еще сохранилась **выцветшая** цифра — 1879 г.

Прислуживая и глядя на веселые лица Аксинья сильнее ощущала свое одиночество. Терзала ее³ невыплаканная тоска. Первые дни **после смерти девочки** она хотела и не могла плакать, [Сжимал] **Рос** в [горло] **горле** крик, но слез не было и [оттого] **оттого** каменная горечь давила вдвойне сильнее. Она много спала, [забывалась в] искала отдых в сонном забытьи, но и во сне настигал ее призрачный зов ребенка, ей [все] **то** казалось, что дочь ее спит рядом с ней и [проснувшись зовет ее, просит пить] **она отодвигалась шарила по постели рукой**, то слышался невнятный шепот: «Мама, пить!» [Она просыпалась]

— Кровиночка моя... — шептала||

<Л. 57 об.>

¹ ППС: «У крыльца позванивая, бубенчиками [остановилась] **остановились** [крытая коляска] **лошади**, моросил изморозный дождь, фонари кидали на лужи мерклые дорожки света».

² ППС: «глаза его блистали совсем по молодому».

³ ППС: «Ее терзала».

Аксинья холодеющими губами. [Д]

Даже в гнетущей яви мерещилось ей иногда, что вот, у колен ее, жметя ребенок и она ловила себя на том, что [тянет] **тянется** [руку] **рукой** [ласкать] **приласкать** курчавую головку.

На третий день после приезда Евгений до поздна просидел у деда Сашки в конюшне, слушая бесхитростные его рассказы о былой привольной на Дону жизни, о старине. Он вышел оттуда в девятом часу, на дворе полоскался ветер, слякотно чавкала под ногами грязь. [Из-под тучки сгорбившись выполз месяц] **Меж тучами казаковал молодой желтоусый месяц**, при свете его Евгений глянул на часы, направился в людскую. У крыльца он закурил, на минуту стал раздумывая [потом] и тряхнув плечами решительно ступил на крыльцо. Осторожно пожал щеколду¹, [и] дверь скрипнув отворилась. Он вошел в Аксиньину половицу, чиркнул спичкой.

— Ктой-то? — спросила Аксинья, натягивая на себя одеяло.

— Это я.

— Я сейчас оденусь.

— Ничего. Я на минутку.

Евгений сбросив шинель сел на **край** [кровать] **кровати**.

— У тебя умерла дочушка...

— Умерла... — эхом откликнулась Аксинья.

— Ты [ст] очень изменилась, еще-бы, я понимаю, что значит потерять ребенка. Но мне думается, что ты напрасно изводишь себя, к жизни ее не вернешь, а ты еще в достаточной степени молода, что-бы иметь детей. Не надо так. Бери себя в руки, смирись... В конце-концов не все потеряно со смертью ребенка, у тебя еще, [оче] — **подумай** — вся жизнь впереди!

Евгений [завладев] **сжав** [рукой] **руку** Аксиньи гладил ее с ласковой властностью, говорил, играя низкими нотками голоса. [[Под] **От** [[теплым] **теплого** участия [словом]] слова участия] он перешел на шепот и [чувствуя] **слыша**, как Аксинья вся сотрясается в заглушенном плаче², **а плач переходит в рыдания** стал целовать ее мокрые от слез щеки, глаза...

Падко бабье сердце на жалость, на ласку. [В припадке бурного] **Отягощенная** [отчаяния] **отчаянием** Аксинья [отдалась ему со всей] [не отдавая себе отчета разумом], не помня себя отдалась [Евгению] **ему** со всей бурной, давно забытой страстностью. А когда схлынула [волна] **небывало** опустошительная [бесстыдно] **помрачающая** волна бесстыдного наслаждения она [опомнилась] **очнулась**, резко вскрикнула, [вскочила,] теряя разум и стыд выбежала [в одной] полуголая, в одной рубахе, на крыльцо. Следом за ней, бросив дверь открытой, торопливо вышел Евгений. Он на ходу одел шинель, [и] шел торопливо и когда, запыхавшись, поднялся на террасу дома — засмеялся радостно, [и] довольно. Его подмывало бодрящее веселье. Уже лежа в постели, потирая пухлую мягкую грудь подумал: «С точки зрения честного человека — это подло, безнравственно.

¹ ППС: «щеколду пожал осторожно».

² ППС: «в заглушенном плаче Аксинья вся сотрясается».

Григорий... Я обворовал ближнего... но ведь [я *ри*] там на фронте я рисковал жизнью. Могло-же так случиться, что пуля взяла-бы правее и продырявила мне голову? Теперь я истлевал-бы, моим телом нажирались-бы черви... [*Теперь*] [*Сейчас*] [я] **Надо** с жадностью [*живу*] **жить** каждый миг. Мне все можно». Он на минуту ужаснулся своим мыслям, но воображение вновь [*нарисовало ему*] **вылепило** страшную картину атаки и того момента, когда он поднялся с убитого коня и упал, срезанный пулями. Уже засыпая успокоенно решил¹: «Завтра о этом, а сейчас спать, спать...»||

<Л. 58>

113.

На следующий день утром, оставшись в столовой [с] наедине с Аксиньей он подошел к ней **виновато** улыбаясь, но она прижавшись к стене, вытягивая руки, опалила его яростным шепотом:

— Не подходи, проклятый!..

Свои неписанные законы диктует людям жизнь. Через три дня ночью Евгений вновь пришел в половину Аксиньи и она — его не оттолкнула.

[22.] 23.

[*При*] **К** глазной лечебнице доктора Снегирева [*был*] **примыкал** маленький садок.

Таких [*маленьких*] неуютных **стриженных** садов много по окраинным переулкам Москвы, в них не отдыхает глаз от каменной тяжелой скуки города и еще резче и больней вспоминается, при взгляде на них дикое приволье леса. В [*нем*] **больничном** садике хозяйничала осень: **крыла** дорожки [*лист*] оранжевой [*позолотой*] **бронзой** листьев², утренними заморозками мяла цветы и водянистой зеленью наливала на газонах траву. В погожие дни по дорожкам гуляли больные вслушиваясь в переливы церковных звонов богомольной Москвы. В ненастье, — а в том году [*ненастье*] **оно** преобладало, — слонялись из палаты в палату, лежали на койках, отмалчивались, прискучившие и самим себе и друг-другу.

В лечебнице преобладали гражданские больные, раненые помещались в двух палатах, было их [шесть человек] пять человек: **Ян Варейкис** высокий, русский **латыш** с окладистой подстриженной бородой и голубыми **круглыми** глазами Иван Врублевский [*черниговец*] [*двадцативосьмилетний*] **двадцативосьмилетний** красавец драгун уроженец [*Черн*] Владимирской губернии, [*он лишился глаза*] **сибирский стрелок** Косых, [*м*] вертлявый желтый солдатишка Бурдин и Мелехов Григорий. В конце сентября привезли еще одного. Во время вечернего чая продолжительно затрепетал звонок. Григорий выглянул в коридор, в [*передней*] **переднюю** вошли трое: [*ми*] сестра милосердия и человек в черкеске, третьего

¹ ППС: «решил успокоенно».

² ППС: «В [*нем*] **больничном** садике хозяйничала осень: **крыла** дорожки [*лист*] оранжевой [*позолотой*] **бронзой** листьев, таких [*маленьких*] неуютных **стриженных** садов много по окраинным переулкам Москвы, в них не отдыхает глаз от каменной тяжелой скуки города и еще резче и больней вспоминается, при взгляде на них дикое приволье леса».

они поддерживали под руки¹. Он, [*прибыл, только что по всей вероят*] наверное, только что прибыл с вокзала, об этом свидетельствовала его грязная солдатская гимнастерка [со] с кровавыми бурными следами на груди. Ему вечером-же сделали операцию, [*удалили остаток глаза и уложили в палату к раненым. После чая в операционной*] После недолгих приготовлений (в палаты доносился шум, кипятили инструменты), в операционную привели новопривывшего. Спустя несколько минут [*из операционной понеслась*] оттуда послышалась приглушенная песня: пока раненому удаляли остаток глаза, раздробленного осколком, он усыпленный хлороформом, пел и невнятно ругался.

[*Через вы*] [*Через*] **Спустя полчаса** После операции его пронесли в [*на*] [*общую*] палату к раненым. Через сутки тяжкая одурь хлороформа вышла из мозгов, и он рассказал, что [*был ранен*] был ранен под Вербергом на Германском фронте, фамилия его — Гаранжа, был пулеметчиком, родом сам из Черниговской губернии. За несколько дней он особенно близко сошелся с Григорием, койки их стояли рядом и они, уже после вечернего обхода, шепотом подолгу разговаривали.||

<Л. 58 об.>

114.

- Ну, козак, [*как*] **як** дила?
- Как сажа бела.
- Глаз, [*как?*] шо-ж вин?
- Хожу на уколы.
- [*Сколько*] **Скільки** [*сделало*] **сдилало?**
- Восемнадцать.
- Больно чи ни?
- Нет, сладко.
- А ты, попроси, шо-б воны геть его вырезали.
- Не всем косым быть.
- Це так.

Желчный язвительный сосед Григория был недоволен всем: [*он*] ругал власть, войну, участь свою, больничный стол, повара, докторов, все, что попадало на острый его язык.

- За шо, мы с тобой, хлопче, воювалы?
- За што все, за то и мы.
- Та ты скажи мини толком.
- Отвяжись!
- Га! Дуркан ты! Це дило треба разжуваты. За буржуив мы воювалы, чуешь? Шо-сь це таке — буржуй? Птыца така у коноплях живет...

Он разъяснял Григорию непонятные слова, пересыпал свою речь ругательным забористым перцем.

— Не таракти! Не понимаю хохлачьево твоео языка. — перебивал его Григорий.

¹ ППС: «они поддерживали под руки третьего».

— Ось тобі! Шо-ж ты, [чи кругл] куркуль, не понимаешь?

— Реже говори.

— Я-ж, мий ридненький, и то балакаю не густо. Ты кажешь за царя, а шо-ж воно таке — царь? Царь — каплюга, царица — курва, [панім] **паньским грошам** от войны [наживка] прибавка, а нам **на шею** удавка. Чуешь? Ось! Хвабрикант [водку] горилку пье, — солдат вошку бье, трудно обоим... Хвабрикант с барышом, а [солдат] **рабочий** нагишом, так вино порядком и [иде] пластуетця... Служи, казак, служи, [тобі] **ты соби** ще [погоди!] один крест [дадут] **заробишь [соби]**, гарный, дубовый!.. **Говорил он по хохлачы, но в редкие минуты, когда волновался переходил на великорусский язык и, уснащая его ругательствами, изъяснялся чисто.**

Изо дня в день внедрял он в ум Григория досель неизвестные ему истины, разоблачал подлинные причины возникновения войны, едко высмеивал [порядки] самодержавную власть. Григорий пробовал возражать, но Гаранжа забивал его в тупик простыми, убийственно-простыми вопросами и Григорий вынужден был соглашаться. Самое страшное в этом было то, что сам он [Григорий] в душе чувствовал [подлинную] правоту Гаранжи и был бессилен противопоставить ему возражения, не было их и нельзя было [их] найти. С ужасом Григории сознавал, что умный и злой хохол постепенно, неуклонно разрушает все его прежние понятия о царе, родине, о его казачьем воинском долге¹. [Прахом] В течение месяца [прахом] после прихода Гаранжи, прахом задымились все те устои, на которых покоилось сознание. Подгнили эти устои, ржавью подточила их² чудовищная нелепица войны, [и] и нужен был **только** толчек. Толчек был дан, проснулась мысль, она изнуряла, придавливала простой бесхитростный ум Григория. Он метался, искал выхода, разрешения этой непосильной для||

<Л. 59>

115.

[него] **его разума** задачи, и с удовлетворением находил его в ответах Гаранжи. [Ко] Поздней ночью однажды Григорий встал с [кровати] **постели** и разбудил Гаранжу. Он подсел к нему на кровать. В окно сквозь приспущенную штору тек зеленоватый свет сентябрьского месяца. Щеки проснувшегося Гаранжи [супесно] темнели супесными рытвинами, влажно блестели черные впадины глазниц. Он зевал и зябко кутал ноги в одеяло.

— Шо не спишь?

— Сну нету. Сон от меня уходит. Ты мне объясни вот што: война одним на пользу, другим [на смерть] **в разор**...

— Ну? Аххааа... — зевнул Гаранжа.

— Погоди! — зашептал Григорий опалемый гневом. — Ты говоришь, што на потребу капиталистам нас гонят на смерть, а как-же народ? Аль он не понимает? Неужели нету таких, штоб могли рассказать? Вышел бы и сказал: — «Братцы! Вот за што вы гибнете в кровях!».

¹ ППС: «долге казачьем воинском».

² ППС: «подточила их ржавью».

— Як це так, вышел? Ты, шо, **сказывся**? А ну побачил-бы я, як ты[-бы] вышел. Мы ось с тобой шепчемся, як гуси у камыши, а [скажи] **гавкни** ризко и [под] **пид** пулю. Черная глухота у народи. Война его побудить. Из хмары посла грому дож буде...

— Што же делать? Говори, гад! Ты мне сердце разворошил!¹

— А шо тоби сердце каже?

— Не [знаю] **пойму**. — признался Григорий.

— Кто мини с кручи пихае, того я пихну! Треба **не лякаясь** повернуть винтовки! Треба [в] у того загнать пулю, кто [посылает] **посылае** людей [в] у пекло. Ты знай, — Гаранжа приподнялся и скрипнув зубами вытянул руки, — [поднимется] **пидниметця** велика хвиля, вина усе снесе!

— По твоему, што-ж... все вверх ногами надо поставить?

— Га! Власть треба, як грязны портки, скинуть. Треба с панив овчину драть, треба им губы рвать, бо гарно воны народ помордувалы.

— А при новой власти войну куда денешь? Так-же будут клочиться, не мы, так дети наши. Войне чем укороть дашь? Как ее уничтожить, раз из веку воюют?

— Верно, война испокон веку иде и до той години вона не переведетця, поки буде на свити дурноедська власть. От! А як булла-б у каждом государстве власть рабоча, тоди-б не воювалы. То и треба зробить. А це буде! Буде, в дубову домовину их мать!.. Буде! Тоди побачишь, як живи будемо: и у нас, и у германцив, и у хранцузив, у всех заступить власть рабоча и хлиборобска. За шо-ж мы тоди будемо брухатъця? Границы — геть! Чорну злобу — геть! Одна по всиму свиту буде руда жизнь. Эх! — Гаранжа вздохнул и покусывая кончики усов, блистая единственным глазом мечтательно улыбнулся. — Я-б, Грицько, кровь свою по капли выцидив-бы шоб дожить до такого... Полымя мини **сердцевину** лиже...²

Они проговорили до рассвета. В серых сумерках забылся Григорий беспокойным сном.

Утром его разбудили голоса и плач. Иван Врублевский лежа на кровати вниз лицом всхлипывал, [и] сморкался, вокруг него стояли фельдшерница, Ян Варейкис и Косых.

¹ ППС: «— Погоди! — зашептал Григорий опалемый гневом. — Ты говоришь, што на потребу капиталистам нас гонят на смерть, а как-же народ? Аль он не понимает? Неужели нету таких, шоб могли рассказать? Вышел бы и сказал: — «Братцы! Вот за што вы гибнете в кровях!»

— Як це так, вышел? Ты, шо, **сказывся**? А ну побачил-бы я, як ты[-бы] вышел. Мы ось с тобой шепчемся, як гуси у камыши, а [скажи] **гавкни** ризко и [под] **пид** пулю. Черная глухота у народи. Война его побудить. Из хмары посла грому дож буде...

[Ко] Поздней ночью однажды Григорий встал с [кровати] **постели** и разбудил Гаранжу. Он подсел к нему на кровать. В окно сквозь прислушенную штору тек зеленоватый свет сентябрьского месяца. Щеки проснувшегося Гаранжи [супесно] темнели супесными рытвинами, влажно блестели черные впадины глазниц. Он зевал и зябко кутал ноги в одеяло.

— Шо не спишь?

— Сну нету. Сон от меня уходит. Ты мне объясни вот што: война одним на пользу, другим [на смерть] **в разор**...

— Ну? Аххааа... — зевнул Гаранжа».

² Текст вставки перенесен с отдельного листка (59 а) согласно указанию автора.

— Чево он хлопает? — высунув голову из-под одеяла хрипнул Бурдин.

— Глаз разбил. Начал из стакана вынать и кокнул его об пол. — Скорее с злорадством, чем с сожалением ответил Косых.

Какой-то [неме] обрусевший немец [торговавший] -торговец искусственными глазами, движимый патриотическими побуждениями, выдавал их солдатам бесплатно. Накануне Врублевскому подобрали и вставили стеклянный глаз тончайшей работы, такой-же голубой и красивый, как и настоящий. Настолько художественно был он сделан, что даже при внимательном изучении нельзя было отличить подлинный глаз от искусственного. Врублевский радовался и смеялся, как ребенок.

— [Вернись] Приду домой, — говорил он по владимирски окая, — любую девку обману. Женюсь, а потом||

<Л. 59 об.>

116.

признаюсь, что глаз-то стеклянный.

— Обманет, язви его! — хохотал Бурдин, постоянно напевавший о Дуне и о таракане, который прогрыз Дуне сарафан.

И вот несчастная случайность и красавец парень вернется в родную деревню косым уродом.

— Новый дадут, не реви. — утешил Григорий.

Врублевский поднял опухшее от слез лицо с красной мокрой дыркой вместо глаза.

— Не дадут. Глаз он триста рублей стоит. Не дадут!

— Глаз был, так глаз! Кажна жилка на ем прорисована. — восторгался Косых.

После утреннего чая Врублевский [вновь] поехал с фельдшерницей в магазин к немцу, и тот вновь¹ подобрал глаз.

— Немцы-то-то они лучше русских! — неистовствовал в восторге Врублевский, — У русского купца хрен выпросишь, а этот и слова не сказал.

[Шли дни] Минул сентябрь. Время скупно отсчитывало дни. Тянулись они нескончаемо длинные, **налитые мертвящей скукой**, по утрам в девять пили чай. [На] [каждого] **каждому** больному на тарелочке подавали два чахлах, [и] прозрачных ломтика французской булки и кусочек сливочного масла величиной с мизинец, [за обед] после обеда расходились голодные, вечером пили чай для разнообразия запивая его холодной водой. Состав больных менялся. Из [палат] «военной палаты» (так окрестили больные палату, где **лежали раненые солдаты**) первым выписался сибиряк Косых, за ним последовал латыш Варейкис. В последних числах октября выписали Григория. Красивый, с подстриженной бородкой хозяин больницы доктор Снегирев на испытании признал зрение Григория удовлетворительным. В темной комнате ему показывали на известном расстоянии [освещеную] **освещенные** большие буквы и цифры. Его выписали и направили в госпиталь на Тверской, так как **залеченная рана** [в] на [голову] **голове** не-

¹ ППС: «ВНОВЬ ТОТ».

ожиданно открылась, и появилось легкое нагноение. Прощаясь с Гаранжой, Григорий спросил:

— Увидимся ли?

— Гора [на] с [гору] **горой** не [лезет] [сходится] **сходитця**... [а чоловік на чоловіка завжди с великим удовольствием]

— Ну, хохол, спасибо, што глаза мне открыл. Теперь я зрячий.

— [Я рад, шо помог тобі] У полк прийдешь — побалакай на цей счет с козаками.

— Ладно.

— Мабудь доведетця бывать у Черниговщини в слободе Гороховки — спрашивай **коваля** Андрия Гаранжу, рад буду тебя бачить. Прощувай, **хлопче!**

Они обнялись. Надолго сохранила память Григория образ хохла с суровым единственным глазом и ласковыми [рт] линиями рта на супесных щеках.

В госпитале Григорий провалялся недели полторы. [Уже] он вынашивал в душе||

<Л. 60>

117.

неоформленные решения, бродил в нем терпкий **пагубный** яд гаранжевского ученья, желчь его передалась и Григорию: [Угрюмыми глазами он взвешивал каждое лицо, искал врагов и единомышленников] с соседями по палате **он** говорил мало, некое [беспокойное] **тревожное** смятение сквозило в каждом его движении. «Беспокойный». Так охарактеризовал его **при приеме** заведующий госпиталем, бегло осматривая нерусское лицо Григория.

Первые дни Григория лихорадило, [он] лежал **он** на койке вслушиваясь в неумолчные звоны в ушах. В это время и [случился] **произошел** этот инцидент. [Госпит] Проездом из Воронежа госпиталь высочайше соизволила посетить особа императорской фамилии. [Уведомленный] **Уведомленные** об этом с утра [заведующий заметался] **лица врачебного [персонал] персонала** госпиталя [заметался] **заметались**, как мыши в горящем амбаре. Раненых приодели, беспокоя их внеочередно сменили постельное белье, младший врач даже пытался учить, как отвечать особе и как держать себя в разговоре с оной. Тревога передалась и раненым, некоторые [даже] **заранее** говорить **стали** шепотом. В полдень у подъезда звякнул автомобильный рожек и в сопровождении должного количества свиты в настезь распахнутые двери госпиталя вошла особа. ([Швейцар дома, где помещался госпиталь] **Один из раненых весельчак и балагур** уверял после [раненых] [остальных] **товарищей**, что к моменту подъезда именитых посетитель **госпитальный** флаг, с красным крестом, вдруг буйно затрепыхался несмотря на то, что погода стояла [пасмурная и] на редкость **ясная** и безветренная, а на [вывеске] противоположной стороне, на вывеске парикмахерского заведения элегантный завитой мужчина сделал нечто похожее на коленопреклонное движение, или реверанс). Начался обход палат. Особа задавала [и] приличествующие ее положению и обстановке¹ нелепые вопросы, раненые, по совету **младшего** врача,

¹ ППС: «и обстановке [и] ее положению».

вылупив глаза больше той меры, которой [обучали] учили их в строю, отвечали: «Точно так, ваше императорское высочество и никак нет», — с приложением этого-же титула, комментарии к ответам давал заведующий госпиталем, причем вился он, как уж [под] ущемленный вилами и даже издалека на него было жалко смотреть.

Царственная особа, переходя от [кровати к кровати] {койки к койке}, раздавала иконки. Толпа блестящих мундиров и густая волна дорогих духов надвигалась на Григория. Он стоял возле своей койки небритый, худой, с воспаленными глазами; мелкая дрожь острых коричневых скул выдавала его волнение.

«Вот они [в у] на чью радость нас выгнали из родных куреней и кинули на смерть. Ах, гадуки! Проклятые! Дурноеды! Вот они **самые** едучие вши на нашей хребтине... Не за эту-ли... топтали мы конями чужие хлеба и убивали чужих людей? А полз я по жнивью и кричал [от боли]. А страх? Оторвали от [Аксиньи] **семьи**, морили в казарме...» — клубился в голове его кипящий ком мыслей. Пенная злоба||

<Л. 60 об.>

118.

поводила его губы. «Сытые какие все, аж блестят... Туда-б вас, трижды проклятых! На коней, под винтовку, вшами-бы вас засыпать, гнилым хлебом, мясом червивым кормить!..»

Григорий низал глазами лощеных офицеров свиты и останавливал мерклый взгляд на сумчатых щеках [особы] члена императорской фамилии.

— **Донской казак** Георгиевский кавалер. — изгинаясь указал на него заведующий. и Таким тоном это было сказано, словно он сам заслужил этот крест.

— Какой станицы? — спросила особа держа наготове иконку.

— Вешенской, ваше императорское высочество.

— За что имеешь крест?

В светлых пустых глазах особы тлела скука, пресыщенность. Рыжеватая левая бровь заученно приподнималась¹, это делало лицо особы **более** выразительным. Григорий на мгновение ощутил холодок и покалыванье **в груди**, такое чувство являлось в первый момент атаки. Губы его неудержимо кривились, прыгали.

— Я бы... Мне-бы по надобности сходить... по надобности, ваше императорское... **по малой нужде...** — Григорий качнулся, словно переломленный, указывая широким жестом под кровать.

Левая бровь особы стала в дыбошки, рука с иконкой [опустила] застыла на полпути. Особа, недоуменно свесив [нижнюю] **брюзглую** губу, повернулась к сопутствовавшему ей седому генералу с фразой на английском языке. Еле заметное замешательство тронуло господ — свиту: высокий офицер с аксельбантами рукой затянутой в белоснежную перчатку [тронул] **коснулся** [глаза] **глаз**, второй потупил голову, третий с вопросом глянул в лицо четвертому... Седой генерал, [чуть едва] почтительно улыбаясь, **на английском языке что-то** доложил их императорскому высочеству и особа соизволила милостиво сунуть в руки Григо-

¹ ППС: «приподнималась заученно».

рия иконку и даже **одарить его высшей милостью** — коснуться рукой его плеча.

После отъезда высоких гостей [*заведующий госпиталем вызвал Григория в кабинет:*

— Ты, каналья... начал он] Григорий упал на койку, [и] зарывшись с головой в подушку лежал несколько минут вздрагивая плечами, нельзя было понять: плакал он, или смеялся, но встал с сухими проясневшими глазами. Его сейчас же вызвал в кабинет заведующий госпиталем.

— Ты, каналья... — начал он комкая в пальцах бороду, цвета линялой заячьей шкурки.

— Я тебе не каналья, гад! — не владея нижней отвисшей челюстью сказал Григорий шагая к доктору, — На фронте вас нету!... — и **осилив себя**, уже сдержанней: — Отправьте меня домой.

Доктор пятясь от него зашел за письменный стол, сказал мягче.||

<Л. 61>

119.

— Отправим. Убирайся к черту!

Григорий вышел [*улыб*] дрожа улыбкой, с взбешенными глазами. За его чудовищную [и] непростительную¹ выходку в присутствии высокой особы, администрация госпиталя [*решила*] лишила его питания на трое суток. Кормили его товарищи по палате и сердобольный **страдавший от грыжи** повар.

[23.] 24.

В ночь на 4 ноября Григорий Мелехов пришел в Нижне-Яблоновский первый от станции казачий хутор Вешенского юрта². До имени Ягодного оставалось несколько десятков верст. Григорий будоража собак шагал мимо редких дворов, за приречными вербами молодые ребячьи голоса вели песню:

А из-за леса блестят копия мечей,
Едет сотня казаков усачей.
Попереди офицер молодой,
Ведет сотню казаков за собой

Сильный [*не по возрасту голос*] **чеканно-чистый тенор** заводил:

«За мной братцы не робей, не робей!
[*На завалы поспешай поскорей*]

Дружные спевшиеся голоса лихо подхватывали

На завалы поспешай поскорей.
А кто первый до завалов добежит
Тому честь и крест и слава надлежит».

¹ ППС: «непростительную [и] чудовищную».

² ППС: «в первый от станции казачий хутор Вешенского юрта Нижне-Яблоновский».

Неизъяснимо родным, теплым повеяло на Григория от знакомых слов давнишней, казачьей, и им не раз игранный, песни. Щиплющий холодок покалывал глаза, теснил грудь. Жадно вдыхая горький кизечный дым, выползавший из труб куреней, Григорий проходил хутор, — вслед ему несло:

На завалах мы стояли, как стена.
Пуля сыпалась, летела, как пчела.
А и что это за донские казаки,
Они рубят и сажают на штыки.

«Давно [*1 слово нрзб.*] играл я парнем... А теперь высох мой голос и песни жизнь обрезала...¹ [*А теперь*] иду вот² к чужой жене на побывку, без угла, без жилья, как волк баерачный...» — думал Григорий [*шагая*] шагая с равномерной усталью³, горько [*улы*] смеясь над своей диковинно сложившейся жизнью. Из хутора поднялся на косой бугор, оглянулся: в просвете окна последнего куреня лазерево желтел огонь висячей лампы, у окна за прялкой сидела пожилая женщина. Сойдя с дороги, Григорий пошел по влажно-хрупкой скованной морозцем траве. Он решил переночевать на первом хуторе по Чиру, что-бы на следующий день засветло добраться до Ягодного.

Уже за полночь пришел [*он*] на хутор Грачев, в крайнем дворе заночевал и вышел лишь только чуть поредели лиловые утренние сумерки.

[*Вечером он [был] отбиваясь*] Ночью он был в Ягодном. Неслышно перепрыгнув через забор шел мимо конюшни, оттуда звучал гулкий кашель деда Сашки. Григорий остановился, окликнул:

- Дед Сашка, спишь?
- Погоди, кто такое? Голос спознаю... Кто это?||

<Л. 61 об.>

120.

Дед Сашка, накинув зипун, вышел на двор.

— Отцы-святители! Гришка! Откуда ты холера взяла?.. Вот так гость!

Они обнялись. [*Зай*] Дед Сашка снизу засматривая в глаза Григория сказал.

- Зайди покурим.
- Нет, завтра уж. Пойду.
- Зайди, тебе говорят!

Григорий нехотя повиновался. Он присел на досчатую кровать, ждал пока дед Сашка откашляется.

- [*Ты*] Ну, дидко, [*как ты*] живешь, землю топчешь?
- Топчу помаленечку. Я, как ружье кремневое, мне износу не будет.
- Аксинья?
- Што-ж Аксинья... Аксинья, слава богу.

¹ ППС: «А теперь высох мой голос и песни жизнь обрезала... Парнем [*1 слово нрзб.*] играл я давно».

² ППС: «вот иду».

³ ППС: «с равномерной усталью шагая».

Дед натужно закашлялся. Григорий догадался, **что** кашель его [был] [притворный] **притворен**¹, скрывает смущение.

— Танюшку... где похоронили?

— В саду. Под тополем.

— Так. Рассказывай.

— Кашель меня, Гриша замучил...

— Ну?

— Все живы-здоровы. Пан вот попивает... Пьет глупой человек без рассудку.

— Аксинья как?

— Аксинья? Она в горничных теперь.

— Я знаю.

— Ты-бы покурить свернул? А? Закуривай, у меня табачек первый сорт.

— Не хочу, да ты говори, а то уйду. Я чую, — Григорий тяжело повернулся, [доски] **досчатая** [под ним] кровать под ним хряпнула, — чую, што ты слово какое-то, как камень за пазухой, держишь. Бей, што-ли!

— И вдарю!

— Бей!

— Вдарю! Силов я не набрал молчать и мне, Гриша, молчать прискорбно.

— Рассказывай-же. — попросил Григорий, с [каменной] **каменно** [тяжестью] **тяжелой** [ласково] {лаской} опуская ладонь на дедово плечо. Сгорбившись, ждал.

— Змею ты грел! — вдруг [резко] **резким** фальцетом выкрикнул дед Сашка, нелепо топыря руки, — Гадюку прикормил! Она с Евгением сваялась. Каков голос?

На [подбородок] **подбородке** деда, по канальцу розового шрама сполза бусинка клейкой слюны. Дед смахнул ее ладонью, ладонь вытер о суровые холщовые подштанники.

— Верно говоришь?

— Сам видал. Кажну ночь к ней таскается. Иди, он должно и сейчас у ней.

— Ну, што-ж... — Григорий хрустнул маслаками пальцев и долго сидел сгорбившись, выправляя мускул щеки, сведенный судорогой. В ушах у него раздолжными бубенцами разливались звоны.

— Баба — кошка, кто погладил, к тому и ластится. А ты не верь! Веры не давай!||

<Л. 62>

121.

Дед Сашка свернул Григорию цыгарку, зажег и сунул в руки.

— Покури.

Григорий два раза затянулся и затушил в пальцах цыгарку. Вышел молча. У окна [Аксинь] людской остановился **глубоко и часто дышал**, несколько раз поднимал руку постучать, но рука падала, как перебитая. Первый раз стукнул сдержанно, согнутым пальцем, потом не владея собой привалился к стене и бил кулаками в раму, яростно, долго. [К с] Рама вопила дребезжащим звоном стекла, шаталась, в ней рябился синий ночной свет... Мелькнуло удлиненное страхом

¹ ЛПС: «что кашель его [был] [притворный] притворен, догадался Григорий».

лицо Аксиньи¹. Она открыла дверь и [с] вскрикнула. Григорий обнимал ее **здесь же** в сенцах, **упорно** заглядывал в глаза.

— Стучал ты как... А я уснула... Не ждала... Любимый мой!..

— Озяб я...

Аксинья чувствовала, как в крупной дрожи сотрясается все большое тело Григория, а руки его пламенно горячи. Она проявляла чрезмерную суетливость, **зажгла огонь** бегала **по комнате** накинув на выхоленные [полные] матовые плечи пуховый платок, разводила на загнетке огонь.

— Не ждала... Давно не писал... Думала не придешь ты... [Танюша наша] Ты получил от меня последнюю письмо? Хотела тебе [гостинцу] **гостинцев** послать, а потом, думаю, погожу, может от него письмо [придет] получу. — Она изредка взглядывала на Григория, [с] **на** [зуб] красных [зуб] **губах** ее не [сходила] **таяла** замерзшая улыбка.

Григорий сидел на лавке не скидая шинель. Небритые щеки его пылали, на опущенные глаза падала из-под башлыка густая тень. Он начал было развязывать башлык и вдруг засуетился, достал кисет, искал в карманах бумагу. С необъятной тоской он **бегло** [смотрел] **осмотрел** [на] лицо Аксиньи. Она чертовски похорошела за время его отсутствия. Что-то новое, властное появилось в посадке [ее] красивой головы, лишь пушистые крупные кольца волос были те-же, да глаза... Губительная **огневая** ее красота не принадлежала ему. Еще-бы, ведь она любовница панского сына.

— Ты... не похожа на горничную, **на** экономку, скорее.

Она метнула пугливый взгляд, принужденно засмеялась.

Волоча за собой сумку Григорий пошел к двери.

— Ты куда?

— Покурить выйду.

— Яишня сжарилась, погоди.

— Я зараз.

На крыльце Григорий достал со дна солдатского подсумка бережно завернутый в клейменую чистую рубаху расписной платок. Его купил он в Житомире у торговца еврея **за 2 рубля** и хранил, как зеницу ока, вынимал на походе и любовался [ра] переливчатой радугой цветов, предвкушал то восхищение, которое охватит Аксинью, когда он, вер-||

<Л. 62 об.>

122.

нувшись домой, развернет перед ней узорчатую ткань. Жалкий подарок! Ему-ли [тягат] соперничать **в подарках** с сыном [первого богача] **богатейшего помещика** в верховьях Дона? [С] [Он в шелк нарядил Аксинью] Поборов подступившее **сухое** рыданье Григорий разорвал платок на мелкие части, [и] сунул под крыльцо. Вошел в комнату, [и] сумку кинул² на лавку.

— Садись, я разую тебя, **Гриша**.

¹ ЛПС: «Лицо Аксиньи удлиненное страхом [при] мелькнуло».

² ЛПС: «кинул сумку».

Белыми, отвыкшими от [черной] работы руками Аксинья стащила с Григория тяжелые солдатские сапоги и припав к его коленям долго **беззвучно** рыдала. Григорий дал ей выплакаться, спросил:

— Чево-ж ты кричишь? Аль не рада мне?

Уснул он скоро. Аксинья раздетая вышла на крыльцо и под холодным пронизывающим ветром, под похоронный вой сиверка простояла на крыльце, обняв [сто] мокрый столб, не меняя положения, до рассвета.

Утром Григорий одел шинель, пошел в дом. Старый пан стоял у крыльца, одетый в меховую куртку и [зимнюю] пожелтевшую каракулевую папаху.

— Вот он, Георгиевский кавалер! Однако, ты возмужа-а-ал, брат!

Он козырнул Григорию и протянул руку.

— Надолго прибыл?

— На две недели, ваше превосходительство.

— Дочь-то похоронили. Жаль, жаль...

Григорий промолчал. На крыльцо натягивая перчатки выходил Евгений.

— [Эге-ге] Григорий? Ты откуда?

У Григория темнело в глазах, но он улыбался.

— Из Москвы, в отпуск.

— Вот как. У тебя ранение в глаз?

— Так точно.

— Я слышал. Каким он молодцом стал, а папа?

Сотник кивнул головой на Григория и повернулся лицом к конюшне.

— Никитич, лошадей!

Степennyй Никитич [кончал] **кончил** запряжку и **неприятно косясь на Григория**, подвел к крыльцу старого серого рысака. Под [но] колесами легонькой пролетки хрушко **шуршала**¹ [вдавливалась] **вдавливалась** сшитая ледком земля.

— Ваше благородие, дозволейте вас прокатить, по старой памяти? — обратился Григорий к [сотнику] **Евгению** заискивающе улыбаясь.

«Не догадывается, бедняк». — удовлетворенно улыбнулся [сотник] тот и блеснул из-под пенснэ глазами.

— Что-ж, сделай милость, поедем.

— Ты что-же это, не успел при ехать и бросаешь молодую жену? Не соскучился разве? — Старый пан милостиво улыбнулся².

[На улыбку] Григорий засмеялся.

— Жена не [уйдет] медведь, в лес не уйдет.

Он сел на козлы, подоткнув под сиденье кнут расправил вожжи.

— Эх и прокачу-ж я вас, Евгений Николаич!

— Прокати, на чай получишь.

— Премного вами довольны. И так спасибо, что Аксинью мою... кормите, Кусок ей... даете||

<Л. 63>

¹ ППС: «шуршала хрушко».

² ППС: «Милостиво улыбнулся старый пан».

123.

Голос Григория рвался и у сотника шевельнулось нехорошее подозрение. «Неужели знает? Ну, глупости! Откуда? Не может быть». Он откинулся на спинку сиденья, [и] закурил папиросу.

— Возвращайтесь поскорей! — крикнул вслед им старый пан.

Из под колес рванулась иглистая морозная пыль. Григорий рвал вожжами губы рысаку и довел бег его до предельной резвости. Они за четверть часа переваляли через бугор. В первой-же ложбинке Григорий соскочил с козел и выдернул из-под сиденья кнут.

— Ты что? — [*спросил*] **нахмурился** сотник

— А вот... што!

Григорий коротко взмахнув кнутом **с страшной силой** ударил сотника по лицу. Перехватив конец он бил кнутовищем **по лицу, по рукам** не давая сотнику опомниться. Осколок разбитого пенснэ врезался ему выше брови, на глаз [*текла*] падали струйки крови. Сотник вначале закрывал [*лицу*] глаза руками, но удары учащались. Он вскочил с лицом обезображенным подтеками и яростью, пробовал защищаться, но Григорий **отступая** ударом в кисть парализовал ему правую руку.

— За Аксинью! За меня! За Аксинью! Ишо тебе за Аксинью! За меня!..

Кнут свистал. Мягко шлепали удары. [*Бил до*] **Потом** кулаками свалил на [*кочковатую*] [*жесткую*] **жесткий** кочкарник [*дорогу*] **дороги** и катал по земле, бил **зверски**, [*каб*] окованными каблуками солдатских сапог. [*Потом*] **Обессилен** сел в пролетку, гикнул и губя рысачьи силы, перевел его на намет. Пролетку бросил около ворот. [и] Комкая кнут, **путаясь в полах распахнутой шинели** бежал в людскую.

Аксинья на гром откинутой двери оглянулась.

— [*Получай плату.*] **Гадина!.. Сука!..** — взвизгнув кнут [*со св*] [*с*] [*со*] [*шиненьем*] [*свистом*] {плотно} обвил ее лицо. [*два раза*]

Задыхаясь Григорий выбежал во двор, [и] не отвечая на вопросы деда Сашки [*вышел*] **пошел** из имения. Версты через полторы его догнала Аксинья. Она бурно дышала и шла рядом, молча, и изредка трогая рукой руку Григория. На развилке дорог, возле бурой степной часовни она сказала чужим далеким голосом:

— Гриша, прости!

Григорий [*стиснул*] **оскалил** зубы, [и] **горбясь** поднял воротник шинели. Где-то сзади у часовни осталась Аксинья. Григорий не оглянулся ни разу, не видел протянутых к нему аксиньиных рук.

На спуске с горы в хутор Татарский [*Григорий*] **он** недоумевая, увидел в руках своих кнут, [*он*] бросил его, [и] крупно зашагал по||

<Л. 63 об.>

124.

проулку. К окошкам липли лица, изумленные его появлением низко кланялись [*ему*] угадывавшие его встречные бабы.

У ворот своего [*двора*] **база** [*на нем с разбегу повисла и заболтала ногами*] [*увидел он Дуняшку*] [*рослая*] **сухошавая** черноглазая **красавица-девка** с разбегу, с визгом кинулась ему на шею, [и] забилась на груди. Стиснув ладонями ее щеки

Григорий приподнял голову и угадал Дуняшку. С крыльца хромал Пантелей Прокофьевич, в курене в голос заплакала мать. Григорий левой рукой обнимал отца, правую целовала [ему] Дуняшка. Знакомый до боли скрип порожек и Григорий на крыльце. Постаревшая мать [бежит] подбежала с живостью девочки, вымочила слезами петлицы шинели и неотрывно обнимая¹ [Гр] сына лепетала что-то свое, несвязное непередаваемое словами, а в [дв] сенцах цепляясь за дверь, что-бы не упасть, стояла побледневшая Наталья; [мучи] мучительно улыбалась, падала, срезанная беглым растерянным взглядом Григория.

.....
 Ночью Пантелей Прокофьевич толкая в бок Ильинишну шептал:

— Глянь потихоньку, вместе легли, али нет?

— Я постелила им на кровати.

— А ты глянь, глянь!

Ильинишна глянула через дверную щель в горницу, вернулась.

— Вместе [легли].

— Ну, слава богу! Слава богу! — закрестился старик приподнимаясь на локте, [и] всхлипывая.

Конец третьей части.||

¹ ППС: «обнимая неотрывно».

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ. Фрагмент (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 4/2); 7 лл.; авторская нумерация страниц с 1 по 14. В опубликованном тексте глава 11 третьей части романа (дневник студента Тимофея, найденный Григорием Мелеховым). Датируется 1927 г., до середины октября на основании письма М.А. Шолохова жене от 13 октября 1927 г. о сдаче в издательство «Московский рабочий» третьей части «Тихого Дона» (Шолохов М.М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 114–115).

<Л. 1>

1.

Гл. 11.

Небольшая в сафьяновом, цвета под дуб, переплете записная книжка. Углы потерты и заломлены, долго носил хозяин в кармане. [Первый листок был вырван, на втором — химическим карандашом полустертая запись в углу: «Москва. Плющиха. Долгий переулок. Дом № 20» и ниже:] Листки исписаны **узловатым косым почерком**.

«...С некоторого времени явилась вот эта потребность, общения с бумагой. Хочу вести подобие институтского “дневника”. Прежде всего о ней: в феврале, не помню какого числа, меня познакомил с ней ее земляк, студент [Высшего технического училища.] **политехник** Боярышкин. Я столкнулся с ними у входа в кинематограф [на Театральной] Боярышкин знакомя нас говорил: “Это станичница, вешенская. Ты, Тимофей, люби ее и жалуй. Лиза — отменная девушка”. Помню я что-то изрек нечленораздельное и подержал в руке ее мягкую, потную ладонь. Так началось мое знакомство с Елизаветой Моховой¹. Что она испорченная девушка, я понял с первого взгляда, у таких женщин глаза горят больше чем следует. Она на меня произвела, признаюсь [сам себе], невыгодное впечатление: прежде всего эта теплая мокрая ладонь, я никогда не встречал что-бы у людей так потели² руки; потом — глаза, **в сущности** очень красивые глаза, с таким ореховым оттенком, но в то-же время, [после ее взгляда, вначале, являлось у меня непреодолимое желание смахнуть с лица грязь; мне казалось, что оставались на лице пятна грязи отброшенные ее ореховыми глазами] **неприятные**.

Друг, Вася, я сознательно ровняю слог, прибегаю даже к образности, с тем, что-бы в свое время, когда сей “дневник” [испо] попадет к тебе в Семипалатинск, (есть такая мысль: по окончании любовной интриги, которую завел я с Елизаветой Моховой, переслать тебе его. Пожалуй, [это] чтение этого документа доставит тебе не малое удовольствие), ты имел-бы точное представление о происшедшем. Буду описывать в хронологическом порядке. Так вот, познакомился я с ней и втроем пошли мы смотреть какую-то сентиментальнейшую кино-чушь. Боярышкин молчал (у него ломил “кутний”, как он [выражается] **выразился**, зуб), а я очень туго вел разговор. Мы оказались [зем] земляками, т. е. соседями

¹ ППС: «Моховой Елизаветой».

² ППС: «потели так».

по станицам, и перебрав общие воспоминания о красотах степных пейзажей и пр. и пр. умолкли. Я, если можно так выразиться, непринужденно молчал, она не испытывала ни малейшего неудобства от того, что исжевали мы [*конец разговорной нити*] **разговорчик**. Я узнал от нее, что она медичка второго курса, а по происхождению купчиха и очень любит крепкий чай и асмоловский табак. Как видишь, очень убогие сведения для познания девы с ореховыми глазами.||

<Л. 1 об.>

2.

При прощанье (мы провожали ее до трамвайной остановки), она просила заходить к ней. Адрес я записал [*где-то на [Плющиха] Плющихе, Долгий переулок*]. Думаю заглянуть. [*к ней*]

28 апреля.

Был сегодня у нее. Угощала чаем с халвой. В сущности — любопытная девка: [*много читала*] острый язык, в меру умна, [*говорили о "Навях чарах" Сологубовских. От нее попахивает этим самым. Ощутимо даже на расстоянии*] **вот только арцыбашевщиной от нее попахивает, ощутимо даже на расстоянии**. Пришел от нее поздно. Набивал папиросы и думал о вещах, не имеющих абсолютно никакого отношения к ней; в частности о деньгах. [*Не плохо было бы иметь толстосумого родителя. К примеру:*] Костюм мой изношен до дикости, а «капитала» нет. В общем — хреновина.

1 мая.

Ознаменован сей день [*неприятнейшим*] событием. В Сокольниках во время очень безобидного времяпровождения напоролись на [*неприятность*] **историю**: полиция и [*казачий*] отряд казаков человек в двадцать рассеивали [*собравшихся*] [*толпу*] [*рабочих*] **рабочую маевку**¹. Один пьяный ударил лошадь казака палкой, а тот пустил в ход плеть. (Принято почему-то называть плеть нагайкой, а ведь у нее — собственное славное имя, к чему же...) Я подошел и ввязался. Обуревали меня самые благородные чувства, по совести говорю! Ввязался и сказал казаку, что он чапура и [*с эс эс*] **кое-что [все] из [тоже] иного-[прочее] прочего**. Тот было замахнулся и на меня плетью, но я с достаточной твердостью сказал, что я сам казак [*станции Мигулинской*] **Каменской станицы** и так могу [*ему*] **его** помести, что [*ему придется очень плохо*] **чертям станет тошно**. Казак попался добродушный, молодой; служба, видно не замордовала еще, [*ответил,*] ответил, что он станицы Усть-Хоперской и биток по кулачкам. Мы разошлись мирно. [*Казак*] [*Усть-хоперец*] **счел нужным даже извиниться перед полупьяным** Если б он что-либо предпринял по отношению меня — была-бы драка и — еще кое-что похужее для моей персоны. **Мое вмешательство** объясняется тем, что в нашей компании была Елизавета, а меня в ее присутствии подмывает этакое мальчишеское желание «подвига». [*и еще*]]

¹ ППС: «маевку [*рабочих*] рабочую».

<Л. 2>

3.

На собственных глазах превращаюсь в петуха и чувствую, как под фуражкой вырастает незримый красный гребень... Ведь вот до чего допер!

3 мая. [Труба!] Запойное настроение. Ко всему прочему нет денег. На развилках, попросту говоря, ниже мотни безнадежно порвались брюки, репнули, как переспелый задонский арбуз. Надежда на то, что шов будет держаться — призрачна. С таким же успехом можно сшить и арбуз. Приходил Володька Стрешнев. Завтра иду на лекции.

7 мая. Получил от отца деньги. Поругивает в письме, а мне ни крохотки не стыдно. Знал-бы батя, что у [сын] сына [лишен] подгнили нравственные стропила... Купил костюм. На [галстук] галстук даже извозчики обращают внимание. Брился в парикмахерской на Тверской. Вышел оттуда свежим галантерейным приказчиком. На углу Садовой-Триумфальной мне улыбнулся городской. Этакий плутишка! Ведь есть что-то общее у меня с ним в этом виде? А три месяца назад? Впрочем не стоит ворошить [бельишко] белье истории... Видел Елизавету случайно, в окне трамвая. Помахала перчаткой и улыбнулась. Каков я?

8 мая. “Любви все возрасты покорны”. Так и представляется мне рот Татьяниного муженька, раззявленный, как пушечное дуло. Мне с галереи непреодолимо [хочется в этом] хотелось плюнуть в рот ему. А когда в уме встает эта фраза, особенно конец: “По-ко[р]-ор-ны-ы-ы...”, челюсти мне судорожно сводит зевота, нервная по всей вероятности.

Но дело-то в том, что я в своем возрасте влюблен. Пишу эти строки, [и] а волос дыбом... [Пальцы на ногах потеют...] Был у Елизаветы. Очень выпренно и издалека начал. Делала вид, что не понимает, и пыталась свести разговор на другие рельсы. Не рано-ли я? Э, чорт, костюм этот дело попутал! [Гляну на] Погляжусь в зеркало — неотразим, дай, думаю, выскажусь. У меня как-то здравый расчет преобладает над всем остальным. Если не объясниться сейчас, то через два месяца будет уже поздно||

<Л. 2 об.>

4.

брюки изнаются и обопреют в таком месте, что никакое объяснение будет немислимо. Пишу и сам собой восторгаюсь. [Как] до чего ярко сочетались во мне все лучшие чувства лучших людей нашей эпохи! Тут вам [от] и нежно пылкая страсть и “глас рассудка твердый”. Винегрет добродетелей помимо остальных достоинств. [до сих пор]

Я так и не кончил предварительной подготовки с ней. Помешала хозяйка квартиры, которая вызвала ее в коридор и, я слышал, попросила у нее займы денег¹. Она отказала в то время, как деньги у нее были. Я это достоверно знал и я представил себе ее лицо, когда она правдивым голосом отказывала и глаза ее ореховые и вполне искренние. Охота говорить о любви у меня исчезла.

¹ ППС: «денег займы».

13 мая. Я основательно влюблен. Это не подлежит никакому сомнению. Все признаки налицо. Завтра объяснюсь. Роли своей я так и не уяснил пока.

14 мая. Дело обернулось неожиданнейшим образом. Был дождь, тепленький такой, приятный. Мы шли по Моховой, [и] плиты тротуара резал косой [дождь] ветер. Я говорил, а она шла молча, **потупив голову** словно раздумывая. Со шляпки на щеку ей стекали дождевые струйки и она была прекрасна. [Она] Приведу наш разговор:

— Елизавета Сергеевна, я изложил вам, то что я [мыслю] **чувствую**. Слово [вам] **за вами**.

— Я сомневаюсь в подлинности ваших чувств.

Я глупейшим образом пожал плечами и сморозил, что готов принять присягу, или что-то в этом роде. Она сказала:

— Слушайте, [оставим играть в пальчики] вы заговорили языком тургеневских героев. Вы-бы попроще.

— Проще некуда. Я вас люблю.

— И что же?

— За вами слово.

— Вы хотите ответного [признанья] **признания**?

— Я хочу ответа.

— Видите ли, Александр Иванович... [Саня...] Что я вам могу сказать? Вы мне чуточку нравитесь. Высокий вы очень...

— Я еще подрасту. — пообещал я.

— Но мы так мало знакомы, общность...||

<Л. 3>

5.

— [Мы] **Съедим вместе пуд соли** и плотней узнаем друг друга.

Она розовой ладонью вытерла мокрые щеки и сказала.

— Что-ж, давайте сойдемся. Поживем-увидим. Только дайте мне срок, что-бы я могла покончить с моей бывшей привязанностью.

— Кто он? — поинтересовался я.

— Вы его не знаете. Доктор один, венеролог.

— Когда вы освободитесь?

— Я надеюсь к пятнице.

— Мы будем вместе жить? То-есть в одной квартире?

— Да, пожалуй это будет удобней. Вы переберетесь ко мне.

— Почему?

— У меня очень удобная комната. Чисто и хозяйка [приятн] симпатичная особа.

Я не возражал. На углу Тверской мы расстались. Мы поцеловались к великому изумлению какой-то [каракулевой] дамы.

Что день грядущий [нам] **мне** готовит?

22 мая. [Я] переживаю медовые дни. [радо] “Медовое” настроение омрачено было сегодня тем, что Лиза сказала мне, что-бы я переменял белье. Действитель-

но, белье мое — изношенный кошмар. Но деньги, деньги... [У нас пока] Тратим мои, [де] а их не так-то много. Придется поискать работы.

24 мая. Сегодня решил купить себе на белье, но Лиза ввела меня в непредвиденный расход. Ей до [зарезу] зареза захотелось пообедать [у] в хорошем ресторане и купить себе шелковые чулки. Купили, но я в отчаянии: ухнуло мое белье!

27 мая. Она меня истощает. Я опустошен физически и напоминаю полый подсолнечный стебель. Это не баба, а огонь с дымом!

2 июня. Мы проснулись сегодня в девять. [Эта] проклятая привычка шевелить пальцами ног привела к следующим результатам: она открыла одеяло и долго рассматривала мою ступню. Она так резюмировала свои наблюдения:

— У тебя не нога, а лошадиное копыто. Хуже! И потом эти волосы на пальцах, фи! — она лихорадочно-брезгливо передернула плечами||

<Л. 3 об.>

6.

и укрывшись одеялом отвернулась к стене.

Я был сконфужен. Поджал ноги и тронул ее плечо.

— Лиза!

— Оставьте меня!

— Лиза, [ведь] это ни на что не похоже! Не могу-же я изменить форму своей ноги, ведь [делались] делалась [они] она не по заказу. А что касается растительности, то волос — дурак, он всюду растет. Тебе, как медичке, надо-бы знать законы естественного развития.

Она повернулась ко мне лицом. Ореховые глаза приняли злой шоколадный оттенок.

— Сегодня-же извольте купить присыпанье от пота. У вас трупный запах от ног!

Я резонно заметил, что у нее постоянно мокрые ладони. Она промолчала, а на мою душу, выражаясь “высоким штилем”, упала облачная тень... Тут не в ногах дело и не в шерсти...

4 июня. Сегодня мы катались в лодке по Москва-реке. Вспоминали Донщину. Елизавета ведет себя недостойно: все время она злословит на мой счет, иногда очень грубо. Отвечать ей тем-же значит итти на разрыв, а этого мне не хочется. Я, несмотря на все [это], привязываюсь к ней все больше. Она просто избалованная женщина. Боюсь что моего воздействия будет недостаточно, чтоб в корне перетрясти ее характер. Милая взбалмошная девочка. Притом девочка выдавшая такие виды, о каких [мне и] я знал лишь понаслышке [не приходилось слышать]. На обратном пути она затащила меня в аптекарский магазин и улыбаясь купила тальку, еще какой-то чертовщины.

— Это тебе присыпать от пота.

Я кланялся очень галантно и благодарил. Смешно, но так.

7 июня. Очень уж убогий у нее умственный пожиток. В остальном-то она любого научит.

Каждый день перед сном мою ноги горячей водой, обливаю одеколоном и присыпаю какой-то сволочью.

16 июня. С каждый днем она становится нетерпимей. С нею был вчера нервный припадок. С [нею] **такою** тяжело ужиться.||

<Л. 4>

7.

19 июня. Ничего общего! Мы говорим на разных языках. Связующее начало — кровать. Выхолощенная жизнь!

Сегодня утром брала она у меня из кармана деньги перед тем, как итти в булочную, и напала на эту книженку. Вытащила.

— Что это у тебя?

Меня осыпало жаром. Что если откроет одну-две страницы? Я ответил и сам удивился натуральности своего голоса.

— Книжка для арифметических исчислений.

Она равнодушно сунула ее обратно в карман и ушла. Надо быть осторожней. Остроты с глазу на глаз тогда хороши, когда их [ни] не читает чужой.

Васе — другу — источник развлечения.

21 июня. Я поражаюсь [ей] **Елизавете**. Ей 2[2]1 [года] год. Когда она успела так разложиться? Что у нее за семья, как она воспитывалась, кто приложил руку к ее развитию? Вот вопросы, которые меня крайне интересуют. [Я пробовал неоднократно] Она дьявольски хороша. Она гордится совершенством форм своего тела. Культ самопочитания, остального не существует. [А] Пробовал несколько раз говорить с ней по серьезному... Легче старовера убедить в несуществовании бога, чем ее перевоспитать.

Жизнь совместная становится невыносимой и глупой. Однако я медлю с разрывом. Признаюсь, она мне несмотря на все это нравится. Вросла в меня.

24 июня. А ларчик просто открывался. Мы по душам говорили сегодня и она сказала, что я ее физиологически не удовлетворяю. Разрыв еще не оформлен, на днях, наверное.

26 июня. Жеребца-бы ей со станичной конюшни! Жеребца!

28 июня. Мне тяжело с ней расставаться. Она меня [засосала] **опутала**, как тина. Ездили сегодня на Воробьевы горы. Она сидела в номере у окошка и солнце [отсвечивало] **через резьбу карниза стремительно** падало на локон ее волос. Волосы цвета червонного золота. Вот тебе и поэзии шмоток!!

<Л. 4 об.>

8.

4 июля. [Университет] **Работа** покинута мною. Я покинут Елизаветой. Пили сегодня с Стрешневым пиво. Вчера пили водку. Расстались с нею, как и полагается [в приличном обществе] [культурным] {культурным} людям, корректно. Безо всяких и без некоторых. Сегодня видел ее на Дмитровке с молодым человеком в жокейских сапожках. Сдержанно [пок] ответила на мой поклон. На этом пора уж и кончить записки. Иссяк родник...

30 июля. Приходится совершенно неожиданно взяться за перо. Война. Взрыв скотского энтузиазма. [Пат] От [каждой] **каждово** [собаки] **котелка**, как от червивой собаки за версту воняет патриотизмом¹. Ребята возмущены, а я обрадован. Меня сжирает тоска по... “утерянном рае”. Вчера очень скоромно видел **во сне** Елизавету. Она оставила тоскующий след. Рассеяться-бы.

1 августа. Шумиха приелась². Вернулось давнишнее, тоска. Сосу ее, как ребенок соску.

3 августа. Выход! Иду на войну. Глупо? Очень! Постыдно? [Плюнем] Полно же, мне-же некуда деть себя. Хоть крупичу иных ощущений. А ведь этой пресыщенности не было два года назад. Старею рано что ли?

7 августа. Пишу в вагоне. Только сейчас выехали из Воронежа. Завтра слезать в [Мальчевской] **Каменской**. Решил твердо: иду за “веру, царя и отечество”.

12 августа. Мне устроили торжественные проводы. Атаман подвыпил и двигал зажигательную речь. После я ему сказал шопотом: “Дурак вы, Андрей Карпович!”. Он изумился и обиделся до зелени на щеках. Прошипел язвительно: “А тоже образованный, вы не из тех, [кот] каких мы в 905 г. пороли плетью?”. Я [ему] ответил, что к моему сожалению “не из тех” и посоветовал ему примкнуть к эсдекам. Отец плакал и лез целоваться, а нос в соплях. Бедный милый отец! Тебя-бы в мою шкуру. Я ему **в шутку** предложил итти со мной и он [оче] испуганно [вскрикнул] **воскликнул**: “Что ты, а хозяйство?” Завтра выезжаю на станцию.

13 августа. Неубранные кое-где хлеба. Жирные [суслики] на кургашках сурки. [Смотрю] разительно похожи на тех немцев **на дешевой литографии**, которых Козьма Крючков нанизывает на пику. Жил-был, здравствовал, изучал математику и пр. точные||

<Л. 5>

9. науки и никогда не думал, что стану [мыслить] **таким** “шовинистом”. [Ох, плохой я царю слуга.] Уж в полку я с казаками погудорю.

22 августа. На какой-то станции видел первую партию пленных. Статный австрийский офицер³ с спортсменской выправкой шел под конвоем на вокзал. Ему улыбнулись две барышни, гулявшие по перрону. Он **на ходу** очень ловко раскланялся и послал им воздушный поцелуй. Даже в плену чисто выбрит и желтые краги лоснятся. Я проводил его взглядом: красивый молодой парень, милое товарищеское лицо. Столкнись с таким и рука шашку не поднимет.

24 августа. Беженцы, беженцы, беженцы... Все пути заняты составами с беженцами и солдатами. Прошел первый санитарный поезд. На остановке из вагона выскочил молодой солдат. Повязка на [голове] **лице**. Разговорились. Ранило картечью. Доволен ужасно, что едва-ли придется служить, поврежден глаз. Смеется.

¹ ППС: «за версту воняет патриотизмом, как от червивой собаки»

² ППС: «Приелась шумиха».

³ ППС: «Австрийский офицер статный».

27 августа. Я в своем полку. Командир полка очень славный старичек. Казак из низовских. Тут уже попахивает кровницей. По слухам послезавтра на позиции. **Мой 3ий** Взвод [*наш*] третьей сотни из казаков [*Казанской и Мигулинской*] **Константиновской** станицы. Серые ребята. Один только балагур и песенник.

28 августа. Выступаем. Сегодня особенно погромыхивает там. Впечатление такое, как будто находит гроза и [*погромыхивает*] **рушится** далекий гром. Я даже принялся — не пахнет-ли дождем? — но небо [*чистенькая*] **чистенькое**, [*стиранная*] [*сатиновая*] **сатиновое** [*занавеска*]. Конь мой вчера захромал. Ушиб ногу о колесо походной кухни. Все ново **необычно** и не знаю за что взяться, о чем писать.

30 августа. Вчера не было времени записать. Сейчас пишу на седле. Качает и буквы ползут из-под карандаша несуразно-чудовищные¹. Едем трое с фуражирками за [*клевером*] травой.

Сейчас Ребята увязывают, а я лежу на животе и “фиксирую” с запозданием вчерашнее. Вчера вахмистр Толоконников послал нас шестерых в рекогносцировку. (Он презрительно величает меня “студентом”: “— Эй, ты, студент, подкова у коня отрывается, а ты и не видишь?”) Проехали какое-то полусожженное местечко. Жарко. Лошади и мы мокрые. Плохо, что казакам приходится и летом носить суконные шаровары. [*Часа*] За местечком в канаве увидел||

<Л. 5 об.>

10.

первого убитого. Немец. Ноги **по колено** в канаве, сам лежит на спине. Одна рука подвернута под спину, в другой зажата винтовочная обойма. Винтовки **около** нет. Впечатление ужаснейшее. Восстанавливаю в памяти пережитое и холодок идет по плечам... У него была такая поза, словно он сидел свесив ноги в канаву, а потом лег отдыхая. Серый мундир. Каска. Видна кожанная [*рубчатая*] подкладка лепестками, как в папиросах, для того — что-бы не просыпался табак. Я так был оглушен этим первым переживанием, что не помню, его лица **видел лишь желтых крупных муравьев ползавших по желтому лбу и остекляневшим прищуренным глазам**. Казаки проезжая крестились. Я смотрел на пятнышко крови с [*левой*] **правой** стороны мундира. Пуля ударила его в правый бок навывлет. **Проезжая** Заметил, что с левой стороны там, где она вышла пятно и подтек крови на земле гораздо больше, и мундир вырван хлопьями.

Я проехал мимо содрогаясь. Так вот оно что...

Старший Урядник, Трундалей, по прозвищу, пытался поднять наше упавшее настроение, рассказывал похабный анекдот, а у самого губы дрожали...

[*Мы*] [*Мы не доехали до*] В полверсте от местечка — стены какого-то сожженного завода, кирпичные стены с задымленными черными верхушками. Мы побоялись ехать прямо по дороге, т. к. она лежала мимо этого пепелища, и решили его околесить. Поехали в сторону, и в это время **оттуда** в нас начали стрелять. **Звук** [*Первый*] **первого** [*выстрел*] **выстрела**, как это не стыдно, едва не вышиб меня из седла. Я вцепился в луку и по инерции нагнулся, дернул поводья. Мы

¹ ППС: «чудовищные-несуразно».

скакали к местечку мимо той канавы с убитым немцем. Опомнились только тогда, когда местечко осталось сзади. Потом мы вернулись. Спешились. Лошадей оставили с двумя коноводами, а сами четверо пошли на край местечка к той канаве. Мы пригинаясь шли по этой канаве. [Обходим] [Обходя] [[убитого] **убитый немец**] Я еще издали увидел ноги убитого немца в коротких [ниже колен] **желтоватых** сапогах, остро согнутые в коленях. Я шел мимо него, [как] затаив дыхание, как мимо спящего, словно боялся разбудить. Под ним влажно зеленела примятая трава...

Мы залегли в канаве и через несколько минут из-за развалин сожженного завода гуськом выехали девять человек немецких улан. Я угадал их по форме. Офицер, отделяясь,||

<Л. 6>

11.

что-то крикнул резким гортанным голосом и их отрядик поскакал по направлению на нас.

Ребята кричат, что-бы я помог им увязать¹ [сено] **траву**. Иду.

30 августа. Вечер. Мне хочется досказать, как я в первый раз стрелял в чело века. Когда немецкие уланы поскакали на нас, [я твердо] как **сейчас** перед глазами встают их зеленовато-серые мундиры (окраски ящерицы-медянки²) лоснящиеся раструбы киверов³ [колыхающиеся] {колыхающиеся} пики с флажками. Под уланами были караковые [ко] лошади. Я зачем-то перевел взгляд на насыпь канавы и увидел небольшого [черного] изумрудного жука. Он вырос в моих глазах и принял чудовищные размеры. Исполином полз он **качая травяные былки** к моему локтю⁴, упертому в высохшую крупчатую глину насыпи, вскарабкался по рукаву моей защитной гимнастерки и быстро сполз на [ремень] винтовку, с винтовки на ремень. Я проследил за его путешествием и услышал срывающийся голос урядника Трундадея. — Стреляйте, што-ж вы?!..

Я установил тверже локоть, зажмурил левый глаз и [с огромным занявшим всю грудную клетку сердцем] почувствовал что **сердце мое пухнет становится таким же огромным, как тот изумрудный жук**. В прорези прицельной камеры на фоне [серовато] **серо-зеленого** мундира дрожала мушка⁵. Рядом со мной выстрелил Трундалей. Я пожал спуск и [я] [слышал] **услышал** стонущий полет моей пули. По всей вероятности я [понизил] снизил прицел и [она] пуля рикошетом срывала с кочек дымки пыли. Первый **по человеку** выстрел. Я расстрелял обойму не целясь, не видя ничего перед собой. В последний раз двинул затвором, щелкнул позабыв что патронов нет и только тогда глянул на немцев. Они так-же стройно скакали назад. Сзади всех — офицер. Их было девять и я видел караковый круп офицерского коня и **металлическую пластинку [верх] верха** его уланского кивера.

¹ ППС: «увязать им».

² ППС: «ящерицы-медянки окраски».

³ ППС: «раструбы киверов лоснящиеся».

⁴ ППС: «локтю моему».

⁵ ППС: «дрожала мушка на фоне зеленого [серовато] **серо-** мундира».

2 сентября. [Я помню] [у]У Толстого в “Войне и Мир” есть, место, где он говорит о черте [разделяющей] между [два] двумя [неприятельских] неприятельскими [войска] войсками; черте неизвестности, как бы разделяющей живых от мертвых. Эскадрон, в котором служил Николай Ростов, идет в атаку и Ростов мысленно определяет эту черту. Мне особенно ярко вспомнилось сегодня это место романа, потому что||

<Л. 6 об.>

12.

сегодня на заре мы атаковали немецких гусар. С утра их части, превосходно подкрепленные артиллерией, теснили нашу пехоту. Я видел, как наши солдаты, кажется 214 и 273 пех. полки, [разбитые] бежали панически. Они были буквально деморализованы в результате неудачного наступления, когда два полка [не] без артиллерийской поддержки пошли в наступление и были сбиты огнем противника и уничтожены чуть не на треть всего состава. Нашу пехоту преследовали немецкие гусары. Тут-то и был введен в дело наш полк, стоявший на лесной просеке в резерве. Вот как помнится мне это дело: мы вышли из деревни Тышвичи в 3 часу утра. [Еще сп] Густела предрассветная тьма. Остро пахло [сосновой] сосновой хвоей и [овсяным] овсяными [хлебом] хлебами. Полк шел разбитый на сотни. С проселка свернули влево и пошли по хлебам. Лошади шли пофыркивая обивая копытами сочную росу с оvsов, [рвали колосья и на ходу жевали]. Прохладно даже [под] в шинели. Полк долго таскали по полю. И уже через час из штаба полка прискакал офицер и отдал [какое-то] распоряжение [наш] командиру. Наш старик недовольным голосом [скомандова] передал команду и полк под прямым углом свернул к лесу. Мы в взводных колоннах жались на узкой просеке. Где-то левее нас шел бой. Действовали [немецкая] немецкие [артиллерия] батареи судя по звукам в большом количестве. Звуки [Выстрелы] выстрелов колебались, казалось, что выше нас горит эта пахучая сосновая хвоя. Мы были слушателями до восхода солнца. Потом продрожало “ура” вялое такое, бессочное и — тишина, пронизанная чистой работой пулеметов. В эту минуту так бестолково толпились мысли, единственное, что я представлял в эту минуту до режущей боли отчетливо и ясно — это многоликое лицо [нашего] нашей [пех. полка] пехоты, идущей в наступление цепями. Я видел эти мешковатые серые фигуры в блинчатых защитных фуражках, в грубых, ниже колен, солдатских сапогах, топчущих [августовскую] {осеннюю} землю [видел их идущих на смерть], и слышал отчетливый хриповатый смехок немецких пулеметов, [обрабатывающих] перерабатывающих этих живых потных людей в трупы. Два полка были сме-||

<Л. 7>

13.

тены и бежали бросая оружие. На плечах их шел полк немецких гусар. Мы очутились у них с фланга на расстоянии 300, или меньше сажен. Команда. Строимся моментально. Слышу единственное, холодное сдерживающее, как удила, “марш, марш!” — и летим. [Лош] Уши моего коня прижаты так плотно, что, кажется, рукой их не оторвать. Оглядываюсь — сзади командир полка и два офицера. Вот

она черта, [отделяющая] **разделяющая** живых и мертвых! Вот оно великое безумие!

Гусары мнут свои **разломанные** ряды и поворачивают назад. На моих глазах сотник [Старчаков] **Чернецов** зарубил немецкого гусара. Видел, как один казак шестой сотни догоняя немца осумасшедше¹ рубил его лошадь **по крупу** и от **взлетающей** шашки лоскутьями [отскакивала] [стекала] {отскакивала} кожа [с крупы коня]... Нет [так], это немисливо! Этому названья нет! После того, как вернулись, видел² лицо Чернецова: сосредоточенно, сдержанно-весело, за преферансом сидит, а не в седле после убийства человека. Далеко пойдет сотник Чернецов. Способный.

4 сентября. Мы на отдыхе. К фронту стягивается четвертая дивизия 2 корпуса. Стоим в местечке [Березовском] **Кобылино**. Сегодня утром через местечко форсированным маршем прошли части II кавалерийской, дивизии и уральские казаки. На запад идут бои. Бесперывный гуд. После обеда ходил к лазарету. [раненый] При мне подошел транспорт с ранеными. Санитары разгружая одну четырехколку, посмеиваются. Подхожу. Рябой высокий солдат охая и улыбаясь слезает при помощи санитара. “Вот, казачек, — говорит он адресуясь ко мне, — сыпанули мне горохом в задницу. Четыре картечины получил”. Санитар спрашивает: “Сзади разорвался снаряд-то?” “Какой там сзади. Я сам задом наступал”.

[В] Из халупы вышла сестра милосердия. Я глянул на нее и дрожь заставила прислониться к повозке. Сходство с Елизаветой необычайное. Те-же глаза, овал лица, нос, волосы, Даже голос похож. Или это мне так кажется? Теперь я, пожалуй, в [любую] **любой** буду находить сходство с нею...||

<Л. 7 об.>

14.

5 сентября. [Ден] Сутки кормили лошадей на коновязях, а сейчас опять туда. Физически я разбит. Трубач льет [тревог] седловку. Вот в кого в данный момент я с [удо] наслаждением выстрелил бы!

[[Ради Бога, если попадет книжка в руки русскому отошлите по адресу]

Ради бога, (зачеркнуто,) Шли в лоб в атаку. Ранен [в живот] Издыхаю [от жажды. Ради бога, если] книжка [эта] попадет русскому, отошлите по адресу[:] Семипалатинск[:] Почтовая 78 Василию Гор...]³

Григория Мелехова командир сотни прислал для связи со штабом полка. Проезжая место [вчерашнего] **недавних [боя] боев** он увидел у самого шоссе убитого казака. Он лежал прижав **белокурую** голову к выщербленному лошадиными копытами щебню **шоссе**⁴. Григорий слез и зажимая нос (от мертвого [наносило тлеющим]) **разило густо** сладким трупным запахом) обыскал его. В кармане **шавар** нашел эту книжку **огрызок хим. каранда.** и кошелек. [Заб] Снял патрон-

¹ ППС: «осумасшедше догоняя немца».

² ППС: «Видел после того, как вернулись».

³ На левом поле зачеркнутая помета красным карандашом: «[Знаков претинания не надо]».

⁴ ППС: «к щебню шоссе выщербленному лошадиными копытами».

таш [*и шашку*] и мельком оглядел бледное, влажное, уже начавшее разлагаться лицо. На висках и у переносья оно мокро, **бархатисто** [*темнело*] **чернело**, на лбу в косой морщине [*лба*] **сосредот. раздумья мертвого** темнела пыль. Григорий [*увез книжку и передал командиру сотни*]. Накрыв лицо убитого [*б*] батистовым, найденным в кармане хозяина, платком и поехал в штаб изредка оглядываясь. Книжку передал в [*штаб*] **штабе** писарям и те, [*вечером*] скопом перечитывая ее, посмеялись над чужой коротенькой жизнью и ее земными страстями.

БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ и АВТОРИЗОВАННЫЙ СПИСОК. Фрагмент (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 4/4); 11 лл.; нумерация страниц с 1 по 22. В опубликованном тексте главы 6 (нумерована как глава 10) и 7–9 (не нумерованы) третьей части романа. Датируется 1927 г., до середины октября, на основании письма М.А. Шолохова жене от 13 октября 1927 г. о сдаче в издательство «Московский рабочий» третьей части «Тихого Дона» (Шолохов М.М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С.114–115).

Лл. 1–5 — беловой автограф.

Лл. 6–11 — авторизованный список рукой А.П. Громославской.

<Л. 1>

Обычно из верховых станиц Донецкого округа Еланской, Вешенской, Мигулинской и Казананской брали казаков в 11 и 12 армейские казачьи полки и в Лейб-гвардии Атаманский.

В 1914 г. часть призванных на действительную военную службу казаков Вешенской станицы влили почему-то в 3ий донской, казачий, имени Ермака Тимофеева полк, состоявший сплошь из казаков Усть-Медведицкого округа. В числе остальных попал в 3ий полк и Митька Коршунов.

Вместе с некоторыми частями 3^{ей} кавалерийской дивизии полк стоял в Вильно.

В июне сотни выступили из города на лунки^{х)}.

Теплился пасмурный летний день. Текучие облака табунились на небе, застели солнце. Полк шел походным порядком. Ревел оркестр. Господа-офицеры в летних защитных фуражках и легких кителях ехали толпой. Над ними голубел папиросный дымок.

По сторонам от проселка мужики и нарядные бабы косили траву, смотрели из-под ладоней на колонны казаков.

Лошади заметно потели. В промежностях копилась желтоватая пена и легкий ветерок, тянувший с юго-востока, не сушил пота, а еще больше усугублял парную духоту.

На полпути неподалеку от какой-то деревушки к [шестой] пятой сотне прибудился жеребенок-стригун. Он вылетел из-за околицы, увидел плотную массу лошадей и игогокнув поскакал наперерез. Хвост его, еще не утративший ребяческой пушистости относил на сторону, из-под точеных раковин копыт вспрядывала серыми пузырями пыль и оседала на притолченной зеленке. Он подскакал к головному взводу, дурашливо ткнулся мордой в пах вахмистрову коню. Конь вскинул задок но ударить не решился, пожалел видно.

— Брысь, дурак! — замахнулся вахмистр плетью.

Казаки засмеялись обрадованные домашним милым видом жеребенка. Тут случилось непредвиденное: жеребенок нахально протиснулся между взводными рядами и взвод раскололся, утратил до этого стройную компактную форму.

^{х)} Лунки — выкормка лошадей на подножном корму.||

<Л. 1 об.>

2.

Лошади, понукаемые казаками, топтались в нерешительности. Теснимый ими жеребенок шел боком и норовил укусить ближнего к нему коня.

— Это что тут такое? — подлетел командир сотни.

В том месте, где затесался несуразный стригун, бочились и всхрапывали кони, казаки улыбаясь хлестали его плетьюми, кишмя кишел расстроенный взвод, а сзади напирала остальные и сбочь дороги скакал от хвоста сотни разъяренный взводный офицер.

— Что такое? — громыхнул командир сотни направляя коня в середину гущины.

— Жеребенок вот...

— Влез промеж нас.

— Не выгонишь дьяволенка!

— Да ты ево плетью! Чево жалеешь?

Казаки виновато улыбались, натягивали поводья, удерживая разгоряченных лошадей.

— Вахмистр! Господин сотник, что это за черт? Приведите свой взвод в порядок! Этого еще не доставало!..

Командир сотни отскакал в сторону. Лошадь его оступилась и сорвалась задними ногами в придорожную канаву. Он дал ей шпоры и выскочил на ту сторону канавы, на вал заросший лебедой и желтопенной ромашкой.

Вдали остановилась группа офицеров. Войсковой старшина запрокинув голову тянул из фляжки и рука его отечески ласково лежала на нарядной окованной луке.

Вахмистр разбил взвод, сквернословя выгнал жеребенка за дорогу. Взвод сомкнулся. Полтораста пар глаз глядели, как вахмистр привстав на стремянах рысил за жеребенком, а тот то останавливался, прислоняясь грязным от присохшей коры помета боком к [вахмистрову] **вахмистровскому** трехвершковому коню, то снова улепетывал настобурчив хвост, и вахмистр никак не мог достать его плетью по спине, а все попадал по метелке хвоста. Хвост опускался сбитый плетью и через секунду опять его лихо относил ветром.

Смеялась вся сотня. Смеялись офицеры. Даже на угрюмом лице есаула появилось кривое подобие улыбки.

В третьем ряду головного взвода ехал Митька Коршунов с Иванковым Михаилом казаком с хутора Каргина Вешенской станицы и усть-хоперцем Козьмой Крючковым. Мордатый, широкий в плечах Иванков молчал, Крючков, по прозвищу — верблюд,||

<Л. 2>

3.

чуть рябоватый сутулый казак придирался к Митьке. Крючков был «старый» казак, т.е. дослуживавший последний год действительной, и по неписанным законам полка имел право, как и всякий «старый» казак, гонять молодых, вымуштровывать, за всякую пустяковину ввалить пряжек. Было установлено так:

провинившемуся казаку призыва 13го года — 13 пряжек, 14го года — 14. Вахмистры и офицеры поощряли такой порядок считая, что этим внедряется в казака понятие о почитании старших не только по чину, но и по возрасту.

Крючков недавно получивший нашивку приказного, сидел в седле [по птичьим] сутулясь, по птичьим горбатым вислым плечам. Он шурился на серое грудастое облако, спрашивал у Митьки подражая голосом ломовитому командиру сотни есаулу Попову:

— Э скэжи мне, Кэршунов, кэк звэть нэшего кэмэндира сотни?

Митька, не раз пробовавший пряжек за свою строптивость и непокорный характер, натянул на лицо почтительное выражение.

— Есаул Попов, господин старый казак!

— Кэк?

— Есаул Попов, господин старый казак!

— Я не прэ это спрэшиваю. Ты мне скэжи, кэк его кличут прэмеж нэс кээзков?

Иванков опасливо подмигнул Митьке, вывернул в улыбке трегубый рот. Митька оглянулся и увидел подъезжавшего сзади есаула Попова.

— Ну? Этвечай! — шурился Крючков.

— Есаул Попов звать их, господин старый казак.

— Четырнэдцэтъ пряжек. Гэвэри, гад!

— Не знаю, господин старый казак!

— А вот приедем на лунки, — заговорил Крючков подлинным голосом, — Я тебе всыплю, гребут твою мать! Отвечай, когда спрашивают?

— Не знаю.

— Што-ж ты, сволочуга, не знаешь, как ево дражняют?

Митька слышал сзади осторожный воровской шаг есаульского коня, молчал.

— Ну? — зло сощурился Крючков.

Сзади в рядах сдержанно захохотали. Не поняв над чем смеются, относя этот смех на свой счет Крючков вспыхнул.

— Коршунов, ты, гляди!.. приедем — полсотни пряжек вварю!||

<Л. 2 об.>

4.

Митька повел плечами, решил.

— Черногуз!

— Ну, то-то и оно.

— Крю-ю-учко-ов! — окликнули сзади.

Господин старый казак дрогнул на седле и вытянулся в жилу.

— Ты, чтэ-ж это, мерзвэц здесь выдумываешь? — заговорил есаул Попов ровня свою лошадь с лошадьё Крючкова. — Ты чему-ж это учишь мэлодого кээзка? А?

Крючков моргал прижмуренными глазами. Щеки его заливала гуща бардового румянца. Сзади похихатывали.

— Я кэго в прэшлом гэду учил? Об чью мэрду этот нэготь слэмал?.. — есаул поднес к носу Крючкова длинный заостренный ноготь мизинца и пошевелил усами.

— Чтэб я больше этого не слэшал! Пэмимэешь, брэтец ты мой?

— Так точно, ваше благородие, понимаю!

Есаул помедлив отъехал и придержал коня пропуская сотню. Четвертая и пятая сотни двинулись рысью.

— Сэтня, рысь возьми!

Крючков поправляя погонный ремень оглянулся на отставшего есаула и выравнивая пику взбалмошно мотнул головой.

— Вот растуды ево с черногузом! Откель он взялся?

Весь потный от смеха Иванков рассказывал.

— Он давишь едет позади нас. Он все слышал. Кубыть учуял про што речь идет.

— Ты-б хоть мигнул, дура!

— А мне-то нужно.

— Не нужно? Ага, четырнадцать пряжек по голой!

Сотни разбились по окрестным помещичьим усадьбам. Днем косили помещикам клевер и луговую траву, ночью на отведенных участках пасли стреноженных лошадей, при дымке костров поигрывали в карты, рассказывали сказки, дурили.

Шестая сотня батрачила у крупного польского помещика Шнейдера. Офицеры жили во флигеле, играли в карты, пьянствовали, скопом ухаживали за дочкой управляющего. Казаки кинули стан в трех верстах от усадьбы. По утрам приезжал к ним на беговых дрожках||

<Л. 3>

5.

пан управляющий. Толстый почтенный шляхтич вставал с дрожек разминая затекшие жирные ноги и неизменно приветствовал «козаков» помахиванием белого с лакированным козырьком картуза.

— Иди с нами косить, пан!

— Жир иди растряси трошки!

— Бери косу, а то паралик захлестнет!.. кричали из белорубашных шеренг казаков.

Пан очень хладнокровно улыбался, вытирал каемчатым платком закатную розовость лысины и шел с вахмистром отводить новые участки покосной травы.

В полдень приезжала кухня. Казаки умывались и шли за хлебом. Ели молча, за то уж в послеобеденный получасовой отдых наверстывались разговоры:

— Трава тут поганая. Супротив нашей степовой не выйдет.

— Пырею почти нету. [Тута] [Тут.]

— Наши в Доншинке теперя уж отксилась.

— Скоро и мы прикончим. Вчерась рождение месяца, дождь обмывать будет.

— Скупой поляк. За труды хучь-ба по бутылке на гаврика пожаловал.

— Ого-го! Он за бутылку в алтаре...

— Во, братушки, штоб это обозначало: чем богаче — тем скупее?

- Это у царя спроси.
 - А дочерю [ул] помещикову кто видал?
 - А што?
 - Мя-а-сис-тая девка!
 - Баранинка?
 - Во-во...
 - С сырцом-ба ее хрумкнул...
 - Правда ай нет гутарют, што за нее из царскова роду сваталися?
 - Простому рази такой шмоток достанется.
 - Ребя, надьсь слышал брехню, будто высочайшая смотра нам будет.
 - Коту делать нечево, так он...
 - Ну, ты, брось, Тарас!
 - Дай дымнуть, а?
 - Чужбинник дьявол, с длинной рукой под церкву!
 - Гля, служивые, у Федотки и плям хорош, а куру нету.
 - Одна пепла осталась.
 - Тю, брат, разуй гляделки, там огню, как у доброй бабы!
- Лежали на животах. Курили. Жгли до краснины оголенные спины.||

<Л. 3 об.>

6.

В сторонке человек пять старых казаков допытывались у одного из молодых.

- Ты какой станицы?
- Еланской.
- Из козлов, значица?
- Так точно.
- А на чем у вас там соль возют?

Неподалеку на попонке лежал Крючков Козьма, скучал, наматывал на палец жидкую поросль усов.

- На конях.
- А ишо на чем?
- На быках.
- Ну, а тарань с Крыму везут на чем? Знаешь, такие быки есть с кочками на спине, колючки жрут... Как их звать-то?
- Верблюды.
- Огхо-хо-ха-ха!..

Крючков лениво подымался, шел к проштрафившемуся по верблюжьей сутулясь, вытягивая кадыкастую [смуглую] шафранно смуглую шею. На ходу снимал пояс.

- Ложись!

А вечерами в опаловой июльской темени в поле, у огня:

Поехал казак на чужбину далеку
 На добром своем он коне вороном.
 Свою он краину навеки покинул...

Убивается серебряный тенорок и басы стелят бархатистую густую печаль:

Ему не вернуться в отеческий дом.

Тенор берет ступенчатую высоту, хватает за самое оголенное:

Напрасно казачка его молодая
Все утро и вечер на север смотрит.
Все ждет она поджидает с далекого края,
Когда-ж ее милый казак-душа прилетит.

И многие голоса хлопочут над песней. Оттого и густа она и хмельна, как полесская брага.

А там за горами где вьются мятели,
Зимою морозы лютые трещат,
Где сдвинулись грозно и сосны и ели
Казачьи кости под снегом лежат.

Рассказывают голоса нехитрую повесть казачьей жизни и тенор-подголосок трепещет жаворонком над апрельской талой землею.

Казак умирая просил и молил
Насыпать курган ему большой в головах.

Вместе с ним тоскуют басы||

<Л. 4>

7.

Пушай на том на кургане калина родная,
Растет и красуется в ярких цветах.

У другого огня реже народу и песня иная:

Ах, с моря буйнова, да с Азовскова
Корабли на Дон плывут.
Возвращается домой
Атаман молодой.

У третьего поодаль огня покашливая от дыма вяжет сотенный краснобай замысловатые петли сказки. Слушают с неослабным вниманием, изредка лишь, когда герой рассказа особенно ловко выворачивается из каверз, подстроенных ему москалями и нечистой силой, в полосе огня мелькнет белесь чьей-нибудь ладони, шлепнет по голенищу сапога, продымленный перхающий голос воскликнет восхищенно:

— Ах, язви-разъязви, вот здорово!

И снова текущий бесперебойный голос рассказчика.

Через неделю после того, как полк пришел на лунки, есаул Попов позвал сотенного коваля и вахмистра.

— Кэж кони? — к вахмистру.

— Ничево, ваше благородие, очень приятно даже. Желобки на спинах посравняли. Поправляются.

Есаул в стрелку ссучил черный ус (отсюда и прозвище — Черногуз), сказал:

— Прикэз от кэмэндира пэлка пэлудить стремена и удила. Будет высэчэйший смэтр пэлку. Чтэ-бы все было с блескэм; чтэ седлецо, чтэ все эстэльное. Чтэ-б нэ кээзков было любо-милло-дэрэго глянуть. Кэгда, брэтец ты мой, будет гэтово?

Вахмистр глянул на коваля. Коваль глянул на вахмистра. Оба глянули на есаула.

Вахмистр сказал:

— Либо-што к воскресенью, ваше благородие? — и почтительно тронул пальцами собственный [прокуренный] заплесневелый в табачной зелени ус.

— Смэтри у меня! — грозно предупредил есаул. С тем и ушли вахмистр с ковалем.

С этого дня начались приготовления к высочайшему смотру. Иванков Михаил — сын Каргиновского коваля, — сам знающий коваль, помогал лудить стремена и удила, остальные сверх нормы скребли коней, чистили уздечки, терли битым кирпичем трензеля и металлические части конского убора.||

<Л. 4 об.>

8.

Через неделю полк блестел свеженьким двугривенным. Лоснилось глянем все начиная от конских копыт до лиц казаков. В субботу командир полка полковник Греков смотрел полк и благодарил господ-офицеров и казаков за ретивую подготовку и бравый вид.

Разматывалась голубая пряжа июльских дней. Добрели от сытных кормов казачьи кони, лишь казаки сумятыся. Червоточат их догадки, — ни слуху ни духу про высочайший смотр...

Неделя шла в коловертных разговорах, гоньбе, подготовке. Бревном по голове приказ — выступать в Вильно.

К вечеру были там. По сотням второй приказ: — убирать в цейхауз сундуки с казачьим добром и приготовиться к возможному выступлению.

— Ваше благородие, к чему-ба это? — изнывали казаки выпытывая у взводных офицеров истину. Офицеры плечиками вздергивали. Сами за правду алтынбы заплатили.

— Не знаю.

— Маневры в присутствии государя будут.

— Неизвестно пока.

Вот офицерские ответы казакам на усладу.

12го июля вестовой полкового командира перед вечером успел шепнуть приятелю, казаку шестой сотни Мрыхину, [дежуривше] дневалившему на конюшне.

— Война, дядя!

— Брешешь?!..

— Истинный бог, а, ты, цыц!

На утро полк выстроили дивизионным порядком. Окна казарм тускло поблескивали пыльным росбрызгом стекол. Полк в конном строю ждал командира.

Перед шестой сотней на подбористом белоногом коне есаул Попов.левой рукой в белой перчатке натягивает поводья. Конь бочит голову, изогнув колесистую шею чешет морду о связку грудных мускулов.

Полковник вывернулся из-за угла казарменного корпуса, боком поставил лошадь перед строй. Адьютант достал платок изящно топыря холеный мизинец, но высморкаться не успел. В беззвучно-дребезжащую тишину полковник кинул:

— Казаки!.. — и властно загреб к себе общее внимание.

«Вот оно». — подумал каждый.||

<Л. 5>

9.

Пружинилось нетерпеливое волнение. Митька Коршунов досадливо толкнул каблуком своего коня, переступившего с ноги на ногу. Рядом с ним в строю в крепкой посадке обмер Иванков, слушал зевласто раскрыв трегубый рот с исчерненно неровных зубов. За ним жмурился, горбатясь Крючков, еще дальше по лошадиному стриг хрящами ушей Лапин, за ним виднелся рубчато выбритый кадык Щеголькова.

— ... Германия нам объявила войну.

По выровненным рядам шелест, — «хххшшш», — будто по полю вызревшего чернобылого ячменя прошлась гуляя ветровая волна. Вскриком резнуло слух конское ржанье. Округленные глаза и квадратная чернота раскрытых ртов в сторону первой сотни; там на левом фланге заржал конь.

Полковник говорил еще расстонавливал в необходимом порядке слова, пытался подпалить чувство национальной гордости, но перед духовными глазами тысячи казаков не шелк чужих знамен шурша клонился к ногам, а свое буднее, сырцевато-кровное разметавшись кликало, голосило: жены, дети, любушки, небранные хлеба, осиротелые хутора, станицы...

— ... Через два часа погрузка на поезд.

Единственное, что ворвалось в память каждому.

Толпившиеся неподалеку жены офицеров плакали в платочки. К казарме вагатами разъезжались казаки. Сотник Хопров почти на руках нес свою белокурую беременную польку-жену.

К вокзалу полк шел с песнями. Заглушили оркестр и на полпути он конфузливо умолк. Офицерские жены ехали на извозчиках, по тротуарам пенилась цветная толпа, щебнистую пыль сеяли конские копыта и насмехаясь над своим и чужим горем, дергая левым плечом так, что лихорадочно ежился синий погон, кидал песенник-запевала охальные слова похабной казачьей:

Девца красная шуку я поймала.

Сотня нарочито сливая слова, под акомпониент свежекочанных лошадиных копыт, несла к вокзалу, к||

<Л. 5 об.>

10.

красным вагонным курем лишенько свое — песню.

Щуку я, щуку я, щуку я поймала.

От хвоста сотни весь багровый от смеха и [досады] смущения скакал к пенникам полковой адъютант. Запевало на отлет заноса бросал поводья, цинично подмигивал в густые на тротуарах толпы провожавших казаков женщин, и по [с] жженой бронзе его щек к черным усикам стекал горький полынный настой, а не пот.

Девушка красная уху я варила,
Уху я, уху я, уху я варила,
Уху я, уху я, уху я варила.
Эх, девушка простая я, сваху я кормила
Сваху я, да сваху я, сваху я кормила.

На путях предостерегающе трезво ревел набирая пары паровоз.

.....
[По артериям страны, по железным дорогам] Эшелоны. Эшелоны. Эшелоны.
Эшелоны несчетно!

По артериям страны, по железным путям к западной границе гонит взбаломученная Россия серошинельную кровь.

В местечке Торжок полк разбили по сотням. Шестая сотня, на основании приказа штаба дивизии, была послана в распоряжение 3го армейского пехотного корпуса и пройдя походным порядком до местечка Пеликалие, выставила посты.

Граница еще охранялась нашими пограничными частями. Подтягивались пехотные части и артиллерия. К вечеру 24го июля в местечко прибыл батальон 108 глебовского полка и батареи. В близлежащем фольварке Александровском находился пост из девяти казаков под начальством взводного урядника.

В ночь на 27 есаул Попов вызвал к себе вахмистра и казака Астахова.

Астахов вернулся к взводу уже затемно. Митька Коршунов только что привел с водопою коня.

— Это ты, Астахов? — окликнул он.

— Я. А Крючков с ребятами где?

— Там, в халупе.||

<Л. 6>

11.

Астахов, большой, грузноватый и черный казак, подслепом жмурясь вошел в халупу. За столом у лампы-коптюшки Щегольков сшивал дратвой порванный чумбур. Крючков, заложив руки за спину стоял у печи, подмигивал Иванкову указывая на оплывшего в водянке хозяина-поляка, лежавшего на кровати. Они только, что пересмеялись и у Иванкова еще дергал розовые щеки смешок.

— Завтра, ребята, чуть свет выезжать на пост.

— Куда? — спросил Щегольков и заглядевшись уронил не всученую в дравту щетинку.

— В местечку Любовь.

— Кто поедет? — спросил Митька Коршунов входя и ставя у порога цыбарку.

— Поедут со мной Щегольков, Крючков, Рвачев, Попов и ты, Иванков.

— А я, Павлыч?

— Ты, Митрий, останешься.

— Ну, и черт с вами!

Крючков оторвался от печки, с хрустом потягиваясь спросил у хозяина.

— Сколько до Любви до этой верст кладут?

— Четыре мили.

— Тут близко. — сказал Астахов и присаживаясь на лавку снял сапог, — А где-б тут протянку высушить?

Выехали на заре. У колодезя на выезде босая девка черпала бадьей воду. Крючков приостановил коня.

— Дай напиться, любушка!

Девка придерживая рукой холстинную юбку прошлепала по луже розовыми ногами и улыбаясь серыми, в густой опушке ресниц глазами подала бадью. Крючков пил и рука его, державшая на весу тяжелую бадью, дрожала от напряжения; на красную лампасину шлепали дробясь и стекая капли.||

<Л. 6 об.>

12.

— Спаси Христос, сероглазая!

— Богу Иисусу.

Она приняла бадью и отошла оглядываясь, улыбаясь.

— Ты чего скалишься, поедем со мной!

Крючков посунулся на седле словно место давал.

— Трогай! — крикнул отъезжая Астахов.

— Загляделся. — насмешливо скосился на Крючкова Рвачев.

— У ней ноги красные, как у гулюшки. — засмеялся Крючков и все, как по команде, оглянулись. Девка нагнулась над срубом выставив туго обтянутый раздвоенный зад, раскорячив краснокрытые полные ноги.

— Жениться-ба... — вздохнул Попов.

— Дай я те плеткой оженю разок. — предложил Астахов.

— Плеткой што...

— Жеребцуешь?

— Выложить его придется.

— Мы ему перекрут, как бугаю сделаем.

Пересмеиваясь казаки пошли рысью. С ближнего холма завиднелось раскинутое в ложбине и по изволоку местечко Любовь. За спинами розовым бабьим задом перлось из-за холма солнце. В стороне над чашечкой телеграфного столба надсаживался жаворонок.

Астахов, как только что окончивший учебную команду, был назначен начальником поста. Он выбрал место стоянки в последнем дворе, стоявшем на отшибе,

в сторону границы. Хозяин, — бритый кривоногий поляк в белой войлочной шляпе, — отвел казаков в стодол, указал, где поставить лошадей. За стодолом, за реденьким пряслом зеленела деляна клевера. Взгорье горбилось до ближнего леса, дальше белесились хлеба, перерезанные дорогой, и опять зеленые глянцевого цвета ломти клевера. За стодолом у канавки дежурили поочередно, с биноклем. Остальные лежали в прохладном стодоле. Пахло там слежавшимся хлебом, пылью мякины, мышиным помётом и сладким плесневелым душком земляной ржавчины.

Иванков, примостившись в темном углу у плуга спал до вечера. Его разбудили на закате солнца. Крючков в щепоть захватив кожу у него на шее оттягивал ее, приговаривая.

— Разъелся на казенных харчах, нажрал калкан, ишь! Вставай, ляда, иди немцев карауль!||

<Л. 7>

13.

— Не дури, Козьма!

— Вставай!

— Ну, брось! Ну, не дури... я зараз встану.

Он поднялся опухший, красный. Покрутил котельчатой короткошеей головой, надежно приделанной к широким плечам, чмыкая носом (простыл лежа на сырой земле), перевязал патронташ и волоком потянул за собой к выходу винтовку. Он сменил Щеголькова и приладив бинокль долго глядел на северо-запад, к лесу. Там бугрился под ветром белесый размет хлебов, на зеленый мысок ольхового леса низвергался рудой поток закатного солнца.

За местечком в речушке (лежала она голубой нарядной дугой), бляели купающиеся ребятишки. Женский контральтовый голос звал:

— Стасю! Ста-а-сю, пидь до мене!

Щегольков свернул покурить, сказал уходя.

— Закат вон как погорел. К ветру.

— К ветру. — согласился Иванков.

Ночью кони стояли расседланные. В местечке гасли огни и шумок. На следующий день утром Крючков вызвал Иванкова из стодола.

— Пойдем в местечко.

— Чево?

— Пожрем чево-нибудь, выпьем.

— Наверяд. — усумнился Иванков.

— Я тебе говорю я спрашивал у хозяина. Вон в энтой халупке, видишь вон сарай черепичный? — указал Крючков черным ногтыстым пальцем, — там у жиды пиво есть, пойдём?

Пошли. Их окликнул выглянувший из дверей стодола Астахов.

— Вы куда?

Крючков, чином старший Астахова, отмахнулся.

— Зараз придем.

— Вернитесь, ребята!

— Не гавкай.

Старый, пейсатый, с вывернутым веком еврей встретил казаков поклонами.

— Пиво есть?

— Уже нет, господин козак.

— Мы за деньги.||

<Л. 7 об.>

14.

— Иезус Мария, да разве я... ах, господин козак, верьте честному еврею, нет уже пива!

— Бреешь ты жид!

— Та, пан козак! Я уже говорю.

— Ты, вот чево... — досадливо перебил Крючков и полез в карман шароваров за потертым портмонетом.

— Ты дай нам, а то ругаться зачну.

Еврей мизинцем прижал к ладони монету, опустил вывернутое трубочкой веко и пошел в сени. Спустя минуту принес влажную, с ячменной шелухой на стенках, бутылку водки.

— А говорил нету. Эх, ты, папаша!

— Я говорил пива нету.

— Закусить-то дай чево-нибудь.

Крючков шлепком высадил пробку и налил чашку вровень с выщербленными краями

Вышли полупьяные. Крючков приплясывал и грозил кулаком в окна, зиявшие черными провалами глаз.

В стоделе зевал Астахов. За стенкой мокро хрустели сеном кони.

Вечером уехал с донесением Попов. День разменяли в бездельи. Вечер. Ночь. Над местечком в выси рубленой раной желтый развал молодого месяца. Изредка в саду за домом упадет с яблони вызревший плод. Слышен мокрый шлепок. Около полночи Иванков услышал конский топот на улице местечка. Вылез из канавы вглядываясь, но на месяц бинтом легло облако: ничего не видно за серым ряднищем непрогляди. Он растолкал спящего у входа в столд Крюčkова.

— Козьма, конные идут. Встань-ка!

— Откуда?

— По местечку.

Вышли. По улице в сажнях в пятидесяти хрушко чечекал копытный говор.

— Побегем в сад. Отель слышно.

Мимо дома рысью в садах залегли под плетнем. Глухой говор. Звяк стремян. Скрип седел. Ближе. Видны смутные очертания всадников. Едут по четыре в ряд.

— Кто едет?||

<Л. 8>

15.

— А тебе кого надо? — откликнулся тенорок из передних рядов.

— Кто едет, стрелять буду! — Крючков клацнул затвором.

— Тррр. — Остановил лошадь один и подъехал к плетню.

— Это пограничный отряд. Пост что-ли?

— Пост.

— Какого полка?

— 3го казачьево.

— С кем это, ты, там, Тришин? — спросили из темноты.

Подъехавший отозвался.

— Это казачий пост, ваше благородие.

К плетню подъехал еще один.

— Здорово казаки!

— Здравствуйте. — несразу откликнулся Иванков.

— Давно вы тут?

— Со вчерашнево дня.

Второй подъехавший зажег спичку закуривая и Крючков увидел офицера в форме пограничника.

— Наш пограничный полк сняли с границы. — заговорил офицер пыхая папироской, — Имейте ввиду, что вы теперь лобовые. Противник завтра, пожалуй, продвинется сюда.

— Вы куда-же едете, ваше благородие? — спросил Крючков не снимая пальца со спуска.

— Мы должны в двух верстах отсюда присоединиться к нашему эскадрону. Ну, трогай ребята. Всего хорошего, казачки!

— Час добрый!

Ветер бесжалостно сорвал с месяца хлопчатый бинт тучи и на местечко, на купы садов, на шишкастую верхушку стодола, на отряд, выезжавший на взгорье, желтой гнойной сукровицей потек мертвенный свет.

Утром уехал с донесением в сотню¹ Рвачев. Астахов переговорил с хозяином и тот, за небольшую плату, разрешил скосить лошадям клевера. С ночи лошади стояли оседланные. Казаков пугало то, что они остались лицом к лицу с противником. Раньше, когда знали, что впереди их пограничная стража, не было этого чувства оторванности и одиночества, тем сильнее сказалось оно после известия о том, что граница обнажена.

Хозяйская пашня была неподалеку от стодола. Астахов назначил косить Иванкова и Щеголькова. Хозяин, под белым лопухом войлочной шляпы, повел их к своей деляне. Щегольков косил, Иванков греб влажную тяжелую траву и увязывал ее в фуражирки.||

<Л. 8 об.>

16.

В это время Астахов, наблюдавший в бинокль за дорогой манившей к границе, увидел бежавшего по полю с юго-западной стороны мальчишку. Он бурым несליнявшим зайцем катился с пригорка и еще издали что-то кричал махая

¹ ППС: «с донесением уехал в сотню».

длинными рукавами сюртучишка. Он подбежал и глотая воздух, поводя округленными глазами крикнул:

— Козак, козак пшишел герман! Герман пшишел, от-то!

Он протянул хоботок длинного рукава и Астахов, припавший к биноклю, увидел в окружье стекол далекую густую группу конных. Не отдирая от глаз бинокля зыкнул:

— Крючков!

Тот выскочил из косых дверей стодола оглядываясь.

— Беги ребят кличь! Немцы! Немецкий разъезд!

Он слышал топот бежавшего Крючкова и теперь уже ясно видел в бинокль плывущую за рыжеватой полосой травы кучку всадников. Он различил даже гнедую масть их лошадей и темносинюю окраску мундиров. Их было больше двадцати человек. Ехали они тесно скучившись, в беспорядке; ехали с юго-западной стороны в то время, как наблюдатель ждал их с северо-запада. Они пересекли дорогу и пошли наискось по гребню над котловиной, в которой разметалось местечко Любовь.

Высунув из морщиненых губ кутец прикушенного языка, сопя от напряжения — Иванков затягивал в фуражирку ворох травы. Рядом с ним, посасывая трубочку стоял колченогий хозяин-поляк. Он сунул руки за пояс и из-под полей шляпы насупонясь оглядывал косившего Щеголькова.

— Рази это коса? — ругался тот злобно взмахивая игрушечно-маленькой косой, — косишь ей?

— Косу. — ответил поляк заплетая языком за обгрызанный мундштук, и выпростал один палец из-за пояса.

— Этой твоей косой у бабы на причинном месте косить!

— Угум. — согласился поляк.

Иванков пырскнул. Мордатое лицо его вспухло краской — тронь ногтем и тугой цевкой свистнет копь.

Он хотел что-то сказать и оглянувшись увидел бежавшего по пашне Крючкова. Тот бежал приподняв рукой шашку, вихляя ногами по кочковатой пахоти.||

<Л. 9>

17.

— Бросайте!

— Чево ишо? — спросил Щегольков втыкая косу острием в землю.

— Немцы!

Иванков выронил фуражирку. Хозяин пригинаясь, почти цепляя руками землю, словно над ним взыкали пули, побежал к дому.

Только что добрались до стодола и запыхавшись вскочили на коней — увидели роту русских солдат, втекавшую со стороны Пелакалие в местечко. Казаки поскакали навстречу. Астахов доложил командиру роты, что по бугру огибающая местечко идет немецкий разъезд. Капитан строго оглядел носки своих сапог, присыпанные пыльным инеем, спросил:

— Сколько их?

— Больше 20 человек.

— Езжайте им наперерез, а мы отсюда их обстреляем. — Он повернулся к роте, скомандовал построение и быстрым маршем повел солдат.

Когда казаки выскочили на бугор немцы уже опередив их шли рысью пересекая дорогу на Пелекалие. Впереди выделялся офицер на светло-рыжем куцехвостом коне.

— Вдогон! Мы их нагоним на второй пост! — скомандовал Астахов. Приставший к ним в местечке конный пограничник отстал.

— Ты чево-же? Отломил, брат? — оборачиваясь крикнул Астахов. Пограничник махнул рукой и шагом стал съезжать в местечко. Казаки шли шибкой рысью. Даже невооруженным глазом ясно стало видно¹ синюю форму немецких драгун. Они ехали куцой рысью, по направлению на второй пост, стоявший в фольварке верстах в трех от местечка, и оглядывались на казаков. Расстояние разделявшее их заметно сокращалось.

— Обстреляем! — хрипнул Астахов прыгая с седла. Стоя, намотав на руки поводья, дали залп. Лошадь Иванкова стала в дыбки, повалила хозяина. Падая он видел, как один из немцев валился с лошади[,]: [он] **вначале** лениво клонился на бок и вдруг кинув руками упал. Немцы не останавливаясь, не вынимая из чехла карабинов поскакали переходя в намет. Рассыпались реже.||

<Л. 9 об.>

18.

Ветер крутил матерчатые флюгерки на их пиках. Астахов первый вскочил на коня. Налегли на плети. Немецкий разъезд под острым углом повернул влево и казаки преследуя их проскакали в сорока сажнях от упавшего немца. Дальше шла холмистая местность, изрезанная неглубокими ложбинами, изморщенная зубчатыми ярками. Как только немцы поднимались из ложбины на ту сторону — казаки спешивались и выпускали им вслед по обойме. Против второго поста свалили еще одного.

— Упал! — крикнул Крючков занося ногу в стремя.

— Из фольварка зараз наши!.. Тут второй пост... — бормотнул Астахов загоня обкуренным желтым пальцем в магазинную коробку новую обойму.

Немцы перешли на ровную рысь. Проезжая поглядывали на фольварк. Но двор был пустынен, черепичные крыши построек ненасытно лизало солнце. Астахов выстрелил с коня. Чуть приотставший задний немец мотнул головой и дал лошади шпоры.

Уже после выяснилось, что казаки ушли со второго поста этой ночью узнав, что телеграфные провода в полверсте от фольварка перерезаны.

— На первый пост погоним! — крикнул поворачиваясь к остальным Астахов. И тут только Иванков заметил, что у Астахова шелушится нос, тонкая шкурка висит на ноздрине.

— Чево они не обороняются? — тоскливо спросил он поправляя за спиной винтовку

— Погоди ишо... — кинул Щегольков дыша, как сонная лошадь.

¹ ППС: «ясно стало видно невооруженным глазом».

Немцы спустились в первую ложбину не оглядываясь, по ту сторону чернела пахота, с этой стороны кустился бурьянок и редкий кустарник. Астахов остановил коня, сдвинув фуражку вытер тыльной стороной ладони зернистый пот. Он оглядел остальных, сплюнув сухой комок слюны сказал:

— Иванков, езжай к котлине, глянь, где они.

Иванков, кирпично-красный, с мокрой от пота спиной, жадно облизал зачерствелые губы, и поехал.

— Курнуть-ба. — шепотом сказал Крючков отгоняя плетью овода.

Иванков ехал шагом приподнимаясь на стременах, заглядывая вниз котлины. Сначала он увидел колышущиеся кончики пик, потом внезапно||

<Л. 10>

19.

показались немцы, повернувшие лошадей, шедшие из-под склона котлины в атаку. Впереди картинно подняв палаш скакал офицер. За момент, когда поворачивал коня, Иванков запечатлел в памяти безусое нахмуренное лицо офицера, статную его посадку. Градом по сердцу топот немецких коней. Спиной до боли ощутил Иванков щиплющий холодок смерти. Он крутнул коня и молча поскакал назад. Астахов не успел сложить кисет, сунул его мимо кармана. Крючков увидев за спиной Иванкова немцев поскакал первый. Правофланговые немцы шли Иванкову наперерез. Настигали его с диковинной быстротой. Он хлестал коня плетью, оглядывался. Кривые судорги сводили ему посеревшее лицо, выдавливали из орбит глаза. Впереди припав к луке скакал Астахов. За Крючковым и Щегольковым вихрилась бурая пыль.

«Вот. Вот. Догонит». Стыла мысль и Иванков не думал о обороне; сжимал в комок свое большое полное тело, головой касался холки коня.

Его догнал рослый рыжеватый немец. Он пикой ширнул его в спину. Острые пронизав ременный пояс наискось на полвершка вошло в тело.

— Братцы, вертайтесь!! — обезумев крикнул Иванков и выдернул из ножен шашку. Он отвел второй удар, направленный ему в бок, и привстав рубнул по спине скакавшего с левой стороны немца. Его окружили. Рослый немецкий конь грудью ударился в бок его коня, чуть не сшиб с ног, и близко в упор увидел Иванков страшную муть чужого лица.

Первый подскакал Астахов. Его оттерли в сторону. Он отмахивался шашкой, вьюном вертелся в седле, оскаленный, изменившийся в лице, как мертвец. Иванкова концом палаша полоснули по шее. С левой стороны над ним вырос драгун и блекло в глазах метнулся разящий на взлете палаш. Он подставил шашку: сталь о сталь брызнула визгом. Сзади пикой подовздели ему погонный ремень, настойчиво перли, срывали его с плеча. За задратой головой коня маячило потное разгоряченное лицо веснушчатого немолодого немца. Дрожа отвисшей челюстью немец бестолково ширял палашем норовя попасть Иванкову в грудь. Палаш не доставал и немец кинув его рвал из пристроченного к седлу желтого чехла карабин, не спуская с Иванкова часто мигающих, напуганных, коричневых глаз. Он не успел достать карабин, через лошадь его достал пикой Крючков и немец разрывая на груди||

<Л. 10 об.>

20.

темносиний мундир, запрокидываясь назад испуганно-удивленно ахнул:

— Мейн муттер!

В стороне человек восемь драгун огарновали Крючкова. Его хотели взять живым, но он подняв на дыбы коня, вихляясь всем телом отбивался шашакой до тех пор, пока ее не выбили. Выхватив у ближнего немца пику он развернул ее как на ученья.

Отхлынувшие немцы щепили ее палашами. Возле небольшого клина суглинистой невеселой пахоты грудились, перекипали колыхаясь в схватке, как под ветром. Озверев от страха казаки и немцы кололи и рубили по чем попало: по спинам, по рукам, по лошадям и оружию... Обезпамятавшие от смертного ужаса лошади налетали и бестолково смешивались. Овладев собою Иванков несколько раз пытался поразить наседавшего на него длиннолицого белесого драгуна по голове, но шашка падала на стальные боковые пластинки каски, соскальзывала.

Астахов прорвал кольцо и выскочил истекая кровью. За ним погнался немецкий офицер. Почти в упор убил его Астахов выстрелом, сорвав с плеча винтовку. Это и послужило переломным моментом в схватке. Немцы, все израненные нелепыми ударами, потеряв офицера рассыпались, отошли. Их не преследовали. По ним не стреляли вслед. Казаки поскакали напрямки к местечку Пеликалие, к сотне; немцы, подняв упавшего с седла раненого товарища, уходили к границе.

Отскакав с полверсты Иванков зашатался.

— Я все... Я падаю... — он остановил коня, но Астахов дернул поводья.

— Ходу!

Крючков размазывал по лицу кровь, щупал грудь. На гимнастерке рдяно мокрела кровь. От фольварка, где находился второй пост, они разбились на двое.

— Направо ехать. — сказал Астахов указывая на сказочно зеленевшее за двором болото в ольшанике.

— Нет налево. — заупрямился Крючков.

Разъехались. Астахов с Иванковым приехали в местечко после. У околицы их ждали казаки своей сотни.

Иванков кинул поводья, прыгнул с седла и закачавшись упал. Из закаменевшей руки его с трудом вынули шашку.

Спустя час почти вся сотня выехала на место, где был убит германский офицер. Казаки сняли с него обувь, одежду и оружие, толпились рассматривая молодое нахмуренное уже пожелтевшее лицо убитого. Усть-хоперец Тарасов успел снять с убитого часы с серебряной решеткой и||

<Л. 11>

21.

тут-же продал их взводному уряднику. В бумажнике нашли немного денег, письмо, локон белокурых волос в конверте и фотографию девушки с надменным улыбающимся ртом.

.....

Из этого после сделали подвиг. Крючков, любимец командира сотни, по его реляции, получил Георгия. Товарищи его остались в тени. Героя отослали в штаб дивизии, где он слонялся до конца войны, получив остальные три креста за то, что из Петербурга и Москвы на него приезжали смотреть влиятельные дамы и господа-офицеры. Дамы ахали, дамы угощали донского казака дорогими папиросами и сладостями, а он вначале порол их тысячным матом, а после, под благотворным влиянием штабных подхалимов в офицерских погонах, сделал из этого доходную профессию: рассказывал о «подвиге» сгущая краски до черноты, врал без зазрения совести и дамы восторгались, с восхищением смотрели на рябоватое разбойничье лицо казака-героя. Всем было хорошо и приятно.

Приезжал в ставку царь и Крючкова возили ему на показ. Рыжеватый сонный император осмотрел Крючкова, как лошадь, поморгал кислыми сумчатыми веками, потрепал его по плечу.

— Молодец казак! — и повернувшись к свите:

— Дайте мне сельтерской воды.

Чубатая голова Крючкова не сходила со страниц газет и журналов. Были папиросы с Крючковым. Нижегородское купечество поднесло ему золотое оружие.

Мундир, снятый с германского офицера, убитого Астаховым, прикрепили к фанерной широкой доске и генерал фон-Раненкампф, посадив в автомобиль Иванкова и адъютанта с этой доской, ездил перед строем уходивших на передовые позиции войск, произносил зажигательно-казенные речи.

А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать руку на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей; и разбежались, вспугнутые выстрелом, убившим человека, разъехались нравственно искалеченные.

Это назвали подвигом.||

<Л. 11 об.>

22.

10.

[Казаки второочередники с хутора Татарского и окрестных хуторов на второй день после выступления из дома ночевали на хуторе Ея. Казаки с нижнего конца хутора держались от верховцев особняком, поэтому Петро Мелехов, Аникушка, Христоня, Степан, Томилин Иван и остальные стали на одной квартире. Хозяин, — высокий дряхлый дет, участник турецкой войны, — завел с ними разговор. Казаки уже легли спать расстелив в кухне и горнице полсти, курили остатний перед сном раз.

— На войну, стало-быть, служивые?

— На войну, дедушка.

— Должно не похожая на турецкую выйдет война. Теперь, ишь, вон какая оружия пошла.

— Одинаково. Один черт, как в турецкую народ переводили, так и в эту придется — озлобяясь неизвестно на кого буркнул Томилин.

— Ты, милоч, сепетишь-то бестолку. Другая война будет.

— Оно конешно. — лениво с зевотцей подтвердил Христоня, об нозоть гася цыгарку.

— Повоюем. — зевнул Петро Мелехов и перекрестив рот накрылся шинелью.

— Я вас, сынки вот об чем прошу. Дюже прошу и вы слово мое попомните. — заговорил дед. Петро отвернул с головы полу шинели, прислушался.

— Помните одно: хочешь живым быть, хочешь из смертново бою целым выйтить — надо человечью правду блюсть.

— Какую? — спросил Степан Астахов лежащий с краю. Он улыбнулся недоверчиво. Стал улыбаться он с той поры, когда услышал про войну. Она его манила и общее смятение, чужая боль утишали его собственную.

— А вот какую: чужова на войне не бери — раз. Женщин упаси бог трогать и ишо молитву такую надо знать.

Кзаки заворочались, заговорили все сразу.

— Тут хучь-бы свое не уронить, а то чужое.

— А баб как нельзя трогать? — Дуриком — это я понимаю, — нельзя, а по доброму слову?

— Рази-ж утерпишь?

— То-то и оно.

— А молитва какая она?

Дед сурово насталил глаза, ответил всем сразу.]]]

БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ. Фрагмент (Ф.143. Оп.9. Ед. хр.4/3); 1 л.; без нумерации страниц. Конец восьмой главы опубликованного текста третьей части романа с описанием боя, в котором участвуют Астахов, Иванков и Крючков. Датируется 1927 г., до середины октября, на основании письма М.А. Шолохова жене от 13 октября 1927 г. о сдаче в издательство «Московский рабочий» третьей части «Тихого Дона» (Шолохов М.М. Об отце: Очерки-воспоминания разных лет. М., 2004. С. 114–115).

<Л. 1>

Он отвел второй удар, направленный ему в бок, и привстав рубнул по спине скакавшего с левой стороны немца. Его окружили. [*Чей*] Рослый немецкий конь грудью ударился в бок его коню, чуть не сшиб с ног, и близко в упор увидел Иванков страшную муть чужого лица.

Первый подскакал Астахов. Его оттерли в сторону. [*и*] Он отмахивался шашкой, вьюном вертелся в седле, оскаленный, изменившийся в лице, как мертвец. Иванкова концом палаша полоснули по шее. С левой стороны над ним вырос драгун и блекло в глазах метнулся разящий на взлете палаш. Он подставил шашку: сталь о сталь брызнула визгом. Сзади пикой подовздели ему погонный ремень, настойчиво перли, срывали его с плеча. За задратой головой коня маячило [*перед ним*] потное разгоряченное лицо веснушчатого немолодого немца. [*Он*] Дрожа отвисшей челюстью немец бестолково ширял палашем норовя попасть Иванкову в грудь. Палаш не доставал и немец кинув его рвал из пристроченного к седлу желтого чехла карабин, не спуская с Иванкова часто мигающих, напуганных **коричневых** глаз. Он не успел достать карабин, через лошадь его достал пикой Крючков, и немец [*вырывая*] разрывая на груди [*свой*] темносиний мундир, запрокидываясь назад испуганно-удивленно ахнул:

— Мейн муттер!

В стороне человек восемь драгун огарновали Крюčkова. Его хотели взять живьем, но он подняв на дыбы коня, вихляясь всем телом отбивался шашкой до тех пор, пока ее не выбили. Выхватив у ближнего **немца** пику он развернул ее, как на ученьи. Отхлынувшие немцы щепили ее палашами.

[*Топот. Бряк скрежывающейся стали*]

Возле небольшого клина суглинистой **невеселой** пахаты гудились **перекипали** колыхаясь в схватке как под ветром. [*всадники*] Озверев от страха **казаки и немцы** кололи и рубили по чем попало: по спинам, по рукам, по лошадям и оружию... Обезпамятевшие от смертного ужаса лошади налетали и бестолково сшибались¹.||

¹ ППС: «Налетали и бестолково сшибались обезпамятевшие от смертного ужаса лошади».

<Л. 1 об.>

[и люди]

Овладев собою Иванков несколько раз пытался поразить наседавшего на него длиннолицого белесого драгуна по голове, но шашка падала на стальные боковые пластинки каски, соскальзывала.

Астахов прорвал кольцо и выскочил истекая кровью. За ним погнался немецкий офицер. Почти в упор убил его Астахов выстрелом, сорвав с плеча винтовку. Это и послужило переломным моментом в схватке. Немцы, все израненные нелепыми ударами, потеряв офицера рассыпались, отошли. Их не преследовали. По ним не стреляли вслед. Казаки поскакали напрямки к местечку Пеликалие, к сотне; немцы, подняв упавшего с седла раненого товарища, уходили к границе.

Отскакав с полверсты Иванков зашатался.

Спустя час почти вся сотня выехала на место, где был убит германский офицер. Казаки сняли с него **обувь** одежду и оружие, толпились рассматривая молодое **нахмуренное уже** пожелтевшее лицо убитого. Усть-хоперец Тарасов **успел** [снял] **снять с убитого часы с серебряной решеткой** и тут-же [продавал] продал их взводному уряднику. [За] В бумажнике нашли немного денег [и *фотографию* м], письмо, локон белокурых волос в конверте и фотографию девушки с надменным улыбающимся ртом.||

Лихий Доя

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Музей Дон.

Часть архива.

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 5/1); 65 лл.; авторская нумерация страниц с 1 по 127 (цифра «1» не проставлена, титульный лист не нумерован). Главы 1–22 (в опубликованном тексте четвертой части произведения главы 21 и 22 объединены в одну 21 главу). Датируется 1927 — началом 1928 г. (на странице 121 автором проставлена дата «28 февраля 1928 года»).

Л. 23 — авторизованный список рукой И.П. Громославского.

Вставки к черновому автографу на 5 лл. без нумерации. Л. 4 с лицевой стороны заполнен рисунками и надписями рукой Шолохова. Среди них: «М. Шолохов», «Шолохова Светлана», «Шолохова Мария», «бывшая Громославская Мария Петровна Шолохова», «Анна», «Стасевич Алексей Михайлович», «Ст. Вешенская Северного Кавкрая Шолохову Михаилу Александровичу» и др.

<Л. 2>

Тихий Дон

Часть четвертая.

1.

1916 год. Октябрь. Ночь. Дождь и ветер. Полесье. Окопы над болотом, поросшим ольхой. Впереди проволочные заграждения. В окопах холодная слякоть. Меркло блестит [*щит*] мокрый щит наблюдателя. В землянках редкие огни. У входа в одну из офицерских землянок на минуту задержался приземистый [*казак*] **офицер**, скользя мокрыми пальцами по застежкам он торопливо расстегнул шинель, стряхнул с воротника воду, наскоро вытер сапоги о втоптаный в грязь пучек соломы и только тогда толкнул дверь и пригинаясь вошел в землянку.

Желтый стяг света, падавшего от маленькой керосиновой лампы, масляно блеснул в лицо вошедшему. С досчатой кровати приподнялся офицер в распахнутой тужурке, провел рукою по всклоченным седеющим волосам, со скрипом зевнул.

— Дождь?

— Идет. — ответил гость и раздевшись повесил на гвоздь у входа шинель и обмякшую от влаги фуражку. — У вас тепло. Надышали.

— Мы недавно протопили. Скверно то, что выступает подпочвенная вода. Дождь, черти-б его нюхали, выживет нас, а? Как вы думаете, Б<ун>чук?

Потирая руки, покрытые черной ворсистой шерстью Бунчук сгорбился, сел около печурки на корточки. Настил положите. В нашей землянке — красота, босым можно ходить. Где-же Листницкий?

— Спит.

— Давно?

— Вернулся с обхода и лег.

— Будить пора?

— Валяйте, в шахматы поиграем.

Бунчук указательным пальцем [*вытер на*] смахн<ул> с широких и густых бровей [*дождевые*] дождевую [*капли*] сырость, внимательно осмотрел палец и не поднимая головы тихонько окликнул:

— Евгений Николаевич!

— Спит. — вздохнул седоватый офицер.

— Евгений Николаевич!

— Ну? — Листницкий приподнялся на локте.

— В шахматы сыграем?

Листницкий свесил ноги, долго растирал розовой мягкой подушечкой ладони пухлую грудь.

К концу первой партии пришли офицеры пятой сотни, есаул Калмыков и сотник Чубов.

— Новость! — еще с порога крикнул Калмыков. — Полк, по всей вероятности, снимут.

— Откуда это? — недоверчиво улыбнулся седоватый||

<Л. 2 об.>

2.

[*сотник*] подъесаул Меркулов.

— Не веришь дядя Петя?

— Признаться, — нет.

— По телефону передал командир батареи. Откуда он знает? Как-же, ведь он вчера только из штаба дивизии.

— В баньке попариться не плохо-бы. — Чубов, блаженно улыбаясь, сделал вид, [*как*] будто хлещет себя по ягодицам веником. Меркулов засмеялся

— В нашей землянке остается котел лишь поставить, воды хоть отбавляй.

— Мокро, мокро, хозяйева. — брюзжал Калмыков оглядывая бревенчатые стены и хлюпкий земляной пол.

— Болото под боком

Благодарите всевышнего, что сидите у болота, как у Христа за пазухой. — вмешался в разговор Бунчук. — На чистом наступают, а мы тут за неделю по обойме расстреливаем.

— Лучше наступать, чем гнить здесь заживо.

[— *Не скажите.*]

— Не для того держат казаков, дядя Петя, что-бы уничтожить их в атаках. Ты лицемерно наивничаешь.

— Для чего-же по твоему?

— Правительство в нужный момент попытается, по старой привычке, опереться на плечо казака.

— Ересь несешь! — махнул рукой Калмыков.

— Как это — ересь?

— А так.

— [*Оставьте.*] Калмыков, истину нечего опровергать.

— Какая уж там истина...

— Да ведь это же общеизвестно! Что [вы] ты [притворяешься] притворяешься?

— Внимание, гас-па-да-офицеры! — крикнул Чубов и театрально раскланиваясь указал на Бунчука: — Хорунжий [Чубов] Бунчук сейчас начнет вещать по социал-демократическому соннику.

— Петрушку валяете? — ломая глазами взгляд Чубова усмехнулся Бунчук, — а впрочем продолжайте, у всякого свое призвание. Я говорю, что мы не видим войны с середины прошлого года. С той поры, как только началась позиционная война, казачьи полки порассовали по укромным местам и держат под спудом до поры до времени.

— А потом? — спросил Листницкий убирая шахматы.

— А потом, когда на фронте начнутся волнения, а это неизбежно, война начинается солдатам надоедать, о чем свидетельствует прирост, или, как сказать, увеличение дезертиров, тогда подавлять мятежи, усмирять, кинут казаков. Правительство держит казачье войско, как камень на палке. В нужный момент||

<Л. 3>

3.

этим камнем оно попытается проломить череп революции.

— [Увлекаешься] Увлекаешься, милейший мой! Предположения [ваши] твои довольно-таки шатки. Прежде всего нельзя предрешать ход событий, откуда [вы] ты [знаете] знаешь о будущих волнениях и прочем? А если мы предположим такую вещь: союзники разбивают немцев, [и] война завершается блистательным концом, тогда какую роль [вы] ты отводишь казачеству? — возразил Листницкий.

Бунчук скупно улыбнулся.

— Что-то непохоже на конец, а тем более блистательный.

— Компанию затагнули¹, [но... вздохнул Меркулов].

— И еще туже затагнут. — пообещал Бунчук.

— [Вы] Ты когда из отпуска? — спросил Калмыков

— Позавчера. — [ответил] Бунчук округляя рот, [выталкивая] вытолкнул языком [клубочки] клубочек дыма, бросил окурочек.

[— В Петрограде был, счастливеец! — Калмыков]

— Где побывал?

— В Петрограде.

— Ну, каково там? Гремит столица? Э, чорт, чего-бы не дал, чтоб [побывать] пожить там хотя недельку.

— Отрадного мало. — взвешивая слова заговорил Бунчук, — Нехватает хлеба. В рабочих районах голод, недовольство, глухой протест.

— Благополучно мы не вылезем из этой войны. Как вы думаете, господа? — вопрошающе оглядел всех Меркулов.

¹ ППС: «Затагнули компанию».

— Русско-японская война породила революцию 1905 г. Эта война [даст] завершится новой революцией. И не только революцией, но и гражданской войной.

Листницкий [выслушал] слушая Бунчука сделал неопределенный жест, словно пытаясь прервать его на полфразе, потом встал и зашагал по землянке, растирая полушария груди, хмурясь. Он заговорил с сдержанной злобой:

— Меня удивляет то обстоятельство, что в среде нашего офицерства есть такие вот, — жест в сторону ссутулившегося Бунчука, — субъекты. Удивляет, потому что до сих пор мне неясно его отношение к [империи] родине, к войне... Однажды в разговоре он выразился очень туманно, но все-же достаточно ясно для того, что-бы понять, что он стоит за наше поражение в этой войне. Так я [вас] тебя понял [хорунжий?] Бунчук?

— Я за поражение.

— [По] Но почему? По моему каких-бы [вы] ты не [были] был политических взглядов, но желать поражения своей родине — это... национальная измена. Это бесчестье для всякого порядочного человека.

— [Однако] Помните думская фракция РСДРП агитировала [за поражение. Помните] против правительства тем самым содействуя поражению? — вмешался Меркулов.

— [Вы] Ты [разделяете] разделяешь Бунчук [эту] их точку зрения? — задал вопрос Листницкий.

— Если я высказываюсь за поражение, то, следовательно, разделяю, [как вы думаете?] И было-бы смешно мне, члену РСДРП, большевику не разделять точку зрения [моих] своей партийной фракции.||

<Л. 3 об.>

4.

А вот почему мы за поражение, так это — азы... Гораздо больше меня удивляет, Евгений Николаевич, что [вы] ты, человек интеллигентный, политически безграмотен...

— Я прежде всего преданный монарху [и] солдат¹, меня коробит один вид «товарищей-социалистов».

«Ты прежде всего болван, а потом уж самодовольный салдофон». — подумал Бунчук и загасил улыбку.

— Нет бога кроме Аллаха...

— В военной среде была исключительная обстановка. — словно извиняясь вставил Меркулов, — Мы все как-то в стороне стояли от политики, наша хата с краю.

Есаул Калмыков сидел обмякая вислые усы, остро поблескивая горячими монгольскими глазами. Чубов лежал на кровати и вслушиваясь в голоса разговаривающих рассматривал прибитый к стене, пожелтевший от табачного дыма рисунок Меркулова. Полуголая Женщина, с лицом Магдалины, томительно и порочно улыбаясь [рас] смотрит на свою обнаженную грудь. Двумя пальцами левой руки она оттягивает коричневый сосок, мизинец настороженно отставлен,

¹ ППС: «солдат [и] преданный монарху».

под опущенными веками тень и [тусклый] теплый свет зрачков. Чуть вздернутое, плечо ее удерживает сползающую рубашку¹, в впадинах ключиц [мягкие] **мягкий [тени] пух света**. Столько непринужденной изящности и **подлинной** правды было в позе женщины, так непередаваемо красочны были тусклые тона, что Чубов, непроизвольно улыбаясь, залюбовался мастерским рисунком и разговор [уже не] [достигал] **достигая слуха уже не проникал в его [сознания] сознание**.

— Вот хорошо-то! — отрываясь от рисунка, воскликнул он², и очень некстати, потому что Бунчук только что кончил фразой:

— ...царизм будет уничтожен, можете быть уверены!

[и] Сворачивая папиросу [и] едко улыбаясь Листницкий посматривал то на Бунчука, то на Чубова³.

— Меркулов, вы — настоящий живописец! — ослепленно мигал Чубов.

— Так... Баловство.

— Пусть мы потеряем несколько десятков тысяч солдат, но долг каждого, которого вскормила эта земля, защищать свою родину от порабощения. — Листницкий закурил, протирая стекла пенснэ носовым платком **выжидательно** смотрел на Бунчука близорукими незащищенными глазами.

— Рабочие не имеют отечества. — чеканом рубил Бунчук. — В этих словах Маркса глубочайшая правда. Нет и не было у нас отечества! Дышите вы патриотизмом. [Проклятую] **Проклятая [эту землю защищайте вы]** земля эта вас вспоила и вскормила, а мы... бурьяном, полынью росли на пустырях... Нам не в одно время с вами цвести...

Он [сунул руку за борт снял] вынул из бокового кармана шинели большой сверток бумаг, долго||

<Л. 4>

рылся в нем, стоя спиной к Листницкому, и подойдя к столу разгладил широкой **пухложилкой** ладонью [пожелтевший] [**пожелтевшую**] {пожелтевший} от старости [газетный лист] [бумагу] **газетный лист**.

— Угодно послушать? — обратился к Листницкому

— Что это?

— Статья о войне. Я прочту выдержку. Я ведь не очень грамотный, толково не свяжу, а тут как на ладошке.

«...Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и разъединить рабочих посредством лицемерных ссылок на

¹ ППС: «Плечо ее удерживает сползающую рубашку, чуть вздернутое».

² ППС: «воскликнул он, отрываясь от рисунка».

³ ППС: «[И] Едко улыбаясь Листницкий посматривал то на Бунчука, то на Чубова [и] сворачивая папиросу».

”защиту отечества” сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций. Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией ”национальной войны”. Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен Штуттгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну и которые говорили не о ”защите отечества”, а об ”ускорении краха капитализма”, об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну. Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено ”по желанию” отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в объективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. И в этом направлении, только в этом направлении должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму ”своей” страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом ”своей” буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную его легальность, — вот та линия работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всевропейского пожара. Война не случайность, не ”грех”, как думают христианские попы (проповедывающие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь-же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по ”народному” течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне и по военному||

<Л. 4 об.>

6.
продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, вздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповские сантиментальные и глупенькие вздыхания о ”мире во что-бы то ни стало!” Поднимем знамя гражданской войны. Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о ”последней войне” есть пустая, вредная сказка, мещанская ”мифология”.

Бунчук, читавший медленно, не громко, на последних фразах повысил чугуно-глухой звон голоса, закончил при общем [и] напряженном внимании: — Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну,

соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовать, закалять и готовить к войне против буржуазии и "своей" страны и "чужих" стран.

После долгого молчания Меркулов спросил:

— [Это] Не в России печаталось?

— Нет.

— Где-же?

— В Женеве. Это из 33 № «Социал-демократа» за 1914 г.

— А чья это статья?

— Ленина.

— Это... кажется, лидер большевиков?

Бунчук промолчал, бережно сворачивая [№] газету, пальцы его редко вздрагивали. Меркулов поворошил седеющие вихры, сказал не глядя на остальных:

— Велик у него талант убеждения... Чорт побери, тут много такого, над чем задумаешься.

Горячась заговорил Листницкий. Он, видимо, волнуясь, застегнул ворот рубашки и быстро шагая, тычась из угла в угол сыпал дробный горошек слов.

— **Статья эта** — Жалкая попытка [людей] человека, [выброшенных] выброшенного родиной из своих пределов, повлиять на ход истории. Пророчество в наш век реального не пользуется успехом, а такое пророчество тем более. Истинно русский человек пройдет мимо этих истерических||

<Л. 5>

7.

выкриков с презрением. Болтовня! Превращение войны [народной] народов в войну гражданскую, о, чорт, как все это подло! — морщась Листницкий взглянул на Бунчука, тот рылся в своем объемистом пакете, хмурясь, нагнув голову; видно было, как на его толстой смугло-бурой шее, в выпуклой вздувшейся жиле стремительно бьется пульс. Листницкий запальчиво кидал связки фраз, но дряблый [тено] низкий голос его не оставлял впечатления.

— Бунчук! Окликнул Калмыков, — Подождите, Листницкий, Бунчук, слышите? Ну, хорошо, допустим, что эта война превратится в гражданскую войну, потом что? Ну, свергнете вы монархию, какое-же по вашему должно быть правление? Власть-то какая?

— Власть пролетариата.

— Парламент что-ли?

— Мелко! — улыбнулся Бунчук.

— Что-же именно?

— [Выборная власть.] Должна быть рабочая диктатура.

— Вон ка-а-ак... А интеллигенции, крестьянству какая-же роль?

— Крестьянство пойдет за нами, часть мыслящей интеллигенции тоже, а остальных... а с остальными мы вот что сделаем... — Бунчук быстрым жестом

скрутил в тугой жгут какую-то бумагу бывшую в его руках [его]¹, потряс ею, процедил сквозь зубы: — Вот что сделаем!

— Высоко вы летаете... — усмехнулся Листницкий.

— Высоко и сядем! — закончил Бунчук.

— Соломки надо заранее постелить...

— За каким-же чортом вы добровольно отправились на фронт и даже выслужились до офицерского чина? Как это совместить с вашими воззрениями? Удивитель-но! Человек против войны, хе-хе, против уничтожения своих этих... классовых братьев и вдруг — хорунжий. — Калмыков шлепнув ладонями по голенищам сапог искренне расхохотался.

— Сколько вы немецких рабочих извели с своей пулеметной командой? — спросил Листницкий.

Бунчук стремительно перелистал ворох своих бумаг, все так-же [стоя спиной] нагнувшись над столом сказал.

— Сколько немецких рабочих я перестрелял это... вопрос. Ушел-то я добровольно, потому что все равно и так взяли-бы. Думаю, что те знания, которые достал тут в окопах, в кровях, пригодятся в будущем... в будущем. Вот тут сказано: «Возьмем современное войско. Вот — один из хороших образчиков организации. И хороша эта организация только потому, что она — гибка, умея вместе с тем миллионам людей давать единую волю. Сегодня эти миллионы сидят у себя по домам в разных концах страны. Завтра приказ о мобилизации — и они собрались в назна-||

<Л. 5 об.>

8.

ченные пункты. Сегодня они лежат в траншеях, лежат иногда месяцами. Завтра они в другом порядке идут в штурм. Сегодня они проявляют чудеса прячась от пуль и от шрапнели. Завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Сегодня их передовые отряды кладут мины под землей, завтра они передвигаются на десятки верст по указаниям летчиков над землей. Вот это называется организацией, когда во имя одной цели, одушевленные одной волей, миллионы людей меняют форму своего общения и своего действия, меняют место и приемы деятельности, меняют орудия и оружия <sic> сообразно изменяющимся обстоятельствам и запросам борьбы. Тоже самое относится к борьбе рабочего класса против буржуазии. Сегодня нет налицо революционной ситуации...

— А что такое — ситуация? — перебил Чубов.

Бунчук пошевелился, как только что оторванный от сна, и пытаясь понять вопрос тер суставом большого пальца шишкастый лоб.

— Я спрашиваю, что значит слово ситуация?

— Понимать я понимаю, а вот объяснить дельно не сумею, должно, — Бунчук [светло] улыбнулся ясной простой ребяческой улыбкой, [и так] странно было видеть ее на крупном угрюмом лице, будто по осеннему, тоскливому от дождей

¹ ППС: «бывшую в его руках [его] какую-то бумагу».

полю прожег взбрыкивая и играя светло-серый сосунок-зайчишка. — Ситуация это — положение, обстановка [што] что-ли, в этом роде. Так я говорю?

Листницкий неопределенно махнул головой.

— Читай дальше.

— ...Сегодня нет революционной ситуации, нет условий для брожения в массах, для повышения их активности, сегодня тебе дают в руки избирательный бюллетень — бери его, умеи организовать для того, что-бы бить им своих врагов, а не для того, что-бы проводить в парламент на теплые местечки людей, цепляющихся за кресла из боязни тюрьмы. Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, тебе дали в руки ружье и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку, — бери эти оружия смерти и разрушения, не слушай сантиментальных нытиков, боящихся войны; на свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса, и если в массах нарастает злоба и отчаяние, если налицо революционная ситуация, готовься создать новые организации и пустить в ход столь полезные орудия смерти и разрушения против своего правительства и своей буржуазии.

Бунчук еще не кончил читать, как в землянку постучавшись вошел вахмистр пятой сотни.

— Ваш благородье, — обратился он к Калмыкову, — из штаба полка — ординарец.||

<Л. 6>

9.

Калмыков и Чубов, одевшись, ушли. Меркулов насвистывая сел рисовать. Листницкий все так же ходил по землянке щипая усики, что-то обдумывая. Вскоре распрощавшись ушел и Бунчук. Он пробирался по залитому грязью ходу сообщения придерживая левой рукой воротник [шинели], правой запахивал полы шинели. Ветер струею бил по узкому каналцу хода, цепляясь за уступы свистал и кружился. Чему-то смутно улыбался шагавший в темноте Бунчук. Он добрался до своей землянки вновь весь пропитанный **дождевой** сыростью и запахом изопревшей ольховой листвы. Начальник пулеметной команды спал. На смуглом черноусом лице его синели следы оставленные бессонницей (три ночи [играл] **резался** в карты), Бунчук порылся в своем, оставшемся от прежних времен, солдатском мешке, возле дверей сжег кучку бумаг, сунул в карманы шаровар две банки консервов и несколько горстей **револьверных** патронов, вышел. В запахнутую **на секунду** дверь ворвался ветер, разметал серый пепел, **оставшийся от сожженных** у порога бумаг, потушил [керосиновую] чадившую лампочку.

После ухода Бунчука Листницкий минут пять ходил молча, потом подошел к столу. Меркулов косо наклонив голову рисовал. Тонко очиненный карандаш стлал [на бумаге] дымчатые тени. Лицо Бунчука, перерезанное обычной для него скупой, [как] словно вынужденной улыбкой, смотрело с белого квадрата бумаги.

— Сильная морда. — отводя руку с рисунком сказал Меркулов и поднял на Листницкого глаза.

— Ну, как? — спросил тот.

— Чорт его знает. — догадываясь о существовании вопроса ответил Меркулов, — Парень он странный, теперь объяснился, понятно, многое стало ясным, а раньше, я не знал, как его расшифровать. [Одно] Знаешь, ведь он огромным успехом пользуется¹ у казаков, в особенности у пулеметчиков. Ты не замечал этого?

— Да. — как-то неопределенно ответил Листницкий.

— Пулеметчики все поголовно большевики. Он их сумел настроить. [Мен] Я поразился, что он раскрыл нынче свои карты. [для] Для чего? На зло говорил, ей-богу! Знает, что взглядов этих из нас никто не может разделять, а для чего-то разоткровенничался. Ведь он не из горячих. Опасный тип.

Рассуждая о странном поведении Бунчука Меркулов отложил рисунок, стал раздеваться. Сырые чулки повесил на печурку, завел часы и выкурив папироску лег. Вскоре уснул. Листницкий сел на табурет, на котором за четверть часа до этого сидел Меркулов, на обратной стороне рисунка ломая остро очиненое жало карандаша размашисто написал:|

<Л. 6 об.>

10.

«Ваше Высокоблагородие!

Те предположения, которые сообщал я вам [раньше] ранее, сегодня полностью подтвердились. [Сот] Хорунжий Бунчук в сегодняшней беседе с офицерами нашего полка (присутствовали, помимо меня, пятой сотни есаул Калмыков, сотник Чубов, третьей сотни подьесаул Меркулов), с целями, которые, признаюсь, мне не совсем понятны разъяснил [нам] те задачи, которые выполняет он согласно своих политических убеждений и, наверное, по заданию партийной власти. При нем [было] был сверток бумаг запретного характера, так например он читал отрывки из своего партийного органа «Социал-демократ» издающегося в Женеве. Хорунжий Бунчук несомненно ведет подпольную работу в нашем полке (есть предположения, что поэтому он и поступил в полк вольноопределяющимся), пулеметчики были прямым объектом его агитации. Они разложены. Вредное влияние его сказывается на моральном состоянии [полков] полка, были случаи [отказа] отказов от выполнения боевых задач, о чем я своевременно уведомлял О.О.Ш.Д. и т. д.

Хорунжий Бунчук на днях возвратился из отпуска (был в [Петербурге] Петрограде), [там в] в изобилии снабженный разрушительной литературой, теперь он с большей интенсивностью попытается развернуть работу.

Резюмируя все вышеизложенное прихожу к выводам: а) виновность хорунжего Бунчука установлена (г.г. офицеры, присутствовавшие при [его] разговоре с ним, могут под присягой подтвердить сообщаемое мною), б) теперь же необходимо в целях пресечения его революционной деятельности арестовать его и предать В-П. суду, в) срочно надо перетрясти пулеметную команду, изъять особо опасных, а остальных или отправить в тыл, или распылить по полкам.

Прошу не забывать о моем искреннем стремлении служить на пользу родине и Монарху. Копию данного письма направляю С.Т. Корп.

¹ ППС: «пользуется успехом».

Есаул Евг. Листницкий.

23 октября 1916 г.
Участок № 7.

На утро Листницкий отправил с вестовым в штаб дивизии донесение, позавтракав вышел из землянки. За ослизлой спиной бруствера над болотом качался туман, хлопья его висели словно пригвожденные к колючкам проволочных заграждений. На дне траншей на полвершка стояла жидкая грязь. [*Лица казаков были хмуры*] Из бойниц выползали коричневые ручейки. Казаки, в мокрых измазанных шинелях кипятили на щитах котелки с чаем, курили сидя на||

<Л. 7>

11.

корточках, прислонив к стене винтовки.

— Сколько раз говорено, что-бы на щитах не смели разводить огня. Что вы, сволочи, не понимаете? — **злобно** крикнул Листницкий доходя до первой группы, сидевших [*на*] вокруг дымного огонька казаков.

Двое нехотя встали, остальные продолжали сидеть, подобрав полы шинелей, покуривая. Смуглый бородатый казак, с серебряной серьгой болтавшейся в морщенной мочке уха, ответил, подсовывая под котелок пучок мелкого хвороста:

— Душой ради-бы без щита обойтится, да как ево, ваш бла'родие, разведешь огонек-та? Гля, какая тут моча, чуть не на четверть.

— Сейчас-же [*снять со*] вынь щит!

— Што-ж нам, значица, с голоду сидеть... Та-а-ак... — хмурясь и глядя в сторону сказал широкомордый рябой казак.

— Я тебе поговорю! Снимай щит! — Листницкий носком сапога выбросил из-под котелка горевший хворост.

Бородатый казак с серьгой, смущенно и озлобленно улыбаясь, выплеснул из котелка горячую воду, шепнул:

— Попили чайку, ребята...

Казаки молча провожали глазами уходившего по линии есаула. В влажном взгляде бородатого дрожали огневые светлячки.

— Обидел сука!

— Э-э-эх!.. — протяжно вздохнул один вскидывая на плечо ремень винтовки.

На участке четвертого взвода Листницкого догнал Меркулов.

Он подошел запыхавшись, поскрипывая новенькой кожаной тужуркой, от него резко пахло махорочным перегаром. Отозвав Листницкого в сторону [*сказал*] [*шепнул*] дыхнул скороговоркой:

— Слышал новость? Бунчук-то этой ночью дезертировал.

— Бунчук? Что-о-о?

— Дезертировал, понимаешь? Игнатьич начальник пулеметной команды, ведь он в одной землянке с Бунчуком, говорит, что он не приходил от нас. Значит, как вышел от нас, так и махнул... Вот оно что!

Листницкий долго протирал пенснэ, шурился.

— Ты как будто взволнован? — испытующе посмотрел на него Меркулов.

— Я? Ты что, в уме? Отчего-бы это я был взволнован? Просто, ты огорошил меня неожиданностью.

2.

На другой день утром смущенный вахмистр вошел в землянку Листницкого, помявшись сообщил:

— Нынче утром казаки, ваше благородие, нашли в окопах вот эти бумажонки. Неловко так-то... Я вот и пришел доложить вам. А||

<Л. 7 об.>

12.

то, как-бы какова греха не нажить...

— Какие бумажонки? — приподнимаясь с [крова] койки спросил Листницкий.

Вахмистр подал скомканные в кулаке листки. На четверке дешевой бумаги четко рябили размноженные пишущей машинкой слова. Листницкий прочитал залпом:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь
Товарищи-солдаты!

Два года длится проклятая война! Два года вы изнываете в траншеях, защищая чуждые вам интересы. Два года льется кровь рабочих и крестьян всех наций. Сотни тысяч убитых и искалеченных, сотни тысяч сирот и вдов — вот результат этой бойни! За что вы воюете? Чьи интересы вы защищаете? Царское правительство поставило под огонь миллионы солдат для того, что-бы захватить новые земли и угнетать население этих земель так, как угнетается поработенная Польша и другие национальности. Мировые промышленники не поделят рынки, где они могли-бы сбывать продукцию своих фабрик и заводов; не поделят барыши, раздел производится вооруженной силой и вы, — темные люди, в борьбе за их интересы, — идете на смерть, убиваете таких же труженников, как и вы сами. Довольно пролито братской крови! Опомнитесь, трудящиеся! Враг ваш не австрийский и немецкий солдат, такой-же обманутый, как и вы, а собственный царь, собственный промышленник и помещик! Против них поверните ваши винтовки! Братайтесь с немецкими и австрийскими солдатами! Через проволочные заграждения, которыми, как зверей, отделили вас друг от друга протяните друг-другу руки. Вы братья по труду, на руках ваших еще¹ зажили следы кровавых мозолей труда, делить вам нечего. Долой самодержавие! Долой империалистическую войну! Да здравствует нерушимое единство трудящихся всего мира!»

Последние строки Листницкий прочитал задыхаясь. «Вот оно! Начинается». — подумал он охваченный безумной ненавистью и тяжестью надвинувшихся предчувствий. Созвонившись по телефону с командиром полка Листницкий сообщил ему||

¹ Справа синим карандашом проставлен вопросительный знак, продублированный на левом поле.

<Л. 8>

13.

о случившемся.

— Что прикажете сделать, ваше превосходительство? — спросил он под конец. Сквозь комариное нытье и далекие звонки телефона [в] из [трубку] трубки [плыл] сгустками падали слова генерала.

— Сейчас-же с вахмистром и взводными офицерами произвести обыск. Поголовный, не исключая и самих офицеров. Сегодня запрошу штаб дивизии когда они думают сменить полк. Потороплю их. Если при [обыск] обыске что-либо обнаружите — сообщите немедленно. [Да. Да-да.]

— Я полагаю, что это — работа пулеметчиков.

— Да? Сейчас-же прикажу Игнатичу обыскать своих казаков. Всего. **доброго**.

Собрав в свою землянку взводных офицеров Листницкий сообщил им о приказе командира полка.

— Что за безобразие! — возмутился Меркулов, — что-же мы друг друга будем обыскивать?

Офицеры захохотали.

— Вас первого, Листницкий! — крикнул молодой **безусый** сотник Раздорцев.

— Давайте жребий метнем?

— По алфавиту!

— Господа, шутки в сторону. — строго перебил Листницкий, — Старик наш конечно пересоллил, — офицеры в нашем полку, как жена Цезаря, был один лишь, хорунжий Бунчук, да, и тот дезертировал, а вот казаков надо пощупать. Позовите вахмистра.

Пришел вахмистр — немолодой уже казак — Георгиевский кавалер трех степеней, покашливая он оглядел офицеров.

— Кто у тебя в сотне из подозрительных? [На кого] Кто, думаешь, мог-бы разбросать эти воззвания? — обратился к нему Листницкий.

— Нету таких, ваш бл ародие. — уверенно ответил вахмистр.

— Однако ведь воззвания на участке нашей сотни? Кто из чужих был в [траншеях] [окопах?] траншеях?

— Никого чужих не было. Из иных сотён не было.

— Пойдемте стричь всех подряд. — махнул рукой Меркулов направляясь к выходу.

Обыск начался. Лица казаков выражали разнородные чувства: одни хмурились, недоумевая, другие испуганно поглядывали на офицеров, рывшихся в [скудном] **скудных** казачьих пожитках, третьи посмеивались. Молодцеватый урядник-разведчик спросил:

— Да вы скажите, [ваш] што ищете? Ежли покража какая Может кто у ково видал.

Обыск не дал никаких результатов. У одного лишь казака первого взвода нашли в кармане шинели скомканный листок воззвания.

— Читал? — спросил Меркулов с комическим||

<Л. 8 об.>

14.

испугом бросая вынутый листок.

— На курево поднял. — не поднимая опущенных глаз улыбнулся казак.

— Ты чему улыбаешься? — **запальчиво** крикнул Листницкий багровея, подступая к казаку. Под пенсне его нервно помигивали короткие золотистые веки.

Лицо казака сразу стало серьезным, улыбку как ветер стряхнул.

— Помилуйте, ваше благородие, да я почти што не грамотный. Читаю вовсе тупо. А поднял за тем, што бумаги на завертку нету, табак есть, а бумажка вышла, вот и поднял. — казак заговорил [*громко*] обиженно-громким голосом, в нотках его звучало озлобление.

[*Меркулов*] плюнув **Листницкий** отошел. [*Листницкий что-то*] За ним потянулись офицеры.

Через день полк сняли с позиций и отвели в тыл, верст за десять. Из пулеметной команды двух арестовали и предали военно-полевому суду, остальных — часть отправили в запасные полки, часть разбросали по полкам 2ой казачьей дивизии. За несколько дней отдыха полк привел себя в относительный порядок. Казаки вымылись, вычистились, побрились тщательно, не так как в окопах, где зачастую освобождались от растительности на щеках простым, но болезненным способом: волосы зажигались спичкой и едва лишь огонь слизывая щетину добирался до виска, — по щеке проводилось заранее смоченным полотенцем. Способ этот именовался «свинячим». «[*Обрить*] Тебя по-свинячьи обрить, али как?» — спрашивал какой-нибудь взводный парикмахер у клиента. Полк отдыхал, **казаки** наружно [*стал*] стали шеголеватей, **веселей** но Листницкий, да и все офицеры, знали, что веселась эта, как погожий день в ноябре — нынче есть, а завтра нету. Стоило заикнуться о выступлении на позиции, как сразу менялось выражение лиц и [*в*] под [*опущенных*] **опущенными веками** [*глазах*] **глаз** [*казаков нельзя было*] [*мерцала угрюмая сдержанность*] растекалось недовольство, угрюмая неприязнь. Чувствовалась смертельная усталость, надорванность и усталость-то эта рождала моральную неустойчивость, апатию. Листницкий великолепно знал, как страшен бывает человек, когда в таком состоянии рвется к какой-либо цели. В 1915 году на его глазах рота солдат пять раз [*ата*] ходила в атаку неся небывалый урон и получая повторные приказы — «Атаку возобновить». Остатки роты **самовольно** снялись с своего участка и пошли в тыл. Листницкий с сотней получил приказ задержать их и когда он рассыпав сотню цепью попытался прекратить движение, в них начали стрелять. От роты осталось не более 60 человек и он видел с какой безумно-отчаянной храбростью защищались эти люди от казаков, [*и*] никли под сабельными ударами, умирали, а лезли напролом, [*на смерть,*] на гибель, на уничтожение, решив, что все равно где принимать смерть.

Грозным напоминанием вставал в памяти этот случай и Листницкий с дрожливым волнением и по-новому всматривался в лица казаков, думал: «Неужели и эти когда-нибудь вот так-же повернут и пойдут, и ничто кроме смерти не в силах||

<Л. 9>

15.

будет их удержать?» И сталкиваясь с усталыми, озлобленными, [*притупленными горечью*] взглядами честно решал: «Пойдут!»

Коренным образом изменились казаки, по сравнению с прошлыми годами, даже песни и те [*пелись*] были новые, рожденные войной, окрашенные черной безотрадностью. Вечерами, проходя мимо просторного заводского сарая, где селилась сотня, Листницкий чаще всего слышал одну песню, тоскливую, несканно-грустную. Пели ее всегда в три-четыре голоса; над густыми басами взлетывая трепетал редкой чистоты и силы тенор подголоска.

Ой-да, разродимая моя сторонка
 Не увижу больше я тебя.
 Не увижу, голос не услышу
 На утренней зорьке в саду соловья.
 А ты, разродимая моя мамаша,
 Не печалься дюже обо мне.
 Ведь не все-же, моя дорогая,
 Умирают на войне.

Листницкий останавливаясь прислушивался и чувствовал, что и его властно трогает бесхитростная грусть песни. Какая-то тугая струна [*больно трогала*] натягивалась в учащающем ударе сердце¹, низкий тембр подголоска дергал эту струну, заставлял ее больно дрожать. Листницкий стоял где-нибудь неподалеку от сарая, вглядывался в осеннюю хмарь вечера и ощущал, что глаза его увлажняются, слезы остро и сладко режут веки.

Еду, еду по чистому полю
 Сердце чувствует [*оно*] во мне
 Ой-да, сердце чует, оно предвещает —
 Не вернуться молодцу домой.

Басы еще не обрывали последних слов, а подголосок уж взметывался над ними и звуки трепеща, как крылья белогрудого стрепета в полете, торопясь звали за собой, рассказывали:

Просвистала пуля свинцовая,
 Поразила грудь она мою.
 Я упал коню своему на шею,
 Ему гриву черну кровью обливал...

За все время стоянки на отдыхе единственный раз услышал Листницкий подмигивающие бодрящие слова старинной казачьей песни. Совершая обычную вечернюю прогулку [*Листницкий*] он шел мимо сарая, до него донеслись полухмельные голоса и хохот. Листницкий догадался, что каптенармус, ездивший в местечко Незвиску за продуктами, привез оттуда самокурки. и угостил казаков. Подвыпившие житной водки казаки о чем-то спорили, смеялись. Возвращаясь с

¹ ППС: «сердце, учащающем ударе».

прогулки Листницкий еще издали услышал мощные раскаты песни и дикий, пронзительный, но складный присвист.

На войне кто не бывал,
Тот и страху не видал.
День мы мокнем, ночь дрожим,
Всею ноченьку не спим.

— Фиююююю! Фиююююю! Фиююююю! — [*сплошным*] **сплошной** вибрирующей струей [*тек*] **тек, спиралью** вился высвист, и покрывая его гремело, — самое малое, голосов тридцать.

В чистом поле — страх и горе
Каждый день, каждый час.

Какой-то озорник, видно, из молодых, оглушительно и коротко высвистывая бил по деревянному настилу пола впрыска. Четко вспрыдывали удары каблучков, заглу-||

<Л. 9 об.>

16.

шаемые песней.

Море Черное шумит,
В кораблях огонь горит.
Огонь тушим,
Турок душим.
Слава донским казакам.

Листницкий шел непроизвольно улыбаясь, норовя шагать в такт голосам. «Быть-может в пехотных частях не так резко ощущается эта тяга домой? — думал он, но рассудок подсовывал холодные возражения: «А в пехоте разве иные люди? Несомненно, казаки болезненной реагируют на вынужденное сиденье в окопах, по роду службы привыкли к постоянному движению, а тут в течении двух лет приходится [*монт*] отсиживаться или топтаться на месте в бесплодных попытках наступления. Армия слаба, как никогда. Нужна сильная рука, крупный успех, движение вперед, — это встряхнуло-бы. Хотя история знает такие примеры, когда в эпоху затяжных войн самые устойчивые и дисциплинированные войска расшатывались морально. Суворов и тот испытал на себе... Но казаки будут держаться. Если и уйдут, то последними. Все-же это — маленькая обособленная нация, по традиции воинственная, а не то что какой-либо фабричный, или мужицкий сброд».

Словно желая разубедить его, в сарае чей-то надтреснутый ломкий голос затянул «Калинушку». Голоса подхватили [*лесню*] и Листницкий уходя слышал все ту-же тоску перелитую в песню:

Офицер молодой богу молится.
Молодой казак домой просится.
«Ой-да офицер молодой, [*отпуст*]

Отпусти меня домой.
 Отпусти меня домой,
 К отцу —
 К отцу, к матери родной.
 К отцу, к матери родной,
 Да к женёнке молодой.

Через три дня, после того, как бежал с фронта, вечером Бунчук вошел в большое торговое местечко, лежавшее в прифронтовой полосе. В домах уже зажгли огни. Морозец затянул лужи тонкой коркой льда и шаги редких прохожих слышались еще издали. Бунчук шел чутко вслушиваясь, обходя освещенные улицы, пробираясь по безлюдным проулкам. При входе в местечко он едва не наткнулся на патруль и теперь шел с волчьей торопкостью, прижимаясь к заборам, не вынимая правой руки из кармана невероятно измазанной шинели. (День лежал зарывшись в стодоле в мякину). В местечке [была] находилась база корпуса, стояли какие-то части, была опасность нарваться на патруль, поэтому-то волосатые пальцы Бунчука и грели неотрывно рубчатую рукоять нагана в кармане шинели. [На]

На противоположном краю местечка он долго ходил по пустому переулку, засматривал в ворота, изучающее разглядывая форму каждого бедного домишки. Минут через двадцать он подошел к угловому неказистому домику, заглянул в щель ставни и улыбнувшись решительно вошел в калитку. На стук ему отворила пожилая, в платке женщина.

— Борис Иванович у вас на квартире? — спросил Бунчук.||

<Л. 10>

17.

— Да. Проходите пожалуйста.

Бунчук боком протиснулся мимо нее. Услышал сзади холодный лязг щеколды. В низенькой комнате, освещенной крохотной лампенкой, за столом сидел немолодой, в военной форме человек. Жмурясь он взгляделся и встал, с сдержанной радостью протягивая Бунчуку руки.

— Откуда?..

— С фронта.

— Ну?..

— Видишь вот... — улыбнулся Бунчук и тронув концом пальца солдатский ремень человека в военном невнятно сказал:

— Комната есть?

— Да-да. Проходи сюда вот.

Он ввел Бунчука в еще более маленькую комнату, не зажигая огня усадил его на стул и притворив дверь в соседнюю комнату, завесив [на] [окне] окно занавеской сказал.

— Ты совсем?

— Совсем.

— Как там?

— Все готово.

— Надежные ребята?

— О, да.

— Я думаю ты сейчас разденешься, а потом мы поговорим. Давай твою шинель, я сейчас принесу умыться.

Пока Бунчук умывался над позеленевшим медным тазом, человек в военном, поглаживая остриженные под ежик волосы, говорил устало и тихо:

— Сейчас они неизмеримо сильнее нас, наше дело — *[в данный момент]* расти, расширять свое влияние, работать не покладая рук над разъяснением истинных причин войны. И мы растем, можешь быть уверен в этом. И то, что отходит от них — неизбежно приходит к нам. Взрослый человек *[и мальчик, представь такую картину, кто из них опасен]* по сравнению с мальчиком безусловно сильнее, но когда этот взрослый стареет, становится дряхлым, то этот-же хлопец уберет его. А в этом случае мы видим не только старческую дряхлость, но и прогрессирующее разложение всего организма.

Бунчук кончил умывание и растирая лицо черствым холстинным полотенцем сказал:

— Я перед уходом высказал офицерикам свои взгляды... Знаешь, смешно так вышло... После моего ухода пулеметчиков несомненно будут трясти, быть-может кто-либо из ребят под суд пойдет, но раз доказательств нет, какой разговор. Я надеюсь, что их рассеют по разным частям, а нам это на руку, пусть оплодотворяют почву... Эх, какие ребятки там есть! Кремневой породы!

— Я получил от Степана записку, просит прислать парня, знающего в военном деле. Ты поедешь к нему, но вот как с документами? Удастся-ли?

— Какая работа у него? — спросил Бунчук и поднялся на ципочки, вешая на гвоздь полотенце.

— Инструктировать ребят. А ты все не растешь? — улыбнулся *[человек в вое]* хозяин. *[И Бунчук]*

— Незачем. — отмахнулся Бунчук. — Особенно при теперешнем моем положении. Мне надо **быть** с гороховый||

<Л. 10 об.>

18.

стручок ростом, что-бы не так заметно было.

Они проговорили до серой зорьки. А через день Бунчук переодетый и **подкрашенный** до неузнаваемости, с документами на имя солдата **441 Оршевского полка** Николая Ухватава, получившего чистую отставку, по случаю ранения в грудь *[выехал]* **вышел** *[со станции]* из местечка, направляясь на станцию.

3.

На Владимиро-Волынском и Ковельском направлениях, в районе действий Особой армии (армия была по счету тринадцатой, но так как 13 цифра несчастливая, *[то]* а суеверием страдали и большие генералы, то армию наименовали Особой), в последних числах сентября началась подготовка к наступлению. Не-

подалеку от деревни Свинюхи [командование] **командованием был** [избрало] **избран** участок **позиций** удобный, с стратегической точки зрения, для [наступления] наступления [так как имелся] **ввиду того что** поблизости, в веру Стохода **имелся** удобный плацдарм [начало] и артиллерийская подготовка началась.

К тому времени фронт до того был пресыщен смертоносной техникой, что требовались величайшие усилия и **чудовищные** затраты людских жизней для того, что-бы сломив сопротивление противника качнуть, или выгнуть фронт. Невывалое количество артиллерии было стянуто к указанному месту. [Подготовка длилась] Сотни тысяч [сна] разнокалиберных снарядов в течении девяти дней месили пространство, занятое двумя линиями немецких окопов. В первый-же день, как только начался интенсивный обстрел, немцы покинули первую линию окопов, оставив одних лишь наблюдателей. Через несколько дней они оставили и вторую линию, перейдя на третью. [Густые ряды] На десятый день части Туркестанского корпуса, стрелки, пошли в наступление. Наступали французским способом, волнами. Шестнадцать волн выплеснули русские окопы. [Редея.] Колыхаясь, [они шли] [толчками они шли] редея, закипая у безобразных комьев скатавшейся колючей проволоки [они шли] накатывались серые волны людского прибора. А с немецкой стороны, оттуда, из-за обугленных пней сизого ольшанника, из-за песчаных сугорбленных увалов рвало, трясло, взметывалось и [надало] **полыхало** густым непрерывным гулом, [пожарищем] трескучим пожарищем выстрелов.

— Гуууууууууу — Гуууууууу — Гук! Гак! Бууууу-м!

Издредка прорывался залп отдельной батареи и снова [ползло] **полз**, подступал, полонил многоверстную округу:

— Гуууууууууу — Гуууууууууу — Гуууууууууу.

— Тррррааа-ррррааа-та-та-та-та-та. — безумно спешили немецкие пулеметы.

На пространстве с полверсты в поперечнике, на супесной изуродованной земле вихрем рвались черные столбы разрывов и волны наступающих дробились, вскипали, [и] брызгами рассыпались [над] от [воронками] **воронок** и все ползли, ползли...

Все чаще месили землю черные пальцы разрывов, гуще поливал наступающих косою резучий визг шрапнели, [резал] **жестче** хлестал приникающий к земле пулеметный огонь. Били не подпуская к проволочным заграждениям. И не подпустили. Из шестнадцати волн докатились три последних, а от проволочных изуродованных заграждений, поднявших к небу опаленные||

<Л. 11>

19.

укрепы на скрученной проволоке, словно разбившись о них стекали обратно ручейками, каплями...

Девять с лишним тысяч жизней выплеснули в тот день на супесную, невеселую землю, неподалеку от деревни Свинюхи.

Через два часа наступление [началось] **возобновилось** сызнава. Пошли части 2 и 3 дивизии Туркестанского стрелкового корпуса. Левее по щелям стягивались

к первой линии окопов части 53 пехотной дивизии и 307 Сибирская стрелковая бригада, на правом фланге туркестанцев шли батальоны 3 гренадерской дивизии.

Командир 30 армейского корпуса Особой армии, генерал-лейтенант Гаврилов получил из штабарма приказ перебросить в район Свинюхи две дивизии. Ночью были сняты с позиций 320 Чембарский, 319 Бугульминский и 318 Черноярский **317 Донской** полки 80 дивизии. Их заменили латышскими стрелками и только что прибывшими ополченцами. Полки сняли ночью, но несмотря на это один из полков был **еще с вечера** демонстративно двинут в противоположную сторону и только сделав переход в 12 верст над линией фронта **281 Новомосковский** полк получил приказ повернуть в обратную сторону. Полки шли в одном направлении, но разными дорогами. Левее маршрута 80 дивизии передвигались **282 Александрийский 283 Павлоградский 284 Венгровский** [полк] полки 71 дивизии. По пятам за ними шел полк уральских казаков и 44 пластунский.

318 Черноярский полк до переброски стоял над Стоходом, в районе местечка Сокаль, неподалеку от фольварка Рудка-Меринское. На утро после первого-же перехода полк разместили в лесу, в брошенных землянках и четыре дня обучали французскому способу наступления, — волнами; вместо батальонов в цепи шли полуроты, бомбометчики учились с наивозможнейшей быстротой резать провололочные заграждения, вновь проходили курс метания ручных гранат. Потом [вновь] **опять** тронули полк, в течении трех дней шли по лесам, по прогалинам, по одичалым проселкам, [со следами о] [изреза] исполосованным следами оружейных колес. Хлопчатый редкий туман, движимый ветром, плыл цепляясь за верхушки сосен, тек над прогалинами и, как коршун над падалью, кружился меж ольхами над сизой прозеленью парных болот. С неба сочилась дождевая мгла. Люди шли [мок] промокшие, озлобленные, через три дня остановились неподалеку от района наступления в деревне Большие и Малые Порек. [Набирались] Отдыхали, готовясь к смертной путине, сутки.

В это время, вместе с штабом 80 дивизии передвигалась [на Вл] к месту [скорых] **близких** боев и [казачья сотня] особая казачья сотня. В сотню влили казаков третьеочередников с хутора Татарского. Второй взвод сплошь состоял из хуторцов: два брата безрукого Алексея — Шамили Мартин и Прохор, бывший машинист моховской паровой мельницы Иван Алексеевич, [Яков Подкова,] щербатый Афонька Озеров, бывший хуторской атаман Маныцков, колченогий, чубатый сосед Шамилей Евлантий Калинин, нескладно длинный казачина¹ Борщев, короткошей и медвежковатый Захар Королев — веселая сердцевинка всей сотни, Гаврил Лиховидов — казак **редко-зверского** вида, известный тем, что постоянно и безропотно сносил||

<Л. 11 об.>

20.

побой семидесятилетней старухи-матери и жены, — бабы неказистой, но вольного нрава; и многие другие были во втором взводе и остальных взводах сотни.

¹ Текст «Люди шли [мок] промокшие, озлобленные ~ нескладно длинный казачина» выделен знаками «х» синим карандашом, продублированными на левом поле; у второго знака на левом поле — число «26».

Часть казаков была ординарцами при штабе дивизии, но второго октября их сменили уланы и сотня, [была] по распоряжению начдива генерала Китченко, была послана на позиции.

Ранним утром третьего октября сотня вошла в деревню Малые Порек, отсюда в этот момент выступал первый батальон 318 Черноморского полка. Солдаты [вы] выбегая из покинутых полуразрушенных халуп строились тут-же на улице. Около головного взвода топтался смуглый молоденький прапорщик. Он чистил, вынимая из планшетки^{х)}, шоколад, мокрые ярко-розовые губы его по краям были измазаны в шоколаде, ходил над колонной и захлюстаная длинная шинель, с присохшей к подолу <sic> грязью, болталась меж ног, как овечий курюк^{xx)}. Казаки шли левой стороной улицы. В одном из рядов второго взвода, крайним справа шагал машинист Иван Алексеевич. Он тщательно смотрел под ноги, норовя переступить колдобины лужиц, его окликнули со стороны солдат и он повернул голову, заскользил глазами по пехотным рядам.

— Иван Алексеевич! Друг милый!...

Оторвавшись от взвода к нему утиной рысью бежал маленький солдатишко. На бегу он откидывал назад винтовку, но ремень сползал и приклад него вызванивал по манерке.

— Не угадаешь? [Ах, чорт тебя.] Забыл?

В подбежавшем солдатишке, заросшем до скул ежистой дымчато-серой щетиной, Иван Алексеевич с трудом опознал Валета.

— Откуда ты, шкалик?..

— А вот... Служу.

— Да ты в каком полку?

— В 318 Черноморском. Не чаял! Не чаял, [што] что со своими встречаюсь.

Иван Алексеевич, не выпуская из костлявой ладони маленькой грязной руки Валета, радостно и взволновано [заглядывал] улыбался. Валет поспешая за его крупным шагом перебивал на рысь, снизу вверх засматривал Ивану Алексеевичу в глаза и взгляд его узко посаженных злых глазок был небывало мягок, влажен.

— В наступление идем... Видишь...

— Мы сами туда.

— Ну, как ты, Иван Алексеевич?

— Эх, об чем речь-то!

— Вот и я так. С четырнадцатого не вылазию из окоп. Ни угла, ни семьи не было, а вот за кого-то пришлось [служить] надуваться... Кобыла за делом, а жеребенок так.

— Штокмана-то помнишь? Ягодка наш Осип Давыдыч! Он-бы теперь нам все [разобъяснил] разложил. Человек-то, а? Каков был, а?

— Он-бы расшифровал! — в восторге закричал Валет

^{х)} Планшетка — полевая офицерская сумка.

^{xx)} Курюк — хвост.||

<Л. 12>

21.

потрясая [*крохотным*] кулачком и морща в улыбке крохотную ежину мордочку. — Помню об нем! Я об [*нем*] нем боле отца понимаю! Отец-то мне дешево стоил... А не слышать об нем? Нету слуха?

— В Сибирьках он. — вздохнул Иван Алексеевич, — отсиживает.

— Как? — переспросил Валет, **синичкой** подпрыгивая рядом с большим своим спутником и наставляя острый хрящ уха.

— Сидит в тюрьме. А может и помер теперь.

Валет некоторое время шел молча, поглядывая то назад, где строилась рота, то на крутой подбородок Ивана Алексеевича, на глубокую круглую ямку, приходившуюся как раз над серединой нижней губы.

— Прощай. — сказал он высвобождая руку из холодных маслаков Ивана Алексеевича. — Должно не свидимся.

Тот левой рукой снял фуражку и нагнулся обнимая сухенькие плечи Валета. Они поцеловались крепко, прощаясь словно¹ навсегда, и Валет отстал. Он вдруг суетливо **по птичьи** втянул голову в плечи, так что над серым воротником солдатской шинели торчали лишь смугло-розовые острые хрящи ушей, пошел горбатаясь и спотыкаясь на ровном.

Иван Алексеевич выступил из рядов, окликнул [*вологлоса*:] с дрожью в голове:

— Эй, браток, кровинушка родимая! Ты ить злой был, помнишь? Крепкий был, а?

Валет повернул постаревшее от слез лицо, крикнул и застучал кулачком по смуглой [*гря*] [*худой*] **реброватой** груди, видневшейся [*из-за ворота рубах*] **изпод** распахнутой шинели и разорванного ворота рубахи.

— Был! Был твердым, а теперь помяли... Укатали сивку!

Он еще что-то кричал, но сотня свернула [*в пере*] на следующую улицу и Иван Алексеевич потерял его из вида.

— Ить² это Валет? — спросил его, шагавший сзади Прохор Шамиль.

— Человек это. — глухо ответил Иван Алексеевич, [*дрожа*] **дрожа** губами, пестуя на плече женушку-винтовку.

На выходе из деревни, по пути сотни стали попадаться раненые, вначале единицами, потом группами в несколько человек, а дальше — густыми толпами. Несколько повозок, набитых до отказа тяжело ранеными, еле передвигались. Клячи, тащившие их, были худы до ужаса. Острые хребтины их были освежеваны беспрестанными ударами кнутов и обнажали [*розовую*] **розовые** в красных крапинках кости с [*прилипшей*] **прилипшими** кое-где волосками **шерсти**. Лошади тащили четырехколки хрипя и [*толкаясь з*] налегая так, что запененные морды их **едва не** касались грязи. Иногда [*они*] какая-нибудь осанавливалась, немощно

¹ ППС: «словно прощаясь».

² Справа синим карандашом проставлен знак «х», продублированный на левом поле; возле знака на левом поле — число «28».

раздувая ввалившиеся осторребрые бока, понуря большую от худобы голову. Удар кнута силком толкал ее||

<Л. 12 об.>

22.

с места и она, качнувшись сначала в одну сторону, потом в другую, срывалась и шла. Цепляясь со всех сторон за грядущки повозок, [шли] тянулись около раненые.

— Какой части? — спросил сотенный командир, выбрав лицо подобродушной.

— Туркестанского корпуса, третьей дивизии.

— Сегодня ранен?

Солдат отвернулся не отвечая. Сотня свернув с дороги шла к лесу, видневшемуся в полверсте расстояния. Сзади тяжким пехотным шагом [шли роты] чавкали выбравшиеся из деревни роты 318 Черноморского. Вдали, на [тусклом не] вылинявшем от дождей хмарном небе желто-серым недвижимым пятном висел немецкий привязной аэростат.

— Гляньте, станичники, какая чуда висит!

— Колбасятина. [Он]

— Он оттель зирить, проклятуший, как войска передвигаются.

— А ты думал зря выперся на такую вышину.

— Ох, далеко он!

— Да-то близко. Снарядом и то, небось, не докинешь.

В лесу казаков нагнала первая полурота черноморцев. До вечера жались под мокрыми соснами, за воротники текло, по спинам гуляла дрожь; огонь запретили разводить, да и трудно было развести его на дождю. Уже перед сумерками ввели в щель. Неглубокий, чуть выше человеческого роста, ров был залит на полчетверти водой. Пахло илом, прелой хвоей, [и] пресным [бархатистым] бархати-сто-мягким запахом дождя. Казаки подобрав полы шинелей [казаки] сидели на корточках, курили, расплетали серую [переб] рвущуюся нить разговоров. Второй взвод, разделив выданный перед уходом паек махорки, жался на повороте, окружив взводного урядника. Тот сидел на брошенной кем-то катушке проволоки, рассказывал о¹ убитом в прошлый понедельник генерале Копыловском, в бригаде которого он служил еще в мирное время. Он не закончил рассказа, так как взводный офицер крикнул «В ружье!» и казаки повскакивали, [жадно] обжигая пальцы жадно [дотягивали] докуривали цыгарки. Из щели сотня вновь вылезла в сосновый темнеющий лес, шли [и уже с трудом различали в плотнеющей темноте шагавших впереди себя на несколько сажень] подбадривая друг друга шутками. Кто-то насвистывал. На небольшой прогалине наткнулись на [зрду трупов] длинную стежку трупов. Они лежали в [ряд] [накат] {накат} плечом к плечу, в различных позах, зачастую в непристойных и страшных. [Около них] Тут-же похаживал солдат с винтовкой и противогазовой маской, привешенной

¹ Справа синим карандашом проставлен знак «х», продублированный на левом поле; возле знака на левом поле — число «29».

сбоку пояса. [КазакИ шл] [От] Около трупов [виднелись] была густо взмешена влажная земля, виднелись следы многих [коле] ног и глубокие шрамы на траве, оставленные [следами] колесами повозки. КазакИ шли в нескольких шагах [от них], мимо трупов¹. От них уже [шел] бил тянкий² сладковатый запах мертвечины. Командир сотни остановил казакИ и со взводными офицерами подошел к солдату³. Они о чем-то говорили. В это время казакИ изломав [взводные] ряды [надвинулись] подвинулись [поближе] ближе к трупам, снимая фуражки, рассматривая фигуры убитых с тем чувством скрытного трепетного страха и звериного любопытства, которое испытывает всякий живой к тайне мертвого. Все убитые были офицеры. [Их] КазакИ насчитали их||

<Л. 13>

23.

сорок семь человек. Из них большинство было⁴ молодежи, судя по виду — в возрасте от 20 до 25 лет, лишь крайний справа, с погонами штабс-капитана, был пожилой. Над его [ра] широко раскрытым ртом, таившим немые отзвуки того последнего крика, понуро висели [широкие] густые черные усы, на выбеленном смертью лице хмурились в смелом размете широкие брови. Некоторые из убитых были в изватланных грязью кожаных тужурках, остальные в шинелях. На двух или трех не было фуражек. КазакИ особенно долго смотрели на красивую и после смерти фигуру одного поручика. Он лежал на спине, левая рука его была плотно прижата к груди, в правой, кинутой в сторону, навсегда застыла рукоять нагана. [Ее] Наган, [как] видно, пытались вынуть, желтая широкая кисть руки белела царапинами, но [видно] знать плотно вкипела сталь, — не расстаться. Белокурая курчавая голова его, с сбитой на затылок фуражкой, словно ласкаясь, никла щекой к земле, а оранжевые тронутые синевою губы скорбно, недоуменно кривились. Сосед его справа, лежал [на живот] вниз лицом, на спине горбом бугрилась шинель с оторванным хлястиком, обнажая сильные, напряженные мускулами ноги в брюках хаки и коротких хромовых сапогах, с покривленными на сторону каблуками. На нем не было фуражки, не было и верхушки черепа, чисто срезанной осколком снаряда; в порожней черепной коробке, обрамленной мокрыми сосульками волос, светлела розовая вода, — дождь налил. За ним в распахнутой тужурке и изорванной гимнастерке лежал плотный, невысокий, без лица; на обнаженной груди косо лежала нижняя челюсть, а [возле] ниже волос головы белела узкая полоска лба с опаленной скатавшейся в трубочки кожей, в середине [обрывки костей] между челюстью и [концом] верхушкой лба — обрывки костей, черно-красная жидкая кашица. Дальше небрежно собранные в кучу куски конечностей, шмотья шинели, истощенная мятая нога на месте головы; а еще дальше — совсем мальчишка, с пухлыми губами и отроческим овалом лица, по груди

¹ ППС: «мимо трупов, в нескольких шагах [от них]».

² Первая часть слова подчеркнута синим карандашом; на левом поле — знак «х» с числом «30».

³ ППС: «подошел к солдату со взводными офицерами».

⁴ ППС: «было большинство».

резанула пулеметная струя, в четырех местах продырявлена шинель и из отверстий торчат опаленные хлопья.

— Этот... Этот в смёртный час ково кликал? **Матерю?..** — заикаясь, клацая зубами спросил Иван Алексеевич [у] и круто повернувшись пошел, как слепой.

Казачи отходили поспешно, крестясь и не оглядываясь. И после долго берегли молчание, пробираясь по узким прогалинам, спеша уйти от воспоминаний виденного. Возле густой цепи пустых, покинутых кем-то землянок сотню остановили. Офицеры вместе с ординарцем прискакавшим из штаба Черноярского полка, вошли в одну из землянок; [и] тут только щербатый Афонька Озеров лапая руку Ивана Алексеевича шепотом сказал:

— Энтот парнишка... последний... гляди, небось, за всю жисть бабу не целовал... [А] И зарезали, это как?

— Это где-же их так наворочали? — [спро] вмешался Захар Королев.||

<Л. 13 об.>

24.

— В наступление шли, солдат, какой охранял мертвяков, гутарил. — помолчав ответил Борщев.

Казачи стояли вольно. Над лесом замыкалась темь. Ветер торопил тучи и раздирая их [показывал] оголял [на] лиловые [о] угольки далеких звезд.

В это время в землянке, где собрались офицеры сотни, командир, отпустив ординарца, вскрыл пакет и **при свете свечного огарка** ознакомившись с [его] содержанием прочитал:

— «На рассвете 3 октября немцы употребив удушливые газы отравили три батальона 256 полка и заняли первую линию наших окопов. [Вам надлеж] Приказываю Вам продвинуться до второй линии окопов и завязав связь с первым батальоном 318 Черноярского полка занять участок второй линии, с тем, что-бы этой-же ночью выбить противника из первой линии. [пр] На правом фланге у вас будут две роты второго батальона и батальон Фанагорийского полка 3 гренадерской дивизии».

Обсудив положение и выкурив по папиросе офицеры вышли. Сотня тронулась.

Пока **казачи** отдыхали возле землянок первый батальон черноярцев опередил их и подошел к мосту через Стоход. Мост охранялся сильной пулеметной заставой одного из гренадерских полков. Фельдфебель выяснил [офи] командиру батальона обстановку и батальон перейдя мост разделился: две роты пошли вправо, одна влево, последняя с командиром батальона осталась в резерве. Роты шли рассыпавшись в цепь. Жидкий лес был [изрыт] изрытвлен, солдаты шли осторожно щупая почву ногами, иногда какой нибудь падал, [и] вполголоса тихо матерился. В крайней с правого фланга роте, шестым от конца шел Валет. После команды «Изготовься!» он поставил спуск винтовки на боевой, [и] шел вытягивая ее вперед, натываясь и царапая жалом штыка кустарник и стволы сосен. Мимо него над цепью прошли двое офицеров; они сдерживая голоса разговаривали. Сочный спелый баритон командира роты жалился:

— У меня открылась давнишняя рана. Чорт бы брал этот пенек! Понимаете, Иван Иванович, в этой темноте я набрел на пенек и ударился ногой. В результате — рана открылась и я не могу идти, придется вернуться. — баритон ротного на минуту умолк и отдаляясь зазвучал еще тише: — Вы возьмите на себя командование первой полуротой, Богданов возьмет вторую, а я того... честное слово не могу! Я вынужден вернуться.

В ответ хрипло залаял тенорок прапорщика Беликова:

— Удивительно! Как только в бой — так у вас открываются старые раны.

— Я попрошу вас молчать, господин прапорщик! — [повысил] поднял на ногу ротный голос.

— Оставьте пожалуйста! Можете возвращаться!

Прислушиваясь к своим и чужим шагам Валет услышал сзади торопливый треск, понял: ротный [во] уходит назад. А через минуту Беликов переходя с фельдфебелем на левое крыло роты [зло] бомотал:||

<Л. 14>

25.

— ...прохвосты чувят! Как только серьезное дело, они заболевают или у них открываются старые раны. А ты — новоиспеченый — изволь вести полуроту... Мерзавцы е... м... Я-бы таких... солдаты...

Голоса внезапно смолкли и Валет слышал лишь влажный хлюп собственных шагов, да трельчатый звон в ушах.

— Эй, землячек! — [кликнули его] кто-то слева засипел шепотом.

— Ну?

— Идешь?

— И-иду. — ответил Валет падая и задом сползая в налитую водой воронку.

— Темно-то, мать... мать... — слышалось слева.

Минуту шли невидимые друг другу и неожиданно у самого уха Валета тот-же сипящий голос проговорил:

— Пойдем рядом, не так страшно.

Опять молчали, переставляя по влажной земле набухшие сапоги. Ущербленный пятнистый месяц вдруг выплеснулся из-за гребня тучи, несколько секунд [нырял меж] [заслоняемый тучами], блестя желтой чешуей нырял, как карась в [серых] текучих тучевых волнах [тучи] и выбравшись на чистое полил вниз сумеречный свет; фосфорически блеснули мокрые иглы сосен [и], казалось, сильнее при свете запахла хвоя, [и] жестче [но] дохнула холодом мокрая земля. Валет глянул на соседа, тот внезапно остановился, [дернул] мотнул головой, как от удара и расжал губы.

— Гляди! — выдохнул он.

В трех шагах от них у сосны широко расставив ноги стоял человек.

— Че-ло-век. — сказал, или только подумал сказать Валет.

— Кто таков? — вдруг вскидывая к плечу винтовку крикнул [шагави] шедший рядом с Валетом солдат.

— Ктой-та? Стреляю!..

Стоявший под сосной молчал. Голова его, как шляпка подсолнуха, висела склонившись на бок.

— Он спит! — заскрипел смехом Валет и сотрясаясь, бодря себя насильным смехом шагнул вперед. Они подошли к стоявшему. Валет вытянув шею глядел, товарищ его тронул прикладом недвижимую серую фигуру.

— Эй, ты, пензинска-а-ай! Спишь? Земляк! — насмешливо говорил он. — Чудила-а-а, ты что-же... — [*He наш*] — голос его осекся. — Мертвец! — крикнул он, отступая. Валет [*стиснув*] **кляцнув** [*зубы*] **зубами** отпрыгнул и на то место, где секунду назад стояли его ноги, спиленным деревом упал, стоявший под сосной человек. Они перевернули его лицом вверх и тут только догадались, что под сосной нашел себе последний приют этот отравленный газами, бежавший от смерти, которую нес в своих легких, солдат одного из [*тех*] трех баталионов 256 пехотного полка.||

<Л. 14 об.>

26.

Рослый широкоплечий парень — он лежал вольно откинув голову, с лицом измазанным при падении клейкой грязью, с [*вывалив*] изъеденными газом, разжиженными глазами; из стиснутых зуб¹ его черным глянцевитым бруском торчал пухлый мясистый язык.

— Пойдем. Пойдем, ради бога! Пусть он себе лежит. — шептал товарищ Валета, дергая его за руку.

Они пошли и сейчас-же наткнулись на второй труп отравленного. Мертвые стали попадаться чаще. В [*некоторых*] **нескольких** местах они лежали копешками, иные застыли сидя на корточках, некоторые стояли [*раком*] **на четвереньках будто паслись**, а один, у самого [*входа*] хода сообщения, ведущего во вторую линию окопов, лежал [*боко*] скрючившись калачиком, засунув в рот искусанную от мўки руку.

Валет и солдат, приставший к нему, бегом догнали ушедшую вперед цепь, опередив ее шли рядом. [*Возле окопов*] Они вместе прыгнули в темную щель окопов, зигзагами уходившую в темноту, разошлись в разные стороны.

— Надо пошарить по землянкам, жратва может осталась. — нерешительно предложил Валету товарищ.

— Пойдем.

— Ты — вправо, я — влево. Пока наши подойдут мы проверим.

Валет чиркая спичку шагнул в раскрытую дверь первой землянки, вылетел оттуда, будто кинутый пружиной, — в землянке крест-накрест лежали два трупа. Он в безрезультатных поисках пролез три землянки, пинком растворил дверь четвертой и едва не упал от чужого металлического оклика².

¹ Справа проставлен знак «х» синим карандашом, продублированный на левом поле; возле знака на левом поле — число «34».

² Далее следует пропуск реплики по-немецки, которой соответствует русский перевод под строкой со знаком сноски.

Осыпанный огненным жаром он молча отскочил назад¹.

— спросил немец [*показывая из зем*] шагнув из землянки и **ленивым** движением плеча поправляя накиннутую в напашку шинель.

— Руки! Руки подыми! Сдавайся!.. — хрипато крикнул Валет и присел, как по команде «к бою!».

Измученный до немоты немец медленно вытягивал руки, поворачивался боком, замороженными глазами глядя на **остро** сверкающее [*рябью*] жало направленного на него штыка. Шинель упала у него с плеч, под мышками [*остро*] морщился рябью однобортный серо-зеленый сюртук, поднятые вверх **большие рабочие** руки тряслись и пальцы шевелились, словно перебирая невидимые клавиши страха. Валет стоял не меняя положения, оглядывая высокую плотную фигуру немца, металлические пуговицы сюртука, короткие шивные по бокам сапоги, бескозырку надетую чуть набок. Потом он как-то сразу изменил положение, качнулся, как вытряхиваемый из своей нескладной шинели, издал странный горловой звук, — не то кашель, не то всхлип и шагнул к немцу.

— Беги. — сказал он пустым ломким голосом. — Беги, [*штоль*] **немец**. У меня к тебе злобы нету. Стрелять не буду.

Он [*при*] **прислонил к стене {окопа} винтовку** потянулся приподнимаясь на цыпочки и

^{x)} Кто это?

^{xx)} Это ты Отто? Почему ты так нескоро?||

<Л. 15>

27.

достал правую руку немца. Уверенные движения его покоряли [*немца*] **пленного**, он опустил руку чутко вслушиваясь в диковинные интонации вражеского голоса. Валет не колеблясь сунул ему свою черствую изрубцованную двадцатилетним трудом руку, пожал холодные **безвольные** пальцы немца и поднял ладонь: на нее маленькую и желтую [*ладонь*], испятнанную коричневыми бугорками **давнишних** мозолей, [*упал*] **упали** [*сиреневый*] **сиреневые** [*свет*] лепестки ущербленного месяца.

— Я — рабочий. — говорил Валет, дрожа от своей улыбки, как от озноба, — За что я тебя [*убь*] буду убивать? Беги! — и он легонько толкал немца **правой рукой** в плечо, [*и*] указывал на [*хмурую*] **черную** вязь леса. — Беги, дурной, а то наши скоро...

Немец все смотрел на откинутую руку Валета, смотрел остро **напрягаясь** чуть наклонившись вперед, разгадывая за непонятными словами их затаенный смысл, так длилось пару секунд, глаза его встретились с глазами Валета и взгляд немца **вдруг** дрогнул радостной улыбкой. Отступив шаг назад он широким жес-

¹ Далее следует пропуск реплики по-немецки, которой соответствует русский перевод под строкой со знаком сноски.

том выкинул вперед руки, [и] крепко стиснул руки Валета¹, затряс их, сверкая взволнованной улыбкой, нагинаясь и засматривая Валету в глаза².

В вскипающем потоке чуждых по языку слов Валет уловил одно знакомое, вопрошающее «социаль-демократ?» — и желтая ладонь его взметнулась, упала на грудь.

Ну, да, я — социал-демократ. Разжевал, чудак? А ты беги... Прощай, браток! Лапу-то дай! Мы ведь родня по труду, по крови родня, а с родными так-то не прощаются.

Потрясенные, [они] чутьем [понятые] **понявшие** друг друга³, они [жали] спаяли в рукопожатьи руки, смотрели в глаза, — недавние враги, теперь союзники — высокий статный баварец и маленький русский солдат. По лесу зачмокали шаги подходившей цепи, [и] баварец шепнул⁴:

— и большим серым зверем вспрыгнул на бруствер.

Цепь подошла. Впереди [шла] **двигалась** команда чешских разведчиков со своим офицером. Они чуть не застрелили вылазившего из землянки солдата, который вместе с Валетом шарил там в поисках съестного.

— Свой, е... м...! Не видишь, в рот те, в душу!.. — испуганно вскрикнул тот, увидя направленный на него черный глазок винтовочного дула.

— Свои тут. — повторил он прижимая к груди, как ребенка, черную буханку хлеба и сумочку крупы.

^{х)} «— Ты меня отпускаешь?.. О, теперь я понял! Ты — русский рабочий? Социал-демократ, как и я? Да?.. О! О! Это — как во сне... Мой брат, как я могу забыть?.. Я не нахожу слов... Но ты — чудесный и храбрый парень... Я...»

^{хх)} «В грядущих классовых битвах мы будем [на] в [одной] **одних** окопах. Не правда ли, товарищ?»||

<Л. 15 об>

28.

Унтер опознав Валета перепрыгнул через окоп и с усердием толкнул его в спину прикладом.

— Изуродую!.. Ты где был?

Валет шел размякший, обессиливший, даже удар не произвел на него должного воздействия. Качнувшись он поразил унтера не свойственным ему добродушным ответом:

— Вперед шел. А ты не дерись.

¹ После слова «Валета» синим карандашом проставлена круглая скобка; на левом поле написано: «до от-меч.»

² Далее следует пропуск реплики по-немецки, которой соответствует русский перевод под строкой со знаком сноски.

³ ППС: «[понятые] **понявшие** друг друга чутьем».

⁴ Далее следует пропуск реплики по-немецки, которой соответствует русский перевод под строкой со знаком сноски.

— А ты не болтайся собачьим хвостом! То он отстанет, то вперед уходит, службу не знаешь? Первый год, что-ли? — помолчав спросил: — Табачок есть?

— Помятый только.

— Тряхни.

Унтер закурил и отошел к концу взвода.

Уже перед рассветом чехи-разведчики в упор напоролись на немецкий наблюдательный пост. Немцы раскололи тишину залпом. С ровными промежутками дали еще два залпа. Над окопами взвилась красная ракета, зазвучали голоса, не успели затихнуть в воздухе багряные искры ракеты, как [откуда-то с] со стороны немцев начался артиллерийский обстрел.

— Бум! Бум! — и догоняя первые гулкие удары еще два: Бум! Бум!

[Через головы солдат первой полуроты (цепь шла на сорок сажен сзади разведчиков и после первого-же залпа залегла),]

«Клѣ-клѣ-клѣ-клѣ-вззииии» — захохотали с нарастающей силой снаряды, как буравом высверливая воздух, с скрежетом проносясь над головами солдат первой полуроты; мгновение тишины и далеко, возле переправы через Стоход облегчающий гул разрывов: «Бах! Бах!»

Цепь, шедшая в сороках саженях [от] сзади чехов-разведчиков, после первого-же залпа залегла. Ракета вскинула алое зарево, при свете его Валет видел, как солдаты муравьями ползли меж кустов и деревьев, уже не брезгуя грязной землей, а прижимаясь к ней, ища защиты. Люди копошились у каждой рытвинки, никли под каждой крохотной складкой земной коры, совали головы в каждую ямку; и все-же, когда майским [дождем] ливнем буйно брызнул и затоптал по лесу стрекочущий пулеметный огонь, — не выдержали: ползли назад до предела втягивая головы в плечи, гусеницами влипали в землю, передвигались [ползком], не сгиная ни рук, ни ног, ползли по змеиному, влача за собою по грязи след... Некоторые вскакивали и бежали. По лесу осекая хвою, щепя сосны, с гадючьим шипом зарываясь в землю скакали и чмокая рвались разрывные пули.

Семнадцать человек недосчитались в первой полуроте, когда вернулись ко второй линии окопов. Неподалеку перестраивались казаки особой сотни. Они шли правее первой полуроты, шли осторожно и возможно застали-бы немцев врасплох, предварительно сняв [наблюдателя] часовых, но когда по чехам-разведчикам дали залп — немцы встревожились на всем участке. Бесцельно стреляя [они] [насмерть сразили] убили двух казаков, [и] одного ранили. Казаки принесли с собой раненого и убитых, выстраиваясь переговаривались:||

<Л. 16>

— Похоронить надо своих.

— Без нас похоронят.

— Тут об живых надо думать, а мертвякам мало надо.

Из штаба полка через полчаса был получен приказ «После артиллерийской подготовки приказываю баталиону совместно с особой казачьей сотней [должен] атаковать противника и выбить его из первой линии окопов».

Жиденькая подготовка длилась до 12 дня. Казаки и солдаты выставив [сторожевые охране] посты отдыхали в землянках. В полдень пошли в атаку. Левее на главном участке громыхала канонада, там наступали вновь.

На самом конце правого фланга были забайкальские казаки, левее Чернорязский полк с особой казачьей сотней, за ними Фанагорийский гренадерский полк, дальше Чембарский, Бугульминский, 208 пехотный, 211 пехотный, Павлоградский, Венгровский, полки 53 дивизии развивали наступление в центре, весь левый фланг охватывала 2 Туркестанская стрелковая дивизия. Гремело на всем участке, [наступа] русские наступали повсюду.

Сотня шла негустой цепью. Левое крыло ее смыкалось с правым чернорязцев. Едва лишь показался серый хребет бруствера немцы открыли ураганный огонь. Сотня [перебежала] **перебегала** без крика; залегали, опорожняли магазинные коробки винтовок и вновь бежали. Окончательно легли в пятидесяти шагах от окопов. Стреляли не поднимая головы. Немцы выбросили по всей линии окопов рогатки с сетчатой проволокой. Две гранаты кинутые Афонькой Озеровым разорвались отскочив от сетки. Он чуть приподнялся, хотел метнуть третью, но пуля вошла ему ниже левого плеча, вышла у заднего прохода. Иван Алексеевич, лежавший неподалеку, видел, как Афонька мелко засучил ногами и затих. Убили Прохора Шамиля — брата безрукого Алешки; третьим лег бывший атаман Маныщков и сейчас-же подцепила пуля [пуля] колченогого чубатого соседа Шамилей Евлантия Калинина. Из второго взвода за полчаса выбыло [двенадцать] **восемь** человек. Убили есаула — командира сотни, двух взводных офицеров и сотня без команды отползла назад. Очутившись вне действий огня казаки стеклись кучкой, не досчитались половины людей. Отошли и чернорязцы. В первом батальоне урон был еще значительней, но не глядя на это из штаба полка приказ: «Атаку немедленно возобновить, во что-бы то нистало выбить противника из первой линии окопов. От успеха [зависит] восстановления исходного положения зависит конечный успех операции по всей линии».

Сотня рассыпалась реденькой цепью. Пошли опять. Под сокрушительным огнем немцев залегли в ста шагах от окопов. [И] Опять стали [таяли] **таять** кадры [част] [русс] частей и обезумевшие люди вrostали в землю, лежали не поднимая головы, не двигаясь, опоенные ужасом смерти.

Перед вечером вторая полурота чернорязцев дрогнула и побежала. Крик «обошли!» донесло до казаков.}}

<Л. 16 об.>

30.

Поднялись, [лома] **катились назад** ломая кустарник, падая, [вновь вставая бежали] [гибли под] [с перекошенными] **теряя оружие**. Выбежав на безопасное место Иван Алексеевич упал под сломленной снарядом сосной, отдышался и тут увидел подходившего к нему Гаврила Лиховидова. Шел он пьяно кидая ногами, [скосив] **уронив** глаза, как бешенное животное, что-то хватал в воздухе рукой, другой **словно** смахивал с лица невидимую паутину. При нем не было ни винтовки, ни шашки, [на] **над** [глаза] **глазами** низко свисали прямые, мокрые от пота темно русые волосы. [Он] околесив прогалину **он** подошел к Ивану Алексее-

вичу. Стал, [мелко] вонзив косою [неуловимый] неуловимо-плывущий взгляд в землю. Ноги его в коленях мелко дрожали, подгибались и Ивану Алексеевичу казалось, что Лиховидов приседает [будто] **будто** для того, что-бы взлететь.

— Вот... [вот] [оно] видишь как... — начал он [глухо] **пытаясь что-то сказать**, но лицо Лиховидова [пронзила] **пронизала** судорога. [улыбка]

— Стой! — вскричал он и присел на корточки, топыря пальцы, испуганно оглядываясь. — Слухай, я зараз песню заиграю. [и улыбнулся одним ртом] Прилетела господня пташка к сове, гутарит:

Скажи моя совушка, скажи, Купреяновна,
 Кто-ж тебя больше, кто-ж тебя старше?
 Вот орел государь,
 Вот и коршун майор.
 Вот и лунь есаул.
 И витютени уральцы,
 А голуби атаманцы.
 Клиндухи — линейцы.
 Скворцы — калмыки.
 Галки — цыганки
 Сороки — дворянки
 Сера уточка — пехота
 А казарки — молдаванки...

— Погоди! — побледнел Иван Алексеевич. — Лиховидов, да штой-то ты?!.. Ты захворал? А?

— Не мешай! — [подпрыгнул] **побагровел** тот и вновь вытягивая голубые губы в бессмысленную улыбку, тем-же [невучим] **жутким** речетативом продолжал:

А казарки — молдаванки.
 Дудаки — дураки
 Кваки — забяки.
 Вот грачи — антилерия.
 Вороны — волохи,
 Рыбники — скрипники...

Иван Алексеевич вскочил [и взял под] [под руку]

— Пойдем, пойдем к своим. А то немцы заберут нас! **Слышишь?**

Вырывая руку, торопясь, роняя с губ [комочки] **теплую** [слюны] **слюну** Лиховидов продолжал выкрикивать:

Солвушки — музыканты,
 Касатушки — великанты,
 Чернопуз — голопуз.
 Синичка — сборщик,
 Воробей — десятник.

И неожиданно оборвав голос запел тягуче, хрипло. Не песня, а [рвущийся] **волчий нарастающий вой** валом выползал из его||

<Л. 17>

31.

[широко оск] [по-волчьи] оскаленного рта. На острых клыковатых зубах [мо] переливалась **перламутром** слюна. Иван Алексеевич с ужасом смотрел [на] в безумно-раскосые глаза недавнего товарища, на голову его с плотно прилеглими волосами и восковым слепком ушей. Уже с каким-то ожесточением [выл] Лиховидов выл:

Вот гремит слава трубой.
Мы за Дунаем рекой.
Турк-салтана победили,
Христиан освободили.
Мы по горочкам летали,
На подобье саранчи,
Из берданочков стреляли,
Всё донские казачки.
Как курей ваших, индюшек,
Перведем всех до пера.
А детей ваших, марушек,
Заберем всех во пленá.

— [Прохор] Мартин! Мартин, поди ко мне! — закричал Иван Алексеевич, увидя ковылявшего **по прогалине** Мартина Шамиля. Тот, опираясь на винтовку, подошел.

— Помоги мне ево [вот] отвесть. Видишь? — указал Иван Алексеевич глазами на [подвывавшего] сумасшедшего — Дошел до краю. Кровь в голову кинулась.

[Они] Шамиль перевязал раненую ногу рукавом, оторванным от исподней рубахи, [и захватив] **не глядя на Лиховидова** взял его под руку с одной стороны, Иван Алексеевич — с другой. Пошли.

Мы по горочкам летали
Наподобье саранчи. — уже тише [орал] вскрикивал Лиховидов. Шамиль болезненно морщась упрашивал его:

— Брось [выть], ты, шуметь! Брось, ради Христа. Ты теперя отлетался во взят. Брось!

Как курей, ваших индюшек
Перведем всех до пера...

Сумасшедший [шел] [вырываясь] **вырывался** из рук казаков, петь не переставал, и лишь изредка стискивал ладонями виски, скрипел зубами и **дрожа отвисшей челюстью** кособочил голову, [тронутую] **опаленную** горячим дыханием безумия.

4.

Верст на сорок ниже по Стоходу шли бои. Две недели неумолчно стонал сплошной орудийный гул, по ночам далекое фиолетовое небо кромсали отсветы прожекторных лучей, они сияли радужно-тусклыми зарницами, перемигивались,

[вносили некое смятение] заражали необъяснимой тревогой тех, кто отсюда наблюдал за [вспышками за] вспышками и заревами войны. На участке болотистом и диком разместился 12 казачий полк. Днем изредка постреливали по перебежавшим в неглубоких окопах австрийцам, ночью, защищенные болотом, спали или [сидели в] играли в карты; [лишь] одни часовые наблюдали за оранжевыми жуткими всплесками света там, где шли бои, верст на||

<Л. 17 об.>

32.

сорок ниже по Стоходу.

В [один] одну из [ясных] хрустких морозных ночей, когда [1 слово нрзб.] [далеких] далекие [отсветов] отсветы особенно ярко [цветили] [расцветивали] мережили небо, Григорий Мелехов вышел из землянки, по ходу сообщения [отошел] [прошел] пробрался в лес, [стоявший] торчавший сзади окопов седой щетиной на черном черепе невысокого холма, и прилег на [влажной] [чер] просторной духовитой земле. В землянке было накурено, [душно] смрадно, бурый табачный дым бахромчатой скатертью висел над столиком, за которым человек восемь казаков резались в карты, а в лесу — на вершине холма — [было пасмурно, тихо, влажный воздух холодил тело, забирался под шинель] наплывает ветерок, тихий, как от крыльев пролетающей невидимой птицы, неизъяснимо-грустный запах излучают умерщвленные заморозками травы. Над лесом, [изуродованным] уродливо остриженным снарядами, [серела] копится темнота, [дотлевала] дотлевают [в] на небе дымный костер Стожаров, Большая Медведица [лежала] лежит сбоку Млечного Пути, как [разломанная] опрокинутая повозка с косо вздыбленным дышлом, лишь на севере ровным мерцающим светом [истекала] истекает Полярная звезда.

Григорий шурясь глядел на нее, [ему казалось что не звезда] и от ледяного [эт] света звезды, неяркого, но остро коловшего глаза, под ресницами [его] выступали такие-же холодные слезы.

Для него [пришел] наступил такой момент, когда [кажет] [является] в сознании нарастет необходимость — [глянуть] оглянуться через плечо на пройденную пугину и проследить неровные ее извивы. Лежа здесь на холме Он почему-то вспомнил ту ночь, когда с хутора Нижне-Яблоновского шел в Ягодное, к Аксинье; с режущей болью вспомнил и ее. Память вылепила Неясные, стертые временем бесконечно дорогие [и] и чуждые [теперь линии лица] линии лица. С внезапно забившимся сердцем он попытался восстановить его таким, каким видел в последний раз, искаженным от боли, с багровым следом кнута на щеке [от полосанувшего кнута], но память упрямо подсовывала другое лицо, [в с] чуть склоненое набок, [любовно] победно улыбающееся... [с черными] Вот она поворачивает голову, [на смуглой точеной шее] озорно и любовно, изподнизу [бьет] разит взглядом [черных] огнисто черных глаз, что-то несказанно ласковое, горячее шепчут порочно-жадные [красные] [малиновые] {красные} губы и медленно отводит [голову,] взгляд, отворачивается, на смуглой шее два крупных пушистых завитка, их так любил целовать [Григорий] он когда-то... [Гри] [Гр]

Григорий вздрагивает, ему кажется, что он на секунду ощутил дурнопахнущий [тяжкий] тончайший аромат Аксиньных волос, он весь изогнувшись раздувает ноздри, но нет, это волнующий запах слежалой листвы. Меркнет, расплывается овал Аксиньиного лица, Григорий закрывает глаза, кладет ладони на шероховатую кожу земли и долго не мигая глядит [не мигая], как [цветет] за поломанной сосной, на окраине неба голубой [ночной] нарядной бабочкой трепещет в недвижном полете Полярная звезда.||

<Л. 18>

33.

Отдельные куски несвязных воспоминаний затемняли образ Аксиньи. Он вспомнил те недели, которые провел на хуторе Татарском в семье¹, после разрыва с Аксиньей; по ночам жадные опустошающие ласки Натальи, словно старавшейся [искупить] вознаградить за свою прежнюю девическую холодность, днями — внимательное почти заискивающее отношение семьи, почет, с которым встречали хуторные первого Георгиевского кавалера. Григорий всюду, даже в семье, ловил боковые изумленно-почтительные взгляды, [на] его разглядывали так как будто неверили, что он — тот самый Григорий, некогда [своенравный] своевольный, но веселый парень. С ним, как с равным, беседовали на майдане старики, при встрече [сни] на его поклон снимали шапки, девки и бабы с нескрываемым восхищением разглядывали бравую [его] чуть сутуловатую [его] фигуру в шинели с приколотым на полосатой ленточке крестом. [Тонкий яд лести] Он видел, что Пантелей Прокофьевич явно гордился им, шагая рядом в церковь, или на плац; и весь этот сложный тонкий яд лести, почтительности, восхищения постепенно губил вытравлял из сознания семена той правды, [которую] которые посеял в нем [кос] Гаранжа. Пришел [из] с фронта Григорий одним человеком, а ушел другим. Свое, казачье, национальное, [выращ] всосанное с материнским молоком, кохаемое на протяжении всей жизни — взяло верх над большой человеческой правдой.

— Я знал, Гришка, — подвыпив на прощанье говорил Пантелей Прокофьевич и волнуясь гладил [волосы] [се] [че] серебро с чернью волос. — Знал давно што из тебя добрый казак выйдет. Год от рождения тебе сравнялся, и по [нашему] давнишнему казачьему² обычаю вынес я тебя на баз, — помнишь старуха? — и посадил верхом на коня. А ты, сукин сын, цап ево за гриву рученками... Тогда ишо смекнул я, што долже́н из тебя толк выйтить, и вышел!

Добрый казаком ушел на фронт Григорий. [и] Не мирясь в душе с бессмыслицей войны он [с] честно берег свою казачью славу...

1915 год. Май. Под деревней Ольховчик [на] по ярко-[зеленом] зеленой ряднине луга наступает в пешем строю 13 немецкий Железный полк. Цикадами звенят пулеметы. [Особенно] [четко] Тяжеловесно стрекочет станковый пулемет залегшей над [лозня] речкой русской роты 12 казачий полк принимает бой. Григорий перебегает в цепи вместе с казаками своей сотни и оглядываясь видит

¹ ППС: «в семье на хуторе Татарском».

² ППС: «казачьему давнишнему».

расплавленный диск солнца на полуденном небе и другой такой-же в речной заводи, [опушенной лозой] опушенной желто барашковой лозой. За речкой, за полями скрываются коноводы, а впереди немецкая цепь, [на] желтый глянec медных орлов на касках; ветер шевелит [по] сизый полынный дымок выстрелов. Григорий не спеша стреляет, целится тщательно и [увидев] между двумя выстрелами, прислушиваясь к взводному, выкрикивающему прицел, успевает [тихонько] осторожно ссадить выползшую на рукав его гимнастерки рябую божью коровку.||

<Л. 18 об.>

34.

Потом атака... Григорий [прикладом] окованным прикладом валит с ног высокого немецкого лейтенанта, берет в плен трех немецких солдат и, стреляя над их головами вверх, заставляет их **рысью** бежать к речке [рысью]. [Не за это]

Под Равой Русской со взводом казаков в июле 1915 года отбивает [русскую] **казачью** батарею, захваченную австрийцами. Там-же, во время боя зашел в тыл противнику [и] открыл огонь из ручного пулемета¹, обратив наступавших австрийцев в бегство.

Пройдя Баянец в стычке он взял в плен толстого австрийского офицера. Как барана взвалил его поперек седла, скакал все время ощущая противный запах людского кала, исходившего от офицера, и дрожь его полного, мокрого от страха тела.

И особенно выпукло вспоминал Григорий, лежа на черной плешине холма, случай столкнувший его с лютым врагом — Степаном Астаховым. **Это было когда 12** Полк сняли с фронта и кинули в Восточную Пруссию. Казачьи кони копытили аккуратные немецкие поля, казаки жгли [нем] немецкие жилища. По пути **пройденному** [за ними] ими, стлался рудый дым и дотлевали обугленные **развалины** [стены] стен и черепичные потрескавшиеся крыши. Под городом Столыпинном полк шел в наступление вместе с 27 [казач] Донским казачьим полком. Григорий мельком видел похудевшего брата, чисто выбритого Степана и других казаков-однохуторянцев. В бою полки понесли поражение. Немцы окружили их, и когда **12** [сотни] сотен одна за одной устремились в атаку, с целью прорвать [кольцо] сомкнувшееся вражеское кольцо, Григорий увидел, как Степан спрыгнул с убитого под ним **вороного** коня и закружился волчком. Григорий, обожженный внезапной и радостной решимостью, **с трудом** удержал коня и когда **последняя** сотня, едва не растоптав Степана, промчалась мимо него, он подскакал к [Степану] **нему, крикнул:**

— [Держись] **Хватайся** за стремя! [— крикнул он ему.]

Степан сжал ремень стремя в руке и с полверсты бежал рядом с конем Григория.

— Не скачи шибко! Не скачи, ради Иисуса Христа! — просил он задыхаясь, зевая раскрытым ртом.

¹ ППС: «из ручного пулемета открыл огонь».

Прорыв они миновали благополучно. До леса, где спешивались [ускакавши] вырвавшиеся сотни, оставалось не больше ста сажен, но тут пуля хлестнула Степана по ноге и он, оторвавшись от стремя, упал **навзничь**. Ветер сорвал с Григория фуражку, кинул на глаза чуб. Он отбросил волосы, оглянулся: Степан хромая подбежал к кусту, швырнул в него||

<Л. 19>

35.

казачью фуражку, сел торопливо стягивая алевшие лампасами шаровары. [И Гри] [В да] Из под бугра перебежали звенья немецкой цепи. И Григорий понял: хочет Степан жить, до того рвет с себя казачьи шаровары, что-бы сойти за солдата, а казаков не брали тогда немцы в плен... Подчиняясь сердцу Григорий крутнул коня и подскакал к кусту, на ходу прыгнул.

— Садись!.. [в]

Не забыть Григорию [Степанова] короткий [взгляд] **взмах** [Степана] **Степановых глаз**... Помог ему сесть в седло [и теперь] сам бежал держась за стремя, рядом с облитым потом конем¹. [«[Фьююю] **Цьююуу...**» — *цедился свист пули*] «Цьююуу...» — цедила горячий свист пуля и вылетая из слуха рвала его — «юууть!...» Над головой Григория, над меловым лицом Степана, по бокам — этот низущий, сверлящий [посвист] **высвист** «Цьюуу-уть!», «Цьюуу-уть!», а сзади хлопки выстрелов, как треск [пр] перезревших стрючков акации: «Пук-пак! Пук-пак! Та-тах-ах-ах!» В лесу Степан слез с седла, кривясь от боли **кинул поводья**, [отошел] **похромал** в сторону. Через голенище левого сапога текла кровь, и при каждом шаге [его] **когда наступал на раненую ногу** из под отставшей подошвы била цевкой **вишнево-красная тонкая струя**. Степан прислонился к стволу разлапистого дуба, поманил Григория пальцем. Тот подошел.

— Пóлон сапог натекло крови. — сказал Степан. Григорий молчал, глядел в сторону.

— Гришка... как шли мы ныне в наступление... Слышишь, Григорий? — заговорил Степан ища ввалившимися глазами глаза Григория. — [Когда] **Как** шли, я сзади [два] до трех раз в тебя стрелял... Не привел бог [тебя] убить.

[Взгляд Г] Они столкнулись глазами. Из запавших глазниц нестерпимо блеснул остро-отточенный взгляд Степана. [цеди] Он говорил почти не расжимая стиснутых зубов.

— Ты меня от смерти отвел... Спасибо... А за Аксинью не могу простить. Душа не налегает... Ты меня не неволь, Григорий...

— Я не неволю. — ответил тогда Григорий.

Они разошлись попрежнему непримиренные...

И еще: во мае полк, вместе с остальными частями Брусиловской армии прорвал у Луцка фронт, каруселил в тылу, бил и [сам] принимал удары. Под Львовом [Г] Григорий самовольно увлек сотню в атаку и [взял в плен гауб] **отбил австрийскую гаубичную батарею** вместе с прислугой. Через месяц **ночью как-то**

¹ ППС: «рядом с облитым потом конем, держась за стремя».

плыл через Буг за «языком». Сбил с ног стоявшего на посту часового и он здоровый||

<Л. 19 об.>

36.

коренастый немец долго кружил [на себе] повисшего на нем полуголового Григория, порывался кричать и никак не хотел, что-бы его связали.

Улыбаясь вспомнил Григорий этот случай...

Мало-ли таких дней рассорило время по полям недавних и давнишних боев? Крепко [Григорий] берег Григорий казачью честь, [оттого-то] ловил случай выказать беззаветную храбрость, рисковал, сумасбродничал, ходил переодетым в тыл австрийцам, снимал без крови заставы, джигитовал казак и чувствовал, что ушла безвозвратно та боль по человеку, которая давила его в первые дни войны. [Иным стало сердце, о] Огрубело сердце зачерствело, [словно] будто солончак в засуху; и как солончак не питает воду, так и сердце Григория не стало [питало] питать жалости. С холодным презрением играл он чужой и своей жизнью, оттого прослыл храбрым Четыре георгиевских креста и четыре медали выслужил [Григорий]. На [парадах] редких парадах стоял у полкового знамени, оваянного пороховым дымом многих войн, но знал, что больше не засмеяться ему, как [раньше] прежде; знал, что ввалились у него глаза и [уши] остро торчали [уши] скулы; знал, что трудно ему, целуя ребенка, открыто глянуть [ему] в ясные глаза; знал Григорий какой ценой заплатил за полный бант [Георг] крестов и производства. [в вахмистра.]

Он лежал на холме, подвернув под [бока] бок полу шинели, опираясь на локоть левой руки. [На лбу] Память услужливо воскрешала¹ [кусочки виденного,] [пережитого] пережитое, и в скупые отрывочные воспоминания войны тонкой голубой прядью вплетался какой-нибудь [давнишний] далекий случай из детства. На минуту он с любовью и грустью останавливал на нем мысленный взгляд, потом снова переходил к недавнему. В австрийских окопах кто-то мастерски играл на мандолине. Тоненькие, колеблемые ветром звуки спешили оттуда, [и] перебираясь через Стоход легко [бежали] семенили над землей, многократно политой людской кровью. В зените [жестче] пламенной горели звезды, плотнела темь и уже [ви] [вставал] горбатился над болотом полуночный туман. Григорий выкурил две цыгарки подряд, с грубоватой лаской [погладил] откинул ремень винтовки, опираясь на пальцы левой руки приподнялся с гостеприимной земли, [и] побрел [в] к окопам.

В землянке все еще играли в карты. Григорий упал на нары, хотел еще [востановить] блуждать в [памяти] воспоминаниях по исхоженным, заросшим давностью тропам, но сон опьянил его; он уснул в той неловкой позе, которую принял лежа и во сне видел бескрайнюю, выжженную [солнцем] суховеем степь, [лиловые] розовато-лиловые заросли бессмертника, меж чубатым сиреневым чеборцом следы некованых конских копыт...||

¹ ППС: «Услужливо воскрешала память».

<Л. 20>

37.

Степь была пустынна, ужасающе тиха. Он — Григорий — шел по твердой супесной почве, но шагов своих не слышал и от этого подступал страх... Проснувшись и приподняв голову, с косыми [следами] [рубцов] рубцами на щеках от неловкого сна, Григорий долго жевал губами, как лошадь, на минуту ощутившая и утратившая необыкновенный аромат какой-либо травки, [пот] После — [уснул тяжко,] спал непросыпно, без снов.

[Через] На другой день Григорий [проснулся с сосущей] встал с какой-то необъяснимой сосущей тоской.

— Ты чево постный ныне? Станицу во сне видал? — спросил его Чубатый.

— [Понимаешь] Угадал, степь приснилась. Так замутило на душе... Дома побывал-бы. Осточертела [во] царева службица.

Чубатый снисходительно посмеивался. Он жил все время в одной землянке с Григорием относился к [Григорию] нему с [той] тем [почтительностью] уважением, [которую] которое сильный зверь внушает сильному, со времени первой ссоры в 1914 году между ними не было стычек, и влияние Чубатого явно сказывалось на характере и психике Григория. Мировоззрение Чубатого сильно [изменилось] изменила [с] война. Он [по-новому] туго, но неуклонно катился к отрицанию войны, подолгу говорил об измен<ни>ках-генералах и германцах, засевших [при] в ц<ар>ском дворце. Раз как-то обмолвился фраз<ой> «Добра не жди, коль сама царица германских кровей. В подходящий раз она нас за [медный гривенник] один чох может продать...» Однажды Григорий высказал ему суть Гаранжевского учения, но Чубатый отнесся к этому отрицательно.

— Песня-то хорошая, да голос хриповат, — говорил он насмешливо улыбаясь, шлепая себя по [лилов] сизой лысине. — Об этом Мишка Кошевой, как кочет с плетня, трубит. Толку-то нету от этих революций, баловство одно. Ты пойми то, што нам — казакам нужна своя власть, а не иная. Нам нужен твердый царь, на подобие Миколай Миколаича, а с [мужикам] мужиками [с] [нами] нам не по дороге, гусь свинье не товарищ. Мужики землю нороят оттягать, рабочий жалованье себе желает прибавить, а нам чево дадут? Земли у нас — ого! А окромя чево надо? То-то и ба, што пустая торба. Царек-то у нас хреновый, нечево греха таить, папаша ихний был потверже, а этот достукается, што възиграет, как в пятом годе, революция и к едрене-матрене пойдет все колесом с горы. Нам это не на руку. Коль, недай бог, прогонют царя, то и до нас доберутся, тут старую злобу прикинут, а тут земли наши зачнут мужикам нарезать. Ухи надо остро держать...

— Ты завсегда одним боком думаешь. — хмурился Григорий.||

<Л. 20 об.>

38.

— [Я правильно думаю.] Пустое гутаришь. Ты молодой ишо, необъезженный... А вот погоди, умылят тебя дюжей — тогда узнаешь на чьей делянке правда.

[На этом] [В этот о] На этом обычно разговоры кончались. Григорий умолкал, а Чубатый старался [заговаривать] **заговорить** о чем-либо постороннем.

В этот день случай втянул Григория в неприятную историю. В полдень, как всегда, с той стороны холма остановилась подъехавшая полевая кухня [и] [Взводы поочередно [шли] **пошли по ходам сообщения [за пищей] к кухне. По наряду пришлось [для] от третьего взвода ходил**] К ней по ходам сообщения [потекли взводы] обгоняя друг-друга заторопились казаки. Для третьего взвода за пищей ходил Мишка Кошевой. На длинной палке он принес снизу дымящихся котелков и едва лишь вошел в землянку крикнул:

— Так нельзя, братушки! Што-ж это, аль мы собаки?

— Ты об чем? — спросил Чубатый.

— Дохлиной нас кормят! — Возмущенно крикнул Кошевой. Он [потряс [золотистым] головой], кивком откинул назад [чу] золотистый чуб, [заплетавшийся дикой] похожий на заплетенную гроздь дикого хмеля, и ставя на нары котелки, кося на Чубатого глазом предложил: — Понюхай, чем щи воняют.

Чубатый нагнувшись над своим котелком ворочал ноздрями, кривился, и [так-же] **невольнo подражая ему [ворочал] так-же двигал** ноздрями, морщил тусклое лицо Кошевой.

— Вонючее мясо. — решил Чубатый. Он брезгливо отставил котелок, глянул на Григория. Тот рывком поднялся с нар, сгорбатил и без того вислый нос над щами, откинулся назад и ленивым движением ноги сбил передний котелок на землю.

— На што так-то? — нерешительно проговорил Чубатый.

— А ты не видишь — на што? Глянь, аль ты подслепый? Это што? — указал Григорий на расползавшуюся [бурую] **под ногами** мутную жижу.

— Ого... Черви!.. Мама стара... А я и не видал... Вот так обед! Это не щи, а лапша — замест потрохов — с червями.

На полу возле сукровично-красного куска мяса, в кружочках жировых пятен [вяло п] лежали вяло распластавшись выварившиеся, белые [толстые] **пухлоколенчатые** черви.

— [Раз] Один, другой, третий, четвертый. — [зачем] **почему-то** шепотом считал Кошевой.

С минуту молчали. Григорий плевал сквозь зубы. Кошевой обнажил шашку, сказал:

— Зараз арестуем эти щи и к сотенному.

— Во! Дельно! — одобрил Чубатый.

Он засуетился, отвинчивая штык говорил:

— Мы будем гнать щи, а ты, Гришка, должен следом итить. Сотенному отпортуешь.||

<Л. 21>

39.

На штыке Чубатый и Мишка Кошевой несли полный котелок щей, [оголенные] шашки держали наголо. Сзади [шел] сопровождал их Григорий, а за ним

сплошной серо-[шинельной] **зеленой** волной двигались по **зигзагам** [траншее] **траншей** выбежавшие из землянок казаки.

— Што такое?

— Тревога?

— Может насчет мира, што?

— Какой там... мира тебе захотелось, **а сухаря не хошь?**

— Ши червивые арестовали.

У офицерской землянки Чубатый с Кошевым остановились, Григорий пригнанаясь, [и] придерживая левой рукой шапку шагнул в [зем] «лисью нору».

— Не напирай! — зло оскалился Чубатый, оглядываясь на толкнувшего его [сзади] казака.

Сотенный командир вышел застегивая шинель, недоумевающее и чуть встревожено оглядываясь на Григория, выходявшего из землянки последним.

— В чем дело, братцы? — заскользил командир глазами по головам казаков.

Григорий зашел ему на перед, ответил в общей тишине:

— Арестованного пригнали.

— Какого арестованного?

— А вот. — указал Григорий на котелок шей, стоявший у ног Чубатого. — Вот арестованный... Понюхайте чем ваших казаков кормят.

[Он] У него неровным треугольником изломалась бровь и мелко подрожав выпрямилась. Сотенный пытливо следил за выражением Григорьева лица, хмурясь перевел взгляд на котелок.

— Пáдлом зачали кормить! — **румянея** выкрикнул Мишка Кошевой.

— Каптера сменить!

— Гадюка! Мать ево...

— Зажрался дьявол!

— Он из бычиных почек ши лопает...

— А тут с червями! — подхватывали ближние.

Сотенный выждал пока сворачиваясь улегся гул голосов, сказал резко:

— Тишшше! Молчать теперь. Все сказано. Каптенармуса сегодня-же сменяю. Назначу комиссию для того что-бы обследовать его действия. Если недоброкачественное мясо...

— К суду его! — [громыхнул] **громыхнуло** [кто-то] сзади. Голос сотенного захлестнул новый вал вскриков.

Каптенармуса сменять пришлось в дороге. Через несколько часов после того, как взбунтовавшиеся казаки арестовали и пригнали к сотенному борщ, штаб 12 полка получил приказ сняться с позиций и по приложенному к приказу маршруту [двигаться] походным порядком двигаться в Румынию. Ночью [пол] казаков сменили сибирские стрелки. [полк]. В местечке Рыновичи полк разобрал лошадей и на утро [тр] форсированным маршем||

<Л. 21 об.>

пошел в Румынию.

На помощь румынам, терпевшим поражение за поражением, перебрасывались крупные войсковые соединения; это видно было уже по одному тому, что в первый-же день похода квартирьеры, высланные перед вечером в [мест] деревню, где по маршрутному расписанию была указана ночевка, вернулись ни с чем: деревня была до отказа [набита] забита пехотой и артиллерией, тоже передвигавшимися к румынской границе. Полк вынужден был сделать лишних восемь верст, что-бы обеспечить квартирыами.

Шли семнадцать дней. Лошади отошали [ко] от бескормицы, в разоренной войной прифронтовой полосе не было кормов; жители или бежали внутрь России, или скрывались в лесах; раскрытые халупы пасмурно чернели нагими стенами, редко на обезлюдевшей улице встречали казаки хмурого напуганного жителя, да и тот, завидя вооруженных, спешил скрыться. Казаки, разбитые непрерывным походом, назябшиеся и злые, за себя, за лошадей, за все, что приходилось терпеть раскрывали соломенные крыши построек; в [тех] деревнях, уцелевших от разгрома, не стеснялись воровать скудный кормишко, и ни какими угрозами со стороны командного состава нельзя было [их] удержать их от произвола и воровства. Уже неподалеку от румынской территории в какой-то зажиточной деревушке Чубатый ухитрился выкрасть из амбара с меру ячменя, хозяин поймал его с поличным, но Чубатый избил смиренного престарелого бессарабца, а ячмень унес-таки к коню. [Ког] Взводный офицер застал его у коновязи. Чубатый навесив торбу коню¹ ходил оглаживая дрожащими руками его запавшие масляковатые бока, [и] как человеку засматривал ему в глаза.

— Урюпин! Отдай ячмень! Сукин сын! [Ты что не знаешь, что за это следует] Тебя-же, мерзавца расстреляют за это!..

Чубатый [секунду смотрел] глянул на офицера [побелевшими расширенными глазами] дымящимся косым взглядом и хлопнув под ноги шапку разразился, в первый раз за свою бытность в полку, истошным криком:

— Судите! Расстреляйте!² Убей меня тут, а ячмень не отдам!.. Што мой конь с голоду должен сдыхать?.. А? Не дам ячмень! Зерна одново не дам!..

Он хватался то за голову, то за гриву жадно жевавшего коня, то за шашку... Офицер постоял [молча] молча, поглядел на чудовищно-оголенные конские кострецы [коня] и кивнув головою сказал:

— Что-ж ты горячему-то даешь зерно? — в голосе его явственно сквозила смущенность.

— Не, он остыл уж. — почти шепотом ответил Чубатый, собирая на ладонь упавшие из торбы зерна и вновь ссылая их туда-же.||

<Л. 22>

41.

В первых числах ноября полк был уже на позициях. Над Трансильванскими горами вились ветры, в ущельях бугрился морозный туман, крепко пахли сосновые леса, [охваченные] запаленные заморозками и на первом [сн] хрушком снегу

¹ ППС: «коню торбу».

² ППС: «Расстреляйте! Судите!»

в горах чаще [*и четче*] [*попадало*] **попадались** на глаза людям следы зверей: волки, лоси, дикие козы вспугнутые войной, покинувшие **дикие** урочища уходили вглубь страны.

7го ноября 12 полк штурмовал высоты 320. Накануне окопы занимали австрийцы, а в день штурма утром сменили их саксонцы. Только что переброшенные с французского фронта. [*Они*] Казаки в пешем строю шли по каменистым слегка запорошенным снегом склонам. Из-под ног осыпалась мерзлая крошка камня, курилась мелкая снежная пыль. Григорий шел рядом с Чубатым и виновато, небывало застенчиво улыбаясь говорил ему:

— Я штой-то ноне робею... Будто в первый раз иду наступать.

— Да ну?.. — [*удивился*] **дивился** Чубатый.

[*Чубатый*] Он нес свою отерханую винтовку **держа ее** за ремень, обсасывал с усов ледяные сосульки.

Казаки двигались в гору неровными цепями, шли без выстрела. Гребни вражеских окопов грозили молчанием. Там, за увалом [*красный от ветра*] у **немцев** лейтенант саксонец с [*лицом*] красным от ветра лицом и облупившимся носом [*громко*] [*задорно*] **откидываясь всем корпусом назад, улыбаясь** кричал {**задорно**} солдатам^{х)}:

Шли в штурм казачьи сотни. [*Осыпая*] **Сыпалась** из-под ног [*рыхлую*] **рыхлая** [*каменистую*] **каменистая** [*породу*] **порода**². Подтыкая концы порыжелого башлыка Григорий нервно улыбался. Впавшие щеки его, усеянные [*черной*] **черным** [*порослью*] **жнивьем** давно небритой бороды, и вислый нос отливали желтой синевой, из-под заиневших бровей тускло, как осколки [*каменного угля*] **антрацита** светили глаза.

[*Нынче, как никогда досель.*] Обычное спокойствие покинуло его. [*и*] Нынче, как никогда, [*рос в груди*] было [*обидно*] ему [*и*] страшно за себя, за людей. Хотелось кинуться на землю и плакать и **как матери** жалиться ей детским языком. Ломая в себе [*это*] внезапно вернувшееся проклятое чувство, осиливая слезы³

Он говорил Чубатому, [*глядя*] и **шурил неверный** взгляд на седой, притрушенный снежком гребень окопов:

— Молчат [*черти*]! Подпущают поближе. А я боюсь и не совестно мне... [*сознаюсь...*] Што ежли зараз повернуться и назад?

— Чево ты галдишь ноне? — раздраженно [*спрашивал*] **допытывался** Чубатый. — Тут, милый, как в картежной игре: не веришь себе — голову снимут. Ты из лица пожелтел, Гришка... Ты либо хворый, либо... **кóкнут** нынче тебя. Гля-ка! Видал?

Над окопами на секунду встал во весь рост

^{х)} **Друзья!** Мы били не раз синешенельников. Давайте-же покажем и этим, что зачит [*воевать*] **иметь дело** с нами. Больше выдержки! Не стреляйте пока!!

¹ Далее следует пропуск реплики по-немецки, которой соответствует русский перевод под строкой со знаком сноски.

² ППС: «[*Осыпая*] **Сыпалась** из-под ног [*рыхлую*] **рыхлая** [*каменистую*] **каменистая** [*породу*] **порода**. Шли в штурм казачьи сотни».

³ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

<Л. 22 об.>

42.

и вновь упал немец в короткой шинели и острошпийной каске.

Левее Григория красивый светлоусый казак Еланской станицы на ходу то снимал с правой руки перчатку, то [*опять*] надевал опять. Повторял это **движение** беспрерывно, торопливо шагая, **трудно** стигая ноги в коленях и преувеличенно громко покашливая. «Будто один [*он*] ночью идет, насильно кашляет, веселит себя». — подумал про него Григорий. За ним виднелась веснушчатая щека урядника Максаева, дальше **шагал** Емельян Грошев [*шагал*] твердо выставив винтовку с завернутым на сторону жалом штыка. Григорий вспомнил, что Емельян несколько дней назад на походе украл у румына мешок кукурузы, взломав вот этим штыком замок у чулана. Почти рядом с Максаевым шел Кошевой Мишка. Он жадно курил, [*и*] часто сморкался, вытирая пальцы о наружную сторону левой полы шинели.

— Пить хочу. — говорил Максаев.

— Мне, Емельян, сапоги тесные. Нету через них ходу! — жалился Мишка Кошевой. [*и*] Грошев прервал его озлобленно:

— Не об сапогах тут речь. Держись, зараз из пулемета немец [*помочится*] **полосканет**.

После первого-же залпа сбитый с ног пулей Григорий **охнув** упал¹. Он [*хотел*] **подумал** перевязать раненую руку, потянулся было к подсумку, где лежал бинт, но ощущение горячей крови, шибко [*струившейся*] **плескавшейся от локтя** внутри рукава, обессилило его. Он лег плашмя и пряча под камень **затяжелевшую** голову лизнул разом пересохшим языком пушистый завиток снега². Он жадно хватал **дрожщими** губами рассыпчатую снежную пыль, с небывалым страхом и дрожью вслушиваясь в сухое и резкое пощелкивание пуль и в всеобъемлющий грохот выстрелов. [*Он*] Приподняв голову он увидел, как казаки **его сотни** бежали под гору, скользя, падая, бесцельно стреляя назад и **вверх**. Ничем не объяснимый и неоправдываемый страх вскинул его на ноги и **так-же** заставил бежать вниз, туда к остро зубчатой прощве соснового леса, откуда полк развивал наступление. [*Он*] **Григорий** опередил Грошева Емельяна, [*сводивши*] увлекавшего за собой раненого взводного офицера. Грошев бегом сводил его по крутому склону [*а*] [*и*] сотник пьяно путал ногами и **редко** припадая к плечу Грошева блевал черными сгустками крови. Сотни лавиной катились к лесу. На серых [*уклонах*] скалах остались серые комочки убитых, раненые, которых не успели захватить, сползали сами. Вслед **горячо** мочили их пулеметы.

— У-у-у-ка-ка-ка-ка-ка!.. — рвался хлопьями сплошной поток выстрелов. Григорий опираясь на руку Мишки Кошевого входил в лес.||

¹ ППС: «Григорий **охнув** упал сбитый с ног пулей».

² ППС: «пушистый завиток снега разом пересохшим языком».

<Л. 23>

43.

На пологой площадке у леса рикошетили пули. На левом фланге у немцев дробно стукотел пулемет. Казалось будто по первому ломкому льду скачет вызваивая камень, пущенный сильной рукой.

— У-у-у-у-ка-ка-ка-ка!..

— Насыпали нам! — Словно радуясь выкрикнул Чубатый, прислоняясь к ржему животу сосны он лениво постреливал по перебегавшим над окопами немцам.

— Дураков учить надо! Учить! — вырывая у Григория руку, задыхаясь закричал Кошевой. — Сука народ! Хуже! Кровью весь изойдет, тогда поймет за што ево по голове гвоздют!

— Ты к чему это? — сощурился Чубатый.

— Умный сам поймет, а дураку... дураку што? ему силком не вдолбишь...

— Ты об присяге помнишь? Ты присягал, аль нет? — привязывался Чубатый.

Кошевой не отвечая припал на колени, трясущимися руками сгребал с земли снег, глотал его с жадностью, мелко дрожа, кашляя...

5.

Сбочь хутора Татарского, по небу, изморщинуному седой облачной рябью колесило осеннее солнце, там вверху тихий ветерок лишь слегка поталкивал тучи, сплавляя их на запад, а над хутором, над темно зеленой равниной Дона, над голым лесом бил он мощными струями, гнул вершины верб и тополей, взрыхлял Дон, гнал по улицам табуны рыжих листьев. На Христинином гумне взлохматился плохо свершенный скирд пшеничной соломы, ветер вгрызаясь подрыл ему вершину, свалил тонкую жердь и вдруг подхватив золотое беремя соломы, как на навильнике понес его над базом, завертел над улицей и щедро посыпав пустую дорогу кинул ошетиненный ворох на крышу Степана Астахова куреня. Христинина жена простоволосая выскочила на баз, зажимая коленями юбку поглядела, как ветер хозяйничает на гумне и опять ушла в сенцы.

Третий год войны заметно сказывался на хозяйстве хутора. Те дворы, где не осталось казаков, щерились раскрытыми сараями, обветшалыми базами, постепенное разрушение, как тлен, оставляло на них свои неприглядные следы. Христинина жена хозяйствовала с девятилетним сынишкой, Аникушкина баба [можно сказать] совсем не хозяйствовала, а по жалмерскому своему положению усиленно ухаживала за собой румянилась, наводила красоту и за недостатком взрослых казаков принимала ребятишек лет по четырнадцати и больше, о чем красноречиво свидетельствовали досчатые ворота в свое время обильно измазанные дегтем и досель хранившие бурые обличающие следы. Курень Степана Астахова пустовал, окна перед уходом забил хозяин досками, крыша местами ввалилась, поросла лопушатни-||

<Л. 23 об.>

44.

ком, на дверях ржавел замок, а в раскрытые ворота база, непролазно заросшего бурьяном и лебедой, заходила в любое время поблудная скотина, ища приюта от жары или непогоды. У Томилина Ивана падала на улицу стена хаты, держала ее врытая в землю рогатая подпорка, видно мстила лихому артиллеристу судьба за те немецкие и русские домики, которые разрушил он, по должности наводчика ставя на прицел и на удар.

И так по всем улицам и переулкам хутора. В нижнем конце лишь у Пантелея Прокофьевича по настоящему выглядел баз: все справно, целостно, но и то не во всем. На крыше амбара попадали от ветхости жестяные петухи, скосбочился амбар, некоторую бесхозяйственность мог заметить опытный глаз. До всего не доходили руки старика, посев уменьшался, а про остальное уж и говорить нечего; лишь семья Мелеховская¹ не уменьшилась числом, взамен Петра и Григория, таскавшихся по фронтам, вначале осени прошлого года родила Наталья двойню. Ухитрилась угодить свекрам, родив мальчика и девочку. Беременность Наталья переносила болезненно, иногда ей целыми днями нельзя было ходить из-за мучительных болей в ногах, двигалась приволакивая ногу, морщась, но боль переносила стойко, на смуглом, похудевшем и счастливым лице никогда она не отражалась. В минуты когда особенно сводило ноги, на висках у нее бисером проступал пот, лишь поэтому догадывалась Ильинишна, качая головой ругалась. — Ляжь ты, ока-ян-на-я! Што ты себя мордуешь?

В ясный сентябрьский день Наталья, почувствовав приближение родов, вышла на улицу.

— Ты куда это? — спросила свекровь.

— В займище, проведуя коров.

Наталья торопливо вышла за хутор, оглядываясь, стоная, придерживая руками низ живота забралась в густую заросль дикого терна и легла. Уже стемнело, когда она задами пробралась домой. В холщовой завеске принесла двойнят.

— Милушка моя! Проклятая! Што-ж ты это... Иде-ж ты была? — заголосила Ильинишна.

— Я от стыда ушла... Батю не смела... Я чистая, маманя, и их искупала... Возьмите... — бледнея оправдывалась Наталья.

Дуняшка кинулась за бабкой-повитухой. Дарья суетилась застывая решето, а Ильинишна смеясь и плача выкрикивала:

— Дашка! Брось ты решето! Котяты они, што-ли, што ты их в решето... Господи, ды двое их... ой, Господи, парнишка один... Натальюшка... Да, постелите ей!..

Пантелей Прокофьевич, услышав на базу о том что сноха разрешилась двойней, вначале руками развел, потом обрадованно потурсучив бороду, заплакал и ни с того ни с сего накричал на подоспевшую бабу-повитуху:

¹ ППС: «Мелеховская семья».

— Брешешь, канунница! — трес он перед носом старухи когтистым пальцем, — Брешешь! Ишо не зараз переведется мелеховская порода! Казака с девкой подарила сноха! Вот сноха, так сноха! Господи-божжа мой! За такую-то||

<Л. 24>

45.

милость чем я ей душеньке отхвитаю?

[вскрикивала:

[Госпо] Дашка! Брось ты решето! Котяты они што ли, што ты их в решето... Господи, ды двое их... Ой, господи, парнишка один... Натальюшка... Да, постелите ей!..]

Урожайный был тот год: корова отелила двойню, к Михайлову дню овцы окотили по двойне, козы... Пантелей Прокофьевич дивясь такому [сл] случаю сам с собою рассуждал:

— Счастливый **none** год, накладистый. Кругом двойтся. Теперича приплоду у нас, ого-го!

Наталья кормила детей грудью до года. В сентябре отняла их, но [до последнего времени не] [оставалась худой] не оправилась до глубокой осени¹, на похудевшем лице молочно блестели зубы, да теплым парным блеском светились, от худобы казавшиеся чрезмерно большими, глаза. [Вся] **Всю** жизнь [ее уходила] **вбивала** в детей, [он] стала неряшливей к себе, все время, свободное от работы по домашности, [убивала] **тратила** на них: мыла, стирала [пеленки], вязала, штопала и часто, примостившись [на] боком на кровати, **свесив ногу** брала из люльки двойнят и движением плечей высвобождая из просторной рубахи **туго** налитые, большие, бело-желтые, как дыни, груди кормила сразу обоих.

— Они тебя и так вытянули всю, часто джже кормишь. — шлепала Ильинична [ножонки внучат] полные, [покрыт] в складках, ножонки внучат.

— Корми! Не жалея молока! Тебе ево не на каймак собирать. — **с ревнивой грубоватостью** вступался Пантелей Прокофьевич.

В эти годы шла жизнь на сбыв, как полая вода в Дону. Скучные томились дни и чередуясь проходили неприметно, в постоянной толчее, в работе, в нуждишках, в малых радостях и большой неусыпной тревоге за тех, кто был на войне. От Петра и Григория приходили из действующей армии редкие письма в конвертах измусленных и запятнанных почтовыми штемпелями. Последнее письмо Григория побывало в чьих-то руках, половина письма была аккуратно затушевана фиолетовыми чернилами, а на полях серой бумаги стоял непонятный чернильный значок. Петро писал чаще Григория и в письмах, адресованных на Дарью просил ее и грозил бросить баловство, видно слухи о вольном житье [Дарьи] жены доходили и до него. Григорий вместе с письмами пересылал [Нам] домой деньги, — жалованье и «крестовые», [обещался] **сулил** в отпуск прийти, но что-то не шел. Дороги братьев растекались врозь: гнула Григория война, высасывала из лица румянец, красила его желтой желчью не чаял конца войны дожидаться, а Петро быстро и гладко шел в гору, получил [в конце] **под осень** шестнадцатого||

¹ ППС: «до глубокой осени не оправилась».

<Л. 24 об.>

46.

года [хорунжего] **вахмистра**, заработал подлизываясь к командиру сотни два креста и уже поговаривал в письмах о том, что бьется над тем, что-бы послали его подучиться в офицерскую школу. [Прие] [В] Летом с [полчани] Аникушкой, приходившим в отпуск, послал **домой** немецкую каску, шинель, и свою фотографическую карточку. С серого куска картона самодовольно глядело [пополн] постаревшее лицо [Петра] его, торчмя стояли закрученные белесые усы, под курносим носом знакомой улыбкой щерились твердые губы. **Сама** жизнь улыбалась Петру¹, а война радовала потому что открывала перспективы необыкновенные²; ему-ли простому казаку, с мальства крутившему хвосты быкам, было думать о офицерстве и иной сладкой жизни, а вот полыхнула война и в зареве ее отчетливо завиднелась **будущая** привольная жизнь... С одного лишь края являла Петрова [ров] жизнь **неприглядную** шербатину, [жена] ходили по хутору дурные про [нее] **жену** слухи. Степан Астахов был в отпуске осенью этого года и вернувшись в полк бахвалился перед всей сотней о том, что [сладко] **славно** пожил он с Петровой жалмеркой. Не верил Петро, слушая рассказы товарищей, темнея лицом улыбался, говорил:

— Брешет Степка! Это он за Гришку мне солит.

Но **однажды** случайно-ли, или нарочно выходя из окопной землянки обронил Степан вышитую утирку, следом за ним шел Петро, поднял кружевную искусно расшитую утирку и угадал в ней рукоделье жены. Вновь в калмыцкий узелок завязалась [ненависть] злоба меж Петром и Степаном. [Случая] **Случай** [ждал] **стерег** Петро, смерть стерегла Степана, лежать-бы ему на берегу Двины с Петровой отметиной на черепе, но **вскоре** так случилось что пошел Степан [с охотник] охотником [снять] **снимать** немецкую заставу и не вернулся. Рассказывали казаки, ходившие с ним [что] **будто** услышал **немецкий** часовой, [как] **что** режут [каз] они проволочные заграждения, кинул гранату, успели казаки прорваться к нему, кулаком сшиб с ног Степан немца часового, а подчасок выстрелил в него и упал Степан. Казаки закололи подчаска, обеспамятвшего немца, сбитого Степановой кулачной свинчаткой, уволокли, а Степана [не успели] [бросили.] подняли было, хотели [хоть мертвого] [донести] **унести**, но тяжел оказался казак, пришлось бросить. Просил раненый Степан «Братцы! Не дайте пропасть! Товарищи! Што ж вы меня бросаете!» но брызнула тут по проволоке пулеметная струя, [ударилась б] и уползли казаки. «Станишники! Братцы!» — кричал вслед Степан, да где уж там, своя рубашка, а не чужая к телу липнет. После того, как услышал Петро про Степана, [будто] полегчало, словно [рану] **ноющую болячку** сурчиным жиром смазали, но все-же||

¹ ППС: «Улыбалась Петру **сама** жизнь».

² ППС: «необыкновенные перспективы».

<Л. 25>

47.

решил: «Пойду в отпуск — кровь из Дашки выну! [подумал] Я не Степан, так не спущу!» — подумал было убить ее, но сейчас-же отверг эту мысль: «Убей гадюку, а через нее вся жизнь спортится, в тюрьме сгниешь, все труды пропадут, всево лишишься...» — просто решил избить, но так, что-бы на всю жизнь отбило у бабы охоту хвост трепать: «Глаз выбью ей, змее, чорт на нее тогда позавидует». Так придумывал Петро, отсиживаясь в окопах, неподалеку от крутоглинистого берега Двины.

Мяля деревья и травы осень, жгли их утренники, холодела земля, чернели удлиняясь осенние ночи. В окопах отбывали наряды, стреляли по [немцам] **неприятелю**, ругались с вахмистрами за теплое обмундирование, впроголодь ели, но не сходила у всех с ума далекая от неласковой польской земли Донщина.

А Дарья Мелехова в эту осень наверстывала за всю голодную безмужнюю жизнь. На первый день Покрова Пантелей Прокофьевич проснулся, как и всегда, раньше всех, вышел на баз и за голову ухватился: ворота, снятые с петель чьими-то озорными руками и отнесенные на средину улицы, лежали поперек дороги. Это был позор. Ворота старик сейчас-же водворил на место, а после завтрака позвал [Акс] Дарью в летнюю стряпку. О чем он с ней говорил — неизвестно, но Дуняшка видела, как спустя несколько минут Дарья выскочила из стряпки с сбитым на плечи платком, растрепаная и в слезах. Проходя мимо Дуняшки она ежила плечи, крутые черные дуги бровей дрожали на ее заплаканом и злом лице.

— Подожди, проклятый... Я тебе припомню! — цедила она сквозь вспухшие губы.

Кофточка на спине ее [была] была разорвана виднелся на белом теле багровосиний свежий подтёк. Дарья мигнув подолом взбежала на крыльцо куреня, [и] скрылась в сенях, а из стряпки прохромал Пантелей Прокофьевич, злой как чорт. Он на ходу слаживал вчетверо новые ременные вожжи. Дуняшка услышала сиповатый отцов голос:

— ... Тебе сучке не так надо-бы ввалить... Потаскуха...

Порядок в курене был водворен. Несколько дней Дарья ходила — тише водыниже травы, по вечерам раньше всех ложилась спать, на сочувственные взгляды Натальи холодно улыбалась, вздергивала плечом и бровью «ничего, дескать, посмотрим», а на четвертый день и произошел этот случай, о котором знали лишь Дарья да Пантелей Прокофьевич. Дарья после [этого] торжествующе посмеивалась, а старик целую неделю ходил смущенный, растерянный, будто нашкодивший кот, [после даже от] [старухе он] [никому не [говорил] сказал он о случившемся с ним] {старухе он не сказал о случившемся и даже} на исповеди утаил от отца Виссариона, [утаил] и случай этот и греховные свои мысли после него.||

<Л. 25 об.>

48.

[Случай] [Грех] Дело было так: [На четве] незадолгим после Покрова Пантелей Прокофьевич, уверовавший в окончательное исправление [снохи] Дарьи,

[решил побольше] [наваливал на нее побольше работу и Ильинишне говорил] говорил Ильинишне:

— Ты Дашку не мйлуй. Нехай побольше работы несет. За делами некогда будет блудить-та, а то она — гладкая кобыла... У ней только што на уме игрища, да улица.

С этой целью он заставил Дарью вычистить гумно, прибрать на заднем базу [дрова] деляну старых дров, вместе с ней чистил мякинник. Уже перед вечером надумал [он] перенести веялку из-под сарая в мякинник, позвал сноху.

Дарья! [— позвал сноху].

— Чево, батя? Откликнулась та из мякинника.

— Иди веялку перенесем.

Оправляя платок, отряхиваясь от мякинной трухи, насыпавшейся за воротник кофты Дарья вышла из дверей мякинника и через гуменные воротца пошла к сараю. Пантелей Прокофьевич, одетый в ватный расхожий сюртук и рваные шаровары, хромал впереди нее. На базу было пусто. Дуняшка с матерью пряли осенней чески шерсть, Наталья ставила к завтрему тесто. [Над] За хутором рдяно догорала заря, звонили к вечерне. В прозрачном небе, в зените стояло малиновое недвижимое облачко, за Доном на голых ветках седоватых тополей горелыми хлопьями висели грачи. В ломкой пустозвучной тишине вечера был четок и выверенно-строг каждый звук. С скотиньего база тек тянкий запах парного навоза и сена. Пантелей Прокофьевич покряхтывая внес с Дарьей в мякинник вылинявшую, рыжекрасную веялку, установил ее в углу, сдвинул граблями ссыпавшуюся из вороха мякину и собрался выходить.

— Батя. — низким пришепетывающим голосом окликнула его Дарья¹.

Он шагнул за веялку, ничего не [ожида] подозревая спросил:

— Чево тут?

Дарья в распахнутой кофте стояла лицом к нему, закинув за голову руки поправляла волосы. На нее [сбоку] из щели в стене мякинника падал кровавой закатный луч.

— Тут вот, батя, штой-то... Подойди-ка, глянь, — говорила [Дарья] она перегинаясь на бок и воровски, из-за плеча свекора поглядывая на распахнутую дверь. Старик подошел к ней вплотную. Дарья вдруг вскинула руки и охватив шею свекора, скрестив пальцы пялилась назад, увлекая его за собой, шепча:

— Вот тут, батя... Тут... Мягко.

Ты чевой-то? — испуганно спрашивал Пантелей Прокофьевич. Вертя головой он попытался освободить шею от Дарьиных рук, но она притягивала его голову к своему лицу все сильнее, дышала в бороду ему горячим||

<Л. 26>

49.

ртом, [задыхаясь,] смеясь, что-то шепча.

— Пусти, стерва! — рванулся старик и вплотную ощутил тугой живот снохи. Она прижавшись к нему упала на спину, [и] повалила его на себя.

¹ ППС: «окликнула его Дарья низким пришепетывающим голосом».

— Чорт! Сдурела?!. Мать твою... Пусти!

— Не хочешь? — задыхаясь спросила Дарья и разжав руки толкнула свекора в грудь. — Не хочешь?.. **Аль может — не можешь?** Так ты меня не суди!.. Так-то!

Вскочив на ноги она торопливо оправила юбку, обмела со спины мякинные остья и в упор выкрикнула ошалевшему Пантелею Прокофьевичу:

— Ты за што меня надысь побил? Што-ж, аль я старуха? Ты-то молодой не таковский был? Мужа ево вон год нету... А мне што-ж с кобелем што ли? Шиш тебе хромой! Вот на, выкуси! — Дарья сделала непристойное движение и играя бровями пошла к дверям. У дверей она еще раз внимательно оглядела себя, стряхнула с кофты и платка пыль, сказала, не глядя на свекора.

— [Я] Мне без этого [не могу жить] **нельзя**... Мне казак нужен, а не хочешь я найду себе, а ты помалкивай!

Она [вышла,] виляющей быстрой походкой дошла до гуменных ворот скрылась не оглянувшись, а Пантелей Прокофьевич все стоял у рыжего бока веялки, жевал броду и недоуменно и виновато оглядывал мякинник и концы своих латаных чириков. **«Неужели на ее стороне правда? Может мне надо-бы было с ней грех принять?»** — оглушенный происшедшим растерянно думал он в этот миг.

6.

В ноябре в обним жали морозы. Ранний перепадал снежок. На колене против верхнего конца хутора Татарского стал Дон. По хрупкому сизому льду перебирались редкие пешеходы на ту сторону, а ниже одни лишь окраинцы подернулись пузырчатым голым ледком, на середине бугрилось стремя, смыкались и трясли седыми вихрами зеленые валы. На яме, против Черного Яра, в дремах, на одинадцатисаженной глубине давно уж стали на зимовку сомы, в головах у них **одетые сизью** сазаны, одна бель моталась по Дону, да на перемыках шарахала сула, гоня за калинкой. На хрящу легла стерлядь. Ждали рыбаки морозов поядреней, покрепче, чтоб по первому льду пошарить цапками, полапать красную рыбу.

В ноябре получили Мелеховы письмо от Григория. Писал [что] из Кувински, из Румынии, о том, что ранен был в первом-же бою, пуля раздробила ему кость левой руки, поэтому отправляют его на излечение в свой округ, в станицу Каменскую. Следом за письмом проведала мелеховский курень другая беда:]]

<Л. 26 об.>

50.

года полтора назад подошла Пантелею Прокофьевичу нужда в деньгах, взял у Мохова Сергея Платоновича сто рублей серебром под запродажное письмо. Летом в этом году вызвали старика в магазин и Атепин-Цаца, ущемив в нос в золотое пенснэ, глядя поверх него на мелеховскую бороду, заявил.

— Цто-же ты, Пантелей Прокофиц, будешь платить, или как?

Оглядел Пантелей Прокофьевич пустующие полки и глянцевитый от старости прилавок, помялся.

— Погоди, Вихтор Костентиныч, обернусь трошки — заплачу

На том кончился разговор, обернуться старику не пришлось, урожай не указал, а из гулевой скотины нечего было продавать и вот тебе, как снег на темя, — приехал судебный пристав, прислал за неплательщиком и в два оборота

— Вынь да положь сто целковых.

На въезжей, [где стоял] в комнате пристава на столе [лежал] [длинный] длинная [лист] бумага, [а] на [листе] ней читай не перечень:

Исполнительный Листъ

По Указу Его Императорского Величества 1916 года октября 26 дня, я, Донецкого округа Мировой Судья 7 участка слушалъ гражданское дѣло по иску мѣщанина Сергея Мохова съ урядника Пантеліймона Мелехова 100 руб. по запродажному письму, и руководствуясь ст. 81, 105, 129, 133, 145, 145² уст. гр. Суд. заочно

Определил:

Взыскать съ отвѣтчика, урядника Пантеліймона Прокофьева Мелехова в пользу истца мѣщанина Сергея Платоновича Мохова сто рублей по запродажному письму отъ 2го июня 1915 года, а так-же три рубля судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ. Рѣшеніе не окончательное; объявить какъ заочное.

Рѣшеніе это, на основаніи 3 пункт. 156 ст. Устава Граждан. Судопр. подлежит немедленному исполненію, какъ вошедшее въ законную силу. [1917 года апреля 30 дня] Донецк. окр. Мировой Судья 7 участка, по указу Его Императорского Величества приказал: всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, до коихъ сіе можетъ относиться, исполнить в точности настоящее рѣшеніе, а властямъ мѣстнымъ, полицейскимъ и военнымъ оказывать исполняющему рѣшеніе Приставу, надлежащее по закону содѣйствіе, без малѣйшаго отлагательства.||

<Л. 27>

51.

Пантелей Прокофьевич, выслушав пристава, попросил разрешения сходить домой, пообещав сегодня же внести деньги. Со въезжей он прямо направился к свату Коршунову. На площади повстречался с безруким Алешкой Шамилом.

— Хромаешь, Прокофич? — приветствовал его Шамиль.

— Помаленечку.

— Далеко-ли бог несет?

— К свату, дельце есть.

— О, а у них, брат, радость. Не слышал? Сынок Мирона Григорича с фронта пришел. Митька ихний пришел, гитарют.

— В самом деле?

— Слышал такую брехню. — мигая щекой и глазом говорил Шамиль, доставая кисет и подходя к Пантелею Прокофьевичу. — Давай закурим, дядя, бумажка моя, табачек твой.

Закуривая Пантелей Прокофьевич колебался — итти или нет, в конце-концов решил пойти и [отде] [отделавшись от] попрощавшись [от] с [безрукого] безруким похромал дальше.

— Митька-то тоже с крестом. Норовит твоих сынов догнать. У нас теперя по хутору кавалеров этих, как воробьев в хворосте. — **горланил** вслед ему **Шамиль**.

Пантелей Прокофьевич неспеша вышел в конец хутора, поглядывая на окна коршуновского куреня подошел к калитке. [*Встречать*] **Встретил** его [*вышел*] сам сват. Веснушчатое лицо его словно вымыла радость, казался он и чище и не [*так*] **таким уж** конопатым.

— Прослышал про нашу радость? — ручкаясь со сватом спрашивал Мирон Григорьевич.

— Дорогой от Алешки Шамиля узнал. Я к тебе, сваток, по другому делу...

— Погоди, какие дела. Пойдем в куреня, служивого встренешь. Мы, признаться, на радостях трошки подпили... У моей бабы блюлась бутылка царской про свят случай.

— Ты мне не рассказывай, — шевеля ноздрями горбатого носа улыбался Пантелей Прокофьевич, — Я ишо издаля почуял.

Мирон Григорьевич распахнул дверь пропуская свата вперед¹. Тот шагнул через порог и сразу уперся взглядом в Митьку, сидевшего за столом в переднем углу.

— Вот он наш служивый! — плача воскликнул дед Гришака и припал к плечу вставшего Митьки.

— Ну, с прибытьем, казачек!

Пантелей Прокофьевич подержав длинную ладонь Митьки отступил шаг назад, дивясь и оглядывая его.

— Што смотрите, сват? — улыбаясь, хриповато пробасил Митька.||

<Л. 27 об.>

52.

— Гляжу и диву даюсь: провожали вас на службу с Гришкой — ребятами были, а теперь ишь — казак, прямо хучь в Атаманский.

Лукинишна заплаканными глазами глядя на Митьку наливала в рюмку водку и не видя лила через край.

— Ты, короста! Такую добро чéрез льешь! — прикрикнул на нее Мирон Григорьевич.

— С радостью вас, а тебя, Митрий Мироныч, с счастливым прибытьем.

Пантелей Прокофьевич поворочал по сторонам синеватыми белками и не дыша, дрожа ресницами выцедил пузатую рюмку. [*Медленным*] **медленно** вытирая ладонью [*рот*] **губы и усы** он стрельнул глазами на дно рюмки, [*и*] запрокинув голову стряхнул в расзявленный чернозубый рот сиротинку-каплю и только тогда перевел дух, закусывая огурцом блаженно и долго шурился. Сваха поднесла ему вторую и старик как-то [*смешно*] сразу смешно опьянел. Митька следил за ним улыбаясь [*длинными [желтыми] глазами*]. Кошачьи зрачки его то суживались в зеленые, как осокой прорезанные шелки, то ширились темнели. Изменился он за эти года неузнаваемо. Почти ничего не осталось в этом здоровенном черноусом

¹ ЛПС: «вперед свата».

казачине от того тонкого стройного Митьки, которого три года назад провожали на службу. Он значительно вырос, раздался в плечах, ссутулился и пополнел, весил **наверное** никак не меньше пяти пудов, огрубев лицом и голосом, выглядел старше своих лет¹ Одни глаза были те же волнующие и беспокойные, в них-то и тонула мать смеясь и плача, изредка трогая морщенной блеклой ладонью прямые коротко остриженные волосы сына и белый его узкий лоб.

— Кавалером пришел? — пьяно улыбаясь спрашивал Пантелей Прокофьевич

— Кто теперь из казаков крестов не имеет. — нахмурился Митька. — Крюкову вон три креста навесили за то, што при штабе огинается.

— Он, сваточек, гордый у нас. — спешил дед Гришака. — Он, поганец, весь в меня, в деда. Он не может спину гнуть.

— Кресты **кубыть** не за это им вешают. — насупился было Пантелей Прокофьевич, но Мирон Григорьевич увлек его в горницу, [и] усаживая на сундук спросил:

— Наталья с внуками как? Живы-здоровы? Ну, слава богу. Ты, сват, никак сказал што по делу зашел? Какое у тебя завелось дело? Говори, а то ишо выпьем и захмелеем.

— Денег дай. Дай, ради бога. Выручи, а то бедствую с этими... с деньгами.||

<Л. 28>

53.

Пантелей Прокофьевич просил с размашистой пьяной униженностью, сват перебил его:

— Сколько?

— Сто бумажек.

— Каких? Бумажки-то они разные бывают.

— Сто целковых.

— Так и говори.

Мирон Григорьевич порывшись в сундуке достал засаленный платок, развязал его, [и] шелестя хрушкой бумагой отсчитал десять красненьких.

— Спасибо, сваток... Отвел от беды.

— Ну, об чем [толковать] **гутарить**. Свои люди, сочтемся.

Митька пробыл дома пять [суток] дней, [ночами] **ночи** [проводя] **проводил** у Аникушкиной жены, сжалившись над горькой бабьей нуждой и над самой над ней, безотказной и простенькой бабенкой. [Он ходил по хутору] Днями [он] бродил **по родне** по гостям, [как-то перед вечером заглянул и к Мелеховым.] высокий, одетый в одну легонькую защитную тужурку [он щеголял] **попирал раскачкой хуторские стежки** сдвинув фуражку на бекрень, хвастая крепостью своей на холод. Как-то перед вечером заглянул и к Мелеховым. Принес с собой в жарко натопленную кухню запах мороза и незабываемый едкий дух солдатчины. Посидел, поговорил о войне и хуторских новостях, пощурил на Дарью зеленые камышовые глаза и собрался уходить. Дарья, глаз не сводившая с служивого,

¹ ППС: «выглядел старше своих лет, огрубев лицом и голосом».

качнулась, как пламя свечи, когда Митька уходя хлопнул дверью, туго поджиная губы накинула было платок, но Ильинишна [*попросила:*] спросила:

— Ты куда, Дашка?

— [*На*] К ветру... по нужде.

— Пойдем вместе.

Пантелей Прокофьевич сидел не поднимая опущенной головы, будто и не слышал разговора. Мимо него прошла к дверям Дарья, тая под опущенными веками лисий блеск, за ней — кряхтя [*передвигалась*] увалисто катилась свекровь. Митька покашливая скрипел сапогами у калитки, курил в горсть. [*Он*] На звяк щеколды он шагнул [*было*] было к крыльцу.

— Это ты, Митрий? Либо заблудился на чужом базу? — ехидно окликнула его Ильинишна. — Ты уж калитку-то за собой засовом запри, а то ветер, хлопать будет ночью... Ветер-то ишь какой...

— Ничего не заблудился... Запру. — помолчав досадливо сказал Митька и, кашлянув, прямо через улицу потянулся к Аникушкиному базу.

Жил Митька птичьей бездумной жизнью, жив нынче — [*и то хлеб*] хорошо, а на завтра само дело укажет. Служил он с прохладцей [*и*] и несмотря на то, что [*с*] [*бесстрашным*] бесстрашное [*кремневым*] [*сердцем*] сердце гоняло его кровь, [*а воля*] не особенно искал возможности выслужиться, [*ценил Митька*]. За то||

<Л. 28 об.>

54.

послужной список Митьки являл некоторое неблагополучие: был хозяин его два раза судим, по обвинению в изнасиловании русско-подданной польки и в грабеже, за три года войны подвергался бесчисленным наказаниям и взыскам, однажды даже военно-полевой суд чуть не прилепил ему расстрел¹, но как-то умел Митька выкручиваться из бед и хотя и был в полку на последнем счету, — любили его казаки за веселый улыбчивый нрав, за похабные песни (на них был Митька мастер не из последних), за товарищество и простоту, а офицеры за разбойную лихость. Улыбаясь топтал Митька землю легкими [*и силь*] волчьими ногами, было много в нем от звериной этой породы: в походке увалистой — шаг в шаг — в манере глядеть исподлобья зелеными [*кошачьими*] зрачками глазами, даже в повороте головы, никогда не [*поворачивался*] [*крутил*] {вертел} Митька контуженную шею, [*весь*] поворачивался всем корпусом, коли надо было оглянуться. [*Вся жизнь его пахла зверем*] Весь скрученный из тугих мускулов на широком костяке был он легок и скуп в движениях, терпким запахом [*чернозема в логу*] здоровья и силы веяло от него, так пахнет поднятый лемехами чернозем в логу. [*Каза*] Была для Митьки [*проста*] несложна и пряма жизнь, тянулась она пахатной бороздой и он шел по ней полноправным хозяином. Так-же примитивно просты и несложны были его мысли: голоден — можно и должно украсть, хотя-бы и у товарища, и крал, когда был голоден, износились сапоги проще простого разуть пленного немца, проштрафился — надо искупить вино и Митька искупал, ходил

¹ ППС: «чуть не прилепил ему расстрел военно-полевой суд».

в разведку, приносил **снятых им** полузадушенных [*немецких*] **немцев-часовых**, [*добров*] охотником шел на [*рискованнейшее*] **рискованнейшие** [*предприятие*] **предприятия**. В 1915 году попался в плен, был избит и изранен тесаками, а ночью, [*продрав*] изломав до корней ногти на пальцах, продрал крышу сарая и бежал, захватив на память [*обозную*] **обозную упряжь**. Поэтому-то многое и сходило Митьке.

На шестые сутки отвез Мирон Григорьевич сына на Миллерово, проводил его до вагона, поглядел, как удаляясь, тарахтят звенья коробки, и долго ковырял кнутовищем насыпанный у платформы шлак, не поднимал опущенных посоловевших глаз. Плакала по сыну Лукинишна, кряхтел дед Гришака, трубил в горнице сморкаясь в ладонь, вытирая ее о замасленную полу чекменька. Плакала и Аникушкина жалмерка, вспоминая большое горячее **на ласки** тело Митьки и мучаясь от трипера, которым наделил ее служивый.

Время заплетало дни, как ветер конскую гриву. Перед Рождеством внезапно наступила оттепель, сутки шел дождь, с обдонской горы по ерикам шалая неслась вода, на [*мыса*] обнажившихся от снега мысах зазеленела прошлогодняя травка и мшистые плитняки мела. На Дону [*желтыми*] [*заедами*] **заедами** пенились окраинцы, лед трупно синел, вздувался. Невыразимо [*сладким*] **сладкий винный** [*запахом*] **запах** [*пахаты*] **родил** [*вс*] оголенный чернозем.||

<Л. 29>

55.

По Гетманскому шляху, по прошлогодним колесникам пузырилась вода. Свежими обвалами, рудыми ранами зияли глинистые за хутором яры. Южный ветер нес с Чира томленные запахи травного тлена и [*на*] в полдни на горизонте уже маячили, как весной, голубые нежнейшие тени. По хутору [*над дорогой*] над буграми высыпанной [*на улице*] **у плетней** золы стояли рябые лужины. На гумнах оттаивала у скирдов земля, [*пахла*] [*била*] **колола** в нос прохожего приторная сладость подопревшей соломы. Днями по карнизам куреней с соломенных сосульчатых крыш стекала дегтярная вода, надрывно чекакали на плетнях сороки и обуреваемый [*ранним весен*] преждевременным томлением весны, ревел **зимовавшийся** на базу у Мирона Григорьевича [*з*] общественный бугай. Он раскидывал рогами плетни, терся о дубовую изъеденную червоточиной соху, мотал шелковистым подбрудком и копытил на базу рыхлый напитанный талой водой снег.

На второй день Рождества взломало Дон. С мощным хрустом и скрежетом шел по середине стор. На берег, как сонные чудовищные рыбы, вылезали крыги. За Доном, понукаемые южным [*растлевающим*] **волнующим** ветром, стремились в недвижимом **зыбком** беге тополя.

— Шшшшшуууууууууу... — плыл оттуда сиповатый приглушенный гул.

Но к ночи загудела гора, взголчились на площади ворóны, [*чере*] мимо мелового куреня прокатила Христонина свинья с клочком сена в пасти, и Пантелей Прокофьевич решил: «Прищемило весну, завтра саданет мороз». Ночью ветер повернул с востока, легонький морозец кристальным ледком латал изорванные оттепелью лужины. К утру [*ветер дул*] дул уже московский ветер [*и*] тяжело давил мороз. Вновь водворилась зима. Лишь по середине Дона, напоминая

об оттепели, большими белыми листьями плыли **шмоточки** [*крыги*] **крыг**, да на бугре **морозно** дымилась растелешеная земля.

Вскоре после Рождества [*Мелехов*] Пантелею Прокофьевичу [*сообщил на станичном сходе*] [*пришло письмо о*] на станичном сходе сообщил писарь о том, что видел в Каменской Григория и что тот просил [*переказать*] уведомить [*домашних*] **родных** о скором [*приходе*] своем приезде.

7.

Маленькими [*поросшими*] смуглыми руками, с тыла [*поросшими*] **покрыты**-м редким глянецом волоса шупал Сергей Платонович Мохов жизнь со всех сторон. Иногда и она с ним заигрывала, иногда висела [*на шее*] как камень на **шее** [*утопленнике*] **утопленника**. Многое перевидал Сергей Платонович на своем веку, в разных бывал передрягах, [*а такого не видел*] Давненько, когда работал еще с ссыпкой, пришлось ему за гроши скупить у казаков [*пшеницу*] **хлеб**, а потом, [*ссыпать*] вывезти за хутор и ссыпать в Дурной Яр четыре тысячи пудов сторевшей [*этой*] пшеницы. Помнил и 1905 год, и в него||

<Л. 29 об.>

56.

осенней ночухой разрядил кто-то из [*хуторян*] **хуторских** дробовик. Богател Мохов и проживался, под конец сколотил шестьдесят тысяч, положил их в Волго-Камский банк, но дальним нюхом чуял, что **неотвратно** [*близко*] **подходит** время великого потрясения. Ждал Сергей Платонович черных дней и не ошибся: в [*феврале*] январе семнадцатого года учитель Баланда, исподволь умиравший от туберкулеза, жаловался ему:

— Революция на носу, а тут изволь издыхать от глупейшей и сентиментальнейшей болезни. Обидно, Сергей Платонович... Обидно, что не придется поглядеть, как распотрошат ваши капиталы и вас вспугнут из теплого гнездышка.

— Что-же тут обидного?

— А как-же? Все-же, знаете, приятно **будет** видеть, как все пойдет прахом.

— Нет уж, милый мой, умри ты нынче, я завтра. — **тайно злобясь** говорил Сергей Платонович.

В январе еще блуждали пол хуторам и станицам отголоски столичных разговоров о Распутине и царской фамилии, а в феврале, как стрепета сетью, накрыла Сергея Платоновича весть о [*падении*] [*ре*] низвержении самодержавия. Казаки отнеслись к известию о перевороте с сдержанной тревогой [*иные с*] и выжиданием. В этот день у закрытой моховской лавки толпились до вечера старики и казаки помоложе. Хуторской атаман Кирюшка Солдатов (**преемник убитого Маныцкова**), большой рыжеусый и чуть раскосый казак, был подавлен, [*и*] в разговоре, оживленно закипевшем у лавки, участия почти не принимал, **ползал косыми глазами по казакам**, изредка вставляя растерянное восклицание: — Наворошили делов!.. Ну, и ну... Как телерича жить?

Сергей Платонович увидев из окна толпу у лавки [*реши*] решил пойти потолковать с стариками. Надел енотку и опираясь на [*чер*] коричневую трость с

скромными серебряными инициалами [*на ручке*] вышел на парадное крыльцо. От лавки [*растекался*] сочился гомон.

— Ну, Платоныч, ты человек грамотный, расскажи нам темным, што теперь и как будет? — спросил Матвей Кашулин напугано улыбаясь, собирая сбочь зябкого носа косые складки.

На поклон Сергея Платоновича старики почтительно снимали шапки¹, расступались, давая место в круге.

— Без царя будем жить. — [*осторожно*] помялся Сергей Платонович. Старики заговорили все сразу.

— Как же без царя-то?

— Отцы наши и деды при царях жили, а теперя [*стал быть*] ненужен царь?

— **Голову сними, небось ноги без нее жить не будут...**

— Какая-же власть заступит?

— Да ты не мнись, Платоныч! Гутарь с нами **по чистой**, чево ты опасешься?||

<Л. 30>

57.

— Он может и сам не знает. — улыбнулся Авдеич-Брех и от улыбки ямки на розовых щеках его стали глубже.

Сергей Платонович тупо оглядел свои не новые резиновые боты, сказал с болью выплевывая слова.

— Государственная дума будет править. Рес-пуб-лика будет у нас.

— Достукались, мать-те чорт!

— Мы как служили при покойничке Александре Втором... — начал было Авдеич, но суровый старик Богатырев строго перебил его:

— Слыхали. Не об этом тут речь.

— Казакам, значит, концы приходят?

— Да-то ништо!

— Мы тут забастовки работаем, а немец тем часом и до Санкт-Петербурга доберется.

— Раз равенство, значит, с мужиками нас поровнять хочут...

— Гляди небось и до земельки доберутся...

Сергей Платонович [*неверно*] **насильно** улыбаясь оглядел расстроенные лица стариков, [*и*] на душе у него стало сумеречно и гадко. Он привычным жестом раздвоил гнедоватую бороду, заговорил, злобясь неизвестно на кого.

— Вот, старики, до чего довели Россию! Сравняют вас с мужиками, [*никаких*] **лишат [вам] вас** привилегий, да еще и старые обиды припомнят. Тяжелые наступают времена... В зависимости от того в какие руки попадет власть, а то и до окончательной гибели доведут [*нас*] **государство**.

— Живы будем — посмотрим. — покачал головою Богатырев и из-под клочкастых хлопьев бровей глянул на Сергея Платоновича недоверчиво. — Ты, Платоныч, свою линию гнешь, а нам может быть, што и полегчает от этого...

— Чем-же это вам полегчает? — язвительно спросил Сергей Платонович.

¹ ППС: «Старики почтительно снимали шапки на поклон Сергея Платоновича».

— Войну новая власть может кончит... Может ить быть такое? Ась?

Сергей Платонович махнул рукой и постаревшей походкой поковылял к **своему** голубому [*своему*] нарядному крыльцу. Он шел расброшено думая [*то*] о деньгах, [*то*] о мельнице и ухудшающейся торговле, вспомнил, что Елизавета теперь в Москве, а Владимир должен вскоре приехать из Новочеркасска. Тупой укол тревоги за детей не нарушил [*мучущей*] **мятущейся** бессвязицы мыслей. Так дошел он до крыльца, чувствуя, [*что*] **как** за этот день сразу потускнела жизнь и даже сам он словно **внутренно** вылинял от ноющих настырных мыслей. Кислый вкус ржавчины во рту вызвал приток слюны [*и он*], оглянувшись на стариков у лавки **он** плюнул через резные перила крыльца, пошаркал по террасе в комнаты. Анна Ивановна встретила мужа в столовой, скользнула по лицу его привычно-равнодушным взглядом пустоцветных глаз, спросила

— Перед чаем закусишь?||

<Л. 30 об.>

58.

— Да нет же! Какая там закуска! — брезгливо отмахнулся Сергей Платонович.

Раздеваясь он все чувствовал вкус ржавчины во рту и безрадостную глухую пустоту в голове.

— От Лизы письмо. — Анна Ивановна тучная и сыроватая прошла в спальню [*спешащей*] **снующей** иноходью (так всегда ходила она, с первого дня замужества придавленная большим хозяйством), вынесла надорванный конверт.

«Пустая и, кажется, недалекая девка», — [*под*] в первый раз подумал так о дочери Сергей Платонович, морща нос от запаха духов, исходившего от плотного конверта. Он невнимательно прочел письмо, почему-то остановился на слове «настроение» и долго думал доискиваясь в нем самому ему непонятого смысла. В конце письма Елизавета просила выслать денег. Сергей Платонович все еще ощущая ноющую пустоту в голове, прочел последние строки. Ему неожиданно захотелось тихо заплакать. Дыбом вставшая жизнь являла в этот миг ему порожнее свое утро.

«Чужая она мне, — думал он про [*Елизавет*] дочь, — и я ей чужой. Родственные чувства испытывает поскольку нужны деньги... Грязная девка, имеет любовников... а маленькая была белокурой и родной... Боже мой, как меняется все... До старости остался дураком, верил в какую-то хорошую в будущем жизнь, а на самом деле одинок, как часовня... **Нечисто** Наживал да **чисто и не наживешь** жулил, жался, а теперь вот революция, и завтра **мои холуи** могут вытряхнуть меня из [*собственного*] дома... Все под такую мать!.. А дети? Владимир глуп... Да и что толку? Все равно, пожалуй...» [*Почему-то вспомнился ему случай*] по какой-то нелепой связи вспомнился [*ему*] давнишний случай на мельнице: завозчик-казак заскандалил по поводу большого отмола и отказался платить, он, **Сергей Платонович**, в это время был в машинном отделении, вышел на шум и узнав в чем дело [*заставил мирошников*] **приказал** весовщику и мирошникам не отдавать [*све*] сработаную муку. Маленький невзрачный казачишка тянул мешок за гузырь к себе, мирошник плотный грудастый Завар — к себе. Так

случилось, что казачишка толкнул мирошника, тот развернувшись ударил его в висок большим косо сжатым кулаком. Казачишка упал, потом вскочил на ноги покачиваясь, на [ле] левом виске его мокро кровянилась ссадина. Он вдруг шагнул к Сергею Платоновичу, [выкрикнул] **выдохнул** стенившим шепотом:

— Возьми муку! Жри! [Богатей!] — и вышел дрожа плечами, стягивая в щепоть разбитый висок. Безо всякой видимой связи вспомнился Сергею Платоновичу этот случай и последствия его: жена казачишки приходила, [просила] с **просьбой** возратить муку, насильно выдавливая слезы, ища сочувствия у завозчиков голосила:||

<Л. 31>

59.

— Што-ж это такое, люди добрые? Какие-ж это права?.. Отдай муку!

— Иди, тетка, иди подобру, а то волосья выщипаю! — посмеивался Завар

Было неприятно и досадно смотреть, как весовщик Валет, такой-же слабосильный и мелкорослый как и тот казачишка, полез на Завара в драку и после, жестоко избитый им, приходил просить расчет. Все это быстролетно мелькнуло в уме Сергея Поатоновича, [когда] **пока** он слаживал прочитанное письмо, глядя перед собой невидящими глазами.

День этот оставил под исход садную [немую] **дурную** боль. Сергей Платонович спал ночью [дур] плохо, ворочался одолеваемый бестолковыми мыслями и неосознанными желаниями, уснул за полночь, а утром, прослыхав что к отцу в Ягодное приехал с фронта Евгений Листницкий, решил съездить туда, что-бы поговорить, выяснить подлинное положение и снять с души горькую **накипь** [тревогу] **тревожных** предчувствий. Емельян посасывая **трубку** запрет в **городские** санки маштака, повез хозяина в Ягодное.

Над хутором [тлело дымясь в гущине облаков [с] анисовым яблоком] **оранжевым жерделом** вызревало солнце, под ним и выше тлели дымясь облака. Резкий морозный воздух [пах] был насыщен [анисовым] сочным **плодовым** запахом. Под копытами маштака хрустел подорожный ледок, [вился] [ветер сносил] пар **сносился ветром** от конских ноздрей назад, [грива слегка заинела] **инеем осаждался на гриве**. Сергей Платонович, умиротворенный быстрой ездой и холодом, подремывал, качался, [и] терся спиной о коверчатый задок саней. А в хуторе на площади чернела тулупами толпа казаков, [по] овечьим порядком кучились бабы, запахнув донские шубы, опушенные бурым поречьем. [в] В середине толпы учитель Баланда с платком у позеленевшего рта и с красной лентой в петличке полушубка горячечно блестя глазами говорил:

— ...**Видите**, Наступил конец проклятому самодержавию! Теперь ваших сынов не пошлют усмирять плетями рабочих, [это] кончилась ваша позорная служба царю-кровососу! Учредительное собрание будет хозяином новой свободной России. Оно сумеет построить иную, [чем прежде] **так сказать**, светлую жизнь!

Сзади за сборки полушубка дергала его сожительница, шептала умоляюще:

— Митя, оставь! Пойми, что вредно тебе нельзя. Кровь ведь опять будет ити... Митя!

Казак слушал Баланду смущенно потупясь, покряхтывая, тая улыбки. Речь ему так и не дали закончить. Сочувственный голос из передних рядов произнес басовито:

— Жизнь-то, как видать, светлая будет, да вот ты, сердяга, не дотянешь.||

<Л. 31 об.>

60.

Шел-бы себе домой, а то на базу-то свежо...

Баланда скомкал недоговоренную фразу, [завял и] и завявший вышел из толпы.

В Ягодное приехал Сергей Платонович в полдень. [Лока] Емельян за уздцы подвел маштака к плетеным яслям **возле конюшни** и пока хозяин [кр] вылезал из саней и откинув полу тулупа доставал носовой платок, успел разнуздать лошадь, накинуть попоной. У крыльца Сергея Платоновича встретил высокий, седоватый, в рыжих подпалинах борзой кобель. Он встал на встречу чужому потягиваясь на длинных жилистых ногах, **зевая** за ним с такой же ленцой поднялись и остальные собаки, черными узлами лежавшие сбочь крыльца.

— Чорт, сколько их... — опасно поглядывал Сергей Платонович, задом пятясь по порожкам крыльца. В светлой [и] сухой передней¹ тяжело воняло псиной, уксусом. [и еще чем-то ветхим] [как] {каким} Над сундуком на широком размете оленьих рог висела каракулевая офицерская папаха, башлык с серебряной кистью, [шинель] и бурка. Сергей Платонович глянул туда, на миг ему показалось, что кто-то мохнатый, черный стоит на сундуке недоумевающе вздернув плечи. Из боковой комнаты вышла полная черноглазая женщина. Она внимательно [серьезно] оглядела [серьезны] раздевавшегося Сергея Платоновича, спросила, не меня **серьезного** выражения на **смугловато-красивом** выхоленном лице:

— Вы к Николаю Алексеевичу? Я сейчас доложу.

Она вошла в зал не постучавшись, плотно прикрыв за собою дверь. В этой располневшей черноглазой красавице-бабе Сергей Платонович с трудом признал Астахову Аксинью. Она сразу угадала его, плотнее сжала [румяные] **вишневые** губы, [пошла] пошла держась неестественно прямо, чуть шевеля белыми оголенными локтями. Через минуту **следом за ней** вышел сам старый Листницкий. Он в меру приветливо улыбаясь снисходительно пробасил:

— А, степенство, какими судьбами? Прошу. — посторонился движением руки приглашая гостя в зал. Сергей Платонович [кланялся] **раскланялся** с давно усвоенной им, в отношении больших людей почтительностью, шагнул в зал. На встречу ему, шурясь из-под пенснэ, шел Евгений Листницкий.

— Это превосходно, милейший Сергей Платонович! Здравствуйте. Что-[же] ж это вы, как будто бы стареете? А?

— Ну, полно, Евгений Николаевич, я еще думаю вас пережить. Как вы-то? В целости и сохранности?

Евгений улыбаясь, поблескивая золотыми коронками зубов [вел] под руку увлекал гостя к креслу. Они сели за небольшим столиком [рассматр]||

¹ ППС: «В передней сухой [и] светлой».

<Л. 32>

61.

перебрасываясь незначительными фразами, разыскивая в лицах друг-друга те изменения, которые произошли со времени последней встречи. Распорядившись о чае вошел старый пан. [Дымя] [большой] **Большая** [гнутой] **гнутая** [трубкой] **трубка в зубах его дымилась. Он** остановился у кресла Сергея Платоновича, спросил положив на стол старчески костлявую длинную ладонь:

— Как у вас на хуторе, слышали... хорошие вести-то?

Сергей Платонович снизу ввех глянул на выбритые висячие складки на подбородке и шее генерала, [ответил] вздохнул.

— Как не слышать...

— С какой роковой предопределенностью шло к этому... — генерал, дрогнув кадыком глотнул дым, [продолжал:] — [Это] Я предвидел это еще в начале войны. Что-же... династия была обречена. Мне сейчас вспомнился Мережковский, помнишь, Евгений «Петр и Алексей»? Там после пытки [Алек] царевич Алексей говорит отцу: «Кровь моя падет на потомков твоих...»

— Ведь у нас ничего толкового нет. — [жалко морщась] {волнуясь} заговорил Сергей Платонович. Поерзав в кресле он закурил, продолжал: — Газет не получаем уже неделю... Слухи самые невероятные, растерянность. Беда, ей-богу! Я, услышав, что Евгений Николаевич приехал в отпуск, решил съездить сюда к вам, расспросит, что там творится, чего нужно ожидать...

Евгений, уже без улыбки на опрятно выбритом белесом лице, рассказывал:

— Грозные события... Солдаты буквально все разложены, воевать не желают, устали. Собственно в этом году уже не стало солдат, в общепринятом смысле этого слова. Солдаты превратились в банды преступников разнузданных и диких. Вот папа, например, он не может себе этого представить. Он не может представить до какой степени разложения дошла наша армия... Самовольно уходят с позиций, гробят и убивают жителей, убивают офицеров, мародерствуют... Невыполнение боевого приказа — теперь обычная вещь.

— Рыба с головы гниет. — вместе с дымом вытолкнул старый Листницкий фразу.

— Я-бы не сказал этого. — Евгений поморщился, [см] [смуглое] **жиловатое** веко у него подергал нервчик. — Я-бы не сказал... Снизу гниет армия, разлагаемая большевиками. Даже казачьи части, особенно те, которые близко соприкасались с пехотой, — неустойчивы морально. Сильнейшая усталость и тяга к родным куреням... А тут большевики...

— Чего-же они хотят? — не вытерпел Сергей Платонович.

— О, — Листницкий усмехнулся, — они хотят... Это хуже холерных бацилл. Хуже в том||

<Л. 32 об.>

62.

отношении, что легче прилипает к человеку и внедряется в самые толщи солдатских масс. Я говорю про идею. Тут уже никакими карантинами не спасешься. Среди большевиков есть несомненно талантливые люди, с некоторыми мне при-

ходилось общаться, есть просто фанатики, но [большая ч] преобладающее [число] **большинство** — разнужданные безнравственные субъекты. Тех не интересует сущность большевистского учения, а лишь возможность пограбить, уйти с фронта... Они хотят, прежде всего, захватить власть в свои руки, на любых условиях кончить, как они выражаются, «империалистическую» войну, хотя-бы даже путем сепаратного [договора] **мира**, земли передать крестьянам, фабрики рабочим. Разумеется это [в одинаковой мере] **столь-же** утопично, сколь и глупо, но подобным примитивом достигается [сочувствие] **расположение** солдат.

Листницкий говорил сдерживая глухую злобу. В пальцах его ходил слоновой кости мундштук. Сергей Платонович слушал наклонившись вперед, словно собираясь вскочить на ноги, старый Листницкий ходил по залу чмыкая черными мохнатыми бурками, покусывая зеленосединный ус.

Евгений рассказал о том, как [за] еще до переворота он вынужден был бежать из полка, опасаясь мести казаков, передал о происходивших в Петрограде событиях, свидетелем которых он был¹.

Разговор на минуту заглох. Старый Листницкий глядя в переносицу Сергея Платоновича, спросил:

— Что-же купишь серого. Того, которого смотрел осенью, сына «Боярыни»?

— До этого-ли теперь, Николай Алексеевич. — жалко сморщился Мохов и махнул безнадежно рукой².

В людской в это время Емельян отогревшись пил чай, красным платком вытирал пот с буряковых щек, [тянул медлительные] [рассказы] **рассказывал** о хуторе и новостях. Аксинья стояла у кровати грудью навалиясь на резную спинку, кутаясь в пуховый платок.

— Небось наш курень уж развалился [уж]? — спрашивала она.

— Нет, зачем-же развалился, стоит. Чево ему исделалось. — мучительно растягивая слова отвечал Емельян.

— Соседи-то наши, Мелеховы, как живут?

— Живут помаленечку.

— Петро не приходил в отпуск?

— Вроде не приходил.

— А Григорий?.. Гришка ихний?

— Гришка приходил после Рождества. Баба ево двойню энтот год родила... А Григорий, как же, приходил по ранению.

— Раненый был?

— А то как-же, ранили в руку. Ево всево испятнили, как кобеля в драке. То-ли крестов на нем больше, то-ли рубцов.

— Какой-же он, [Григорий] **Гришка**? — [глотая] **давясь** [сухую] **сухой** [слюну] **спазмой**, спрашивала Аксинья и покашливала выправляя секущийся голос.

— Такой-же... Горбоносый да черный. Турка туркой, как и полагается.

— Я не про то... Постарел аль нет?||

¹ ЛПС: «о событиях, происходивших в Петрограде, свидетелем которых он был».

² Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

<Л. 33>

63.

— А чума ево знает, [значит] может и постарел трошки. Жена двойню родила, значит не дюже постарел.

— Холодно здесь. — подожав сказала Аксинья и вышла.

Наливая восьмую чашку Емельян проводил ее глазами, [так-же] и медленно, как слепой ноги, переставляя слова сказал.

— Гнида гадкая, вонючая, какая ни на есть хуже. Давно-ли в чириках по хутору бегала, а теперя уж не скажет тут, а «здесь». Ишь ты, барыня с нижево конца, мать твою кобель лизал. Вредные мне такие бабы! Я-бы их стервов... Выползень змеиный. Туда-же, «холодно здесь» Возгря кобыля. Эх!

Обиженный он не допил восьмую чашку, вылез, перекрестился, ушел независимо поглядывая вокруг и сознательно грязня сапогами притертый пол. Всю обратную дорогу он был [хмур, и] угрюм, как и хозяин. [Беспричинную] злобу [свою] вызванную Аксиньей¹ вымещал на маштаке, нахлестывая кончиком кнута по местам маштаковой стыдливости и язвительно величая его «хлынцем» и «чикиляем»². До самого хутора [ехали] {ехал} {они} {он} [с ним] против обыкновения не перекинувшись с хозяином ни одним словом. Напуганную тишину хранил и Сергей Платонович.

8.

[27] [Часть дивизию, в которую входил 27 полк] Первую бригаду [14 кавалеристской] {28} |18| {пехотной} дивизию, с приданным к ней 27 донским казачьим полком, перед февральским переворотом сняли с позиций с целью переброски [трех полков, в том числе и 27] [ее] в окрестности столицы на подавление начинавшихся беспорядков. [Полки] Бригаду отвели в тыл, снабдили новым зимним обмундированием, сутки превосходно кормили, [но] на [события] другой день погрузили в вагоны, отправили. Но события опередили [двигающуюся] двигавшиеся к Минску [бригаду] полки: в день отправки уже передавались слухи, что император [уже подписал] в Ставке главнокомандующего подписал акт об отречении от престола.

Бригаду вернули обратно. На станции Разгон 27 полк [выгрузился] получил приказ выгрузиться из вагонов. Пути были [заставлены] забиты составами. По платформе сновали солдаты с красными бантами на шинелях, с добротной сделанными винтовками русского образца, но английского происхождения. Некоторые из них были [в [непо] распах] возбуждены, опасно поглядывали на строившихся по-сотенно казаков.

Пасмурный теплится день. С крыш станционных построек [стекала] журчлась вода, на путях покрытые нефтяными блестящими, стояли радужные [лужи-ны] лужи, рев маневрировавших паровозов звучал приглушено и рыхло. За пакгаузом полк в конном строю ждал командира бригады. Ноги лошадей, мокрые по

¹ ППС: «вызванную Аксиньей злобу».

² ППС: «и язвительно величая его "хлынцем" и "чикиляем", нахлестывая кончиком кнута по стыдливости маштаковой местам».

щетки, дымились паром. [Галки] **Вороны** безбоязненно садились сзади строя, попрыгивая клевали и гребли оранжевые [кучки] **яблоки** конского помета.

Командир бригады на вороном трехвершковом коне, в сопровождении командира полка подъехал к казакам, натягивая поводья оглядел сотни. Он снял с руки лайковую перчатку, <нрзб.>вато, привычно поздоровался с казаками.||

<Л. 33 об.>

64.

Заговорил, [отталкивая] **словно отталкивая** обнаженной правой рукой свои неуверенные, глухие слова.

— Станичники! Волею народа, царствовавший донныне император Николай второй низложен. Власть перешла к Временному правительству. Армия и вы в том числе должны спокойны перенести это известие... Дело [солдата] казаков защищать свою родину от посягательства внешних врагов. Мы будем в стороне от начавшейся смуты, предоставим населению избирать пути к организации нового правительства. Мы должны быть в стороне. Война и политика для армии несовместимы... В дни таких вот, ну... потрясений... В дни потрясений мы должны быть тверды. Тверды, как ... — бригадный, старый и **бездарный** служака-генерал, не привыкший [говорить] **держат** речи, [медленно доставал слова, кидая их над строем [сиплым] **сипло-звучным голосом**] замялся [подыскивая] **копаясь в [сравнение] сравнениях**; на маслянистом лице его [муч] в мучительной немоте двигались брови. Сотни терпеливо ждали — как сталь. — **докончил бригадный** — Ваш казачий воинский долг призывает вас [слуша] подчиняться своим начальникам. Мы будем биться с врагом, так-же доблестно, как и раньше, а там, — **косой плывущий жест назад** — пусть устраивают Учредительное собрание и выбирают себе образ правления. Кончим войну, тогда и мы примем участие во внутренней жизни, а пока нам нельзя. Армию мы не можем отдать ... В армии не должно быть политики.

Здесь-же на [маленькой] станции, спустя несколько дней, присягали Временному Правительству, ходили на митинги, собираясь большими группами, держась обособленно от солдат, [наводнивших] **наводнявших** всю базарную площадь. [А] после подолгу обсуждали слышанные речи, вспоминая прошуывали недоверчиво каждое [слышанное] сомнительное слово. [Как-то и почему] У всех **почему-то** сложилось убеждение, что раз свобода — значит конец войне, и [уже] с этим **прочно** укоренившимся убеждением **уже** трудно [было] **стало** бороться офицерам, утверждавшим, что воевать Россия обязана до конца. Растерянность, охватившая **после переворота** верхушки армии отражалась и на низах; — про существование **застрявшей на полпути** бригады [словно забы] штаб [армии] [дивизии] {дивизии} словно забыл. Бригада, выгрузившись на **стан** [Разгон] **Черновицы** доедала выданное на семь суток довольствие, солдаты толпами уходили в близлежащие деревушки, на базаре откуда-то появился в продаже спирт и уже не в диковину было видеть пьяных нижних чинов и офицеров. Казаки, вырванные [походом] {переброской} из обычного круга обязанностей, томилась в теплушках, ожидая отправки на Дон (слух о том, что второочередников будут спускать по домам, держался среди казаков **весьма** упорно), небрежно ухажива-

ли за лошадьми, [вели себя], [толкались] толклись на базаре [продавая] торговали [запасеные] запасенными с позиций [ходкие] ходкими [предметы] предметами [продажи] {продажи}: немецкими||

<Л. 34>

65.

одеялами, штыками-пилами, шинелями. Приказ о [выступлении] отправке на позиции встречен был глухим ропотом. [Во] [второй] **Вторая** [сотне] **сотня** отказалась было ехать, **казаки** не разрешили прицепить к составу паровоз, но командир полка пригрозил разоружением и, поволновавшись, казаки ушли от паровоза. Эшелоны потянулись к фронту.

— Это што-же, братушки? [Свободу] **Свобода**, свобода, а касеемо войны опять, значица, кровь проливать?

— Старый прижим зачинается!

— На кой-же ляд царя-то уволили?

— Нам, што при нем было хорошо, што и зараз подходяшше...

— Шаровары одни, только мотней назад.

— Во-во!

— Это до каких-же пор будет, мать их...?

— Четвертый год с винтовки не слазишь! — шли в вагонах разговоры. [Полк]

На каком-то¹ [безмянном] **безмянной** [полустанке] **станции** казаки, как сговорившись, высыпали из вагонов и не глядя на увещевания и угрозы командира полка открыли митинг. Тщетно меж [рядов] серого сплава казачьих шинелей метались комендант и престарелый начальник станции, упрасивая казаков разойтись по вагонам и освободить пути, казаки с неослабным захватывающим вниманием слушали речь урядника третьей сотни [Манжулова]. После него говорил небольшой статный казачек **Манжулов**. [Он] Из его побелевшего злобно искривленного рта с трудом выметывались злые слова.

— Станишники! Нельзя тах-то! Нас **опять-же** под [обман] **конфуз** подвели! **Обман** хочут исделать! Раз превзошла революция и всему народу дадена свобода, значица, должны войну прикончить. **Затем что** Народ и мы войну не хотим... **Аккуратно я гутарю? По правильному?**

— Правильна!..

— Под хвост кобыле!..

— Осточертела всем!

— Шаровары вон на ж.... не держутся, какая война!

— Не жжжа-лла-ем!...

— По домам!

— [Отцепливай] **Отчаливай** паровоз! Федот, давай-ка!

— Станишники! Погодите! Станишники! Братцы!.. Черти, в рот вас, в **печенку**, в душу! Братцы! — надрывался Манжулов, стараясь перекричать тысячу глоток. — Погодите! Паровоз не [трожьте] **волнуйте**, он нам без надобности, а только што обман... Пушай нам их высокоблагородие командир полка документ

¹ Провка не завершена, надо «На какой-то».

объявит. На самом деле нас требуют на фронт, али это по ихней нужде, по **капрызости**.

Полк только после того погрузился [*вновь*] **в вагоны**, когда взволнованный, не владеющий собой командир полка **вслух** прочитал полученную им из штадива телеграмму о [*вы*] вызове полка на фронт.

В одной теплушке ехали **шесть человек татарских** [*хуторяне*] **хуторян**, [*служившие*] **служивших** в 27 полку: Петро Мелехов, родный дядя Мишки Кошевого Николай Кошевой, Аникушка, Федот Бодовсков, цыгановатый [*с*] **в черно-кудрявой** [*бородой*] **бороде и с шалыми**||

<Л. 34 об.>

66.

светло коричневыми глазами Меркулов, и [*шестой*] Максимка Грязнов, сосед Коршуновых, беспутный и веселый казак, по всему станичному юрту пользовавшийся черной славой бесстрашного конокрада. «— Меркулову уж куда не подошло-бы коней [*красть*] **уводить**, на цыгана похож и все такое, а вот не ворует, а ты Максим — [*без*] конский хвост увидишь и в жар тебя шибает». — **постоянно** смеялись Грязнову казаки. [*Тот*] Максимка [*краснея*] **краснел**, [*и*] [*ж*] [*опуская*] [*жмурия*] **жмурил** [*голубые*] **голубой** [*как цветок подснежника*] **как льняной цветок** глаз, грязно отшучивался: «С Меркуловой матерью цыган ночевал, а моя, небось, позавидовала; а то-б рази я ... да упаси и не приведи[.]... [*царица лохманогая*.]»

В теплушке ходил сквозной ветер, лошади стояли у наскоро сбитых кормушек под попонами, среди вагона на бугорке мерзлой земли чадили сырые дрова, едучий дым тянуло в дверную щель. Казаки сидели на седлах вокруг огня, сушили взвонявшиеся от пота портянки, [*и продымленными осипшими голосами разговаривали*]. Федот Бодовсков грел у огня босые гнутые ноги. На калмыцком углоскулом лице его плутала довольная улыбка. [*Меркулов*] **Грязнов** наскоро прихватывал дратвой отпоровшуюся подошву, продымленным осипшим голосом говорил, обращаясь неизвестно к кому:

— ... Маленьким был, зимой бывалоча заберусь на печку, а бабка моя, ей в те года за сто перевалило, [*ищ*] ошупкой ищет у меня в голове вшу, гуторит: «Ягодка [*моя*] **мой** Максимушка, в старину не так-то народ жил, крепко жил, по правилам, и ни каких на нево не было напастей. А ты, чадунюшка доживешь до [*таких*] **такой** [*времен*] поры-времени, што увидишь, как землю **всею** опутают [*всю*] проволокой, и будут летать по синю-небушку птицы с железными носами, будут людей клевать, как грач арбуз клюет... И будет мор на людях, глад, и восстанет брат на брата и сын на отца... Останется народу, как от пожара травы». Штож, — помолчав продолжал Максим — и на самом деле сбылось: телеграф выдумали, вот тебе и проволока, а железные птицы — ероплан. Мало они нашава брата подолбили? И голод будет. [*Наши*] **Мои** вон спротив энтих годов в половину хлеба сеют, да и каждый хозяин так. [*До*] [*В*] **По** станицам[*-то*] стар да мал остались, а хлоп, — неурожай, вот и «глад» вам.

— А брат на брата, это как, вроде, брехня? — спросил Петро Мелехов, направляя огонь.

— Погоди, и этова народ достигнет¹.

— Власть не установют и забрухаются. — [Мы их з] вмешался Федот Бодовсков.

— Ишо усмирять чертей придется.

— Ты сначала с германцем расхлебай. — засмеялся Кошевой.

— Што-ж, повоюем ишо...

Аникушка, деланным испугом морща голошеекое бабье лицо, воскликнул:

— Царица наша лохманогая, до каких-же пор все «повоюем»?

— До тех пор покеда ты, скопец, шерстью обростешь. — поддел его Кошевой.

[Петро закашлялся, засмеялся] Сидевшие у огня дружно засмеялись. Петро поперхнулся дымом и кашляя, [все показывал] глядя на Аникушку [налитыми слезами] глазами полными слез, тыкал||

<Л. 35>

67.

в его сторону пальцем.

— Волос он — дурак. — смущенно бормотал Аникушка, — [он и] он и иде надо растет... Зря ты, Кошевой, ногами болтаешь...

— Нет уж хватит! Хлебнули через край! — вспыхнул неожиданно Грязнов. — Мы тут бедствуем, во вшах погибаем, а семьи наши там нужду принимают, да ить как, режь — кровь не потекет.

— Ты чево взбугрился? — насмешливо пожеывая пшеничный ус спросил Петро.

— Известно чево... — за Грязнова ответил Меркулов и надежно [схоронил] захоронил улыбку в курчавой цыганской бороде. — Известно, нудится казак... тоскует... Иной раз пастух выгонит табун на зеленку, покеда солнце росу подбирает, — скотинка ничево, кормится, а как станет солнце в дуб, заюжит овод, зачнет скотину сечь, вот тут... — [Федот] Меркулов шельмовато стрельнул глазами в казаков, продолжал повернувшись к Петру, — Тут-то, господин вахмистр, и нападает на скотину бзык. Ну, да ты [сам] знаешь, не из суцких, небось; сам быкам хвосты крутил... Обнаковенно, какая-нибудь телка задерет хвост на спину, мыкнет, да как учешет! А за ней весь табун. Пастух беget, «Ай-яй! Ая-яй!», — только иде-ж там... Метется табун лавой, нехуже как мы под Незвиской на немцев лавой ходили. Иде-ж там, рази удержишь?

— Ты к чему это загинаешь-то?

Меркулов ответил несразу. Намотав на палец завиток смолистой бороды дернул его ожесточенно, заговорил уже деловито и без улыбки:

— Четвертый год воюем, так? На четвертый перевалило, как нас в окопы загнали. За што и чево? Никто не разумеет... К тому и гуторю, что в скорости какой-нибудь Грязнов, али Мелехов бзыкнет с фронта, а за ним полк, а за полком армия... Будя!

¹ ППС: «достигнет и этова народ».

— Вон ты куда...

— Туда самое. Не слепой, вижу, — на волоске все держится. Тут только шумнуть «брысь!» и ползет все, как старый зипун с плеч. На четвертом году и нам солнце в дуб стало!

— Ты-бы полегше. — посоветовал [Аникушка] Бодовсков — А то Петро... Он ить вахмистр...

— Я товарищев, кубыть, не трогал. — вспыхнул Петро.

— Не серчай, шутейно сказал.

[Аникушка] Бодовсков смутился, поворочал узловатыми пальцами босых ног и встал, пошлепал к кормушке.

В углу, у цибииков прессованного сена вполголоса разговаривали казаки других хуторов. Из них лишь двое были [из одного] с хутора Каргинского, Фадеев и Каргин, остальные восемь [с р] разных хуторов и станиц.

Спустя немного они запели. Заводил чирской казак Алимов. Он начал было плясовую, но кто-то шлепнул его по спине, простужено рывкнул — Отставить!

— Эй вы, сироты, полозьте к огню. — пригласил Кошевой. [В]||

<Л. 35 об.>

68.

В костер кинули щепки (осколки разбитого [в Черновицах] на полустанке забора), при огне веселее подняли песню:

Конь боевой с походным вьюком,
У церкви ржет когой-то ждет.
В ограде плачет бабка с внуком
Жена-молодка слезы льет.
А из дверей святого храма,
Казак в доспехах боевых идет.
Жена коня ему подводит
Племянник пику подает...

— В соседнем вагоне двухрядка, хрипя мехами, резала «казачка». По досчатому полу бесжалостно цокотали коблуки казенных сапог, кто-то дурным голосом вяжал, голосил:

— Уэх! Ух! Ух! Ха!.. Ха-ха-хи-хо-ху-ха ха! Да Никудышняя сноха! Дюже спереду плоха! И гола-то, и плоха, оклизнется и блоха. Ух ты!¹

— Ишь ты! — подхв. другой, — Што мны ты? Растесны нам хомуты. Рви, жги, делай раз, делай раз, ить без нас не будет нас.

— Эк дьяволы их разымают! — прерывая песню [засмеялся] хохотал Петро. Остальные тоже [вслушались] вслушивались сочувственно улыбаясь, поглядывая друг на друга, перемигиваясь.

¹ Против двух последних абзацев на левом поле без указания места вставки написано:

«— Царю верой-правдой служим
По своим жалмеркам тужим
Баб найдем — тужить не будем
А царю м.... полудим.
— Но-но, ты, брысь!»

У Меркулова в коричневых, [глазах] [усеяных желтыми] [краплеными] **крапленых** [желтыми] **желтой** [пятнышками] [искрами] {искрой} [в] глазах замигали веселые светлячки; он вскочил на ноги, **улавливая такт** носком [ра] сапога посыпал [мелкое] **мельчайшее** просо дроби и **вдруг** топнув, легко, пружинисто **кругло** пошел на присядку. Плясали все по очереди, грелись движением. В соседнем вагоне давно уж затухли двухрядные голоса, там уже хрипло и крупно ругались, а тут бились в пляске, беспокоили лошадей и кончили только [тогда] когда вломавшийся в раж Аникушка, **во время одного** {необычайнейшего по} {замысловатого} {замысловатости} **колена**, [неловко] [нечаянно] [сел] упал задом на огонь. Его с хохотом подняли, при свете свечного огарка [оглядывали] долго оглядывали новехонькие шаровары на смерть сожженные сзади¹, и концы приталеной ватной теплушки.

— Скинь шаровары-то! — **сожалея** советовал Меркулов.

— Тю, цыган, сдурел! А в чем-же я?

Меркулов порылся в саквах, достал холщевую бабью исподницу. Огонь раздули вновь. Меркулов держал рубаху за узкие плечики, откидываясь назад, стона от хохота говорил:

— Вот... Ох! Ох! Украл я ее [в Черновицах] **на станции, с забора**... На протанки блюл... Ох! Пороть не бу-у-уду...Бери!..

[Ржали так] Силком обряжая ругавшегося Аникушку ржали так смачно и густо, что из дверей соседних вагонов повысунулись головы [любопытные] **любопытных**², в ночной темноте [покрывая строчки колес] орали [завистливо] **завистливые** [и разноголоса] **голоса**

— Чево вы там?

— Жеребцы проклятые!

— Чево зашлисть-то?

— [Молчат гады.] **Железку нашли, дурочкины сплюбовники?**

На следующей остановке притянули из [соседнего] **переднего** вагона гармониста, [и половина обитателей вагона] из других вагонов битком набились казаки³, сломали кормушки **толпились** прижимая лошадей к стене. В крохотном кругу **выхаживал** Аникушка [плясал]. Белая рубаха, с здоровенной, как видно, бабищи, была ему длинна, [мешала плясать] **путалась в ногах**, но рев и хохот его поощряли, плясал он до изнеможения.||

<Л. 36>

69.

А над намокшей в крови Беларусь скорбно [свет] слезились звезды. **Провалом** Зияла **дымясь и уплывая** ночная небесная чернь. Ветер [с юга нес запахи] **пресмыкаясь над землей** **напитанной горькими запахами** листьев-падалицы, [и] суглинистой мочливой земли, [март] мартовского снега...

¹ ППС: «сожженные сзади на смерть».

² ППС: «любопытных головы».

³ ППС: «казаки из других вагонов набились битком».

9.

Через сутки полк был уже неподалеку от фронта. На узловой станции эшелоны остановили. Вахмистра разнесли приказ «выгружаться». По подмостям торопливо сводили лошадей, седлали, бегали в вагоны за позабытыми в торопях вещами, выкидывали прямо на мокрый песчанник путей растрепанные цибики сена, суетились.

Мелехова Петра позвал ординарец командира полка¹ [на станцию]. — Иди на вокзал, командир кличет.

Петро поправляя ремень на шинели пошел неспешно к платформе.

— Аникей, пригляди за моим конем. — попросил он [суетившегося] **находившегося** у [подмо] лошадей Аникушку.

Тот молча поглядел ему в след, на будничном хмуром лице его озабоченность сливалась с обычной скукой. Петро шагал глядя себе под ноги и на сапоги, обрызганные охровой **глинистой** грязью, раздумывая зачем-бы это он понадобился командиру полка. Внимание его привлекла небольшая толпа, [у] собравшаяся в конце платформы, у бака с кипятком. Он подошел, еще издали вслушиваясь в разговор. Человек двадцать солдат [и казаков] окружили рослого рыжеватого казака, стоявшего спиной к баку, в неловкой затравленной позе². Петро вытянув голову поглядел на смутно знакомое **забородатевшее** лицо рыжеватого казака-атаманца, на цифру 52 на синем урядничком погоне, решил, что где-то и когда-то видел³ этого дядю.

— Как-же это ты ухитрился? А еще гайку тебе нашивали. — злорадно допытывался у [стоявшего] рыжеватого казака солдат с [угреватым] **угрястым** умным лицом, в погонах вольноопределяющегося.

— Што такое? — полюбопытствовал Петро, тронув плечо стоявшего к нему спиной бородатого ополченца.

Тот повернул голову, ответил нехотя.

— Дизиртира пумали... Из ваших казакóв.

Петро усиленно напрягая память пытался вспомнить, где он видел это широкое рыжеусое и рыжебровое лицо атаманца. Тот не отвечая на вопросы вольноопределяющегося **редкими глотками** пил из широкой медной кружки, сделанной из гильзы снаряда, [прикусывая] **прикусывал** черным размоченным в воде сухарем. [На широком лице его] [были широко] [были] далеко расставленные выпуклые [голубые] глаза **его шурились**. [Он] прожевывая и глотая он шевелил бровями, глядел вниз и по сторонам. Рядом с ним, придерживая за штык винтовку, стоял конвоировавший его пожилой коренастый солдат. Атаманец-дезертир повел усталыми глазами по лицам разглядывавших его солдат [и казаков], в голубых, по-детски простых глазах вспыхнуло ожесточение, торопливо [проглотив] **глотив** он облизал губы, сказал [грубоватым] **грубым**⁴ негнушимся басом:

¹ ЛПС: «ординарец командира полка позвал».

² ЛПС: «в неловкой затравленной позе, спиной к баку».

³ ЛПС: «видел где-то и когда-то».

⁴ В белой рукописи «грубым».

— Диковина вам? Пожрать не [дадут] даете, сволочи, што вы, мать вашу людей не видали што-ль? Солдаты засмеялись, а Петро едва лишь услышал голос дезертира, сразу, как это всегда бывает¹, с пронзительной отчетливостью вспомнил, что||

<Л. 36 об.>

70.²

атаманец этот с хутора Рубежина Еланской станицы, по фамилии Фомин Яков; у него еще до войны на еланской годовой ярмарке торговал он с отцом трехлеткабычка.

— Фомин! — окликнул он, протискиваясь к атаманцу. Тот неловким движением поставил на бак кружку, прожевывая, глядя на Петра смущенными улыбающимися глазами, сказал:

— Не признаю.

— С Рубежина ты?

— Оттель. А ты, либо еланский?

— Я-то вешенский, а тебя помню³; с батей лет пять назад бычка у тебя торговали.

Фомин улыбаясь все той-же растерянной ребячьей улыбкой, как видно, силится вспомнить.

— Нет, замстило, не упомню тебя. — с видимым сожалением сказал он.

— Ты в [атаманском] 52 был?

— В 52.

— [Как] Убег, стал-быть? Как-же это ты, братец...

В это время Фомин, [достававший из шароваров],⁴ сняв [шапку] папаху, доставал оттуда потрепанный кисет. **Сутулясь** Он медленно сунул [шапку] папаху под мышку, оторвал косой угол бумажки и только тогда [глянул на] **прижал** Петра [смущенным] **строгим**, [влажным] **влажно мерцающим** взглядом.

— Невтерпеж, братушка... — сказал [он] невнятно.

Взгляд этот кольнул Петра. Он крикнул, [и] вобрал в рот желтоватый [свой] ус.

— Ну, землячки, кончайте разговоры, а то через вас как-бы мне не попало. — вздохнул вскидывая винтовку коренастый солдат-**конвоир**. — Иди-ка, папаша.

Фомин торопясь сунул в подсумок кружку, [прощаясь] **попрощался** с Петром, [глядел] глядя в сторону, и зашагал в **комендантскую** увалистой медвежковой роскачью⁵.

¹ ППС: «как это всегда бывает, сразу».

² На левом поле снизу вверх написано: «Исправить Черновицы (заменить), время присяги Вр. Прав. еще раньше — Вр. Ком. Гос. Думы».

³ ППС: «помню тебя».

⁴ ППС: «Фомин, [достававший из шароваров] в это время».

⁵ ППС: «[прощаясь] **попрощался** с Петром, [глядел] глядя в сторону, торопясь сунул в подсумок кружку, и зашагал в **комендантскую** увалистой медвежковой роскачью».

На вокзале, в буфете [*перво*] бывшего первого класса за столиком гнулся командир полка и два [*сотенные*] **сотенных** [*командиры*] **командира**. [*Около стояли вахмистра остальных пяти сотен.*]

— [Ты] Ты Мелехов, заставляешь себя ждать. — [*метнул*] *повел в его сторону* {поморгал} [*командир полка*] **полковник** [*рассеянный*] [*усталый*] **устало** [*озлобленным*] {озлобленными} [*взгляд*] [*взглядом*] {глазами}.

Петро выслушал [*распоряжение*] **известие** о том [*каким*] что сотня его поступает в распоряжение штаба дивизии, и что необходимо усиленно присматривать за казаками, сообщая о [*всяком*] **всякой** [*замеченом*] **замеченой** [*случае*] **перемене в их настроении** командиру сотни.

Не сморгнув, он глядел¹ в глаза полковника **слушал внимательно**, но [в] [в] в памяти неотступно, цепко [*как прик*] **как приклеенный** держался [*моргающий*] **мерцающий** влажный взгляд Фомина и тихое «невтерпеж, братушка...»

Он вышел из парного тепла вокзала, направился к сотне. Здесь-же на станции стоял **оставшийся полковой** обоз 2 разряда. Подходя к своей теплушке Петро увидел обозных казаков и сотенного коваля. При взгляде на коваля у Петра выветрился из памяти Фомин и **разговор с ним**, он [*шел*] ускорил шаги с целью переговорить относительно перековки коня (в этот миг над ним уже довели будничные заботы и тревоги), но из-за красного угла вагона выступила женщина, нарядно покрытая белым пуховым шарфом, одетая не так, как одеваются в польско-белорусской земле. Странно знакомый склад [*женской*] фигуры заставил Петра внимательней взглянуться в женщину. Она вдруг повернулась к нему лицом||

<Л. 37>

71.

[*метнулась*] **заспешила навстречу**², неуловимо поводя плечами, тонким не бабьим станом. И еще не различая лица, по этой вьющейся легковесной походке Петро угадал жену. Колкий приятный холодок [*осыпал его*] **докатился до [сердце] сердца**. Радость была тем сильнее, чем неожиданной. Нарочно укоротив шаг, что-бы [*волнения его*] [*не заметили*] наблюдавшие за ним обозные **не подумали о том, что он особенно уж рад**³, Петро шел навстречу, [*но*] [*зубы его против воли ежились*], [*дрожали*] [*улыбались*]. Он степенно обнял жену, поцеловал ее [*кр*] три раза, хотел что-то спросить, но глубокое внутреннее волнение пробилось наружу; мелко задрожали губы и будто отнялся язык.

— Не ждал. — **заикаясь** выговорил он наконец.

— Голубок мой! То-то ты да перменился... — **Дарья всплеснула руками** — Ажник как будто чужой... **Видишь**, Приехала проведать, наши не пускали... «Куда тебя понесет», нет, думаю, поеду, проведуя родимова... — **тарыхтела** [*Дарья*] **она** прижималась к мужу, заглядывая в глаза ему увлажненными глаза-

¹ ППС: «глядел, не сморгнув».

² ППС: «навстречу заспешила».

³ ППС: «не подумали о том, что он особенно уж рад наблюдавшие за ним обозные».

ми. А [от] у вагонов толпились казаки, глядя на них покрывали, перемигивались, нудились.

— Подвалило счастье Петру...

— Моя волчиха и не приедет, отроилась.

— Там у ней без Нестера десятеро.

— Мелехов хучь-бы [нам на] своему взводу на ночушку [ее] бабу пожертвовал... На бедность на нашу. Кх-м!

— Пойдемте ребята, кровью изойдешь гляючи как она к нему липнет!

В этот момент Петро не помнил, что собирался бить жену [за] смертным боем, [и] ласкал ее на людях, гладил большим обкуренным пальцем писанные дуги ее бровей, радовался. Дарья тоже забыла, что — только две ночи назад спала она в вагоне с драгунским ветеринарным фельдшером, вместе с ней ехавшим из Харькова [к] в [полку] полк. У фельдшера были необычайно пушистые и черные усы, но ведь все это было две ночи назад, а сейчас [Дарья] она со слезами искренней радости обнимала мужа [и] смотрела на него правдивыми ясными глазами...¹

10.

По возвращении из отпуска есаул Евгений Листницкий получил назначение в 14 донской казачий полк. В свой полк, в котором служил раньше, и из которого ему пришлось [после] [[в] во [фе] время] еще до февральского переворота так позорно бежать, он не явился, а прямо заехал в штаб дивизии и начальник штаба молодой генерал с громкой донской дворянско-казачьей фамилией, [знавший старика Листницкого] [слышавший от своего отца о старике Листницком], легко устроил ему перевод.

— Я знаю, есаул, — говорил он Листницкому уединяясь с ним в своей комнате, [нач] — что вам трудно будет работать в [своем полку] старой обстановке, потому что казаки настроены против вас, ваше имя для них одиозно и, разумеется, будет [лучше] **благоразумней** если вы поедете в 14 полк. Там исключительно||

<Л. 37 об.>

72.

славный подбор офицеров, да и казаки потверже, посрее, большинство из южных станиц Усть-Медведицкого округа. Там вам лучше будет [для большинства] **имя ваше ново, а ...** **Ведь вы, [сын и] кажется, сын Николая Алексеевича Листницкого?** — помолчав спросил генерал и получив утвердительный ответ продолжил. [Можете быть уверены] С своей стороны могу заверить, что мы ценим офицеров, таких как вы. В наше время даже среди офицерского состава большинство двурушников. [Прежде] Ничего нет легче, как переменить веру, [или] а то двум богам [сразу] молиться... — горько закончил начштаба.

Листницкий с радостью принял перевод. В этот же день он выехал в Двинск, где находился 14 полк, а через сутки уже представился командиру полка и при-

¹ ППС: «правдивыми ясными глазами смотрела на него...»

нял сотню. Ознакомившись с положением вещей он с удовлетворением сознал правдивость слов начштаба дивизии: из офицеров большинство [было] [было] [монархисты] **монархистов**, казаки, на треть разбавленные старообрядцами Усть-Хоперской, Кумылженской, Глазуновской и других станиц, были настроены отнюдь не революционно, на верность Временному Правительству присягали неохотно, в событиях, кипевших вокруг, не разбирались, да и не хотели разбираться, в полковой и сотенные комитеты прошли **казаки** подхалимистые и смиренные... С радостью вздохнул Листницкий в новой обстановке.

[Нес] Среди офицеров он встретил двух сослуживцев по Атаманскому полку, **державшихся обособленно** остальные были на редкость сплочены, единодушны, открыто поговаривали о восстановлении династии.

Полк около двух месяцев простоял в Двинске, собранный в единый кулак, отдохнувший, подтянутый. До этого [все] сотни, прикрепленные к пешим дивизиям, бродили по фронту от Риги до Двинска, но в апреле чья-то заботливая рука [свела] [соединила] {слила} все сотни, [и] полк был наготове. Казаки **опекаемые суровым офицерским надзором** выходили на ученье, выкармливали лошадей, жили [той] размеренной улиточной жизнью, оставаясь вне всякого воздействия извне, [опекаемые суровым офицерским надзором]. Среди [казаков] **них** были смутные предположения о истинном [назначении] **предназначении** полка, но офицеры говорили не таясь, что в недалеком будущем полк в чьих-нибудь надежных руках еще покрутит колесо истории.

Близкий **дыбился** фронт. Армия [дышал] дышала смертной лихорадкой, не хватало боевых припасов, **продовольствия** [фронт] **армия** [многорукий] **многоруко** [и истомленный] [тянулся] **тянулась к призрачному** слову «мир», [фронт] **армия** по разному [встречал] **встречала временного** правителя республики Керенского, [фронт] **и [понукаемый]** {понукаемая} [его] **истерическими криками** [спотыкался] {спотыкаясь} **в июльском наступлении**, [фронт] **армия** [вскипал] **вскипала**, как выметываемая ключами вода в роднике¹, а в Двинске жили казаки мирно, [и] тихо **желудки** [лошади] **лошадей** [ели] **переваривали** овес и макуху, **память** казаков заращивала тяготы перенесенные на фронте, офицеры **аккуратно** посещали [свое] **офицерское** собрание, недурно столовались, [и] горячо спорили о судьбах России.

Так до первых чисел июля. Второго приказ немедля ни минуты выступить. [Полк] Эшелоны полка потянулись [на] к Петрограду. 7го июля копыта казачьих коней уже цокотали по одетым в [камень] [тореи] **торцевую чешую** улицам столицы. [В центре и ра]]|

<Л. 38>

73.

Полк расквартировали на Невском. Под сотню Листницкого отвели пустовавшее [полуподвальное] торговое помещение. Казаков ждали с нетерпением и

¹ ППС: «[фронт] **армия** [вскипал] **вскипала**, как выметываемая ключами вода в роднике, [фронт] **и [понукаемый]** {понукаемая} его истерическими криками [спотыкался] {спотыкаясь} в июльском наступлении».

радостью; об этом [свидетель] красноречиво свидетельствовала та заботливость столичных властей, с какой были заранее оборудованы предназначавшиеся для них помещения. Заново окрашенные стены блестели известкой¹, глянец лоснились начисто вымытые полы², от сосновых [аккуратных] свежих пар [нах] смолистые запахи: почти уютно было в светлом опрятном [полуподвале] полуподвале. Листницкий, морщась под пенснэ, внимательно осмотрел помещение³, походил над [ослепительными] слепящими [белыми] белизной стенами, решил, что лучшего, в смысле удобств, не остается и желать. Удовлетворенный осмотром, он в сопровождении маленького, изящно одетого гражданина, представителя [гражданских властей] городского управления, на долю которого выпало встречать казаков направился [было] к выходу во двор, но [здесь] тут произошел неприятный казус: держась за дверную скобу он увидел на стене мастерски выцарапанный каким-то острым предметом рисунок: оскаленную собачью голову и метлу. Видно кто-то из рабочих, [работавших] трудившихся над оборудованием помещения, знал для кого оно предназначалось...

— Что это? — [дрожа] подожав бровями спросил Листницкий у сопровождавшего его представителя [городского самоуправления].

[Маленький изящно одетый присяжный поверенный {с выкоханной бородкой и мышасто-расторонными глазами} Член городской думы⁴ на долю которого выпало встречать казаков [с выкоханной бородкой и расторонными мышастыми глазами], подпрыгнул [и] разглядывая рисунок страшно [запыхтел] засопел.]

— Простите, господин офицер... Злоумышленная рука...

— Надеюсь, [что] [не с] без вашего [согласия] ведома изобразили здесь [эту] эмблему [эту] опричины <sic>⁵

— Что вы! Что вы... Помилуйте!.. [Большевистских] Большевистский [рук дело] фортель. Какой-то [это] негодяй осмелился... Я сейчас-же прикажу вновь выбелить стену! Чорт знает что... Простите, [такая] такое [нелепость] нелепое [произошла] происшествие... Смею вас уверить... Мне совестно за чужую подлость... Листницкому стало искренне жаль уничтоженного [представителя] смущенного гражданина. Он [сменил] смягчил [неумолимый] неумолимо-холодный взгляд, [и] сдержанно посмеиваясь сказал:

[— Я знаю, чьего творчества этот продукт. Разумеется вы не [можете] могли поощрять такое художество, [но] это еще не значит при том] Небольшой просчет художника... Казаки ведь не знают русской истории... Но из этого еще не [значит] следует, что [такое] подобное отношение к себе мы [казаки] можем [допускать] поощрять...

Представитель [ног] твердым холеным ногтем выскребал [со] в известке рисунок, пачкал дорогое [свое] английское пальто мельчайшей оседавшей на нем

¹ ППС: «Стены блестели заново окрашенные».

² ППС: «полы начисто вымытые лоснились гляцем».

³ ППС: «внимательно осмотрел помещение, морщась под пенснэ».

⁴ ППС: «Член городской думы Маленький изящно одетый присяжный поверенный {с выкоханной бородкой и мышасто-расторопными глазами}».

⁵ ППС: «эмблему [эту] опричины [не с] без вашего [согласия] ведома изобразили здесь».

белой пылью, тянулся на ципочках перед стеной. Листницкий протирая пенснэ улыбался, но горькая желчная грусть томилась в нем в этот миг. «Вот как встречаются нас, и вот что кроется за внешней показной стороной... но неужели для всей России мы являемся прообразом опричины?» — думал он шагая по двору к конюш-||

<Л. 38 об.>

74.

ням и невнимательно, безразлично вслушиваясь в слова спешившего за ним представителя.

В глубокий [и] просторный колодец двора отвесно падали солнечные лучи. Из окон многоэтажных домов **жильцы** свесившись разглядывали казаков, заполонивших весь двор, [жилыцы]. Сотня размещала в конюшне лошадей, казаки кучками стояли и сидели на корточках у стен, в холодке.

Что-же не идете, **ребята** в помещение? — спросил Листницкий у ближних.

— Успеется, [ваше бл] господин есаул.

— Надоисть ишо и там...

— Коней вот расстановим, тогда уж.

Листницкий осмотрел склад, предназначенный под конюшни, строго, стараясь вернуть себе прежнюю неприязнь к сопровождавшему его представителю, сказал.

— Войдите в соглашение, с кем требуется, о том, что необходимо прорубить еще одну дверь. Ведь не можем-же мы иметь на сто двадцать лошадей три двери. Этак в случае тревоги нам понадобится полчаса для того что-бы вывести лошадей... Странно, неужели это **обстоятельство** нельзя было учесть в свое время? Я вынужден буду доложить об этом [обстоятельстве] командиру полка.

Получив **немедленное** [заверения] **заверение**, что **не одна, а две** [дверь] **двери** будут [немедленно] **сегодня-же** пробиты, Листницкий распрошался с представителем, сухо поблагодарив его за заботы, **отдал распоряжение о назначении дневальных** и пошел [к себе] на второй этаж, в **временную** квартиру, отведенную офицерам сотни. **На ходу** [Растегнув] **Растегивая** китель, вытирая под козырьком пот он по черной лестнице поднялся к себе, радостно [ощущая] **ощутив** [тугую] **тучную** сыроватую прохладу комнат. В квартире, за исключением подъесаула Атарщикова, никого не было.

— Где-же остальные? — спросил Листницкий падая на брезентовую койку и тяжело [поднимая] **отваливая** ноги в запыленных сапогах.

— На улице. Рассматривают Петроград.

— А ты что-же?

— Ну, знаешь-ли, не стоит. [итти] Не успели ввалиться и уж сразу в город. Я вот почитываю о том, что происходило здесь два дня назад. Занятно.

Листницкий лежал **молча** чувствуя, как на спине его приятно холодеет мокрая от пота рубашка. Ему лень было вставать и умываться, сказывалась усталость нажитая за дорогу. Пересилив себя он встал, позвал вестового, [и] переменяв белье долго умывался, **довольно** фыркал, тер лохматым полотенцем полную с серым налетом загара шею.

— Умойся, Ваня. — посоветовал он Атарщикову — гору с плеч скинешь. Ну, так что в газетах?

— Пожалуй [*и*] в самом деле умыться. Неплохо, говоришь? А в газетах что, описание выступления большевиков, правительственные мероприятия. Почитай. Повеселевший после умывания Листницкий взялся было за газету, но его [*позвали*] пригласили к командиру полка. Нехотя поднявшись он прицепил шашку, [*застегнул*] надел **новый** китель, пахнувший мылом **неприлично** помятый за дорогу, и вышел на проспект. [*Переходя*] **Перейдя** на другую сторону он||

<Л. 39>

75.

[он] повернулся [*на*] **разглядыва**я дом, где расположилась сотня, [*что-бы на глаз запомнить его внешность*]. С внешней стороны, **по типу** дом ничем не отличался [*от остальных*] **от остальных**: [*угловой*] пяти этажный, облицованный дымчатым ноздреватым камнем, [*угловой*] стоял он в ровном строю [*остальных*] **таких-же** домов. Закуривая Листницкий медленно тронулся по тротуару. [*Нарядная*] **Густая** толпа пенилась мужскими соломенными шляпами, котелками, кепками, изысканно простыми и **нарядными** шляпками женщин. В общем потоке изредка мелькала зеленым демократическим пятном фуражка военного и исчезала, поглощенная переливами **разнообразных** красок.

Со взморья [*тянул*] **прибоем шел** бодрящий [*прохладой*] **свежий** ветерок, но разбиваясь о крутые громады строений [он] растекался жидкими неровными струями. По стальному, с сиреневым оттенком, неяркому небу плавались на юг тучи. Молочно-белые гребни их¹ **зубчатились** рельефно и остро. Над городом висела парная, преддождевая духота. Пахло **нагретым** асфальтом, перегарью бензина, **близким морем** волнующим [*запахо*] невнятным запахом дамских духов и еще [*чем-то*] какой-то разнородной **неделимой** смесью запахов, присущей всякому многолюдному городу.

Листницкий **покуривая** медленно шел правой стороной тротуара, изредка ловил на себе боковые почтительные взгляды встречных. Вначале он [*чувствовал себя стесненно*] **испытывал некоторое стеснение** за свой помятый китель и не свежую фуражку, но потом решил, что фронтвику, пожалуй, и нечего стыдиться своей внешности, а тем более ему, только что сегодня покинувшему вагон.

На [*желто-серых*] тротуарах [*и*] [*лопушистыми*] **зубчатые** [*пятнами*] [*темно*] **оливково-~~желтыми~~** **желтые** от солнца [*пятнами*] лежали теневые пятна² [*тен*] [*паруси*] от парусиновых тентов [*пр*] натянутых над входами в магазины и кафэ³. Ветер раскачивая трепал выжженную парусину, пятна на тротуарах шевелились, рвались из-под шаркающих ног [*про*] людей. Несмотря на послеобеденный час проспект [*выг*] кишел многолюдьем. Листницкий, отвыкший за годы войны от города, с радостным удовлетворением впитывал в себя разноголосый

¹ ППС: «Гребни их молочно-белые».

² ППС: «(*темно*) **оливково-~~желтыми~~** **желтые** от солнца, [*лопушистыми*] **зубчатые** [*пятнами*] лежали теневые пятна».

³ ППС: «натянутых над входами в магазины и кафэ [*тен*] [*паруси*] от парусиновых тентов».

гул, перевитый смехом [и] автомобильными гудками, криком газетчиков, и чувствуя себя в этой [толпе] толпе [богатых] прилично одетых, сытых людей своим, близким, все-же думал: «Какие все вы сейчас довольные, радостные, счастливые; все, и купцы, и биржевые маклера, и чиновники разных рангов, и помещики, и люди голубых кровей, а что с вами было три дня назад? Как вы выглядели, когда чернь и солдатня расплавленной рудой [текла] текли вот по этому проспекту, по улицам? По совести, и рад я вам и не рад. И благополучию вашему не знаю как радоваться...» Он попробовал проанализировать свое раздвоенное чувство, найти истоки его, и без труда решил, что потому так мыслит и чувствует, что война и то, что пришлось пережить там, отдалили его от [этой] этого [среды] скопища сытых, [и] довольных. «Ведь вот этот молодой, упитанный, — думал он встречаясь глазами с полным краснощеким и безусым мужчиной, — Почему он не на фронте? Наверное сын заводчика, или какого-нибудь торгового зубра, уклонился||

<Л. 39 об.>

76.

подлец от службы, — начхать ему на родину, — и «работает» на оборону, жирет, с удобствами любит женщин... «Но [чей] с кем-же ты в конце-концов?» — Задал он сам себе вопрос и улыбаясь, не колеблясь решил: «Ну, конечно-же вот с [этих] этими! В них частичка самого меня, а я частичка их коллектива... Все что есть хорошего и дурного [в буржуазии, как] в моем классе, есть в той или иной мере и у меня. Может-быть [я] у меня немного тоньше кожа, чем у этого вот упитанного боровка, может-быть поэтому я болезненней реагирую на все, и наверняка поэтому я честно на войне, а не «работаю на оборону», [стр] и именно поэтому¹ тогда зимой в Могилеве, когда я увидел [в автомобиле] свергнутого императора уезжавшего из Ставки, и его скорбные губы, и потрясающее непередаваемое положение руки, беспомощно лежавшей на колене, я [плакал] упал на снег и рыдал, как [ребенок] мальчишка... [и хотел, — ах, как крепко тогда хотел! — Застрелиться.] Ведь вот я по честному не приемлю [ни] революцию, не могу принять! И сердце и разум противятся... Жизнь положу за старое, отдам ее не колеблясь, без позы, просто, по солдатски, а многие-ли на это, [не кривя душой], пойдут?»

[Бледня, с [глубокой] глубочайшей волнующей яркостью [вспомнил он] **восстановил он в памяти пасмурный февральский день, бывший губернаторский дом в Могилеве на берегу Днепра, решетчатую тесьму [огорожу] огорожи и [и] снег { по ту сторону ее } испещренный оранжевыми бликами морознодымного багрового солнца. [Подъезд] У выезда [небольшую] небольшая [толпу] толпа из чинов Ставки, военных², штатских, выезжающий крытый автомобиль и царя, откинувшегося на спинку сиденья, обуглившееся лицо его [за стеклом] с каким-то фиолетовым оттенком, [а] по бледному лбу косой черный полукруг папахи [на бледн] формы казачьей конвойной стражи. [и рука] Стиснув**

¹ ППС: «поэтому именно».

² ППС: «военных, чинов Ставки».

зубы Листницкий почти бежал мимо изумленно оглядывавшихся на него людей, в глазах его падала от края черной папахи царская рука, отдававшая честь...]

В ушах звенел [ропот отъезжающей] **бесшумный холостой ход отъезжающей** машины и то великое гнусное безмолвие толпы [вслед последнему из царей] молчаньем провожавшей последнего императора¹.

[В подъе] По лестнице дома, где помещался штаб полка, Листницкий поднимался медленно. У него еще дрожали [заплаканные] щеки и кровависто слезились припухшие заплаканные глаза. На площадке второго этажа он выкурил подряд две папиросы, протирая пенснэ, через две ступеньки вбежал на третий этаж.

Командир полка отметил на карте Петрограда район, в котором сотня Листницкого должна была нести охрану правительственных учреждений, перечислил учреждения, с мельчайшими деталями сообщил о том какие и в какое время надо ставить и сменять караулы, в заключение сказал:

— В Зимний дворец Керенскому...

— Ни слова о Керенском!.. — заливаясь смертельной бледностью громко [сказал] **прошептал** Листницкий.

— Евгений Николаевич, надо брать себя в руки...

— Полковник, я вас прошу!

— Но, милый мой...

— Я прошу!

— Нервы у вас...

— Разъезды к Путиловскому сейчас прикажете выслать? — тяжело дыша спросил Листницкий.

Полковник кусая губы, улыбаясь, пожал плечами, ответил:

— Сейчас-же. **И Непременно.** Со взводным офицером².||

<Л. 40>

77.

Листницкий вышел из штаба нравственно опустошенный, **раздавленный** воспоминаниями пережитого и разговором с командиром полка. Почти у самого дома увидел казачий разъезд, стоявшего в Петрограде 4 донского полка. На [светло] уздечке светло рыжего офицерского коня завявшие понуро висели живые цветы. [На] **По [белосом] белосому [лице] лицу [пожилого]** офицера сквозила улыбка.

— Да здравствуют спасители родины!... — крикнул **сходя с тротуара** и размахивая шляпой какой-то экзальтированный [господин] пожилой господин. [Разъезд] Офицер любезно приложил ладонь к козырьку, разъезд тронулся рысью. Листницкий посмотрел на взволнованное мокрогубое лицо приветствовавшего казаков господина, на его тщательно повязанный цветастый галстук и морщась, ссутулившись [шмыгнул] **шмыгнул** в подъезд своего дома.

¹ Текст вставки перенесен с левого поля; место вставки определено по авторизованному списку.

² ППС: «Со взводным офицером. И Непременно».

11.

Назначение генерала Корнилова Главнокомандующим Юго-Западного фронта [*и его выступление*] встречено было офицерским составом 14 полка с большим сочувствием. О нем говорили с любовью и уважением, как о человеке обладающем железным характером [*и несомненно старавшемся*] и **несомненно могущем** вывести страну из тупика, в который завело ее Временное Правительство.

Особенно горячо встретил это назначение Листницкий. Он через младших офицеров сотни и близких к нему казаков попытался узнать, как относятся к этому казаки, но полученные сведения его не порадовали: Молчали казаки, или отделялись апатичными ответами:

— Нам все одно.

— Какой он, кто его знает...

— Кабы он нашет [*мира*] замирения постарался, тогда конечно.

— Нам от его повышения легче не будет, небось.

[*Недели через полторы*] **Через несколько дней** среди офицеров, общавшихся с более широкими кругами гражданского населения и военных, передавались настойчивые слухи, что будто-бы Корнилов жмет на Временное Правительство, требуя [*м*] **восстановления смертной казни на фронте** и проведения многих решительных мероприятий [*для*] от которых зависит участь армии и исход войны. Говорили о том, что Керенский боится Корнилова и наверное приложит все усилия к тому, что-бы заменить его [*более*] на должности Главнокомандующего фронтом более податливым генералом, назывались известные в военной среде имена генералов.

19го июля всех поразило правительственное сообщение о назначении Корнилова Верховным Главнокомандующим. Вскоре-же поёсаул Атарщиков, имевший обширные знакомства в **главном комитете офицерского союза**, говорил, ссылаясь на вполне достоверные источники, что Корнилов, в записке, приготовленной для доклада Временному Правительству настаивал на необходимости следующих главнейших мероприятий: введения на всей территории страны в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни за ряд тяжчайших преступлений, преимущественно военных; восстановления дисциплинарной власти военных начальников; введения в узкие рамки деятельности комитетов и установления их ответственности перед Замком, и т.д.

В этот-же день вечером [*офицеры сотни*] [*Листницкого*] **Листницкий**||

<Л. 40 об.>

78.

в разговоре с офицерами своей сотни и других сотен **остро** и прямо поставил вопрос, с кем они идут.

— Господа-офицеры, — говорил он с сдержанным волнением, — мы живем дружной семьей, мы знаем что [*из себя*] представляет каждый из нас, но до сей поры многие большие вопросы между нами остались не вырешенными. [*А*] **И** вот именно теперь, когда отчетливо намечаются перспективы расхождения Верхов-

ного с Правительством, нам необходимо [*остро*] **ребром** поставить вопрос с кем и за кого мы? Давайте-же поговорим по товарищески, не кривя душой.

Подьесаул [*Ваня*] Атарщиков [*статный, грудастый, с тонкими сильными ногами*] [*подражая*], ответил первый.

— Я за Корнилова кровь **свою** выщежу. Это кристальной честности человек, и только он один в [*силах*] **состоянии** поставить Россию на ноги. Смотрите что он делает в армии, ведь только благодаря ему отчасти развязали руки военначальникам, а то ведь сплошное засилье комитетов, **братанье, дезертирство...** Какой может быть разговор? Всякий порядочный человек за Корнилова!

Похожий на породистого борзого кобеля, [*но*] узкий в тазу, тонконогий и непомерно грудастый и широкоплечий Атарщиков говорил запальчиво. Видно [*трогала*] **трогал** за живое поднятый вопрос. [*Он*] Кончив он оглядел группировавшихся у стола офицеров, **стукая по портсигару мундштуком папиросы** и выжидательно на [*веко*] нижнем веке [*его*] **его** правого глаза [*у него*] [*коричневый*] **коричневой** [*выпуклый*] **выпуклой** горошиной сидела родинка. Она мешала верхнему веку плотно прикрывать глаз и от этого, [*создавалось п*] при первом взгляде на Атарщикова создавалось впечатление будто взгляд его [*улыбается*] **тронут** постоянной снисходительно-выжидающей усмешкой.

— Если выбирать между большевиками, Керенским и Корниловым, то, разумеется, мы за Корнилова.

— Нам трудно судить чего хочет Корнилов, только ли восстановления порядка в России, или восстановления еще чего-нибудь...

— Это не ответ на принципиальный вопрос!

— Нет ответ.

— А если и ответ, то неумный, во всяком случае.

— А чего вы боитесь, сотник? Восстановления монархии?

— Я не боюсь этого, а напротив, желаю.

— Так в чем-же дело?

— Господа! — твердым обветревшим голосом заговорил [*хорунжий*] **Долгов** недавний вахмистр, получивший за боевые отличия хорунжего. — Об чем вы спорите? А вы степенно скажите, што нам, казакам, надо держаться за **генерала** Корнилова, как дитю за материн подол. Это безо всяких лукавствий, напрямки. Оторвемся от него — пропадем, Расея навозом нас загребет! Тут уж дело ясное, куда он — туда и мы.

— Вот это да!... — Атарщиков с восхищением хлопнул Долгова по плечу и смеющимися глазами уставился в Листницкого. Тот улыбаясь, волнуясь разглаживал на коленях складки брюк.

— Так как-же, господа офицеры, атаманы? — приподнятым голосом воскликнул Атарщиков — За Корнилова мы?..

— Ну, конечно!

— Долгов сразу разрубил Гордиев узел.

— Все офицерство за него!

— Мы не хотим быть исключением.

— Дорогому Лавру Георгиевичу, казаку и герою, ура!!!

<Л. 41>

79.

Смеясь и чокаясь офицеры пили чай. Разговор, утративший на давнюю напряженность, вертелся вокруг событий последних дней.

— Мы-то гужом за Верховнава, а вот казаки мнутя... — нерешительно сказал Долгов.

— Как это мнутя? — спросил Листницкий.

— А так, мнутя и шабаш... Им[-бы], сукиным сынам по домам, к бабам охота... Жизня-то нетеплая остобрыдла...

— Наше дело увлечь за собой казаков! — брякнул кулаком по столу сотник Чернокутов. — Увлечь! На то мы и носим офицерские погоны!

— Казакам надо терпеливо разъяснять с кем им по пути.

Листницкий постучал [по столу] ложечкой о стакан, собрав в кучу внимание офицеров раздельно сказал:

— Прошу запомнить, господа, что наша работа сейчас должна сводиться, вот именно, как сказал Атарщиков, к разъяснению казакам истинного положения вещей. Казака надо вырвать из-под влияния Комитетов. Тут нужна ломка характеров, примерно такая-же если не большая, которую большинству из-нас пришлось пережить после февральского переворота. В прежнее время, допустим в 16 году, я мог избить казака, рискуя тем, что в бою он мне пустит в затылок пулю, а после февраля пришлось свернуться, потому что если-бы я ударил какого-нибудь дурака меня убили-бы здесь-же в окопах, не дожидаясь удобного момента. Теперь совсем иное дело. Мы должны, — Листницкий подчеркнул это слово, — сродниться с казаком. От этого зависит все! Вы знаете, что твориться сейчас в 1 и 4 полках?

— Кошмар!

— Вот именно кошмар. — продолжал Листницкий, — Офицеры отгораживались от казаков прежней стеной и в результате казаки все поголовно подпали под влияние большевиков и сами на 90 % стали большевиками. Ведь ясно, что грозных событий нам не миновать... Дни 3 и 5 июля только суровое предостережение всем беспечным... Или нам за Корнилова придется драться с [демократическими] войсками **революционной демократии**, или большевики, накопив силы и расширив свое влияние, качнут еще одной революцией. У них передышка, концентрация сил, а у нас расхлябанность... Да разве-же можно так?!.. Вот в будущей-то перетряске и пригодится надежный казак...

— Мы без казаков, конечно, ноль без палочки. — вздохнул Долгов.

— Верно, Листницкий!

— Очень даже верно.

— **Россия одной ногой в могиле...**

— Ты думаешь мы этого не понимаем? Понимаем, но иногда бессильны что-либо сделать. Приказ № 1 и «Окопная правда» сеют свои семена.

— А мы любимся на всходы, вместо того что-бы вытоптать их и выжечь до тла! — крикнул Атарщиков.

— Нет не любимся! Мы бессильны!

— Врете, хорунжий! Мы просто нерадивы!

- Неправда!
 - Докажите!
 - Тише, господа!
 - **«Правду» разгромили... Керенский задним умом умен...**
 - Что это базар что-ли? Нельзя-же!
- Поднявшийся гул бестолковых выкриков понемногу утих.}}

<Л. 41 об.>

80.

[Один и] Командир одной из сотен, с необычайным интересом вслушивавшийся в слова Листницкого, попросил слова:

- Я предлагаю дать возможность есаулу Листницкому докончить.
- Просим!

Листницкий, потирая кулаками острые углы колен, продолжал:

— Я говорю, что тогда, т.е. в будущих [стычках] боях, в гражданской войне, — я только сейчас понял, что она неизбежна, — и понадобится верный казак. Надо биться и отвоевать его у комитетов, тяготеющих к большевикам. **В [Это] этом** кровная [наша] необходимость. Ведь в случае новых потрясений казаки 1 и 4 полков перестреляют своих офицеров...

— Ясно!

— Церемониться не будут!

— ...И на их опыте, очень горьком, к слову сказать, должны мы учиться. Казаков 1 и 4 полков, — хотя впрочем какие они теперь казаки? — в будущем придется вешать через одного, а то и просто свалить всех... Сорную траву из поля вон! Так давайте-же удержим своих казаков от [ошибки] **ошибок**, за [которую] **которые** им придется в последствии нести расплату.

После Листницкого взял слово тот самый командир сотни, который слушал его с **таким** исключительным вниманием. [Он —] Старый кадровый офицер, служивший в полку девять лет, получивший за войну четыре ранения, он говорил о том, что в прежнее время тяжело было служить, казачьи офицеры были на дворах, держались в черном теле, движение по службе было слабым и для преобладающей части офицерских кадров чин войскового старшины был посмертным; этим **обстоятельством**, по его словам [обстоятельством] и объяснялась [пассивность] **инертность** казачьих верхушек в момент низвержения самодержавия. Но несмотря на это он [предлагал] говорил, что надо всемерно поддерживать Корнилова, прочнее связавшись с ним через Совет Союза Казачьих войск и Главный Комитет офицерского Союза.

— Пусть Корнилов будет диктатором, для [нашего] **казачьих [войска] войск** это спасение. При нем мы, может быть, будем **даже** лучше жить, чем при царе.

Время утекло далеко за полночь. Над городом [июльская] **простая**, белесая, в [космах] распотлаченных космах облаков стояла ночь. Из окна виден был чугуно темный шпиз Адмиралтейской башни и желтый **половодный** разлив огней.

Офицеры проговорили до рассвета. Решено было в неделю три раза проводить с казаками беседы на политические темы, взводным офицерам было [поручено] **вменено в обязанность** ежедневно заниматься со взводами гимнастикой и чит-

кой, для того что-бы заполнить свободное время и вырвать умы казаков из разлагающей атмосферы политики. Перед уходом, пели «Тихий Дон», [*пили чай*] допивали десятый самовар, [*и*] под звон стаканов шуточные произносились тосты¹. И уже совсем перед уходом Атарщиков пошептавшись с Долговым [*спросил*] попросил внимания.

— Сейчас в виде десерта угостим мы вас старинной казачьей. А, ну, потише, да окошко-бы открыть, а то уж больно накурено.||

<Л. 42>

81.

Два голоса, обветривший, [*и*] ломкий **бас** Долгова и мягкий необычайно приятный тенор Атарщикова вначале [*сталкивались*] сшибались, путались, у каждого был свой темп песни, но под конец голоса **буйно** сплелись [*хмелевой гроздью*], звучали покоряюще- красиво.

... Но и горд наш Дон, Тихий Дон наш батюшка;
Басурманину он не кланялся, у Москвы, как жить, не спрашивался.
А с Туретчиной ох, да по потелице шашкой острою век здоровался...
А из года в год степь донская, наша матушка,
За Пречистую Мать богородицу, да за веру свою православную,
Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала со супостатами...

Атарщиков, скрестив на коленях пальцы, на высоких тонах вел песню, **за все время** ни разу не сбился, [*не глядя*] **несмотря** на то что варьируя он далеко оставял за собой напористый бас Долгова, [*и лишь под*] с виду был необычно суров и лишь под конец Листницкий заметил [*у него возле*] **как через** коричневый кургашек родинки на глазу сбежала **у него** [*и посверкивая легла на щеке бисерная горя*] холодно сверкнувшая слезинка.

После того, как офицеры чужих сотен разошлись, а оставшиеся улеглись спать, Атарщиков подсел на койку Листницкого, турсуча голубые вылинявшие подтяжки на выпуклом заслоне груди зашептал:

— Ты понимаешь, Евгений... Я до чортиков люблю Дон, весь этот старый веками складывавшийся уклад казачьей жизни, люблю казаков своих, казачек, все люблю! От запаха степного полынка мне хочется плакать... И вот еще, когда цветет подсолнух и над Доном пахнет смоченными дождем виноградниками... так глубоко и больно люблю... ты поймешь... А вот теперь думаю, не околпачиваем-ли мы вот этих самых казаков? На эту-ли стежку хотим мы их завернуть?..

— О чем ты? — настороженно спросил Листницкий. Из-под воротника белой сорочки Атарщикова наивно, [*и и*] по юношески трогательно смуглела шея. [*Он*] Над коричневой родинкой тяжело висел синий ободок века, в профиле лица виден был увлажненный свет одного полузакрытого глаза.

— Я думаю, надо-ли казакам это?

— А что-же в таком случае им надо?

¹ ППС: «шуточные произносились тосты, допивали десятый самовар, [*и*] под звон стаканов».

— Не знаю... Но почему они так стихийно отходят от нас? Революция словно разделила нас на овец и козлиц, наши интересы как-будто расходятся...

— Видешь-ли, — осторожно начал Листницкий, — тут сказывается [*разность*] **разница** в [*восприятиях*] **восприятии** событий. За нами больше культуры, мы можем критически оценивать тот или иной факт, а у них все [*примитивно*] **примитивней** **проще**. Большевики вдалбливают им в головы, что надо войну кончать, вернее превращать ее в гражданскую [*войну*]. Они натравливают казаков на нас, а так как казаки устали, в них больше животного, нет того нравственного крепкого сознания долга и ответственности перед родиной, что есть||

<Л. 42 об.>

82.

у нас, это вполне понятно, это находит благоприятную почву. Ведь что такое для них родина? Понятие во всяком случае абстрактное. «Область войска Донского от фронта далеко и немец туда не дойдет» — так рассуждают они. В этом-то вся и беда. Нужно правильно растолковать им какие последствия влечет за собой превращение этой войны в войну гражданскую.

Листницкий говорил подсознательно чувствуя, что слова его не доходят до цели и что Атарщиков сейчас закроет перед ним створки своей душевной раковины. Так и случилось: Атарщиков [*не*] что-то промышчал невнятное, долго еще сидел молча и Листницкий хотя и пытался, но не мог разобраться в каких потемках **мысленно** бродит сейчас умолкший товарищ. «Надо-бы дать ему высказаться **до конца**... — с сожалением подумал [*Листницкий*] **он**.

Атарщиков пожелав спокойной ночи так и ушел, не сказав больше ни слова. На минуту потянулся к искреннему разговору, приподнял краешек той черной завесы [*неизвестности*] **неизведанного**, за которой каждый [*укрывается*] **скрывает** от людей [*сокровенное*], и вновь опустил ее,

Неразгаданность чужого, [*сокровенного*] **сокрытого** досадно волновала Листницкого. Он покурил, полежал немного, **напряженно** глядя в серую ватную темень и неожиданно вспомнил Аксинью, дни отпуска заполненные до краев ею. [С] Уснул примиренный думами, и случайными, отрывочными воспоминаниями о женщинах, чьи пути [*сходились*] **скрещивались** когда-то с его путями.

12.

В сотне Листницкого был казак Букановской станицы Лагутин Иван. **По первым выборам** Он прошел в члены полкового военно-революционного комитета, до прихода полка в Петроград ничем особым себя не проявлял, но в последних числах июля взводный офицер сообщил Листницкому, что Лагутин бывает в [*сол*] военной секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, связан, наверное, с Советом, так как замечалось что ведет он¹ частые беседы с казаками своего взвода и влияет на них с отрицательной стороны. В сотне два

¹ ППС: «он ведет».

раза были случаи отказа от назначения в караулы и разъезды, взводный офицер приписывал эти случаи воздействию на казаков Лагутина.

Листницкий решил, что ему необходимо как-нибудь поближе узнать Лагутина, прощупать его [*Случай к этому представился вскоре*] Вызывать [*Лагутина*] [*его*] казака на откровенный разговор было глупо и неосторожно, поэтому Листницкий решил выжидать. Случай представился скоро. В [*послед*] конце июля третий взвод по наряду должен был ночью нести охрану улиц, прилегающих к Путиловскому заводу.

— Я пойду с казаками. — предупредил взводного офицера Листницкий. — Передайте что-бы мне оседлали [*кон*] вороного.

Листницкий имел двух лошадей, «на всякий случай», как говорил он. Одевшись [*он*] при помощи вестового он спустился во двор. Взвод был на конях|.

<Л. 43>

83.

В [*серой*] мглистой прошитой огнями темноте проехали несколько улиц. Листницкий нарочно отстал, окликнул сзади Лагутина. Тот подъехал, поворачивая свою невзрачную лошаденку сбоку, выжидаяще поглядел на есаула.

— Что нового у вас в комитете? — спросил Листницкий.

— Ничего нету.

— Ты какой станицы, Лагутин?

— Букановской.

— Хутора?

— С самой станицы.

Теперь лошади их шли рядом. Листницкий при свете фонарей искоса посматривал на [*Лаг*] бородатое лицо казака. У Лагутина из-под фуражки виднелись гладкие зачесы волос, на худых щеках неровная куделилась борода, умные с хитринкой глаза [*гл*] сидели глубоко прикрытые выпуклыми надбровными дугами.

«Простой с виду, постный, а что у него за душой? Наверное ненавидит меня, как и все, что связано с старым режимом, с «палкой капрала»... — подумал Листницкий и почему-то захотелось узнать о прошлом Лагутина.

— Семейный?

— Так точно. Жена и двое детишков.

— А хозяйство?

— Какое у нас хозяйство... — насмешливо, с ноткой сожаления сказал Лагутин, — живем ни шатко ни валко. Бык на казака, а казак на быка, так всю жисть и крутимся... Земля-то у нас песчаная. — подумав сурово добавил он.

Листницкий когда-то ехал на станцию Себряково через Букановскую. Он живо вспомнил эту глухую улегшуюся на отшибе от большого шляха станицу, [*веселую,*] [*веселую,*] с юга прикрытую ровнехоньким неокидным лугом, опоясанную капризными извивами Хопра. Тогда еще с гребня от Еланской грани, верст за двенадцать увидел он зеленое марево садов в низине [*и*] белый обглоданный мосол высокой колокольни.

— Супесь у нас. — вздохнул Лагутин.

— Домой, наверное, хочется¹, а?

— Как-же, Господин есаул, конечно гребтится поскорей [*при*] возвратиться. Нуждишки не мало приняли за войну.

— Едва ли, брат, скоро придется вернуться...

— Придется.

— Войну-то не кончили ведь.

— Скоро прикончат. По домам скоро. — упрямо настаивал Лагутин.

— Еще между собой придется воевать. Ты как думаешь?

Лагутин не поднимая от луки опущенных глаз помолчал, спросил:

— С кем воевать?

— Мало-ли с кем... Хотя-бы с большевиками.

И опять надолго замолчал Лагутин, словно задремал под четкий плясовой звяк копыт. Ехали молча минуты три. Лагутин медленно расстонавливая слова сказал:

— Нам с ними нечево делить.

— А землю?

— Земли на всех хватит.

— Ты знаешь к чему стремятся большевики?

— Трошки припадало слышать...||

<Л. 43 об.>

84.

— Так что-же по твоему делать, если большевики будут итти на нас с целью захвата наших земель, с целью порабощения казаков? С Германцами ведь ты воевал, защищал [*родину?*] Россию?

— Германец дело другое.

— А большевики?

— Што-*[же]* ж, господин есаул, — видимо решившись заговорил Лагутин, поднимая глаза, [*ища глаз*] встречаясь с взглядом Листницкого, — Большевики последнюю землишку у меня не возьмут. У меня в аккурат один пай, им моя земля без надобности... А вот, к примеру, вы не обижайтесь только, у вашево папаши [*чет*] десять тыщев десятин...

— Не десять, а четыре.

— Ну, все одно, хучь и четыре, рази мал кусок? Какой-же это порядок, можно сказать? А **кинь** по России — таких как ваш папаша очень даже дюже много... И так рассудите, господин есаул, што кажный рот куска просит. И вы желаете кушать и другие всякие люди тоже желают исть. Это ить один цыган приучал кобылу не исть, дескать [*привыкнет*] **приобыкнет** без корму; а она, сердешная, привыкала, привыкала, да на десятые сутки взяла да издохла... Порядки-то кривые были при царе, для беднова народа вовсе суковатые... Вашему папаше отрезали вон, как краюху пирога, четыре тыщи, а ить он **не** в два горла исть, а так-же как и мы простые люди **в одно**. Конечно обидно за народ... Большевики[*- то*] они верно нацеливаются, а вы говорите воевать...

¹ ППС: «хочется, наверное».

Листницкий слушал его с затаенным волнением. **К концу** Он уже понимал, что бессилён противопоставить какой-либо веский аргумент, чувствовал, что [*простыми*] несложными убийственно-простыми доводами [*казак*] притер его **казак** к стене и оттого, что [*где-то глубоко мутила неосознанная собственная неправота он злился, [с] заворошилось тронутое [бесхитростными словами] раскаленными в ненависти словами,*] заворошилось [*глубоко*] **наглухо** [*спрятанное*] **упрятанное** [*от самого себя*] сознание собственной неправоты Листницкий растерялся, озлился.

— Ты что-же, большевик?

— Прозвище тут не причём. — насмешливо и протяжно ответил Лагутин. — Дело не в прозвище, а в правде. Народу правда нужна, а её все хоронят, закапывают. Гутарют, што она **давно** уж покойница...¹

[*Оказывается*] Вот чем начиняют тебя [*товарищи*] **большевики** из Совета... **Оказывается** Недаром ты с ними якшаешься.

— [*Нас жизнь начинила*] Эх, господин есаул, нас, терпеливых, [*жи*] сама жизнь начинила, а большевики только фитиль подожгут...

— Ты эти присказки брось! Балагурить тут нечего! — уже сердито [*сказал*] **заговорил** Листницкий. — Ответь мне, ты **вот** говорил о земле моего отца, вообще о помещичьей земле, но ведь это — собственность. Если у тебя две рубахи, а у меня нет ни одной, что-же, по твоему, я должен отбирать у тебя?

Листницкий не видел, но по голосу Лагутина догадался, что тот улыбается.

— [*Мы*] Я сам отдам лишнюю рубаху. И отдавал на фронте **не лишнюю, а остатнюю**, шинель на голом теле носил, а вон [*землицу*] **землицей** што-то никто не [*поделится*] прошибется...||

<Л. 44>

85.

— Да ты что, землей не сыт? Не хватает тебе? — повысил Листницкий голос.

В ответ **взволнованно** задыхаясь, [*от*] почти крикнул побелевший [*лицом*] Лагутин:

— А ты думаешь я об себе душой болю?.. В Польше были, там как люди живут? Видал, аль нет? А кругом нас мужики как живут?.. **Я-то** Видал [*я*]! Сердце кровью закипает!.. Што-ж, думаешь, мне их не жалко, штоль?.. Я может об этом полякё изболелся весь, на ево [*муку*] **горькую землю** гляючи...

[*Закиная озлоблением*] Листницкий [*что-то*] хотел сказать **что-то** едкое но [*неподалеку*] от серых лобастых корпусов Путиловского завода [*кто-то*] [*крикнули*] [*пронзительно*] **пронзительный крик** «— Держи!» Грохотом пробараба-

¹ ППС: «— Ты что-же, большевик?

— Прозвище тут не причём. — насмешливо и протяжно ответил Лагутин. — Дело не в прозвище, а в правде. Народу правда нужна, а её все хоронят, закапывают. Гутарют, што она **давно** уж покойница...

Листницкий слушал его с затаенным волнением. **К концу** Он уже понимал, что бессилён противопоставить какой-либо веский аргумент, чувствовал, что [*простыми*] несложными убийственно-простыми доводами [*казак*] притер его **казак** к стене и оттого, что [*где-то глубоко мутила неосознанная собственная неправота он злился, [с] заворошилось тронутое [бесхитростными словами] раскаленными в ненависти словами,*] заворошилось [*глубоко*] **наглухо** [*спрятанное*] **упрятанное** [*от самого себя*] сознание собственной неправоты Листницкий растерялся, озлился».

нил конский топот, резнул слух выстрел. Взмахнув плетью Листницкий выпустил коня. Они с Лагутиным одновременно подскакали к [казакам] взводу [сгрудившимся] сгрудившемся возле перекрестка. Казаки звеня шашками спешили, в середине бился [в чьих-то руках] [к] схваченный человек.

— Что? Что такое? — [крикнул] [взволнованно спросил] {загремел} Листницкий, врезываясь конем в толпу.

— Гад какой-то камнем...

— Шибнул и побег.

— Дай ему, Аржанов!

— Ишь ты, сволочь¹! В шиб-прошиб играешь?

Взводный урядник Аржанов, свесившись с седла, держал за шиворот небольшого одетого в [<1 слово нрзб.>] черную распоясанную рубаху человека. [Неск] Трое спешившихся казаков крутили ему руки.

— Ты кто такой? — [звонко кинул] невладея собой крикнул Листницкий.

Пойманный поднял голову, на мутно белом лице [покривились] [<1 нрзб.>] плотно сомкнулись [безмолвные] безмолвно губы.

— Ты кто? — повторил Листницкий вопрос. — Камнями [кидаешься] швыряешься, мерзавец? Ну? Молчишь? Аржанов...

Аржанов прыгнул с седла, [кин] выпустив из рук воротник пойманного², с маху ударил его по лицу.

— Дайте ему! — [отводя] круто поворачивая коня приказал Листницкий [Казак] [Часть казаков оживленно переговаривались отсекали.] Трое или четверо спешенных казаков [свалили серую] валяя [связаную] связаного [фигуру] человека, замахали плетями. Лагутин [соскочив с седла] с седла долой подбежал к Листницкому.

— Господин-есаул!.. Што-ж вы это?!.. Господин-есаул!.. Он [ухватил] хватал колено [Листницкого] есаула щупло дрожащими цепкими пальцами, кричал:

— Нельзя так!.. Человек [ведь] ить!.. Што вы делаете?

Листницкий [трогая] трогал коня поводьями, молчал. Рванувшись к казакам Лагутин [еха] обхватил Аржанова поперек³, спотыкаясь, путаясь в шашке ногами пытался его оттащить. Тот сопротивляясь [говорил] бормотал:

— Ты не гори дюже! Не гори! Он будет камнями шибаться, а ему [молчи...] прощать надо... Как бы не так! Пусти!.. Пусти, тебе добром говорят!..

Один из казаков изогнувшись смахнул с себя винтовку. Приклад несколько раз [мягко опустился] жмякнулся о мягко похрустывавшее тело [лежавшего на земле] поваленного человека. Спустя минуту низкий, животно-дикий крик [повис в воздухе] пополз над мостовой.

— Аааааа!.. Аааыы-ык!.. Ык! Ык!.. Про-па-да-юуууу!.. — а потом несколько секунд||

¹ ППС: «Сволочь, ишь ты!»

² ППС: «выпустив из рук воротник пойманного, прыгнул с седла».

³ ППС: «поперек Аржанова».

<Л. 44 об.>

86.

молчания и тот-же голос, но уже ломкий по молодому, [хриплый] [глухой] {за-хлебывающийся}, исшматованный болью, между выхрипами после ударов [коротко рвался] замыкался короткими выкриками:

— Сволочи!.. Контр!.. Револцнеры!.. Бейте! О-ох!..

— Ааааа... Гак! Гак! Гак! [«Хряп! Хряп!»] — хряпали вперемежку удары.

Лагутин подбежал к Листницкому, плотно прижимаясь к его колену, царапая ногтями крыло седла [прокрича выдохнул] задохнулся:

— Смилуйся!

— Отойди!

— [Братцы! Я член полкового комитета! Приказываю, бросьте! Ответ будете держать!..] Есаул! Листницкий!.. Слышишь?.. Ответишь!..

— Плевать я на тебя хотел! — [не владея собой] засипел Листницкий и тронул коня на Лагутина.

— Братцы! — крикнул тот подбегая к стоявшим в стороне казакам, — Я член полкового ревкома... Приказываю, ослобоните человека от смерти!... Ответ! [Ответ] будете держать!.. Не старое время!..

Безрассудная слепящая ненависть [опалила] густо обволокла Листницкого: [Подскакав] [Ударив коня] плетью коня меж ушей [он налетел] и на Лагутина, прорвался на визг [тыча] тыча в лицо ему вороненый провонявший ружейным маслом ствол нагана¹:

— Замолчиии! Предатель!.. [Гадина] [Гадина] {Ты} большевик!.. Застрелю!..²

— Величайшим усилием воли [он] оторвал палец от револьверного спуска, [поднял] вскинул коня на дыбы, ускакал.

[Спустя] [Полчаса спустя двое казаков подъехали к] несколько [времени] минут спустя следом за ним тронулись три казака. [Меж] Среди лошадей Аржанова и [еще] Лапина волочился не переставляя ног человек в [черной.] мокрой, плотно прилипшей к телу рубахе. [Голова его] Поддерживаемый под руки казаками, он тихо покачивался, чертил ногами булыжник [разбитая голова болталась свешиваясь] между высоко вздернутых острых плеч его болталась свешиваясь назад белея [вытянутым] сторчмя поднятым подбородком окровавленная [голова] [мякотью] разбитая в мякоть голова. Поодаль [ска] двигался третий казак. На углу [освещенной] освещенного [улицы] переулка он увидел извозчика, привстав на стремянах зарысил к нему. [О че] Что-то коротко [сказал] сказав [извозчику,] выразительно пощелкал по голенищу сапога плетью и извозчик с послушной торопливостью поехал [за ним, навстречу медленно] к остановившимся среди улицы [казакам] Аржанову и Лапину.

На другой день Листницкий проснулся с сознанием [какой-то боль] совершенной им вчера большой непоправимой ошибки. Покусывая губы, [дыша] вы-

¹ ППС: «[тыча] тыча в лицо ему вороненый провонявший ружейным маслом ствол нагана прорвался на визг».

² ППС: «[Гадина] [Гадина] {Ты} большевик!.. Застрелю!.. Замолчи! Предатель!..»

дыхая изо рта [спертым] **спертый** ночной запах он вспомнил [разговор с Лагутиным,] сцену избиения [парня] **человека** бросившего в казаков камнем и то, что **после** разыгралось между ним и Лагутиным. [После того, как тот] Поморщился. Раздумчиво покашлял. Одеваясь [решил] думал, что Лагутина трогать пока не надо, [а лучше] во избежание обострения отношений с полковым комитетом, а лучше выждать время, когда в памяти казаков, бывших при этом, [сладится] **выутюжится** вчерашняя стычка с **Лагутиным**, и тогда потихоньку убрать его с дороги.

«Что называется, сроднился с казаком...» — горько иронизировал над собой Листницкий и все последующие дни находился под **нехорошим** впечатлением [того невыгодного случая] **происшедшего**.

Уже в первых числах августа, в [ясный] погожий солнечный день Листницкий пошел однажды с Атарщиковым по городу. Между ними, после разговора происходившего [тогда ночью] **в день собрания офицеров**, не было ничего, что могло-бы разрешить||

<Л. 45>

87.

создавшуюся тогда недоговоренность. Атарщиков был замкнут, вынашивая невысказанные размышления, на повторные попытки Листницкого вызвать его на откровенность наглухо запахивал ту непроницаемую завесу, которую **привычно** носит большинство людей, [пряча] [отгораживаясь] **отгораживая [ею] {ею}** от чужих глаз подлинный свой облик. Листницкому всегда казалось, [что под той одной] что общаясь с людьми люди [имеют] **хранят** под внешним [своим] обликом еще какой-то, **иной** который порою так и остается неуясненным. [Ем] Он твердо верил, что если с любого [человека] **человека** соскоблить вот этот верхний покров, то из-под него вышелушится [то] [подлинное] **подлинная, нагая** неприкрашенная никакой ложью сердцевина. И поэтому ему всегда, болезненно хотелось узнать, что [тво] кроется [у одного] за грубой, суровой, [у другого за] бесстрашной, [у третьего за] **благополучной** веселой внешностью разных людей. В данном случае, думая о Атарщикове он догадывался лишь об одном, — что тот мучительно ищет выхода из **создавшихся** противоречий, [и что колеблется между выбором путей и, как видно, склоняется] увязывает национально-казачье с большевистским. Это предположение [застав] понудило его прекратить попытки к сближению с Атарщиковым, держаться отчужденней.

Они шли по [Тверской] [**Невскому**] изредка перекидываясь незначительными фразами. [Решили зайти в ресторан перекусить.]

— Зайдем перекусить что-нибудь? — предложил Листницкий указывая глазами на двери ресторана.

— Пожалуй. — согласился Атарщиков.

[При входе] Они вошли и остановились, оглядываясь с некоторой беспомощностью: все столики были заняты. Атарщиков уже повернулся было уходить, но [у] с столика у окна поднялся внимательно глядевший на них брызглый хорошо одетый [гражданин] **господин**, сидевший в обществе двух дам, подошел вежливо приподнимая котелок.

— Прошу прощения, не угодно-ли занять наш столик? Мы уходим. — он улыбался [*посверкивая плотным*] **обнажая редкий** [*Атарщиков офицеры*] [*рядом*] **ряд** [*здоровых*] **обкуренных** зубов, движением руки приглашал пройти. — Я рад услужить **господам** офицерам. Вы — наша гордость.

Дамы, сидевшие за столиком, встали. Одна высокая и черная поправляла прическу, другая **помоложе** ожидала ее играя зонтиком.

Офицеры поблагодарили **господина** [*любезного*] **любезно** предоставившего им возможность воспользоваться столиком, прошли к окну. Сквозь опущенную штору желтыми иглами втыкались в скатерть [*дробленые*] **истрошенные** лучи. Запах кушаний глушил [*нежный*] **волнующе-тонкий** аромат расставленных по столикам живых цветов.

Листницкий заказал ботвинью **со льдом**, в ожидании задумчиво ощупывал выдернутую из вазы желто-рдяную настурцию. Атарщиков вытирал [*носовым*] платком потный лоб, устало опущенные глаза его часто моргая следили за солнечным зайчиком, трепетавшим на [*ножках*] **ножке** соседнего стола. Они еще не кончили закусывать, когда в ресторан шумно разговаривая вошли два офицера. Передний, отыскивая глазами свободный столик повернул к Листницкому, [*покрытый*] **покрытое ровным** бурым [*пыльным*] загаром **лицо**¹, в косых [*углистых*] [*углисто*] черных глазах его сверкнула радость.

— Листницкий! Ты-ли это?.. — **направляясь к нему уверенно без тени стеснения крикнул офицер**. Под [*усами*] черными усами [*офицера*] его кипенно сверкнули зубы. Листницкий [*морщась сдвинул пепсэ и*] угадал [*Ка*] есаула Калмыкова, следом за ним подошел Чубов. Они обменялись крепкими рукопожатьями.||

<Л. 45 об.>

88.

Познакомив бывших сослуживцев с Атарщиковым Листницкий спросил.

— Какими судьбами сюда?

Калмыков покручивая ус кивнул головой назад, кося глазами по сторонам сказал.

— Командированы. После рассказа. **Ты о себе повествуи**. Как [*тебе*] жавется в 14 полку?

Вышли они вместе. Калмыков и Листницкий отстали, свернули в первый переулок и через полчаса миновав шумную часть города шли вполголоса разговаривая, опасливо поглядывая вокруг.

— Наш 3 корпус находится в резерве румынского фронта. — **оживленно** рассказывал Калмыков, — Недели полторы назад получаю от командира полка предписание, сдав сотню совместно с хорунжим Чубовым отправляться в распоряжение штаба дивизии. Чудесно. Сдаю. Приезжаем в штаб дивизии. Полковник М., из оперативного отделения, ты его знаешь², конфиденциально мне сообщает,

¹ ППС: «Передний, [*покрытый*] **покрытое ровным** бурым [*пыльным*] загаром **лицо**, отыскивая глазами свободный столик повернул к Листницкому».

² ППС: «Полковник М., ты его знаешь, из оперативного отделения».

что я немедленно должен выехать к генералу Крымову. Едем с **Чубовым** в корпус. Крымов принимает меня, а так как он знает кого из офицеров к нему посылают, то прямо заявляет следующее: [страна [на] гибнет,] у власти люди сознательно ведущие [ее к этому] **страну к гибельному** концу, необходима смена правительственной верхушки, быть-может даже замена Временного Правительства военной диктатурой. Назвал Корнилова, как вероятного кандидата, потом предложил мне отправиться в Петроград [упи] в распоряжение Главного Комитета Офицерского Союза. Теперь здесь сгруппировано несколько сот надежных офицеров. Ты понимаешь [к] в [чему] **чем [сводится] заключается** наша роль? Главный Комитет Офицерского Союза работает в контакте с нашим Советом Союза Казачьих войск, на узловых станциях и [при] в дивизиях организует ударные батальоны. Все это в недалеком будущем пригодится...

— Во что-же [это] выльется? Как ты думаешь?

— Вот тебе раз! Неужели живя здесь вы не уяснили обстановку? Несомненно [одно, что] будет правительственный переворот, у власти станет Корнилов. Армия ведь за него — горой. У нас там думают так: две равнозначущих стороны это Корнилов и большевики. Керенский между двумя жерновами, не тот так другой его сотрет. Пусть себе спит пока на постели Алисы. Он калиф на час. — **Калмыков помолчал и раздумчиво играя темляком шашки сказал** — Мы [маленькие] в сущности пешки на шахматном поле, а пешки ведь не знают куда пошлет их рука игрока... Я, например, не [знаю как там и что] **представляю всего, что твориться в Ставке**, знаю, что между **генералитетом** Корниловым, **Лукомским**, Крымовым, Деникиным, Калединым, [Красновым,] Эрдели и многими другими есть какая-то таинственная связь, договоренность...

— Но армия... пойдет-ли вся армия за Корниловым? — спросил Листницкий все [увел] убыстряя шаги.

— Солдатня конечно не пойдет, мы поведем ее.

— Ты знаешь, что Керенский под давлением левых хочет сместить Верховного?

— Не посмеет. Завтра-же [мы] [поставим] **поставят** его на колени. Главный Комитет Офицерского Союза **довольно категорически** высказал ему свой взгляд на это.

— Вчера к нему от Совета Союза Казачьих войск были делегированы представители. — улыбаясь говорил Листницкий, — Они заявили, что казачество не допускает и мысли о смещении Корнилова. И ты знаешь, что он ответил? «Это — инсинуации, ничего подобного Временное Правительство не думает предпринимать». Успокаивает общественность и в тоже||

<Л. 46>

89.

время, как б.... улыбается **Исполкому [Совдепу] Совдепа.**

Калмыков на ходу достал полевую офицерскую книжку, прочитал вслух: — «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России считает преступным и присоединяет свой голос к голосу

офицеров, Георгиевских кавалеров и казаков. В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой. Да поможет Вам бог в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и Спасение России. Род-зянко». Ясно, кажется? [*После этого*] не может быть и речи о смещении Корнилова. Да, [*между [впрочем] прочим*] {кстати}, ты видел вчера его приезд?

— Я только ночью приехал из Царского Села.

Калмыков [з] улыбнулся, разом оголив ровный навес зубов и розовые здоровые десны. [*Калмыцкие*] Узкие глаза его [*смор*] сморщились [*собравшись в*] **излучив от [углах] углов** несчетное множество паутинно-тонких морщин.

— Классически! Охрана — эскадрон текинцев. Пулеметы на автомобилях. Все это к Зимнему дворцу. Довольно недвусмысленное предупреждение, кх-кха-кха! Видел-бы ты эти рожи в косматых папахах. [*Чудесно прямо-таки. Блестят*] [*Чудесно, прямо-таки!*] **О, на них стоит посмотреть. Своеобразные производят впечатление.**

Поколесив по Московско-Нарвскому району офицеры расстались.

— Нам, Женя, надо не терять друг-друга из виду. — говорил на прощанье Калмыков, — [*Время-то наступает горячее, боевое.*] Лихое наступает время. **Держись за землю, а то упадешь!**

[— *Горячее. — соглашался Листницкий.*]

Вслед уходившему Листницкому крикнул [*Калмыков*] он став в полоборота.

— Забыл тебе сказать, Меркулова **нашего** помнишь? Художника-то?

— Ну?

— Убили в [*июле*] **мае**.

— Не может быть!

— Да ведь как убили, [*по глупому*]. Нечаянно. Глупее смерти и быть не может. В руках у разведчика разорвалась граната, самому ему по локти оторвало руки, а от Меркулова нашли мы лишь часть внутренностей, да раздробленный цейс. [*Чет*] Три года шадила смерть...

Калмыков еще что-то кричал, но поднявшийся ветер [*он*] взвихрил серую пыль, нес лишь безголосые концы слов. Листницкий махнул рукой, [*и*] пошел изредка оглядываясь.

13.

6го августа начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Лукомский через первого генерал-квартирмейстера Ставки генерала Романовского получил распоряжение о сосредоточении в районе Невель — Н.Сокольники — Великие Луки 3го конного корпуса с Туземной дивизией.

— Почему в данном районе? Ведь части эти¹ в резерве румынского фронта? — спросил озадаченный Лукомский.

— Не знаю, Александр Сергеевич. Передаю вам точно приказание Верховного.

— Когда вы его получили?

¹ Слова «части эти» сначала вычеркнуты, потом, видимо, восстановлены, на что указывает подчеркивание волнистой чертой.

— Вчера. В одиннадцать часов ночи [*Верховный гене*] Верховный вызвал меня и приказал доложить вам об этом сегодня утром.

Романовский ступая на носки походил над [*стеной*] окном и остановившись у стратегической карты **Средней Европы**, занявшей полстены||

<Л. 46 об.>

90.

в кабинете [*начальника штаба*] **Лукомского**, сказал [*не поворачиваясь лицом*] **стоя спиной к [Лукомскому] нему, [что-то] с преувеличенным вниманием разглядывая [на] [карте] карту:**

— Вы объяснитесь... [*Корнилов*] Он сейчас у себя.

Лукомский взял со стола бумаги, отодвинув кресло пошел той [*пре*] подчеркнуто твердой походкой, которой ходят все полнеющие, пожилые военные. В дверях, пропуская вперед себя Романовского, сказал, очевидно следя за ходом собственных мыслей. — Правильно. Да.

От Корнилова только что вышел [*почтительно уступая дорогу Лукомскому*] незнакомый [*Лукомскому*] [*ему*] {**Лукомскому**} высокий голенастый полковник. [*Прихрамывая на левую ногу он пошел по коридору.*] [*Он поч*] [*Козы*] Он почтительно уступил дорогу, [*Лукомскому*] пошел по коридору заметно [*прихрамывающей*] **прихрамывая [кавалеристской роскачью] смешно и страшно дергая контуженным плечом.**

Корнилов чуть наклонившись вперед, опираясь косо поставленными ладонями о стол¹ говорил стоявшему [*на вытяжку по*] [*в двух шагах от*] **против** него пожилому офицеру.

— ... Надо было ожидать. Вы меня поняли? Прошу известить [*меня*] немедленно по прибытию в Псков. Можете итти.

[*Офицер повернулся*] Выждав пока за офицером закрылась дверь Корнилов молодым [*гибким*] **упругим** движением опустился на кресло, подвигая Лукомскому второе спросил.

— [*Ну, что, Александр Сергеевич*] Вы получили от Романовского **мое** распоряжение о переброске 3го корпуса?

— Да. Я пришел поговорить по этому поводу. Почему вами избран указанный район сосредоточения для корпуса?

[*Лукомский внимательно смотрел на небольшое [см] смуглое лицо Корнилова, с привычно-знакомыми твердыми складками [падавшими] спадавшими извивами от переносья к усам*².]³

Облокотившись, придерживая маленькой сухой ладонью подбородок Корнилов сощурил монгольские с ярким углевым блеском глаза, ответил косаясь рукой колена Лукомского.

— Я хочу сосредоточить конницу не специально за Северным фронтом, а в таком районе, откуда в случае надобности легко было-бы ее [*пре*] перебросить на

¹ ППС: «опираясь косо поставленными ладонями о стол, чуть наклонившись вперед».

² ППС: «от переносья извивами [падавшими] спадавшими к усам».

³ Против вычеркнутой фразы на левом поле проставлен вопросительный знак.

Северный или Западный фронт. По моему выбранный район наиболее удовлетворяет этому требованию. Вы мыслите иначе? Что?

— Лукомский неопределенно пожал плечами.

— Опасаться за Западный фронт нет никаких оснований. Лучше сосредоточить конницу в районе Пскова.

— Пскова? — переспросил Корнилов **всем корпусом** наклоняясь вперед, и поморщась, чуть ощерив [под вислыми усами] [тонкую верхнюю] **тонкую выцветшую** губу отрицательно качнул головой.

— Нет район Пскова неудобен.

Усталым старческим движением Лукомский положил на [колени руки] **ручки кресла ладони**, осторожно выбирая слова сказал:

— Лавр Георгиевич, я сейчас-же отдам необходимые распоряжения, но у меня сложилось впечатление, что вы что-то не договариваете... Выбранный Вами район для сосредоточения конницы очень хорош на случай если ее надо было бросить на Петроград, или в Москву, но Северный фронт [подобная] **подобное** [расстановка] **размещение** [сил] **конницы** не обеспечивает уже по одному тому, что ее трудно будет перебрасывать. Если я не ошибаюсь и вы действительно что-то не договариваете, то прошу — или отпустите меня на фронт, или полностью скажите мне ваши предположения. Начальник штаба может оставаться на своем месте лишь при полном доверии со стороны начальника.

Корнилов [слушал с настороженным вниманием] [следил за выражением с виду] **склонив голову** [напряженным] {напряженно} **вслушивался**¹ и **все-же простым человеческим взглядом успел заметить как** [на] [бесстрастного] **бесстрастное с виду** [лица] **лицо** Лукомского, [по которому] [на котором] **волнение** [выжало] **испятило** [местами] [эле заметный] **скупой пятнистый** {эле **видным скупым**} [румянец] **румянцем.**||

<Л. 47>

91.

[Волнение необычное для Корнилова заметил и Лукомский когда тот подумав] **Подумав** несколько секунд **он** ответил:

— Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с вами еще не говорил... [3го августа] Вы знаете, что 3го августа, [на] когда я был [на] в Петрограде на заседании правительства, Керенский и Савинков предупредили меня, что-бы я не касался особо важных вопросов обороны, так как, по их словам, среди министров есть люди ненадежные. Я, верховный главнокомандующий, **отчитываясь перед правительством**, не могу говорить [о планах] об оперативных планах, ибо нет гарантий, что сказанное не будет через несколько дней известно германскому командованию. И это — правительство? Да разве я могу после этого верить, что оно спасет страну?.. — Корнилов быстрыми твердыми шагами дошел до двери, запер ее на ключ и вернувшись, взволнованно расхаживая над столом сказал: — Горько и обидно, что какие-то слизняки, а не

¹ ППС: «[слушал с настороженным] **напряженным** вниманием] {напряженно **вслушивался**} [следил за выражением ли] **склонив голову**».

люди правят страной. Безволие, слабохарактерность, неумение, нерешительность, зачастую простая подлость — вот что руководит действиями этого, с позволения сказать, «правительства». При благосклонном участии таких господ как Чернов и другие большевики сметут [*это «правительство»...*] Керенского. [*Ведь*] Вот, Александр Сергеевич, в таком положении находится Россия¹. Руководствуясь известными вам принципами² я хочу оградить родину от новых потрясений. 3 конный корпус я передвигаю главным образом для того, что-бы к концу августа стянуть его к Петрограду и если большевики выступят, то расправиться с предателями родины как следует! **Непосредственное** Руководство операцией передаю генералу Крымову. Я убежден, что в случае необходимости он не задумается перевешать весь Совет рабочих и солдатских депутатов³. [*Срочно вызовите Крымова, а [мы] после возвращения моего из Петрограда мы поговорим подробно.*] Временное Правительство... Ну, да мы еще посмотрим... Я [*ведь*] ничего не ищу. Спасти Россию... Спасти во что-бы то нистало, любой ценой!

Корнилов оборвал шаги, остановившись против Лукомского резко спросил:

— **Разделяете вы мое убеждение, что только подобным мероприятием можно обеспечить будущее страны и армии?** Пойдете-ли вы со мной до конца?

Крепко, **растроганно** пожимая сухую горячую руку Корнилова, Лукомский привстал.

— Вполне разделяю ваш взгляд. Пойду до конца. Надо обдумать, взвесить и ударить. Поручите мне, Лавр Георгиевич.

— План разработан мною. Детали разработают полковник Лебедев и капитан Роженко. Ведь вы, Александр Сергеевич завалены работой. Доверьтесь мне. [*По возвращении*] у нас еще будет время обсудить все и если [*пона*] явится необходимость, — внести соответствующие изменения.

Через час штаб [*третьего*] 3го конного корпуса получил приказание от штаверха [*приготовиться*] **изготовиться** к [*выступлению*] **перемещению [корпуса]**. В этот-же день шифрованной телеграммой командир [3го] корпуса генерал Крымов [*в свое*] [*срочно вызывался в Ставку.*] в свое время по [*совету*] **пожеланию** Корнилова отказавшийся от назначения на должность командующего 11ой армией, срочно вызывался в Ставку.

9го августа Корнилов под охраной эскадрона текинцев специальным поездом выехал в Петроград. [*На*] На другой день в Ставке передавались слухи о смещении и даже аресте Верховного⁴, но 11го утром Корнилов [*прибыл*] **вернулся** в Могилев. Сейчас же по приезду он пригласил **к себе** Лукомского.||

¹ ППС: «Вот в таком положении находится Россия, Александр Сергеевич».

² ППС: «принципами известными вам».

³ Текст «Вы знаете, что 3го августа ~ Совет рабочих и солдатских депутатов» выделен скобкой на левом поле.

⁴ ППС: «Верховного и даже аресте».

<Л. 47 об.>

92.

Перечитав телеграммы и сводки он [побарабанил пальцами] заботливо поправил **безукоризненно белую манжету [на] сочно оттенявшую [оливковой] оливковую [узкой] узкую [кисти] кисть** руки, коснулся воротника. В этих [торопливых] **торопливо** скользящих движениях сказывалось необычное для него волнение, [в некотором роде замешательство].

Сейчас мы можем закончить прерванный тогда разговор.

— Я хочу вернуться к тем [предположениям] **соображениям** [относительно которых я с вами еще не говорил.] которые понудили меня передвигать 3ий корпус к [Ленинг] Петрограду, и относительно которых я с вами еще не говорил.

Эти дни ставка жила¹ лихорадочной жизнью. Ежедневно в губернаторский дом в Могилеве с предложением услуг являлись с **фронтов** [офицеры] из различных частей, [делегации от Офицерского Комитета, Казачьего Совета,] в пропыленных защитных гимнастерках, загорелые и обветрившиеся **офицеры**, [явля] приезжали щеголеватые представители Офицерского Комитета и Казачьего Совета, шли гонцы с **Дона** от [генералов] **Каледина** [с коими связан был Верховный] первого из казаков **войскового** Наказного Атамана Области Войска Донского, наезжали какие-то штатские. [Шли] Шли люди искренно хотевшие помочь Корнилову поднять на ноги упавшую в **феврале** старую Россию, [но многие из приходивших были] но были и [такие, которые нюхом чуют] стервятники, дальним нюхом чужавшие, [что из Ставки] запах большой крови, предугадывавшие, чья твердая рука вскрыет стране вены, слетавшиеся в Могилев с надеждой, что и им придется кое-что урвать. Имена Добрынского, Завойко, Аладьина повторялись в Ставке, как имена людей имеющих близкое отношение к Верховному. В Ставке и В Штабе Походного Атамана донского войска [офицеры] [открыто говорили] в **полголоса передавалось**, что Корнилов черезчур доверчив [и находится] **вследствие чего попал** в [авантюрном] **авантюрное** [окружении] **окружение**. Но в тоже время [среди] в **широких кругах** офицерства [открыто говорилось] господствовало убеждение, что Корнилов — знамя восстановления России. И под это знамя стекались [[организованные] **организовывались** в ударные батальоны, [и] **офицерские отряды**] **отовсюду**.

13го августа Корнилов выехал в Москву на Государственное Совещание.

Теплый [после] **чуть** облачный день. [В зените небо, как алюминиевое] Небо [как] **словно отлито** из голубоватого алюминия. В зените поярчатая, в сиреновой опушке туча. Из тучи на поля, на стрекочущий по рельсам поезд [косой пронизанный отсветами радуги дождь,] на сказочно оперенный [осенью] **заморозками** лес, на далекие акварельно чистого рисунка контуры берез, на всю одетую вдовым цветом предосеннюю землю — косой, преломленный в отсветах радуги, **благодатный** дождь.

Поезд мечет назад пространство. За поездом рудым шлейфом дым. У [опущенного] **открытого** окна вагона маленький, в защитном мундире с Георгиями генерал. Сузив [узкие] **косые** углисто черные глаза он высовывает в окно голову,

¹ ППС: «Ставка жила эти дни».

[и] и парные капли дождя **щедро** мочат [смуглое его] его покрытое давнишним загаром лицо и черные вислые усы, ветер шевелит [откидывает] **зачесывает** назад по ребячески спадающую **на лоб** прядку волос.

14.

За день до приезда Корнилова в Москву есаул Листницкий прибыл туда с поручением особой важности от Совета Союза Казачьих войск. Передав в штаб находившегося в Москве казачьего полка пакет он узнал, что на завтра ожидается Корнилов.

Утром Листницкий был на вокзале. В зале ожидания и буфетах 1го и 2го классов крутое месиво народа, военные преобладают. На перроне строится||

<Л. 48>

93.

почетный караул. Поезд. **Разом стихший разговор.** Зычный всплеск оркестра и [шаркающих] **шаркающий** топот множества ног¹. Взбурившаяся толпа подхватила, понесла, кинула Листницкого на перрон. Выбравшись из свалки от увидел как скупно улыбающийся Корнилов, в сопровождении нескольких военных, [идет] **движется** густо облепленный толпой. Офицеры взявшись за руки образовали предохранительную цепь, но их разметали. К Корнилову тянулись десятки рук. Какая-то полная растрепанная дама семенила сбоку его, стараясь прижаться губами к рукаву светло-зеленого мундира. У выхода под оглушающий грохот приветственных криков Корнилова подняли на руки и понесли. Листницкий [ловким] **сильным** движением плеча оттер в сторону какого-то сановитого господина, успел схватиться за мелькнувший перед его глазами лакированный сапог Корнилова. Ловко перехватив ногу он положил ее на плечо и не чувствуя ее невесомой тяжести, задыхаясь от волнения, стараясь только сохранить равновесие двинулся влекомый толпой. [В давке у него помяли [гим] рубашку] Оправляя [н] [левой] **правой** рукой складки рубашки, в давке выбившейся из-под пояса, оглушенный ревом и пролитой медью оркестра он медленно двигался к выходу. По ступенькам на площадь. Впереди зеленые шпалеры войск. Прижав [руку] **ладонь** к козырьку фуражки, моргая увлажненными глазами он пытался унять неудержную дрожь губ...

Смутно помнил, [что] как [щелкали] **кляцали** фотографические аппараты, бесновалась толпа, шли церемониальным маршем юнкера и стоял пропуская их перед собой стройный, вытянутый, маленький с **лицом монгола** генерал.

Спустя день Листницкий выехал в Петроград. [Расстелив на верхней полке] **Устроившись [он расстелил] на верхней полке он расстелил** шинель. [Он] закурил, думая [вспоминая] о [Корнилова] **Корнилове**: «С **риском для жизни** бежал из плена², словно знал, что [так приде] **будет так [понадобится] необхо-**

¹ ППС: «топот множества [шаркающих] **шаркающий** ног».

² ППС: «Бежал из плена, с **риском для жизни**».

дим родине. Какое лицо. Как высеченное из самородного камня, ничего лишнего, обыденного... Такой-же характер, [наверное]... Для него наверное все ясно, рассчитано. Наступит удобный момент и [ударит] поведет нас. Странно, я [даже] даже не знаю кто он, монархист? Конституционная монархия... Вот еслиб каждый был так уверен в себе, как он».

Примерно в [это] этот-же [время] час в Москве в кулуарах Большого театра во время перерыва заседания [Корнилов разыскал глазами плотного генерала.] два генерала, — один [маленький] шуплый с монгольским типом лица, другой плотный, [угрюмый,] с крепким посадом, [с] квадратной стриженной ежиком [головой] головы, с залысинами на гладко причесанных висках и плотно прижатыми хрящами ушей, — уединившись [обменивались [вполголоса] отрывочными замечаниями] **рассаживали по короткому отрезку паркета, вполголоса [говорили] разговаривали.**

— Необходим единый фронт, [на правительство] сплоченность всех, кому дорога отчизна! Без проведения в жизнь указанных мною мероприятий нет [выхода] спасения. Армия расшатана, [слаба] органически не способна драться, такая армия не только победы не даст, но и не сумеет выдержать сколько-нибудь значительного натиска. Части деморализованы [комитетами] и **растлены большевистской пропагандой.** [Я] поддерживаемый всеми главками, я буду настаивать на [их уничтожении] упразднении комиссаров. Милитаризация тыла, суровая карающая рука, беспощадное истребление всех большевиков — [вот важнейшие]||

<Л. 48 об.>

94.

этих носителей маразма — вот ближайшие задачи. Могу я заручиться вашей поддержкой, Алексей Максимович?

— Я безоговорочно с вами.

[— Вы понимаете, на правительство надо жать моральным прессом, только таким путем можно достигнуть максимальных успехов.]

Маленький генерал остановившись против собеседника покрутил металлическую пуговицу на его темно-защитном френче, сказал:

— Они боятся свою [революционно] **революцию** [-демократическую армию]. Сняли намордник, а теперь трусят и в угоду ей ничего не хотят предпринимать для обуздания потерявшего совесть народа. Только **при полной консолидации наших сил** сильнейшим моральным прессом сможем мы выжать из [них] **правительства** уступки, а нет — тогда [мы] посмотрим! Мы пустим немцев вразумлять их!¹

— Мы говорили с Дутовым. Казачество окажет вам всемерную поддержку. Нам остается согласовать вопрос о совместных действиях в дальнейшем. После заседания я жду вас {и остальных} у себя. Настроения на Дону у вас?²

¹ Текст вставки перенесен с левого поля; место вставки определено по печатному тексту.

² ППС: «у вас на Дону».

Плотный генерал [он] прижимая к [мундиру] {груди} четырехугольный подбородок, угрюмым исподлобным взглядом глядел перед собой. Под его широкими [его] усами дрогнули углы губ, когда он отвечал:

[— Никогда я так не боялся за казака, как сейчас].

— Нет у меня прежней веры в казака... И сейчас вообще трудно судить о настроениях. Нужен компромисс, [со стороны] [казачества] {казачеству} надо кое-чем поступиться для того что-бы удержать за собой иногородних. Некоторые мероприятия [войсковое правит] в этом направлении мы предпринимает, [сейчас] но за успех поручиться нельзя.

— [Я] Вам необходимо иметь под рукой надежные казачьи части. [По] По возвращению в Ставку я поговорю с Лукомским и быть-может мы найдем возможность отправить [вам] с фронта в Новочеркасск несколько полков. [На]

— Буду очень вам признателен, ваше в-ство.

[— Потом вообще] Итак вопрос о [дальнейших] совместных действиях в будущем мы согласуем. [В случае] Я горячо верю в [успех] в благополучное завершение задуманного, но... счастье ведь вероломно, генерал... [все-же] если счастье вопреки всему станет [к] ко [нам] мне спиной можно рассчитывать, что на Дону у вас [мы] я [найдем] найду приют?

— Не только приют, но и защиту. Казаки ведь исстари славятся хлебосольством. — в первый раз за все время улыбнулся Каледин, смягчив хмурую усталую исподлобную улыбку.

Час спустя донской [войсковой] атаман Каледин [читал] выступал перед зажиточнейшей аудиторией с исторической декларацией двенадцати Казачьих войск.

С этого-то дня [от казачьей грани до грани] по Дону, [Тере] Кубани, Терек, Уралу, Яику, Уссури, [черной паутиной расплелась] по казачьей земле от грани до грани паутиной расплелись черные нити заговора.

15

В версте от развалин местечка стертого орудийным огнем июньских боев, возле леса, причудливо вилюжились зигзаги окопов. [Почти] Участок у самой опушки¹ занимала казачья особая сотня. Сзади, за зеленой непролазью ольшаника и березового молодняка ржавело торфяное болото, когда-то еще до войны тронутое разработками, весело, красной ягодой цвел шиповник [пахло жизнью]. Правее за лесным выпятившимся мысом тянулось разбитое снарядами шоссе, напоминая о [жизни и] неисхоженных еще путях, а у опушки рос [и] чахлый ошелканный пулями [шиповник] бурьянок, сугробились обугленные пни желтел бурой глиной бруствер, [да] далеко в стороны по [сторонам] голому полю [тянулись] отходили морщины окопов, — [безрадостную и горькую картину являла тут человеческим глазам земля.]

Сзади [шоссе даже] даже [и] болото [рыбое от] [вскопанное] взрытвенное [рыбое] рябью разработок [квадратами] и разрушенное шоссе [и] пахли жиз-

¹ ППС: «у самой опушки участок».

ню, кинутым трудом, у опушки-же безрадостную и горькую картину являла человеческим глазам земля.

[*Местность свою*] Участок свой прозвали казаки «волчьим кладбищем». С радостью покинули его в августе, когда сотню сняли и направили в тыл.||

<Л. 49>

95.

В этот день Иван Алексеевич, в прошлом машинист моховской вальцовки, [узнал от пехотинцев-соседей, что] уходил в близлежащее местечко, где стоял обоз первого разряда, и вернулся только перед вечером. Пробираясь к себе в землянку он столкнулся с Захаром Королевым. Цепляясь шашкой за уступы мешков набитых землей, бестолково махая руками Захар почти бежал [по проходу]. Иван Алексеевич посторонился уступая дорогу, но Захар схватил его за пуговицу гимнастерки, зашептал ворочая нездорово-желтыми белками глаз.

— Слышал? Пехота справа уходит. Может фронт бросают?

Застывшая недвижимым потоком, словно [вылитая] **выплавленная** из черного чугуна борода Захара была в чудовищном беспорядке, глаза глядели на Ивана Алексеевича с голодной тоскливой жадностью.

— Как, то есть, бросают?

— Уходят, а как — я не знаю.

— Может их сменяют? Пойдем к взводному, узнаем.

Захар **повернулся** и пошел к землянке **взводного**, скользя ногами по ослизлой влажной земле.

Через час сотня, сменная пехотой, шла к местечку, [где] **На утро** разобрали у коноводов лошадей¹, [опорожнили кухни и] [пошли] {двинулись} форсированным маршем [в тыл,] [по [дорогам] **дороге**].

Мелкий накрапывал дождь. [Над дорогой] понурые горбились березы. Дорога вклинилась в лес и лошади, почуяв сырость и вянувший, острый и тоскливый запах прошлогодней листвы, зафыркали, пошли веселей. Розовыми бусами мокрела на кустах волчья ягода, омытые дождем пенистые шапки девичьей кашки² неотразимо сияли белизной. Ядрено тяжеловесные капли отряхал ветер с деревьев на [головы] всадников³. Шинели [казаков] и фуражки их чернели пятнышками, будто [засеянные] **иссеченные** дробью. Тающий дымок махорки плыл над взводными рядами.

— Захватили и прут чорт-те куда.

— Аль не обрыдло в окопах?

— А в самом деле, куда нас гонют?

— Переформировка какая-нибудь.

— Што-то не похоже.

— Эх, станица, покурим⁴, все горе забудем.

¹ ППС: «У коноводов разобрали лошадей».

² ППС: «пенистые шапки девичьей кашки омытые дождем».

³ ППС: «С деревьев на [головы] всадников ветер отряхал ядрено тяжеловатые капли».

⁴ ППС: «покурим, станица».

— Я свое горе в сумках вожу...

— Господин-есаул, дозволейте песню заиграть?

— Дозволил штоль? Заводи, Архип!

[Отсыревшие голоса вяло потянули] Кто-то в передних рядах откашлявшись завел:

«— Ехали казаченьки, да со службы домой
На плечах погонники, на грудях кресты.

Отсыревшие голоса вяло потянули песню и замолкли. Захар Королев, ехавший в одном ряду с Иваном Алексеевичем, приподнялся на стременах, закричал насмешливо:

— Эй вы старцы [слепые] -слепцы! Рази-ж так по нашему играют? Вам над церковью с кружкой побираться, Лазаря играть. Песельники... — и про себя: — [туды-]растуды вашу мать!

— А, ну, заведи!

— Шея у нево короткая, голосу негде помещаться.

— Нахвалился, а теперя хвост на сторону?||

<Л. 49 об.>

96.

Королев зажал в кулаке черный слиток завшивевшей бороды, словно собирался доить ее, на минуту закрыл глаза и отчаянно махнув поводьями кинул первые слова

— «Ой, да возвеселитесь храбрые донцы-казаки,

Сотня, словно разбуженная его [зычн] напевным вскриком, рывкнула:

Честь и славою своей.

и понесла: над мокрым лесом, над просекой-дорогой:

Ой, да покажите всем друзьям пример
Как мы из ружей бьем своих врагов!
Бьем, не портим боевой порядок,
Только слушаем один, да приказ.
И что нам прикажут отцы-командиры,
Мы туда идем, — рубим, колем, бьем!

Весь переход шли с песнями, радуясь, что вырвались из «волчьего кладбища». К вечеру погрузились в вагоны. Эшелон потянулся к Пскову. И [уже] только через три перегона узнали, что сотня совместно с другими частями 3го конного корпуса, направляется на Петроград, для подавления [начинающегося] начинающихся беспорядков. После этого разговоры приутихли. Долго дремала в красных вагонах тишина.

— Из огня, да в полымя! — высказал [Иван] долговязый Борщев общую для большинства мысль.

Иван Алексеевич — с февраля бессменный председатель сотенного комитета — на первой-же остановке пошел к командиру сотни.

— Казаки волнуются, господин-есаул.

Есаул долго глядел на глубокую ямку на подбородке Ивана Алексеевича, сказал улыбаясь.

— Я сам, милый мой, волнуюсь.

— Куда нас отправляют?

— В Петроград.

— Усмирять?

— А ты думал способствовать беспорядкам?

— Мы ни того, ни друга не хотим.

— А нас аккуратно и не спрашивают.

— Казаки...

— Что — казаки? — уже озлобленно перебил его командир сотни. — Я сам знаю, что казаки думают. Мне-то приятна эта миссия? Возьми вот, прочитай в сотне. На **следующей** станции я побеседую с казаками. — Командир подал свернутую телеграмму и морщась, с видимым отвращением стал [глотать и] жевать покрытые крупками жира куски мясных консервов.

Иван Алексеевич вернулся в свой вагон. В руке [он] словно [горячую] **горящую** головню [держал.] **нес телеграмму.**

— А ну, [С]созовите казаков из других вагонов.

Поезд уж тронулся, а в вагон все прыгали казаки. Набралось человек тридцать [пять].

— Телеграмму командир получил. Зараз читаю.

— Ну, ка-сь што там прописано. Давай!

— Читай, не бреш!

— Замиренье?

— Цыцте!

В застойной тишине Иван Алексеевич вслух прочитал воззвание Верховного Главнокомандующего Корнилова. Потом листок с перевернутыми телеграфом словами [но]||

<Л. 50>

97.

пошел по потным рукам.

«Я, Верховный Главнокомандующий Корнилов, перед лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самоотверженность гражданина свободной России и беззаветная любовь к родине заставили меня в эти тяжелые минуты бытия отечества не подчиниться приказанию Временного Правительства и оставить за собой верховное командование армией и флотом. Поддерживаемый в этом решении всеми Главнокомандующими фронта, — я заявляю всему русскому народу, что предпочитаю смерть устранению меня от должности Верховного Главнокомандующего. Истинный сын народа русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву родине самое большое, что имеет — свою жизнь.

В эти, поистине ужасные минуты существования отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победоносного движения торжествующего врага, — Временное Правительство, забыв великий вопрос самого независимого существования страны, кидает в народ призрачный страх контр-революции, которую оно само, своим неумением к управлению, своей слабостью во власти, своей нерешительностью в действиях, — вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне кровному сыну своего народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшему на беззаветное служение ему, — не стоять на страже великих свобод великого будущего своего народа. Но ныне — будущее это — в слабых безвольных руках. Надменный враг, посредством подкупа и предательства, распоряжается у нас, как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию народа русского. Очнитесь, люди русские и взгляните в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша родина.

Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови, междоусобной брани и забывая все обиды и оскорбления, я перед лицом всего народа, обращаюсь к Временному Правительству и говорю: приезжайте ко мне в Ставку, где свобода ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и, совместно со мной, выработайте и образуйте такой состав народной обороны, который, обеспечивая свободу, вел-бы народ русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа.

Генерал Корнилов».

На следующей [остановке] станции эшелон задержали. Ожидая отправки казаки собрались возле вагонов, обсуждая [про] телеграмму Корнилова и только что прочитанную командиром сотни телеграмму Керенского, объявившего Корнилова изменником и [предателем революции] **контр-революционером**.

Казаки [Растерянность] растерянно переговаривались. Командир сотни и взводные офицеры были в замешательстве.

— Все перепуталось в голове. — жалился Мартин Шамиль. — Чума их разберет, кто из них виноватый!!!

<Л. 50 об.>

98.

— Сами мордуются и войска мордуют.

— Начальство с жиру бесится.

— Каждый старшим хочет быть.

— Паны дерутся, у казаков чубы трясутся.

— Идет все коловертю... Беда!

Группа казаков подошла к Ивану Алексеевичу, потребовала:

— Иди к командиру, узнавай што делать.

Толпой пошли к сотенному. Офицеры собравшись в своем вагоне о чем-то совещались. Иван Алексеевич вошел в вагон.

— Господин командир, казаки допытываются што теперь делать?

— Я сейчас выйду.

Сотня ждала, собравшись у крайнего вагона¹. Командир смешался с толпой казаков, пробравшись на середину поднял руку.

— Мы подчиняемся не Керенскому, а Верховному Главнокомандующему [Кор] и своему непосредственному начальству. Правильно? Поэтому мы должны [двигат] беспрекословно исполнять приказ своего начальства и ехать [на] к Петрограду. В крайнем случае, мы можем, доехав до станции Дно, выяснить положение у командира 1 донской дивизии, там видно будет. Я прошу казаков не волноваться. Такое уж время мы переживаем.

Сотенный еще долго говорил о воинском долге, родине, революции, успокаивал казаков, **уклончиво** отвечал на вопросы. Своей цели он достиг: к составу [под конец беседы] {тем временем} прицепили паровоз [и казаки разошлись по вагонам.] (казаки не знали, что [сутки эшелон] два офицера их сотни добились ускоренной отправки угрожая оружием начальнику станции), и казаки разошлись по вагонам.

Сутки [эшелон] тащился эшелон приближаясь к станции Дно. [На [какой-то] каком-то [станции] полустанке] {Ночью} [казаков] его вновь задержали, пропуская эшелоны уссурийцев и дагестанского полка. [Вагоны сотни] **Казачий состав** перевели на запасной путь. [Казаки] Мимо, в синеейшей ночной темноте [катились ва] **поблескивая огнями** [проходили] пробежали вагоны дагестанского полка. Слышался удаляющийся гортанный говор, стон зурны², чуждые мелодии песен. Уже в полночь [эшелон тронули] [казаки весь день обсуждали] отправили [каз] [сотню] сотню. Малосильный паровоз долго стоял у водокачки, от топки падал на землю искрящийся свет огней, машинист попыхивая цыгаркой [выглядывал] **поглядывал** в окошко, словно [что-то] **чего-то** ожидал. [Ка] Один из казаков ближнего к паровозу вагона высунулся в дверь, крикнул [машинисту]:

— Эй, Гаврила, крути, а то зараз стрелять будем!

Машинист выплюнул цыгарку, помолчал, видно следя за дугообразным ее полетом, сказал покашливая

— Всех не перестреляете. — и отошел от окна.

Спустя несколько минут паровоз рванул вагоны, лязгнули буфера, зацокотали копыта лошадей, потерявших от толчка равновесие. Состав поплыл мимо водокачки, мимо редких квадратиков освещенных окон и темных [куп] **за полотном** березовых куп. Казаки, задав лошадям [корма] **корм**, спали, редко кто бодрствовал, стоя у полуоткрытых дверей, покуривая глядя на **величавое небо**, думая о своем.

Иван Алексеевич лежал рядом с Королевым, не спал, глядел в дверную щель на текучую звездную россыпь. За [этот] **минувший** день **обдумав все** твердо решил он **всячески** противодействовать дальнейшему продвижению сотни на Петроград; лежа размышлял, каким образом склонить казаков, [как на них] к своему решению, как на них [дей] подействовать. Под влиянием Штокмана выкристаллизовался [из] у него твердый [и убежденный большевик] **изворотливо гибкий характер.**||

¹ ППС: «собравшись у крайнего вагона, ждала».

² ППС: «стон зурны, гортанный говор».

<Л. 51>

99.

В закоснелой среде казачества было тяжело одному, [полуграмотному и оторванному от] без [товарищеского] товарищеской [воздействия] [подмоги] {опоры}¹, больно чувствовалась своя политическая полуграмотность, [но путеводила заложенная Штокманом уверенность в конечном торжестве идеи большевизма и ошупью] поэтому и шел в жизни ошупью, звериной тропой, классовым чутьем определяя и выравнивая свой шаг. [В дни, когда] За [эти] годы войны [как-то так сложилось] сложилась у него [в привычку] {привычка} [что] натываясь на какое-либо препятствие [он] думал «а как поступил-бы в этом случае [Штокман] Осип Давыдович?» — и вспоминая все, что связано было с Штокманом, [определял свой последующий поступок] делал так, как казалось ему, сделал-бы Штокман {на его месте}². [Во всем] Так было летом этого года, когда [спотыкнулся] споткнулся [он об] на мыслях об Учредительном Собрании. Вначале [теплясь радостью] потянулся было, теплясь радостью — «вот оно, то самое, чего ждали», но присмотрелся, вспомнил слова [Штокмана] Осипа Давыдовича: «Никогда нельзя верить тем прожженным прохвостам, которые [именуются меньшевиками]. [Они] На словах [они] ратуют за народ, а на деле служат буржуазии, прихвостничают, ослабляют своей соглашательской политикой боевой революционный подъем масс». — вспомнил и уже не колеблясь повернул в сторону, с [радост] восторгом нашел [подтверждение] укрепы [своим] своему [сомнениям] решению в «Окопной правде». И в этом случае: [после того, как прочитал] еще до [воззвание] воззвания Корнилова [решил] ясно [было] [стало] {сознавал}, что [не с ним] казакам с ним не одну [с ним] стезжку [надо] топтать, [классовое] чутье подсказывало, что и Керенского защищать не с руки, подумал, поворочал мозгами, решил: не допустить сотню до Петрограда, а если и придется с кем кусануться, так с Корниловым и не за Керенского, не за его власть, а за ту, которая будет после него. [А] Что после Керенского будет [подлинная] подлинно своя, желанная власть — в этом он был больше чем уверен. [Иначе как-же и могло быть?]

Еще летом, когда пришлось ему побывать в Петрограде в военной секции Исполкома, куда посылала его сотня за советом по поводу возникшего с командиром сотни конфликта, [и еще тогда] поглядев на работу Исполкома, переговорив с несколькими товарищами-большевиками [он] подумал: «Обрастет этот костяк нашим рабочим мясом, вот это будет власть. Умри, Иван, [а] держись за нее»³.

В эту ночь, лежа [под] на попоне [под шинелью], чаще чем обычно вспоминал [он] с большой, неизведанной досель горячей любовью человека, под руководством которого [он] прошупал он [предназначенный] жестокую свою путину. Думая о том, что должен [он] был на завтра говорить казакам, вспомнил и слова

¹ ППС: «Без [товарищеского] товарищеской [воздействия] [подмоги] {опоры} в закоснелой среде казачества».

² ППС: «{на его месте} Штокман».

³ Текст вставки перенесен с левого поля; место вставки определено по печатному тексту.

Штокмана о казаках, их он повторял часто, будто гвоздь [вбивал] по самую шляпку вбивал: «Казачество консервативно по своему существу. Когда ты будешь убеждать казака в правоте большевистских идей — не забывай это обстоятельство, действуй осторожно, вдумчиво, умей приспособляться к обстановке, [только при этом условии] Вначале к тебе будут относиться с таким-же предубеждением, с каким и ты, и Мишка Кошевой относились вначале ко мне, но пусть это тебя не смущает. Долби упорно [в одно место только при этом условии за тобой будет успех] **конечный успех за нами**».

Иван Алексеевич рассчитывал, что убеждая казаков **не итти с Корниловым** он встретит **со стороны некоторых** [противодействие] возражения, но утром, когда [он] в своем вагоне **осторожно** заговорил о том, что надо потребовать возвращения на фронт, а не итти на Петроград драться [с] **со** своими-же, казаки [его не только не возражали, но даже с радост] [с большой готовностью решили требовать о] охотно согласились и с большой готовностью решили отказаться от дальнейшего следования на Петроград. Захар Королев и казак Чернышевской станицы Турилин были ближайшими сообщниками Ивана Алексеевича. Весь день они, перебираясь из вагона в вагон, говорили с казаками, а к вечеру на каком-то полустанке, когда поезд замедлил ход, в вагон, где был Иван Алексеевич вскочил урядник третьего взвода||

<Л. 51 об.>

100.

Пшеничников.

— На первой-же станции сотня сгружается! — взволнованно крикнул он обращаясь к Ивану Алексеевичу. — Какой ты председатель комитета, ежли [ты] не знаешь, што казаки [не хочут] **хотят!** [Мы] Будет из нас дурочку валять! Не поедем дальше!.. Офицерья на нас удавку вешают, а ты ни в дудочку, ни в сопелочку. Для этого мы тебя выбирали? Ну, чево скалишься-то?

— Давно-бы так! — улыбаясь проговорил Иван Алексеевич.

На [станции] **остановке** он первый выскочил из вагона. В сопровождении Турилина прошел к начальнику станции.

— Поезд наш дальше не отправляй. Сгружаться [сейчас] тут зачем.

— Как это так? — растерянно спросил начальник станции. — У меня распоряжение... путевка...

— Замкнись! — сурово перебил его Турилин.

Они разыскали станционный комитет, председателю — плотному рыжевату-му телеграфисту — объяснили в чем дело и через [полчаса состав] [состав [перевели на] загнали] **несколько минут машинист охотно [и радостно] повел состав в тупик. [и торопливо казаки]**

Спешно подмостив сходни [уже] **казаки** начали выводить из вагонов лошадей. Иван Алексеевич [зак] стоял [на песчаной земле] [на] {у} [заднего вагона] {паровоза} расставив длинные ноги, вытирая пот с улыбающегося смутного лица. К нему подбежал бледный командир сотни.

— Что ты делаешь?.. Ты знаешь, что...

— Знаю! — [пер] оборвал его Иван Алексеевич. — А [вы] ты, господин есаул не [шумите] шуми [тут]. — и бледнея, двигая ноздрями четко сказал: — Отшумелся, парень! Теперь мы на тебя с прибором кладем. Так-то!

— [Корнил] [Ген] Верховный Корнилов... — [багровея] **побагровев** заикнулось было есаул, но Иван Алексеевич глядя на свои растоптанные сапоги, глубоко ушедшие в рыхлый песок, облегченно махнул¹ рукой, посоветовал:

— Повесь ево себе на шею, замест креста, а нам он без надобности.

Есаул повернулся на каблуках, [и] почти побежал к своему вагону.

Час спустя сотня **без единого офицера**, но в полном боевом порядке выступила со станции, направляясь на юго-запад. В головном взводе, рядом с пулеметчиками ехали принявший командование сотней Иван Алексеевич и помощник его низенький, лопухий Турилин.

С **трудом** Ориентируясь по отобранной у бывшего командира карте сотня дошла до деревни Горелое, стала на ночевку. Общим советом было решено итти на фронт, в случае попыток задержания, — [драться] **сражаться**.

Стреножив лошадей и выставив сторожевое охранение [сотня] казаки улеглись позоревать. Огней не разводили. Чувствовалось, что у большинства настроение подавленное, [явилось] [так как явилось сознание совершенной вины и ответственности]. Улеглись без обычных разговоров и шуток, [молча] **скрытно** тая друг от друга мысли.

«Что [ежели] **ежли** одумаются и пойдут с повинной?» — не без тревоги подумал Иван Алексеевич, умащиваясь под шинелью. Словно подслушав его мысль, подошел [к нему] Турилин².

— Спишь, Иван?

— Пока нет.

Турилин [сел] **присел** у него в ногах, посвечивая огоньком цыгарки, сказал **шепотом**³.

Казаки-то мутятся... Нашкодили, [и] **а зараз** побаиваются. Заварили мы [щи] **кашу**... Не густо, ты как [подумакиваешь] **думаешь**?

— Там видно будет. — спокойно ответил Иван Алексеевич.

— Ты-то не боишься?||

<Л. 52>

101.⁴

Турилин почесывая **под фуражкой** затылок, криво усмехнулся [в темноте].

— По правде сказать, — робею... Начинали — не робел, а зараз оторопь берет.

— Жидок оказался на расплату.

— Да ить што, Иван, ево сила.

¹ ППС: «махнул облегченно».

² ППС: «Турилин подошел [к нему], словно подслушав его мысль».

³ ППС: «сказал **шепотом**, посвечивая огоньком цыгарки».

⁴ На левом поле вверху снизу вверх написано «зверино белые зубы».

Они долго молчали. В деревне гасли огни. Откуда-то из **безбрежных** заливов болотистой, покрытой ивняком луговины [*дон*] неся утиный крик.

— Матерьяка кричат. — раздумчиво проговорил Турилин и снова [*стерегли*] [*замолчали*] **замолк**.

Мягкая **ночная** ласковая тишина паслась на лугу. Роса обминала траву. [*Перемешав*] **Смешанные** Запахи мочажинника, изопревшей куги, болотистой почвы, намокшей в росе травы, — [*запаху*] [*смешав эти запаху*] нес к казачьему стану ветерок. Изредка — звяк конской треноги, [*призывный*] брызжущее фырканье да тяжелый туп и [*кря*] побряхтывание валяющейся лошади. Потом опять **дремотная** тишина, далекий, далекий, чуть слышный, хрипчатый [*призывный*] зов дикого селезня и ответный — поближе — крик подруги, [*строчащий пересвист невидимых в темени крыльев*]. Тишина. **Стремительный** Строчащий пересвист невидимых в темени крыльев. Ночь. Безмолвие. [*Сырость*] Туманная луговая сырость. [*На*] **На** [*западной*] **западе** [*концевине*] у **подножья** неба — всхожая **густо лиловая** опара туч, а [*в*] **по** [*зените*] **середине**, над древней псковской землей неусыпным напоминанием, широким углящимся шляхом — [*просыпан*] **{вычеканен}** Батыев путь.

На рассвете сотня выступила в поход. Прошли деревню Горелое, [*и*] вслед им долго¹ смотрели бабы и ребятишки, выгонявшие на прогон коров². Поднялись на розовый окрашенный восходом бугор. Турилин, оглянувшись, тронул ногой стремя Ивана Алексеевича.

— Оглянись, верховые сзади бегут.

Три всадника, миновав деревню, стлались в [*маш*] **броском** намете.

— Со-о-отня, стой! — скомандовал Иван Алексеевич.

Казаки с привычной [*и*] быстротой построились серым квадратом. Всадники не доезжая [*с сотню сажень*] **с полверсты** перешли на рысь. Один из них, казачий офицер вынул носовой платок, [*и*] помахал им над головой. Казаки [*вним*] не сводили глаз с подъезжавших. [*Помимо*] [*Кроме*] [*казачьего*] **казачий** [*офицера*] **офицер**, [*одетого*] **одетый** в защитный мундир, ехал передним, двое [*остальные*] **остальных**³ в черкесках держались немного поодаль.

— По какому делу? — выезжая навстречу спросил Иван Алексеевич.

— С переговорами. — прилаживая руку к козырьку ответил офицер. — Кто из вас принял сотню?

— Я.

— [*Я*] Я уполномочен от 1 донской казачьей дивизии, а это представители Туземного корпуса. — офицер туго натягивая поводья погладил рукой мокрую глянцевою шею взмыленного коня, [*сказал*] — **Если желаете вести переговоры** Прикажете сотне спешиться. Мы имеем передать устное распоряжение начальника дивизии генерала-майора Грекова и командира Туземного корпуса князя Багратиона.

¹ ППС: «долго вслед им».

² ППС: «коров на прогон».

³ ППС: «[остальные] остальных двое».

Казачи спешились. Сошли с коней и приехавшие представители. [Вмешавшись в толпу] Смешавшись с толпой казаков они [стали] пробились [рядом] в средину. [Казачи] Сотня [рассступились] расступилась очистив небольшой круг. Первый заговорил казачий офицер.

— Станичники! Мы приехали для того, что-бы уговорить вас одуматься и предотвратить [нежелательные] тяжелые последствия вашего поступка. Вчера штаб дивизии узнал о том, что вы, поддавшись чьим-то преступным уговорам самовольно покинули [эшелон] вагоны и сегодня направил нас передать вам распоряжение о немедленном возвращении на станцию Дно. Войска [3 кон] Туземного корпуса и ост-||

<Л. 52 об.>

102.

тальные кавалеристские части вчера заняли Петроград, [нынче] сегодня получена телеграмма. Наш арьергард вступил в столицу, [и] занял все правительственные учреждения, банки, телеграф, телефонные станции и все важные пункты. Временное Правительство бежало и считается низложенным. Одумайтесь, станичники, [на какой шаг вы идете!] ведь вы идете на гибель! В том случае если вы не подчинитесь распоряжению командира дивизии [и [ко] туземного корпуса], против вас [мы должны будем] будут [направить] направлены вооруженные силы, [чтобы силой оружия подчинить вас]. Ваш поступок расценивается как измена, как невыполнение боевого задания. **Вы можете только беспрекословным подчинением предотвратить пролитие братской крови.**

[Иван Алексеевич] Когда подъехали представители Иван Алексеевич [понял], [что избежать] учитывая настроение казаков **понял**, что избежать переговоров нельзя, так как отказ от переговоров [мог] неизбежно должен был вызвать обратные результаты. [Он] Подумав он отдал распоряжение сотне спешиться, [сам] сам, неприметно мигнув Турилину, протиснулся поближе к представителям. Во время речи офицера видел, [что] как потупив головы, нахмурясь слушают казаки¹ [замешательство и колебание явно колыхало казачью толпу]. Бледнея [Ива] он еще раз [оглядел] **огляделся** [казаков] **вкруг**: некоторые перешептывались, Захар Королев криво улыбался, черная борода {его} плавилась по [его] завшивевшей [его] рубахе застывшим чугунным потоком². Борщев играл плеткой, [смотрел] **косился** в сторону, Пшеничников округлив расзявленный рот смотрел в глаза говорившему офицеру, Мартин Шамиль грязной рукой елозил по [лицу] **щекам**, часто мигал, за ним желтело дурковатое лицо Багрова, пулеметчик Красников выжидательно шурился, Турилин сапно дышал, веснушчатый Обнизов сдвинув на затылок фуражку мотал чубатой головой [будто как] **словно** бык, почуявший на шее ярмо, весь второй взвод стоял не [поднимая] **поднимал** голов, [будто] **как** на молитве³, [все трудно дышали.] [Сотня] [Слитная густая толпа]

¹ ППС: «казачи слушают потупив головы, нахмурясь».

² ППС: «по [его] завшивевшей [его] рубахе застывшим чугунным потоком плавилась черная борода {его}».

³ ППС: «как на молитве, не [поднимая] **поднимал** голов».

Слитная толпа молчала, люди жарко и тяжело дышали, по лицам [явно] **зыбью** [текло] **текла** [замешательство] растерянность...

Иван Алексеевич понял, что в настроении казаков назрел переломный момент, еще несколько минут — и краснобаю-офицеру удастся [перевернуть] **повернуть** сотню на свой лад. [Он] Во что-бы то ни стало требовалось **разрушить** впечатление, произведенное словами офицера, поколебать невысказанное, но уже сложившееся в умах **казаков** решение. Он поднял руку, обвел толпу расширенными **странно** побелевшими глазами.

— Братцы! Погодите трошки. **И обращаясь к офицеру** — телеграмма при вас?

— Какая телеграмма? — изумился офицер.

— Об том, што Петроград взяли.

— Телеграмма?.. Нет. При чем тут телеграмма? [Ведь она]

— Ага! Нет?.. — единой [облегчаю] **грудью** облегчающе вздохнула сотня. [и на] И многие подняли головы, [многие] с надеждой устремились глаза¹ на Ивана Алексеевича, а он повысив **сиповатый** голос уже **насмешливо, уверенно и зло** кричал, властно греб к себе внимание. [сиповатым]

— Нету говоришь? А мы тебе поверим? На мякинке хочешь подсидеть?

— Об-ман! — гулом вздохнула сотня.

— Телеграмма не мне адресована! Станичники! — **убеждающе** прижимал офицер к груди руки.

— Но его уже не слушали. Иван Алексеевич почуяв, что симпатии и **доверчивость** сотни [и вера] вновь перекинулись к нему, резал как [по железу] алмазом по стеклу.

— А хучь-бы и взяли — нам с вами не по дороге! Мы не желаем воевать со своими. Против народа мы не пойдем! Стравить [хочете] **хотите?** Нет! Переверлись на белом свете дураки! [Нам с рабочими делить нечево. Так-то!] Генеральскую власть на ноги ставить не хотим. Так-то!||

<Л. 53>

103.

Казаки дружно загомонили, толпа качнулась, расплескалась [на группы] **криками**.

— Вот это — да!

— В разрез вогнал.

— Правильнаааа!..

— Чево там х..... пороть, гнать их, этих благородий взáшей!

— Сваты приехали, тоже...

— В Петрограде вон три полка казачьих, а што-то они сомневаются против народа выходить.

— Слышь, Иван! Налаживай их по чем попало мешалкой! Нехай уезжают!

Иван Алексеевич глянул на представителей: **казачий** офицер поджав губы терпеливо выжидал, сзади его плечо к плечу стояли горцы, [один] **статный** офи-

¹ ППС: «глаза устремились с надеждой».

цер-ингуш молодой¹ [*и статный*], скрестив на нарядной черкеске руки поблескивал из-под рыжей кубанки косыми миндалинами глаз, другой пожилой и рыжий — осетин стоял небрежно отставив ногу, Положив ладонь на головку гнутой шашки он насмешливыми щупающими глазами оглядывал казаков.

Иван Алексеевич только что хотел прервать переговоры, но его опередил казачий офицер, пошептавшись с офицером-ингушем он зычно крикнул:

— Донцы! Разрешите сказать слово представителю дикой дивизии.

Не дожидаясь согласия ингуш, мягко ступая сапогами без каблуков вышел на средину круга, нервно поправил узенький наборный ремешок.

— Братья-[казака] казаки! Зачем такой балшой шум? Нада гаварить биз ажи-стачения, спакойна. Вы нэ хатити подчиняться генералу Корнилову? Вы хатити вайны? Пажалуста! Мы будим ваивать. Ни страшна! [*Ничуть*] Совсим ни страшна! Сегодня-же мы вас [*васьмем*] [*раздавим*] {*разыдавим*}. Два полка горцев идут за нашим спином. Ва, какой может быть шум, зачем шум? — вначале он говорил с видимым спокойствием, но под конец уже с повышенной страстностью кидал горячие [*лом*] фразы, в гортанную ломанную речь его вплетались [*родные*] слова родного языка. — Вас смущает вот этот казак, он балшевик, а вы идете за ним! Ва, что я не вижу? [*Арэстуйтэ*] Арэстуйти его!.. [*Абэзаружтэ*] Абэзаружти его! — смелым жестом указывал он на Ивана Алексеевича², и метался по тесному кругу побледневший, страстно жестикулирующий, с [*щек*] лицом [*окрашенным*] облитым коричневым румянцем. Товарищ его, пожилой рыжий осетин, хранил [*чван*] ледяное спокойствие, казачий офицер теребил изношенный темляк шашки, казаки вновь приумолкли, вновь замешательство [*тронуло*] взволнило их ряды. [*А*]

Иван Алексеевич [*гляддел*] глядя непрерывно на ингуша-офицера, на зверино белый оскал его зубов, на косую серую полоску пота перерезавшую левый висок, с тоскою думал, что напрасно упустил момент, когда можно было словом одним кончить переговоры и увести казаков.

Положение выручил Турилин. Он прыгнул на средину круга [*и*] [*отчаянным*] отчаянно [*жестом разодрав на себе*] взмахнул руками, обрывая на [*ворот*] ворота рубахи пуговицы захрипел, задергался, пенясь бешеной слюной.

— [*Сукины сыны!*] Гады ползучие!. Черти!.. Сволочи!.. Вас уговаривают, как б...., а вы уши развесили!.. Офицерья вам свою нужду навязывают!.. Што вы делаете?!.. Штооо вы де-ла-е-те!!.. [*В них стрелять*] Их, рубить надо, а вы их слушаете?.. Головы им с плеч, [*в душу, в*] кровину, из них спустить! [*в жизнь*] Покеда вы [*с ними*] тут муздыкаетесь нас окружат!.. Из пулеметов посекут!.. Под пулеметом не замитингуешь!.. Вам нарошно очки втирают, покеда ихнее войско подойдет... Аааээ-х, вы, казаки! Юбошники вы! Бабьи побздюхи!..||

<Л. 53 об.>

104.

— На конь!.. — громовым голосом рывкнул Иван Алексеевич.

¹ ЛПС: «молодой офицер-ингуш».

² ЛПС: «указывал он на Ивана Алексеевича смелым жестом».

Крик его [ловис] лопнул над толпой шрапнельным разрывом¹. Казаки [молча] кинулись к лошадям. Через минуту **рассеянная** сотня уже строилась в взводные колонны.

— Послушайте! Станичники! — метался казачий офицер.

Иван Алексеевич [смахнул] **сдернул** с плеча [винтовку] **карабин** [и] **твердо** уложив [твердый] пухлосуставчатый палец на спуске, [сказал:] [удерживая] **вонзая в губы** заигравшего коня **удила** крикнул:

— Кончились переговоры! Теперь ежли доведется [говорить] **гутарить** с вами, так уж будем [говорить] [**гутарить**] вот этим языком. — и он выразительно потряс винтовкой.

[Сотня] Взвод за взводом въехали на дорогу. Оглядываясь [Иван Алексеевич] **казаки** видели, [что горцы и казачий офицер] **как представители**, посадившись на лошадей о чем-то совещаются. Ингуш, сузив глаза, что-то горячо доказывал, часто поднимал вверх руку, белая шелковая **подкладка** отвернутого обшлага на рукаве его черкески снежно белела. Иван Алексеевич, оглянувшись в последний раз увидел эту ослепительно белую полосу шелка и перед глазами его почему-то встала взлохмаченная ветром-суховеем грудь [родимого] Дона, зеленые гривастые волны и косо накренившееся чертящее концом **верхушку** [волну] **волны** белое, [как эта полоска шелка] крыло чайки-рыболова².

16.

Кинутые на Петроград части 3го конного корпуса и Туземной дивизии [разворачивались на походе в армию], эшелонировались на огромном протяжении **восьми** железных дорог, [Расчлененные] Ревель, Везенберг, Нарва, Ямбург, Гатчина, Сомрино, Вырица, Чудово, Гдов, Новгород, Дно, Псков, Луга и все остальные промежуточные станции и разъезды были забиты медленно передвигавшимися, застревавшими эшелонами. Полки находились вне всякого морального воздействия старшего командного состава, расчлененные [на] сотни теряли **меж собой** связь³. Путаница усугублялась тем, что корпус, [на походе] с приданой к нему Туземной дивизией, на походе разворачивался в армию, требовалось известное перемещение и сборка разбросанных частей, перегруппировки эшелонов, все это создавало неразбериху, бестолковые, зачастую несогласованные распоряжения, накаляло и без того напряженно-нервную атмосферу.

Встречая на своем пути стихийное противодействие рабочих и служащих железнодорожников, преодолевая препятствия, эшелоны корниловской армии⁴, тихо стекались к Петрограду, копились на узлах, вновь рассасывались.

В красных клетушках вагонов [толпились] у расседланных полуголодных лошадей толпились полуголодные донские и уссурийские, **оренбургские**, нерчин-

¹ ППС: «шрапнельным разрывом [ловис] лопнул над толпой».

² Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

³ ППС: «расчлененные [на] сотни теряли **меж собой** связь, находились вне всякого морального воздействия старшего командного состава».

⁴ ППС: «эшелоны корниловской армии, преодолевая препятствия».

ские, амурские¹ казаки, ингуши, черкесы, **кабардинцы**, осетины, дагестанцы. Эшелоны, ожидая отправки, часами простаивали на станциях, всадники густо высыпали из вагонов, саранчей забивали вокзалы, [толпились] **кучились** на путях, пожирали все [съедобного] **съедобное**, что оставалось, [на] от проходивших ранее эшелонов². Под сурдинку **воровали у жителей, грабили и продовольственные склады**. Желтые и красные лампасы казаков, [щеголеватое] **щеголеватые** [обмундирование] **куртки** драгун, черкески горцев; никогда не видела скупая на [краски] **цвета** северная природа такого **богатого** сочетания [цветов.] [и красок] {красок}.

29го августа около Павловска 3^{ья} бригада Туземного корпуса, под командой князя Гагарина, уже вошла в соприкосновение с противником.

Наткнувшись на разобранный путь **Ингушский и Черкесский** полки **шедшие в голове корпуса выгрузились**, походным порядком пошли по направлению на Царское Село³.

Разъезды [Ингушский] [Ингушского и [Черкесский] **Черкеского** [полки] **полков**, [составлявшие бригаду] **шедших в голове корпуса**] {ингушей} **проникли до станции Семрино**. Полки замедленным темпом развивали наступление, **теснили гвардейцев** выжидая пока подтянутся остальные части корпуса, а [остальные части] **те** [кисли на станции] **в Дно** ожидали отправки, некоторые [еще] не доехали **еще** и до этой станции. Командир туземного корпуса князь Багратион **находился в имени** неподалеку от станции, ожидая сосредоточения [всех] остальных частей, [и] не рискуя идти походным порядком до Вырицы, [несмотря на то, что]

Полк, в котором когда-то служил Евгений Листницкий, совместно с остальными полками, входившими в состав 1 донской казачьей дивизии [29го прибыл] перебрасывался [из Ревел] на Петроград по линии Ревель-Везенберг-Нарва. 29го [вечером] в 5 пополудни **эшелон из [две сотни] двух сотен** полка прибыл в Нарву. Командир эшелона узнал что в ночь выехать||

<Л. 54>

105

нельзя, так как между Нарвой и Ямбургом испорчен путь. Часть [инженерного] **железнодорожного батальона** направлена туда экстренным поездом, и к утру, если успеют восстановить путь, эшелон будет отправлен. Волей-неволей эшелонному пришлось согласиться. Чертыхаясь он влез в свой вагон, поделился новостью с офицерами. Засел пить чай.

Ночь стала пасмурная. С залива дул сырой пронизывающий ветер. На путях, в вагонах глухо переговаривались казаки, да копытили обеспокоенные [от паровозных] **паровозным [криков] гудком**⁴, [но] [вагонные] **деревянные** полы лоша-

¹ ППС: «уссурийские, **оренбургские**, нерчинские, амурские, и донские».

² ППС: Первоначальный порядок слов: «что оставалось, [на] от проходивших ранее эшелонов, [съедобного] **съедобное**».

³ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

⁴ ППС: «обеспокоенные [от паровозных] **паровозным [криков] гудком**, копытили».

ди. В хвосте эшелона молодой казачий голос пел, жалился в темноте неведомо кому.

Прощай ты город и местечко,
Прощай родимый хуторок
Прощай ты девка молодая
Ой-да прощай лазоревый цветок.
Бывало от зари до зорьки,
Лежал у милки, да на руке.
А и-эх, теперя от зори до зорьки,
Стою с винтовкою в руке...

Из-за серой махины пакгауза вышел человек. Постоял, прислушиваясь к песне, оглядел пути отмеченные желтыми [точками] запятыми огней, [и] уверенно пошел к эшелону. Шаги его немо звучали по шпалам, глохли, когда наступал и шел по утрамбованному суглинку земли. Он [прошел] миновал крайний вагон, его окликнул оборвав песню² стоявший у дверей казак.

— Кто таков?

— А тебе кого? — нехотя отозвался уходя.

— Чево шляешься по ночам? Мы вас, жуликов, шлепаем. Присматриваешь, что плохо лежит?

Не отвечая человек прошел до середины состава, спросил просовывая голову в дверную щель вагона.

— Какая сотня?

— Арестантская. — хахакнули из темноты.

— Делом спрашиваю, какая?

— Вторая.

— Четвертый взвод где?

— [Третий] Шестой [к голове] от головы вагона.

У [третьего] шестого [к голове] от паровоза вагона курили трое казаков. Один сидел на корточках, двое стояли около. Они [не окликнули] молча смотрели на подходившего к ним человека.

— Здорово-живете, станичники.

— Слава богу. — ответил один, всматриваясь в лицо подошедшего.

— Никита Дугин живой? Тут он?

— А вот я. — певческим тенорком отозвался сидевший на корточках и встал, каблуком задавил цыгарку. — Не опознаю тебя. Чей ты? Откель? — Он вытянул бородатое лицо, стараясь разглядеть незнакомого человека в шинели и помятой солдатской фуражке, [подержал] смял в горсти клок своей свалывшейся

¹ ППС: «Бывало от зари до зорьки,
Лежал у милки, да на руке.
А и-эх, теперя от зори до зорьки,
Стою с винтовкою в руке...
Прощай ты город и местечко,
Прощай родимый хуторок
Прощай ты девка молодая
Ой-да прощай лазоревый цветок».

² ППС: «оборвав песню его окликнул».

бороды¹ и изумленно крикнул² — Илья? Бунчук? Любезный мой, отель тебя лихоманец вытряхнул?

[*Подержав*] **Пожав** в шершавой ладони волосатую руку Бунчука, нагинаясь к нему, негромко сказал.

— Это свои ребята, ты их не бойсь. Откель ты очутился тут? Говори-же еж тебя накопи!

Бунчук за руку поздоровался с остальными казаками, ответил [*надтреснут*] **чугунно-глухим**, [*надтреснутыми*] **надломленным** голосом.

— [*Пр*] **Приехал из Питера, насилу** разыскал вас. Дело есть. Надо потолковать. Я **браток** рад видеть тебя живым и здоровым.

Он улыбался, [*в темноте*] на сером квадрате его большого лобастого лица белели зубы, тепло, сдержанно и весело поблескивали глаза.||

<Л. 54 об.>

106.

— Потолковать? — пел тенорок бородатого. — Ты хучь и офицер, а нашим кумпанством значит не гребуешь? Ну, спасибо, Илюша, спаси Христос, а то мы ласковое слово и ощупкой не пробовали... — в голосе его подрагивали нотки добродушного беззлобного смеха. Бунчук слухом улавливая их так-же [*добродушно*] **приветливо** отшутился:

— Бедет, будет тебе воду мутить. Ты все играешься, шутки шутишь, а у само-го борода ниже пупка.

— Бороду мы можем в любой час поброить, а вот ты скажи, што там в Питере? Бунты зачались?

— Пойдемте-ка в вагон. — **обещающе** предложил Бунчук.

Они поочереды влезли в вагон. Бородатый кого-то расталкивал ногами, впол-голоса говорил:

— Вставайте, ребятаж, человек нужный прибыл к нам в гости. Ну, поторапли-вайтесь, служивые поскорейча!

— Казаки [*покряхтывая*] **покряхтывали**, вставали. Чьи-то **большие** прово-нявшие табаком и конским потом ладони **бережно касаясь** ощупали **в темноте** лицо присевшего на седло Бунчука, густой мазутный бас просил:

— Бунчук?

— Я. А это ты Чикамасов?

— Я-я. Здорово, дружок!

— Здравствуй.

— [*Я*] Зараз сбегаю ребят третьева взвода покличу.

— Мотай.

Третий взвод пришел почти целиком, **лишь** двое остались при лошадях³. Ка-заки подходили к Бунчуку, совали черствые краюхи ладоней, наклоняясь вгля-

¹ ППС: «свалявшейся своей».

² ППС: «и изумленно крикнул, [*подержал*] смял в горсти клочок сваявшейся своей бороды».

³ ППС: «остались **лишь** двое при лошадях».

дывались при свете фонаря¹ в его большое угрюмоватое [его] лицо. Здороваясь называли то Бунчуком, то Ильей Митричем, то Илюшей, но во всех голосах одним тоном звучал товарищеский **теплый** [приветливый] **привет** [почет]². В вагоне [сразу] стало [тепло, почти] душно. На [мелко] досчатых стенах танцевали световые блики, качались и [пых] увеличивались в размерах безобразные тени, [желт] **жирным** лампадным светом дымился фонарь.

Бунчука заботливо усадили к свету. Передние сидели на корточках, остальные **стоя обручем** сомкнулись вокруг. [Бородатый] **Тенористый** Дугин, откашлялся.

— Письмо твою, Илья Митрич, мы надясь получили, [а] иначе нам хотится послушать от тебя, и штоб ты посоветовал нам, как в дальнейшем быть. Ить двигают нас к Питеру, што ты поделаешь?

— Видишь какое дело, Митрич, — заговорил [дру] стоявший у самых дверей казак с серьгой в морщенной мочке уха; тот самый казак, которого обидел некогда Листницкий, не разрешив кипятить чай на окопном щите, — тут к нам подбиваются разные агитаторы, отговаривают, мол не ходите на Петроград, мол, воевать нам промеж [собой] **собя** не из чего, и разное подобное гутарют. Мы слухать — слушаем, а веры им дюже не даем. Чужой народ, может они **нас** под монастырь надворничать ведут, кто их знает? Откажись, а Корнилов черкесов натравит и опять кроворазлитие выйдет. А вот ты — наш, казак, и мы тебе веры больше даем, и очень даже благодарственны, што письмишки нам из Питера писал, и газеты опять-же; тут признаться бумагой бедствовали, а газеты получим. [прочтем их и]

— Чево мелешь, чево брешешь, дурья голова! — возмущенно перебил **один** [из] [говорившего один]. — Ты [сам] не грамотный так думаешь и всем темно, как тебе. Как будто мы на курево газеты потребляли. Вперед, Илья Митрич, мы их от головы до хвоста перечитываем, бывало.

— Набрёкал, дьявол грызной!

— На курево, [сказанул] **рубанул** тоже.||

<Л. 55>

107.

— [Рубанёт] С дуру, как с дубу!

— Братушки! Я не в том понятии сказал, — оправдывался казак с серьгой. — Конечно, спервоначалу мы газеты читали.

— Вы самое читали!

— Мне грамоту не привелось узнать, к тому говорю, што воопче читали, а потом уж на курево.

Бунчук, скупно улыбаясь, сидел на седле, посматривал на казаков, [наконец заговорил, привстал] Ему неудобно было говорить сидя, он привстал и поворачиваясь [во] к фонарю спиной медленно **натужно и неуверенно** заговорил:

— [Вам надо приостановиться.] В Петрограде **вам** делать нечего. Никаких бунтов там нет. Знаете вы для чего вас туда посылают? Что-бы свергнуть Вре-

¹ ППС: «при свете фонаря наклоняясь вглядывались».

² ППС: «[приветливый] привет, товарищеский **теплый** [почет]».

менное Правительство, вот! Кто вас ведет? Царский генерал Корнилов. [Дл] Для чего ему [хочется] надо спихнуть Керенского? Что-бы самому сесть [на] на это место [самому]. Смотрите, станичники! Деревянное ярмо с вас **хочут** скинуть, а уж, ежли наденут, так наденут стальное! [*Береги жизнь! Вам надо уметь отличать черное от белого, а белое от красного. Я не за Керенского*] Из двух бед надо выбирать беду, [которая] **какая** поменьше. Не так-ли? Вот и рассудите сами: при царе в зубы вас били, вашими руками на войне жар загребали; загребают и при Керенском, но в зубы не бьют. При Керенском хоть немножко, но лучше. Но еще лучше будет после Керенского, когда власть перейдет к большевикам. Большевики войны не хотят. Будь власть в их руках — сейчас-же был-бы мир. Я не [зову вас защищать] за Керенского, чорт ему брат, все они одним миром мазаны, — Бунчук улыбнулся и вытирая рукавом [со лба] пот {со лба} продолжал, — но я зову вас не проливать кровь с рабочими, и пока — защищать Временное Правительство. Почему защищать [пока]? А потому, что если [сядет] **будет** Корнилов, то [кровью] **в рабочей крови** [затопит Питер и Россию] **по колено [будет бродить]** {станет Россия}. При нем труднее будет вырвать власть и передать ее в руки трудящегося народа.

— Погоди трошки, Илья Митрич. — сказал выходя из задних рядов небольшой **казак**, такой-же коренастый, как и Бунчук. Он откашлялся, [погладил] потер длинные **руки**, похожие на обмытые водой корни [дерева руки] **дуба-перестарка** и глядя на Бунчука улыбающимися, [крохотными], [светло-голубыми] **светло-зелеными, клейкими [глазами] как молодые листки глазками** спросил.

— Ты вот про ярмо гутарил, а большевики как загребают власть какую ярмо на нас наденут?

— Ты что-же сам на себя будешь ярмо надевать?

— Как это, — сам?

— А так. Ведь при большевиках кто **будет** у власти? [*Да такой-же как*] ты, **будешь, если выберут или [как] Дугин, [как] вот этот дядя.** Выборная власть, совет. Понял?

— А сверху кто?

— Опять-же кого выберут. Выберут тебя и ты будешь сверху.

— Ой-ли? А не брешешь, ты, Митрич?

Казачи засмеялись, заговорили все сразу, даже часовой, стоявший у двери, отошел на минуту, [заговорил с ближними.] **вмешался в разговор.**

— А вчет землишки они как?

— Не заберут у нас?

— Войну-то прикончат? Или, может, зараз только сулятся, штоб за них руки [поднимали] **подымали?**

— Ты нам все по совести рассказывай.

— Мы тут в потёмках блукаем.

— Чужим-то верить опасно. Брехни много [болтают]...

— Вчерась матросик какой-то об Керенском плакал, а мы ево за волосы да из вагона.||

<Л. 55 об.>

108.

— Вы, — [говорит] шумит, — кондры... Чудак!

— Мы этих слов не понимаем, с чем их едят.

Бунчук, поворачиваясь во все стороны, шупал глазами казаков, ждал пока уgomонятся. У него исчезла бывшая вначале [минутная] неуверенность в [конечном] успехе своего предприятия, и он, завладев настроением казаков, уже твердо [шел к концу, решил] знал, что во что-бы то ни стало [уговорит] {договорится с казаками} задержит эшелон в Нарве. Днем позже, когда явившись в районный комитет партии [вызвал его и] он предложил [отправиться на работу] себя в качестве [агитировать] агитатора [в части] для работы среди подходивших к Петрограду частей 1ой Донской дивизии, [он] был уверен в успехе, но [добравшись] добрался до Нарвы и уверенность [пока] в нем поколебалась. Он знал, что какими-то иными словами надо говорить с казаками, [с] со [ужасом] страхом чувствовал, что пожалуй и не [находит] найдет общего языка [с казаками потому что] потому что, девять месяцев назад вернувшись в [родную] рабочую [среду] гущу, [кровно сросся за девять месяцев] вновь кровно сросся с ней, выступая привык, что его [и] чувствуют и понимают¹ с полуслова, а тут с земляками требовался² иной, полузабытый, черноземный язык, ящериная изворотливость, какая-то большая сила убеждения, что-бы не только опалить, но и зажечь что-бы [повести за со] [уметь внушить] уничтожить веками напластовывшийся страх [перед] слушания раздавить косность, [и] внушить чувство своей правоты и повести за собой.

Вначале, когда заговорил, собственным слухом ловил в [тоне] голосе своем спотыкавшуюся неуверенность, какую-то фальшь, наигранность, [как-то] будто со стороны вслушивался в свои бессочные слова, ужасался [неубедительность] неубедительности приводимых доводов, мучительно шарил в голове, разыскивал какие-то большие тяжелые глыбы слов, что-бы [крушить или будить] ломать или, [звать,] крушить... и вместо этого с неизъяснимой горечью [с в] ощущал, как [вроде мыльных пузырей] мыльными пузырями [а не] срываются с его губ легковесные фразы³, а в голове [вы] [стремительно] [как конечности в конвульсиях] сплетаются выхолощенные скользкие мысли. Он стоял обжигаясь [своим] потом, [тяжко в промежутки слов] тяжело дыша. Говорил, [а] просверливаемый навывлет одной мыслью: «Мне доверили такое большое дело и вот я его поганю собственными руками... Слова не свяжу, да что-же это со мной? Другой на моем месте [не] сказал-бы и убедил в тысячу раз лучше... О, чорт, какая же я бездарь!»

Казак с [руками-корня] зелеными клейкими глазками, спросивший о ярме, выбил его из состояния дурного полузабытья; разговор, поднявшийся после этого, дал ему возможность встряхнуться, оправиться и после, дивясь самому себе, чувствуя необычайный прилив сил и богатейший подбор ярких отточенных режу-

¹ ППС: «и понимают [и] чувствуют».² ППС: «требовался с земляками».³ ППС: «срываются с его губ легковесные [вроде мыльных пузырей] мыльными пузырями [а не] фразы».

щих [как алмаз]¹ слов, он загорелся, [возбужденный, покрытый [бурьм] тусклым румянцем, и] [и] тая под внешним спокойствием прихлынувшее возбуждение уже веско и зло разил ехидные вопросы, вел разговор, как всадник, усмиривший досель необъезженного, запененного в скачке коня.

— А ну, скажи, чем [плохо] плохое [при] [Учредительном] Учредительное [Собрании] Собрание?

— Ленина-то вашево немцы [подослали] привезли. Нет? А откель-же он взялся? С вербы?

— Митрич, ты своей охотой приехал, аль подослали тебя?

— Войсковые земли кому отойдут?

— А чем нам при царе плохо жилось?

— Большевики ить тоже за народ.

— [Будет у нас эта... автономия] У нас [ить] Войсковой круг, власть народная, [все одно] на што нам Советы? — спрашивали казаки.

Разошлись за полночь² [казаки]. На следующее утро порешили собраться обоими сотнями на митинг. Бунчук остался ночевать в вагоне. Чикомасов предложил ему лечь с ним.||

<Л. 56>

109.

Крестьян на сон грядущий, укладываясь, предупредил:

— Ты, Илья Митрич может без опаски ложишься, так ты извиняй... У нас дружок, вошки водятся. Коли Наберешься не обижайся. С тоски такую ядреную вшу развели, што прямо беда какая с [холмогорской] холмогорскую [телкой] телку ростом.

Бунчук уснул не скоро, его и в самом деле густо обсыпали вши. Расползлись под рубахой огневой нудной чесоткой, рядом вздыхал и скреб тело Чикомасов, отпугивала дремоту чья-то фыркающая беспокойная лошадь. Он совсем уже было заснул, но неполадившие лошади задрались, затопотали, зло взвизгались.

— Балуй, дьявол!.. Тррр! Тррр, проклятый!.. — заспанным тенорком вскричал вскочивший Дугин, и чем-то тяжелым ударил ближнюю лошадь.

[Сон оставил] Бунчука³. [Он] одолеваемый вшами поворочался⁴ [привстал] перевернулся на другой бок и с досадой сознавая, что сон ушел надолго [долго] стал [думал] думать о [том, как] [завтра] завтрашнем [придется ему выступать] митинге пытался представить во что выльется противодействие офицеров, усмехнулся: «Сбегут, наверное, если казаки дружно запротестуют, а впрочем чорт их знает. На всякий случай договорюсь с гарнизонным комитетом». [В мыслях настойчиво] [Память настойчиво подсовывала] Как-то Непроизвольно вспомнил [какую-то сценку] эпизод из войны, атаку в октябре 1915 года, а затем память, [настойчиво] словно обрадовавшись, что направили ее на знакомую [ис-

¹ ППС: «режущих [как алмаз] отточенных».

² ППС: «За полночь разошлись».

³ Незавершенная правка, надо «Бунчук».

⁴ ППС: «поворочался одолеваемый вшами».

хоженую] утопанную тропу, настойчиво и злорадно стала подсовывать обрзки воспоминаний, лица, безобразные [фигуры] позы убитых русских и немецких солдат, [разнообразные] [разнообразную] [разноголосые] разноголосую речь [знакомых], бескрасочные стертые временем куски виденных когда-то пейзажей, [чьи] невысказанные, почему-то сохранившиеся мысли, неслышные внутренне еле ощутимые отзвуки орудийной канонады, знакомый стук пулемета и шорох ленты, бравурную мелодию, красивый до боли, чуть блеклый {рисунок} {рот} {рта} любимой когда-то женщины, и опять — клочки войны, убитые, осевшие холмики братских могил...

[И еще вспомнил [Одинадцатилетняя] двенадцатилетнюю [девочка] [девочку] Лушу, дочь убитого на войне Петроградского рабочего-металлиста, приятеля, с которым некогда вместе работали в Туле; [вспомнил] представил ее такой, какой видел в последний раз, месяца два назад на бульварной скамье: увядшее лицо [с циничной усмешкой] горечь [с накрашенными] накрашенных [губами] [удлиненными] удлиненных преждевременной [старостью] зрелостью [губами] губ, усталые глаза, щуплая детская фигурка испоганенная грязными руками, и эта поза — [нога] тоненькая нога гусарски закинута за другую... — Не узнаете, дяденька? — хрипло спросила она [тогда хриповатым сиплым голосом].]¹

Бунчук засуетился, приподнялся, сел, [подрожал плечами] вслух сказал, или только подумал: «[Не я один] [вс] до смерти буду носить вот эти воспоминания и не я один, а все кто уцелеет. Искалечили, надругались над жизнью!² Проклятые! Проклятые! Вы и смертью не [искупите] покроете свою вину!..

И еще вспомнил 12^{летнюю} Лушу, дочь убитого на войне рабочего-металлиста, приятеля, с которым некогда вместе работали в Туле; [вспомнил ее такой, какой видел в последний раз, месяц назад на бульварной скамье.] Вечером шел по бульвару. Она этот угловатый щуплый подросток сидела на крайней скамье, ухарски [закинув] раскинув тоненькие [полудетские] ноги. На увядшем лице ее — усталые глаза, [и] горечь в углах накрашенных, удлиненных преждевременной зрелостью губ. « — Не узнаете, дяденька?» — хрипло спросила она, непроизвольно улыбаясь³ с профессиональной заученностью, и встала, совсем по детски беспомощно и горько заплакала, сторбясь, прижимаясь головой к локтю Бунчука⁴.

Он чуть не задохнулся от нахлынувшей в него, ядовитой, как газ, ненависти, бледнея и зрительно чувствуя это закрипел зубами застонал. После долго растирал волосатую грудь, дрожал губами, ему казалось, что ненависть [его] скипелась в груди [<1 слово нрзб.>] горячим комком шлака, тлея мешает дышать и причиняет эту боль в левой стороне, под сердцем.

¹ Текст вставки перенесен с левого поля страницы согласно указанию автора.

² ЛПС: «Искалечили, надругались над жизнью! [Не я один] [вс] до смерти буду носить вот эти воспоминания и не я один, а все кто уцелеет».

³ ЛПС: «улыбаясь непроизвольно».

⁴ Вставка перенесена с листа 67 (об.) согласно указанию автора.

Он не уснул до утра. А с рассветом **пожелтевший, угрюмый больше чем всегда** пошел в комитет железнодорожников. Договорился, что казачий эшелон¹ [далее] из Нарвы не пропустят и через час вышел на поиски членов гарнизонного комитета.

Вернулся к составу в восьмом часу.

Шел [жмурясь на] всем телом ощущая [утреннее] **утреннюю** [нена] тепловатую прохладу, [чему] смутно [чему-то] радуясь и вероятному успеху своей поездки, и солнцу, [подсмотревшему] перелазившему через ржавую крышу пакгауза, и музыкальному певучему тембру, доносившегося откуда-то женского голоса. Перед зарей [был] [шел] {отзвенел} дождь, буйный, проливной и короткий. **Песчаная** Земля на путях была [изр] **размыта**, извилижена **следами** [крохотными] **крохотных** [ручейками] **ручейков**, **пряно** пахла дождем и еще хранила на своей поверхности **густой засев** чуть [подсохшие] **подсохших** [крохотные] **крохотных** [ямочки,] **ямочек**, там где стекались дождевые капли, будто оспа изрябила ее.

[Б] [у] [Бунчук] Обходя состав навстречу Бунчуку шел офицер в шинели и высоких обляпанных грязью сапогах. Бунчук угадал **есаула** Калмыкова, чуть замедлил шаг, выжидая. [Калмыков] Они сошлись. Калмыков остановился, **холодно** блеснул косыми горячими глазами.

— Хорунжий Бунчук? Ты на свободе? Прости, руки я тебе не подам. — Он презрительно сжал [красивые] губы, сунул руки в карман шинели².

У своего вагона [его] **Бунчука** встретил Дугин.

— Чево-ж ты? Митинг уж начался.

— Как начался?

— А так. Наш сотенный есаул Калмыков в отлучке был, а нынче прикатил из Питера на паровозе, созвал казаков, [уговаривает] зараз только пошел их уговаривать. Бунчук [почти побежал] **задержался** [на минуту разговаривая] **выспрашивая** [у Дуги] о том [был до приезда Калмыков] с какого времени был откомандирован в Петроград Калмыков. Со слов Дугина узнал, что тот отсутствовал почти месяц.

За пакгаузом [увидел] серозеленый часток кол казачьих гимнастерок и шинелей. В середине, окруженный офицерами, на опрокинутом боченке стоял Калмыков, [переламываясь,] резко, **раздельно** кричал, [посверкивал косыми яркими глазами] [переламываясь сухим корпусом]:

— ... довести до победного конца! Нам доверяют и мы оправдаем это доверие. Сейчас я прочту телеграмму генерала Корнилова к казакам. — Он с **излишней** [торопливо] **торопливостью** вытащил из бокового кармана френча помятый листок, о **чем-то** пошептался с эшелонным [и поднял руку. — Тише!]

Бунчук и Дугин [подошел] подошли, [остановился] [смешался] **смешались** с казаками.||

¹ ППС: «эшелон казачий».

² Текст вставки перенесен с листа 68 (об.) согласно указанию автора.

<Л. 56 об.>

110.

— Казаки, дорогие станичники! — **выразительно и не без подъема** читал Калмыков, — Не на костях-ли ваших предков расширились и росли пределы государства Российского? Не вашей-ли могучей доблестью, не вашими ли подвигами, жертвами, и геройством была сильна великая Россия? Вы вольные свободные сыны тихого Дона, красавицы-Кубани, буйного Терека, залетные могучие орлы уральских, оренбургских, астраханских, семиреченских и сибирских [гор] степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури всегда стояли на страже чести и славы ваших знамен, и русская земля полна сказаниями о подвигах ваших отцов и дедов. Ныне настал час, когда вы должны придти на помощь родине. Я обвиняю Временное правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло 12000 пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов правительства в прямом предательстве родины и тому привожу доказательства: когда я был на заседании Временного правительства в Зимнем дворце 3 августа, министр Керенский и Савинков указали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные. Ясно, что такое правительство ведет страну к гибели, что такому правительству верить нельзя, и вместе с ним не может быть спасения несчастной России... Поэтому, когда вчера Временное правительство, в угоду врагов потребовало от меня оставления должности Верховного Главнокомандующего, я, как казак по долгу, совести и чести, вынужден был отказать от исполнения этого требования, предпочитая смерть на поле брани — позору и предательству родины. Казаки, рыцари земли русской! Вы обещали встать вместе со мной на спасенье родины, когда я найду это нужным. Час пробил — родина накануне смерти! Я не подчиняюсь распоряжению Временного правительства и, ради спасения свободной России, иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают родину. Поддержите, казаки, честь и славу безпримерно-доблестного казачества и этим вы спасете родину и свободу, завоеванную революцией. Слушайте-же и исполняйте мои приказания! Идите-же за мной! 28 августа 1917 года. Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов. — он помолчал, [и] сворачивая листок выкрикнул: — Агенты большевиков и Керенского препятствуют продвижению **по железной дороге** наших частей. Получено приказание Верховного Главнокомандующего в том случае если не представится возможным совершать переброску по железной дороге, то итти на Петроград походным порядком. Сегодня-же мы выступаем. Приготовьтесь к выгрузке.

Бунчук **грубовато** работая локтями прорвался на средину [и] не подходя к кругу офицеров зычно **по митинговски** крикнул:

— Товарищи — [станичники] **казаки!** Я послан к вам петроградскими рабочими и солдатами. Вас ведут на братоубийственную войну, на разгром революции! Если вам хочется итти против народа, [если вам хочется] восстанавливать

монархию и продолжать войну до тех пор, пока все вы превратитесь в мертвецов и калек¹, — идите, но петроградские рабочие и солдаты надеются, что вы не будете Каинами, они шлют вам пламенный братский привет и [ждут] хотят видеть вас, [но] не врагами, а союзниками...

Договорить ему не дали. Поднялся неумный шум, буря выкриков словно сорвала Калмыкова с боченка||

<Л. 57>

111.

Наклонившись он быстрыми шагами [подошел] шел к Бунчуку, не дойдя несколько шагов [остановился] крутнулся на каблуках.

— Казаки! Хорунжий Бунчук в прошлом году дезертировал с фронта, вы это знаете. [А теперь] что-же, неужели мы будем слушать этого труса и предателя?

Командир шестой сотни — войсковой старшина² Сукин [покрыл] смял голос Калмыкова [басовым] басистым [выкриком] раскатом.

— Арестовать его подлеца! Мы кровь проливали, а он спасался по тылам, берите его!

— Погодим бра-а-ать!

— Пушай говорит!

— На чужой роток нечево накидывать платок, пушай выясняет свою [агитацию] направлению.

— Арестовать!

— Дезертиров нам не надо!

— Говори, Бунчук!

— Митрич, рубани-ка [им] их [с плеча!] до сурепки!

— До-ло-о-ой!..

— [Цыцте] Цыц, [кобелины!..] сучье вымя!

— Крой их! Крой их, Бунчук! Ты им воперек! Вперек!

На боченок вскочил высокий, без фуражки, казак член полкового ревкома. По змеиному вертелась на его тонкой шее голо остриженная, шишкастая, как [кормовая] дыня-зимовка голова [его]³. Он горячо [выступал] [призывая] призывал казаков не подчиняться изменнику революции генералу Корнилову, говорил о гибельности войны с народом, закончил речь обращаясь к Бунчуку:

— А вы, товарищ, не думайте, што мы вас, как и господа-[офицерья] офицеры, презираем. Мы вам рады и уважаем, как представителя народа, и ишо за то уважаем, што бывши вы офицером не притесняли казаков, а были с нами вроде как по братски. Грубова слова от вас мы не слышали, но не думайте, што мы, необразованные люди, не понимаем обхожденья, ласковое слово и скотина понимает, не то, што человек. [Низко] Земно вам кланяемся и просим передать питерским рабочим и солдатам, што [мы] на них руку мы не подыдем!

¹ ППС: «Если вам хочется восстанавливать монархию и продолжать войну до тех пор, пока все вы превратитесь в мертвецов и калек, [если вам хочется] идти против народа».

² ППС: «Войсковой старшина — командир шестой сотни».

³ ППС: «Голо остриженная, шишкастая, как [кормовая] дыня-зимовка голова [его] по змеиному вертелась на его тонкой шее».

[Грохочущий] Будто в литавры ахнули: [грохочущий рев] **грохот** одобрительных криков достиг последней степени напряжения и медленно [стал] [спадать] **спадая** утих.

Вновь на боченке [стала по] качнулся переламываясь¹ [подбористым] **статным** торсом Калмыков, [заговорил необычайно] [повышенно-страстная речь его] О славе и чести седого Дона, о исторической миссии казачества, о **совместно** пролитой офицерами и казаками крови говорил он **задыхаясь** мертвенно бледнея.

[Его] **Калмыкова** сменил полный белобрысый казак. **Злобную** речь его, направленную против Бунчука, прервали, оратора стянули за руки² [с боченка] на [место его] **боченок** вспрыгнул Чикамасов. [Все чаще] Будто раскалывая полено, [крякнув] {закнув} махнул руками, [кря]

— Не пойдем! Не будем сгружаться! В телеграмме прописано будто казаки сулились помогать Корнилову, а кто нас пытал? Не сулились мы ему! Офицеры [су] из казачьево **союзнова** Совета сулились, Греков хвостом намотал, пушай он и помогает!..

Все чаще сменялись [ораторы] выступавшие. Бунчук стоял угнув лобастую голову, земляным [черным] румянцем чернело его лицо, на шее и висках в вздувшихся жилах стремительно колотился пульс. Сгущалась наэлектризованная атмосфера. Чувствовалось, что еще немного и каким-нибудь безрассудным поступком, **кровью** разрядится напряженность³. [Он заме] Со станции толпой пришли солдаты гарнизона и офицеры покинули митинг.

Через полчаса **запыхавшийся** Дугин подбежал к Бунчуку.

— Митрич, что делать?.. Калмыков што-то удумал. Сгружают зараз пулеметы, гонца верховнова куда-то послали. Што будем делать?||

<Л. 57 об.>

112.

— Пойдем туда. Собери человек двадцать казаков, живо!⁴

У вагона эшелонного Калмыков и три офицера навьючивали на лошадей пулеметы. Бунчук подошел первый, оглянулся на казаков и сунув в карман шинели руку выхватил новенький заботливо вычищенный **офицерский** наган.

— Калмыков, ты арестован. Руки!

Калмыков прыгнув от лошади избочился, лапнул кобуру⁵, но вытащить револьвер не успел: выше головы его цвинькнула пуля, опережая звук выстрела глухо **недобрым голосом** крикнул Бунчук

— Руки!..

¹ ППС: «переламываясь качнулся».

² ППС: «за руки стянули».

³ ППС: «Сгущалась наэлектризованная атмосфера. Чувствовалось, что **кровью** разрядится напряженность. Бунчук стоял угнув лобастую голову, земляным [черным] румянцем чернело его лицо, на шее и висках в вздувшихся жилах стремительно колотился пульс».

⁴ ППС: «Собери человек двадцать казаков, живо! Пойдем туда».

⁵ ППС: «лапнул кобуру, избочился».

Курок его нагана медленно поднялся до половины, Калмыков следил за ним сужившимися глазами, [медленно] трудно поднимал руки, [пощелкивая] пощелкивал пальцами.

Офицеры неохотно сдали оружие.

— И шашки прикажете [отдать] снять? — почтительно спросил молоденький хорунжий пулеметчик.

— Да.

Казакi развьючили лошадей, внесли пулеметы в вагон.

— К этим приставь часовых, — обратился Бунчук к Дугину. — **Чикомасов арестует [остальных] и доставит сюда остальных, слышишь, Чикомасов?** — а Калмыкова мы с тобой поведем в ревком гарнизона. Есаул Калмыков, изволь итти вперед.

— Ловко! Ловко е... м... — восхищенно сказал один из офицеров, прыгая в вагон и провожая глазами удивляющихся Бунчука, Дугина и Калмыкова.

— Господа стыдно!¹ Господа, Мы вели себя, как дети! Никто [из нас] не сообразил во время шлепнуть этого подлеца! Когда он направил на Калмыкова револьвер тут-бы ему раз и готово-бы! — войсковой старшина Сукин с возмущением оглядел офицеров, долго доставал прыгающими [руками] пальцами папиросу из портсигара.

— Ведь их целый взвод... Перестреляли-бы. — виновато заметил хорунжий пулеметчик.

Офицеры молча курили, редко переглядывались. Быстрота совершившегося их ошеломила.

Калмыков покусывая кончик черного уса [шел до станции] некоторое время шел молча. Левая скуластая щека его горела, как от пощечины. Встречающиеся жители смотрели изумленно, останавливались, шептались. Над [станцией] Нарвой линияло предвечернее пасмурное небо. [В пыли] [По неширокой и] [Над платформой] По путям червонными слитками [меди] лежали опавшие листья берез, [где-то за] август растерял уходя. [Над] Через зеленый [куполом] купол церковки перелетывали галки. Где-то [на западе] за станцией, за сумеречными полями уже [лежала] лежала дыша холодком ночь², а [с] от Нарвы на Псков, на Лугу, небесной целиной, бездорожьем все еще шли [рыхлые] загрязненные свинцовыми белилами [вечерние] вечера рыхлые облака; переходя невидимую границу теснила ночь.

Не доходя станции Калмыков круто повернулся, плюнул в лицо Бунчуку.

— [Под-д] Под-лец!..

Бунчук, уклонившись от плевка, взмахом поднял брови и [до,] [остановившись,] долго сжимал левой рукой кисть правой, порывавшейся скользнуть в карман.

— Иди! — насилиу выговорил он.

Калмыков пошел безобразно ругаясь, выплевывая грязные сгустки слов, порожденных на фронте смертной тоской, страхом [и] отчаянием и болью.

¹ ППС: «Стыдно, господа».

² ППС: «ночь, дыша холодком».

— Ты — предатель, изменник! Ты поплатишься за это! — выкрикивал он, часто останавливаясь, наступая на Бунчука.

— Иди. Прошу. — всякий раз уговаривал тот¹.

И Калмыков **сжимая кулаки** снова срывался с места, шел толчками, как запыленная лошадь. Они [*под*] подошли к водокачке. **Скрипя зубами Калмыков кричал.**

— Вы не партия, а банда гнусных подонков общества. Кто вами руководит? Немецкий Главный штаб! [*Понял, ты*] Боль-ше-ви-ки, ххха! Ублюдки! [*Вас*] [*Как*] Вашу партию, сброд этот, покупают, как [*проститутку*] б...² [*за деньги*]. [*Гады*] **Хамы!** [*Гады*] **Хамы!** Мать вашу... Продали родину!..

— Я бы вас всех на одной перекладине... Оооо! Время придет!..||

<Л. 58>

113.

Ваш [*атаман*], этот [...] — Ленин **не** за тридцать немецких марок продал Россию!.. Хапнул **миллиончик** и скрылся... [*За гра*] [*Скр*] [*Калмы*] [*Метил Калмыков скороговоркой*]

— Становись к стене! — протяжно заикаясь крикнул Бунчук. Дугин испуганно затамашился.

— Илья Митрич, погоди! Чевой-то ты? Пос-то-ой!.. Бунчук с обезображенным яростью, почерневшим лицом подскочил к Калмыкову, крепко ударил его в висок. **Топча ногами** Слетевшую с головы Калмыкова фуражку, он [*подтащил*] **тащил** его к [*ст*] кирпичной темной стене водокачки, [*сильн*] [*толчком отшвырнул от себя.*]

— Станови-и-ись!

— Ты что?!.. Ты!.. Не смей!.. Не смей бить!.. — рычал Калмыков сопротивляясь.

Глухо ударившись спиной о темную стену водокачки он выпрямился, понял.

— Убить хочешь?

Бунчук **изогнувшись** [*торопя*] **торопился**, рвал револьвер, курком зацепившийся за подкладку кармана.

Быстро застегивая шинель на все пуговицы Калмыков шагнул вперед.

— Стреляй, сукин сын! Стреляй! Смотри, как **умеют** [*умирают*] **умирать** русские офицеры!.. Я и перед сме-е [!].

Пуля [*ударила*] **вошла** ему в рот. За водокачкой, взбираясь на ступенчатую высоту, спиралью взвилось хрипатоое эхо. [*Шагнув*] Спотыкнувшись на втором шагу Калмыков левой рукой обхватил голову, упал. Выгнулся крутой дугой, [*выплюнул*] **плюнул** на грудь черные от крови зубы, сладко почмокал языком, [*коротко всхлипывая захрипел.*] Едва лишь спина его [*опуская*] выпрямляясь коснулась влажного щебня — Бунчук еще раз выстрелил в упор³.

¹ ППС: «уговаривал тот, всякий раз».

² ППС: «как [*проститутку*] б... покупают».

³ ППС: «в упор выстрелил еще раз».

Калмыков дернулся, поворачиваясь на бок как засыпающая птица подвернул голову под плечо, коротко всхлипнул.

На первом перекрестке Дугин догнал Бунчука.

— Митрич... Што-же ты, Митрич... За што ты ево?

Бунчук долго тряс плечи Дугина, вонзая в глаза ему насталеный неломкий взгляд [*говори*] сказал странно-спокойным, [*однотонным*] потухшим голосом.

— Они нас, или мы их [!]. Середки нету. Пленных нету. На кровь — кровью... Кто кого... Война на истребление, понял?

У Дугина долго тряслась голова, пощелкивали зубы и весело приплясывала, блестела серебряная, в морщенной мочке уха, серьга.

По безлюдному руслу улочки Они шли молча. Бунчук изредка поглядывал назад. Над [*станцией*] ними [*безлюдной улицей ними плотнела темнота.*] [*низко пологом разостлалась траурная темнота.*] [*траурным*] в темноте низко, [*бесшумно*] [*стремительно*] [*бесшумно клубились*] [*плыли*], пенились устремляясь на восток траурно черные облака. В просвет, с крохотного клочка [*наряд*] августовского неба [*смотрел молодой*] зеленым косым оком глядел [*и*] ущербленный, омытый вчерашним дождем, месяц.

17.

Уже 29го августа [*Корнилову стало*] из телеграмм, получаемых от Крымова, Корнилову стало ясно¹, что дело вооруженного переворота погибло.

В два пополудни в Ставку прибыл от Крымова офицер ординарец. Корнилов долго беседовал с ним, после позвал Романовского, [*и*] нервно похрустывая пальцами сказал:

— Рушится все! Нашу карту побьют... Крымов не сможет во время стянуть корпус к Петрограду, момент будет упущен, а промедление сейчас гибели подобно. То, что казалось так легко осуществимо — встречает сейчас тысячи препятств<ий> исход [*почти*] [*предрешен*] в отрицательную сторону... Вот...||

<Л. 58 об.>

114.

Посмотрите-ка, как эшелонировались войска. — Он протянул Романовскому [*наскоро*] карту с отметками последнего местопребывания эшелонов корпуса и Туземной дивизии; судорга зигзагой прошла по его энергическому измятому бессонницей лицу. — Вся эта железнодорожная сволочь вставляет нам палки в колеса. [*Нам*] Они не думают о том, что в случае удачи я прикажу вешать десятого из них. [*О*] Ознакомьтесь с донесением Крымова.

Пока Романовский читал, поглаживая большой ладонью свое отдуловатое масляное лицо, Корнилов бегло написал:

«Новочеркасск. Войсковому атаману Алексею Максимовичу Каледину. Сущность вашей телеграммы Временному правительству доведена до моего сведения. Истошив терпение в бесплодной борьбе с изменниками и предателями,

¹ ППС: «ясно стало».

славное казачество, видя неминуемую гибель родины, с оружием в руках отстоит жизнь и свободу страны, которая росла и ширилась его трудами и кровью. Наши отношения остаются в течении некоторого времени стесненными, прошу вас действовать в согласованности со мной, так, как вам подскажет любовь к родине и честь казака. 658. 29.8.17. Генерал Корнилов.»

— Передайте немедленно эту телеграмму. — дописав попросил он Романовского.

— Прикажете посылать **повторную** телеграмму князю Багратиону о том, что бы дальнейшее следование производилось походным порядком?

— Да-да.

[P] Романовский помолчал [*спросил:*] раздумчиво проговорил:

— [*Лавр Георгиевич,*] по моему, Лавр Георгиевич, пока у нас еще нет основной быть пессимистически настроенными, **Вы неудачно** предвосхищаете ход событий... [*трудно*]

Корнилов, **суетливо** выкидывая руку, пытался поймать порхавшую над ним крохотную лиловую бабочку. Пальцы его сжимались, на лице [*было ожидающее*] было слегка напряженное ожидающее выражение. Бабочка [*вертелась*] колеблюмая [*движ*] рывками воздуха, вертелась, спускаясь планировала крыльями. Корнилову [*удалось*] все-же удалось поймать ее и он облегающее [*вдохнул*] задышал, откинулся на спинку кресла.

Романовский [*подождал*] ждал ответа на свою реплику, но Корнилов хмуро улыбаясь стал рассказывать.

— Сегодня я видел сон, будто я — бригадный командир одной из стрелковых дивизий, веду наступление в Карпатах. Вместе со штабом приезжаем на [*какой-то*] **какую-то** [*хутор*] ферму. [*что-ли*] Встречает нас пожилой нарядно одетый русин. Он [*у*] потчует меня молоком и говорит на чистейшем немецком языке: «Кушайте, генерал, это молоко необычайно целебного свойства». Я, будто-бы, пью и не удивляюсь тому, что русин фамильярно хлопает меня по плечу. Потом мы шли в горах, и уже как будто-бы не в Карпатах, а где-то в Афганистане, по какой-то козьей тропе... Да, вот именно по козьей [*тропе*]; камни и щебень сыпались из-под ног, а внизу за ущельем виднелся [*чудесный*] **роскошный южный, облитый белым солнцем** ландшафт...

[*Эти дни в России бешено вертелось маховое колесо истории. Шум приводных ремней [ее] через фронты катился¹ в страны Европы.*]

[31²⁰ в Петрограде застрелился вызванный туда [*ко*] генерал Крымов. С **повинной** Потекли в Зимний дворец делегации от частей крымской армии. Люди, недавно шедшие на Временное правительство войной, теперь любезно расшаркивались перед Керенским, уверяя его в своих]||

¹ ППС: «катился через фронты».

<Л. 59>

115.

18.

31го августа в Петрограде застрелился, вызванный туда Керенским, генерал Крымов.

С повинной потекли в Зимний дворец делегации и командиры частей [*разбитой морально*] Крымовской армии. Люди, недавно шедшие на Временное правительство войной, теперь любезно расшаркивались перед Керенским, уверяя его в своих верноподданических чувствах.

[*Не в боях, а мора*] Разбитая морально крымовская армия еще агонизировала: части по инерции катились к Петрограду, но движение это [*уже*] утратило всякий смысл, ибо подходил к концу Корниловский путч, гасла вспышка реакции, **взметнувшаяся бенгальским огнем** и временный правитель республики, [*уже говорил о полной политической стабилизации*] правда [*исхудавший*] **растерявший** за эти дни, [*утративший*] мясистость отдуловатых щек, [*сверкая глазами, опоясанными водянистыми мешками*] по наполеоновски дрыгая затянутыми в краги икрами [*ног*] [*двигаая*] [*<I слово нрзб.> по бабьи круглыми коленями*] уже говорил **на очередном заседании правительства** о «полной политической стабилизации».

За день до смерти Крымова генерал Алексеев получил назначение на должность Верховного Главнокомандующего. Корректный и щепетильный Алексеев, понимая всю [*некра*] неприглядную двусмысленность своего положения, вначале категорически отказался, но потом принял назначение, руководясь [*единственным*] **единственно** [*желанием*] **пожеланием** облегчить участь [*своего предшественника*] Корнилова и тех, кто был так или иначе замешан в организации [*мятежа*] его антиправительственного мятежа.

31го [*он по прямо*] с пути он по прямому проводу снесся со Ставкой, пытаясь уяснить отношение Корнилова к его назначению и приезду. Нудные переговоры длились с перерывом до поздней ночи.

В этот-же день у Корнилова происходило совещание чинов штаба и лиц, Корнилову близких¹. На [*вопрос*] поставленный им вопрос о [*дальнейших действиях в связи с*] целесообразности дальнейшей борьбы с Временным правительством большинство присутствовавших **на совещании** высказалось за продолжение борьбы.

— Прошу вас, [*выиск*] высказаться, Александр Сергеевич². — обратился Корнилов к Лукомскому молчавшему на протяжении всего совещания³. Тот [*встал и*] в сдержанных, но решительных выражениях возражал против продолжения [*борьбы*] [*войны с правительством*] **междуусобной брани**.

— Капитулировать? — спросил **резко** прерывая его Корнилов. Лукомский пожал плечами.

— Выводы напрашиваются сами — собой.

¹ ППС: «близких Корнилову».

² ППС: «Александр Сергеевич, высказаться».

³ ППС: «молчавшему на протяжении всего совещания Лукомскому».

Разговоры длились еще в течении получаса. Корнилов молчал [*вероятно*] {видимо} огромным усилием воли [*удерживал*] **удерживая** самообладание. [*Через*] Собрание [*он*] **вскоре** распустил, а через час вызвал к себе Лукомского.

— Вы правы, Александр Сергеевич. — он хрустнул пальцами и глядя куда-то в сторону угасшими, [*словно*] **седыми** посыпанными пеплом глазами, устало сказал: — Дальнейшее сопротивление было-бы и глупо и преступно.

Долго барабанил пальцами, вслушивался во что-то, быть может в мышиную суетню собственных мыслей, спросил.

— Когда приедет Михаил Васильевич?

— Завтра.

1го сентября приехал Алексеев. Вечером этого-же дня по приказанию Временного правительства [*он*] арестовал Корнилова, Лукомского и Романовского. ||

<Л. 59 об.>

116.

Перед отправкой арестованных в гостиницу «Метрополь», где они должны были содержаться под стражей, Алексеев с глазу на глаз о чем-то в течении двадцати минут беседовал с Корниловым; вышел из его комнаты **глубоко** потрясенный, почти не владеющий собой. Романовский, пытавшийся пройти к Корнилову, был остановлен его женой.

— Простите, Лавр Георгиевич просил никого к нему не допускать.

Романовский бегло взглянул на [*раст*] **ее** расстроенное лицо [*женщины*] и отошел взволнованно помаргивая, [*краснея*] чернея верхушками щек.

В Бердичеве на другой-же день был арестован Главнокомандующий Юго-западным фронтом генерал Деникин, его начштаба генерал Марков, генерал Ванновский и командующий Особой армией генерал Эрдели.

В Быхове, в женской гимназии бесславно закончилось ущемленное историей Корниловское движение. [*Там-же*] **Закончилось породив новое: где-же как не в Быховской гимназии** {там} возникли зачатки [*будущей верхушки*] планов будущей **гражданской** войны, [*широкого*] наступления на революцию развернутым фронтом.

19.

В последних числах октября рано утром есаул Листницкий получил распоряжение от командира полка с сотней в пешем [*порядке*] **строю** явиться на Дворцовую площадь.

Отдав распоряжение вахмистру Листницкий торопливо оделся. Офицеры вставали зевая, поругиваясь.

— В чем дело?

— В большевиках...

— Господа, кто брал у меня патроны?

— Куда выступать?

— Вы слышите, стреляют?

— Кой чорт стреляют, у вас галлюцинация слуха.

Офицеры вышли во двор. Сотня перестраивалась во взводные колонны. Листницкий быстрым маршем вывел казаков со двора. Невский пустовал. Где-то действительно постукивали одиночные выстрелы. По Дворцовой площади разъезжал броневик, патрулировали юнкера. Улицы [хранили] берегли пустынную тишину. У ворот Зимнего казаков встретил наряд юнкеров и казачьи офицеры четвертой сотни полка. Один из них, командир сотни, отозвал Листницкого в сторону.

— Вся сотня с вами?

— Да, а что?

— Вторая, пятая и шестая не пошли, отказались, но пулеметная команда с нами. Как казаки?

Листницкий [пожал плечами] коротко махнул рукой.

— Горе! А первый и четвертый полки?

— Нет их. Те не пойдут. Вы знаете, что сегодня ожидается выступление большевиков? Чорт знает, что творится. — и [с] тоскливо вздохнул. — Махнуть бы на Дон от всей этой каши.

Листницкий ввел сотню во двор. Казаки, составив [ружья] винтовки в козлы, разбрелись по просторному как плац, двору. Офицеры собрались в дальнем флигеле. Курили. Переговаривались.

Через час пришел полк юнкеров и женский батальон. Юнкера разместились в вестибюле дворца, втащили туда пулеметы. Ударницы толпились во дворе. Слонявшиеся казаки подходили к ним, грязно подшучивали. Урядник Аржанов шлепнул одну [дородную] кургузую, одетую в куцую шинель по спине.

— Тебе-бы тетка детей родить, а ты на мужинском деле.||

<Л. 60>

117.

— Рожай сам. — [басом от] огрызнулась [басом] басовитая неприветливая «тетка».

— Курвочки мои, любушки! И вы с нами? — приставал к ударницам старOVER и бабник Тюковнов.

— Драть их хлюстанок!

— Вояки раскоряченные.

— Сидели-б по домам, ишь нужда вынесла.

— Двустволки мирскова образца!

— Спереду солдат, а сзадy [глянешь и плюнуть охота] поп, даже плюнуть охота.

— Эй, ты, ударная! Подбери-кась сиделку, а то ложем ахну!

Казаки гоготали, веселели, глядя на женщин. Но к полудню веселое настроение исчезло. Ударницы разбившись на взводы несли с площади сосновые толстые брусья, баррикадировали ворота. Распоряжалась ими дородная, мужского покроя баба, с георгиевской медалью на хорошо подогнанной шинели. На площади чаще стал проезжать броневик, юнкера откуда несли во дворец [нат] ручные ящики с патронами и пулеметными лентами.

— Ну, станишники, держись!

— Выходит, што будем стражаться?

— А ты думал как? Ударнищев лапаты тебя привели сюда?

Около Лагутина группировались замляки, букановцы и слащевцы. Они о чем-то совещались, переходили [по двору] с места на место. Офицеры куда-то исчезли. Во дворе кроме казаков и ударниц не было никого. Почти у самых ворот стояли брошенные пулеметчиками пулеметы, щиты их мокро тускнели.

К вечеру посыпалась изморозь. Казаки заволновались.

— Што-же это за порядки, завели и держут на базу без продовольствия.

— Надо Листницкова найти.

— Ищи-свищи. Он во дворце, а юнкера нашего брата туда не допускают.

— Надо за кухней посылать человека, пушай везут.

За кухней снарядили двух казаков.

— Валяйте без винтовок, а то посымают. — посоветовал Лагутин.

Кухню ждали часа два. Ни кухни, ни гонцов не было. Как оказалось кухню, выезжавшую со двора, вернули солдаты-семеновцы. Перед сумерками ударницы, скопившиеся возле ворот, рассыпались густой цепью, лежа под брусьями начали постреливать куда-то [вдаль] через площадь. Казаки участия в стрельбе не принимали, [ходили <1 слово нрзб.>] курили, нудились. Лагутин собрал сотню возле стены и опасно поглядывая на окна дворца, заговорил:

— Вот што, станишники, нам тут делать нечево. Надо уходить, а то без вины пострадаем. [Как] зачнуть дворец обстреливать, а мы тут при чем? Офицеров и след простыл, што-ж мы, аль проклятые, што должны тут погибать! Айда домой, нечево тут стены обтирать. А Временное правительство, да на кой оно нам ляд приснилось! Как вы, станишники?

— Выйди с базу, а большевики и зачнут из пулеметов полоскать.

— Головы посымают.

— Не должно быть.

— Тогда разбирайся!

— Нет уж, будем сидеть до конца.

— Наше дело телячье, — поел да в закут.

— Кому как, а наш взвод уходит.

— И мы пойдём!

— К большакам людей направить, пушай они нас на трогают, а мы их не тронем.||

<Л. 60 об.>

118.

Подошли казаки первой и четвертой сотни. Советовались недолго. Три казака От каждой сотни по [казаку] одному вышли из ворот, а через час вернулись в сопровождении трех матросов. Матросы [ш] перепрыгнув через брусья, наваленные у ворот, шли по двору с деланно-развязным видом; [передний] подошли к казакам, поздоровались. Один из них молодой черноусый красавец, в распахнутом бушлате и сдвинутой на затылок шапке, [вошел в] протискался в средину [казачьей] толпы.

— Товарищи-казаки! Мы представители революционного Балтийского флота пришли за тем, что-бы предложить вам покинуть Зимний дворец. Вам нечего за-

щищать чужое вам буржуазное правительство, пусть его защищают буржуазные сынки, юнкера. Ни один солдат не встал на защиту Временного правительства и ваши братья-казаки 1го и 4го полков присоединились к нам. Кто желает итти с нами — отходи влево!

— Погоди, браток! — Выступил вперед [казак] боевой урядник первой сотни. — Пойтить мы с нашим удовольствием, а как нас большевики на распыл пустят?

— Товарищи! Именем Петроградского военно-революционного комитета мы обещаем вам полную безопасность. Никто вас не тронет.

Рядом с черноусым матросом стоял другой коренастый [постарше] и рябоватый. Он оглядел казаков, поворачивая толстую бычью шею, ударил себя по обтянутой форменной выпуклой груди.

— Мы вас будем сопровождать! Нечего, братишки, сомневаться. Мы вам не враги, и петроградские пролетарии вам не враги, а враги вот эти. — он ткнул отставленным большим пальцем в сторону дворца и улыбнулся, оголив плотные злые зубы.

Казаки мялись в нерешительности, женщины-ударницы подходили, слушали, поглядывали на казаков и вновь шли к воротам.

— Эй, вы, бабы, пойдете с нами? — крикнул бородастый казачина. Ответа не дождался. [безнаде]

— Разбирай винтовки и [пойдем] ходу! — решительно сказал Лагутин.

Казаки дружно расхватили винтовки, построились.

— Пулеметы брать што-ли? — спросил у черноусого матроса казак-пулеметчик.

— Берите, кадетам их не оставлять.

Перед [концом] уходом казаков появились в полном составе офицеры сотен¹. Стояли тесной кучей, глаз не сводили с моряков. Сотни построившись тронулись. Впереди пулеметная команда [тащила] везла пулеметы. Колесики мелко поскрипывали, тархтели по мокрым камням. Матрос в бушлате шел рядом с головным взводом первой сотни. Высокий белобрысый казак Федосеевской станицы держал его за рукав, [убеждающе и] виновато растроганно говорил:

— Милый мой, аль нам охота против народа? [По глупости] С дуру заплюхались сюда, а как-бы знали, да рази-же мы-б пошли? — и сокрушенно мотал чубатой головой — Верь слову, не пошли-ба, ей-бо!

Четвертая сотня шла последней. У ворот, где густо [столпились] столпился весь женский батальон, заминка. Здоровый казак взобравшись на брусья убеждающее трясет ногтястым черным пальцем:

— Вы, стрелки, слушайте сюда! Вот мы зараз уходим, а вы по своей бабьей глупости остаетесь.||

¹ ППС: «Офицеры сотен в полном составе появились перед [концом] уходом казаков».

<Л. 61>

119.

[Ну, так вот, чтоб без дурастов. Ежли [кто] зачнете в спину нам стрелять — вернемся и перерубим всех на [мелкие] **мелкое** [кусочки] **крошево**. Толково гутарю? Ну, то-то. Прощевайте покедова. — он соскакивает с **брусьев**, **догоняет своих** [и идет последним], время от времени [оглядывается] **поглядывает** назад.

Казаки дошли почти до [половины] **середины** площади. Оглянувшись, один¹ взволнованно говорит:

— Гля, ребята, офицер [нас догоняет] **в догон** [бежит]!

Многие на ходу поворачивают головы, смотрят. По площади бежит, придерживая шашку высокий офицер. Он машет рукой.

— Это — Атарщиков, третьей сотни.

— Какой?

— Високий, ишо родинка у него на глазу.

— Надумал уходить с нами.

— Он славный парнюга.

Атарщиков [бежит] быстро настигает сотню, издали видно, как на [его] лице **его** дрожит улыбка². Казаки машут руками, смеются.

— Нашли, господин-сотник!

— [Догоняй!] **Шибче!**

От дворцовых ворот сухой [тре] {одинокий} щелчок выстрела.

Атарщиков [вдруг] [вдруг] взмахивает руками и запрокидываясь на спину падет, мелко сучит ногами, **бьется о мостовую**, пытается встать. Сотни, как по команде, разворачиваются. Лицом к дворцу. У повернувшихся пулеметов на коленях номера. Шорох лент. Но возле дворцовых ворот [пустота.] за сосновыми брусьями — ни души. Ударниц и офицеров, [за] минуту [до выстрела] **назад** толпившихся там, выстрел будто слизал. Сотни **опять торопливо** строятся, идут уже ускоряя шаг. Двое казаков, [возвращави] [бегавших к Атарщикову] **последнего взвода**, возвращаются [к своему] от места, где лежит Атарщиков. [Один] Громко, что-бы слышала вся сотня один кричит:

— Кусануло его под **левую** лопатку. Готов!

Шаг в ногу звучит [дробно] **гремуче** и четко. Матрос в бушлате командует:

— Левое плечо вперед, — **арш!**

Сотни извиваясь сворачивают **влево**. Молчанием провожает их притихший **сугорбленный** дворец.

20.

[Полтора месяца проведенные в быховской тюрьме, прощ] Теплилась осень. Перепадали дожди. Над Быховом редко показывалось обескровленное солнце³. В

¹ ППС: «Один, оглянувшись».

² ППС: «улыбка дрожит на [его] лице его».

³ ППС: «Обескровленное солнце редко показывалось над Быховом».

октябре [потянулись [на] в отлете] [по хмарном] начался [перелет] отлет дикой птицы [на юг]. Даже [ночью] ночами [звенели] **звенел** над прохладной **черной** землей [журавлиные] **журавлиный** [клекоты] **горько** волнующий зов. Спешили перелетные станицы, уходя от близких заморозков, от знобких северных ветров. [наплывавших]

[До ок] [Дни] [Для] [У] [Быковских] **Быковские** [заключенных] **заключенные**, [арестованных] **арестованные** по делу Корнилова, [жизнь за] **ждали суда** полтора месяца. [пребывания под арестом] **За это время** — жизнь **их в тюрьме** как-то отстоялась и приняла если не совсем обычные, то все-же своеобразно-твердые формы. По утрам **после завтрака** генералы шли на прогулку, возвращаясь разбирали почту, принимали **навещавших их** родных и знакомых, обедали, [в] **после мертвого часа** [читали], **порознь** занимались в своих комнатах, вечерами **собираясь обычно** [в] {у} [комнате] **Корнилова** подолгу беседовали и [группами] **совещались**.

[Жизнь ж] В [тю] женской гимназии, преобразованной в тюрьму, **все-же** жили не без комфорта.

Наружную охрану несли солдаты Георгиевского батальона, внутреннюю текинцы. Но охрана **эта** если до некоторой степени и стесняла¹ свободу заключенных, то [пр] взамен являла [некоторое] **весьма существенное** преимущество, [в сравнении со всяческими остальными охранами], — была построена так, что в²||

<Л. 61 об.>

120.

любой момент арестованные могли при желании³ легко и безопасно бежать.

Корнилов, озабоченный удержанием возле себя преданных ему текинцев, снесся с Калединым и тот, по его настоянию, отправил в Туркестан голодавшим семьям текинцев несколько вагонов хлеба. За помощью для семей офицеров, [пострадавших] участников корниловского выступления, [он] **Корнилов с резким письмом** обратился к крупным банкирам [столиц] **Москвы и Петрограда**, те незамедлили выслать несколько десятков тысяч рублей, опасаясь невыгодных для них разоблачений. За все время пребывания в Быховской тюрьме заключенные беспрепятственно сносились с внешним миром, давили на общественность, требуя ускорения следствия, заматали следы мятежа, **на худой конец** прошупывали настроения офицерства [готовили] **готовились** [почву для] к [побега] **побегу**⁴. Еще в последних числах сентября Корнилов написал Каледину пространное письмо, запрашивая о его намерениях в отношении Временного правительства и [выпытывая] о том, как отнесутся на Дону к его приезду туда. Переписка между ними длилась до конца октября.

¹ ППС: «и стесняла до некоторой степени».

² Текст страницы перечеркнут, однако потом полностью вошел в четвертую часть романа.

³ ППС: «при желании могли».

⁴ ППС: «на худой конец [готовили] **готовились** [почву для] к [побега] **побегу**, прошупывали настроения офицерства».

Октябрьский переворот колыхнул почву под ногами быховских заключенных. На другой-же день во все стороны полетели гонцы, и уже через неделю **отголоском тревоги за заключенных** [*Каледин в*] **прозвучало** [*письме*] **письмо Каледина**, [*адресованном*] **адресованное** Верховному Главнокомандующему генералу Духонину, **в котором он** настоятельно просил Корнилова и остальных арестованных на поруки. С такой-же просьбой обращались в Ставку и Совет Союза казачьих войск и Комитет офицеров армии и флота. Духонин медлил.

1го ноября Корнилов отправил ему письмо. Заметки Духонина на полях [*красноречиво свидетельствовали*] **письма** — **яркое свидетельство** о том, как бессильна была Ставка **к тому времени фактически** уже утратившая всякую власть над армией, доживавшая **в прострации** последние дни.

**«Милостивый государь
Николай Николаевич!**

«[*Вас*] Вас судьба поставила в такое положение, что от Вас зависит изменить исход событий, принявших гибельное для страны направление. Главным образом благодаря нерешительности и попустительству старшего командного состава. Для Вас наступает минута, когда люди должны или дерзать, или уходить, иначе на них ляжет ответственность за гибель страны и позор за окончательный развал армии.

[*По*] По тем неполным отрывочным сведениям, которые доходят до меня, положение тяжелое, но еще не б<ез>выходное. Но оно станет таковым, если Вы допустите, что Ставка будет захвачена большевиками, или-же добровольно признаете их власть.

Имеющихся в Вашем распоряжении Георгиевского батальона наполовину распропагандированного, и слабого текинского полка далеко недостаточно.

Предвидя дальнейший ход событий, я думаю Вам необходимо безотлагательно принять такие меры, которые прочно обеспечивая Ставку, дали-бы благоприятную обстановку для организации дальнейшей борьбы с надвигающейся анархией.

Таковыми мерами я считаю:

1. Немедленный перевод в Могилев одного из Чешских полков и Польского уланского полка.

Пометка Духонина: Ставка не считает их вполне надежными. Эти части||

<Л. 62>

121.

С каждым днем все тревожней приходили вести. В Быхове нарастало беспорядок. Между Могилевым и Быховым замечались автомобили доброжелателей Корнилова, требовавших у Духонина освобождения заключенных. Казачий Совет прибегал даже к скрытым угрозам. Духонин, подавленный тяжестью надвигающихся событий, только теперь осознавший ту безмерную ответственность, которую взвалил на свои плечи, приняв Верховное Главнокомандование, колебался. 18го ноября он отдал распоряжение об отправке арестованных на Дон, но сейчас-же отменил его.

На другой день утром у главного выезда [из] Быховской гимназии-тюрьмы остановился подъехавший **густо забрызганный грязью** автомобиль. Шофер с подобострастной предупредительностью открыл дверцу и из автомобиля вышел немолодой [уже] складный [полковник генштаба] **офицер**. Он предъявил [караулу] **караульному офицеру** документ на имя полковника генштаба Кусонского, сказал твердо:

— Я из Ставки. Имею [личное] **личное** поручение к арестованному генералу Корнилову. Где я могу видеть коменданта?

Комендант, подполковник текинского полка Эргардт, немедленно провел приехавшего к Корнилову. Кусонский, представившись, подчеркнуто, с чуть заметной аффектацией заявил:

— Через четыре часа Крыленко приедет в Могилев, который будет сдан Ставкой без боя. Генерал Духонил приказал вам доложить, что всем заключенным необходимо сейчас-же покинуть Быхов.

[Ра] Распросив Кусонского о положении в Могилеве, Корнилов пригласил подполковника Эргардта. Тяжело опираясь пальцами левой руки о край стола, сказал сжато, [и] властно:

— Немедленно освободите генералов. Текинцам изготовиться к выступлению к двенадцати часам ночи. Я иду с полком.

Весь день в походной кузне [гремели] **горела** [молотки] работа, текинцы ковали [лошадей] на полный круг¹ [перековывали] лошадей, чинили сбрую, чистили винтовки.

[В полдень] **Днем** генералы по одиночке покинули место заключения, разбрелись по городу. А в [волчье] {волчий} [время] {час} в глухую полночь, когда маленький провинциальный городок, **затушив огни** спал безпросыпно [и кре] [кре] **-крепко** со двора быховской тюрьмы по [че] три в ряд стали выезжать всадники. [Черные фигуры] **Вороненые** силуэты их рельефно, как вылепленные, маячили на фоне [серенького] **стального** неба. Всадники [были] [похожи] **похожие** на нахохленных [черных] **черных** птиц ехали надвинув высокие папахи, [его] зябко горбились в седлах, кутали смуглые лица².

В середине полковой колонны, рядом с командиром полка полковником Кюгельгеном, на высоком подбористом коне [ехал] **сутуло качался** Корнилов. Он [щурил глаза,] морщился от холодного, плутовавшего по быховским улочкам ветра, [гля] шурил узенькие щелки глаз на морозное вызвездившееся небо, молчал.

Воркующий чекот конских **свеже-кованных** копыт [до краев] прохрустел по улицам и [заглох] захлебнулся на окраине. **Ветер играючись разметал** глухой собачий лай³.||

Проба пера Букановская
28 февраля 1928 года

¹ ППС: «ковали [лошадей] на полный круг».

² ППС: «ехали надвинув высокие папахи, [его] зябко горбились в седлах, кутали смуглые лица, [были] [похожи] **похожие** на нахохленных [черных] **черных** птиц».

³ ППС: «Ветер Глухой собачий лай. **играючись разметал**».

Н Тришин М. Шолохов
А. Шолохов.

<Л. 62 об.>

122.

21.

Полк отступал вторые сутки, медленно, с боями, но отступал. По проселкам тянулись обозы русской и румынской армий. Объединенные австро-германские части охватывали отступавших, пытались сомкнуть кольцо. К вечеру стало известно, от прискакавшего из штадива ординарца, что 12 полку и *[соседнему]* **соседней** с ним *[румынскому]* **румынской** бригаде грозит окружение, противник на закате солнца занял деревню Хавинески и уже продвинулся до высот 680, что граничат с Голшским перевалом.

Ночью 12 полк **подкрепленный батареей конно-горного дивизиона** получил приказание занять позиции в низовьях **Голшской** долины. Полк, выставив сторожевое охранение, приготовился к встречному бою. *[Но]*

В эту ночь Мишка Кошевой и однохуторянец его чурбановатый Алексей Бешняк были в секрете. Лежали в ярке возле покинутого обвалившегося колодца, молчали, вдыхая *[мглистый]* *[зап]* *[сырой]* **морозный разряженный** воздух. По черному небу, затемняя звезды, текли тучки, да резко пролетала приподнявшаяся ватага диких гусей, сторожкими криками указывавшая свое направление.

[Миш] Кошевой нащупал кисет и с досадой вспомнил, что курить нельзя; примачиваясь поудобнее зашептал:

— Чудная жизнь, Алексей... Ходят люди ощупкой, как слепые, *[сходятся]* **сходятся** и *[расходятся]* **расходятся**, иной раз топчут один одново ногами... Поживешь так вот возле смерти и диковино становится, на што все и к чему? По моему страшней *[челове]* людской *[души]* **середки** ничево нету, ничем *[то]* **ты** ее *[не]* до *[осветишь]* дна не просветишь... Вот я, зараз лежу с тобой, а не знаю об чем ты думаешь и *[што]* **какая** у тебя сзади *[была]* **легла** жизнь, — не знаю, а ты про меня не знаешь... Может я тебя зараз убить хочу, а ты вот мне сухарь даешь, *[ничево не знаешь]* ничево за мной не подозреваешь... Люди про себя мало знают. Я вот летом был в госпитале, рядом со мной московский солдат лежал, так он все дивовался, расспрашивал; как казаки живут, што да чево. Они думают у казака одна плетка, думают — дикой казак и замест души у него — бутылошная склянка, а ить мы такие-же люди; *[<нрзб.>]* и баб **так-же** любим и девок милуем, живем *[своим]* **одним** путем, своим *[ми]* горем плачем, чужой радости не радуемся... Ты как, Алексей? Я жадный до жизни стал, как вспомню сколько на свете красивых баб, аж сердце защемит. Вздумаю, што мне их всех не придется *[полюбить]* **облюбить** и кричать хочу. *[Жадный стал страшно]* С *[досады]* **тоски**.

— Нашел об чем горевать.— *[засител]* **улыбнулся** Бешняк.

Мишка долго молчал, запрокинувшись на спину, глядел в вышнюю пустошь, ласкал руками нахолодавшую **неприступно** равнодушную землю.

За час до смены их взяли немцы. Бешняк, успевший [раз] выстрелить, [и] присел скрежеща зубами, [низко] сгинаясь в смертном поклоне¹, немецкий **ножевой** штык [вошел ему в живот] [и] [искромсав] **искромсал** ему внутренности, [распоров] **распорол** мочевого пузыря и туго дрогнул, воткнувшись в позвоночник. Кошевого положили прикладом. [Его] С полверсты его ташил на себе плотный ландштурмист, [ругался], почувствовав, что захлебывается [кровью], Мишка очнулся²; передохнул и [собирая] **сбравшись с [силы] силами** [и] без особого труда сорвался со спины немца. По нем ударили залпом, но ночь и кустарник выручили, бежал.

Через несколько дней **после того, как отступление [было] [приостановлено] {приостановилось}** 12 полк был снят с позиций, [и] брошен левее своего участка верст на сорок.

Сотни расквартировались в деревушках. Был объявлен приказ: нести заградительную службу, выставлять дозоры на дорогах, следить, что-бы в тыл не уходили дезертиры, задерживать их, не стесняясь применением оружия, и **под конвоем** направлять в штаб дивизии.||

<Л. 63>

123.

Мишка Кошевой в числе первых попал в [караул] [дозор] {наряд}. Он и еще [четверо] **трое** казаков [взвода, под командой урядника] с утра вышли из деревушки, и по указанию вахмистра, расположились в конце кукурузного поля неподалеку от дороги. Дорога обегая перелесок, [уходила] **скрывалась** в [холмистую] **холмистой**, исполосованной [клинами] **квадратами** пахаты равнине. Казаки наблюдали поочередно³ [за дорогой, но лишь] После полудня заметили группу, человек в десять, солдат, подвигавшихся по направлению на них. Солдаты шли, имея явное намерение обойти видневшуюся под изволоком деревушку. Поровнявшись с перелеском они остановились, закурили, очевидно совещаясь, потом пошли круто изменив направление, под прямым углом свернув влево.

— Шумнуть им? — поднимаясь из зарослей кукурузных будыльев спросил у остальных Кошевой.

— Стрельни вверх.

— Эй, вы! Стойте!

Солдаты, находившиеся от казаков на расстоянии [нескольких] **нескольких** десятков сажень, слыша крик, **на минуту** остановились, [потом] [и] {и} вновь [как] **словно** нехотя, тронулись вперед.

— Сто-о-ой! — крикнул один из казаков, раз за разом выпуская вверх обойму. [патронов.]

С винтовками наперевес казаки догнали медленно шагавших солдат.

— Чорта-ли [вы] не стоите? Какой части? Куда идете? Документы? — подбегав крикнул урядник, **Колчев**, начальник [караула.] **поста.**

¹ ППС: «сгинаясь в смертном поклоне, скрежеща зубами».

² ППС: «Мишка очнулся, почувствовав, что захлебывается».

³ ППС: «поочередно наблюдали».

Солдаты остановились. Трое **неспешно** сняли винтовки. [*Один*] **Задний** качнулся, перевязывая шмотком телефонной проволоки [*оторвавшуюся*] **оторванную** подошву сапога. Все они были невероятно оборваны, грязны. На полах шинелей щетинились **коричневые** кожушки череды, видно валялись эту ночь в лесу, в зарослях. [*Фура*] На [*трех*] **двух** были летние фуражки, на остальных [*грязные*] **грязно-серые** [*мерлушковые*] **вязеной смушки** папахи, с расстегнутыми отворотами и болтающимися матузками завязок. Передний, [*как*] **как** видно вожак, высокий и [*как*] **по** стариковски сутулый¹, [*подрагивая*] [*подрагивая испитыми дряблыми*] **дрожа дряблыми сумками** [*щеками*] **щек** [*зло*] закричал злым [*рвущимся*] **гундосым** голосом.

— Вам чево? Мы вас трогаем? Чево вы привязываетесь-то?

— Документы! — напуская на себя строгость перебил его урядник. [*Колычев*]

[*Один из*] [*солдатов*] **солдат** голубоглазый и красный, как свежеебожженный кирпич, достал из-за пояса бутылочную гранату и помахивая ей перед носом урядника, оглядываясь на товарищей, зачастил ярославской скороговоркой:

— Вот — малый те документ! Вот! Это тебе на [*всю*] **весь** [*жизнь*] **год** мандат[.].! [*б*] **Береги** жизнь, а [*та*] **то** как ахну, — печенки-селезенки не соберешь. Понял? Понял, что-ли? Понял?..

— Ты не балуй! — толкая его в грудь [*наступил*] **хмурился** урядник, — Не балуй и не страшай нас, мы и так пужаные. А раз **вы** дезертиры — поворачивай [*за нами*] в штаб. Там таких супцов до рук прибирают.

Переглянувшись солдаты² сняли винтовки. Один из них темноусый и [*плотный*] **испитой**, по виду шахтер, шепнул переводя отчаянные глаза с Кошевого на остальных казаков.

— Вот как возьмем вас, такую вашу мать, в штыки... **А ну.** Прочь! Отойди, ей-богу сейчас первому пулю всажу³!!

<Л. 63 об.>

124.

Голубоглазый [*кирпичнокрасный*] [*солдатик*] **солдат** кружил над головой гранату, высокий **сутулый**, шедший передом, царапал ржавым жалом штыка сукно урядницкой шинели, похожий на шахтера **матерился** и замахивался на Мишку Кошевого прикладом, а у того [*ру*] палец дрожал на спуске и [*прыгала*] **прыгал** [*прижатая*] **прижатый** к боку локтем **приклад** винтовка⁴, — один из казаков, [*за грудки держал*] ухватив небольшого солдатишку за отвороты шинели, возил его на вытянутой руке и боязливо оглядывался на остальных, опасаясь удара сзади.

[*Ветер*] [*шуршал*] **Шуршали** [*в*] **на** кукурузных [*сохлых*] бутылках **сохлые листья**. За холмистой равниной переливами синели отроги гор. Около деревушки по пажитям бродили рыжие коровы. Ветер клубил за перелеском⁵ [*вдоль до-*

¹ ППС: «сутулый, [*как*] **по** стариковски».

² ППС: «Солдаты переглянувшись».

³ ППС: «пулю всажу первому».

⁴ Незавершенная правка, надо «винтовки».

⁵ ППС: «за перелеском клубил».

роги] морозную пыль. Сонлив и мирен был тусклый октябрьский день. **Благостным покоем, тишиной [напитан был]** веяло от забрызганного скупым солнцем пейзажа. А неподалеку от дороги [на сытой от дождей, чуть мерзлой четноземной земле] в [бестолково] **бестолковой злобе** топтались люди, готовились кровью своей травить **сытую от дождей** обсемененную, тучную землю.

[Кошевой злобно кричал:]

— Мы трое суток, как с позиций снялись! Мы не по тылам ходили! А вы бегете, совестно! Товарищей кидаете, кто-же фронт держать будет? Эх, вы, люди!.. У меня вон у самово товарища под боком закололи, в секрете с ним были, а ты говоришь, што мы войны не понюхали. Понюхай ты ее так, как мы понюхали! — **озлобленно говорил Кошевой.**

— Чево там распотякивать! — перебивал его один из казаков, — Идем в штаб, и безо всяких.

[— Казаки, отступитесь, а то — [клянусь дьяволом] **видит бог** — стрелять будем!

— Кто ково — это поглядим, а отступиться мы не можем, затем што соблюдаем закон и службу].

Страсти улеглись немного и, пошумев, солдаты и казаки стали разговаривать мирнее.

— Ослобоните дорогу, **казаки**, а то [перебьем вас] **видит бог, стрелять будем!** — убеждал солдат шахтерского вида.

Урядник сокрушенно разводил руками:

— Не можем мы исделать этово, браток¹. [— *уговаривал его урядник.* —] Нас побьете, все одно уйтить вам не придется, вон в деревне наша сотня² стоит.

Высокий сутулый солдат то грозил, то уговаривал, то начинал униженно просить. Под конец он, суетясь, достал из грязного подсумка бутылку, оплетенную соломой и, заискивающе мигая Кошевому, зашептал:

— Мы вам, казачки, и деньжонок прикинем и вот... [водку] **водка [немецкую] немецкая...** еще чево-нибудь соберем... Отпустите, ради Христа... дома детишки, сам понимаешь... Измотались все, тоской изошли... до каких же пор?.. Господи... Неужли не отпустите? — он торопливо достал из голенища кiset, вытряхнул из него две помятых керенки и настойчиво стал совать их в руки Кошевого. — Бери, бери, **фу, божа мой, да то** не сомневайся... Мы перебьемся и так... Деньга — это ничево, без нее можно... бери! Еще соберем...

Опаленный стыдом Кошевой отошел от него, пряча за спину руки, мотая головой. Кровь с силой кинулась ему в [голову] **лицо**, выжала из глаз слезы. «Через Бешняка озлел... Што-ж это я?.. Сам против войны, а людей держу, какие-же права имею?... Мать честная, вот так побороздил!.. **Этакая я [собака] {псюрня}!**» — Он подошел к уряднику и отвел его в сторону, не глядя в глаза спросил?

— **Давай их пустим.** Ты как, Колычев?³ **Давай, ей-богу...**

¹ ППС: «Браток, не можем мы исделать этово».

² ППС: «сотня наша».

³ ППС: «Ты как, Колычев? Давай их пустим».

[И] урядник, тоже [пряча] блудя [взгляд] взглядом, будто совершал в этот миг что-то постыдное, проговорил.

— Пушай идут... Чорта ли с ними делать? Мы сами скоро вокат на такой дистанции будем... Чего уж греха таить.||

<Л. 64>

125.

— и повернувшись к солдатам крикнул негодуяюще:

— [Сволочи] [Стер] Подлюки! С вами, как с добрыми со всей вежливостью, а вы нам денег? Да што у нас своих мало, штоль? — и побагровел: — Хорони кошельки, а то зараз в штаб попру!..

Казаки отошли в сторону. Поглядывая на далекие пустые улочки деревушки Кошевой крикнул уходившим солдатам:

— Эй! Кобылка! Куда-ж вы на чистое претесь? Вон лесок, переднююте в нем, а ночью дальше, а то ить на другой пост нарветесь, — заберут.

Солдаты поглядели по сторонам, [потоптались] пожались в нерешительности и, как волки, гуськом, грязно-серой цепкой потянулись в [[покрытую лесом] мохнатую ложбинку¹] {залохматевшую осинником} ложбинку.

22.

[Числа] В [десятого] [десятых] {первых} числа ноября стали [дошли] доходить до казаков [вести] разноречивые слухи о перевороте в Петрограде. [Разноречивые слухи до этого т] [О] Штабные ординарцы, обычно осведомленные лучше всех, утверждали, что Временное правительство бежало в Америку, а Керенского [большевики] поймали матросы, остригли наголо, и измазав дегтем, как гулящую девку [води] два дня водили по улицам Петрограда.

Позже, когда было получено официальное сообщение о [низвержении] свержении Временного правительства и переходе власти к большевикам, казаки настороженно притихли. [Некоторые] Многие радовались, ожидая прекращения войны, но тревогу вселяли глухие отголоски слухов, что 3 конный корпус вместе с Керенским идет на Петроград, а с юга подпирает Каледин, успевший заблаговременно стянуть на Дон казачьи полки.

Фронт рушился. Если в октябре солдаты уходили разрозненными неорганизованными кучками, то в конце ноября с позиций плановым порядком снимались роты, батальоны, полки; иные уходили налегках, но большей частью забирали [все] полковое имущество, разбивали склады, постреливали офицеров, попутно грабили и раскованной буйной половодной лавиной катились на родину.

В сложившейся обстановке было бессмысленно [пребывание 12 полка неподалеку от фронта] назначение 12 полка — задерживать дезертиров. И полк, — после того, как его вновь кинули на позиции, тщетно пытаясь затыкать те дыры и прорехи, которые образовывала пехота, [бросив] бросающая свои участки, — в декабре снялся с позиций, походным порядком дошел до ближайшей станции и

¹ ППС: «ложбинку, [покрытую лесом] мохнатую»

погрузив все полковое имущество, пулеметы, запасы патронов, лошадей, тронулся внутрь перекипавшей в боях России.

Через Украину двигались эшелоны 12 полка на Дон. [*Непод*] Неподалеку от [*Харькова*] [*Могилева*] {*Кременчуга*} [*Знаменки*] полк пытались разоружить большевики. Переговоры длились полчаса. Кошевой [*в чи*] и еще [*шестеро*] **пятеро** казаков [*остальных сотен*] **председателей сотенных ревкомов**, просили пропустить их с оружием.

— Зачем вам оружие? — допытывались члены станционного [*совета*] **совдепа** [*рабочих и солдатских депутатов*].

— Своих буржуев и генералов бить. Каледину хвост ломать. — За всех отвечал Кошевой.

[*Предсто*] — Оружие наше, войсковое, не дадим! — волновались казаки.

[— *Мы фронтовики и стоим за большевицкую власть, вы нас не боитесь*].

Эшелоны пропустили. [*На узловой станции*] **В Кременчуге** вновь пытались обезоружить. [*И лишь тогда*] [*с*]Согласились пропустить, [*когда*] **лишь** когда **казаки** пулеметчики, установив у откры-|

<Л. 64 об.>

126.

тых дверей вагонов пулеметы, взяли под прицел станцию, а одна из сотен рассыпавшись цепью легла за полотном. [*Под Екатеринославом*] **Под Екатеринославом** не помогла и перестрелка с красногвардейским отрядом, полк все-же частично обезоружили¹. Взяли пулеметы, более сотни ящиков патронов, [*телефонные*] аппараты полевого телефона и несколько катушек проволоки. На предложение арестовать офицеров казаки ответили отказом. За всю дорогу потеряли лишь одного **офицера** полкового адъютанта, **Чирковского**, которого приговорили к смерти сами казаки, а [*привел*] **привели** в исполнение приговор Чубатый и **какой-то** красногвардеец-матрос. Перед вечером 17 декабря **на станции Синельниково** казаки вытащили адъютанта из вагона.

— Этот самый [*бил*] **предавал** казаков? — **весело** спросил вооруженный <мау>зером и японской винтовкой **шербатый** матрос-черноморец.

— А ты думал мы опознались? [— *ух*] Нет, мы не промахнулись, ево вытянули! — задыхаясь говорил Чубатый. [*Он держал*] Адъютант — молодой подьесаул затравленно озирался, гладил волосы потной ладонью и не чувствовал ни холода, жегшего лицо, ни боли от удара прикладом. Чубатый и матрос **немного** отвели его от вагона.

— Через таких вот чертей и бунтуются люди, и революция выиграла через таких... Ууу, ты, коханный мой, не трясись, а то осыпешься! — пришептывал Чубатый и сняв фуражку перекрестился.

— Держись, господин подьесаул!

— [*Готов*] Приготовился? — играя маузером и шалой **белозубой** улыбкой, спросил Чубатого матрос².

¹ ППС: «полк все-же частично обезоружили, не помогла и перестрелка с красногвардейским отрядом».

² ППС: «спросил Чубатого матрос, играя маузером и шалой белозубой улыбкой».

— Го-то[е]-ов.

Чубатый еще раз перекрестился, [и улыбаясь] **искоса** глянул как [жмурит левый глаз] матрос отставив ногу поднимает маузер и сосредоточенно жмурит глаз, и сурово улыбаясь, выстрелил первый.

Под [...] **Чаплино** полк **случайно** ввязался в бой, происходивший между анархистами и [красногвардейцами] **украинцами**, потерял трех казаков убитыми, [одного] и **насилу прорвался**, с большим трудом [прочистил] **прочистив** путь, занятый эшелонами какой-то стрелковой дивизии.

Через трое суток головной эшелон полка уже выгружался на станции Миллерово. **Остальные застряли в Луганске.**

Полк в половинном составе (остальные [разбрелись] разъехались по домам со станции), пришел в хутор [Каргинский] **Каргин**. На другой день с торгов продавали **трофеи**: привезенных с фронта **отбитых** у [австрийских] **австрийцев** лошадей, делили [денежный] **денежные** [ящик] суммы полка, обмундирование.

[Казаки] Кошевой и остальные казаки с хутора Татарского выехали домой [перед] вечером. Поднялись на гору. Внизу над белесым [снежным] **ледяным** извивом Чира красивейший в верховьях [хутора] **Дона** лежал **хутор Каргин**. Из трубы паровой мельницы рассыпчатыми [клубками] **мячиками** выскакивал дым, на площади чернели толпы народа, звонили к вечерне. За [хутором] **Каргинским** [за] бугром чуть виднелись макушки верб **хутора Климовского**, за ними, за полынной сизью оснеженного горизонта искрился и багряно сиял дымный [закат] распластавшийся в полнеба закат.

Восемнадцать всадников миновали курган, **подпиравший три** [с] [понурыми] **понурых** [объиневшими] **объиневевших** [шап] [дикими] **диких** [яблонями] **яблоньки** и, свежей рысью, [тронувшись] поскрипывая подушками седел, пошли на северо-восток. Морозная **воровски** таилась за [Доном] **гребнем** ночь. Казаки, кутаясь в башлыки, временами переходили на полевой намет. Резко, звучно до боли ще<лкали подковы>||

<Л. 65>

127.

На юг текла из-под конских копыт накатанная дорога. По бокам ледянистая пленка снега, прибитого недавней ростепелью, держалась цепляясь за травяные былки, при свете месяца блестела и переливалась лиловым текучим огнем.

[К] Казаки [ехали] молча торопили коней. Стекала на юг дорога. [Кружились] **Кружился** на востоке в [Дубовеньком] **Дубовеньком** баераке лес. Мелькали сбочь [дороги] **конских ног** филейные петли заячьих следов, [а] под степью низко-низко [оранжевые] висели **желтые черешни** [звезды] **звезд**, и наборным, [в чекане,] казачьим поясом **чеканом** лежал **поперек** [опоясавший] **перепоясавший** небо Млечный Путь.

Конец четвертой части.

[Каледин в хуторе?]

Мушин Дон.

роща

Заємъ кеїмвертня.

АВТОРИЗОВАННЫЙ СПИСОК и БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ. Фрагмент (Ф. 143. Оп. 9. Ед. хр. 5/2); 16 лл.; нумерация страниц с 63 по 92 (титульный лист не нумерован). Главы с 7 (конец; не нумерована) по 13 опубликованного текста четвертой части романа. Датируется 1927 — началом 1928 гг.

Лл. 2 — беловой автограф.

Лл. 3-16 — авторизованный список рукой И.П. Громославского.

<Л. 2>

63.

— А чума ево знает, может и постарел трошки. Жена двойню родила, значит не дюже постарел.

— Холодно здесь. — подрожав плечами сказала Аксинья, и вышла.

Наливая восьмую чашку Емельян проводил ее глазами, медленно, как слепой ноги, переставляя слова сказал:

— Гнида гадкая, вонючая, какая ни на есть хуже. Давно-ли в чириках по хутору бегала, а теперя уж не скажет «тут», а «здесь»... Ишь ты, барыня с нижнева конца, мать твою кобель лизал! Вредные мне такие бабы! Я-бы их стервов... Выползень змеиный! Туда-же... «холодно здесь»... Возгря кобыля, пра!

Обиженный, он не допил восьмую чашку, вылез, перекрестился, ушел независимо поглядывая вокруг и сознательно грязня сапогами притертый пол.

Всю обратную дорогу он был угрюм, как и хозяин. Злобу, вызванную Аксиньей, вымещал на маштаке, нахлестывая кончиком кнута по местам маштаковой стыдливости и язвительно величая его «хлынцем» и «чикиляем». До самого хутора Емельян, против обыкновения, не перекинулся с хозяином ни одним словом. Напуганную тишину хранил и Сергей Платонович.

8.

Первую бригаду [18] одной из [пехотной] пехотных [дивизи] дивизий, находившихся в резерве Юго-Западного фронта, с приданным к ней 27 донским казачьим полком, перед февральским переворотом сняли с фронта с целью переброски в окрестности столицы на подавление начинавшихся беспорядков. Бригаду отвели в тыл, снабдили новым зимним обмундированием, сутки превосходно кормили, на другой день погрузив в вагоны отправили, но события опередили двигавшиеся к Минску полки: в день отправки уже передавались настойчивые слухи, что император в Ставке главнокомандующего подписал акт об отречении от престола.

Бригаду с полпути вернули обратно. На станции Разгон 27 полк получил приказ выгрузиться из вагонов. Пути были забиты составами. По платформе сновали солдаты с красными бантами на шинелях, с добротн сделанными новыми винтовками русского образца, но английского происхождения. [Некоторые] Многие из солдат были возбуждены, опасливо поглядывали на строившихся по-сотенно казаков.

Пасмурный иссякал день. С крыш станционных построек журчилась вода, лужи на путях, покрытые нефтяными блестками, отражали серую **мякотную** овчину неба. Рев маневрировавших паровозов звучал приглушенно, рыхло. За пакгаузом полк в конном строю встречал командира бригады. Мокрые по щетки ноги лошадей дымились паром. Вороны безбоязненно садились сзади строя, гребли и клевали оранжевые яблоки конского помета.

Командир бригады на вороном трехвершковом коне, в сопровождении командира полка, подъехал к казакам. [*Натягивая*] **Нятянув** поводья, он оглядел сотни¹ [*стягивая*]

<Л. 2 об.>

64.

с руки шерстяную перчатку, обычно поздоровался с казаками]. Заговорил, словно отталкивая обнаженной [*правой*] рукой свои, неуверенные, глухие слова:

— Станичники! Волею народа, царствовавший доньне император Николай второй, э-э-э, низложен. Власть перешла к Временному Комитету Государственной Думы. Армия и вы в том числе, должны спокойно перенести это э-э-э известие... Дело казаков защищать свою родину от посягательств внешних и... [*внеш*] э-э-э, так сказать, внешних врагов. Мы будем в стороне от начавшейся смуты, предоставим гражданскому населению избирать пути к организации нового правительства. Мы должны быть в стороне. Война и политика для армии несовместимы... В дни таких вот [...ну] потрясений, э-э-э... всех основ мы должны быть тверды... — бригадный, старый и бездарный служака-генерал, не привыкший держать речи, замаялся копясь в сравнениях; на маслянистом лице его в мучительной немоте двигались брови, сотни терпеливо ждали. — Э-э-э, как сталь. Ваш казачий воинский долг призывает вас подчиняться своим начальникам. Мы будем биться с врагом так же доблестно, как и раньше. А там, — косою плывущий жест назад, — пусть Государственная Дума решает судьбы страны. Кончим войну, тогда и мы примем участие во внутренней жизни, а пока нам... э-э-э, нельзя. Армию мы не можем отдать... В армии не должно быть политики!

Здесь-же на станции, спустя несколько дней, присягали Временному Правительству, ходили на митинги, собираясь большими земляческими группами, держась обособленно от солдат, наводнявших станцию. После подолгу обсуждали слышанные речи, вспоминая [*недоверчиво*] прощупывали недоверчиво каждое сомнительное слово. У всех почему-то сложилось убеждение: [*раз*] если свобода, — значит конец войне, и с этим прочно укоренившимся убеждением [*уже*] трудно стало бороться офицерам, утверждавшим, что воевать Россия обязана до конца.

Растерянность, охватившая после переворота верхушки армии, тягостно отразилась на низах; про существование застрявшей на полпути бригады штаб дивизий словно забыл. Бригада, выгрузившись, доела выданное на восемь суток довольствие, солдаты толпами уходили в близлежащие деревушки, на базаре откуда-то появился в продаже спирт, [*и у*] и уже не в диковинку было видеть в те дни пьяных нижних чинов и офицеров.

¹ ППС: «он Оглядел сотни, [*натягивая*] **нятянув** поводья».

Вырванные переброской из обычного круга обязанностей казаки томились в теплушках, ждали отправки на Дон (слух, о том что второочередников будут спускать по домам, держался весьма упорно), небрежно ухаживали за лошадьми, дни **насквозь** толклись на базарной площади, торговали запасенными с позиций ходкими предметами [*спроса*] **продажи**: немецкими одеялами, штыками-пилами, шинелями, кожаными ранцами [*и*], табаком.

Приказ о [*отправке*] **возвращении** на фронт встречен был [*яростным*] **открытым** ропотом.||

<Л. 3>

65.

Вторая сотня отказалась было ехать, казаки не разрешили прицепить к составу паровоз, но командир полка пригрозил разоружением, и [*поволновавшись, казаки ушли от паровоза*] **волнение пошло на убыль, улеглось**. Эшелоны потянулись к фронту.

— Это што-же, братушки? Свобода, — свобода, а касемо войны опять, значица, кровь проливать?

— Старый прижим зачинается!

— На кой-же ляд царя-то уволили?

— Нам што при нем было хорошо, што и зараз подходящее...

— Шаровары одни, только мотней назад.

— Во-во!

— Это до каких-же пор будет, мать их...?

— Четвертый год с винтовки не слазишь! — шли в вагонах разговоры.

На какой-то [*безымянной*] **узловой** станции казаки, как сговорившись, высыпали из вагонов и не глядя на увещевания и угрозы командира полка открыли митинг. Тщетно меж серого сплава казачьих шинелей метались комендант и престарелый начальник станции, упрашивая казаков разойтись по вагонам и освободить пути, казаки с неослабным захватывающим вниманием слушали речь урядника третьей сотни. После него говорил небольшой статный казачек Манжулов. Из его побелевшего, злобно искривленного рта с трудом выметывались злые слова:

— Станишники! Нельзи тах-то! Нас **опять-же** под [*обман*] **конфуз** подвели. **Обман хочут иследать!** Раз превзошла революция и всему народу дадена свобода, значица, должны войну прикончить. **Затем што** Народ и мы войну не хотим! **Акуратно я гутарю? По правильному?**

— Правильно!..

— Под хвост кобыле!..

— Осточертела всем!

— Шаровары вон на ж.... не держутся, какая война!

— Не жжжа—лла—ем!...

— По домам!

— [*Отцепливай*] **Отчаливай** паровоз! Федот, давай-ка!

— Станишники! Погодите! Станишники! Братцы!.. Черти, в рот вас, в печенку, в душу! Братцы! — надрывался Манжулов, стараясь перекрычать тысячу глоток. — Погодите! Паровоз не [*трогайте*] **волнуйте**, он нам без надобности, а

[только] **только** что обман... Пушай нам их высокоблагородие командир полка документ объявит. На самом деле нас требуют на фронт, али это по ихней [нужде] **капризности...**

Полк только после того погрузился в вагоны, когда взволнованный, не владеющий собой командир полка **дрожа губами** вслух прочитал полученную им из штадива телеграмму о вызове полка на фронт.

В одной теплушке ехали шесть человек [татарских] **татарцев-хуторян**, служивших в 27-м полку: Петро Мелехов,||

<Л. 3 об.>

66.

родной дядя Мишки Кошевого Николай Кошевой, Аникушка, Федот Бодовсков, **Меркулов** цыгановатый с черно-кудрявой бородой и с шалыми светлорыжими глазами [Меркулов], и Максимка Грязнов, сосед Коршуновых, беспутный и веселый казак, по всему станичному юрту [пользовавшийся] **стяжавший до войны [черной] черную [славой] славу** бесстрашного конокрада. — «Меркулову уж куда не подошло-бы коней уводить, на цыгана похож и все такое, а вот не ворует, а ты, Максим, конский хвост увидишь — и **то** в жар тебя шибает». — постоянно смеялись Грязнову казаки. Максимка краснел, жмурил голубой как льняной цветок глаз, [грязно] **пакостно** отшучивался: «С Меркуловой матерью цыган ночевал, а моя, небось, позавидовала, а то-б рази я... да упаси и не приведи...»

В теплушке ходил сквозной ветер, лошади стояли у наскоро сбитых кормушек под попонами, среди вагона на бугорке мерзлой земли чадили сырые дрова, едучий дым тянуло в дверную щель. Казаки сидели на седлах вокруг огня, сушили взвонявшиеся от пота и сырости портянки. Федот Бодовсков грел у огня босые гнутые ноги. На калмыцком углоскулом лице его [плутала] **блудила** довольная улыбка. Грязнов наскоро прихватывал дратвой отпоровшуюся подошву, продыmlенным осипшим голосом говорил, обращаясь неизвестно к кому:

— ...Маленьким был, зимой бывалоча заберусь на печку, а бабка моя, ей в те года за сто перевалило, ошупкой ищет у меня в голове вшу, гутарит: «Ягодка мой Максимушка, в старину не так-то народ жил, крепко жил, по правилам и ни каких на нево не было напастей. А ты, чадунюшка, доживешь до такой поры-времени, што увидишь, как землю всею опутают проволокой, и будут летать по синю-небушку птицы с железными носами, будут людей клевать, как грач арбуз клюет... И будет мор на людях, глад, и восстанет брат на брата и сын на отца... Останется народу, как от пожара травы». Штож, — помолчав продолжал Максим, — и на самом деле сбылось: телеграф выдумали, вот тебе и проволока, а железные птицы — [ероплан] **еропланы**. Мало они нашава брата подолбили? И голод будет. Мои вон спротив энтих годов в половину хлеба сеют, да и каждый хозяин так. По станицам стар, да мал остались, а хлоп, — неурожай, вот и «глад» вам.

— А брат на брата, это как, вроде, брехня? — спросил Петро Мелехов, направляя огонь.

— Погоди, и этова народ достигнет.

- Власть не установят и забрухаются. — вмешался Федот Бодовсков.
 — Ишо усмирять чертей придется.
 — Ты сначала с германцем расхлебай. — засмеялся Кошевой.
 — Што-ж, повоюем ишо...
 Аникушка деланным испугом морща голощекое бабье лицо, воскликнул:
 — Царица наша лохманогая, до каких-же пор все «повоюем»?
 — До тех [пор] покеда ты, скопец, шерстью обрастешь. — поддел его Кошевой.
 Сидевшие у огня дружно засмеялись. Петро поперхнулся||

<Л. 4>

67.

дымом и кашляя, глядя на Аникушку глазами полными слез, тыкал в его сторону пальцем.

— Волос он — дурак. — смущенно бормотал Аникушка, — он и иде не надо растет... зря ты, Кошевой, ногами болтаешь...

— Нет уж хватит! Хлебнули через край! — вспыхнул неожиданно Грязнов. — Мы тут бедствуем, во вшах погибаем, а семьи наши там нужду принимают, да ить как, режь — кровь не потекет.

— Ты чево взбугрился? — насмешливо пожеывая пшеничный ус спросил Петро.

— Известно чево... — за Грязнова ответил Меркулов и надежно захоронил улыбку в курчавой цыганской бороде. — Известно, нудится казак... тоскует... Иной раз пастух выгонит табун на зеленку, покеда солнце росу подбирает, — скотинка ничево, кормится, а как станет солнце в дуб, заюжит овод, зачнет скотину сечь, вот тут... — Меркулов шельмовато стрельнул глазами в казаков, продолжал повернувшись к Петру, — тут-то, господин вахмистр, и нападает на скотину бзык. Ну, да ты знаешь, не из суцких, небось; сам быкам хвосты крутил... Обнаковенно, какая-нибудь телка задерет хвост на спину, мыкнет, да как учешет! А за ней весь табун. Пастух бегет, «Ая-яй! Ая-яй!» — только идеж там... метется табун лавой, нехуже как мы под Незвиской на немцев лавой ходили. Иде-ж там, рази удержишь?

— Ты к чему это загинаешь-то?

Меркулов ответил несразу. Намотав на палец завиток смолистой бороды дернул его ожесточенно, заговорил уже деловито и без улыбки:

— Четвертый год воюем, так? На четвертый первалило, как нас в окопы загнали. За што и чево? Никто не разумеет... К тому и гутарю, што в скорости какой-нибудь Грязнов, али Мелехов бзыкнет с фронта, а за ним полк, а за полком армия... Будя!

— Вон ты куда...

— Туда самое. Не слепой, вижу, — на волоске все держится. Тут только шумнуть «брысь!..» И ползет все, как старый зипун с плеч. На четвертом году и нам солнце в дуб стало!

— Ты-бы полегшее. — посоветовал Бодовсков. — А то Петро... Он ить вахмистр...

— Я товарищев, кубыть, не трогал. — вспыхнул Петро.

— Не сердчай, шутейно сказал.

Бодовсков смутился, поворочал узловатыми пальцами босых ног и встал, пошлепал к кормушке.

В углу, у цибигов прессованного сена вполголоса разговаривали казаки других хуторов. Из них лишь двое были с хутора Каргинского, Фадеев и Каргин, остальные восемь — разных хуторов и станиц.

Спустя немного они запели. Заводил чирской казак Алимов. Он начал было плясовую, но кто-то шлепнул его по спине, простуженно рявкнул — Отставить!

— Эй вы, сироты, полозьте к огню, — пригласил Кошевой.

В костер кинули щепки (осколки разбитого на полустанке забора). При огне веселее подняли песню:

Конь боевой с походным вьюком,
У церкви ржет, когой-то ждет.
В ограде бабка плачет с внуком,
Жена-молодка слезы льет.
А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых идет.
Жена коня ему подводит,
Племянник пику подает...||

<Л. 4 об.>

68.

В соседнем вагоне двухрядка, хрипя мехами, резала «казачка». По досчатому полу бесжалостно цокотали каблуки казенных сапог, кто-то дурным голосом вякал, голосил:

— [*Уэх! Ух! Ух! Ха!.. Ха-ха-хи-хо-ху-ха-ха! Да, никудышня сноха! Дюже спереду*]

— Эх, вы горки хлопоты,
Тесны царски хомуты!
Казаченькам выи тругь,
Ни вздохнуть, ни воздохнуть!
Пугачев по Дону кличет,
По низовьям голи зычет:
«Атаманы, казаки!..»

Второй заливая голос первого верещал несуразно тонкой скороговоркой:

— Царю верой-правдой служим,
По своим жалмеркам тужим.
Баб найдем — тужить не будем.
А царю м..... полудим!
Ой, сыпы! Ой, жги!..

— Уэх! Ух! Ух! Ха!.. — подхватывал третий, — Ха-ха-хи-хо-ху-ха-ха!.. Да никудышня сноха! Дюже спереду плоха!.. И гола-то и плоха, осклизнется и блоха!.. Ух, ты!..

Казачи давно уже оборвали песню и вслушивались в бесшабашный гомон, разрастающийся в соседнем вагоне, перемигиваясь, сочувственно улыбаясь. Петро Мелехов не выдержал и захохотал:

— Эк дьяволы их разымают!¹

У Меркулова в коричневых крапленых желтой искрой глазах замигали веселые светлячки; он вскочил на ноги, улавливая такт, носком сапога посыпал мельчайшее просо дробы и вдруг топнув, легко, пружинисто, кругло пошел на прыжку. Плясали все по очереди, грелись движением. В соседнем вагоне давно уж затухли двухрядные голоса, там уже хрипло и крупно ругались, а тут бились в пляске, беспокоили лошадей и кончили только когда вломившийся в раж Аникушка, во время одного необычайнейшего по замысловатости колена, упал задом на огонь. Его с хохотом подняли, при свете свечного огарка долго оглядывали новехонькие шаровары насмерть сожженные сзади и концы припаленой ватной теплушки.

— Скинь шаровары-то! — Сожалея советовал Меркулов.

— Тю, цыган, сдурел! А в чем-же я?

Меркулов порылся в саквах, достал холщовую бабью исподницу. Огонь раздули вновь. Меркулов держал рубаху за узкие плечики, откидываясь назад, стоная от хохота говорил:

— Вот... Ох! Ох! Украл я ее на станции, с забора... на портянки блюл... Ох! Пороть не бу-у-уду... бери!..

Силком обряжая ругавшегося Аникушку ржали так смачно и густо, что из дверей соседних вагонов повысунулись головы любопытных, в ночной темноте орала завистливые голоса:

— Чево вы там?

— Жеребцы проклятые!

— Чево зашлисть-то?

— Железку нашли, дурочкины сплюбовники?

На следующей остановке притянули из переднего вагона гармониста, из других вагонов битком набились казаки, сломали кормушки, толпились прижимая лошадей к стене. В крохотном кругу выхаживал Аникушка. Белая||

<Л. 5>

69.

рубаха, с здоровенной, как видно, бабищи, была ему длинна, путалась в ногах, но рев и хохот его поощряли, плясал он до изнеможения.

А над намокшей в крови Беларусь скорбно слезились звезды. Провалом зияла дымясь и уплывающая ночная небесная чернь. Ветер пресмыкался над землей напитанной горькими запахами листьев-падалицы, суглинистой мочливой ржавчины, мартовского снега...

¹ Текст «Эх, вы горки хлопоты ~ Эк дьяволы их разымают» написан Шолоховым.

9.

Через сутки полк был уже неподалеку от фронта. На узловой станции эшелоны остановили. Вахмистра разнесли приказ «выгружаться». По подмостям торопливо сводили лошадей, седлали, бегали в вагоны за позабытыми второпях вещами, выкидывали прямо на мокрый песчанник путей растрепанные цибики сена, суетились.

Мелехова Петра позвал ординарец командира полка.

— Иди на вокзал, командир кличет.

Петро поправляя ремень на шинели неспешно пошел к платформе.

— Аникей, пригляди за моим конем. — Попросил он топтавшегося у лошадей Аникушку.

Тот молча поглядел ему вслед, на будничном хмуром лице его озабоченность сливалась с обычной скукой. Петро шагал глядя на **свои** сапоги [*свои*] обрызганные охровой глинистой грязью, раздумывая, зачем-бы это он понадобился командиру полка. Внимание его привлекла небольшая толпа, собравшаяся в конце платформы у бака с кипятком. Он подошел, еще издали вслушиваясь в разговор. Человек двадцать солдат окружили рослого рыжеватого казака, стоявшего спиной к баку, в неловкой затравленной позе. Петро вытянув голову поглядел на смутно знакомое забородатевшее лицо рыжеватого казака-атаманца, на цифру 52 на синем урядничком погоне, решил, что где-то и когда-то видел этого человека.

— Как-же это ты ухитрился? А еще гайку тебе нашивали. — злорадно допытывался у рыжеватого казака вольноопределяющий с веснушчатым умным лицом.

— Што такое? — полюбопытствовал Петро, тронув плечо стоявшего к нему спиной ополченца.

Тот повернул голову, ответил нехотя.

— Дизиртира пумали... Из ваших козáков.

Петро усиленно напрягая память пытался вспомнить, где он видел это широкое рыжеусое и рыжебровое лицо атаманца. Не отвечая на назойливые вопросы вольноопределяющегося атаманец редкими глотками тянул кипяток из медной кружки, сделанной из гильзы снаряда, прикусывал черным размоченным в воде сухарем. Далеко расставленные выпуклые глаза его шурились, прожевывая и глотая он шевелил бровями, глядел вниз и по сторонам. Рядом с ним, придерживая за штык винтовку, стоял конвоировавший его пожилой коренастый солдат. Атаманец-дезертир допил из кружки, повел усталыми глазами по лицам бесцеремонно разглядывавших его солдат и в голубых, по-детски простых глазах его неожиданно вспыхнуло ожесточение: торопливо глотнув он облизал губы, крикнул грубым негнушима басом:

— Диковина вам? Пожрать не даете сволочи! Што вы мать вашу, людей не видали што-ль?||

<Л. 5 об.>

70.

Солдаты засмеялись, а Петро едва лишь услышал голос дезертира сразу, как это всегда бывает, с поразительной отчетливостью вспомнил, что атаманец этот с

хутора Рубежина Еланской станицы, по фамилии Фомин; и что у него еще до войны на Еланской годовой ярмарке торговал он с отцом трехлетка-бычка.

— Фомин! Яков! — окликнул он, протискиваясь к атаманцу.

Тот неловким растерянным движением сунул на бак кружку, прожевывая, глядя на Петра смущенными улыбающимися глазами сказал:

— Не признаю, браток.

— С Рубежина ты?

— Оттель. А ты, либо еланский?

— Я-то вешенский, а тебя помню; с батей лет пять назад бычка у тебя торговали.

Фомин улыбаясь все-той же растерянной ребячьей улыбкой, как видно, си- лился вспомнить.

— Нет, замстило, не упомню тебя. — с видимым сожалением сказал он.

— Ты в 52 был?

— В 52.

— Убег, стал-быть? Как-же это ты, братец...

В это время Фомин, сняв папаху, доставал оттуда потрепанный кисет. Суту- лясь он медленно сунул папаху под мышку, оторвал косою угол бумажки и толь- ко тогда прижал Петра строгим, влажно мерцающим взглядом.

— Невтерпеж, братушка... — сказал невнятно.

Взгляд этот кольнул Петра. Он крякнул, вобрал в рот желтоватый ус.

— Ну, землячки, кончайте разговоры, а то через вас как-бы мне не попало. — Вздохнул вскидывая винтовку коренастый солдат конвоир. — Иди-ка, папаша.

Фомин торопясь сунул в подсумок кружку, попрощался с Петром, глядя в сторону, и зашагал в комендантскую увалистой, медвежковой роскачью.

На вокзале, в буфете бывшего первого класса за столиком гнулся командир полка и два сотенных командира.

— Ты, Мелехов, заставляешь себя ждать. — поморгал полковник устало оз- лобленными глазами.

Петро выслушал известие о том, что сотня его поступает в распоряжение штаба дивизии, и что необходимо усиленно присматривать за казаками, сообщая о всякой замеченной перемене в их настроении командиру сотни. Он не сморгнув глядел в глаза полковника слушал внимательно, но в памяти неотступно, цепко, как приклеенный держался, мерцающий влажный взгляд Фомина и тихое «невтерпеж, братушка...»

Он вышел из парного теплого вокзала, направился к сотне. Здесь-же на стан- ции стоял остававшийся полковой обоз 2 разряда. Подходя к своей теплушке Петро увидел обозных казаков и сотенного коваля. При взгляде на коваля у Пет- ра выветрился из памяти Фомин и разговор с ним, он ускорил шаги с целью пе- реговорить относительно перековки коня (в этот миг над ним уже довели буд- ничные заботы и тревоги), но из-за красного угла вагона выступила женщина, нарядно покрытая белым пуховым шарфом, одетая не так, как одеваются в поль- ско-белорусской земле. Странно знакомый склад фигуры заставил Петра внима- тельней взглянуться в женщину. Она вдруг повернулась к нему лицом зашепила

навстречу, неуловимо поводя плечами, тонким не бабьим станом. И еще не различая лица, по этой||

<Л. 6>

71.

вьющейся легковесной походке Петро угадал жену. Колкий приятный холодок докатился до сердца. Радость была тем сильнее, чем неожиданней. Нарочно укоротив шаг, что-бы наблюдавшие за ним обозные не подумали о том, что он особенно уж рад, Петро шел навстречу. Он степенно обнял жену, поцеловал ее три раза, хотел что-то спросить, но глубокое внутреннее волнение пробилось наружу; мелко задрожали губы и будто отнялся язык.

— Не ждал... — заикаясь выговорил он наконец.

— Голубок мой! То-то ты да переменялся... — Дарья всплеснула руками, — Как будто чужой... Видишь, приехала проведать, наши не пускали... «Куда тебя понесет», нет, думаю, поеду, проведуя родимова... — тархтела она прижималась к мужу, заглядывая в глаза ему увлажненными глазами.

А у вагонов толпились казаки, глядя на них покрякивали, перемигивались, нудились.

— Подвалило счастье Петру...

— Моя волчиха и не приедет, отроилась.

— Там у ней без Нестера десятеро.

— Мелехов хучь-бы своему взводу на ночушку бабу пожертвовал... На бедность на нашу. Кх-м!

— Пойдемте, ребята, кровью изойдешь гляючи как она к нему липнет!

В этот момент Петро не помнил, что собирался бить жену смертным боем, ласкал ее на людях, гладил большим обкуренным пальцем писанные дуги ее бровей, радовался. Дарья тоже забыла, что только две ночи назад спала она в вагоне с драгунским ветеринарным фельдшером, вместе с ней ехавшим из Харькова в полк. У фельдшера были необычайно пушистые и черные усы, но ведь все это было две ночи назад, а сейчас она со слезами искренней радости обнимала мужа, смотрела **на него** правдивыми ясными глазами... [на него.]

10.

По возвращении из отпуска есаул Евгений Листницкий получил назначение в 14 донской казачий полк. В свой полк, в котором служил раньше, и из которого ему пришлось еще до февральского переворота так позорно бежать, он не явился, а прямо заехал в штаб дивизии и начальник штаба, молодой генерал с громкой донской дворянско-казачьей фамилией, легко устроил ему перевод.

— Я знаю, есаул, — говорил он Листницкому уединясь с ним в своей комнате, — что вам трудно будет работать в старой обстановке, потому что казаки настроены против вас, ваше имя для них одиозно и, разумеется, будет благоразумней, если вы поедете в 14 полк. Там исключительно славный подбор офицеров, да и казаки потверже, посрее, большинство из южных станиц Усть-Медведицкого округа. Там вам лучше будет. Ведь вы, кажется, сын Николая

Алексеевича Листницкого? — помолчав спросил генерал и получив утвердительный ответ продолжал:

— С своей стороны могу заверить, что мы ценим офицеров, таких как вы. В наше время даже среди офицерского состава большинство двурушников. Ничего нет легче, как переменить веру, а то и двум богам молить—||

<Л. 6 об.>

72.

ся... — горько закончил начштаба.

Листницкий с радостью принял перевод. В этот же день он выехал в Двинск, где находился 14 полк, а через сутки уже представился командиру полка **полковнику Быкадорову** и принял сотню. Ознакомившись с положением вещей он с удовлетворением [*сознал*] **осознал** правдивость слов начштаба дивизии: [*из*] [*офицеров*] **офицеры** — в [*большинство*] **большинстве** — [*монархистов*] **монархисты**; казаки, на треть разбавленные старообрядцами Усть-Хоперской, Кумылженской, Глазуновской и других станиц, были настроены отнюдь не революционно, на верность Временному правительству присягали неохотно, в событиях, кипевших вокруг, не разбирались, да и не хотели разбираться; в полковой и сотенные комитеты прошли казаки подхалимистые и смиренные... С радостью вздохнул Листницкий в новой обстановке.

Среди офицеров он встретил двух сослуживцев по Атаманскому полку, державшихся обособленно, остальные были на редкость сплочены, единодушны, открыто поговаривали о восстановлении династии.

Полк около двух месяцев простоял в Двинске, собранный в единый кулак, отдохнувший, подтянутый. До этого сотни, прикрепленные к пешим дивизиям, бродили по фронту от Риги до Двинска, но в апреле чья-то заботливая рука слила все сотни, полк был наготове. Казаки, опекаемые суровым офицерским надзором, выходили на ученье, выкармливали лошадей, жили размеренной улиточной жизнью, оставаясь вне всякого воздействия извне. Среди них были смутные предположения о истинном предназначении полка, но офицеры говорили не таясь, что в недалеком будущем полк в чьих-нибудь надежных руках еще покрутит колесо истории.

Близкий дыбился фронт. Армии дышали смертной лихорадкой, не хватало боевых припасов, продовольствия; армии многоруко тянулись к призрачному слову «мир»; армии по разному встречали временного правителя республики Керенского и понукаемые его истерическими криками спотыкались в июньском наступлении; в армиях вызревший гнев плавился и вскипал как вода в роднике, выметываемая глубинными ключами...

А в Двинске жили казаки мирно, тихо: желудки лошадей переваривали овес и макуху, память казаков заращивала тяготы перенесенные на фронте, офицеры аккуратно посещали офицерское собрание, недурно столовались, горячо спорили о судьбах России...

Так до первых чисел июля. Третьего приказ — не медля ни минуты выступать. Эшелоны полка потянулись к Петрограду. 7го июля копыта казачьих коней уже цокотали по одетым в торцовую чешую улицам столицы.||

<Л. 7>

73.

Полк расквартировали на Невском. Под сотню Листницкого отвели пустовавшее торговое помещение. Казаков ждали с нетерпением и радостью; об этом красноречиво свидетельствовала та заботливость столичных властей, с какой были заранее оборудованы предназначавшиеся для них помещения. Заново окрашенные стены блестели известкой, глянец лоснились начисто вымытые полы, от сосновых свежих нар смолистые запахи; почти уютно было в светлом, опрятном полуподвале. Листницкий, морщась под пенснэ, внимательно осмотрел помещение, походил над спящими белизной стенами, решил, что лучшего, в смысле удобств, не остается и желать. Удовлетворенный осмотром он в сопровождении маленького, изящно одетого [*гражданина,*] представителя городского управления, на долю которого выпало встречать казаков, направился к выходу во двор, но тут произошел неприятный казус: держась за дверную скобу, он увидел на стене мастерски выцарапанный каким-то острым предметом рисунок: оскаленную собачью голову и метлу. Видно кто-то из рабочих, трудившихся над оборудованием помещения, знал для кого оно предназначалось...

— Что это? — подожав бровями спросил Листницкий у сопровождавшего его представителя.

Тот obeжал рисунок расторопно-мышастыми глазками, страшно засопел. Кровь так густо кинулась ему в лицо, что даже крахмальный воротник сорочки словно порозовел на нем.

— Простите, господин офицер... злоумышленная рука...

— Надеюсь без вашего ведома изобразили здесь эмблему опричины?

— Что вы! что вы!.. помилуйте!.. Большевистский фортель... Какой-то негодяй осмелился!.. Я сейчас-же прикажу вновь выбелить стену! Чорт знает что... простите, такое нелепое происшествие... Смею вас уверить, мне совестно за чужую подлость...

Листницкому стало искренне жаль уничтоженного смущенного гражданина. Он смягчил неумолимо-холодный взгляд, сдержанно сказал:

— Небольшой просчет художника... казаки ведь не знают русской истории... Но из этого еще не следует, что подобное отношение к себе мы можем поощрять...

Представитель твердым холеным ногтем выскребал в известке рисунок, пачкал дорогое английское пальто мельчайшей оседавшей на нем белой пылью, тянулся на ципочках перед стеной. Листницкий протирая пенснэ улыбался, но горькая желчная грусть томилась в нем в этот миг. «Вот как встречают нас, и вот что кроется за внешней показной стороной... но неужели для всей России мы являемся прообразом опричины?» — думал он шагая по двору к конюшням и невнимательно, безразлично||

<Л. 7 об.>

74.

вслушиваясь в слова спешившего за ним представителя.

В глубокий, просторный колодезь двора отвесно падали солнечные лучи. Из окон многоэтажных домов жильцы, свесившись, разглядывали казаков, заполнивших весь двор, сотня размещала в конюшне лошадей. **Освободившиеся** Казаки кучками стояли и сидели на корточках у стен, в холодке.

— Что-же не идете, ребята, в помещение? — спросил Листницкий у ближних.

— Успеется, господин есаул.

— Надоисть ишо и там...

— Коней вот расстановим, тогда уж.

Листницкий осмотрел склад, предназначенный под конюшни, строго, стараясь вернуть себе прежнюю неприязнь к сопровождавшему его представителю, сказал:

— Войдите в соглашение с кем требуется [*о том, что*] и **договоритесь вот о чем:** нам необходимо прорубить еще одну дверь. Ведь не можем-же мы иметь на сто двадцать лошадей три двери. Этак в случае тревоги нам понадобится полчаса для того что-бы вывести лошадей... Странно, неужели это обстоятельство нельзя было учесть в свое время? Я вынужден буду доложить об этом командиру полка.

Получив немедленное заверение, что не одна, а две двери будут сегодня-же пробиты, Листницкий распрощался с представителем, сухо поблагодарив его за заботы, отдал распоряжение о назначении дневальных и пошел на второй этаж, в временную квартиру, отведенную офицерам сотни. На ходу расстегивая китель, вытирая под козырьком пот он по черной лестнице поднялся к себе, радостно ощутив тучную сыроватую прохладу комнат. В квартире, за исключением подъесаула Атарщикова, никого не было¹.

— Где-же остальные? — спросил Листницкий падая на брезентовую койку и тяжело отваливая ноги в запыленных сапогах.

— На улице. Рассматривают Петроград.

— А ты что-же?

— Ну, знаешь-ли, не стоит. Не успели ввалиться и уж сразу в город. Я вот почитываю о том, что происходило здесь два дня назад. Занятно!

Листницкий лежал молча, чувствуя, как на спине его приятно холодеет мокрая от пота рубашка, ему лень было встать и умыться, сказывалась нажитая за дорогу усталость². Пересилив себя он встал, позвал вестового. Переменив белье долго умывался, довольно фыркал, тер лохматым полотенцем полную с серым налетом загара шею.

— Умойся, Ваня, — посоветовал он Атарщику — гору с плеч скинешь. Ну, так что в газетах?

— Пожалуй в самом деле умыться. Неплохо, говоришь? А в газетах что, описание выступления большевиков,||

<Л. 8>

правительственные мероприятия. Почитай.

75.

¹ ППС: «никого не было».

² ППС: «усталость нажитая за дорогу».

Повеселевший после умыванья Листницкий взялся было за газету, но его пригласили к командиру полка. Нехотя поднявшись, он надел новый китель, пахнувший мылом, неприлично помятый за дорогу, прицепил шашку¹ и вышел на проспект. Перейдя на другую сторону, [он] повернулся, разглядывая дом, где расположилась сотня. С внешней стороны, по типу дом ничем не отличался от остальных: пятиэтажный, облицованный дымчатым ноздреватым камнем, стоял он в ровном строю [остальных] **таких-же** домов. Закуривая Листницкий медленно тронулся по тротуару. Густая толпа пенилась мужскими соломенными шляпами, котелками, кепками, изысканно простыми и нарядными шляпками женщин. В общем потоке изредка мелькала зеленым демократическим пятном фуражка военного и исчезала, поглощенная переливами [разнообразных] **разноцветных** красок.

Со взморья волной шел бодрящий свежий ветерок; но разбиваясь о крутые громады строений, растекался жидкими неровными струями. По стальному, с сиреневым оттенком, неяркому небу плавись на юг тучи. Молочно-белые гребни их зубчатылись рельефно и остро. Над городом висела парная преддоджевая духота. Пахло нагретым асфальтом, перегарью бензина, близким морем, волнующим невнятным запахом дамских духов и еще какой-то разнородной неделимой смесью запахов, присущей всякому многолюдному городу.

Листницкий покуривая медленно шел правой стороной тротуара, изредка ловил на себе боковые почтительные взгляды встречных. Вначале он испытывал некоторое стеснение за свой помятый китель и не свежую фуражку, но потом решил, что фронтовику, пожалуй, и нечего стыдиться своей внешности, а тем более ему, только что сегодня покинувшему вагон.

На тротуарах, [зубчатые] **ленивые**, оливково-желтые от солнца, лежали теневые пятна от парусиновых тентов, натянутых над входами в магазины и кафэ. Ветер раскачивая трепал выжженную парусину, пятна на тротуарах шевелились, рвались из-под шаркающих ног людей. Несмотря на послеобеденный час проспект кишел многолюдьем. Листницкий, отвыкший за годы войны от города, с радостным удовлетворением впитывал в себя разноголосый гул перевитый смехом, автомобильными гудками, криком газетчиков, и чувствуя себя в этой толпе прилично одетых, сытых людей своим, близким, все-же думал: «Какие все вы сейчас довольные, радостные, счастливые; все, и купцы, и биржевые маклеры, и чиновники разных рангов, и помещики, и люди голубых кровей, а что с вами было три дня назад? Как вы выглядели, когда чернь и солдатня расплавленной рудой текли вот по этому проспекту, по улицам? По совести, и рад я вам и не рад. И благополучию вашему не знаю как радоваться...» Он попробовал проанализировать свое раздвоенное чувство, найти истоки его, и без труда решил, что потому так мыслит и чувствует, что война и то, что пришлось пережить там, отдалили его от этого скопища сытых, довольных. «Ведь вот этот молодой, упитанный, — думал он встречаясь глазами с полным краснощеким и безусым мужчиной, — почему он не на фронте? Наверное сын заводчика, или||

¹ ППС: «прицепил шашку, надел новый китель, пахнувший мылом, неприлично помятый за дорогу».

<Л. 8 об.>

76.

какого-нибудь торгового зубра, уклонился подлец от службы, — начхать ему на родину, — и "работает" на оборону, жиреет, с удобствами любит женщин... «Но с кем же ты в конце концов?» — задал он сам себе вопрос и улыбаясь, не колеблясь решил: «Ну, конечно-же, вот с этими! В них частичка самого меня, а я частичка их коллектива... Все что есть хорошего и дурного в моем классе, есть, в той или иной мере, и у меня. Может-быть у меня немного тоньше кожа, чем у этого вот упитанного боровка, может-быть поэтому я болезненней реагирую на все, и наверняка поэтому я честно на войне, а не "работаю на оборону", и именно поэтому тогда зимой в Могилеве, когда я увидел в автомобиле свергнутого императора, уезжавшего из Ставки, и его скорбные губы, и потрясающее, непередаваемое положение руки, беспомощно лежавшей на колене, я упал на снег и рыдал как мальчишка... Ведь вот я по честному не приемлю революцию, не могу принять! И сердце и разум противятся... Жизнь положу за старое, отдам ее не колеблясь, без позы, просто, по-солдатски, а многие-ли на это пойдут?» Бледнея, с глубочайшей волнующей яркостью воскресил он в памяти февральский богатый красками исход дня, губернаторский дом в Могилеве, чугунную запотевшую от мороза огороду, и снег по ту сторону ее, испещренный червонными бликами низкого, покрытого морозно-дымчатым, флером солнца. За покатым свалом Днепра небо крашено лазурью, киноварью, ржавой позолотой. Каждый штрих на горизонте так неосяземо воздушен, что больно касаться взглядом. У выезда небольшая толпа из чинов Ставки, военных, штатских... Выезжающий крытый автомобиль. За стеклом, кажется, Дитерихс и царь, откинувшийся на спинку сиденья. Обуглившееся лицо его с каким-то фиолетовым оттенком. По бледному лбу косою черной полукруг папахи, формы казачьей конвойной стражи.

Листницкий почти бежал мимо изумленно оглядывавшихся на него людей. В глазах его падала от края черной папахи царская рука, отдававшая честь, в ушах звенел бесшумный холостой ход отъезжающей машины и унижительное безмолвие толпы, молчанием провожавшей последнего императора...

По лестнице дома, где помещался штаб полка, Листницкий поднимался медленно. У него еще дрожали щеки и кровянисто слезились припухшие заплаканные глаза. На площадке второго этажа он выкурил подряд две папиросы, протирая пенснэ, через две ступеньки взбежал на третий этаж.

Командир полка отметил на карте Петрограда район, в котором сотня Листницкого должна была нести охрану правительственных учреждений, перечислил учреждения, с мельчайшими деталями сообщил о том какие и в какое время надо ставить и сменять караулы, в заключение сказал:

— В Зимний дворец Керенскому...

— Ни слова о Керенском!.. — заливаясь смертельной бледностью громко прошептал Листницкий.

— Евгений Николаевич, надо брать себя в руки...

— Полковник, я вас прошу!!!

<Л. 9>

77.

— Но, милый мой...

— Я прошу!

— Нервы у вас...

— Разъезда к Путиловскому сейчас прикажете выслать? — тяжело дыша спросил Листницкий.

Полковник кусая губы, улыбаясь, пожал плечами, ответил:

— Сейчас-же, и непременно со взводным офицером.

Листницкий вышел из штаба нравственно опустошенный, раздавленный воспоминаниями пережитого и разговором с командиром полка. Почти у самого дома увидел казачий разъезд, стоявшего в Петрограде 4 донского полка. На уздечке светло рыжего офицерского коня завявшие понуро висели живые цветы. По белоусому лицу офицера сквозила улыбка.

— Да здравствуют спасители родины!.. — крикнул сходя с тротуара и размахивая шляпой какой-то экзальтированный пожилой господин. Офицер любезно приложил ладонь к козырьку. Разъезд тронулся рысью. Листницкий посмотрел на взволнованное мокрогубое лицо приветствовавшего казаков господина, на его тщательно повязанный цветастый галстук и морщась, ссутулившись шмыгнул в подъезд своего дома.

11.

Назначение генерала Корнилова главнокомандующим юго-западного фронта встречено было офицерским составом 14 полка с большим сочувствием. О нем говорили с любовью и уважением, как о человеке обладающем железным характером и несомненно могущем вывести страну из тупика, в который завело ее Временное правительство. Особенно горячо встретил это назначение Листницкий. Он через младших офицеров сотни и близких к нему казаков попытался узнать, как относятся к этому казаки, но полученные сведения его не порадовали: молчали казаки, или отделялись апатичными ответами.

— Нам все одно.

— Какой он, кто его знает...

— Кабы он нашет замиренья постарался, тогда конечно

— Нам от его повышенья легче не будет, небось.

Через несколько дней среди офицеров общавшихся с более широкими кругами гражданского населения и военных, передавались настойчивые слухи, что будто-бы Корнилов жмет на Временное правительство, требуя восстановления смертной казни на фронте и проведения многих решительных мероприятий, от которых зависит участь армии и исход войны. Говорили о том, что Керенский боится Корнилова, и, наверное, приложит все усилия к тому, что-бы заменить его на должности главнокомандующего фронта более податливым генералом. Назывались известные в военной среде имена генералов.

19го июля всех поразило правительственное сообщение о назначении Корнилова Верховным главнокомандующим. Вскоре-же подъесаул Атарщиков, имевший обширные знакомства в Главном комитете офицерского союза, [говори]

рассказывал, ссылаясь на вполне достоверные источники, что Корнилов в записке приготовленной для доклада Временному правительству настаивал на необходимости следующих главнейших мероприятий: введения на всей территории страны в отношении тыловых войск и населения юрисдикции Военно-революционных судов, с применением смертной казни за ряд тягчайших преступлений, преимущественно военных; восстановления дисциплинарной||

<Л. 9 об.>

78.

власти военных начальников; введения в узкие рамки деятельности комитетов и установления их ответственности перед замком, и т. д.

В этот-же день вечером Листницкий, в разговоре с офицерами своей сотни и других сотен, остро и прямо поставил вопрос, с кем они идут.

— Господа-офицеры! — говорил он с сдержанным волнением, — Мы живем дружной семьей. Мы знаем, что представляет каждый из нас, но до сей поры многие большие вопросы между нами остались не вырешенными. И вот именно теперь, когда отчетливо намечаются перспективы расхождения Верховного с правительством, нам необходимо ребром поставить вопрос, с кем и за кого мы? Давайте-же поговорим по товарищески, не кривя душой.

Подьесаул Атарщиков ответил первый:

— Я за генерала Корнилова готов и свою и чужую кровь цедить! Это кристальной честности человек, и только он один в состоянии поставить Россию на ноги. Смотрите что он делает в армии! Ведь только благодаря ему отчасти развязали руки военначальникам, ...а [то ведь] **было** сплошное засилье комитетов, братанье, дезертирство... Какой может быть разговор? Всякий порядочный человек за Корнилова!

Похожий на породистого борзого кобеля, узкий в тазу, тонконогий и непомерно грудастый и широкоплечий Атарщиков говорил запальчиво. Видно трогал за живое поднятый вопрос. Кончив он оглядел группировавшихся у стола офицеров, **выжидательно** стучал по портсигару мундштуком папиросы [выжидательно]. На нижнем веке его правого глаза коричневой выпуклой горошиной сидела родинка. Она мешала верхнему веку плотно прикрывать глаз и от этого при первом взгляде на Атарщикова создавалось впечатление, будто [взгляд] глаза его тронуты постоянной снисходительно-выжидающей усмешкой.

— Если выбирать между большевиками, Керенским и Корниловым, то разумеется, мы за Корнилова.

— Нам трудно судить чего хочет Корнилов, только ли восстановления порядка в России, или восстановления еще чего-нибудь...

— Это не ответ на принципиальный вопрос!

— Нет ответ.

— А если и ответ, то неумный, во всяком случае.

— А чего вы боитесь, сотник? Восстановления монархии?

— Я не боюсь этого, а напротив, желаю.

— Так в чем-же дело?

— Господа! — твердым, обветрившим голосом заговорил Долгов, недавний вахмистр, получивший за боевые отличия хорунжего. — об чем вы спорите? А вы степенно скажите, што нам, казакам, надо держаться за генерала Корнилова, как дитю за материн подол. Это безо всяких лукавствий, напрямки. Оторвемся от него пропадем, Расея навозом нас загребет! Тут уж дело ясное, куда он — туда и мы.

— Вот это — да!.. — Атарщиков с восхищением хлопнул Долгова по плечу и смеющимися глазами уставился в Листницкого. Тот улыбаясь, волнуясь разглаживал на коленях складки брюк.

— Так как-же, господа офицеры, атаманы? — приподнятым голосом воскликнул Атарщиков. — За Корнилова мы?..

— Ну, конечно!

— Долгов сразу разрубил гордиев узел.||

<Л. 10>

79.

— Все офицерство за него!

— Мы не хотим быть исключением.

— Дорогому Лавру Георгиевичу, казаку и герою, ура!

Смеясь и чокаясь офицеры пили чай. Разговор, утративший недавнюю напряженность, вертелся вокруг событий последних дней.

— Мы-то гужом за Верховнава, а вот казаки мнутя... — нерешительно сказал Долгов.

— Как это, мнутя? — спросил Листницкий.

— А так. Мнутя и шабаш... Им сукиным сынам по домам, к бабам охота... Жизнь-то нетеплая, остобрыдла...

— Наше дело увлечь за собой казаков! — брякнул кулаком по столу сотник Чернокутов. — Увлечь! На то мы и носим офицерские погоны!

— Казакам надо терпеливо разъяснять с кем им по пути.

Листницкий постучал ложечкой о стакан, собрав в кучу внимание офицеров раздельно сказал:

— Прошу запомнить, господа, что наша работа сейчас должна сводиться, вот именно, как сказал Атарщиков, к разъяснению казакам истинного положения вещей. Казака надо вырвать из-под влияния комитетов. Тут нужна ломка характеров, примерно такая-же, если не бóльшая, которую большинству из нас пришлось пережить после февральского переворота. В прежнее время, допустим в 16 году, я мог избить казака, рискуя тем, что в бою он мне пустит в затылок пулю, а после февраля пришлось свернуться, потому что если-бы я ударил какого-нибудь дурака меня убили-бы здесь-же в окопах, не дожидаясь удобного момента. Теперь совсем иное дело. Мы должны, — Листницкий подчеркнул это слово — сродниться с казаком. От этого зависит все! Вы знаете что творится сейчас в 1 и 4 полках?

— Кошмар!

— Вот именно кошмар. — продолжал Листницкий, — офицеры отгораживались от казаков прежней стеной и в результате казаки все поголовно подпали под

влияние большевиков и сами на 90% стали большевиками. Ведь ясно, что грозных событий нам не миновать... Дни 3 и 5 июля только суровое предостережение всем беспечным... Или нам за Корнилова придется драться с войсками революционной демократии, или большевики, накопив силы и расширив свое влияние, качнут еще одной революцией. У них передышка, концентрация сил, а у нас — расхлябанность... Да разве-же можно так?!. Вот в будущей-то перетряске и пригодится надежный казак...

— Мы без казаков, конечно, ноль без палочки. — вздохнул Долгов.

— Верно, Листницкий!

— Очень даже верно.

— Россия одной ногой в могиле...

— Ты думаешь мы этого не понимаем? Понимаем, но иногда бессильны что-либо сделать. Приказ №1 и «Окопная правда» сеют свои семена.

— А мы любимся на всходы, вместо того чтобы вытоптать их и выжечь дотла! — крикнул Атарщиков.

— Нет не любимся! Мы бессильны!

— Врете, хорунжий! Мы просто нерадивы!

— Неправда!

— Докажите!

— Тише, господа!

— «Правду» разгромили... Керенский задним умом умен...

— Что это базар что-ли? Нельзя-же!

Поднявшийся гул бестолковых выкриков понемногу утих. Командир одной из сотен, с необычайным интересом вслушивавшийся в слова Листницкого, попросил [*слова*] **внимания.**||

<Л. 10 об.>

80.

— Я предлагаю дать возможность есаулу Листницкому закончить.

— Просим!

Листницкий, потирая кулаками острые углы колен, продолжал:

— Я говорю, что тогда, т.е. в будущих боях, в гражданской войне, — я только сейчас понял, что она неизбежна, — и понадобится верный казак. Надо биться и отвоевать его у комитетов, тяготеющих к большевикам. В этом кровная необходимость. Ведь в случае новых потрясений казаки 1 и 4 полков перестреляют своих офицеров...

— Ясно!

— Церемониться не будут!

— ...И на их опыте, очень горьком, к слову сказать, должны мы учиться. Казаков 1 и 4 полков, — хотя впрочем какие они теперь казаки? — в будущем придется вешать через одного, а то и просто свалить всех... Сорную траву из поля вон! Так давайте-же удержим своих казаков от ошибок, за которые им придется в последствии нести расплату.

После Листницкого взял слово тот самый командир сотни, который слушал его с таким исключительным вниманием. Старый кадровый офицер, служивший

в полку девять лет, получивший за войну четыре ранения, он говорил о том, что в прежнее время тяжело было служить. Казачьи офицеры были на задворках, держались в черном теле, движение по службе было слабым и для преобладающей части офицерских кадров чин войскового старшины был посмертным; этим обстоятельством по его словам и объяснялась инертность казачьих верхушек в момент низвержения самодержавия. Но несмотря на это он говорил, что надо всемерно поддержать Корнилова, прочнее связавшись с ним через Совет союза казачьих войск и Главный комитет офицерского союза.

— Пусть Корнилов будет диктатором, для казачьих войск это спасение. При нем мы, может быть, будем даже лучше жить, чем при царе.

Время утекло далеко за полночь. Над городом простая, белесая, в расплаченных космах облаков стояла ночь. Из окна виден был чугунно темный шпиц Адмиралтейской башни и желтый половодный разлив огней.

Офицеры проговорили до рассвета. Решено было в неделю три раза проводить с казаками беседы на политические темы, взводным офицерам было вменено в обязанность ежедневно заниматься со взводами гимнастикой и читкой, для того чтобы заполнить свободное время и вырвать умы казаков из разлагающей атмосферы политики. Перед уходом пели «Тихий Дон», допивали десятый самовар, под звон стаканов шуточные произносились тосты. И уже совсем перед [уходом] **концом** Атарщиков, пошептавшись с Долговым, [попросил внимания] **крикнул**:

— Сейчас в виде десерта угостим мы вас старинной казачьей. А, ну, потише, да окошко-бы открыть, а то уж больно накурено.

Два голоса, обветренный, ломкий бас Долгова и мягкий необычайно приятный тенор Атарщикова вначале сшибались, путались, у каждого был свой темп песни, но под конец голоса буйно сплелись, звучали покоряюще-красиво.

...Но и горд наш Дон, Тихий Дон наш батюшка;
Басурманину он не кланялся, у Москвы, как жить не спрашивался.||

<Л. 11>

81.

А с Туретчиной ох, да по потелице шашкой острою век здоровался...
А из года в год степь донская, наша матушка, за пречистую мать богородицу, да за веру свою православную,
Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала со супостатами...

Атарщиков, скрестив на коленях пальцы, на высоких тонах вел песню, за все время ни разу не сбился, несмотря на то что варьируя он далеко оставлял за собой напористый бас Долгова, с виду был необычайно суров и лишь под конец Листницкий заметил, как через коричневатый кургашек родинки на глазу сбежала у него холодно сверкнувшая слезинка.

После того, как офицеры чужих сотен разошлись, а оставшиеся улеглись спать, Атарщиков подсел на койку Листницкого, турсуча голубые вылинявшие подтяжки на выпуклом заслоне груди зашептал:

— Ты понимаешь, Евгений... Я до чертиков люблю Дон, весь этот старый, веками складывавшийся уклад казачьей жизни, люблю казаков своих, казачек, все

люблю! От запаха степного полынка мне хочется плакать... И вот еще, когда цветет подсолнух и над Доном пахнет смоченными дождем виноградниками... так глубоко и больно люблю... ты поймешь... А вот теперь думаю, не околпачиваем-ли мы вот этих самых казаков? На эту-ли стежку хотим мы их завернуть?..

— О чем ты? — настороженно спросил Листницкий.

Из-под воротника белой сорочки Атарщикова наивно, по юношески трогательно смуглела шея. Над коричневой родинкой тяжело висел синий ободок века, в профиле лица виден был увлажненный свет одного полузакрытого глаза.

— Я думаю, надо-ли казакам это?

— А что-же в таком случае им надо?

— Не знаю... Но почему они так стихийно отходят от нас? Революция словно разделила нас на овец и козлиц, наши интересы как-будто расходятся...

— Видишь-ли, — осторожно начал Листницкий — тут сказывается разница в восприятии событий. За нами больше культуры, мы можем критически оценивать тот или иной факт, а у них все примитивней, проще. Большевики вдалбливают им в головы, что надо войну кончать, вернее превращать ее в гражданскую. Они травливают казаков на нас, а так как казаки устали, в них больше животного, нет того нравственного крепкого сознания долга и ответственности перед родиной, что есть у нас, то вполне понятно, — это находит благоприятную почву. Ведь что такое для них родина? Понятие во всяком случае абстрактное. «Область||

<Л. 11 об.>

82.

войска Донского от фронта далеко и немец туда не дойдет» — так рассуждают они. В этом-то вся и беда. Нужно правильно растолковать им какие последствия влечет за собой превращение этой войны в войну гражданскую.

Листницкий говорил подсознательно чувствуя, что слова его не доходят до цели и что Атарщиков сейчас закроет перед ним створки своей душевной раковины. Так и [случилось] произошло: Атарщиков что-то промычал невнятное, долго еще сидел молча и Листницкий хотя и пытался, но не мог разобраться в каких потемках мысленно бродит сейчас умолкший товарищ. «Надо-бы дать ему высказаться до конца...» — с сожалением подумал он.

Атарщиков пожелал спокойной ночи, так и ушел, не сказав больше ни слова. На минуту потянулся к искреннему разговору, приподнял краешек той черной завесы неведомого, которой каждый укрывается от [людей] других, и вновь опустил ее.

Неразгаданность чужого, сокровенного досадно волновала Листницкого. Он покурил, полежал немного, напряженно глядя в серую ватную темень и неожиданно вспомнил Аксинью, дни отпуска заполненные до краев ею. Уснул примиренный думами и случайными, отрывочными воспоминаниями о женщинах, чьи пути скрещивались когда-то с его путями.

12.

В сотне Листницкого был казак Букановской станицы Лагутин Иван. По первым выборам он прошел в члены полкового Военно-революционного комитета, до прихода полка в Петроград ничем особым себя не проявлял, но в последних числах июля взводный офицер сообщил Листницкому, что Лагутин бывает в военной секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, связан наверное с Советом, так как замечалось, что ведет он частые беседы с казаками своего взвода и влияет на них с отрицательной стороны. В сотне два раза были случаи отказа от назначения в караулы и разъезда, взводный офицер приписывал эти случаи воздействию на казаков Лагутина.

Листницкий решил, что ему необходимо какнибудь поближе узнать Лагутина, прошупать его. Вызывать казака на откровенный разговор было глупо и неосторожно, поэтому Листницкий решил выжидать. Случай представился скоро. В конце июля третий взвод по наряду должен был ночью нести охрану улиц, прилегающих к Путиловскому заводу.

— Я поеду с казаками. — предупредил взводного офицер Листницкий. — Передайте чтобы мне оседлали вороного.

Листницкий имел двух лошадей, «на всякий случай», как говорил он. Одевшись при помощи вестового он спустился во двор. Взвод был на конях.||

<Л. 12>

83.

В мглистой, [*прошитой*] **вышитой** огнями темноте проехали несколько улиц. Листницкий нарочно отстал, окликнул сзади Лагутина. Тот подъехал, поворачивая свою невзрачную лошаденку сбоку выжидаяще поглядел на есаула.

— Что нового у вас в комитете? — спросил Листницкий.

— Ничего нету.

— Ты какой станицы, Лагутин?

— Букановской.

— Хутора

— С самой станицы.

Теперь лошади их шли рядом. Листницкий при свете фонарей искоса посматривал на бородатое лицо казака. У Лагутина из-под фуражки виднелись гладкие зачесы волос, на худых щеках неровная куделилась бородка, умные с хитринкой глаза сидели глубоко прикрытые выпуклыми надбровными дугами.

«Простой с виду, постный, а что у него за душой? Наверное ненавидит меня, как и все, что связано со старым режимом, с "палкой капрала"... — подумал Листницкий и почему-то захотелось узнать о прошлом Лагутина.

— Семейный?

— Так точно. Жена и двое детишков.

— А хозяйство?

— Какое у нас хозяйство... — насмешливо, с ноткой сожаления сказал Лагутин. — Живем ни шатко ни валко. Бык на казака, а казак на быка, так всю жисть и крутимся... Земля-то у нас песчаная. — подумав сурово добавил он.

Листницкий когда-то ехал на станцию Себряково через Букановскую. Он живо вспомнил эту глухую, улегшуюся на отшибе от большого шляха, станицу, с юга прикрытую ровнехоньким неокидным лугом, опоясанную капризными извилами Хопра. Тогда еще [от Еланского] с гребня, от Еланской грани, верст за двенадцать увидел он зеленое марево садов в низине, белый обглоданный мосол высокой колокольни.

— Супесь у нас. — вздохнул Лагутин.

— Домой наверное хочется, а?

— Как-же, господин есаул, конечно гребтится поскорей возвратиться. Нуждишки не мало приняли за войну.

— Едва ли, брат, скоро придется вернуться...

— Придется.

— Войну-то не кончили ведь.

— Скоро прикончат. По домам скоро. — Упрямо настаивал Лагутин.

— Еще между собой придется воевать. Ты как думаешь?

Лагутин не поднимая от луки опущенных глаз помолчал, спросил:

— С кем воевать?

— Мало-ли с кем... Хотя-бы с большевиками.

И опять надолго замолчал Лагутин, словно задремал под четкий плясовой звяк копыт. Ехали молча минуты три. Лагутин медленно расстановливая слова сказал.

— Нам с ними нечево делить.

— А землю?

— Земли на всех хватит.

— Ты знаешь к чему стремятся большевики?

— Трошки припадало слышать...||

<Л. 12 об.>

84.

— Так что-же, по-твоему, делать, если большевики будут итти на нас с целью захвата наших земель, с целью порабощения казаков? С германцами ведь ты воевал, защищал Россию?

— Германец — дело другое.

— А большевики?

— Што-ж, господин есаул, — видимо решившись заговорил Лагутин, поднимая глаза, [встречаясь с] **настойчиво разыскивая** [взглядом] **взгляд** Листницкого, — большевики последнюю землишку у меня не возьмут. У меня в акурат один пай, им моя земля без надобности... А вот, к примеру, вы не обижайтесь только, у вашего папаши десять тыщев десятин...

— Не десять, а четыре.

— Ну, все одно, хучь и четыре, рази мал кусок? Какой-же это порядок, можно сказать? А кинь по России — таких как ваш папаша очень даже дюже много... И так рассудите, господин есаул, што каждый рот куска просит. И вы желаете кушать и другие всякие люди тоже желают исть. Это ить один цыган приучал кобылу не исть, дескать приобыкнет без корму; а она, сердешная, привыкала, привыкала, да на десятыне сутки взяла да издохла... Порядки-то кривые были при

царе, для бедного народа вовсе суковатые... Вашему папаше отрезали вон, как краюху пирога, четыре тыщи, а ить он не в два горла исть, а так-же как и мы, простые люди в одно. Конечно, обидно за народ... Большевики они верно нацеливаются, а вы говорите воевать...

Листницкий слушал его с затаенным волнением. К концу он уже понимал, что бессилён противопоставить какой-либо веский аргумент, чувствовал, что несложными, убийственно-простыми доводами припер его казак к стене и оттого, что заворошилось наглухо упрятанное сознание собственной неправоты — Листницкий растерялся, озлился.

— Ты что-же, — большевик?

— Прозвище тут не при чем, — насмешливо и протяжно ответил Лагутин. — Дело не в прозвище, а в правде. Народу правда нужна, а ее все хоронют, закапывают. Гутарют, што она давно уж упокойница...

— Вот чем начиняют тебя большевики из совдепа... Оказывается недаром ты с ними якшаешься.

— Эх, господин есаул, нас, терпеливых, сама жизнь начинила, а большевики только фитиль подожгут...

— Ты эти присказки брось! Балагурить тут нечего! — уже сердито заговорил Листницкий. — Ответь мне, ты вот говорил о земле моего отца, вообще о помещичьей земле, но ведь это — собственность. Если у тебя две рубахи, а у меня нет ни одной, что-же, по-твоему, я должен отбирать у тебя?

Листницкий не видел, но по голосу Лагутина догадался, что тот улыбается.

— Я сам отдам лишнюю рубаху. И отдавал на фронте не лишнюю, а последнюю, шинель на голом теле носил, а вот землицей што-то никто не прошибется...

— Да ты что, землей не сыт? Не хватает тебе? — повысил Листницкий голос.

В ответ, взволнованно задыхаясь, почти крикнул побелевший Лагутин:||

<Л. 13>

85.

— А ты думаешь, я об себе душой болю? В Польше были, там как люди живут? Видал, аль нет? А кругом нас мужики как живут?.. Я-то видал! Сердце кровью закипает!.. Што-ж, думаешь, мне их не жалко, штоль?.. Я может об этом, об поляке изболелся весь, на ево горькую землю [глядючи] **интересуясь**.

Листницкий хотел сказать что-то едкое, но от серых лобастых корпусов Путиловского завода пронзительный крик «Держи!». Грохотом пробарабанил конский топот, резнул слух выстрел. Взмахнув плетью Листницкий выпустил коня. Они с Лагутиным одновременно подскакали к взводу, сгрудившемуся возле перекрестка. Казаки звеня шашками спешивались, в середине бился схваченный ими человек.

— Что? Что такое? — загремел Листницкий врезываясь конем в толпу.

— Гад какой-то камнем...

— Шибнул и побег.

— Дай ему, Аржанов!

— Ишь ты сволочь! В шиб-прошиб играешь?

Взводный урядник Аржанов, свесившись с седла, держал за шиворот небольшого одетого в черную распоясанную рубаху человека. Трое спешившихся казаков крутили ему руки.

— Ты кто такой? — не владея собой крикнул Листницкий.

Пойманный поднял голову, на мутно белом лице покривясь плотно сомкнулись безмолвные губы.

— Ты кто? — повторил Листницкий вопрос. — Камнями швыряешься мерзавец? Ну? Молчишь? Аржанов...

Аржанов прыгнул с седла, выпустив из рук воротник пойманного, с маху ударил его по лицу.

— Дайте ему! — круто поворачивая коня приказал Листницкий.

Трое, или четверо спешенных казаков валяя связанного человека замахали плетями. Лагутин — с седла долой к Листницкому.

— Господин-есаул!.. Што-ж вы это?!.. Господин-есаул!.. — Он хватал колено есаула шупло дрожащими цепкими пальцами, кричал:

— Нельзя так!.. Человек ить!.. Што вы делаете?!..

Листницкий трогал коня поводьями, молчал. Рванувшись к казакам Лагутин обхватил Аржанова поперек, спотыкаясь, путаясь в шашке ногами пытался его оттащить. Тот сопротивляясь бормотал:

— Ты не гори дюже! Не гори! Он будет камнями шибаться, а ему молчи... Пусти!.. Пусти, тебе добром говорят!..

Один из казаков изогнувшись смахнул с себя винтовку [*приклад*] **прикладом** [*несколько раз жмякнулся о*] **по** мягко [*похрустывавшее*] **похрустывавшему** [*телу*] **телу** поваленного человека. Спустя минуту низкий, животно-дикий крик пополз над мостовой.

— Аааааа!.. Аааыыы-ык!.. ык! ык!.. про-па-да-юуууу!.. — а потом несколько секунд молчания и тот-же голос, но уже ломкий по молодому, захлебывающийся, исшматованный болью, между выхрипами после ударов||

<Л. 13 об.>

86.

закрывался короткими выкриками:

— Сволочи!.. Контр!.. револцнеры!.. Бейте! О-ох!.. А-а-а-а-а!..

«Гак! гак! гак!» — хряпали вперемежку удары.

Лагутин подбежал к Листницкому, плотно прижимаясь к его колену, царапая ногтями крыло седла задохнулся

— Смилуйся!

— Отойди!

— Есаул!.. Листницкий!.. Слышишь? Ответишь!..

— Плевать я на тебя хотел! — засипел Листницкий и тронул коня на Лагутина.

— Братцы! — крикнул тот подбежав к стоявшим в стороне казакам, — Я член полкового ревкома... Я вам приказываю, ослобоните человека от смерти!.. Ответ! Ответ будете держать!.. Не старое время...

Безрассудная слепящая ненависть густо обволокла Листницкого. Плетью коня меж ушей и на Лагутина. Тыча в лицо ему вороненый, провонявший ружейным маслом ствол нагана, прорвался на визг:

— Замолчиини, предатель!.. Большевик! За-стре-лю!..

Величайшим усилием воли оторвал палец от револьверного спуска, вскинул коня на дыбы, ускакал.

Несколько минут спустя следом за ним тронулись три казака. Среди лошадей Аржанова и Лапина волочился не переставляя ног человек в мокрой плотно прилипшей к телу рубахе. Поддерживаемый под руки казаками он тихо покачивался, чертил ногами булыжник. Между высоко вздернутых острых плеч его болталась свешиваясь назад, белея сторчмя поднятым подбородком окровавленная, разбитая в мякоть голова. Поодаль двигался третий казак. На углу освещенного переулка он увидел извозчика, привстав на стремянах зарысил к нему. Что-то коротко сказав выразительно пощелкал по голенищу сапога плетью и извозчик с послушной торопливостью поехал к остановившимся среди улицы Аржанову и Лапину.

На другой день Листницкий проснулся с сознанием совершенной им вчера большой непоправимой ошибки. Покусывая губы, выдыхая изо рта спертый ночной запах он вспомнил сцену избияния человека, бросившего в казаков камнем, и то, что после разыгралось между ним и Лагутиным. Поморщился. Раздумчиво покашлял. Одеваясь думал, что Лагутина трогать пока не надо, во избежание обострения отношений с полковым комитетом, а лучше выждать время, когда в памяти казаков, бывших при этом, выутюжится вчерашняя стычка с Лагутиным и тогда потихоньку убрать его с дороги.

«Что называется, сроднился с казаком...» — горько иронизировал над собой Листницкий, и все последующие дни находился под нехорошим впечатлением происшедшего.

Уже в первых числах августа, в погожий солнечный день Листницкий пошел однажды с Атарщиковым по городу. Между ними, после разговора, происходившего в день собрания офицеров, не было ничего, что могло-бы разрешить создав-||

<Л. 14>

87.

шуюся тогда недоговоренность. Атарщиков был замкнут, вынашивал невысказанные размышления, на повторные попытки Листницкого вызвать его на откровенность, — наглухо запахивал ту непроницаемую завесу, которую привычно носит большинство людей, отгораживая ею от чужих глаз подлинный свой облик. Листницкому всегда казалось, что общаясь с людьми люди хранят под внешним обликом еще какой-то, иной, который порою так и остается неуясненным. Он твердо верил, что если с любого человека соскоблить вот этот верхний покров, то из-под него вышелушится подлинная, нагая, не прикрашенная никакой ложью сердцевина. И поэтому ему всегда, болезненно хотелось узнать, что кроется за грубой, суровой, бесстрастной, благополучной, веселой внешностью разных людей. В данном случае, думая о Атарщикове он догадывался лишь об одном, — что тот мучительно ищет выхода из создавшихся противоречий, увязывает национально-казачье с большевистским. Это предположение понутило

его прекратить попытки к сближению с Атарщиковым, держаться отчужденной.

Они шли по Тверской, изредка перекидываясь незначительными фразами.

— Зайдем перекусить что-нибудь? — предложил Листницкий, указывая глазами на двери ресторана.

— Пожалуй. — согласился Атарщиков.

Они вошли и остановились, оглядываясь с некоторой беспомощностью: все столики были заняты. Атарщиков уже повернулся было уходить, но от столика у окна поднялся внимательно глядевший на них брюзглий, хорошо одетый господин, сидевший в обществе двух дам, подошел вежливо приподнимая котелок.

— Прошу прощения, не угодно-ли занять наш столик? Мы уходим. — Он улыбался, обнажая редкий ряд обкуренных зубов, движением руки приглашал пройти. — Я рад услужить господам-офицерам. Вы — наша гордость.

Дамы, сидевшие за столиком, встали. Одна высокая и черная поправляла прическу, другая помоложе ожидала ее, играя зонтиком.

Офицеры поблагодарили господина, любезно предоставившего им возможность воспользоваться столиком, прошли к окну. Сквозь опущенную штору желтыми иглами втыкались в скатерть истрощенные лучи. Запах кушаний глушил волнующе-тонкий аромат расставленных по столикам живых цветов.

Листницкий заказал ботвинью со льдом, в ожидании задумчиво ошипывал выдернутую из вазы желто-рдяную настурцию. Атарщиков вытирал платком потный лоб, устало опущенные глаза его часто моргая следили за солнечным зайчиком, трепетавшим на ножке соседнего столика. Они еще не кончили закусывать, когда в ресторан шумно разговаривая вошли два офицера. Передний, отыскивая глазами свободный столик, повернул к Листницкому покрытое ровным бурым загаром лицо, в косых черных глазах его сверкнула радость.

— Листницкий! Ты-ли это?.. — направляясь к нему уверенно, без тени стеснения крикнул офицер.

Под черными усами его кипенно сверкнули зубы. Листницкий угадал есаула Калмыкова, следом за ним подошел Чубов. Они обменялись крепкими рукопожатьями. Познакомив бывших||

<Л. 14 об.>

88.

сслуживцев с Атарщиковым, Листницкий спросил:

— Какими судьбами сюда?

Калмыков покручивая ус кивнул головой назад, кося глазами по сторонам сказал.

— Командированы. После расскажу. Ты о себе повествуи. Как живется в 14 полку?

Вышли они вместе. Калмыков и Листницкий отстали, свернули в первый переулок и через полчаса миновав шумную часть города шли вполголоса разговаривая, опасливо поглядывая вокруг.

— Наш 3 корпус находится в резерве Румынского фронта. — Оживленно рассказывал Калмыков, — Недели полторы назад получаю от командира полка предписание, сдав сотню совместно с хорунжим Чубовым отправляться в распо-

ряжение штаба дивизии. Чудесно. Сдаю. Приезжаем в штаб дивизии. Полковник М., из оперативного отделения, ты его знаешь, конфиденциально мне сообщает, что я немедленно должен выехать к генералу Крымову. Едем с Чубовым в корпус. Крымов принимает меня, а так как он знает кого из офицеров к нему посылают, то прямо заявляет следующее: У власти люди сознательно ведущие страну к гибельному концу, необходима смена правительственной верхушки, быть-может даже замена Временного правительства военной диктатурой. Назвал Корнилова, как вероятного кандидата, потом предложил мне отправиться в Петроград, в распоряжение Главного комитета офицерского союза. Теперь здесь сгруппировано несколько сот надежных офицеров. Ты понимаешь в чем заключается наша роль? Главный комитет офицерского союза работает в контакте с нашим Советом союза казачьих войск, на узловых станциях и в дивизиях организует ударные батальоны. Все это в недалеком будущем пригодится...

— Во что-же выльется? Как ты думаешь?

— Вот тебе раз! Неужели живя здесь вы не уяснили обстановку? Несомненно будет правительственный переворот, у власти станет Корнилов. Армия ведь за него горой! У нас там думают так: две равнозначущих [*стороны*] это Корнилов и большевики. Керенский между двумя жерновами, не тот так другой его сотрет. Пусть себе спит пока на постели Алисы. Он калиф на час. — Калмыков помолчал и раздумчиво играя темляком шашки сказал — Мы в сущности пешки на шахматном поле, а пешки ведь не знают куда пошлет их рука игрока... Я, например, не представляю всего, что творится в Ставке. Знаю, что между генералитетом: Корниловым, Лукомским, **Романовским**, Крымовым, Деникиным, Калединым, Эрдели и многими другими есть какая-то таинственная связь, договоренность...

— Но армия... Пойдет-ли вся армия за Корниловым? — спросил Листницкий все убыстряя шаги.

— Солдатня конечно не пойдет, мы поведем ее.

— Ты знаешь, что Керенский под давлением левых хочет сместить Верховного?

— Не посмеет! Завтра-же поставят его на колени. Главный комитет офицерского союза довольно категорически высказал ему свой взгляд на это.

— Вчера к нему от Совета союза казачьих войск были делегированы представители — Улыбаясь говорил Листницкий, — Они заявили, что казачество не допускает и мысли о смещении Корнилова. И ты знаешь, что он ответил? «Это — инсинуации, ничего подобного Временное прави-||

<Л. 15>

89.

тельство и не думает предпринимать». Успокаивает общественность и в то же время, как б.... улыбается исполкому совдепа.

Калмыков на ходу достал полевую офицерскую книжку, прочитал вслух: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России считает преступным и присоединяет свой голос к голосу офицеров, Георгиевских кавалеров и казаков. В грозный час тяжелого испытания

вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой. Да поможет Вам бог в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России. Род-зянко». Ясно, кажется? Не может быть и речи о смещении Корнилова. Да, кстати, ты видел вчера его приезд?

— Я только ночью приехал из Царского Села.

Калмыков улыбнулся, разом оголив ровный навес зубов и розовые здоровые десны. Узкие глаза его сморщились, излучив от углов несчетное множество паутинно-тонких морщин.

— Классически! Охрана — эскадрон текинцев. Пулеметы на автомобилях. Все это к Зимнему дворцу. Довольно недвусмысленное предупреждение, кхакха-кха! Видел-бы ты эти рожи в косматых папахах. О, на них стоит посмотреть. Своеобразное производят впечатление.

Поколесив по Московско-Нарвскому району офицеры расстались.

— Нам, Женя, надо не терять друг друга из виду. — Говорил на прощанье Калмыков, — Лихое наступает время. Держись за землю, а то упадешь!

Вслед уходившему Листницкому крикнул он став вполоборота.

— Забыл тебе сказать, Меркулова нашего помнишь? Художника-то?

— Ну?

— Убили в мае.

— Не может быть!

— Да ведь как убили, нечаянно. Глупее смерти и быть не может. В руках у разведчика разорвалась граната, самому ему по локти оторвало руки, а от Меркулова нашли мы лишь часть внутренностей, да раздробленный цейс. Три года щадила смерть...

Калмыков еще что-то кричал, но поднявшийся ветер взвихрил серую пыль, нес лишь безголосые концы слов. Листницкий махнул рукой, пошел изредка оглядываясь.

13.

6го августа начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Лукомский через первого генерал-квартирмейстера Ставки генерала Романовского получил распоряжение о сосредоточении в районе Невель-Н. Сокольники-Великие Луки 3го конного корпуса с Туземной дивизией.

— Почему в данном районе? Ведь части эти в резерве румынского фронта? — спросил озадаченный Лукомский.

— Не знаю, Александр Сергеевич. Передаю вам точно приказание Верховного.

— Когда вы его получили?

— Вчера. В одиннадцать часов ночи Верховный вызвал меня и приказал доложить вам об этом сегодня утром.

Романовский ступая на носки походил над окном и остановившись у стратегической карты Средней Европы, занявшей полстены||

<Л. 15 об.>

90.

в кабинете Лукомского, сказал стоя спиной к нему, с преувеличенным вниманием разглядывая карту:

— Вы объяснитесь... Он сейчас у себя.

Лукомский взял со стола бумаги, отодвинув кресло пошел той подчеркнутой твердой походкой, которой ходят все полнеющие пожилые военные. В дверях, пропуская вперед себя Романовского, сказал, очевидно следя за ходом собственных мыслей. — Правильно. Да.

От Корнилова только что вышел незнакомый Лукомскому высокий голенастый полковник. Он почтительно уступил дорогу, пошел по коридору, заметно прихрамывая, смешно и страшно дергая контуженным плечом.

Корнилов чуть наклонившись вперед, опираясь о стол косо поставленными ладонями говорил стоявшему против него пожилому офицеру:

— ...Надо было ожидать. Вы меня поняли? Прошу известить немедленно по прибытии в Псков. Можете итти.

Выждав пока за офицером закрылась дверь Корнилов молодым упругим движением опустился на кресло, подвигая Лукомскому второе спросил.

— Вы получили от Романовского мое распоряжение о переброске 3го корпуса?

— Да. Я пришел поговорить по этому поводу. Почему вами избран указанный район сосредоточения для корпуса?

Лукомский внимательно смотрел на смуглое лицо Корнилова. Оно было непроницаемо, азиатски [*спокойно*] **бесстрастно**¹; по щекам, от носа к черствому рту, закрытому негустыми вислыми усами, привычно-знакомые, кривые ниспадали морщины. Жесткое строгое выражение лица нарушала лишь косичка волос, как-то по-ребячески трогательно спускавшаяся на лоб.

Облокотившись, придерживая маленькой, сухой ладонью подбородок Корнилов сощурил монгольские с ярким [*углевым*] блеском глаза, ответил, касаясь рукой колена Лукомского:

— Я хочу сосредоточить конницу не специально за Северным фронтом, а в таком районе, откуда в случае надобности легко было-бы ее перебросить на Северный или Западный фронт. По моему, выбранный район наиболее удовлетворяет этому требованию. Вы мыслите иначе? Что?

Лукомский неопределенно пожал плечами.

— Опасаться за Западный фронт нет никаких оснований. Лучше сосредоточить конницу в районе Пскова.

— Пскова? — переспросил Корнилов всем корпусом наклоняясь вперед, и поморщась, чуть осервив тонкую выцветшую губу, отрицательно качнул головой.

— Нет, район Пскова неудобен.

Усталым старческим движением Лукомский положил на ручки кресла ладони, осторожно выбирая слова сказал:

— Лавр Георгиевич, я сейчас-же отдам необходимые распоряжения, но у меня создалось впечатление, что вы что-то не договариваете... Выбранный вами район

¹ Вписано рукой переписчика; в черновом автографе «спокойно».

для сосредоточения конницы очень хорош на случай если б ее надо было бросить на Петроград, или Москву, но Северный фронт подобное размещение конницы не обеспечивает, уже по одному тому, что ее трудно будет перебрасывать. Если я не ошибаюсь и вы действительно что-то не договариваете, то прошу — или отпустите меня на фронт, или полностью скажите мне ваши предположения. Начальник штаба может оставаться на своем месте лишь при полном доверии со стороны начальника.

Корнилов склонив голову напряженно вслушивался и все-же, простым человеческим глазом успел заметить как бесстрастное с виду лицо Лукомского волнение испятнило еле видимым, скупым румянцем. Подумав несколько секунд он ответил:||

<Л. 16>

91.

— Вы правы. У меня есть некоторые соображения, относительно которых я с вами еще не говорил... Прошу отдать распоряжение о перемещении конницы и срочно вызовите сюда командира 3го корпуса генерала Крымова, а мы с вами подробно переговорим после возвращения из Петрограда. От вас, Александр Сергеевич, поверьте я ничего не хочу скрывать. — подчеркнул Корнилов последнюю фразу и с живостью повернулся на стук в дверь. — Войдите.

Вошли комиссар при Ставке Филоненко, с ним низкорослый белесый генерал. Лукомский поднялся, уходя слышал, как на вопрос Филоненко Корнилов резко сказал:

— Сейчас у меня нет времени пересматривать дело генерала Маллера. Что? Да, я уезжаю.

Вернувшись от Корнилова Лукомский долго стоял у окна. Поглаживая сидящий клин бородки задумчиво глядел, как в саду ветер зализывает густые вихры каштанов и волною гонит просвечивающую на солнце, горбатую траву.

Через час штаб 3го конного корпуса получил приказание от штабверха изготовиться к перемещению. В этот же день шифрованной телеграммой командир корпуса генерал Крымов, в свое время по желанию Корнилова отказавшийся от назначения на должность командующего 11^й армией, срочно вызывался в Ставку.

9го августа Корнилов, под охраной эскадрона текинцев специальным поездом выехал в Петроград.

На другой день в Ставке передавались слухи о смещении и даже аресте Верховного, но 11го утром Корнилов вернулся в Могилев.

Сейчас-же по приезду он пригласил к себе Лукомского. Перечитав телеграммы и сводки он заботливо поправил безукоризненно белую манжету, сочно оттенявшую оливковую узкую кисть руки, коснулся воротника. В этих торопливо скользящих движениях сказывалось необычайное для него волнение.

— Сейчас мы можем докончить прерванный тогда разговор. — **сказал он негромко.** — Я хочу вернуться к тем соображениям, которые понудили меня передвигать 3^й корпус к Петрограду и относительно которых я с вами еще не говорил. Вы знаете, что 3го августа когда я был в Петрограде на заседании правительства,

Керенский и Савинков предупредили меня, что-бы я не касался особо важных вопросов обороны, так как, по их словам, среди министров есть люди ненадежные. Я, Верховный Главнокомандующий, отчитываясь перед правительством не могу говорить об оперативных планах, ибо нет гарантий, что сказанное не будет через несколько дней известно германскому командованию. И это — правительство? Да разве я могу после этого верить, что оно спасет страну?.. — Корнилов быстрыми твердыми шагами дошел до двери, запер ее на ключ и вернувшись, взволнованно расхаживая над столом сказал: — Горько и обидно, что какие-то слизняки [*а не люди*] правят страной. Безволие, слабохарактерность, неумение, нерешительность, зачастую простая подлость — вот что руководит действиями этого, с позволения сказать, «правительства». При благосклонном участии таких господ||

<Л. 16 об.>

92.

как Чернов и другие, большевики сметут Керенского. [*Известно-ли вам Александр Сергеевич*]¹ Вот, Александр Сергеевич, в каком положении находится Россия. Руководствуясь известными вам принципами я хочу оградить родину от новых потрясений. 3^й конный корпус я передвигаю главным образом для того, чтобы к концу августа стянуть его к Петрограду и если большевики выступят, то расправиться с предателями родины как следует. Непосредственное руководство операцией передаю генералу Крымову. Я убежден, что в случае необходимости он не задумается перевешать весь Совет рабочих и солдатских депутатов. Временное правительство... Ну, да мы еще посмотрим... Я ничего не ищу. Спасти Россию... Спасти во что-бы то ни стало любой ценой!

Корнилов оборвал шаги, остановившись против Лукомского резко спросил:

— Разделяете вы мое убеждение, что только подобным мероприятием можно обеспечить будущее страны и армии? Пойдете-ли вы со мной до конца?

Крепко, растроганно пожимая сухую горячую руку Корнилова Лукомский привстал.

— Вполне разделяю ваш взгляд. Пойду до конца. Надо обдумать, взвесить и ударить. Поручите мне, Лавр Георгиевич.

— План разработан мною. Детали разработают полковник Лебедев и капитан Роженко. Ведь вы, Александр Сергеевич, завалены работой. Доверьтесь мне, у нас еще будет время обсудить все и если явится необходимость, — внести соответствующие изменения.

Эти дни Ставка жила лихорадочной жизнью. Ежедневно в губернаторский дом в Могилеве с предложением услуг являлись с фронтов из различных частей, в пропыленных защитных гимнастерках, загорелые и обветрившие офицеры, приезжали щеголеватые представители офицерского Комитета и казачьего Совета, шли гонцы с Дона от Каледина — первого из казаков войскового наказного Атамана Области Войска Донского; наезжали какие-то штатские. Шли люди искренно хотевшие помочь Корнилову поднять на ноги упавшую в феврале старую

¹ Фраза в черновом автографе отсутствует.

Россию, но были и стервятники, дальним нюхом чувявшие запах большой крови, предугадывавшие чья твердая рука вскроет стране вены, слетавшиеся в Могилев с надеждой, что и им придется кое-что урвать. Имена Добрынского, Завойко, Аладына повторялись в Ставке, как имена людей имеющих близкое отношение к Верховному. В Ставке и штабе походного Атамана донского войска вполголоса передавалось, что Корнилов черезчур доверчив, вследствие чего попал в авантюрное окружение. Но в тоже время в широких кругах офицерства господствовало убеждение, что Корнилов — знамя восстановления России. И под это знамя стекались отовсюду **страстно желавшие реставрации.**

13го августа Корнилов выехал в Москву на Государственное совещание.

Теплый чуть облачный день. Небо словно отлито из голубоватого алюминия. В зените поярчатая, в сиреневой опушке туча. Из тучи на поля, на стрекочущий по рельсам поезд, на сказочно оперенный заморозками лес, на далекие акварельно чистого рисунка контуры берез, на всю одетую вдовьим цветом предосеннюю землю — косой, преломленный в отсветах радуги, благодатный дождь.

Поезд мечет назад пространство. За поездом рудым шлейфом дым. У открытого окна вагона маленький, в защитном мундире с Георгиями, генерал. Сузив косые углисто черные глаза, он высовывает в окно голову и парные капли дождя щедро мочат его покрытое давнишним загаром лицо и черные вислые усы, ветер шевелит, зачесывает назад по ребячески спадающую на лоб прядку волос.||

Лихий Дед

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

АВТОРИЗОВАННЫЙ СПИСОК. Фрагмент (Ф.143. Оп.9. Ед. хр.6); 68 лл. (в общий листаж входит монтированная на отдельный лист вклейка (л. 29 а), ранее располагавшаяся в нижней части 57 страницы; ко времени реставрационных работ клей, с помощью которого вклейка крепилась к тексту рукописи, утратил свои адгезионные свойства, в связи с чем было принято решение отделить ее от основы и монтировать на чистый лист специальной бумаги); нумерация страниц с 1 по 134. Главы с 1 по 23; начало 24 главы (деление на главы то же, что и в опубликованном тексте пятой части романа). Датируется 1927 — весной 1928 гг.

Лл. 1–60 (до слов «Иван Алексеевич неодобрительно покачал головой...»), 61 лиц., 62–64, 67 (со слов «После нескольких лет исчезновения...») и до конца — авторизованный список рукой А.П. Громославской.

Лл. 60 (со слов «Иван Алексеевич неодобрительно покачал головой...»), 61 об., 65–67 (до слов «После нескольких лет исчезновения...») — авторизованный список рукой М.П. Шолоховой..

<Л. 1>

Тихий Дон

роман

Часть пятая.

1.

1.

Глубокой осенью 1917 года стали возвращаться с фронта казаки. Пришел старейший Христоня и еще трое казаков, служивших с ним в 52 полку, вернулись отставший по чистой, по прежнему голощекий Аникушка, батарейцы Томилин Иван и Яков Подкова, за ними — Мартин Шамиль, Иван Алексеевич, Захар Королев нескладно-длинный Борщев: в декабре неожиданно появился Митька Коршунов, спустя неделю — целая партия казаков, бывших в 12 полку: Мишка Кошевой, Прохор Зыков, сын старика Кашулина Андрей Кашулин, Епифан Максаев, Синилин Егор. На красивейшем буланом коне, взятом у австрийского офицера, приехал прямо из Воронежа [*отбившийся*] **отставший** от своего полка калмыковатый Федот Бодовсков, и после долго рассказывал, как пробивался он через взбаломученные революцией деревни Воронежской губернии и уходил из под носа красногвардейских отрядов, полагаясь на резвость своего коня. Следом за ним явились уже из Каменской бежавшие из обольшевиченного 27 полка Меркулов, Петро Мелехов и Николай Кошевой. Они-то и принесли в хутор известие, что Григорий Мелехов, служивший последнее время во 2ом запасном полку, подался на сторону большевиков, остался в Каменской. Там-же в 27 полку прижился бесшабашный — в прошлом — конокрад Максимка Грязнов, привлеченный к большевикам новизною наступивших смутных времен и возможностями привольно пожить. Говорили про Максимку, что обзавелся он [*чорт его знает, где*

добытым] конем невиданной уродливости, и столь-же невиданной лютой резвости; говорили, что у Максимкиного коня через всю спину протянулся природный, серебряной [масти] шерсти ремень, а сам конь невысок, но длинен и масти прямо-таки бычино-красной. Про Григория мало говорили; не хотели говорить, зная, что разбились у него с хуторными пути, а сойдутся-ли вновь — не видно.

Курени, куда вернулись казаки хозяевами, или жданными гостями, полнились радостью. Радость-то эта резче, [и] безжалостней подчеркивала глухую прижившуюся тоску тех, кто навсегда потерял родных и близких. Многих не досчитывались казаков, растерялись они на полях Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, Прикарпатья, Румынии, трупами легли и истлели под орудийную панихиду, и теперь, позаросли бурьянком высокие холмы братских могил, придавило их дождями, позамело сыпучим снегом и сколько не будут простоволосые казачки выбегать на проулки и глядеть из-под ладоней — не дожидаться милых сердцу, сколько не будет из опухших||

<Л. 1 об.>

2.

и выцвевших глаз ручьиться слез — не замыть тоску, сколько не голосить в дни годовщин и поминок — не донесет восточный ветер криков их до Галиции и Восточной Пруссии, до осевших холмиков братских могил.

Травой зарастают могилы, — давностью зарастает боль. Ветер зализал следы ушедших, время залижет и кровяную боль и память тех, кто не дождался родимых и не дождетя, потому что коротка человеческая жизнь и немного всем нам суждено истоптать травы.

Билась головой о жесткую землю жена Прохора Шамиля, грызла земляной пол зубами, нагледевшись, как ласкает вернувшийся брат покойного мужа Мартин Шамиль свою обсемененую беременную жену, детям раздает подарки и нянчит их. Билась баба и ползала в корчах по земле, а около в овечью кучу гуртились детишки, [и] выли, глядя на мать захлебнувшимися в страхе глазами.

Рви, родимая, на себе ворот последней рубахи, рви жидкие от безрадостной тяжкой жизни волосы, кусай свои в кровь искусанные губы, ломай изуродованные работой¹ руки и бейся на земле у порога пустого куреня. Нет у твоего куреня хозяина, нет у тебя мужа, у детишек твоих отца, и помни, [ни на минуту не забывай,] что никто не приласкает ни тебя, ни твоих сирот, никто не избавит тебя от непосильной работы и нищеты, никто не прижмет к груди твою голову ночью, когда упадешь ты раздавленная усталю, и никто не скажет тебе, как когда-то говаривал он: «не горюй Аниська, проживем!» Не будет у тебя мужа, потому что высушили и издурнили тебя работа, нужда, [и] дети; не будет у твоих полуголых, сопливых детей отца; сама будешь² пахать, [и] волочить, [сама будешь] задыхаясь от непосильного напряжения, скидывать с косилки³, [сама будешь что-то внизу] метать на воз, поднимать на тройчатках тяжелые вороха пшеницы и чувст-

¹ ППС: «изуродованные работой ломай».

² ППС: «будешь сама».

³ ППС: «скидывать с косилки, задыхаясь от непосильного напряжения».

вовать как рвется [у] **что-то внизу** живота, а потом будешь корчиться, накрывшись лохунами, и исходить кровью.

Перебирая старое бельишко Алексея Бешняка, плакала мать, точила горькие скупые слезы, приняховалась, но лишь последняя рубаха, привезенная Мишкой Кошевым, таила в складках запах сыновьего пота; и припадая к ней головой качалась старуха, жалостно причитала [*мочила*] **узорила** клейменную, бязевую, грязную рубаху слезами.

Осиротели семьи Маныцкова, Афоньки Озерова, Евлантия Калинина, Лиховидова, Ермакова и других казаков.

Но лишь по одному Степану Астахову никто не плакал, — некому было. Пустовал его забитый дом, полуразрушенный и мрачный даже в летнюю пору. Акси-нья жила в Ягодном, [*и*] попрежнему в хуторе о ней слышали мало, а она в хутор не заглядывала, не тянуло, знать.

Казаки верховых станиц Донецкого округа шли домой||

<Л. 2>

3.

земляческими валками. В хутора Вешенской станицы в декабре почти полностью вернулись фронтовики.

Через хутор Татарский день и ночь тянулись шайки верховых человек по 10–40, направляясь на левую сторону Дона.

— Откуда, служивые? — выходя спрашивали старики.

— С Черной речки.

— С Зимовной.

— С Дубровки.

— С Решетовского.

— Дударевские.

— Гороховские.

— Алимовские. — звучали ответы.

— Навоевались, што-ль? — ехидно пытали старики.

Иные фронтовики совестливые и смирные улыбались:

— Хватит, отцы, навоевались!

— Нуждишки приняли, гребемся домой.

А те, которые поотчаянней, позлей, матерно ругались, советовали:

— Пойди-ка ты, старый, потрепи хвост.

— Чево допытываешься? Какова тебе надо?

— Вас тут много шептунов!

В конце зимы под Новочеркасском уже [*росли*] **завязывались** зачатки гражданской войны, а в верховьях Дона, в хуторах и станицах кладбищенская покоилась тишина. В куренях лишь шла скрытная, иногда прорывавшаяся наружу, семейная междоусобица: старики не ладили с фронтовиками.

О войне, закипавшей под стольным градом Области Войска Донского, знали лишь по наслышке; смутно разбираясь в возникавших политических течениях выжидали событий, прислушивались.

До января и на хуторе Татарском жили тихо. Вернувшиеся с фронта казаки отдыхали возле жен, отъедались, не чуяли, что у порогов куреней караулят их горшие беды и тяготы, чем те, которые приходилось переносить на пережитой войне.

2.

Мелехов Григорий в январе 1917 года был произведен за боевые отличия в хорунжие, [и] назначен во 2 запасный полк взводным офицером.

В сентябре он, после того, как перенес воспаление легких, получил отпуск; прожил дома полтора месяца, оправился после болезни, прошел окружную врачебную комиссию и вновь был послан в полк. После Октябрьского переворота получил назначение на должность командира сотни. К этому времени можно приурочить и тот перелом в его настроениях, который произошел с ним вследствие происходивших вокруг событий и отчасти под влиянием знакомства с [одного] одним из офицеров полка [сотника] сотником [Ефима] Ефимом [Изварина] Извариным.

С Извариным Григорий познакомился в первый день, пос-||

<Л. 2 об.>

4.

ле приезда из отпуска, после постоянно сталкивался с ним на службе и вне службы, и незаметно для самого себя подпал под его влияние

Ефим Изварин был сыном зажиточного казака Гундоровской станицы, образование получил в Новочеркасском юнкерском училище, по окончании его отправился на фронт в 10ый донской казачий полк, прослужил в нем около года, получил, как он говаривал «офицерский Георгий на грудь и четырнадцать осколков ручной гранаты во все подходящие и неподходящие места», и попал для завершения недолгой своей служебной карьеры во 2 запасный.

Человек недюжинных способностей, несомненно одаренный, образованный значительно выше той нормы, которую обычно не переростало казачье офицерство, Изварин был заядлым казаком-националистом. Февральская революция встряхнула его, дала возможность развернуться и он, связавшись с казачьими кругами самостийного толка, умело повел агитацию за полную автономию Области Войска Донского, за установление того порядка правления, который существовал на Дону еще до порабощения казачества Великороссией. Он превосходно знал историю, носил горячую голову, но [обладал ясным и трезвым умом] умом был ясен и трезв, покоряюще-красиво рисовал будущую привольную жизнь на родимом Дону, когда править будет державный Круг, когда не будет в пределах Области ни одного русака и казачество, имея на своих правительственных границах пограничные посты, будет, как с равными, не ломая шапок говорить с Украиной и Великороссией, и вести с ними торговлю и мену. Кружил Изварин головы простодушным казакам и малообразованному офицерству, под его влияние подпал и Григорий. Вначале происходили у них горячие споры, но полуграмотный Григорий был безоружен по сравнению со своим противником и Изварин, играючись, разбивал его в словесных боях. Спорили обычно где-либо в

углу казармы, при чем сочувствие слушателей клонилось всегда на сторону Изварина. Он импонировал казакам своими рассуждениями, [и изображая] **вычерчивая** картины будущей независимой жизни трогая наиболее сокровенное, лелеемое большей частью зажиточного низового казачества.

— Как-же мы без России будем жить, ежели у нас окромя пшеницы ничего нету? — спрашивал Григорий.

Изварин терпеливо разъяснял:

— Я не мыслю самостоятельного и обособленного существования одной донской области. На основах федерации, т.е. объединения, мы будем жить совместно с Кубанью, Терекон и горами Кавказа. Кавказ богат||

<Л. 3>

5.

минералами, там мы найдем все.

— А каменный уголь?

— У нас под рукой Донецкий бассейн.

— Но ить он принадлежит России!

— Кому он принадлежит и на чьей территории находиться — это еще вопрос спорный. Но даже в том случае, если Донецкий бассейн отойдет России, мы очень мало теряем. Наш федеративный союз будет базироваться не на промышленности, по характеру мы край аграрный, а раз так, то для того, чтобы насытить нашу небольшую промышленность углем — мы будем закупать его в России. И не только уголь, но и многое другое нам придется покупать у России: лес, производства металлической промышленности, уголь и пр., а взамен будем снабжать их высокосортной пшеницей, нефтью.

— А какая нам выгода отделяться?

— Прямая. Прежде всего избавимся от политической опеки, восстановим свои уничтоженные русскими царями порядки, выселим всех пришлых иногородних, в течении десяти лет, путем ввоза из-за границы машин, так поднимем свое хозяйство, что обогатимся в десять раз. Земля эта — наша, кровью наших предков полита, костями их удобрена, а мы, покоренные Россией, защищали четыреста лет ее интересы и не думали о себе. У нас есть выходы к морю. У нас будет сильнейшая и боеспособнейшая армия и не только Украина, но и Россия не осмелится посягнуть на нашу независимость! **Каково, а? Сказочная будет жизнь!**

Среднего роста, статный, широкоплечий Изварин был типичным казаком: желтоватые, цвета незрелого овса, вьющиеся волосы, лицо смуглое, лоб покатым белый, загар тронул только щеки и гранью лег на уровне белесых бровей. Говорил он высоким послушным тенором, в разговоре имел привычку остро ломать левую бровь и как-то по своему поводить небольшим горбатым носом; от этого казалось что он всегда к чему-то принохивается. Энергическая [твердая] походка, самоуверенность в осанке и в открытом [лобовом] взгляде карих глаз отличали его от остальных офицеров полка. Казаки относились к нему с явным уважением, пожалуй даже с большим, чем к командиру полка.

Изварин подолгу беседовал с Григорием и тот, чувствуя, как вновь зыбится под его ногами¹ недавно устойчивая почва переживал примерно то-же, что [чувствовал и тогда] [испытывал] {когда-то переживал} в Москве, [когда] сойдясь в глазной лечебнице Снегирева [сошелся] с Гаранжой. Сопоставляя слова Изварина и Гаранжи||

<Л. 3 об.>

6.

[он мысленно] пытался, но не мог определить на чей-же стороне правота. [и не находил ответа.] [Но] Однако, как-то невольно для себя, подсознательно воспринимал [он] новую веру, [и] критически пересматривал [то что] нечто, [уже] прочно [отложилось] отложившееся в [его] сознании.

Вскоре после Октябрьского переворота у них с Извариним происходил следующий разговор: обуреваемый противоречиями Григорий осторожно расспрашивал о большевиках:

— А вот скажи, Ефим Иванович, большевики, по твоему, как они, правильно али нет рассуждают?

Углом избочив бровь, [смешно] смешливо морща нос Изварин кхакал:

— Рассуждают? Кха-кха, ты милый мой будто новорожденный... У большевиков своя программа, свои перспективы и чаяния. Большевики правы с своей точки зрения, а мы с своей. Партия большевиков, знаешь, как именуется? Нет? Ну, как-же ты не знаешь? Российская, социал-демократическая, рабочая партия. Понял? Ра-бо-чая! Сейчас они заигрывают и с крестьянством и с казаками, но основное у них — рабочий класс. Ему они несут освобождение, крестьянству новое, быть-может худшее порабощение. В жизни не бывает так, что-бы всем равно жилось. Большевики возьмут верх — рабочим будет хорошо, остальным плохо; монархия вернется — помещикам и прочим будет хорошо, остальным плохо. Нам не нужно ни тех, ни других. Нам необходимо свое, и прежде всего избавление ото всех опекунов, будь то Корнилов, или Керенский, или Ленин. Обойдемся на своем поле и без этих пеших фигур. Избавь боже от друзей, а с врагами мы сами управимся!

— Но большинство казаков за большевиков тянут, знаешь?

— Гриша, ты, дружок, пойми вот что, это основное: сейчас казаку и крестьянину с большевиками по пути. Знаешь почему?

— Ну?

— Потому. — Изварин крутил носом, [и] округляя его смеялся. — Потому, что большевики стоят за мир, за немедленный мир! — а казакам война вот где сейчас сидит! — Он звонко шлепал себя по тугой смуглой шее и выравнивая изумленно вздыбленную бровь кричал: — Поэтому казаки пахнут большевизмом и шагают с большевиками в ногу. Но-о-о, как толь-ко кон-чит-ся вой-на и большевики протянут к казачьим владениям руки, — пути казачества и большевиков... разойдутся! Это обоснованно и исторически неизбежно. Между сегодняшним укладом казачьей жизни и социализмом||

¹ ППС: «ногами его».

<Л. 4>

7.

конечным завершением большевистской революции, непереходимый рубикон, пропасть. А?..

— Я говорю... — глухо бурчал Григорий, — што ничево я не понимаю... Мне трудно в этом разобраться... Блукáю я как в мятель в степи...

— Ты этим не отделаешься! Жизнь заставит разобраться и не только заставит, но и силком толкнет тебя на какую-нибудь сторону.

Разговор этот происходил в последних числах октября. А в ноябре Григорий случайно столкнулся с другим казаком, сыгравшим в истории революции на Дону немалую роль; столкнулся Григорий с Федором Подтелковым и после недолгих колебаний вновь перевесила в его душе прежняя правда.

В этот день изморозный дождь сеялся с полдня. Перед вечером прояснело и Григорий решил пойти на квартиру к станичнику, подхорунжему 28го полка Дроздову. Четверть часа спустя он уже вытирал о подстилку сапоги, [и] [стучал] стучался в дверь квартиры Дроздова. В комнате, заставленной тщедушными фикусами и потертой мебелью, кроме хозяина сидел на складной офицерской койке, спиной к окну здоровый плотный казак с погонами вахмистра гвардейской батареи. Ссутулив спину он широко расставил ноги в черных суконных шароварах, разложил на круглых широких коленях такие-же широкие рыжеволосые руки. Гимнастерка туго облегла его бока, морщинилась под мышками, чуть не лопалась на широченной выпуклой груди. На скрип двери он повернул короткую полнокровную шею, холодно оглядел Григория и захоронил под припухлыми веками, в узких глазницах прохладный свет зрачков.

— Обознакомьтесь. Это, Гриша, почти сосед наш, Усть-Хоперский, Подтелков.

Григорий и Подтелков молча пожали руки. Садясь, Григорий улыбнулся хозяину.

— Я наследил тебе, не будешь ругать?

— Не, не бойсь. Хозяйка затрет. Чай будешь пить? — хозяин — мелкорослый, подвижной, как вьон, — щелкнул самовар обкуренным охровым ногтем, посожалел: — Холодный придется пить.

— Я не хочу, не беспокойся

Григорий предложил Подтелкову папиросу. Тот долго безрезультатно пытался ухватить белую плотно вжатую в ряд трубочку своими крупными красными пальцами, [и] багровея от смущения, досадливо сказал:||

<Л. 4 об.>

8.

— Не ухвачу никак... Ишь ты, проклятая!

Он наконец-то выкатил на крышку портсигара папиросу, [и] поднял на Григория прижмуренные в улыбке, от этого еще более узкие глаза. Григорию понравилась его непринужденность, спросил.

— С каких хуторов?

— Я сам рожак с Крутовска. — охотно заговорил Подтелков, — Там производил, а жил последнее время в Усть-Клиновском. Крутовский-то вы знаете,

[*слышал*] слышал небось? Он тут почти рядом с Еланской гранью. Плешаковский хутор знаешь? Ну, а за ним выходит [*Матвеев*] Матвеев, а рядом уж нашей станции Тюковновский хутор, а дальше и наши хутора, с каких я родом, Верхний и Нижний-Крутовский.

Все время в разговоре он называл Григория то на «ты», то на «вы», говорил свободно и раз даже, освоившись, тронул тяжелой рукой плечо Григория. На большом, чуть рябоватом, выбритом лице его светлели заботливо закрученные усы, смоченные волосы были приглажены расческой, [*и*] возле мелких ушей взбиты, с левой стороны чуть курчавились начесом. Он производил-бы приятное впечатление еслиб не крупный приподнятый нос, да глаза. На первый взгляд не было в них ничего необычного, но присмотревшись Григорий почти ощутил их свинцовую тяжесть. Маленькие, похожие на картечь они светлели из узких прорезей, как из бойниц, приземляли встречный взгляд, [*и*] вlepлялись в одно место с тяжелой мертвячей упорностью.

Григорий с любопытством присматривался к нему, отметил одну характерную черту: Подтелков почти не мигал, разговаривая он упирал в собеседника свой невеселый взгляд, говорил переводя глаза с предмета на предмет, при чем куценькие обожженные солнцем ресницы его все время были припущенны и недвижны. Изредка лишь он опускал пухлые веки и снова рывком поднимал их, нацеливаясь картечинами глаз, обегая ими все окружающее.

— Вот любопытно, братцы, — заговорил Григорий, обращаясь к хозяину и Подтелкову, — кончится война и по новому заживем. На Украине Рада правит, у нас Войсковой Круг.

— Атаман Каледин. — вполголоса поправил Подтелков.

— Все равно, какая разница?

— Разницы-то нету. — согласился Подтелков.

— России-матушке мы теперя низко кланялись! — про-||

<Л. 5>

9.

должал Григорий пересказ речей Изварина, желая выведать, как отнесутся к этому Дроздов и этот здоровоило из гвардейской батарее. — Своя власть, свои порядки. Хохлов с казачей земли долой, протянем границы и не подходи! Будем жить, как в старину наши прадеды жили. Я думаю революция нам на руку. Ты как, Дроздов?

Хозяин заюлил улыбкой, резвыми телодвижениями.

— Конечно лучше будет! Мужики нашу силу переняли, житья за ними нету. Штой-то за чорт, наказанные атаманья все какие-то немцы фон-Таубе, да фон-Граббе, да разные подобные; земли все этим штаб-офицерам резали, теперя хучь воздухом.

— А Россия с этим помирится? — ни к кому не обращаясь тихо спросил Подтелков.

— Небось помирится. — уверил Григорий.

— И будет одно и то же... Тех-же шей, да пожиже влей.

— Как это так?

— А точно так. — Подтелков проворней заворочал картечинами глаз и без разбега кинул лобовой грузный взгляд на Григория. — Так-же над народом, какой трудящийся, будут атаманья измываться, тянись перед всяким их благородием, а он тебя будет ссланивать по сусалам. Тоже... Прикрасная живуха... Камень на шею, да с яру!

Григорий встал. Отмеряя по тесной горенке шаги несколько раз касался расставленных колен Подтелкова, остановившись против него спросил.

— А как-же?

— До конца.

— До какова?

— Штоб раз начали, значит борозди до последнева. Раз долой царя и контр-революцию — как ни мога надо стараться, штоб власть к народу перешла. А это — басни, детишкам утеха. В старину прижали нас цари и теперь, не цари, так другие-прочие придавют аж запишшим!

— Как-же, Подтелков, по твоему?

И опять забежали, разыскивая простор в тесной горенке тяжелые на подъем глаза-картечины.

— Народная власть... Выборная. Под генеральскую лапу ляжешь — опять война, а нам это лишнее. Кабы такая власть кругом, по всему свету установилась, штоб народ||

<Л. 5 об.>

10.

не притесняли, не травили на войне, а то штож... худые шаровары хучь на изнанку выверни, все одно, те-же дыры. — Гулко похлопав ладонями по коленям Подтелков зло улыбнулся, раздел мелкие несчетно-плотные зубы. — Нам от старины подальше, а то в такую упряжку запрягут, што хуже царской обозначится!

Григорий, хватая рукой в воздухе что-то неуловимое, натужно спросил:

— Землю отдадим? Всем по краюхе наделим?

— Нет... Зачем-же. — растерялся и как будто смутился Подтелков. — Землей мы не поступимся. Промеж себя, казаков, землю переделаем, помещицкую заберем, а мужикам давать нельзя. Их шуба, а нас рукав. Зачни делить — оголодят нас.

— А править нами кто будет?

— Сами. — оживился Подтелков. — Заберем свою власть вот и правило. Лишь-бы подпруги нам зараз чудок отпустили, а скинуть Калединых [и прочих] сумеемся.

Остановившись у запотевшего окна Григорий долго глядел на улицу, на детишек, игравших в какую-то замысловатую игру, на мокрые крыши противоположных домов, на бледносерые ветви нагого осокоря в палисаднике, и не слышал о чем спорили Дроздов с Подтелковым; мучительно старался разобраться в сумятице мыслей, продумать что-то, решить.

Минут десять стоял он, молча вычерчивая на стекле вензеля. За окном, на уровне с крышей низенького дома предзимнее, увядшее тлело на закате солнце; словно ребром поставленное на ржавый гребень крыши оно мокро багровело,

казалось, что вот-вот сорвется, [и] покатится по ту, или эту сторону крыши. От городского сада, прибитые дождем шершавые катились листья. и Налетая с Украины, с Луганска гайдамачил над станицей свежий, час от час у крепчавший ветер.

3.

Новочеркасск стал центром притяжения для всех бежавших от большевистской революции. Стекались в низовьях Дона большие генералы, бывшие вершители судеб развалившейся русской армии, надеясь на опору реакционных донцов, мысля с этого плацдарма развернуть и повести наступление на обсоветченную Россию.||

<Л. 6>

11.

2го ноября в Новочеркасск прибыл в сопровождении ротмистра Шапрона генерал Алексеев. Переговорив с Калединым он принялся за организацию добровольческих отрядов. Бежавшие с севера офицеры, юнкера, ударники, составили костяк будущей Добровольческой армии. Вокруг него в течении первых трех недель, со дня приезда Алексеева,росло [недоброкачественного] **недоброкачественное** [свойства:] мясо¹: учащиеся, деклассированные элементы из солдатских частей, наиболее активные контр-революционеры из казаков и просто люди, искавшие острых приключений и повышенных окладов хотя-бы и керенками.

В последних числах ноября прибыли генералы Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели. К этому времени отряды Алексеева уже насчитывали более тысячи штыков.

6го декабря в Новочеркасске появился Корнилов, покинувший в дороге свой конвой — текинцев и переодетым добравшийся до донских границ.

Каледин, успевший к этому времени стянуть на Дон почти все казачьи полки, бывшие на Румынском и Австро-Германском фронтах, расположил их по железно-дорожной магистрали Новочеркасск-Чертково, **Ростов-Тихорецкая**. Но казаки, уставшие от трехлетней войны, вернувшиеся с фронта революционно настроенными не изъявили особой охоты драться с большевиками. В составах полков оставалась чуть-ли не треть нормального количества всадников. Наиболее сохранившиеся полки 27, 44 и 2 запасный находились в станице Каменской. Туда же в свое время были отправлены из Петрограда лейб-гвардии Атаманский и лейб-гвардии казачий полки. [а так-же] [и] Пришедшие с фронта 58, 52, 43, 28, 12, 29, 35, 10, 39, 23, 8 и 14 и батареи 6, 32, 28, 12, 13 были расквартированы в Чертково, Миллерово, **Лихой**, Глубокой, Звереве, а так-же в районе рудников. Полки из казаков Хоперского и Усть-Медведицкого округов прибывали на станции Филоново, Урюпинская, Себряково, некоторое время стояли там, потом рассасывались.

Властно тянули к себе родные курени и не было такой силы, что-бы могла удержать казаков от стихийного влечения по домам. Из донских полков лишь 1, 4 и 14 были в Петрограде, да и те задержались там ненадолго.||

¹ ППС: «мясо [недоброкачественного] **недоброкачественное** [свойства:]».

<Л. 6 об.>

12.

Некоторые, особенно ненадежные части Каледин пытался расформировать, или изолировать путем окружения наиболее устойчивыми частями.

В конце ноября, когда он в первый раз попытался двинуть на революционный Ростов фронтные части, казаки, подойдя к Аксайской, отказались идти в наступление, [и] вернулись обратно. Широко развернувшаяся организация по сколачиванию «лоскутных» отрядов дала свои результаты: 27 ноября Каледин уже был в состоянии оперировать стойкими добровольческими отрядами, заимствуя силы и у Алексеева, собравшего к тому времени пару батальонов.

2 декабря Ростов был с бою занят добровольческими частями. С приездом Корнилова туда перенесен был¹ центр организации Добровольческой армии, Каледин остался один. Казачьи части раскидал он по границам области, двинул к Царицыну и на грань Саратовской губернии, но для актуальных, требовавших скорейшего разрешения задач употреблял лишь офицерско-партизанские отряды; на них только могла опереться изо дня в день ветшавшая немощная войсковая власть.

Для усмирения донецких шахтеров были кинуты свежее-навербованные отряды. В Макеевском районе подвизался есаул Чернецов, там-же находились и части регулярного 58 казачьего полка. В Новочеркасске наскоро формировались отряды Семилетова, Грекова, различные дружины; на севере в Хоперском округе сколачивался из офицеров и партизан так называемый отряд «Стеньки Разина». Но с трех сторон уже подходили к области колонны красногвардейцев. В Харькове, Воронеже накапливались силы для удара. Висли над Доном тучи, сгущались, чернели. Орудийный гром первых боев уже несли ветры с Украины. Жухлые надвигались на область дни. Гиблое подходило время.

4.

Изжелта-белые грудастые, как струги, тихо проплывали над Новочеркасском облака. В вышней заоблачной синеве, прямо над сияющим куполом собора недвижно висел седой курчавый каракуль перистой тучи, длинный хвост ее воланами снижался и розово серебрился где-то над станицей Кривянской. Неяркое вставало солнце, но окна атаманского дворца отражая его жгуче светились. На домах блестели покаты||

<Л. 7>

13.

железных крыш, сырость вчерашнего дождя хранил на себе бронзовый Ермак, протянувший на север сибирскую корону.

По Крещенскому спуску поднимался взвод пеших казаков. На штыках их винтовок туго играло солнце. Граненую тишину утра, нарушаемую редкими пешеходами, да дребезжаньем извозчицкой пролетки, почти не нарушал четкий, чуть слышный шаг казаков.

¹ ППС: «был перенесен».

В это утро с московским поездом приехал в Новочеркасск Илья Бунчук. Он последним вышел из вагона, одергивая на себе полы демисезонного старенького пальто, чувствуя себя в штатском неуверенно и непривычно. На платформе прохаживался жандарм и две молоденькие, чему-то смеявшиеся девушки. Бунчук вышел в город, дешевый изрядно потертый чемодан нес под мышкой. За всю дорогу, до самой окраинной улицы почти не попадались люди. Спустя полчаса Бунчук, наискось пересекший город, остановился у небольшого полуразрушенного домика. Давным-давно неремонтированный домик этот выглядел жалко. Время наложило на него свою лапу и под тяжестью ее свалилась крыша, покривились стены, расхлябанно обвисли ставни, паралично перекосились окна. Бунчук, открывая калитку, взволнованно обежал глазами дом и тесный дворик, спеша зашагал к крыльцу.

В тесном коридорчике половину места занимал заваленный разной рухлядью сундук. В темноте Бунчук стукнулся коленом об угол его, не чувствуя боли рванул дверь. В передней низкой комнатке никого не было. Он прошел во вторую и не найдя там никого, стал на пороге. От страшно знакомого запаха, присущего только этому домику, у него закружилась голова. Взглядом охватил всю обстановку; тяжелый застав икон в переднем углу горницы, кровать, столик, пятнистое от старости зеркальце над ним, фотографии, несколько дряхлых венских стульев, **швейную** машину, тусклый от давнишнего употребления самовар на лежанке[.]. [с]С внезапно и остро застучавшим сердцем, через рот, как при удушьи, вдыхая воздух Бунчук повернулся и, кинув чемодан, оглядел кухню: так-же приветливо зеленела окрашенная фуксином лобастая печь, из-за голубенькой ситцевой занавески выглядывал старый пегий кот; в глазах его светилось осмысленное почти людское любопытство, видно редки были посетители.||

<Л. 7 об.>

14.

На столе беспорядочно стояла немытая посуда, [а] около на табурете лежал клубок пряденой шерсти, поблескивали вязальные иглы, пронизавшие с четырех углов недоконченную паглинку чулка.

Ничто не изменилось здесь за восемь лет. Словно вчера ушел отсюда Бунчук. Он выбежал на крыльцо. Из дверей сарая, стоявшего в конце двора, вышла сгорбленная, согнутая прожитым и пережитым старуха. «Мама! Да неужели? Она-ли?» Дрожа губами Бунчук рванулся ей навстречу. Он сорвал с головы шапку, смял ее в кулаке

— Вам кого надо? Кого вам? — встревоженно спрашивала старушка, приложив ладонь к выцветшим бровям, не двигаясь.

— Мама!.. — глухо прорвалось у Бунчука. — Что-же ты... не узнаешь?

Спотыкаясь он шел к ней, видел, как мать качнулась от его крика, как от удара, хотела видно бежать, но силы изменили и она пошла толчками, будто преодолевая сопротивление ветра. Бунчук подхватил ее уже падающую, [и] целуя маленькое сморщенное лицо, [и] потускневшие от испуга и безумной радости глаза, моргал беспомощно и часто.

— Илюша!.. Илюшенька!.. Сыночек! Не угадала... Господи, [откель] откуда ты взялся?.. — шептала старушка, пытаясь выпрямиться и стать на ослабевшие ноги.

Они вошли в дом. И тут только, после пережитых минут глубокого волнения, Бунчука вновь стало тяготить пальто [его] с чужого плеча, оно стесняло, давило под мышками, путало каждое движение. Он с облегчением сбросил его, присел к столу.

— Не думала живого повидать... сколько годков не видались. Родименький мой! Как-же мне тебя угадать, коли ты вон как вырос, [и] постарел.

— Ну, ты как живешь, мама? — улыбаясь расспрашивал Бунчук.

Путанно рассказывая она суежилась: собирала на стол, сыпала в самовар уголья, и размазывая по заплаканному лицу слезы и угольную черноту не раз подбегала к сыну, гладила его руки, тряслась, прижимаясь к его плечу. Она нагрела воды, накормила родного гостя, сама вымыла ему голову, достала откуда-то со дна сундука пожелтевшее от старости чистое белье и до полуночи||

<Л. 8>

15.

сидела, глаз не сводила с сына, расспрашивала, горестно кивала головой.

На соседней колокольне пробило два часа, когда Бунчук улегся спать. Он уснул сразу, и засыпая забыл настоящее, представлялось ему, что он — маленький разбойный ученик ремесленного училища, — набегавшись улегся, окунается в сон, а из кухни вот-вот откроет мать дверь спросит строго: «Илюша, уроки-то выучил к завтраму?» Так и уснул, с застывшей напряженно-радостной улыбкой.

До зари {несколько} раз [пять] подходила к нему мать, поправляла одеяло, подушку, целовала его большой лоб с приспущенной наискось русой прядью, неслышно уходила.

Через день Бунчук уехал. Утром пришел к нему товарищ в солдатской шинели и новехонькой защитной фуражке что-то вполголоса сказал ему и Бунчук засуетился, быстро собрал чемодан, кинул сверху пару выстиранного матерью белья, [и] болезненно морщась натянул пальто. Попрощался с матерью комканно, наспех, обещал через месяц быть.

— Куда едешь-то? Илюша!

— В Ростов, мама, в Ростов. Скоро приеду, ты... ты, мама не горюй! — бодрил он старуху.

Она торопясь сняла с себя нательный маленький крест, целуя сына, крестя его, надела на шею. Заправляла гайтан за воротник, а пальцы прыгали, кололи ледянистым холодком.

— Носи, Илюша, это [святова] святого Николая [Мирликийскова] Мирликийского. Защити и спаси, святой угодник-милостивец, укрой и оборони... Один он у меня... — шептала, прижимаясь к кресту, горячечными верующими глазами. Порывисто обнимая сына не сдержалась, углы губ дрогнули, горько поползли вниз. На волосатую руку Бунчука весенним дождем упала одна теплая [щекочущая] капелька, другая. Бунчук разнял на своей шее руки матери, хмурясь вырвался на крыльцо.

Народу на [Вокзал] вокзале в Ростове — [*набит народом*] **рог с рогом**. Пол по щиколки засыпан окурками, [*и*] подсолнечной лузгой. На вокзальной площади солдаты гарнизона торгуют казенным обмундированием, табаком, крадеными вещами. Разноплеменная толпа, обычная для большинства южных приморских городов, медленно движется, гудит.

— Ас-ссмоловские, ас-ссмоловские рассыпные! — голосит мальчишка-папиросник.

— Дешево продам, гаспадин-гражданин. — заговорщицки зашептал в самое ухо Бунчука какой-то — подозрительного вида||

<Л. 8 об.>

16.

восточный человек и подмигнул на распухшую полу своей шинели.

— Семячки калёные, жареные! А вот семячки! — разноголосо верещат девицы и бабы, торгующие у выхода.

Пробиваясь сквозь толпу, громко разговаривая, [*и*] хохоча прошли человек шесть матросов-черноморцев. На них праздничная форма, ленты, золото пуговиц, широкий клеш заклюстанный в грязи. Перед ними почтительно расступались.

Бунчук шел медленно буровя толпу.

— Золотая? Чорта с два! Самоварное твое золото, что я не вижу, что-ли? — насмешливо говорил шуплый солдат искровой команды. В ответ ему негодующе гудел продавец; размахивая сомнительно-массивной золотой цепкой.

— Что ты видишь? Золото! Червонное, коли хочешь знать. У мирового судьи добыто. А, ну, иди к чорту, рвань! Тебе пробу подавай, а этого не хочешь?

— Флот не пойдет, что там глупости пороть! — слышится рядом.

— А чаво ни пайдеть?

— ...в газетах в этих...

— Пацан! Неси сюда!

— Мы за 5 № голосили. Иначе нельзя, не с руки.

— Мамалыга! Вкусная мамалыга! Прикажете?

— Эшелонный обещал, мол, завтра тронемся.

Бунчук разыскал здание комитета партии, по лестнице поднялся на второй этаж. Вооруженный японской винтовкой с привинченным ножевым штыком, ему преградил путь рабочий-красногвардеец.

— Вам кого, товарищ?

— Мне товарища Абрамсона. Он здесь?

— Третья комната налево.

Невысокий, носатый, жуково-черный человек, заложив пальцы левой руки за борт [*жилета*] **сюртука**, правой методически взмахивая напирал на собеседника — пожилого железнодорожника.

— Так нельзя! И это не есть организация! При подобных приемах агитации вы будете иметь обратные результаты!

Железнодорожник что-то хотел говорить, оправдываться, судя по смущенно-виноватому выражению его лица, но человек с жуково-черной головой не давал

ему рта раскрыть; находясь, видимо, в степени крайнего раздражения он выкрикивал, не желая слушать собеседника и избегая его взгляда.

— Сейчас-же отстраните от работы Митченко! Это есть нетерпимо. Мы не можем безучастно смотреть на происходящую <sic> у вас. Верхоцкий будет отвечать перед революционным судом!||

<Л. 9>

17.

Он арестован? Да? Я буду настаивать, что-бы его расстреляли. — Жестко закончил он и повернулся к Бунчуку разгоряченным лицом. Еще не окончательно овладев собой резко спросил:

— Вам что?

— Вы — Абрамсон?

— Да.

Бунчук подал ему документы и письмо от одного из ответственных Петроградских товарищей, присел около, на подоконник.

Абрамсон внимательно перечитал письмо, хмуро улынувшись (ему неловко было за свой резкий окрик), попросил.

— Обождите несколько, сейчас мы с вами поговорим¹.

Он отпустил взопревшего железнодорожника, вышел, [и] через минуту привел с собой рослого бритого военного, с голубым проследком рубленой раны вдоль нижней челюсти, с выправкой кадрового офицера.

— Это член нашего Военно-революционного Комитета. Познакомьтесь. Вы, товарищ... простите, я забыл вашу фамилию?

— Бунчук.

— ...Товарищ Бунчук, вы кажется по специальности пулеметчик?

— Да.

— Это нам и требуется! — улыбнулся военный. Шрам его на всем протяжении от кончика уха до подбородка, порозовел от улыбки.

— Вы сможете в возможно короткий срок организовать нам пулеметную команду из рабочих-красногвардейцев? — спросил Абрамсон.

— Постараюсь. Дело во времени.

— Ну, а сколько вам необходимо времени? Неделю, две, три? — наклоняясь к Бунчуку спрашивал военный и просто, выжидающе улыбался.

— Несколько дней.

— Отлично!

Абрамсон тер лоб, сказал с заметной ноткой раздражения.

— Части гарнизона крайне деморализованы, они не имеют реальной ценности, у нас, товарищ Бунчук, как и везде, полагаю, надежда на рабочих. Моряки, — да, а солдаты... поэтому, понимаете, и хотелось-бы иметь своих пулеметчиков. — он подергал синие кольца бороды, спросил озабоченно: — Вы как в смысле материального обеспечения? Ну, мы это устроим. Обедали вы сегодня? Ну конечно нет!

¹ ППС: «Сейчас мы с вами поговорим, обождите несколько».

«Сколько-же тебе пришлось голодать, браток, что ты с одного взгляда отличаешь сытого от голодного; и сколько пережил ты горя, либо ужаса, прежде чем у тебя появился вот этот клок седины? «Погром, или ссылка?» — с растроганной ласковостью поду-||

<Л. 9 об.>

18.

мал Бунчук, глядя на жуковую голову Абрамсона, белевшую справа ослепительно ярким пятном седины. И уже шагая с провожатым на квартиру Абрамсона Бунчук все думал о нем: «Вот это парень, вот это большевик! Есть злой упор и в тоже время сохранилось хорошее, человеческое. Он не задумается подмахнуть смертный приговор какому-нибудь сибиряку Верхоцкому и в тоже время умеет беречь и заботиться о товарище».

Весь под теплым впечатлением встречи с Абрамсоном он дошел до его квартиры где-то в конце Таганрогского, отдохнул в маленькой заваленной книгами комнатке, пообедал, предъявив записку Абрамсона квартирной хозяйке, [и] прилег на кровать. Уснул и не помнил как. [Его разбудил Абрамсон, Тихонько трогая [его] плечо **Бунчука** он говорил:

— *Послушайте, вечер уже. Это не есть правильный отдых.*

— *Отдохнул, отдохнул, встаю. — виновато говорил Бунчук.*]

5.

В течении четырех дней, с утра до вечера Бунчук занимался с рабочими, присланными в его распоряжение комитетом партии. Их было шестнадцать. Люди самых разнообразных профессий, возрастов и даже национальностей: двое грузчиков, полтавский хохол Хвылычко и обрусевший грек Михалидзе, наборщик Степанов, восемь металлистов, забойщик с парамоновского рудника Зеленков, тщедушный пекарь армянин Геворкянц, квалифицированный слесарь из русских немцев Иоганн Ребиндер, двое рабочих депо и семнадцатую путевку принесла женщина в ватной солдатской теплушке и больших, не по ноге сапогах.

Принимая от нее закрытый пакет, не догадываясь о цели ее прихода Бунчук спросил:

— Вы на обратном пути можете зайти в штаб?

Она улыбнулась, растерянным движением поправляя широкую прядь волос, выбившуюся из-под платка, несмело сказала.

— Я направлена к вам... — и, преодолевая минутное смущение, запнулась. — в пулеметчики.

— Бунчук густо покраснел.

— Что они там с ума спятили? Женский батальон у меня что-ли?.. Вы простите, но для вас это не подходящее дело, работа тяжелая, необходимо наличие мужской силы... ведь это что-же... нет я не могу вас принять!

Он нахмурясь вскрыл пакет, бегло пробежал путевку, где суховато было сказано, что в его распоряжение направляется член партии тов. Анна Погудко и не-сколько раз||

<Л. 10>

19.

перечитал приложенную к путевке записку Абрамсона.

«Дорогой тов. Бурчук!

Посылаем к Вам хорошего товарища Анну Погудко. Мы уступили ее горячим настояниям и, посылая ее, надеемся, что Вы сделаете из нее боевого пулеметчика. Я знаю эту девушку, горячо рекомендую ее Вам, прошу об одном: она ценный работник, но горяча, немного экзальтирована (еще не перебродила молодость), удерживайте ее от безрассудных поступков, *[оберегайте]* берегите.

Цементирующим составом, ядром у вас несомненно есть эти восемь человек металлистов, из них обращаю внимание на тов. Богового. Очень дельный и преданный революции товарищ. Ваш пулеметный отряд по составу интернационален, это хорошо, — будет боеспособней.

Ускорьте обучение. Есть сведения, будто-бы Каледин собирается в поход на нас.

С тов. приветом С. Абрамсон»

Бунчук глянул на стоявшую перед ним девушку (дело происходило в подвальном помещении, в одном из домов на Московской улице, где производилось обучение). Скупой свет тушевал ее лицо, делал черты его невнятными.

— Ну, что-же... — неласково сказал он, — если это ваше собственное пожелание... и Абрамсон вот просит... Оставайтесь.

Зевлоротого «максима» густо облепливали со всех сторон, **гроздьями** висли над ним, опираясь на спины друг-друга, следили жадно-любопытствующими глазами, как под умелыми руками Бунчука споро расподался он на части. Бунчук вновь собирал его четкими рассчитанно-медленными движениями, объяснял устройство и назначение отдельных частей, учил способам обращения, показывал правила наводки, прицела, объяснял меры отклонений по траектории, предельную досягаемость в полете пули. Учил, как располагаться во время боя, что-бы не подвергаться поражению под обстрелом противника, сам ложился под щит с обтресковшейся защитной краской, говорил о преимущественном выборе места, о расположении ящиков с лентами.

Все усваивали легко, за исключением пекаря Геворкянца. У того все не клеилось: сколько не показывал ему Бунчук правила разборки, никак не мог запомнить, путал, терялся, шептал смущенно:

— Зачем не получается? Ах, что я... виноватый, надо вот этого сюда. Опять не выходит!.. — вскрикивал он отчаянно — Зачем?

— Вот тебе и «зачем»: — передразнивал его смуглолицый, с синими крапинками пороха на лбу и щеках, Боговой. — потому не получается, что бестолковый ты. Вот как надо —||

<Л. 10 об.>

20.

показывал он, уверенно вкладывая часть в принадлежащее ей место. — Я вон с детства интерес имел к военному делу — под общий хохот тыкал в свои синие

конопины по лицу, — пушку делал, ее разорвало, пришлось пострадать, за то вот теперь способности проявляю.

Он и действительно легче и быстрее всех усвоил пулеметное дело. Отставал один Геворкянц. Чаще всего слышался его плачущий раздосадованный голос.

— Опять не так, зачем — не знаю!

— Какой ишек, ка-а-а-кой ишек! На вся Нахичевань один такой! — возмущался злой мокрогубый грек Михалидзе.

— На редкость бестолков. — соглашался сдержанный Ребиндер.

— Оце тоби бублыки месить! — фыркал Хвыльычко и все беззлобно посмеивались, один Степанов, румянея, раздраженно кричал:

— Надо товарищу показывать, а не зубы скалить!

Его поддерживал Крутогоров, большой, рукастый, глаза на выкат, пожилой рабочий депо, похожий на расстригу попа.

— Смеетесь колотушники, а дело стоит! Товарищ Бунчук уйми свою кунтскамеру, или гони их к чертям! Революция в опасности, а им смехуёчки. Тоже состоят в партии. Звероподобные какие-то, пра-слово! — басил он размахивая кувалдистым кулаком.

С острой любознательностью вникала во все Анна Погудко. Она назойливо приставала к Бунчуку, хватала его за рукава неуклюжего демисезона, неотступно торчала около пулемета.

А если вода замерзнет в резервуарах, тогда что? А при большом ветре какое отклонение? А это как, товарищ Бунчук? — осаждала она вопросами и выжидающе поднимала на Бунчука большие с неверным и теплым блеском черные глаза.

В ее присутствии чувствовал он себя как-то неловко, [и] словно отплачивая за эту неловкость относился к ней с повышенной требовательностью, был подчеркнуто холоден, но что-то волнующее, необычное испытывал, когда по утрам, исправно, ровно в семь, входила она в подвал, зябко засунув руки в рукава зеленой теплушки, шаркая подошвами больших солдатских сапог. Она была немного ниже его ростом, полна той тугой полнотой, которая присуща всем здоровым, физического труда девушкам, может-быть немного сутула и пожалуй даже некрасива, если бы не было больших сильных глаз диковинно красивших всю ее.

За четыре дня он даже не разглядел ее толком. В подвале было полутемно, да и неудобно и некогда было||

<Л. 11>

21.

рассматривать ее лицо. На пятый день вечером они вышли вместе. Она шла впереди, поднявшись на последнюю ступеньку повернулась к нему с каким-то вопросом и Бунчук внутренне ахнул, глянув на нее при вечернем свете. Она привычным жестом оправляла волосы, ждала ответа, чуть откинув голову, скосив в его сторону глаза. Но Бунчук прослышал вопрос, медленно всходил он по ступенькам, стиснутый сладостно-болезненным чувством. Это покалывающее ознобное чувство испытывал он всегда перед большим в жизни: и в первый момент атаки, когда еще не притуплены эмоции, и слушая чуть картавую речь Ленина,

чувствуя, как приземляет, жжет его разум водителя и гения, и любясь невиданно-красочной прядью заката, и решаясь на опасное; тоже испытывал он и сейчас, глядя на розовые, согретые смуглым закатом щеки девушки, на июньскую голубизну белков и непередаваемую безмерную [глубину] **глубь** черных ее глаз. У нее от напряжения (неловко было управляться с волосами, не скинув платка), чуть шевелились просвеченные низким солнцем розовые ноздри. Линии рта были мужественны и в тоже время детски нежны. На приподнятой верхней губе темнел крохотный пушок, четче оттеняя неяркую белизну кожи.

Волнующая созвучием гармония покоилась в каждой черте, в любом движении. [Сказочно] простая **как сказка** стояла перед ним девушка, в белых серебряной чистоты зубах держала шпильки, дрожала тугой бровью и, казалось, вот-вот растает, как звук в сосновом бору на заре¹.

Волна восторга и густой ошутимой радости подмыла Бунчука. Он нагнул голову, [как] **будто** под ударом, сказал [срывающимся] **сорвавшимся** хриплым голосом:

— Анна Погудко... пулеметчик номер второй, ты хороша, как чье-то счастье!

— Глупости! — сказала она уверенно, и улыбнулась. — Глупости, товарищ Бунчук! Я спрашиваю, во сколько мы пойдем на стрельбище?

От улыбки стала как-то проще, доступней, земней. Бунчук остановился с ней рядом, [и] ошалело глядя в конец улицы, где застряло солнце, затапливая [густым] багровым половодьем все низлежащее, ответил тихо:

— На стрельбище? Завтра. Куда тебе итти? Где ты живешь?

Она назвала какой-то окраинный переулок. Пошли вместе, [миня людные улицы.] На перекрестке догнал их² Боговой.

— Бунчук, слушай, как-же завтра соберемся?

Дорогой пояснил Бунчук, что собираться за тихой рощей, туда Крутогоров и Хвылычко привезут на извозчике пулемет, сбор в 8 утра. Боговой прошел с ними два квартала, распрощался. Бунчук и Анна Погудко шли пару минут молча. Она спросила, скользнув боковым коротеньким взглядом.

— Вы — казак?||

<Л. 11 об.>

22.

— Да.

— Офицер в прошлом?

— Ну, какой я офицер...

— Откуда вы родом?

— Новочеркасский.

— Давно в Ростове?

— Несколько дней.

— А до этого?

— В Петрограде был.

¹ Текст вставки перенесен с левого поля согласно указанию автора.

² ППС: «их догнал».

- С какого года вы в партии?
 — С 1913.
 — А семья у вас где¹?
 — В Новочеркасске. — скороговоркой буркнул он и просяще протянул руку:
 — Подожди, дай мне спросить: ты — уроженка Ростова.
 — Нет, я родилась в Екатеринославщине, но последнее время жила здесь.
 — Теперь я буду спрашивать. Украинка?
 Она секунду колебалась, ответила твердо:
 — Нет.
 — Еврейка?
 — Да, а что, разве меня выдает язык?
 — Нет.
 — А почему догадался, что я — еврейка?
 Он, стараясь попасть в ногу, уменьшая шаг, ответил:
 — Ухо, форма уха и глаза, а так в тебе мало от твоей нации. — подумав добавил: — это хорошо, что ты у нас.
 — Почему? — заинтересовалась она.
 — Видишь-ли, за евреями упрочилась слава, и я знаю, что многие рабочие так думают, я ведь сам рабочий — вскользь заметил он, — что евреи только направляют, а сами под огонь не идут. Это ошибочно, и ты вот блестящим образом опровергаешь это ошибочное мнение. Ты училась?
 — Да, я окончила в прошлом году гимназию. А у вас какое образование? Я потому это спрашиваю, что разговор изобличает ваше нерабочее происхождение.
 — Я много читал.
 — Шли медленно. Она нарочно кружила по переулкам и, коротко рассказав о себе, продолжала расспрашивать его о Корниловском выступлении, о настроении питерских рабочих, об октябрьском перевороте.
 Где-то на набережной мокро хлопнули винтовочные выстрелы, отрывисто выскочил пулемет. [Она] Анна не преминула спросить:
 — Какой системы?
 — Льюис.
 — Какая часть ленты израсходована?
 Бунчук не ответил, любуясь на оранжевый, посыпанный||

<Л. 12>

23.

[серебристой] изумрудной изморозью шупалец прожектора, рукасто тянувшийся от стоявшего на якоре тральщика к вершине вечернего погоревшего в закате неба.

Проходив часа три по безлюдному городу — они расстались у ворот ее квартиры.

Бунчук возвращался домой согретый неосознанной внутренней удовлетворенностью. «Хороший товарищ, умная девушка. Хорошо так поговорили с ней и вот — тепло на душе. Огрубел за это время, а дружеское общение с людьми не-

¹ ППС: «где у вас».

обходимо, иначе зачерствеешь, как солдатский сухарь». — думал он, обманывая самого себя, и сам сознавая, что обманывает.

Абрамсон, только что пришедший с заседания Военно-революционного Комитета, стал расспрашивать о подготовке пулеметчиков, между прочим спросил и о Анне Погудко:

— Как она? Если не подходяща — мы ее можем направить на другую работу, заменить.

— Нет, что ты, — испугался Бунчук, — очень способная девушка!

Он испытывал почти непреодолимое желание говорить о ней и сдержался лишь благодаря большому усилию воли.

6.

25го ноября в полдень к Ростову были стянуты из Новочеркаска войска Каледина. Началось наступление. Над линией железной дороги, по обе стороны насыпи шли жидкие цепи офицерского Алексеевского отряда. На правом фланге погуще двигались серые фигуры юнкеров. Партизаны отряда Попова обтекали красноглинистый ярк на левом фланге. Некоторые, издали казавшиеся крохотными серыми комочками, прыгали в яр, перебираясь на эту сторону подтягивались, останавливались, вновь текли.

В красногвардейской цепи, рассыпавшейся на окраинах Нахичевани, сказывалось суетливое беспокойство. Рабочие, многие в первый раз взявшие винтовки, испытывали боязнь, [*лежали*] **переползали**, пачкая свои черные пальто осенней грязью, иные поднимали головы, рассматривали далекие, уменьшенные пространством фигуры белых.

Около пулемета в цепи, Бунчук, привстав на колени, глядел в бинокль. Накануне он променял свой несуразный демисезон на шинель, [*и*] чувствовал себя в ней привычно, [*и*] спокойно.

Огонь открыли без команды. Не выдержали напряженной тишины.

Едва лишь жиганул первый выстрел Бунчук выругался,||

<12 об.>

24.

крикнул, вставая во весь рост:

— Пре-кра-тить!..

Крик его захлестнула дробная стукотуха выстрелов и он махнул рукой, стараясь перекричать стрельбу, скомандовал Боговому огонь. Тот припал к замку улыбающимся, но землистым лицом, заработал рычагами. Знакомая строчка пулемета пронизала слух Бунчука. Минуту он вглядывался в направлении залегшей цепи противника, стараясь определить попадание, потом, вскочив, побежал над цепью к остальным пулеметам.

— Огонь!

— Даем! Го-го-го-го! — выл Хвылычко, поворачивая к нему напуганное и счастливое лицо.

Около третьего от центра пулемета были ребята не совсем надежные. Бунчук бежал к ним. На полпути он, пригнувшись, поглядел в бинокль: в запотевших окружающих стеклах виднелись шевелившиеся серые комочки. Оттуда ударили четким сколоченным залпом. Бунчук упал и уже лежа определил, что прицел третьего пулемета неверен.

— Ниже! Черти!.. — кричал он извиваясь, переползая над цепью.

Пули тянули над ним близкий смертный высвист. Правильно, как на ученья, стреляли Алексеевцы.

У пулемета, нелепо-высоко задравшего нос, пластами лежали номера: наводчик грек Михалидзе, взяв несуразно высокий прицел, жарил без передышки, растрачивая запас лент, около него квохтал перепуганный позеленевший Степанов, сзади, воткнув голову в землю, сгорбясь, как черепаха, чуть приподнявшись на вытянутых ногах корячился железнодорожник товарищ Крутогорова.

Оттолкнув Михалидзе Бунчук долго шурился, примеривая прицел, а когда рубанул и содрогаясь размеренно зататакал под его руками пулемет — сказались и результаты: перебиравшаяся перебежкой кучка юнкеров сыпанула с пригорка назад, потеряла одного на суглинистой плешине.

Бунчук вернулся к своему пулемету. Бледный Боговой (ярче синели пороховые пятна на его щеках), лежал на боку, выхаркивая ругательства перевязывал раненую в мякоть ногу.

— Стреляй в закон мать! — становясь на четвереньки орал рядом лежавший огнисто-рыжий красногвардеец. — Стреляй! Не видишь, што наступают?!..

Цепи офицерского отряда парадной перебежкой текли над насыпью.

Богового заменил Ребиндер. Умело, экономно, не||

<Л. 13>

25.

горячася повел стрельбу.

А с левого фланга заячьими скачками вскидывался Геворкянц, падал от каждой пролетавшей над ним пули, охая прыгал к Бунчуку, [заверещал] верещал: [еще издали:]

— Не могу!.. Не могу!.. Не подвходит!.. Не стреляет!..

Бунчук, почти не прикрываясь, бегом скользил над изломисто легшей цепью.

Еще издали увидел: Анна на коленях стоит возле пулемета, из-под ладони, отводя нависающую прядь волос, смотрит на вражескую цепь.

— Ложись!.. — чернея от страха за нее, наливаясь кровью крикнул Бунчук. — Ложись, тебе говорят!..

Она глянула в его сторону и осталась так-же стоять. С губ Бунчука просилось тяжелое, как камень, ругательство. Он добежал до нее, с силой пригнул к земле.

За щитом сопел Крутогоров.

— Заело! Не идет! — дрожа прошептал он Бунчуку и ища глазами Геворкянца, поперхнулся криком: — Сбежал проклятый! Ихтизавр твой допотопный сбежал!.. Он мне душу разодрал своими стонами!.. работать не дает!..

Геворкянц подполз извиваясь по змеиному. На черной щетине его небритой бороды засохла грязь. Крутогоров секунду смотрел на него, повернув бычью потную шею, завопил, покрывая гром стрельбы:

— Ленты куда задевал?.. Звероподобие!.. Ископаемый!.. Бунчук! Бунчук, убери его, я его уничтожу!..

Бунчук копался над пулеметом. Пуля с силой цокнула в щит и он отдернул руки, как от горячего.

Наладив неисправность сам повел стрельбу. Заставил лечь бесстрашно перебегавших Алексеевцев, и отполз, разыскивая глазами прикрытие.

Цепи противника подвигались ближе. В бинокль видно было, как партизаны шли — винтовки на ремнях — редко ложась. Огонь их стал жестче. В красногвардейской цепи у трех уже, подползая, взяли товарищи винтовки и патроны, — мертвым оружие не надобно. На глазах Анны и Бунчука, лежавшего рядом с пулеметом Крутогорова, в цепи сразила пуля молоденького парнишку-красногвардейца. Он долго бился и хрипел, колотил землю ногами в обмотках и под конец, опираясь на разбросанные руки, привстал, побряхтел, ткнулся лицом, в последний раз выдохнув воздух. Бунчук смотрел с боку на Анну. Из огромных расширенных глаз девушки сочился текучий ужас. Она не мигая глядела на ноги убитого||

<Л. 13 об.>

26.

парня в солдатских измочаленных временем обмотках, не слышала, как Крутогоров в упор кричал ей.

— Ленту!.. Ленту!.. Давай!.. Девка давай ленту!

Глубоким фланговым охватом Калединцы оттеснили красногвардейскую цепь. По улицам предместья Нахичевани мелькали черные пальто и шинели отступавших красногвардейцев. Крайний с правого фланга пулемет попал в руки белых. Грека Михалидзе в упор застрелил какой-то портупей-юнкер, товарища Крутогорова искололи штыками, как учебное чучело, бежал из номерных один лишь наборщик Степанов.

Отступление приостановилось, [*лишь*] когда с тральщиков первые полетели снаряды.

— В цепь!.. За мной!.. — крикнул, выбегая вперед, знакомый Бунчуку член ревкома.

Качнулась и ломаясь пошла в наступление красногвардейская цепь. Мимо Бунчука и жавшихся к нему Крутогорова¹, Анны и Геворкянца прошли трое, почти рядом. Один курил, другой на ходу стучал по колену затвором винтовки, третий сосредоточенно разглядывал измазанные полы своего пальто. На лице его, в кончиках усов путалась виноватая усмешка, словно не на смерть шел он, а

¹ Фамилия «Крутогоров» дважды подчеркнута в рукописи в связи с ошибкой автора (погибший герой вновь принимает участие в событиях). В печатном тексте в первом случае Шолохов исправил «товарища Крутогорова искололи штыками, как учебное чучело» на «второго номерного искололи штыками, как учебное чучело».

возвращался с товарищеской пирушки домой и, глядя на измазанное пальто, определял степень наказания, которому подвергнет его сварливая жинка.

— Вон они! — крикнул Крутогоров, указывая на дальнюю изгородь и копошившихся за ней серых человечков.

— Устанавливай! — Бунчук по медвежьей крутнул пулемет.

Бодрый говор его заставил Анну заткнуть уши. Она присела, видела, как за изгородью стихло движение, а через минуту оттуда размеренно забили залпы и, высверливая невидимые дыры в хмарной парусине неба, потекли над головами пули.

Колотилась барабанная дробь пачечной стрельбы, сухо выгорали змеившиеся над пулеметами ленты. Одиночные выстрелы лопались полнозвучно и зрело. Давил скрежещущий перемешанный с визгом вой пролетавших через головы снарядов, посылаемых черноморцами с тральщиков. Анна видела: один из красногвардейцев, рослый, в мерлушковой шапке, с усами подстриженными по английски, встречая и невольным поклоном провожая каждый пролетавший снаряд, кричал:

— Сыпь Семен, подсыпай Семен! Сыпь им гуще! — Снаряды и в самом деле ложились гуще. Моряки, пристрелявшись, вели комбинированный огонь. Отдельные кучки медленно отходивших Калединцев покрывались частыми очередями шрап-||

<Л. 14>

27.

нели. Один из снарядов орудия, бившего на поражение, разорвался среди отступавшей неприятельской цепи. Бурый столб разрыва разметал людей, над воронкой опадая рассасывался дым. Анна бросила бинокль, ахнула, [и] грязными ладонями закрыла опаленные ужасом глаза, она видела в близком окружьи стекло [смерчевую] **смерчевой** [воронку] **вихрь** разрыва и чужую гибель, горло ее перехватила прогорклая спазма.

— Что? — крикнул Бунчук, наклонясь к ней.

Она стиснула зубы, расширенные зрачки ее тускло дымились.

— Не могу...

— Мужайся! Ты... Анна, слышишь? Слышишь?.. Нель-зя так!.. Нель-зя!.. — стучался ей в ухо властным окриком команды.

На первом фланге, на подступах к небольшой возвышенности, в балке накапливалась пехота противника. Бунчук заметил это, перебежав с пулеметом на более удобное место взял возвышенность и балку под обстрел.

— Та-та-та-та-та-та-та!.. Та-та-та-та-та-так! неровно, обрывисто работал пулемет Ребиндера.

Шагах в двадцати кто-то охрипый, сердитый кричал.

— Носилки!.. Нет носилок?.. Носилки!..

— Прице-е-ел... — тягуче пел голос взводного из фронтовых солдат. — Восемнадцать, взвод, пли!

К вечеру над суровой землей снижаясь завертелись первые снежинки. Через час мокрый липкий снег жидкой белью притрусил поле и суглинисто-черные ко-

мочки убитых, никло polegших везде, где наступая и отходя топтались цепи сражавшихся.

К вечеру отошли Калединцы.

В эту мутно-белевшую молодым снегом ночь Бунчук был в пулеметной заставе. Крутогоров, накинув на голову где-то добытую богатую попону, ел мокрое волокнистое мясо, плевал, ругался вполголоса. Геворкянц здесь-же в воротах окраинного двора грел над цыгаркой синие сведенные холодом пальцы, а Бунчук сидел на цинковом патронном ящике, кутал в полу шинели зябко дрожавшую Анну, отрывал от глаз ее плотно прижатые влажные ладони, изредка целовал их, Непривычные, туго [*сходились*] **сходили с губ** слова нежности.

— Ну, как-же это так?.. Ты ведь твердая была... Аня, послушай, возьми себя в руки!.. Аня!.. милая... дружище!.. К этому привыкнешь... Если гордость не позволяет||

<Л. 14 об.>

28.

тебе уйти, то будь иной. А на убитых нельзя так смотреть... Проходи мимо — и все. Не давай мыслям воли, внуздывай их. Вот видишь, хотя ты и говорила, а женское одолевает тебя.

Анна молчала. Пахли ладони ее осенней землей и теплом женщины.

Перепадающий снежок крыл небо тусклой, [*и*] ласковой поволокой. Хмельная дрема стыла над двором, над близким полем, над городом, притаившимся по звериному.

7.

Шесть дней под Ростовом и в самом Ростове шли бои. Дрались на улицах и перекрестках. Два раза красногвардейцы сдавали Ростовский вокзал и оба раза выбивали оттуда противника. За шесть дней не было пленных ни с той ни с другой стороны.

Перед вечером 26 ноября Бунчук, проходя с Анной мимо товарной станции, увидел, как двое красногвардейцев пристреливают офицера взятого в плен, отвернувшейся Анне сказал:

— Вот это мудро. Убивать их надо, истреблять без пощады! Они нам пощады не дадут, да мы в ней и не нуждаемся, и их нечего миловать. К чорту! Сгребать с земли эту нечисть! И вообще без сантиментов, раз дело идет об участии революции. Правы, они, эти рабочие!

На третий день он заболел. Сутки держался на ногах, ощущая постоянную нарастающую тошноту, слабость во всем теле, чугунным звоном и непреодолимой тяжестью наливавшуюся голову.

Растрепанные красногвардейские отрядики уходили из города на рассвете 2 декабря. Бунчук шел за повозкой с пулеметом и ранеными, поддерживаемый Анной и Крутогоровым. Он с величайшим трудом нес свое обмякшее бессильное тело, как во сне переставлял железно-неподатливые ноги, встречал далекий призывно-встревоженный взгляд Анны и словно издали слух его воспринимал ее слова.

— Сядь на повозку, Илья. Слышишь? Ты понимаешь меня, Илюша? Прошу тебя, присядь ведь ты болен!

Но Бунчук не понимал ее слов, не понимал и того, что, надломив, борет и уже одолел его тиф. Где-то снаружи бились, не проникая в сознание, чужие и странно-знакомые голоса, где-то удаленные расстоянием горели исступленным тревожным огнем черные глаза Анны, чудовищно раскачиваясь клубилась борода Крутогорова.

Бунчук хватался за голову, [и] прижимал к пылающему багровому лицу свои волосатые широкие ладони. Ему||

<Л. 15>

29.

казалось, что из глаз его сочится кровь, а весь мир, безбрежный, неустойчивый [и странно отдаленный от него] отгороженный от него какой-то невидимой [неощутимой] зановесью — дыбится, рвется из-под ног. Бредовое воображение его лепило невероятные представления. Он часто останавливался, сопротивлялся Крутогорову, хотевшему усадить его на повозку.

— Не надо! Подожди! Ты кто такой? А где Анна? Дай мне земли комочек... А этих уничтожай, под пулемет по моей команде. Наводка прямая... Постой! Горячо!.. — хрипел он, выдергивая из рук Анны свою руку.

Его силой уложили на повозку. Минуту он еще ощущал резкую смесь каких-то разнородных запахов, видел хаотическое преломление световых эффектов, со страхом пытался вернуть сознание, переламывал себя и не переломил. Замкнулась над ним черная, набухшая беззвучием пустота, [и] лишь где-то в вышине углисто горел какой-то опаловый, окрашенный лазурной голубизною клочек, да скрещивались зигзаги и петли червонных молний.

8.

С крыш падали пожелтевшие от соломы сусульки, разбивались с хрустким стеклянным звоном. В хуторе лужинами и проталинами цвела оттепель, по улицам, приняюхиваясь, бродили невылинявшие коровы. По весеннему чулюкали воробьи, копошась в кучах сваленного на базах хвороста. На площади Мартин Шамиль гонял за сбежавшим с база сытым рыжим конем. Конь, круто поднимая мочалистый донской хвост, трепля по ветру нерасчесанную гриву взбрыкивал, далеко кидал с копыт комья талого снега, делал круги по площади, останавливался у церковной ограды, нюхал кирпич, [и] подпуская хозяина — косил фиолетовый глаз на уздечку в его руках и вновь вытягивал спину в бешеном намёте.

Пасмурными теплыми днями баловал землю январь. Казаки глядя на Дон ждали преждевременного разлива. Мирон Григорьевич в этот день долго стоял на заднем базу, глядел на взбухший снегом луг, на ледяную сизозелень Дона, думал: «Гляди накупает и в нынешнем году, как в прошлом. Снегов-то, снегов навалило. Небось тяжело под ними землице[»], **не вздохнет**».

Митька в одной защитной гимнастерке чистил коровий баз. Белая папаха чудом держалась на его затылке. Мокрые от пота прямые волосы падали на лоб, он

отводил их тылом грязной, провонявшей навозом ладони. У ворот базка лежали сбитые в кучу мерзлые слитки скотиньего||

<Л. 15 об.>

30.

помета, по ним топтался пушистый козел. Овцы жались к плетню. Ярка, переросшая мать, пыталась сосать ее, мать гнала ее ударами головы. В стороне кольцегогий черный чесался о соху валух.

У амбара, с желтой окрашенной глиной дверью, валялся на сугреве брудастый желтобровый кобель. Снаружи под навесом на стенах амбара висели вентери, на них глядел дед Гришака, опираясь на костыль, видно думал о близкой весне и починке рыболовных снастей.

Мирон Григорьевич прошел на гумно, хозяйским глазом обмерял прикладки сена, начал было подгребать граблями раздерганную козами просяную солому, но до слуха его дошли чужие голоса. Он кинул на скирд грабли, [и] пошел на баз.

Митька, оставив ногу, вертел папироску, богато расшитый любушкой кисет держал между двух пальцев. Около него стояли Христоня и Иван Алексеевич. Со дна голубой атаманской фуражки Христоня доставал [засаленую] замусоленную курительную бумажку. Иван Алексеевич, прислонясь к плетеным воротцам база, распахнув шинель, шарил по карманам ватных солдатских штанов. На глянцево-выбритом лице с глубокой черневшей на подбородке дыркой тенилась досада, видимо забыл что-то.

— Здорово ночевал, Мирон Григорич! — поздоровался Христоня.

— Слава богу, служивые!

— Иди под общий кур.

— Спаси Христос, недавно покурил.

Поручавшись с казаками, Мирон Григорьевич снял красноверхий треух, погладил сторчмя стоявшие белесые волосы и улыбнулся.

— Из чево доброва пожаловали, братцы-атаманцы?

Христоня сверху вниз поглядел на него, ответил не сразу, сначала долго слюнул бумажку, елозил по ней большим, как у быка, шершавым языком и, уже скрутив, пробасил:

— К Митрию, стал-быть, дельце есть.

Мимо прошаркал дед Гришака. Ободья вентерей нес держа на отлет. Иван Алексеевич и Христоня, здороваясь с ним, сняли шапки. Дед Гришака отнес к крыльцу вентери, вернулся¹.

— Вы чево-ж это, вояки дома сидите? Пригрелись возля баб? — обратился он к казакам.

— А што? — спросил Христоня.

— Ты, Христошка замолчь! Кубыть и не знаешь?

— Ей-богу не знаю. — забожился Христоня. — Вот те крест, деданя, не знаю!

— Человек надысь ехал с Воронежа, купец, знакомец Сергея Платоныча Мохова, али сродствие ему какое доводится, — не||

¹ ППС: «вернулся, отнес к крыльцу вентери».

<Л. 16>

31.

знаю. Ну, так вот, ехал и гутарил, што на Чертковой стоит чужая войска, большаки эти самые. Русь на нас войной идет, а вы — по домам? И ты поганец, слышишь Митька? Ты-то чево молчишь? Чево вы думаете?

— А ничево мы не думаем — улыбнулся Иван Алексеевич.

— То-то и беда, што ничево не думаете! — горячился дед Гришака. — Вас, как куропатей в осилки возьмут! Вот заполонят вас мужики, набьют вам сопелки...

Мирон Григорьевич сдержанно улыбался, Христоня, проводя по щекам рукой, шуршал щетиной давно небритой бороды, Иван Алексеевич, покуривая, глядел на Митьку, а у того в сторчевых кошачьих зрачках теплились огоньки и нельзя было понять — смеются желтые его глаза, или дымятся несытой злобой.

Поговорив немного, Иван Алексеевич и Христоня попрощались, отозвали к калитке Митьку.

— Ты почему вчера не пришел на собрание? — строго спросил Иван Алексеевич.

— Время не указало.

— А к Мелеховым было время ходить?

Митька кивком головы кинул на лоб папаху, сказал скрытно злобась.

— Не пришел и все тут. Об чем будем гутарить?

— Были все хуторные фронтовики, Петро Мелехов не был, ты знаешь... реши делегатов посылать от хутора в Каменскую. Там десятова января съезд фронтовиков. Жербий <sic> трясли, досталось нам троим ехать: мне, Христану вот, и тебе.

— Я не поеду. — решительно заявил Митька.

— Ты што? — Христоня нахмурился и взял его за пуговицу гимнастерки. — Отбиваешься от своих? Не с руки?

— Он с Мелеховым Петькой... — Иван Алексеевич тронул рукав Христининой шинели, сказал заметно бледнея: — Ну, пойдём. Тут видно делать нам¹ нечево. Не поедешь, Митрий?

— Нет. Сказал нет, — значит нет.

— Прощевай. — скособочил Христоня голову.

— Час добрый.

Митька, отводя взгляд, протянул ему горячую руку, пошел к куреню.

— Гад! — вполголоса сказал Иван Алексеевич и коротко подрожал ноздрями. — Гад! — звонче повторил он, глядя в широкую спину уходявшего Митьки.

Дорогой, заходя попутно, уведомили кое-кого из фронтовиков, что Коршунов отказался ехать, и что завтра||

<Л. 16 об.>

32.

они вдвоем выезжают на съезд.

8 января с рассветом Христоня и Иван Алексеевич выехали из хутора. Вез их по собственной охоте Яков Подкова. Пара добрых коней в дышловой запряжке

¹ ППС: «нам делать».

быстренько миновала хутор, выбралась на бугор. Оттепель оголила дорогу. Местами, где слез снег, полозья липли к земле, сани двигались толчками, лошади налегали, натягивая постромки.

Казачи шли сзади саней. Подкова — красный от легкого утренника — шагал с хрустом дробя сапогами звонистый ледок. На лице его полыхал румянец, лишь овальный шрам трупно синел.

Сбочь дороги по зернистому осевшему снегу, гребся в гору Христоня, хватая легкими воздух, задыхаясь потому что пришлось в 1916 году понюхать под Дубно немецких удушливых газов.

На бугре широко гуляли ветра. Было холодней. Казачи молчали. Иван Алексеевич кутал лицо воротником тулупа. Дальний приближался лесок. Дорога, прокальвая его, выходила на курганистый гребень. В лесу ручьи журчили ветер. На стволах сохатых дубов золотою прозеленью узорились чешуйчатые плиты ржавчины. Где-то далеко стрекотала сорока. Она пролетела над дорогой косо избочив хвост. Ветер сносил ее и в стремительном полете летела она накренившись, мелькая рябым опереньем.

Подкова, молчавший от самого хутора, повернулся к Ивану Алексеевичу, сказал раздельно (наверное давно заготовив эту фразу):

— На съезде постарайтесь, штоб было без войны дело. Охотников не найдется.

— Понятно. — согласился Христоня, завистливо глядя на вольный полет сойки, и в мыслях сравнил бездумно счастливую птичью жизнь с людской.

В Каменскую они приехали к вечеру 10го января. По улицам большой станицы шли к центру толпы казаков. Чувствовалось заметное оживление. Разыскав квартиру Мелехова Григория, Иван Алексеевич и Христоня узнали, что его дома нет. Хозяйка — дородная белобрысая женщина — сказала, что квартирант ушел на съезд.

— Где он этот самый, стал-быть, съезд? — спросил Христоня.

— Наверное в окружном управлении, или на почте. — ответила хозяйка, радушно захлопывая дверь перед носом Христоня.

Съезд был в полном разгаре. Большая многооконная ком-||

<Л. 17>

33.

ната едва вместила делегатов. Многие казаки толпились на лестнице, в коридорах, в соседних комнатах.

— Держи за мной. — закричал Христоня, работая локтями.

В узкую улочку, образовавшуюся за ним, устремился [и] Иван Алексеевич. Почти у самого входа в комнату, где происходил съезд, Христоню остановил один из казаков, — судя по выговору — низовской.

— Ты-бы потише толкался, чебак! — язвительно сказал он.

— Пусти, штоль?

— Постоишь и тут, видишь некуда.

— Пусти, комарь, а то к ногтю! Раздавлю стал-быть. — пообещал Христоня и, легко приподняв, передвинул мелкорослого казака, шагнул вперед...

- Ай-да ведьмедишше!
- [*Здорово*] **Здоров** атаманец!
- Трясило добрый. На нем-бы, четырехдюймовые возить!
- Как он ево посунул-то!

Казаки, стоявшие тесным гуртом, заулыбались, с невольным почтением разглядывая Христоню, бывшего на голову выше всех.

Григория нашли у задней стены. Сидя на корточках он курил, беседовал с каким-то казаком — делегатом 35 полка. Он увидел хуторян и вислые воронено-черные усы его дрогнули в улыбке.

— Тю, каким вас ветром занесло? Здорово, Иван Алексеев, здорово живешь, дядя Христан!

— Здорова, да, стал-быть, не дюже семенна. — посмеивался Христоня, забирая в свою полуаршинную ладонь всю руку Григория.

— Как там наши?

— Слава богу. Поклон прислали. Отец наказывал, штоб приехал проведать.

— Петро как?

— Петро... — Иван Алексеевич неловко улыбнулся. — Петро с нашим братом не якшается.

— Знаю. Ну, а Наталья? Детишки? Припадало видать?

— Все здоровые, кланялись. Батяшка-то обиду держит.

Христоня, поводя головой, разглядывал сидевший за столом президиум. Ему и сзади было видней всех. Григорий продолжал расспрашивать, пользуясь небольшим перерывом в заседании. Рассказывая про хутор, про хуторские новости, Иван Алексеевич кратко передал о собрании фронтовиков, пославших его с Христоней сюда. Он начал было разузнавать, что и как происходит в Каменской, но в это время кто-то из сидевших за столом зыкнул:

— Зараз, станичники скажет делегат от рабочих шахтеров Сырцов. Просьба слушать со вниманием, а так-же||

<Л. 17 об.>

34.

порядок блюсть.

Толстогубый, среднего роста человек, поправил зачесанные вверх русые волосы, заговорил. Сразу, как обрубленный, смолк пчелиный гуд голосов.

С первых-же слов его горячей, прожженной страстью речи, Григорий и остальные почувствовали силу чужого убеждения. Он говорил о предательской политике Каледина, толкающего казачество на борьбу с рабочим классом и крестьянством России, об общности интересов казаков и рабочих, о целях, которые преследуют большевики, ведя борьбу с казачьей контрреволюцией.

— Мы протягиваем братскую руку трудовому казачеству и надеемся, что в борьбе с белогвардейской бандой мы найдем верных союзников в лице фронтового казачества. На фронтах царской войны рабочие и казаки вместе лили кровь и в войне со слётками буржуазии, пригретыми Калединым, мы должны быть вместе и будем вместе! Рука с рукой мы пойдем в бой с теми, кто поработал трудящихся в течении целых столетий! — гремел его трубный голос.

— Ссукин сын! Язви ево в почки!.. — восторженно шептал Христоня и так стискивал локоть Григория, что тот морщился.

Иван Алексеевич слушал чуть полуоткрыв рот, от напряжения часто мигая бормотал:

— Верно! Вот это — верно!

После Сырцова говорил, раскачиваясь, как ясень под ветром, какой-то высокий шахтер. Встал он, выпрямился будто складной, оглядел многоглазую толпу и долго выжидал, пока потишеет гомон. Был шахтер этот вроде баржевого каната: узловат, надежно крепок, сух, отсвечивал зеленым, будто прокупорошенный. В порах лица его крохотными несмываемыми точками чернела угольная пыль и таким-же угольным блеском томились соловые обесцвеченные вечными потемками и черными пластами земляной утробы глаза. Он встряхнул короткими волосами — хлопьями просмаленой пакли, взмахом стиснутых в кулачья рук как кайло всадил.

— Кто на фронте ввел смёртную казнь для солдат? Корнилов! Кто с Калединым — душит нас? Он! — и зачистил, захлестнулся криком: — Казаки! Братцы! Братцы! Братцы! К кому-же вы [*прислонитесь*] **пристанете**? Каледину охота есть, чтоб мы кровью братской оппились! Нет! Нет! Не будет ихнего дела! Задавим, в бога, в потемки мать! Гидров этих в море спрудим!

— Ссукин сын!.. — раздирая рот улыбкой всплес-||

<Л. 18>

35.

нул руками Христоня и не выдержал, загоготал:

— Вер-наа!.. Дай им звару!

— Заткнись! Христан, што ты? Выкинут тебя! — испугался Иван Алексеевич.

Лагутин букановский казак и первый председатель казачьего отдела при ВЦИКе второго созыва жег казаков корявыми, нескладными, но бравшими за живое словами. Говорил председательствовавший Подтелков, его сменил красивый, с усами подстриженными по английски Щаденко.

— Кто это? — вытягивая граблястую руку допытывался у Григория Христоня.

— Щаденко. Командир у большевиков.

— А это?

— Мандельштам.

— Откель?

— С Москвы.

— А эти, кто такие? — указывал Христоня на группу делегатов воронежского съезда.

— Помолчи хучь трошки, Христан!

— Господи божа, да ить, стал-быть, любопытственнно. Ты мне скажи, вон энтот, што рядом с Подтелковым сидит, длинноликий такой, он — кто?

— Кривошлыков, еланский, с хутора Горбатова, за ним наши — Кудинов, Донецков.

— Ишо разок спытаю, а вон энтот, да нет, вон крайний с чубом?

— Елисеев, не знаю какой станицы, рядом с ним, никак, Дорошев.

Христоня удовлетворенный замолчал, слушал нового оратора с прежним ослабленным вниманием, первый покрывал сотни голосов своим густым октавистым — «Вернаа!..»

После Стехина, одного из казаков-большевиков выступил делегат 44 полка. Он долго давился вымученными шершавыми фразами, скажет слово, как тавро поставит в воздухе, и молчит, шморгает носом; но казаки слушали его с большим сочувствием, изредка лишь прерывали криками одобрения. То, что говорил он, видимо находило среди них, живой отклик.

— Братцы! Надо нашему съезду так подойти к этому сурьезному делу, чтоб не было народу обидно, и чтоб покончилось оно все тихо-благо. — тянул он, как заика. — Я к тому говорю, чтоб обойтись нам без кровавой войны. И так три года с половиной мурели в окопах, а ежли к тому сказать, ишо доведется воевать, то казаки уморились...

— Правильна-а-а!..

— Совершенно верно!

— Не хотим войны!..

— Надо договориться и с большевиками и с Войсковым Кругом.

— Миром надо, а не абы как!.. Нечево шаровариться!||

<Л. 18 об.>

36.

Подтелков громил кулаками стол и рев смолчал. Вновь, потрагивая сибирьковую бородку, тянул делегат 44 полка:

— Надо нам послать своих от съезда депутатов в Новочеркасск и добром попросить, чтоб добровольцы и разные партизанты уходили отсель. А большевикам у нас тоже самое делать нечево. Мы со врагами рабочева народа сами сладим. Чужой помочи нам, покеда што, не требуется, а как потребуется — мы их тады попросим оказать нам помочь.

— Ни то управимся, ни то нет!

— Не к делу этакая речь!..

— Вернааа!

— Погоди, погоди! Чево верна? А ну, как они нас прижмут на склизком, а тогда проси помочи? Нет, пока поспеют каныши, так у бабушки не будет и души.

— Свою власть надо исделать.

— Курочка в гнезде, а яйцо ишо... прости бог! То-то народ глупой!

После делегата 44 полка сыпал призывно-горячие слова Лагутин. Его прерывали криками. Поступило предложение назначить перерыв на десять минут, но сейчас-же, как только восстановилась тишина, Подтелков кинул в жарко согретую толпу:

— Братья-казаки! Покедова мы тут совещаемся, а враги трудовова народа не дремают. Мы все хотим чтоб и волки были сытые и овцы целые, а Каледин он не так думает. Нами перехвачен его приказ об аресте всех учасников вот этого съезда. Сейчас этот приказ будет прочитан вслух.

По толпам делегатов зыбью прошлось волнение, после прочтения приказа Каледина об аресте членов съезда. Взыбился шум, в сто крат больший чем на любом станичном майдане.

- Дело делать, а не разговорами заниматься!
- Тишшше!.. Чшшш!..
- Чево там тише, круши!..
- Лобов! Лобов!.. Скажи им словцо!..
- Погодим трошки!..
- Каледин он не дурак!..

Григорий молча вслушивался, месил глазами заходившие в раскачку головы и руки делегатов, и не утерпел, приподнимаясь на цыпочки загорланил:

— Да замолчите-же, черти!.. Базар вам тут? Дайте вон Подтелкову слово сказать...

Иван Алексеевич сцепился спорить с одним из||

<Л. 19>

37.

делегатов 8го полка, Христоня рычал, отбиваясь от нападавшего на него полчанина:

— Тут на карауле надо, стал-быть, находиться! Ты мне... Да чево ты брешешь?.. Маланья! Эх, ты, друг-другок, курюк у нас тонок самим управиться!..

Громыханье голосов улеглось (так выбившийся из сил ветер ложится на волну пшеницы и клонит ее долу), в нездоровую тишину всверлился девичье-тонкий голос Кривошлыкова:

— Долой Каледина! Да здравствует казачий Военно-революционный комитет!

Толпа застонала, в тяжелый, хлещущий по ушам жгут скрутились слитные раскатистые крики одобрения. Кривошлыков остался стоять с поднятой рукой. Пальцы на ней, как листья на черенках, мелко дрожали. Едва лишь, немея, простерся оглушительный рев он так-же тонко, залиvisto и голосисто, как на травле волка, крикнул:

— Предлагаю избрать из своей среды казачий Военно-революционный комитет. Ему поручить вести борьбу с Калединым и органи...

— Гаааа!.. — снарядным взрывом лопнул крик, [и] осколками посыпались с потолка куски отвалившейся штукатурки.

Начались выборы членов ревкома. Незначительная часть казаков, руководимая выступавшим делегатом 44 полка и другими, продолжала настаивать на мирном улаживании конфликта с Войсковым правительством, но большинство присутствовавших на съезде уже не поддерживало их; казаки взбурлились, заслушав приказ Каледина об их аресте, настаивали на активном противодействии Новочеркаску.

— Григорий не дождался конца выборов, его срочно вытребовали в штаб полка. Уходя, попросил Христонию и Ивана Алексеевича:

— Как кончится — идите домой ко мне. Любопытно кто пройдет в члены.

Иван Алексеевич вернулся ночью.

— Подтелков председателем, Кривошлыков секретарем. — с порога заявил он.

— Члены?

— Там и Лагутин Иван и Головачев, Минаев, Кудинов, ишо какие-то.

— А Христан где-же? — спросил Григорий.

— Он с казаками направился каменские власти арестовывать. Распалился как-зак, плюнь на него — зашипит. Беда!

Христоня вернулся на рассвете. Долго сопел, разуваясь, бурчал что-то вполголоса. Григорий зажег лампу, увидел на побуревшем||

<Л. 19 об.>

38.

лице его кровь и огнестрельную царапину выше лба.

— Кто это тебя? Перевязать? Я зараз, погоди вот бинт найду. — вскочил с кровати, разыскал марлю и бинт.

— Загóится, как на собаке. — урчал Христоня. — Это меня стал-быть, воинский начальник скобленул с нагана. Пришли к нему, как гости, с параднево, а он зачал обороняться. Ишо одново казака ранил. Хотел душу с него, стал-быть, вынуть, поглядеть, какая она из себя офицерская душа, — казаки не свелели, а то-бы я его пошшупал... Уж пошшупал-бы до болятки!

9.

На другой день в Каменскую прибыл, по приказу Каледина 10 донской казачий полк, с целью ареста всех участников съезда и обезоружения наиболее революционных казачьих частей.

На станции в это время был митинг. Огромнейшая толпа казаков бурлила, по разному реагируя на речь какого-то оратора-латыша.

Полк, выгрузившись, примкнул к митингу. Отборно рослые, вылощенные гундоровцы, на половину составлявшие кадры полка, смешались с казаками других полков. В настроении их сейчас-же произошел резкий перелом. На приказ командира полка о выполнении распоряжения Каледина казаки ответили отказом. Среди них началось брожение, как следствие усиленной агитации, которую развернули сторонники большевиков.

А в это время Каменская трепалась прифронтовой лихорадкой: наскоро сбитые отряды казаков высылались на занятие и закрепление занятых станций, часто отходили эшелоны, отправлявшиеся по направлению Звереве-Лихой. В частях шли перевыборы командного состава. Под сурдинку уезжали из Каменской казачки, не желавшие войны. С запозданием являлись делегаты от хуторов и станиц; по улицам замечалось небывало-оживленное движение.

13го января в Каменскую прибыла с целью переговоров делегация от Донского правительства в составе председателя Войскового Круга Агеева, членов Круга Светозарова, Уланова, Карева, Бажелова и войскового есаула Кушнарева.

У вокзала встретила их густая толпа народа. Охрана из казаков Лейб-Гвардии Атаманского полка проводила прибывших до здания почтово-телеграфной кон-

торы, где всю ночь происходило заседание членов Военно-революционного комитета, совместно с прибывшей делегацией правительства.

От Военно-революционного комитета присутствовало 17 человек. Подтелков первый, отвечая на речь Агеева, обвинявшего Военно-революционный комитет в измене Дону||

<Л. 20>

39.

и соглашения с большевиками, дал ему резкую отповедь. После него выступали Кривошлыков, Лагутин. Речь войскового есаула Кушнарева неоднократно прерывалась криками, сгрудившихся в коридоре казаков. Один из пулеметчиков от имени революционных казаков требовал ареста делегации.

Совещание не привело ни к каким результатам. Уже около 2 часов **ночи**, когда стало ясно, что соглашение по вопросам расхождения не может быть достигнуто, было принято предложение члена Войскового Круга Карева, о приезде в Новочеркасск делегации от Военно-революционного комитета, для окончательного вырешения вопросов о власти.

Следом за уехавшей делегацией Донского правительства в Новочеркасск отправились и представители Военно-революционного комитета, во главе с Подтелковым. По общему выбору были делегированы Подтелков, Кудинов, Кривошлыков, Лагутин, Скачков, Головачев и Минаев. Заложниками остались арестованные в Каменской офицеры Атаманского полка.

10.

За окном вагона рябила метель. Над полуразрушенным частоколом щитов виднелись прилианные ветром затвердевшие сугробы. Изломистые крыши их были причудливо исчерчены следами птичьих ног.

На север уходили полустанки, телеграфные столбы и вся бескрайная, жуткая в снежном своем однообразии степь.

Подтелков в новой кожаной тужурке сидел у окна. Против него, облокотясь на столик, смотрел в окно узкоплечий, сухой, как подросток, Кривошлыков. В детски-ясных глазах его дневали тревога и ожидание. Лагутин расческой гладил небогатую русую бороденку. Здоровый казачина Минаев грел над трубой парового отопления руки, ерзал по лавке. Головачев с Скачковым о чем-то тихо беседовали, лежа на верхних полках.

В вагоне было в меру накурено, прохладно. Члены делегации чувствовали себя, отправляясь в Новочеркасск, не совсем уверенно. Разговоры не вязались. Нудная кисла тишина. Проехали Лихую. Подтелков высказал общую мысль:

— Не будет дела. Не столкнется.

— Зряшная поездка. — поддержал его Лагутин.

Снова долго молчали. Подтелков размеренно шевелил кистью руки, словно челнок пропускал сквозь сетные ячейки. Изредка он поглядывал на неяркий отлив своей кожаной тужурки, любясь ею.

Близился Новочеркасск. Поглядев на Дон, разбежисто уходящий от города, Минаев стал тихо рассказывать:||

<Л. 20 об.>

40.

— Бывало отслужат казаки в Атаманском полку сроки, — снаряжают их к отправке по домам. Грузят сундуки, именье свое, коней. Эшелон идет, и вот под Воронежом, где первый раз приходится переезжать через Дон, машинист, какой ведет поезд, дает тихий ход, самый што ни есть тихий, он уж знает в чем дело. Только што поезд выберется на мост, — батюшки мои, што тут начинается! Казаки прямо беснутся! «Дон! Дон наш! Тихий Дон! Отец родимый, кормилец! Урррааа!» И в окна кидают, с моста прямо в воду, через железный переплет фуражки, шинеля старые, шаровары, наволоки, рубахи, разную мелочь. Дарят Дон, возвертаясь со службы. Бывалоча глянешь, а по воде голубые атаманские фуражки, как лебедя, али цветки плывут... Издавна такой обычаем повелся...

Замедляя ход, поезд остановился. Казаки повстали. Кривошлыков, застегивая ремень на шинели, криво улыбнулся:

— Ну, вот и приехали во-своясы!

— Што-то не несут хлеб-соль. — попробовал пошутить Скачков.

В дверь без стука вошел высокий бравый есаул. Он оглядел членов делегации шупающими враждебными глазами, с нарочитой грубоватостью сказал:

— Мне поручено сопровождать вас. Потрудитесь-ка, господа большевики, поскорее покинуть вагон. Я не ручаюсь за толпу и... за вашу сохранность.

Он дольше, чем на всех, задержал глаза на Подтелкове, вернее на его офицерской тужурке, [и] уже с неприкрытой враждою скомандовал:

— Выходите из вагона, живо!

— Вот они мерзавцы, предатели казачества! — крикнул с облитого толпой перрона¹, какой-то [немолодой] длинноусый офицер. Подтелков побледнел, глянул на Кривошлыкова чуть растерянным, косящим взглядом. Тот, [сходя] **сходил** следом за Подтелковым, улыбаясь шепнул:

— Мы слышим звуки одобренья не в сладком рокоте хвалы, а в диких криках озлобленья... Слышишь, Федор?

И Подтелков, хотя и не расслышал последних слов, все-же улыбнулся.

Их сопровождал сильный офицерский наряд. До самого областного правления бесновалась провожавшая их, жаждавшая самосудной расправы, толпа. Бесчинствовали, оскорбляя делегатов, не только офицеры и юнкера, но и какие-то казаки, и прилично одетые женщины, и учащиеся.

— Какое вы [допускаете] **допускаете** безобразие. — обратился к одному из сопровождавших их офицеров возмущенный Лагутин. Тот||

<Л. 21>

41.

смерял его ненавистным взглядом, прошипел:

¹ ППС: «с перрона облитого толпой».

— Благодарю бога, что живой останешься... Моя-бы власть — я-бы тебе... такую твою мать, хамлюга, ууу, падаль!

Его остановил упрекающим взглядом другой, помоложе.

— Ну и переплет! — улучил момент шепнуть Головачеву Скачков.

— Будто на смертную казнь везут...

Зал областного правления не вмещал собравшегося народа. Пока прибывшие делегаты рассаживались по одну сторону стола, следуя указаниям какого-то распорядительного сотника, — подошли члены правительства.

Твердым, — во всю ступню, — волчьим шагом прошел чуть сутулый Каледин, сопровождаемый Богаевским. Он отодвинул свой стул, уселся, спокойным движением положил на стол защитную фуражку, белевшую офицерской кокардой, пригладил волосы и, застегивая пальцами левой руки пуговицу на боковом большом кармане френча, немного перегнулся в сторону Богаевского, что-то говорившего ему. Каждое движение его было налито твердой медлительной уверенностью, зрелой силой; обычно так держат себя люди подержавшиеся за власть, выработавшие на протяжении ряда лет особую, отличную от других осанку, манеру носить голову, походку. У него с Подтелковым было много тождественного. За то Богаевский, проигрывавший в соседстве с представительным Калединым, казался и невзрачней его и взволнованней предстоящими переговорами.

Он что-то говорил, невнятно шевеля губами, закрытыми русым карнизом висячих усов, поблескивал из-под пенсне острыми косо поставленными глазами. Нервозность сказывалось в том, как он поправлял воротничек, скользящими поверхностными движениями касался круто выгнутых салазок энергического подбородка, шевелил бровями, раскрылившимися на широких надглазницах.

От Каледина, сидевшего в центре, по обе стороны рассаживались члены Войскового правительства. Некоторые из них приезжали в Каменскую: Карев, Светозаров, Уланов, Агеев; немного поодаль сели Елатонцев, Мельников, Боссе, Шошников, Поляков.

Подтелков слышал, как Митрофан Богаевский, вполголоса что-то сказал Каледину. Тот коротко прищурился на Подтелкова, занимавшего место против него, сказал:

— Я думаю, можно начать.

Улыбнувшись, Подтелков внятно сообщил о целях приезда делегации. Кривошлыков протянул через стол заготовленный ультиматут Военно-революционного комитета; но Каледин, отстраняя его движением белой ладони, твердо сказал:||

<Л. 21 об.>

42.

— Нет смысла терять время на ознакомление **каждого [членов] члена** правительства **в отдельности** с этим документом. Потрудитесь прочитать вслух ваш ультиматут. После будем обсуждать.

— Читай. — приказал Подтелков.

Держался он с достоинством, но, видимо, как и все члены делегации, чувствовал себя не совсем уверенно. Кривошлыков встал. Девичье-звонкий и в то-же время [*тусклый*] **неяркий** голос его поплыл над забитым людьми залом.

— Вся власть в области Войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10 января 1918 года переходит от Войскового Атамана Донскому казачьему военно-революционному комитету.

Все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, отзываются 15^{то} января сего года и разоружаются, равно, как и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, все участники этих организаций, не жившие на Дону, высылаются из пределов Донской Области в места их жительства.

Примечание: оружие, снаряжение и обмундирование должно быть сдано комиссару военно-революционного комитета. Пропуск на выезд из Новочеркаска выдается комиссаром военно-революционного комитета.

Город Новочеркасск должны занять казачьи полки по назначению военно-революционного комитета.

Члены Войскового Круга объявляются неправомочными с 15^{то} сего января.

Вся полиция, поставленная Войсковым правительством, из рудников и заводов Донской Области отзывается.

Объявляется по всей Донской Области, станицам и хуторам о добровольном сложении Войсковым правительством своих полномочий, во избежание кровопролития, и о немедленной передаче власти областному казачьему военно-революционному комитету, впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения.

Едва умолк голос Кривошлыкова Каледин громко спросил:

— Какие части вас уполномочили?

Подтелков переглянулся с Кривошлыковым, начал словно про себя считать:

— Лейб-гвардии Атаманский полк, лейб-гвардии казачий, 6 батарея, 44 полк, 32 батарея, 14 отдельная сотня. — перечисляя он придавливал пальцы на левой руке, в зале зашущукались, прополз ехидный смешок и Подтелков, нахмурясь, положил на стол рыжеволосые ладони, повысил голос:

— 28 полк, 28 батарея, 12 батарея, 12 полк,

— 29 полк — тихо подсказал Лагутин.

— 29 полк, — продолжал Подтелков уже уверенней и громче, — 13 батарея, каменская местная команда, 10 полк, 27 полк, 2 пеший||

<Л. 22>

43.

батальон, 2 запасной полк, 8 полк, 14 полк.

После малозначущих **вопросов** и краткого обмена мнениями [*вопросов*] Каледин спросил, грудью наваливаясь на край стола, упирая взгляд в Подтелкова.

— Признаете-ли вы власть Совета Народных Комиссаров?

Допив стакан воды, Подтелков поставил на тарелку графин, вытер рукомов усы, ответил уклончиво.

— Это может сказать лишь весь народ.

Вступился Кривошлыков, опасаясь как-бы простоватый Подтелков не сболтнул лишнего.

— Казаки не потерпят такого органа, в который входят представители партии народной свободы. Мы — казаки — и управление у нас должно быть наше, казачье.

— Как понимать вас, когда во главе Совета стоят Бронштейн, Нахамкес и им подобные?

— Им доверила Россия, доверяем и мы!

— Будете-ли иметь с ними сношения?

— Да.

Подтелков одобрительно хмыкнул, поддержал:

— Мы не считаемся с лицами, считаемся с идеей.

Один из членов Войскового правительства простодушно спросил:

— На пользу-ли народа работает Совет Народных Комиссаров?

В его сторону пополз шупающий взгляд Подтелкова. Улыбнувшись он промолчал, потянулся к графину, налил и жадно выпил. Одолевала его жажда, будто большой огонь внутри заливал он прозрачной, покрывшей пузырьками стенки графина, водой.

Каледин, мелко барабня пальцами, пытливо расспрашивал:

— Что общего у вас с большевиками?

— Мы хотим ввести у себя в Донской области казачье самоуправление.

— Да, но вам, вероятно, известно, что на 4ое февраля созывается Войсковой Круг. Члены будут переизбраны. Согласны-ли вы на взаимный контроль?

— Нет! — Подтелков поднял уроненный взгляд, твердо ответил: — Если вас будет меньшинство, — мы вам диктуем свою волю.

— Но ведь это насилие.

— Да.

Митрофан Богаевский, переводя взгляд с Подтелкова на Кривошлыкова, спросил:

— Признаете-ли вы Войсковой Круг?

— Постольку поскольку... — пожал широченными плечами Подтелков. — Областной военно-революционный комитет созовет съезд представителей от этого... от населения. Он будет работать под контролем всех воинских частей. Ежли съезд нас не удовлетворит, — мы ево не признаем.||

<Л. 22 об.>

44.

— Кто — же будет судьей? — Поднял Каледин брови.

— Народ. — Подтелков гордо откинул голову [и], скрипя кожей тужурки привалился к спинке резного стула.

После короткого перерыва заговорил Каледин. В зале утих шум, [и] в выспевшей тишине четко зазвучал низкий осеннее-тусклый тембр атаманского голоса:

— Правительство не может сложить своих полномочий по требованию областного военно-революционного комитета. Настоящее правительство было избра-

но всем населением Дона и только оно, а не отдельные части, может требовать от нас сложения полномочий. Под воздействием преступной агитации большевиков, стремящихся навязать области свои порядки, вы требуете передачи вам власти. Вы — слепое орудие в руках большевиков. Вы исполняете волю немецких наемников, не осознав той колоссальной ответственности, которую берете на себя перед всем казачеством. Советую одуматься, ибо неслыханные бедствия несете вы родному краю, вступив на путь распри с правительством, отражающим волю всего населения. Я не держусь за власть, соберется Большой Войсковой Круг и он будет вершить судьбами края, но до его созыва я должен остаться на своем посту. В последний раз советую одуматься.

После него говорили члены правительства казачей и иногородней части. Длинную речь, перевитую славашами увещаниями, опрокинул на головы членов ревкома эсэр Боссе.

Выкриком перебил его Лагутин

— Наше требование — передайте власть военно-революционному комитету! Ждать нечево, ежели Войсковое правительство стоит за мирное разрешение вопроса...

Богаевский улыбнулся:

— Значит?

— Надо объявить во всеобщее сведение об том, што власть перешла к ревкому. Ждать две с половиной недели, покедова соберется ваш Круг, — нельзя. Народ и так ужасно наполнился гневом.

Долго мямлил Карев, и искал неосуществимого компромисса Светозаров.

Подтелков слушал их с раздражением. Он бегло оглядел лица своих, заметил, что Лагутин хмурится и бледнеет, Кривошлыков глаз не поднимает от стола, Головачев нетерпеливо порывается что-то сказать. Выждав время Кривошлыков тихо шепнул:

— Скажи!

Подтелков словно ждал этого, отодвинув стул он||

<Л. 23>

45.

заговорил, натужно заикаясь от волнения, ища какие-то большие сокрушающие слова убеждения.

— Не так вы говорите! Ежлиб Войсковому правительству верили, я с удовольствием отказался-бы от своих требований, но ведь народ не верит! Не мы, а вы начинаете гражданскую войну! Зачем вы приютили на казачьей земле разных белых генералов? Через это большевики и идут войной на наш Тихий Дон. Не покорюсь я вам! Не позволю! Пушай через мой труп пройдут. Мы вас фактами закидаем! Не верю я, штоб Войсковое правительство спасло Дон! Какие меры применяются к тем частям, какие не желают вам подчиняться? Ага, то-то и оно! Зачем напускаете на шахтеров ваших партизанов? Этим зло вокруг заводите! Скажите мне, кто порукой за то, штоб Войсковое правительство отсторонит гражданскую войну? Нечем вам крыть, а народ и фронтовые казаки за нас стоят!

В зале ветровым шелестом пополз смех, раздались по адресу Подтелкова негодующие голоса. Он повернул в ту сторону разгоряченно-багровое лицо, выкрикнул уже не тая горклой злобы:

Смеетесь зараз, а послѣ плакать будете! — и повернулся к Каледину, брызнул в него картечинами-глазами:

— Мы требуем передать власть нам, представителям трудового народа, и удаления всех буржуев и добровольческой армии! А настоящее правительство тоже должно уйти.

Каледин устало нагнул голову.

— Я из Новочеркаска никуда не собираюсь уходить и не уйду.

После небольшого перерыва заседание возобновилось — горячей речью Мельникова.

— Красногвардейские отряды рвутся на Дон, что-бы уничтожить казачество! Они загубили Россию своими безумными порядками и хотят загубить и нашу область! История не знает таких примеров, что-бы страной управляла разумно и на пользу народа кучка самозванцев и проходимцев! Россия очнется и выкинет этих отребьевых! А вы ослепленные чужим безумием хотите вырвать из наших рук власть, что-бы открыть большевикам ворота! Нет!

— Передадите власть ревкому и большевики прекратят наступление. — встал Подтелков.

С разрешения Каледина из публики выступил подъесаул Шеин, Георгиевский кавалер всех четырех степеней, из рядовых казаков дослужившийся до чина подъесаула. Он оправил складки гимнастерки, будто перед смотром, [и] сразу взял в намѣт:

— Чево там, станичники слухать их! — кричал он высоким ко-||

<Л. 23 об.>

46.

мандным голосом, рубя рукой, как палашом. — Нам с большевиками не по пути! Только изменники Дону и казачеству могут говорить о сдаче власти Советам и звать казаков итти с большевиками! — и уже прямо указывая на Подтелкова, обращаясь непосредственно к нему, он изгибался, кричал: — Неужели вы думаете, Подтелков, что за вами, за недоучкой и безграмотным казаком — пойдет Дон? Если пойдут — так кучка оголтелых казаков, оторвил, какие от дома отбились. Но они, брат, очнутя и тебя-же повесют!

В зале задвигались головы, как шляпки подсолнухов, расталкиваемые ветром, набряк стон одобряющих голосов. Шеин сел. Его прочувствованно хлопал сзади по плечу какой-то высокий в сборном полушубке офицер, с погонами войскового старшины. Возле столпились офицера. Сзади истерический женский голос расстроганно чечекал:

— Спасибо, Шеин! Спасибо!

— Bravo, есаул Шеин[.]! [б]Брависсимо! — гимназическим петушиным баском кукарекал кто-то из завсегдатаев галерки, сразу даря подъесаула Шеина лишним чином.

Краснобаи и прочие баяны донского правительства еще долго улещивали казачков — членов народившегося в Каменской ревкома. В зале было накурено, сизо душно. За окнами вершило дневной поход солнце. Морозные ельчатые веточки липли к наружным стеклам окон. Сидевшие на подоконниках слышали вечерний благовест и — сквозь вой ветра — паровозные осиплые гудки.

Лагутин не выдержал, прерывая одного из войсковых ораторов обратился к Каледину:

— Решайте дело. Пора кончать!

Его в полголоса осадил Богаевский.

— Не волнуйтесь, Лагутин, вот вода. Семейным и предрасположенным к параличу вредно волноваться. А потом вообще не рекомендуется прерывать ораторов, здесь ведь не какой-нибудь совдеп.

Какой-то колкостью ответил ему и Лагутин, но внимание всех вновь прихлынуло к Каледину. Так-же уверенно вел он политическую игру, как и вначале, и так-же натыкался на простую зипунную броню Подтелковских ответов.

— Вы говорили, что если мы передадим вам власть, то большевики прекратят свое наступление на Дон. Но так думаете вы. Но как поступят большевики, пришедшие на Дон, — нам неизвестно.

— Комитет уверен, што большевики подтвердят сказанное мною. Спробуйте: передайте нам власть, выживите с Дона добровольцев, рассчитайте своих партизанов и вот увидите, кончат большевики войну.

Спустя немного Каледин привстал. Ответ его был||

<Л. 24>

47.

заготовлен заранее: Чернецов уже получил приказание сосредоточить отряд для наступления на станцию Лихую, но выигрывая время, Каледин закончил совещание ходом на оттяжку:

— Донское правительство обсудит предложения ревкома и в письменной форме даст ответ к 10 часам утра на завтра.

11.

Ответ донского правительства, врученный утром на следующий день делегации ревкома, гласил следующее:

«Войсковое правительство Войска Донского, обсудив требование Военно-революционного казачьего комитета, представленные депутацией комитета от имени Атаманского, лейб-казачьего, 44, 28, 29го частей 10, 27, 23, 8, 2 запасного и 43 полков, 14 отдельной сотни, 6 гвардейской, 32, 28, 12 и 13 батарей, 2 пешего батальона и каменской местной команды, объявляет, что правительство является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением правительство не имеет права сложить своих полномочий до созыва нового Войскового Круга.

Войсковое правительство Войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести перевыборы депутатов, как от станиц,

так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации), всем казачьим населением, на основании прямого, равного и тайного голосования, соберется в городе Новочеркасске 4го февраля ст. ст. сего года, одновременно со съездом всего казачьего населения. Только Круг, законный орган восстановленный революцией, представляющий казачье население области, имеет право сместить Войсковое правительство и избрать новое. Этот Круг, вместе с тем, обсудит вопрос и об управлении войсковыми частями и о том, быть или не быть партизанским отрядам и добровольческим дружинам, защищающим власть. Что касается формирования и деятельности добровольческой армии, то объединенное правительство уже раньше приняло решение взять их под контроль правительства при участии областного военного комитета.

По вопросу об отзывании из горнозаводского района якобы поставленной Войсковым правительством полиции, правительство заявляет, что вопрос о милиции будет поставлен на разрешение Круга 4го февраля.

Правительство заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает, выполняя волю Круга, необходимым всеми мерами бороться против проникновения в область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся навязать области свои порядки. Жизнь свою должно устроить само население, и только оно одно.||

<Л. 24 об.>

48.

Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает военно-революционному комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам.

Правительство полагает, что если посторонние области отряды не будут итти в пределы области, гражданской войны и не будет, так как правительство только защищает Донской край, никаких наступательных действий не предпринимает, остальной России своей воли не навязывает, а потому не желает, что-бы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою волю.

Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях, и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных выборах в Войсковой Круг.

Для обследования нужд казаков во всех дивизиях должны быть теперь-же назначены комиссии из представителей частей.

Войсковое правительство Войска Донского предлагает всем частям, пославшим своих депутатов в военно-революционный комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защите Донского края.

Войсковое правительство не допускает и мысли, что-бы свои Донские части выступили против правительства и тем начали междоусобную войну на Тихом Дону.

Военно-революционный комитет должен быть распущен избравшими его частями, и все части, взамен этого, должны послать своих представителей в существ-

вующий областной военный комитет, объединяющий все войсковые части области.

Войсковое правительство требует, чтобы все арестованные Военно-революционным комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни в области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, Военно-революционный комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более от имени всего казачества.

Войсковое правительство считает совершенно недопустимым сношения комитета с Советом Народных Комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало-бы распространение влияния Совета Народных Комиссаров на Донскую область, а между тем казачий Круг и съезд неказачьего населения всей области признали власть Советов неприемлемой, так-же, как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель Войскового правительства товарищ Войскового Атамана М. Богаевский.||

<Л. 25>

49.

Старшины Войска Донского: Елатонцев, Поляков, Мельников.

В составе делегации, отправленной донским правительством к Таганрогу для переговоров с большевиками, поехали и члены Каменского ревкома Лагутин и Скачков. Подтелков и остальные были задержаны на время в Новочеркасске, а тем часом отряд полковника Чернецова в несколько сот штыков, при тяжелой батарее на площадках и двух легких орудиях, отчаянным набегом занял станции Зверево — Лихую и оставив там заслон из одной роты при двух орудиях, основными силами повел наступление на Каменскую. Сломив сопротивление революционных казачьих частей под полустанком Северный Донец Чернецов 17го января занял Каменскую. Но уже через несколько часов было получено известие, что красногвардейские отряды Саблина выбили из Зверево, а затем и из Лихой оставшийся там заслон Чернецовцев. Чернецов устремился туда. Коротким лобовым ударом он опрокинул 3^й Московский отряд, изрядно потрепал в бою Харьковский отряд и отбросил панически отступавших красногвардейцев в исходное положение.

После того, как положение в направлении Лихой было восстановлено, Чернецов, перехвативший инициативу, вернулся в Каменскую. Из Новочеркаска к нему 19 января подошло подкрепление. На следующий день Чернецов решил наступать на Глубокую.

На военном совете решено было по предложению сотника Линькова, взять Глубокую, предприняв обходное движение. Чернецов опасался наступать по линии железной дороги, так как боялся встретить в этом направлении настойчивое сопротивление частей Каменского ревкома и подошедших с Чертково к ним красногвардейских отрядов.

Ночью началось глубокое обходное движение. Колонну вел сам Чернецов.

Уже перед рассветом подошли к Глубокой. Четко сделали перестроения, рассыпались в цепь. Отдавая последние распоряжения Чернецов слез с коня и, разминая затекшие ноги, сипло приказал командиру одной из рот.

— Без церемоний, есаул. Вы меня поняли?

Он поскрипел сапогами по твердому насту снега, сдвинул на бок седую каракулевую папаху, растирая перчаткой розовое ухо. Под светлыми отчаянными глазами его синели круги от бессонницы. Губы зябко морщились. На коротко подстриженных усах теплился пушок инея.

Согревшись он вскочил на коня, оправил складки защитного офицерского полубубка и, снимая с луки поводья, тронул лысого рыжеватого донца, уверенно и твердо улыбнулся.

— Начнем!!

<Л. 25 об.>

50.

12.

Перед съездом фронтового казачества в Каменской, бежал из полка подьесаул Изварин. Накануне он был у Григория, говорил, отдаленно намекая на свой уход.

— В создавшейся обстановке трудно служить в полку. Казаки мечутся между двумя крайностями — большевики и прежний монархический строй. Правительство Каледина никто не хочет поддерживать, отчасти даже потому, что он носит с своим паритетом, как дурак с писаной торбой. А нам необходим твердый, волевой человек, который сумел-бы поставить иногородних на надлежащее им место... Но я считаю, что лучше в настоящий момент поддержать [*его*] Каледина, что-бы не проиграть окончательно. — помолчал, закуривая спросил: — Ты... кажется, принял красную веру?

— Почти. — согласился Григорий.

— Искренне, или, как Голубов, делаешь ставку на популярность среди казаков?

— Мне популярность не нужна. Сам ищущу выхода.

— Ты уперся в стену, а не выход нашел.

— Поглядим...

— Боюсь, что встретимся мы, Григорий, врагами.

— На бранном поле друзей не угадывают, Ефим Иваныч, — улыбнулся Григорий.

Изварин посидел немного и ушел, а на утро исчез, как в воду канул.

В день съезда пришел к Григорию казак-атаманец с хутора Лебяжьего Вешенской станицы. Григорий чистил и смазывал ружейным маслом наган. Атаманец посидел немного и уже перед уходом сказал, будто между делом, в то время, как пришел исключительно из-за этого. Он знал, что у Григория отбил бабу Листницкий, бывший офицер Атаманского полка, и случайно увидев его на вокзале зашел предупредить. [*Григория.*]

— Григорь Пантелевич, а я ить нынче видал на станции твою друзяка.

— Какова?

- Листницкова. Знаешь ево?
 — Когда видел? — с живостью спросил Григорий.
 — С час назад.

Григорий сел. Давняя обида взяла сердце [*мертвой*] волкодавье хваткой. Он не ощущал с былой силой злобы к врагу, но знал, что если встретится с ним теперь, в условиях начавшейся [*классовой*] гражданской войны — быть между ними крови. Нежданно услышав про Листницкого — понял, что не заросла давностью старая ранка, тронь неосторожным словом — закровоточит. За давнее сладко отомстил-бы Григорий; за то, что по вине проклятого человека выцвела жизнь, и осталась на месте прежней полнокровной большой радости сосущая голодная тоска, линялая [*жизнь*] **выцветень**.

Помолчав немного, чувствуя, как [*отходит*] **сходит** с лица негустая краска, спросил:||

<Л. 26>

51.

- Сюда приехал, не знаешь?
 — Наверяд. Должно в Черкасск правится.
 — Ааа...

Атаманец поговорил о съезде, о полковых новостях и ушел. Все последующие дни Григорий, как не старался загасить тлевшую в душе боль, — не мог. Ходил, как одурманеный, уже чаще чем обычно вспоминал Аксинью и горечь плавилась во рту, каменело сердце. Думал о Наталье, детишках, но радость от этого приходила зазубренная временем, изжитая давностью. Сердце-же жило у Аксиньи, к ней потянуло попрежнему тяжело и властно.

Из Каменской, когда надавил Чернецов, пришлось отступать спешно. Разрозненные отряды Донревкома, наполовину распыленные казачьи сотни беспорядочно грузились на поезда, уходили походным порядком, бросая все неподручное, тяжелое. Ощутимо сказывалось отсутствие организованности, твердого человека, который собрал-бы и распределил все эти в сущности значительные силы.

Из числа выборных командиров выделялся вынырнувший откуда-то за последние дни войсковой старшина Голубов. Он принял командование наиболее боевым 27 казачьим полком и сразу, с жестоковатинкой поставил дело. Казаки подчинялись ему беспрекословно, видя в нем то, чего нехватало полку: умение сколотить состав, распределить обязанности, вести. Это он, — Голубов, — толстый, пухлощекий, наглоглазый офицер размахивая шашкой кричал на станции на казаков, медливших с погрузкой.

— Вы что, в постукалочку играете, распротак вашу мать?!.. Гру-зи!.. Именем революции приказываю немедленно подчиниться!.. Что-о-о?.. Кто это — демагог? Застрелю, подлец!.. Молчать!.. Саботажникам и скрытым контрреволюционерам я не товарищ!..

И казаки подчинялись. По старинке многим даже нравилось это, не успели отвыкнуть от старого. А в прежние времена, что ни дёр — то лучший в глазах казаков командир. Про таких, как Голубов говаривали: «Этот по вине шкуру спустит, а по милости другую нашьет».

Части Донревкома отхлынули и наводнили Глубокую. Командование всеми силами по существу перешло к Голубову. Он в течении неполных двух дней скомпановал раздерганные части, принял надлежащие меры к закреплению за собой Глубокой. Мелехов Григорий командовал, по настоянию его, дивизионом из двух сотен 2го запасного полка и одной сотни атаманцев.

В сумерках 20го января он вышел из своей квартиры с целью проверить выставленные за линией заставы атаманцев, и||

<Л. 26 об.>

52.

у самых ворот столкнулся с Подтелковым. Тот угадал его.

— Ты, Мелехов?

— Я!

— Куда это ты?

— Заставы поглядеть. Давно из Черкаска? Ну как?

Подтелков нахмурился.

— С заклятыми врагами народа не сталкинешься миром. Видал какой номер отчебучили? Переговоры, — а сами Чернецова наузыкали. Каледин какая гада!.. Ну, мне особо некогда, я это в штаб поспеваю.

Он наскоро попрощался с Григорием, крупно зашагал к центру.

Еще до избрания его председателем ревкома он заметно переменялся в отношении к Григорию, и остальным знакомым казакам, в голосе его уже тянули сквозняком нотки превосходства и некоторого высокомерия. Хмелем была власть в голову простого от природы казака.

Григорий поднял воротник шинели, пошел убыстряя шаг. Ночь обещала быть морозной. Ветерок тянул с киргизской стороны. Небо ясно. Заметно подмораживало. Сыпко хрустел снег. Месяц всходил тихо и кособоко, как инвалид по лестнице. За домами сумеречной лиловой синью курилась степь. Был тот предночной час, когда стираются очертания, линии, краски, расстояние; когда еще дневной свет путается, неразрывно сцепившись с ночным, и все кажется нереальным, сказочным, зыбким и даже запахи в этот час, утрачивая резкость, имеют свои особые затушеванные оттенки.

Проверив заставы, Григорий вернулся на квартиру. Хозяин железнодорожный служащий, щербатый и жулик на лицо поставил самовар, присел к столу.

— Наступать будете?

— Неизвестно.

— Или их думаете дожидаться?

— Видно будет.

— Совершенно правильно. Наступать-то вам, думается, не с чем, тогда конечно лучше ждать. Обороняться выгоднее. Я сам Германскую войну в саперах отломал, в тактической стратегии знал и вкус и толк. Силенок-то маловато?

— Хватит. — уклонялся Григорий от тяготившего его разговора. Но хозяин назойливо допытывался, вертелся около стола, почесывая под суконной жилеткой тощей, как у тарани, живот.

— Артиллерии-то много? Пушечек, пушечек?

— Служил, а службы не знаешь! — с холодным бешенством сказал Григорий и так ворохнул глазами, что хозяина, будто обмороком кинуло в сторону. — Служил, а не знаешь! Какое ты имеешь право рас-||

<Л. 27>

53.

спрашивать меня о численности наших войск, и о наших планах? Вот отведу тебя на допрос...

— Господ-офицер! Голу... Голуб!.. — целиком глотая концы слов давился побелевший хозяин, чернел щербатинами в полузатворенном рту, — по глу... по глупости! Простите! —

За чаем Григорий как-то случайно поднял на него глаза, заметил, как резко, будто при молнии, моргнули они, а когда приобнажили их ресницы — выражение было иное, ласковое и почтит обожающее. Семья хозяина, — [состоявшая из] [жены] **жена** и [двух] **две** взрослых [девушек] [девушки] [дочерей] **дочери**, — переговаривалась шепотом. Григорий не допил вторую чашку, ушел. **в свою комнату.**

Вскоре пришли откуда-то шесть человек казаков четвертой сотни 2го запасного, стоявшие на квартире вместе с Григорием. Они шумно пили чай, переговаривались, смеялись. Григорий, уже засыпая, слышал обрывки их разговора. Один рассказывал (Григорий угадал по голосу взводного Бахмачева казака Луганской станицы), остальные изредка вставляли замечания.

— При мне дело было. Приходят трое шахтеров Горловского района, с рудника №11, говорят «мол, так и так, такая у нас собралась гарнизация, и есть нуждашка в оружии, сделайте чем можете[.]?» — а Подтелков... Да ить я сам слышал! — повысил он голос, отвечая на чью-то невнятную реплику, — говорит: «Обращайтесь, товарищи, к Саблину, а у нас ничево нету». Как это ничево нету? А я знаю, што лишние винтовки были. Тут не в том дело... Ревность проявилась, што вяжутся мужики.

— И правильно! — [ввязался] **заговорил** другой. — Дай им справку, а они — ни то будут воевать, ни то нет, а коснись дело земли — руки протянут.

— Знаем мы эту шерсть! — **басил** третий.

Бахмачев раздумчиво позвенел чайной ложкой о стакан, и стукая ею в такт своим словам, отдельно сказал.

— Нет, не годится такое дело. Большевики для всево народа идут на уступки, а мы хреновые большевики. Лишь-бы Каледина спихнуть, а там прижмем...

— Да ить милый человек! — убеждающе восклицал чей-то ломкий, почти мальчишеский альт: — Пойми, што нам давать не из чево! Удобной земли на пай падает полторы десятины, а энта — суглинок, балки, толока. Чево давать-то?

— С тебя и не берут, а есть такие, што богаты землей.

— А войсковая земля?

— Покорнейше благодарим! Свою отдай, а у дяди выпрашивай. Ишь ты, рас-судил.

— Войсковая самим понадобится.

— Што и гутарить.||

<Л. 27 об.>

54.

— Жадность заела!

— Какая там жадность...

— Может припадет своих казаков верховских переселить. Знаем мы ихovy земли, желтопески одни.

— То-то и оно!

— Не нам кроить, не нам и шить.

— Тут без водки не разберешься.

— Эх, ребята, нады громили тут винный склад. Один утоп в спирту, захле-нулся.

— А зараз-ба выпил. Так штоб по зебрам прошлась.

Григорий в полусне слышал, как казаки стелили на полу, зевали, чесались, тя-нули те-же разговоры о земле, о переделах.

Перед рассветом под окном бацнул выстрел. Казаки повскакивали. Натягивая гимнастерку Григорий не попадал в рукава. На бегу обулся, схватил шинель. За окном лузгой сыпались и горели выстрелы. Протарабанила подвода. Кто-то зали-висто и испуганно кричал возле дверей.

— В ружье!.. В ружье... вашу мать!..

Чернецовские цепи, отесняя заставы, входили в Глубокую. В серой хмарной темноте метались всадники. Бежали, дробно топоча сапогами, пехотинцы. На перекрестной улице устанавливали пулемет. Цепкой протянулись поперек чело-век тридцать казаков. Еще одно звено перебегало переулочок. Клацали затворы, засылая патроны. В следующем квартале повышенно-звучный командный голос чеканил:

— Третья сотня, живо! Кто там ломает строй? Смирно! Пулеметчики на пра-вый фланг. Готово? Со-о-тня....

Прогромыхал батарейный взвод. Лошади шли галопом. Ездовые размахивали плетями. Лязг зарядных ящиков, гром колес, дребезжанье лафетов мешались с распухавшей на окраине стрельбой. Разом где-то по близости ревнули пулеметы. На соседнем углу, зацепившись за врытый у палисадника стоян, опрокинулась скакавшая неведомо куда полевая кухня.

— Дьявол слепой!.. Не видишь? Пovyлазило тебе? — надривно ревел оттуда чей-то на смерть перепуганный голос.

Григорий с трудом собрал сотню, рысью повел ее на край станции. Оттуда уже густо валили отступавшие казаки.

— Куда?! — Григорий схватил переднего за винтовку.

— Пу-у-усти... — рванулся казак. — Пусти, сволочь!.. Чevo хватаешь, не ви-дишь отступают?..

— Сила ево!..

— Прет дуром...

— Куда нам? В какой край Миллерская? — звучали запыхавшиеся голоса.

Григорий попробовал на окраине, возле какого-то протяжного сарая развернуть свою сотню в цепь, но новая толпа бежавших смела их. Казаки сотни Григория, перемешавшись с бе-

<Л. 28>

55.

жавшими, сыпанули назад в улицы.

— Стой!. Не бегай!.. Стреляю!.. — дрожа от бешенства орал Григорий. Его не слушались. Струя пулеметного огня секанула вдоль улицы, казаки на секунду, кучками, припали к земле, [и] подползая поближе к стенам устремились в поперечные улицы.

— Теперь не совладаешь, Мелехов! — крикнул пробегая мимо него и близко заглядывая в глаза взводный Бахмачев. Григорий пошел следом, скрипя зубами, размахивая винтовкой.

Паника, охватившая части, завершилась беспорядочным бегством из Глубокой. Отступили оставив чуть не всю материальную часть отряда. Лишь с рассветом удалось собрать сотни и кинуть их в контр-наступление.

Багровый вспотевший Голубов в распахнутом полушубке перебежал над движущимися цепями своего 27 полка, металлическим накаленным голосом кричал:

— Шагу дай!.. Не ложись!.. Марш-марш!..

14 батарея выехала на позицию, снималась с передков, старший офицер батареи, стоя на зарядном ящике, глядел в бинокль.

Бой начался в шестом часу. Смешанные цепи казаков и красногвардейцев из воронежского отряда Петрова, хлынули густо, окаймили снежный фон черной меревкой фигур.

С восхода тянул знобкий ветер. Под заголенной ветром тучей кровотокающий край казался зарей.

Григорий отвел половину атаманской сотни на прикрытие 14 батареи, с остальными пошел в наступление.

Первый пристрельный снаряд лег далеко впереди цепи чернецовцев. Взломаченый оранжево синий флаг разрыва выкинулся вверх. Сочно луснул второй выстрел. Пристрелку повели поорудийно.

— Взи-взи-взи. — удаляясь понесся снаряд. Секунда напряженной тишины, подчеркнутой ружейными залпами, и далекий звучный ох разрыва. После перелета снаряды очередями стали ложиться вблизи цепи. Жмурясь от ветра Григорий с чувством удовлетворения подумал: «Нашупали!»

На правом фланге шли сотни 44 полка. Голубов вел свой полк в центре. Григорий был влево от него. За ним, замыкая левый фланг шли красногвардейские отряды. К сотням Григория было придано три пулемета. Командир их небольшой красногвардеец, с сумрачным лицом и густоволосатыми широкими руками, искусно вел стрельбу, парализуя наступательные маневры противника. Он все время [был] находился около пулемета, двигавшегося с цепью атаманцев. При нем была плотная, одетая в шинель женщина-красногвардеец. Григорий проходя над

цепью злобно подумал... Юбошник, на позицию идет и то с бабой не расстанется. С такими навоюешь, детей-бы уж заодно||

<Л. 28 об.>

56.

збрал, с периной и со всеми огарками». Начальник пулеметной команды подошел к Григорию, поправил на груди шнур нагана.

— Вы командуете этим отрядом?

— Да я.

— Я поведу заградительный огонь на участке атаманской полусотни. Вы видите нам не дают хода.

— Валяйте. — согласился Григорий и повернулся на крик от замолкшего пулемета. Бородатый здоровый пулеметчик свирепо кричал:

— Бунчук!.. Расплавим машинку!.. Звероподобный дьявол, разве можно так?!..

Возле него на коленях стояла женщина в шинели. Черные глаза ее, горевшие под пуховым платком, напомнили Григорию Аксинью и он секунду смотрел на нее не моргая, [тяжко] удерживая [дыша.] дыхание; больно защемило сердце.

В полдень к Григорию прискакал от Голубова ординарец с запиской. На неровно оторванном листке полевой книжки каряжились размашистые буквы:

«Приказываю вам именем Донского ревкома с двумя вверенными вашему командованию сотнями сняться с позиций и быстрым аллюром итти в обхват правого фланга противника, имея направление на участок, что виден отсюда, немного левее ветряка, по балке... Маскируйте движение (несколько неразборчивых слов)... Ударить с фланга, как только мы перейдем в решительный натиск. Голубов».

Григорий отвел и посадил на коней две сотни, отошел назад, стараясь, что-бы противник не обозначил его направление.

Двенадцать верст дали круга. Лошади шли проваливаясь в глубоком снегу. Балка, по которой двигались в обход, была засыпана снегом. Местами доходил он лошадям до пояса. Григорий, прислушиваясь к вспышкам оружейного гула, тревожно посматривал на ручные часы, снятые с руки убитого в Румынии Германского офицера, боялся опоздать. Он сверялся по компасу с направлением и все-же уклонился немного больше чем следовало влево. По широкой отножине выбрались на чистое. Лошади дымились потным паром, мокрели в пахах. Скомандовав спешиться, Григорий первый выскочил на бугор. Кони остались в балке с коноводами. За Григорием полезли по пологому склону казаки. Он оглянулся, увидел за собой более сотни спешенных, редко рассыпавшихся по снежному склону балки бойцов и почувствовал себя уверенней, сильнее. В бою всегда сильно владело им, как и каждым, табунное чувство. Взглядом охватив обстановку Григорий понял, что опоздал, не учтя тяжелой дороги, по меньшей мере на полчаса.||

<Л. 29>

57.

Голубов смелым стратегическим ходом почти отрезал чернецовцам путь к отступлению, с боков выставил заслоны и фронтальным ударом шел на полузамкнутого противника. Грохали батарейные залпы. Рокотали винтовочные выстрелы, будто по железной сковороде катилась дробь, крыла шрапнель измятые цепи чернецовцев, густо ложились снаряды на поражение.

— В це-е-е-пшь!.. — Григорий со своими сотнями ударил с фланга. Пошли было, как на учебную стрельбу, не ложась, но какой-то ловкач чернецовец, работавший на максиме, так здорово полосанул по цепи, что казаки с большой охотой и послушно легли, трех потеряв из строя.

В третьем часу пополудни приласкалась к Григорию пуля. Раскаленный комочек свинца, одетый никелевой оболочкой, дырявя, прожег мясную ткань в ноге, выше колена. Григорий ощутив горячий удар и знакомую тошную потерю крови, скрипнул зубами. Выполз из цепи, сгоряча вскочил, [и] резко мотнул головой, контуженной пулей. Боль в ноге усугублялась тем, что пуля не вышла. Была она на излете, когда щелкнула Григория, и пробив шинель, шаровары и кожу осталась остывать в пучке мускулов. Горячая плещущаяся резь мешала двигаться. Лежа Григорий вспомнил наступление 12 полка в Трансильванских горах, в Румынии, когда получил ранение в руку. В глазах его ярко восстановилась сцена той атаки. Чубатый, смятое гневом лицо Мишки Кошевого, Емельян Грошев, сбегаящий с раненым сотником под гору...

Командование сотнями принял офицер Любишкин Павел, помощник Григория. По его приказу двое казаков отвели Григория к коноводам. Казаки [*поддерживая*] **подсаживая** Григория на коня, участливо советовали:

— Первяжите рану-то.

— Бинт есть?

Григорий уже сел в седло, но, подумав, слез и спустив шаровары, морщась от озноба заливавшего потную спину, живот и ноги. [т]Торопясь перевязал опаленную кровотоющую ранку, сделанную словно надрезом перочинного ножа.

В сопровождении своего ординарца он поехал тем-же кружным путем к месту, откуда начали контр-наступление. Глядел на густой засев в снегу лошадиных следов, на знакомые очертания балки, по которой несколько часов назад вел свои сотни. Его клонило в сон, и уже почему-то далеким и ненужным казалось, то что происходило на бугре.

А там суетливо и разбросанно пылились винтовочные выстрелы, гремела тяжелая батарея противника, выручавшая своих, да изредка порывающие пулеметы строчили пунктиром, **словно** подводя невидимую черту для итогов боя.

Версты три Григорий ехал по балке. Лошади стряли, [и] шли тяжело.¹||

¹ Текст вставки перенесен с отдельного листа (29а).

<Л. 29 об.>

58.

— Правь на чистое. — буркнул Григорий ординарцу, выезжая на сугробистый вал балки.

Вдали по полю, как присевшие грачи, редко чернели фигуры убитых. На самом лезвии горизонта скакала, казавшаяся отсюда крохотной, лошадь без всадника.

Григорий [увидел] видел, как основное ядро чернецовцев, потрепанное и поредевшее, вырвавшись из боя, сворачиваясь отходит в Глубокую. Он пустил своего гнедого намётом. Вдали виднелись разрозненные кучки казаков. Подскакав к первой из них, Григорий увидел Голубова. Он сидел отваляясь на седле. Полушубок, опущенный в бортах пожелтевшим каракулем, был на нем расстегнут, папаха сдвинута на бок, лоб [парился] {увлажнен} потом покручивая вахмистрские торчмя поднятые усы Голубов хрипато крикнул:

— Мелехов, молодец! Да ты ранен никак? Чорт возьми! Кость цела? — и не дожидаясь ответа запарился улыбкой: — На голову! На голову разнесли!.. Офицерский отряд так распылили, что не собрать. Набилось им в хвост.

Григорий попросил покурить. По всему полю стекались казаки и красногвардейцы. От далеко черневшей впереди кучи рысил верховой казак.

— Сорок человек взяли, Голубов!.. — крикнул он издали. — Сорок офицеров и самово Чернецова!..

— Врешь? — испуганно крутнулся в седле Голубов и поскакал, нешадно рубя плетью высокого белоногого коня. Григорий, выждав немного, рысью поехал за ним.

Густую толпу взятых в плен офицеров сопровождал, кольцом охвативший их, конвой в тридцать казаков — 44го полка и одной из сотен 27го. Впереди всех шел Чернецов. Убегая от преследования он сбросил полушубок и теперь шел в одной легенькой кожаной куртке. Погон на левом плече его был оборван. На лице возле левого глаза кровянилась свежая ссадина. Он шел быстро, не сбиваясь с ноги. Папаха надетая на бекрень придавала ему вид беспечный и молодецкий. И тени испуга не было на его розовом лице: он, видимо, не брился несколько дней, русая поросль золотилась на щеках и подбородке. Чернецов сурово, [и] быстро оглядывал подбегавших к нему казаков. Горькая ненавидящая складка тенилась между бровей. Он на ходу зажег спичку, [и] закурил, стиснув папиросу углом розовых твердых губ.

В большинстве офицеры были молодые, у нескольких лишь инеем белела ссадина. Один раненый в ногу приотставал, его толкал прикладом в спину маленький большеголовый и рябой казачек. Почти рядом с Чернецовым шел высокий бравый есаул. Двое под руку, — один хорунжий, другой сотник, — шли улыбаясь. За ними, — без шапки, курчавый и широкоплечий — шел юнкер. На одном была в напашку накинута солдатская шинель с погонами вшитыми на-смерть. Еще один шел без шапки, надвинув||

<Л. 30>

59.

на черные женски-красивые глаза красный офицерский башлык, ветер заносил концы его ему на плечи.

Голубов ехал сзади. Приотставая он закричал казакам:

— Слушай сюда! За сохранность пленных вы отвечаете по всем строгостям военно-революционного времени. Что-бы доставили в штаб в целости!

Он подозвал одного из конных казаков, набросал, сидя в седле, записку, [и] свернув ее передал казаку.

— Скачи, отдай это Подтелкову.

Обращаясь к Григорию спросил:

— Ты туда поедешь, Мелехов? — получив утвердительный ответ, Голубов поровнялся с Григорием, сказал:

— Скажи Подтелкову, что Чернецова я беру на поруки. Понял? Ну, так и передай. Езжай.

Григорий, опередив толпу пленных, прискакал в штаб ревкома, стоявший в поле неподалеку от какого-то хутора. Возле широкой тавричанской тачанки, с обмерзлыми колесами и пулеметом, покрытым зеленым чехлом, ходил Подтелков. Тут-же постукивая коблуками топтались штабные, вестовые, несколько офицеров и казаки ординарцы. Минаев только недавно, как и Подтелков, вернулся из цепи. Сидя на козлах он со звоном кусал белый замерзший хлеб, с хрустом жевал.

— Подтелков! — Григорий отъехал в сторону. — Сейчас пригонют пленных. Ты читал записку Голубова?

Подтелков с силой махнул плетью, уронив низко опущенные зрачки, набрякая кровью крикнул:

— Плевать мне на Голубова!.. Мало-ли ему чево захочется! На поруки ему Чернецова, этова разбойника и контрреволюционера? Не дам!.. Расстрелять их всех и баста!..

— Голубов сказал, што берет ево на поруки.

— Не дам!.. Сказано, — не дам? Ну, и все! Революционным судом ево судить и без промедления наказать. Штоб и другим не повадно было. Ты знаешь, — уже спокойнее проговорил он, остро взглядываясь в приближавшуюся толпу пленных. — Знаешь, сколько он крови на белый свет выпустил? Море! Сколько он шахтеров перевел?.. — и опять закипая бешенством свирепо выкатил глаза: — Не дам!..

— Тут орать нечево! — повысил и Григорий голос. У него дрожало все внутри, бешенство Подтелкова словно привилось и ему. — Вас тут много судей. Ты вон туда пойди! — дрожа ноздрями указал он назад. — А над пленными вас много распорядителей!

Подтелков отошел, комкая в руках плеть. Издали крикнул:|

<Л. 30 об.>

60.

— Я был там! Не думай, што на тачанке спасался! А ты, Мелехов, помолчи, возьми-ка! Понял? Ты с кем гутаришь так-то? Офицерские замашки убирай! Ревком судит, а не всякая...

Григорий тронул к нему коня, забыв про рану, прыгнул с седла и простреленный болью упал навзничь. Из примерзшей к бинту раны, обжигая, захлюпала кровь. Поднялся он без посторонней помощи, кое-как доковылял до тачанки, привалился боком к задней рессоре.

Подошли пленные. Часть пеших конвойных смешалась с ординарцами и казаками, бывшими в охране штаба. Казаки еще не остыли от боя, разгоряченно и зло блестели глазами, перекидывались замечаниями о подробностях и исходе боя.

Подтелков, тяжело ступая по проваливающемуся снегу, подошел к пленным. Стоявший впереди всех Чернецов глядел на него презрительно щури светлые отчаянные глаза. Вольно отставив левую ногу, покачивая ею, давил белой подковкой верхних зубов прихваченную изнутри розовую губу. Подтелков подошел к нему в упор. Он весь дрожал, немигающие глаза его ползали по изрытвленному снегу, поднявшись скрестились и обломили [*грузной*] *тяжестью* [*ненавистью*] *ненависти* бесстрашный, презирающий взгляд Чернецова.

— Попался... гад! — клокочущим низким голосом сказал Подтелков, и ступил шаг назад. Щеки его сабельным ударом располосовала кривая черная улыбка.

— Изменник казачества! Пад-лец! Предатель!.. — сквозь стиснутые зубы зазвенел Чернецов.

Подтелков мотал головой, словно уклоняясь от пощечин, чернел в скулах, раскрытым ртом хлипко всасывал воздух.

Последующее разыгралось с изумительной быстротой. Оскаленный, побледневший Чернецов, прижимая к груди кулаки, весь наклонясь вперед шел на Подтелкова. С губ его, сведенных судорогой, соскакивали невнятные, перемешанные с матерной руганью слова. Что он говорил — слышал один Подтелков, медленно задом отходивший назад.

— ...придется тебе, ты знаешь?!.. — резко поднял Чернецов голос. Слова эти были услышанны и пленными офицерами, и конвоем, и штабными.

— Но-о-о-о!.. Ты!.. — Как задушенный захрипел Подтелков, кидая руку на эфес шашки. Сразу стало тихо. Отчетливо заскрипел снег под сапогами Минаева, Кривошлыкова и еще нескольких человек, кинувшихся к Подтелкову. Но он опередил их, всем корпусом поворачиваясь вправо, приседая вырвал из ножен шашку и, выпадом рванувшись вперед, с страшной силой рубнул Чернецова по голове.||

<Л. 31>

61.

Григорий видел, как Чернецов, дрогнув, поднял над головой левую руку, успел заслониться от удара, видел, как углом сламалась перерубленная кисть и шашка бесзвучно обрушилась на откинутую голову Чернецова. Сначала свалилась папаха, а потом, будто переломленный в стебле колос, медленно падал Чер-

нецов с странно перекосившимся ртом и мучительно зажмуренными, сморщеными, как от молнии глазами. Подтелков уже лежащего рубанул его еще раз, отошел постаревшей грузной походкой, на ходу вытирая покатые доли шашки, черво-невшие кровью.

Ткнувшись о тачанку он повернулся к конвойным, закричал выдохшимся лающим голосом:

— Руби-и-и их, такую мать!.. Всех! Нету пленных, в кровину, в сердце!..

Лихорадочно застучали выстрелы. Офицеры, сталкиваясь, кинулись в рассыпную. Поручик с красивейшими женскими глазами, в красном офицерском башлыке, побежал, ухватясь руками за голову. Пуля заставила его высоко, словно через барьер, прыгнуть. Он упал и уже не поднялся. Высокого бравого есаула рубили двое. Он хватался за лезвия шашек, с разрезанных ладоней его лилась на рукава кровь, он кричал, как ребенок, упал на колени, на спину, перекатывая по снегу голову; на лице виднелись одни залитые кровью глаза, да черный рот просверленный сплошным криком. По лицу полосовали его взметывающие шашки, по черному рту, а он все еще кричал тонким от ужаса и боли голосом. Раскорячившись над ним, казак в шинели с оторванным хлястиком прикончил его выстрелом. Курчавый юнкер чуть не прорвался через цепь, его настиг и ударом в затылок убил какой-то атаманец. Он-же вогнал пулю промеж лопаток [*какому-то*] сотнику, бежавшему в раскрылатившейся от ветра шинели. Сотник присел и до тех пор скреб пальцами грудь, пока умер. Седоватого подьесаула убили на месте, расставаясь с жизнью выбил он ногами в снегу глубокую яму, и еще бы бил, как добрый конь на привязи, еслиб не dokonчили его сжалившиеся казаки.

Григорий в первый момент, как только началась расправа, оторвался от тачанки, не сводя с Подтелкова налитых мутью глаз, хромя быстро поковылял к нему. Сзади его поперек схватил Минаев, ломая, выварачивая руки отнял наган, заглядывая в глаза померкшими глазами, задыхаясь спросил:

— А ты думал как?||

<Л. 31 об.>

62.

13.

Слепящее-яркий **снеговой** хребет бугра, облитый глазурью солнца и синью безоблачного дня, белел, сахарно искрился. Под ним пестрым лоскутным одеялом лежала слобода Ольховый рог. Влево синела Свинюха, вправо туманными пятнами пластались хуторки и немецкие колонии, за изгибом голубела Терновская. На восток за слободой корячился и полз вверх пологий изрытый балками, меньший размером бугор. По нем частоколом торчали телеграфные столбы, ухидившие на Кашары.

День был на редкость ясный, морозный. Около солнца радужные дымились столбы. Ветер гнул с севера. В степи сипела поземка. Но снеговые просторы обнятые горизонтом были светлы, лишь на востоке, под самым острием горизонта, задернутая лиловой марью, курилась степь.

Пантелей Прокофьевич, везший Григория с Миллерово, решил в Ольховом рогу не кормить, а тянуть до Кашар и там заночевать. Он выехал из дома по телеграмме Григория, к вечеру 28го января приехал на Миллерово. Григорий ожидал его на постоялом дворе. На утро они выехали и около 11 утра проезжали уже Ольховый рог.

После того, как был ранен в бою под Глубокой, Григорий провалялся в походном лазарете на Миллерово неделю и слегка подлечив ногу решил поехать домой. Коня привели ему станичные казаки. Ехал Григорий со смешанным чувством недовольства и радости: недовольства потому, что покидал свою часть в самый разгар борьбы за власть на Дону, а радость испытывал при одной мысли, что увидит домашних, хутор; сам от себя таил желание повидать Аксинью, но были и о ней думки.

С отцом они встретились как-то отчужденно. Пантелей Прокофьевич (нажужжал ему в уши Петро), хмуро присматривался к Григорию, в его коротких, бивших на осклизь взглядах, густело недовольство, выжидающая тревога. На станции вечером он долго расспрашивал Григория о событиях, полыхавших по области, ответы сына, видимо, его не удовлетворяли. Он жевал поседевшую бороду, глядел на свои подшитые кожей валенки, чмыкал носом. В спор вступил неохотно, но разгорелся, защищая Каледина в горячую минуту по прежнему прицкнул на Григория и даже хромой ногой затопотал:

— Ты мне не толкуй! Был у нас по осени Каледин в хуторе! Сбор был на майдане, он на стол влез, гутарил с стариками и предсказал, как по библии, [гутарил] што придут мужики, война будет, и ежли будем мы туды-сюды шататься, — заберут все и зачнут заселять область. Он ишо в то время знал, што будет война. Што-ж вы сукины сыны ду-||

<Л. 32>

63.

маете? Аль он меньше вашево знает? Ученый такой генерал, армию водил и меньше твоо знает? В Каменской-то позасели вот такие, как ты, пустобрехи необразованные и мутят народ. Подтелков твой из каких? Вахмистр? Ого! Одних со мной чинов? Вот это так! Дрожи-ли ... Дальше некуда.

Григорий неохотно спорил с ним. Знал, еще не видя отца, какого он толка. А тут новое всучилось: не мог не простить, не забыть Григорий гибель Чернецова и бессудный расстрел пленных офицеров.

Лошади в дышловой запряжке легко несли сани-кашелку. Сзади привязанный чумбуром рысил оседланный Григорьев конь. Знакомые с детства разворачивались в дороге слободы и хутора: Кашары, Поповка, Каменка, Нижне-Яблоновский, Грачев, Ясеновка. Всю дорогу до самого хутора Григорий как-то несвязно и бестолково думал о недавнем, пытался хоть вехами наметить будущее, но мысль доходила до отдыха дома и дальше напарывалась на тупик. «Приеду поддохну трошки, залечу ранку, а там... — думал он, мысленно махал рукой... — «Там видно будет. Само дело укажет».

Ломала и его усталость, нажитая в войне. Хотелось отвернуться от всего бурлившего ненавистью, враждебного и непонятного мира. Там назади **все было**

путанно, противоречиво. Трудно [было] [нащупывать] нащупывалась [верную] **верная** [тропу] тропа, как в топкой гати зыбилась под ногами почва, тропа дробилась и не было уверенности по той-ли, по которой надо, идет. Тянуло к большевикам — шел, других вел за собой, а потом брало раздумье, холодел сердцем. «Неужто прав Изварин? К кому-же [было] прислониться, у кого [было] полной пригоршней почерпнуть уверенность?» Об этом невнятно думал Григорий, привалаясь к задку кашелки. Но, когда представлял, как будет к весне готовить бороны, арбы, плеть из краснотала ясли, а когда разденется и обсохнет земля — выедет в степь, держась наскучавшими по работе руками за чапиги, пойдет за плугом¹, ощущая его живое биение и толчки; представлял, как будет вдыхать сладкий дух молодой травы и поднятого лемехами чернозема, еще не утратившего пресный аромат снеговой сырости, — теплело на душе, хотелось убирать скотину, метать сено, дышать увязшим запахом донника, пырея, [и] пряным душком навоза.||

<Л. 32 об.>

64.

Мира и тишины хотелось, поэтому-то застенчивую радость и берег в суровых глазах Григорий, глядя вокруг на лошадей, на крутую обтянутую тулупом спину отца. Все напоминало ему полузабытую прежнюю жизнь: и запах овчин от тулупа, и домашний вид начищенных лошадей, и какой-нибудь петух в слободе, горланящий с погребицы. Сладка и густа, как хмелины, казалась ему в это время жизнь тут, в глушине.

На другой день перед вечером подъехали к хутору. Григорий с бугра кинул взгляд за Дон: вон Бабы ендывы, опушенные собольим мехом камыша, вон сухой тополь, а переезд через Дон уже не тут, где был раньше. Хутор, знакомые квадраты кварталов, церковь, площадь, — кровь кинулась ему в голову, когда напал глазами на свой курень. Воспоминания наводнили его. С база поднятый колодезный журавль, словно кликал вытянув вверх серую вербовую руку.

— Не щипет глаза? — улыбнулся Пантелей Прокофьевич, оглядываясь и Григорий не лукавя и не кривя душой сознался.

— Щипет, да ишо как.

— Што значит — родина. — удовлетворенно вздохнул Пантелей Прокофьевич.

Он правил на средину хутора. Лошади резво бежали с горы, сани шли под раскат, виляя из стороны в сторону. Григорий отгадал отцовский замысел, но все-же спросил:

— Ты чево-ж правишь в хутор? Держи к своему проулку.

— Неее... — Пантелей Прокофьевич, поворачиваясь и ухмыляясь в заиневшую бороду, мигнул: — Сыновей на войну провожал рядовыми казаками, а выслужились в офицеры. Што-ж, аль мне не гордо прокатить сына по хутору? Пущай глядят и завидуют. А у меня, брат, сердце маслом обливается!

¹ ППС: «пойдет за плугом, держась наскучавшими руками за чапиги».

На главной улице он сдержанно крикнул на лошадей, свешиваясь на бок поиграл махорчатым кнутом и лошади, чуя близкий дом, — словно и не лег сзади путь в сто сорок верст, — пошли свежо, [и] шибко. Встречавшиеся казаки кланялись; [с боков и] с базов и из окон куреней из-под ладоней глядели бабы, через улицу, кудахтая, перекаати-подем катились куры. Все шло гладко, как по писанному, проехали площадь, конь Григория покосил глазом на чью-то привязаную к моховскому забору лошадь, заржал и высоко понес голову. Завиднелся конец хутора, крыша астаховского куреня, но тут-то на первом перекрестке случилось неладное: поросенок, бежавший через улицу, замешкался, попал под копыта лошадей, хрюкнул и откатился раздавленный, повизгивая||

<Л. 33>

65.

норовя приподнять переломленный хребет.

— Ах, черти тебя поднесли! — выругался Пантелей Прокофьевич, успев стегнуть кнутом раздавленного поросенка. На беду принадлежал он **Анютке** вдове Афоньки Озерова, — бабе злой и не в меру длинноязыкой. Она не замедлила выскочить на баз, [и] накидывая платок посыпала такими отборными ругательствами, что Пантелей Прокофьевич даже лошадей попридержал, повернулся назад.

— Замолчи, дура, чево орешь?.. Заплатим за твою шелудивова!..

— Нечистый дух!.. Чертяка!.. Сам ты шелудивый, кобель хромой!.. Вот к атаману тебя зараз!.. — горланила она махая руками. — Я тебя, узду твою мать, научу, как сиротскую животину давить!..

Заело Пантелея Прокофьевича, крикнул, багровея:

— Халява!

— Турка проклятый!.. — с живостью отозвалась Озерова.

— Сука, сто чертов твоей матери! — повысил басок Пантелей Прокофьевич.

Но Анютка Озерова за словом в карман сроду не лезила.

— Чужбинник! Блядун старый! Воряга! Борону чужую украл! По жалмеркам бегаешь!.. — зачестила она сорочьим [голосом] **говором**.

— Вот я тебя кнутом, псюрня!.. Заткни зевало!..

Но тут Анютка такое загнула, что даже Пантелей Прокофьевич — человек поживший и повидавший на своем веку, — зарозовел от смущения и сразу взмок потом.

— Трогай, чево связался! — сердито сказал Григорий, видя, что по немногу на улицу выходит народ, со вниманием прислушивается к случайному обмену мнениями между старым Мелеховым и честной вдовой Озеровой.

— Ну, и язык... с вожжину длиной! — сокрушенно плюнул Пантелей Прокофьевич и так погнал лошадей, словно намеревался раздавить самую Анютку.

Уже проехав квартал он не без боязни оглянулся:

— Плюется и костерить почем зря! Ишь ты вражина... Штоб ты лопнула поперек чертяка толстая! — с вожделением сказал он — тебя-бы вместе с твоим поросем стоптать! Попадись вот такой хлюстанке на язык — одни масла останутся.

Мимо рванулись голубые ставни куреня. Петро без шапки, в распоясаной гимнастерке растворял ворота. С крыльца мелькнул беленький платок и смеющееся, блестящее черными глазами лицо Дуняшки.

Целую брата, Петро мельком заглянул ему в глаза.||

<Л. 33 об.>

66.

— Здоровый?

— Рану получил.

— Где?

— Под Глубокой.

— Нужда заставила там огинаться, давно-бы шел домой. Он тепло и дружески потряс Григория, с рук на руки передал Дуняшке. Обнимая крутые вызревшие плечи сестры Григорий поцеловал ее в губы и глаза, сказал, отступая, дивясь:

— Да ты, Дуняха, чорт тебя знает!.. Ишо какая девка вышла, а я-то думал дурненькая будет, некудышненькая...

— Ну, уж ты, братушка!.. — Дуняшка увернулась от щипка и сияя таким-же, как у Григория, белозубым оскалом улыбки, отошла. Ильинишна несла на руках детей, ее бегом опередила Наталья. Расцвела и похорошела она диковинно. Гладко причесанные черные блестящие волосы, собранные назади в тяжелый узел, оттеняли ее радостно зарумяневшее лицо. Она прижалась к Григорию, [и] несколько раз быстро невпопад коснулась губами его щек, усов, и вырывая из рук Ильинишны сына протягивала его Григорию.

— Сын-то какой, погляди! — Звенела [она] с горделивой радостью.

— Дай мне мово сына поглядеть! — взволнованно отстраняла ее Ильинишна. Она, нагнула голову Григория, поцеловала его в лоб и мимолетно глядя грубой рукой его лицо заплакала от волнения и радости.

— А дочь-то, Гри-и-иша! Ну, возьми-же!.. — Наталья посадила на другую руку Григория закутанную в платок девочку и он, растерявшись, не знал на кого ему глядеть: то-ли на Наталью, то-ли на мать, то-ли на детишек. Насупленный угрюмоглазый сынишка вылит был в Мелеховскую породу[.]: [Т]тот-же удлиненный разрез черных, чуть строгих глаз, размашистый рисунок бровей, синие выпуклые белки и смуглая кожа. Он совал в рот грязный кулачишко, избычившись неприступно и упорно глядел на отца. У дочери Григорий видел только крохотные внимательные и такие-же черные глазенки, лицо ее кутал платок.

Держа их обоих на руках он двинулся было к крыльцу, но боль пронизала ногу.

— Возьми-ка их Наташа. — Григорий виновато в одну сторону рта усмехнулся. — А то я на порожки не влезу...

Среди кухни, поправляя волосы, стояла Дарья. Улыбаясь она развязно подошла к Григорию, закрыла смеющиеся глаза, прижимаясь влажными теплыми губами к его губам.

— Табаком- то прет! — смешливо поиграла полукружьями||

<Л. 34>

67.

подведеных, как нарисованных тушью бровей.

— Ну, дай ишо разок погляжу на тебя! Ах, ты мой чадунюшка, сыночек!

Григорий улыбался, щекочущее волнение хватало его за **сердце**, когда он прижимался к материнскому плечу.

Во дворе Пантелей Прокофьевич распрягал лошадей, хромал вокруг саней, алея красным кушаком и верхом треуха. Петро уже отвел в конюшню Григорьева коня, нес в сенцы седло и что-то говорил, поворачиваясь на ходу к Дуняшке, сносившей с саней боченок с керосином.

Григорий разделся, повесил на спинку кровати тулуп и шинель, причесал волосы. Присев на лавку он позвал сынишку.

— Поди-ка ко мне, Мишатка. Ну, чево-же ты, не угадаешь меня?

Не вынимая изо рта кулака тот подошел бочком, несмело остановился возле стола. На него любовно и гордо глядела от печки мать. Она что-то шептала на ухо девочке, спустила ее с рук, тихонько толкнула.

— Иди-же.

Григорий сгреб их обоих, рассадив на коленях спросил.

— Не угадаете меня, орехи лесные? И ты, Полюшка не угадаешь папаньку?

— Ты не папанька. — прошептал мальчуган. В обществе сестры он чувствовал себя смелее.

— А кто-же я?

— Ты чужой казак.

— Вот так голос! — Григорий захохотал. — А папанька где-ж у тебя?

— Он у нас на службе. — убеждающее склоняя голову сказала девочка, она была побойчей.

— Так ево чадунюшки! Пушай свой баз знает. А то он идей-то лытает по целому году, а ево узнавай. — с поддельной суровостью вставила Ильинишна и улыбнулась на улыбку Григория. — От тебя и баба твоя скоро откажется. Мы уж за нее хотели зятя примать.

— Ты што-же это, Наталья? А? — шутливо обратился Григорий к жене. Она зарделась, преодолевая смущение перед своими подошла к Григорию, села около, бескрайне счастливыми глазами долго обводила всего его, гладила горячей черствой рукой его сухую коричневую руку.

— Дарья, на стол собирай!

— У нево своя жена есть. — засмеялась та и все той-же вьющейся легковесной походкой направилась к печке. Попрежнему была||

<Л. 34 об.>

68.

она тонка, нарядна. Сухие, красивые ноги ее туго охватывали фиолетовые шерстяные чулки, аккуратный чирик сидел на ноге, как вточеный, малиновая сборчатая юбка туго затянута, безукоризненной белизной блещет расшитая завеска. Григорий перевел взгляд на жену и в ее внешности заметил некоторую перемену. Она приделась к его приезду: сатиновая голубая кофточка с узким кружевным в

кисти рукавом облежала ее ладный стан, бугрилась под мягкой большой грудью, синяя юбка с расшитым морщиненым подолом внизу была широка, вверху — в обхват. Григорий с боку оглядел ее полные, как выточенные, ноги, волнующе-тугой обтянутый живот и широкий, как у кормленной кобылицы зад, подумал: «Казачку из всех баб угадаешь. В одеже привычка, штоб все на виду было, хочешь гляди, а хочешь — нет. — А у мужичек зад с передом не разберешь, как в мешке ходит».

Ильинишна перехватила его взгляд, сказала с нарочитой хвастливостью:

— Вот у нас, как офицерские жены ходют, ишо и городским нос утрут!

— Чево вы там, маманя гутарите! — перебила ее Дарья, — Куда-уж нам до городских. Сережка вон сломалась, да и той грош цена. — докончила она с горестью.

Григорий положил руку на широкую рабочую спину жены, в первый раз подумал: «Красивая баба, в глаза шибается... Как-же она жила без меня? Небось завидовали на нее казаки, да и она, может, на ково-нибудь позавидовала. А што ежели жалмеркой принимала?» — От этой неожиданной мысли у него звучно екнуло сердце, стало пакостно **на душе**. Он испытующе поглядел в ее розовое, лоснившееся и благоухавшее огуречной помадой лицо. Наталья вспыхнула под его внимательным взглядом, осилив смущение шепнула:

— Ты чево так глядишь? Скучился што-ли?..

— Ну, а как-же... — Григорий отогнал негожие мысли, но что-то враждебное, неосознанное шевельнулось в эту минуту к жене.

Кряхтя влез в дверь Пантелей Прокофьевич. Он помолился на образа, кряхнул.

— Ну, ишо раз здорово-живете!

— Слава богу, старик! Замерз? А мы ждали, щи горячие, прямо с пылу. — суетилась Ильинишна, гремя ложками.

Развязывая на шее красный платок Пантелей Прокофьевич гремел обмерзшими подшитыми валенками. Стянул тулуп, содрал намерзшие на усах и бороде сосульки и, подсаживаясь к Григорию, сказал:

— Замерз, а в хуторе обогрелся... Переехали поросенка||

<Л. 35>

69.

у Анютки...

— У какой? — оживленно спросила Дарья и перестала кромсать высокий белый хлеб.

— У Озеровой. Как она выскочит, подлюка, как понесет! И такой, и сякой, и жулик, и борону у ково-то украл. Какую борону? — черти ее знают!..

Пантелей Прокофьевич подробно перечислил все прозвища, которыми поделала его Анютка, не сказал лишь о том, что упрекнула его в молодом грехе, по части жалмерок. Григорий усмехнулся, садясь за стол. И Пантелей Прокофьевич, желая оправдаться в его глазах, горячо докончил:

— Такую ересь перла, што и в рот взять нечево. Хотел уж вернуться, кнутом ее перепоясать, да Григорий был, а с ним все как-то, вроде, неспособно.

Петро отворил дверь и Дуняшка на кушаке ввела красного с лысиной телка.

— К масляной блины с каймаком будем исть! — весело крикнул Петро, пихая телка ногой.

После обеда Григорий развязал мешок, стал оделять семью гостинцами.

— Это тебе, маманя. — протянул он теплый шалевый платок. Ильинишна приняла подарок хмурясь, [и] и розовея по молодому. Накинула его на плечи, [и] да так повернулась перед зеркалом и повела плечами, что даже Пантелей Прокофьевич вознегодовал.

— Карга старая, а туда-же перед зеркалой! Тфью!

— Это тебе, папаша. — скороговоркой буркнул Григорий, на глазах у всех разворачивая новую казачью фуражку с высоко вздернутым верхом и пламенно красным околышем.

— Ну, спаси Христос, а я фуражкой бедствовал. В лавках нынешний год их не было... Абы в чем лето проходил, в церкву ажник страмно итить в старой. Ее, эту старую, уж на чучелу впору надевать, а я носил. — **говорил он сердитым голосом, озираясь, словно боясь, что кто-нибудь подойдет и отнимет {сыновий} подарок.** Сунулся примерить было к зеркалу, но взглядом стерегла его Ильинишна. Старик перенял ее взгляд, круто вильнул, похромал к самовару. Перед ним и примерял, надевая фуражку набекрень.

— Ты чево-ж это, дрючек старый? — напустилась Ильинишна, но Пантелей Прокофьевич отбрехался:

— Господи, ну и глупая ты! Ить самовар, а не зеркала? То-то и оно!

Жену наделил Григорий шерстяным отрезом на юбку, детям раздал фунт медовых пряников, Дарье серебряные с камушками серьги, Дуняшке на кофточку, Петру папирос и фунт табаку. |

<Л. 35 об.>

70.

Пока бабы тараторили, рассматривая подарки, Пантелей Прокофьевич пиковым королем прошелся по кухне и даже грудь выгнул:

— Вот он казачек лейб-гвардии казачьего полка! Призы сымал! На императорском смотре первый захватил. Седло и всю амуницию. Ух ты!..

Петро, покусывая пшеничный ус, любовался отцом, Григорий посмеивался. Закурили, и Пантелей Прокофьевич, опасливо поглядев на окна, сказал:

— Покеда не подошли разная родня и [соседи] соседи, — Расскажи вот Петру, што там делается.

Махнул Григорий рукой.

— Дерутся.

— Большевики где зараз? — спросил Петро, усаживаясь поудобней.

— С трех сторон: С Тихорецкой, с Таганрога, с Воронежа.

— Ну, а ревком ваш што думает? Зачем их допускают на наши земли? Христоня с Иваном Алексеевым приехали, брехали разное, но я им не верю. Не так што-то там...

— Ревком он бессильный. Бегут казаки по домам.

— Через это, значит, и прислоняется он к советам?

— Конечно через это.

Петро помолчал, вновь закуривая открыто глянул на брата:

— Ты какой-же стороны держишься?

— Я за Советскую власть.

— Дурак! — **порохом** пыхнул Пантелей Прокофьевич. — Петро, хучь ты втолкуй ему!

Петро улыбнулся, похлопал Григория по плечу.

— Горячий он у нас, как необъезженный конь. Рази-ж ему втолкуешь, батя?

— Мне нечево втолковывать! — загорячился Григорий. — Я сам не слепой. Фронтовики што у вас гутарют?

— Да што нам эти фронтовики! Аль ты этова дуролома Христана не знаешь? Чево он может понимать? Народ заблудился весь, не знает куда ему податься... Горе одно. — Петро махнул рукой, закусил ус. — Гляди, вот што к весне будет, не соберешь... Поиграли и мы в большевиков на фронте, а теперь пора за ум браться. «Мы ничево чужова не хотим, и наше не берите», вот как должны сказать казаки всем, кто нахрапом лезет к нам. А в Каменской у вас грязно дело. Покумились с большевиками, они и уставляют свои порядки.

— Ты, Гришка, подумай. Парень ты не глупой. Ты должен||

<Л. 36>

71.

уразуметь, што казак, он, как был казак, так казаком и останется. Вонючая Русь у нас не должна править. А ты знаешь, што иногородние зараз гутарют? Всю землю разделить на души. Это как?

— Иногородним коренным, какие в Донской Области живут издавна, — дадим землю...

— А шиша им! Вот им выкусить! — Пантелей Прокофьевич сложил дулю, дергая большим когтястым пальцем долго водил вокруг Григорьева горбатого носа.

По крыльцу загромыхали шаги. Застонали ободранные морозом порожки. Вошли Аникушка, Христоня, Томилин Иван в несуразно высокой заячьей папахе.

— Здорово служивый! Пинтелей Прокофич! Могарыч станови! — гаркнул Христоня.

От его крика испуганно мыкнул задремавший у теплой печки телок. Он, оскользясь, вскочил на свои еще шаткие ноги, круглыми агатовыми глазами глядя на пришедших, и от испуга, наверное, зацедил на пол тоненькую струйку. Дуняшка перебила ему охоту, легонько стукнув по спине, вытерев лужу подставила поганый чугунок.

— Телка испужал, горластый. — досадливо сказала Ильинишна.

Григорий пожал казакам руки, пригласил садиться. Вскоре пришли еще казаки с этого края хутора. Под разговор накурили так, что лампа замигала и надсадно закашлял телок.

— Лихоманка вас забери! — ругалась Ильинишна, уже в полночь выпроваживая гостей. — Вон на баз ступайте, там и дымите, трубокуры! Идите, идите, служивый наш ишо не отдыхал с дороги. Ступайте с богом!

На утро Григорий проснулся позднее всех. Разбудило его громкое, как весной, чулюканье воробьев под застрехами крыши и за наличниками окон. В [цель] щелях ставень пылилась золотая россыпь солнечных лучей. Звонили к обедне. Григорий вспомнил, что сегодня воскресенье. Натальи не было рядом с ним, но перина еще хранила тепло ее тела. Она, очевидно, встала недавно.

— Наташа! — позвал Григорий.

Вошла Дуняшка.

— Тебе чево, братушка?

— Открой окошки и покличь Наталью. Она што делает?||

<Л. 36 об.>

72.

— Стряпается с маманей, зараз придет.

Наталья вошла, зажмурилась от темноты.

— Проснулся?

От рук ее пахло свежим тестом. Григорий, лежа, обнял ее, вспомнил ночь, засмеялся.

— Проспала?

— Ага. Уморила... ноченька. — она улыбнулась, пряча на волосатой груди Григория голову, покраснела.

Помогла Григорию перебинтовать рану, достала из сундука праздничные шаровары, спросила:

— Мундир с крестами наденешь?

— Ну, ево! — испуганно отмахнулся Григорий. Но Наталья упрашивала неотступно:

— Надень! Батяня будет довольный. Чево-же ты задаром их заслуживал, штоб они по сундукам валялись?

Уступая ее настояниям Григорий согласился. Он встал, взял у Петра бритву, побрился, вымыл лицо и шею.

— Затылок- то брил? — спросил Петро.

— Ох, чорт, забыл!

— Ну, садись, подбрею.

Холодный помазок обжег шею. Григорий видел в зеркало, как Петро, по детски высунув на сторону язык, водит бритвой.

— Шея-то потоньшела у тебя как у быка после пахаты. — улыбнулся он.

— Небось на казенных харчах не разглажеешь.

Григорий надел мундир с погонами хорунжего, с густым завесом крестов и когда погляделся в запотевшее зеркало — почти не угадал себя: высокий, сухощавый, цыгановато-черный офицер глядел на него двойником.

— Ты, как полковник. — восторженно заметил Петро, без зависти любуясь братом.

Слова эти, помимо воли Григория, доставили ему удовольствие. Он вышел в кухню. Любующимся взглядом пристыла к нему Дарья. Дуняшка ахнула:

— Фу, какой ты пышный!..

Ильинишна и тут не удержалась от слез. Вытирая их грязной завеской, ответила на подтрунивание Дуняшки.

— Народи ты себе таких, чекалка! По крайней мере два сыночка и обое в люди вышли!

Наталья не сводила с мужа влюбленных горячих и затуманенных глаз.

Григорий, накинув в напашку шинель, вышел на баз. Ему трудно было сходиться с крыльца, мешала раненая нога. «Без костыля не обойдусь». — подумал он, придерживаясь за перила.||

<Л. 37>

73.

Пулю вырезали ему в Миллерово, ранку затянуло коричневым струпом, он-то, стягивая кожу, и препятствовал вольно сгинаться ноге.

На заваленке грелся кот. Возле крыльца на солнцепеке снег вытаял, мокрела лужица. Григорий внимательно и обрадованно оглядывал баз. Тот-же около крыльца стоял столб, с колесом укрепленным наверху. С детства помнил Григорий это колесо, устроенное для бабьих нужд: на него, не сходя с крыльца, ставили на ночь молоко в корчажках, днем сушилась на нем посуда, выжаривались на солнце горшки. Некоторые перемены на базу бросались в глаза: дверь амбара была выкрашена взамен слинявшей краски — желтой глиной, сарай заново покрыт еще непобуревшей житной соломой; костер дыбом поднятых слег^{x)} казался меньше, должно-быть израсходовали часть на поправку городьбы. Насыпной горб погреба сизел золой, на ней зябко поджав ногу стоял черный, как ворон, петух в окруженьи десятка оставленных на племя пестро-цветных кур. Под сараем спасался от зимней непогоды сельско-хозяйственный инвентарь, ребристо торчали остовы арб, горела какая-то металлическая часть косилки посыпанная через трещину в крыше сеевом солнечного света. Около конюшни на навозном сугреве сидели гуси. Чубатый голландский гусак высокомерно скопился на хромавшего мимо Григория.

Оглядев все хозяйство Григорий вернулся в курень.

В кухне сладко пахло топленным коровьим маслом, [и] горячим припеком хлебов. Дуняшка на узорчатой тарелке обмывала моченые яблоки. Глянув на них Григорий, оживляясь, спросил:

— Арбузы соленые есть?

— Польез достань, Наталья. — откликнулась Ильинишна.

Пришел из церкви Пантелей Прокофьевич. Просфорку с вынутой частицей разломил на девять частей — по числу членов семьи, раздал за столом. Сели завтракать. Петро тоже принарядившийся, даже усы подмасливший чем-то, сидел рядом с Григорием. Против них на краюшке табуретки мостилась Дарья. Столб солнечных лучей валился ей на розовое, намазанное жировкой лицо. Она шурила глаза, недовольно снижала блестящие на солнце черные ободья бровей. Наталья кормила детей печеной тыквой, улыбаясь изредка поглядывала на Григория. Дуняшка сидела рядом с отцом. Ильинишна расположилась с краю, поближе к печке.

Ели, как и всегда по праздникам, сытно и много. Щи с бараниной сменила лапша, потом в порядке последовательности: вареная баранина, курятина, холодец из бараньих ножек,

х) Слега — шест||

<Л. 37 об.>

74.

жареная картошка, пшенная с коровьим маслом каша, кулага^{х)}, блинцы с каймаком, соленый арбуз. Григорий огрузившийся едой, встал тяжело, пьяно перекрестился, [и] отдуваясь прилег на кровать. Пантелей Прокофьевич еще управлялся с кашей, плотно притолочив ее ложкой он сделал посреди углубление, — так называемый колодезь, — налил в него янтарное масло и аккуратно черпал ложкой пропитанную маслом кашу. Петр, крепко любивший детишек, кормил Мишатку, балуясь мазал ему кислым молоком щеки и нос.

— Дядя не дури!

— А што?

— На што мажешь?

— А што?

— Я маманьке скажу!

— А што?

У Мишатки гневно сверкали мелеховские угрюмоватые глазенки, дрожали в них слезы обиды; вытирая кулаком нос он кричал, отчаявшись уговорить добром.

— Не мажься!.. Глупой!.. Дурак!..

Петро довольно хохотал и снова потчевал племянника — ложку в рот, другую на нос.

— Чисто маленький, связался! — бурчала Ильинишна.

Дуняшка подсев к Григорию рассказывала:

— Петро ить он дурастной, завсегда выдумывает. Надьсь вышел с Мишаткой на баз, он и захотел на большой, спрашивает: «дядяня, можно возле крыльца?» — а Петро — «Нет нельзя, отойди трошки». Мишитка чудок отбег, спрашивает «Тут?» — нет ишо подальше». Энтот опять отбег, «Тут?» — «Нет, нет, беги вон к амбару». От амбара проводил ево к конюшне, от конюшни к гумну гонял, гонял, покуда он в штанишки прямо... Наталья-ж и ругалась!

— Дай я сам буду! — почтовым глухарем звенел Мишатка. Смешливо шевеля усами Петро не соглашался.

— Нет уж, парень, я буду тебя кормить.

— Я сам!

— У нас сам с самой в клеву сидят, видал? Бабка их помоями кормит.

С улыбкой прислушиваясь к их разговору Григорий сворачивал курить. Подошел Пантелей Прокофьевич.

— Думаю ноне в Вешки поехать.

— Чево туда?

Пантелей Прокофьевич густо отрыгнул кулагой, пригладил бороду.

— Делишки там есть к шорнику, два хомута поправлял.

^{х)} Кулага — лапша с сушеной вишней||

<Л. 38>

75.

— Обыдёнки съездишь?

— А то чево-ж, к вечеру возвращусь.

Отдохнув, он запрет в развалки старую, ослепшую в этот год кобылицу, поехал. Дорога лежала лугом. Два часа спустя был он в Вешенской. Заехал на почту, в потребиловку, забрал хомуты и завернул к давнишнему знакомцу и куму, жившему у новой церкви. Хозяин — большой хлебосол — усадил его обедать.

— На почте был? — спросил он, наливая что-то в рюмку.

— Был — протяжно ответил Пантелей Прокофьевич, зорко и удивленно поглядывая на графинчик, нюхая воздух, как собака звериный след.

— Новья ничево не слыхал?

— Новья? Ничево, кубыть, не слыхал. А што?

— Каледин Алексей Максимович-то приказал долго жить.

— Да што ты!.. — Пантелей Профьевич заметно позеленел, забыл про подозрительный графин и запах, отвалился на спинку стула. Хозяин хмуро моргая, гово-
ворил.

— По телеграфу передали, што надьсь застрелился в Новочеркасском. Один был на всю область стоящий генерал. Кавалер был, армией командовал. А какой души был человек! Уж этот казачество в обиду не дал-бы.

— Погоди, кум, как-же теперича? — растерянно спрашивал Пантелей Прокофьевич, отодвигая рюмку.

— Бог ево знает. Чижолое время наступает. Небось от хорошей жизни не будет человек в самово себя пулять.

— Через чево-ж он решился?

Кум — казак кряжистый, как старовер, — зло махнул рукой.

— Откачнулись от нево фронтовики, в область большевиков напущали, вот и ушел атаман. Найдутся аль нет такие-то? Кто нас оборонит? В Каменской кокой-то рывком образовался, казаки в нем фронтовые... И у нас, слыхал небось? Приказ от них пришел, штоб атаманьев долой и штоб эти выбрать рывкомы. То-то мужичье головы поподняло! Все эти плотнички, ковали, хапуги разные, ить их в Вешках, как мошканы в лугу!

Долго молчал Пантелей Прокофьевич, повесив седую голову, и когда поднял ее — строг и жёсток был взгляд.

— Чево это у тебя в графене?

— Спирток. С Кавказу привез племенник.

— Ну, давай, кум, помянем Каледина покойнова атамана. Царство ему небесное!!

<Л. 38 об.>

76.

Выпили. Дочь хозяина высокая веснушчатая девка подала закусить. Пантелей Прокофьевич сначала поглядывал на кобылу, понуро стоявшую возле хозяйских саней, но кум его уверил:

— Не беспокойся об лошади. Велю напоить и корму дать, [и] и Пантелей Прокофьевич за горячим разговором и за графином вскоре забыл и про лошадь, и про все на свете. Он несвязно рассказывал о Григорие, спорил о чем-то с захмелевшим кумом, спорил и после не помнил о чем. Встрепенулся уже вечером, не глядя на упрашивания остаться ночевать — решил ехать. Кобылу запрет ему хозяйский сын, сесть в сани помог кум. Он надумал проводить гостя, рядом легли они в розвальных, обнялись. Сани у них зацепились¹ в воротах, потом цеплялись за каждый угол, пока не выехали в луг. Тут кум заплакал и добровольно упал с саней. Долго стоял раком, ругался, будучи не в состоянии подняться на ноги. Пантелей Прокофьевич погнал кобылу рысью, не видел, как провожавший его кум, уподобившись животному, ползет по снегу на четвереньках, тычась носом в снег счастливо хохочет и просит хрипком:

— Не щекоти!.. Не щекоти по-жа-лус-га!

Несколько раз огретая кнутом кобыла Пантелея Прокофьевича шла шибкой, но неуверенной, слепой рысью. Вскоре хозяин ее, одолеваемый хмельной дремотой, привалился к стенке саней головой, замолк. Вожжи случайно оказались под ним и кобыла, неуправляемая и беспомощная, сошла на тихий шаг. На первом-же свилке она сбилась на дорогу к хутору Малый Громченок, пошла по ней. Через несколько минут потеряла и эту дорогу. Шла уже целиной, бездорожьем, стряла в глубоком над лесом снегу, храпя спускалась в ложбинки. Сани зацепились за куст и она стала. Толчек на секунду пробудил старика. Он приподнял голову, крикнул сипло:

— Но, дьявол! — улегся снова.

Кобыла благополучно миновала лес, удачно спустилась на Дон и по ветру, доносившему с востока запах кизечного дыма, направилась к хутору Семеновскому.

В полверсте от хутора, с левой стороны Дона есть прорва, в нее веснами на сбыве устремляется полая вода. Около прорвы из супесного берега бьют ключи, лед там не замерзает всю зиму, теплится зеленым широким полудужьем полыньи и дорога по Дону опасново обегает ее, делает крутой скачек в сторону. Весною,||

<Л. 39>

77.

когда через прорву могучим потоком уходит обратно в Дон сбывающая вода, в этом месте крутит коловерть, ревет вода, сплетая разнобоистые струи, вымывая дно, и все лето на многосаженной глубине держатся сазаны, прибываясь к ближнему от прорвы дряму, наваленному с берега.

К полынье, к левому ее краю и направляла мелеховская кобыла слепой свой шаг. Оставалось до нее сажень двадцать, когда Пантелей Прокофьевич заворочался, чуть приоткрыл глаз. С черного неба глядели ему под воротник желто-зеленые невызревшие черешни звезд. «Ночь» — туманно сообразил Пантелей Прокофьевич, и ожесточенно дернул вожжи:

— Но-но!.. Вот я тебя, хреновина старая!

¹ ППС: «зацепились у них».

Кобыла потрусилась рысью. Запах недалекой воды ударил ей в ноздри. Она сторчмя поставила уши, чуть покосила в сторону хозяина слепым недоумевающим глазом. До слуха ее вдруг доплыл плеск смыкающейся волны. Дико всхрапнув она крутнулась в сторону попятилась. Под ногами ее мягко хрупнул источенный из-под испода лед, отвалился оснеженной краюхой. Кобыла захрапела смертным напуганным храпом. Изо всей силы она упиралась задними ногами, но передние уже провалились были в воде, под переступавшими задними ломалось крошево льда. Хрушко ухнув и плеснув лед раздался. Полынья глотнула кобылицу, она судорожно дернула задней ногой, стукнула по оглобле. В этот-то миг Пантелей Прокофьевич, услышавший неладное прыгнул с саней, откатился назад. Он видел как сани, увлекаемые тяжестью кобылы, поднялись дыбом, обнажив блеснувшие при звездном свете полозья, скользнули в черно-зеленую глубину и вода, перемешанная с кусками льда, мягко зашипела, чуть не доплеснулась до него волной. Задом, с невероятной быстротой отполз Пантелей Прокофьевич и только тогда твердо вскочил на ноги, ревнул:

— Ка-ра-ууул, люди добрые!.. У-то-па-ааем!..

Хмель из него, словно клином вышибло. Он подбежал к полынье. Остро блестел свежеотломленный лед. Ветер и стремя гоняли по широкому черному кругу полыньи клочки льда, волны трясли зелеными вихрами, шелестели, тишина кругом стояла мертвая. В дальнем хуторе желтили темноту огни. Исступлено горели и тряслись на плюшевом небе зернистые, как свежеперевереванные, звезды. Ветерок пушил поземкой, она сыпко сипела, мучнистой пылью летела в черное хайло полыньи. А||

<Л. 39 об.>

78.

полынья чуть дымилась паром и так-же радушно и жутко чернела.

Пантелей Прокофьевич понял, что кричать теперь глупо и бесполезно. Он огляделся, сообразил, куда попал пьяным невзначаем и затрясся от зла на самого себя, [и] на случившееся. В руках его остался кнут, с ним он успел соскочить. Матерясь он долго хлестал себя через спину, но было не больно, защищала дубленая шуба, а раздеваться ради этого казалось бессмысленно. Выдернул из бороды щепоть волос и перечислив в уме пропавшие покупки, стоимость кобылы, саней и хомутов яростно выругался, еще ближе подошел к полынье.

— Чорт слепая, мать твою так!.. — Дрожливым стонящим голосом сказал он, обращаясь к утонувшей кобыле. — Курва! Сама утопла и меня было-к утопила! Куда-ж тебя занесла нечистая сила?!.. Черти тебя там будут запрягать и ездить, а погонять им нечем... Натё-ж вам и кнут!.. — он отчаянно размахнулся, кинул на середку полыньи вишневое кнутовилище. Оно, блякнув, сторчмя воткнулось в воду, ушло [вниз] **вглубь**.

15.

После того, как калединцы потрепали революционные казачьи части, донской ревком, [образовавшийся в Каменской и] вынужденный бежать в Миллерово, по-

спешил с выяснением своей политической физиономии. На имя Антонова-Овсенко, в то время непосредственно руководившего боевыми операциями против Каледина и контр-революционной украинской рады, была отправлена донским ревкомом декларация следующего содержания:

«Харьков. 19 января 1918 года. Из Луганска, №449 — 18 ч. 20 м. — Харьков, комиссару Антонову. Донской казачий Военно-революционный комитет просит вас передать Петроград Совет Народных Комиссаров следующую резолюцию Донской области. Казачий Военно-революционный комитет на основании постановления фронтового съезда в станице Каменской постановил:

1. «Признать Центральную Государственную власть российской Советской республики, Центральный Исполнительный Комитет съезда советов казачьих, крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и выделенный им Совет Народных Комиссаров.

2. Создать краевую власть Донской области из съезда сове-||

<Л. 40>

79.

тов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов.

Примечание: земельный вопрос Донской области разрешается тем-же областным съездом.

За председателя прапорщик Кривошлыков. Секретарь Дорошев. Члены: прапорщики Стрелянов, Копалей, Кривушев, Черноусов, Еронин.

После получения этой декларации Антонов двинул на помощь войскам ревкома красногвардейские отряды, при помощи которых и был разгромлен отряд полковника Чернецова и восстановлено положение. Инициатива перешла в руки ревкома. После взятия Зверева, Лихой красногвардейские отряды Саблина и Петрова, подкрепленные казачьими частями ревкома развивают наступление и теснят противника к Новочеркаску.

На правом фланге в направлении Таганрога Сиверс, понесший под Неклиновкой поражение от добровольческого отряда полковника Кутепова оказался в Амвросиевке, потеряв одно орудие, 24 пулемета и броневик. Но в Таганроге, в день поражения и отхода Сиверса, полыхнуло восстание на Балтийском заводе. Рабочие выбили из города юнкеров. Сиверс оправился, перешел в наступление, [и] развивая его оттеснил добровольцев до Таганрога.

Успех явно клонился на сторону советских войск. С трех сторон замыкали они Добровольческую армию и остатки калединских «лоскутных» отрядов. 28го января Корнилов прислал Каледину телеграмму, извещавшую о том, что Добровольческая армия покидает Ростов и уходит на Кубань.

29го в 9 ч. утра в атаманском дворце было созвано экстренное совещание членов донского правительства. Каледин пришел из своей квартиры позднее всех. Он тяжело присел к столу, подвинул к себе бумаги. Верхушки щек его пожелтели от бессоницы, под выцветшими, [и] угрюмыми глазами лежали синие тени; словно глен тронул и исжелтил его похудевшее лицо. Медленно прочитал он телеграмму Корнилова, сводки от командиров частей, противостоявших на севере от Новочеркасска натиску красногвардейцев. Тщательно утюжа кипку телеграмм

широкой белой ладонью, не поднимая опухших затененных синью век [глаз] глухо сказал:

— Добровольческая армия уходит. Для защиты области и Новочеркаска осталось сто сорок семь штыков — живчик подергал||

<Л. 40 об.>

80.

у него веко левого глаза, судорога [скользнула] **наплыла** от угла сжатых губ; повысив голос он продолжал: — Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено нам враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю.

Митрофан Петрович Богаевский, глядевший в широкий пролет окна, поправил пенснэ, не поворачивая головы сказал:

— Я тоже слагаю с себя свои полномочия.

— Правительство в целом, разумеется, тоже слагает полномочия; встает вопрос — кому-же мы передадим власть?

— Городской думе. — сухо ответил Каледин.

— Надо это оформить. — нерешительно заметил член правительства Карев.

Минуту тяжело и неловко молчали. Матовый свет январьского пасмурного утра томился за вспотевшими окнами. Город завуалированный туманом и инеем дремно молчал. [Не слышалось] **Слух не прощупывал** обычного [биения] **пульса** жизни. Орудийный гул (отголоски боев, шедших где-то под станцией Сулин) мертвил даижение, висел над городом глухой невысказанной угрозой.

За окнами сухо и четко кричали пролетающие вороны. Они кружились над белой колокольной, как над падалью. На Соборной площади лиловый и свежий лежал снег. По нем редкий проходил пешеход, да изредка проезжали извозчицы сани, оставляя за собой темный нити проследка.

Изломав стылую тишину Богаевский предложил [необходимо] составить акт о передаче власти городской думе.

— Надо-бы совместно с ними собраться для передачи.

— В какое время удобней всего?

— Позднее, часа в 4.

Члены правительства, словно обрадовавшись, что склепанная молчанием тишина распалась, — начали обсуждать вопрос о передаче власти, о времени собрания. Каледин молчал, тихо и размеренно постукивал по столу **выпуклыми** ногтями пальцев. Под обвисшими бровями тусклым слюдяным блеском туманились глаза. Безмерная усталость, отвращение, надрыв делали взгляд его отталкивающим и тяжелым.

Один из членов правительства, возражая кому-то говорил нудно и долго. Каледин прервал его с тихим озлоблением.

— Господа, короче говорите! Время не ждет. Ведь от болтов-||

<Л. 41>

81.

ни Россия погибла. Объявляю перерыв на полчаса. Обсудите и потом поскорее надо кончить это.

Он ушел в свою квартиру. Члены правительства, разбившись на кучки, тихо разговаривали. Кто-то сказал о том, что Каледин плохо выглядит. Богаевский стоял у окна, до слуха его дошла фраза, сказанная полусшепотом:

— Для такого человека, как Алексей Максимович, самоубийство единственный приемлемый выход.

Богаевский вздрогнул, быстрыми шагами [*вышел,*] направился в квартиру Каледина. Вскоре он вернулся¹ в сопровождении атамана.

Решено было собраться в 4 часа совместно с городской думой для передачи ей власти и акта. Каледин встал, за ним поднялись остальные. Прощаясь с одним из матерых членов правительства Каледин следил глазами за Яновым, о чем-то шептавшимся с Каревым.

— В чем дело? — спросил он.

Янов подошел немного смущенный.

— Члены правительства — неказачья часть — просят о выдаче им денег на проезд.

Каледин сморщился, кинул жестко...

— Денег у меня нет. Надоело!

Стали расходиться. Богаевский, слышавший этот разговор, отозвал Янова в сторону.

— Пойдемте ко мне. Скажите Светозарову, что-бы он подождал в вестибюле.

Они вышли за спешно шагавшим, ссутулившимся Калединым. У себя в комнате Богаевский вручил Янову пачку денег.

— Здесь четырнадцать тысяч. Передайте тем.

Светозаров, ожидавший Янова в вестибюле, принял деньги, поблагодарил и, распрощавшись, направился к выходу. Янов, принимая из рук швейцара шинель, услышал шум на лестнице, оглянулся. По лестнице прыжками спускался адъютант Каледина Молдавский.

— Доктора! Скорее!!..

Швырнув шинель, Янов кинулся к нему. Дежурный адъютант и ординарцы, толпившиеся в вестибюле, окружили сбежавшего вниз Молдавского.

— В чем дело?! — крикнул, бледнея, Янов.

— Алексей Максимович застрелился! — Молдавский зарыдал,||

<Л. 41 об.>

82.

грудью упал на перило лестницы.

— Выбежал Богаевский; губы его дрожали, как от страшного холода, он заикался.

— Что? Что?...

¹ ППС: «вернулся он».

По лестнице толпой, опережая друг друга, бросились наверх. Гулко и дробно звучали шаги бежавших. Богаевский, хлебая раскрытым ртом воздух, хрипло дышал, [задышался]. Он первый с громом откинул дверь, через переднюю пробежал в кабинет. Дверь из кабинета в маленькую комнату около была широко распахнута. Оттуда полз и курился прогорклый сизый дымок, запах сожженного пороха.

— Ох! Ох! Ааа-ха-ха! Алё-ё-ша!.. род-но-ооой!.. — слышался неузнаваемо страшный раздавленный голос Марии Петровны Калединой.

Богаевский, как при удушьи, разрывая на себе воротник сорочки вбежал туда. У окна, вцепившись в тусклую золоченую ручку, горбатился Карев. На спине его под сюртуком судорожно сходились и расходились лопатки, он крупно редко дрожал. Глухое, воюще-звериное рыданье взрослого, чуть не выбило из-под ног Богаевского почву.

На походной офицерской койке, сложив на груди руки, вытянувшись лежал на спине Каледин. Голова его была слегка¹ повернута на бок, к стене; белая наволочка подушки тенила синеватый влажный лоб и прижатую к ней щеку. Глаза сонно полузакрыты, углы сурового [и простого] рта страдальчески искривлены. У ног его билась, упавшая на колени жена. Вязкий одичавший голос ее был режуще остр. На койке лежал кольт. Мимо него извилисто стекала по сорочке тонкая и веселая черно-рудая струйка.

Возле койки на спинке стула аккуратно повешен френч, на столике часы-браслет.

Криво кочнувшись Богаевский упал на колени, ухом приник к теплой и мягкой груди. Сердце Каледина не билось. Пахло крепким, как уксус, мужским потом. Богаевский, — вся жизнь его в этот момент ушла в слух, — несказанно жадно прислушивался, но слышал только четкий тик лежавших на столике ручных часов, хриплый захлебывающийся голос жены мертвого уже атамана, да — через окно — пророческое, обрекающее и звучное карканье ворон.

16.

Черные глаза Анны, [блестящие] блещущие слезами и улыбкой,||

<Л. 42>

83.

увидел Бунчук в первый раз, как только открыл глаза. Три недели был он в бредовом беспомыслии. Три недели странствовал в ином, неосознанном и фантастическом мире. Сознание вернулось к нему вечером 24го декабря. Он долго смотрел на Анну серьезным затуманенным взглядом, пытался восстановить в памяти в порядке последовательности все, что было связано с ней; это удалось ему лишь отчасти, — память была туга, неподатлива; многое пока еще хранила где-то в глубине.

— Дай мне пить. — попрежнему издали донесся до слуха его собственный голос, и от этого стало весело; он улыбнулся.

¹ ППС: «слегка была».

Анна стремительно [*подошла*] **пошла** к нему; она вся светилась скупой сдержанной улыбкой.

— Пей из моей руки. — отстранила она вяло тянущуюся к кружке руку Бунчука. У него шевельнулась к ней благодарность. Дрожа от усилий поднять голову, — напился и устало отвалился на подушку. Долго смотрел в сторону, хотел что-то сказать, но слабость осилила, — задремал.

И опять, как и в первый раз, проснувшись, увидел прежде всего устремленные на него встревоженные и волнующие глаза Анны, потом шафранный свет лампы, белый круг от нее на досчатом некрашеном потолке

— Аня, поди ко мне.

Она подошла, взяла его **за руку**. Он [*ответно*] **ответил** [*слабо*] **слабым** [*пожал ее*] **пожатием**.

— Как ты себя чувствуешь?

— Язык чужой, голова чужая, ноги тоже, а самому будто двести лет. — Тщательно выговаривал он каждое слово, помолчав спросил: — Тиф меня?

— Тиф.

Повел глазами по комнате, невнятно сказал:

— Где это?

Она поняла вопрос, улыбнулась.

— В Царицыне мы.

— А ты... Как ты?

— Я одна осталась с тобой — и словно оправдываясь, или стараясь отвести какую-то невысказанную им мысль, заспешила: — Тебя нельзя было бросить у посторонних. Меня просил Абрамсон и товарищи из бюро, что-бы берегла тебя... Вот видишь, пришлось неожиданно ходить за тобой.

Он поблагодарил взглядом, [*и*] слабым движением волосатой руки.

— Крутогоров?||

<Л. 42 об.>

84.

— Уехал через Воронеж в Луганск.

— Геворкянц?

— Тот... Видишь-ли... Он умер. От тифа.

— О!

Помолчали, словно чья память покойного.

— Я боялась за тебя. Ты ведь был очень плох. — тихо сказала она.

— А Боговой?

— Всех потеряла из вида. Некоторые уехали в Каменскую. Но, послушай, тебе не вредно говорить? И потом не хочешь-ли ты молока?

Бунчук отрицательно качнул головой, с трудом владея языком продолжал спрашивать.

— Абрамсон?

— Уехал в Воронеж неделю назад.

Он неловко ворохнулся, закружилась голова, больно хлынула в глаза кровь. Почувствовав на лбу ее прохладную [*руку*] **ладонь** открыл глаза. Его мучил один

вопрос; он был без сознания, кто-же выполнял за ним грязный уход? Неужели она? [*меняла на нем белье, выносила из под него?*] Румянец чуть окрасил его щеки, спросил:

— Ты одна ухаживала за мной?

— Да, одна.

Он отвернулся к стене, прошептал:

— Стыдно им... Мерзавцы!.. Бросили на твоё попечение...

Осложнение после тифа сказывалось на слухе: он плохо слышал. Врач, посланный Царицынским комитетом партии, сказал Анне, что к лечению можно будет приступить только после того, как больной окончательно оправится. Бунчук выздоравливал медленно. Аппетит был у него чудовищный, но Анна строго придерживалась диеты. На этой почве происходили у них столкновения.

— Дай мне еще молока. — просил Бунчук.

— Больше нельзя.

— Я прошу, дай. Что ты меня голодом хочешь уморить?

— Илья, ты-же знаешь, что больше меры я не могу дать тебе еды.

Он обиженно замолкал, отворачивался к стене, вздыхал, подолгу не разговаривал. Страдая от почти детской жалости к нему, она выдерживала характер. Спустя некоторое время он нахмуренный, и от этого еще более жалкий, поворачивался, просил умоляюще:

— Нельзя-ли соленой капусты? Ну, пожалуйста, Аня, род-||

<Л. 43>

85.

ная... Ты мне уважь... Вредно? Докторские басни!

Натыкаясь на решительный отказ, он иногда обижал ее резким словом.

— Ты не имеешь права так издеваться надо мной! Я сам позову хозяйку и спрошу у нее! Ты бессердечная и отвратительная женщина!.. Право, я начинаю тебя ненавидеть.

— Это [*будет*] лучшая расплата за то, что я перенесла, будучи твоей нянькой. — не выдерживала и Анна.

— Я тебя не просил оставаться возле меня. Бесчестно упрекать меня этим! Ты пользуешься своим преимуществом. Ну, да ладно... Не давай мне ничего. Пусть я издохну... Велика жалость!

У нее дрожали губы, но она сдерживалась, замолкала; потворствуя ему, как больному, терпеливо сносила все.

Раз только, после одной особенно резкой перебранки, когда она отказала ему в лишней порции пирожков, Бунчук отвернулся и она, с сжавшимся в комочек сердцем, заметила на его глазах блестящие слезы.

— Да ты просто ребенок! — воскликнула она. Побежав на кухню принесла полную тарелку пирожков. — Ешь-ешь, Илюша, милый! [*прости меня.*] Ну, полно не сердись-же. На вот этот поджаренный, — дрожащими руками совала в его руки пирожок.

Бунчук, глубоко страдая, попробовал отказываться, но не выдержал, вытирая слезы сел и взял пирожок. По исхудавшему лицу его, густо обросшему курчавой

и мелкой бородой, скользнула виноватая улыбка, сказал выпрашивая глазами прощение.

— [*Ты прости меня...*] Я, хуже ребенка... Ты видишь, я чуть не заплакал...

Она глядела на его странно тонкую шею, на впалую безтелесную грудь, видневшуюся через распахнутый ворот рубашки, на костистые руки; волнуемая глубоко не испытываемой раньше любовью и жалостью в первый раз просто и нежно поцеловала его сухой желтый лоб.

Только через две недели был он в состоянии без посторонней помощи передвигаться по комнате. Высохшие в былку ноги подламывались; он заново учился ходить.

— Смотри, Анна, иду! — пытался пройти независимо и быстро, но ноги не выдерживали тяжести тела, рвался из под ступней пол. Вынужденный прислониться к первой||

<Л. 43>

86.

попавшейся опоре Бунчук широко, как старик, улыбался, кожа на прозрачных щеках его туго натягивалась, морщинилась. Он смеялся старчески-дребезжащим трухлявым смешком и, обессилив от напряжения и смеха, снова падал на койку.

Квартира их была неподалеку от пристани. Из окна виднелся снеговой размёт Волги, леса за ней — широким серым полудужьем, мягкие волнистые очертания дальних полей. Анна подолгу простаивала около окна, думая о своей диковинной, круто переломившейся жизни. Болезнь Бунчука странно сроднила их. Но еще до этого, в Ростове, после первых-же встреч с внутренним холодком и дрожью поняла, что причалена к нему неотрывно-прочно. Не во время, в грозовой год, на девятнадцатой весне ее коротенькой, как сон, девичей жизни ворохнулось чувство, повлекло к Бунчуку. Сердцем выбрала его — неприглядного и простого, в боях срослась с ним, отняла у смерти, выходила...

В начале, — когда после долгой мучительной дороги приехала с ним в Царицын, — было тяжело, горько до слез. В первый раз пришлось ей так близко и так оголенно взглянуть на изнанку общения с любимым. Стиснув зубы меняла на нем белье, вычесывала из завшивевшей горячей головы паразитов, переворачивала каменно-тяжелое тело и, содрогаясь, с отвращением смотрела украдкой на его голое исхудавшее тело мужчины, на оболочку, под которой чуть теплилась дорогая жизнь. Внутренне все вставало в ней на дыбы, противилось, но грязь наружного не пятнила глубоко и надежно хранившееся чувство. Под его властный указ научилась преодолевать боль и недоумение. И преодолела. Под конец было лишь сострадание — да бился, [*и*] [*просачивался*] **просачиваясь** наружу, глубинный родник любви.

Раз как-то Бунчук сказал:

— Я тебе противен после всего этого, правда?

— Это было испытание.

— Чему? Выдержке?

— Нет, чувству.

Бунчук отвернулся и долго не мог унять дрожь губ. Больше разговоров на эту тему у них не было. Лишними и бесцветными были-бы слова.

После выздоровления Бунчука дружеские отношения их не нарушались ни одной размолвкой. Он словно воз-||

<Л. 44>

87.

мещал то, что по его вине перенесла она, был исключительно внимателен, предупреждал каждое ее желание, но делал это не навязчиво, с неприсущей ему мягкостью и она оценила это. Жесткими, но уже иными, покоренными и бесконечно преданными глазами смотрел он на нее.

В середине января они выехали из Царицына в Воронеж. Глядя с площадки на остающийся сзади город Анна положила на плечо Бунчука руку сказала, будто dokonчивая прерванный тогда разговор.

В необычной обстановке мы сошлись¹... Пожалуй даже ненужно-бы было... Это от разума, а не от сердца, разумеется. И знаешь почему я говорю — ненужно? Смотри. — она повела рукой указывая на снежную степь, кружившуюся за полотном огромным, блещущим, серебряным рублем. — там все кипит. Необходимо напряжение всех сил, [воли], а чувство по моему разжигает устремленность. Надо-бы нам или раньше, или позднее встретиться.

— Неверно! — Бунчук улыбнулся, прижимая ее к себе. — Мы с тобой будем одним человеком, и это не только не будет ослаблять нашу целеустремленность, но даже — наоборот — усиливать ее. Смотри, сломить один пруттик легко, но два сплетенных вместе уже труднее.

— Пример, Илюша, не особенно удачный.

— Хотя-бы, но весь этот разговор — в пустой след.

— Это верно, да и потом я вообще уж вовсе не так опечалена тем, что мы... — она смущаясь запнулась, — наполовину сошлись. Личное ведь не сможет задушить в нас желание бороться...

— И побеждать, — чорт возьми! — dokonчил Бунчук, стискивая в своей руке ее маленький, воинственно-сжатый кулачек.

То, что они не были до сих пор физически близки, — придавало их отношениям какой-то отроческий, волнующе-нежный характер. Желание перейти последнюю грань сближения не тяготело над ними. Анну это обстоятельство по своему радостно волновало; спросила, думая об этом:

— Неправда-ли наши отношения с тобой совсем не похожи на отношения подобного рода? Хозяйка в Царицыне, да и все считали нас мужем и женой, правда? Как это хорошо, уже одним тем, что выходит из мещанских рамок обыденного. В боях мы с тобой слюбились и сумели сохранить наше чувство, не грязня его животным, земным...

— Романтика. — усмехнулся Бунчук.||

¹ ППС: «сошлись мы».

<Л. 44 об.>

88.

— Что? — переспросила она.

Бунчук молча погладил ее голову.

Анна затуманенными глазами долго смотрела на снеговое раздолье, на далекие неясные контуры проплывавших мимо хуторов, на лиловые гребни перелесков, на прорези баераков; заговорила торопливо; придушенно-низок и напевен был грудной виолончельный тембр ее голоса:

— И потом, вообще, как гадко и жалко выглядит сейчас всякая забота о создании своего индивидуального маленького счастья. Что значит оно в сравнении с тем необъемлемым людским счастьем, которого добивается революцией исстрадавшееся человечество? Не правда-ли? Нужно раствориться вот в этом порыве к освобождению, нужно... нужно слиться с коллективом и забыть про себя, как про обособленную частицу. — Она тихо, как ребенок во сне, улыбнулась одними углами нежного и мужественного рта; на верхней губе от улыбки легла колеблющаяся тень. — Знаешь, Илья, будущую жизнь я ощущаю, как далекую-далекую, сказочно-прекрасную музыку. Ну, вот, как во сне иногда слышишь... Ты слышишь музыку во сне? Это не отдельная, тончайшая мелодия, а могущественный и согласный, нарастающий аккордами гимн. Кто-же не любит красоту? Я люблю ее во всех, даже мельчайших проявлениях... А разве не красива будет жизнь при социализме? Ни войн, ни нищеты, ни угнетения, ни национальных перегородок, — ничего! Как намусорили, нагадили люди на земле... Сколько человеческого горя пролито... — Она рванулась к Бунчуку, [*пылая, трепеща*] искала его [*рук*] **руки** — Ну, скажи, разве не сладко умереть за это? Ну, скажи-же! А? Во что-же верить, как не в это! Из-за чего-же жить?.. Мне кажется, если я умру в бою [*за это, а я чувствую, что умру и скоро умру...*] **в бою...** — Она прижала руку Бунчука к груди, так что он слышал приглушенный бой ее сердца, и глядя на него снизу вверх потемневшим глубоким взглядом, зашептала: — и если смерть не будет мгновенна, то последнее, что я буду ощущать — это [*музыка будущего,*] торжественный потрясающе-красивый гимн [*тех, кому мы сейчас расчищаем поле*] **будущего**.

Бунчук слушал угнув голову. Его запалил ее молодой страстный порыв и сквозь ритмический перестук колес, сквозь скрип вагона и звон рельсов ему дивно почудилась ве-||

<Л. 45>

89.

личественная невнятная мелодия. Неся на спине [*и груди*] мурашковую дрожь, пошел к наружной двери, пинком ноги распахнул ее. На площадку с посвистом ворвался ветер, колючая снежная пыль, пар и неумолчный могучий рев паровоза.

17.

16го января вечером Бунчук и Анна приехали в Воронеж. Пробыли там два дня и выехали на Миллерово, так как в день отъезда получились вести, что туда

перебрались донской ревком и верные ему части, вынужденные под давлением калединцев очистить Каменскую.

В Миллерово было суетно и людно. Бунчук задержался там на несколько часов и со следующим поездом выехал в Глубокую. На другой день он принял пулеметную команду, а утром следующего дня был уже в бою с Чернецовским отрядом.

После того, как Чернецова разбили, им с Анной неожиданно пришлось расстаться. Прибежала она утром из штаба оживленная и чуть опечаленная.

— Ты знаешь, здесь Абрамсон. Он очень хочет повидать тебя. А потом еще новость, — сегодня я уезжаю.

— Куда? — удивился Бунчук.

— Абрамсон, я и еще несколько товарищей едем в Луганск, на агитационную работу.

— Ты бросаешь отряд? — холодно спросил Бунчук.

Она засмеялась, прижимаясь к нему раскрасневшимся лицом:

— Признайся, тебя печалит не то, что я бросаю отряд, а то, что тебя бросаю? Но ведь это на время. Я уверена, что на той работе я принесу больше пользы, чем около тебя. Агитация, пожалуй, больше в моей специальности, чем пулеметное дело... — и шаловливо повела глазом: — изученное хотя бы под руководством такого опытного командира, как Бунчук.

Вскоре пришел Абрамсон. Он попрежнему был кипуч, деятелен, непоседлив, так-же сверкал белым пятном на жуковой, как смоленной, голове. Бунчук искренно обрадовался.

— Поднялся на ноги? Оч-чень хорошо! Анну мы забираем, — и догадливо намекаяще сощурился: — Ты не возражаешь? Не возражаешь? Да-да... Да-да, оч-чень хорошо. Я оттого задаю такой вопрос, что вы, вероятно, сжились в Царицыне.

— Не скрываю, что мне и жаль с ней расставаться. — Бунчук хмуро и натянуто улыбнулся.

— Жаль? Уже и этого много. Анна, ты слышишь?

Он походил по комнате, на ходу поднял из-за сундука за-

<Л. 45 об.>

90.

пыленный томик Гарина-Михайловского и, встрепенувшись, начал прощаться.

— Ты скоро, Анна?

— Иди, я сейчас — ответила та из-за перегородки.

Переменив белье она вышла. На ней была подпоясанная ремнем защитная солдатская гимнастерка с карманами, чуть оттопыренными грудью, и та же черная юбка, местами заштопанная, но чистая безукоризненно. Тяжелые недавно вымытые волосы пушились, выбивались из узла. Она одела шинель, затягивая пояс спросила (недавнее оживление ее исчезло и голос был тускл, просящ):

— Ты будешь участвовать в наступлении сегодня?

— Ну, конечно, ведь не буду-же я сидеть сложа руки.

— Я прошу тебя... Послушай, будь осторожен! Ты сделаешь это, ради меня? Да? Я оставляю тебе лишнюю пару шерстяных чулок. Не простудись, старайся не промочить ног. Из Луганска я напишу тебе.

У нее как-то сразу выцвели глаза, прощаясь призналась: — Вот видишь, мне очень больно уходить от тебя. Вначале, когда Абрамсон предложил ехать в Луганск, — я оживилась, а сейчас чувствую, что без тебя там будет пустынно. Лишнее доказательство, что чувство сейчас излишне, оно вяжет... Ну, как-бы то ни было, прощай!

Попрощалась сдержанно-холодно, но Бунчук понял это так, как и надо было понять: она боялась растерять запас решимости.

Он вышел проводить. Анна пошла суетливо поводя плечами, не оглядываясь. Ему хотелось окликнуть ее, но он заметил, прощаясь, в ее чуть косящем затуманенном взгляде чрезмерный и влажный блеск; насилуя волю крикнул с поддельной бодростью: [вслед.]

— Надеюсь, увидимся в Ростове! Будь здорова, Аня!

Анна оглянулась из-под плеча, [и] ускорила шаг.

После ее ухода Бунчук с страшной силой почувствовал [пустоту и свое] одиночество. Он вернулся с улицы на квартиру, но сейчас-же выскочил оттуда, как обожженный: там каждый предмет еще дышал [еще] ее присутствием, каждая вещь хранила ее запах: и забытый носовой платок, и солдатский подсумок, и медная кружка, все к чему прикасались ее руки.

Бунчук до вечера прослонялся по станции, испытывая небывалое беспокойство и такое ощущение, словно отрезали у него, что-то, и он никак не освоится в новом своем положении. Растерянно присматривался он к лицам незнакомых||

<Л. 46>

91.

красногвардейцев и казаков, некоторых угадывал, многие угадывали его.

В одном месте его остановил казак сослуживец по Германской войне. Он затасил Бунчука к себе на квартиру, пригласил принять участие в игре. За столом дулись в очко красногвардейцы из отряда Петрова и недавно прибывшие матросы мокроусовцы. Одетые табачным дымом они звонко буцали картами [зрели] шуршали керенскими деньгами, ругались, бесшабашно кричали. Бунчука потянуло на воздух, вышел не попрощавшись.

Выручило его то, что через час пришлось итти в наступление.

18.

После смерти Каледина Новочеркасская станица вручила власть походному атаману Войска Донского генералу Назарову. 4го февраля съехавшимися на Круг делегатами он был избран Войсковым наказным атаманом. На круг собралась незначительная часть делегатов, преимущественно [представителей] представители низовских станиц южных округов. Круг именовался Малым. Работу свою начал 4го февраля. Назаров, заручившись поддержкой Круга, объявил мобилизацию от 17 до 55 лет, но казаки неохотно брались за оружие, несмотря на угрозы и высылку в станицы вооруженных отрядов для производства мобилизации.

В день начала работ Малого Круга в Новочеркасске с румынского фронта походным порядком пришел 6ой донской казачий генерала Краснощекова полк, под

командой войскового старшины Тащина. Полк от самого Екатеринослава шел с боями прорывая большевистское кольцо. Его трепали под Пятихаткой, Межевой, Матвеевым-курганом и во многих местах, но несмотря на это он прибыл почти в полном составе, при всех офицерах.

Полку была устроена торжественная встреча. После молебствия на Соборной площади Назаров благодарил казаков за то, что сохранили дисциплину, блестящий порядок и с оружием пришли на защиту Дона.

6го полк был отправлен на фронт под станцию Сулин, а 8го пришли в Новочеркасск черные вести: полк под влиянием большевистской агитации, самовольно ушел с позиций и отказался защищать Войсковое правительство.

Работа Круга шла вяло. Предрешенность борьбы с большевиками чувствовалась всеми. Во время заседаний||

<Л. 46 об.>

92.

Назаров — этот энергичный кипучий генерал — сидел опершись на руку, закрыв ладонью лоб, словно мучительно о чем-то думая.

Рушились трухой последние надежды. Смыкалась и захлестывала горло области большевистская петля. Уже погромыхивало возле Тихорецкой. Слухи шли, что движется из Царицына к Ростову тамошний большевистский командир хорунжий Автономов.

9го утром в Ростов вошел отряд капитана Чернова, теснимый Сиверсом, с тыла обстреливаемый казаками Гниловской станицы. Крохотная оставалась перемычка и Корнилов, понявший, что оставаться в Ростове не безопасно, в этот-же день отдал приказ об уходе на станицу Ольгинскую.

Весь день по вокзалу и офицерским патрулям постреливали с Темерника рабочие. Перед вечером из Ростова выступила густая колонна войска. Она протянулась через Дон жирной черной гадюкой, извиваясь поползла на Аксай. По обрыхлевшему мокрому снегу грузно шли куценькие роты. Мелькали гимназические шинели с светлыми пуговицами, зеленоватые — реалистов, но в массе преобладали солдатско-офицерские. Взводы вели полковники и капитаны. В рядах были начиная с юнкеров и прапорщиков, — кончая полковниками. За многочисленными подводами обоза шли беженцы пожилые солидные люди, в городских пальто, в галошах через которые лилась вода, [изредка мелькало женское лицо, они] женщины семенили около подвод, застревая в глубоком снегу, вихляясь на высоких каблуках.

В одной из рот Корниловского полка шел есаул Евгений Листницкий. В [одном] ряду с ним [шагали] подтянутый строевой офицер штабс-капитан Старобельский¹, поручик Суворовского Фанагорийского гренадерского полка Бочагов и подполковник Ловичев — престарелый, беззубый, боевой офицер, весь, как матерый лесовин, покрытый рыжей проседью.

Накапливались сумерки. Морозило. От устья Дона солоноватый и влажный подпирал ветер. Листницкий, привычно, не теряя ноги, месил растолченный снег,

¹ ППС: «штабс-капитан Старобельский, подтянутый строевой офицер».

вглядывался в лица обгонявших роту людей. Мимо них сбочь дороги прошли командир Корниловского полка капитан Неженцев и бывший командир Преображенского гвардейского полка полковник Кутепов, в распахнутой шинели и сбитой на крутой затылок фуражке.

— Господин командир! — окликнул Неженцева подполковник Ловичев, ловко перехватывая винтовку.||

<Л. 47>

93.

Кутепов повернул широколобое бычье лицо, с редко посаженными черными глазами и подстриженной лопатистой бородкой; из его плеча выглянул на окрик Неженцев.

— Прикажите первой роте прибавить шаг! Ведь так и замерзнуть не мудрено. Мы промочили ноги, а такой шаг на походе...

— Безобразие! — затрубил горластый и шумоватый Старобельский.

Неженцев, не отвечая, прошел мимо. Он о чем-то спорил с Кутеповым. Немного спустя опередил их Алексеев. Кучер гнал сытых, вороных, с подвязанными хвостами лошадей, из-под копыт их вились и брызгали кругом снежные ошлепки. Красный от ветра Алексеев, с белыми приподнятыми усами и сторчевыми такими-же белыми бровями, по самые уши натянул фуражку, сидел бочком привалясь к спинке коляски, зябко придерживая левой рукой воротник. Офицеры улыбками проводили его знакомое всем лицо.

На взрыхленной множеством ног дороге кое-где просачивались желтые лужи. Итти было тяжело, ноги разъезжались, сырость проникала в сапоги. Листницкий, шагая, прислушивался к разговору впереди. Какой-то баритонистый офицер, в меховой куртке и простой казачьей папахе, говорил:

— Вы видели, поручик? Председатель Государственной Думы Родзянко, старик и идет пешком.

— Россия всходит на Голгофу...

Кашляя и с хрипом отхаркивая мокроту кто-то пробовал иронизировать:

— Голгофа, с той лишь разницей, что вместо кремнистого пути — снег, при том мокрый, плюс 11° холода по Цельсию.

— Не знаете, господа, где ночевка?

— В Екатеринодаре.

— В Пруссии мы однажды такой вот поход ломали...

— Как-то нас приветит Кубань. Что? Разумеется, там иное дело.

— У вас есть курить? — спросил у Листницкого поручик Головачев. Он снял грубую варежку, взял папиросу, поблагодарил и, высморкавшись по солдатски, вытер пальцы о полу шинели.

— Усваиваете демократические манеры, поручик? — тонко улыбнулся подполковник Ловичев.

— Поневоле усвоишь, вы-то или дюжиной носовых платков запаслись?

Ловичев не ответил. На красносединных усах его висели зеленоватые сосульки. Он изредка шморгал носом, морщился||

<Л. 47 об.>

94.

от холода проникавшего сквозь полы подбитой ветром шинели.

«Цвет России». — думал Листницкий, с острой жалостью оглядывая ряды и голову колонны, ломанно изогнувшейся по дороге.

Проскакали несколько всадников, среди них на высоком донце Корнилов. Его светло-зеленый полушубок с косыми карманами [*на груди и*] по бокам и белая папаха долго маячили над рядами. Густым рыкающим «Ура» провожали его офицерские батальоны.

— Все-бы это ничего, да вот семья. — Ловичев по стариковски покряхтел, сбоку заглянул в глаза Листницкого, как-бы ища сочувствия. — Семья осталась у меня в Смоленске. — повторил он. — Жена и дочушка — девушка. На Рождество исполнилось ей семнадцать лет. Каково это, есаул?

— Да-а-а.

— Вы тоже семейный? Из Новочеркаска.

— Нет я Донецкого округа. У меня отец остался.

— Не знаю, что с ними... Как они там без меня — продолжал Ловичев. Его с раздражением перебил Старобельский.

— У всех семьи остались. Не понимаю чего вы хнычете, подполковник? Удивительный народ! Не успели выйти из Ростова...

— Старобельский! Петр Петрович! Вы были в бою под Таганрогом? — крикнул кто-то сзади через ряд.

Старобельский повернулся раздраженным лицом, пасмурно улыбнулся.

— А, Владимир Георгиевич, вы какими судьбами в наш взвод? Перевелся? С кем неполадил?.. Ага, ну, это понятно. Вы спрашиваете про Таганрог? Да, был, а что? Совершенно верно, убили его.

Листницкий, невнимательно прислушиваясь к разговору, вспоминал свой отъезд из Ягодного, отца, Аксинью. Его душила внезапно задымившаяся на сердце тоска. Он вяло переставлял ноги, смотрел на колыхавшиеся впереди стволы винтовок с привинченными штыками, на головы в папах, фуражках и башлыках, раскачивавшиеся в ритм шагу, думал: «Такой вот, как у меня, заряд ненависти и беспредельной злобы несет сейчас каждый из этих пяти тысяч, преданных остракизму. Выбросили, сволочи, из России и здесь думают растоптать. Посмотрим! Корнилов выведет нас к Москве». В эту минуту он вспомнил приезд Корнилова в Москву и с радостью перешел на воспоминания того дня.

Где-то недалеко сзади, наверное в хвосте роты, шла батарея. Пофыркивали лошади, громыхали барки, даже запах||

<Л. 48>

95.

конского пота доносило оттуда. Листницкий сразу почувствовал этот знакомый волнующий запах, повернул голову: передний ездовой — молодой прапорщик посмотрел на него и улыбнулся, как знакомому.

К 11го марта Добровольческая армия была сосредоточена в районе станицы Ольгинской. Корнилов медлил с выступлением, ожидая приезда в Ольгинскую походного атамана Войска донского генерала Попова, ушедшего из Новочеркасска в задонские степи со своим отрядом, насчитывавшим около 1600 сабель, при 5 орудиях и 40 пулеметах.

Утром 13го Попов, сопровождаемый своим начальником штаба полковником Сидориным и несколькими казачьими офицерами конвоя, прискакал в Ольгинскую.

На плацу возле дома занятого Корниловым он осадил коня, придерживаясь за луку тяжело перенес через седло ногу. Его поддержал подскочивший вестовой — молодой черночубый казак с смуглым лицом и острыми, как у чибиса глазами. Попов кинул ему поводья, степенным шагом пошел к крыльцу. Сидорин и офицеры, спешившись, последовали за ним. Вестовые через калитку ввели во двор коней. Пока один из них пожилой, колченогий навешивал торбы, другой черночубый, похожий на чибиса, уже завязал знакомство с хозяйской работницей. Он что-то сморозил ей; работница — румяная девка в кокетливо повязанном платке и глубоких галошах насунутых на босые ноги — [смеялась] смеясь и оскользаясь прошлепала мимо него по луже к сараю.

Осанистый пожилой Попов вошел в дом. В передней сдал на руки расторопному вестовому шинель, повесил на вешалку плеть, долго и звучно сморкался. Вестовой проводил его и Сидорина, на ходу приглаживавшего волосы, в зал.

Созванные на совещание генералы были в сборе. Корнилов сидел за столом, облокотившись на разостланную карту, по правую руку от него белел сединой сухонький и пряменький, свежесбривший Алексеев. Деникин, поблескивая умными колючими глазами, о чем-то говорил с Романовским. Лукомский отдаленно похожий на Деникина медленно ходил по комнате щипал бородку. Марков стоял у окна во двор, наблюдая, как вестовые казаки похаживают||

<Л. 48 об.>

96.

около коней и пересмеиваются с девкой-работницей.

Поздоровавшись прибывшие подошли к столу. Алексеев задал несколько малозначущих вопросов о дороге и эвакуации Новочеркасска. Вошли Кутепов, с ним несколько строевых офицеров, приглашенных Корниловым на совещание.

Глядя в упор на Попова, усаживавшегося с спокойной уверенностью, Корнилов спросил:

— Скажите, генерал, численность вашего отряда?

— Полторы тысячи сабель, батарея, сорок пулеметов с прислугой.

Корнилов не сводя с него глаз выпрямился.

— Обстоятельства, понудившие Добровольческую армию уйти из Ростова, вам известны. Вчера у нас был совет. Принято решение итти на Кубань, имея направление на Екатеринодар, в окрестностях которого действуют добровольческие отряды. Мы двинемся этим маршрутом; — Корнилов провел по карте неочиненным концом карандаша, заговорил торопливей: — по пути увлекая Кубанское казачество, дробя те малочисленные, неорганизованные и небоеспособные красногвардейские отряды, которые попытаются воспрепятствовать нашему

движению. — Он глянул на сощуренный, отосланный в сторону взгляд Попова dokonчил: — Мы предлагаем вам присоединиться с вашим отрядом к Добровольческой Армии и совместно с нами итти на Екатеринодар. Дробить силы не в наших интересах.

— Я не могу этого сделать. — решительно и круто заявил Попов.

Алексеев чуть склонился в его сторону.

— Почему, разрешите спросить?

— Потому, что я не могу покинуть территорию Донской области и итти куда-то на Кубань. Прикрываясь с севера Доном мы в районе Зимовников переждем события. На активные действия противника нельзя рассчитывать в виду того, что не сегодня-завтра начнется оттепель, переправить через Дон не только артиллерию, но и конницу будет невозможно, а из района Зимовников, весьма обеспеченного фуражем и хлебом, мы в любое время и в любом направлении можем развить партизанские действия.

Попов с веской уверенностью приводил доводы, отклоняющие предложение Корнилова. Он передохнул, и видя, что Корнилов хочет что-то сказать упрямо мотнул головой:

— Позвольте докончить. Помимо этого есть еще один сугубой важности фактор, и мы, командование, его||

<Л. 49>

97.

учитываем [и должны учитывать], это настроение казаков. — он вытянул мясистую белую руку с золотым кольцом всосавшимся в мякоть указательного пальца, чуть повысив голос, оглядывая всех продолжал: — В том случае если мы повернем на Кубань — явится опасность распада отряда. Казаки могут не пойти. Не надо забывать то обстоятельство, что постоянный и наиболее крепкий контингент моего отряда — казаки, а они вовсе не так устойчивы морально, как — хотя-бы — ваши части. Они, просто, несознательны. Не пойдут и все, а рисковать потерей всего отряда я не могу. — отчеканил Попов и вновь перебил Корнилова. — Прошу прощения, я высказал вам наше решение и смею уверить вас, что изменить его мы не в состоянии. Разумеется, дробить силы не в наших интересах, но из создавшегося положения есть один выход. Я полагаю, что исходя из соображений высказанных сейчас мною, Добровольческой армии было-бы благоразумней итти не на Кубань, настроения кубанского казачества вселяют в меня немалые тревоги, а вместе с донским отрядом в задонские степи. Там она оправится, пользуясь передышкой, к весне пополнится новыми кадрами волонтеров из России...

— Нет! — воскликнул Корнилов, вчера еще склонявшийся к тому, чтобы итти в задонские степи и упорно оспаривавший противоположное мнение Алексеева. — Нет смысла итти в Зимовники. Нас около шести тысяч человек...

— Если вопрос о продовольствии, то смею вас уверить, ваше высокопревосходительство, район Зимовников не оставляет желать лучшего. При том там вы можете [путем мобилизации] [изъять] взять у частных коннозаводчиков лошадей и посадить часть армии на коней. У вас будут новые шансы при ведении по-

левой маневренной войны. Конница вам необходима, а Добровольческая армия ей не богата.

Корнилов, в этот день особенно предупредительный к Алексееву, посмотрел на него. Он, по всей вероятности, колебался в выборе направления, искал поддержки у чужого авторитета. Алексеева выслушали с большим вниманием. Старый генерал, привыкший кратко, исчерпывающе-ясно разрешать задачи, в нескольких спрессованных фразах высказался в пользу похода на Екатеринодар.

— В данном направлении нам легче всего прорвать||

<Л. 49 об.>

98.

большевистское кольцо и соединиться с отрядом, действующим под Екатеринодаром — закончил он.

А если это не удастся, Михаил Васильевич? — осторожно спросил Лукомский.

Алексеев пожевал губами, повел рукою по карте.

— Даже если предположить неудачу, то у нас останется возможность дойти до Кавказских гор и распылить армию.

Его поддержал Романовский. Несколько горячих слов сказал Марков. Против тяжеловесных аргументов Алексеева будто-бы и нечего было противопоставить, но слово взял Лукомский, выровнял весы:

— Я поддерживаю предложение генерала Попова. — заявил он, неспешно подбирая слова. — Поход на Кубань сопряжен с большими трудностями, учесть которые отсюда не представляется возможным. Прежде всего нам придется два раза пересекать железную дорогу. — По направлению его пальца к карте потянулись взгляды всех участников совещания. Лукомский напористо продолжал: — Большевики не преминут встретить нас должным образом, они подведут бронированные поезда. У нас тяжелый обоз и масса раненых; оставить их мы не можем. Все это будет чрезвычайно обременять армию и препятствовать скорейшему ее продвижению. Затем мне непонятно, откуда создалась уверенность, что кубанское казачество настроено к нам дружелюбно? На примере донского казачества, тоже якобы тяготившегося властью большевиков, мы должны с архиосторожностью и с крупной дозой здорового скептицизма относиться к подобным слухам. Кубанцы болеют той-же большевистской трахомой, которую занесли из прежней российской армии... Они могут быть враждебно настроенными. В заключение должен повторить, что мое мнение — итти на восток, в степи и оттуда, накопив силы, грозить большевикам.

Поддерживаемый большинством своих генералов Корнилов решил итти западнее Великокняжеской, пополнить на походе нестроевую часть армии конским составом и уже оттуда повернуть на Кубань. Распустив совещание он перекинулся несколькими фразами с Поповым, холодно попрощавшись с ним вышел в свою комнату. За ним прошел Алексеев.

Начштаба донского отряда полковник Сидорин звякая шпорами вышел на крыльцо, сочно обрадованно крикнул вестовым:||

<Л. 50>

99.

— Лошадей!

К крыльцу, придерживая шашку, ступая через лужи, подошел молодой светлоусый казачий сотник. Он остановился у нижней ступеньки, спросил шепотом:

— Что-же, господин полковник?

— Не плохо! — с приподнятой бодростью, вполголоса ответил Сидорин. — наш отказался итти на Кубань. Сейчас выезжаем. Вы готовы, Изварин?

— Да, лошадей ведут.

Вестовые, посадившись, вели лошадей. Черночубый, похожий на чибиса, поглядывал на своего товарища.

— Хороша, штоль? — спрашивал он, пырская.

Пожилый сдержанно ухмылялся.

— Как конский лишай

— А так, случаем, позвала-бы?

— Отставь, дурак! Ноне ить великий пост.

Изварин, бывший сослуживец Григория Мелихова, вскочил на своего вислозадога, с лысиной во весь лоб, белоноздрого коня, приказал вестовым:

— Выезжайте на улицу.

Попов и Сидорин, прощаясь с кем-то из генералов, сошли с крыльца. Один из вестовых придерживал коня, помог генеральской ноге найти стремя. Попов, помахивая казачьей неказистой плетью, тронул коня ходкой рысью, за ним зарысили, привстав на стременах и чуть валясь вперед, вестовые-казаки, Сидорин и офицеры.

В станице Мечетинской, куда прибыла Добровольческая армия через два перехода, Корнилов получил дополнительные сведения о районе Зимовников. Сведения были отрицательного характера. Созвав командиров строевых частей, Корнилов объявил о принятом решении итти на Кубань.

К Попову был послан ординарец в вторичным предложением присоединиться. Ординарец-офицер догнал армию под участком Старо-Ивановским. Ответ, привезенный им от Попова, был тот-же: Попов вежливо и холодно отказывался принять предложение, писал, что решение его не может быть изменено, и что он остается пока в Сальском округе.

19.

С отрядом Голубова, двинувшимся кружным путем для захвата Новочеркасска, выехал и Бунчук. 10го февраля они выбрались из Шахтной, прошли станицу Раздорскую, к ночи были уже в Мелеховской. На следующий день||

<Л. 50 об.>

100.

с рассветом выехали из станицы.

Голубов вел отряд быстрым маршем. Впереди виднелась его коренастая фигура; плетть нетерпеливо падала на конский круп. Ночью прошли Бессергенов-

скую, дали чуть отдохнуть лошадям и вновь в серой беззвездной ночи замаячили всадники, захрустел под копытами мерзлый ледок грунтовой дороги.

Возле Кривянской сбились с дороги, но сейчас-же напали на свою. Забрехала зорька, когда въезжали в Кривянскую. Станица была еще безлюдна. Возле площади у колодезя старик-казак рубил в корыте лед. Голубов подъехал к нему, отряд остановился.

— Здорово, старик!

Казак медленно донес руку в варежке до папахи, ответил неприязненно:

— Здравствуйте.

— А что, дедушка, ушли ваши станичные казаки в Новочеркасск? Мобилизация была у вас?

Старик спешно поднял топор, пошел в ворота не отвечая.

— Трогай! — отъезжая и ругаясь крикнул Голубов.

В этот день Малый Войсковой круг собирался эвакуироваться в станицу Константиновскую. Новый походный атаман Войска Донского генерал Попов уже вывел из столицы вооруженные силы, перевел войсковые ценности. Утром получены были сведения, что Голубов из Мелиховской идет по направлению на Бессергеновскую. Круг послал для переговоров с Голубовым о условиях сдачи Новочеркаска есаула Сиволобова. Следом за ним, не встретив сопротивления, в Новочеркасск ворвались конники Голубова. Сам он на взмыленном мокром коне, в сопровождении густой кучи казаков галопом подскочил к зданию Круга. Около подъезда толпилось несколько человек зевак, стоял вестовой, ожидая с оседланной лошадью Назарова.

Бунчук прыгнул с коня, схватил ручной пулемет. Вместе с Голубовым и с толпой остальных казаков вбежал в здание Круга. На хляк распахнутой двери из просторного зала повернулись головы делегатов, густо забелели лица.

— Вста-а-ать! — напряженно, будто на смотре, скомандовал Голубов и окруженный казаками, спотыкаясь от спешки, пошел к столу президиума.

Члены Круга, громыхая стульями, встали на властный окрик, один Назаров остался сидеть.||

<Л. 51>

101.

— Как вы смеете прерывать заседание Круга? — зазвенел его гневный голос.

— Вы арестованы! Молчать! — Голубов, багровея, подбежал к Назарову, рванув с плеча его генеральской тужурки погон прорвался на хриплый визг:

— Встать, тебе говорят! Бери его!.. Ты!.. Я кому говорю?! Золотопогонник!..

Бунчук в дверях устанавливал пулемет. Члены круга толпились овечьей отарой. [учувшей волка.] Мимо Бунчука казаки протащили Назарова, позеленевшего от страха председателя Круга Волошинова и еще нескольких человек. Гремя шашкой, следом шел бурый, в пятнах румянца Голубов. Его за рукав схватил какой-то член Круга.

— Господин полковник, ваша милость, куда-же нам?

— Мы свободны? — из-за его плеча высунулась скользкая юркая голова другого.

— Идите к чорту! — крикнул, отмахиваясь Голубов и, уже поровнявшись с Бунчуком, повернулся к членам Круга, топнул ногой — ступайте к ...мне не до вас... Ну?!..

Его хриплый обветривший голос долго еще перекатами ходил по залу.

Бунчук переночевал у матери, а на другой день, как только в Новочеркасске стало известно о взятии Сиверсом Ростова, он отпросился у Голубова и на утро выехал туда верхом.

Два дня работал в штабе у Сиверса, который знал его еще будучи редактором «Окопной правды», навевался в ревком, но ни Абрамсона ни Анны там не было. При штабе Сиверса организовался революционный трибунал, творивший крутой суд и расправу над захваченными белогвардейцами. Бунчук день проработал, обслуживая нужды суда, участвуя в облавах, а на следующий, уже не надеясь, забежал в ревком и еще с лестницы услышал виолончельный густой голос Анны. Кровь кинулась ему в сердце, когда он, замедляя шаг, вошел во вторую комнату, откуда слышались голоса и смех Анны.

В комнате, где в прежнее время помещалась комендантская, лохматился табачный дым. В углу за небольшим дамским столиком писал что-то человек в шинели без пуговиц, с развязанными наушниками солдатской папашки, кругом него толпились солдаты и штатские в полушубках и пальто. Они, разбившись на кучки, курили, разговаривали. У окна спиной к двери стояла Анна, на подоконнике, вцепившись в колено своей согнутой ноги, сидел Абрамсон, рядом с ним, избочив голову, стоял высокий, латышской складки красногвардеец. Он||

<Л. 51 об.>

102.

отводил папиросу, топыря мизинец, и что-то рассказывал, повидимому смешное: откидываясь сочно [*и искренне*] смеялась Анна, арбузной коркой морщился от улыбки Абрамсон, ближние прислушивались улыбаясь, а на крупном лице красногвардейца, в каждой, как топором вырубленной черте, жило и теплилось умное, острое и немножко злое.

Бунчук [*сзади*] положил руку на плечо Анны.

— Здравствуй, Аня!

Она оглянулась. Краска залила ее лицо, хлынула по шее до ключиц, выжала из глаз слезы.

— Откуда ты? Абрамсон, посмотри! Вот он как — новый гривенник, а ты о нем беспокоился! — залепетала она, не поднимая глаз, и не в силах овладеть смущением отошла к двери. Бунчук пожал горячую руку Абрамсона, перекинулся с ним несколькими фразами и чувствуя на лице своем глупую, беспредельно-счастливую улыбку, не отвечая на какой-то вопрос Абрамсона, (он даже не понял его смысла), пошел к Анне. Она оправилась, встретила его немного злой за свое смущение — улыбкой,

— Ну, здравствуй еще раз. Как ты? Здоров? Когда приехал? Из Новочеркасска? Ты был в отряде Голубова? Вон как... Ну, и что-же?

Бунчук отвечал на вопросы, не сводил с нее неломкий тяжеловесный взгляд. Ответный взгляд ее подламывался, скользил в сторону.

— Давай на минутку выйдем на улицу. — предложила Анна.

Их окликнул Абрамсон.

— Вы скоро придете? У меня к тебе, товарищ Бунчук, есть дело. Мы думаем использовать тебя на одной работе. [*А то ты болтаешься неприкрепленный.*]

— Я приду через час.

На улице Анна прямо и мягко глянула в глаза Бунчуку, досадливо помахала рукой.

— Илья, Илья, как я нехорошо смутилась... Как девченка. Это объясняется, во первых, неожиданностью, а во вторых нашим половинчатым положением. В сущности кто мы с тобой? Идиллические «жених и невеста»? Знаешь, в Луганске у меня как-то Абрамсон спрашивает «ты живешь с Бунчуком?» — я опровергла, но он весьма наблюдательный парень и не мог не видеть того, что бросалось в глаза. Он ничего не сказал, но по глазам я видела, —||

<Л. 52>

103.

не верит.

— Рассказывай-же про себя, что и как ты?

— О, мы там качнули дело! Сколотили целый отряд в двести одиннадцать штыков. Вели организационную и политическую работу, да разве все это расскажешь в двух словах? Я еще нахожусь под впечатлением твоего внезапного прихода. Где ты... Ночуешь где? — прерывая разговор спросила она.

— Тут... у товарища.

Бунчук замялся, сказав неправду. Эти ночи проводил он в помещении штаба Сиверса.

— Ты сегодня-же перейдешь к нам. Помнишь, где я живу? Ты провожал меня когда-то.

— Найду. Но... не стесню я твою семью?

— Оставь, никого ты не стеснишь, и вообще об этом не говори.

Вечером Бунчук, забрав свои пожитки, помешавшиеся в просторной солдатской сумке, пришел в тот окраинный переулок, где жила Анна. На пороге небольшого кирпичного флигеля его встретила старуха. Лицо ее неясно напоминало Анну: тот-же иссиня-черный блеск глаз, немного погнутый нос, только кожа морщиниста и землиста, да провалившийся рот пугает старостью.

— Вы — Бунчук? — спросила она.

— Да.

— Прошу вас, проходите. Дочь говорила мне об вас.

Она провела Бунчука в маленькую комнатку, указала куда положить вещи, ревматически сведенным пальцем повела вокруг.

— Здесь вы уже будете жить. Койка эта для вашего милости. Она говорила с заметным еврейским акцентом, не совсем чисто. Кроме нее в доме была небольшой подросток-девочка, тщедушная и такая-же, как Анна широкоглазая.

Анна пришла спустя немного. Она внесла с собою шум и оживление.

— У нас никого не было? Бунчук не приходил?

Мать ответила ей что-то на родном языке и Анна твердой скользящей походкой подошла к двери.

— К тебе можно?

— Да-да. — Бунчук, поднявшись со стула, пошел ей навстречу.

— Ну, как? Устроился?

Она довольным смеющимся взглядом оглядела его, спросила.

— Ты, что-нибудь ел? Пойдем, туда.

За рукав гимнастерки ввела его в первую комнату, сказала.

— Это, мама, мой товарищ. — и улыбнулась. — Вы его не обижайте.||

<Л. 52 об.>

104.

— Ну, что-ты, разве можно такое... Он — наш гость.

Ночью по Ростову стрючками вызревшей акации лопались выстрелы. Изредка горланил пулемет. Потом все стихало и ночь, величавая, черная, февральская ночь, вновь тишиной повивала улицы. Бунчук и Анна долго сидели в его строго опрятной комнатке.

— Здесь мы с сестренкой жили — говорила Анна. — Видишь, как у нас скромно, как у монашек. Ни дешевых картин, ни фотографий, ничего такого, чтобы приличествовало мне по положению гимназистки.

— Чем вы жили? — в разговоре спросил Бунчук, и Анна не без внутренней гордости, ответила:

— Я работала на Асмоловской фабрике и давала уроки.

— А теперь?

— Мама шьет. Им вдвоем мало надо.

Бунчук рассказывал подробности взятия Новочеркаска, боев под Зверево и Каменской. Анна делилась впечатлениями о работе в Луганске и Таганроге. В одиннадцать, как только мать потушила у себя огонь, она ушла.

20.

В марте Бунчук был послан на работу в революционный суд при Донском ревкоме. Высокий, тускоглазый, испитой от работы и бессонных ночей председатель отвел его к окну своей комнаты, сказал, поглаживая ручные часы (он спешил на заседание):

— С какого года в партии? Ага, дельно, так вот ты будешь у нас комендантом. Прощлую ночь мы отправили в «штаб Духонина» своего коменданта, за взятку. Был форменный садист, безобразник-сволочь, таких нам не надо. Эта работа грязна, но нужно и в ней сохранить целеньким сознание своей ответственности перед партией, и, ты только пойми меня — как надо — нажал он на эту фразу¹; человечность сохранить. Мы по необходимости физически уничтожаем контрреволюционеров, но делать из этого цирк нельзя. Ты понимаешь меня? Ну, и хорошо, иди принимай дела.

¹ ППС: «нажал он на эту фразу — как надо».

В эту-же ночь Бунчук с командой красногвардейцев в шестнадцать человек расстрелял в полночь, за городом на третьей версте пятерых приговоренных к расстрелу. Из них было двое казаков Гниловской станицы, остальные жители Ростова.

Почти ежедневно в полночь вывозили за город на грузовом автомобиле приговоренных, наспех рыли им ямы, при чем||

<Л. 53>

105.

в работе участвовали и смертники и часть красногвардейцев. Бунчук строил красногвардейцев, ронял чугунно-глухие слова:

— По врагам революции... — и взмахивал наганом: — Пли!

За неделю он высох и почернел, словно землей подернулся. Провалами зияли глаза, нервно мигающие веки прикрывали их голодный и тоскующий блеск. Анна видела его лишь по ночам. Она работала в ревкоме, приходила домой поздно, но всегда дожидалась, когда знакомым отрывистым стуком в окно известит он о своем приходе.

Однажды Бунчук вернулся, как и всегда, за полночь. Анна открыла ему дверь, спросила.

— Ужинать будешь?

— Бунчук не ответил, — **пьяно** шатаясь [*быстро*] прошел в свою комнату и как был в шинели, сапогах и шапке, — повалился на кровать. Анна подошла к нему, заглянула в лицо: глаза его были липко зажмурены, на оскаленных плотных зубах искрилась слюна, редкие вывалившиеся от тифа волосы лежали на лбу мокрой [*от пота*] прядью.

Она присела рядом. Жалость и боль [*за любимого*] когтили ее сердце. Спросила шепотом:

— Тебе тяжело Илья?

Он стиснул ее руку, заскрипел зубами, [*и*] отвернулся к стене. Так и уснул не сказав ни слова, а во сне что-то невнятно и жалобно бормотал, силился вскочить. Она с ужасом заметила и содрогнулась от безотчетного страха: Он спал с полузакрытыми заведенными вверх глазами, из-под век воспаленно блестела желтизна выпуклых белков.

— Уйди оттуда! — просила она его на утро. — Иди лучше на фронт! Ты ни на что не похож, Илья! Сгибнешь ты на этой работе...

— Замолчи!.. — крикнул он, моргая побелевшими от бешенства глазами.

— Не кричи. Я обидела тебя?

Бунчук потух как-то сразу, словно криком выплеснул скопившееся в груди бешенство. Устало рассматривая свои ладони сказал: — Истреблять человеческую пакость — грязное дело. Расстреливать, видишь-ли, вредно для здоровья и души... Ишь ты... — в первый раз в присутствии Анны он безобразно выругался. — На грязную работу идут либо дураки и звери, либо фанатики. Всем хочется ходить в цветущем саду, — но ведь, чорт их побери! — прежде чем садить цветники и деревца — надо грязь счистить! Удобрить надо! Руки надо измазать! — повышал он голос несмотря на то, что Анна, отвернувшись,||

<Л. 53 об.>

106.

молчала. — Грязь надо уничтожить, а этим брезгают!.. — уже кричал Бунчук, грохая кулаком по стулу.

В комнату заглянула мать Анны и он, опомнившись, заговорил тише:

— Я не уйду с этой работы! Тут я вижу, осязаемо чувствую, что делаю пользу! Сгребаю нечисть, удобряю землю, чтоб тучней была! Плодовитей! Когда-нибудь по ней будут ходить счастливые люди... Может, сын мой будет ходить, какого нет. — он засмеялся скрипуче и невесело. — Музыка будущего, ты помнишь, Анна? Сколько я расстрелял этих гадов... Клещей... Клещ — это насекомое такое, в тело вьедается... С десятков вот этими руками убил... — Бунчук вытянул вперед сжатые, как у коршуна, когтистые черноволосые руки, роняя их на колени, шепотом сказал: — И вообще к чорту! Гореть так чтобы искры летели, а чадить нечего... Только я, правда, устал... Еще немного и уйду на фронт, ты права...

Анна, молча слушавшая его, тихо сказала:

— Уходи на фронт, или на иную работу... Уходи, Илья, иначе ты... свихнешься.

Бунчук повернулся к ней спиной, побарабанил в окно.

— Нет, я крепок... ты не думай, что есть люди из железа. Все мы из одного материала литы... В жизни нет таких, которые не боятся на войне, и таких, кто бы, убивая людей не носил... Не был нравственно исцарапанным. Но не о тех, с погониками, болит сердце... Те — сознательные люди, как и мы с тобой. А вот вчера пришлось в числе девяти расстреливать трех казаков... тружеников... Одного начал развязывать... — Голос Бунчука становился глуше, невнятной, словно отходил он все дальше и дальше: — Тронул его руку, а она, как подошва... черствая... проросла сплошными мозолями... Черная ладонь, порепалась... вся в ссадинах... в буграх... Ну, я пойду. — резко оборвал он рассказ и незаметно для Анны потер горло, затянутое, как волосяным арканом, жесткой спазмой.

Он обулся, выпил стакан молока, пошел. В коридоре его догнала Анна. Долго держала его тяжелую волосатую руку в своих руках, потом прижала ее к пылающей щеке и выбежала во двор.

Время помахивало куцыми днями. Теплело. С Азова в гирла Дона стучалась весна. В конце марта в Ростов||

<Л. 54>

107.

начали прибывать теснимые гайдамаками и немцами украинские красногвардейские отряды. По городу начались убийства, грабежи, бесчинные реквизиции. Некоторые окончательно разложившиеся отряды, ревкому пришлось разоружать. Дело не обходилось без столкновений и перестрелок. Под Новочеркасском пошевеливались казаки. В марте, как почки на тополях, набухали в станицах противоречия между казаками и иногородними, кое-где погромывали восстания, открывались контр-революционные заговоры. А Ростов жил стремительной [и] полнокровной жизнью: по вечерам по Большой Садовой расхаживали толпы солдат, матросов, рабочих. Митинговали, лущили семечки, поплевывали в стежав-

шие над тратуарами ручейки, забавлялись с бабами. Так-же, как и раньше работали, ели, пили, спали, умирали, рожали, любились, ненавидели, дышали солончатым с моря ветерком, жили одолеваемые большими и малыми страстишками. К Ростову в упор подходили обсемененные грозой дни. Пахло обтаявшим черноземом, кровью близких боев пахло.

В один из этаких политых солнцем пригожих дней Бунчук вернулся домой раньше обычного и удивился застав Анну дома.

— Ведь ты-же поздно всегда приходишь, а сегодня почему так?

— Я не совсем здорова.

Она прошла за ним в его комнату. Бунчук разделся, с дрожащей радостной улыбкой сказал:

— Аня, с сегодняшнего дня я не работаю в суде.

— Да что ты? Куда-же тебя?

— В ревком. С Кривошлыковым сегодня говорил, он обещает послать меня куда-нибудь в округ.

Поужинали они вместе. Бунчук лег спать. Взволнованный он долго не мог уснуть, курил, ворочался на жестковатом тюфяке, радостно вздыхал. С большим удовлетворением уходил он из суда, так как чувствовал, что еще немного и не выдержит, надломится. Он докуривал четвертую папиросу, когда ему послышался легкий скрип двери. Приподняв голову, увидел Анну. Босая, в одной рубашке скользнула она через порог, тихонько подошла к его койке. Через щель в ставне на ее оголенный свал плеча падал сумеречный зеленый свет месяца. Она нагнулась, теплую ладонь положила Бунчуку на||

<Л. 54 об.>

108.

губы.

— Подвинься... молчи...

Легла рядом. Горячие ноги ее дрожали в коленях. Опираясь на локоть пристала, палящим шелестом ему на ухо:

— Я пришла к тебе, только тише... тише... Мама спит... — Она нетерпеливо отвела со лба тяжелую, как кисть винограда, прядь волос, блеснула дымящимся синеватым огоньком глаз, грубовато, вымученно прошептала: — глупо хранить какую-то девственность, когда не сегодня-завтра я могу лишиться тебя... Я хочу тебя любить со всей силой — и жутко содрогнулась от собственной решимости: — Ну, скорей!

Бунчук целовал ее поникшие непочато-тугие прохладные груди, гладил podatливое [*горячее*] тело и с ужасом, с великим захлестнувшим все его сознание стыдом чувствовал, что он бессилен.

Стискивая ладонями его щеки, ища дрожащими губами его губы она притягивала его к себе, бесстыдно просила:

— Скорей!.. Скорей-же... милый!..

Бунчук медленно, как срезанный выстрелом, валился с нее. У него тряслась голова, мучительно пылали щеки. Высвободившись, Анна гневно оттолкнула его,

руки ее бились на груди, оправляя рубашку; с отвращением и брезгливостью спросила, задохнулась презиравшим шепотом:

— Ты... ты бессилён? Или ты... болен?.. Ооо, как это мерзко... Оставь меня!

Бунчук сжал ее пальцы так, что они слабо хрустнули, в расширенные смутно черневшие враждебные глаза врезал свой взгляд, спросил, [глухо,] заикаясь, [и] паралично дергая головой:

— За что? За что судишь? Да, выгорел до тла... Даже на это неспособен сейчас... Не болен, пойми, пойми! Опустошен я... [Мне стыдно... Я сам не знал этого Анна!...] Аааа...

Он глухо замычал вскочил с койки, закурил, [сутулясь] Долго, будто избитый, [стоял] сутулился у окна.

Анна встала, молча обняла его сзади и спокойно, как мать, поцеловала в лоб.

А через неделю, когда случилось то, что должно было случиться, Анна пряча под его рукой свое||

<Л. 55>

109.

зажженное огненным румянцем лицо призналась:

— ...думала, израсходовался раньше... Не знала, что [ты] до дна [вычерпал] вычерпала [себя] тебя [на] [работе] работа...

И после этого Бунчук долго ощущал на себе не только ласку и огонек женщины, любимой, но и теплую налитую вровень с краями материнскую заботливость.

В провинцию его не послали. По настоянию Подтелкова он остался в Ростове. В это время донской ревком перекипал в работе, готовился к областному съезду Советов, к схватке с оживевшей за Доном контр-революцией.

21.

За приречными вербами разноголосо гомонили лягушки. За бугром валилось [под откос] через порог солнце. По хутору Сетракову рассасывалась предвечерняя прохлада. От домов на сухую дорогу падали огромные косые тени. Из степи пропылил табун. С выгона, перебрехиваясь новостешками, погоняя коров хворостинами, шли казаки. По проулкам босые и уже загоревшие казачата козлаковали в чехарде. Старики степенно сидели на заваленках.

Хутор отселялся. Лишь кое-где досевали просо и подсолнухи.

Возле одного из крайних дворов на сваленных дубах сидели казаки. Хозяин куреня рябой батареец рассказывал о каком-то случае из германской войны. Собеседники — старик сосед и зять его молодой кучерявый казачек — молча слушали. С крыльца сошла хозяйка, высокая красивая и дородная, что боярыня, казачка. Розовая вобратая в юбку рубаха на ней была засучена в локтях, [оголяя] оголяла смуглые точеные руки. Она несла цыбарку, широко и вольно, той свойственной лишь казачкам щеголеватой походкой прошла на коровий баз. Волосы ее, повязанные белым подсиненным платком растрепались (она только что наложила в печку кизяков, приготавливая к завтраму затоп), надетые на босые ноги чирики шлепали, мягко приминали буйно разросшуюся по базу молодь зеленых пышаток.

До слуха сидевших на дубах казаков дошел звонкий бег молочной струи по стенкам цыбарки. Хозяйка подоила коров, прошла в курень чуть изгинаясь, в левой руке, согнутой по лебединому, несла полную цыбарку молока.

— Сема, ты б пошел телка поискал. — певуче крикну-||

<Л. 55 об.>

110.

ла она с порожек.

— А Митяшка где-ж? — отозвался хозяин.

— Холера ево знает, убег.

Хозяин неторопливо поднялся, пошел к углу. Старик с зятем тоже направились было домой. Их с угла окликнул хозяин.

— Гляко-сь, Дорофей Гаврилыч, поди сюда!

Старик и [кучерявый] зять его подошли к казаку. Он молча указал в степь. По шляху багровым шаром катилась пыль, за ней двигались ряды пехоты, [подводы] [обоза] обоз, конные.

Войско, никак? — изумленно прижмурился дед и положил на белые брови ладонь.

— Штоб такое, што за люди? — [пытливо] [нудился] занудился хозяин. Из ворот вышла его жена, уже в накинутой на плечи кофтенке. Она глянула в степь, [и] растерянно ахнула.

— Штой-то за люди? Иисусе Христе, скольки их много!

— Недобрые, видать, люди...

Старик затоптался на месте и пошел к своему двору, зятю сердито крикнул:

— Ступай на баз, нечево глядеть!

К концу проулка бежали ребятишки и бабы, кучками шли казаки. В степи, в версте расстояния от хутора, тянулась по шляху колонна; до дворов доплескивал ветер невнятный гул голосов, конское ржанье, перегуд колес.

— Это не казаки... Не нашинские люди. — сказала казачка мужу. Тот повел плечом.

— Конешное дело не казаки. Кабы не немцы были... Нет русские... Гля, красный лоскут у них!.. Ага, вон оно што... Подошел высокий атаманец-казак. Его как видно трепала лихорадка, был он песочно-желт, как в желтухе валялся, одет в шубу и валенки. Он приподнял косматую папаху, сказал:

— Вишь хорухвь ихняя какая... Большевики.

— Они.

От колонны отделилось несколько всадников. Они в намет поскакали к хутору. Казаки, переглянувшись, молча стали расходиться, девки и ребятишки брызнули в рассыпную. Через пять минут проулок вымер. Конные кучей вскакали в проулок, горяча лошадей подъехали к дубам, на которых четверть часа назад, сидели казаки. Хозяин-казак стоял возле ворот. Передний из всадников, по виду старший, на караковом коне, в кубанке и||

<Л. 56>

111.

с огромным красным шелковым бантом на защитной опоясанной боевыми ремнями рубахе, подъехал к воротам:

— Здорово хозяин! Отчиняй ворота.

Батареец побелел рябинами лица, снял фуражку.

— А вы што за люди?

— Отчиняй ворота! — крикнул солдат в кубанке.

Караковый конь, кося злым глазом, гоня в запененном рту [блестящие] мундштуки, ударил передней ногой в [калитку] плетень. Казак открыл калитку и всадники один за одним въехали на баз.

Тот, который в кубанке, ловко прыгнул с коня, вывернутыми ногами споро зашагал к крыльцу. Пока остальные слезали с лошадей он, усевшись на крыльце, успел достать портсигар. Закуривая предложил хозяину, тот отказался.

— Не куришь?

— Спасибочка.

— У вас тут не старовиры?

— Не, православные. А вы кто такие будете? — хмуро допытывался казак.

— Мы-то? Красногвардейцы 2ой Социалистической армии. Остальные, спешившись, шли к крыльцу, лошадей вели в поводу, привязывали их к перилам. Один верзило, с свалывшимся, как лошадиная грива чубом, цепляясь за шашку ногами пошел на овечий баз. Он по хозяйски распахнул воротца, нырнул пригнувшись под навес сарая, вывел оттуда, держа за рога, большого с тяжелым курюком барана-валуха.

— Петриченко, поди помоги! — крикнул он резким фальцетом. К нему рысью побежал солдатик в куцой австрийской шинели. Хозяин-казак гладил бороду, оглядывался, ровно на чужом базу. Он ничего не говорил и только тогда, кряхнув, пошел в хату, когда валух с перерезанным шашкой горлом засучил тонкими ногами.

За ним следом пошел в курень солдат в кубанке и еще двое, один китаец, другой русский, похожий на камчадала.

— Ты не обижайся, — хозяин. — переступая порог игриво крикнул кубанец. — Мы широко заплатим!

Он похлопал себя по карману штанов, отрывисто похохотал и круто оборвал смех, упершись глазами в хозяйку. Она, стиснув зубы, стояла у печи, глядела на него испуганными [ненавидящими] глазами.||

<Л. 56 об.>

112.

Кубанец повернулся к китайцу, тревожно бегая глазами сказал:

— Ты, ходя, мала-мала иди с дядей, с оцим дядьком. — он указал пальцем на хозяина. — Иди с ним, он сена коням даст. Отпусти-ка, поди. Чуешь? Мы широко платим. У красной гвардии грабежу [нет] нету. Иди, хозяин, ну? — в голосе кубанца звякнули металлические нотки.

Казак, в сопровождении китайца и другого, оглядываясь, пошел из хаты. Едва лишь спустился с крыльца — услышал плачущий голос жены. Он вбежал в сени, рванул дверь. Легонький крючек выскочил из пробоя. Кубанец, схватив выше локтя голую руку дородной хозяйки, тянул ее в полутемную горницу. Она сопротивлялась, пихала его в грудь. Он хотел было, обхватив поперек, приподнять и нести ее, но в это время дверь распахнулась. Казак широко шагнул, собой заслонил жену. Голос его был вязок и тих:

— Ты пришел в мой курень гостем, на што обижаешь бабу? Ты што-же... Оставай! Я твою оружия не боюсь! Бери што тебе надо, грабь, но бабу не моги погнать! Через меня перейдешь рази... А ты, Нюрка, — он шевеля ноздрями повернулся к жене. — ступай отсель к дяде Дорофею. Делать тут нечево.

Кубанец поправлял боевые ремни на рубахе, криво улыбался;

— Сердит ты, хозяин... Уж и пошутковать нельзя... Я на всю роту шутник, ты не знаешь?... Я это нарочно. Дай думаю, посодовлю бабу, а она взякалась. А сена ты отпустил? Нема сена? А у соседей е?

Он вышел насвистывая, с силой махая плеткой. Вскоре к хутору подошел весь отряд. В нем насчитывалось около восьмисот штыков и сабель. Красногвардейцы, на треть разбавленные китайцами, латышами и прочими иноземцами, расположились ночевать за хутором Командир отряда, повидимому, не хотел ночевать в хуторе, не надеясь на своих разнопленных и разнужданных солдат.

Тираспольский отряд 2ой Социалистической армии, потрепанный в боях с гайдамаками и шагавшими через Украину немцами, с боем прорвался на Дон, выгрузился из вагонов на станции Шептуховка, а так как впереди уже были немцы, то с целью пробиться на север в Воронежскую губернию — отряд походным порядком пошел через||

<Л. 57>

113.

юрт Мигулинской станицы. Разложившиеся под влиянием уголовных элементов, обильно наводнивших собою отряд, красногвардейцы¹ бесчинствовали по дороге. В [эту] ночь под 17 апреля, расположившись на ночевку под хутором Сетраковым они, несмотря на угрозы и запрещения командного состава, толпами пошли на хутор, начали резать овец, на краю хутора изнасиловали двух казачек, открыли беспричинную стрельбу на площади, ранили одного из своих. Ночью заставы перепились (спирт везли на каждой повозке обоза). А в это время трое верховых казаков, высланных из хутора, уже поднимали в окрестных хуторах сполох.

Ночью, в потемках седлали казаки коней, снаряжались, наскоро сколачивали отряды из фронтовиков и стариков и под руководством живших на хуторах офицеров, а то и вахмистров, стягивались к Сетракову, окружали красногвардейский отряд, копилась в балках и за буграми. Из Мигулинской, с Колодезного, с Богомолова двигались в ночи полусотни. Поднялись верхне-чирцы наполовцы, калиновцы, ейцы, колодезянцы.

¹ППС: «Красногвардейцы, разложившиеся под влиянием уголовных элементов, обильно наводнивших собою отряд».

Дотлевали на небе Стожары, линия и облазил ворсистый черный мех ночи. На заре с гиком, со всех сторон опрокинулись на красногвардейцев конные казачьи лавины. Пулемет потрещал и смолк, вспыхнула и угасла беспорядочная шальная стрельба, тихо заплескалась рубка.

Через час завершено было дело: отряд разгромлен до тла, более двухсот человек [зарублено] порубано и постреляно, около пятисот взято в плен. Две четырехорудийные батареи, двадцать шесть пулеметов, тысяча винтовок, большой запас боевого снаряжения попало в руки казаков.

День спустя уж цвели по всему округу красные флажки скакавших по шляхам и проселкам нарочных. Станицы и хутора гудели. Вверх ногами летели советы и наспех выбирались атаманы. К Мигулинской с запазданием шли сотни Казанской и Вешенской станиц.

В 20 числах апреля верховые станицы Донецкого округа откололись. Был образован свой округ, наименованный Верхне-Донским. Окружным центром избрана Вешенская, многолюдная, вторая в области, после Михайловской, по величине и многочисленности хуторов станица. Наскоро выкраивались из прежних хуторов новые станицы. Образовались Шумилинская, Каргинская, [и] Боковская станицы, и Верхне-Донской округ, оттягавший себе двенадцать станиц и одну||

<Л. 57 об.>

114.

хохлачью волость, зажил обособленной от центра жизнью. В состав Верхне-Донского округа вошли станицы бывшие Донецкого округа: Казанская, Мигулинская, Шумилинская, Вешенская, Еланская, Каргинская, Боковская, Пономаревская волость, бывшие Усть-Медведицкого, Усть-Хоперская, Краснокутская, и Хоперского округа: — Букановская, Слащевская, Федосеевская.

Окружным атаманом дружно избран был казак Еланской станицы, генерал, окончивший военную академию, Захар Акимович Алферов. Про Алферова говорили, что он из захудалых казачьих офицеришек выбился в люди лишь благодаря своей жене — бабе энергичной и умной; говорили, что она тянула бездарного супруга за уши и до тех пор не давала емудохнуть, пока он, три раза срезавшись, на четвертый все-же выдержал экзамен в академию.

Но в эти дни про Алферова если и говорили, то очень мало. Иное занимало ум.

22.

Полая вода только что начала сбывать. На лугу около огородных плетней оголилась бурая илистая земля, коймой лежал наплав. — оставшиеся от разлива обломки сухого камыша, ветки, куга, прошлогодние листья, прибитый волною дрям. Вербы затопленного обдонского леса, чуть приметно зеленели, с ветвей кисточками висели сережки. На тополях вот-вот готовы были развернуться почка, у самых дворов хутора клонились к воде побеги окруженного разливом краснотала. Желтые пушистые, как неоперенные утята, почки его ныряли в [волны] волнах раскачиваемые [вместе с стеблями] ветром.

На зорях к огородам подплывали в поисках корма дикие гуси, казарки, стаи уток. В тубе^{х)} зорями кагакали медноголосые гагары. Да и в полдень видно было, как по взлохмаченному ветром простору Дона пестует и нянчит волна белопузых проворных чирков.

Много было в этот год перелетной птицы. Казаки-вентерщики, пробираясь на баркасах к снастям, на заре, когда винно-красный восход кровавит воду, видели не раз и лебедей, отдыхавших где-либо в загущенном лесом плёсе. Но вовсе чудным показалось в хуторе привезенная Христоней и дедом Матвеем Кашулиным новость: ездили они в казенный лес выбрать по паре дубков на хозяйственные нужды и пробираясь по чаще вспугнули из баерака

^{х)} Туба — [незаливаемый водой] Низменное место в лугу, обычно поросшее белым лесом, сообщающееся с руслом реки ложиной.||

<Л. 58>

115.

дикую козу с подростком козленком. Желто-бурая худая коза выскочила из поросшего татарником и тернами баерака, несколько секунд смотрела с пригорка на [охотников] порубщиков напряженно перебирая тоненькими точенными ногами, возле нее жался потомок, и, услышав Христонин изумленный вздох, так махнула по молодому дубняку, что лишь мигнули в глазах казаков сине-сизые раковины копыт, да верблюжьего цвета куцый хвост.

— Што это за штука? — роня топор спросил Матвей Кашулин. С ничем необъяснимым восторгом Христоня рывкнул на весь замороженно-молчаливый лес.

— Коза, стал-быть! Дикая коза, растуды ее милость! Мы их повидались в Карпатах!

— Значит война ее горемыку загнала в наши степя. Христоне ничего не оставалось, кроме, как согласиться.

— Неиначе. А ты видал дед, козленка-то? Язви ево... Ну, ссукин сын, да и хорош-же! Чисто дите, стал-быть! Всю обратную дорогу они разговаривали о невиданной в области дичи. Дед Матвей под конец усумнился.

— А, ну, как не коза?

— Коза. Ей-бо, коза и больше ничево.

— А может... А ежели коза — зачем рогов нету?

— А на што они тебе понадобились рога?

— Не об том, што мне. Спрашиваю, ежели она козинова роду почему не при форме? Видал ты коз без рогих? То-то и оно. Может овца какая дикая?..

— Ты, дед Матвей, стал-быть ум выжил. — обиделся Христоня. — Поди вон к Мелеховым, погляди. У ихнева Гришки плетка из козиной ноги. Признаешь али нет.

Пришлось-таки деду Матвею итти в этот день к Мелеховым. Держак плетки Григория и в самом деле был искусно обтянут кожей ножки дикой козы; даже крохотное копытцо на конце сохранилось в целости и было столь-же искусно украшено медной подковкой.

На шестой неделе поста, в среду Мишка Кошевой рано утром выехал проверить стоявшие возле леса вентери. Он вышел из дома на рассвете. Зябко съезжив-

шаяся от утренника земля подернулась ледком, грязцо закрутело. Мишка, в ватном пиджаке, в чириках с вобратыми в белые чулки шароварами, шел сдвинув на затылок фуражку, дыша наспиртованным морозом воздухом, запахом пресной прели от воды. Длинное весло нес на плече. [Он рыбалил на баркасе покойного Афоньки Озерова, выпросил на весну у его бабы. По-||

<Л. 58 об.>

116.

дойдя к пристани] [о]Отомкнув баркас, [долго стихивал в воду (за ночь вода отошла и баркас был почти на сухом); вскочил.] шибко поехал опором, стоя, с силой налегая на весло.

Вентери свои проверил скоро, выбрал из последнего рыбу, спустил, оправил вентерные крылья и тихонько отъехав решил закурить. Заря [лишь] чуть занималась. Сумеречно-зеленоватое небо на востоке из-под исподу будто обрызгано было кровницей. Кровица рассасывалась, стекала над горизонтом, золотисто ржавела. Мишка проследил за медлительным полетом гагары, закурил. Дымок, тая и цепляясь за кусты, поklubил в сторону. Оглядев улов — три веретенки,^{х)} сазана фунтов на восемь, кучу белой рыбы, — подумал: «придется часть продать. Лукешка косая возьмет, на сушеные груши обменяю, все мать звару когда наварит».

Покуривая, поехал к пристани. У огородных плетней, где примыкал он баркас, сидел человек [в фуражке]. «Кто-бы это?» — подумал Мишка, разгоня баркас, ловко управляя веслом.

У плетня на корточках корячился Валет.

Он курил огромную из газетной бумаги цыгарку. Хориные с остринкой глазки его сонно, обмякло светлели, на щеках серела дымчатая щетина.

— Ты чево? — крикнул Мишка. Крик его круглым мячом гулко покотился по воде.

— Подъезжай.

— За рыбой, што-ли?

— На кой она мне. — Валет трескуче закашлялся, харкнул залпом и нехотя встал. Большая не по росту шинель висела на нем, как кафтан на бахчевном чучеле. Висячие поля фуражки прикрывали острые хрящи немых с зеленью внутри ушей. Он недавно заявился в хутор, сопутствуемый порочной славой красногвардейца. Казаки расспрашивали, где был после демобилизации, но Валет отвечал уклончиво, сводил на нет опасные разговоры. Ивану Алексеичу, да Мишке Кошевому признался, что четыре месяца отмахал в красногвардейском отряде на Украине, побывал в плену у гайдамаков, бежал, попал к Сиверсу, погулял с ним вокруг Ростова и сам себе написал отпуск на поправку и ремонт.

Валет снял фуражку, пригладил ежистые волосенки, оглядываясь, подходя к баркасу, засипел:

— Худые дела... худые... Кончай рыбку удить. А

^{х)} веретенка — небольшая стерлядь||

<Л. 59>

117.

то удим-удим, да и про все забудем...

— Какие твои новости, выкладывай. — Мишка пожал его костлявую рученку своей провонявшей рыбьей слизью рукой, тепло улыбнулся. Давняя их паровала дружба.

— Под Мигулинской вчера Красную гвардию разбили. Началась брат клочка... Шерсть летит.

— Какую? Откуда в Мигулинской?

— Шли через станицу, казаки дали им чистоты, пленных вон какую кучу в Каргин пригнали. Там военно-полевой суд уж наворачивает. Нынче у нас мобилизация. Гляди вот с утра ахнут в колокол.

Кошевой примкнул баркас, сыпал в торбу рыбу, пошел отмеряя веслом большие сажни. Валет жеребенком семенил возле, забегая на перед, замахивая полы шинели, просторно кидая руками.

— Мне Иван Алексеев сказал. Он меня только что сменил с дежурства, мельница-то всю ночь пыхла, завозно. Ну, а он слышал от самова. К Сергею-то Платоньчу из Вешек офицер чей-то прискакал.

— Што теперь? — на лице Мишки, возмужалом и вылинявшем за годы войны, зачихляла растерянность. Он с боку глянул на Валета, переспросил: — Как теперь?

— Надо подоваться из хутора.

— Куда?

— В Каменскую.

— А там казаки.

— Левее.

— Куда?

— На обливывы.

— Как пройдешь?

— Захочешь — пройдешь! А нет — оставайся, чорт тебя во все места нюхай! — окрысился вокруг Валет. — Как, да куда, да я-то почему знаю? Прикрутит — сам найдешь лазейку! Носом сыщешь!

— Ты не горячись, на горячих, знаешь куда ездют? Иван то, што гутарит?

— Ивана твоего пока раскочаешь...

— Ты не шуми, баба вон глядит.

Они опасливо покосились на молоденькую бабенку, сноху Авдеича Бреха, выгонявшую с база коров. На первом-же перекрестке Мишка повернул назад.

— Ты куда? — удивился Валет.

Не поворачиваясь, Кошевой хмуро бормотнул.||

<Л. 59 об.>

118.

— Вентери поеду сыму.

— На што?

— Не проподать-же им.

— Значит ахнем? — обрадовался Валет.

Мишка махнул веслом, сказал издали:

— Иди к Ивану Алексеву, а я вентери отнесу домой и зараз приду.

Иван Алексеевич успел уже уведомить близких казаков. Сынишка его сбегал к Мелеховым, привел Григория. Христоня пришел сам, словно учуял беду. Вскоре вернулся Кошевой и совет начался. Говорили все сразу, спеша, с минуты на минуту ждали сполошного звона.

— Уходить сейчас-же! Нынче-же сматывать удочки! — возбуждающе горячился Валет.

— Ты нам, стал-быть, резон дай, чево мы пойдем? — спрашивал Христоня.

— Как чего? Начнется мобилизация, думаешь — зацепишься?

— Не пойду и все.

— Поведут!

— Не до-разу, я им не бычек на оборочке!

Иван Алексеевич, выславший из хаты свою раскосую жену, сердито буркнул.

— Взять — возьмут, Валет правильно гутарит, только куда итить? Вот за-гвоздка.

— Я уж говорил ему. — вздохнул Мишка Кошевой.

— Да что-ж вы, аль мне всех больше надо? Один уйду! Не нужны нюхари! Как, да чево, да к чему... Вот замылют вас, да еще в тюрьме за большевизму насидитесь!.. Шутки шутите? Время вишь какое... Тут все к чорту пойдет!..

Григорий Мелехов сосредоточенно, [молча] с каким-то тихим озлоблением вертевший в руках выдернутый из стены ржавый гвоздик, холодно обрезал Валета:

— Ты не сепети! Твое дело другое, ни спереди, ни сзади, снялся, да пошел, а нам надо толком обдумать. У меня вот баба, да двое детишков... Я нанюхался пороху не с твое. — он померцал черными озлевыми вдруг глазами и хищно оголяя плотные клыкастые зубы крикнул: — Тебе можно языком трепать, засра-нец! Как был ты Валет, так и остался им! У тебя кроме пинжака ничево нету...

— Ты что рот расзявил? Офицерство свое кажешь? Не ори! Плевать мне на тебя! — выкрикнул Валет. Ежиная мордочка его побелела от злости,||

<Л. 60>

119.

остро и одичало зашныряли узко сведенные злые глазенки. Даже дымчатая шерсть на ней как-будто зашевелилась¹.

Григорий сорвал на нем злость за свой нарушенный покой, за то волнение, которое пережил, услышав от Ивана Алексеевича о вторжении в округ красногвардейских отрядов. Выкрик Валета взбесил его окончательно. Он вскочил, как ушибленный, подойдя в упор к ерзавшему на табурете Валету, с трудом удерживая руку, зудевшую желанием ударить, сказал:

¹ ППС: «даже дымчатая шерсть на ней как-будто зашевелилась. Остро и одичало зашныряли узко сведенные злые глазенки».

— Замолчи, гаденыш! Сопля паршивая. Огрызок человечесий! Чево ты коман-дуешь? Ступай, кой тебя... держит! Валяй, штоб тобой и не воняло тут! Ну-ну, не говори, а то так отхожу тебя на прощанье...

— Брось, Григорий! Не дело! — вступился Кошевой, отводя от сморщенного носа Валета Григорьев коричневым кулак.

— Казацкие замашки бросать-бы надо... И не совестно? Совестно, Мелехов! Стыдно! — Валет встал и виновато покашливая пошел к двери. У порога не выдержал, повернувшись кольнул зло улыбавшегося Григория: — еще в Красной гвардии был... Жандармерия!.. таких мы на распыл пушали!

Не стерпел и Григорий, вскочил, как резиновый, выталкивая Валета в сенцы наступая ему на задники стоптанных солдатских батинок недобрым голосом пообещал:

— Ступай! Ноги из ж.... повыдергаю!

— Ни к чему это! Ну, што, чисто, как ребятишки. — Иван Алексеевич неодобрительно покачал головой, скосился неприязненно на Григория. Мишка молча покусывал губы, видно сдерживал просившееся наружу резкое слово.

— А он што, не свое на себя берет! Чево он расходился? — оправдывался Григорий не без смущения. Христоня глядел на него сочувственно и под взглядом его Григорий улыбнулся простой ребяческой улыбкой. — Чудок не избил ево... там и бить-то, раз хлопнуть и мокро.

— Ну, как вы? Надо дело делать.

Иван Алексеевич занудился под пристальным взглядом задавшего вопрос Мишки Кошевого, ответил натужно:

— Што-ж, Михаил... Григорий он отчасти прав, как это сняться, да и лететь? У нас семьи, да ты погоди! — заторопился он уловив нетерпеливое Мишкино движение — Может ничево и не будет, почем знать? Разбили отряд под Сетраковым, а остальные не сунутся... А мы погодим трошки. Там видно будет. К слову сказать, и у меня баба с дитем, и обносились и муки нету,||

<Л. 60 об.>

120.

как-же так, сгрёбся да и ушел? А они при чем останутся?

Мишка раздраженно шевельнул бровью, в земляной пол всадил взгляд.

— Не думаете уходить?

— Я думаю погодить с этим. Уйтить завсегда не поздно, вы как, Григорий Пантелев и ты, Христан?

— Стал-быть так, повременим.

Григорий, встретив неожиданную поддержку со стороны Ивана Алексеевича и Христони оживился:

— Ну конечно, я про то и говорю. За это и с Валетом поругался. Што это, лозу рубить штоль, раз, два и готово? Надо подумать... подумать, говорю...

«Дон, дон, дон, дон!..» — сорвалось с колокольни и залило площадь, улицы, проулки; над бурой гладью полой воды, над непросохшими меловыми мысами горы звон пошел накатом, в лесу рассыпался на мелкие, как чечевица, осколки,

стена замер. И еще раз, уже безостановочно и тревожно: «дон, дон, дон, дон, дон!..»

— Вон-на, кличут! — часто заморгал Христоня. — Я зараз на баркас. На эн-тот бок, в лес. Потель меня и видали.

— Ну, так как-же? — [*сквозь набатный гуд спросил*] Кошевой, тяжело по стариковски встал.

— Не пойдем зараз. — за всех ответил Григорий.

Кошевой еще раз шевельнул бровью, отвел со лба тяжелый вытканый из курчавых завитков золотистый чуб. — Прощевайте, расходятся видно наши тропки!

Иван Алексеевич улыбнулся извиняюще.

— Молодой ты, Мишатка, горячий... Думаешь не сойдутся? Сойдут-ся! Будь в надеже!..

Попрошавшись, Кошевой вышел. Через двор махнул на соседнее гумно. У канавы жался Валет. Он словно знал, что Мишка пойдет сюда, поднимаясь ему навстречу спросил:

— Ну?

— Отказались.

— Я еще раньше знал. Слабяки, а Гришка... Подлец он, твой товарищ! Он самого себя раз в год любит. Обидел он меня, сволочь! Рад што сильнее... Винтореза при мне не было, убил-бы. — сказал он хлипким голосом. Мишка, шагая рядом с ним, глянул на его ежистую вздыбленную щетину, подумал: «А ить убил-бы хорек». Они шли быстро, каждый звяк колокола хлестал их кнутовым ударом.

— Зайдем ко мне, харчей возьмем и айда! Пешки пойдем, коня брошу. Ты ничево не будешь брать?

— Все на мне. — скривился Валет. — хором не нажил, именья — тоже... Жалованье вот за полмесяца не получил. Ну, да пушай пузан наш Сергей Платоньч наживется,||

<Л. 61>

121.

он, аж затрясется от радости, што расчета не взял.

Звонить перестали. Утренняя не стяхнувшая дрему, сонливая тишина ничем не нарушалась. Над дорогой в золе копались куры, возле плетней ходили разьевишиеся на зеленке телята. Мишка оглянулся назад: к площади на майдан спешили казаки. Некоторые выходили из дворов на ходу застегивая сюртуки и мундиры. По площади прожег верховой. У школы толпился народ, белели бабьи платки и юбки, густо чернели казачьи спины.

Баба с ведрами остановилась, не желая переходить дорогу, сказала сердито:

— Иди-те, што-ля, а то дорогу перейду.

Мишка поздоровался с ней и она, блеснув из-под разлтых бровей улыбкой, спросила:

— Казаки на майдан, а вы оттеля. Чево-же не идешь, туда, Михайла?

— Дома дело есть.

Подошли к проулку. Завиднелась крыша Мишкиной хатенки, раскачиваемая ветром скворешня, с привязанной к ней сухой вишневой веткой. На бугре слабо-сильно взмахивал ветряк, на переплете крыльев полоскалась оторванная ветром парусина, хлопала жесть остроконечной крыши. Неярко, но тепло светило солнце. От Дона дул свежий ветерок. На углу, во дворе Архипа Богатырева — большого, старовойсковской складки старика, служившего когда-то в гвардейской батарее бабы обмазывали глиной и белили к Пасхе большой круглый курень. Одна из них дочь-водворка месила глину с навозом. Ходила по кругу высоко подобрала юбку, с трудом переставляя белые, полные в икрах ноги с красными полосками на коже — следами подвязок. Кончиками пальцев она держала [*заголенную*] **приподнятую** юбку, матерчатые подвязки были сбиты выше колен, туго врезались в тело.

Была она большая щеголиха и несмотря на то, что солнце стояло еще низко, лицо закутала платком. Остальные, две молоденькие бабёнки-снохи и девка — дочь Архипа, забравшись по лестницам под самую камышовую крышу, крытую нарядно, под корешок, белили. Мочалковые щетки ходили в их засученных по локоть руках, на закутанные по самые глаза лица сыпались белые брызги. Они пели дружными спевшимися голосами. Одна из них старшая сноха, вдовая Марья, открыто бегавшая к Мишке Кошевому, веснушчатая, но ладная [*и необычайно стройная*] казачка, заводила низким, славившимся на весь хутор, почти мужским по силе и густоте голосом:||

<Л. 61 об.>

122.

— Да никто-ж так не страдает.
Остальные в три голоса [*поднимали и*] искусно пряли эту бабью, горькую, [*и*] наивно-жалующуюся песню.

Как мой милый на войне.
Сам он пушку заряжает,
Сам думает обо мне.

Мишка и Валет шли [*над*] **возле** [*плетнем*] **плетня**, вслушиваясь в песню, перерезанную залиvistым конским ржаньем, доносившимся с луга.

Как пришло письмо, да с печатью,
Што милый мой убит.
Ой, убит, убит мой миленочек
Под кустиком лежит.

Оглядываясь, поблескивая из-под платка серыми теплыми глазами, Марья смотрела на проходившего Мишку и улыбаясь, светлея забрызганным белыми пятнами лицом, вела низким любовно-грудным голосом:

А и кудри ево, кудри русы,
Их ветер разметал.
А и глазки ево, глазки кари,
Черный ворон выклевал.

Мишка ласково, как и всегда в обращении с женщинами, улыбнулся ей, водворке Пелагее, [*сказал*] месившей глину, сказал:

- Подбери выше, а то через плетень не видно!
- Захочешь, так увидишь — прижмурилась она.

Марья подбоченясь стояла на лестнице, оглядываясь по сторонам, спросила протяжно:

- Иде ходил, милатá?
- Рыбалил.
- Не ходи далеко, пойдем в амбар, позорюем?
- Вот он тебе свекор, бестыжая!

Марья щелкнула языком и, захохотав, махнула в Мишку смоченой щеткой. Белые капли осыпали его сюртук и фуражку.

— Ты-б нам хучь Валета ссудобил. Все помог-бы курень прибрать. — крикнула вслед младшая сноха, выравнивая в улыбке сахарную блесну зубов. Марья что-то сказала вполголоса, бабы грохнули смехом.

— Распутная сучка! — нахмурился Валет, убыстря шаг, но Мишка, томительно и нежно улыбаясь, поправил его:

— Не распутная, а веселая. Уйду, останется любушка. «Ты прости, прощай, сухота моя». — проговорил он словами песни, входя в калитку своего база.

[23]||

<Л. 62>

123.

23.

После ухода Кошевого казаки сидели некоторое время молча. Над хутором [метался] шатался набатный гуд, мелко дребезжали оконца хаты. Иван Алексеевич смотрел в окно. [на баз.] От сарая падала на землю рыхлая утренняя тень. На барашковой мурове сединой лежала роса. Небо даже через стекло емко и сине лазурилось. Иван Алексеевич поглядел на свесившего патлатую голову Христоню.

— Может на этом и кончится дело? Разбили мигулинцы, а больше не сунутся...

— Нет уж, — Григорий весь передернулся — почин сделали, теперь держи. Ну, што-ж пойдем на майдан?

Иван Алексеевич потянулся к фуражке, разрешая свое сомнение спросил:

— А што, ребята, не заржавели мы и в самом деле? Михаил он хучь и горяч, а парень дельный... попрекнул он нас. Ему никто не ответил. Молча вышли, направились к площади.

Раздумчиво глядя под ноги, шел Иван Алексеевич. Он маялся тем, что скривил душой и не так сделал, как ему подсказывало сознание. Правота была на стороне Валета и Кошевого, нужно было уходить, а не мяться. Те оправдания, которые мысленно подсовывал он себе, были ненадежны, и чей-то [холодный] рассудочный насмешливый голос, звучащий внутри, давил их, как конское копыто ледок на луже. Единственное, что решил Иван Алексеевич твердо — при первой-же стычке перебежать к большевикам. Решение это [как-то быстро] выспело в нем во время пути к майдану, но ни Григорию ни Христоне он не сказал о нем, смутно понимая, что они переживают что-то иное, и в глубине сознания

уже опасаясь их. Вместе втроем они [*смошенничали,*] отвергли предложение Валета, [*заняли какой-то шаткий нейтралитет,*] не пошли, ссылаясь на семьи, в то время, как каждый из них знал, что ссылки эти не убедительны, и что они не могут служить оправданием. Теперь они, каждый порознь, по своему чувствовали неловкость друг перед другом, словно совершили пакостное постыдное дело. Шли молча, [*и уже*] против моховского дома Иван Алексеевич, не [*выдержав*] **выдержавший** тошного молчания, казняя самого себя и других сказал:

— Нечево греха таить, с фронта пришли большевиками, а зараз в кусты лезем! Кто-бы за нас воевал||

<Л. 62 об.>

124.

а мы с бабами.

— Я-то воевал, пушай другие спробуют. — отворачиваясь проронил Григорий.

— Што-ж они... разбойничают, а мы стал-быть, должны к ним итить? Што это за красная гвардия, баб сильничают, чужое грабуют. Тут оглядеться надо. Слепой, стал-быть, всегда об углы бьется.

— А ты видал это, Христан? — ожесточенно спросил Иван Алексеевич.

— Люди гутарют.

— А, люди...

— Ну, будя! Нас тут ишо не слыхали.

Майдан пышно цвел казачьими лампасами, фуражками, изредка островком чернела лохматая папаха. Собрался весь хутор. Баб не было. Одни старики, да казаки фронтового возраста и помоложе. Впереди, опираясь на костыли, стояли самые старые почетные судьи, члены церковного совета, попечители школы, титор. Григорий повел глазами, разыскал отцову посеребреную с чернью бороду. Он стоял рядом с сватом Мироном Григорьевичем. Впереди их, в сером парадном мундире с регалиями, слег на шишкастый костыль дед Гришака. Рядом с сватами — румяный, как яблочко, Авдеич Брех, Матвей Кашулин, **Архип Богатырев** вырядившийся в казачью фуражку Атепин-цаца, дальше сплошным полукруглым частоколом знакомые лица: бородатый Егор Синилин, Яков Подкова, Андрей Кашулин, Николай Кошевой, длинновязый Борщев Аникушка, Мартин Шамиль, голенастый мельник Громов, Яков Коловейдин, Меркулов, Федот Бодовсков, Иван Томилин, Епифан Максаев, Захар Королев, [*зять*] сын Авдеича Бреха — Антип, курносый, мелкорослый казачишка. Брата Петра Григорий, переходя, увидел на противоположной стороне круга. Петро, в рубашке с оранжево-черными георгиевскими ленточками, зубоскалил с безруким Алешкой Шамилем. Влево от него зеленели глаза Митьки Коршунова. Тот прикуривал от цыгарки Прохора Зыкова. Прохор помогал, выкатывая телячьи глаза плямкал губами, — раздувал огонек. Сзади толпились молодые казаки, в середине круга у шаткого столика, всеми четырьмя ножками врезавшегося в податливую непросохшую землю, сидел председатель||

<Л. 63>

125.

хуторского ревкома Назар и рядом с ним, опираясь рукою о крышку стола, стоял незнакомый Григорию сотник, в защитной фуражке с кокардой, в куртке с погонами и узких галифе цвета хаки. Председатель ревкома что-то смущенно говорил ему, сотник слушал чуть нагнувшись, склонив к председательской бороде большое оттопыренное ухо. Майдан, как пчельник, [брунжал] наполнился тихим шумом. Казаки переговаривались, шутили, но лица всех были напряжены. Кто-то не выдержал ожидания, крикнул молодого:

— Начинайте, чево ждате? Все почти собрались!

Офицер непринужденно выпрямился снял фуражку и просто, как среди семьи заговорил:

— Господа-старички и вы, братья фронтовые казаки! Вы слышали, что произошло на хуторе Сетракове?

— Чей это? откедова? — забасил Христоня.

— Вешенский, с черной речки, Солдатов што-ли. — ответил кто-то.

— В [Сетракове] Сетраков, — продолжал сотник, — на днях пришел отряд Красной гвардии. Германцы заняли Украину и подвигаясь к Области Войска Донского отбросили их от железной дороги. Они и направились через Мигулинский юрт. Заняв хутор, начали грабить имущество казаков, насиловать казачек, производить незаконные аресты и т.д. Когда в окружающих хуторах стало известно о случившемся, казаки с оружием в руках напали на грабителей. Отряд был на половину уничтожен, на половину забрат в плен. Мигулинцам достались богатейшие трофеи. Мигулинская и Казанская станицы сбросили с себя иго большевицкой власти! Казаки от мала до велика поднялись на защиту Тихого Дона! В Вешенской ревком разогнан, избран станичный атаман, в большинстве хуторов тоже.

В этом месте сотниковой речи старички сдержанно загомонили, председатель ревкома заерзал на стуле ровно волк, ущемленный капканом.

— Повсюду сформированы отряды. Вам бы тоже надо сформировать из фронтовиков отряд, чтобы оградить станицу от нового нашествия диких разбойничьих полчищ. Мы [казаки] должны восстановить свое управление. Красной власти нам не надо, один разврат!

<Л. 63 об.>

126.

она несет, а не свободу. Ведь не позволим-же мы что-бы [подлые грабители и убийцы] мужики обещивали наших жени сестер, что-бы глумились они над нашей православной верой, надругивались над святыми храмами, грабили наше имущество и достояние, не так-ли, господа-старички?

Майдан крикнул от дружного «Вернаааа!» Сотник начал читать отпечатанное на шапирографе воззвание. Председатель улизнул из-за стола, позабыв какие-то бумаги. Толпа слушала, не проронив ни одного слова. Сзади вяло переговаривались [кое-кто из фронтовиков] фронтовики.

Григорий, как только офицер начал читать, вышел из толпы, направляясь домой, неспешно пошел к углу о. Виссариона дома. Мирон Григорьевич доглядел его уход, Пантелея Прокофьевича локтем в бок.

— Твой-то меньшей, гляди, пошел.

Пантелей Прокофьевич выхромал из курогота, просяще и повелительно окликнул:

— Григорий!

Тот повернулся боком, стал не оглядываясь.

— Вернись, сынок!

— Чево уходишь? Ворочайся! — загремели голоса и стена лиц повернулась к Григорию.

— Офицера заслужил тоже...

— Нос нечево воротить!

— Он сам в них был!

— Тоже казачей кровушки попился...

— Краснопуз!

Выкрики долетали до слуха Григория. Стиснув зубы он слушал, видимо борясь сам с собой, казалось — еще минута и пойдет без оглядки.

Пантелей Прокофьевич и Петро облегченно вздохнули когда Григорий качнулся, пошел на толпу не поднимая глаз.

Старики разошлись во всю. С диковинной быстротой был тут-же избран атаманом Мирон Григорьевич Коршунов. Серяя конопинами белесого лица он вышел на||

<Л. 64>

127.

средины, конфузливо принял из рук прежнего атамана символ власти — медногловую атаманскую насеку. До этого он ни разу не ходил в атаманах, когда выбирали его — ломался, отказывался ссылаясь на незаслуженность такой чести и на свою малограмотность, но старики секли его подмывающими криками.

— Бери насеку! Не супротивничай, Григорич!

— Ты у нас в хуторе первый хозяин!

— Не проживешь хуторское добро!

— Гляди, хуторские паи не пропей, как Семен!

— Но-но, этот пропъет!..

— С базу есть чево взять.

— Слупим, как с овечки!..

Так необычны были стремительные выборы и вся полубоевая обстановка, что Мирон Григорьевич согласился без особых упрашиваний. Выбирали не так, как прежде. Бывало приезжал станичный атаман, созывались десятидворные, кандидаты баллотировались, а тут так-таки, попростому, с плеча: «Кто за Коршунова прошу отойти вправо». Толпа вся хлынула вправо, лишь чеботарь Зиновий, имевший на Коршунова зуб, остался стоять на месте, один, как горелый пень в займище.

Не успел вспотевший Мирон Григорьевич глазом мигнуть — ему уж всучили в руки насеку, заревели издали и под самым ухом:

- Магарыч станови!
- Все шары накатили тебе.
- Обмывать надо!
- Качать атамана!..

Но сотник, прерывая крики, умело направил сход на деловое решение вопросов. Он по-||

<Л. 64 об.>

128.

ставил вопрос о выборе командира отряда и, наверное, наслышанный в Вешенской о Григорие, лстя ему польстил и хутору:

— Желательно-бы иметь командира офицера. С тем и дело в случае боя будет успешней, и урона меньше будет. А на вашем хуторе героев хоть отбавляй. Я не могу навязывать вам, станишники, свою волю, но со своей стороны порекомендую вам хорунжего Мелехова.

- Какова?
- Два их у нас!

Офицер, скользя по толпе глазами, остановился на видневшейся сзади угнутой голове Григория, улыбаясь крикнул:

Григория Мелехова! Как вы станичники?

- В добрый час!
- Покорнейше просим!
- Григорь Пантелевич! Ядрена, голень!
- Выходи серед круга! Выходи!
- Старики хочут поглядеть на тебя!

Подталкиваемый сзади, Григорий, багровея, вышел на средину круга, затравленно оглянулся.

— Веди наших сынов! — стукнул костью Матвей Кашулин и размашисто закрестился. — Веди и руководствуй ими, штоб они у тебя, как гуси у доброва гусака в шайке сохранялись. Как энтот караулит своих племяков и оберегает от хишнова зверя и человека, так и ты оберегай. Сумей ишо четыре креста заслужить, давай тебе бог!

- Пантелей Прокофич, сын у тебя!
- Голова у него золотая! Мозговит сукин кот!
- Чорт хромой, станови хучь четверть!
- Га-га-га-га!.. Об-мо-оем!..

— Господа старики! Тише! Может [так и сделаем, што] назначим [сколько переписей] [два] две али три [года] переписи безо всяких охотов? Охотники ни то пойдут, ни то нет...

- Три года!
- Пять!
- Охотников набирать!
- Сам ступай, какой тебя... держит.

К сотнику, о чем-то говорившему с новым атаманом, подошли четверо стариков с верхнего конца хутора.||

<Л. 65>

129.

Один из них — мелкий беззубый старичонка, по уличному прозвищу Сморчѣк, известный тем, что всю жизнь сутяжничал и так часто ездил в суд, что единственная белая кобыла, которая была у него в хозяйстве, настолько изучила туда дорогу, что стоило пьяному ее хозяину упасть [*в сани или*] в повозку и крикнуть свиристящим дискантом «в суд!»). — кобыла сама направлялась по дороге в станицу. — Сморчек стягивая шапченку подошел к сотнику, [*остановился, выжидая его внимания.*] Остальные старики, из них один крепкий хозяин, уважаемый всеми, Герасим Болдырев, остановились возле. Сморчек, помимо всех прочих достоинств обладавший краснбайством, первый затронул сотника:

— Ваше благородие!

— Что вам, господа-старики? — любезно изогнулся сотник, наставляя свое большое с мясистой мочкой ухо.

— Ваше благородие, вы значит не дуже наслышаны об нашем хуторном, коего вы определили нам в командиры. А мы вот, старики, обжалуем это ваше решение, и мы правомочные на это! Отвод ему даем!

— Какой отвод? В чем дело?

— А в том, што, как мы можем ему доверять, ежли он сам был в красной гвардии, служил у них командиром и только два месяца назад, как вернулся оттель по ранению.

Сотник порозовел. Уши его [*как-*] будто припухли от прилива крови.

— Да не может-быть! Я не слышал про это... Мне никто ничего не говорил на этот счет...

— Верно, был в большевиках. — сурово подтвердил Герасим Болдырев. — Не доверяем мы ему!

— Сменить ево! Казаки вон молодые, што гуторют? Он, гуторют, нас в первом-же бою предаст!

— Господа-старики! — крикнул сотник приподнимаясь на цыпочки. Он обращался к старикам, хитро минуя фронтовиков. — Господа-старики! В отрядные мы выбрали хорунжего Григория Мелехова, но не встречается-ли к этому препятствий? Мне заявили сейчас, что он зимою сам был в красной гвардии. Можете-ли вы ему доверить своих сынов и внуков? И вы, братья-фронтовики, со спокойным-ли сердцем пойдете за таким отрядным?

Казаки ошалело молчали. Крик вырос сразу, из отдельных восклицаний и возгласов нельзя было понять ни одного слова. Потом уже, когда поорав умолкли, на средину круга вышел клочкобровый старик Богатырев, снял перед сбором шапку, огляделся.||

<Л. 65 об.>

130.

— Я так думаю своим глупым разумом, што Григорию Пантелевичу не дадим мы эту должность Был за ним такой грех, слышали мы все про это. Пущай он наперед заслужит веру, покроет свою вину, а послая видать будем. Вояка из него добрый, знаем, но ить за мгой и солнышка не видно, не видим мы ево заслуг, глаза нам застить ево служба в большевиках...

— Рядовым ево! — запальчиво кинул молодой Андрей Кашулин.

— Петра Мелехова командиром!

— Нехай Гришка в табуне походит!

— Выбрали-б на свою голову!

— Да я и не нуждаюсь! На кой чорт вы мне сдались! — кричал сзади Григорий, краснея от напряжения. Взмахнув рукой повторил: — Я и сам не возьмусь! На чорта вы мне понадобились! — сунул руки в глубокие карманы шаровар, ссутулясь, журавлиным шагом потянул домой. А вслед ему:

— Но-но! Не дюже!..

— Поганка вонючая! Руль свой горбатый задрал!

— Ого-го!

— Вот как турецкие кровя им распоряжаются!

— Не смолчить, небось! Офицерам на позициях не молчал, а то, штоб тут...

— Вернись!..

— Га-га-га-га!..

— Узы ево! Га! Тю! Улю-лю-лю-лю!..

— Да чево вы зад перед ним заносите! Своим судом ево!.

Поуспокоились не сразу. Кто-то кого-то в пылу споров толкнул, у кого-то кровь из носа вышибли, кто-то из молодых неожиданно разбогател шишкой под глазом. После всеобщего замиренья приступили к выборам отрядного. Провели Петра Мелехова и он аж поалел от гордости. Но тут-то и напоролся сотник, как ретивый конь на черезчур высокий барьер, на непредвиденное препятствие: дошла очередь записываться в охотники, а охотников-то и не оказалось. Фронтвики, сдержанно относившиеся ко всему происходившему, мялись, не хотели записываться, отшучивались:

— Ты чево-ж, Аникей не пишешься?

И Аникушка бормотал:

— Молодой я ишо... Вусов вон нету...

— Ты шутки не шути! Ты што на смех нас подымаешь? — вопил у него под ухом старик Кашулин. Аникей отмахивался словно от комариного брунжання: — Свово Андриюшку поди, запиши.

— Записал.

— Прохор Зыков! — выкрикивали у стола.

— Я!

— Записывать?

— Не знаю.||

<Л. 66>

131.

— Записали!

Митька Коршунов с серьезным лицом подошел к столу, отрывисто приказал:

— Пиши меня.

— Ну, ишо кто поймеет охоту? Бодовсков Федот, ты?

— Грызь у меня, господа-старики?.. — невнятно шептал Федот, скромно потупив роскошие, калмыцкие глаза.

Фронтвики открыто гоготали, брались за бока, щедрые на шутку отмачивали:

— Бабу свою возьми, на случай вылезет грызь, — вправит.

— Ахха-ха-ха! — Покатывались сзади, кашляя блестя зубами и масляными от смеха глазами. А с другого конца синичкой перелетала новая шутка:

— Мы тебя в кашевары! Сделаешь борщ поганый, — до тех пор будем в тебя лить, покуда с другога конца грызь вылезет!

— Резко не побегешь, самое с такими отступить!

Старики негодовали, ругались:

— Будя! Будя! Аш, какая им веселость!

— Нашли время дурь вылаживать!

— Совестно, ребята! — резонил один. — А бог? То-то, бог, он не спустит.

Там помирают люди, а вы... а бог?

— Томилин Иван! — поворачиваясь огляделся сотник.

— Я артиллерист. — отозвался Томилин.

— Записываешься? Нам и артиллеристы нужны.

— Пиши.

Захар Королев, Аникушка, с ним еще несколько человек подняли батареяца на смех.

— Мы тебе из вербы пушку выдолбим!

— Тыклами будешь заряжать, картошка замест картечи!

С шутками и смехом записалось шестьдесят казаков. Последним объявился Христоня. Он подошел к столу, сказал с расстановочкой.

— Намулуй, стал-быть, меня. Только наперед говорю, што драться не буду.

— Зачем-же тогда записываться? — раздраженно спросил сотник.

— Погляжу, господин-офицер. Поглядеть хочу.

— Пишите его. — пожал плечами сотник.

— С майдана расходились чуть не в полдень. Решено было на другой-же день отправляться на поддержку Мигулинцев.

На утро на площади из 60 добровольцев собралось только около сорока. Петро, шеголевато одетый в шинель и высокие сапоги, оглядел казаков. На многих синели заново нашитые погоны с номерами прежних полков, иные красовались без погон. Седла пухли походными вьюками, в тороках и сумах||

<Л. 66 об.>

132.

харчи, бельишко, запасеные с фронта патроны. Винтовки были не у всех, холодное оружие у большинства.

На площади собрались провожать служивых бабы, девки, детишки, [*изрядно было*] [*стариков*] **старики**. Петро, гарцуя на своем отстоявшемся коне, построил свою полусотню, оглядел разномастных лошадей, всадников, одетых то в шинели, то в мундиры, то в брезентовые дождевые плащи, скомандовал трогаться. Отряд их шагом поднялся на гору, казаки хмуро оглядывались на хутор, в заднем ряду кто-то выстрелил. На бугре Петро надел перчатки, расправил пшеничные усы и поворачивая коня так, что он часто переступая, пошел боком крикнул улыбаясь, придерживая левой рукой фуражку:

— Со-о-отня, слушай мою команду, рысью марш!

Казаки стоя на стременах, махнули плетями, зарысили. Ветер бил в лицо, **трепал конские хвосты и гривы** сулил дождик. Начались разговоры, шутки. Под Христоней споткнулся вороной трехвершковый конь. Хозяин огрел его плетьюганом, выругался, конь сколесив шею перебил на намёт, вышел из ряда.

Веселое настроение не покидало казаков до самой станицы Каргинской. Шли с полным убеждением, что никакой войны не будет, что Мигулинское дело — случайный налет большевиков на казачью территорию.

24.

В Каргинскую приехали перед вечером. В станице уже не было фронтовиков, ушли на Мигулинскую. Петро, спешив свой отряд на площади возле магазина купца Левочкина, пошел к станичному атаману на квартиру. Его встретил рослый, [*плотный, как сбитень*] **могучего сложения** смуглолицый офицер. [*горбоносый с небольшими никлыми усами*] Одет он был в казачьи шаровары с лампасами, вобратые в белые шерстяные чулки [*длинная*] **длинную** [*просторная*] **просторную** рубаху без погон [*подпоясанной*] **перепоясывал** [*кавказским*] **кавказский** [*ремешком*] **ремешок**. В угле [*его*] тонких губ висела трубка. Коричневые с искрой глаза глядели вывихнуто-исподлобно. Он стоял на крыльце покуривая глядя на подходившего Петра. Вся массивная фигура его, выпуклые **чугунно-крепкие** валы мышц под рубашкой на груди и руках изобличали в нем присутствие недюжинной силы.

— Вы станичный атаман?

Офицер [*выпустил клуб*] **выдохнул из-под никлых усов ворох** дыма, пробаритонил с достоинством:

— Да, я станичный атаман. С кем имею честь? Петро назвалса. Пожимая его руку атаман чуть наклонил голову:

— Лиховидов Федор Дмитриевич.

Федор Лиховидов — казак хутора Гусыно-Лиховидовского, — был человеком далеко не заурядным:||

<Л. 67>

133.

он учился в юнкерском, по окончании его [*куда-то*] надолго исчез[.]. [ч]Через несколько лет внезапно появился в хуторе, с разрешения высших властей начал вербовать добровольцев из отслуживших действительную казаков. В районе те-

перешней Каргинской станицы набрал сотню отчаянных сорвиголов, увел за собою в Персию. Со своим отрядом пробыл там год, составляя личную охрану шаха. В дни Персидской революции, спасаясь с шахом, бежал, растерял отряд, и так-же внезапно [нежданым] появился в Каргине, привел с собой часть казаков, трех чистокровных арабских с конюшни шаха скакунов¹, привез богатую добычу: дорогие ковры, редчайшие украшения, шелка самых пышных цветов. Он прогулял месяц, вытряс из карманов шаровар немало золотых персидских монет, скакал по хуторам на снежно-белом, красивейшем тонконогом коне по лебединому носившем голову, въезжал на нем по порожкам магазина Левочкина, покупал что-нибудь, расплачивался, не слезая с седла, и выезжал в сквозную дверь. [Компанионом по торговле у Ивана Сергеевича Левочкина был Лиховидов Иван Викторович казак хутора Нижне-Яблоновского, доводившийся Федору Лиховидову каким-то родственником. У него часто бывал шалый офицер, часто видели его в Каргине на белом тонкошерстом скакуне, по лебединому носившем голову.] Исчез Федор Лиховидов так-же неожиданно, как и приехал. Вместе с ним скрылся его неразлучный спутник-вестовой, гусыновский казак, плясун, Пантелюшка, исчезли и лошади и все, что вывезено было из Персии.

Полгода спустя объявился Лиховидов в Албании. Оттуда, из Дураццо приходили в Каргин на имя знакомых его почтовые карточки с голубыми нагорными видами Албании, со странными штемпелями. Потом переехал он в Италию, изъездил Балканы, был в Румынии, в Западной Европе, перенесло его чуть-ли не в Испанию. Дымкой таинственности покрывалось имя Федора Дмитриевича. Самые различные толки и предположения ходили о нем по хуторам. Знали лишь одно, что был он близок к монархическим кругам, водил знакомство в Питере с большими сановниками, был в Союзе Русского народа на видном счету, но о том, какие миссии выполнял он за границей — никто ничего не знал.

Уже вернувшись из-за||

<Л. 67 об.>

134.

границы, Федор Лиховидов укоренился в Пензе, при тамошнем генерал-губернаторе. В Каргине знакомые видели [у его родственника Лиховидова] фотографию, и после долго покачивали головами, растерянно [и восторженно переговаривались] чмокали языками «Ну, и ну...» « В гору лезет Федор Дмитрич». «С какими людьми дело водит, а?» А на фотографии Федор Дмитриевич, с улыбкой на своем горбоносом смуглом лице серба, под ручку поддерживает губернаторшу, усаживающуюся в лондо[.]. [с]Сам губернатор ему ласково, как родному, улыбается, широкоспинный кучер в вытянутых руках еле удерживает вожжи, лошади вот-вот готовы рвануть и нести закусив удила. Одна рука Федора Дмитриевича галантно тянется к косматой папахе, другая, как чашу, держит губернаторшин локоток.

После нескольких лет исчезновения, уже в конце [17] 1917го года, всплыл Федор Лиховидов в Каргине, обосновался там, как будто-бы надолго. Привез с собой жену, ни то украинку, ни то польку, ребенка, поселился на площади в небольшом о

¹ ППС: «скакунов с конюшни шаха».

четырех комнатах домике, зиму прожил, выращивая какие-то неведомые планы [*в своей непроглядно-темной душе*] Всю зиму, а зима была крепка не по донскому, стояли у него настежь открытыми, одинарные окна; закалял себя и семью, вызывая изумление у казаков. [*истуганно косившихся на открытые окна*] Весной [*восемнадцатого*] 1918го года, после дела под Сетраковым его прокатили в атаманы. Вот тут-то и развернулись во всю ширь необъятные способности Федора Лиховидова. В столь жесткие руки попала станица, что неделю спустя даже старики головами покачивали. Так вышколол он казаков, что на станичном сходе после речи его (говорил Лиховидов ладно, не только [*волей*] силой, но и умом не обнесла его природа), режут старики, как табун сплошь из бугаев: [*Только и послушишь*] «В добрый час, ваше благородие!» Покорнейше просим! «Верна!»

Круто атаманил новый атаман, едва лишь прослыхали в Каргинской о бое под Сетраковым, как на другой-же день туда полностью направились все фронтовики станицы. Иногородние, в поселении станицы составлявшие треть жителей, вначале не хотели было итти, солдаты — ярые большевики за-||

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАННИЙ ВАРИАНТ НАЧАЛА РОМАНА	13
<i>Черновой автограф. Фрагмент (подготовка текста Е.А. Тюриной)</i>	14
КНИГА ПЕРВАЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	25
<i>Черновой автограф (подготовка текста О.Я. Алексеевой)</i>	27
<i>Черновой автограф. Фрагмент (подготовка текста О.Я. Алексеевой)</i>	115
<i>Беловой автограф (подготовка текста О.В. Быстровой и Г.А. Грихановой)</i>	133
КНИГА ПЕРВАЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ	211
<i>Черновой автограф (подготовка текста Г.А. Грихановой)</i>	213
<i>Авторизованный список и беловой автограф (подготовка текста Г.А. Грихановой)</i>	318
КНИГА ПЕРВАЯ. ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	411
<i>Черновой автограф (подготовка текста О.В. Быстровой)</i>	413
<i>Черновой автограф. Фрагмент (подготовка текста О.В. Быстровой)</i>	540
<i>Беловой автограф и авторизованный список. Фрагмент (подготовка текста О.В. Быстровой)</i>	552
<i>Беловой автограф. Фрагмент (подготовка текста О.В. Быстровой)</i>	571
КНИГА ВТОРАЯ. ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	573
<i>Черновой автограф (подготовка текста Н.П. Великановой и Е.А. Тюриной)</i>	575
<i>Авторизованный список и беловой автограф. Фрагмент (подготовка текста Н.П. Великановой)</i>	724
КНИГА ВТОРАЯ. ЧАСТЬ ПЯТАЯ	757
<i>Авторизованный список. Фрагмент (подготовка текста И.П. Казаковой)</i>	758

*Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН*

Научное издание

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

«ТИХИЙ ДОН»

ДИНАМИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ РУКОПИСИ

ISBN 978-5-9208-0393-1

Технический редактор В.Н. Костылев

Подписано в печать 15.08.2011. Формат 70х100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Физ. печ. л. 55. Усл. п. л. 71; иллюстр. Тираж 800 экз.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел: (495) 690-05-61; 691-23-01.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685
Заказ № 7203.